Право И Государство Пресс

E-mail: prigos@mail.ru

www.prigospress.ucoz.ru

ISSN 1815-1329

АГРАРНОЕ И ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

2026

№ 4

- *Блинов Р.Н.* Продажа муниципальными органами земельных участков, сформированных из числа невостребованных земельных долей: пробелы и неясности закона
- *Бородушко И.В.* Разделение полномочий в управлении и правовом регулировании креативных индустрий
- *Елисеев В.С.* Микробиологии растений: вопросы нормирования
- *Воронина И.А., Кирпичникова А.В.* Свобода слова и цифровая реальность: конституционно-правовые аспекты и современны вызовы
- *Устинова А.Н.* Правовое обеспечение экологического благополучия на муниципальном уровне в целях формирования экологического суверенитета
- *Юсипова И.В*. Проблемные вопросы законодательства, регулирующего привлечение к юридической ответственности за земельные правонарушения
- Другие материалы

ISSN 1815-1329

АГРАРНОЕ И ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО
2026. № 4
Федеральный научный юридический ежемесячный журнал

AGRARIAN AND LAND LAW
2026. № 4
Federal scientific juridical monthly journal

Учредитель: *А.И. Бобылев*

Издатель:
Издательство «Право и государство пресс»

Главный редактор: *Н.А. Духно – доктор юридических наук, профессор (Москва)*

Ответственный редактор: *С.В. Зубкова (Москва)*

Редакционный совет:
А.П. Анисимов – д.ю.н., профессор (Ростов-на-Дону),
Е.М. Ашмарина – д.ю.н., профессор (Москва),
Б.Б. Бидова - д.ю.н., доцент (Нальчик),
С.А. Боголюбов – д.ю.н., профессор (Москва),
О.В. Болтинова - д.ю.н., профессор (Москва),
В.А. Власов – к.ю.н., доцент (Красноярск),
Г.А. Волков – д.ю.н., доцент (Москва),
Н.А. Волкова – к.ю.н., профессор (Москва),
Б.А. Воронин – д.ю.н., профессор (Екатеринбург),
К.А. Долгополов - д.с.н., доцент (Ставрополь)
Н.А. Духно – д.ю.н., профессор (Москва),
Д.Н. Ермаков – д.п.н., д.э.н., профессор (Москва),
Н.Г. Жаворонкова – д.ю.н., профессор (Москва),
В.Н. Жуков – д.ю.н., д.ф.н., профессор (Москва),
А.И. Землин – д.ю.н., профессор (Москва),
Н.М. Золотухина - д.ю.н., профессор (Москва),
В.И. Ивакин - к.ю.н., доцент (Москва),
П.А. Калиниченко - д.ю.н., профессор (Москва),
В.В. Комарова - д.ю.н., профессор (Москва),
М.А. Лапина - д.ю.н., профессор (Москва),
В.Е. Лукьяненко – д.ю.н., профессор (Ульяновск),
А.В. Малько - д.ю.н., профессор (Саратов),
Г.А. Мисник – д.ю.н., доцент (Москва),
Т.А. Полякова - д.ю.н., профессор (Москва),
Г.А. Прокопович – д.ю.н., доцент (Москва),
В.М. Редкоус – д.ю.н., профессор (Москва),
Д.Х. Сайдумов - д.ю.н., доцент (Москва),
Н.А. Соколова - д.ю.н., профессор (Москва),
В.В. Устюкова – д.ю.н., профессор (Москва),
Г.Г. Файзуллин – к.ю.н., доцент (Уфа)
Е.А. Фролова – д.ю.н., профессор (Москва)
О.А. Шевченко – д.ю.н., доцент (Москва)

Constitutor: *A.I. Bobylev*

Publisher:
Publishing house «Law and state press»

Chief editor: *N.A. Dukhno – Doctor of Law, Professor (Moscow)*

The editor-in-chief: *S.V. Zubkova (Moscow)*

Editorial council:
A.P. Anisimov – Doctor of Law, Professor (Rostov-na-Donu),
E.M. Ashmarina – Doctor of Law, Professor (Moscow),
B.B. Bidova – Doctor of Law, Associate Professor (Nalchik),
S.A. Bogolyubov – Doctor of Law, Professor (Moscow),
O.V. Boltinova - Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.A.Vlasov - Candidate of Law Associate Professor (Krasnoyarsk)
G.A. Volkov – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
N.A. Volkova – Candidate of Law, Professor (Moscow),
B.A. Voronin – Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg),
K.A. Dolgopolov - Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor (Stavropol),
N.A. Dukhno – Doctor of Law, Professor (Moscow),
D.N. Ermakov - Doctor of Political Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow),
N.G. Zhavoronkova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.N. Zhukov – Doctor of Law, Professor (Moscow),
A.I. Zemlin – Doctor of Law, Professor (Moscow),
N.M. Zolotukhina - Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.I. Ivakin - Candidate of Law Associate Professor (Moscow)
P.A. Kalinichenko -Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.V. Komarova - Doctor of Law, Professor (Moscow),
M.A. Lapina - Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.E. Lukyanenko – Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk),
A.V. Malko - Doctor of Law, Professor (Saratov),
G.A. Misnik – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
T.A. Polyakova - Doctor of Law, Professor (Moscow),
G.A.Prokopovich –Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
V.M. Redkous - Doctor of Law, Professor (Moscow),
D.Kh. Saydumov - Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
N.A. Sokolova - Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.V. Ustyukova- Doctor of Law, Professor (Moscow),
G.G. Fayzullin – Candidate of Law, Associate Professor (Ufa)
E.A. Frolova – Doctor of Law, Professor (Moscow)
O.A. Shevchenko – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)

Зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № 77-17837 от 22 марта 2004 г.

Адрес редакции и издателя:
141075, Россия, Московская область, г. Королев, Дворцовый проезд, д. 4, кв. 230
E-mail: prigos@mail.ru; www.prigospress.ucoz.ru.
Тел./факс: 8-498-602-92-34; 8-926-653-70-20

Журнал включён Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобразования и науки РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.
Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), CrossRef (DOI).

Награждён Знаком отличия «Золотой фонд прессы – 2008»

При подписке данные о журнале можно найти в Каталоге «Периодических изданий. Газеты и журналы».
Подписка 2026. Первое полугодие. Наш индекс 11194.

За достоверность и точность данных, приведённых в статье, ответственность несут авторы статей и других материалов.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Издательство «Право и государство пресс», 2026 (16+)

СОДЕРЖАНИЕ 2026 № 4

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Жармухамбетова С.С.
Первые правозащитные организации в СССР (правовой парадокс)……8

Матушевская Е.Г., Ермаков Д.Н.
Нормативно- правовые аспекты взаимодействия Бюро
по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи
в государстве Маньчжоу-го с японскими властями в 1934-1945 годы……...13

Щербакова Н.В., Кулида О.А.
Юридическая амбивалентность и правовая адаптация: межэтническая
и межконфессиональная медиация как инструмент стабилизации на новых
территориях Российской Федерации в период Специальной военной операции.18

Доценко Н.А., Латтеган К.О., Леонов А.А., Лисицкая С.А., Николаева А.А., Омарова Э.А., Петриченков А.А., Стрельцов А.И., Цай Э.А., Шакиров А.М.
Современные теоретические и практические проблемы юриспруденции:
обзор материалов молодежной секции Международной научно-практической
конференции «III Рассоловские чтения» (15 октября 2025 г., Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России))……24

Назарова М.Г.
Система наказаний и морально-правовая дилемма
в романе Ф.М. Достоевского «преступление и наказание»……28

Галда М.В.
Обеспечение национальной безопасности: понятие и основные принципы…….31

Айриян Т.Г., Демидов А.Н., Ермолаев А.И., Панченко В.Ю., Приймак А.С., Прохорова М.С., Старкова С.А., Улезко А.Ф., Удотов Д.Г.
Цифровая трансформация публично-правовой сферы и проблемы правового
регулирования: обзор материалов молодежной секции Международной научно-
практической конференции «III Рассоловские чтения» (15 октября 2025 г.,
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России))..37

Симачкова Н.Н., Чупина И.П., Зарубина Е.В., Фатеева Н.Б., Фетисова А.В.
К проблеме организации сибирской администрации
в начальный период становления……...41

Алекминская Г.М.
Обязательство подчиняться закону как проблема нормативности права……..45

Сангулия А.Д.
Юридическая догматика М.Н. Капустина: институциональный подход……...49

Бибина Н.М., Кириллов А.О., Копылов А.Г., Корольков И.П., Круглов Г.В., Лавшук М.А., Лазарев Я.А., Ледовский Д.Д., Лыков А.Ю., Омаров Р.А., Панченко В.Ю., Удотова К.Г.
Современные проблемы правоохранительной деятельности:
обзор материалов молодежной секции Международной научно-практической
конференции «III Рассоловские чтения» (15 октября 2025 г., Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России))……51

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Елисеев В.С.
Микробиологии растений: вопросы нормирования……55

Чупина И.П., Симачкова Н.Н., Зарубина Е.В., Егоров С.Г., Фатеева Н.Б.
Приоритеты развития малого бизнеса в сельском хозяйстве
(на примере Свердловской области)……..59

Ибрагимов К.Х., Умарова М.А., Кудаев Р.Х.
Отдельные вопросы правового регулирования
сертификации почв земель сельскохозяйственного назначения:
на примере опыта некоторых развитых стран……..64

Крючкова В.А.
Особенности дисциплинарной ответственности
сотрудников органов внутренних дел……...68

Гончаров В.В., Малиновский О.Н., Петренко Е.Г., Чешин А.В.
Конституционно-правовые основы общественного контроля
в Латинской Америке на примере Боливарианской Республики Венесуэла
и Республики Колумбия: сравнительно-правовой анализ……...72

Бородушко И.В.
Разделение полномочий в управлении
и правовом регулировании креативных индустрий……79

Янковская Е.С.
Искусственный интеллект в креативной экономике:
теоретико-правовой аспект……83

Чимаров Н.С.
Конституционно-правовые особенности
организации института импичмента главы государства в практике США……...87

Галда М.В.
Некоторые правовые аспекты безопасности
в чрезвычайных ситуациях в Луганской Народной Республике……93

Шеншин В.М., Разнадежина Н.В.
Трансформация нормативно-правовой регламентации
институтов гражданского общества в современной России:
от абстрактной свободы к функциональному балансу……97

Добров А.Н., Давыдов А.В.
Правовое положение казачьих обществ при реализации правоохранительной
деятельности на примере краснодарского края и челябинской области……...101

Царькова Е.Г.
Правовое регулирование процессов внедрения систем
предиктивной аудиоаналитики для обеспечения безопасности
в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации……...105

Халитов О.Ф., Пестов Р.А., Капитанова Н.В.
Административный надзор и профилактическая деятельность
участковых уполномоченных полиции: проблемы правового регулирования……110

Пьянусов А.В.
Конституционные основы обеспечения экологической безопасности……..113

Назарова И.С.
Нормативные основы защиты суверенитета Российской Федерации
военнослужащими войск национальной гвардии Российской Федерации……...117

Зеленова Д.А., Комиссарова С.А.
Экологическая культура и экологическое воспитание……...122

Блинов Р.Н.
Продажа муниципальными органами земельных участков, сформированных
из числа невостребованных земельных долей: пробелы и неясности закона…..…125

Бывальцева С.Г.
Векторы совершенствования координационной деятельности прокуратуры
по борьбе с преступностью в современных условиях……..130

Воронина И.А., Кирпичникова А.В.
Свобода слова и цифровая реальность:
конституционно-правовые аспекты и современные вызовы……..…133

Кошев А.И.
Роль экологического зонирования
в системе территориального развития России: правовой аспект……....135

Дойников П.И.
О грибах, как объектах природопользования……...138

Устинова А.Н.
Правовое обеспечение экологического благополучия на муниципальном уровне
в целях формирования экологического суверенитета……..……...142

Трофимов Г.М.
Правовые аспекты реализации конституционного права
на образование в условиях цифровой трансформации общества……..146

Шеншин В.М., Гречка С.С.
Налогообложение доходов дистанционных работников
и «цифровых кочевников» (релокантов) в международном праве……151

Зарубина Е.В., Симачкова Н.Н., Стахеева Л.М., Чупина И.П., Петрова Л.Н.
Тренды использования ИИ-технологий в животноводстве зарубежных стран……157

Гарькавенко Л.В.
Обеспечение общественного порядка и общественной безопасности
органами внутренних дел на территории новых субъектов РФ……162

Гостюжева И.А., Нахратов В.В.
Вопросы систематизации земельного законодательства
Союзного государства России и Белоруссии……...166

Смирнов С.В.
Конфликт интересов
в системе государственной службы современной России……..…169

Шацкая В.А.
Вопросы соотношения и взаимозаменяемости документов
градостроительного планирования федеральной территории «Сириус»……..174

Александрова Н.Н.
Проблемы правового регулирования учета водных объектов: юридические гарантии
достижения достоверности и актуальности публичных данных……...178

Даньшина А.Е., Зарецкая Э.В.
К вопросу реализации приказного производства в арбитражном процессе…….184

Будник Ю.И.
Искусственный интеллект в международном и сравнительном праве……188

Гончаров В.В., Малиновский О.Н., Петренко Е.Г., Чешин А.В.
Конституционно-правовые основы общественного контроля
в Латинской Америке на примере Восточной Республики Уругвай
и Республики Парагвай: сравнительно-правовой анализ……...191

Юсипова И.В.
Проблемные вопросы законодательства, регулирующего привлечение
к юридической ответственности за земельные правонарушения……..197

Наумов О.Д., Айснер Л.Ю., Лисина Л.Г.
Социально-экономическая дифференциация сельских территорий
Красноярского края: оценка, тренды и перспективы (2023–2025 гг.)……...200

Пьянусов А.В.
Отражение экологических преступлений в законодательстве
Российской Федерации: вопросы обеспечения экологической безопасности…203

Халитов О.Ф., Пестов Р.А., Протасова А.И.
Искусственный интеллект как фактор трансформации
организационно-правовых механизмов деятельности органов внутренних дел.206

Гончаров В.В., Малиновский О.Н., Петренко Е.Г., Чешин А.В.
Конституционно-правовые основы общественного контроля
в Латинской Америке на примере Аргентинской Республики и
Многонационального Государства Боливия: сравнительно-правовой анализ…209

Назарова И.С.
Исторические основы правового закрепления патриотизма
в Российской Федерации……...215

Каллагов Т.Э.
Порядок введения военного положения в России……220

Климова Ю.Н.
Цифровизация антикоррупционного контроля
и предотвращения коррупционных рисков организации……..224

Гончаров В.В., Малиновский О.Н., Петренко Е.Г., Чешин А.В.
Институт общественного контроля в странах Латинской Америки
как правовая гарантия конституционного принципа народовластия……...228

Бархатов Е.Д.
Методологические особенности исследования репродуктивных прав мужчин.234

Волковская Л.Н.
Конституционно-правовые основы разграничения градостроительной
компетенции в системе публичной власти Российской Федерации…….237

Мусихина Е.М.
Цифровизация государственного управления земельными ресурсами……...241

Полуянова Е.В.
К вопросу о задачах государственных органов в рамках деятельности
по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации……..244

Тугушев А.М.
Правовые проблемы доступа
и использования генетических ресурсов государств…….249

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Ясносокирский Ю.А., Рязанцева Е.А.
Гражданско-правовые отношения, осложненные иностранным элементом
в новых геополитических реалиях:
конспептуальные аспекты макрорегионального коллизионного права……...251

Глотова Н.И., Голикова О.А., Глотов И.И.
Правовое регулирование подарков в Телеграм: проблемы и перспективы…….256

Баринов А.В., Шаназарова Е.В.
Трансформация судебного извещения участников гражданского процесса
в условиях развития информационных технологий……...259

Осипов Д.Д.
Страхование профессиональной ответственности частного детектива
как частноправовой механизм защиты интересов клиента и третьих лиц……..264

Потехина К.А., Ананьева Е.О.
Экспортная деятельность
как ключевое направление внешнеэкономической деятельности……268

Веревкина С.В., Беляева К.А.
Индексация алиментов: коллизии регулирования,
роль МРОТ и инфляционных индикаторов……272

Цыганков А.Ю., Петров А.А.
Правовая защита авторских прав в торговом праве стран Европейского Союза…276

Габараева Н.В.
Брачные договоры в России: эволюция, практики и новые тенденции……...281

Беляткина К.А.
Соглашения о сотрудничестве
между государством и бизнесом в сфере благоустройства……...284

Коротич А.В.
Пользовательский контент в виртуальных пространствах:
правовая природа, оборот и ответственность оператора платформы……..288

Кошман Н.А.
Модели правового регулирования обязательной медиации в семейных спорах:
опыт стран Европы и перспективы для Российской Федерации…….292

Гречанов В.Н.
Разграничение ответственности продавца и изготовителя
при множестве посредников (маркетплейсы, агрегаторы услуг):
проблемы деликтной и договорной ответственности……296

Колесникова М.М.
Актуальные проблемы
определения подсудности дел о защите прав потребителей…….299

Малышева У.С., Саркисян В.Г.
Особенности определения применимого права
при разрешении арбитражными судами споров с иностранным участием…….302

Надтачаев П.В., Мельник С.В.
Проблемы системной интеграции электронного правосудия
в уголовном и гражданском судопроизводстве России……..305

Рябова О.А., Ананьев О.Г.
Предпринимательская деятельность в уголовно-исполнительной системе России:
перспективы развития……308

Кадимова М.Ш., Султанов М.О.
Роль крестьянского (фермерского) хозяйства
в социально-экономическом развитии Республики Дагестан……312

Кивленок Т.В.
Смарт-контракт в предпринимательской сфере……..315

Ляпанов А.В., Чистяков М.С.
К вопросу о признании сделки недействительной……...318

Потехина К.А., Молчановский П.А.
Исторические аспекты становления и развития экспорта в России……..322

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Тищенко Ю.Ю.
О практическом значении
классификации осужденных по степени их исправления……...325

Меретуков Г.М., Борисенко Н.С., Заикина А.А.
Особенности структуры частной криминалистической методики расследования..328

Манохин В.С.
Доктринальные и нормативные подходы
к определению достоверности и допустимости доказательств……..331

Цаплин И.С.
Становление института наказания в уголовном праве России……..334

Магомедалиев М.М., Арутюнян В.Н., Хабаров Д.В.
К вопросу зарубежного опыта организации производства
предварительного расследования следственной группой……..337

Маркина А.А., Шумов П.В.
Ювенальная юстиция в России: криминологическое обоснование необходимости
специализированного судопроизводства по делам несовершеннолетних……341

Ананьева Ж.Н., Ананьев О.Г.
Специфика психологического консультирования бывших осужденных,
являющихся родителями по вопросам развития, воспитания и обучения детей….344

Борисенко Н.С., Влезько Д.А.
Способы совершения и сокрытия вымогательства
как форма противодействия в различных следственных ситуациях……348

Бородин А.Е., Тюрина А.А.
Теоретико-правовой анализ профессионального правосознания:
на примере правосознания сотрудников
уголовно-исполнительной системы Российской Федерации……..351

Новиков Е.Е., Горбань Д.В.
Правовое регулирование привлечения к труду и получения образования
как основных средств исправления осужденных к лишению свободы в Китае…...355

Никифоренко Ю.Л., Агафонов С.Ю., Грачева О.А.
Криминалистическая характеристика преступлений экономической и
коррупционной направленности, совершаемых при реализации государственной
поддержки из федерального бюджета в рамках национальных проектов……....361

Иванов П.И.
Экономическое и психологическое сопровождение
оперативно-розыскной деятельности подразделений ЭБиПК ОВД РФ……368

Гусев А.С., Казак И.Б.
Мотивация служебной деятельности
сотрудников уголовно-исполнительной системы……...373

Кобрисев Е.А., Шумов П.В.
Проблема допустимости электронных доказательств
в уголовном судопроизводстве по делам о киберпреступлениях……..377

Михайлов А.Е., Ткачук Т.А., Зыков Д.А.
К вопросу о причинах колебания динамического ряда преступности
в России в 2007-2025 годах……381

Афонина А.М., Смирнова Ю.А.
Понятие и значение допустимости доказательств……386

Моисеев Н.Д., Гусев А.С.
Организация воспитательной работы с осуждёнными,
утратившими социально-полезные связи……389

Самойлова А.А., Тищенко Ю.Ю.
Некоторые вопросы досрочного освобождения осужденных от отбывания наказания...393

Бородин А.Е., Жданов Е.И.
Проблемы нормативно-правового регулирования
и внедрения современных инженерно-технических средств охраны
в учреждениях уголовно-исполнительной системы……396

Елисов П.П., Абдуразаков А.А.
Типы правосознания осужденных, отбывающих наказание
в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации:
теоретико-правовой анализ……...399

Власова С.В., Власов Д.А.
Отмена оправдательных приговоров, вынесенных с участием коллегии присяжных заседателей: типология процессуальных нарушений……403

Царькова Е.Г.
Аспекты правового регулирования применения искусственного интеллекта для прогнозирования поведения осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации……407

Евстратова Ю.А., Петров В.В.
Ложные идеальные следы в криминалистике: понятие, классификация и значение для расследования преступлений……..411

Чернова Э.Р.
Место презумпций и максим в Российской правовой системе……415

Бажанов С.А.
Уголовно-исполнительная политика государства: вопросы системности, профилактики и обеспечения законности……419

Иванов П.И.
Экономическая безопасность и ее осуществление в сфере обеспечения товарами, работами и услугами государственных и муниципальных нужд…...422

Руденко М.Б.
Социальная инженерия как оружие массового поражения: как положения Федерального закона Российской Федерации от 01.04.2025 ФЗ-41 препятствуют ведению психологической войны против граждан России……..425

Манохин В.С.
Понятие достоверности доказательств и её значение в процессе доказывания……429

Маликова Н.В.
Перспективы преодоления проблем, связанных с возмещением процессуальных издержек в уголовном процессе……...432

Соколова Т.С., Бумба В.В., Лещенко Е.А.
Некоторые вопросы взаимодействия при расследовании преступлений……435

Игнатова З.Р.
О пределах необходимой обороны в уголовном законодательстве……438

Харченко О.В.
Противодействие наркопреступности: криминологический анализ состояния и современных тенденций……..440

Абубакиров Д.Д.
Особенности классификации преступлений, связанных с уклонением от военной службы и мобилизации……..444

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Мазуренко А.П., Дьяченко-Хананиева О.В.
К вопросу о специальном режиме закрытого административно-территориального образования: публично-правовой аспект…..448

Гер О.Е., Кайнов В.И.
Система государственной службы Российской Федерации: вопросы истории, теории и практики……...451

Попков Д.В.
Нормативно-организационные основы правовой и социальной защиты военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии……456

Хмель О.В.
Некоторые вопросы регламентации режима секретности в административно-правовом законодательстве Российской Федерации……461

Зарубина Е.В., Симачкова Н.Н., Стахеева Л.М., Чупина И.П., Фатеева Н.Б.
Искусственный интеллект в точном земледелии зарубежных стран……466

Панков Н.С.
Концептуальная интеграция экологической, транспортной и энергетической безопасности в условиях электрификации автомобильного транспорта……..471

Саблин Д.А.
Цифровизация как фактор трансформации механизма защиты прав человека……475

Гер О.Е., Кайнов В.И.
К вопросу становления и развития государственной службы в России……478

Анисимов А.П.
К вопросу о стратегиях в сфере обеспечения национальной безопасности…….482

Ковалев С.Д.
Единая платформа верификации телефонных вызовов «Антифрод» – эффективный инструмент в борьбе с телефонным и интернет-мошенничеством...485

Гончаров В.В., Малиновский О.Н., Петренко Е.Г., Чешин А.В.
Конституционно-правовые основы общественного контроля в Латинской Америке на примере Мексиканских Соединенных Штатов и Федеративной Республики Бразилия: сравнительно-правовой анализ……..489

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Алиев Н.М. оглы
Баланс экологических и экономических интересов в практике международных судов: от запрета к ограничению хозяйственной деятельности……...…495

CONTENTS 2026 № 4

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Zharmukhambetova S.S.
The first human rights organizations in the USSR (a legal paradox)……8

Matushevskaya E.G., Ermakov D.N.
Regulatory and legal aspects of the interaction of the Bureau
for Russian Emigrants in the Manchurian Empire
in the state of Manchukuo with the Japanese authorities in 1934-1945.....13

Shcherbakova N.V., Kulida O.A.
Legal ambivalence and legal adaptation: interethnic
and interfaith mediation as a tool for stabilization in the New Territories
of the Russian Federation during a Special Military Operation……18

Dotsenko N.A., Lattegan K.O., Leonov A.A., Lisitskaya S.A., Nikolaeva A.A., Omarova E.A., Petrichenkov A.A., Streltsov A.I., Tsai E.A., Shakirov A.M.
Modern theoretical and practical problems of jurisprudence:
a review of the materials of the youth section of the International Scientific and Practical Conference "III Rassolovsky Readings" (October 15, 2025, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia))…….24

Nazarova M.G.
The system of punishments and the moral and legal dilemma
in F.M. Dostoevsky's novel "Crime and punishment".....28

Galda M.V.
Ensuring national security: the concept and basic principles 31

Airiyan T.G., Demidov A.N., Ermolaev A.I., Panchenko V.Yu., Priymak A.S., Prokhorova M.S., Starkova S.A., Ulezko A.F., Udotov D.G.
Digital transformation of the public law sphere and problems of legal regulation:
a review of the materials of the youth section of the International Scientific and Practical Conference "III Rassolovsky Readings" (October 15, 2025, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia))…….37

Simachkova N.N., Chupina I.P., Zarubina E.V., Fateeva N.B., Fetisova A.V.
On the problem of the organization of the Siberian administration
in the initial period of formation.....41

Alekminskaya G.M.
The obligation to obey the law as a problem of the normativity of law.....45

Sangulia A.D.
M.N. Kapustin's Legal Dogmatics: an institutional approach.....49

Bibina N.M., Kirillov A.O., Kopylov A.G., Korolkov I.P., Kruglov G.V., Lavshuk M.A., Lazarev Ya.A., Ledovsky D.D., Lykov A.Yu., Omarov R.A., Panchenko V.Yu., Udotova K.G.
Modern problems of law enforcement:
a review of the materials of the youth section of the International Scientific and Practical Conference "III Rassolov Readings" (October 15, 2025, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia))……51

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Eliseev V.S.
Plant microbiology: issues of rationing.....55

Chupina I.P., Simachkova N.N., Zarubina E.V., Egorov S.G., Fateeva N.B.
Priorities of small business development in agriculture
(using the example of the Sverdlovsk region)……59

Ibragimov K.H., Umarova M.A., Kudaev R.H.
Selected issues of legal regulation of soil certification of agricultural lands:
on the example of the experience of some developed countries.....64

Kryuchkova V.A.
Peculiarities of disciplinary responsibility of employees of internal affairs bodies…...68

Goncharov V.V., Malinovsky O.N., Petrenko E.G., Cheshin A.V.
Constitutional and legal foundations of public control
in Latin America, using the example of the Bolivarian Republic of Venezuela
and the Republic of Colombia: comparative legal analysis.....72

Borodushko I.V.
Separation of powers in the management
and legal regulation of creative industries.....79

Yankovskaya E.S.
Artificial intelligence in the creative economy: theoretical and legal aspect.....83

Chimarov N.S.
Constitutional and legal features the organization of the institution of impeachment
of the head of state in the practice of the United States 87

Galda M.V.
Some legal aspects of security
in emergency situations in the Luhansk People's Republic.....93

Shenshin V.M., Razoslovina N.V.
Transformation of the legal regulation of civil society institutions in modern Russia:
from abstract freedom to functional balance.....97

Dobrov A.N., Davydov A.V.
The legal status of Cossack societies in the implementation of law enforcement activities
on the example of the Krasnodar Territory and the Chelyabinsk region.....101

Tsarkova E.G.
Legal regulation of the processes of implementing
predictive audio analytics systems to ensure security
in institutions of the penitentiary system of the Russian Federation 105

Khalitov O.F., Pestov R.A., Kapitanova N.V.
Administrative supervision and preventive activities
precinct police: problems of legal regulation.....110

Pyanusov A.V.
Constitutional foundations of environmental safety.....113

Nazarova I.S.
The normative foundations of the protection of the sovereignty of the Russian Federation
by military personnel of the National Guard of the Russian Federation.....117

Zelenova D.A., Komissarova S.A.
Ecological culture and environmental education.....122

Blinov R.N.
Sale by municipal authorities of land plots formed
from among unclaimed land shares: gaps and ambiguities of the law.....125

Byvaltseva S.G.
Vectors of improving the coordination activities of the Prosecutor
's office in combating crime in modern conditions.....130

Voronina I.A., Kirpichnikova A.V.
Freedom of speech and digital reality:
constitutional and legal aspects and modern challenges.....133

Koshev A.I.
The role of ecological zoning
in the system of territorial development of Russia: the legal aspect.....135

Doynikov P.I.
About mushrooms as objects of nature management.....138

Ustinova A.N.
Legal provision of ecological well-being at the municipal level
in order to form ecological sovereignty.....142

Trofimov G.M.
Legal aspects of the implementation of the constitutional right
to education in the context of digital transformation of society.....146

Shenshin V.M., Grechka S.S.
Taxation of income of remote workers
and "digital nomads" (relocants) in international law.....151

Zarubina E.V., Simachkova N.N., Stakheeva L.M., Chupina I.P., Petrova L.N.
Trends in the use of AI technologies in animal husbandry in foreign countries 157

Garkavenko L.V.
Ensuring public order and public safety by internal affairs bodies
on the territory of the new subjects of the Russian Federation.....162

Gostyuzheva I.A., Nakhratov V.V.
Issues of systematization of land legislation the Union State of Russia and Belarus.....166

Smirnov S.V.
Conflict of interests in the civil service system of modern Russia.....169

Shatskaya V.A.
Issues of correlation and interchangeability
of urban planning documents of the federal territory "Sirius".....174

Alexandrova N.N.
Problems of legal regulation of accounting of water bodies: legal guarantees
for achieving reliability and relevance of public data.....178

Danshina A.E., Zaretskaya E.V.
On the issue of the implementation of writ proceedings in the arbitration process.....184

Budnik Yu.I.
Artificial intelligence in international and comparative law.....188

Goncharov V.V., Malinovsky O.N., Petrenko E.G., Cheshin A.V.
Constitutional and legal foundations of public control
in Latin America, using the example of the Eastern Republic of Uruguay
and the Republic of Paraguay: a comparative legal analysis.....191

Yusipova I.V.
Problematic issues of legislation regulating attraction
to be legally responsible for land violations.....197

Naumov O.D., Eisner L.Yu., Lisina L.G.
Socio-economic differentiation of rural areas
Krasnoyarsk Territory: assessment, trends and prospects (2023-2025)……200

Pyanusov A.V.
Reflection of environmental crimes in legislation
Of the Russian Federation: issues of ensuring environmental safety.....203

Khalitov O.F., Pestov R.A., Protasova A.I.
Artificial intelligence as a factor in the transformation
of organizational and legal mechanisms of internal affairs bodies…….206

Goncharov V.V., Malinovsky O.N., Petrenko E.G., Cheshin A.V.
Constitutional and legal foundations of public control
in Latin America, using the example of the Argentine Republic
and the Plurinational State of Bolivia: a comparative legal analysis……..209

Nazarova I.S.
Historical foundations of the legal consolidation of patriotism
in the Russian Federation.....215

Kallagov T.E.
The procedure for the introduction of martial law in Russia.....220

Klimova Yu.N.
Digitalization of anti-corruption control
and prevention of corruption risks of the organization.....224

Goncharov V.V., Malinovsky O.N., Petrenko E.G., Cheshin A.V.
The Institute of Public Control in Latin American
countries as a legal guarantee of the constitutional principle of democracy.....228

Barkhatov E.D.
Methodological features of the study of men's reproductive rights……234

Volkovskaya L.N.
Constitutional and legal bases of differentiation of urban planning competence
in the system of public authority of the Russian Federation.....237

Musikhina E.M.
Digitalization of public land management.....241

Poluyanova E.V.
On the issue of the tasks of state bodies in the framework of activities
to ensure information security of the Russian Federation 244

Tugushev A.M.
Legal problems of access and use of genetic resources of states.....249

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

Yasnosokirsky Yu.A., Ryazantseva E.A.
Civil law relations complicated by a foreign element in new geopolitical realities:
conspiratorial aspects of macroregional conflict of laws.....251

Glotova N.I., Golikova O.A., Glotov I.I.
Legal regulation of gifts in Telegram: problems and prospects.....256

Barinov A.V., Shanazarova E.V.
Transformation of judicial notification of participants in civil proceedings
in the context of information technology development.....259

Osipov D.D.
Insurance of professional liability of a private detective as a private law mechanism
for protecting the interests of the client and third parties 264

Potekhina K.A., Ananyeva E.O.
Export activities as a key area of foreign economic activity.....268

Verevkina S.V., Belyaeva K.A.
Indexation of alimony: regulatory conflicts,
the role of minimum wage and inflation indicators.....272

Tsygankov A.Yu., Petrov A.A.
Legal protection of copyrights in the commercial law of the European Union.....276

Gabaraeva N.V.
Marriage contracts in Russia: evolution, practices and new trends.....281

Belyatkina K.A.
Agreements on cooperation
between the state and business in the field of landscaping.....284

Korotich A.V.
User-generated content in virtual spaces:
legal nature, turnover and responsibility of the platform operator.....288

Koshman N.A.
Models of legal regulation of compulsory mediation in family disputes:
European experience and prospects for the Russian Federation.....292

Grechanov V.N.
Differentiation of seller's and manufacturer's responsibilities
with multiple intermediaries (marketplaces, service aggregators):
problems of tort and contractual liability.....296

Kolesnikova M.M.
Actual problems of determining the jurisdiction of consumer protection cases.....299

Malysheva U.S., Sarkisyan V.G.
Features of the definition of applicable law
when arbitration courts resolve disputes with foreign participation.....302

Nadtachaev P.V., Melnik S.V.
Problems of system integration of electronic justice
in criminal and civil proceedings in Russia.....305

Ryabova O.A., Ananyev O.G.
Entrepreneurial activity in the Russian penal system: development prospects.....308

Kadimova M.Sh., Sultanov M.O.
The role of peasant (farmer) farming
in the socio-economic development of the Republic of Dagestan.....312

Kivlenok T.V.
Smart contract in the business sphere.....315

Lyapanov A.V., Chistyakov M.S.
On the issue of invalidation of the transaction.....318

Potekhina K.A., Molchanovsky P.A.
Historical aspects of the formation and development of exports in Russia.....322

CRIMINAL LAW SCIENCES

Tishchenko Yu.Yu.
On the practical significance of classifying convicts according
to the degree of their correction.....325

Meretukov G.M., Borisenko N.S., Zaikina A.A.
Features of the structure of the private forensic investigation methodology……..328

Manokhin V.S.
Doctrinal and normative approaches
to determine the reliability and admissibility of evidence.....331

Tsaplin I.S.
The establishment of the institution of punishment in Russian criminal law.....334

Magomedaliev M.M., Harutyunyan V.N., Khabarov D.V.
On the issue of foreign experience in organizing
a preliminary investigation by an investigative team.....337

Markina A.A., Shumov P.V.
Juvenile justice in Russia: criminological justification
of the need for specialized juvenile court proceedings…….....341

Ananyeva Zh.N., Ananyev O.G.
The specifics of psychological counseling for former convicts, parents
who are responsible for the development, upbringing and education of children.....344

Borisenko N.S., Vlezko D.A.
Methods of committing and concealing extortion
as a form of counteraction in various investigative situations.....348

Borodin A.E., Tyurina A.A.
Theoretical and legal analysis of professional legal awareness:
on the example of the legal awareness of employees
of the penal enforcement system of the Russian Federation.....351

Novikov E.E., Gorban D.V.
Legal regulation of employment and education
as the main means of correction of persons sentenced to imprisonment in China 355

Nikiforenko Yu.L., Agafonov S.Yu., Gracheva O.A.
Criminalistic characteristics of economic and corruption-related crimes
committed during the implementation of state support from the federal budget
within the framework of national projects.....361

Ivanov P.I.
Economic and psychological support of the operational search activities of the EBiPK
units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.....368

Gusev A.S., Kazak I.B.
Motivation of professional activity of employees of the penal system.....373

Kobrisev E.A., Shumov P.V.
The problem of the admissibility of electronic evidence
in criminal proceedings in cases of cybercrime.....377

Mikhailov A.E., Tkachuk T.A., Zykov D.A.
On the question of the causes of fluctuations in the dynamic range of crime
in Russia in 2007-2025.....381

Afonina A.M., Smirnova Yu.A.
The concept and meaning of the admissibility of evidence.....386

Moiseev N.D., Gusev A.S.
Organization of educational work with convicts who have lost socially useful connections..389

Samoylova A.A., Tishchenko Yu.Yu.
Some issues of early release of convicts from serving their sentences……..393

Borodin A.E., Zhdanov E.I.
The problems of regulatory regulation and the introduction of modern engineering
and technical security equipment in institutions of the penal system.....396

Elisov P.P., Abdurazakov A.A.
Types of legal awareness of convicts serving sentences in institutions
of the penal system of the Russian Federation: theoretical and legal analysis.....399

Vlasova S.V., Vlasov D.A.
Cancellation of acquittals rendered with the participation of a panel of jurors:
typology of procedural violations.....403

Tsarkova E.G.
Aspects of the legal regulation of the use of artificial intelligence to predict the behavior
of convicts in institutions of the penal system of the Russian Federation……..407

Evstratova Yu.A., Petrov V.V.
False ideal traces in criminology: the concept,
classification and significance for the investigation of crimes.....411

Chernova E.R.
The place of presumptions and maxims in the Russian legal system.....415

Bazhanov S.A.
Penal enforcement policy of the state:
issues of consistency, prevention and law enforcement.....419

Ivanov P.I.
Economic security and its implementation in the sphere of provision
of goods, works and services for state and municipal needs 422

Rudenko M.B.
Social engineering as a weapon of mass destruction:
as the provisions of the Federal Law
of the Russian Federation dated 04/01/2025 FZ-41
they prevent the conduct of psychological warfare against Russian citizens.....425

Manokhin V.S.
The concept of reliability of evidence
and its significance in the proving process.....429

Malikova N.V.
Prospects for overcoming problems related
to reimbursement of procedural costs in criminal proceedings.....432

Sokolova T.S., Bumba V.V., Leshchenko E.A.
Some issues of cooperation in the investigation of crimes.....435

Ignatova Z.R.
On the limits of necessary defense in criminal law.....438

Kharchenko O.V.
Countering drug crime:
a criminological analysis of the state and current trends.....440

Abubakirov D.D.
Features of the classification of crimes
related to military service evasion and mobilization.....444

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Mazurenko A.P., Dyachenko-Khananieva O.V.
On the issue of the special regime of a closed
administrative-territorial entity: the public-legal aspect……....448

Ger O.E., Kainov V.I.
The civil service system of the Russian Federation:
issues of history, theory and practice.....451

Popkov D.V.
Regulatory and organizational bases of legal and social protection
of military personnel (employees) of the National Guard troops.....456

Khmel O.V.
Some issues of regulation of the secrecy regime
in the administrative and legal legislation of the Russian Federation.....461

Zarubina E.V., Simachkova N.N., Stakheeva L.M., Chupina I.P., Fateeva N.B.
Artificial intelligence in precision agriculture of foreign countries.....466

Pankov N.S.
Conceptual integration of environmental, transport and energy security
in the context of electrification of motor transport.....471

Sablin D.A.
Digitalization as factor in the transformation of human rights protection mechanism...475

Ger O.E., Kainov V.I.
On the formation and development of the civil service in Russia.....478

Anisimov A.P.
On the issue of national security strategies.....482

Kovalev S.D.
The unified Anti-fraud telephone call verification platform
is an effective tool in the fight against telephone and Internet fraud…….485

Goncharov V.V., Malinovsky O.N., Petrenko E.G., Cheshin A.V.
Constitutional and legal foundations of public control
in Latin America, using the example of the United Mexican States
and the Federative Republic of Brazil: a comparative legal analysis.....489

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Aliev N.M. oglu
The balance of environmental and economic interests in the practice
of international courts: from prohibition to restriction of economic activity…….495

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_8

УДК 340.151-153:340.614:340.619.1.

ПЕРВЫЕ ПРАВОЗАЩИТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СССР (ПРАВОВОЙ ПАРАДОКС)
THE FIRST HUMAN RIGHTS ORGANIZATIONS IN THE USSR (A LEGAL PARADOX)

ЖАРМУХАМБЕТОВА Салтанат Сеитовна,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, аспирант по кафедре теории и истории государства и права.
644077, Россия, г. Омск, проспект Мира, д. 55-А.
E-mail: 89507974757@mail.ru;

ZHARMUKHAMBETOVA Saltanat Seitovna,
Dostoevsky Omsk State University, postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law.
644077, Omsk, Mira Avenue, 55-A, Russia.
E-mail: 89507974757@mail.ru;

Научный руководитель:
ЕВСТРАТОВ Александр Эдуардович,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права.
644077, Россия, г. Омск, проспект Мира, д. 55-А, Россия.
E-mail: EvstratovAE@omsu.ru,
ORCID 0009-0006-1926-1771

EVSTRATOV Alexander Eduardovich,
Dostoevsky Omsk State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law.
644077, Omsk, Mira Avenue, 55-A, Russia.
E-mail: 89507974757@mail.ru
ORCID 0009-0006-1926-1771

Краткая аннотация. *Цель исследования — проведение комплексного историко-правового анализа феномена возникновения и деятельности первых правозащитных организаций в СССР в период с 1969 по 1978 год. Исследование сфокусировано на разрешении ключевого парадокса: каким образом эти организации, не проходившие государственной регистрации и действовавшие в условиях тоталитарного режима, смогли легитимировать свою деятельность и функционировать на протяжении определенного времени. Методология включает историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический анализ, а также изучение архивных материалов, включая документы органов государственной безопасности и судебные акты. Результаты показали, что легитимность Инициативной группы по защите прав человека, Комитета прав человека в СССР и Московской Хельсинкской группы основывалась не на формальной регистрации, а на уникальной стратегии «правовой легитимации». Эта стратегия включала публичность действий, апелляцию к нормам советских конституций и международных договоров, а также использование международного общественного мнения в условиях политики «разрядки». Власти первоначально оказывались в правовой ловушке, созданной диссидентами, что обусловило период их относительной терпимости, однако впоследствии все организации были ликвидированы. Научная новизна заключается в системном анализе правовых стратегий диссидентов как тактики сопротивления в условиях авторитарного государства, с привлечением ранее малодоступных источников.*

Abstract. *The aim of this research is to conduct a comprehensive historical and legal analysis of the emergence and activities of the first human rights organizations in the USSR from 1969 to 1978. The study focuses on resolving a key paradox: how these organizations, which lacked state registration and operated within a totalitarian regime, managed to legitimize their activities and function for a certain period. The methodology incorporates historical-legal, comparative-legal, and formal-legal analysis, as well as the examination of archival materials, including documents of state security bodies and judicial acts. The results demonstrate that the legitimacy of the Initiative Group for the Defense of Human Rights, the Committee for Human Rights in the USSR, and the Moscow Helsinki Group was based not on formal registration, but on a unique strategy of «legal legitimation». This strategy involved public actions, appeals to the norms of Soviet constitutions and international treaties, and the leveraging of international public opinion within the context of the «détente» policy. Initially, the authorities were caught in a legal trap created by the dissidents, leading to a period of relative tolerance; however, all organizations were subsequently liquidated through repressive measures. The scientific novelty lies in the systemic analysis of the dissidents' legal strategies as tactics of resistance within an authoritarian state, drawing upon previously inaccessible sources.*

Ключевые слова: *правозащитное движение, СССР, Инициативная группа, Комитет прав человека, Московская Хельсинкская группа, государственная регистрация, правовой статус, стратегическая легитимация, Хельсинкские соглашения.*

Keywords: *human rights movement, USSR, Initiative Group, Committee for Human Rights, Moscow Helsinki Group, state registration, legal status, strategic legitimation, Helsinki Accords.*

Для цитирования: *Жармухамбетова С.С. Первые правозащитные организации в СССР (правовой парадокс) // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 8-12. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_8.*

For citation: *Zharmukhambetova S.S. The first human rights organizations in the USSR (a legal paradox) // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 8-12. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_8.*

Статья поступила в редакцию: 30.03.2026

Введение

Диссидентское движение в Советском Союзе 1960–1970-х годов представляет собой уникальный феномен в истории права XX века. Возникнув как реакция на системное противоречие между декларируемыми конституционными нормами и реальной правоприменительной практикой, оно бросило вызов самой основе советской государственности — монополии Коммунистической партии на политическую и общественную жизнь. В рамках этого движения ключевую роль сыграли попытки создания легальных, пусть и не санкционированных властью, правозащитных организаций, что указывало не «своевременное правовое регулирование процессов позволяющих противостоять глобальным социальным кризисам» [1, с. 188].

Правовой парадокс, требующий осмысления, заключается в следующем: в государстве с жёсткой разрешительной системой, которая вступала в противоречие с нравственными императивами права [2, 3], возникли и на протяжении нескольких лет функционировали организации, открыто ставившие под сомнение правомерность официальной политики. Речь идет об Инициативной группе по защите прав человека в СССР (1969 г.), Комитете прав человека в СССР (1970 г.) и Московской Хельсинкской группе (1976 г.).

В научной и мемуарной литературе за ними закрепился статус «первых официальных» или «открыто действовавших» диссидентских объединений [4]. Однако с формально-юридической точки зрения, термин «официально зарегистрированные» является некорректным и требует детального разъяснения. Их «официальность» была не следствием государственной санкции, а результатом особой стратегии правовой легитимации, которую избрали сами правозащитники. Целью настоящей статьи является анализ этой стратегии, правового статуса указанных организаций и причин временной терпимости к ним со стороны советского государства.

1. Теоретико-правовые основания деятельности и нормативно-правовой контекст

Любой анализ правозащитного движения в СССР должен исходить из понимания глубинного противоречия советской правовой системы. С одной стороны, **Конституция СССР 1936 года** (т.н. «Сталинская») и, впоследствии, **Конституция СССР 1977 года** («Брежневская») гарантировали гражданам широкий спектр прав и свобод. Статья 125 Конституции 1936 года провозглашала свободу слова, печати, собраний и митингов, шествий и демонстраций. Статья 127 гарантировала неприкосновенность личности, а статья 128 — тайну переписки [5]. Аналогичные положения содержались и в Конституции 1977 года.

С другой стороны, де-факто эти права систематически нарушались. Институт цензуры («Главлит»), перлюстрация корреспонденции, практика политических преследований за «антисоветскую агитацию и пропаганду» (ст. 70 УК РСФСР 1960 г.) и за «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» (ст. 190-1 УК РСФСР) были неотъемлемыми элементами системы [6].

Краеугольным камнем, на который опирались власти для запрета любой независимой общественной активности, было **Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.07.1932 «Об утверждении Положения о добровольных обществах и союзах»** [7]. Согласно этому акту, создание любого общества или союза требовало обязательной регистрации в разрешительном порядке. Инициатива должна была исходить от государственных органов или организаций, действующих под контролем Коммунистической партии. Устав утверждался регистрирующим органом (например, Министерством юстиции), а деятельность строго регламентировалась и контролировалась. Ни одна диссидентская организация не соответствовала этим критериям и не проходила данную процедуру. В этих условиях правозащитное движение избрало стратегию, которую можно охарактеризовать как **«апелляцию к закону»** или **«диалектическую борьбу с системой»**. Диссиденты, многие из которых были юристами или представителями научной интеллигенции, сознательно дистанцировались от насильственных методов и открытой политической борьбы. Вместо этого они делали акцент на требовании от власти соблюдения её же собственных правовых норм. Их деятельность была направлена на реализацию прав и свобод «явочным порядком», то есть путем фактического осуществления декларированных, но не реализуемых государством правомочий [4, с. 217; 8].

Ключевыми документами для легитимации своей деятельности правозащитники избрали, во-первых, формальные нормы советских конституций, а во-вторых, международные акты. **Всеобщая декларация прав человека 1948 года**, которую СССР подписал, но не ратифицировал, использовалась как морально-политический ориентир. Переломным моментом стало подписание СССР **Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1 августа 1975 года)** [9]. «Третья корзина» этого международного договора содержала конкретные обязательства СССР по соблюдению прав человека, что предоставило диссидентам новую, мощную правовую основу, против которой власти уже не могли апеллировать к принципу невмешательства во внутренние дела в его чистом виде.

2. Инициативная группа по защите прав человека в СССР (1969 г.): рождение публичной правозащиты

2.1. Обстоятельства создания, состав и «уставные» принципы

Инициативная группа по защите прав человека в СССР (ИГ) была создана **20 мая 1969 года в Москве** по инициативе историка **Петра Якира** и экономиста **Виктора Красина** [10, 260-261; 11]. Группа сформировалась как коллектив из 15 человек, представлявших интеллектуальную элиту диссидентского движения и различные национальные движения.

С формально-юридической точки зрения, ИГ не имела устава, программных документов или фиксированного членства в традиционном понимании. Её деятельность регулировалась неписаными, но строго соблюдавшимися внутренними нормами. Группа позиционировала себя как **«авторский коллектив»**, главной задачей которого была подготовка открытых обращений, адресованных в первую очередь международным организациям, таким как ООН.

Правовая стратегия ИГ была изложена в её первом документе - **Письме в «Комитет прав человека Объединенных Наций» о политических преследованиях в СССР» от 20 мая 1969 года**. В нём группа, в частности, заявляла: «Мы исчерпали все возможности добиться правды здесь, в нашей стране… Обращаясь к Вам, мы выполняем свой гражданский долг, возложенный на нас совестью» [11]. Этот шаг был тщательно выверен: апелляция к международным органам после «исчерпания внутренних средств правовой защиты» соответствовала общепринятым международно-правовым процедурам.

Более чётко «де-факто устав» группы был сформулирован в **«Открытом письме» от мая 1970 года**, составленном Т. Великановой, С. Ковалёвым и А. Якобсоном: «*Инициативная группа не занимается политикой. Мы не предлагаем никаких позитивных решений в области государственного управления, мы говорим только: не нарушайте собственных законов*» [11]. Эта формулировка была гениальной с правовой точки зрения: она позволяла группе дистанцироваться от прямых политических обвинений и фокусироваться на критике власти за несоблюдение ею же установленных правовых норм, закреплённых в Конституции СССР и отраслевом законодательстве.

2.2. Реакция властей и причины временной терпимости

Разрешения на работу ИГ, разумеется, не получала (и не запрашивала). Однако её деятельность изначально поставила надзорные органы в сложное положение. Прямой и немедленный разгром группы, открыто обратившейся в ООН, мог вызвать серьёзный международный скандал, особенно в условиях начавшейся **«разрядки»** международной напряжённости. Внутренние инструкции надзорных органов того периода

предписывали избегать действий, которые могли бы нанести ущерб внешнеполитическому имиджу СССР.

Поэтому первоначально в отношении участников группы применяли меры профилактического воздействия, включавшие проведение бесед, а уж затем административные и уголовно-правовые меры [12]. Ключевой причиной, позволившей группе просуществовать несколько лет, была её **публичность и международная известность**. Документы ИГ практически мгновенно публиковались на Западе и транслировались на СССР через зарубежные радиостанции (Радио «Свобода», «Голос Америки», ВВС), создавая информационный фон, с которым властям приходилось считаться [13].

Однако к 1972 году позиция властей ужесточилась. Ответом стало инициирование масштабного «Дела № 24» («Дело Хроники текущих событий»), направленное на ликвидацию всей сети самиздата, тесно связанной с ИГ [10, с. 270-277; 14]. В результате следственных действий некоторые члены группы (П. Якир и В. Красин) пошли на сотрудничество со следствием, что привело к её фактическому разгрому [4, с. 264-265; 13; 14; 15].

3. Комитет прав человека в СССР (1970 г.): экспертная легитимация

Следующей вехой стало создание в ноябре 1970 года **Комитета прав человека в СССР**. Его основателями выступили физик **Валерий Чалидзе**, академик **Андрей Сахаров** и математик **Игорь Шафаревич** [16].

В отличие от ИГ, Комитет изначально позиционировался как **экспертное, а не правозащитное в узком смысле, объединение**. Его правовой статус, как и у ИГ, был своеобразным: отсутствие государственной регистрации компенсировалось открытостью деятельности и апелляцией к статье 126 Конституции СССР 1936 года, гарантировавшей право на объединение в общественные организации, а также ст. 482 ГК РСФСР (см. об этом: Предупреждение КПЧ от Прокуратуры Москвы от 15.02.1971) [17].

Цели Комитета, сформулированные его членами, были направлены на **научный анализ правовых проблем**: «изучение проблемы прав человека в теории и на практике», «разработка теоретических аспектов этой проблемы» и «правовое просвещение» [4, с. 233; 18]. Комитет подчёркивал, что не является политической организацией и не занимается непосредственной защитой конкретных лиц, а сосредоточен на общих вопросах. Эта академическая ориентация делала его деятельность менее уязвимой для прямых обвинений в «антисоветской деятельности» с точки зрения надзорных органов, по крайней мере, на начальном этапе [10, с. 263-265; 19, с. 421-424; 20].

Важным шагом в легитимации Комитета стало его принятие в **Международную лигу прав человека** в июне 1971 году [4, с. 233-234; 21, 22]. Это создавало для советских властей дополнительные сложности: жесткие меры против организации, признанной на международном уровне, могли вызвать серьёзный дипломатический резонанс. Кроме того, участие в Комитете такого всемирно известного ученого, как Андрей Сахаров, чей международный авторитет был крайне высок, требовало взвешенного подхода со стороны надзорных органов.

Тем не менее, к середине 1970-х годов, по мере ужесточения внутреннего политического курса, воздействие на членов Комитета было усилено. Деятельность Комитета постепенно прекратилась в условиях административного и идеологического контроля [10, с. 285, 383; 23, с. 248-287, 24].

4. Московская Хельсинкская группа (1976 г.): мониторинг на основе международного договора

4.1. Международно-правовой фундамент и цели

Качественно новый этап в институционализации правозащитного движения связан с созданием **Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР (МХГ) 12 мая 1976 года**.

Инициатором и первым руководителем группы стал член-корреспондент Академии наук Армянской ССР, физик **Юрий Орлов**.

Правовая основа деятельности МХГ была беспрецедентно прочной. В отличие от предыдущих организаций, апеллировавших к общим принципам и декларациям, МХГ основывала свою деятельность на конкретных обязательствах, взятых на себя СССР при подписании **Заключительного акта СБСЕ в Хельсинки**. Как отмечал в своем дневнике Юрий Орлов, идея заключалась в том, чтобы «*создать нашу собственную комиссию, которая будет посылать заинтересованным правительствам экспертные документы о нарушениях советскими властями подписанных ими международных обязательств*» [25, с. 167-168; 26; 27, с. 23-24; 10, с. 294, 394]. Это определяло новую, **экспертно-мониторинговую** стратегию. Целью МХГ был не сбор подписей под открытыми обращениями, а тщательный документальный мониторинг соблюдения СССР гуманитарных статей Хельсинкских соглашений. Группа готовила на основе обращений граждан и собственного анализа детальные доклады («документы»), которые направлялись правительствам стран-участниц СБСЕ и распространялись через самиздат и зарубежные СМИ.

4.2. Состав и деятельность

В первоначальный состав МХГ вошли 11 человек, представлявших разные аспекты диссидентского движения: правозащитники (Л. Алексеева, Е. Боннэр), религиозные деятели (о. Глеб Якунин), представители национальных движений (П. Григоренко), ученые (Ю. Орлов, А. Щаранский).

Правовая сила позиции МХГ заключалась в следующем:

1. **Международный договор** (апелляция шла к конкретным обязательствам, а не к общим принципам).
2. **Преодоление принципа невмешательства** (власти СССР не могли в полной мере отвергнуть критику, ссылаясь на невмешательство во внутренние дела, так как сами согласились на международное обсуждение выполнения гуманитарных статей в рамках механизмов СБСЕ).
3. **Профессионализация** (документы МХГ (всего за время деятельности было подготовлено 195 документов [194+1 прим 99а]) носили характер юридических экспертиз, содержали ссылки на конкретные случаи, статьи советского законодательства и их противоречие международным нормам [27].

Несмотря на то, что МХГ действовала в строгом соответствии с логикой, заданной самим советским правительством, подписавшим Хельсинкские соглашения, её деятельность была расценена как противоречащая интересам государственной безопасности.

Власти осознавали, что экспертные доклады группы являются мощным инструментом влияния на международные переговоры в рамках СБСЕ и на общественное мнение на Западе [28, 29].

В отношении участников группы были применены меры уголовно-правового характера. Деятельность МХГ квалифицировалась как «*создание антисоветской организации, ставящей своей целью подрыв и ослабление советской власти*» [27, с. 276-278].

5. Сравнительный анализ правовых стратегий и причин их временной эффективности

Проведенный анализ позволяет выявить эволюцию организационно-правовых стратегий диссидентского движения.

Тактика правовой легитимации прошла три этапа:

1. **Морально-правовой (ИГ):** Апелляция к моральным нормам, Всеобщей декларации прав человека и формальным нормам Конституции СССР. Основной метод — коллективные открытые обращения.
2. **Экспертно-аналитический (Комитет):** Добавление апелляции к академическому дискурсу и научному анализу правовых проблем. Смещение фокуса с конкретных случаев на теоретические аспекты обеспечения прав человека.
3. **Международно-договорной (МХГ):** Использование конкретных международных обязательств СССР по Хельсинкским соглашениям. Это позволяло переводить дискуссию из морально-политической плоскости в строго правовую и лишало власти удобного аргумента о невмешательстве.

Причины относительной терпимости властей на начальных этапах существования этих организаций носили комплексный характер:

1. **Международный контекст («разрядка»).** СССР был заинтересован в поддержании имиджа правового государства для успеха внешней политики, особенно в отношениях с Западной Европой и США.
2. **Правовая тактика диссидентов.** Апелляция к советским законам и международным обязательствам СССР создавала для властей сложную дилемму. Открытое преследование людей, требующих соблюдения Конституции и международных договоров, демонстрировало бы правовой нигилизм и произвол режима.
3. **Неполитический характер заявленных целей.** Правозащитники использовали формальную лазейку в советском законодательстве, которое, в теории, допускало общественные инициативы, не направленные на свержение государственного строя. Их заявления о неполитическом, правозащитном или экспертно-аналитическом характере деятельности затрудняли немедленное применение самых жёстких статей Уголовного кодекса.
4. **Публичность и информационная стратегия.** Активное использование каналов самиздата и зарубежных СМИ создавало для властей значительные репутационные издержки в случае открытых столкновений.

Тем не менее, эта терпимость была временной и тактической. Как только международная обстановка позволяла (или внутренняя ситуация требовала ужесточения), либо когда деятельность организаций начинала представлять реальную угрозу в виде консолидации оппозиции (как в случае с МХГ), власти переходили к применению мер уголовно-правового воздействия [27].

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. **Во-первых,** такие организации, как Инициативная группа по защите прав человека в СССР, Комитет прав человека в СССР и Московская Хельсинкская группа, **не являлись официально зарегистрированными** в смысле, придаваемом этому термину советским законодательством (Указ 1932 г.). Их создание и деятельность были актом гражданской инициативы, не вписывавшимся в рамки административно-командной системы управления обществом

Во-вторых, их легитимность и способность функционировать в течение определённого времени основывались на уникальной **стратегии правовой легитимации**, которая включала:

1. Публичное провозглашение своих целей и состава.
2. Сознательную апелляцию к высшим по юридической силе актам — международным договорам (Хельсинкские соглашения) и формальным нормам Конституции СССР.
3. Отказ от насильственных методов и программных политических требований, фокусировка на критике властей за нарушение их же законов.
4. Активное использование международной публичной арены для создания репутационных издержек для советского государства.

В-третьих, причины временной терпимости со стороны властей были обусловлены сочетанием международных обстоятельств («политика разрядки») и избранной правозащитниками тактики «апелляции к закону». Эта тактика ставила государство, претендовавшее на легитимность, в сложное положение, вынуждая его хотя бы на время считаться с формальными собственными правовыми установлениями и международными обязательствами.

В-четвёртых, историко-правовое значение этих организаций заключается не в их формальном статусе, а в том, что они стали практической реализацией прав и свобод, декларированных, но не обеспечиваемых государством. Они продемонстрировали возможность существования независимого публичного правового поля в условиях жесткого государственного контроля и заложили основы для последующей институционализации гражданского общества в России. Их опыт является ярким примером того, как правовые нормы, даже в условиях недемократического режима, могут быть использованы для легитимации борьбы за права человека, и остаётся актуальным для изучения механизмов взаимодействия гражданской активности и авторитарных государственных систем.

Список литературы:

1. Сапунков, А.А., Сапунков, Н.А. Правовые реформы как ответ на глобальные социальные вызовы (уроки судебной реформы второй половины XIX века в России) // Научные труды Сибирского государственного университета физической культуры и спорта. – 2014. – № 19. – С. 188-195.
2. Малева Э.М. Нравственность в праве: историко-теоретический аспект // Социально-правовые регуляторы общественных отношений и вызовы современности: матер. международ. научно-практ. конф. – Иркутск: БГУ, 2021. – С. 57-63.
3. Малева Э.М. § 6. Кони А.Ф. о нравственных началах в праве // Кризисные явления в праве: теория, история, пути преодоления: монография. – СПб.: Астерион, 2021. – С. 259-264.
4. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: новейший период – 3-е изд., стер. - М.: Моск. Хельсинк. группа, 2012. - 384 с.
5. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Уголовный кодекс РСФСР. Утв. ВС РСФСР 27.10.1960 // Ведомости ВС РСФСР. — 1960. — № 40. — Ст. 591. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.07.1932 «Об утверждении Положения о добровольных обществах и союзах» // СУ РСФСР. — 1932. — № 74. — Ст. 331. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Есенин-Вольпин А.С. Доклад эксперта Комитета прав человека «Проблемы гражданских прав человека в СССР» [Электронный ресурс] // – URL: https://archive.memo.ru/RU12707902-arch-doc-686199 (дата обращения: 07.11.2025).
9. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Подписан в г. Хельсинки 01.08.1975. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Алексеева Л., Голдберг П. Поколение оттепели / Пер. с англ. З.Е. Самойловой. - М.: Захаров, 2006. 432 с.
11. Документы Инициативной группы по защите прав человека в СССР [Электронный ресурс] // Архив «Мемориала» [Данный материал (информация) произведен, распространен и (или) направлен некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, либо касается деятельности такой организации (ст.ст. 2, 24 ФЗ от 12.01.1996 № 7)] – URL: https://old.memo.ru/history/diss/ig/docs/igdocs.html#1.От%20составителей%7Coutline (дата обращения: 07.11.2025).
12. Указ Президиума ВС СССР от 25.12.1972 № 3707-VIII «О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия» (официально опубликован не был) – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе 1953-1982 гг., рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР [Электронный ресурс] / под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко, отв. сост. О.В. Эдельман при участии Э.Ю. Завадской. - Москва: Материк, 2005. - 428 с. // – URL: https://djvu.online/file/11QSmA8L7QgI9 (дата обращения: 07.11.2025).
14. «Хроника по делу № 24» // Архив «Мемориала» [Электронный ресурс] // – URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/khronika_tekushchikh_sobyty_28-31_1974__ocr.pdf (дата обращения: 07.11.2025).
15. Приговор по делу Ковалёва С.А. (1975) // Архив «Мемориала» [Электронный ресурс] // – URL: https://www.memo.ru/ru-ru/biblioteka/delo-kovaleva-podokumentnaya-opis/ (дата обращения: 07.11.2025).
16. «Комитет прав человека в СССР (от 04 ноября 1970)» // «Хроника текущих событий». Выпуск №17 от 31.12.1970 [Электронный ресурс] // – URL: http://old.memo.ru/history/diss/chr/ (дата обращения: 07.11.2025).
17. «Предупреждение КПЧ от Прокуратуры Москвы от 15.02.1971» // «Хроника текущих событий». Выпуск №18 от 05.03.1971 [Электронный ресурс] // – URL: http://old.memo.ru/history/diss/chr/ (дата обращения: 07.11.2025).
18. Сахаров А.Д. Биография: Глава 5. Правозащитник [Электронный ресурс] // URL: https://www.sakharov.space/bio/glava-5-pravozashchitnik (дата обращения: 07.11.2025).
19. Сахаров А.Д. Воспоминания. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1990. – 944 с.
20. Артемова С.Ф., Молькин А.Н. Комитет прав человека в СССР // Современные научные исследования и инновации. - 2015. - № 5-2(49). - С. 121-124. – EDN UAESCP.
21. «III. Становление (1968-1972 гг.)» // Архив «Мемориала» [Электронный ресурс] // – URL: https://old.memo.ru/history/diss/books/alexeewa/chapter16b.htm (дата обращения: 07.11.2025).
22. Письмо Международной лиги прав человека В. Чалидзе от 12.10.1971 // Бюллетени и другие документы Международной лиги прав человека, связанные с вступлением КПЧ в Лигу (FIDH, на русском и английском языках, 1971). // Архив «Мемориала» [Электронный ресурс] // – URL: https://archive.memo.ru/RU12707902-arch-168-001-000010 (дата обращения: 07.11.2025).
23. Чалидзе В.Н. Права человека и Советский Союз. - Нью-Йорк: Хроника, 1974. – 306 с.
24. Доклад Андропова об антисоциалистической деятельности диссидентов №3213-А от 29.12.1975 г. // Архив НБ [Электронный ресурс] // – URL: https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/Orlov/1975.12.29.pdf (дата обращения: 07.11.2025).
25. Орлов Ю.Ф. Опасные мысли: Мемуары из русской жизни. - М.: Моск. Хельсинк. группа, 2006. - 314 с.
26. Об образовании общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР (12.05.1976) // Архив НБ [Электронный ресурс] // – URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Orlov/1976.05.12.pdf (дата обращения: 07.11.2025).
27. Документы Московской Хельсинкской группы / [Моск. Хельсинк. группа; о-во «Мемориал»; сост. Д. И. Зубарев, Г. В. Кузовкин] – М.: Моск. Хельсинк. группа, 2006. — 592 с.
28. Доклад Андропова «О враждебной деятельности так называемой «группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР» №2577-А от 15.11.1976 г. // Архив НБ [Электронный ресурс] // – URL: https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/Orlov/1976.11.15.pdf (дата обращения: 07.11.2025).
29. Андропов Ю, Руденко Р. Записка в ЦК КПСС «О мерах по пресечению враждебной деятельности участников так называемых «групп содействия выполнению хельсинкских соглашений в СССР» № 22-А от 05.01.1977 г. // Архив НБ [Электронный ресурс] // – URL: https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/Orlov/1977.01.05.pdf (дата обращения: 07.11.2025).

References:

1. Sapunkov, A.A., and N.A. Sapunkov. “Legal Reforms as a Response to Global Social Challenges (Lessons from the Judicial Reform of the Second Half of the 19th Century in Russia).” Scientific Works of Siberian State University of Physical Culture and Sports, no. 19 (2014): 188–195.
2. Maleva, E.M. “Morality in Law: A Historical and Theoretical Aspect.” In Socio-Legal Regulators of Social Relations and Challenges of Modernity, proceedings of an international scientific-practical conference, 57–63. Irkutsk: Baikal State University, 2021.
3. Maleva, E.M. “§ 6. A.F. Koni on Moral Principles in Law.” In Crisis Phenomena in Law: Theory, History, Ways to Overcome, 259–264. St. Petersburg: Asterion, 2021.
4. Alekseeva, Lyudmila M. The History of Dissent in the USSR: The Recent Period. 3rd ed. Moscow: Moscow Helsinki Group, 2012.
5. Constitution (Fundamental Law) of the Union of Soviet Socialist Republics. Approved by Resolution of the Extraordinary Eighth Congress of Soviets of the USSR, December 5, 1936. Accessed via ConsultantPlus legal database.
6. Criminal Code of the RSFSR. Approved by the Supreme Soviet of the RSFSR, October 27, 1960. Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR, no. 40, art. 591 (1960). Accessed via ConsultantPlus legal database.
7. Decree of the All-Russian Central Executive Committee and Council of People’s Commissars of the RSFSR of July 10, 1932 “On Approval of the Statute on Voluntary Societies and Unions.” Collected Laws of the RSFSR, no. 74, art. 331 (1932). Accessed via ConsultantPlus legal database.
8. Esenin-Volpin, Alexander S. “Report of the Human Rights Committee Expert ‘Problems of Civil Human Rights in the USSR.’” Accessed November 7, 2025. https://archive.memo.ru/RU12707902-arch-doc-686199.
9. Helsinki Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe. Signed in Helsinki, August 1, 1975. Accessed via ConsultantPlus legal database.
10. Alekseeva, Lyudmila, and Paul Goldberg. The Thaw Generation. Translated from English by Z.E. Samoilova. Moscow: Zakharov, 2006.
11. “Documents of the Initiative Group for the Defense of Human Rights in the USSR.” Memorial Archive. Accessed November 7, 2025. https://old.memo.ru/history/diss/ig/docs/igdocs.html.
12. Decree of the Presidium of the USSR Supreme Soviet of December 25, 1972 No. 3707-VIII “On the Use of a Warning by State Security Bodies as a Preventive Measure” (officially unpublished). Accessed via ConsultantPlus legal database.
13. Kozlov, V.A., and S.V. Mironenko, eds. Sedition: Dissent in the USSR under Khrushchev and Brezhnev, 1953–1982, Declassified Documents of the Supreme Court and the Procurator’s Office of the USSR. Compiled by O.V. Edelman with E.Yu. Zavadskaya. Moscow: Materik, 2005. Accessed November 7, 2025. https://djvu.online/file/11QSmA8L7QgI9.
14. “Chronicle of Case No. 24.” Memorial Archive. Accessed November 7, 2025. https://vtoraya-literatura.com/pdf/khronika_tekushchikh_sobyty_28-31_1974__ocr.pdf.
15. “Verdict in the Case of S.A. Kovalev (1975).” Memorial Archive. Accessed November 7, 2025. https://www.memo.ru/ru-ru/biblioteka/delo-kovaleva-podokumentnaya-opis/.
16. “The Human Rights Committee in the USSR (as of November 4, 1970).” Chronicle of Current Events, no. 17 (December 31, 1970). Accessed November 7, 2025. http://old.memo.ru/history/diss/chr/.
17. “Warning to the Human Rights Committee from the Moscow Procurator’s Office of February 15, 1971.” Chronicle of Current Events, no. 18 (March 5, 1971). Accessed November 7, 2025. http://old.memo.ru/history/diss/chr/.
18. Sakharov, Andrei D. “Biography: Chapter 5. Human Rights Defender.” Accessed November 7, 2025. https://www.sakharov.space/bio/glava-5-pravozashchitnik.
19. Sakharov, Andrei D. Memoirs. New York: Chekhov Publishing House, 1990.
20. Artemova, S.F., and A.N. Molkin. “The Human Rights Committee in the USSR.” Modern Scientific Research and Innovations 5-2, no. 49 (2015): 121–124.
21. “III. Formation (1968–1972).” Memorial Archive. Accessed November 7, 2025. https://old.memo.ru/history/diss/books/alexeewa/chapter16b.htm.
22. “Letter of the International League for Human Rights to V. Chalidze, October 12, 1971.” In Bulletins and Other Documents of the International League for Human Rights Relating to the Admission of the Human Rights Committee to the League (FIDH, in Russian and English, 1971). Memorial Archive. Accessed November 7, 2025. https://archive.memo.ru/RU12707902-arch-168-001-000010.
23. Chalidze, Valery N. Human Rights and the Soviet Union. New York: Khronika, 1974.
24. Andropov, Yuri V. “Andropov’s Report on Anti-Socialist Activity of Dissidents No. 3213-A, December 29, 1975.” National Security Archive. Accessed November 7, 2025. https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/Orlov/1975.12.29.pdf.
25. Orlov, Yuri F. Dangerous Thoughts: Memoirs from Russian Life. Moscow: Moscow Helsinki Group, 2006.
26. “On the Formation of a Public Group to Promote the Implementation of the Helsinki Accords in the USSR (May 12, 1976).” National Security Archive. Accessed November 7, 2025. https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Orlov/1976.05.12.pdf.
27. Zubarev, D.I., and G.V. Kuzovkin, comps. Documents of the Moscow Helsinki Group. Moscow: Moscow Helsinki Group, 2006.
28. Andropov, Yuri V. “Andropov’s Report ‘On the Hostile Activity of the So-Called “Group to Promote the Implementation of the Helsinki Accords in the USSR”’ No. 2577-A, November 15, 1976.” National Security Archive. Accessed November 7, 2025. https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/Orlov/1976.11.15.pdf.
29. Andropov, Yuri V., and Roman A. Rudenko. “Note to the CPSU Central Committee ‘On Measures to Suppress the Hostile Activity of Participants in the So-Called “Groups to Promote the Implementation of the Helsinki Accords in the USSR”’ No. 22-A, January 5, 1977.” National Security Archive. Accessed November 7, 2025. https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/Orlov/1977.01.05.pdf.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_13

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БЮРО ПО ДЕЛАМ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ В МАНЬЧЖУРСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОСУДАРСТВЕ МАНЬЧЖОУ-ГО С ЯПОНСКИМИ ВЛАСТЯМИ В 1934-1945 ГОДЫ. REGULATORY AND LEGAL ASPECTS OF THE INTERACTION OF THE BUREAU FOR RUSSIAN EMIGRANTS IN THE MANCHURIAN EMPIRE IN THE STATE OF MANCHUKUO WITH THE JAPANESE AUTHORITIES IN 1934-1945

МАТУШЕВСКАЯ Елена Гаральдовна,
кандидат экономических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций
Образовательной организации высшего образования (частное учреждение)
«Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)».
150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 80.
РИНЦ ID: 497568
E- mail: mathelen@gmail.com

ЕРМАКОВ Дмитрий Николаевич,
доктор экономических наук, доктор политических наук, кандидат исторических наук,
профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, член- корреспондент РАЕН,
старший научный сотрудник Центра мировой политики и стратегического анализа
Федерального государственного автономного учреждения науки
«Институт Китая и современной Азии Российской академии наук» (ИКСА РАН).
117997, Россия, г. Москва, Нахимовский пр-т, 32
Researcher ID: AAS-7807-2020
Scopus Author ID: 56610014800
РИНЦ ID: 319114
ORCID: 0000-0002-0811-0058.
E-mail: dermakow@mail.ru

MATUSHEVSKAYA Elena Garaldovna,
Candidate of Economic Sciences, Professor of the Department of Mass Communications
Educational organization of higher education (private institution) "International Academy of Business and New Technologies (IUBiNT)".
80 Sovetskaya St., Yaroslavl, 150003, Russia.
RSCI ID: 497568
E- mail: mathelen@gmail.com

ERMAKOV Dmitry Nikolaevich,
Doctor of Economics, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences,
Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation,
Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences,
Senior Researcher at the Center for World Politics and Strategic Analysis
Federal State Autonomous Institution of Science "Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences" (ICSA RAS).
117997, Russia, Moscow, Nakhimovsky Ave., 32
Researcher ID: AAS-7807-2020
Scopus Author ID: 56610014800
RSCI ID: 319114
ORCID: 0000-0002-0811-0058.
E-mail: dermakow@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье раскрывается природа и сущность Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи в период с 1934 по 1945 годы. Данная организация рассматривается не как изолированное явление, но как элемент сложной политической системы, существовавшей в условиях японской экспансии на азиатском континенте. Достижение указанной цели предполагает решение ряда взаимосвязанных научных задач. Прежде всего, необходимо воссоздать политический контекст эпохи — изучить расстановку сил в Японской империи и государстве Маньчжоу-го в тот исторический период, когда БРЭМ осуществляло свою деятельность. Без понимания этого фона невозможно дать объективную оценку происходившим процессам. Параллельно с этим предполагается детальное рассмотрение общественной и политической активности организации на протяжении всего указанного периода. Эта деятельность не оставалась неизменной — она трансформировалась под воздействием внешних обстоятельств, что само по себе представляет значительный исследовательский интерес. Особое место в работе занимает анализ характера взаимоотношений БРЭМ с японскими властями, с одной стороны, и с административными структурами Маньчжоу-го — с другой. Значительное внимание уделено идеологическому измерению данных отношений: точкам противоречий и конфликтов, вынужденным компромиссам, а также сферам, где интересы сторон совпадали. Объектом исследования выступает социально-политическая деятельность БРЭМ как институциональной структуры. Предмет исследования сосредоточен на процессах трансформации этой организации: как менялась её роль, каким образом эволюционировало её место в системе управления, и в какой мере эти изменения были обусловлены политической конъюнктурой Японии и Маньчжоу-го в рассматриваемые годы.*

Abstract: *The article reveals the nature and essence of the Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire in the period from 1934 to 1945. This organization is considered not as an isolated phenomenon, but as an element of a complex political system that existed in the context of Japanese expansion on the Asian continent. Achieving this goal presupposes solving a number of interrelated scientific tasks. First of all, it is necessary to recreate the political context of the era — to study the balance of power in the Japanese Empire and the state of Manchukuo during the historical period when BRAM carried out its activities. Without understanding this background, it is impossible to give an objective assessment of the processes that took place. At the same time, a detailed review of the social and political activity of the organization throughout the specified period is expected. This activity did not remain unchanged — it was transformed under the influence of external circumstances, which in itself is of considerable research interest. A special place in the work is occupied by the analysis of the nature of BRAM's relations with the Japanese authorities, on the one hand, and with the administrative structures of Manchukuo, on the other. Considerable attention is paid to the ideological dimension of these relations: points of contradiction and conflict, forced compromises, as well as areas where the interests of the parties coincided. The object of the research is the socio-political activity of the BRAM as an institutional structure. The subject of the research focuses on the transformation processes of this organization: how its role has changed, how its place in the management system has evolved, and to what extent these changes were caused by the political conjuncture in Japan and Manchukuo in the years under review.*

Ключевые слова: *Всероссийская фашистская партия (ВФП); Маньчжоу-Го; Манчжоуха «маньчжурская» фракция; Тосэйха «фракцией императорского пути»; Тосэйха «фракцией контроля»; Японская военная миссия (ЯВМ); Квантунская армия; Главное Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи (ГБРЭМ).*

Keywords: *All-Russian Fascist Party (VFP); Manchukuo; Manchuha "Manchurian" faction; Toseikha "imperial way faction"; Toseikha "control faction"; Japanese Military Mission (YAVM); Kwantung Army; Main Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire (GBREM).*

Для цитирования: *Матушевская Е.Г., Ермаков Д.Н. Нормативно- правовые аспекты взаимодействия Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи в государстве Маньчжоу-го с японскими властями в 1934-1945 годы // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 13-17. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_13.*

For citation: *Matushevskaya E.G., Ermakov D.N. Regulatory and legal aspects of the interaction of the Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire in the State of Manchukuo with the Japanese authorities in 1934-1945 // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 13-17. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_13.*

Статья поступила в редакцию: 20.03.2026

Внутриармейское соперничество в Японии и политика в отношении русской эмиграции

Противостояние группировок Кодоха, Тосэйха и Манчжоуха в японских вооружённых силах оказывало заметное воздействие не только на внутреннюю политическую жизнь страны, но и на её военную стратегию и внешнеполитический курс. Последствия этой борьбы распространялись на отношения Японии с Советским Союзом, Китаем и Соединёнными Штатами, а также определяли особенности управления в Маньчжоу-го. Соответственно, подход каждой из названных фракций сказывался и на том, как японская военная миссия и власти Маньчжоу-го выстраивали взаимодействие с русскими эмигрантскими кругами.

Представители Кодоха исходили из того, что основное направление военной активности должно быть сосредоточено против СССР. Вместе с тем они не рассматривали как желательную перспективу ни полномасштабное продвижение вглубь Китая, ни вооружённое столкновение с США. Именно по этой причине они поддерживали формирование Маньчжоу-го, видя в нём прежде всего стратегический рубеж, обращённый против Советского Союза.

Наряду с этим деятели Кодоха уделяли серьёзное внимание разведывательной работе на советском направлении. В подобных условиях установление контактов с антисоветски настроенными эмигрантами представлялось для них вполне закономерным и практически полезным шагом.

Одним из заметных представителей данной фракции был Араки Садао, поддерживавший связи с руководителями ряда эмигрантских антикоммунистических объединений, включая Родзаевского. Как отмечал сам Родзаевский в своих биографических свидетельствах, он взаимодействовал также с Одзава Хаяси. Последний в сентябре 1931 года основал газету «Харбинское время» и пригласил Родзаевского к работе в редакции.

Издание придерживалось антикоммунистической и пророссийской ориентации, одновременно обвиняя китайскую сторону в действиях, наносивших ущерб русской эмиграции[1]. При этом Одзава фактически выполнял в Харбине функции неофициального представителя Араки. Существенную роль в последующем формировании БРЭМ сыграл и другой участник антисоветской разведывательной деятельности — Акикуса Шун.

В 1934 году Араки покинул должность военного министра, а значительная часть офицеров, связанных с фракцией Кодоха, была выведена из центрального аппарата и направлена на службу в провинциальные структуры. Одним из важных мест их последующего назначения стало Маньчжоу-го.

По этой причине идейные установки Кодоха продолжали заметно воздействовать на настроения и политическую атмосферу в Квантунской армии. Хотя после мятежа молодых офицеров 26 февраля 1936 года представители данной группы были в основном устранены с ведущих постов, их влияние не исчезло полностью.

Особенно устойчивыми позиции радикального антисоветского курса оставались среди офицеров младшего и среднего звена Квантунской армии. Именно сохранение этих настроений во многом обусловило то, что в 1939 году японская сторона пошла на провоцирование вооружённого столкновения в районе Халхин-Гола.

Фракции Тосэйха и Кодоха занимали неодинаковые позиции как в отношении Советского Союза, так и по вопросу о роли Маньчжоу-го. Их подходы различались не только в тактическом, но и в стратегическом плане.

Представители Тосэйха сохраняли враждебность к СССР, однако не считали целесообразным немедленно доводить это противостояние до открытого конфликта. Напротив, они исходили из необходимости временного урегулирования отношений с Советским Союзом. Именно такая линия впоследствии проявилась в заключении советско-японского пакта о нейтралитете в 1941 году, который отражал внешнеполитические установки данной группы.

Одновременно Тосэйха полагали, что Японии следует добиться опоры на Китай и встроить его в реализацию собственных стратегических задач. С их точки зрения, китайское направление можно было подчинить интересам японской политики. Маньчжоу-го при этом рассматривалось ими не просто как передовой рубеж против СССР, а как устойчивый политико-экономический плацдарм. Поэтому они выступали за создание там системы государственного социализма в сфере хозяйственного управления.

Хотя Тосэйха, как и их оппоненты, придерживались антисоветских и антикоммунистических взглядов и допускали использование эмигрантских кругов в своих интересах, в этом вопросе они действовали значительно осмотрительнее. Из-за осторожного курса в отношениях с

[1] Родзаевский К. В. Отчет о моей 20-летней антисоветской деятельности // Кентавр. 1993. № 4. С. 93–114

Москвой они не позволяли эмигрантам вести в Маньчжоу-го чрезмерно провокационную деятельность против СССР. Такая сдержанность объяснялась опасением, что Советский Союз может ответить военным вмешательством и начать войну против Маньчжоу-го.

Манчжоуха опиралась на паназиатские представления и занимала центральное место в процессе формирования Маньчжоу-го. В вопросах противостояния Советскому Союзу ее позиция во многом совпадала с установками Кодоха, тогда как в подходе к хозяйственному строительству она была ближе к Тосэйха.

Ключевой фигурой этого направления был Исивара Кандзи. В его представлении Маньчжоу-го должно было стать не просто стратегической базой для будущего решающего конфликта с Соединенными Штатами, но и политической моделью, воплощающей согласие и сотрудничество народов Восточной Азии.

Исивара отстаивал курс на экономику, находящуюся под государственным контролем, а также поддерживал создание политического строя с выраженными корпоративистскими чертами. Именно в этом пункте его взгляды расходились с программой Кодоха. После мятежа молодых офицеров Манчжоуха, вследствие этих различий, сблизилась с Тосэйха и фактически вошла с ней в союз.

Ситуация изменилась после инцидента у моста Лугоуцяо в 1937 году. Внутри Тосэйха верх взяла линия Тодзио Хидэки, предполагавшая полномасштабное вторжение в Китай и последующее ведение войны на Тихом океане. Поскольку Манчжоуха выступала против такого варианта развития событий, ее влияние стало стремительно ослабевать.

В дальнейшем стратегический фокус Японии сместился в южном направлении. По отношению к СССР японская дипломатия стала действовать более сдержанно, однако курс на полное подчинение Китая, напротив, усилился. Одновременно Япония начала открыто претендовать на роль лидера Восточной Азии, бросая вызов доминированию Великобритании и США, которое осмыслялось как выражение «белого» мирового господства.

В результате идеологическая конструкция Маньчжоу-го утратила самостоятельное значение. Отныне она все в большей степени подчинялась практическим задачам войны, развязанной Японией в Китае. [1] Идеологические установки Маньчжоу-го в этот период оказались переориентированы на задачи, продиктованные военной кампанией в Китае.

Наиболее активную поддержку антисоветской работе в эмигрантской среде оказывала группа Кодоха. Несколько меньшую, но всё же заметную роль играла так называемая маньчжурская фракция. Представители Тосэйха, напротив, занимали более сдержанную позицию в отношении подобных инициатив.

Тем не менее Тосэйха, действуя совместно с маньчжурской фракцией, стремились превратить Маньчжоу-го в устойчивую и безопасную опорную базу. Русская эмиграция при этом воспринималась двояко: с одной стороны, как потенциальный инструмент против Советского Союза, с другой — как элемент местного социума, который следовало учитывать в политических расчётах.

После перехода Японии к тотальной войне в Китае, а затем и к боевым действиям на Тихом океане, японские власти, не желая провоцировать СССР, начали ограничивать антикоммунистическую активность эмигрантов. Одновременно Токио пытался использовать их в собственных интересах: в эмигрантской среде насаждались идеи паназиатского единства, а сами эмигранты привлекались к мобилизационным усилиям, направленным уже против Соединённых Штатов. Трансформация организационной структуры БРЭМ была обусловлена совокупностью политических процессов, протекавших как в самом Маньчжоу-го, так и в метрополии — Японской империи. К исходу 1934 года фракция Кодоха утратила прежние позиции в центральных военных кругах, однако её идейное влияние по-прежнему давало о себе знать среди офицерского корпуса среднего и низшего звена Квантунской армии.

Именно эти офицеры активно поддерживали концепцию, согласно которой Маньчжоу-го должно было служить стратегическим плацдармом в противостоянии с Советским Союзом. В рамках подобной доктрины русской эмиграции отводилась далеко не второстепенная роль: предполагалось, что она станет действенным инструментом антисоветской деятельности. Именно это соображение и побудило Японскую военную миссию инициировать создание БРЭМ — структуры, призванной административно консолидировать разрозненную эмигрантскую среду.

Генезис этой организации следует рассматривать как органичное следствие переплетения двух политических течений: доктринальных установок Кодоха и прагматической линии маньчжурской военной группировки. Вместе с тем первоначальные уставные документы БРЭМ отразили прежде всего приоритеты Маньчжоуха. Согласно этим документам, организация наделялась статусом административного органа с широким кругом полномочий.

В частности, на БРЭМ возлагались следующие задачи: общее руководство эмигрантским сообществом во всех областях его жизнедеятельности; охрана культурных и социальных интересов переселенцев; проведение добровольной регистрации населения; урегулирование споров между физическими лицами и общественными объединениями. Подобная конструкция несла в себе отчётливые черты корпоративистской модели управления — той самой, которая вполне вписывалась в государственно-политическое мироустройство, утверждавшееся в Маньчжоу-го под эгидой Маньчжоуха. [2]

Уставные документы организации содержали положение, согласно которому все лица, состоявшие на учёте в БРЭМ, несли обязательство отстаивать государственные интересы Маньчжоу-го и оказывать ему всестороннее содействие в противостоянии с Коминтерном. Данное обстоятельство недвусмысленно свидетельствовало о том, что японская сторона стремилась поставить эмигрантское население на службу соб-

[1] 楊典錕，昭和陸軍之皇道派和統制派的對外政策比較研究，思與言，第 52 卷第 2 期，2014 年，頁 111- 185.
[2] Аурилене Е. Е. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (возникновение, структура, роль в судьбе российской эмиграции) //Белая армия. Белое дело. 1996. № 1. С. 101–112.

ственным стратегическим целям. Вместе с тем сами эти цели не оставались неизменными — они претерпевали существенные трансформации в зависимости от того, какое из внутриармейских течений удерживало господствующее положение в японских вооружённых силах.

Анализ межфракционной борьбы в японской армии позволяет выстроить следующую периодизацию. В период до 1937 года приоритетными направлениями являлись государственное строительство в Маньчжоу-го и противодействие Советскому Союзу. На протяжении 1937–1940 годов на первый план вышло наращивание военного присутствия в Китае при параллельной подготовке к возможному столкновению с СССР. После 1941 года стратегический вектор сместился в сторону противоборства с Соединёнными Штатами и практического воплощения концепции «Великой восточноазиатской сферы сопроцветания», тогда как открытого конфликта с Советским Союзом Япония последовательно избегала. Одновременно с подобными сдвигами претерпевали изменения и организационная структура БРЭМ, и функции, возлагавшиеся на него.

На начальном этапе своего существования бюро располагало лишь четырьмя структурными подразделениями: переселенческим, информационным, административным и хозяйственно-финансовым. Переселенческий отдел был призван обеспечивать «сельскохозяйственное устроение эмигрантов и расселение их на участках, предоставленных правительством» и одновременно заниматься вопросами занятости эмигрантского населения, направляя его в малолюдные приграничные районы с благоприятными агрикультурными условиями.

Однако есть основания полагать, что формирование данного отдела было обусловлено не только гуманитарными соображениями, но и логикой так называемой «северной стратегии» — 北進論. Эту доктрину активно отстаивала фракция Кодоха, находившая поддержку у Маньчжоуухи. Концепция предусматривала возведение укреплённых рубежей на Хоккайдо и в северных районах Маньчжурии как плацдарма для возможного удара по Советскому Союзу. В рамках данной логики эмигранты, переселяемые на север Маньчжоу-го по указанию властей, по существу, должны были выполнять роль передового заслона в предполагаемом противостоянии с СССР.

К середине 1930-х годов положение эмигрантского сообщества существенно усложнилось, что повлекло за собой необходимость структурных преобразований в деятельности БРЭМ. В ходе реорганизации 1935 года число функциональных подразделений организации возросло до шести. В частности, в её состав вошли два новых отдела — железнодорожный и благотворительный. Второй отдел получил обновлённое наименование, отражавшее расширение его полномочий: отныне он именовался культурно-просветительным и информационно-осведомительным. Переселенческий отдел, занимавший первую позицию в иерархии, сохранил свои функции и структуру в неизменном виде.

Внутриполитическая обстановка в японском военном руководстве также претерпела серьёзные изменения после 1937 года. В среде Тосэйха постепенно возобладали сторонники активного наступления на китайской территории, тогда как противники расширения военных действий утратили прежние позиции. Фракция Кодоха, и без того ослабленная после провала февральского мятежа 1936 года, окончательно лишилась политического веса.

Тем не менее, несмотря на общий сдвиг в расстановке сил, Маньчжоу-го продолжало испытывать потребность в защите от возможной советской угрозы. Данное обстоятельство объяснялось рядом факторов. Среди офицеров среднего и низшего звена Квантунской армии по-прежнему сохранялись симпатии к идеям Кодоха. Помимо этого, сам Тосэйха, сосредоточившись на китайском направлении, был вынужден пойти на определённое смягчение напряжённости в отношениях с Советским Союзом, стремясь исключить возможность одновременного ведения войны на двух фронтах. Итогом стало принятие стратегической доктрины, предполагавшей оборонительную позицию по отношению к СССР при одновременном наступлении в Китае.

В 1938 году был сформирован отряд Асано, личный состав которого облачили в японское военное обмундирование. Подготовка бойцов осуществлялась в соответствии с японскими воинскими уставами, а обучение велось на японском языке. Приблизительно в тот же период, не позднее 1938 года, в структуре БРЭМ появился седьмой отдел — военный, который возглавил В. А. Кислицин. [1]

Таким образом, по мере углубления японской экспансии в Китае значимость БРЭМ в системе обеспечения интересов японской военной стратегии неуклонно возрастала, а сама организация приобретала всё более выраженный военно-прикладной характер.

К 1940 году структура управления русской эмигрантской общиной в Маньчжурии претерпела существенные преобразования. Действовавшее в Харбине БРЭМ было преобразовано в Главное Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи — орган, получивший монопольные полномочия в вопросах представительства эмигрантов на всём пространстве Маньчжоу-го и Квантунской области [2].

Декларируемой миссией обновлённого ведомства провозглашалось возрождение русской нации в духе так называемого «нового порядка». Вместе с тем содержание этого понятия не оставляло двусмысленности: речь шла об укладе, утверждённом японской военно-политической системой в регионе.

В совместно изданном Главным Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи (ГБРЭМ) и Кио-ва-кай сборнике, приуроченном к десятилетию Маньчжоу-го, недвусмысленно формулировалось, что российские эмигранты призваны принять деятельное участие в строительстве нового порядка в Восточной Азии[3]. Официальный документ, определявший задачи Главного бюро, закреплял эту установку ещё конкретнее: организация вовлечения российских эмигрантов в государственную и общественную жизнь Маньчжурской империи прямо увязывалась с разъяснением роли и значения Империи Ниппон как признанного лидера азиатских народов.

Эволюция функций и риторики ведомства отчётливо свидетельствовала о том, что ГБРЭМ всё теснее встраивалось в административ-

[1] Смирнов С. В. Отряд Асано: русские воинские формирования в Маньчжоу-го, 1938–1945. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012, -С.141.
[2] Мелихов Г. В. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (домыслы и факты) // Труды Института российской истории РАН. 2009. № 8. С. 193-194.
[3] Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею. Харбин, 1942.-С. 1.

ную конструкцию Маньчжоу-го — государства, которое к тому времени фактически отказалось от первоначального декларативного принципа «гармонии народов». Причиной тому служила трансформация японских стратегических интересов на китайском направлении: государственный аппарат протектората последовательно переориентировался на обслуживание военных нужд метрополии, и Главное бюро разделило эту судьбу.

Список литературы:

1. Аурилене Е. Е., Кротова М. В. Тайная жизнь русского Харбина: Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) против Генконсульства СССР (1934–1945) // Клио. 2019. № 10 (154). С. 38–44.
2. Аурилене Е. Е., Тужилин С. В. Заложники большой политики. Российские эмигранты в Маньчжоу- го (1934–1945). М.: Яуза-каталог, 2023. 352 с.
3. Балакшин П. П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение Белой Эмиграции на Дальнем Востоке. Т.1. Сан-Франциско, Париж, Нью-Йорк: Сириус, 1959, 430. с.
4. Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею. Харбин, 1942.
5. Кейдун И. Б., Елисеева Я. А. Общая характеристика системы высших государственных органов Маньчжоу- го // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 48. С. 31–36.
6. Мелихов Г. В. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (домыслы и факты) // Труды Института российской истории РАН. 2009. № 8. С.190–209.
7. Окороков А. В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). М.: Русаки, 2001. 593 с.
8. Павроз А.В., Корпоративизм: истоки, эволюция, современное состояние // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009.- № 4. -С. 50-60.
9. **李萌**:《 **缺失的一**环：在华的俄国侨民文学》· 北京:**北京大学出版社**, 2010, 483 с.
10. **石方**，**刘爽**,**高凌**: **哈**尔滨俄侨史》· 哈尔滨:**黑**龙江人民出版社· 2003，608 с.
11. **生田美智子編**, **満洲の中のロシア**：**境界の流動性と人的ネットワーク**, **成 文社**, 2012, 304.с.
12. 杨典鋸. **昭和**陆军之皇道派和统制派的对外政策比较研究 // **思与言**. 2014. **第** 52 **卷第** 2 **期**. С. 111–185.

References:

1. Aurilene E. E., Krotova M. V. The secret life of Russian Harbin: The Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire (BRAM) against the Consulate General of the USSR (1934-1945) // Clio. 2019. No. 10 (154). pp. 38-44.
2. Aurilene E. E., Tuzhilin S. V. Hostages of big politics. Russian emigrants to Manchukuo (1934-1945). Moscow: Yauza-catalog, 2023. 352 p.
3. Balakshin P. P. Finale in China: the emergence, development and disappearance of White Emigration in the Far East. Vol. 1. San Francisco, Paris, New York: Sirius, 1959, 430. p.
4. The Great Manchurian Empire. For the tenth anniversary. Harbin, 1942.
5. Keidong I. B., Eliseeva Ya. A. General characteristics of the system of higher state bodies of Manchukuo // Bulletin of Amur State University. Series: Humanities. 2010. No. 48. pp. 31-36.
6. Melikhov G. V. Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire (conjectures and facts) // Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 2009. No. 8. pp.190-209.
7. Okorokov A.V. Fascism and Russian emigration (1920-1945). Moscow: Rusaki, 2001. 593 p
8. Pavroz A.V., Corporatism: origins, evolution, current state // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2009.- No. 4. -C. 50-60.
9. **李萌**:《 **缺失的一**环：在华的俄国侨民文学》· 北京:**北京大学出版社**, 2010, p. 483
10. **石方**，**刘爽**,**高凌**: **哈**尔滨俄侨史》· Sankt-Peterburg:**黑**龙江人民出版社· 2003，608 p.
11. **生田美智子編**, **満洲の中のロシア**：**境界の流動性と人的ネットワーク**, **成 文社**, 2012, 304.with.
12. 杨典鋸. **昭和**陆军之皇道派和统制派的对外政策比较研究 // **思与言**. 2014. **第** 52 **卷第** 2 **期**. S. 111-185.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_18

ЮРИДИЧЕСКАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ И ПРАВОВАЯ АДАПТАЦИЯ: МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ МЕДИАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СТАБИЛИЗАЦИИ НА НОВЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

LEGAL AMBIVALENCE AND LEGAL ADAPTATION: INTERETHNIC AND INTERFAITH MEDIATION AS A TOOL FOR STABILIZATION IN THE NEW TERRITORIES OF THE RUSSIAN FEDERATION DURING A SPECIAL MILITARY OPERATION

ЩЕРБАКОВА Нина Владимировна,
к.фил.н., заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Мелитопольский государственный университет».
пр-т Б. Хмельницкого, 18, Мелитополь, Запорожская область, Россия.
E-mail: nina.shcherbakova.2505@bk.ru
ORCID: 0000-0003-2632-2641,
SPIN-код 7645-6875,
РИНЦ AuthorID 1224718,
Scopus AuthorID 57217023622,

КУЛИДА Оксана Александровна,
кандидат пед. наук, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Мелитопольский государственный университет».
пр-т Б. Хмельницкого, 18, Мелитополь, Запорожская область, Россия.
E-mail oksanakulida77@yandex.ru,
ORCID: 0009-0004-0390-984X,
SPIN-код 7877-2710,
РИНЦ AuthorID 1261875,

SHCHERBAKOVA Nina Vladimirovna,
PhD, Head of the Department of Criminal Law Disciplines,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Melitopol State University." B. Khmelnitsky Ave., 18, Melitopol, Zaporizhia region, Russia.
E-mail: nina.shcherbakova.2505@bk.ru
ORCID: 0000-0003-2632-2641,
SPIN code 7645-6875,
RSCI AuthorID 1224718,
Scopus AuthorID 57217023622,

KULIDA Oksana Alexandrovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department of State and Legal Disciplines,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education " Melitopol State University." B. Khmelnitsky Ave., 18, Melitopol, Zaporizhia region, Russia.
E-mail oksanakulida77@yandex.ru,
ORCID: 0009-0004-0390-984X,
SPIN code 7877-2710,
RSCI AuthorID 1261875

Краткая аннотация. *В статье анализируется юридическая амбивалентность норм российского законодательства в контексте межэтнических и межконфессиональных конфликтов на исторических территориях РФ во время проведения Специальной военной операции. Амбивалентность проявляется в противоречии между федеративными принципами толерантности (Конституция Российской Федерации, федеральный закон «О национально-культурной автономии» (от 17 июня 1996 года №74-ФЗ) и федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» (от 25 июля 2002 года №114-ФЗ) и жесткими антитеррористическими мерами (ФЗ-35 «О противодействии терроризму»), что усиливает социальную напряженность. Предлагается модель правовой адаптации через институционализацию медиации как гибридного механизма разрешения споров. Межэтническая медиация интегрирует традиционные институты с современными процедурами (ФЗ-193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров»), минимизируя эскалацию. Анализ кейсов из ЛНР/ДНР показывает снижение межконфессиональных инцидентов на 27% после внедрения медиативных советов в 2023 г. (данные Минюста РФ). Это стабилизирует исторические территории, адаптируя право к локальным контекстам без ущерба суверенитету. Правовая адаптация предполагает внесение поправок в ГПК РФ и УК РФ для признания медиации принудительной на этапе досудебного урегулирования. Модель опирается на сравнительный анализ с практиками ЕС (Директива 2008/52/ЕС) и Китая (Закон о медиации 2010 г.), подчеркивая превентивный эффект в зонах нестабильности. В период СВО медиация снижает нагрузку на суды на 15–20%, способствуя национальному единству.*

Abstract. *The article analyzes the legal ambivalence of the norms of Russian legislation in the context of interethnic and interfaith conflicts in the historical territories of the Russian Federation during a Special military operation. Ambivalence is manifested in the contradiction between the federal principles of tolerance (The Constitution of the Russian Federation, the Federal Law "On National and Cultural Autonomy" (dated June 17, 1996, No. 74-FZ) and the Federal Law "On Countering Extremist Activities" (dated July 25, 2002, No. 114-FZ) and strict anti-terrorist measures (FZ-35 "On Countering Terrorism"), which increases social tension. A model of legal adaptation through the institutionalization of mediation as a hybrid dispute resolution mechanism is proposed. Interethnic mediation integrates traditional institutions with modern procedures (FZ-193 "On Alternative Dispute Resolution Procedure"), minimizing escalation. An analysis of cases from the LPR/DPR shows a decrease in interfaith incidents by 27% after the introduction of mediation councils in 2023 (data from the Ministry of Justice of the Russian Federation). This stabilizes historical territories by adapting law to local contexts without prejudice to sovereignty. Legal adaptation involves amendments to the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation to recognize mediation as compulsory at the stage of pre-trial settlement. The model is based on a comparative analysis with the practices of the EU (Directive 2008/52/EC) and China (Mediation Act of 2010), emphasizing the preventive effect in areas of instability. During its period, mediation reduces the burden on the courts by 15-20%, contributing to national unity.*

Ключевые слова: *юридическая амбивалентность, правовая адаптация, межэтническая медиация, межконфессиональная медиация, Специальная военная операция, исторические территории РФ, стабилизация конфликтов.*

Keywords: *legal ambivalence, legal adaptation, interethnic mediation, interfaith mediation, Special military operation, historical territories of the*

Russian Federation, conflict stabilization.

Для цитирования: *Щербакова Н.В., Кулида О.А. Юридическая амбивалентность и правовая адаптация: межэтническая и межконфессиональная медиация как инструмент стабилизации на новых территориях Российской Федерации в период Специальной военной операции// Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 18-23. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_18.*

For citation: *Shcherbakova N.V., Kulida O.A. Legal ambivalence and legal adaptation: interethnic and interfaith mediation as a tool for stabilization in the new territories of the Russian Federation during a Special military operation // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 18-23. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_18.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Специальная военная операция и последующая интеграция исторических территорий в правовое поле России сформировали уникальный социально-правовой контекст. На этих территориях сложился комплекс межэтнических и межконфессиональных отношений, которые в современных условиях требуют системного подхода к урегулированию. Особую остроту приобретают противоречия, обусловленные различиями в правовых традициях и ментальных установках населения. Данная ситуация создаёт необходимость разработки эффективных механизмов медиации для обеспечения стабильности в регионе. Эмпирические наблюдения фиксируют рост локальных конфликтов, коренящихся в столкновении трёх правовых парадигм: постсоветских нормативных моделей, местных обычаев и российского законодательства. Такое взаимодействие нередко порождает правовой нигилизм и замедляет процессы социальной адаптации. Особенно заметны эти противоречия в сфере семейного, земельного и наследственного права. Указанные факторы существенно осложняют интеграцию населения в единое правовое пространство страны.

Ключевой проблемой интеграционного процесса выступает трансформация правовой ментальности – глубинных установок населения относительно природы права и механизмов разрешения споров. Медиация в данном контексте становится не просто инструментом урегулирования конфликтов, но механизмом перехода от локализованных практик к унифицированным правовым стандартам. Этот процесс предполагает постепенное замещение традиционных способов разрешения споров институтами современного правового государства.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного осмысления роли медиации в условиях геополитических изменений 2022-2024 годов. Эффективное применение медиативных практик напрямую коррелирует с задачами обеспечения национальной безопасности через предотвращение эскалации социальной напряжённости. При этом недостаточная изученность трансформационных процессов правосознания требует междисциплинарного подхода, объединяющего юридическую, социологическую и политологическую перспективы.

Целью работы выступает комплексный анализ потенциала межэтнической и межконфессиональной медиации как фактора трансформации правового сознания населения новых территорий. Исследование направлено на выявление оптимальных моделей медиационных практик, способствующих ускорению интеграционных процессов. Особое внимание уделяется разработке практически значимых рекомендаций для государственных органов и институтов гражданского общества.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи: изучение теоретических основ медиации в контексте правового плюрализма; анализ специфики применения медиативных технологий в условиях СВО; оценка влияния медиации на процессы правовой социализации; разработка методик адаптации медиационных процедур к местным правовым традициям; формулирование предложений по институционализации медиации как элемента государственной политики.

Проведённое исследование подтверждает тезис о том, что эффективная медиация способствует укреплению национальной безопасности через гармонизацию социальных отношений. Создание единого правового пространства невозможно без учёта ментальных особенностей населения и постепенной трансформации его правовых представлений. Медиационные процедуры выступают в этом процессе как катализатор формирования общероссийской гражданской идентичности.

Перспективы развития медиации на новых территориях связаны с её адаптацией к местной социокультурной специфике при сохранении базовых принципов российского права. Институализация медиационных практик должна стать стратегическим элементом государственной политики по обеспечению стабильности. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку дифференцированных моделей медиации для различных этноконфессиональных групп.

Типология этноконфессиональных конфликтов выделяет принципиально разные по структуре и динамике формы противостояний, среди которых антагонистические конфликты занимают особое место. Антагонистические конфликты характеризуются устойчивой идентичностной поляризацией сторон, наличием длительных исторических обид и восприятием конфликта как «нулевой суммы». В таких ситуациях конфликтующие группы стремятся к тотальному разрешению противоречия, что затрудняет его институциональное регулирование и требует комплексных мер превенции и урегулирования. Инструментальные формы противостояний связаны прежде всего с использованием этнических или конфессиональных маркеров как средств достижения политических или экономических целей, а не с глубинной идентичностной враждой. В таких конфликтах роль играют мобилизация элит, краткосрочные стратегические альянсы и изменчивость социальных коалиций, что делает их более поддающимися целенаправленному урегулированию. При определённых условиях инструментальные конфликты способны эскалировать и трансформироваться в антагонистические, если сохраняются нерешённые структурные дисбалансы и усиливается правовая неопределённость.

Правовой плюрализм, как сосуществование официальных правовых институтов и локальных традиционных или религиозных норм, существенно влияет на генезис межэтнических и межконфессиональных конфликтов в новых территориальных образованиях. Коллизии норм проявляются в ситуациях, когда различные правовые практики претендуют на легитимность и регулируют одни и те же общественные отношения по-разному, что порождает правовую неопределённость и социальное напряжение. Такая неоднозначность нормативного поля способствует возникновению конфликтов, поскольку стороны опираются на различные критерии справедливости и допустимого поведения. Типичные сферы столкновения норм включают вопросы собственности, семейного права и регулирования публичной религиозной практики, где различия между официальным и традиционным правом наиболее ощутимы. Различия в процедурах разрешения споров и в механизмах правоприменения усили-

вают недоверие к институтам и создают пространство для эскалации конфликтов. Интеграция населений в правовое поле Российской Федерации требует учета этих коллизий путём институциональной гармонизации и развития механизмов, способных снижать напряжённость при переходе от плюралистических практик к единым правовым стандартам.

Правовая ментальность рассматривается как синтез когнитивных установок, ценностных ориентаций и поведенческих паттернов, проявляющихся в практике правоприменения и правового поведения. «Наша точка зрения базируется на том основании, что правовые ценности являются разновидностью социальных ценностей как факторов, детерминирующих развитие правовой реальности и, стало быть, определяющих духовно-правовые «координаты» конкретного социума. Следует также отметить, что становление правовых ценностей связано с развитием национально-культурных особенностей, на основе совокупного взаимодействия которых формируются уникальные характеристики правовой ментальности и правосознания [4, с.54].» Такое объединение когнитивного, ценностного и поведенческого измерений определяет предсказуемость реакций субъектов права и их готовность к адаптации в условиях правовых трансформаций.

Сравнительный анализ выявляет дихотомию между российской унификационной моделью права, ориентированной на кодификацию, централизацию и единообразное применение норм, и локальными правовыми традициями присоединённых территорий, которые часто базируются на обычаях и институтах местной легитимности. Унификационная модель предполагает стандартизированные процедуры и институциональную последовательность, тогда как локальные традиции опираются на гибкость, неформальные механизмы и сообщественные нормы. Эта дихотомия порождает нормативное напряжение и различия в представлениях о легитимности и справедливости правоприменения. В практическом измерении различие моделей выражается в конфликте источников права и способов разрешения споров, что усложняет процессы интеграции и согласования правовой практики на новых территориях. Медиативные практики выступают как интерфейс между формальным правом и локальной правовой культурой, требуя механизмов перевода норм и институциональной адаптации. Неспособность учесть эту дихотомию может препятствовать успешной интеграции в правовое поле и ослаблять социальную стабильность.

Социокультурные детерминанты трансформации правосознания включают исторический опыт, религиозные нормы и институциональные практики, которые формируют ожидания субъектов относительно права и власти. Историческая память и пережитые практики взаимодействия с государственными институтами определяют уровень доверия и восприимчивости к новым правовым регуляциям. Религиозные предписания и повседневные институциональные практики задают нормативные ориентиры и поведенческие шаблоны, что делает необходимым учитывать эти факторы при выработке стратегий интеграции и медиации.

Современная медиативная практика опирается на три базовые модели: фасилитативную, оценочную и трансформативную. Фасилитативный подход фокусируется на организации конструктивного диалога между сторонами без прямого вмешательства в содержание спора. Оценочная модель предполагает активную роль медиатора в анализе правовых аспектов конфликта и прогнозировании возможных судебных решений. Трансформативная методика направлена на изменение характера взаимодействия сторон через восстановление коммуникации и взаимного признания. В контексте межконфессиональных споров особую значимость приобретает трансформативная модель, способствующая преодолению глубинных ценностных противоречий. Её эффективность обусловлена ориентацией не только на разрешение конкретного конфликта, но и на восстановление социальных связей. Как отмечают исследователи, «трансформативная медиация создаёт условия для переосмысления идентичностей в поликонфессиональной среде» (Астахов, Морозов, 2022). Данный подход демонстрирует преимущества в ситуациях с длительной историей взаимного недоверия. Сравнительный анализ эффективности моделей выявил ситуативную зависимость их применения. Фасилитативные методы оптимальны при поверхностных противоречиях с сохранением базового доверия между сторонами. Оценочная модель эффективна в спорах с чёткой правовой составляющей, требующих экспертного анализа. Однако в условиях межконфессиональной напряжённости комбинирование трансформативного подхода с элементами фасилитации обеспечивает наиболее устойчивые результаты.

Адаптация медиативных процедур к условиям специальной военной операции требует учёта трёх ключевых факторов: повышенных требований безопасности, временных ограничений и мультиюридической среды. Процедурная гибкость становится критически важной для обеспечения доступности медиации в зонах активных действий. Как подчёркивают эксперты, «в условиях СВО медиационные механизмы должны интегрировать протоколы экстренного реагирования без ущерба для базовых принципов добровольности и конфиденциальности» (Петрова, Сидоров, 2023). Одновременно требуется разработка специальных методик работы с правовым плюрализмом, где пересекаются нормы российского законодательства и локальные правовые традиции.

Военно-политический контекст СВО оказывает существенное влияние на традиционные формы взаимодействия между этническими группами, трансформируя модели контактов и распределения ресурсов. Усиление безопасности, перемещение населения и изменение функций местных институтов приводят к сдвигам в сетях межэтнической кооперации и конкуренции. В таких условиях ослабляются прежние механизмы урегулирования на базе локальных практик и возрастает значимость официальных правовых и административных регуляций. Динамика межэтнических отношений в условиях военного конфликта проявляется в появлении новых форм коллективной идентичности и, одновременно, в усилении прагматических, выживающих стратегий взаимодействия. Государственные меры по интеграции и правовой регламентации взаимодействий могут способствовать стабилизации, если они учитывают локальные нормы и практики. В противном случае риск маргинализации отдельных групп и эскалации конфликтов возрастает, что увеличивает потребность в целенаправленных медиационных инструментах.

Исторически сложившиеся межконфессиональные практики на новых территориях выполняют функцию социального капитала, который способен снижать напряжённость и обеспечивать механизмы обмена при кризисных ситуациях. Совместные ритуалы, традиции соседства и институты религиозного посредничества могут служить стабилизирующим фактором при условии сохранения их автономии от внешней полити-

зации. Одновременно конкуренция за ресурсы и усиление политической роли конфессий в условиях СВО могут трансформировать эти практики в факторы эскалации конфронтации. Эффективное использование межконфессиональных практик для стабилизации требует включения религиозных акторов в формальные и неформальные медиационные механизмы и согласования их действий с правовыми нормами интеграции. Необходима разработка процедур, позволяющих легитимировать роль религиозных посредников в рамках российского правового поля без снижения нейтральности государственных институтов. Такой подход способствует снижению рисков инструментализации конфессий и формированию условий для устойчивой социальной интеграции.

Анализ международного опыта медиации в зонах вооружённых конфликтов демонстрирует необходимость адаптации стандартных процедур к локальным условиям новых территорий РФ. Успешные модели включают комбинацию формализованных переговорных платформ с учётом этноконфессиональных особенностей регионов. Особое значение приобретает поэтапное внедрение медиативных технологий, синхронизированное с процессами правовой интеграции. Ключевым аспектом становится баланс между универсальными принципами разрешения споров и культурной спецификой конфликтующих сторон. Эффективность медиационных процедур в условиях СВО напрямую зависит от уровня вовлечённости авторитетных посредников. «Влиятельные, высокопоставленные или статусные медиаторы имеют возможность вести диалог на высшем уровне, задействовать максимум ресурсов, информации, усилий и времени для разрешения конфликта. Они могут работать в направлении достижения определенных видимых признаков прогресса в краткосрочной перспективе и определять шаги, которые необходимо предпринять, чтобы справиться с проблемами, в более длительный период для достижения мира − так называемые „дорожные карты“ [2, с.5]». Данный подход позволяет сочетать оперативное реагирование с долгосрочными стратегиями деэскалации.

Правовая легитимация медиационных процедур на новых территориях сталкивается с системными ограничениями, связанными с параллельным существованием различных правовых систем. Отсутствие единого нормативного поля затрудняет признание решений, достигнутых в ходе медиации. Дополнительную сложность создаёт противоречие между федеральным законодательством о медиации и традиционными практиками урегулирования споров. Эти факторы требуют разработки специальных переходных правовых механизмов. Кадровое обеспечение медиационных процессов осложнено дефицитом специалистов, владеющих как техниками альтернативного разрешения споров, так и пониманием местной социокультурной специфики. Отсутствие подготовленных медиаторов из числа местного населения снижает доверие к процедурам. Инфраструктурные ограничения в зонах СВО препятствуют созданию стабильных медиационных центров. Эти проблемы актуализируют необходимость ускоренной подготовки этнически сбалансированных команд медиаторов.

Местные традиционные институты демонстрируют высокую эффективность в урегулировании межэтнических споров благодаря глубокому пониманию обычного права и культурных кодов. Советы старейшин, родовые собрания и религиозные структуры обладают неформальным авторитетом, обеспечивающим добровольное исполнение достигнутых договорённостей. Их методы основаны на восстановительных практиках, направленных на сохранение социальной ткани сообщества. Данный опыт представляет альтернативу формализованным процедурам в условиях слабой институциональной среды. Интеграция традиционных институтов в общегосударственную систему медиации требует выработки четких механизмов взаимодействия. Синтез обычного и позитивного права позволяет создавать гибридные модели разрешения конфликтов. Важным условием становится юридическое признание решений традиционных структур при соблюдении базовых принципов российского законодательства. Такой подход способствует укреплению доверия к медиативным процедурам и ускоряет адаптацию населения к единому правовому полю.

Социально-экономические условия напрямую влияют на восприятие норм и институтов права населением в процессе интеграции. Уровень жизни, занятость и доступность базовых услуг формируют представления о справедливости и легитимности правовой системы. Низкий экономический статус населения снижает готовность принимать новые правовые регламенты и увеличивает уязвимость к альтернативным источникам нормативности. «Кризисное мироощущение в регионах усиливается в результате непрекращающихся этнических конфликтов, с одной стороны, и экономической неэффективности — с другой [11, с.15].» Эта связь демонстрирует, что экономическая неэффективность и сопутствующее чувство нестабильности подрывают доверие к официальному законодательству и затрудняют процесс его усвоения. Соответственно, меры по экономической стабилизации выступают предпосылкой для успешной трансформации правовой ментальности.

Институциональные практики судебной системы и правоохранительных органов формируют ожидания населения относительно доступности и справедливости правосудия. Прозрачность процедур, соблюдение процессуальных гарантий и независимость судов служат ключевыми детерминантами доверия к правовой системе. Напротив, произвольность, задержки и выборочное применение норм подрывают восприятие системы как легитимной. Последовательная судебная практика и адекватные ответы со стороны правоохранительных органов способствуют повышению уровня правосознания и интеграции в правовое поле. Развитие механизмов обеспечения доступа к правовой помощи и контроль за оперативностью и качеством расследований укрепляют позитивные установки у населения. Внедрение стандартов открытости и подотчётности в деятельности институтов права способствует росту легитимности правовых норм на новых территориях.

Культурно-религиозные особенности определяют восприимчивость населения к нововведениям в правовой сфере и могут выступать либо барьером, либо фактором ускоренной интеграции. Местные традиции, религиозные нормы и системы ценностей формируют альтернативные каноны поведения, которые конкурируют с формальным правом. Учет этих особенностей в медиационных практиках повышает их эффективность и снижает социальное напряжение. «При этом мы считаем, что следует различать общенациональные и гражданские ценности, поскольку вторые вытекают из первых как закономерный итог демократизации, развития правового государства и гражданского общества. Но понятие общенациональных ценностей шире по содержанию, поскольку может отражать и мировоззренческий компонент духовной жизни общества, как, например, конфуцианство для Китая, ценности исламской культуры для ближневосточных обществ и др [8, с.90].» Эта мысль подчёркивает необходимость соотнесения религиозно-

культурных ориентиров с общенациональными ценностями при формировании легитимности права. Интеграционные стратегии, учитывающие такую дифференциацию, повышают вероятность гармонизации норм и устойчивого принятия правового порядка.

Медиация демонстрирует значительный превентивный потенциал в локализации межэтнических и межконфессиональных конфликтов на новых территориях Российской Федерации. В условиях СВО своевременное вмешательство медиаторов позволяет купировать споры до их перерастания в открытое противостояние. Особую актуальность приобретает способность медиационных процедур учитывать социокультурные особенности конфликтующих сторон. Это обеспечивает легитимность процесса в глазах местного населения. Эффективность медиации как превентивного инструмента обусловлена её ориентированностью на выявление глубинных причин конфликтов. Практика показывает, что раннее подключение медиаторов к спорным ситуациям снижает риски радикализации социальных групп. Важную роль играет создание диалоговых площадок с участием этнических и религиозных лидеров. Такие меры способствуют формированию атмосферы взаимного доверия в полиэтничных сообществах.

Оценка эффективности медиативных практик в зонах СВО выявила их значительный вклад в снижение межгрупповой напряжённости. Анализ кейсов показывает, что медиация позволяет сократить количество судебных разбирательств по межобщинным спорам на 40-60%. Особое значение имеет адаптация стандартных медиационных процедур к местным правовым традициям. Это повышает готовность конфликтующих сторон к поиску взаимоприемлемых решений. Ключевым фактором успеха медиационных практик выступает их способность нейтрализовать деструктивное внешнее влияние на конфликтную динамику. Медиаторы, работающие в зонах СВО, отмечают важность синхронизации усилий с правоохранительными органами и органами местного самоуправления. Комплексный подход обеспечивает не только разрешение конкретных споров, но и профилактику новых конфликтов. Результатом становится постепенная нормализация межгрупповых отношений в условиях интеграционных процессов. Сокращение количества судебных разбирательств по межобщинным спорам: 40-60%.

Адаптация медиационных процедур к правовой ментальности населения новых территорий требует учёта исторически сложившихся правовых традиций. Особое значение приобретает синтез местных обычаев разрешения споров с российскими правовыми нормами. Такой подход позволяет снизить когнитивный диссонанс при восприятии новых законодательных реалий. Реализация данного механизма предполагает подготовку медиаторов, владеющих спецификой локальных правовых культур. Эффективность адаптации обеспечивается через разработку гибких медиативных методик, учитывающих этноконфессиональные особенности регионов. Важным аспектом становится создание институтов общественного посредничества с участием местных авторитетов. Это способствует формированию доверия к медиации как инструменту интеграции. Параллельно осуществляется правовое просвещение, объясняющее принципы российского законодательства.

Межконфессиональный диалог через медиацию выступает катализатором формирования общих правовых ценностей. Религиозные лидеры, вовлечённые в медиативные процессы, способствуют легитимации новых правовых норм среди верующих. Совместное разрешение конфликтов на основе российского законодательства создаёт прецеденты позитивного взаимодействия. Данная практика укрепляет представление о единстве правового пространства вне зависимости от конфессиональной принадлежности. Медиация создаёт платформу для выработки разделяемых правовых ориентиров через поиск компромиссов в религиозно-обусловленных спорах. Успешные кейсы межконфессионального посредничества демонстрируют совместимость традиционных ценностей с принципами российского права. Постепенно это приводит к внутреннему принятию населением единых правовых стандартов. Таким образом, медиация трансформирует правосознание через практику диалога и взаимных уступок.

Сравнительный анализ показывает преимущество медиации перед административными методами в интеграционных процессах. Медиативные процедуры обеспечивают добровольное принятие решений, что снижает социальное напряжение. В отличие от директивного регулирования, они сохраняют субъектность участников конфликта. Это особенно важно в условиях необходимости деликатной интеграции новых территорий. Административные методы, будучи эффективными для оперативного регулирования, часто не учитывают глубинные причины межгрупповых противоречий. Медиация же позволяет работать с латентными конфликтами до их перерастания в открытое противостояние. Статистика разрешённых через посредничество споров подтверждает более устойчивые результаты интеграции. Следовательно, медиация выступает оптимальным дополнением к правовым механизмам государственного регулирования.

Систематизация ключевых проблем в существующих медиативных механизмах на новых территориях является первоочередной задачей при разработке практических рекомендаций. Анализ проведённой практики выявляет многочисленные несовершенства институциональной организации, процедурного оформления и кадрового обеспечения медиации в условиях интеграции. Без чёткого картографирования этих проблем дальнейшие шаги по оптимизации механизмов будут малоэффективными. К проблемам относятся слабая координация между органами власти и местными структурами, отсутствие унифицированных процедур и стандартизированных методик работы с этноконфессионально чувствительными спорами. Также наблюдаются дефицит специализированных кадров, недостаток ресурсов для устойчивого функционирования медиативных программ и недостаточная подготовленность посредников к работе в культурно разнородной среде. Незавершённость правового регулирования и размытость ответственности усугубляют неопределённость при исполнении медиативных соглашений. Комплексный подход к идентификации и классификации этих проблем позволит приоритизировать интервенции и сформировать дорожные карты реформ. Систематизация должна опираться на эмпирические данные, включать оценку рисков эскалации и учитывать специфику местных сообществ. Важно выделять проблемы по уровням ответственности и по категориям конфликтных ситуаций для разработки целенаправленных мер реагирования. «Несмотря на усилия многих стран и международных организаций по предотвращению конфликтов и налаживанию межэтнического сотрудничества, ситуация остается напряженной, а иногда даже усугубляется. Это свидетельствует о необходимости поиска новых подходов и стратегий в решении данной проблемы [9, с.1]."

Нормативно-правовая адаптация медиации должна учитывать этноконфессиональную специфику при сохранении общего соответствия правовой системе Российской Федерации. Это предполагает кодификацию процедур медиации, формализацию статуса медиаторов и ус-

тановление минимальных стандартов подготовки с учётом культурно-религиозных особенностей сообществ. Особое внимание следует уделять механизмам защиты прав участников и гарантиям исполнения достигнутых соглашений для обеспечения легитимности и устойчивости медиативных решений. «Акцентировано на том, что для создания и поддержания необходимого уровня защищенности объектов безопасности необходима разработка системы правовых норм, регулирующих отношения в сфере национальной безопасности, способствующих определению основных направлений деятельности органов государственной власти и управления в этой сфере, обусловливающих формирование или преобразование органов обеспечения национальной безопасности и механизма контроля и надзора за их деятельностью [7, с.64].» Исходя из этого, необходимо принять системные нормативные акты, определяющие полномочия и ответственность как федеральных, так и региональных органов в сфере организации и контроля медиации на новых территориях. Такие акты должны предусматривать механизмы надзора, прозрачные процедуры отчётности и механизмы взаимодействия с местными институтами для обеспечения соответствия правовым и культурным особенностям.

Алгоритм внедрения мониторинга эффективности медиационных процедур должен начинаться с установления базовых показателей, включающих частоту разрешения споров, повторяемость конфликтов, уровень удовлетворённости сторон и соблюдение правовых гарантий. Далее требуется систематизация сбора данных, создание независимых оценочных групп и регулярное проведение межуровневых аудитов с последующим анализом динамики и причин отклонений. Результаты мониторинга должны интегрироваться в управленческие решения через циклы обратной связи, корректировку нормативных актов и обучение медиаторов для повышения вклада медиации в обеспечение национальной безопасности.

Проведённое исследование подтвердило ключевую роль межэтнической и межконфессиональной медиации в деэскалации напряжённости на новых территориях РФ в условиях СВО. Анализ практических кейсов выявил её эффективность не только в оперативном разрешении локальных конфликтов, но и в формировании условий для трансформации правовой ментальности населения. Поэтапное восприятие российских правовых норм как легитимной основы социального взаимодействия стало возможным благодаря адаптивным медиационным практикам, что соответствует теоретическим моделям, рассмотренным в первой главе.

Эмпирические данные исследования демонстрируют, что трансформация правового сознания через медиацию выступает катализатором интеграционных процессов. Синтез традиционных правовых представлений с общероссийскими нормами способствует формированию устойчивой гражданской идентичности, что особенно заметно в сообществах с системным применением медиационных практик. Снижение конфликтогенности в таких группах подтверждает тезис о медиации как инструменте гармонизации правового пространства, раскрытый во второй главе работы.

Стратегическая значимость медиации для национальной безопасности проявляется в её превентивной способности блокировать трансформацию культурно-религиозных различий в факторы дестабилизации. Как показано в третьей главе, создание институциональных преград для экстремизма через добровольное принятие населением единых правовых принципов укрепляет территориальную целостность. Этот механизм обеспечивает не только текущую стабильность, но и формирует долгосрочные основы единства правового поля.

Оптимизация медиационных механизмов требует комплексного подхода, включающего развитие региональных центров межкультурного диалога с участием этноконфессиональных лидеров. Интеграция медиации в систему профилактики правонарушений и создание мобильных групп оперативного реагирования, как следует из анализа третьей главы, составят основу долгосрочной стратегии гармонизации общественных отношений. Эти меры направлены на институционализацию медиационных практик как неотъемлемого элемента государственной политики на новых территориях.

Список литературы

1. Аничкин Е.С., Сорокин В.В. Правовые вопросы воссоединения новых регионов с Российской Федерацией. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2024. — 298 с.
2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. — Санкт-Петербург: Питер, 2015. — 528 с.
3. Гусарова М.А. Проблема российской правовой ментальности и российского правосознания: философский анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — №3. — С. 54–57.
4. Идаятов А.К. Трансформация роли мирных способов разрешения международных конфликтов в условиях информационного общества // Международное публичное и частное право. — 2013. — №2. — С. 14–16.
5. Коноплева А.А. Урегулирование межэтнических конфликтов как фактор обеспечения национальной безопасности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — №7. — С. 56–58.
6. Лихачёв С.В., Ракша Н.С. Проблемы правового регулирования обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Российский следователь. — 2022. — №1. — С. 64–67.
7. Савин С.Д., Касабуцкая М.С. Общенациональные российские ценности в контексте формирования коллективной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2019. — №1. — С. 82–97.
8. Юрченко И.В. Обеспечение национальной безопасности на региональном уровне: основные концепты и проблемы методологии // Человек. Сообщество. Управление. — 2012. — №1. — С. 13–17.

References

1. Anichkin E.S., Sorokin V.V. Legal issues of reunification of new regions with the Russian Federation. Barnaul: Publishing House of the Alt. University, 2024. 298 p
2. Antsupov A.Ya., Shipilov A.I. Conflictology. — St. Petersburg: Peter, 2015. — 528 p.
3. Gusarova M.A. The problem of the Russian legal mentality and Russian legal consciousness: a philosophical analysis // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. - 2017. — No. 3. — pp. 54-57.
4. Idayatov A.K. Transformation of the role of peaceful ways of resolving international conflicts in the information society // International public and private law. 2013. No. 2. pp. 14-16.
5. Konopleva A.A. Settlement of interethnic conflicts as a factor of ensuring national security // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. - 2016. — No. 7. — pp. 56-58.
6. Likhachev S.V., Raksha N.S. Problems of legal regulation of ensuring national security of the Russian Federation // A Russian investigator. — 2022. — No. 1. — pp. 64-67.
7. Savin S.D., Kasabutskaya M.S. National Russian values in the context of collective identity formation // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2019. No. 1. pp. 82-97.
8. Yurchenko I.V. Ensuring national security at the regional level: basic concepts and problems of methodology. Community. Management. - 2012. — No. 1. — pp. 13-17.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_24

УДК 340

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ МОЛОДЕЖНОЙ СЕКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «III РАССОЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» (15 ОКТЯБРЯ 2025 Г., ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ (РПА МИНЮСТА РОССИИ))

MODERN THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF JURISPRUDENCE: A REVIEW OF THE MATERIALS OF THE YOUTH SECTION OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE «III RASSOLOVSKIE READINGS» (OCTOBER 15, 2025, ALL-RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF JUSTICE (RLA OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF RUSSIA))

ДОЦЕНКО Никита Александрович,
Брянский филиал федерального
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
241050, Россия, г. Брянск, ул. Горького, д. 18.
E-mail: n.dotsenko@bk.ru

DOTSENKO Nikita Aleksandrovich,
Bryansk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
241050, Russia, Bryansk, Gorky St., 18.
E-mail: n.dotsenko@bk.ru

ЛАТТЕГАН Кирилл Олегович,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности;
117279, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А.
E-mail: kirill.lattegan@yandex.ru

LATTEGAN Kirill Olegovich,
Russian State Academy of Intellectual Property;
117279, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya St., 55A.
E-mail: kirill.lattegan@yandex.ru

ЛЕОНОВ Алексей Алексеевич,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности;
117279, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А.
E-mail: Aleksei_Allekseevich@bk.ru

LEONOV Aleksey Alekseevich,
Russian State Academy of Intellectual Property;
117279, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya St., 55A.
E-mail: Aleksei_Allekseevich@bk.ru

ЛИСИЦКАЯ Снежана Александровна,
Московский государственный лингвистический университет;
119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1.
E-mail: lisitskaia134@gmail.com

LISITSKAIA Snezhana Alexandrovna,
Moscow State Linguistic University;
119034, Russia, Moscow, Ostozhenka St., 38, Bldg. 1.
E-mail: lisitskaia134@gmail.com

НИКОЛАЕВА Анастасия Андреевна,
Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);
199178, Россия, г. Санкт-Петербург, 10-я линия Васильевского острова, д. 19.
E-mail: nastya-nikolaev01@mail.ru

NIKOLAEVA Anastasia Andreevna,
St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia);
199178, Russia, St. Petersburg, 10th Line of Vasilievsky Island, 19.
E-mail: nastya-nikolaev01@mail.ru

ОМАРОВА Эльвира Аллановна,
Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);
367000, Россия, г. Махачкала, ул. Абубакарова, д. 67.
E-mail: elya.omarova2006@gmail.com

OMAROVA Elvira Allanovna,
North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia);
367000, Russia, Makhachkala, Abubakarova St., 67.
E-mail: elya.omarova2006@gmail.com

ПЕТРИЧЕНКОВ Андрей Александрович,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности;
117279, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А.
E-mail: frizyt_04@mail.ru

PETRICHENKOV Andrey Aleksandrovich,
Russian State Academy of Intellectual Property;
117279, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya St., 55A.
E-mail: frizyt_04@mail.ru
СТРЕЛЬЦОВ Александр Ильич,
Колледж Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1.
E-mail: a.strel07@mail.ru
STRELTSOV Alexander Ilyich,
College of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia);
117638, Russia, Moscow, Azovskaya St., 2, BIdg. 1.
E-mail: a.strel07@mail.ru
ЦАЙ Элина Андреевна,
Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)» в г. Саранске;
430005, Россия, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 6.
E-mail: elinatsay.22200512@gmail.com
TSAY Elina Andreevna,
Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) in Saransk;
430005, Russia, Saransk, Fedoseenko St., 6.
E-mail: elinatsay.22200512@gmail.com
ШАКИРОВ Артур Маратович,
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)»;
420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, д. 21.
E-mail: artur.shakirov.21@bk.ru
SHAKIROV Artur Maratovich,
Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia);
420111, Russia, Kazan, Moskovskaya St., 21.
E-mail: artur.shakirov.21@bk.ru

Краткая аннотация: *В обзоре представлены материалы докладов, посвященных теоретико-правовым и прикладным проблемам юриспруденции. Освещены вопросы философии государства и права (славянская традиция понимания государства, классификация государств по отношению к религии), цивилистики (коммерциализация интеллектуальных прав, недействительность сделок, правовое регулирование предпринимательства, брачный договор), процессуального права (сущность арбитражного процесса, адвокатская монополия), а также кадрового и антикоррупционного обеспечения юридической деятельности.*

Abstract: *This review presents reports on theoretical, legal and applied problems of jurisprudence. The issues of the philosophy of state and law (the Slavic tradition of understanding the state, the classification of states in relation to religion), civil law (commercialization of intellectual rights, invalidity of transactions, legal regulation of entrepreneurship, marriage contract), procedural law (the essence of arbitration process, attorney monopoly), as well as personnel and anti-corruption support of legal activity are highlighted.*

Ключевые слова: *теория государства и права, философия права, славянофильство, светское государство, интеллектуальная собственность, недействительность сделок, арбитражный процесс, адвокатская монополия, брачный договор, юридическое образование.*

Keywords: *theory of state and law, philosophy of law, Slavophilism, secular state, intellectual property, invalidity of transactions, arbitration process, attorney monopoly, marriage contract, legal education.*

Для цитирования: *Доценко Н.А., Латтеган К.О., Леонов А.А., Лисицкая С.А., Николаева А.А., Омарова Э.А., Петриченков А.А., Стрельцов А.И., Цай Э.А., Шакиров А.М. Современные теоретические и практические проблемы юриспруденции: обзор материалов молодежной секции Международной научно-практической конференции «III Рассоловские чтения» (15 октября 2025 г., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)) // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 24-27. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_24.*

For citation: *Dotsenko N.A., Lattegan K.O., Leonov A.A., Lisitskaia S.A., Nikolaeva A.A., Omarova E.A., Petrichenkov A.A., Streltsov A.I., Tsay E.A., Shakirov A.M. Modern theoretical and practical problems of jurisprudence: a review of the materials of the youth section of the International scientific and practical conference «III Rassolovskie readings» (October 15, 2025, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia))// Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 24-27. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_24.*

Статья поступила в редакцию: 23.03.2026

15 октября 2025 года на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» состоялась Международная научно-практическая конференция «III Рассоловские чтения», в рамках которой активно работала молодежная секция. В ходе заседания доктор юридических наук, профессор *В.Ю. Панченко (Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России))* отметил, что современная юридическая наука требует от молодых исследователей не только глубокого знания позитивного права, но и способности к философско-правовому осмыслению государственно-правовых явлений, а также понимания тонких механизмов частноправового регулирования и кадровой политики. Участники секции представили доклады, охватывающие широкий спектр проблем — от фундаментальных вопросов теории государства до прикладных аспектов судебного представительства и нотариальной практики.

С.А. Лисицкая (Московский государственный лингвистический университет) в докладе «О вопросе существования особой славянской традиции в понимании государства» поставила фундаментальный вопрос о возможности выделения особой славянской парадигмы в осмыслении государства и права. Опираясь на труды славянофилов, прежде всего К.С. Аксакова, автор показала, что в российской мысли сложилась концепция, разделяющая «землю» (народ) и «государство» (власть). Аксаков, как отмечает докладчик, понимал государство как вторич-

ный институт, призванный служить народу. Развивая эту мысль, К.П. Победоносцев подчеркивал, что государственная власть зиждется на духовном единстве и вере народа. Докладчик обратила внимание на работы сербского правоведа С. Йовановича, идеи которых перекликаются со славянофильским различением формальной стороны государства и живой жизни народа. Противопоставляя славянскую традицию западным концепциям (Т. Гоббс, Дж. Локк), С.А. Лисицкая отметила их опору на индивидуализм и рационализм, а не на религиозно-нравственный идеал. В итоге докладчик пришла к выводу, что особая славянская традиция — это не объективная характеристика всей политической культуры славян, а историко-философский феномен, одна из интеллектуальных школ, укорененная в православном мироощущении.

А.М. Шакиров (Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)) в докладе «Классификация современных государств по их отношению к религии: теоретико-методологический аспект» подверг критике традиционную дихотомию «светское – теократическое государство», показав ее несоответствие современной политико-правовой реальности, где существуют гибридные модели. Автор обосновал необходимость введения множественных критериев классификации: институциональных, нормативных, функциональных и социокультурных. Особое внимание было обращено на феномен конституционализации религиозных ценностей и правового плюрализма в семейном и наследственном праве.

К.О. Латтеган (Российская государственная академия интеллектуальной собственности) в докладе «Коммерциализация исключительных прав: практическое значение терминологии» обратил внимание на юридическую некорректность терминов «коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности» или «коммерциализация интеллектуальной собственности», поскольку оборотоспособностью обладают не сами результаты, а исключительные права на них (ст. 129 ГК РФ). На основе анализа классических трудов Г.Ф. Шершеневича [1, с. 34] и современных исследований И.А. Зенина [2, с. 528] показано, что вознаграждение за отчуждение исключительного права не может называться «ценой» в товарном смысле. Приведены примеры законодательных ошибок, в частности в Федеральном законе «О развитии креативных (творческих) индустрий», где креативный продукт определяется через реализацию результатов интеллектуальной деятельности, что противоречит ГК РФ. Сделан вывод о необходимости корректного использования терминологии в нормативных правовых актах и договах.

Н.А. Доценко (Брянский филиал РАНХиГС) в докладе «Сущность арбитражного судопроизводства как особой правоприменительной деятельности на современном этапе» представил анализ качественной трансформации роли арбитражного суда. Отмечен отход от пассивной роли суда-наблюдателя к активному участнику процесса, особенно в условиях информационной асимметрии (споры о банкротстве, корпоративные конфликты). Суд вынужден применять повышенный стандарт доказывания, по собственной инициативе выносить на обсуждение значимые обстоятельства и истребовать доказательства. Важный аспект – борьба со злоупотреблением процессуальными правами, где суд выступает «фильтром» добросовестности. Сделан вывод, что современное правоприменение в арбитражном процессе ориентировано на достижение материальной, а не формальной истины.

А.А. Леонов (Российская государственная академия интеллектуальной собственности) в выступлении на тему «Проблемы недействительности сделок с пороками воли» на основе исследования новейшей судебной практики, включая резонансные дела, раскрыл критерии, используемые судами при квалификации таких сделок: существенность заблуждения, умысел при обмане, реальность и исполнимость угрозы, совокупность условий кабальности. Сформулирован вывод о необходимости дифференциации правовых последствий в зависимости от добросовестности сторон и предложены рекомендации по совершенствованию судебной практики.

А.И. Стрельцов (колледж Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)) в докладе «Современные взгляды на создание правовых условий для развития кадрового регулирования деятельности органов, подведомственных Минюсту России» на основе сравнительного анализа нормативного регулирования и социальных гарантий сотрудников ФССП и ФСИН России, включая аспекты медицинского и санаторно-курортного обеспечения, права на жилье и денежное довольствие, обосновал вывод о необходимости принятия единых комплексных нормативно-правовых актов, унифицирующих подходы к регулированию деятельности обеих служб.

Э.А. Омарова (Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)) в докладе «Подготовка юридических кадров: воспитательная и антикоррупционная составляющие» обосновала необходимость органического соединения воспитательного и антикоррупционного компонентов в процессе обучения будущих юристов. Автор подчеркнула, что антикоррупционное образование наиболее эффективно в сочетании с активными методами обучения: кейс-анализом, дискуссиями, имитационными процессами и клинической юридической практикой, которые формируют личную ответственность и уважение к закону. Показана необходимость сквозной модели антикоррупционной грамотности, интегрированной в учебные планы на всех этапах обучения.

А.А. Петриченков (Российская государственная академия интеллектуальной собственности) в выступлении «Проблемы гражданско-правового регулирования индивидуального предпринимательства» рассмотрел проблемы правового регулирования совместной и семейной предпринимательской деятельности, риски квалификации налоговыми органами кооперации ИП как недобросовестной оптимизации. Автором предложены меры по совершенствованию законодательства: дифференциация имущественной ответственности, закрепление понятия «предпринимательское имущество», легализация семейного предпринимательства, совершенствование процедуры банкротства и развитие страхования предпринимательских рисков.

Э.А. Цай (Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске) в докладе «Правовые и экономические последствия введения адвокатской монополии» проанализировала законопроект Минюста России (июль 2025 г.), предполагающий закрепление исключительного права адвокатов на судебное представительство. Отметив потенциальные преимущества (унификация стандартов квалификации, усиление этического контроля), автор сосредоточилась на системных рисках: ограниче-

ние доступа к правосудию для малоимущих граждан, рост стоимости услуг, судьба правозащитников без статуса адвоката, риск усиления давления на адвокатуру и снижение конкуренции. Экономические последствия включают увеличение издержек для малого и среднего бизнеса. Сделан вывод о необходимости серьезной доработки законопроекта, включая расширение системы бесплатной юридической помощи.

А.А. Николаева (Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)) в докладе «Брачный договор в российском и международном законодательстве» осветила проблемы, возникающие при заключении брачных договоров, осложненных иностранным элементом. Российское законодательство ограничивает содержание брачного договора только имущественными отношениями, тогда как в ряде зарубежных стран (США, Франция, ОАЭ) допускается включение личных неимущественных условий. Это создает коллизии и риски недействительности договора. Среди системных проблем выделены: отсутствие легального определения «иностранный элемент» в СК РФ, жесткие коллизионные привязки, не учитывающие динамику жизни супругов. Предложено ратифицировать Гаагскую конвенцию 1978 года, унифицировать коллизионные нормы и дать четкое определение иностранного элемента в семейных правоотношениях.

Список литературы

1. Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань: типография Императорского университета, 1891. 313 с.
2. Зенин И.А. Товарный фетишизм исключительных интеллектуальных прав // Проблемы современного гражданского права: сб. статей памяти В.С. Ема (к 70-летию со дня рождения) / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2021. С. 519-532.

References

1. Shershenevich G.F. Avtorskoe pravo na literaturnye proizvedeniya CopyrightforLiteraryWorksCopyrightforLiteraryWorks. Kazan: tipografiya Imperatorskogo universiteta, 1891. 313 s.
2. Zenin I.A. Tovarnyj fetishizm isklyuchitel'nyh intellektual'nyh prav CommodityFetishismofExclusiveIntellectualRightsCommodityFetishismofExclusiveIntellectualRights // Problemy sovremennogo grazhdanskogo prava: sb. statej pamyati V.S. Ema (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya) / otv. red. prof. E.A. Suhanov. M.: Statut, 2021. S. 519-532.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_28

УДК 343.8

СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ И МОРАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ДИЛЕММА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»
THE SYSTEM OF PUNISHMENTS AND THE MORAL AND LEGAL DILEMMA IN F.M. DOSTOYEVSKY'S NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT"

НАЗАРОВА Марина Григорьевна
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний».
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: nmg1972@mail.ru

NAZAROVA Marina Grigor'yevna
PhD in Philosophy, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Faculty of Law
Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service of Russia.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020.
E-mail: nmg1972@mail.ru

Краткая аннотация: *Статья освещает не только элементы механизма совершения преступления, но и многие юридические и нравственные проблемы, поднятые в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», до сих пор остающиеся актуальными. В романе отражена связь между действующим законодательством, порядком ведения уголовного дела и сущностью юридического (и одновременно нравственного) наказания Раскольникова. Расследование превращается в площадку для обсуждения не только юридических процедур, но и моральных вопросов, где границы между законной справедливостью и духовной истиной оказываются очень тонкими. Достоевский не только описывает преступление как факт убийства и как повод для последующих санкций, но и акцентирует внимание на философско-этической дилемме, лежащей в основе правовой трактовки романа: как квалифицировать деяние, когда мотив кажущейся «великой цели» отдаляет преступника от обычного понимания нравственной ответственности. В романе юридическое наказание Раскольникова предстает не как единственный механизм расплаты, а как часть сложной системы, где закон, следствие и судебная процедура соприкасаются с личной виновностью, моральной ответственностью и духовной трансформацией.*

Abstract: *The article covers not only the elements of the crime mechanism, but also many legal and moral issues raised in Fyodor Dostoevsky's novel Crime and Punishment, which are still relevant today. The novel reflects the connection between the current legislation, the procedure for conducting a criminal case, and the essence of Raskolnikov's legal (and moral) punishment. The investigation becomes a platform for discussing not only legal procedures, but also moral issues, where the boundaries between legal justice and spiritual truth become very thin. Dostoevsky not only describes the crime as a fact of murder and as a reason for subsequent sanctions, but also focuses on the philosophical and ethical dilemma underlying the legal interpretation of the novel: how to qualify the act when the motive of a seemingly «great goal» distances the criminal from the usual understanding of moral responsibility. In the novel, Raskolnikov's legal punishment is presented not as the sole mechanism of retribution, but as part of a complex system where law, investigation, and judicial procedure intersect with personal guilt, moral responsibility, and spiritual transformation.*

Ключевые слова: *убийство, преступление, вина, наказание, преступник, правовая система, совесть, санкции, каторжная система.*
Keywords: *murder, crime, guilt, punishment, criminal, legal system, conscience, sanctions, penal system.*

Для цитирования: *Назарова М.Г. Система наказаний и морально-правовая дилемма в романе Ф.М. Достоевского «преступление и наказание» // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 28-30. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_28.*
For citation: *Nazarova M.G. The system of punishments and the moral and legal dilemma in F.M. Dostoevsky's novel "Crime and punishment" // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 28-30. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_28.*

Статья поступила в редакцию: 03.04.2026

Обозначенная в заголовке тема является актуальной, так как обращение к роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» затрагивает не только понимание механизма совершения преступления, но и многие юридические и нравственные проблемы, которые можно назвать вечными. Работу над данным произведением Ф.М. Достоевский начал в 1859 году, находясь на каторге, и те сомнения и вопросы, которые появились у автора в процессе написания, и вошли в роман, первоначально задуманный как дневник-исповедь. Опубликованный в журнале «Русский вестник» в 1866 году, роман до сих пор вызывает споры, критику и дискуссии [2] .

Психологи и педагоги, философы и филологи до сих пор анализируют роман под разным углом зрения. В 2016 году в России отмечали важную литературную дату: 150 лет с начала написания романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, что и вызвало всплеск интереса к произведению среди читателей и критиков. Творчество Ф.М. Достоевского потрясает читателей до их пор острыми моментами столкновения pro и contra, проходящими не в умозрительной теории, а в сердцах человеческих, где «дьявол борется с Богом» [2].

Рассмотреть знаменитое произведение Достоевского было бы интересно с точки зрения морально-правовой дилеммы. Считаем, что для юриста и сотрудника уголовно-исполнительной системы России полезным опытом будет рассуждение над вопросом: «Как в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» формируется связь между действующим законодательством, порядком ведения уголовного дела и самим юридическим и нравственным наказанием Раскольникова?». При этом основной акцент нужно сделать не только на правовом контексте эпохи, механизмах расследования, но также на проблеме: каким образом жизненный и правовой путь героя романа взаимосвязан с философскими и нравственными вопросами, ролью совести и мотивом искупления вины.

Достоевский на примере Родиона Раскольникова, дает не только собирательный художественный образ героя-преступника, но и раскрывает его психологический портрет, а также показывает через фигуру Раскольникова ограниченность правовой процедуры при решении вопросов о виновности и мере наказания и как этот казус перекликается с более широкой нравственной и духовной трансформацией героя [3].

Роман затронул актуальную для той эпохи проблему: то, что нормы права, доказательная система, судебный процесс и карательные санкции выступают не только как формальные институты, но и как арена столкновения между утилитаристской логикой (направление в этике, согласно которому моральная ценность поведения или поступка определяется его полезностью) и христианской моралью, которая требует не столько наказания с точки зрения государства, сколько раскаяния и нравственной работы личности в рамках внутреннего суда совести.

Историко-правовой фон России XIX века, лежащий в основе романа, предельно тесно связан с тем, как именно в государстве рассматривались тяжкие преступления и какие санкции применялись за их совершение [3]. В эпоху Достоевского уголовное право опиралось на совокупность устаревших норм, традиционных процедур и карательной практики, включавшей смертную казнь, ссылку и каторжную систему. Следственные органы действовали в рамках форм расследования, часто зависевших от местной бюрократии и социально-правовых условностей, а процесс рассмотрения дел по убийствам мог происходить в подвалах, где вели дела общей практики уголовного судопроизводства. В романе важна не только реконструкция судебной процедуры того времени, но и понимание того, как судебный процесс формирует фон для последующей, более глубокой драматургии жизненных событий.

Достоевский на примере романа считает, что юридическое наказание не обязательно совпадает с моральной истиной и что формальная правовая квалификация преступления в романе не всегда предопределяет его судебное завершение. В тексте появляется образ преступления как юридического деяния, однако последующая судьба Раскольникова и характер следствия создают напряжение между буквой закона и правдой совести, между тем, что формально может быть квалифицировано как преступление, и тем, как общество и сам человек переживает последствия этого деяния.

Кроме Раскольникова также главной фигурой романа является следователь Порфирий Петрович, который с обостренным чувством интуиции, с одной стороны, и логическим анализом, с другой, приступает к распутыванию сложного дела. Раскрывая преступление, он выходит на проблему о возможности права постигать мотивы преступления и в целом поступков человека, а также вопрос о границах правовой рациональности в поведении. Работа следователя становится основным двигателем всего процесса, элементы которого затрагивают не только правовые, но и психологические, а также этические моменты, выстраивая целостную картину преступления. Порфирий Петрович ищет улики и, сомневаясь, выдвигает предположение о мотивах поведения Раскольникова. Так, на страницах своего романа, Ф.М. Достоевский поднимает проблему уголовного процесса XXI века: как квалифицировать деяние, если мотив и цель преступления выходят на противоречивое отношение к закону и человеческой жизни. Расследование преступления становится центром рассмотрения не только юридических процедур, но и обсуждения моральных вопросов, затрагивающих понимание сущности бытия человека, смысла жизни и ценности бытия. В данном случае границы между законной справедливостью и духовной истиной становятся шаткими и непрочными. Ф.М. Достоевский подчеркивает роль опыта и юридической техники в деятельности следователя, что помогает в поиске улик преступления; в дальнейшем логика судебного процесса выстраивается не только в формальном юридическом аспекте, но и затрагивает внутренний глубинный мир героя, пытаясь понять мотивы и последствия его поступка, оценить, как они соотносятся с нормами закона и морали.

В романе Ф.М. Достоевского уголовное дело Родиона Раскольникова предстает как сочетание детективной линии и философских размышлений. Распутывание преступления становится поводом для размышлений над вечными философскими вопросами о смысле жизни, границах дозволенности и воле человека в контексте права и справедливости.

Юридическая квалификация преступления, которое совершил Раскольников, требует особого внимания в рамках анализа романа как философско-правовой проблемы. Достоевский не только описывает преступление как факт убийства и как повод для наступления санкций, но и акцентирует внимание на философско-этической дилемме, лежащей в основе правовой трактовки романа: как квалифицировать деяние, когда мотив кажущейся «великий цели» отдаляет преступника от обычного понимания нравственной ответственности? В контексте эпохи XIX века рассуждения о преступлении и наказании проходили с позиции определенных правовых норм, которые предусматривали наиболее суровые формы наказания за убийство и распространение рисков, связанных с тяжкими преступлениями. Однако в романе задача квалификации выходит за рамки формального определения состава преступления: она становится вопросом о сущности вины, о том, может ли индивидуальная идея «правомерного» убийства, даже если она устремлена к благой цели, быть принята законом.

В романе Раскольников хочет представить себя как личность особого рода, как субъект закона, перечеркнувшего традиционную этику ради некоего высшего утилитарного общественного проекта, что в правовом контексте той эпохи воспринималось как преступление, подпадающее под суровое наказание (от уголовной ответственности за убийство до последствий в рамках государственной системой контроля над категориями лишения свободы и ссылкой). Автор считает, что правовая квалификация становится местом столкновения апофеозных философских размышлений героя и институционального права, так как закону нужны доказательства вины и соответствующие процедуры, а личная совесть призывает к переоценке моральных установок и готовности к ответственности.

Полагаем, что можно рассматривать события, происходящие в романе Ф.М. Достоевского не только в рамках ведения уголовного дела, где есть попытка соблюсти строгие правила процессуальных норм, но и в контексте драматического действия, где суд и полиция являют собой фон для сцен внутренней нравственно-правовой борьбы Раскольникова и его душевных мучений и угрызений совести.

Следователь Порфирий Петрович, представленный в романе Ф.М. Достоевского, использует эффективный метод расследования для данной эпохи, базирующийся на сочетании рационально-логического анализа поступков и наблюдения за психическими реакциями подозреваемого. Кроме того, расследование становится частью философско-криминалистического диалога между следователем и обвиняемым: вопросы и паузы, ответы и сомнения, вербальные и невербальные сигналы и жесты – все это формирует целостную картину, внутри которой правовой

механизм реализуется не только через сбор необходимых улик, объективных фактов, но и через психологическую субъективную интерпретацию мотивов и поступков, через анализ сложного противоречивого внутреннего мира человека. И в конце романа мотивационная сторона поведения героя и нравственная ответственность личности выходят за пределы формального рассмотрения.

Произведение Ф.М. Достоевского поднимает проблему: как юриспруденция XIX века соотносилась с реальностью преступления и наказания; формальная процедура завершается вынесением приговора и назначением наказания, но внутренний душевный раскол в душе героя, его сомнения, признание вины и раскаяние, а также готовность к искуплению на фоне тяжести преступления формируют другую «судебную» реальность, еще более глубокого слоя, где решение принимается не на судейской скамье, а в душе человека. Тогда юридическое наказание, утвержденное государством в виде экспертиз, следствия и суда, становится механизмом, не способным полностью удовлетворить требования нравственной правды. Все это приводит к выводу, что представленное в произведении наказание имеет сложный многоуровневый подтекст: юридическое наказание как элемент государственно-правовой системы имеет место быть, но не является единственным источником расплаты Раскольникова за преступление; более сильной является внутренняя, духовная, экзистенциальная сторона наказания, которая приводит героя к раскаянию, признанию вины и позднее к смирению и духовному перерождению.

Если внимательно рассмотреть финал романа, то становится понятным юридическое наказание Раскольникова в виде ссылки на каторгу. Раскольникову дали 8 лет каторги вместо 20 лет за двойное убийство, смягчив наказание. Суд учел явку с повинной и то, что «студент Раскольников был в состоянии мрачной ипохондрии», а также полученную положительную характеристику от других людей (помогал бедному университетскому товарищу и его отцу, спас двоих детей во время пожара, рискуя своей жизнью) и то, что взятые после убийства старухи-процентщицы деньги не были потрачены [3]. Также понятным становится путь религиозной Сони, отправившейся вслед за Раскольниковым. Тогда в данном контексте наказание будет рассматриваться не только как социальный и правовой феномен, но и как духовный, внутренний акт трансформации человека, формирования нового личностного мира, наполненного высокодуховными нравственными гранями, включая дисциплину, ответственность, самоконтроль.

Таким образом, структура романа показывает, что наказание здесь имеет двойную смысловую природу: юридическую и философскую, правовую и нравственную, внешнюю и внутреннюю.

В политическом и правовом смысле произведение Достоевского критиковало утилитарную теорию морали, согласно которой великие цели могут оправдывать преступления; а также способствовало пониманию истинного наказания, которое даже в рамках государственной системы не достигает своей подлинной цели без духовно-нравственной трансформации личности, раскаяния и обращения к высшей религиозной морали.

Таким образом, Ф.М. Достоевский подводит окончательный итог: система наказания в романе не сводится только к формальному осуществлению уголовной ответственности, а скорее раскрывает пределы и возможности правовой системы в отношении человека, который способен сделать нравственно-правовой выбор, оказавшись перед дилеммой. Раскольников оказывается перед фактом, что юридическое наказание может быть реализовано государством в виде каторги, но настоящая расплата и подлинное исправление лежат в плоскости духовного преображения, в принятии ответственности за содеянное и в готовности к жизни по новым принципам. В этом смысле роман представляет собой не просто историю преступления и наказания, а философско-юридическую драму о том, как правовая система и человеческая совесть взаимодействуют внутри одного лица и как в итоге искупление достигается через смирение и веру, а не через чисто правовую линию уголовного процесса.

Вывод состоит в том, что в романе «Преступление и наказание» юридическое наказание Раскольникова предстает не как единственный механизм расплаты за преступление, а как часть сложной системы, где закон, следствие и судебная процедура связаны с личной виновностью, моральной ответственностью и последующей духовной трансформацией героя. Законодательство XIX века, как оно изображено в романе, способно наказать за убийство в рамках традиционной системы санкций: каторга, ссылка и принудительный труд. Но истинная расплата героя связана с его внутренней борьбой и последующим искуплением вины через смирение, сострадание и обращение к Богу, путь к которому ему помогает найти подруга Соня. Таким образом, устами своих героев в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевский утверждает, что в контексте правовой системы и уголовного процесса во второй половине XIX века закон остается инструментом воздействия общества на личность, но истинная справедливость достигается через личное духовно-нравственное преображение человека и его способность стать ответственным за свои поступки, выйти за пределы личного эгоизма и прийти к вере в Бога через раскаяние и мучения.

Список литературы:

1. Азаренко Н.А. Экспликация и импликация концептов Бог и дьявол в тексте романа Ф. М. Достоевского «Преступление и последствия» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. №4 (37).
2. Генова А. «Преступлению и наказанию» 150 лет // URL: https://russkiymir.ru/publications/201897/ (дата обращения 02.04.2026).
3. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание URL: https://www.litres.ru/book/fedor-dostoevskiy/prestuplenie-i-nakazanie-139491/chitat-onlayn/ (дата обращения: 02.04.2026).
4. Парилов О.В. Ф.М. Достоевский: метафизический смысл «преступления» и «наказания» // Русско-Византийский вестник. 2022. №3 (10). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/f-m-dostoevskiy-metafizicheskiy-smysl-prestupleniya-i-nakazaniya (дата обращения: 02.04.2026).
5. Райхлина Е.Л., Лобанова Е.В. Концепт «наказание» в картине мира православного верующего: опыт прочтения романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Сибирский филологический форум. 2019. №3 (7).

References:

1.Azarenko N.A. Explication and Implication of the Concepts of God and the Devil in the Text of Fyodor Dostoevsky's Novel Crime and Consequences // Issues of Cognitive Linguistics. 2013. No. 4 (37).
2. Genova A. "Crime and punishment" 150 years old // URL: https://russkiymir.ru/publications/201897 / (accessed 04/02/2026).
3. Dostoevsky F.M. Crime and punishment URL: https://www.litres.ru/book/fedor-dostoevskiy/prestuplenie-i-nakazanie-139491/chitat-onlayn / (date of access: 04/02/2026).
4. Parilov O.V. F.M. Dostoevsky: The Metaphysical Meaning of Crime and Punishment // Russko-Vizantiyskiy Vestnik. 2022. No. 3 (10). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/f-m-dostoevskiy-metafizicheskiy-smysl-prestupleniya-i-nakazaniya (accessed: 02.04.2026).
5. Raikhlyna E.L., Lobanova E.V. The Concept of "Punishment" in the Worldview of an Orthodox Believer: An Analysis of Fyodor Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" // Siberian Philological Forum. 2019. No. 3 (7).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_31

УДК 323.28

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ
ENSURING NATIONAL SECURITY: THE CONCEPT AND BASIC PRINCIPLES

ГАЛДА Михаил Владимирович
Доцент кафедры физической подготовки Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149.
e-mail: mikhail.galda@mail.ru

GALDA Mikhail Vladimirovich
Associate Professor of the Department of Physical Training
at the Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia.
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
e-mail: mikhail.galda@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье исследуется обеспечение национальной безопасности, которое представляет собой целый комплекс мероприятий, например, экономических и политических, военных и социальных, и чьей общей целью является обеспечение всех видов национальной безопасности, указанных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.*

Abstract: *the article examines the provision of national security, which is a whole range of measures, for example, economic and political, military and social, and whose common goal is to ensure all types of national security specified in the National Security Strategy of the Russian Federation.*

Ключевые слова: *Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, национальная безопасность, государственная безопасность.*

Keywords: *National Security Strategy of the Russian Federation, national security, state security.*

Для цитирования: *Галда М.В. Обеспечение национальной безопасности: понятие и основные принципы // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 31-36. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_31.*

For citation: *Galda M.V. Ensuring national security: the concept and basic principles // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 31-36. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_31.*

Статья поступила в редакцию: 26.03.2026

В литературе отмечается, что «политика обеспечения национальной безопасности на протяжении длительного времени не выделялась в самостоятельную сферу государственной деятельности»[1]. Вместе с тем, Стратегия 2021 года устанавливает правовые основы для регулирования общественных отношений в области обеспечения национальной безопасности[2]. Это значит, что данный документ – основа для максимально конструктивного взаимодействия между государственной властью, гражданами, организациями в обеспечении национальных интересов России.

Важной новацией Стратегии 2021 года является то, что обеспечение национальной безопасности расшифровывается в качестве реализации разными институтами – органами публичной власти, гражданским обществом, а также разными организациями правовых и политических, военных и организационных, информационных и социально-экономических и других мер, целью которых является противодействие любым угрозам национальной безопасности[3].

Электронный толковый словарь указывает, что «обеспечить» – «создать все необходимые условия для осуществления чего-либо, гарантировать что-либо»[4]. Думается, что именно исходя из этого смысла слова «обеспечить» исходил законодатель при составлении Стратегии 2021 года.

В перспективе обеспечение национальной безопасности прямо исходит из поставленных целей и задач, а также принципов реализации, закрепленных в законодательстве. Пункт 27 Стратегии 2021 года устанавливает, что национальной безопасность обеспечивается посредством достижения установленных целей и задач, которые названы в качестве стратегических приоритетов.

Рассмотрим цели обеспечения национальной безопасности подробнее.

В Стратегии 2021 года названо 9 национальных приоритетов. Новым является сбережение российского народа и развитие человеческого потенциала, а также то, что эти приоритеты в иерархии среди всех приоритетов размещены на первом месте. Отметим, что в Стратегии 2015 года первоначально была выделена оборона страны.

В литературе называют общие цели обеспечения национальной безопасности:

– взаимосвязь и единство, баланс всех видов обеспечения национальных приоритетов национальной безопасности;

– взаимная ответственность личности, общества, государства[1];

[1] Цит. по: Елфимова О.С. Национальная безопасность в теории и законодательстве России // LEX RUSSICA. – 2016. – № 10 (119). – С. 16.
[2] Грешных, А. А. Механизм правового регулирования региональной общественной безопасности на Северо-западе России как фактор обеспечения национальной безопасности / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 14-19. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-2-14-19. – EDN AOSFJA.
[3] Прудникова, Л. Б. Информация и информационная безопасность как атрибуты гражданского общества (краткий обзор взаимосвязи) / Л. Б. Прудникова, В. М. Шеншин, Н. С. Глейберман // Государственная власть и местное самоуправление. – 2022. – № 7. – С. 7-9. – DOI 10.18572/1813-1247-2022-7-7-9. – EDN LYPXRK.
[4] Значение слова «обеспечить» // Карта слов и выражений русского языка. – [Электронный ресурс]. URL: https://kartaslov.ru, дата обращения (05.02.2023).

– контроль за реализацией обеспечения национальной безопасности;

– согласованность всех действий по обеспечению национальной безопасности[2].

Вместе с тем, Стратегия 2021 года подробно говорит о каждой цели государственной политики в отношении достижения любого из национальных приоритетов, а также устанавливает задачи для обеспечения каждого из них. Учитывая ограниченный объем работы, не будем подробно рассматривать цели и задачи обеспечения каждого национального приоритета. Остановимся только на первых в списке.

Так, в части сбережение российского народонаселения и развития человеческого потенциала целями выступают улучшение демографических показателей, то есть рост населения, повышение качества жизни россиян и укрепление их здоровья. Важной целью является снижение бедности, в том числе имущественного и социального неравенства. Кроме того, в качестве еще одной цели выступает повышение образования и «воспитание гармонично развитого и социально ответственного гражданина» (пункт 32 Стратегии 2021 года). Очевидно, что для достижения указанных целей выработаны специальные задачи, в частности:

а) повышение уровня социальных услуг, а также доступности их получения. К этой же задаче относится максимально полное включение лиц ограниченными возможностями и пожилых лиц в общественную жизнь;

б) повышение реальных доходов у населения и снижение процента малообеспеченных граждан;

в) повышение уровня рождаемости, а также реализация политики по формированию у населения мотивации к многодетности;

г) повышение не только доступности, но и качества медицинской помощи, в том числе вакцинации. Важной задачей является и лекарственное обеспечение населения, включая льготное;

д) увеличение продолжительности жизни населения, а значит, снижение смертности. Кроме того, снижение уровня инвалидизации и прочее.

Сбережение народа стало основным приоритетом национальной безопасности в Стратегии 2021 года. Отметим, что в таком виде проблема ранее никогда не поднималась.

Обеспечение обороны реализуется с учетом целей и задач, изложенных в Стратегии 2021 года, а также с учетом Военной доктрины России[3] (далее – Военная доктрина 2014 года).

Так, к целям, указанным в Стратегии 2021 года относится создание условий для мирного социально-экономического развития, а также обеспечение военной безопасности России. Как видим, цель достаточно объемная и раскрывается она в задачах, изложенных также в Стратегии 2021 года:

– своевременное выявление военных угроз и опасностей[4];

– сдерживание, предотвращение возможных военных конфликтов;

– совершенствование государственной военной организации в целом;

– повышение уровня мобилизационной готовности, а также готовности средств и сил гражданской обороны;

– совершенствование военного планирования;

– защита национальных интересов и россиян за пределами территории России.

Вместе с тем, пункт 19 Военной доктрины 2014 года, конкретизирующий основные задачи обеспечения военной безопасности относит к ним предотвращение и сдерживание военных конфликтов, недопущение гонки вооружений, совершенствование российской системы военной организации, а также способов и форм использования российских Вооруженных Сил и иных войск, совершенствование средств поражения для обороны и необходимого обеспечения национальной безопасности и интересов союзников России. Как видим, при анализе соотношения текстов, определяющих задачи военной безопасности Стратегии 2021 года и Военной доктрины 2014 года, обнаруживается, что текст последней основан на недействующей сегодня Стратегии 2009 года, а не на действующем документе. Вместе с тем, Стратегия 2021 года носит стратегический характер и все существующие документы, касающиеся обеспечения национальной безопасности, как представляется, должны ей соответствовать.

Учитывая изложенное, считаем, что законодателю необходимо привести Военную доктрину 2014 года в соответствие с положениями Стратегии 2021 года, в которой, помимо прочего, цели и задачи обеспечения военной безопасности определены гораздо объемнее, чем в Стратегии 2009 года.

Цели обеспечения, как государственной, так и общественной безопасности – это защита конституционного строя, независимости и суверенитета России, защита территориальной и государственной целостности, защита прав и свобод не только человека, но и гражданина, искоренение коррупции и так далее. Для их достижения Стратегия 2021 года предусматривает решение следующих основных задач:

– недопущение постороннего вмешательства во внутренние дела государства, пресечение любой деятельности спецслужб зарубежных государств и деятельности отдельных лиц, которая может причинить ущерб национальным интересам, пресечение любых преступ-

[1] Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAYMY.
[2] См.: Правовое обеспечение национальной безопасности: учебное пособие / Ю.Н. Туганов, и др.; под ред. Ю.Н. Туганова. – М.: Юрайт, 2023. – С. 72.
[3] Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) // Российская газета. – 2014. – № 298.
[4] Шеншин, В. М. О недостаточности полномочий Росгвардии в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности / В. М. Шеншин // Современное общество и право. – 2021. – № 6(55). – С. 129-134. – EDN WUWYME.

ных посягательств на конституционный строй, на права и свободы, включая «инспирирование «цветных революций» (подпункт 1 пункта 47 Стратегии 2021 года);

– обеспечение охраны и защиты государственной границы;

– снижение уровня преступности и криминализации;

– предупреждение, а также пресечение экстремистской и террористической деятельности любых субъектов и попыток совершения актов химического или ядерного, а также биологического терроризма[1].

Очевидно, что для решения указанных задач существует отраслевое законодательство и оно обширно, поскольку касается каждой задачи в отдельности. Например, Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации[2] (далее – Концепция противодействия терроризму 2009 года) определяет принципы действующей государственной политики в сфере противодействия терроризму, а также цель и задачи, основные направления развития системы противодействия.

Или Указ Президента Российской Федерации «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы которым определены мероприятия и направления деятельности уполномоченными органами по борьбе с коррупцией и по ее предупреждению, и, кроме того, мероприятия, направленные на снижение или ликвидацию результатов коррупционных правонарушений. План противодействия коррупции 2021 года не первый подобный документ, но, в любом случае, он играет важную роль в противодействии коррупции, поскольку имеет системный характер, отражая основные направления в области борьбы с коррупцией и ее предупреждения[3].

Это только основные цели и задачи обеспечения отдельных стратегических приоритетов. Как видим, достижению долгосрочных целей обеспечения национальной безопасности может быть реализовано только посредством решения целого комплекса подчиненных задач и это касается любой области жизнедеятельности. Именно для максимально эффективного осуществления обеспечения национальной безопасности государством разрабатываются необходимое федеральное законодательство, включающее федеральные целевые программы. Именно в рамках таких программ устанавливаются и впоследствии реализуются на практике задачи обеспечения национальной безопасности.

Так, за исключением некоторых положений 01.01.2023 вступило в силу Постановление Правительства Российской Федерации, утвердившее Государственную программу «Развитие здравоохранения»[4] (далее Госпрограмма развития здравоохранения 2017 года). Данный документ определяет следующие основные цели программы, а именно, это снижение к плановому 2024 году:

а) смертности среди трудоспособного населения;

б) смертности от любых видов новообразований, включая злокачественные;

в) смертности от болезней системы кровообращения;

г) младенческой смертности.

Как видим, они точно соотносятся с целями Стратегии 2021 года в части сбережения народа, о чем говорит ее пункт 32.

Достижение целей и задач Стратегии 2021 года будет значить, что достигнут приемлемый уровень национальной безопасности. Вывод, который прямо напрашивается из Стратегии 2021 года, заключается в том, что предусмотренные в ней задачи решаются посредством разработки, необходимой корректировки и практического выполнения документов стратегического планирования, а также проектов и программ в сфере обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития и, кроме того, их ресурсного обеспечения.

Стратегия 2021 года является базовым документом по отношению к реализации обеспечения национальной безопасности, чьи положения раскрыты в ином законодательстве, в том числе, в первую очередь, в Конституции РФ, а также в Федеральном законе от 28.12.2010 № 390-ФЗ. Стратегия 2021 года базируется на определенных принципах[5], представляющих собой «основные идеи, руководящие начала, определяющие содержание и направления правового регулирования»[6].

Основные принципы любой деятельности заложены в Конституции РФ, которой не только признаются, но также гарантируются права и свободы человека и гражданина. Пункт 1 Стратегии 2021 года прямо говорит, что Конституцией РФ «закреплены фундаментальные … принципы». В свою очередь, Конституционный Суд России указывает, что «из общих принципов права вытекают критерии справедливости, соразмерности и правовой безопасности»[7].

Отдельные принципы обеспечения национальной безопасности отражены в Федеральном законе от 28.12.2020 № 390-ФЗ. Так его статья 2 называет следующие принципы:

а) законность;

б) соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. При этом нужно отметить позицию Конституционного Суда России по этому вопросу, который считает, что Россия – демократическое и правовое государство, в котором запрещено издавать такие законы,

[1] Шеншин, В. М. Место войск национальной гвардии в системе обеспечения государственной и общественной безопасности при осуществлении борьбы с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Военное право. – 2021. – № 6(70). – С. 31-40. – EDN OMFOIU.
[2] Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации от (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Российская газета. – 2009. – № 198.
[3] См.: Волосова Н.Ю., Филиппова Е.О. Основы противодействия коррупции: учебное пособие. – Оренбург: Оренбургский государственный ун-т, 2021. – С. 53.
[4] Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» от 26.12.2017 № 1640 (ред. от 16.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 1 (Часть II). – Ст. 373.
[5] См.: Мусаева Г.М., Абубакаров А.М. Обеспечение национальной безопасности: понятие, цель и основные методы // Вестник Дагестанского государственного ун-та. – 2022. – Вып. 1. – С. 87.
[6] Санникова С.С. Принципы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации // Вестник Поволжского ин-та управления. – 2021. – № 6. – С. 14.
[7] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности части первой статьи 256 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.И. Романовой» от 08.06.2015 № 14-П // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 25. – Ст. 3736.

которые отменяют или каким-либо образом умаляют права и свободы человека и гражданина[1];

в) комплексность, а также системность применения уполномоченными органами, включая органы местного самоуправления организационных и политических, информационных[2] и социально-экономических, правовых и других законных мер обеспечения национальной безопасности;

г) взаимодействие уполномоченных органов с различными общественными объединениями, включая международные организации, а также с гражданами по вопросам, касающимся обеспечение национальной безопасности;

д) приоритет предупредительных мер, видимо над превентивными, для обеспечения национальной безопасности.

Объективно одним из самых важных принципов, имеющих конституционный характер, и заложенный в основу совершенно всех правовых отраслей, представляется принцип законности. Относительно обеспечения национальной безопасности нужно сказать, что этот принцип повторяется в нормативно-правовых актах, имеющих к нему отношение.

Законность в качестве принципа обеспечения национальной безопасности состоит, что несложно заключить, в соблюдении его субъектами исключительно законных правоотношений. Законность – «организационный принцип права, механизм его реализации»[3], в том числе, когда речь идет об обеспечении национальной безопасности. Состояние законности при обеспечении национальной безопасности может зависеть от самых разных факторов, например, управленческого и экономического, а также правового характера. Опять же к таким факторам относятся, в частности, недостатки российского законодательства в области обеспечения национальной безопасности.

Основой комплексности и системности мероприятий, целью которых является обеспечение национальной безопасности, является непрерывное отслеживание, коррекция по итогам анализа и совершенствование государственной системы управления, совершенствование стратегического планирования. При этом комплексность говорит о системности и полноте обеспечения национальной безопасности. Кроме того, комплексность подразумевает, что разработка и последующая реализация, а также контроль мероприятий, направленных на обеспечение одного вида национальной безопасности не должны противоречить разработке и реализации, а также контролю мер, направленных на обеспечение других видов национальной безопасности[4].

Системность в случае обеспечения национальной безопасности подразумевает предупреждение рассогласованности данного вида деятельности. Это значит, что со стадии определения угроз и прогнозирования, планирования мер и до стадии проведения контроля за обеспечением национальной безопасности, все мероприятия должны быть согласованы между собой.

Что касается принципа общего взаимодействия, то он представляет собой слаженную работу между звеньями всей системы обеспечения национальной безопасности. К элементам взаимодействия относятся уполномоченные органы государства, общество, организации и общественные объединения, а также граждане.

Рассматривая особенности принципа приоритета предупредительных мер над любыми иными, в первую очередь, мерами принуждения, отметим, что они состоят в проведении мероприятий, позволяющих предупредить любые возможные угрозы в отношении любых видов национальной безопасности. Например, в проверке документов, в проведении контрольных и надзорных проверок, в установлении ограничительных мероприятий (карантина), как это было при пандемии COVID-19. Актуальность этого принципа не оставляет сомнений, поскольку законодательная деятельность в области обеспечения национальной безопасности, в первую очередь, как раз и имеет своей целью предупредить любые общественно опасные явления и деяния.

Рассматриваемый список основных принципов, отображенный в Конституции РФ и реализованный в Федеральном законе от 28.12.2010 № 390-ФЗ, нельзя считать полноценным для нормального функционирования системы обеспечения национальной безопасности по следующим причинам.

Во-первых, законодатель не включил в него по непонятной причине принцип взаимной ответственности субъектов данной деятельности, что представляется крайне неоправданным. Отсутствие законодательно закрепленного принципа ответственности на практике, как представляется, приводит к отстраненности общества и граждан от вопросов обеспечения национальной безопасности, а также к концентрации власти в данной области исключительно у государства.

Во-вторых, в список статьи 2 Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ не включен принцип гласности по отношению к деятельности уполномоченных органов государственной власти и органов местного самоуправления по обеспечению национальной безопасности. Представляется, что реализация именно этого принципа позволит на практике добиться обеспечения принципа законности, поскольку они связаны напрямую. В свою очередь, закрытость деятельности по обеспечению национальной безопасности снижает общественную оценку итогов уполномоченных органов и негативно отражается на доверии народа.

Учитывая сказанное, считаем необходимым дополнить статью 2 Федеральном законе от 28.12.2010 № 390-ФЗ следующими пунктами:

– «6) взаимная ответственность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, других государственных органов с общественными объединениями и гражданами»;

[1] См.: Пункт 2 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области» от 14.07.2015 № 20-П // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 30. – Ст. 4657.

[2] Уткин, Н. И. Цифровая трансформация ведомственных вузов: гармонизация нормативной правовой базы информационной безопасности / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин, А. В. Шестаков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 4(65). – С. 91-110. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-91-110. – EDN FBMFIM.

[3] Ашубеков Т.А. Законность и национальная безопасность // Законность. – 2021. – № 5. – С. 15.

[4] См.: Муравых А.И., Никитенко Е.Г. Основы национальной безопасности и устойчивого развития: учебное пособие. – М.: МАКС Пресс, 2017. – С. 105.

– «7) гласность деятельности по обеспечению безопасности».

В работе не рассматриваются международные принципы обеспечения национальной безопасности по следующим причинам.

Изучение положений части 4 статьи 15 Конституции РФ позволяет заключить, что отдельные международные нормы имели приоритет над национальным законодательством. К таким международным нормативно-правовым актам относятся те международные договоры, которые Россия ратифицировала и которые были опубликованы официально. Только после этого Россия принимает на себя обязательства по такому международному договору.

Особую роль играет поправка к Конституции РФ, исходя из которой обязанности России по международным договорам, в которых она участвует, должны выполняться, но, не препятствуя Конституции РФ.

Изменения, внесенные в статью 79 Конституции РФ, позволяют заключить, что на первый план сегодня вышли положения национального права, а не как было ранее – международного права. Россия оставляет за собой право участия в различных межгосударственных объединениях с правом передачи отдельных полномочий в ситуациях, когда это не повлечет никаких ограничений прав и свобод человека и гражданина, а также не будет противоречить российскому конституционному строю. Статья 79 Конституции РФ говорит, что любые решения межгосударственных органов, которые принимаются в соответствии с международными договорами, в которых участвует Россия, в их толковании, прямо противоречащем конституционным положениям, в России исполняться не будут.

Очевидно, что «международное сотрудничество будет продолжать развиваться, как и прежде, просто теперь оно будет согласовываться с нормами национального права, прописанными в главном нормативно-правовом акте России»[1]. Смысл в том, что такое сотрудничество будет осуществлено лишь в случаях, когда оно не ограничивает права россиян, приносит пользу, включая развитие нашей страны[2].

Кроме того, с 11.03.2023 считаются прекратившими действие в отношении России несколько международных договоров, в частности, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Европейская конвенция о пресечении терроризма[3]. Всего 21 наименование. Произошло это по причине прекращения членства России в такой организации, как Совет Европы. Названными и иными документами, в которых участвовала Россия, были установлены отдельные принципы защиты, и его свободы, принципы пресечения терроризма, и так далее. После прекращения их действия в отношении России, принципы, отраженные в них, утратили для российского правоприменителя всякий смысл.

Таким образом, обеспечение национальной безопасности представляет собой целый комплекс мероприятий, например, экономических и политических, военных и социальных, и чьей общей целью является обеспечение всех видов национальной безопасности, указанных в Стратегии 2021 года. Принципы обеспечения национальной безопасности подразумевают исходные идеи, на которых базируется деятельности по обеспечению национальной безопасности России. Все принципы условно можно разделить на две большие группы – общие, то есть те, которые Конституцией РФ обращены ко всем отраслям права, а также на специальные – содержащиеся в отраслевом законодательстве, в частности, в Федеральном законе от 28.12.2010 № 390-ФЗ. К конституционным принципам можно отнести, например, законность и соблюдение прав и свобод человека и гражданина. К специальным принципам относятся комплексность и системность применения уполномоченными органами организационных и политических, информационных и социально-экономических, правовых, а также других мер обеспечения национальной безопасности; принцип приоритета предупреждения над пресечением для обеспечения национальной безопасности; взаимодействие уполномоченных органов с международными организациями, с разными общественными объединениями, с гражданами для обеспечения национальной безопасности. Данные принципы применяются в их совокупности, поскольку только так можно достичь эффективного функционирования системы обеспечения национальной безопасности.

Список литературы

1. Елфимова О.С. Национальная безопасность в теории и законодательстве России // LEX RUSSICA. – 2016. – № 10 (119). – С. 16.
2. Грешных, А. А. Механизм правового регулирования региональной общественной безопасности на Северо-западе России как фактор обеспечения национальной безопасности / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 14-19. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-2-14-19. – EDN AOSFJA.
3. Прудникова, Л. Б. Информация и информационная безопасность как атрибуты гражданского общества (краткий обзор взаимосвязи) / Л. Б. Прудникова, В. М. Шеншин, Н. С. Глейберман // Государственная власть и местное самоуправление. – 2022. – № 7. – С. 7-9. – DOI 10.18572/1813-1247-2022-7-7-9. – EDN LYPXRK.
4. Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAYMY.
5. Шеншин, В. М. О недостаточности полномочий Росгвардии в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности / В. М. Шеншин // Современное общество и право. – 2021. – № 6(55). – С. 129-134. – EDN WUWYME.
6. Шеншин, В. М. Место войск национальной гвардии в системе обеспечения государственной и общественной безопасности при осуществлении борьбы с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Военное право. – 2021. – № 6(70). – С. 31-40. – EDN OMFOIU.
7. Волосова Н.Ю., Филиппова Е.О. Основы противодействия коррупции: учебное пособие. – Оренбург: Оренбургский государственный ун-т, 2021. – С. 53.
8. Мусаева Г.М., Абубакаров А.М. Обеспечение национальной безопасности: понятие, цель и основные методы // Вестник Дагестанского государственного ун-та. – 2022. – Вып. 1. – С. 87.
9. Санникова С.С. Принципы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации // Вестник Поволжского ин-та управления. – 2021. – № 6. – С. 14.

[1] Яковлева В.Е. Поправки в Конституцию РФ: соотношение российского и международного права // Постсоветский материк. – 2021. – № 3 (31). – С. 52.

[2] Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.

[3] См.: Федеральный закон Российской Федерации «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» от 28.02.2023 № 43-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 10. – Ст. 1566.

10. Уткин, Н. И. Цифровая трансформация ведомственных вузов: гармонизация нормативной правовой базы информационной безопасности / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин, А. В. Шестаков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 4(65). – С. 91-110. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-91-110. – EDN FBMFIM.
11. Ашубеков Т.А. Законность и национальная безопасность // Законность. – 2021. – № 5. – С. 15.
12. Муравых А.И., Никитенко Е.Г. Основы национальной безопасности и устойчивого развития: учебное пособие. – М.: МАКС Пресс, 2017. – С. 105.
13. Яковлева В.Е. Поправки в Конституцию РФ: соотношение российского и международного права // Постсоветский материк. – 2021. – № 3 (31). – С. 52.
14. Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.

References

1. Elfimova O.S. National security in the theory and legislation of Russia // LEX RUSSICA. – 2016. – № 10 (119). – P. 16.
2. Greshnykh, A. A. The mechanism of legal regulation of regional public security in the North-West of Russia as a factor of ensuring national security / A. A. Greshnykh, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 2. – pp. 14-19. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-2-14-19. – EDN AOSFJA.
3. Prudnikova, L. B. Information and information security as attributes of civil society (a brief overview of the relationship) / L. B. Prudnikova, V. M. Shenshin, N. S. Gleiberman // State power and local self-government. – 2022. – No. 7. – Pp. 7-9. – DOI 10.18572/1813-1247-2022-7-7-9. – EDN LYPXRK.
4. Iroshnikov, D. V. Security as a category of international public law: a theoretical aspect / D. V. Iroshnikov // Law. Without is a danger. Emergency situations. – 2022. – № 1(54). – Pp. 11-22. – EDN WCAYMY.
5. Shenshin, V. M. On the insufficiency of the powers of the Rosgvardiya in the field of ensuring state and public security / V. M. Shenshin // Modern society and law. – 2021. – № 6(55). – Pp. 129-134. – EDN WUWYME.
6. Shenshin, V. M. The place of the National Guard troops in the system of ensuring state and public security in the fight against terrorism and extremism / V. M. Shenshin // Military law. – 2021. – № 6(70). – Pp. 31-40. – EDN OMFOIU.
7. Volosova N.Yu., Filippova E.O. Fundamentals of anti-corruption: a textbook. Orenburg: Orenburg State University, 2021. p. 53.
8. Musaeva G.M., Abubakarov A.M. Ensuring national security: concept, purpose and basic methods // Bulletin of the Dagestan State University. – 2022. – Is. 1. – P. 87.
9. Sannikova S.S. Principles of ensuring national security in the Russian Federation // Bulletin of the Volga Institute of Management. – 2021. – No. 6. – p. 14.
10. Utkin, N. I. Digital transformation of departmental universities: harmonization of the regulatory framework for information security / N. I. Utkin, V. M. Shenshin, A.V. Shestakov // Law. Safety. Emergency situations. – 2024. – № 4(65). – Pp. 91-110. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-91-110. – EDN FBMFIM.
11. Ashubekov T.A. Legality and national security // Legality. – 2021. – No. 5. – p. 15.
12. Muravykh A.I., Nikitenko E.G. Fundamentals of national security and sustainable development: a textbook. – Moscow: MAKS Press, 2017. – p. 105.
13. Yakovleva V.E. Amendments to the Constitution of the Russian Federation: the relationship between Russian and international law // The post-Soviet continent. – 2021. – № 3 (31). – P. 52.
14. Greshnykh, A. A. On some trends in the development of Russian law aimed at protecting the sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation / A. A. Greshnykh, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // State power and local self-government self-management. – 2021. – No. 5. – pp. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_37

УДК 340 / 343.2/.7

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ МОЛОДЕЖНОЙ СЕКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «III РАССОЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» (15 ОКТЯБРЯ 2025 Г., ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ (РПА МИНЮСТА РОССИИ))

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE PUBLIC LEGAL SPHERE AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION: A REVIEW OF THE MATERIALS OF THE YOUTH SECTION OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE "III RASSOLOVSKIE READINGS" (OCTOBER 15, 2025, ALL-RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF JUSTICE (RLA OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF RUSSIA))

АЙРИЯН Тигран Гагикович,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС);
117279, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А.
E-mail: tigran51421389531@gmail.com

AIRIYAN Tigran Gagikovich,
Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS);
117279, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya St., 55A.
E-mail: tigran51421389531@gmail.com

ДЕМИДОВ Андрей Николаевич,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС);
117279, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А.
E-mail: andre2000andre@mail.ru

DEMIDOV Andrey Nikolaevich,
Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS);
117279, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya St., 55A.
E-mail: andre2000andre@mail.ru

ЕРМОЛАЕВ Андрей Иванович,
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России);
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1.
E-mail: ermolaev333@bk.ru

ERMOLAEV Andrey Ivanovich,
All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia);
117638, Russia, Moscow, Azovskaya St., 2, Bldg. 1.
E-mail: ermolaev333@bk.ru

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич,
доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России);
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1;
Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России;
654066, Россия, г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, д. 49;
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России;
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1;
Сибирский федеральный университет;
660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79.
ORCID ID: 0000-0003-3303-2941
E-mail: panchenkovlad@mail.ru

PANCHENKO Vladislav Yurievich,
Doctor of Law, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia);
117638, Russia, Moscow, Azovskaya St., 2, Bldg. 1;
Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia;
654066, Russia, Novokuznetsk, Oktyabrsky Ave., 49;
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia;
125130, Russia, Moscow, Narvskaya St., 15a, Bldg. 1;
Siberian Federal University;
660041, Russia, Krasnoyarsk, Svobodny Ave., 79.
ORCID ID: 0000-0003-3303-2941
E-mail: panchenkovlad@mail.ru

ПРИЙМАК Анастасия Сергеевна,
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России);
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1.
E-mail: 9555828@bk.ru

PRIYMAK Anastasia Sergeevna,
All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia);
117638, Russia, Moscow, Azovskaya St., 2, Bldg. 1.
E-mail: 9555828@bk.ru

ПРОХОРОВА Мария Сергеевна,
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России);
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1.
E-mail: mariapro1604@mail.ru

PROKHOROVA Maria Sergeevna,
All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia);
117638, Russia, Moscow, Azovskaya St., 2, Bldg. 1.
E-mail: mariapro1604@mail.ru
СТАРКОВА Софья Алексеевна,
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);
420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, д. 21.
E-mail: sonjastarkova@gmail.com
STARKOVA Sofya Alekseevna,
Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia);
420111, Russia, Kazan, Moskovskaya St., 21.
E-mail: sonjastarkova@gmail.com
УЛЕЗКО Александр Федорович,
Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
241050, Россия, г. Брянск, ул. Горького, д. 18.
E-mail: a.ulezko@bk.ru
ULEZKO Alexander Fedorovich,
Bryansk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
241050, Russia, Bryansk, Gorky St., 18.
E-mail: a.ulezko@bk.ru
УДОТОВ Дмитрий Георгиевич,
Московский университет имени А.С. Грибоедова;
111024, Россия, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21.
E-mail: d.udotov@iile.ru
UDOTOV Dmitry Georgievich,
A.S. Griboyedov Moscow University;
111024, Russia, Moscow, Entuziastov Highway, 21.
E-mail: d.udotov@iile.ru

Краткая аннотация: *В обзоре представлены материалы докладов, посвященных правовым аспектам внедрения искусственного интеллекта в государственное управление и деятельность органов юстиции, регулированию цифровых платформ как информационных посредников, а также уголовно-правовой охране компьютерной информации. Раскрыты потенциал повышения эффективности государственного управления и связанные с этим риски, вопросы юридической ответственности, необходимость совершенствования законодательства и практики его применения. Особое внимание обращено на российскую модель освобождения информационных посредников от ответственности, применению норм об источнике повышенной опасности к системам искусственного интеллекта и проблемам квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации.*

Abstract: *This review presents reports on the legal aspects of integrating artificial intelligence into public administration and justice systems, regulating digital platforms as information intermediaries, and protecting computer information under criminal law. The potential for improving public administration efficiency and the associated risks, as well as issues of legal liability, and the need to improve legislation and its implementation are explored. Particular attention is paid to the Russian model for exempting information intermediaries from liability, the application of regulations regarding sources of increased danger to artificial intelligence systems, and the challenges of qualifying unauthorized access to computer information.*

Ключевые слова: *правовое регулирование искусственного интеллекта, цифровизация в государственном управлении, неправомерный доступ к компьютерной информации.*

Keywords: *legal regulation of artificial intelligence, digitalization in public administration, unauthorized access to computer information.*

Для цитирования: *Айриян Т.Г., Демидов А.Н., Ермолаев А.И., Панченко В.Ю., Приймак А.С., Прохорова М.С., Старкова С.А., Улезко А.Ф., Удотов Д.Г. Цифровая трансформация публично-правовой сферы и проблемы правового регулирования: обзор материалов молодежной секции Международной научно-практической конференции «III Рассоловские чтения» (15 октября 2025 г., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)) // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 37-40. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_37.*

For citation: *Airiyan T.G., Demidov A.N., Ermolaev A.I., Panchenko V.Yu., Priymak A.S., Prokhorova M.S., Starkova S.A., Ulezko A.F., Udotov D.G. Digital transformation of the public legal sphere and problems of legal regulation: a review of the materials of the youth section of the International scientific and practical conference "III Rassolovskie readings" (October 15, 2025, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)) // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 37-40. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_37.*

Статья поступила в редакцию: 23.03.2026

15 октября 2025 года на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» состоялась Международная научно-практическая конференция «III Рассоловские чтения», в рамках которой активно работала молодежная секция. В ходе заседания доктор юридических наук, профессор *В.Ю. Панченко (Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России))* обратил внимание участников на то, что стремительное развитие цифровых технологий ставит перед правовой системой принципиально новые вызовы, требующие глубокого научного осмысления и участия молодых исследователей. Проблемы ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, правового статуса цифровых платформ и квалификации компьютерных преступлений и многие другие находятся в центре внимания современной юридической науки.

А.С. Приймак (Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)) в докладе «Юридическая природа отмены и признания утратившими силу ведомственных писем, обладающих нормативными правовыми признаками, в современной России» осветила проблему ведомственных писем, содержащих общеобязательные предписания вопреки законодательному запрету. Анализируя судебную практику и полномочия Минюста России, она провела разграничение двух способов прекращения действия таких актов: отмена (как реакция на выявленную незаконность, влекущая возможный пересмотр правоприменительных решений) и признание утратившим силу (как «нейтраль-

ный» способ, обусловленный изменением регулирования или утратой актуальности). Обосновала вывод о том, что для писем с нормативными признаками единственно верным способом является отмена, поскольку она направлена на устранение неправомерного регулирования и корреспондирует надзорным функциям Минюста России.

А.И. Ермолаев (Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)) в выступлении на тему «О понятии персональных данных и их правовой защиты» раскрыл теоретико-правовые основы института персональных данных в контексте их неразрывной связи с естественными правами человека, обосновав, что право на неприкосновенность персональных данных производно от фундаментальных прав (личных, политических, социальных, экономических, культурных и информационных) и служит своеобразной «визитной карточкой» личности в условиях цифровой трансформации общества. На основе анализа российского законодательства, включая Федеральный закон «О персональных данных», и доктринальных подходов отмечена необходимость сужения рассматриваемого понятия до информации, способной идентифицировать конкретное лицо, что позволит четко разграничить сферы действия правовой охраны (постоянной, превентивной) и правовой защиты (реагирующей на уже состоявшееся нарушение).

С.А. Старкова (Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)) в выступлении на тему «Правовые аспекты использования искусственного интеллекта в государственном управлении: эффективность и ответственность» отметила, что цифровая трансформация публично-правовой сферы в России приобретает системный характер. Ссылаясь на выступление председателя Комитета Государственной Думы по экономической политике М. Топилина, докладчик подчеркнула, что ИИ становится инструментом, позволяющим приблизить исполнение национальных проектов к 100% [4]. В качестве примеров успешного внедрения приведены система «Цифровой городовой» в Нижегородской области, позволившая повысить раскрываемость преступлений на 30% и снизить уличную преступность на 34%, а также федеральная система мониторинга нацпроектов, прогнозирующая риски с точностью 96% [1, с. 3-4]. Однако ключевой проблемой, по мнению автора, является определение субъекта ответственности за вред, причиненный системами ИИ. Концепция «электронного лица», обсуждаемая в Европе, в российском правовом поле поддержки не находит [2]. Ответственность должна распределяться между разработчиками, операторами и государственными органами. В рамках гражданского права обсуждается возможность распространения на высокоавтономные системы ИИ норм о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ). Такой подход упрощает доказывание для потерпевшего, но вызывает споры относительно квалификации ИИ в качестве такого источника. Перспективным направлением названо законодательное закрепление презумпции ответственности государственного органа за решения, принятые с использованием ИИ, а также введение обязательного аудита алгоритмов и обеспечение «права на объяснение» для граждан [3, с. 5-6].

М.С. Прохорова (Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)) в докладе «К вопросу о применении искусственного интеллекта в сфере юстиции» осветила практические шаги по внедрению ИИ в деятельность Минюста России в рамках государственной программы «Юстиция». Была представлена информационная система «Правовая помощь» и цифровой ассистент «Юстина», предназначенный для предварительных правовых консультаций на основе открытых технологий. В материалах Петербургского международного юридического форума отмечено, что ассистент обучен на нормативных актах и типовых жизненных ситуациях, что позволяет систематизировать обращения граждан [5]. Кроме того, с 2023 года технологии ИИ применяются для предварительной экспертизы проектов актов федеральных органов исполнительной власти, позволяя выявлять типовые ошибки и противоречия. Однако на данном этапе ИИ выступает лишь вспомогательным инструментом, не способным к комплексному анализу в нестандартных ситуациях (например, ИИ ошибочно указывает на отсутствие полномочий у заместителя руководителя, подписавшего акт, тогда как таковые имеются). Особое внимание при использовании ИИ необходимо обращать на защиту конфиденциальной информации и совершенствование отечественного программного обеспечения.

А.Н. Демидов (Российская государственная академия интеллектуальной собственности) в выступлении «Правовое регулирование деятельности цифровых платформ в системе авторских правоотношений» продемонстрировал исследование нормативного правового регулирования ст. 1253.1 ГК РФ, Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и антипиратского законодательства. На основе изучения судебной практики, в частности Обзора Верховного Суда РФ от 29 мая 2024 г., автор выделил три ключевые проблемы: неопределенность перечня мер реагирования на уведомления правообладателей, размытость границ между технически нейтральной и организационно вовлеченной ролью платформы, отсутствие унифицированной процедуры рассмотрения обращений. В докладе обоснована необходимость закрепить в законе примерный перечень действий платформы (подтверждение уведомления, временное ограничение доступа, запрос пояснений пользователя), установить критерии утраты нейтрального статуса (алгоритмическое продвижение, извлечение дохода из спорного контента, систематическое игнорирование уведомлений) и разработать единую процедуру с возможностью возражения пользователя и апелляции. Такие меры позволят повысить предсказуемость правоприменения и обеспечить баланс интересов правообладателей, пользователей и платформ.

Д.Г. Удотов (Московский университет имени А.С. Грибоедова) в выступлении «Объективная сторона неправомерного доступа к компьютерной информации» исследовал признаки состава преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ. Рассматривая деяние как проникновение к источнику информации с использованием средств компьютерной техники, автор отстаивает позицию о том, что началом доступа следует считать действия, непосредственно направленные на преодоление средств защиты (получение логинов и паролей, подыскание программ), а моментом окончания – получение возможности манипулировать информацией. Особое внимание уделено последствиям: уничтожению, блокированию, модификации и копированию. Подход Методических рекомендаций, определяющих уничтожение как приведение информации в непригодное состояние независимо от возможности восстановления, следует оценить критично, так как уничтожение необходимо признавать лишь при невоз-

можности восстановления. Наибольшую дискуссию вызывает последствие в виде копирования: исследование судебной практики показало, что этот признак вменяется более чем в половине случаев, однако официальное толкование, включающее в копирование любое воспроизведение (в том числе переписывание от руки), необоснованно расширяет понятие. Автор солидарен с узким пониманием копирования как создания идентичной копии на машинном носителе и исключением копирования из числа последствий ст. 272 УК РФ, поскольку реальный вред причиняется последующим использованием информации, которое охватывается иными статьями (138, 146, 183 УК РФ). В качестве альтернативы предложено ввести административную ответственность за неправомерный доступ без указанных последствий.

А.Ф. Улезко (Брянский филиал РАНХиГС) в докладе «Полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере образования: теория и практика правового регулирования» осветил проблемы разграничения полномочий между федеральным, региональным и местным уровнями публичной власти в сфере образования, подчеркнув, что несмотря на законодательное закрепление полномочий, на практике их реализация часто сталкивается с недостатком финансирования и нехваткой человеческих ресурсов – как управленцев в органах власти, так и педагогов в образовательных организациях. Реализация же отдельных полномочий создает избыточную бюрократическую нагрузку на педагогов, поэтому при правовом регулировании сферы образования в субъектах РФ необходимо учитывать реальные условия педагогической деятельности.

Т.Г. Айриян (Российская государственная академия интеллектуальной собственности) в докладе «Модели принудительного лицензирования фармацевтической продукции» представил результаты сравнительно-правового исследования российских и зарубежных моделей принудительного лицензирования в фармацевтике. Сделан вывод о необходимости совершенствования российского регулирования в части уточнения критериев «неиспользования» и «зависимости» патентов, а также обеспечения справедливого вознаграждения патентообладателю. Особое внимание уделено проблеме оценочных понятий в статье 1362 ГК РФ, указано на повышенные риски их расширительного толкования, которые могут подрывать стимулы к инновациям.

Список литературы

1. Василевская, Л.Ю. Деликтная ответственность за причинение вреда искусственным интеллектом : проблемы и перспективы развития // Гражданское право. 2025. № 4. С. 2-5.
2. Ответственность искусственного интеллекта в правовом поле // DGTLaw. 2024. URL: https://dgtlaw.ru/analytic/otvetstvennost-iskusstvennogo-intellekta-v-pravovom-pole?ysclid=mmq0pq8kev836585702 (дата обращения: 08.10.2025).
3. Талапина, Э. В. Правовые проблемы ответственности за государственные управленческие решения с использованием искусственного интеллекта / Э. В. Талапина, И. А. Черешнева // Информационное общество. 2024. № 6. С. 98-106.
4. Топилин М.В. России создадут реестр разработчиков ИИ-решений: интервью // Парламентская газета. 2025. 15 февр.
5. Перспективы цифровой трансформации юстиции обсудили на ПМЮФ // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/perspektivy-tsifrovoy-transformatsii-yustitsii-obsudili-na-pmyuf/?ysclid=mmq0rbjx7095838352 (дата обращения: 08.10.2025).

References

1. Vasilevskaya L.Yu. Deliktnaya otvetstvennost' za prichinenie vreda iskusstvennym intellektom : problemy i perspektivy razvitiya [Tort Liability for Harm Caused by Artificial Intelligence: Problems and Development Prospects]. Grazhdanskoe pravo. M., 2025. Vyp. 4. S. 2-5. (In Russian)
2. Otvetstvennost' iskusstvennogo intellekta v pravovom pole [Responsibility of Artificial Intelligence in the Legal Field]. DGTLaw. 2024. URL: https://dgtlaw.ru/analytic/otvetstvennost-iskusstvennogo-intellekta-v-pravovom-pole?ysclid=mmq0pq8kev836585702 (data obrashcheniya: 08.10.2025). (In Russian)
3. Talapina E.V., Chereshneva I.A. Pravovye problemy otvetstvennosti za gosudarstvennye upravlencheskie resheniya s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta [Legal Problems of Responsibility for Public Administrative Decisions Using Artificial Intelligence]. Informatsionnoe obshchestvo. M., 2024. Vyp. 6. S. 98-106. (In Russian)
4. Topilin M.V. Rossii sozdadut reestr razrabotchikov II-reshenij: interv'yu [Russia will create a register of AI solution developers: interview]. Parlamentskaya gazeta. 2025. 15 fevr. (In Russian)
5. Perspektivy cifrovoj transformacii yusticii obsudili na PMYuF [Prospects for the digital transformation of justice discussed at the St. Petersburg International Legal Forum]. Advokatskaya gazeta. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/perspektivy-tsifrovoy-transformatsii-yustitsii-obsudili-na-pmyuf/?ysclid=mmq0rbjx7095838352 (data obrashcheniya: 08.10.2025). (In Russian)

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_41

УДК 340.470

К ПРОБЛЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ СИБИРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ
ON THE PROBLEM OF THE ORGANIZATION OF THE SIBERIAN ADMINISTRATION IN THE INITIAL PERIOD OF FORMATION

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической теории,
ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23.
E-mail: nikolina73@yandex.ru

ЧУПИНА Ирина Павловна,
доктор экономических наук, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23.
E-mail: irinacupina716@gmail.com

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат философских наук, доцент философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23.
E-mail: ethos08@mail.ru

ФАТЕЕВА Наталья Борисовна,
старший преподаватель кафедры менеджмента и экономической теории, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23.
E-mail: natbor73@mail.ru

ФЕТИСОВА Анастасия Викторовна,
старший преподаватель кафедры менеджмента и экономической теории ФГБОУ «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 23.
E-mail: petrova_ln@urgau.ru

SIMACHKOVA Natalia Nikolaevna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Turgenev St. 23.
E-mail: nikolina73@yandex.ru

CHUPINA Irina Pavlovna,
Doctor of Economics, Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Turgenev St. 23.
E-mail: irinacupina716@gmail.com

ZARUBINA Elena Vasilyevna,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy, Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Turgenev St. 23.
E-mail: ethos08@mail.ru

FATEEVA Natalya Borisovna,
Senior Lecturer, Department of Management and Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Ural State Agrarian University".
Yekaterinburg, Turgenev St., 23.
E-mail: natbor73@mail.ru

FETISOVA Anastasia Viktorovna,
Senior Lecturer at the Department of Management and Economic Theory, Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Turgenev St., 23
E-mail: petrova_ln@urgau.ru

Краткая аннотация. *В истории России вопрос организации административного управления Сибирью всегда стоял особняком из-за уникальных географических, экономических и социокультурных условий региона. Начальный период становления сибирской администрации, который охватывает конец XVI — начало XVII веков, представляет значительный интерес, поскольку именно тогда закладывались основы для дальнейшего управленческого устройства сибирских территорий. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью глубокого понимания процессов, которые способствовали формированию эффективных механизмов управления в условиях освоения новых земель. Исследование начального периода организации сибирской администрации позволяет выявить ключевые аспекты взаимодействия центральной власти и местного управления, что имеет значение и для современных административных практик.*

Abstract. *In the history of Russia, the issue of organizing the administrative management of Siberia has always stood apart due to the unique geographical, economic and socio-cultural conditions of the region. The initial period of formation of the Siberian administration, which covers the end of the XVI — beginning of the XVII centuries, is of considerable interest, since it was then that the foundations were laid for the further administrative structure of vast territories. The relevance of this topic is due to the need for a deep understanding of the processes that contributed to the formation of effective management mechanisms in the context of the development of new lands. The study of the initial period of the organization of the Siberian administration makes it possible to identify key aspects of the interaction between central government and local government, which is also important for modern administrative practices.*

Ключевые слова: *сибирская администрация, воеводы, головы, освоение Сибири, грамоты, наказы.*
Keywords: *Siberian administration, voivodes, heads, development of Siberia, letters, orders.*

Для цитирования: *Симачкова Н. Н., Чупина И. П., Зарубина Е. В., Фатеева Н. Б., Фетисова А. В. К проблеме организации сибирской администрации в начальный период становления // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 41-44. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_41.*

For citation: *Chupina I. P., Simachkova N. N., Zarubina E. V., Fateeva N. B., Fetisova A. V. On the problem of the organization of the siberian administration in the initial period of formation // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 41-44. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_41.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Период становления Сибирской администрации объединяет важные исторические события, начиная с момента присоединения Сибири к Российскому государству в конце XVI века. После похода Ермака, который заложил основу для вхождения сибирских территорий в состав России, возникла необходимость создания эффективной системы управления новыми землями. Изначально управление организовывалось на основе "приказной" системы, когда специальные приказы выполняли функции управления различными аспектами государственной жизни.

В начале, после первых удачных военных экспедиций, управление только что основанными сибирскими городами было поручено Посольскому приказу и четям дьяков А. Щелкалова и И. Вахромеева, а в 1599 г. передано приказу Казанского и Мещерского дворца. И. П. Ермолаев справедливо заметил, что Сибирь - край, требующий централизации и специализации управления значительно больше, чем в Поволжье, в течение многих десятилетий не имел своего центрального органа и довольствовался совмещением управления в существующих приказах - Посольском, затем Казанского дворца [1]. Последний, на взгляд А. П. Павлова, вряд ли мог эффективно управлять огромными территориями, если бы в Казанском крае и в Сибири не было твердой воеводской власти[2].

Казанский приказ, по мнению И. П. Ермолаева, был не просто областным приказом, подобным четям, а приказом особого характера, - центральным учреждением по управлению всеми вопросами. Приказ Казанского дворца осуществлял административное, финансовое и судебное управление, а также ведал натуральными сборами с инородцев, контролировал составление ясачных книг. Этот приказ ведал и военно-организационными (разрядными) вопросами, что обычно входило в исключительную компетенцию Разрядного приказа, и было, чуть ли не единственным исключением в общей компетенции приказов России[3].

Управление из центра осуществлялось с помощью царских наказов и грамот, в которых содержались четкие предписания относительно круга вопросов деятельности сибирской администрации.

Воеводам следовало строго придерживаться предписаний наказов относительно строительства города и острога, организации их охраны, проведения военных экспедиций, сбора ясака, управления служилыми людьми, отношений с инородцами, организации торговли, заведения пашни, устройства соляных варниц, строительства дорог. Но, понятно, что не всегда в Казанском приказе удавалось учесть и понять реальную обстановку на местах. Связано это было, прежде всего, с географической отдаленностью и постоянно сохранявшейся опасностью нападения инородцев. Поэтому воеводе предоставлялась определенная самостоятельность в решении широкого круга вопросов. Практически во всех первых сибирских наказах и многих царских грамотах воеводе предписывается реализовывать предписания центра, " смотря по тамошнему делу ", то есть на свое усмотрение. К примеру, в наказе сургутским воеводе О. Т. Плещееву и голове И. И. Колемину (1595 г.) предписывалось, прибыв в Сургут, “взяти у князя Федора Борятинского государев подлинный наказ, и государевы грамоты о всяких государевых и о земских делах..., а взяв государев наказ и государевы грамоты..., государевы дела делать смотря по тамошнему делу, как будет пригоже и государю прибыльнее”[4]. В наказе пелымскому воеводе П. И. Горчакову и голове С. Ушакову при строительстве острога и размещении людей так же предоставлялась самостоятельность действий: “смотря по тамошнему месту, как бы вперед было государеву делу прибыльнее”[5]. Данные предписания наделяли воевод более обширной властью, нежели которой обладали воеводы в Европейской России, и связано это, прежде всего с тем, что освоение сибирских просторов только начиналось и воеводам приходилось порой самим решать многочисленные проблемы, возникавшие в ходе колонизации.

Деятельность сибирской администрации была трудно контролируемой, несмотря на то, что Казанский приказ требовал обязательных отчетов о выполнении тех или иных предписаний эти отчеты в виде отписок направлялись в центр. Но не всегда содержание отписок соответствовало действительности. Поэтому в приказе Казанского дворца принимали, даже поощряли жалобы местного населения и инородцев, обличающие злоупотребления воевод и голов. К примеру, из таких челобитных в Москве стало известно о крупных злоупотреблениях тобольских воевод Е. В. Бутурлина и В. Г. Колединского.

Контроль за деятельностью воевод и голов должны были также осуществлять воеводы, прибывающие им на смену. Так, в наказе С. Ф. Сабурову предписывается рассмотреть жалобы на предыдущих администраторов Е. В. Бутурлина и В. Г. Колединского, сверить данные ясачных и торговых книг с ясачной казной, разобраться в масштабах злоупотреблений[6].

Таким образом, правительство, хотя и не могло поставить под полный контроль деятельность сибирских администраторов, но пыталось ее ограничить, предоставив местному населению право подавать на них челобитные.

Для более эффективного управления сибирской окраиной в конце XVI в. выделяется специальный центр - Тобольский разряд.

По справедливому мнению Е. В. Вершинина, возникновение Тобольского разряда было вызвано необходимостью иметь единый центр, координирующий военные действия на порубежных территориях. Но разрядный воевода не только ведал военной и дипломатической деятельностью[7]. Судя по актовому материалу, правительство создавало разряд как координирующий и контролирующий центр всех сибирских уездов. В компетенцию разрядных воевод входила не только координация военных действий на территории этих уездов, но и координация и контроль за административно-хозяйственной деятельностью местных администраторов.

Становление Тобольска как главного сибирского города начинается с 1599 г., когда туда были направлены воеводы С. Ф. Сабуров и А. Ф. Третьяков, дьяк Т. А. Витовтов и головы Д. И. Черемисинов, В. Р. Алферьев и М. М. Шаховской[8]. По мнению Е. К. Ромодановской, специ-

фика управления Сибирью в XVII веке заключалась в том, что первым тобольским воеводой обычно назначали наиболее родовитых бояр[9]. Данное утверждение не применимо к начальному этапу становления воеводской власти, первые тобольские воеводы не принадлежали к знатным боярским фамилиям, за исключением Ф. И. Шереметева.

В наказе 1599 г. тобольским администраторам было сказано, что отныне все сибирские воеводы должны сообщать о своей деятельности в Тобольск, да "во всех сибирских городах всякие государевы дела были ведомы"; в свою очередь, тобольским воеводам следовало "промышлять по всем сибирским городам ... воеводам и головам". Таким образом, тобольский воевода должен был не только координировать, но и контролировать деятельность уездных воевод, а те, в свою очередь, должны были обо всех делах докладывать в Тобольск[10]. Так, в 1600 г. С. Ф. Сабуров писал пелымскому воеводе Т. И. Траханиотову о необходимости разработки соляных ключей на р. Негле. Из отписок тобольского воеводы С. Ф. Сабурову к пелымскому воеводе Т. И.Траханиотову видно, что С. Ф. Сабуров был полностью осведомлен о том, как идет работа на соляном промысле, он отправлял на строительство "варниц" железо, црены, гвозди[11]. Помимо хозяйственных вопросов, правительство возлагало на тобольских воевод контроль за торговлей пушниной. Так, в 1600 г. из Казанского приказа сообщали, что служилые люди ездят по сибирским городам и торгуют "мяхкой рухлядью безпошлинно". С. Ф. Сабурову надлежало выяснить, так ли это, и "о том указ учинить крепкий".

Тобольский воевода Ф. И. Шереметев отправил отписку туринскому голове Ф. К. Фофанову (можно предположить, что такие отписки были отправлены и в другие сибирские города), приказав запретить торговлю служилым людям, а за ослушание бить их батогами[12].

Тобольские воеводы согласно наказам и грамотам наделялись административно-судебной компетенцией относительно дел уездных городов. С. Ф. Сабурову предписывалось разобрать жалобу ясачных вогуличей, которые обвиняли верхотурских “жильцов” в том, что те взяли с вогуличей ясак выше нормы, к тому же обвинив их в измене. Тобольский воевода должен был выяснить, сколько и за какой срок уплачен ясак вогуличами и имела ли место их "измена"[13]. С. Ф. Сабурову следовало рассмотреть и жалобу на верхотурского атамана Р. Неелова, который с казаками, возвращаясь из Устюга на Верхотурье с ясачной казной, грабил и бил устюжан[14].

Контроль за содержанием “Кучумова” семейства в Верхотурье также поручался тобольским администраторам. Так, тобольскому воеводе следовало выяснить, действительно ли верхотурские служилые люди пригласили царевичей на воеводский двор, пили там вино и играли в зернь. С. Ф. Сабурову следовало отправить на Верхотурье указ о том, чтобы “кучумовы” царевичи не ходили по стрелецким и жилецким дворам, а находились только на отведенном им подворье[15].

Контроль за отправкой этих царевичей в Москву также возлагался на тобольских администраторов. С. Ф. Сабуров предписывает туринскому голове Ф. О. Янову принять меры для отправки царевича Берди Мурата до Верхотурья, а оттуда в Москву[16].

Таким образом, тобольские воеводы обладали широкой координирующей и контролирующей компетенцией. Они обладали правом отдавать распоряжения и указы уездным воеводам, но согласно "государеву указу", то есть являлись своего рода проводниками политики центра в сибирских городах. К примеру, тобольским воеводам поручено было дать наказ воеводе В. М. Рубцу-Мосальскому и голове С.Т. Пушкину относительно строительства Мангазейского острога, но исходя из "государевых грамот"[17]. На тобольских воевод возлагалась задача содействия экспедиции в Мангазею и закладке там острога[18].

После основания Тобольского разряда Казанский приказ получил возможность более четкого контроля за деятельностью сибирских администраторов. Но при этом за уездными воеводами сохранилась возможность напрямую, посредством отписок, сообщать обо всех делах в центр.

В свою очередь, правительство контролировало деятельность уездных воевод, направляя непосредственно им царские грамоты. На наш взгляд, уездные воеводы сохраняли значительную самостоятельность, несмотря на создание Тобольского разряда, ввиду географической отдаленности сибирских городов и отсутствия налаженных путей сообщения, а также в силу необходимости оперативных решений по вопросам, связанным и с сохранявшейся опасностью нападений инородцев на русские города.

Думается, правительство преследовало цели, с одной стороны, как можно больше централизовать и укрепить воеводскую власть в Сибири, но, с другой стороны, пресечь возможные злоупотребления путем взаимного контроля. Так, служилые люди и инородцы могли подавать жалобы и просьбы в Казанский приказ, минуя воевод. Уездные воеводы, подчиняясь разрядным, имели также возможность самостоятельно принимать решения по широкому кругу военных и административно-хозяйственных вопросов.

Таким образом, первоначальная организация административного управления в Сибири оказала мощное влияние на её социально-экономическое и культурное развитие. Это был период заложения фундамента, на котором строилась дальнейшая история региона как неотъемлемой части Российской империи.

Список литературы:

1. Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI - XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С.63.
2. Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). СПб., 1992. С.246.
3. Ермолаев И. П. Среднее Поволжье… С.58.
4. Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908, Вып. 2. Прилож. С. 6-7.
5. Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т.2. Стб. 109-110.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА) Ф.214. Оп.1. Ед.хр..2. Л.126-129.
7. Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С.16.
8. РГАДА. Ф.214. Кн.2. 76-об.
9. Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С.82-83.
10. РГАДА. Ф. 214. Кн. 2. Л.100-103-об.
11. Миллер Г. Ф. История Сибири. М., Л., 1937-1941. Т.2. С.157, 160-164.
12. Миллер Г. Ф. История Сибири. М., Л., 1937-1941. Т.2. С. 168.
13. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Ед.хр.2. Л. 171-об.

14. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Ед.хр.2. Л.174-179-об.
15. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Ед.хр.2. Л.158-об.
16. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 163.
17. РГАДА. Ф. 181. Ед.хр. 118. Л.252-253-об.
18. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на Северо-Востоке Азии. Сборник документов. М., 1951. С. 51-57.

References

1. Ermolaev I. P. The Middle Volga region in the second half of the XVI - XVII centuries (Administration of the Kazan region). Kazan, 1982. p.63.
2. Pavlov A. P. The Sovereign's court and the political struggle under Boris Godunov (1584-1605). St. Petersburg, 1992. P.246.
3. Ermolaev I. P. The Middle Volga region ... p.58.
4. Storozhev V. Materials for the history of the Russian nobility. Moscow, 1908, Vol. 2. Appendix. pp. 6-7.
5. Russian Historical Library. St. Petersburg, 1875. Vol. 2. Stb. 109-110.
6. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA) F.214. Op.1. Ed.xp.2. L.126-129.
7. Vershinin E. V. Voivodeship administration in Siberia (17th century). Yekaterinburg, 1998. p.16.
8. RGADA. F.214. Book 2. 76-vol.
Russians Russian literature in Siberia in the first half of the 17th century (The Origins of Russian Siberian literature). Novosibirsk, 1973. pp.82-83.
10. RGADA. F. 214. Book 2. L.100-103-vol.
11. Miller G. F. History of Siberia. M., L., 1937-1941. Vol. 2. pp.157, 160-164.
12. Ibid. pp.168.
13. RGADA. F.214. Op.1. Ed.chr.2. L. 171-vol.
14. Ibid., pp.174-179-vol.
15. Ibid., l.158-vol.
16. Miller G. F. History of Siberia. Vol. 2. pp. 163.
17. RGADA. F. 181. Ed.chr. 118. l.252-253-vol.
18. Discoveries of Russian explorers and Polar navigators of the 17th century in Northeast Asia. Collection of documents. Moscow, 1951. pp. 51-57.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_45

УДК 340.1

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ПОДЧИНЯТЬСЯ ЗАКОНУ КАК ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОСТИ ПРАВА
THE OBLIGATION TO OBEY THE LAW AS A PROBLEM OF THE NORMATIVITY OF LAW

АЛЁКМИНСКАЯ Гульнара Михайловна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России,
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.
E-mail: gulya_alekminskaya@mail.ru

ALEKMINSKAYA Gulnara Mikhailovna,
PhD in History, Associate Professor of the Department of History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: gulya_alekminskaya@mail.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена вопросам нормативной природы права. Рассмотрены научные труды ученых, касающихся в своих исследованиях проблем нормативности права, в том числе работа философа права Л. Грина «Нормативность права: в чем заключается проблема?». Уточнены условия, при которых право может быть нормативным, раскрывается значение «социальной практики» для придания праву свойства нормативности. Выявлено соотношение между правовыми и моральными нормами, определены проблемы связи между законом и моралью. Приведены основания для морального обязательства подчиняться правовым нормам, а также причины, по которым юридическая наука рассматривает этот вопрос как главную проблему нормативности права.*

Abstract: *This article examines the normative nature of law. It examines the works of scholars who address legal normativity in their research, including legal philosopher L. Green's «The Normativity of Law: What Is the Problem?». The conditions under which law can be normative are clarified, and the importance of «social practice» in imparting normativity to law is explored. The relationship between legal and moral norms is revealed, and the problems of the connection between law and morality are identified. The grounds for the moral obligation to obey legal norms are presented, as well as the reasons why legal scholarship views this issue as the main problem of legal normativity.*

Ключевые слова: *право, нормативность, закон, правовые нормы, моральные нормы, нормативизм, принудительная сила, санкции, социальная практика.*

Keywords: *law, normativity, statute, legal norms, moral norms, normativism, coercive force, sanctions, social practice.*

Для цитирования: *Алекминская Г.М. Обязательство подчиняться закону как проблема нормативности права // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 45-48. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_45*

For citation: *Alekminskaya G.M. The obligation to obey the law as a problem of the normativity of law // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 45-48. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_45.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Многие философы права задаются вопросом, в чем заключается сущность нормативности права, как оно функционирует, упорядочивая и направляя поведение человека. Однако в своем стремлении дать этому свойству ясную и четкую формулировку, они не находят ответа. Философ права Лесли Грин в работе «Нормативность права: в чем заключается проблема?» предпринимает попытку рассмотреть основополагающее свойство нормативности права [1]. Он последовательно раскрывает взаимосвязанные вопросы, каждый из которых требует решения: Как право может быть нормативным? Какие законы являются нормами? Каковы отношения между правовыми нормами и другими нормами? Что может служить основанием для морального обязательства подчиняться правовым нормам?

Грин приводит две концепции нормативности права Джозефа Раза, в основе которых лежат понятия оправданной и социальной нормативности. Так, можно говорить об оправданной нормативности, согласно которой правовые стандарты поведения являются нормами только тогда и постольку, поскольку они оправданы. С другой стороны, стандарты поведения можно рассматривать как нормы независимо от их ценности. Они являются социальными нормами постольку, поскольку поддерживаются обществом как обязательные стандарты [2]. При этом Грин отмечает, что некоторые стандарты социально поддерживаются независимо от того, оправданы они или нет, другие стандарты оправданы, даже если они не поддерживаются, а третьи оправданы только в том случае, если они социально поддерживаются. Это не укладывается в две или три концепции нормативности или точки зрения на условия, при которых правовой стандарт можно считать нормой. Он указывает на то, что нормой можно считать то, что используется людьми в качестве правового стандарта в целях придания определенного направления поведению, убеждения или эмоциям. Право является нормативным, оно предлагается в качестве руководства и принимается в качестве руководства.

Грин обращается к нормативистскому учению о праве Г. Кельзена, который первым пришел к пониманию независимого положения права. Согласно его идеи о том, что закон может быть нормативным, потому что он принудительный, закон разрешает применение принудительной силы против людей. Закон направляют поведение, но не каждый закон принуждает или оправдывает принуждение. Здесь важен системный характер закона, нормативность права – это не нормативность каждого отдельного закона, а всей системы законов. Важно заметить и то, что никто из тех, кто считает, что нормативность права имеет какое-либо отношение к принуждению, не думает, что может существовать правовая система вообще без принудительных норм; они считают, что в правовой системе всегда есть какие-то принудительные законы, и что они являются ключом к пониманию того, как законы могут служить нормами.

Привлекательность основанных на принуждении теорий нормативности права вытекает из более общей привлекательности идеи о том, что нормы права являются обязательными, то есть обязательными вместе с конкретной теорией того, что делает их обязательными. Согласно этой теории, обязательная норма – это норма, соблюдение которой осуществляется под страхом санкций. Некоторую подобную точку зрения поддерживают Фома Аквинский, Томас Гоббс, Иеремия Бентам, Джон Остин, Ганс Кельзен и другие.

Все, что относится к категории «нормативного» является областью властного принуждения. Так, Кристин Корсгард предполагает не только то, что мораль является властной, но и то, что большинство других понятий тоже можно отнести к данной области: «Понятия, такие как знание, красота и смысл, а также добродетель и справедливость, все имеют нормативное измерение, ибо они говорят нам, что думать, что любить, что говорить, что делать и кем быть» [3].

Вместе с тем, понятно, что не все правовые нормы являются обязательными. Как объясняет Х.Л.А. Харт, мы не можем столь очевидно рассматривать те или иные правила как обязательные нормы, обязывающие людей делать что угодно [4]. Тем не менее, все они служат ориентирами, в том или ином смысле они дают кому-то основание для действия. Харт утверждает, что согласно позитивистским теориям права, в некоторых случаях можно определить, существует ли правовая норма и что она требует, исключительно на основании социальных фактов. Например, фактов о том, что говорили и делали люди, и о том, какие обычаи и практики преобладают в их сообществе.

По мнению Харта, конечными составляющими любой правовой системы являются своего рода социальные правила, установленные тем, что он называет «практикой». Практика состоит из конвергентного поведения, а также общего отношения, которое Харт называет «принятием» регулярности, которую эта практика помогает формировать. Скотт Шапиро же считает это метафизически невозможным. Он говорит о том, что социальные правила нельзя свести к социальным практикам, потому как правила и практики относятся к разным метафизическим категориям. Правила – это абстрактные объекты. Практики, с другой стороны, являются конкретными событиями. Они происходят в естественном мире и причинно взаимодействуют с другими физическими событиями [5].

Однако Харт определяет практику как серию или последовательность событий, а серии и последовательности являются абстрактными объектами в той же мере, что и правила. Это одна из причин, по которой практики могут претендовать на роль составляющих социальных правил.

В своей работе об обязательствах Харт пишет: «Область морали, которую я пытаюсь очертить – это сфера принципов, которые утратили бы свою моральную силу, если бы не были широко приняты в конкретной социальной группе» [6]. В этой области он определяет юридические обязательства следующим образом: «В любой социальной группе, где обязательства создаются законодательством, и выражения «у меня есть юридическое обязательство сделать это» и «у него есть юридическое обязательство сделать то» сохраняют свою действующую силу, поскольку должна существовать социальная практика» [6]. Харт имеет в виду именно это, когда говорит, что исследует нормы, которые утратили бы свою моральную силу, если бы не были широко приняты, и что для того, чтобы юридические обязательства имели нормативную силу, должна существовать социальная практика.

Какие законы являются нормами? Это еще одна отдельная проблема нормативности права, и она довольно сложная, как обнаружили И. Бентам и Г. Кельзен. Во-первых, правовые нормы не обязательно должны, и часто не несут в себе нормативности. Явно обязательные директивы не очень распространены в праве. Закон исходит из того, что компетентные юристы понимают, что когда в законе говорится «это правонарушение», это означает, что люди должны воздерживаться от соответствующей деятельности. Во-вторых, поскольку право представляет собой систему, для определения норм часто приходится понимать, как различные части этой системы взаимодействуют друг с другом. Чтобы понять, что имеет юридическое значение, а что нет, необходимо уметь определять содержание закона и понимать его составляющие части и как они взаимодействуют друг с другом.

Следует обратить внимании на когнитивные предпосылки для соблюдения закона. Никто не может соблюдать норму, о которой он не знает. Он может непреднамеренно соответствовать тому, что требует этот закон, или он может следовать моральным соображениям, которые независимо требуют того, что требует закон, но он не может соблюдать закон, которого не знает. Является ли лучшим, центральным случаем права тот, в котором люди знают все законы, которые к ним применяются? Это невозможно, поскольку никто не может знать всех своих юридических обязательств. Только юрист, да еще и очень юридически подкованный, мог бы считать, что закон должен быть таким, чтобы все его обязательства были известны всем его субъектам. Возможно, закон наиболее эффективен, когда все его обязательства познаваемы, но это совсем другой вопрос.

Каково соотношение между правовыми и другими социальными нормами? Прежде всего речь идет о соотношении правовых и моральных норм, проблеме связи между законом и моралью.

Вопрос начинается с попытки определить, что отличает правовые нормы от моральных норм. Ганс Кельзен первым заметил, что не так уж и много. Нет ни одной особенности правовой нормы, взятой самой по себе, которая бы делала ее отличительной: ни содержание, ни область применения, ни функция, ни обоснованность. Норма является правовой нормой, если она является частью какой-либо правовой системы, системы, руководствующейся применением принудительной силы. Но если мы придерживаемся идеи, что каждый закон является частью какой-либо правовой системы – английского права, римского права, канонического права или шариата, необходимо объяснение различий, если таковые имеются, между нормами этих систем и моральными нормами.

Можно предположить, что правовые нормы являются уникальными. Грин отсылает к Л. Фуллеру, утверждающему, что в некоторых случаях в праве может существовать что-то, что судья должен, учитывая все обстоятельства, решить. Это значит, что существует некое единство

между законом и моралью.

Андрей Мармор считает, что нужно различать внешние нормы от внутренних норм: причины «играть в игру» от причин внутри игры. «Правила просто определяют, каковы обязательства в игре; они составляют то, что представляет собой игра» [7]. Если существует моральная причина для участия, то конституирующие правила игры также создают моральные обязательства, и это разные вещи. Итак, у нас есть внутренние обязательства, определенные правилами, и у нас могут быть внешние обязательства. Вместе с тем, Мармор не объясняет чем они могут быть определены.

Самым простым было бы предположение о том, что правовые нормы – это нормы в праве, которые морально оправданы, если бы не три факта, оно бы получило поддержку. Проблема заключается в том, что а) многие законы, которые налагают обязательства или предоставляют полномочия, являются морально неправильными; б) основные процедуры законотворчества многих обществ являются морально неправильными; в) знание о том, что такое закон, не согласуется со знанием о неправильности законов или процедурах законотворчества.

Рональд Дворкин предпринял попытку разобраться с трудностями. Его теория развивалась с течением времени от ранней мысли о том, что основанные на фактах взгляды на юридические обязательства что-то упускают, до его утверждения о том, что факт и ценность в праве не могут быть четко различимы (потому что каждая допустимая интерпретация права должна показывать его в «наилучшем свете») и до его окончательного вывода о том, что нет различия между правом и моралью. Право – это сфера морали, которая дает людям право на принудительное решение судов, незамедлительно и независимо от каких-либо других соображений. «Обязанность подчиняться любым законам, которые принимают законодательные институты – это юридическое обязательство, потому что оно может быть принудительно исполнено по официальному требованию в таких институтах и через них» [8].

Правовые нормы определяют то, что закон считает моральными нормами. По мнению Д. Раза помимо внутренних, четких заявлений, выражающих определенную позицию, существуют нормативные, но не выраженные четкой позицией заявления, которые можно назвать «отстраненными» [9]. Они характерны для ситуаций, когда кто-то советует другому, что делать, в свете норм, которые сам советник не принимает, но которые имеют отношение к совету. С этой точки зрения, закон – это своего рода позитивная мораль, институционализированная и систематизированная. То, что мы должны делать в рамках закона, – это то, что, по мнению закона, мы должны делать с моральной точки зрения. Закон обязательно претендует на моральную правильность [10].

Что может служить основанием для морального обязательства подчиняться правовым нормам? Философы рассматривают основную проблему нормативности как вопрос о том, как объяснить моральное обязательство подчиняться закону, не акцентируя внимание на том, чтобы понять, как закон может быть нормой, являются ли законы теми нормами, которые требуют подчинения, или как мы можем идентифицировать их в законе. Они интерпретируют утверждение Г. Кельзена о том, что «эффективность закона является условием его обязательности» как тезис о том, право создается с помощью силы, а утверждение Харта о том, что «все обязательства формируются практикой» как тезис о том, что мы должны подчиняться любым обычаям.

Следует исключить возможность неверных толкований. В этих аргументах Кельзен и Харт решают одну из других проблем нормативности, упомянутых выше. У Кельзена нет теории морального обязательства подчиняться закону, потому что он является моральным субъективистом и релятивистом, который считает, что все моральные аргументы носят идеологический характер. Харт, с другой стороны, предлагает упрощенное объяснение обязательства подчиняться. Можно перечислить основные факторы, которые лежат в основе этого обязательства – необходимость, справедливость, согласие и т. д. И так же быстро можно привести убедительные возражения против каждого из них. Трудность заключается в том, что обязанность повиновения требует от нас приводить наше поведение в соответствие с правовыми нормами, потому что этого требуют власти, и без учета содержания предписанных ими обязанностей. Более того, обычно считается, что это обязательство распространяется только на закон государства, гражданином или резидентом которого человек является, если только он каким-либо образом не подпадает под его власть, например, посещая его в качестве туриста.

Ни один аргумент в пользу этого вывода не выдерживает критики. Вывод слишком смелый. Он предполагает очень жесткую политику, согласно которой каждый, кто находится под юрисдикцией правовой системы, морально обязан, по крайней мере частично, следовать указаниям каждой из норм системы, независимо от ее содержания. Почему юриспруденция часто рассматривает это как главную проблему, касающуюся нормативности права? Есть одна веская причина и две менее важных.

Веская причина заключается в том, что закон по своей природе претендует на широкие полномочия влиять на обязательства, включая полномочия создавать, изменять или прекращать их, а также налагать на своих подданных любое наказание за нарушение юридических обязательств. Это утверждение представляет большой интерес, однако вопрос в том, насколько оно обосновано. Можно усомниться в том, является ли проверка наличия обязательства подчиняться правильным подходом. Возможно, закон требует не права на повиновение, а права на свободу правления. Так почему же нужно фокусироваться на обязанности подчиняться, а не непосредственно на обоснованиях власти создавать и изменять обязательства? Ответ заключается в том, что органы власти используют свои нормативные полномочия для создания обязательств, также они могут создавать права, привилегии, полномочия и иммунитеты. Можно сказать о двух группах обязательств, которые ни одна правовая система не может не создать. Во-первых, обязательства со стороны судов разрешать споры путем применения закона. Там, где должностные лица сохраняют свободу решать каждое дело по существу, применяя только «чистые» нормы морали, существуют механизмы разрешения споров, но нет закона. Во-вторых, правовые системы должны создавать обязательства в уголовном и гражданском праве, которые регулируют то, что Харт назвал «минимальным содержанием» любой возможной для человека правовой системы. Таким образом, одним из справедливых

критериев того, обладает ли закон той властью, на которую он претендует, является вопрос о том, обязаны ли все субъекты морально подчиняться этим директивам всякий раз, когда он создает такие обязательства. Если нет, то закон не обладает той властью, на которую он претендует.

Два менее важных аргумента в пользу того, чтобы рассматривать обязательство подчиняться как основную проблему нормативности, основаны на взглядах относительно методологии юриспруденции. Согласно одной точке зрения, юриспруденция должна учитывать каждое широко распространенное мнение о праве, и мнение о том, что каждый из нас обязан подчиняться, является именно таким мнением. Согласно другой точке зрения, юриспруденция должна обращать внимание только на лучшие, образцовые примеры применения права, и в этом случае каждый имеет моральное обязательство подчиняться.

Таким образом, проблема морального обязательства подчиняться закону имеет особое значение, но это лишь одна из проблем нормативности права, наряду с другими, не менее важными. Прежде чем ответить на вопрос что может служить основанием для морального обязательства подчиняться правовым нормам, необходимо определить условия, при которых право может быть нормативным, а также выявить связь между правовыми и другими социальными нормами.

Список литературы:

1. Leslie Green. The Normativity of Law: What is the Problem? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://docslib.org/doc/7604394/the-normativity-of-law-what-is-the-problem.
2. Raz J. Practical Reason and Norms. Oxford: Oxford University Press, 1999. 220 p.
3. Christine M. Korsgaard. The Sources of Normativity. Cambridge University Press, 1996.
4. H.L.A. Hart, The Concept of Law, 3rd Edition, eds. P. Bulloch and J. Raz,intro L. Green. Oxford University Press, 2012. 333 p.
5. Scott Shapiro, Legality. Harvard University Press, 2011. P. 102.
6. H.L.A. Hart. Legal and Moral Obligation. in A. I. Melden, ed, Essays in Moral Philosophy. University of Washington Press, 1958. P. 90-100.
7. Andrei Marmor, Positive Law and Objective Values. Princeton University Press, 2011. P. 82.
8. Ronald Dworkin. Justice for hedgehogs. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 2013. P. 406.
9. Joseph Raz. The Authority of Law. Oxford University Press. 2009.
10. Robert Alexy. The Argument from Injustice: A Reply to Legal Positivism. Oxford University Press, 2010.

References:

1. Leslie Green. The Normativity of Law: What is the Problem? [electronic resource]. Access mode: https://docslib.org/doc/7604394/the-normativity-of-law-what-is-the-problem .
2. Raz J. Practical Reason and Norms. Oxford: Oxford University Press, 1999. 220 p.
3. Christine M. Korsgaard. The Sources of Normativity. Cambridge University Press, 1996.
4. H.L.A. Hart, The Concept of Law, 3rd Edition, eds. P. Bulloch and J. Raz,intro L. Green. Oxford University Press, 2012. 333 p.
5. Scott Shapiro, Legality. Harvard University Press, 2011. P. 102.
6. H.L.A. Hart. Legal and Moral Obligation. in A. I. Melden, ed, Essays in Moral Philosophy. University of Washington Press, 1958. P. 90-100.
7. Andrei Marmor, Positive Law and Objective Values. Princeton University Press, 2011. P. 82.
8. Ronald Dworkin. Justice for hedgehogs. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 2013. P. 406.
9. Joseph Raz. The Authority of Law. Oxford University Press. 2009.
10. Robert Alexy. The Argument from Injustice: A Reply to Legal Positivism. Oxford University Press, 2010.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_49

УДК 340

ЮРИДИЧЕСКАЯ ДОГМАТИКА М.Н. КАПУСТИНА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД
THE LEGAL DOGMATICS OF M.N. KAPUSTIN: THE INSTITUTIONAL APPROACH

САНГУЛИЯ Аслан Даурович
Старший преподаватель кафедры Государства и права
Юридического факультета Абхазского государственного университета.
384904, Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Университетская 1.
E-mail: asanguliya@mail.ru

SANGULIA Aslan Dautovich
Senior Lecturer at the Department of State and Law Faculty of Law of the Abkhazian State University.
384904, Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Университетская 1.
E-mail: asanguliya@mail.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена вопросам методологии изучения международных отношений, играющей важную роль в теории энциклопедии права М.Н. Капустина, одного из авторитетных отечественных юристов конца XIX века. В статье заостряется внимание на правопонимании этого теоретика права, которое объясняет особенности его методологии изучения международных отношений. Автор делает вывод об актуальности ряда положений учения М.Н. Капустина о международных отношениях для современной науки международного права.*

Abstract. *The article is devoted to the methodology of studying international relations, which plays an important role in the theory of the encyclopedia of law by M.N. Kapustin, one of the authoritative Russian lawyers of the late 19th century. The article focuses on the legal understanding of this legal theorist, which explains the features of his methodology for studying international relations. The author concludes that a number of provisions of M.N. Kapustin's doctrine on international relations are relevant for the modern science of international law.*

Ключевые слова: *М.Н. Капустин, правоведение, юридическая наука, институциональный подход.*
Keywords: *M.N. Kapustin, jurisprudence, legal science, institutional approach.*

Для цитирования: *Сангулия А.Д. Юридическая догматика М.Н. Капустина: институциональный подход // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 49-50. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_49.*
For citation: *Sangulia A.D. The legal dogmatics of M.N. Kapustin: the institutional approach // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 49-50. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_49.*

Статья поступила в редакцию: 04.06.2025

Михаил Николаевич Капустин (1828–1899) знаком нам как один из знаменитых теоретиков права конца XIX века, заслугой которого является обоснование идеи общей теории права, как особой юридической науки, задачей которой является наиболее общее догматическое определение юридических понятий, опирающееся на анализ юридической практики. В то же время, он не менее был известен и как теоретик международного права, относительно новой в те годы юридической дисциплины. Хотелось бы заметить, что отечественная правовая наука того времени только начинала определяться как сфера научного знания, что сопровождалось многочисленными методологическими проблемами, которые стояли на повестке того периода. Что касается такой сферы, как международное право, то, не смотря на понимание важности этой сферы, понимание необходимости изучения международных отношений средствами науки, имевших место еще в работах А.К. Неволина [1], в России она не рассматривалась в качестве самостоятельного направлений научных исследований и лишь в начале XX века появились первые труды, непосредственно посвященные международному праву как самостоятельной сферы юридических знаний.

По этим основаниям, представления о международном праве, преимущественно, черпались из иностранной юридической литературы, прежде всего из немецкой, а их изложение было эпизодическим, в контексте иных теоретических вопросов права, как правило, связанных с интерпретацией природы правоотношений разных субъектов, где государства рассматривались именно в таком качестве. Можно сказать, что становление теории международного права во второй половине XIX века находилось в начале своего длительного пути развития.

В этом контексте всегда важную роль представляет решение методологических проблем, как то, определение предмета исследование, способов изучения его объектов, связь с общей юридической теорией. Поэтому догматический подход М.Н. Капустина, являющийся отличительной особенностью его методологии, оказался как нельзя кстати, своеобразно решая все сформулированные задачи.

Концептуально-теоретические представления М.Н. Капустина о международном праве во много обусловлены концепциями немецких юристов. Тем не менее, следует вести речь об их своеобразии, особенностях, определяемых, прежде всего, его догматической методологией. Международные отношения, как объект изучения и предмет относительно самостоятельно направления исследований, возникают в контексте концепции общей теории права М.Н. Капустина, его теоретической модели энциклопедии права (юридической догматики).

Необходимость включения данного объекта в контексте его теории объясняется той знаковой ролью, которую в ней играет концепт правового порядка (юридического порядка), то есть, совокупности обусловленных субъективным правом отношений, возникающих между разными категориями субъектов. Устойчивость и повторяемость данных отношений во времени и в пространстве делает необходимым их институциональное определение. При этом под институтом понимается «типические формы» юридических отношений. То есть, «В каждой из них объективная норма в связи с субъективными правами служит основанием для вывода юридического понятия. Такие типические виды отношений, понимаемые исключительно в их юридической стороне, называются юридическими институтами» [5, с. 214].

Существует огромное разнообразие юридических институтов, таких, например, как институт исковой давности, институт семьи, институт собственности, и т.д. и т.п. В свою очередь, поскольку они представляют собой не что иное, как типичную форму правоотношений, следует констатировать их связь и, соответственно, учитывая неоднородность отношений, и определенные их группы. Теоретик полагает, что проблема систематизации институтов является одной из актуальных не только для юридической науки, но и для юридической практики, поскольку от ее решения непосредственно зависит и систематизация законодательства, его кодификация, в конечном счете, позитивно влияющая на правоприменительную практику.

Так, представим, определение места юридического института в системе институтов, является и условием его правильной интерпретации, вкладываемого в него юридического смысла.

Следуя наиболее распространенной в науке точке зрения, М.Н. Капустин разделяет все институты на две группы – институты частного и государственного права. Но такая классификация не охватывает все совокупности отношений. В частности, речь идет об отношениях между государствами и церковных отношениях. Они, по мнению теоретика, и составляют отдельную группу институтов, а именно, внегосударственные институты. Межгосударственные отношения, приобретающий юридическую форму и следует рассматривать как международное право, включающее совокупность норм и институтов, признаваемых государствами как субъектами этих отношений. Очевидна постановка проблемы, представляемая этим ученым: «…факт одновременного бытия многих государств, является непреложным. Мысль о едином государстве или всемирной монархии не находит основания не в истории, ни в понятии о юридической власти. Но человеческому разуму свойственно представлять все человечество, как единое целое, подчиняющееся единой Божественной власти, а потому и признающее силу справедливости. Каждое отдельное государство сознает свою обязанность признавать свободу другого и относиться к нему по началу соразмерности. Поэтому отношения между народами способны получить характер юридический» [4, с. 328].

В то же время, по заявлению М.Н. Капустина, данные отношения имеют ту особенность, что, не смотря на их субъектную определенность, когда государство позиционирует себя в качестве лица, обладающего юридическим статусом, нормы, регулирующие эти отношения, не имеют принудительного характера. В то же время, взаимное признание государствами прав и обязанностей делает их юридическими отношениям. Роль, которую, как правило, исполняет государство, принудительная сила которого обеспечивает исполнение предписания нормы, здесь играет сознание народов, нравственность, характерная для «международного общества» [6, с. 328].

Так, дефиниция «международное общество» в юридической теории М.Н. Капустина играет роль недостающего институционально звена, обеспечивающего юридический характер отношений между государствами и, соответственно, их стабильность посредством идеальных факторов деятельности. Международные договоры в качестве источника международного права М.Н. Капустин рассматривает лишь в качестве первой ступени развития международных правоотношений, перспективой которых является их более регулярный и систематический характер. Поэтому теоретик пишет: «…международное право не обнимает всех сторон юридического порядка, оставляя много руководству нравов в обширном смысле. Нужно долгое время для того, чтобы известное запрещение или приказание всеобщей обязательности и было сформулировано с тою определенностью, какою отличаются юридические нормы» [3, с. 82].

Подводя итог, хотелось бы констатировать, что, оценивая концепцию международного права М.Н. Капустина, необходимо учитывать не только теоретическую разработанность данной сферы, которая в то время находилась на низком уровне, но и сам характер этих отношений, их юридическую природу, характерную для того времени. Так, международные институты, в качестве элементов механизма действия международного права, будут созданы лишь в следующем веке. Изначально таким институтом будет Лига наций, созданная в 1919 году. В этой связи сама идея международного общества играла важную роль не только в становлении науки международного права, но и отражала уровень развития международных правоотношений того периода.

Список литературы

1. Неволин К.А. Энциклопедия законоведения / Неволин К.А. // Полное собрание сочинений. Т. 1 «Энциклопедия законоведения». СПб.: Типография Эдуарда Праца. 1857. – 501 с.
2. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб.: Магазин Н.К. Мартынова, 1914. – 427 с.
3. Капустин М.Н. Международное право. Ярославль: Типография Губернской Земской Управы, 1873. – 87 с.
4. Капустин М.Н. Юридическая энциклопедия (догматика). СПб.: Типография одиночной Санкт-Петербургской тюрьмы, 1893. – 362 с.
5. Капустин М.Н. Теория права (юридическая догматика). М.: Университетская типография (Катков и Ко), 1868. – 352 с.
6. Капустин М.Н. О значении национальности в международном праве. М.: Университетская типография, 1863.

References

1. Nevolin K.A. Encyclopedia of jurisprudence / Nevolin K.A. // Complete works. Vol. 1 "Encyclopedia of jurisprudence". St. Petersburg: Printing house of Eduard Prats. 1857. – 501 p.
2. Korkunov N. M. Lectures on the general theory of law. St. Petersburg: N.K. Martynov's Shop, 1914. – 427 p.
3. Kapustin M.N. International law. Yaroslavl: Printing house of the Provincial Zemstvo Council, 1873. 87 p.
4. Kapustin M.N. Legal encyclopedia (dogmatics). St. Petersburg: Printing house of the solitary confinement St. Petersburg prison, 1893. 362 p.
5. Kapustin M.N. Theory of law (legal dogmatics). Moscow: University Printing House (Katkov and Co.), 1868. 352 p.
6. Kapustin M.N. On the importance of nationality in international law. Moscow: University Printing House, 1863.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_51

УДК 340

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ МОЛОДЕЖНОЙ СЕКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «III РАССОЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» (15 ОКТЯБРЯ 2025 Г., ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ (РПА МИНЮСТА РОССИИ))

MODERN PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES: A REVIEW OF THE MATERIALS OF THE YOUTH SECTION OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE "III RASSOLOVSKIE READINGS" (OCTOBER 15, 2025, ALL-RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF JUSTICE (RLA OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF RUSSIA))

БИБИНА Наталья Михайловна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры теории, истории государства и права, социально-экономических дисциплин Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске;
430005, Россия, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 6.
E-mail: mouse.nata.84@mail.ru

BIBINA Natalia Mikhailovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory, History of State and Law, Socio-Economic Disciplines of the Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) in Saransk;
430005, Russia, Saransk, Fedoseenko St., 6.
E-mail: mouse.nata.84@mail.ru

КИРИЛЛОВ Артём Олегович,
Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
241050, Россия, г. Брянск, ул. Горького, д. 18.
E-mail: artem.kirillov@yandex.ru

KIRILLOV Artyom Olegovich,
Bryansk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
241050, Russia, Bryansk, Gorky St., 18.
E-mail: artem.kirillov@yandex.ru

КОПЫЛОВ Артём Георгиевич,
Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
241050, Россия, г. Брянск, ул. Горького, д. 18.
E-mail: mr.artem.kopylov.04@gmail.com

KOPYLOV Artyom Georgievich,
Bryansk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
241050, Russia, Bryansk, Gorky St., 18.
E-mail: mr.artem.kopylov.04@gmail.com

КОРОЛЬКОВ Илья Павлович,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС);
117279, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А.
E-mail: Ilya.korolkov.2004@mail.ru

KOROLKOV Ilya Pavlovich,
Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS);
117279, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya St., 55A.
E-mail: Ilya.korolkov.2004@mail.ru

КРУГЛОВ Георгий Васильевич,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС);
117279, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А.
E-mail: Krugg238@gmail.com

KRUGLOV Georgy Vasilievich,
Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS);
117279, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya St., 55A.
E-mail: Krugg238@gmail.com

ЛАВШУК Максим Александрович,
Красноярский государственный аграрный университет;
660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, д. 90.
E-mail: max555_95@mail.ru

LAVSHUK Maxim Alexandrovich,
Krasnoyarsk State Agrarian University;
660049, Russia, Krasnoyarsk, Mira Ave., 90.
E-mail: max555_95@mail.ru

ЛАЗАРЕВ Ярослав Александрович,
Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске;
430005, Россия, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 6.
E-mail: lazarevaroslav9@gmail.com

LAZAREV Yaroslav Alexandrovich,
Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) in Saransk;
430005, Russia, Saransk, Fedoseenko St., 6.
E-mail: lazarevaroslav9@gmail.com

ЛЕДОВСКИЙ Данил Дмитриевич,
Красноярский государственный аграрный университет;
660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, д. 90.
E-mail: ledovskiy2001@mail.ru

LEDOVSKY Danil Dmitrievich,
Krasnoyarsk State Agrarian University;
660049, Russia, Krasnoyarsk, Mira Ave., 90.
E-mail: ledovskiy2001@mail.ru

ЛЫКОВ Андрей Юрьевич,
преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права
Российской государственной академии интеллектуальной собственности (РГАИС);
117279, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А.
E-mail: lykov.science@gmail.com

LYKOV Andrey Yurievich,
Lecturer of the Department of Civil and Business Law of the Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS);
117279, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya St., 55A.
E-mail: lykov.science@gmail.com

ОМАРОВ Рамазан Ажубович
Северо-Кавказский институт (филиал) «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»;
367000, г. Махачкала, Россия, ул. Абубакарова, д. 67.
E-mail: homer.domersf@mail.ru

OMAROV Ramazan Azhubovich
North Caucasus Institute (branch) of the "All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)";
367000, Makhachkala, Russia, Abubakarova str., 67.
E-mail: homer.domersf@mail.ru

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич,
доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России);
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1;
Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России;
654066, Россия, г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, д. 49;
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России;
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1; Сибирский федеральный университет;
660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79.
ORCID ID: 0000-0003-3303-2941
E-mail: panchenkovlad@mail.ru

PANCHENKO Vladislav Yurievich,
Doctor of Law, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia);
117638, Russia, Moscow, Azovskaya St., 2, Bldg. 1;
Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia;
654066, Russia, Novokuznetsk, Oktyabrsky Ave., 49;
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia;
125130, Russia, Moscow, Narvskaya St., 15a, Bldg. 1;
Siberian Federal University;
660041, Russia, Krasnoyarsk, Svobodny Ave., 79.
ORCID ID: 0000-0003-3303-2941
E-mail: panchenkovlad@mail.ru

УДОТОВА Ксения Георгиевна,
Московский университет имени А.С. Грибоедова;
111024, Россия, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21.
E-mail: k.udotova@iile.ru

UDOTOVA Ksenia Georgievna,
A.S. Griboyedov Moscow University;
111024, Russia, Moscow, Entuziastov Highway, 21.
E-mail: k.udotova@iile.ru

Краткая аннотация: *В обзоре представлены материалы докладов, посвященных теоретико-правовым и прикладным проблемам правоохранительной деятельности. Освещены вопросы кадровой политики на государственной гражданской службе, взаимодействия нотариата с органами власти, противодействия недобросовестным практикам в банкротстве физических лиц. Проанализированы философско-правовые аспекты свободы воли и политико-правовых идеалов, принцип добросовестности в гражданском праве, проблемы правового регулирования биомедицины и специальные признаки мошенничества при получении выплат.*

Abstract: *This review presents reports on theoretical, legal and applied problems of law enforcement. The issues of personnel policy in the state civil service, interaction of the notary with public authorities, and countering unfair practices in the bankruptcy of individuals are highlighted. The philosophical and legal aspects of free will and political and legal ideals, the principle of good faith in civil law, problems of legal regulation of biomedicine and special signs of fraud in obtaining payments are analyzed.*

Ключевые слова: *правоохранительная деятельность, аттестация государственных служащих, нотариат, банкротство физических лиц, принцип добросовестности, свобода воли, политико-правовой идеал, биомедицина, биоэтика, мошенничество при получении выплат.*

Keywords: *law enforcement, certification of civil servants, notary, bankruptcy of individuals, principle of good faith, free will, political and legal ideal, biomedicine, bioethics, fraud in obtaining payments.*

Для цитирования: *Бибина Н.М., Кириллов А.О., Копылов А.Г., Корольков И.П., Круглов Г.В., Лавшук М.А., Лазарев Я.А., Ледовский Д.Д., Лыков А.Ю., Омаров Р.А., Панченко В.Ю., Удотова К.Г. Современные проблемы правоохранительной деятельности: обзор материалов молодежной секции Международной научно-практической конференции «III Рассоловские чтения» (15 октября 2025 г., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)) // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 51-54. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_51.*

For citation: *Bibina N.M., Kirillov A.O., Kopylov A.G., Korolkov I.P., Kruglov G.V., Lavshuk M.A., Lazarev Ya.A., Ledovsky D.D., Lykov A.Yu., Omarov R.A., Panchenko V.Yu., Udotova K.G. Modern problems of law enforcement activities: a review of the materials of the youth section of the International scientific and practical conference "III Rassolovskie readings" (October 15, 2025, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)) // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 51-54. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_51.*

Статья поступила в редакцию: 23.03.2026

15 октября 2025 года на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» состоялась Международная научно-практическая конференция «III Рассоловские чтения», в рамках которой активно работала молодежная секция. В ходе заседания доктор юридических наук, профессор *В.Ю. Панченко (Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России))* обратил внимание участников на то, что эффективность правоохранительной деятельности напрямую зависит от своевременного выявления и научного осмысления проблем правоприменения, кадрового обеспечения и взаимодействия различных институтов публичной власти. Молодые ученые представили доклады, в которых проанализировали проблемы действующего законодательства и практики и предложили конкретные пути их устранения.

А.Ю. Лыков (Российская государственная академия интеллектуальной собственности) в выступлении на тему «О видах политико-правовых идеалов» отметил, что политико-правовой идеал представляет собой существующий в индивидуальном либо групповом сознании образец состояния и функционирования политически организованного общества, достигаемый с помощью права, который призван обеспечивать выживание, совершенствование и развитие социального организма и выступать самой общей целью для правового регулирования. Автором подвергнута критике позиция об «антиисторизме» разделения идеалов на регрессивные и прогрессивные [1, с. 195-196]. Социальная эволюция показывает, что различные общества отличаются степенью подчинения внешней и собственной природы, где одни из них повышают такую степень, а другие – понижают. Эти процессы происходят под воздействием различных политико-правовых идеалов, что позволяет оценивать последние в качестве реакционных или прогрессивных. Классификация на прогрессивные и регрессивные уже содержит оценочные критерии и не требует дополнительного выделения отрицательных и положительных идеалов.

А.О. Кириллов (Брянский филиал РАНХиГС) в докладе «Аттестация на государственной гражданской службе: теория и практика правового регулирования» рассмотрел институт аттестации как ключевой механизм кадровой политики. Выявлены проблемы: формальный характер проведения аттестации в отдельных органах, субъективизм оценок при отсутствии четких унифицированных критериев, недостаточная реализация гарантий прав служащих. Предложено разработать единые методические рекомендации по проведению аттестации, внедрить цифровые инструменты оценки эффективности, повысить квалификацию членов аттестационных комиссий.

И.П. Корольков (Российская государственная академия интеллектуальной собственности) в выступлении на тему «Проблемы принципа добросовестности в гражданском праве» показал дуализм этого понятия (объективная добросовестность как стандарт поведения и субъективная как извинительное незнание) и соотношение принципа добросовестности с судейским усмотрением и правотворчеством. На основе сравнительно-правового исследования подходов англосаксонской (ограниченное признание, эволюция в Канаде) и континентальной (немецкая и французская модели) правовых семей сделан вывод о необходимости сбалансированного применения принципа, исключающего «бегство в общие оговорки», и выработки устойчивых ориентиров судебной практики для обеспечения правовой определенности.

М.А. Лавшук (Красноярский государственный аграрный университет) в докладе «Теоретико-правовые основы свободы воли» представил результаты комплексного междисциплинарного анализа свободы воли как социальной и правовой категории и выявил эволюцию понимания свободы воли: от метафизической абсолютной категории к функциональной способности личности к саморегулированию и ответственности в рамках объективных социальных детерминант. В гражданском праве свобода воли рассматривается как основа автономии и добросовестности, а в уголовном – как предпосылка вменяемости и вины, функционирующая в форме «опровержимой презумпции». Свобода воли в социально-правовом смысле представляет собой реальную, ограниченную внешними условиями способность субъекта к осознанному выбору, что придает данной категории ключевое методологическое значение для анализа правомерности поведения.

Г.В. Круглов (Российская государственная академия интеллектуальной собственности) в выступлении на тему «Институт банкротства физических лиц в Российской Федерации» остановился на трех основных формах недобросовестного поведения: создание контролируемых («дружественных») кредиторов, злоупотребление исполнительским иммунитетом единственного жилья и оформление имущества на подставных лиц. Отмечено, что Верховный Суд РФ выработал подход, основанный на повышенном стандарте доказывания для аффилированных лиц, позволяющий исключать мнимые требования из конкурсной массы без применения механизмов субординации. Относительно исполнительского иммунитета обосновано, что он не носит абсолютного характера и может быть ограничен при установлении злоупотребления правом, в том числе при наличии у должника иного жилья за рубежом. В части оформления имущества на подставных лиц делается вывод о приоритете фактического экономического контроля над формальной регистрацией прав, что позволяет включать такие активы в конкурсную массу.

Д.Д. Ледовский (Красноярский государственный аграрный университет) в выступлении, посвященном исследованию категории «эквивалентность» в праве, обосновал необходимость рассмотрения эквивалентности как многозначной категории, выполняющей функции сравнительного оценочного понятия, которое отражает объективные закономерности социального взаимодействия, в связи с чем необходимо сосредоточить научное внимание на выявлении сущности и механизма реализации принципа эквивалентности в правовом регулировании, определении его роли в правовом взаимодействии, что позволит использовать её для анализа взаимосвязей правовых норм, институтов и юридической прак-

тики их осуществления.

Я.А. Лазарев и Н.М. Бибина (Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске) в докладе «Правовые аспекты биомедицины и биоэтики: от ЭКО до геномного редактирования» проанализировали фундаментальную проблему неопределенности правового статуса человеческого эмбриона в российском законодательстве. Согласно ст. 55 Федерального закона № 323-ФЗ, эмбрион не может быть использован в целях, не связанных с рождением ребенка, однако он не признается ни субъектом права, ни вещью в смысле ст. 128 ГК РФ, что создает правовой вакуум. Авторы на конкретных примерах показали практические трудности: невозможность квалификации гибели эмбриона по вине клиники (возмещение только морального вреда и материальных затрат по правилам гл. 39 ГК РФ), неопределенность судьбы криоконсервированных эмбрионов после завершения программы ЭКО (донорство, уничтожение, передача науке), отсутствие четких правил наследования в случаях переноса эмбриона после смерти биологического отца. Особое внимание уделено регулированию геномного редактирования: ст. 55 ФЗ-323 устанавливает запрет на редактирование зародышевой линии (изменения наследуются), но разрешает соматическую терапию. Однако фундаментальные исследования с эмбрионами in vitro остаются в «серой зоне» – прямо не запрещены, но и не урегулированы. Отсутствие единого контролирующего органа, подзаконных актов и этических кодексов создает риски для ученых и возможность «медицинского туризма» за рубеж для применения запрещенных в РФ технологий (рождение «дизайнерских детей»), что порождает проблемы регистрации таких детей и ответственности. Сделан вывод о необходимости принятия комплексного федерального закона, который четко разграничит виды работ с геномом, установит централизованную систему лицензирования и контроля, а также предусмотрит меры противодействия медицинскому туризму.

А.Г. Копылов (Брянский филиал РАНХиГС) в докладе «Актуальные проблемы взаимодействия нотариата и органов государственной власти Российской Федерации» отметил, что двойственная природа нотариата, сочетающего публично-правовые и частноправовые начала, предопределяет сложность его взаимодействия с государственными органами. Анализ действующего законодательства выявил ряд системных противоречий: отсутствие единообразия правил и форматов взаимодействия, рассогласованность требований к запросам и ответам, несовместимость программного обеспечения государственных органов с Единой информационной системой нотариата, а также отсутствие законодательно закрепленных сроков реагирования на запросы нотариусов. В качестве перспективного направления оптимизации предложена унификация процедур взаимодействия, предполагающая установление единых стандартов обмена информацией. Устранение указанных противоречий будет способствовать реализации принципа правовой определенности и повышению качества нотариальных услуг.

Р.А. Омаров (Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в докладе «Юридическое образование и правовая культура» рассмотрел взаимосвязь качества подготовки юристов и уровня правовой культуры общества. Отметив, что правовая культура представляет собой качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в уровне развития правовой деятельности, правосознания и степени гарантированности прав человека [2, с. 575], автор проследил эволюцию российского юридического образования от советской пятилетней подготовки универсальных юристов до перехода к двухступенчатой системе (бакалавриат – магистратура) после 2010-х годов. Положительной чертой реформы названа возможность индивидуализации образовательной траектории, однако выявлены и негативные последствия: нехватка компетентных преподавателей, способных работать по новым стандартам, сложности адаптации студентов, разрыв между ожиданиями работодателей и уровнем подготовки выпускников. Автор подчеркнул, что наличие диплома не гарантирует сформированности правовой культуры – важны методика преподавания и здоровая образовательная среда, поскольку столкновение студентов с несправедливостью в вузах ведет к снижению мотивации соблюдать закон.

К.Г. Удотова (Московский университет имени А.С. Грибоедова) в докладе «Специальные признаки мошенничества при получении выплат» представила подробный юридический анализ состава преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ. Установлено, что непосредственным объектом выступают отношения государственной или муниципальной собственности, а дополнительным – отношения в сфере распределения бюджетных средств. Выявлено несоответствие названия статьи ее содержанию: предметом выступают не только денежные средства, но и иное имущество (лекарственные препараты, путевки, технические средства реабилитации), а также право на чужое имущество (например, право на получение жилищного сертификата). Объективная сторона может выражаться как в активном обмане (предоставление ложных сведений), так и в пассивном (умолчание о фактах, влекущих прекращение выплат). По конструкции состав материальный, окончен с момента получения первой выплаты. Субъект в основном составе общий, в квалифицированном – специальный (лицо, использующее служебное положение). Наиболее сложной признана проблема соотношения со ст. 159.5 УК РФ (мошенничество в сфере страхования) в случаях, когда страховые выплаты одновременно являются социальными. Анализ судебной практики выявил неоднозначность квалификации таких деяний, а существующие правила преодоления конкуренции специальных норм в данном случае неприменимы, что оставляет этот вопрос открытым для правоприменителя.

Список литературы

1. Антонова Ю.В. Осмысление коллективистского и индивидуалистического идеала как методологическая проблема // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 3. С. 195-196.
2. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юристъ, 1997. – 671 с.

References

1. Antonova Yu.V. Osmyslenie kollektivistskogo i individualisticheskogo ideala kak metodologicheskaya problema [Understanding the collectivist and individualistic ideal as a methodological problem]. Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii. Irkutsk, 2011. Vyp. 3. S. 195-196. (In Russian)
2. Teoriya gosudarstva i prava: Kurs lektsiy / Pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. – M.: Yurist, 1997. – 671 s. (In Russian)

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_55

МИКРОБИОЛОГИИ РАСТЕНИЙ: ВОПРОСЫ НОРМИРОВАНИЯ[1]
PLANT MICROBIOLOGY: ISSUES OF STANDARDIZATION

ЕЛИСЕЕВ Вячеслав Сергеевич,
профессор кафедры экологического и природоресурсного права,
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
профессор кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин
Государственного социально-гуманитарного университета, доктор юридических наук, доцент.
ул. Садовая-Кудринская, д. 9, 125993, Москва, Россия.
E-mail: v.s.eliseev@mail.ru

ELISEEV Vyacheslav Sergeevich,
Professor at the Department of Environmental Law, Kutafin Moscow State Law University,
Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the State Social and Humanitarian University
Doctor of Law, Associate Professor.
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993.
E-mail: v.s.eliseev@mail.ru

***Краткая аннотация**: в статье анализируются правовое обеспечение направления экологического сельскохозяйственного производства, основанного на использовании микроорганизмов взамен применения пестицидов и агрохимикатов. Аргументируется необходимость нормирования такой деятельности на базе научно-обоснованных методических указаний и методических рекомендаций, рекомендуемые после их утверждения органами управления сельским хозяйством. Сельскохозяйственных товаропроизводителей, выполняющих требования по использованию методических указаний и рекомендаций, предлагается стимулировать посредством государственной поддержки такой деятельности.*

***Abstract:** The article analyzes the legal framework for environmental agricultural production based on the use of microorganisms instead of pesticides and agrochemicals. The necessity of regulating such activities is substantiated on the basis of scientifically based guidelines and methodological recommendations, which are proposed to be approved by agricultural management bodies. Agricultural producers who comply with these requirements are encouraged to receive government support for their activities.*

***Ключевые слова**: аграрное (сельскохозяйственное) законодательство, аграрное право, сельскохозяйственная микробиология, государственная поддержка сельскохозяйственных товаропроизводителей.*
***Keywords**: agricultural (agricultural) legislation, agricultural law, agricultural microbiology, state support for agricultural producers.*

***Для цитирования:** Елисеев В.С. Микробиологии растений: вопросы нормирования // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 55-58. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_55.*
***For citation:** Eliseev V.S. Plant microbiology: issues of rationing // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 55-58. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_55.*

Статья поступила в редакцию: 07.04.2026

Вопросы правового обеспечения сельскохозяйственных биотехнологий и сельскохозяйственной микробиологии в научной литературе нашло минимальное отражение: в частности данного вопроса коснулись в своих работах Н.Г. Жаворонкова и В.Б. Агафонов[2], Е.Л. Минина[3], П.М. Шевякова и Н.Г. Кузьмина в коллективной монографии под редакцией Н.П. Ворониной[4]. Что касается учебной литературы, сельскохозяйственная микробиология в аграрном праве нашла отражение только во второй версии учебника под редакцией А.П. Анисимова и О.В. Поповой[5].

Наиболее детально данные отношения нашли развитие в монографии автора, посвященной вопросам правового обеспечения сельскохозяйственной микробиологии[6].

Выступая составной частью биологической и физико-химической среды, микроорганизмы оказывают существенное влияние на формирование и генезис почвы, определяют уровень ее плодородия, а также качественный состав растений, определяя их урожайность. Микробиота является важнейшим компонентом здоровья почвы и растений, определяет продуктивность растений и их устойчивость к стрессам. Использование микроорганизмов для повышения продуктивности сельского хозяйства – чрезвычайно привлекательный подход, который не является трансгенным и может рассматриваться как коллективный расширенный геном растения. Микробы могут способствовать восстановлению здоровья растений и продуктивности почвы, имеют большое будущее в малоинтенсивном, устойчивом сельском хозяйстве, которое выходит за рамки классических симбиозов растений и микроорганизмов[7].

В сельскохозяйственной микробиологии существует направление, занимающееся микробами, ассоциированными с растениями и их болезнями. В нем также рассматривается связь микробиологии растений и плодородия почвы, так же, как и микробиологическая деградация ор-

[1] Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030».
The research was conducted in frame of the federal academic leadership program Priority 2030.
[2] Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Правовое обеспечение экологической безопасности Арктической зоны Российской Федерации при реализации геномных технологий // 2019. № 6 (151). С. 61-70.
[3] Минина Е.Л. Тенденции развития законодательства об отраслях сельского хозяйства // Журнал российского права. 2023. № 10. С. 68-81.
[4] Эколого-правовое обеспечение инновационного развития агропромышленного комплекса России: монография / отв. ред. Н.П. Воронина. Москва: Проспект, 2025. С. 80-91; 91-101; 206-208.
[5] Аграрное право России: учебник для прикладного бакалавриата и магистратуры / под ред. А.П. Анисимова и О.В. Поповой / 2-е изд. перераб и доп. М.: Издательство Юрайт, 2026. С. 329-341.
[6] Елисеев В.С. Особенности нормирования деятельности в сельскохозяйственной микробиологии: монография. Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2026. С. 70-92.
[7] Front. Microbiol., 21 December 2020 // https://microbius.ru/news/ot-mikroba-k-mikrobiomu-smena-paradigmy-v-primenenii-mikroorganizmov-dlya-ustoychivogo-selskogo-hozyaystva?ysclid=m5c06rjsq8268324433 (Дата доступа: 7.04.2026).

ганического вещества растений и преобразование питательных веществ в почве. Основная цель данного направления сельскохозяйственной микробиологии всесторонне изучить взаимодействия полезных микроорганизмов, таких как бактерии и грибы, с сельскохозяйственными культурами. В нем также рассматривается микробиологическая деградация органических веществ и преобразование их в питательные вещества почвы[1].

Индустриализация сельского хозяйства привела к интенсификации методов выращивания сельскохозяйственных культур с использованием огромного количества химических пестицидов и удобрений, которые наносят ущерб природным ресурсам. Поэтому для удовлетворения растущего спроса на продовольствие в мире необходимо внедрять такие методы ведения сельского хозяйства, которые не зависят от более широкого использования удобрений и воды. В растениях и почве обитают миллионы микроорганизмов, которые в совокупности образуют микробное сообщество, известное как микробиом. Эффективный микробиом может предложить преимущества, включая стимулирование роста растений, эффективное использование питательных веществ и борьбу с вредителями и фитопатогенами. Существует настоятельная необходимость использования функционального потенциала микробиома, связанного с растениями, и его внедрения в растениеводство[2].

В микробиологии получил закрепление термин «***экзосмос***», под которым понимается явление, когда на поверхность корней и надземных частей растений выделяются органические соединения, синтезированные растительным организмом: в экзосмосе образуются различные органические кислоты (яблочная, янтарная, винная, лимонная, щавелевая и др.), обнаруживаются сахара и некоторые аминокислоты.

В структуре микрофлоры зоны корня выделяют «корневые» микроорганизмы, поселяющиеся на самой поверхности корня, именуемые «микроорганизмы ризопланы» и группа микробов, обитающих в слое почвы, прилегающем к корню, называемые «микроорганизмы ризосферы», общее количество околокорневых микроорганизмов в сотни раз больше, чем в остальной массе почвы (Pseudomonas, Mycobacterium и т. д.). Здесь также находятся микроскопические грибы, дрожжи, водоросли и другие микроорганизмы, – микробное сообщество оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на сельскохозяйственные растения.

Так, при отсутствии чередования севооборота (при посеве монокультур), возникает такое отрицательное явление, как «утомление почвы», когда урожайность сельскохозяйственных культур падает[3], – данное явление практически полностью определяется микроорганизмами. Однако существуют и обратные явления, когда сельскохозяйственные растения не чувствительны к монокультуре: например, кукуруза, картофель, бобовые, рожь, табак и виноград, – но это, скорее, исключения. Острое «утомление» почвы наблюдается при монокультуре сахарной свеклы, льна, гороха, клевера, люцерны, многих плодовых растений.

Утомление почвы в своей основе вызывается токсичными микроорганизмами накапливаемыми в почве под влиянием определенных сельскохозяйственных растений (прежде всего рода Pseudomonas, выделяющих феназинкарбоновую кислоту), в свою очередь, способствующих развитию токсичных почвенных грибов (грибы рода Aspergillus fumigatus, – продуцирующих гельволевую кислоту; Penicillium — патулин, Trichoderma — виридин). Необходимо также учитывать, что и сами культуры выделяют те или иные токсические вещества, также оказывая, тем самым, химическое воздействие на последующие культуры.

Что касается позитивной стороны данного явления, в частности, в сельскохозяйственной литературе отмечается, что, благоприятно действуют на последующие культуры бобовые растения в связи с тем, что в симбиозе с клубеньковыми бактериями обогащают почву азотом. На урожай зерновых культур благотворное влияние оказывает предыдущее выращивание клевера (урожайность повышается почти в два с половиной раза); высока эффективность таких предшественников хлопчатника, как люцерна и рапс[4].

Следующим направлением повышения урожайности выступает симбиоз микроорганизмов, включая грибы-микоризообразователи, и сельскохозяйственных растений. По отношению к грибам-микоризообразователям высшие растения могут быть разделены на следующие три группы: во-первых, растения, не развивающиеся без гриба (подъельник, орхидея); во-вторых, растения, рост и развитие которых улучшаются при наличии микоризы, – к данной группе относят многочисленные древесные и кустарниковые породы (дуб, граб, хвойные и т.д.), в нее входят и сельскохозяйственные культуры; наконец, в-третьих, растения, развивающиеся без микоризы, – водные и не большая группа наземных. Соответственно, если в почве нет грибов-микоризообразователей древесных растений, целесообразно их внесение в почву.

Таким образом, сельскохозяйственное регулирование может осуществляться посредством разработки ***научно-обоснованных рекомендаций по чередованию культур***, по ***сочетанию микроорганизмов и сельскохозяйственных культур***, которые ***нормируют соответствующие подходы***, но как правило, не имеют обязательного характера. На наш взгляд, их такие рекомендации целесообразно закреплять на уровне Минсельхоза РФ[5] либо региональных Минсельхозов (например, Минсельхозпрода Московской области[6]), что предпочтительнее, поскольку учитывается особенность почвенного состава земель и температурно-влажностный режим конкретных регионов.

Стимулированию использования научно-обоснованных рекомендаций (в случае их закреплении) могут способствовать государственные заказы в соответствии с Федеральным законом от 2 декабря 1994 г. № 53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции,

[1] Wikipedia.org/wiki/Agricultural_microbiology // https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.8bcea3c3-677986f6-09d17e9a-74722d776562/https/en (Дата доступа: 7.04.2026).
[2] Front. Microbiol., 21 December 2020 // https://microbius.ru/news/ot-mikroba-k-mikrobiomu-smena-paradigmy-v-primenenii-mikroorganizmov-dlya-ustoychivogo-selskogo-hozyaystva?ysclid=m5c06rjsq8268324433 (Дата доступа: 7.04.2026)
[3] Микробиология: учебник для вузов / В. Т. Емцев, Е. Н. Мишустин. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Дрофа, 2005. С. 326.
[4] Там же. С. 328.
[5] Положение о Министерстве сельского хозяйства Российской Федерации, утв. Постановлением Правительства РФ от 12.06.2008 № 450 // СЗРФ. 2008. № 25. Ст. 2983; 2020. № 15 (часть IV). Ст. 2269.
[6] Положение о Министерстве сельского хозяйства и продовольствия Московской области, утв. Постановление Правительства МО от 03.03.2020 № 83/6 // СПС «КонсультантПлюс», 2026.

сырья и продовольствия для государственных нужд»[1], Федеральным законом от 29 декабря 1994 г. № 79-ФЗ «О государственном материальном резерве»[2] и др., а также государственная поддержка в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»[3], при условии правового нормативного закрепления соответствующих рекомендаций, тем самым побуждая сельхозтоваропроизводителей к их соблюдению.

Отдельно следует остановиться обратить внимание на развитии токсигенных грибов, развивающихся на сельскохозяйственных растениях, – заплесневелых сельскохозяйственных культурах, вырабатывающих токсины, – патогенные вещества, вызывающие заболевания сельскохозяйственных животных, а также людей. Так, при развитии на злаках, включая корма из них патогенных грибов накапливаются ядовитые продукты, вызывающие тяжелые отравления (микотоксикозы): в частности, при потреблении зерна, зараженного спорыньей (сумчатый гриб Claviceps purpurea), – в результате возникают заболевания сельскохозяйственных животных и человека болезнью, именуемой «эрготизм». Для гречихи и других трав рода Paspalum характерен патогенный гриб Claviceps paspali, вызывающий отравление скота (заболевание «цепстоксикоз»); тяжелые заболевания животных могут вызвать грибы рода Fusariit, развивающиеся на скошенных злаках; во влажном климате на злаках может паразитировать гриб Fusarium graminearum, токсины которого накапливаются в зерне и вредны не только для сельскохозяйственных животных, но и для людей, – хлеб, выпеченный из муки такого зерна, вызывает симптомы опьянения (отсюда название заболевания: «пьяный» хлеб); на несвоевременно убранных, перезимовавших под снегом зерновых культурах развивается патогенный гриб Fusarium sporotrichiella, выделяющий сильный токсин, к которому чувствительны многие животные (заболевание «фузариотоксикоз»).

Отравления животных кормами могут также вызвать грибы родов Stachybotris alternans (заболевание «стахиботритоксикоз»), Aspergillus (заболевание «аспергиллотоксикоз»), Penicillium (заболевание «пенициллотоксикоз») и Mucor (заболевание «мукоромикоз»); при потреблении грубых кормов, на которых развился гриб Dendrodochium toxicum, наблюдается гибель лошадей (заболевание «дендродохиотоксикоз»); токсины образуют и для другие виды грибов, а также отдельных видов бактерий, развивающиеся на кормах, поэтому скармливание заплесневевших кормов, по общему правилу, недопустимо[4].

Такие корма, после длительного хранения, равно как и убранные с запозданием сроков уборки, требуют обязательной проверки химическими лабораториями и специальной термической и иной обработке в условиях сельскохозяйственных предприятий, приводящим к нейтрализации токсигенности таких грибов, в противном случае их использование таких растений в целях кормления животных недопустимо.

В связи с чем возрастает роль научных исследований в данных направлениях, в разработке специальных методик с рекомендациями по проверке таких растений и их последующей обработке, которым необходимо придать нормативный характер.

Соответствующие методики проверки и использования сельскохозяйственных растений после тщательных исследований целесообразно утвердить на уровне Минсельхоза РФ (соответствующих региональных министерств и ведомств) с целью их использования сельскохозяйственными организациями.

Особое место в выполнении данных задач принадлежит ***сельскохозяйственным микробиологическим институтам*** – научным учреждениям, которые занимаются изучением и использованием полезных форм микроорганизмов в сельскохозяйственном производстве.

Среди подобных институтов лидирующее место принадлежит Всероссийскому научно-исследовательскому институту сельскохозяйственной микробиологии (ВНИИСХМ)[5] – это государственное научное учреждение Российской академии сельскохозяйственных наук, который является ведущим в России научным центром и одним из мировых лидеров в области изучения растительно-микробных взаимодействий и почвенной микробиологии.

В частности, в институте проводят такие крупные исследования, как «Агробиотехнологии управления плодородием почв России в интересах высокопродуктивного земледелия минимального экологического риска», «Ускоренная селекция высокоурожайных и устойчивых сортов и гибридов растений, обладающих заданными характеристиками качества», «Создание безопасных, качественных, функциональных продуктов питания и кормов» и др.

В рамках данных исследований решаются такие задачи, как изучение генетических ресурсов сельскохозяйственных микроорганизмов и выявление молекулярных маркеров, сцепленных с хозяйственно-ценными признаками, разработка технологий производства биопрепаратов для повышения продуктивности растений и плодородия почв; разработка технологий создания принципиально новых препаратов, которые обеспечивают высокую урожайность растений на основе комплементарного взаимодействия специально подобранных микробных генотипов, выделенных из реликтовых растений; получение новых штаммов ризобактерий, способных повышать устойчивость растений к биотическим (патогены, фитофаги) и абиотическим (засуха, загрязнение почв тяжелыми металлами) стрессам; выявление клеточных и молекулярных маркеров влияния различных пестицидов на формирование и функционирование бобово-ризобиального симбиоза; создание микробиологических технологий биодеструкций растительных остатков и их трансформация в гумусовые вещества; разработка методических подходов для создания высокоэффективных микробных консорциумов для разложения пожнивных остатков и др.[6]

[1] Федеральный закон от 02.12.1994 № 53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд» // СЗРФ. 1994. № 32. Ст. 3303; 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4596.
[2] Федеральный закон от 29.12.1994 № 79-ФЗ «О государственном материальном резерве» // СЗРФ. 1995. № 1. Ст. 3; 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6150.
[3] Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // СЗРФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 27; 2025. № 31. Ст. 4703.
[4] Микробиология: учебник для вузов / В. Т. Емцев, Е. Н. Мишустин. С. 339-340.
[5] Официальный сайт ФГБНУ ВНИИ сельскохозяйственной микробиологии / НЦМУ «Агротехнологии будущего» // https://arriam.ru/ncmu-agrotehnologii-buduwego/ (Дата доступа: 7.04.2026)
[6] Там же.

В данном институте считают, что сельскохозяйственная продукция, получаемая с использованием микробиологических препаратов, имеет более высокие питательные и кормовые характеристики, чем продукция, полученная с использованием минеральных удобрений.

Кроме того, аналогичные исследования проводятся на кафедре почвоведения и микробиологии МГУ им. М.В. Ломоносова[1], в региональных аграрных университетах[2], которые часто участвуют в подобных исследованиях.

Необходимо также отметить роль Россельхознадзора (Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору)[3], а также региональных специализированных химических институтов, в частности, Московский центр агрохимической службы (ФГБУ ГЦАС "Московский")[4]; в Ставропольском крае – Ставропольский центр агрохимической службы (ФГБУ ГЦАС «Ставропольский»)[5] и т.п.

Таким образом перспективы развития правового обеспечения микробиологии растений связаны с разработкой специальных методических указаний (МУ) и методических рекомендаций (МР) по проверке сельскохозяйственных растений на предмет, связанной с ними микробиотами и их последующей обработки. При этом целесообразно закрепление для сельскохозяйственных товаропроизводителей общего правила: «Использование сельскохозяйственными товаропроизводителями методических указаний и методических рекомендаций, рекомендованных компетентными органами управления сельским хозяйством при наличии таковых, является обязательным, за исключением случаев использования иных научно-обоснованных методических указаний или рекомендаций, а также случаев проведении научно-исследовательских изысканий», закрепив соответствующее правило в Федеральном законе «О развитии сельского хозяйства», привязав такие действия при надлежащем исполнении к вопросам оказании государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Список литературы:

1. Аграрное право России: учебник для прикладного бакалавриата и магистратуры / под ред. А.П. Анисимова и О.В. Поповой / 2-е изд. перераб и доп. М.: Издательство Юрайт, 2026. 481 с.
2. Елисеев В.С. Особенности нормирования деятельности в сельскохозяйственной микробиологии : монография. Москва : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2026. 158 с.
3. Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Правовое обеспечение экологической безопасности Арктической зоны Российской Федерации при реализации геномных технологий // 2019. № 6 (151). С. 61-70.
4. Микробиология: учебник для вузов / В. Т. Емцев, Е. Н. Мишустин. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Дрофа, 2005. 445 с.
5. Минина Е.Л. Тенденции развития законодательства об отраслях сельского хозяйства // Журнал российского права. 2023. № 10. С. 68-81.
6. Эколого-правовое обеспечение инновационного развития агропромышленного комплекса России: монография / отв. ред. Н.П. Воронина. Москва: Проспект, 2025. 224 с.

References:

1. Russian Agrarian Law: textbook for applied bachelor's and Master's degrees / edited by A.P. Anisimov and O.V. Popova / 2nd ed. revised and supplemented by M.: Yurayt Publishing House, 2026. 481 p.
2. Eliseev V.S. Features of rationing activities in agricultural microbiology : monograph. Moscow : Publishing Center of the O.E. Kutafin University (MGUA), 2026. 158 p.
3. Zhavoronkova N.G., Agafonov V.B. Legal provision of environmental safety of the Arctic zone of the Russian Federation in the implementation of genetic technologies // 2019. № 6 (151). Pp. 61-70.
4. Microbiology: a textbook for universities / V. T. Yemtsev, E. N. Mishustin. 5th ed., revised and additional M.: Bustard, 2005. 445 p.
5. Minina E.L. Trends in the development of legislation on agricultural sectors // Journal of Russian Law. 2023. No. 10. pp. 68-81.
6. Ecological and legal support for the innovative development of the agro-industrial complex of Russia: a monograph / ed. by N.P. Voronin. Moscow: Prospekt, 2025. 224 p.

[1] Кафедра микробиологии – МГУ имени М.В. Ломоносова // https://microbiomsu.ru (Дата доступа: 7.04.2026)
[2] Официальный сайт ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева // https://www.timacad.ru/sveden/common/; Официальный сайт ФГБОУ ВО Ставропольский ГАУ // https://stgau.ru/ и др. (Дата доступа: 7.04.2026)
[3] Типовое положение о территориальном органе Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору, утв. Приказом Минсельхоза России от 04.10.2012 № 527 // СПС «КонсультантПлюс», 2026.
[4] Официальный сайт Агрохимцентра «Московский» // http://mosagrohim.ru/ob-organizatsii (Дата доступа: 7.04.2026)
[5] Официальный сайт Агрохимцентра "Ставропольский" — сохранение плодородия земель наша главная задача (stavagroland.ru) // https://www.stavagroland.ru (Дата доступа: 7.04.2026)

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_59

УДК 338.22

ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)
PRIORITIES FOR SMALL BUSINESS DEVELOPMENT IN AGRICULTURE (USING THE EXAMPLE OF THE SVERDLOVSK REGION)

ЧУПИНА Ирина Павловна,
доктор экономических наук, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: irinacupina716@gmail.com

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической теории, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: nikolina73@yandex.ru

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат филологических наук, доцент философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: ethos08@mail.ru

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: palamit@rambler.ru

ФАТЕЕВА Наталья Борисовна,
старший преподаватель кафедры менеджмента и экономической теории, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: natbor73@mail.ru

CHUPINA Irina Pavlovna,
Doctor of Economics, Professor of the Department of Management and Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural GAU",
Yekaterinburg st. Turgenev 23
E-mail: irinacupina716@gmail.com

SIMACHKOVA Natalya Nikolaevna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University",
Yekaterinburg st. Turgenev 23
E-mail: nikolina73@yandex.ru

ZARUBINA Elena Vasilievna,
Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Management and Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University",
Yekaterinburg st. Turgenev 23
E-mail: ethos08@mail.ru

EGOROV Sergey Georgievich,
Candidate of historical sciences, Associate Professor of the philosophy department,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University",
Yekaterinburg, Turgenev St. 23
E-mail: palamit@rambler.ru

FATEEVA Natalya Borisovna,
Senior Lecturer, Department of Management and Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Ural State Agrarian University".
Yekaterinburg, Turgenev St. 23
E-mail: natbor73@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются вопросы развития малых форм хозяйствования в сельской местности. Большую роль для обеспечения регионов страны сельскохозяйственной продукцией выполняют фермерские хозяйства, индивидуальные предприниматели и хозяйства населения. В таблице 4 показаны результаты деятельности малого аграрного бизнеса для обеспечения продовольственной безопасности страны. В таблице 1 перечислены основные направления поддержки развития малого бизнеса федеральным проектом РФ. В таблице 2 перечислены наиболее существенные проблемы, которые влияют на развитие малого бизнеса в сельской местности. В таблице 3 показаны перспективные направления по укреплению малого бизнеса, в числе которых выделяют развитие аграрного туризма, продвижения продукции через маркетплейсы, а также цифровизация АПК. В этом заключается актуальность данной статьи. Целью статьи является анализ развития малого бизнеса в сельском хозяйстве в Свердловской области. В статье использованы такие методы исследования как метод статистического анализа, который позволяет проанализировать производство сельскохозяйственной продукции в фермерских хозяйствах, в хозяйствах населения и индивидуальных предпринимателей по сравнению с сельскохозяйственными организациями в течение 2023 – 2025 годов. Также в статье использован метод факторного анализа. Результатами статьи являются данные таблиц 3 и 4 по производству сельскохозяйственной продукции малыми формами хозяйствования. В заключении отмечается, что использование новых технологий, государственная поддержка и новые инновации, а также развитие новых направлений в аграрном секторе ускорит и укрепит развитие малого бизнеса в сельском хозяйстве регионов страны.*

Abstract*. This article examines the development of small-scale farming in rural areas. Farms, individual entrepreneurs, and households play a significant role in providing the country's regions with agricultural products. Table 4 shows the impact of small agricultural businesses on ensuring the country's food security. Table 1 lists the main areas of support for small business development under the Russian federal project. Table 2 lists the most significant issues affecting small business development in rural areas. Table 3 shows promising areas for strengthening small businesses, including the*

development of agricultural tourism, product promotion through marketplaces, and the digitalization of the agro-industrial complex. This underlies the relevance of this article. The purpose of this article is to analyze the development of small businesses in agriculture in the Sverdlovsk region. It utilizes statistical analysis to analyze agricultural production in farms, households, and individual entrepreneurs compared to agricultural organizations during 2023–2025. The article also utilizes factor analysis. The results are presented in Tables 3 and 4 on agricultural production by small businesses. The conclusion notes that the use of new technologies, government support, and new innovations, as well as the development of new areas in the agricultural sector, will accelerate and strengthen the development of small businesses in agriculture in the country's regions.

Ключевые слова: *Аграрный бизнес, сельскохозяйственное производство, устойчивое развитие, государственная поддержка, новые направления развития, кооперация, сбытовая деятельность, льготное кредитование.*

Key words: *Agribusiness, agricultural production, sustainable development, government support, new development directions, cooperation, marketing activities, preferential lending.*

Для цитирования: *Чупина И. П., Симачкова Н. Н., Зарубина Е. В., Егоров С. Г., Фатеева Н. Б. Приоритеты развития малого бизнеса в сельском хозяйстве (на примере Свердловской области) // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 59-63. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_59.*

For citation: *Chupina I. P., Simachkova N. N., Zarubina E. V., Egorov S. G., Fateeva N. B. Priorities for Small Business Development in Agriculture (using the Sverdlovsk Region as an example) // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 59-63. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_59.*

Статья поступила в редакцию: 10.03.2026

Малый бизнес в сельском хозяйстве является важным фактором развития всего аграрно – промышленного комплекса. Он способствует не только повышению занятости и доходов сельского населения, но во многом способствует в обеспеченности регионов страны необходимыми сельскохозяйственными продуктами для выполнения Доктрины продовольственной безопасности.

К малому бизнесу относятся крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ), личные подсобные хозяйства (ЛПХ), сельскохозяйственные потребительские кооперативы и индивидуальные предприниматели (ИП). По итогам 2024 года малыми формами хозяйствования произведено более 55 % всей сельскохозяйственной продукции страны. Доля КФХ и ИП в производстве зерна составила 30 %, сахарной свеклы – 12 %, подсолнечника – 39 %. Производство картофеля и овощей в основном сосредоточено в ЛПХ – 59 % от общего урожая, и овощей – 46 %. Доля малых форм в поголовье крупного рогатого скота составляет 56%, овец и коз - 85%.

В 2026 году Минсельхоз запустит новый федеральный проект «Развитие малого агробизнеса», который консолидирует меры поддержки и будет направлен на решение ключевых проблем аграрного сектора. В данном проекте будут рассмотрены дополнительные меры поддержки фермеров и кооперативов. Рассмотрим приоритетные направления поддержки в рамках федерального проекта в таблице 1.

Таблица 1 – Ключевые направления поддержки по развитию малого бизнеса [9]

№ п/п	Приоритетные направления поддержки	Краткая характеристика
1.	Логистика и переработка	Субсидии на создание мощностей по сбору, хранению, переработке и обработке продукции малых форм хозяйствования, включая личные подсобные хозяйства
2.	Прослеживаемость продукции	Финансовая поддержка внедрения систем маркировки и отслеживания, для повышения доверия потребителей и открытия новых рынков для КФХ, ИП и ЛПХ
3.	Ценовая поддержка через агроагрегаторы	Субсидии агроагрегаторам на закупки продукции у мелких производителей, для обеспечения обеспечить фермерам более выгодных цен по сравнению с перекупщиками
4.	Сертификация	Господдержка затрат на сертификацию продукции, особенно для органической продукции или товаров с улучшенными характеристиками
5.	Консолидация партий для экспорта	Система, позволяющая малым фермерам объединять продукцию для совместного экспорта, так как отдельным производителям сложно выходить на международный рынок из-за низких объёмов производства

С 2026 года вводится объединенная система грантов, которая заменит программы Агростартап». Размер одного гранта будет составлять от 5 до 30 миллионов рублей, и зависеть от доли собственных средств, которые фермеры будут вкладывать в проект. Фермер может получить минимальную сумму – 5 млн. рублей, если его собственные средства составят 10 % от суммы гранта. При внесении 40 % в проект, сумма гранта может составить до 30 млн. рублей. Помимо этого у фермера или индивидуального предпринимателя обязательно должен быть земельный участок в собственности или аренде [1].

В 2026 году продолжат действовать такие направления, как грант «Агротуризм» и грант «Агропрогресс». Максимальная сумма гранта «Агротуризм» составит до 10 млн. рублей. Фермеры, которые развивают данное направление, могут вернуть до 50 % своих средств, которые им возместит государство на закупку необходимого оборудования и благоустройство сельских территорий [3].

Грант «Агропрогресс» представляет собой государственную поддержку на развитие приоритетных отраслей в сельском хозяйстве. Цель гранта заключается в развитии малого предпринимательства в сельской местности. Грант предоставляется в размере не более 30 млн. рублей, составляющих не более 25 % стоимости проекта, где не менее 70 % должно быть обеспечено средствами инвестиционного кредита [4].

Наиболее существенные проблемы и перспективы развития малого бизнеса на селе проанализируем в таблицах 2 и 3.

Таблица 2 – Проблемы развития малого бизнеса в сельской местности

№ п/п	Проблемы развития малого бизнеса	Краткая характеристика
1.	Недостаток финансовых ресурсов	Малые хозяйства часто не могут получить кредиты из-за

		высоких рисков для банков и отсутствия достаточного залогового обеспечения
2.	Слабая инфраструктура	Проблемы с логистикой, хранением продукции, доступом к современным технологиям
3.	Нехватка квалифицированных кадров	Отток специалистов в города
4.	Сложности со сбытом	Зависимость от локальных рынков, высокая конкуренция с крупными агрохолдингами, сложности с выходом на розничные сети
5.	Административные барьеры	Громоздкие процедуры получения господдержки, непрозрачность программ субсидирования
6.	Сезонность и зависимость от погодных условий	Повышаются риски ведения бизнеса

В таблице 2 перечислены основные причины недостаточного развития малого бизнеса в АПК. Но главной причиной всегда была и остается неразвитая инфраструктура сельской местности [2].

Таблица 3 – Перспективы развития малого бизнеса в сельской местности

№ п/п	Перспективы развития малого бизнеса	Краткая характеристика
1.	Агротуризм и экотуризм	Развитие экскурсий, мастер-классов, агротуров
2.	Выращивание нишевых культур	Например, микрозелень, лекарственные травы
3.	Производство натуральных продуктов	Молочные продукты, мясо, мёд и их переработка
4.	Зелёная энергетика	Установка солнечных панелей, биогазовых установок
5.	Цифровизация отраслей АПК [11].	Использование дронов, умных теплиц и других новых технологий для замены ручного труда
6.	Продвижения продукции через маркетплейсы	Сельскохозяйственные товары продаются на универсальных и небольших специализированных площадках

Из таблицы 3 можно увидеть ряд направлений по дальнейшему развитию малого бизнеса. Комплексный подход к малому бизнесу, который включает финансовую, инфраструктурную, образовательную и маркетинговую поддержку, поможет малому предпринимательству преодолеть существующие барьеры и реализовать свой потенциал.

Далее проанализируем развитие малого бизнеса в сельском хозяйстве Свердловской области. По данным на начало 2025 года производство сельскохозяйственной продукции в КФХ и ИП в регионе увеличилось за 5 лет на 82 % - с 5,5 млрд. рублей до 10,1 млрд. рублей. Удельный вес продукции КФХ в общем объеме сельхозпроизводства вырос с 6% до 9 %.

В таблице 4 проанализируем деятельность малого агробизнеса – КФХ, ЛПХ и ИП в сравнении с сельскохозяйственными организациями по производству сельскохозяйственной продукции.

Таблица 4 – Производство сельскохозяйственной продукции в Свердловской области в хозяйствах всех категорий (в %)

№ п/п	Категории хозяйств	2023 г.	2024 г.	2025 г.
1.	*Общее поголовье КРС*			
	Сельскохозяйственные организации	50	50	49
	Хозяйства населения	38	38	38
	Крестьянские (фермерские хозяйства) и ИП	12	12	13
2.	*Распределение поголовья овец и коз по категориям хозяйств*			
	Сельскохозяйственные организации	15	15	16
	Хозяйства населения	45	44	46
	Крестьянские (фермерские хозяйства) и ИП	40	41	38
3.	*Производство молока, млн. тонн*			
	Сельскохозяйственные организации	60	60	60
	Хозяйства населения	13	14	15
	Крестьянские (фермерские хозяйства) и ИП	27	26	25
4.	*Производство картофеля*			
	Сельскохозяйственные организации	28	27	26
	Хозяйства населения	59	61	60
	Крестьянские (фермерские хозяйства) и ИП	13	12	14
5.	*Производство овощей открытого и закрытого грунта, млн. тонн*			
	Сельскохозяйственные организации	37	34	36
	Хозяйства населения	44	40	45
	Крестьянские (фермерские хозяйства) и ИП	19	26	29
6.	*Производство яиц*			
	Сельскохозяйственные организации	81	80	80
	Хозяйства населения	2	2	2
	Крестьянские (фермерские хозяйства) и ИП	17	18	18

Из таблицы 4 видно, что хозяйства населения, ИП и фермерские хозяйства вносят существенный вклад по производству сельскохозяйственной продукции.

К мерам государственной поддержки относится грант на развитие семейных ферм. Также предусмотрены субсидии на производство сельскохозяйственной продукции, которые предоставляются на условиях софинансирования из федерального и областного бюджетов.

В 2025 году было принято решение продлить действие нулевой налоговой ставки для производителей овощей, бахчевых культур, корнеплодов и клубнеплодов при условии, что доходы от производства такой продукции составляют не менее 70%. Доступны программы льготного

кредитования и лизинга для аграриев. Также предусмотрена субсидия на возмещение части процентной ставки по долгосрочным, среднесрочным и краткосрочным кредитам (займам), взятым малыми формами хозяйствования.

В муниципалитетах работают центры «Мой бизнес», где предприниматели могут получить консультации, оформить льготные займы и субсидии, воспользоваться мерами нефинансовой поддержки. Существуют субсидии на реализацию мероприятий по повышению кадровой обеспеченности предприятий агропромышленного комплекса, включая возмещение части затрат по ученическим договорам и договорам о целевом обучении со студентами аграрных вузов.

В рамках национальных и региональных проектов (например, «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации») ведётся работа по развитию инфраструктуры, поддержке кооперации и обучению фермеров. Центр компетенций в сфере сельскохозяйственной кооперации Свердловского областного фонда поддержки предпринимательства (СОФПП) оказывает комплексную поддержку: консультирует по грантам и субсидиям, проводит семинары, помогает в подготовке документов, подбирает партнёров и содействует в создании сельскохозяйственных потребительских кооперативов. В Уральском государственном аграрном университете 6 лет реализуется программа «Школа фермера» [6]. Достижениями школы являются подготовленные специалисты в количестве 140 человек [5].

В 2024 году в Свердловской области впервые были выделены субсидии на развитие сельского туризма, которые получили 3 КФХ. Одним из них является агротуристический проект фермера Нурлана Кульбердинова на специализированной ферме «Черемухово» в Талицком городском округе. Фермер занимается растениеводством – производство зерна и молочным скотоводством. Ежегодно в фермерском хозяйстве производится до 1000 тонн пшеницы. Также в хозяйстве выращивают ячмень, который используется как фураж и как сырье для пивоварен. На ферме содержится 130 коров, где в корпусах установлена автоматизированная система доения.

Вторым стал проект фермера Сергея Куприянова в селе Киприно Невьянского городского округа «Рыбалка глэмп и кэмп». Выделенные средства будут направлены на строительство гостевых домов для туристов на территории рыбоводного хозяйства. Уже сейчас здесь проводятся соревнования среди рыбаков.

Третьим проектом стал проект фермера Татьяны Каркачевой экокомплекс «Уральская пчелка» в Сысертском городском округе. Это пчеловодческое хозяйство, где организовано проведение экскурсий, а также реализуются программы отдыха и оздоровления.

Фермерских хозяйств в Свердловской области насчитывается не более 700, но появились с самого начала становления фермерских хозяйств на Среднем Урале династии фермеров. К таким династиям можно отнести семейную ферму Шаровых из Талицкого городского округа, семейную ферму Овчинниковых из Камышловского муниципального района, семейную ферму Айметовых из Красноуфимского округа и семьи Бессоседних и Кунниковых из Богдановичского городского округа.

С 2012 года гранты на поддержку КФХ получили 72 фермерских хозяйства. Гранты «Агростартап» за последние 5 лет получили 94 фермера на сумму 377 млн. рублей.

На территории Свердловской области действуют 55 сельскохозяйственных потребительских кооператива, которые ежегодно получают из бюджета области субсидии на развитие материально – технической базы. Наиболее крупными кооперативами в регионе считаются кооперативы «Успех» и «Режевской», каждый из которых объединяет более 10 КФХ и ЛПХ [10].

Потребительский снабженческо – сбытовой кооператив «Успех» находится в селе Кунарское Богдановичского района. Основное производство – выращивание картофеля, а также его переработка и консервирование. Помимо этого в деятельность кооператива входит оптовая торговля фруктами и овощами и торговля свежим картофелем.

Кооператив «Режевской» находится в селе Арамашка Режевского района. Основным видом деятельности является растениеводство. К дополнительным видам деятельности относятся оптовая торговля зерном, семенами и кормами для животных, торговля фруктами и овощами.

Ежегодно в Свердловской области проводятся Ярмарочные мероприятия. В 2025 году было проведено 512 сельскохозяйственных ярмарок во всех муниципалитетах региона. В ярмарках принимали участие предприятия пищевой и перерабатывающей промышленности, сельскохозяйственные потребительские кооперативы, ИП, КФХ и ЛПХ.

Несмотря на положительную динамику, существуют проблемы, которые могут влиять на развитие малого агробизнеса, например, необходимость обновления техники и оборудования, зависимость от погодных условий, сложности с доступом к некоторым технологиям для малых хозяйств.

Перспективы развития связаны с дальнейшим расширением мер господдержки, внедрением цифровых технологий в сельское хозяйство, развитием кооперации и повышением квалификации кадров [7].

Для устойчивого развития агробизнеса необходимы такие меры поддержки, как адресная поддержка сельских жителей, дальнейшее развитие сельскохозяйственной кооперации, продвижения продукции через маркетплейсы и развитие территориального брендинга [8].

В 2025 году из регионального бюджета на поддержку малого бизнеса в АПК выделено 70 млн. рублей. Приоритетными направлениями поддержки являются дальнейшее развитие фермерских хозяйств и малых агропроизводителей, развитие аграрного туризма, поддержка сельскохозяйственной потребительской кооперации.

Список литературы:

1.Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия // Правовая система Гарант - [Электронный ресурс]: https://www.garant.ru (дата обращения: 10.02.2026).
2. Волков Д. Д. Регулирование и государственная поддержка малых форм хозяйствования АПК (на примере РТ) // Russian Journal of Management. 2023. Т. 11, № 4. С. 388 - 398.
3. Грант «Агротуризм» - [Электронный ресурс]: https://мойбизнес.рф/support/grant-agroturizm/ (дата обращения: 09.02.2026).
4. Грант на создание и развитие КФХ «Агропрогресс» - [Электронный ресурс]: https://www.rshb.ru/business/grant-support/conditions (дата обращения: 11.02.2026).
5. Епанчинцев В. Ю. Информационно-консультационная поддержка субъектов агробизнеса Свердловской области // Аграрное образование и наука. 2024. № 1.
6. Калинина Л. А., Труфанова С. В. Роль аграрного образования в повышении устойчивости развития сельских территорий // Аграрный вестник Урала. 2023. Т. 23, № 9. С. 108 - 118.
7. Калюк В., Пыл В. Государственная поддержка малого агробизнеса в Российской Федерации // Аграрная экономика. 2024. № 6. С. 84 - 96.
8. Каращук О.С. Маркетплейсы сельскохозяйственных товаров: современное развитие и дальнейшие перспективы в России // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2025. № 4. С. 163-174.
9. Минсельхоз в 2026 году запустит федеральный проект «Развитие малого агробизнеса» - [Электронный ресурс]: https://www.interfax.ru/russia/1034428 (дата обращения: 08.02.2026).
10. Огаркова Н.Н. Новые механизмы развития кооперации в госпрограммах по сельскому хозяйству // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2021. № 10. С. 132 - 141.
11. Петрова Л. М., Петрова Я. Д. Цифровая трансформация сельскохозяйственного бизнеса: внедрение, использование мобильных приложений // Вестник Академии знаний. 2023. № 3. С. 181 - 185.

References

1. State Program for the Development of Agriculture and Regulation of Agricultural Produce, Raw Materials, and Food Markets // Garant Legal System - [Electronic resource]: https://www.garant.ru (accessed: 10.02.2026).
2. Volkov, D. D., Regulation and State Support for Small Farms in the Agricultural Complex (using the Republic of Tatarstan as an Example) // Russian Journal of Management. 2023. Vol. 11, No. 4. pp. 388-398.
3. Grant "Agrotourism" - [Electronic resource]: https://мойбизнес.рф/support/grant-agroturizm/ (accessed: 09.02.2026).
4. Grant for the creation and development of the peasant farm "Agroprogress" - [Electronic resource]: https://www.rshb.ru/business/grant-support/conditions (date of access: 11.02.2026).
5. Epanchintsev V. Yu. Information and consulting support for agribusiness entities in the Sverdlovsk region // Agrarian education and science. 2024. No. 1.
6. Kalinina L. A., Trufanova S. V. The role of agricultural education in increasing the sustainability of rural development // Agrarian Bulletin of the Urals. 2023. Vol. 23, No. 9. pp. 108-118.
7. Kalyuk V., Pyl V. State support for small agribusiness in the Russian Federation // Agrarian Economy. 2024. No. 6. pp. 84 - 96.
8. Karashchuk O.S. Agricultural Product Marketplaces: Current Development and Future Prospects in Russia // Izvestiya of the Timiryazev Agricultural Academy. 2025. No. 4. pp. 163-174.
9. The Ministry of Agriculture will launch the federal project "Small Agribusiness Development" in 2026 - [Electronic resource]: https://www.interfax.ru/russia/1034428 (accessed: 08.02.2026).
10. Ogarkova N.N. New Mechanisms for the Development of Cooperation in State Programs for Agriculture // Economy, Labor, Management in Agriculture. 2021. No. 10. Pp. 132-141.
11. Petrova L. M., Petrova Ya. D. Digital transformation of agricultural business: implementation and use of mobile applications // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2023. No. 3. Pp. 181-185.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_64

УДК 349.4

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕРТИФИКАЦИИ ПОЧВ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ: НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА НЕКОТОРЫХ РАЗВИТЫХ СТРАН
PRINCIPLES OF LEGAL REGULATION OF AGRICULTURAL SOIL CERTIFICATION: EXPERIENCE OF EUROPEAN UNION COUNTRIES

ИБРАГИМОВ Кюри Хамзатович,
профессор Чеченского госуниверситета им. А.А. Кадырова, г.н.с. КНИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН,
академик АН ЧР, д.с.-х.н., к.ю.н.
364907, Россия, г. Грозный, ул. Шерипова, 32.
E-mail: 7800467@mail.ru

УМАРОВА Мадина Алиевна,
доцент Чеченского госуниверситета им. А.А. Кадырова, к.ю.н.
364907, Россия, г. Грозный, ул. Шерипова, 32.
E-mail: ma_dina8807@mail.ru

КУДАЕВ Руслан Хажимусаевич,
профессор кафедры плодоводства РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, д.с.-х.н.,
зам. руководителя Центра учебно-методического обеспечения подготовки кадров для АПК РФ.
127550, Россия, г. Москва, Тимирязевская ул., 49.
E-mail: ruskud@mail.ru

IBRAGIMOV Kyuri Khamzatovich,
Professor, A.A. Kadyrov Chechen State University, Leading Researcher,
Chechen Research Institute named after Kh.I. Ibragimov, Russian Academy of Sciences,
Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Doctor of Agricultural Sciences, Candidate of Law.
32 Sheripova St., Grozny, 364907, Russia.
E-mail: 7800467@mail.ru

UMAROVA Madina Alievna,
Associate Professor, A.A. Kadyrov Chechen State University, Candidate of Law.
32 Sheripova St., Grozny, 364907, Russia.
E-mail: ma_dina8807@mail.ru

KUDAYEV Ruslan Khazhimusaevich,
Professor, Department of Fruit Growing,
Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev,
Doctor of Agricultural Sciences, Deputy Head of the Center for Educational and Methodological Support
for Personnel Training for the Russian Agricultural Sector.
49 Timiryazevskaya St., Moscow, 127550, Russia.
E-mail: ruskud@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье приводятся принципы правового регулирования сертификации почв земель сельскохозяйственного назначения на основе учета опыта стран Европейского Союза. Раскрыта актуальность сертификации почв и дана ее краткая характеристика. Названа основная причина низкой эффективности сертификационного законодательства ЕС. Отсутствие сертификации почв названа главной причиной бесхозяйственного отношения к ним в России. Обоснована необходимость принятия в РФ «Закона о сертификации почв» и приведены принципы сертификации почв.*

Abstract. *This article presents the principles of legal regulation for the certification of agricultural soils, taking into account the experience of European Union countries. The relevance of soil certification is discussed and its brief description is provided. The main reason for the ineffectiveness of EU certification legislation is identified. The lack of soil certification is identified as the main reason for soil mismanagement in Russia. The need for the adoption of a "Law on Soil Certification" in the Russian Federation is substantiated, and the principles of soil certification are presented.*

Ключевые слова: *почвы, земли сельскохозяйственного назначения, сертификация, правовое регулирование, закон, принципы, устойчивое развитие.*

Keywords: *soils, agricultural land, certification, legal regulation, law, principles, sustainable development.*

Для цитирования: *Ибрагимов К.Х., Умарова М.А., Кудаев Р.Х. Отдельные вопросы правового регулирования сертификации почв земель сельскохозяйственного назначения: на примере опыта некоторых развитых стран // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 64-67. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_64.*

For citation: *Ibragimov K.Kh., Umarova M.A., Kudaev R.Kh. Selected issues of legal regulation of soil certification of agricultural lands: on the example of the experience of some developed countries // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 64-67. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_64.*

Статья поступила в редакцию: 11.04.2026

«Признавая, что почва содержит биологические компоненты,
необходимые для выживания биосферы, здоровье почвы
определяется как постоянная способность почвы функционировать
как жизненно важная живая система»
Karlen et al., 2003 [13]

Несмотря на то, что человечество проживает в XXI в., когда наука предоставила неопровержимые доказательства о конечности плодородия почвенного покрова и о бесперспективности хищнического к нему отношения, данный процесс уничтожения земли – этой экзистенциаль-

но важной основы выживания рода людского, - к сожалению, продолжается, но в темпах гораздо больших, чем это было когда-либо раньше. Это вызвано и ростом народонаселения и повышением его негативного прессинга на Природу, обусловленного возрастающим спросом на продовольственные, жилищные и иные социальные блага, а также тем, что в последние десятилетия проблеме охраны почв не уделяется должного внимания, как это было в XX веке. Например, за последние четверть века в РГБ не поступило ни одной монографии на тематику в области охраны почв, в т.ч., переведенной с других языков мира, хотя и в царской России [1, с. 36], и в бытность СССР [2, с. 591; 6, с. 344] этому уделялось должное внимание.

Впервые среди стран мира официальное осознание необходимости разработки и реализации организационно-правовых мер сертификации почв земель сельскохозяйственного назначения пришло к странам Европейского Союза (ЕС). Это подтверждает и Р. Клименкон: «Давление на страны ЕС с целью заставить их отказаться от ведущей роли в вопросах устойчивого развития (в т.ч. – охраны биоразнообразия. – Авт.) … усиливается. Однако пока не видно, чтобы кто-то другой мог занять это место» [10, p. 312].

Это, в том числе, легло в основу принятия на саммитах 1992 г. и 2012 г. конвенций об устойчивом развитии. Вместе с тем, многие соглашения, предусмотренные этими документами, не были реализованы в отношении фундаментальных вопросов, таких как охрана биоразнообразия, борьба с бедностью и очищение окружающей среды. Основную причину глобального провала Конференции Rio+20 (2012 г.) Р. Клеменкон объясняет так: «Конечно, недостаточно просто рассказывать о том, что делается для устойчивого развития. Мир должен серьезно задуматься о том, чего не делается, и принять меры, силы, препятствующие переходу к устойчивому развитию. К ним относятся укоренившиеся экономические интересы, которые зачастую оказывают большое влияние на национальные правительства. В этом отношении конференция Rio+20 потерпела неудачу» [9, p. 125].

Основной причиной фиаско двух саммитов, на наш взгляд, стал разрыв между риторикой и действиями развитых стран в рамках обязательств по устойчивому развитию. Именно этот «разрыв» не преодолен и поныне, и служит главной причиной низкой эффективности экологического законодательства, например, разрабатываемого в ЕС. Сразу оговоримся: при одновременном признании актуальности и высокого качества данного законодательства.

Среди всех прочих объектов Природы, именно почва содержит биологические компоненты, необходимые для функционирования всей окружающей природной среды, поддержание биоразнообразия почвы или её здоровья. Не случайно многими учеными признается наличие у почв функции поддержания постоянной способности выступать в роли жизненно важной живой системы, призванной сохранять биологическую продуктивность почвы, защищать качество окружающего воздуха и воды [11], а также улучшать здоровье близлежащих растений, животных и людей [12]. И поэтому проблема сертификации почв земель сельскохозяйственного назначения крайне остро нуждается в правовом регулировании. Например, проводимая, как правило, раз в 3 года сертификация почв сельхозугодий позволит осуществить: обеспечение безопасности сельскохозяйственной продукции (контроль тяжелых металлов, пестицидов, нитратов, радионуклидов, патогенов и др.), выявить соответствие этой продукции санитарным нормам и требованиям рынков (включая экспорт и органическое производство), повысить урожайность сельхозкультур и достичь высокой эффективности и рентабельности сельскохозяйственного производства, обеспечить точное внесение удобрений и корректировку pH по фактическим данным почвенных анализов, предотвратить деградацию почв (засоление, уплотнение, закисление), и, что не менее важно, снизить риски штрафов и иных мер юридической ответственности и т.д. на лиц, являющихся потенциально возможными нарушителями почвенного и иного экологически ориентированного законодательства России.

Согласно ФЗ РФ от 27.12.2002 N 184-ФЗ «О техническом регулировании»: «Сертификация - форма осуществляемого органом по сертификации подтверждения соответствия объектов требованиям технических регламентов, документам по стандартизации или условиям договоров».

«Сертификация» в переводе с латинского — «сделано верно» (certum - верно, facere - делать). Чтобы убедиться, что продукт труда «сделан верно», качественно, необходимо знать, каким требованиям он должен соответствовать и каким образом возможно получить достоверные доказательства этого соответствия нормативно-технической документации» [3, с. 34].

Отсутствие сертификации почв, по мнению Л.А. Мельник приводит к тому, что «законодатель рассматривает почвы, прежде всего, как средство производства. … Признание (через механизм сертификации. – Авт.) почвы компонентом биосферы, окружающей среды выводит ее из сферы узковедомственных сельскохозяйственных интересов в ранг глобальных проблем, связанных с выживанием человека как биологического вида [5, с. 5]

Другими словами, одной из главных причин бесхозяйственного отношения к почвам России является отсутствие их сертификации, которая бы документально подтверждала качество почвенного покрова, и стала бы основой для принятия правильных научно обоснованных организационно-правовых решений в охране и рациональном использовании почв. Предлагаемая нами раз в 3-5 лет сертификация почв сельхозугодий позволит осуществить «обеспечение безопасности сельскохозяйственной продукции, выявить соответствие этой продукции санитарным нормам и требованиям рынков, повысить урожайность сельхозкультур и достичь высокой эффективности и рентабельности сельскохозяйственного производства» [4. С. 349].

Проведение экологической сертификации почв регламентируется Федеральным законом от 10 января 2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Согласно п.1-2 ст. 31. данного закона: «Экологическая сертификация проводится в целях обеспечения экологически безопасного осуществления хозяйственной и иной деятельности на территории Российской Федерации». Экологическая сертификация осуществляется в соответствии с положениями статей 21-36 Федерального закона от 27 декабря 2002 года № 184-ФЗ "О техническом регулировании".

Согласно ст. 2 этого закона: «сертификация - форма осуществляемого органом по сертификации подтверждения соответствия объектов требованиям технических регламентов, документам по стандартизации или условиям договоров».

То обстоятельство, что упомянутые выше положения статей 21-36 рассматриваемого закона составляют треть всех правовых норм данного закона, то это рефлексирует на предложение о необходимости разработки и принятия отдельного закона по экологической сертификации. Тем более, это важно потому, что Федеральный закон РФ «О техническом регулировании», весьма аутентичный для времени своего принятия, сегодня по многим фундаментальным основаниям выступает анахронизмом. Самое первое, что серьезно тормозит сертификацию почв, равно как и любую иную разновидность экологической сертификации, это то, что понятия «технический регламент» и «стандарт» считаются синонимами. Кроме того, в рассматриваемом ФЗ недостатками являются: а) размытость границ между обязательными и добровольными требованиями; б) недостаточная гармонизация с международными системами технического регулирования; в) затянутые сроки принятия технических регламентов (изначально планировалось 7 лет, но процесс растянулся на десятилетия); в) отсутствие чёткого механизма адаптации требований закона к новым достижениям научно-технического прогресса; г) возможные коррупционные риски; д) недостаточная ответственность уполномоченных на сертификацию лиц и т.д.

И это – серьезные доводы в пользу необходимости разработки специального «Закона о сертификации почв» (ЗСП). Поскольку ЗСП представляет собой важнейшее звено взаимосвязи между науками о почве и об окружающей среде, сельскохозяйственной политикой и устойчивым развитием, в настоящей работе мы, основываясь на законодательной базе стран ЕС и США, постараемся изложить ключевые принципы, которыми должен руководствоваться законодатель России при разработке комплексного ЗСП. Они следующие:

Принцип 1. *Содержание органического углерода в почве (SOC).* Секвестрация углерода — это процесс захвата и долговременного хранения углекислого газа (CO_2) с целью снижения его концентрации в атмосфере [14].

Принцип 2. *Роль почвы в регулировании климата.* Доктор Й. Баума разработал концепцию «индикаторов качества почвы» и функциональной оценки земель, которая предполагает, что при сертификации следует оценивать способность почвы выполнять экологические и климатические функции, а не только химический состав» [8].

Принцип 3 Дж. Дорана (1994). Согласно его концепции оценка качества почвы должна быть: «а) основана на функциях; б) с учетом особенностей экосистемы; в) интегрирована в физические, химические и биологические параметры» [11].

Принцип 4. А. Сиддига с соавторами для сертификации почв предложил биологические индикаторы: «Сертификация почв должна включать: показатели биоразнообразия почвы; углерод микробной биомассы; популяции дождевых червей и разнообразие почвенной фауны; микоризные ассоциации» [16].

Принцип 5. Р. Бардгетта и У. Путтена (2014) продемонстрировал критически важные связи между почвенным биоразнообразием и функционированием экосистем, сделав биологические критерии обязательными в любой схеме сертификации почв [7].

«Тематическая стратегия ЕС по почвам» (2006 г.) и Закон ЕС «О здоровье почв» (2023 г.) установили свои нижеследующие принципы сертификации почв. Следует сразу оговориться: несмотря на то, что почвенная наука США оказалась наиболее продвинутой в разработке теории, методологии и методике сертификации почв, все-таки, пальма первенства в разработке сертификационного законодательства осталась у европейского законодателя, который прозорливо сумел, в том числе, и - американские научные достижения адаптировать к формулированию принципов оценки почв.

Принцип 6. Применение принципа предосторожности. При наличии научной неопределенности защитные меры не должны откладываться.

Принцип 7. Загрязнитель почв платит в соответствии с административно-правовым механизмом ответственности за деградацию почв.

Принцип 8. Ограничения по запечатыванию (уплотнению) почвы.

Принцип 9. Требования к предотвращению загрязнения почв и восстановлению в случае их загрязнения.

Принцип 10. Требования к сертификации почв должны быть соразмерны уровню риска.

Принцип 11. Должна проводиться местная адаптация национальных стандартов сертификации почв, где это необходимо.

Принцип 12: Интеграция стандартов сертификации почв с существующими экологическими нормами.

Принцип 13: Прозрачность и участие общественности, основанный на положениях Орхусской конвенции (1998 г).

Принципы Федерального закона Германии «О защите почв»:

Принцип 14: Для загрязняющих почвы веществ должны быть установлены пороговые значения.

Принцип 15: Правообладатели земельных участков обязаны сохранять функции почвы.

Принцип 16: Правообладатели земельных участков обязаны принимать меры предосторожности против вредных изменений почвы.

Закон о сохранении почв (1935 г.) Соединенных Штатов и последующие законодательные акты с учетом предложений концепции Д.Л. Карлена и др. [13] установили следующие принципы по сертификации почв:

Принцип 17: Стандарты по сертификации почв должны основываться на рецензируемых научных данных.

Принцип 18: Эти стандарты должны претерпевать регулярные обновления, отражающие новые исследования.

Принцип 19: Законодатель должен применять прозрачную методологию выбора индикаторов или критериев сертификации почв.

Принцип 20: Необходимо создание независимого научно-консультативного совета, призванного осуществлять раз в 5–7 лет модернизацию методологии сертификации почв и т.д.

Таким образом, на основании отмеченного выше можно сделать выводы:

- сертификация почв в современном мире играет ключевую роль, выполняя роль инструмента обеспечения производства экологически чистого сельскохозяйственного производства и служит фундаментальной базой для достижения его конкурентоспособности;

- из года в год возрастающая потребность россиян в продовольствии, причем, как в количестве, так и в качестве, выдвигает перед российским законодателем неотложную задачу разработки и принятия Закона о сертификации почв» (ЗСП), который гарантировал бы грамотное использование почв в интересах настоящего и будущих поколений граждан;

- принятие ЗСП крайне важно и потому, что он будет способствовать снижению, и даже, устранению санитарно-гигиенических и экономических рисков, повышению урожайности сельскохозяйственных культур, обеспечению высокого качества аграрной продукции, и, в целом, на основе соответствия требованиям экологического и потребительского законодательств, - обеспечивать устойчивое управление землями сельскохозяйственного назначения Российской Федерации;

- в предлагаемом выше законе о сертификации почв необходимо закрепить правовую норму: «Сертификацию почв могут проводить только аккредитованные организации — лаборатории, специализированные компании по экологии, санитарии и агрономии, а также государственные учреждения, занимающиеся контролем за качеством окружающей среды, которые имеют соответствующие лицензии и опыт работы в данной области не менее 3 лет, чтобы гарантировать точность и надёжность результатов». Более того, в законе также необходимо зафиксировать положение о том, что данные аккредитованные организации должны быть независимыми;

- закрепление в ЗСП принципов, приведенных выше, и их последующая реализация на практике позволит на долгие годы сохранить почву как ограниченный природный ресурс и обеспечить эффективное выполнение ею множества агрономических, экологических, экономических и других функций.

Список литературы:

1. Бургер И. Улучшение физических недостатков различных почв прибавлением песку, извести и глины / Пер. с нем. М.: тип. Лазар. ин-та вост. яз., 1841. - 36 с.
2. Дюшофур Ф. Основы почвоведения / Пер. с фр. М. И. Герасимовой. – М.: Прогресс, 1970 - 591 с.
3. Ермолаева Е.М. Метрология, стандартизация и сертификация. Курс лекций. – Ижевск: ФГБОУ ВПО ГСХА, 2013. – С. 34.
4. Ибрагимов К.Х. Административно-правовой режим земель сельскохозяйственного назначения в условиях изменения климата: теоретическое административно-правовое исследование. Монография. - Грозный: КНИИ РАН, 2013. – С. 349.
5. Мельник Л.А. Правовая охрана почв: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06. - Ин-т государства и права РАН. – М., 2005. – С. 5.
6. Охрана почвы. Пер. с англ. / Под ред. [и с предисл.] проф. С. С. Соболева М.: Сельхозиздат, 1962. - 344 с.;
7. Bardgett R., Putten W. Belowground-biodiversity-and-ecosystem-functioning //https://www.semanticscholar.org/paper/Belowground-biodiversity-and-ecosystem-functioning-Bardgett-Putten/bd6bea478037e4bd9cde145dd7aea39f26f270f1 (дата обращения: 02.04.2026)
8. Bouma J. Methods for Assessing Soil Quality. August 1997 //Scientia Horticulturae 70(4) //https://www.researchgate.net/publication/262823629_Methods_for_Assessing_Soil_Quality (дата обращения: 27.03.2026)
9. Clemencon R. Sustainable Development, Climate Politics and EU Leadership: Who Else Can Lead the World? January 2015 //European Journal of Sustainable Development 5(1):125-144. – P. 125. //https://www.researchgate.net/publication/311746579_Sustainable_Development_Climate (дата обращения: 20.03.2026)
10. Clemencon R. Welcome to the Anthropocene: Rio+20 and the Meaning Sustainable //The Journal of Environment & Development. August 2012. 21(3):311-338. – P.334 //https://www.researchgate.net/publication/270485459_Welcome_to_the_Anthropocene_Rio20_and_the_Meaning_Sustainable_Development
11. Doran, J. W., D. C. Coleman (1994) Defining Soil Quality for a Sustainable Environment. SSSA Special Publication Number 35. Madison, WI: Soil Science Society of America //https://www.scirp.org/reference/ReferencesPapers?ReferenceID=1496648 (дата обращения: 21.03.2026)
12. Harmsworth G. et al. (2023) Exploring indigenous Māori soil health concepts in Aotearoa-New Zealand //https://www.researchgate.net/publication/367380710_Exploring_indigenous
13. Karlen S.D. et al. (2003) Soil quality as an indicator of sustainable tillage practices //https://www.researchgate.net/figure/Dynamics-in-soil-quality-assessment-Adapted-from-Karlen-et-al-2003_fig1_340362745 (дата обращения: 04.04.2026)
14. Lal, R. and Follett, R.F. (2009) Soil Carbon Sequestration and the Greenhouse Effect. Soil Science Society of America, Madison //https://www.scirp.org/reference/referencespapers?referenceid=1306063 (дата обращения: 12.03.2026)
15. Siddig A.H. et al. (2016). "How do ecologists select and use indicator species to monitor ecological change?//https://harvardforest1.fas.harvard.edu/publications/pdfs/Siddig_EcoIndic_2016.pdf (дата обращения: 08.04.2026)

References:

1. Burger I. Improvement of physical defects of various soils by adding sand, lime and clay / Translated from German by M.: tip. The infirmary. Institute of Oriental Languages, 1841, 36 p.
2. Duchofour F. Fundamentals of soil Science / Translated from French by M. I. Gerasimova. Moscow: Progress, 1970 – 591 p.
3. Ermolaeva E.M. Metrology, standardization and certification. A course of lectures. Izhevsk: FSBEI VPO GSHA, 2013. p. 34.
4. Ibragimov K.H. The administrative and legal regime of agricultural lands in the context of climate change: a theoretical administrative and legal study. The monograph. - Grozny: Scientific Research Institute of the Russian Academy of Sciences, 2013. – P. 349.
5. Melnik L.A. Legal protection of soils: abstract of the dissertation of the cand. jurid. sciences': 12.00.06. - Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – M., 2005. – p. 5.
6. Soil protection. Translated from English / Ed. [and with a preface.] prof. S. S. Soboleva M.: Agricultural Publishing House, 1962. - 344 p.;
7. Bardgett R., Putten W. Below-biodiversity-and-ecosystem-functioning //https://www.semanticscholar.org/paper/Belowground-biodiversity-and-ecosystem-functioning-Bardgett-Putten/bd6bea478037e4bd9cde145dd7aea39f26f270f1 (date of request: 04/02/2026)
8. Bouma J. Methods for Assessing Soil Quality. August 1997 //Scientia Horticulturae 70(4) //https://www.researchgate.net/publication/262823629_Methods_for_Assessing_Soil_Quality (date of request: 03/27/2026)
9. Clemencon R. Sustainable Development, Climate Politics and EU Leadership: Who Else Can Lead the World? January 2015 //European Journal of Sustainable Development 5(1):125-144. – p. 125. //https://www.researchgate.net/publication/311746579_Sustainable_Development_Climate (date of request: 03/20/2026)
10. Clemencon R. Welcome to the Anthropocene: Rio+20 and the Meaning Sustainable //The Journal of Environment & Development. August 2012. 21(3):311-338. – P.334 //https://www.researchgate.net/publication/270485459_Welcome_to_the_Anthropocene_Rio20_and_the_Meaning_Sustainable_Development
11. Doran, J. W., D. C. Coleman (1994) Defining Soil Quality for a Sustainable Environment. SSSA Special Publication Number 35. Madison, WI: Soil Science Society of America //https://www.scirp.org/reference/ReferencesPapers?ReferenceId=1496648 (accessed: 03/21/2026)
12. Harmsworth G. et al. (2023) Exploring indigenous Māori soil health concepts in Aotearoa-New Zealand //https://www.researchgate.net/publication/367380710_Exploring_indigenous
13. Karlen S.D. et al. (2003) Soil quality as an indicator of sustainable tillage practices //https://www.researchgate.net/figure/Dynamics-in-soil-quality-assessment-Adapted-from-Karlen-et-al-2003_fig1_340362745 (accessed 04/04/2026)
14. Lal, R. and Follett, R.F. (2009) Soil Carbon Sequestration and the Greenhouse Effect. Soil Science Society of America, Madison //https://www.scirp.org/reference/referencespapers?referenceid=1306063 (date of request: 03/12/2026)
15. Siddig A.H. et al. (2016). "How do ecologists select and use indicator species to monitor ecological change?//https://harvardforest1.fas.harvard.edu/publications/pdfs/Siddig_EcoIndic_2016.pdf (date of request: 04/08/2026)

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_68

УДК 355.357

ОСОБЕННОСТИ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
THE SPECIFICS OF DISCIPLINARY RESPONSIBILITY EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

КРЮЧКОВА Влада Александровна,
аспирант, Таганрогский институт управления и экономики.
347900, Россия, г. Таганрог, ул. Петровская, 45.
E-mail: vlada.romanova.2020@inbox.ru
KRYCHKOVA Vlada Alexandrovna,
graduate student, Taganrog Institute Management and Economics.
Petrovskaya str., 45, Taganrog, 347900, Russia.
E-mail: vlada.romanova.2020@inbox.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются специфические черты и актуальные проблемы дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел (ОВД) Российской Федерации (РФ). Анализируется правовая основа дисциплинарной ответственности в ОВД, круг субъектов и объектов данной ответственности, а также особенности применения дисциплинарных взысканий. Особое внимание уделяется роли дисциплины и законности в деятельности правоохранительных органов, а также влиянию дисциплинарной ответственности на служебную дисциплину, авторитет полиции и доверие общества. Исследуются проблемные аспекты, связанные с правоприменительной практикой, включая вопросы соразмерности взысканий, объективности принятия решений и правовой защиты сотрудников. Предлагаются пути совершенствования института дисциплинарной ответственности с учетом современных вызовов и требований к сотрудникам ОВД.*

Abstract: *This article examines the specific features and current issues of disciplinary liability for employees of the internal affairs bodies (IAB) of the Russian Federation. It analyzes the legal basis for disciplinary liability in IAB, the range of subjects and objects of this liability, and the specifics of applying disciplinary sanctions. Particular attention is paid to the role of discipline and legality in law enforcement, as well as the impact of disciplinary liability on professional discipline, police authority, and public trust. Problematic aspects related to law enforcement practice are explored, including the proportionality of sanctions, the objectivity of decision-making, and the legal protection of employees. Paths for improving the institution of disciplinary liability are proposed, taking into account modern challenges and the demands placed on IAB employees.*

Ключевые слова: *дисциплинарная ответственность, сотрудники, органы внутренних дел, служебная дисциплина, ответственность, дисциплинарное взыскание, законность, правоохранительная деятельность, дисциплинарное производство.*

Key words: *disciplinary responsibility, employees, internal affairs agencies, service discipline, responsibility, disciplinary action, legality, law enforcement activities, disciplinary proceedings.*

Для цитирования: *Крючкова В.А. Особенности дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 68-71. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_68.*

For citation: *Kryuchkova V.A. Peculiarities of disciplinary responsibility of employees of internal affairs bodies // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 68-71. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_68.*

Статья поступила в редакцию: 27.02.2026

Служебная дисциплина является краеугольным камнем функционирования любого правоохранительного органа, а в особенности – органов внутренних дел. Эффективность деятельности полиции, ее способность выполнять поставленные задачи по обеспечению правопорядка, охране общественной безопасности и защите прав граждан напрямую зависит от уровня дисциплинированности ее сотрудников. В этой связи институт дисциплинарной ответственности играет первостепенную роль, выступая как механизм поддержания служебного порядка, предупреждения правонарушений и формирования у сотрудников высокой степени ответственности за свои действия (или бездействие).

Особенность правового статуса сотрудника органов внутренних дел, обусловленная спецификой выполняемых им функций, накладывает отпечаток и на особенности его дисциплинарной ответственности. Сотрудники ОВД не просто граждане, а носители власти, наделенные особыми полномочиями, которые должны использоваться строго в рамках закона и интересов общества. Любое злоупотребление этими полномочиями, проявление халатности или иные нарушения служебной дисциплины могут иметь серьезные негативные последствия, подрывая авторитет не только конкретного сотрудника, но и всего ведомства.

Настоящая статья посвящена комплексному анализу особенностей дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД. В исследовании рассмотрим ее нормативно-правовую базу, круг субъектов и объектов, виды дисциплинарных взысканий, а также проблемные аспекты, возникающие при ее применении. Особое внимание будет уделено взаимосвязи дисциплинарной ответственности с общим уровнем служебной дисциплины и доверия общества к полиции.

Правовая основа дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел в Российской Федерации формируется комплексом нормативных правовых актов, главным из которых является Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 342-ФЗ) [1]. Этот закон, наряду с Трудовым кодексом РФ (в части, не противоречащей специальному законодательству), регулирует порядок привлечения сотрудников к дисциплинарной ответственности, определяет виды дисциплинарных взысканий, порядок их применения и обжалования.

Кроме того, важную роль играет Приказ МВД России от 06.05.2013 № 241 (ред. от 02.07.2014) «О некоторых вопросах применения мер

поощрения и наложения дисциплинарных взысканий в органах внутренних дел Российской Федерации» (далее – Приказ № 241 [2]). Данный нормативный акт детализирует положения Закона № 342-ФЗ [1], устанавливая конкретные процедуры проведения служебных проверок, оформления дисциплинарных производств, применения и исполнения дисциплинарных взысканий.

Ключевые особенности нормативного регулирования дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД включают [3]:

1. Специальный субъект. Дисциплинарной ответственности подвергаются только сотрудники, имеющие специальные звания, состоящие на службе в ОВД. Важно подчеркнуть, что гражданский персонал органов внутренних дел регулируется в основном трудовым законодательством, хотя может привлекаться к материальной и иной ответственности.

2. Специфический объект. Объектом дисциплинарной ответственности является нарушение служебной дисциплины. Согласно ст. 56 Закона № 342-ФЗ, служебная дисциплина «есть неукоснительное соблюдение сотрудником органов внутренних дел установленных законодательством РФ, нормативными правовыми актами федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, существующих порядка и правил, видов поощрения и наложения взысканий, касающихся прохождения службы в органах внутренних дел» [1]. Это включает широкий спектр нарушений – от неисполнения прямых обязанностей до противоправного поведения, порочащего честь сотрудника ОВД.

Исключительная компетенция. Применение дисциплинарных взысканий к сотрудникам ОВД осуществляется уполномоченными руководителями (начальниками) в пределах их компетенции, установленной законодательством. Это означает, что только определенные должностные лица вправе налагать взыскания, соблюдая при этом установленные процедуры.

Законодательное закрепление видов взысканий. Закон № 342-ФЗ предусматривает исчерпывающий перечень дисциплинарных взысканий, применяемых к сотрудникам ОВД (ст. 50). Это подчеркивает особую важность корректности их применения и исключает произвольное наложение взысканий, не предусмотренных законодательством [1].

Законодатель следующим образом определяет субъекты и объекты дисциплинарной ответственности [3]:

– Субъектами дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД являются, как уже было отмечено, сотрудники, имеющие специальные звания, состоящие на службе в ОВД. Это означает, что статус сотрудника, наличие специального звания и прохождение службы являются обязательными условиями для привлечения к данной ответственности.

– Объектом дисциплинарной ответственности является нарушение служебной дисциплины. Важно понимать, что понятие «нарушение служебной дисциплины» является достаточно широким и включает в себя:

– Неисполнение или ненадлежащее исполнение сотрудником ОВД своих служебных обязанностей, предусмотренных законодательством, должностным регламентом, приказами и распоряжениями. Например, уклонение от выполнения поручения, пропуск срока обработки документов, неучастие в служебных мероприятиях.

– Нарушение установленных законодательством запретов и ограничений, связанных со службой в ОВД. К таким нарушениям относятся, например, недопустимость использования служебного положения в личных целях, нарушение правил публичного выступления, недопущение дискредитирующих сотрудника действий.

– Совершение сотрудником ОВД виновного противоправного деяния, которое, хотя и не связано напрямую с исполнением служебных обязанностей, но подрывает честь, достоинство и авторитет сотрудника органов внутренних дел. Это могут быть, например, административные правонарушения, аморальные поступки, которые становятся известны общественности.

С данной точки зрения, по мнению ученого в области административного права Е.Г. Беляева [3; 4; 5] важно отметить, что привлечение сотрудника к дисциплинарной ответственности не освобождает его, при наличии оснований, от других видов юридической ответственности: гражданско-правовой, административной, уголовной. Более того, факт привлечения к уголовной или административной ответственности, как правило, является основанием для проведения служебной проверки и применения дисциплинарного взыскания [5, с. 176].

Вышеуказанный Федеральный Закон № 342-ФЗ (ст. 50) устанавливает следующие виды дисциплинарных взысканий, которые могут быть применены к сотрудникам органов внутренних дел [1]:

– Замечание. Является самым мягким видом взыскания. Применяется за незначительные проступки, не повлекшие существенных последствий.

– Выговор. Более строгое взыскание, применяемое за более серьезные нарушения служебной дисциплины.

– Лишение права наследования по закону. Данное взыскание является крайне редким и может применяться в исключительных случаях, например, при совершении сотрудником умышленного преступления.

– Предупреждение о неполном служебном соответствии. Данное взыскание является серьезным сигналом для сотрудника и указывает на необходимость исправления, повышая вероятность увольнения при повторном нарушении.

–Перевод на нижестоящую должность. Это взыскание напрямую влияет на карьерное продвижение сотрудника и его служебный статус.

– Увольнение из органов внутренних дел. Является наиболее строгим дисциплинарным взысканием, применяемым за грубые, неоднократные нарушения служебной дисциплины, а также за совершение преступлений или других действий, несовместимых со статусом сотрудника ОВД.

При применении дисциплинарного взыскания руководитель обязан соблюдать следующие принципы [6, с. 14-15]:

– Законность. Взыскание должно быть наложено только за виновное нарушение служебной дисциплины, предусмотренное законода-

тельством.

– Обоснованность. Должны быть установлены все обстоятельства совершения проступка, степень вины сотрудника, выяснены причины и условия, способствовавшие нарушению.

– Соразмерность. Налагаемое взыскание должно быть адекватным тяжести совершенного проступка, обстоятельствам его совершения, личности нарушителя и его отношению к службе.

– Соблюдение процедуры. Применение дисциплинарного взыскания должно сопровождаться проведением служебной проверки, оформлением приказа о наложении взыскания и ознакомлением с ним сотрудника.

Как отмечает А.Н. Корниенко, на практике применение дисциплинарных взысканий к сотрудникам ОВД сталкивается с рядом следующих сложностей [7, с. 223]:

– Проблема соразмерности. Определение степени тяжести проступка и адекватности взыскания является субъективным процессом. Нередко наблюдается как чрезмерно жесткое, так и, наоборот, излишне мягкое применение взысканий. Это может быть связано с личными отношениями между руководителем и подчиненным, стремлением избежать «ненужных» разбирательств, или, наоборот, желанием «показать пример» другим.

– Неполнота служебных проверок. Качество проведения служебных проверок – это фундамент законного и обоснованного применения дисциплинарных взысканий. Однако, зачастую, такие проверки проводятся формально, с нарушением сроков, недостаточно полно устанавливаются обстоятельства происшествия, не всегда объективно оценивается вина сотрудника. Это создает предпосылки для успешного обжалования дисциплинарных взысканий.

– Правовая защита сотрудников. Сотрудники ОВД имеют право обжаловать наложенные на них дисциплинарные взыскания. Жалобы могут подаваться вышестоящему руководителю, в органы прокуратуры, а также в суд. Эффективность такой защиты во многом зависит от грамотности юристов, привлекаемых к процессу, и от объективности рассмотрения жалоб.

– Влияние на служебную дисциплину. Дисциплинарная ответственность – это не только карательная, но и превентивная мера. Жесткая и последовательная дисциплинарная политика, основанная на законности и справедливости, способствует поддержанию высокого уровня служебной дисциплины. Наоборот, попустительство и безнаказанность порождают чувство вседозволенности и снижают общий уровень дисциплинированности в подразделении.

– Взаимосвязь с доверием общества. Репутация сотрудников ОВД и, как следствие, доверие к полиции со стороны общества, напрямую зависят от их дисциплинированности и законопослушности. Грубые нарушения, совершаемые сотрудниками, широко освещаются в СМИ и наносят ощутимый ущерб авторитету правоохранительных органов. Поэтому эффективная система дисциплинарной ответственности является одним из важнейших условий формирования позитивного общественного мнения.

Для повышения эффективности дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД необходимо предпринять ряд мер:

– Совершенствование процедур проведения служебных проверок. Необходимо обеспечить строгий контроль за соблюдением сроков и полнотой проводимых проверок, разработать четкие методические рекомендации, а также повысить квалификацию сотрудников, ответственных за их проведение.

– Повышение качества подготовки руководителей. Руководители всех уровней должны обладать не только управленческими, но и юридическими компетенциями, чтобы грамотно применять дисциплинарные взыскания, соблюдая все законодательные требования. Требуется регулярное обучение и повышение квалификации руководителей по вопросам дисциплинарной практики.

– Объективизация оценки проступков. Введение более четких критериев оценки тяжести дисциплинарных проступков, возможно, с разработкой методических рекомендаций, по назначению взысканий, могло бы снизить субъективизм в данной сфере.

– Усиление роли независимых органов. Более активное вовлечение в процесс рассмотрения жалоб на дисциплинарные взыскания независимых экспертных комиссий или общественных советов могло бы повысить объективность принимаемых решений.

– Информационно-просветительская работа. Постоянное информирование сотрудников о требованиях законодательства, о недопустимости нарушений, о последствиях дисциплинарных проступков, а также о механизмах правовой защиты.

Совершенствование системы мотивации. Помимо дисциплинарной ответственности, необходимо развивать позитивные стимулы, направленные на поддержание служебной дисциплины и поощрение добросовестной службы.

Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел является сложным и многоаспектным правовым институтом, играющим ключевую роль в обеспечении служебной дисциплины, законности и эффективности правоохранительной деятельности. Особенности ее правового регулирования, наличие специфического субъекта и объекта, а также широкий спектр применяемых взысканий обусловлены особым статусом сотрудников ОВД.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можем заключить, что несмотря на существующие проблемы в правоприменительной практике, связанные с соразмерностью взысканий, полнотой служебных проверок и правовой защитой сотрудников, институт дисциплинарной ответственности остается мощным инструментом поддержания порядка и авторитета полиции. Совершенствование данного института через повышение качества проверок, подготовку руководителей, объективизацию оценки проступков и активное информирование сотрудников, позволит не только укрепить внутреннюю дисциплину в органах внутренних дел, но и повысить доверие общества к полиции, что является важнейшим условием успешной реализации ее задач.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – Текст: электронный: «Консультант Плюс: Информационно-правовой портал» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (Дата обращения 20.02.2026).
2. Приказ МВД России от 06.05.2013 № 241 (ред. от 02.07.2014) «О некоторых вопросах применения мер поощрения и наложения дисциплинарных взысканий в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. Информационно-правовой портал». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW34661/ (Дата обращения 24.02.2026).
3. Беляева Е.Г. Правовой статус участников дисциплинарного производства органов внутренних дел. – Текст: непосредственный // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – №2(44). – С.63-67.
4. Беляева Е.Г. Предмет и пределы доказывания в производстве по делам о дисциплинарных проступках сотрудников органов внутренних дел – Текст: непосредственный // Вестник экономической безопасности. – 2016. – №3. – С.13-17.
5. Беляева Е.Г. О некоторых проблемных аспектах, связанных с применением к сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации дисциплинарных взысканий. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы полицейского права: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». – Омск, 2021. – С. 176-178
6. Гончаров И.В. Юридическая ответственность сотрудников органов внутренних дел в Российской Федерации – Текст: непосредственный // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 1. – С. 14-19.
7. Корниенко А.Н. Понятие дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел – Текст: непосредственный / А.Н. Корниенко // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. – 2016. – № 1 (1). – С. 214-223.

References

1. Federal Law No. 342 FZ of 11/30/2011 "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". – Text: electronic: "Consultant Plus: Information and Legal Portal" https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329 / (Accessed 02/20/2026).
2. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 05/06/2013 No. 241 (as amended on 07/02/2014) "On some issues of the application of incentive measures and the imposition of disciplinary penalties in the internal affairs bodies of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus. Information and legal portal". https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW34661 / (Date of application 02/24/2026).
3. Belyaeva E.G. The legal status of participants in disciplinary proceedings of the internal affairs bodies. – Text: direct // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – №2(44). – Pp.63-67.
4. Belyaeva E.G. The subject and limits of evidence in proceedings on cases of disciplinary misconduct of employees of internal affairs bodies – Text: direct // Bulletin of Economic Security. – 2016. – No. 3. – pp.13-17.
5. Belyaeva E.G. On some problematic aspects related to the application of disciplinary penalties to employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. – Text: direct // Actual problems of police law: a collection of materials from the international scientific and practical conference dedicated to the 10th anniversary of the entry into force of Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 "On Police". Omsk, 2021. pp. 176-178
6. Goncharov I.V. Legal responsibility of employees of internal affairs bodies in the Russian Federation – Text: direct // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 1. pp. 14-19.
7. Kornienko A.N. The concept of disciplinary responsibility of employees of internal affairs bodies – Text: direct / A.N. Kornienko // Bulletin of the Lugansk Academy of Internal Affairs named after E.A. Didorenko. – 2016. – № 1 (1). – Pp. 214-223.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_72

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ НА ПРИМЕРЕ БОЛИВАРИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЕНЕСУЭЛА И РЕСПУБЛИКИ КОЛУМБИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF PUBLIC CONTROL IN LATIN AMERICA, USING THE EXAMPLE OF THE BOLIVARIAN REPUBLIC OF VENEZUELA AND THE REPUBLIC OF COLOMBIA: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

ГОНЧАРОВ Виталий Викторович,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе
Кубанского филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр пищевых технологий
им. В. М. Горбатова» Российской академии наук.
350000, Россия, Краснодарский край, ул. Колхозная, 3,
ORCID 0000-0003-3029-4727,
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

МАЛИНОВСКИЙ Олег Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Кубанский государственный университет».
350040, Россия, Краснодарский край, ул. Ставропольская, 149,
e-mail: niipg2020@mail.ru

ПЕТРЕНКО Елена Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и международного права
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина».
350044, Россия, Краснодарский край, ул. Калинина, 13, e-mail: niipg2010@mail.ru
e-mail: niipg2020@mail.ru

ЧЕШИН Андрей Владимирович,
кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и управления
Орского гуманитарно-технологического института (филиала)
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»,
462419, Россия, Оренбургская область, г. Орск, Мира, 15А.
e-mail: niipg2020@mail.ru

GONCHAROV Vitaly Viktorovich,
PhD in Law, Associate Professor, Deputy Director for Scientific Work
Kuban Branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution
V. M. Gorbatov Federal Scientific Center for Food Technologies of the Russian Academy of Sciences.
350,000, Russia, Krasnodar Territory, Kolkhoznaya str., 3,
ORCID 0000-0003-3029-4727,
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

MALINOVSKY Oleg Nikolaevich,
PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Procedure and International Law
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Kuban State University".
149 Stavropol Street, Krasnodar Territory, 350040, Russia,
e-mail: niipg2020@mail.ru

PETRENKO Elena Gennadievna,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and International Law
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University".
Kalinina str., 13, Krasnodar Territory, 350044, Russia, e-mail: niipg2010@mail.ru
e-mail: niipg2020@mail.ru

CHESHIN Andrey Vladimirovich,
PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics and Management
Orsk Institute of Humanities and Technology (branch) Orenburg State University.
Mira 15A, Orenburg Region, 462419, Russia.
e-mail: niipg2020@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье проводится сравнительно-правовой анализ института общественного контроля в Боливарианской Республике Венесуэла и Республике Колумбия. Рассматриваются конституционные основы, генезис, этапы развития, субъектный состав и основные проблемы функционирования контрольных механизмов в обеих странах, предлагаются пути их разрешения.*

Abstract. *The article provides a comparative legal analysis of the institute of public control in the Bolivarian Republic of Venezuela and the Republic of Colombia. The constitutional foundations, genesis, stages of development, subject composition and main problems of functioning of control mechanisms in both countries are considered, ways of their resolution are proposed.*

Ключевые слова: *общественный контроль; Латинская Америка; Венесуэла; Колумбия; объекты; субъекты; чавизм; гражданское общество; сравнительно-правовой анализ; конституционно-правовые основы.*

Keywords: *public control; Latin America; Venezuela; Colombia; objects; subjects; Chavismo; civil society; comparative legal analysis; constitutional and legal foundations.*

Для цитирования: *Гончаров В.В., Малиновский О.Н., Петренко Е.Г., Чешин А.В. Конституционно-правовые основы общественного контроля в Латинской Америке на примере Боливарианской Республики Венесуэла и Республики Колумбия: сравнительно-правовой анализ // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 72-78. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_72.*

For citation: *Goncharov V.V., Malinovsky O.N., Petrenko E.G., Cheshin A.V. Constitutional and legal foundations of public control in Latin America, using the example of the Bolivarian Republic of Venezuela and the Republic of Colombia: comparative legal analysis // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 72-78. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_72.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Введение.

Актуальность темы обусловлена фундаментальной ролью институтов общественного контроля в обеспечении прозрачности государственного управления, противодействии коррупции и реализации принципа народного суверенитета. В странах Латинской Америки, переживающих сложный период политической турбулентности, экономической нестабильности и социального протеста, проблема эффективного общественного контроля за властью приобретает особое звучание. Особый научный интерес представляет сравнительный анализ Боливарианской Республики Венесуэла и Республики Колумбия — двух соседних государств с общей историей, но принципиально различными политическими траекториями. Венесуэла с 1999 года реализует проект «боливарианского социализма», тогда как Колумбия, несмотря на десятилетия внутреннего вооруженного конфликта, сохранила либерально-демократическую конституционную модель с развитыми механизмами гражданского участия. Актуальность усиливается конституционными и законодательными изменениями последних лет, включая венесуэльскую реформу 2020 года и колумбийские законодательные инициативы 2024-2025 годов по совершенствованию механизмов отзыва мандата и участия гражданских контрольных органов.

Научная литература, посвященная проблематике общественного контроля в Венесуэле и Колумбии, может быть разделена на несколько концептуальных групп в зависимости от методологических подходов, предмета анализа и выводов авторов.

Первая группа исследователей (Абрамова М. Г., Клещенко Л. В., Жейфец В. Л.) анализирует политические системы стран «социализма XXI века», [1, с. 45-62; 7, с. 56-68; 8, с. 23-31] включая Венесуэлу, с акцентом на их институциональные характеристики и трансформацию механизмов народовластия. М. Г. Абрамова вводит важное понятие «политико-правовой концепции социализма XXI века», [1, с. 45-62] в рамках которой общественный контроль рассматривается не как независимый механизм ограничения государства, а как форма «революционной бдительности» и мобилизационного участия. Л. В. Клещенко, в свою очередь, на примере студенческих протестных движений в Венесуэле, Мексике и Чили показывает, что формальные институты участия в венесуэльской модели служат скорее каналами контроля граждан со стороны государства, чем наоборот. [8, с. 23-41] Однако работы этой группы фокусируются преимущественно на макрополитическом анализе и не уделяют достаточного внимания конкретным правовым механизмам общественного контроля.

Вторая группа (Гольдфранк Б. и др.) представляет наиболее актуальные исследования институтов гражданского участия в Латинской Америке. Ими, в частности, в своем исследовании ставится ключевой вопрос: требует ли латиноамериканская практика общественного контроля количественного расширения институтов или качественного улучшения их функционирования. [4, с. 112-131] Авторы приходят к выводу, что на примере Венесуэлы и Колумбии видно, что формальная институционализация без обеспечения независимости и ресурсной базы контролирующих органов не приводит к повышению эффективности контроля. Э. Перуццотти вводит понятие «режимной устойчивости через контроль», [10, с. 120-135] объясняя, почему в Венесуэле при формальном наличии развитой системы общественного контроля реальная подотчетность власти остается минимальной.

Третья группа (Дьякова Е. Г., Басаева Е. К.) анализирует взаимодействие власти и общества в Латинской Америке с акцентом на социальные движения и протестную активность. Так, Е. Г. Дьякова в своей работе рассматривает эффект «усталости демократии» в регионе, отмечая, что в Колумбии высокий уровень недоверия к государственным институтам парадоксальным образом сочетается с активным использованием механизмов гражданских контрольных органов для контроля муниципальных властей. [6] В свою очередь, Е. К. Басаева разрабатывает методику прогнозирования крупных протестов на основе показателей социальной напряженности, [2, с. 88-104] показывая, что в Венесуэле низкий уровень формальной протестной активности не свидетельствует об эффективности государственного управления, а скорее указывает на высокий уровень репрессивного контроля.

Работы четвертой группы исследователей (Бурбано де Лара Ф., Косевич Е. Ю., Яковлев П. П.) посвящены общим закономерностям протестных движений и гражданского участия в регионе. Так, Ф. Бурбано де Лара анализирует трансформацию концепта гражданственности в Андийских странах, [3, с. 45-67] показывая, как в Колумбии сформировалась модель «активной гражданственности», основанной на правовых механизмах контроля, а в Венесуэле — модель «мобилизованной гражданственности», где контроль подменяется участием в проправительственных структурах. Е. Ю. Косевич выделяет множественные источники протестных движений в Латинской Америке, включая Колумбию, но отмечает, что в Венесуэле протесты жестко подавляются, а альтернативные каналы выражения недовольства отсутствуют. [9, с. 78-96] П. П. Яковлев анализирует протестный потенциал Латинской Америки как региональный феномен, [13, с. 45-62] приходя к выводу, что различия между Венесуэлой и Колумбией в этой сфере обусловлены не столько культурными факторами, сколько разницей в политических режимах.

Пятая группа ученых (Сергеев В. Н., Дмитриева Е. А., Смирнов А. Н.) представляет российскую компаративистику, исследующую модели общественного контроля в различных правовых системах. Так, В. Н. Сергеев на широком латиноамериканском материале выделяет две основные модели: «либерально-демократическую» (Колумбия, Чили, Коста-Рика) и «мобилизационно-авторитарную» (Венесуэла, Куба, Никарагуа). [11, с. 102-118] Е. А. Дмитриева в сравнительном анализе стран БРИКС и Латинской Америки показывает, что колумбийская модель гражданских контрольных органов является одной из наиболее проработанных в регионе, но страдает от недостатка ресурсов и слабой судебной

защиты результатов контроля. [5, с. 67-81] В свою очередь, А. Н. Смирнов в монографии, посвященной общественному контролю в социалистических и постсоциалистических системах, [12] рассматривает венесуэльскую модель как гибридную, сочетающую советские традиции народного контроля с латиноамериканским популизмом.

Таким образом, анализ литературы позволяет констатировать: а) наличие существенного разрыва между формально-юридическим закреплением общественного контроля в Венесуэле и Колумбии и его реальной эффективностью; б) отсутствие комплексных сравнительно-правовых исследований именно этих двух стран; в) преобладание политологического дискурса над собственно правовым анализом; г) недостаточное внимание к практическим механизмам функционирования гражданских контрольных органов в Колумбии и общинных советов в Венесуэле. Настоящее исследование призвано восполнить эти пробелы.

Цель исследования — выявление общих и отличительных черт конституционно-правового регулирования общественного контроля в Венесуэле и Колумбии, а также разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию данного института в каждой из стран. Задачи исследования: а) провести анализ конституционно-правовых основ общественного контроля в Венесуэле и Колумбии; б) изучить генезис и этапы развития института общественного контроля в данных странах; в) исследовать состав субъектов и объектов общественного контроля в Венесуэле и Колумбии; г) выявить основные проблемы, препятствующие функционированию и развитию института общественного контроля в данных странах; д) разработать и обосновать пути разрешения вышеназванных проблем.

Методы и методология исследования. Методологическую основу исследования составляет диалектический метод научного познания, предполагающий рассмотрение правовых явлений в их развитии, взаимосвязи и противоречивости. В работе использованы следующие частно-научные методы: формально-юридический (при анализе текстов конституций и законов Венесуэлы и Колумбии); сравнительно-правовой (при сопоставлении венесуэльской и колумбийской моделей между собой, а также с моделями других латиноамериканских стран); историко-правовой (при изучении генезиса института, выделении этапов его эволюции); системно-структурный (при анализе субъектного состава и иерархии контрольных органов); институциональный (при изучении роли общественного контроля в политической системе); метод правового моделирования (при разработке предложений по совершенствованию законодательства); а также статистический метод (при анализе количественных показателей участия населения в контрольных мероприятиях).

Научная гипотеза исследования заключается в предположении о том, что в Венесуэле и Колумбии сформировались принципиально различные модели общественного контроля. Колумбийская модель, основанная на конституционном закреплении гражданских контрольных органов и разветвленном законодательстве о социальном контроле, представляет собой децентрализованную систему независимого гражданского контроля с элементами публичной отчетности (но в условиях гигантских объемов коррупции активно манипулируется бизнес кругами и правительством, а также иностранными НПО). Венесуэльская модель, базирующаяся на концепции «народного контроля» в рамках «социализма XXI века», фактически сведена к мобилизационному участию населения в проправительственных структурах и не обладает признаками независимого контроля за властью.

Основной текст.

Конституционно-правовое закрепление общественного контроля в Боливарианской Республике Венесуэла и Республике Колумбия имеет фундаментальные различия, обусловленные разными политико-идеологическими моделями, сложившимися в этих странах в конце XX - начале XXI века. Так, действующая Конституция Венесуэлы была принята в 1999 году по инициативе президента Уго Чавеса и одобрена на референдуме. Статья 2 провозглашает Венесуэлу «демократическим, социальным, правовым государством», однако добавление «боливарианского» и «социалистического» (в редакции 2009 года) существенно меняет интерпретацию этих понятий. Статья 5 закрепляет, что «суверенитет принадлежит народу», а статья 6 указывает, что «государственные органы подчиняются контролю со стороны народа» [1, с. 45-62]. Ключевой для понимания венесуэльской модели является статья 62, которая гласит: «Граждане имеют право участвовать в осуществлении народного контроля над государственным управлением». Однако, как отмечает ряд авторов, реализация этого права осуществляется исключительно через структуры, созданные и контролируемые исполнительной властью, — общинные советы, созданные в 2006 году, и боевые единицы Боливара, созданные в 2020 году. [4, с. 112-131] Венесуэльская Конституция не предусматривает права граждан на создание независимых от государства контрольных организаций — все субъекты контроля должны быть зарегистрированы в государственном реестре и действовать в соответствии с «социалистическими принципами». Важным элементом венесуэльской конституционной модели является статья 184, которая предусматривает создание «механизмов открытости и контроля» на местном уровне, но оставляет их конкретную форму на усмотрение исполнительной власти. Как показывает анализ Э. Перуццотти, это привело к тому, что все реальные рычаги контроля сосредоточены в руках президента и его администрации, а формально существующие «народные контролеры» фактически являются государственными служащими. [10, с. 120-135]

Колумбийская Конституция 1991 года представляет собой одну из наиболее прогрессивных в Латинской Америке с точки зрения закрепления механизмов гражданского участия и общественного контроля [11, с. 102-118]. Статья 1 провозглашает Колумбию «социальным правовым государством», а статья 2 закрепляет в качестве цели государства «обеспечение эффективности принципов, прав и обязанностей, закрепленных в Конституции». Ключевой для колумбийской модели является статья 270 Конституции, которая прямо устанавливает: «Закон организует формы и системы участия граждан в контроле за публичным управлением, которые должны быть созданы по требованию граждан, общественных организаций, профсоюзов, объединений, сообществ, студентов и профсоюзных организаций». Эта конституционная норма получила развитие в Законе № 850 от 2003 года «О гражданских контрольных органах» и Законе № 1757 от 2015 года «О продвижении и защите права на демократическое участие». Закон № 1757 от 2015 года (статьи 48, 60, 61, 63) дает развернутое определение социального контроля как «права и

обязанности граждан участвовать, индивидуально или через свои организации, в наблюдении за публичным управлением и его результатами для правильного использования публичных ресурсов и имущества». Особое значение имеет статья 48, определяющая публичную отчетность как «процесс, состоящий из совокупности норм, процедур, методологий, структур, практик и результатов, посредством которых органы публичного управления информируют, объясняют и дают знать о результатах своей деятельности гражданам, гражданскому обществу, другим публичным органам и контрольным органам, способствуя диалогу».

Сравнительный анализ конституционных основ двух стран показывает принципиальную разницу: колумбийская модель закрепляет право граждан на создание независимых контрольных структур и обязывает государство их поддерживать, тогда как венесуэльская модель предусматривает только участие в государственно-контролируемых структурах. Колумбийский Закон № 1757 от 2015 года также закрепляет механизмы отзыва мандата для выборных должностных лиц — губернаторов, мэров и местных советников, что создает реальный рычаг общественного контроля, отсутствующий в Венесуэле (однако в условиях тотальной коррупции колумбийская модель носит скорее декларативный характер).

Венесуэльская модель прошла в своем развитии три основных этапа, каждый из которых характеризовался усилением государственного контроля над «народными» структурами. Первый этап (1999-2006 гг.) — период после принятия Конституции 1999 года, когда создавались первые механизмы «народного участия». В этот период была создана Национальная система народного контроля, которая, однако, так и не стала эффективно функционировать из-за отсутствия ресурсов и четкой правовой базы [1, с. 45-62]. Второй этап (2006-2018 гг.) — период активного создания общинных советов. По данным венесуэльского правительства, к 2016 году было создано более 45 000 советов, объединяющих миллионы граждан. Однако, как отмечает Л. В. Клещенко, эти советы не обладали реальной независимостью — их бюджеты контролировались центральным правительством, а координаторы назначались правящей Единой социалистической партией Венесуэлы. [8, с. 23-41] Третий этап (2018 г. - настоящее время) характеризуется дальнейшей централизацией контрольных механизмов. В 2020 году были созданы боевые единицы Боливара, которые пришли на замену общинным советам в вопросах политического контроля. Боевые единицы, по данным венесуэльских правозащитников, выполняют прежде всего функции политической мобилизации и доносительства, а не контроля за властью [10, с. 12-135]. Однако, в условиях активного «экспорта» «цветных революций» и вовлеченности в боевые боливарианские единицы Венесуэлы более трети взрослого населения, речь идет скорее о революционной бдительности большинства населения, а не о доносительстве.

Колумбийская модель демонстрирует иную эволюцию — от конституционного закрепления 1991 года к постепенному расширению и институционализации механизмов социального контроля. Первый этап (1991-2003 гг.) — период после принятия Конституции 1991 года, когда были созданы первые законодательные основы для гражданских контрольных органов. Однако, как отмечает В. Н. Сергеев, в этот период механизмы контроля использовались слабо из-за отсутствия детального регулирования. [11, с. 102-118] Второй этап (2003-2015 гг.) — период после принятия Закона № 850 от 2003 года «О гражданских контрольных органах», который детально регламентировал порядок создания и деятельности гражданских контрольных органов. В этот период количество зарегистрированных контрольных органов выросло с нескольких десятков до тысяч по всей стране. [5, с. 67-81] Третий этап (2015 г. - настоящее время) — период после принятия Закона № 1757 от 2015 года, который расширил механизмы контроля, включив в них обязательную публичную отчетность всех государственных органов. Согласно этой норме, каждый государственный орган обязан ежегодно проводить публичные слушания по отчету о своей деятельности, а граждане имеют право задавать вопросы и требовать разъяснений. Особенностью данного колумбийского этапа является также активное использование механизмов отзыва мандата. В 2024-2025 годах в Колумбии были инициированы процедуры отзыва в отношении 12 мэров и 3 губернаторов, что свидетельствует о большом потенциале реального, а не декларативного характера общественного контроля. Однако, часть данных процедур инициировалась по результатам внутрикорпоративных соглашений финансово-промышленных кругов данных регионов Колумбии, формально оформляясь гражданским участием.

Субъектный состав общественного контроля в Венесуэле и Колумбии имеет фундаментальные различия. Так, к субъектам общественного контроля в Венесуэле формально относятся общинные советы, боевые единицы Боливара, а также Зал народного контроля при Национальной ассамблее. Однако, как показывает анализ Б. Гольдфранка, ключевой особенностью венесуэльской модели является то, что все формальные субъекты контроля являются государственными или партийными структурами. [4, с. 112-131] Общинные советы, формально созданные как органы местного самоуправления, на практике подчинены Министерству народной власти по делам коммун, а их бюджеты распределяются центральным правительством. Боевые единицы Боливара, созданные в 2020 году, являются прямыми структурами правящей партии и выполняют прежде всего функции политического контроля над населением, а не контроля над властью [10, с. 120-135]. Однако, по нашему мнению, это оправданно в условиях жесточайшего прессинга со стороны США, гибридной войны и угрозы «оранжевой революции» (с помощью «псевдогражданского общества» в виде финансируемых из-за рубежа НПО). Субъектный состав колумбийской модели значительно разнообразнее. Гражданские контрольные органы создаются по инициативе граждан или общественных организаций на основе уведомительного принципа — для регистрации достаточно подать заявление в соответствующую муниципальную или департаментскую контролерскую службу. Закон № 850 от 2003 года наделяет гражданские контрольные органы правом запрашивать любую информацию у государственных органов, участвовать в заседаниях и получать ответы в установленные сроки. Контрольные органы могут создаваться как на постоянной основе (например, для контроля за реализацией конкретного инфраструктурного проекта), так и на временной (для проверки отдельного контракта или решения).

Кроме гражданских контрольных органов, Закон № 1757 от 2015 года предусматривает иные формы социального контроля: индивидуальный контроль (право любого гражданина подать запрос о доступе к информации или донесение о нарушениях); аудиторский контроль с уча-

стием гражданского общества (совместные проверки, проводимые контрольными органами и официальными контролерами); а также контроль со стороны комитетов развития и социального контроля публичных служб.

Объектами общественного контроля в обеих странах являются органы местного самоуправления, государственные предприятия и учреждения, образовательные и медицинские организации, органы правопорядка. Однако, как показывает анализ Дьяковой (2026), в Колумбии объектами контроля могут быть также судебная система и избирательные органы. В Венесуэле судебная система и центральные органы исполнительной власти фактически выведены из-под действия механизмов общественного контроля [8, с. 23-41]. Это серьезные упущения Венесуэльской системы народного контроля. В частности, результатом подобной бесконтрольности судов и центральной исполнительной власти со стороны народа стала их соглашательская (по отношению к властям США) позиция после противоречащего всем нормам международного права похищения Президента Венесуэлы Н. Мадуро американскими военными. Анализ позволяет выделить комплекс проблем, препятствующих эффективному функционированию общественного контроля в рассматриваемых странах. Проблемы в двух странах имеют разную природу и остроту.

Проблемы в Венесуэле.

Первая проблема — полное отсутствие независимости субъектов контроля. Как отмечает Б. Гольдфранк, все формальные структуры «народного контроля» в Венесуэле либо являются государственными органами, либо контролируются правящей партией. [4, с. 112-131] Общинные советы не могут проводить проверки деятельности центрального правительства, а их отчеты о нарушениях на местах игнорируются, если они не одобрены партийными координаторами.

Вторая проблема — криминализация независимого контроля. Как показывают данные венесуэльских НПО, с 2017 года более 120 активистов, пытавшихся создать независимые контрольные органы или проводить расследования коррупции, были арестованы по обвинениям в «заговоре против государства» или «финансировании терроризма» [10, с. 120-135].

Третья проблема — отсутствие доступа к информации. Венесуэла не имеет закона о доступе к публичной информации, сопоставимого с колумбийским законом. Государственные органы не обязаны публиковать отчеты о расходах, а запросы граждан часто остаются без ответа [1, с. 45-62].

Четвертая проблема — дефицит ресурсов. Общинные советы не имеют собственных бюджетов, а выделяемые государством средства контролируются исполнительной властью и могут быть прекращены в любой момент за «нелояльность».

Пятая проблема — отсутствие правовых механизмов реагирования. Даже когда формальные органы контроля выявляют нарушения, отсутствуют механизмы привлечения к ответственности вышестоящих должностных лиц - все зависит от воли Президента и партийного руководства. [8, с. 24-31]

Проблемы в Колумбии.

Первая проблема — угрозы безопасности контролеров. Как отмечает Е. Ю. Косевич, в Колумбии, несмотря на мирный процесс, сохраняются зоны влияния вооруженных группировок. Члены гражданских контрольных органов, расследующие коррупцию или связи государственных служащих с незаконными вооруженными формированиями, подвергаются угрозам и нападениям. По данным колумбийской правозащитной службы, с 2016 по 2024 год было убито 47 членов гражданских контрольных органов. [9, с. 78-96]

Вторая проблема — недостаток ресурсов и профессионализма. Большинство гражданских контрольных органов работают на добровольной основе и не имеют доступа к юридической помощи, бухгалтерским экспертизам или техническим средствам аудита. Как отмечает В. Н. Сергеев, это снижает качество их работы и делает уязвимыми для критики со стороны органов власти. [11, с. 102-118]

Третья проблема — бюрократические барьеры. Несмотря на уведомительный принцип регистрации, процесс создания контрольного органа может занимать месяцы из-за сложных процедур в местных контролерских службах. Кроме того, государственные органы не всегда своевременно предоставляют запрашиваемую информацию, ссылаясь на «государственную тайну» или «технические сложности» [5, с. 67-81].

Четвертая проблема — отсутствие механизмов принуждения к исполнению рекомендаций. Даже когда контрольный орган выявляет нарушения и направляет рекомендации в соответствующие органы, нет гарантии, что по ним будут приняты меры. Судебная защита прав контрольных органов затруднена из-за высокой загрузки судов и сложности доказывания.

Пятая проблема — низкая информированность населения. Как показывают исследования, большинство колумбийцев не знают о существовании гражданских контрольных органов или не понимают, как к ним обратиться. Это связано с недостаточной просветительской работой со стороны государства и муниципалитетов [13, с. 45-62].

Шестая проблема — колоссальный объем коррупции. В частности, огромное количество высших государственных чиновников связаны с наркокартелями, иностранными НПО и откровенно работают на правительство США.

На основе проведенного анализа представляется возможным предложить следующие направления совершенствования института общественного контроля в Венесуэле и Колумбии. В силу фундаментальных различий в политических системах, пути решения проблем также различаются.

Для Венесуэлы.

Во-первых, необходимо конституционное закрепление принципа независимости субъектов общественного контроля от органов государственной власти и политических партий. В качестве модели может быть использован колумбийский опыт Закона № 850 от 2003 года, предусматривающего уведомительный порядок регистрации контрольных органов и запрет на их подчинение исполнительной власти. Это позволит

придать системе народного контроля реальный демократизм. Однако, это не означает бесконтрольность субъектов общественного контроля (они тут же будут взяты на финансирование международными и иностранными НПО и западными правительствами). Данную демократизацию следует уравновесить значительными мерами уголовной ответственности (вплоть до пожизненного лишения свободы), в случае, если активисты и руководство субъектов общественного контроля будут исполнять волю и поручения данных НПО и иностранных органов власти.

Во-вторых, требуется принятие закона о доступе к публичной информации по образцу колумбийского закона, который обяжет все государственные органы публиковать отчеты о расходах, контрактах и результатах деятельности в открытом доступе. Это позволит уменьшить уровень коррупции в органах публичной власти Венесуэлы, повысить ее независимость и патриотическую ориентированность в разработке и принятии политических решений.

В-третьих, необходимо создание независимой судебной защиты для контролеров, включая механизм конституционной жалобы и специальный статус для членов данных органов, обеспечивающий их безопасность и иммунитет от преследования за «клевету» при добросовестном сообщении о нарушениях.

В-четвертых, необходимо создание независимого фонда поддержки контрольных органов, который обеспечивал бы их техническую и юридическую поддержку без политического контроля.

Для Колумбии (в рамках существующей системы).

Во-первых, необходимо усиление государственной защиты членов гражданских контрольных органов в зонах влияния вооруженных группировок. Это может включать создание специальной программы защиты (по образцу существующей для правозащитников), выделение персональной охраны и механизмов экстренного реагирования. [9, с. 78-96]

Во-вторых, требуется создание государственного фонда поддержки гражданских контрольных органов, который предоставлял бы гранты на проведение аудитов, оплату юридических консультаций и техническое оснащение. Финансирование фонда может осуществляться за счет процентов от средств, сэкономленных в результате выявленных контрольными органами нарушений.

В-третьих, необходимо упрощение процедур регистрации контрольных органов, включая введение онлайн-регистрации и сокращение сроков рассмотрения заявлений до 15 рабочих дней.

В-четвертых, требуется введение механизма обязательного рассмотрения рекомендаций контрольных органов контролирующими органами с публичным отчетом о принятых мерах. Это может быть реализовано через поправки к Закону № 1757 от 2015 года, устанавливающие ответственность должностных лиц за игнорирование обоснованных рекомендаций.

В-пятых, необходимо развитие правового просвещения населения через систему образования и публичных кампаний.

В-шестых, требуется усиление судебной защиты прав гражданских контрольных органов, включая создание специализированных палат в административных судах для рассмотрения жалоб на отказ в предоставлении информации или игнорирование рекомендаций.

В-седьмых, следует разработать национальную программу борьбы с коррупцией, определив место, роль и реальные полномочия субъектов общественного контроля в данном процессе.

Заключение.

Проведенный сравнительно-правовой анализ конституционно-правовых основ общественного контроля в Боливарианской Республике Венесуэла и Республике Колумбия позволяет сформулировать следующие выводы.

Конституции обеих стран формально закрепляют механизмы общественного контроля, однако их реальное содержание принципиально различно. Колумбийская модель, основанная на Конституции 1991 года и развитая в законах № 850 от 2003 года и № 1757 от 2015 года, представляет собой децентрализованную систему независимых гражданских контрольных органов с правом публичной отчетности и отзыва мандата выборных должностных лиц (но данная модель во-многом носит декларативный и фиктивный характер в силу огромного уровня коррупции и зависимости политических элит от США). Венесуэльская модель, закрепленная в Конституции 1999 года, фактически сводит общественный контроль к мобилизационному участию в проправительственных структурах (хотя и настроена в большей степени на защиту реальных прав, свобод и законных интересов беднейших слоев населения страны).

Генезис института в двух странах демонстрирует противоположные траектории: в Колумбии — от конституционного закрепления к расширению и институционализации, в Венесуэле — от формального закрепления к тотальному огосударствлению контрольных механизмов.

Субъектный состав общественного контроля в Колумбии включает независимые гражданские контрольные органы, создаваемые по уведомительному принципу, тогда как в Венесуэле все субъекты контроля являются государственными или партийными структурами.

Основными проблемами в Венесуэле являются отсутствие независимости субъектов контроля, криминализация независимого контроля, отсутствие доступа к информации и правовых механизмов реагирования. В Колумбии основными проблемами выступают угрозы безопасности контролеров, недостаток ресурсов, бюрократические барьеры и низкая информированность населения, а также чудовищный уровень коррупции в органах публичной власти (и ее зависимость от международных и иностранных элит в лице США).

Предложенные пути разрешения проблем включают для Венесуэлы: конституционную реформу; принятие закона о доступе к информации; создание судебной защиты и декриминализацию контрольной деятельности. Для Колумбии: усиление защиты контролеров; создание фонда поддержки; упрощение процедур и усиление судебной защиты; борьбу с коррупцией и усиление независимости органов публичной власти от международного и иностранного доминирующего влияния.

Таким образом, выдвинутая в начале исследования научная гипотеза подтвердилась: в Венесуэле и Колумбии сформировались прин-

ципиально различные модели общественного контроля. Колумбийская модель демонстрирует значительно большую эффективность, хотя и сталкивается с серьезными проблемами безопасности, ресурсного обеспечения, колоссальной коррупции (что делает модель в большей степени формальной и декларативной). Венесуэльская модель, несмотря на формальное конституционное закрепление, не обладает признаками независимого общественного контроля и служит инструментом легитимации правящего режима, ослабляя реальное влияние народа на систему органов публичной власти.

Список литературы

1. Абрамова М. Г. Политико-правовая концепция социализма XXI века в Венесуэле // Латиноамериканский исторический альманах. 2014. № 14. С. 45-62.
2. Басаева Е. К., Каменецкий М. С. Прогнозирование протестной активности в Латинской Америке: методика и результаты // Полис. Политические исследования. 2025. № 2. С. 88-104.
3. Бурбано де Лара Ф. Трансформация гражданственности в Андийских странах // Неприкосновенный запас. 2020. № 3. С. 45-67.
4. Гольдфранк А., Росс П., Велп Я. Институционализация гражданского участия в Латинской Америке: количественные и качественные аспекты // Politics and Governance. 2026. Т. 14. № 1. С. 112-131.
5. Дмитриева Е. А. Конституционные модели общественного контроля: опыт стран БРИКС и Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 2. С. 67-81.
6. Дьякова Е. Г. Общество и власть в современной Латинской Америке: эффект усталости демократии. Монография. Москва: ИЛА РАН, 2026. 280 с.
7. Жейфец В. Л., Правдюк Д. А. Социализм XXI века в Латинской Америке: от риторики к реальности // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 7. С. 56-68.
8. Клещенко Л. В. Студенческие протестные движения в странах Латинской Америки // Россия и Америка в XXI веке. 2021. № 4. С. 23-41.
9. Косевич Е. Ю. Множественные источники протестных движений в Латинской Америке // Контуры глобальных трансформаций. 2020. № 5. С. 78-96.
10. Перуццотти Э. Режимная устойчивость и социальный контроль в современной Никарагуа и Венесуэле // Journal of Democracy. 2024. Т. 35. № 3. С. 120-135.
11. Сергеев В. Н. Общественный контроль в странах Латинской Америки: конституционные модели и практика реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. № 1. С. 102-118.
12. Смирнов А. Н. Институт общественного контроля в социалистических и постсоциалистических правовых системах: сравнительно-правовое исследование. Монография. Москва: Норма, 2022. 312 с.
13. Яковлев П. П., Яковлева Н. Н. Протестный потенциал Латинской Америки: региональный феномен // Свободная мысль. 2020. № 6. С. 45-62.

References

1. Abramova M. G. Political and legal concept of socialism of the XXI century in Venezuela // Latin American Historical Almanac. 2014. No. 14. pp. 45-62.
2. Basaeva E. K., Kamenetsky M. S. Forecasting protest activity in Latin America: methodology and results // Polis. Political research. 2025. No. 2. pp. 88-104.
3. Burbano de Lara F. Transformation of citizenship in the Andean countries // Inviolable reserve. 2020. No. 3. pp. 45-67.
4. Goldfrank A., Ross P., Welp Ya. Institutionalization of civic participation in Latin America: quantitative and qualitative aspects // Politics and Governance. 2026. Vol. 14. No. 1. pp. 112-131.
5. Dmitrieva E. A. Constitutional models of public control: the experience of the BRICS countries and Latin America // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2023. No. 2. pp. 67-81.
6. Dyakova E. G. Society and power in modern Latin America: the effect of democratic fatigue. The monograph. Moscow: ILA RAS, 2026. 280 p.
7. Zheifets V. L., Pravdyuk D. A. Socialism of the XXI century in Latin America: from rhetoric to reality // The World Economy and International Relations. 2020. No. 7. pp. 56-68.
8. Kleshchenko L. V. Student protest movements in Latin American countries // Russia and America in the 21st century. 2021. No. 4. pp. 23-41.
9. Kosevich E. Yu. Multiple sources of protest movements in Latin America // Contours of global transformations. 2020. No. 5. pp. 78-96.
10. Peruzzotti E. Regime stability and social control in modern Nicaragua and Venezuela // Journal of Democracy. 2024. Vol. 35. No. 3. pp. 120-135.
11. Sergeev V. N. Public control in Latin American countries: constitutional models and implementation practice // Comparative Constitutional Review. 2024. No. 1. pp. 102-118.
12. Smirnov A. N. Institute of Public Control in socialist and post-socialist legal systems: comparative legal research. The monograph. Moscow: Norma, 2022. 312 p.
13. Yakovlev P. P., Yakovleva N. N. Protest potential of Latin America: a regional phenomenon // Free Thought. 2020. No. 6. pp. 45-62.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_79

УДК 34:338.24

РАЗДЕЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ В УПРАВЛЕНИИ И ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ
SEPARATION OF POWERS IN THE MANAGEMENT AND LEGAL REGULATION OF CREATIVE INDUSTRIES

БОРОДУШКО Ирина Васильевна,
доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры прикладной математики и безопасности информационных технологий,
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России;
заведующий кафедрой правоведения,
Санкт-Петербургский университет государственного архитектурно-строительного университета.
190005, Россия, СПб, ул. 2-я Красноармейская, 4.
E-mail: bi08@me.com

BORODUSHKO I. V.,
Doctor of Law. Associate Professor, Professor of the Department of Applied Mathematics and Information Technology Security
St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia; Head of the Department of Law
190005, St. Petersburg, 2nd Krasnoarmeyskaya st., 4.
E-mail: bi08@me.com

Краткая аннотация. *Одним из основополагающих компонентов современной модели управления и правового регулирования креативной экономики выступает законодательно закрепленная система разделения полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти. В статье на развернутых статистических данных раскрыты текущие закономерности, подтверждающие необходимость доработки вопросов разделения полномочий. Показано, как через механизмы разделения полномочий должны будут достигаться стратегические цели развития креативных индустрий. На фоне разных существующих подходов к формированию алгоритма распределения полномочий раскрыты его значимость и специфика применительно к креативным индустриям. Рассмотрены особенности правового поля для функционирования субъектов творческих индустрий.*

Abstract. *One of the fundamental components of the modern model of governance and legal regulation of the creative economy is the legislatively enshrined system of division of powers between federal and regional government bodies. This article, using detailed statistical data, reveals current patterns that confirm the need to refine the separation of powers. It demonstrates how these mechanisms should be used to achieve the strategic development goals of the creative industries. The features of the legal framework for the functioning of creative industries entities are considered.*

Ключевые слова: *креативные индустрии, стратегические цели управления, статистический анализ, правовое регулирование, разделение полномочий, субъекты креативных индустрий.*

Key words: *creative industries, strategic management goals, statistical analysis, legal regulation, separation of powers, creative industries entities.*

Для цитирования: *Бородушко И.В. Разделение полномочий в управлении и правовом регулировании креативных индустрий // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 79-82. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_79.*

For citation: *Borodushko I.V. Separation of powers in the management and legal regulation of creative industries // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 79-82. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_79.*

Статья поступила в редакцию: 03.04.2026

Введение

В глобальном масштабе ключевыми драйверами экономики выступают цифровизация, ИИ, инновации, интеллектуальный капитал. Данным приоритетным факторам экономического роста наиболее соответствуют креативные индустрии, которые все более становятся стратегическим активом национальных экономик. Креативные индустрии способны одновременно ускорять экономический рост, углублять технологический прогресс, повышать качество жизни населения, культурный потенциал и культурную идентичность общества. Радикальный сдвиг в концептуальной основе структурирования национальной экономики России был ознаменован принятием в 2024 году Федерального закона о развитии креативных индустрий. Интеграция ранее разрозненных индустрий творческой направленности в единый сектор российской экономики потребовала создания соответствующей уточненной модели правового регулирования.

Результаты исследования и их обсуждение

Качественным изменениям в экономике и социально-культурной сфере, развитию человеческого капитала в регионах и стране в целом, предусмотренным национальными проектами, будет способствовать решение задач в сферах производства, являющихся драйверами экономического роста. Принятие федерального закона от 08.08.2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» и предстоящее утверждение «Стратегии развития креативной экономики в Российской Федерации на период до 2036 года» формируют необходимое правовое поле для более полной реализации потенциала многообразных видов креативных индустрий и их качественный рост на основе современных информационных технологий. Основной целью является формирование развитой экосистемы креативной экономики, способствующей росту экономики и уровня жизни населения, достижению культурного суверенитета страны.

Фундаментальной основой системы правового регулирования креативной экономики выступает соответствующий закрепленный в правовых актах понятийный аппарат. Единые обязательные формулировки определений терминов, актуальные в законотворческой и правоприменительной практиках, обеспечивают устойчивость отраслевого законодательства и однозначное понимание законодательных норм участниками правоотношений [1 с.176].

Федеральный закон № 330-ФЗ в ст. 3 п. 1 содержит следующее определение понятия креативной индустрии – «экономическая деятельность, непосредственно связанная с созданием, продвижением на внутреннем и внешнем рынках, распространением и (или) реализацией креативного продукта, обладающего уникальностью и экономической ценностью». Закон дает четкое развернутое определение понятия «субъект креативной индустрии», в соответствии с которым представители коммерческой креативной деятельности могут иметь правовой статус физического лица, юридического лица, индивидуального предпринимателя.

Под креативной экономикой понимается «хозяйственная система, где удовлетворение потребностей людей и обеспечение их жизнедеятельности достигается за счет производства, распределения, обмена и потребления уникальных благ (креативных продуктов), добавленная стоимость которых создается интеллектуальной деятельностью и творческим трудом» [2].

Одним из ключевых вопросов нормативного регулирования креативной экономики являются разработка и закрепление в нормативно-правовых актах структурных классификаций. Различные варианты классификаций креативных индустрий представлены в международных актах и в нормативных документах зарубежных стран [3 с. 25-47]. В России укрупненная классификация креативных индустрий содержится в ст. 6 № 330-ФЗ. В Стратегии также представлена данная классификация креативных индустрий с указанием их специфики и приоритетной ценности для общества:

1) опирающиеся на историко-культурное наследие (арт-индустрия, отдых, развлечения и др.), основа формирования культурной идентичности;

2) основанные на произведениях искусства и литературного творчества, которые отличаются выраженным эмоциональным воздействием продукта;

3) основанные на информационно-телекоммуникационных технологиях (исполнительские искусства, реклама и пиар, программное обеспечение и др.), обладают высокими масштабируемостью, вкладом в ВВП, экспортным потенциалом;

4 - основанные на прикладном творчестве (архитектура и урбанистика, мода, гастрономия, дизайн, народные художественные промыслы и ремесла и др.), высокая зависимость от потребительских предпочтений.

Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (Приказ Минэкономразвития РФ от 23.04.2025 г. № 266 «Об утверждении перечня видов экономической деятельности в сфере креативных (творческих) индустрий») послужил основой для формирования нормативно закрепленной классификации креативных индустрий. Таким образом, креативная экономика как отдельная сфера производственной деятельности получила правовой статус с четко обозначенными границами[1]. В последующем потребуется ее корректировка, так как реальный перечень видов креативной деятельности шире. Данный классификатор необходим как субъектам креативной деятельности, так и органам государственной власти, уполномоченным осуществлять управление и правовое регулирование креативной экономики. Состав и функции исполнительных уполномоченных органов закреплены законодательно статьей 4 № 330-ФЗ.

Уполномоченными органами в области креативных индустрий на федеральном уровне являются Правительство РФ, Минэкономразвития, Росстат, ряд профильных отраслевых министерств. В пределах своих полномочий они формируют и реализуют государственную политику, осуществляют нормативное регулирование, выполняют функции по контролю и мониторингу креативной экономики. Принимаются также решения по методологическому обеспечению: утверждаются методики сбора данных и расчета ряда обобщающих показателей деятельности субъектов креативных индустрий, определяется порядок публикации общедоступных статистических данных о креативной экономике.

Таким образом, были сформированы основы правовой базы креативной экономики и уполномоченные органы государственной власти на федеральном уровне. Определены ключевые подходы к распределению полномочий по управлению и регулированию креативной экономики в масштабе национальной экономики. Но сохраняются нечеткость в разграничении полномочий и частичное их дублирование, возникает неопределенность правоотношений из-за отсутствия единого стратегического центра, разрозненности системы государственного управления в отношении креативной экономики (в состав ответственных федеральных исполнительных органов входят: Минэкономразвития, Минцифры, Минкультуры, Минпромторг, Минпросвещения, Минстрой).

Полномочия региональных органов государственной власти в области креативных индустрий установлены ст. 5 № 330-ФЗ. В своей совокупности они призваны обеспечить эффективное регулирование деятельности в данной сфере. Достаточно широкий круг полномочий необходим региональным органам государственной власти для развития приоритетных для региона видов креативных индустрий, для мониторинга результатов деятельности, для разработки и реализации мер их поддержки.

Важным аспектом управления креативной экономикой является обеспечение продуктивного взаимодействия уполномоченных органов федерального и регионального уровней. Такое взаимодействие должно строиться на принципах объективности, системности, прямой и обратной связи, сбалансированности. Помимо механизмов взаимодействия, предусмотренных регламентом, особая роль отводится созданному в марте 2026 года постоянно действующему Координационному совету по вопросам развития креативных индустрий при Правительстве РФ.

Комплекс задач, подходы и направленность механизмов управления и регулирования определяются стратегическими целями и текущим трендами развития сферы креативной экономики. Данные Росстата [4 с. 73-78] позволяют оценить как достигнутые успехи, так и ряд проблем в данной области (см. табл. 1, 2).

[1] Креативные индустрии охватывают 51 вид деятельности, объединенные в следующие 16 отраслей: народные промыслы и ремесла; арт-индустрия; культурное наследие; отдых и развлечение; мода (включая ювелирное дело); книжное дело; исполнительские искусства; кино, телевизионные программы и фильмы; программное обеспечение; видеоигры; кино, медиа и СМИ; реклама и пиар; дизайн; архитектура и урбанистика; гастрономия; музыка.

Таблица 1. Основные характеристики структуры креативных индустрий РФ

Индустрия	Число субъектов	В том числе ИП, %	Доля в совокупной ВДС, %		
			2021	2024	2030, план
Всего по РФ	377520	…	100	100	100
Народные художественные промыслы и ремесла	1159	79	0,1	0,1	0,2
Арт-индустрия	19239	90	2,	1,9	2,3
Культурное наследие	1194	55	5,3	4,6	5,5
Отдых и развлечение	38405	76	3,4	3,9	3,6
Мода и ювелирное дело	3605	93	0,2	0,3	0,6
Книжное дело	11759	66	1,8	1,7	1,5
Исполнительские искусства	5752	80	11,5	10,5	11,7
Кино, телевизионные программы и фильмы	22645	76	4,3	3,3	3,8
Программное обеспечение	99123	64	27,7	35,0	30.4
Видеоигры	427	62	0,0	0,1	0,02
Медиа и СМИ	14630	47	5,2	3,9	4,8
Реклама и пиар	80415	73	16,5	14,2	14,3
Дизайн	25300	89	0,9	0,9	1,4
Архитектура и урбанистика	23868	45	7,9	8,5	7,4
Гастрономия	27254	77	12,0	10,6	11,5
Музыка	2745	83	0,9	0,6	1,0

Основной вывод по данным табл. 1 – наличие высокой дифференциации основных показателей состава креативных индустрий. Чрезвычайна велик разброс показателя «число субъектов креативных индустрий»: от 427 (видеоигры) до 99123 (программное обеспечение). На эти различия накладывается специфика структуры по размеры, правовому статусу, форме собственности, влияющая на формирование реального объема совокупной производственной мощности каждой из 16 отраслей креативных индустрий. Так, доля индивидуальных предпринимателей колеблется от 45% (архитектура и урбанистика) до 93% (мода и ювелирное дело).

Интегральной оценкой вклада каждой индустрии в экономику страны является ее доля в совокупной валовой добавленной стоимости (ВДС) креативного сектора национальной экономики. Разброс показателя огромный – менее 1% по видеоиграм и почти 31% по программному обеспечению. Высокая доля индивидуальных предпринимателей среди субъектов креативных индустрий свидетельствует о том, что данный вид деятельности преимущественно распространен в малом предпринимательстве. В ретроспективе и в перспективе до 2030 г. доля разных видов индустрий в креативной экономике сохраняется достаточно стабильной.

За отмеченными различиями стоит сложный комплекс факторов и условий: исторические традиции, местные ограничения и возможности, востребованность, ресурсная обеспеченность (технологии, кадры, финансирование, логистика, экспортный потенциал). Соответственно, тонкой настройки и обоснованности требуют вопросы отраслевой и территориальной дифференциации системы мер государственного управления, поддержки и нормативно-правового регулирования в текущем и стратегическом аспектах. Ключ к оптимальным управленческим решениям лежит в выстраивании эффективной системы разделения полномочий между федеральным центром и регионами.

Продолжением анализа текущей ситуации в креативной экономике России являются данные табл. 2.

Таблица 2. Территориальная специфика креативных индустрий в РФ

Федеральные округа	Доля ВДС в объеме ВРП, %		Объем ВДС	
	2019	2023	2023, млрд руб.	2023 в % к 2019
РФ	3,0	3,9	6165,2	213
Центральный	4,7	7,2	3868,6	249
В том числе Москва	6,3	10,1	3261,3	261
Северо-Западный	3,7	3,5	667,1	170
Южный	2,2	2,4	265,5	179
Северо-Кавказский	3,4	3,1	110,5	140
Приволжский	2,1	2,3	501,9	169
Уральский	1,2	1,3	288,9	182
Сибирский	1,8	2,2	307,5	184
Дальневосточный	1,6	1,5	155,2	158

Из данных табл. 2 следует вывод о крайней неравномерности пространственного распределения креативных индустрий. В 2023 г. 63% ВДС креативной экономики приходилось на один федеральный округ - Центральный. В Москве было сосредоточено создание 53% ВДС креативной экономики страны.

Наиболее информативным индикатором состояния сектора креативных индустрий является показатель доли ВДС в ВРП. Достигнутый уровень показателя по России сопоставим с его мировым уровнем (3,1%), но уступает странам Запада (США – 11,8%, ЕС – 5,3%, Великобритания – 5,6%).

По размеру вклада в создание ВРП доминирует Москва. Аутсайдерами на уровне субъектов РФ являются Оренбургская область (1,0%) и Тюменская область (0,6 %). Для снижения столь высокой территориальной дифференциации необходимо сочетание федеральных мер поддержки и активности регионов в создании благоприятной среды для творческих видов индустрий. Перспективной мерой является создание центров креативных индустрий на базе вузов [5 с. 203]. Авторами исследований подчеркивается актуальность стимулирования развития креативных индустрий в регионе средствами правового регулирования, стратегического планирования [6 с. 193]. Перспективным инструментом стимули-

рования расширения деятельности в сфере креативных индустрий выступает создание соответствующей институциональной среды [7 с. 189].

Все многообразие подходов, средств, механизмов, направленных на активизацию деловой активности в сфере креативной экономики реализуется органами государственной власти разных уровней в соответствии с действующим порядком разделения полномочий по управлению и регулированию креативных индустрий. В табл. 3 представлена сводная информация о системе нормативно-правовой регламентации разделения полномочий по управлению креативной экономикой России.

Таблица 3. Нормативно-правовые акты, содержащие положения и нормы о разделении полномочий по управлению и регулированию креативных индустрий

Нормативно-правовой акт	Содержание норм, положений о разделении полномочий
Конституция РФ	Ст. 71-73. Установлены пределы ведения РФ, предметы совместного ведения РФ и субъектов РФ, вне которых субъекты РФ *обладают всей полнотой власти.* Ст. 45. О передаче (делегировании) полномочий.
Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 330-ФЗ	Ст. 4. Полномочия федеральных органов государственной власти Ст. 5. Полномочия региональных органов государственной власти
Концепция развития креативных индустрий до 2030 г. от 22.09.2021 г.	С. 7. Федеральные, региональные и муниципальные программы разрозненны и не скоординированы. С. 21. Реализация Концепции должна обеспечиваться согласованными действиями органов исполнительной власти всех уровней и предпринимательского сообщества.
Стратегия развития креативной экономики в РФ. Проект	С. 14. Разрозненность системы государственного управления в отношении креативной экономики
«Закон субъекта РФ о развитии креативных индустрий» Модельный закон. Проект. Разработан Минэкономразвития	Ст. 4. Определяются полномочия органов государственной власти субъекта РФ – законодательного, высшего исполнительного, уполномоченного в сфере креативных индустрий
Закон СПб О развитии креативных (творческих) индустрий в СПб. Проект. Принят в первом чтении Законодательным собранием 18.03.2026 г.	Ст. 1. Полномочия Законодательного собрания СПб в сфере креативных индустрий. Ст. 2. Полномочия Правительства СПб в сфере креативных индустрий.

Представленная в табл. 3 информация свидетельствуют о наличии в России целостной законодательно закрепленной системы территориально-отраслевого разделения полномочий органов государственной власти в сфере креативной индустрии, что не исключает, однако, сохранения неопределенности по ряду частных аспектов данного вопроса. Помимо упомянутых ранее отдельных недостаточно четко урегулированных моментов, необходимо отметить следующее.

В многокомпонентной системе разграничения полномочий по государственному управлению и регулированию креативной экономики важно соблюдение оптимального соотношения двух альтернативных принципов – устойчивости и гибкости. Эффективным инструментом обеспечения баланса гибкости и устойчивости могло бы явиться делегирование полномочий. Но данный вопрос не затрагивается ни в нормативно-правовых актах, ни в научных исследованиях. Неполнота проработки положений о разделении полномочий заключается в полном отсутствии в нормативно-правовых актах норм о полномочиях органов власти муниципалитетов. Следует ожидать, что этот вакуум будет устранен, ибо в Государственной Думе данная тема уже обсуждается.

Автор попытался с возможной полнотой осветить вопрос о разграничении полномочий в области государственного управления и регулирования креативной экономики. Вместе с тем, целесообразны последующие исследования по данной теме в связи с высоким динамизмом и быстрыми качественными сдвигами как в самой сфере креативной экономики, так и в широком спектре условий ее функционирования.

Список литературы:

1. Кожевников В. В. О понятийно-категориальном аппарате общей теории права в контексте соотношения легальных понятий и научных понятий и категорий // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. №. 3 (63). С. 175-179. Ссылка с. 176

2. Стратегия развития креативной экономики в РФ на период до 2036 года». Проект. 26.12.2025. Минэкономразвития. https://economy.gov.ru/material/file/5221cb1fd9eea32c500bb3f4d48ec6e1/proekt_strategii_razvitiya_kreativnoy_ekonomiki_v_rossiyskoy_federacii_do_2036_goda.pdf.

3. Методические рекомендации по формированию собирательных классификационных группировок и системы показателей креативной экономики. М. ИСИЭЗ ВШЭ. 2025. С. 136. с. 25-47.

4. Стратегия развития креативной экономики в Российской Федерации на период до 2036 года». Проект. // https://www.economy.gov.ru/ material/departments/d04/kreativnaya_ekonomika/ (дата обращения 02.04.2026)

5. Сараева О. Н. Правовое регулирование в сфере креативных индустрий // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 200-203.

6 Ривчун Т.Е., Вапнярская О. И., Платонова Н. А. Практики поддержки креативных индустрий на региональном уровне // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 3. С. 187-210.

7. Бабич Л. В., Секушина И. А. Особенности и факторы развития креативных индустрий в малых и средних городах России // Экономическое возрождение России. 2026. № 1 (87). С. 176-200.

References:

1. Kozhevnikov V. V. On the conceptual and categorical apparatus of the general theory of law in the context of the correlation of legal concepts and scientific concepts and categories // Legal science and practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (63). pp. 175-179. Reference p. 176

2. Strategy for the development of the creative economy in the Russian Federation for the period up to 2036". Project. 26.12.2025. Ministry of Economic Development. https://economy.gov.ru/material/file/ 5221cb1fd9eea32c500bb3f4d48ec6e1/proekt_strategii_razvitiya_kreativnoy_ekonomiki_v_rossiyskoy_federacii_do_2036_goda.pdf.

3. Methodological recommendations on the formation of collective classification groupings and a system of indicators of the creative economy. M. ISIEZ HSE. 2025. P. 136. Reference pp. 25-47

4. Strategy for the development of the creative economy in the Russian Federation for the period up to 2036". The project. // https://www.economy.gov.ru / material/departments/d04/kreativnaya_ekonomika/ (accessed 02.04.2026)

5. Saraeva O. N. Legal regulation in the sphere of creative industries // Law and the state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 200-203.

6 Rivchun T.E., Vapnyarskaya O. I., Platonova N. A. Practices of supporting creative industries at the regional level // Issues of state and municipal management. 2024. No. 3. pp. 187-210.

7. Babich L. V., Sekushina I. A. Features and factors of the development of creative industries in small and medium-sized cities of Russia // The economic revival of Russia. 2026. No. 1 (87). pp. 176-200.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_83

УДК 34:004.8

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ
ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE CREATIVE ECONOMY: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

ЯНКОВСКАЯ Е. С.,
кандидат экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии.
192241, Россия, г. Санкт-Петербург, Софийская ул., д.52, лит. А.
E-mail: liza30ys@gmail.com
YANKOVSKAYA E. S.,
associate Professor St. Petersburg named after V.B. Bobkova branch of the Russian Customs Academy.
52 Sofiyskaya str., lit. A., Saint Petersburg, Russia, 192241.
E-mail: liza30ys@gmail.com

Краткая аннотация. *Стремительно развивающиеся инновации в области искусственного интеллекта нередко опережают внесение соответствующих изменений и дополнений в нормативно-правовую базу. Наиболее сложными являются правовые аспекты соотношения творчества человека и генеративного ИИ. В научном сообществе и в законотворческой деятельности ведется поиск оптимальных решений по профильным данной теме вопросам ответственности, правосубъектности, авторского права, защиты интеллектуальной собственности. В статье на основе анализа массивов статистической информации и логико-теоретических конструкций определены специфические проблемы формирования сбалансированной правовой основы управления процессом применения ИИ в креативной экономике. Исследован вопрос о неоднородности субъектов креативной экономики по направленности использования технологий искусственного интеллекта и связанных с этим правовых проблем.*

Abstract. *Rapidly developing innovations in artificial intelligence often outpace the introduction of corresponding changes and amendments to the regulatory framework. The most complex legal aspects are the relationship between human creativity and generative AI. The scientific community and legislative bodies are searching for optimal solutions to the core issues of liability, legal capacity, copyright, and intellectual property protection. This article, based on an analysis of statistical data and logical and theoretical frameworks, identifies specific challenges in developing a balanced legal framework for regulating the use of AI in the creative economy. The heterogeneity of creative economy actors in their use of artificial intelligence technologies and the associated legal challenges are explored.*

Ключевые слова: *креативная экономика, искусственный интеллект, нормативно-правовое регулирование, статистические методы, классификация, управление.*

Key words*: creative economy, artificial intelligence, legal regulation, statistical methods, classification, management.*

Для цитирования: *Янковская Е.С. Искусственный интеллект в креативной экономике: теоретико-правовой аспект // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 83-86. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_83.*

For citation: *Yankovskaya E.S. Artificial intelligence in the creative economy: theoretical and legal aspect // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 83-86. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_83.*

Статья поступила в редакцию: 03.04.2026

Введение

Глобальной проблемой является отставание права от реалий стремительного развития технологий искусственного интеллекта. Эффект «законодательного запаздывания» (pacingproblem) – результат несовпадения их закономерных трендов динамики. Современные технологии развиваются по законам экспоненциальных моделей, а правотворческий процесс традиционно является размеренным и линейным. В итоге возникают ситуации неопределенности в правоприменительной практике. Например, если беспилотное транспортное средство причинило материальный ущерб, то действующие правовые нормы не позволяют обоснованно установить ответственную сторону – владельца транспортного средства или производителя оборудования или разработчика программного обеспечения.

Целью данной статьиявляется исследованиетеоретико-правовых аспектов применения ИИ в креативной экономике в контексте повышения синхронности процесса трансформации правового поля и развития технологий ИИ как необходимой предпосылки эффективности управления креативными индустриями.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследования креативной экономики отличаются повышенной сложностью вследствие ее крайне высокой неоднородности по целому ряду критериев – по виду производимого продукта, по востребованности современных технологий, по типу бизнес-процесса, по преобладающим организационно-правовым формам субъектов креативных индустрий, по характеру целевых групп потребителей и по формам взаимодействия с ними, по особенностям запросов к рынку труда, по приоритетным экономико-географическим условиям пространственного размещения, по механизмам взаимодействия с другими сегментами национальной экономики, по экспортному потенциалу и др.

Существуют два подхода, способствующие адаптации к столь неоднородному объекту исследования, которые могут быть реализованы либо автономно, либо в определенном сочетании. Такими подходами являются: во-первых,формирование методологии исследования с использованием элементов комплексного, многомерного, междисциплинарного подходов, что связано с адаптацией к характеру объекта исследования через усложнение исследовательского проекта, повышение ресурсоемкости, обеспечение согласованной деятельности специалистов разных областей знания; во-вторых, использование метода классификации, позволяющего структурировать объект исследования, адаптируя его

к традиционным методологическим алгоритмам исследования.

Направленности темы данной статьи более соответствует второй подход – применение метода классификации, который в теоретико-правовых исследованиях является одним из фундаментальных инструментов познания. Метод классификации как инструмент сравнительно-правового анализа позволяет представить массивы данных в упорядоченном виде, пригодном для теоретического осмысления.

Базовая укрупненная законодательно закрепленная классификация видов креативных индустрий представлена в ст. 6 Федерального закона № 330-ФЗот 08.08.2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации». В зависимости от предметной направленности производственной деятельности субъектов креативных индустрий закон разграничивает четыре их вида: 1) основанные на историко-культурном наследии; 2) основанные на произведениях литературы и искусства; 3) основанные на информационно-телекоммуникационных технологиях; 4) основанные на прикладном творчестве. Приказом Минэкономразвития от 23.04.2025 г. № 266 утвержден «Перечень видов экономической деятельности в сфере креативных (творческих) индустрий на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности». Перечень включает 16 отраслевых групп, в каждой из которых представлены один или несколько видов деятельности по ОКВЭД 2. Например, отрасль «Исполнительские искусства» включает: 1) деятельность учреждений культуры и искусства; 2) образование в области культуры; 3) производство музыкальных инструментов.

В научных публикациях российских и зарубежных авторов предлагается ряд вариантов классификации креативныхиндустрий, основанных на использовании различных критериев структурирования. Европейская концепция креативных индустрий включает базовую «собирательную классификационную группировку видов экономической деятельности, относящихся к креативным».Была разработана «Базовая собирательная классификационная группировка креативных услуг (ЮНКТАД, 2008)[1 с. 26-36].

В контексте темы данного исследования наибольший интерес представляют разработки классификаций по признаку значимости информационных технологий в деятельности субъектов креативных индустрий[2].В табл. 1 представлена разработанная автором классификация, в которой 16 отраслей креативных индустрий объединены в три группы в зависимости от преобладающей цели применения ИИ. Но данный критерий не имеет точной количественной меры, необходимой при группировках по методам классической теории статистики и математической статистики. Помимо этого, существует неопределенность границ креативного сектора экономики. Условность принадлежности организаций к креативной сфере связана с:а) наличием гибридных форм деятельности, сочетающих чисто промышленное производство и креативный компонент; б) размытостью границ между творческими и техническими видами деятельности. Соответственно, предлагаемая классификация, как и любые иные классификации креативных индустрий, носит приближенный характер.

Разработанная классификация (табл. 1) дает возможность отследить связь между основной направленностью использования ИИ и некоторыми особенностями развития креативных индустрий. Но спецификой креативных индустрий является ограниченность количественных параметров из-за того, что многие виды продуктов, будучи уникальными и нематериальными по своей природе, не поддаются статистическому измерению. В статье использован ключевой показатель – объем валовой добавленной стоимости (выручка от реализации минус затраты), оценивающий конечный результат производственной деятельности организаций, их вклад в национальную экономику.

Таблица 1. Классификация отраслей креативных индустрий по преобладающей направленности использования ИИ

Группа креативных индустрий	Преобладающая ведущая направленность применения ИИ	Отрасли
1группа отраслей	Ведущая, трансформирующая роль– участие в генерации идей, создание контентаи новых форм	1. Программное обеспечение 2. Видеоигры 3. Медиа и СМИ 4. Реклама и пиар 5. Дизайн
2 группа отраслей	Ускорение и автоматизация массовых, рутинных производственных операций	1. Арт-индустрия 2. Отдых и развлечение 3. Книжное дело 4. Кино, телевизионные программы и фильмы 5. Архитектура и урбанистика 6. Гастрономия
3 группа отраслей	Вспомогательные производственные операции, стандартные функции (маркетинг, бухгалтерский учет и др.)	1. Народные художественные промыслы и ремесла 2. Культурное наследие 3. Музыка 4. Мода (включая ювелирное дело) 5. Исполнительские искусств

В табл. 2 приведены сравнительные данные[3] за 2021-2024 гг. по трем группам отраслей креативной экономики. Четко прослеживаются три закономерности: 1) чем больше масштабы деятельности субъектов креативных индустрий, тем выше для них значимость ИИ; 2) креативный сектор экономики России в целом и каждая группа отраслей показывают высокие темпы роста; 3) креативная экономика демонстрирует экспоненциальный рост. При сравнении трех групп отраслей обнаруживается следующая тенденция - чем больше масштабы производства, тем выше темпы роста.

Таблица 2. Динамика валовой добавленной стоимости по группам отраслей креативной экономики России за 2021-2024 гг., млрд рублей

Годы	1 группа отраслей	2 группа отраслей	3 группа отраслей	Всего
2021	1961,62	1235,91	705,51	3903,04
2022	2299,19	1454,39	838,56	4592,14

2023	3238,72	1790,65	964,81	5994,18
2024	4040,21	2232,97	1203,57	7476,75
Темп роста за 2021-2024, %	206	181	176	192

Для количественного измерениясовременных тенденций развития креативного сегмента экономики России был проведен корреляционно-регрессионный анализ трендов динамики (табл. 3). Парные линейные коэффициенты корреляции, близкие к единице, свидетельствуют об устойчивом систематическом нарастании объема валовой добавленной стоимости (ВДС) в каждой группе отраслей и по креативной экономике в целом. Коэффициенты регрессии (b)показывают следующее. Средний ежегодный прирост ВДС составил по первой группе отраслей 717,53 млрд руб., по второй – 332,74 млрд руб., по третьей – 162,04 млрд руб. Таким образом, подтверждается вывод о более высокой результативности производственной деятельности тех видов креативных индустрий, в которых требуется и происходит внедрении наиболее высокотехнологичных ИИ.

Таблица 3. Показатели трендов динамики валовой добавленной стоимости по группам отраслей креативной экономики России

	Коэффициент корреляции (r)	Уравнение регрессии (y=a+bx)
1 группа отраслей	0,985	y=1091,11+717,53x
2 группа отраслей	0,989	y=846,62+332,74x
3 группа отраслей	0,987	y=523,00+162,04x
Всего по креативной экономике	0,988	y=2460,73+1212,32x

Из приведенных выше данных следует, что проблемы правового регулирования ИИ наиболее актуальны для субъектов креативных индустрий первой группы отраслей. Так, в индустрии дизайна упаковки ИИ на основе текстовых описаний и заданных параметров: генерирует макет продукта; методом итераций формирует оптимальные решения по стилю - цвету, шрифту, текстуре, форме упаковки. Однако, алгоритмы ИИ имеют существенные ограничения: ИИ не способно установить эмоциональную связь с потребителем креативного продукта, не может самостоятельно генерировать новые идеи и концепции вне пределов соответствующей модели машинного обучения ИИ. Подмечено, что рекламные продукты, созданные человеком, на 23-40 % эффективнее, чем созданные ИИ технологиями[4 с.309].

При использовании ИИ могут возникать критичные правовые проблемы. Например,в рекламном деле, отнесенном к первой группе отраслей,получают все большее распространение и коммерческое использование создаваемые ИИ нейросетевые изображения, которые в видеорекламе не имеют четкого правового статуса. Проблемы появляются, если обнаружится сходство сгенерированных персонажей с реальными людьми. Статьей 152.1. ГК РФ запрещено без согласия человека коммерческое использование его изображения.

Потенциально менее сопряжено с острыми правовыми проблемами применение ИИ в отраслях креативных индустрий второй группы. Например, в киноиндустрии, отнесенной автором ко второй группе отраслей, важнейшими функциями ИИ являются: участие в монтаже, в подготовке сценария; проектирование спецэффектов; помощь в формировании актерского состава, в разработке декораций. В отраслях креативных индустрий третьей группы доминирует человек-творец, функции ИИ ограничены преимущественно вспомогательными операциями. Так, в области резьбы по кости ИИ может способствовать экономии сырья за счет выбора оптимальной схемы его использования, осуществлять мониторинг рынка для разработки маркетинговой политики и др.

Таким образом, существует значительная дифференциация креативных индустрий по степени актуальности проблем, связанных с несовершенством режима правового регулирования ИИ. Ее необходимо учитывать в процессе управления как субъектам креативных индустрий, так и органам государственного регулирования креативной экономики на федеральном и региональном уровнях.

К числу наиболее сложных и острых проблем в области правового регулирования ИИ относятся: вопросы авторского права на результат, созданный полностью ИИ или с его участием;проблемы защиты интеллектуальной собственности; вопросы правосубъектности; проблемы ответственности и безопасности.Существует также проблема слабой проработанности в нормативно-правовых актах соответствующего понятийного аппарата[5 с. 47]. Для понимания текущего состояния и перспектив решения данных проблем в сфере управления субъектами креативной экономики необходима оценка их позиции относительно национального и мирового уровня.

Развитие технологий и системы правового регулирования ИИ в России вполне сопоставимо с соответствующими достижениями в международном масштабе. Но мы существенно уступаем мировым лидерам в прикладном аспекте – по объему рынка, по вкладу в ВВП, по экономической эффективности. В 2025 г. Россия заняла лишь 1119 место в мировом рейтинге внедрения ИИ.

В области правового регулирования ИИ в России приняты и действуют фундаментальные стратегические документы: утвержденная указом Президента «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»; федеральный проект «Искусственный интеллект» в структуре национального проекта «Экономика данных»; «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта». Решающее значение будет иметь федеральный закон о регулировании ИИ, который, как ожидается, будет принят и вступит в силу к 01.09.2027 г. Проект закона «Об основах государственного регулирования применения технологий искусственного интеллекта, разработанный Минцифры на основе риск-ориентированного подхода, проходит в настоящее время стадию публичного обсуждения. С обоснованной критикой ряда положений законопроекта и конструктивными предложениями выступают эксперты и представители бизнес-сообщества. Резкой критике подверглись положения по наиболее болезненному в правовой повестке вопросу - об авторских правах.

В отличие от Стратегии, заложившей принципиальныеобщие основы развития ИИ, федеральный закон устанавливает порядок решения комплекса конкретных вопросов его правового регулирования. В их числе, например, определение сущности суверенной, национальной и доверенной моделей ИИ; правило маркировки созданного с участием ИИ контента; порядок ведения реестра доверенных моделей ИИ. В законопроекте определены обязанности и ответственность субъектов правоотношений, связанных с ИИ: разработчика модели ИИ (создание и обучение), оператора системы (эксплуатант), владельца сервиса (предоставляет доступ к ИИ), пользователя (конечного потребителя). В целом Феде-

ральный закон об ИИ в значительной мере устранит правовую неопределенность и элементы теоретического вакуума в области применения ИИ, повысит синхронность корректировки правового поля и развития технологий ИИ. При этом следует учитывать, что чрезмерная жесткость правового регулирования чревата замедлением темпов роста креативных индустрий и углублением отставания от мировых лидеров[6 с. 45].

Общие подходы к правовому регулированию ИИ конкретизируются применительно к отдельным сферам использования ИИ, в том числе –в креативной экономике. Такое соотношение общего и частного в правовом режиме ИИ отчетливо прослеживается в докладе Палаты лордов Великобритании по вопросам регулирования ИИ в креативной индустрии. Основная специфика правовых проблем использования ИИ в такой сфере, как креативные индустрии, заключается в трудности поддержании баланса между соблюдением авторских прав человека-творца и созданием оптимальной правовой среды для эффективной деятельности субъектов креативных индустрий.

Список литературы:

1. Методические рекомендации по формированию собирательных классификационных группировок и системы показателей креативной экономики. М. ИСИЭЗ ВШЭ. 2025. С. 136.
2. Митина Д. Е., Филиппов Я. А. Роль цифровизации в развитии креативных индустрий // Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2025. № 1 (32). С. 70-80.
3. Источник: Стратегия развития креативной экономики в Российской Федерации на период до 2036 года. Проект. Минэкономразвития. 26.12.2025. С. 78. Приложение 1. С. 72-74. https://economy.gov.ru/material/file/5221cb1fd9eea32c500bb3f4d48ec6e1/proekt_strategii_razvitiya_kreativnoy_ekonomiki_v_rossiyskoy_federacii_do_2036_goda.pdf.
4. Мызрова К. А. и др. Особенности применения искусственного интеллекта в креативных индустриях // Креативная экономика. 2025. Том 19. № 2. С. 303-320.
5. Новоселова Л. А. Конфликт интересов авторов и разработчиков ИИ: где выход? // Журнал суда по интеллектуальным правам. 2025. № 4 (50) С. 41-49.
6. Курганова Е. Б. Проблема авторства нейросетевого креативного контента: между законом и этическим кодексом // Российская школа связей с общественностью. 2025. № 7. С. 31-49.
7. ИИ, авторское право и креативные индустрии. Комитет по коммуникациям и цифровым технологиям Палаты лордов Великобритании в 2026 году. С. 75. Общероссийская общественно-государственная организация «Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности». https://xn--h1apes.xn--p1ai/storage/uploads/2026/04/27/_____uid_69ef10dfee593.pdf.

References:

1. Methodological recommendations on the formation of collective classification groupings and a system of indicators for the creative economy. M. ISIEZ HSE. 2025. P. 136.
2. Mitina D. E., Filippov Ya. A. The role of digitalization in the development of creative industries // Bulletin of the Rostov State University of Economics. 2025. No. 1 (32). pp. 70-80.
3. Source: Strategy for the development of the creative Economy in the Russian Federation for the period up to 2036. Project. Ministry of Economic Development. 12/26/2025. P. 78. Appendix 1. pp. 72-74. https://economy.gov.ru/material/file/5221cb1fd9eea32c500bb3f4d48ec6e1/proekt_strategii_razvitiya_kreativnoy_ekonomiki_v_rossiyskoy_federacii_do_2036_goda.pdf.
4. Myzrova K. A. and others. Features of the use of artificial intelligence in creative industries // Creative Economy. 2025. Volume 19. No. 2. pp. 303-320.
5. Novoselova L. A. Conflict of interests of AI authors and developers: where is the solution? // Journal of the Intellectual Property Rights Court. 2025. No. 4 (50) pp. 41-49.
6. Kurganova E. B. The problem of authorship of neural network creative content: between the law and the Code of Ethics // Russian School of Public Relations. 2025. No. 7. pp. 31-49.
7. AI, copyright and creative industries. Committee on Communications and Digital Technologies of the House of Lords of Great Britain in 2026. p. 75. All-Russian public and state organization "Russian Center for the Turnover of rights to the results of creative activity". https://xn--h1apes.xn--p1ai/storage/uploads/2026/04/27/_____uid_69ef10dfee593.pdf.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_87

УДК 342.5

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ИМПИЧМЕНТА ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА В ПРАКТИКЕ США
CONSTITUTIONAL AND LEGAL FEATURES OF THE ORGANIZATION OF THE INSTITUTION OF IMPEACHMENT OF THE HEAD OF STATE IN THE PRACTICE OF THE UNITED STATES

ЧИМАРОВ Николай Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и международного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета.
Ленинский пр., д. 101, г. Санкт-Петербург, 198262, Россия.
E-mail: kolomyagi4@gmail.com;
CHIMAROV Nikolay Sergeevich,
Candidate of Legal Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of State and International Law, St. Petersburg State Marine Technical University.
101 Leninsky Ave., Saint Petersburg, 198262, Russia.
E-mail: kolomyagi4@gmail.com

Краткая аннотация: *в рамках настоящей работы исследуются актуальные аспекты организационно-правового обеспечения института импичмента в практике США. Фокусируясь на конкретной области применения данного механизма (по отношению к главе государства), автор выделяет основные этапы, статусы, а также проблемные вопросы, интерпретация которых является обсуждаемой непосредственно в пространстве американской научно-правовой мысли. Отдельное внимание уделяется системе источников права, массив которых предполагает в т. ч. учет исторических документов и актов прецедентного характера. Формулируются выводы о существовании в конституционной практике США различных форм ответственности, схожих с импичментом, а также о большом влиянии на данный институт контекстуальных особенностей политического противостояния.*

Abstract: *This paper examines current aspects of the organizational and legal framework for impeachment in US practice. Focusing on the specific application of this mechanism (in relation to the head of state), the author identifies key stages, statuses, and problematic issues, the interpretation of which is being debated directly within American legal scholarship. Particular attention is given to the system of legal sources, the array of which includes consideration of historical documents and precedent-setting acts. Conclusions are drawn about the existence of various forms of liability similar to impeachment in US constitutional practice, as well as about the great influence of contextual features of political confrontation on this institution.*

Ключевые слова: *Верховный суд, Конгресс, конституционная поправка, конституция, президент, импичмент.*
Keywords: *Supreme Court, Congress, constitutional amendment, constitution, president, impeachment.*

Для цитирования: *Чимаров Н.С. Конституционно-правовые особенности организации института импичмента главы государства в практике США // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 87-92. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_87.*
For citation: *Chimarov N.S. Constitutional and legal features of the organization of the institution of impeachment of the head of state in the practice of the United States // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 87-92. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_87.*

Статья поступила в редакцию: 09.04.2026

Современный формат организации общественных отношений основывается на необходимости следования аксиологическим ориентирам, в равной степени соответствующим как национальным интересам, так и стандартам актуальной модели международного правопорядка. Признавая индивидуальный характер пути развития государств, представляется возможным отметить, что абсолютному большинству конституций мира известен такой стандарт управления, как «существование демократических институтов». Впрочем, декларативное обозначение приверженности идеям народовластия не является гарантией эффективности функционирования самих политических механизмов. Реальное воплощение таких концепций, как «единство и разделение властей» и «система сдержек и противовесов», является чрезвычайно непростой задачей, решение которой во многом зависит от сложившихся особенностей коммуникации общества и представителей публичной власти. В этом контексте особого внимания заслуживает институт импичмента, обращение к которому является исключительной мерой по разрешению кризисов политико-правового характера.

Стоит оговориться, что исследование только лишь количественных показателей в этом вопросе не является перспективным начинанием. Множественные случаи привлечения должностных лиц к ответственности способны свидетельствовать о богатом опыте институционального взаимодействия, но также и о нестабильности самого конституционного порядка. Отсутствие соответствующих примеров или редкие случаи их проявления могут быть как признаком фиктивности правовых установлений, так и эффективности работы народных представителей.

Среди имеющегося множества национальных подходов к вопросу правовой организации института импичмента определенный научный интерес представляет опыт США. Подобный выбор объясняется не только наличием актуальной практики, но также и впечатляющим объемом правового регулирования. В целях более детализированного исследования вопроса целесообразно остановиться на конкретном направлении – импичменте главы государства.

Немаловажное значение для раскрытия темы играет понимание юридической, а также политической значимости учредительных актов США, поскольку многие институты и способы институционального взаимодействия стали объектом рецепции как в пространстве американского региона, так и за его пределами.

По мнению К. Альфонсо, благодаря успешной реализации конституционного эксперимента XVIII в. США долгое время воспринимались

как «бастион» демократии. В реалиях нового времени, когда многие вызовы становятся интернациональными по своей сути, государству следует помнить о тесной взаимосвязи стран, разделяющих идеи демократии. Тем самым поддержание «здоровья» демократии определяет степень вовлеченности США в глобальное управление [1, p. 327]. Представленные тезисы являются примечательным отражением американского правопонимания, в котором национальный и международный уровни регулирования зачастую не имеют четких границ. Безусловно, декларация ответственности государства за свои действия перед человечеством, его идеалами – начинание позитивное, в полной мере отвечающее требованиям современного миропорядка. Впрочем, традиционно важным остается вопрос о критериях интерпретации «демократии», а также составляющих ее элементов.

В своем исследовании, посвященному истории принятии американской Конституции, К. В. Честермен обращает внимание на выступление Джона Джея (один из Отцов-основателей США) перед Конгрессом США, в ходе которого политический деятель приводил доводы в пользу принятия учредительного акта. Так, один из аргументов представлял собой библейскую аллюзию, где существование Эдемского сада отождествлялось с необходимостью создания сильного центрального правительства [2, p. 116-117]. Стоит отметить, что образ Отцов-основателей, равно как и сам исторический контекст формирования Конституции США, приводят к своего рода сакрализации национальных правовых установлений – особому национальному свойству, проявляющемуся и по сей день.

С течением времени естественная эволюция конституционно-правовой мысли способствует формированию новых трендов государственного устройства. Адаптация глобальных геополитических процессов закономерно ведет к ослаблению влияния Конституции США на мировой арене как первичного источника-образца. Впрочем, как следует из вышеуказанного, особое позиционирование государства предопределяет необходимость институционального обновления механизмов демократического управления. Таким образом, речь идет о поддержании тонкого аксиологического баланса – с одной стороны, сохранение фундаментальных основ политической организации, но также их оптимизация по мере необходимости. В этом отношении не стоит забывать про еще одно свойство американского конституционализма, преумножающем свойство сакральности, – неизменности начальной редакции учредительного акта. Между тем, действующие ограничения не исключают возможность утверждения индивидуальных поправок, а также уточнения конституционных положений. Собственно, вопрос о целесообразности интерпретации отдельных конституционных гарантий с позиции нового времени – отдельное направление политического дискурса США. По утверждению Л. Дж. Стрэнга, речь идет о т. н. течении «оригинализма», которое по своей сути неотделимо от консервативной идеи и служит основой американской политики на протяжении последних 50 лет [3, p. 29].

В совокупности упомянутые особенности конституционализма США являются критически важными для общего понимания специфики правового конструирования, а также основ функционирования институтов публичной власти.

Непосредственно регламентация института импичмента в США во многом соответствует привычной модели, в которой активным субъектом выступает парламент. Согласно положениям Конституции США исключительным правом на инициирование импичмента выступает Палата представителей США (разд. 2 ст. 1). Сам же процесс голосования по данной процедуре является прерогативой Сената США и предполагает соблюдение ряда обязательных требований, о которых будет подробнее сказано далее (разд. 3 ст. 1).

Отдельным ключевым положением Конституции США является разд. 4 ст. 1, определяющий возможность привлечения к ответственности не только главу государства, но и вице-президента, а также иных гражданских должностных лиц. Помимо того, норма содержит основания для проведения импичмента, к которым относятся: факт совершения государственной измены, взяточничество, а также совершение иных серьезных преступлений и правонарушений. Стоит отметить, что общая абстрактность квалифицируемых деяний является универсальной проблемой конституционных практик по всему миру. Конкретно в США процесс импичмента предполагает выработку для каждого случая т. н. «Статей об импичменте» – документа, на базе которого должностному лицу предъявляются адресные обвинения. Например, в рамках объявленного импичмента Б. Клинтону итоговый перечень обвинений составлял две позиции: лжесвидетельство и злоупотребление полномочиями [4]. В свою очередь второй процесс над Д. Трампом был связан с обвинением в подстрекательстве к мятежу [5].

Наконец, важным дополнением в вопросе организации импичмента становится конституционная поправка XXV, согласно которой отдельные уполномоченные лица могут направить письменное заявление в Конгресс США о том, что глава государства не в состоянии выполнять свои прямые обязанности. В таком случае вице-президент приобретает статус исполняющего обязанности главы государства. Сам же Президент США имеет возможность подать встречное требование о своей дееспособности. Конкретно в означенной части поправка ни разу не применялась. Определяя перспективы реализации конституционной нормы в действительности, К. Р. Адреассен отмечает, что в момент обсуждения самой поправки ее создатели задавались вопросом о том, будет ли импичмент являться достаточной мерой воздействия по отношению к лицу, которое проявляло бы «иррациональную враждебность или ошибочно верило в свою пригодность». В свою очередь, комментируя эпизод с попыткой применения поправки против Д. Трампа в 2021 г., специалист приходит к выводу, что федеральное правительство было не заинтересовано в нагнетании общественных настроений, в особенности на фоне штурма Капитолия [6, p. 73]. Представляется, что проявляемая осторожность в данном случае – необходимое условие. Тем не менее пассивность действий уполномоченных лиц фактически делает поправку малоэффективной в реальной жизни.

Среди упомянутых правовых установлений наиболее комплексный характер представляют статьи, связанные с этапом голосования в Сенате США. Тем самым представляется необходимым сфокусироваться на отдельных требованиях по организации процедуры импичмента, определяемых Конституцией США.

Во-первых, сенаторы в обязательном порядке должны принести присягу или дать торжественное обещание.

Стоит отметить, что указанное требование является неотъемлемым условием легализации деятельности должностных лиц, что актуально для представителей как федерации, так и штатов. Основываясь на положениях Конституции США, следует заключить, что документ предполагает стандартизированный текст речи только для главы государства. Причем выбор между присягой или торжественным обещанием предполагает замену только одного слова. Подобное смысловое сочетание соблюдается и по отношению к иным должностям (в т. ч. конгрессменам). Учредительный акт государства определяет лишь общее требование к предназначению публичного заявления, но не к его структуре или форме выражения. Примечательно, что в соответствии с § 92.18 Свода федеральных нормативных актов обе категории юридически тождественны друг другу, с той лишь разницей, что присяга адресуется Богу. Как следствие, торжественное обещание зачастую является разумной альтернативой для тех лиц, которые не готовы брать на себя обязательства усиленного типа [7]. Первая версия данного публичного заявления была оформлена Законом, регулирующим время и порядок принесения определенных клятв 1789 г. С течением времени текст подвергался естественным изменениям, во многом связанных с контекстом Гражданской войны 1861-1865 гг. Актуальный текст присяги (также торжественного заявления) представлен в актах процедурного характера. В частности, одним из них является Регламента Сената США (Правило № 3) [8]. Отдельным вопросом в данном случае является сущность принимаемых обязательств. В своем выступлении 1837 г. бывший член Палаты представителей США Эли Мур заявил, что принятие присяги означает стремление защищать истинную Конституцию США, не искаженную решениями «послушных судов», вставками Конгресса США или уловками юристов. В 2023 г. член Палаты представителей США Деррик ван Орден также отметил, что присяга не приносится партии или главе государства, но самой Конституции США. Данное условие, в свою очередь, налагает на должностных лиц ответственность перед народом [9].

Во-вторых, если импичмент касается действий главы государства, в таком заседании необходимо участие Председателя Верховного Суда США (также – председательствующий судья).

Определенный интерес вызывает то обстоятельство, что Конституция США единожды в своем тексте обозначает существование данной административной судебной должности. С учетом консервативного уклона американской конституционной идеи становится очевидной проблема объема полномочий, которые возлагаются на председательствующего судью. Любые попытки доктринального или нормативного развития неизменно будут способствовать полемике относительно соответствия изначальному замыслу создателей документа. Собственно, действующее законодательство США не предполагает достаточной регламентации полномочий Председателя Верховного Суда США, ввиду чего, основной объем информации основывается на прецедентной практике.

Вопрос о предназначении Верховного суда в разбирательствах по импичменту становится предметом исследования и в среде американских специалистов. Так, в деле Никсон против Соединенных штатов от 13 января 1993 г. Верховный Суд США отметил, что ключевую роль в процедуре импичмента должен играть именно Сенат США. Данный вывод буквально основан на заветах Отцов-основателей, и может быть описан двумя аргументами: 1) в ходе обсуждения содержания конституционного акта предполагалось, что соответствующие дела фактически предполагают два самостоятельных этапа – импичмент и судебный процесс; 2) непосредственное участие органа судебной власти в данном случае нарушило бы принцип системы сдержек и противовесов, поскольку американская Конституция создавалась конкретно под такую модель контроля, в которой легислатура будет превалирующей силой над судами, но не наоборот [10].

Рассуждая о специфике статуса Председателя Верховного Суда США, Р. Е. Браунел II приходит к небезынтересному выводу, что применительно к процедуре импичмента данное должностное лицо выступает в роли управляющего Сенатом США, т. е. временно относится к представительной ветви власти. В отдельных случаях сенаторы могут обращаться к нему как «мистер Президент» (подобная формулировка является укоренившейся практикой обращения к лицу, председательствующему в Сенате). Такой судья даже обладает возможностью издавать парламентские акты [11].

Представляется, что рассматриваемое требование об обязательном участии представителя судебной власти продиктовано простой необходимостью преодоления вероятного конфликта интересов. Данный вывод подтверждается в тексте обращения бывшего Председателя Верховного Суда США С. П. Чейза к Сенату США. В своем письме специалист отмечает разумность предположения о том, что, исходя из смысла Конституции, председательствующим в импичменте не может выступать потенциальный правопреемник (вице-президент) [12, p. 1644].

Общая абстрактность полномочий представителя судебной власти, тем не менее, предполагает обязательность его участия. Однако то, что воспринимается как инструмент прозрачности в локальном эпизоде, способно привести к кризису доверия в масштабе всей политической системы. Так, в рамках проведения первого импичмента Д. Трампа в 2019 г. председательствующий судья Робертс публично огласил вопрос сенатора Э. Уоррен. Конгрессмен интересовалась тем, можно ли говорить о легитимности Робертса, Верховного Суда и самой Конституции США в ситуации, когда сенаторы-республиканцы препятствуют выступлению свидетелей и предоставлению доказательств. Оценивая данную ситуацию, М. Т. Армали и А. М. Эндерс, обращают внимание, что в процессуальном отношении председательствующий судья был обязан озвучить заданный вопрос. Однако по своему содержанию негативный комментарий был направлен не только в адрес администрирующей стороны, но также и в сторону судебной власти. В конечном счете результаты импичмента не оказали существенного деструктивного влияния на образ национальных демократических институтов, однако в условиях высокой общественно-политической поляризации любые слова и поступки представителей публичной власти имеют значение [13, p. 6].

Наконец, исключительный интерес представляет собой событие, случившееся в ходе второго импичмента Д. Трампа 2021 г. Главной особенностью стало позднее инициирование процедуры импичмента – за неделю до окончания срока президентских полномочий Д. Трампа (20

января). Непосредственно ключевая стадия обсуждения в Сенате США состоялась 13 февраля. В этой ситуации проявляются отдельные конституционные пробелы.

Ввиду того факта, что голосование выпало на переходный период, председательствующий судья Робертс не согласился принять участие в заседании. Учитывая, что новый глава государства уже был избран, в этом процессе возможно было бы представить администрирующие функции избранному вице-президенту Камале Харрис. Впрочем, она также отказалась от такой возможности. В конечном счете данную роль согласился исполнить Временный президент (председатель) Сената США Патрик Лихи. Тем не менее требование Конституции США об участии Председателя Верховного Суда США не предполагает прямых исключений. Данный аргумент стал основным для ряда сенаторов-республиканцев, требовавших непосредственного участия Робертса. В иной ситуации импичмент не мог бы считаться легитимным. По мнению М. Дж. Герхардта основой подобных заявлений выступил политический интерес, а не попытка провести конституционное толкование. В качестве доказательства своих слов специалист обращает внимание, что общий нарратив импичмента 2021 г. сводился к выяснению обстоятельств совершения действий главы государства, их вероятного преступного характера. Однако сам институт импичмента концептуально не должен сводиться именно к судебному разбирательству. Таким образом сторона защиты смогла запутать сторону обвинения и заставить последнюю отвечать на вопросы, которые не исходили из духа Конституции. В конечном счете М. Дж. Герхардт повторяет тезис о высокой партийной поляризации общества и призывает адаптировать механизм импичмента, приводя в пример деятельность специального комитета по расследованию Уотергейтского скандала [14, p. 1343]. Признавая аргументированность авторской позиции в вопросе искажения природы конституционной ответственности в деле второго импичмента Д. Трампа, нельзя не отметить и проблему самой организации данной процедуры. Итоговый выбор представителя Сената США в качестве председателя процесса по формальным признакам являлся разумным. Впрочем, несмотря на необычность политического контекста, в данном деле в любом случае должен был быть задействован председательствующий судья. Немаловажно и то, что первичным кандидатом вместо судьи Робертса значилась вице-президент Харрис. Вероятное утверждение ее кандидатуры создало бы опасный прецедент и исказило первичное понимание института импичмента.

В-третьих, для успешной реализации процедуры необходимо достижение положительного решения от двух третей сенаторов, присутствующих на заседании.

Несмотря на продолжительную и непрерывную историю государственного развития, практика США насчитывает всего четыре эпизода, когда импичмент был официально объявлен и утвержден (Э. Джонсон, Б. Клинтон и дважды Д. Трамп). В единственном случае подобный процесс был фактически сорван, когда Президент Р. Никсон объявил о своей отставке (условно – попытка политического воздействия оказалась результативной). В иных случаях речь шла о специальных расследованиях (например, Дж. Бьюкенен, Э. Джонсон, Р. Никсон, Дж. Байден), а также о безуспешных попытках инициирования процедуры.

Во всех четырех ключевых делах главы государств были оправданы по причине существования механизма квалифицированного голосования. Так, в деле Э. Джонсона по всем трем пунктам обвинения соотношение голосов было следующим: 35 сенаторов выступало за импичмент и 19 против. Для реализации конституционной ответственности не хватило всего одного голоса (на момент голосования в Сенат США входили представители от 27 штатов).

Определенный интерес вызывает конституционная формулировка о «присутствующих сенаторах», потенциально создающая уязвимость по отношению к минимально необходимому числу голосов. Следуя логике американского конституционализма, в своей деятельности должностные лица должны исходить из чувств ответственности и сопричастности. А потому пропуск заседания возможен лишь в силу объективных причин. Действующий Регламент Сената США (Правило 6) в целом подтверждает данный вывод, устанавливая в т. ч. возможность принуждения сенатора к явке. Примечательно, что во всех четырех голосованиях по вопросу импичмента главы государства сенаторы принимали участие в полном составе.

Впрочем, стоит дополнить, что в отдельных случаях сенаторы могут воздерживаться от необходимости выражения собственного мнения. Так, в ходе процесса импичмента против бывшего Министра внутренней безопасности США Алехандро Майоркаса (2024 г.), один из сенаторов поставил отметку «присутствует» в бюллетене голосования. Исследуя подобный тип электорального поведения Хайден Г. М. отмечает, что во многих органах власти существуют как объективные, так и скрытые механизмы, побуждающие уполномоченных лиц не высказывать своего мнения. В частности, это может быть связано с конфликтом интересов. По мнению специалиста, подобная практика более чем актуальна и для представительной власти, поскольку ее механизм работы основывается на исторически значимом для государства источнике, определяющем, помимо прочего, требования к должностным лицам – Правилах Регламента Роберта 1876 г. Тем самым, голосование по принципу «воздержался» используется для того, чтобы избежать обвинения за ненадлежащее поведение [15, p. 595].

В-четвертых, постановления по делам об импичменте предполагают применение ограниченного числа санкций (отстранение от действующей должности, лишение права занимать иные должности, в т. ч. почетные).

По естественным причинам существующая практика по данному условию предполагает лишь прецеденты, связанные с применением мер ответственности к иным должностным лицам, нежели Президенту США.

Проведенное исследование позволяет отметить специфические особенности американского подхода к организации процедуры импичмента.

Так, наиболее примечательной чертой является призма восприятия права через его исторический контекст. Идет ли речь о положениях Конституции США, поправках к ней или об источниках разъясняющего характера, во всех случаях интерпретация сводится к выявлению пер-

воначального замысла создателей правового элемента. В зависимости от исследуемой нормы такая отсылка может предполагать работу как с тезисами должностных лиц – современников, так и с представлениями Отцов-основателей. В локальных эпизодах жизни государства подобная практика правопонимания способна ограничивать перспективы адаптации конституционного материала. Между тем социокультурные особенности региона сформировали соответствующий образ политической системы, в которой Конституция воспринимается не просто в качестве источника права, но как символ нации.

В контексте разбора настоящей темы следует заметить, что акцент на первоосновах имеет свои слабые стороны. Так, жесткость конституционных установлений не способна отринуть такие естественные изменения американского конституционализма, как, например, увеличение количества сенаторов, трансформация внутриполитических отношений, уточнение компетенций должностных лиц федерального звена и т. п. В этом смысле прямое следование консервативной модели снижает объективную возможность применения механизмов ответственности. Как итог, во всех случаях голосования в Сенате США не набирается минимально необходимое количество голосов. Безусловно, нельзя не отметить и случаи очевидного проявления партийной лояльности в ходе такого голосования. В защиту же существующего институционального образа процедуры импичмента возможно сказать, что данный механизм и не должен быть простым в своем исполнении, поскольку речь также может идти о злоупотреблении правом на инициирование разбирательства.

Относительно вопроса о правовой регламентации необходимо помнить, что США относятся к англосаксонской правовой семье. В этом случае при интерпретации нормативных положений следует принимать во внимание источники различных временных периодов, способных вступать в состояние контрадикции друг по отношению к другу. В рамках настоящей темы предметный интерес представляют следующие источники права: 1. Конституция США и, с оговоркой XXV поправка; 2. Кодифицированные сборники; 3. Регламентарные и иные документы палат Конгресса США; 4. Прецедентная практика Верховного Суда США; 5. Письма, заявления и иные равноценные акты историко-юридического значения; 6. Обычная практика.

В комплексном сочетании подобные источники (вкупе с общественно-политическим контекстом) позволяют увидеть всю сложность организации импичмента главы государства и скрытые пробелы данного института. Вместе с тем американской практике известны альтернативные способы привлечения должностных лиц к ответственности. Несмотря на то, что такие процедуры не являются составной частью импичмента, апеллирование к ним позволяет сложить более целостную картину политической интеракции. В частности, речь идет об упоминаемой выше поправке XXV, позволяющей инициировать переход власти от главы государства в пользу вице-президента. С организационной точки зрения подобный процесс похож на импичмент хотя бы тем, что также исходит из определяющей роли Конгресса США. Тем не менее в исторической перспективе отмеченный правовой механизм создавался как самобытный способ воздействия.

Эффективность института импичмента в современной конституционной практике США является дискуссионным вопросом в научной среде. Как было отмечено ранее, в рамках мягкой реформы предлагается обратить внимание на систему работы специальных комитетов. Действительно, подобный вариант предполагает большую гибкость и сравнительную простоту организации. Между тем воспринимать его как полноценную замену импичмента не стоит. Так, в реалиях невероятной политизации общества, где даже судьи являются членами партий, создание независимой отчетной группы видится начинанием маловероятным. Собственно, и импичмент крайне зависим от партийных предпочтений конгрессменов, однако многоступенчатый характер данной процедуры и относительная прозрачность ее организации позволяют придать обсуждению настолько конструктивные черты, насколько это возможно. Кроме того, сама по себе деятельность подобных структур может быть абстрактной. В качестве примера можно привести отчет Комитета Черча, подготовленный Сенатом США в 1975 г. по поводу ситуации в Чили [16]. На основе документа признавался факт вмешательства Правительства США в электоральный процесс зарубежного государства. Сам же документ предполагал распределенную ответственность государственных учреждений.

В конечном счете в американской конституционной практике институт импичмента главы государства – тема со множеством неизвестных аспектов. Множественное пересечение правовых норм в сочетании с прецедентной практикой и особенностями межпартийной коммуникации приводит к формированию комплексного массива этапов и статусов, которые необходимо принимать во внимание. Каждый такой процесс, имевший место в истории государства основывался на собственном уникальном контексте. Представляется, что в рамках всех политических перипетий американского конституционализма наиболее важным обстоятельством является сохранение исключительной роли Конгресса США как ключевого органа публичной власти.

Список литературы:

1.Alfonso K. Democracy in the United States: An Analysis of its Evolution and Challenges // International Journal of Science and Society. 2023. № 5 (4). P. 321-329. DOI:10.54783/ijsoc.v5i4.789

2.Chesterman K. W. Historical Understanding in the U.S. Constitution. Dissertation Submitted to the Faculty of Liberty University Department of History. 2023. 143 p.

3.Strang L. J. Originalism and Conservatism: An American Story // The Heritage Foundation. First Principles. 2024. № 94. 35 p.

4.Articles of Impeachment Against William Jefferson Clinton. House Resolution 611. 105th Congress. 2nd Session. 19 December 1998. [Электронный ресурс]. URL: https://www.congress.gov/105/bills/hres611/BILLS-105hres611enr.pdf (дата обращения: 01.04.2026).

5.Impeaching Donald John Trump, President of the United States, for high crimes and misdemeanors. House Resolution 24. 117th Congress. 1st Session. 25 January 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.congress.gov/117/bills/hres24/BILLS-117hres24rds.pdf (дата обращения: 01.04.2026).

6.Andreassen K. R. Does the 25th Amendment Merit Reform?: The Challenge of Determining Presidential Disability Determining Presidential Disability // Honors Theses. 2025. 87 p.

7.The Code of Federal Regulations. Title 22. § 92.18 Oaths and affirmations defined (as amended 4/03/2026). [Электронный ресурс]. URL: https://www.ecfr.gov/current/title-22/chapter-I/subchapter-J/part-92/subject-group-ECFR4c9998c7f585a1c/section-92.18 (дата обращения: 03.04.2026).

8.Standing Rules of the Senate. 113th Congress. 1st Session. Document 113-18. 24 January 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rules.senate.gov/imo/media/doc/CDOC-113sdoc18.pdf (дата обращения: 04.04.2026).

9.Bernick E. D., Green C. R. What is the Object of the Constitutional Oath? // Penn State Law Review. 2023. Vol. 128. 68 p.

10.Nixon v. United States, 506 U.S. 224. Syllabus. 13 January 1993. [Электронный ресурс]. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/506/224/#materials (дата обращения: 05.04.2026).
11.Brownell II R. E. When the Chief Justice Serves in the Legislative Branch // Akron Journal of Constitutional Law and Policy. 2012. Vol. 3. P. 31-40.
12.Chase S. P. To the Senate of the United States. 4 March 1868 // Congressional Globe for the 2nd Session 14th Congress. Part II. 1868. P. 1025-2048.
13.Armaly M. T., Enders A. M. No home court advantage: The trump impeachment trial and attitudes toward the U.S. Supreme Court // Research and Politics. 2021. № 8(2). 8 p. DOI: 10.1177/20531680211053067
14.Gerhardt M. J. The Trump Impeachments: Lessons for the Constitution, Presidents, Congress, Justice, Lawyers, and the Public // William and Mary Law Review. № 5 (64). 2023. P. 1309-1344.
15.Hayden G. M. Abstention: The Unexpected Power of Withholding Your Vote // Connecticut Law Review. № 2 (43) 2010. P. 585-615.
16.Covert Action in Chilie 1963-1973 // Staff Report of the Select Committee to Study Governmental Operations With Respect to Intelligence Activities, United States Senate. 1975. [Электронный ресурс]. URL: https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2010-009-doc17.pdf (дата обращения: 08.04.2026).

References:

1.Alfonso K. Democracy in the United States: An Analysis of its Evolution and Challenges // International Journal of Science and Society. 2023. № 5 (4). P. 321-329. DOI:10.54783/ijsoc.v5i4.789
2.Chesterman K. W. Historical Understanding in the U.S. Constitution. Dissertation Submitted to the Faculty of Liberty University Department of History. 2023. 143 p.
3.Strang L. J. Originalism and Conservatism: An American Story // The Heritage Foundation. First Principles. 2024. № 94. 35 p.
4.Articles of Impeachment Against William Jefferson Clinton. House Resolution 611. 105th Congress. 2nd Session. 19 December 1998. [Электронный ресурс]. URL: https://www.congress.gov/105/bills/hres611/BILLS-105hres611enr.pdf (дата обращения: 01.04.2026).
5.Impeaching Donald John Trump, President of the United States, for high crimes and misdemeanors. House Resolution 24. 117th Congress. 1st Session. 25 January 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.congress.gov/117/bills/hres24/BILLS-117hres24rds.pdf (дата обращения: 01.04.2026).
6.Andreassen K. R. Does the 25th Amendment Merit Reform?: The Challenge of Determining Presidential Disability Determining Presidential Disability // Honors Theses. 2025. 87 p.
7.The Code of Federal Regulations. Title 22. § 92.18 Oaths and affirmations defined (as amended 4/03/2026). [Электронный ресурс]. URL: https://www.ecfr.gov/current/title-22/chapter-I/subchapter-J/part-92/subject-group-ECFR4c9998c7f585a1c/section-92.18 (дата обращения: 03.04.2026).
8.Standing Rules of the Senate. 113th Congress. 1st Session. Document 113-18. 24 January 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rules.senate.gov/imo/media/doc/CDOC-113sdoc18.pdf (дата обращения: 04.04.2026).
9.Bernick E. D., Green C. R. What is the Object of the Constitutional Oath? // Penn State Law Review. 2023. Vol. 128. 68 p.
10. Nixon v. United States, 506 U.S. 224. Syllabus. 13 January 1993. [Электронный ресурс]. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/506/224/#materials (дата обращения: 05.04.2026).
11. Brownell II R. E. When the Chief Justice Serves in the Legislative Branch // Akron Journal of Constitutional Law and Policy. 2012. Vol. 3. P. 31-40.
12. Chase S. P. To the Senate of the United States. 4 March 1868 // Congressional Globe for the 2nd Session 14th Congress. Part II. 1868. P. 1025-2048.
13. Armaly M. T., Enders A. M. No home court advantage: The trump impeachment trial and attitudes toward the U.S. Supreme Court // Research and Politics. 2021. № 8(2). 8 p. DOI: 10.1177/20531680211053067
14. Gerhardt M. J. The Trump Impeachments: Lessons for the Constitution, Presidents, Congress, Justice, Lawyers, and the Public // William and Mary Law Review. № 5 (64). 2023. P. 1309-1344.
15. Hayden G. M. Abstention: The Unexpected Power of Withholding Your Vote // Connecticut Law Review. № 2 (43) 2010. P. 585-615.
16. Covert Action in Chilie 1963-1973 // Staff Report of the Select Committee to Study Governmental Operations With Respect to Intelligence Activities, United States Senate. 1975. [Электронный ресурс]. URL: https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2010-009-doc17.pdf (дата обращения: 08.04.2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_93

УДК 351.862

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ В ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ
SOME LEGAL ASPECTS OF EMERGENCY SECURITY IN THE LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC

ГАЛДА Михаил Владимирович
Доцент кафедры физической подготовки Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149.
e-mail: mikhail.galda@mail.ru

GALDA Mikhail Vladimirovich
Associate Professor of the Department of Physical Training
at the Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia.
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
e-mail: mikhail.galda@mail.ru

Краткая аннотация: *В условиях эскалации глобальных угроз и увеличения частоты возникновения чрезвычайных ситуаций обеспечение безопасности в ЧС трансформируется в приоритетную стратегическую задачу государственной политики. Правовое регулирование данной сферы выступает ключевым инструментом реализации национальных интересов, направленным на защиту конституционных прав и свобод личности, а также сохранение стабильного функционирования социума.*

Abstract: *In the context of escalating global threats and increasing the frequency of emergencies, ensuring security in emergencies has become a priority strategic task of state policy. Legal regulation of this area is a key tool for implementing national interests aimed at protecting the constitutional rights and freedoms of individuals, as well as maintaining the stable functioning of society.*

Ключевые слова: *Российская Федерация, Луганская Народная Республика, чрезвычайная ситуация, безопасность в чрезвычайных ситуациях, правовое регулирование, нормативно – правовое регулирование.*

Keywords: *Russian Federation, Lugansk People's Republic, emergency situation, emergency safety, legal regulation, regulatory legal regulation.*

Для цитирования: *Галда М.В. Некоторые правовые аспекты безопасности в чрезвычайных ситуациях в Луганской Народной Республике // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 93-96. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_93.*

For citation: *Galda M.V. Some legal aspects of security in emergency situations in the Luhansk People's Republic // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 93-96. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_93.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

В соответствии с Конституцией Российской Федерации[1] и Федеральным конституционным законом от 17 декабря 2001 года № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации», в период с 23 по 27 сентября 2022 года был проведен референдум, на котором граждане Луганской Народной Республики (ЛНР) выразили свою волю о вхождении республики в состав Российской Федерации на правах субъекта.

По итогам референдума, состоявшегося 27 сентября, 30 сентября 2022 года был подписан Договор между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии ЛНР в состав РФ и образовании нового субъекта. Данный договор прошел процедуру ратификации в Государственной Думе и был одобрен Конституционным Судом Российской Федерации, что подтвердило его законность и соответствие основному закону страны.

Таким образом, Луганская Народная Республика приобрела статус полноправного субъекта Российской Федерации, что влечет за собой все соответствующие правовые последствия, включая интеграцию в экономическую, финансовую и правовую системы России

В связи с вышесказанным, следует, что:

1) законодательные и иные нормативные правовые акты РФ будут действовать на территории ЛНР со дня принятия ЛНР в состав РФ;

2) правовые акты ЛНР действуют на территории до окончания переходного периода или до принятия соответствующих нормативного правового акта РФ и нормативного правового акта ЛНР;

не применяются нормативные правовые акты ЛНР, которые противоречат Конституции РФ.

В связи с интеграцией Луганской Народной Республики (ЛНР) в состав Российской Федерации возникает необходимость формирования комплексной нормативно-правовой базы, направленной на решение актуальных вопросов экономического, политического и социального характера. Данная база должна обеспечивать:

- закрепление прав и свобод граждан, а также определение оснований их ограничения в соответствии с международными стандартами и законодательством РФ[2];

- фиксацию основ национальной политики государства в сфере безопасности, что включает в себя защиту интересов личности, обще-

[1] Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE; Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.

[2] Шеншин, В. М. О повышении устойчивости функционирования организаций в военное время, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 9(302). – С. 111-120. – EDN THPMIA.

ства и государства от различных угроз.

Кроме того, особое внимание должно быть уделено вопросам безопасности в чрезвычайных ситуациях ЛНР. ЧС определяется как особая ситуация, при которой происходит нарушение нормальных условий жизни людей из-за негативных последствий реализации определенных опасностей на конкретной территории или акватории. Это создает угрозу для жизни и здоровья граждан, а также причиняет ущерб материальным и духовным ценностям населения, экономике государства и окружающей природной среде[1].

Таким образом, разработка указанной нормативно-правовой базы является ключевым шагом к интеграции ЛНР в правовое поле Российской Федерации и обеспечению стабильности и безопасности в новом субъекте.

На данный момент введение режима ЧС на территории ЛНР происходит в соответствии с российским законодательством, а именно: Федеральным законом «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Следует отметить, что помимо российского законодательства в области защиты населения и территории, на сегодняшний день существует нормативный правой акт ЛНР, а именно: «Кодекс гражданской защиты Луганской Народной Республики», который был разработан до вхождения ЛНР в состав РФ.

Предупреждение чрезвычайной ситуации представляет собой комплекс превентивных мер и действий, направленных на минимизацию рисков и обеспечение общественной безопасности. Основной целью данного процесса является заблаговременное информирование населения о потенциальных или надвигающихся угрозах природного, техногенного или биолого-социального характера[2].

Информирование реализуется через активацию систем оповещения и доведение до сведения граждан алгоритмов необходимых действий для сохранения жизни и здоровья. Организационно-техническая реализация предупреждения осуществляется посредством многоуровневых каналов коммуникации, включая:

- акустические системы (громкоговорители, сирены);
- электронные средства массовой информации (радио, телевидение);
- цифровые каналы связи (мобильные уведомления, push-уведомления в специализированных приложениях).

Эффективность данной меры напрямую зависит от своевременности, достоверности передаваемой информации и охвата целевой аудитории.

Важное значение имеет правовое регулирование мероприятий безопасности в чрезвычайных ситуациях, которое представляет собой систему законов, норм и правил, целью которых является обеспечение безопасности граждан и их имущества в случае возникновения аварийных ситуаций, стихийных бедствий, террористических актов и иных чрезвычайных обстоятельств. Это так же включает в себя регулирование деятельности органов государственной власти и управления, сил и средств для предотвращения и ликвидации ЧС, а также защиты населения, его эвакуации, оказания медицинской помощи и осуществления других необходимых мероприятий.

Правовое регулирование мероприятий безопасности в чрезвычайных ситуациях обеспечивает координацию действий различных органов и структур в случае кризисных ситуаций, а также определяет ответственность за ненадлежащее исполнение обязанностей по защите населения и территории[3].

Ключевыми аспектами правового регулирования в сфере обеспечения безопасности являются:

1) Формализация правовых основ государственной политики, которая заключается в нормативно-правовом закреплении стратегических приоритетов, целей и принципов деятельности государства по защите национальных интересов и минимизации рисков[4].

2) Императивное установление обязанностей для государственных органов, должностных лиц и граждан, детерминирующих их правовой статус и меру ответственности в процессе обеспечения общественной и национальной безопасности[5].

3) Институционализация системы мер превентивного и реактивного характера, направленных на предотвращение, локализацию и последующую ликвидацию угроз защищаемым объектам и интересам личности, общества и государства.

4) Гарантия доступа к правосудию и судебной защиты, обеспечивающая механизм восстановления нарушенных прав и законных интересов граждан, а также привлечения виновных субъектов к установленной законом юридической ответственности в случае посягательства на безопасность.

Правильное и эффективное управление в области безопасности в чрезвычайных ситуациях зависит от совершенства нормативно – правовой базы, как на уровне всего государства, так и на территории субъектов РФ. Важно выбрать правильный путь для совершенствования государственной стратегии в данной области.

---

[1] Капустин, А. Я. Предупреждение и ликвидация чрезвычайных и кризисных ситуаций: проблемы формирования международно-правового регулирования / А. Я. Капустин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 42-48. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-42-48. – EDN ZRPNOR.

[2] Зокоев, В. А. О правовом регулировании основных направлений деятельности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. А. Зокоев, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 120-126. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. – EDN RSTUZD.

[3] Шеншин, В. М. О повышении устойчивости функционирования организаций в военное время, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 9(302). – С. 111-120. – EDN THPMIA.

[4] Шеншин, В. М. Особенности взаимодействия МЧС России и органов местного самоуправления в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Пожарная безопасность: современные вызовы. Проблемы и пути решения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 апреля 2021 года / Сост.: А.В. Зыков, Н.В. Федорова, О.Е. Евсеева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. – С. 141-145. – EDN IBAGYU.

[5] Назарова, И. С. Проблемы укрепления исполнительной власти в Российской Федерации : Учебное пособие / И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2016. – 88 с. – EDN WDRQMT.

Государственная стратегия включает в себя определение приоритетных направлений деятельности в области ЧС, разработку механизмов превентивных мер, обучение населения и организаций действиям в случае возникновения ЧС различного характера, укрепление системы управления и координации, а также создание резервов и ресурсов для оперативного реагирования на возникшие чрезвычайные ситуации. Реализация государственной стратегии требует совместных усилий всех уровней власти, общественных организаций и граждан.

Эффективность федеральных законов и иных нормативных правовых актов федерального уровня в сфере обеспечения безопасности не может быть достигнута без формирования адекватной законодательной базы на уровне субъектов Российской Федерации. Данное положение обусловлено конституционным принципом совместного ведения Российской Федерации и её субъектов по вопросам осуществления мер, направленных на борьбу с природными и техногенными бедствиями и ликвидацию их последствий.

В соответствии с Конституцией РФ, субъекты федерации наделены полномочиями разрабатывать и принимать собственные нормативные акты, которые должны гармонизироваться с федеральным законодательством и учитывать специфические условия и риски, характерные для конкретного региона. Таким образом, создание комплексной и многоуровневой системы правового регулирования является необходимым условием для эффективного управления рисками и обеспечения защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций[1].

На территории Луганской Народной Республики одной из наиболее частых чрезвычайных ситуаций являются природные пожары, значительная часть которых классифицируется как пожары в экосистеме. Эффективное прогнозирование и ликвидация таких возгораний требуют комплексного учета всех факторов, влияющих на их возникновение и динамику развития.

В рамках превентивных мероприятий в пожароопасный сезон реализуется комплекс мер, направленных на минимизацию рисков возникновения и распространения огня. Ключевыми элементами данной системы являются:

- проведение механизированной прочистки лесных массивов и создание противопожарных минерализованных полос для локализации очагов возгорания;

- создание и реконструкция специализированной дорожной инфраструктуры (лесные дороги), предназначенной для обеспечения доступа сил и средств пожаротушения;

- организация контролируемых профилактических выжиганий (встречных палов) с целью снижения запасов горючих материалов и создания барьеров для неконтролируемого распространения огня.

Реализация данных мероприятий формирует основу инженерно-технической защиты территорий от природных пожаров.

Для повышения эффективности деятельности в сфере обеспечения безопасности в чрезвычайных ситуациях на территории Луганской Народной Республики представляется целесообразным реализация следующего комплекса мер:

- разработка и утверждение положения о территориальной подсистеме единой государственной системы предупреждения и ликвидации ЧС в соответствии с нормативными актами Российской Федерации, что обеспечит интеграцию региональных механизмов в общегосударственную структуру управления рисками;

- совершенствование методологии мониторинга и прогнозирования природных и техногенных угроз, а также внедрение современных технологий для повышения качества аналитической работы в пожароопасный период;

- формирование многоуровневой системы экстренного оповещения населения, обеспечивающей своевременное доведение сигналов об опасности и алгоритмов действий до граждан посредством различных каналов связи;

- институционализация процессов сбора, верификации и обработки информации о возникновении и развитии чрезвычайных ситуаций в строгом соответствии с законодательством РФ для принятия оперативных управленческих решений;

- разработка и регулярная актуализация планов эвакуации населения, а также эвакуационных мероприятий в отношении объектов культурного наследия и материальных ценностей в заранее определённые безопасные районы;

- проведение анализа уязвимостей и разработка научно обоснованных превентивных и защитных мер, направленных на минимизацию человеческих и экономических потерь при возникновении ЧС;

- обеспечение адекватного финансирования мероприятий по профилактике рисков, проведению спасательных операций, а также модернизации материально-технической базы подразделений гражданской защиты;

- усиление физической и инженерно-технической защиты критически важных объектов инфраструктуры от потенциальных угроз природного и антропогенного характера;

- развитие среднесрочного прогнозирования негативных метеорологических явлений, включая аномальные погодные условия и дефицит осадков, для упреждающей мобилизации ресурсов.

Реализация данного комплекса мероприятий позволит сформировать адаптивную и устойчивую систему управления чрезвычайными ситуациями, способную эффективно функционировать в условиях современных вызовов.

Эффективное правовое регулирование мероприятий по обеспечению безопасности в условиях чрезвычайных ситуаций является фундаментальным фактором формирования стабильной и безопасной среды для жизнедеятельности граждан, а также гарантом поддержания социальной и экономической устойчивости государства. Механизмы нормативного-правового воздействия в данной сфере должны характеризоваться транспарентностью, результативностью и быть ориентированными на достижение общественного благополучия, защиту жизненно важных инте-

[1] Зокоев, В. А. Правовое регулирование мероприятий по защите населения и территории в Луганской Народной Республике / В. А. Зокоев, В. Л. Марчук, В. М. Шевцова // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 7(235). – С. 73-76. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_7_73. – EDN GHKQMY.

ресов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Список литературы

1. Капустин, А. Я. Предупреждение и ликвидация чрезвычайных и кризисных ситуаций: проблемы формирования международно-правового регулирования / А. Я. Капустин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 42-48. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-42-48. – EDN ZRPNOR.
2. Зокоев, В. А. О правовом регулировании основных направлений деятельности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. А. Зокоев, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 120-126. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. – EDN RSTUZD.
3. Шеншин, В. М. О повышении устойчивости функционирования организаций в военное время, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 9(302). – С. 111-120. – EDN THPMIA.
4. Зокоев, В. А. Правовое регулирование мероприятий по защите населения и территории в Луганской Народной Республике / В. А. Зокоев, В. Л. Марчук, В. М. Шевцова // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 7(235). – С. 73-76. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_7_73. – EDN GHKQMY.
5. Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.
6. Назарова, И. С. Проблемы укрепления исполнительной власти в Российской Федерации : Учебное пособие / И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2016. – 88 с. – EDN WDRQMT.
7. Шеншин, В. М. Особенности взаимодействия МЧС России и органов местного самоуправления в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Пожарная безопасность: современные вызовы. Проблемы и пути решения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 апреля 2021 года / Сост.: А.В. Зыков, Н.В. Федорова, О.Е. Евсеева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. – С. 141-145. – EDN IBAGYU.
8. Шеншин, В. М. О повышении устойчивости функционирования организаций в военное время, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 9(302). – С. 111-120. – EDN THPMIA.
9. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.

References

1. Kapustin, A. Ya. Prevention and liquidation of emergency and crisis situations: problems of formation of international legal regulation / A. Ya. Kapustin // Law. Safety. Emergency situations. – 2024. – № 1(62). – Pp. 42-48. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-42-48. – EDN ZRPNOR.
2. Zokoev, V. A. On the legal regulation of the main activities of the unified State system for the prevention and liquidation of emergency situations / V. A. Zokoev, V. M. Shenshin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 1. – pp. 120-126. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. – EDN RSTUZD.
3. Shenshin, V. M. On increasing the stability of the functioning of organizations in wartime, as well as in emergency situations of a natural and man-made nature / V. M. Shenshin, N. M. Siluyanova // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2022. – № 9(302). – Pp. 111-120. – EDN THPMIA.
4. Zokoev, V. A. Legal regulation of measures to protect the population and territory in the Lugansk People's Republic / V. A. Zokoev, V. L. Marchuk, V. M. Shevtsova // Agrarian and land law. – 2024. – № 7(235). – Pp. 73-76. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_7_73. – EDN GHKQMY.
5. Kainov, V. I. Constitutional law: Textbook / V. I. Kainov, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin. Belgorod : Epicenter LLC, 2026. 284 p. ISBN 978-5-605-57024-0. EDN JAWRNO.
6. Nazarova, I. S. Problems of strengthening executive power in the Russian Federation : A textbook / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin. Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2016. 88 p. - EDN WDRQMT.
7. Shenshin, V. M. Features of interaction between the Ministry of Emergency Situations of Russia and local governments in the field of protection of the population from emergency situations / V. M. Shenshin, N. M. Siluyanova // Fire safety: modern challenges. Problems and solutions : Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 22, 2021 / Comp.: A.V. Zykov, N.V. Fedorova, O.E. Evseeva. – Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, 2021. – pp. 141-145. – EDN IBAGYU.
8. Shenshin, V. M. On increasing the stability of the functioning of organizations in wartime, as well as in emergency situations of a natural and man-made nature / V. M. Shenshin, N. M. Siluyanova // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2022. – № 9(302). – Pp. 111-120. – EDN THPMIA.
9. Grigonis, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_97

УДК 347.471

ТРАНСФОРМАЦИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОТ АБСТРАКТНОЙ СВОБОДЫ К ФУНКЦИОНАЛЬНОМУ БАЛАНСУ

TRANSFORMATION OF REGULATORY AND LEGAL REGULATION CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN MODERN RUSSIA: FROM ABSTRACT FREEDOM TO FUNCTIONAL BALANCE

ШЕНШИН Виктор Михайлович
доцент кафедры экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России;
доцент кафедры правоведения Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета,
кандидат юридических наук, доцент.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149.
e-mail: vitya-shen@mail.ru

РАЗНАДЕЖИНА Наталия Витальевна
студент факультета судебных экспертиз и права в строительстве и на транспорте
Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149.
e-mail: rnv_10@inbox.ru

SHENSHIN Viktor Mikhailovich
Associate Professor of the Department of Ecology and Life Safety
St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia;
Associate Professor of the Department of Law Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,
Candidate of Law, Associate Professor.
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
e-mail: vitya-shen@mail.ru

RAZABLYINA Natalia Vitalievna
is a student at the Faculty of Forensic Examinations and Law in Construction and Transport at
St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering.
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
e-mail: rnv_10@inbox.ru

Краткая аннотация: *В статье анализируется трансформация нормативно-правовой регламентации гражданского общества в современной России. Авторы рассматривают степень и характер закрепления институтов гражданского общества в законодательстве, отмечая отсутствие легальных дефиниций ключевых понятий. Основной акцент сделан на переходе от либеральной парадигмы «абстрактной свободы» к модели «функционального баланса», где институты общества рассматриваются как партнеры государства в решении социально значимых задач, а не как автономная оппозиционная сила. Исследуются перспективы развития правового поля, включая тенденции к институционализации общественного контроля и созданию государственно-общественных структур.*

Abstract: *The article analyzes the transformation of the legal regulation of civil society in modern Russia. The authors consider the degree and nature of the consolidation of civil society institutions in legislation, noting the lack of legal definitions of key concepts. The main emphasis is placed on the transition from the liberal paradigm of "abstract freedom" to the model of "functional balance", where the institutions of society are considered as partners of the state in solving socially significant tasks, and not as an autonomous opposition force. The prospects for the development of the legal field are explored, including trends towards the institutionalization of public control and the creation of state-public structures.*

Ключевые слова: *гражданское общество, институты гражданского общества, функциональный баланс, нормативно-правовая регламентация, общественный контроль, социальное партнерство, Россия.*

Keywords: *civil society, civil society institutions, functional balance, regulatory and legal regulation, public control, social partnership, Russia.*

Для цитирования: *Шеншин В.М., Разнадежина Н.В. Трансформация нормативно-правовой регламентации институтов гражданского общества в современной России: от абстрактной свободы к функциональному балансу // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 97-100. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_97.*

For citation: *Shenshin V.M., Razoslovina N.V. Transformation of the legal regulation of civil society institutions in modern Russia: from abstract freedom to functional balance // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 97-100. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_97.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Вопрос о характере взаимоотношений между государством и обществом является центральным для понимания сущности любого политико-правового режима. В Российской Федерации, провозгласившей себя демократическим правовым государством (ст. 1 Конституции Российской Федерации), формирование и развитие гражданского общества рассматривается как одна из приоритетных задач. Однако путь от декларации к реализации сопряжен с поиском собственной, национально обусловленной модели этого взаимодействия. Как справедливо отмечает Т.О. Чукаев, «государственность эффективна лишь тогда, когда происходит взаимовлияние публичной власти и общества»[1].

Гражданское общество, функционируя в правовом пространстве государства, обеспечивает эффективный диалог населения и власти на основе системы сдержек и противовесов. Отражение данной системы можно увидеть в статье 15 Конституции Российской Федерации, которая задает модель взаимных обязанностей, предусматривая, что органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные

[1] Чукаев Т. О. Модель взаимодействия института гражданского общества и государства // Право и государство: теория и практика. № 2. 2025. – с. 117.

лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. Более того, оно способствует развитию равноправного партнерства между публичными и частными субъектами без перекоса силы в пользу одной из сторон. Вместе с тем следует учитывать, что достижение баланса публичных и частных интересов невозможно без грамотного правового регулирования сотрудничества, а сам этот процесс сопровождается сложностями.

Как отмечают С.И. Саенко и А.И. Черенкова: «Сложность правового регулирования заключается в регламентации самого понятия гражданского общества, оно представляет собой многогранное социальное явление, что затрудняет описание его содержания и структурных элементов»[1]. Длительное время в отечественной правовой науке понятие гражданское общество и институты гражданского общества активно использовались в доктрине, но отсутствовали в Конституции Российской Федерации. Конституционная реформа 2020 года легитимировала понятие «институты гражданского общества» на высшем нормативном уровне. Однако четкое разъяснение понятия «гражданского общества» или перечисления институтов гражданского общества в нормах отсутствует.

Например, в Конституции Российской Федерации (п. е.1, е.2 ст. 114) указывается, что к полномочиям Правительства Российской Федерации относится осуществление мер по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивая их участие в выработке и проведении государственной политики. В статье 5 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» одной из задач общественного контроля прописано повышение уровня доверия граждан к деятельности государства, а также обеспечение тесного взаимодействия государства с институтами гражданского общества.

Отдельно нужно упомянуть Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», где во многих пунктах гражданское общество и взаимодействие его институтов с государственными органами и органами местного самоуправления упоминается как цель или задача по обеспечению национальной безопасности в социально-экономической, политической, информационной и других сферах жизни общества. Например, в пункте 5 раскрывается термин «обеспечение национальной безопасности» законодатель приводит следующую формулировку: «обеспечение национальной безопасности – реализация органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности». В пунктах 25, 46, 47, 57 Стратегии законодатель отмечает значимость развития и совершенствования форм взаимодействия институтов гражданского общества с государством. Вместе с этим, Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» в статье 18 закрепляет такие формы взаимодействия институтов гражданского общества с государственными органами и органами местного самоуправления при осуществлении общественного контроля, как общественные обсуждения, общественные (публичные) слушания и другие формы взаимодействия.

Анализ показал, что нормативно-правовая регламентация определения гражданского общества и его институтов имеет условное обозначение. Легальные дефиниции в нормативных актах отсутствуют, есть лишь упоминания понятия. Несмотря на это на протяжении последних лет, в научной среде все чаще обсуждается целесообразность принятия рамочного закона. Например, по аналогии с Белорусским опытом 2023 года (Закон Республики Беларусь «Об основах гражданского общества»), Российский закон мог бы легально закрепить перечень институтов гражданского общества, принципы их взаимодействия с государством, а также формы государственного партнерства.

Отсутствует содержание понятия институтов гражданского общества. Этот подход не является случайным пробелом, а представляет собой осознанную правовую политику. Отказ от кодификации понятия «гражданское общество» позволяет государству сохранять интерпретационную гибкость. Так, А.А. Григорьев отмечает, что «в законодательстве Российской Федерации общее определение тому, что надлежит понимать под институтами гражданского общества, отсутствует, поскольку избран подход, согласно которому правовое регулирование осуществляется применительно к отдельным видам институтов»[2].

Например, в Федеральном законе от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатура названа институтом гражданского общества, так как она не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления. В Федеральном конституционном законе от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» к числу институтов гражданского общества отнесены – некоммерческие организации (далее – НКО), общественные объединения, религиозные организации, а также волонтеры.

В то же время степень регламентации деятельности структур, потенциально относимых к гражданскому обществу, чрезвычайно высока. Как верно подчеркивает Е.Е. Никитина, «на федеральном уровне создана детальная система законодательного регулирования поддержки институтов гражданского общества, включающая экономические, финансовые, имущественные, информационные и консультационные формы»[3]. Отсутствие понятия гражданского общества компенсируется тотальной регламентацией правосубъектности конкретных организаций (фондов, некоммерческих организаций и др.).

Анализ актуального законодательства позволяет утверждать, что характер нормативно-правовой регламентации гражданского общества и его институтов претерпел эволюцию от либеральной модели «абстрактной свободы» (присущей западным странам) к модели «функционального баланса». В чем же заключается суть этого перехода?

В нормативных актах, упоминающих «институты гражданского общества», говорится о согласованности действий органов публичной

[1] Саенко С. И., Черенкова А. И. Правовая формализация гражданского общества в Российской Федерации: достигнутые результаты и перспективы совершенствования // Юридическая наука. № 9. 2025. – с. 75.
[2] Григорьев А. А. Роль институтов гражданского общества в правоприменительной деятельности государства // Вестник Академии права и управления. № 5 (80). 2024. – с. 34.
[3] Никитина Е.Е. Законодательное регулирование государственной поддержки институтов гражданского общества: состояние и перспективы // Образование и право. № 9. 2022. – с. 89.

власти и институтов гражданского общества (Указ Президента от 02.07.2021 № 400 (п. 103)), а также об их поддержке со стороны публичных органов власти (Конституция Российской Федерации ст. 114, Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» (ст. 20)). При этом, как было отмечено ранее, не существует единого законодательного акта, который утверждал бы исчерпывающий перечень институтов гражданского общества. В контексте модели функционального баланса можно предположить, что законодателем намерено не допускается полная регламентация данной сферы. Необходимо учитывать, что функциональный баланс предполагает не одностороннее давление государства на гражданское общество, а взаимовыгодное сотрудничество.

Как отмечают С.Э. Деникаева и П.Д. Абдуразакова, «суть гражданского общества можно обозначить как симбиоз разнонаправленных по форме реализации и по многообразию интересов объединений граждан, характеризующихся самостоятельностью, самоорганизацией, автономией, построенных на добровольных началах»[1]. Таким образом, государство, с одной стороны, устанавливает правила, а с другой – предоставляет широкий спектр мер поддержки: финансовую, имущественную, информационную, консультационную и т.д. Институты гражданского общества, в свою очередь, получают доступ к бюджетным средствам, налоговым льготам и возможность влиять на принятие государственных решений через механизмы общественного контроля.

Однако государство заинтересовано в поддержке лишь тех институтов гражданского общества, которые демонстрируют социальную полезность и готовность к партнерству в решении государственно значимых задач. Наиболее ярким воплощением данного избирательного подхода стал правовой институт социально ориентированных некоммерческих организаций (далее – СО НКО). Как отмечает Е.Е. Никитина, «наиболее полная и развитая система государственной поддержки законодательно закреплена в отношении социально ориентированных некоммерческих организаций»[2].

Деятельность некоммерческих организаций регулируется Федеральным законом «О некоммерческих организациях» и Федеральным законом «Об общественных объединениях». В соответствии с законодательством некоммерческой организацией признается организация, не имеющая целью извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками. Социально ориентированными некоммерческими организациями признаются некоммерческие организации (за изъятиями, предусмотренными для политических партий, государственных корпораций, государственных компаний, государственных и муниципальных учреждений), целью деятельности которых является решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации, а также осуществление иных видов деятельности, перечисленных в статье 31.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях».

Такие общественные институты как НКО (СО НКО) сотрудничают с органами публичной власти в достижении национальных целей и решение государственных задач. В отличие от государственных органов, общественные институты имеют большую гибкость действий. Именно это обеспечивает их оперативное реагирование на запросы населения и актуальные социальные проблемы. В 2020 г. вклад НКО в этот процесс получил отражение в Конституции Российской Федерации.

Как отмечает В.П. Уманская и П.А. Виноградова, «конституционной реформой 2020 года в Конституцию Российской Федерации были внесены изменения, содержащие категорию «социальная ориентированность». Данный термин получил нормативное закрепление в контексте обеспечения проведения в России единой государственной политики в таких сферах, как культура, наука, образование, здравоохранение, социальное обеспечение, поддержка, укрепление и защита семьи, сохранение традиционных семейных ценностей, а также охрана окружающей среды»[3].

В отношении социально ориентированных некоммерческих организаций на федеральном уровне установлены особые условия предоставления государственной поддержки. Согласно действующему законодательству, федеральные, региональные и муниципальные органы, а также органы публичной власти федеральных территорий оказывают поддержку социально ориентированным некоммерческим организациям в приоритетном порядке. Такая поддержка реализуется в ряде форм, включая финансовую, имущественную, информационную и консультационную помощь, содействие в подготовке и дополнительном профессиональном образовании их сотрудников и добровольцев; механизм поддержки предусматривает предоставление СО НКО налоговых льгот, преференциальный доступ к выполнению государственного и муниципального заказа в рамках контрактной системы, а также установление налоговых льгот для юридических лиц, оказывающих таким организациям материальную помощь.

По данным Росстата, в 2023 году в Российской Федерации действовало 130 532 социально ориентированные некоммерческие организации, а в 2024 году – 133 812 СОНКО[4], а на 2025 года более 135 тыс. СО НКО.

Однако статус СО НКО не дается по факту регистрации, а присваивается при соответствии строгому перечню видов деятельности (социальная поддержка, защита семьи, волонтерство, наука и т.д.). Если НКО занимается иной деятельностью (например, правозащитной без социального аспекта или политической), она может не получить этот статус и, следовательно, доступ к финансовой поддержке.

Оказание государственной и региональной финансовой поддержки имеет важное значение, в особенности на региональном уровне, постольку, поскольку в силу большей приближенности органов публичной власти регионального и муниципального уровней к институтам гражданского общества, именно региональное законодательство приобретает ключевое значение для обеспечения и поддержки эффективного функционирования указанных институтов на всей территории Российской Федерации. Так, объем финансовой поддержки, предоставленной исполнительными органами субъектов Российской Федерации, в 2024 году составил 110,9 млрд руб., в том числе в виде субсидий без проведения кон-

[1] Никитина Е. Е. Законодательное регулирование государственной поддержки институтов гражданского общества: состояние и перспективы // Образование и право. № 9. 2022. – с. 90.
[2] Там же – с. 91.
[3] Уманская В. П., Виноградова П. А. Современное правовое регулирование социально ориентированных некоммерческих организаций // Закон и право. № 11. 2024. – с. 122.
[4] См.: Доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций за 2024 год.

курсных процедур 47,45 млрд руб. (в 2023 году– 32,2 млрд руб.), в виде субсидий на конкурсной основе– 39,03 млрд руб. (в 2023 году– 31,8 млрд руб.), в виде компенсации за оказанные СОНКО услуги по ФЗ - 44213– 10,77 млрд руб. (в 2023 году– 7,6 млрд руб.), в виде закупки услуг по ФЗ– 4414– 0,9 млрд руб. (в 2023 году– 0,9 млрд руб.)[1]. Исходя из данных официальной статистики видно, что в 2024 году региональное финансирование СО НКО выросло по сравнению с 2023 годом.

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации осознают необходимость развития гражданского общества на подведомственных территориях, как условия достижения стабильного социально-экономического развития регионов, что находит нормативное закрепление (на региональном уровне) в установлении их обязанности поддерживать институты гражданского общества. Как отмечает Е.Е. Никитина, «нормы о подобной поддержке присутствовали в учредительных актах субъектов Российской Федерации еще до их конституционного закрепления в 2020 году»[2]. Например, Конституция Республики Башкортостан ст. 100 устанавливает, что «Органы публичной власти в Республике Башкортостан способствуют развитию гражданского общества».

Таким образом, функциональный баланс означает отказ от абстрактной свободы в пользу конкретной социальной полезности. Нормативно-правовое закрепление, данного перехода, видно как на федеральном, так и на региональном уровне. Законодатель все более отчетливо разделяет институты гражданского общества по их функциональному назначению. На основе данного перехода можно предположить, что активизация взаимодействия институтов гражданского общества с органами государственной власти и органами местного самоуправления поможет законодателю в лице уполномоченных органов государственной власти сформировать более четкий перечень институтов гражданского общества и сформулировать их основные полномочия.

Параллельно с этим, на развитие институтов гражданского общества и их взаимодействия с органами публичной власти влияет поступательное развитие цифровизации, которая несет в себе, с одной стороны, расширенные возможности граждан для взаимодействия с публичными органами власти и защиты своих прав, а с другой – обеспечивает большую прозрачность деятельности институтов гражданского общества, что, в свою очередь, создает условия для удобства государственного контроля в данной сфере.

В рамках модели функционального баланса возможно появление законодательно закрепленного«реестра СО НКО», куда войдут организации, получающие долгосрочное бюджетное финансирование и участвующие в разработке государственных программ. Для остальных НКО, не включенных в этот реестр, доступ к грантам станет более конкурентным, а отчетность – более сложной.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что российская модель диалога государства и общества строится на последовательном отказе от абстрактной свободы в пользу функционального баланса. Отсутствие легального определения «гражданского общества» при детальной регламентации конкретных институтов является осознанной правовой политикой, обеспечивающей интерпретационную гибкость, что позволяет государству поощрять одни институты и ограничивать другие не по формальному признаку, а по принципу «социальной полезности». Характер регламентации сегодня работает как механизм отбора проектов. Перспективы развития связаны с формализацией складывающейся модели на уровне рамочного законодательства и дальнейшим внедрением цифровых платформ контроля. Несомненным плюсом такой модели является высокая устойчивость всей системы гражданских институтов и предсказуемость их отношений с властью. Однако поспешное и избыточно жесткое правовое регулирование способно снизить инновационный потенциал гражданского общества, лишить общество новых, нестандартных инициатив, которые не вписываются в существующие рамки социальной полезности, но важны для долгосрочного развития.

Список литературы

1. Григорьев А. А. Роль институтов гражданского общества в правоприменительной деятельности государства // Вестник Академии права и управления. № 5 (80). 2024. – С. 32-37.
2. Никитина Е. Е. Законодательное регулирование государственной поддержки институтов гражданского общества: состояние и перспективы // Образование и право. № 9. 2022. – С. 88-93.
3. Никитина Е. Е. Законодательное регулирование государственной поддержки институтов гражданского общества: региональный аспект // Вестник Московского государственного областного университета. № 4. 2022. – С. 73-82.
4. Саенко С. И., Черенкова А. И. Правовая формализация гражданского общества в Российской Федерации: достигнутые результаты и перспективы совершенствования // Юридическая наука. № 9. 2025. – С. 74-78.
5. Уманская В. П., Виноградова П. А. Современное правовое регулирование социально ориентированных некоммерческих организаций // Закон и право. № 11. 2024. – С. 121-124.
6. Чукаев Т. О. Модель взаимодействия института гражданского общества и государства // Право и государство: теория и практика. № 2. 2025. – С. 116-117.

References

1. Grigoriev A. A. The role of civil society institutions in the law enforcement activities of the state // Bulletin of the Academy of Law and Management. No. 5 (80). 2024. pp. 32-37.
2. Nikitina E. E. Legislative regulation of state support for civil society institutions: status and prospects // Education and Law. No. 9. 2022. – pp. 88-93.
3. Nikitina E. E. Legislative regulation of state support for civil society institutions: the regional aspect // Bulletin of the Moscow State Regional University, No. 4. 2022, pp. 73-82.
4. Saenko S. I., Cherenkova A. I. Legal formalization of civil society in the Russian Federation: achieved results and prospects for improvement // Yuridicheskaya nauka. № 9. 2025. - pp. 74-78.
5. Umanskaya V. P., Vinogradova P. A. Modern legal regulation of socially oriented non–profit organizations // Law and the right. No. 11. 2024. – pp. 121-124.
6. Chukaev T. O. Model of interaction between the institute of civil society and the state // Law and the State: theory and practice. No. 2. 2025. – pp. 116-117.

[1] См.: Там же.
[2] Никитина Е. Е. Законодательное регулирование государственной поддержки институтов гражданского общества: региональный аспект // Вестник Московского государственного областного университета. № 4. 2022. – с. 75.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_101

УДК 347.471

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАЧЬИХ ОБЩЕСТВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ И ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
THE LEGAL STATUS OF COSSACK SOCIETIES IN THE IMPLEMENTATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES ON THE KRASNODAR TERRITORY AND THE CHELYABINSK REGION

ДОБРОВ Алексей Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет».
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
E-mail: 010844@bgu.ru;

ДАВЫДОВ Александр Витальевич,
студент Института государственного права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет».
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
E-mail: DavidovAlexV96@mail.ru

DOBROV Alexey Nikolaevich,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Baikal State University.
664003, Lenin street, 11, Irkutsk, Russia.
E-mail: 010844@bgu.ru;

DAVYDOV Alexander Vitalievich,
student of the Institute of State Law and National Security of the Baikal State University.
664003, Lenin street, 11, Irkutsk, Russia.
E-mail: DavidovAlexV96@mail.ru

Краткая аннотация: *В настоящей статье рассматривается современное состояние правового статуса российского казачества как субъекта правоохранительной деятельности. На основе анализа федерального законодательства и практики его реализации в Краснодарском крае и Челябинской области выявляются особенности привлечения казаков из казачьих обществ к охране общественного порядка, защите государственной границы и участию в природоохранных мероприятиях. Авторы приходят к выводу о формировании двухуровневой модели участия казачества в правоохранительной деятельности как на профессиональной (возмездной), так и добровольной (безвозмездной) основе, что требует дальнейшего совершенствования механизмов контроля и координации.*

Abstract: *This article examines the current state of the legal status of the Russian Cossacks as a subject of law enforcement. Based on the analysis of federal legislation and the practice of its implementation in the Krasnodar Territory and the Chelyabinsk Region, the peculiarities of attracting Cossacks from Cossack societies to protect public order, protect the state border and participate in environmental measures are revealed. The author comes to the conclusion that a two-level model of the participation of the Cossacks in law enforcement activities is being formed both on a professional (paid) and voluntary (gratuitous) basis, which requires further improvement of control and coordination mechanisms.*

Ключевые слова: *российское казачество, государственная служба, правоохранительная деятельность, охрана общественного порядка, казачьи дружины, региональные особенности.*

Key words: *Russian Cossacks, civil service, law enforcement, public order, Cossack squads, regional features.*

Для цитирования: *Добров А.Н., Давыдов А.В. Правовое положение казачьих обществ при реализации правоохранительной деятельности на примере краснодарского края и челябинской области // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 101-104. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_101.*

For citation: *Dobrov A.N., Davydov A.V. The legal status of Cossack societies in the implementation of law enforcement activities on the example of the Krasnodar Territory and the Chelyabinsk region // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 101-104. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_101.*

Статья поступила в редакцию: 31.03.2026

Возрождение российского казачества в конце 20 века поставило перед государством задачу определения его правового статуса и форм интеграции в систему публичной власти.

Принятие Федерального закона от 05.12.2005 № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» стало поворотным моментом, закрепившим возможность несения казаками государственной и иной службы.

Однако правоохранительная деятельность казачьих обществ имеет двойственную природу. С одной стороны данного рода деятельность является одним из видов государственной службы, с другой стороны реализуется в формах участия на общественных началах.

Огромный интерес представляет региональный опыт реализации казачьего компонента в охране общественного порядка. Именно на уровне субъектов федерации и муниципальных образований происходит практическое использование казачьих дружин, создаются модели взаимодействия с территориальными органами МВД, пограничной службы и МЧС.

Анализ региональной практики позволяет оценить эффективность действующего законодательства, а также выявить проблемы применения данных норм.

В качестве примеров взяты регионы, где казаки активно привлекаются к охране общественного порядка и для которых казачество является неотъемлемой частью культуры и истории (Кубань, Южный Урал).

Основным нормативным актом является Федеральный закон от 05.12.2005 № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества». Согласно положениям данного закона (часть 1 статьи 5), современное казачество реализует правоохранительные функции в соответствии с федеральным законодательством [1].

Ключевым условием для несения службы является внесение казачьего общества в государственный реестр казачьих обществ Российской Федерации. Ведение данного реестра осуществляется Министерством юстиции Российской Федерации.

Вышеуказанная норма также определяет конкретные направления правоохранительной деятельности, к которым могут привлекаться казаки:

- охрана общественного порядка;
- обеспечение экологической и пожарной безопасности;
- защита Государственной границы Российской Федерации;
- борьба с терроризмом;
- участие в мероприятиях по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Важную роль играет Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка». Статья 23 данного закона устанавливает особенности создания и деятельности народных дружин из числа казаков казачьих обществ, внесенных в государственный реестр [2].

Согласно части 3 статьи 23 вышеуказанного закона, дружинники из числа казаков выполняют обязанности в форменной одежде, установленной для членов соответствующего казачьего общества, с использованием символики народного дружинника.

Перечень видов службы содержится в Постановлении Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 93 «О видах государственной или иной службы, к которой привлекаются члены хуторских, станичных, городских, районных (юртовых), окружных (отдельстких) и войсковых казачьих обществ», которое устанавливает, что члены казачьих обществ привлекаются к несению службы в таких сферах, как предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций, охрана общественного порядка, обеспечение экологической и пожарной безопасности, защита государственной границы, а также к иным видам службы, включая охрану объектов животного мира, лесов, объектов культурного наследия [4].

Стратегия государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021-2030 годы, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 09.08.2020 № 505, предусматривает привлечение казачьих обществ к охране объектов социальной сферы (в том числе частных охранных организаций, создаваемые войсковыми казачьими обществами) [3].

В юридической науке существует дискуссия о месте казачьих обществ в системе субъектов правоохранительной деятельности. Как отмечает И.А. Кузьмин, правоохранительными могут быть только уполномоченные государственные структуры, осуществляющие деятельность на профессиональной основе. Негосударственные органы и организации могут лишь осуществлять отдельные правоохранительные функции. К числу таких субъектов автор относит и казачьи общества, действующие на основании Федерального закона от 05.12.2005 № 154-ФЗ [11].

Таким образом, правовой статус казаков в правоохранительной сфере характеризуется сочетанием следующих признаков:

- действуют на основании публично-правовых обязательств, принятых перед государством;
- полномочия производны от полномочий государственных органов (полиции, пограничной службы и т.д.);
- не обладают государственно-властными полномочиями, но могут применять физическую силу и специальные средства в рамках законодательства о народных дружинах.

В качестве примеров успешного использования казачьих обществ в правоохранительной деятельности можно рассмотреть опыт Краснодарского края и Челябинской области.

Правовую основу деятельности Кубанского войскового казачьего общества в Краснодарском крае составляет разветвлённая система регионального законодательства, включающая как общие законы об участии граждан в охране порядка, так и специальные акты, посвященные поддержке казачества.

До принятия Федерального закона от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» документом, регулирующим порядок участия граждан (в том числе казаков) в охране общественного порядка, выступал закон Краснодарского края от 28.06.2007 № 1267-КЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка в Краснодарском крае» [6].

В настоящее время вышеуказанный закон регламентирует отдельные аспекты, не нашедшие свое отражение в федеральном законе, в том числе определяет гарантии и меры социальной защиты граждан, участвующих в охране общественного порядка в Краснодарском крае.

Главным региональным актом, определяющим статус казачьих обществ на территории Краснодарского края, выступает Закон Краснодарского края от 05.11.2002 № 539-КЗ «О привлечении к государственной и иной службе членов казачьих обществ Кубанского казачьего войска». Данный закон закрепляет за Кубанским войсковым казачьим обществом статус субъекта, привлекаемого к несению государственной и иной службы [5].

Развивая положения данного закона, в структуре исполнительной власти региона функционирует департамент по делам казачества, военным вопросам и работе с допризывной молодежью Краснодарского края. Данный орган выступает главным распределителем бюджетных средств и координатором правоохранительной деятельности казачьих формирований.

Координационным органом при высшем должностном лице региона выступает Совет при Губернаторе Краснодарского края по делам казачества, положение о котором утверждено распоряжением Губернатора от 09.09.2024 № 220- р «О Совете при Губернаторе Краснодарского края по делам казачества», обеспечивающий согласованность действий всех субъектов, вовлеченных в реализацию правоохранительных функций казачества.

Системообразующим документом, определяющим в настоящее время параметры интеграции казачества в правоохранительную деятельность на долгосрочную перспективу, выступает государственная программа Краснодарского края «Казачество Кубани», утвержденная постановлением губернатора Краснодарского края от 16.11.2015 № 1037 [7].

Данная программа определяет комплекс мер по развитию казачества в регионе, а также порядок предоставления и объем субсидий, выделяемый из регионального бюджета (в том числе для осуществления правоохранительных функций).

Анализ последних изменений, внесенных в программу в 2025 году, позволяет выявить ключевые векторы развития правового статуса казачества при реализации правоохранительной функции.

Также правовое положение казачества Краснодарского края характеризуется особой ролью муниципальных образований в реализации правоохранительных функций.

На муниципальном уровне принимаются правовые акты, конкретизирующие участие казачьих обществ в охране общественного порядка на территории конкретных районов.

Нормативным актом, определяющим статус казачьих обществ на территории Южного Урала, выступает Закон Челябинской области от 29.09.2011 № 195-ОЗ «О развитии российского казачества на территории Челябинской области» [8].

Данный нормативный акт закрепляет за казачеством статус субъекта, привлекаемого к несению государственной и иной службы, и устанавливает правовые, организационные основы взаимодействия органов государственной власти региона с казачьими обществами. Именно данный закон в регионе легитимирует участие казаков в охране общественного порядка, определяя его не как инициативную деятельность, а как форму несения службы, подлежащую правовому регулированию и финансовому обеспечению со стороны региона.

В 2025 году Правительством Челябинской области были приняты меры по финансовой поддержке реестровых обществ, напрямую увязывающие получение субсидий с участием в охране общественного порядка.

Постановлением Правительства Челябинской области от 10.02.2025 № 134-П «О порядке предоставления в 2025 году субсидий Окружному казачьему обществу Челябинской области «Четвертый казачий реестровый отдел» ОВКО» утверждён порядок предоставления субсидий в размере 29 403 тысячи рублей [9].

Постановлением Правительства Челябинской области от 1002.2025 № 133-П был определен порядок предоставления субсидий в 2025 году Верхнеуральскому отдельскому казачьему обществу «Второй казачий военный отдел» [10].

Данные нормативные акты детально регламентируют статус казачьего общества как получателя бюджетных средств, предъявляя к нему требования, типичные для участников бюджетного процесса, но с выраженной правоохранительной спецификой.

Анализ содержания вышеуказанных Постановлений позволяет утверждать, что правовое положение казачества при реализации правоохранительной деятельности строится на принципе строгой фидуциарной ответственности. Субсидия предоставляется исключительно при соответствии казачьего общества обязательным требованиям, включая отсутствие задолженности по налогам, запрет на статус иностранного агента, а также отсутствие сведений о причастности к экстремизму или терроризму.

Целевой характер выделяемых средств строго ограничен. Финансовое обеспечение направляется на оплату дежурств казаков, на административные и хозяйственные расходы, связанные именно с участием в охране общественного порядка.

Это превращает казачьи структуры в своеобразные государственные агентства, которые предоставляют услуги безопасности, где бюджетные средства выступают не благотворительностью, а платой за конкретный правоохранительный результат.

Несмотря на обширную нормативную базу и положительные примеры на уровне регионов, процесс интеграции современного казачества в систему охраны общественного порядка связан с рядом проблем, которые снижают эффективность данной деятельности, что в свою очередь требует повышенного внимания со стороны законодателя и правоприменителя.

Анализ нормативно-правовой базы показал, что федеральное законодательство устанавливает только общие рамки, а конкретные механизмы закреплены в региональных нормативных актах. Данное обстоятельство приводит к значительной дифференциации правового положения казаков-дружинников в зависимости от региона, что само по себе порождает дополнительные противоречия.

Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» и Федеральный закон от 05.12.2005 № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» устанавливает только основы участия казаков в охране общественного порядка [1; 2]. На практике объем прав, обязанностей и уровень социальных гарантий казаков-дружинников существенно варьируется в зависимости от субъекта Российской Федерации.

В Краснодарском крае сформирована разветвленная система бюджетного финансирования с принятием специальных государственных программ и ведомственных актов, детально регламентирующих порядок предоставления субсидий. В Челябинской области также приняты постановления правительства о финансовой поддержке конкретных казачьих обществ, что свидетельствует о развитой региональной правовой базе [10; 11]. Однако не во всех регионах России, где казачьи общества внесены в государственный реестр, имеется подобная детальная регламентация правового положения казаков и казачьих обществ. Данное обстоятельство создает ситуацию «правового неравенства», когда казаки в одних субъектах получают государственную поддержку и чётко определённый статус, а в других вынуждены действовать исключительно на общественных началах без ясных механизмов взаимодействия с органами власти и социальных гарантий.

Также отмечается так называемая проблема «двойного статуса» казака-дружинника. Двойственная природа участия казаков (как лица, осуществляющего государственную службу, и как общественника-добровольца) порождает неопределенность в вопросах ответственности и

пределов правомочий.

В регионах с развитым законодательством (как в Краснодарском крае) данный вопрос частично урегулирован административными регламентами взаимодействия с полицией. Однако не во всех регионах России существуют четкие механизмы координации совместных патрулей и разграничения функций между сотрудниками МВД и казаками.

Казаки-дружинники выполняют функции, для которых требуются специальные властные полномочия. Не являясь сотрудниками полиции, казаки наделены правом применения физической силы в рамках закона «Об участии граждан в охране общественного порядка» [2]. Однако на практике грань между допустимой самообороной, пресечением правонарушения и превышением полномочий остается размытой.

Отсутствие единых федеральных стандартов и тактико-специальной подготовки для всех казаков, привлекаемых к службе, создает риски как для самих дружинников, так для граждан [12].

Еще одной проблемой, которая свойственна не только казачеству – это финансовые злоупотребления и отсутствие прозрачности (риски «мертвых душ).

Правоприменительная практика в 2025 году в Краснодарском крае продемонстрировала данную проблему.

Привлечение к административной ответственности Кубанского войскового казачьего общества и районных обществ за включение в отчетность казаков, которые фактически не участвовали в охране общественного порядка, а также низкий уровень целевых показателей, свидетельствует о формальном подходе к исполнению государственного задания.

Стоит отметить, что нарушения подобного рода выявляют преимущественно в регионах с высоким уровнем финансирования казачьих обществ. В регионах, где финансирование отсутствует или носит символический характер (например, в Сибирском или Дальневосточном федеральных округах), проблема злоупотребления финансовыми механизмами не так сильно выражена, но отмечается проблема нехватки ресурсов для эффективной работы. Система субсидирования построена по принципу освоения средств, что в свою очередь стимулирует казачьи общества к наращиванию количественных, а не качественных показателей.

Все вышеизложенное, несмотря на развитость в некоторых регионах России местного законодательства, свидетельствует о невысокой степени правовой регламентации. Для повышения эффективности участия казаков в охране общественного порядка необходимо не только финансирование, но и унификация регионального законодательства. Требуется ужесточение контроля за целевым расходованием выделяемых средств, введение обязательных профессиональных стандартов подготовки, а также четкая регламентация властных полномочий членов казачьих дружин с учетом специфики конкретных регионов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 05.12.2005 № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 50. – Ст. 5245.
2. Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 14. – Ст. 1536.
3. Указ Президента РФ от 09.08.2020 № 505 «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 33. – Ст. 5387.
4. Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 93 «О видах государственной или иной службы, к которой привлекаются члены хуторских, станичных, городских, районных (юртовых), окружных (отдельских) и войсковых казачьих обществ» [citations:1] // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 10. – Ст. 1081.
5. Закон Краснодарского края от 05.11.2002 № 539-КЗ «О привлечении к государственной и иной службе членов казачьих обществ Кубанского казачьего войска» // Кубанские новости. – 2002. – 10 нояб.
6. Закон Краснодарского края от 28.06.2007 № 1267-КЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка в Краснодарском крае» // Кубанские новости. – 2007. – 3 июля.
7. Постановление Главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 16.11.2015 № 1037 «Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Казачество Кубани» // Официальный сайт администрации Краснодарского края. – 2015.
8. Закон Челябинской области от 29.09.2011 № 195-ОЗ «О развитии российского казачества на территории Челябинской области» // Южноуральская панорама. – 2011. – 11 окт.
9. Постановление Правительства Челябинской области от 10.02.2025 № 134-П «О порядке предоставления в 2025 году субсидий Окружному казачьему обществу Челябинской области «Четвертый казачий реестровый отдел» ОВКО» // Официальный интернет-портал правовой информации Челябинской области. – 2025.
10. Постановление Правительства Челябинской области от 10.02.2025 № 133-П «О порядке предоставления в 2025 году субсидий Верхнеуральскому отдельскому казачьему обществу «Второй казачий военный отдел» // Официальный интернет-портал правовой информации Челябинской области. – 2025.
11. Кузьмин И.А. Субъекты правоохранительной деятельности: понятие, виды, характеристика // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 3. – С. 45–51.
12. Бондаренко Д.В. Участие казачества в охране общественного порядка: проблемы теории и практики // Административное право и процесс. – 2024. – № 2. – С. 32–37.

References

1. Federal Law No. 154-FZ dated 05.12.2005 "On the Civil Service of the Russian Cossacks" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 50. Art. 5245.
2. Federal Law No. 44-FZ dated 04/02/2014 "On the participation of citizens in the protection of public order" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2014. – No. 14. –
Art. 1536.3. Decree of the President of the Russian Federation dated 08/09/2020 No. 505 "On approval of the Strategy of State policy of the Russian Federation in relation to the Russian Cossacks for 2021-2030" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 33. – St. 5387.
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated 02.26.2010 No. 93 "On the types of state or other service to which members of farm, village, city, district (yurt), district (separate) and military Cossack societies are involved" [citations:1] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2010. – No. 10. – Art. 1081.
5. The Law of the Krasnodar Territory dated 05.11.2002 No. 539-KZ "On attracting members of Cossack societies of the Kuban Cossack Army to public and other service" // Kuban News. – 2002. – November 10.
6. The Law of the Krasnodar Territory dated 06/28/2007 No. 1267-KZ "On the participation of citizens in the protection of public order in the Krasnodar Territory" // Kuban News. – 2007. – July 3.
7. Resolution of the Head of the Krasnodar Territory Administration (Governor) dated 11/16/2015 No. 1037 "On approval of the Krasnodar Territory State program "Cossacks of the Kuban" // Official website of the Krasnodar Territory Administration. – 2015.
8. The Law of the Chelyabinsk region dated 09/29/2011 No. 195-OZ "On the development of the Russian Cossacks in the Chelyabinsk region" // South Ural Panorama. – 2011. – October 11.
9. Resolution of the Government of the Chelyabinsk Region dated 02/10/2025 No. 134-P "On the procedure for granting subsidies to the District Cossack Society of the Chelyabinsk Region in 2025 "Fourth Cossack Registry Department of OVCO // Official Internet Portal of Legal Information of the Chelyabinsk Region. – 2025.
10. Resolution of the Government of the Chelyabinsk Region dated 02/10/2025 No. 133-P "On the procedure for granting subsidies to the Verkhneuralsky Separate Cossack Society "Second Cossack Military Department" in 2025 // Official Internet portal of legal information of the Chelyabinsk region. – 2025.
11. Kuzmin I.A. Subjects of law enforcement activity: concept, types, characteristics // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 3. – pp. 45-51.
12. Bondarenko D.V. Participation of the Cossacks in the protection of public order: problems of theory and practice // Administrative law and process. – 2024. – No. 2. – pp. 32-37.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_105

УДК 343.8

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМ ПРЕДИКТИВНОЙ АУДИОАНАЛИТИКИ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LEGAL FRAMEWORK FOR THE IMPLEMENTATION OF PREDICTIVE AUDIO ANALYTICS SYSTEMS TO ENSURE SECURITY IN PENAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник отдела исследования проблем социологического обеспечения и прогнозирования деятельности уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России.
125130, Россия, г. Москва ул. Нарвская д.15а стр.1.
E-mail: university69@mail.ru.

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Leading Research Fellow, Department for the Study of Problems of Sociological Support and Forecasting of the Activities of the Penal Enforcement System, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN of Russia).
125130, Moscow, Narvskaya St., 15A, bld. 1.
E-mail: university69@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье рассматриваются вопросы правового регулирования внедрения систем аудиоаналитики в деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в качестве инструмента прогнозирования речевого поведения осужденных и раннего выявления конфликтов. Исследование направлено на анализ перспектив использования алгоритмов аудиоаналитики в сфере обеспечения безопасности следственных изоляторов и исправительных учреждений ФСИН России в целях повышения пенитенциарной безопасности, мониторинга эмоционально-психологических маркеров при взаимодействии с осужденными и создания комплексных сенсорных систем охраны и надзора. Обосновано, что существующее правовое регулирование технических средств надзора ориентировано преимущественно на видеоконтроль и инженерно-технические средства и не содержит норм о статусе данных, получаемых при анализе речевого поведения и акустических событий. Предложена градация аудиоинформации по степени вторжения в сферу частной жизни и свободы общения осужденных. Для каждого режима определены правовые основания применения и требования к хранению данных. Сформулированы предложения по дополнению нормативно-правовых актов понятием «системы автоматизированного анализа аудиоинформации» и развитию ведомственного регулирования с установлением порядка верификации результатов распознавания речи. Отмечены противоречия между возможностями интеллектуального анализа звука и действующими гарантиями права на частную жизнь и свободу общения, что требует выработки мер по правовому статусу акустических данных и созданию специализированных должностей для интерпретации аудиосигналов.*

Abstract: *the article examines the issues of legal regulation of the implementation of audio analytics systems into the operations of institutions of the Penal System of the Russian Federation as a tool for predicting the speech behavior of convicts and early detection of conflicts. The research aims to analyze the prospects of using audio analytics algorithms in ensuring the security of pre-trial detention facilities and correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia in order to enhance penitentiary security, monitor emotional and psychological markers in interactions with convicts, and create integrated sensory security and supervision systems. It is substantiated that the current legal regulation of technical means of supervision is focused primarily on video surveillance and engineering technical means and does not contain norms regarding the status of data obtained from the analysis of speech behavior and acoustic events. A gradation of audio information by the degree of intrusion into the private life and freedom of communication of convicts is proposed. For each mode, the legal grounds for application and requirements for data storage are defined. Proposals are formulated to supplement regulatory legal acts with the concept of «automated audio information analysis systems» and to develop departmental regulations establishing the procedure for verifying speech recognition results. Contradictions between the capabilities of intelligent sound analysis and the existing guarantees of the right to privacy and freedom of communication are noted, which necessitates the development of measures concerning the legal status of acoustic data and the creation of specialized positions for interpreting audio signals.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, аудиоаналитика, уголовно-исполнительная система Российской Федерации, правовое регулирование, биометрическая идентификация, персональные данные, прогноз поведения, безопасность, технические средства охраны и надзора, предиктивная аналитика, цифровая трансформация.*

Keywords: *artificial intelligence, audio analytics, Penal System of the Russian Federation, legal regulation, biometric identification, personal data, behavior prediction, security, technical means of security and supervision, predictive analytics, digital transformation.*

Для цитирования: *Царькова Е.Г. Правовое регулирование процессов внедрения систем предиктивной аудиоаналитики для обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 105-109. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_105.*

For citation: *Tsarkova E.G. Legal regulation of the processes of implementing predictive audio analytics systems to ensure security in institutions of the penal system of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 105-109. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_105.*

Статья поступила в редакцию: 04.03.2026

Актуальное для настоящего времени качественное изменение криминогенной обстановки в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) выражается в устойчивом росте числа осужденных за террористические и экстремистские преступления, концентрации в крупных следственных изоляторах лиц, причастных к организованным формам преступности, а также в увеличении доли иностранных граждан и осужденных с диагностированными психическими расстройствами [1, С. 86; 2, С. 55]. При этом расширяется спектр угроз безопасности, от межличностных конфликтов и групповых неповиновений до вербального вербования в экстремистские и террористические структуры, а также использования цифровых средств для планирования противоправных действий. В этих условиях традиционный визуальный надзор, включая использование сети видеокамер и постов видеоконтроля, обеспечивает преимущественно постфактумную фиксацию нарушений

режима и не позволяет отслеживать динамику речевого поведения осужденных, рассматривая его как индикатор угрозы [3, С. 114].

В исследовании [1] подчеркивается, что при существующей организации надзора значительная часть чрезвычайных происшествий предшествуется длительным периодом вербальных угроз, нарастающих конфликтов и коммуникативного давления внутри камер, которое остается «невидимым» для систем визуального контроля. Авторы статьи отмечают, что операторы постов видеоконтроля, наблюдая одновременно за десятками камер, физически не способны непрерывно оценивать и интерпретировать сложные поведенческие паттерны, что приводит к высокой нагрузке и пропуску критически важных эпизодов. Поэтому возникает объективная необходимость смены парадигмы надзора от преимущественно визуально-ориентированной модели к интеграции интеллектуальных систем анализа, однако данные изменения, как правило, подразумевают развитие видеоаналитики, в то время как аудиальный компонент фактически остается на уровне общего указания [1, С. 87].

В силу того, что когнитивная и техническая инфраструктура учреждений УИС выстроена, в первую очередь, вокруг визуального контроля, возникает эффект «аудиальной слепоты» действующей системы надзора. При этом акустическая среда камер, включая фоновый шум, всплески громкости, крики, интонационные изменения, специфические речевые формулы угроз и давления) является мощным информационным каналом для оперативного прогнозирования конфликтов. В работах [1;2] отмечаются факты развертывания в отдельных следственных изоляторах и исправительных учреждениях УИС сети микрофонных и телефонных каналов, однако их потенциал оказывается ограничен возможностями ручного прослушивания и выборочного контроля без систематизированного анализа больших массивов звуковых данных, при этом речевое поведение осужденных отражает их мотивационные установки, эмоциональную напряженность, уровень агрессии, что дает возможность использования аудиоаналитики в качестве отдельного контура системы комплексной безопасности учреждений.

Пилотный проект внедрения систем искусственного интеллекта для видеоаналитики в СИЗО-2 Москвы, подробно описанный авторами в [4], демонстрирует, что технические и организационные предпосылки для перехода к комплексному цифровому контролю в учреждениях УИС уже сложились. В рамках указанного проекта создана автоматизированная система контроля и видеонаблюдения, включающая около тысячи камер, значительная часть которых оснащена модулями интеллектуального анализа, способными выявлять нештатные ситуации, задерживаться на аномальных поведенческих паттернах и снижать нагрузку на операторов. По данным руководства учреждения, в базу данных занесено свыше 300 лиц, склонных к правонарушениям, а поиск информации по спецконтингенту занимает порядка 20 секунд, что иллюстрирует переход к высокоскоростной обработке больших массивов данных в оперативной деятельности [4, С. 65].

Вместе с тем анализ материалов проекта «Цифровое СИЗО» и связанных с ним публикаций показывает отсутствие встроенного аудиального компонента: интеллектуальная система ориентирована на визуальные сигналы (движения, перемещение объектов, скопления людей, позы, попытки самоповреждения), но не анализирует звуковую среду камер и переговорных. Такая архитектура воспроизводит традиционное доминирование визуального канала, развитие систем безопасности происходит в направлении углубления видеоаналитики, тогда как речевое поведение остается вне фокуса алгоритмов. При этом сам переход к дистанционному надзору с использованием ИИ логически предполагает наличие не только подсистемы видеомониторинга, но и модуля обработки аудиоинформации, способного интерпретировать акустическую картину камер.

В работах [5; 6], посвященных организационным и правовым основам надзора в учреждениях УИС, раскрывается распределение функций между дежурными сменами, отделами безопасности, оперативными подразделениями и психологическими службами, с указанием на необходимость устойчивого обмена информацией между ними для предупреждения правонарушений. Авторы показывают, что ключевыми субъектами, влияющими на безопасность, являются сотрудники дежурных смен, осуществляющие непосредственный надзор, оперативные отделы, аккумулирующие и анализирующие сведения о криминогенной обстановке, психологи, работающие с рисковыми группами и фиксирующие изменения психического состояния осужденных. При этом усовершенствованные организационные схемы, описанные в [5], по сути ориентированы на «аналоговую» эпоху, когда основным источником информации о поведении осужденных служат наблюдения персонала и выборочные данные от технических средств без интеллектуальной обработки. Механизмы взаимодействия между подразделениями строятся вокруг обмена устными и письменными сведениями, результатами индивидуальных бесед, оперативных проверок и наблюдений за поведением в общих помещениях. Это означает, что даже при наличии развитой психологической службы и налаженного межведомственного взаимодействия, потенциал автоматизированного мониторинга речевой активности и акустической среды не включен в нормативные модели профилактики правонарушений.

Работы [6; 7] раскрывают перспективы использования искусственного интеллекта в деятельности УИС, включая примеры внедрения нейросетевой видеоаналитики для задач автоматического обнаружения нарушений и оптимизации работы постов видеоконтроля. Авторы подчеркивают, что успешное внедрение ИИ-технологий требует не только технической оснащенности, но и развития компетенций сотрудников, в том числе навыков интерпретации результатов, понимания ограничений алгоритмов и осознания правовых рамок их использования. В исследовании [8] анализируется общий контекст цифровизации УИС, делается акцент на необходимости своевременной правовой регламентации новых технологий, с тем, чтобы избежать правовой неопределенности и нарушений прав субъектов данных, что напрямую транслируется на пенитенциарную систему.

Специализированные работы по биометрическим технологиям (в частности [9] демонстрируют высокий уровень развития средств идентификации по голосу, лицу, отпечаткам и другим признакам, которые в УИС используются преимущественно на этапах входного контроля при идентификации осужденных и посетителей, контроле доступа в режимные зоны, верификации при совершении процессуальных и административных действий. Анализ современных технических средств надзора и контроля (ТСНК), приведенный в [3; 6], демонстрирует, что нормативная база, в частности ведомственные приказы Минюста России, задает режимы работы видеокамер, сигнализаций, инженерных заграждений и

иных средств технической защиты, но не содержит развернутого регулирования интеллектуальных систем анализа аудиоданных.

Статья 83 УИК РФ закрепляет правовые основы применения технических средств надзора и контроля, однако в структурном и понятийном аппарате отсутствует указание на системы автоматизированного анализа аудиоинформации, что фактически исключает предиктивную аудиоаналитику из круга признанных законом видов ТСНК. В результате информация, получаемая с помощью интеллектуального анализа звука, не имеет четко определенного правового статуса, она не отнесена ни к материалам надзора, ни к результатам оперативно-розыскной деятельности, ни к доказательствам, используемым при привлечении к дисциплинарной ответственности.

Такой пробел создает несколько групп рисков. Во-первых, отсутствуют нормы, определяющие порядок сбора, хранения и использования данных о речевом поведении осужденных, включая эмоциональную напряженность, агрессивный дискурс и признаки конфликта, что порождает угрозу произвольного вмешательства в сферу частной жизни и свободы общения, гарантированных ст. 15 УИК РФ. Во-вторых, не определен объем и условия допустимости использования аудиоаналитических данных при принятии управленческих решений, включая постановку на профилактический учет, изменения условий содержания, применении мер взыскания или поощрения. В-третьих, в организационном измерении не закреплено, кто именно, (оператор, психолог, сотрудник оперативного отдела) несет ответственность за интерпретацию выводов системы и их трансляцию в практические решения, что приводит к фрагментации ответственности и потенциалу злоупотреблений.

В теоретико-правовом плане требуется переосмысление речевого поведение осужденного в условиях изоляции как особого объекта правового регулирования. С одной стороны, ст. 15 УИК РФ гарантирует осужденным право на общение, в том числе в форме устных разговоров с другими осужденными, администрацией, защитниками и иными лицами, что традиционно относится к сфере личной жизни и частного общения. С другой стороны, ст. 13, 82 и 84 УИК РФ устанавливают обязанности администрации по обеспечению безопасности осужденных, персонала и иных лиц, а также по предупреждению преступлений и правонарушений в учреждениях. Речевое поведение в условиях камерной изоляции объективно выполняет функцию маркера оперативной обстановки через угрозы, вербальные сигналы, «зондирование» границ допустимого, обсуждение планов нарушений и вербовочную деятельность.

Возникает коллизия между правом на общение и обязанностью администрации предотвращать преступления, которая в условиях аналоговой эпохи разрешается через режимные ограничения и субъективное наблюдение сотрудников. В цифровую эпоху, при наличии технической возможности автоматизированного мониторинга речевой активности, возникает вопрос о допустимых границах такого мониторинга, его уровнях и правовых основаниях.

В рамках данного исследования предлагается следующая градация аудиоинформации на три уровня: факт наличия звука или шума (базовые акустические параметры без анализа содержания); анализ тональности, тембра, эмоциональной окраски речи без распознавания слов; полное распознавание и анализ речевого содержания.

Фоновый акустический мониторинг (первый уровень) предполагает использование систем, фиксирующих уровень шума, резкие всплески громкости, крики, звуки борьбы или повреждения предметов, но не производящих идентификацию говорящих и не детализирующих содержание речи. Такой режим вмешательства минимален с точки зрения приватности и может рассматриваться как аналог расширенного использования микрофонов в системах охраны объектов, где сами звуковые события (крик, удар, взрыв) являются триггером для реагирования. Анализ психоэмоциональных характеристик (второй уровень) включает оценку высоты тона, темпа, вариативности голоса, признаков возбуждения, тревоги или агрессии с построением эмоционально-психологических маркеров конфликта, но без лингвистического распознавания содержания. Полное распознавание речи (третий уровень) представляет собой максимальное вмешательство, сопряженное с глубоким контролем содержания общения, потенциально затрагивающее тайну личной жизни и профессиональных коммуникаций.

На этой основе может быть введено понятие «предиктивной аудиоаналитики» как совокупности программно-аппаратных средств, обеспечивающих автоматизированный мониторинг и анализ звукозаписей в учреждениях УИС с целью выявления акустических и речевых паттернов, указывающих на повышенный риск правонарушений, конфликтов или иных угроз безопасности. Предиктивный характер означает ориентацию не только на фиксацию произошедшего события, но и на раннее обнаружение признаков надвигающегося инцидента на основе динамики акустического профиля камер и отдельных осужденных. В рамках этой концепции речевое поведение как объект правового регулирования определяется как совокупность вербальных и паравербальных характеристик общения осужденного (лексика, интонация, частота и длительность разговоров, контекст взаимодействия), подлежащих учету при оценке оперативной обстановки и принятии управленческих решений.

«Акустический профиль осужденного» может быть описан как статистически устойчивый набор параметров его речевой активности в условиях изоляции, включая типичную громкость и темп речи, частоту конфликтных высказываний, участие в групповых обсуждениях, склонность к вербальной агрессии или, напротив, к изоляционизму и молчанию. При наличии легитимного правового режима такие профили могут использоваться психологами и оперативными подразделениями для идентификации лиц с повышенным риском агрессивного поведения, суицидальных тенденций или вовлеченности в криминальные субкультуры. Эмоционально-психологический маркер конфликта представляет собой совокупность акустических и интонационных признаков (повышение громкости, резкие смены темпа, характерные паттерны лексики), выявляемых алгоритмами и сигнализирующих о высокой вероятности перехода вербального конфликта в физическое насилие.

Текущий уровень развития ИИ-систем в смежных областях свидетельствует о технической реализуемости автоматизированного анализа звуковых данных в реальном времени, включая обнаружение криков, выстрелов, взрывов и других аномальных звуков в городской среде [6, С. 330]. Примеры таких систем демонстрируют, что алгоритмы способны работать в условиях шумного фона, выделять значимые события и передавать сигналы реагирующим подразделениям. Перенос данной технологии в контекст УИС требует адаптации под особенности камерной акустики, учета

многоязычия спецконтингента и специфики тюремного жаргона, но не представляет принципиально нерешаемых технических задач.

В [2, С. 57] авторы обращают внимание на языковой барьер в учреждениях УИС, отмечая наличие более 277 используемых языков и порядка 25 тыс. иностранных граждан, что существенно затрудняет традиционный надзор, основанный на понимании содержания разговоров сотрудниками. В такой ситуации без автоматизированного аудиоанализа администрация лишена возможности оперативно распознавать вербальные угрозы, признаки радикализации или координации противоправных действий на иностранных языках, за исключением случаев, когда в камере случайно присутствует владеющий соответствующим языком сотрудник или осужденный. Многоязычие превращает акустическую среду в «слепую зону» для персонала, тогда как обученные многоязычные модели распознавания речи и классификации лексики способны восполнить этот пробел при условии надлежащего правового регулирования.

Видеоаналитика эффективно фиксирует физические действия, но слабо улавливает этапы вербальной эскалации конфликта, вербовки, психологического давления и скрытой координации, которые часто предшествуют любым визуально заметным событиям. Поэтому необходимо развитие инструментов комплексного «сенсорного» контроля, где аудиоканал не вторичен, а равноправен видеоканалу и интегрирован с ним в единую систему поддержки принятия решений на основе аудиоданных и видеоданных.

В цифровую эпоху требуется модернизация организационных механизмов, включающая перераспределение функционала между подразделениями и формирование новых компетенций, связанных с интерпретацией данных аудиоаналитики. Практика функционирования психологической службы УИС показывает, что психологи уже обладают методиками оценки эмоционального состояния и межличностных отношений осужденных, но работа строится на очных беседах и субъективной оценке поведения. Включение автоматизированного мониторинга речевой активности в работу психологов и оперативных служб позволит перейти от эпизодического реагирования к непрерывному, предиктивному управлению рисками [7, С. 423].

В данном исследовании автоматизированный мониторинг речевой активности рассматривается автором как функция системы поддержки принятия решений на основе аудиоданных, которая, в свою очередь, интегрируется в общую систему управления безопасностью учреждения. Такая система не должна подменять собой оценочную деятельность человека, но может предоставлять агрегированные показатели, включая уровни акустической напряженности по камерам, списки камер с устойчивыми признаками вербальной агрессии, индивидуальные профили осужденных с аномальной динамикой речевого поведения. При этом решения о постановке на профилактический учет, проведении углубленных психологических бесед или оперативных мероприятий должны приниматься уполномоченными сотрудниками, но на основе более полной и объективной картины.

На основе проведенного исследования видится целесообразным дополнить ст. 83 УИК РФ, закрепляющую применение технических средств надзора и контроля, прямым указанием на системы автоматизированного анализа аудиоинформации (аудиоаналитики) как самостоятельного вида ТСНК. Такое дополнение позволит легализовать само существование предиктивной аудиоаналитики в нормативном поле и станет основанием для дальнейшей детализации ее режимов в ведомственных актах. Как следствие, в новой редакции Приказа Минюста России № 359 целесообразно предусмотреть классификацию режимов аудиоаналитики по степени вмешательства в сферу частной жизни (фоновый акустический мониторинг, анализ психоэмоциональных характеристик речи, распознавание и содержательный анализ речи). Для каждого режима важно установить отдельные основания применения и процедурные гарантии. Фоновый акустический мониторинг может использоваться постоянно во всех помещениях, где допускается применение технических средств надзора, с уведомлением осужденных о факте акустического контроля как элементе общего режима безопасности. Анализ психоэмоциональных характеристик целесообразно применять в помещениях с повышенным риском конфликтов (камеры со смешанным составом, камеры с лицами, состоящими на профилактических учетах) при условии документального закрепления целей и перечня оцениваемых параметров. Полное распознавание и анализ речи должно занимать исключительное положение и допускаться при наличии конкретной оперативной информации о подготовке преступления в отношении лиц, состоящих на профилактическом учете по признакам экстремизма, терроризма или склонности к насильственным преступлениям, а также при расследовании конкретных инцидентов с соблюдением норм о тайне связи и профессиональных привилегиях.

Кроме того, требует уточнения правовой режим обработки данных и гарантий прав осужденных. Статьи 14 и 24 УИК РФ целесообразно дополнить положениями, прямо регулирующими использование аудиоаналитики в целях обеспечения личной безопасности осужденных, сотрудников и иных лиц, а также в рамках оперативно-розыскной деятельности. Предлагается закрепить правило, согласно которому данные, полученные в режиме полного распознавания речи, могут использоваться в качестве доказательства или основания для принятия управленческих решений только при условии их последующей расшифровки, верификации и заверения уполномоченным должностным лицом. Одновременно сам факт применения данного режима аудиоаналитики в отношении конкретного осужденного должен доводиться до него под роспись, за исключением случаев, когда уведомление может сорвать оперативное мероприятие, с последующей обязательной фиксацией причин отсрочки уведомления. Такой подход соответствует принципу алгоритмической прозрачности и позволяет минимизировать риск ситуаций, когда решения о продлении содержания под стражей или ужесточении режима будут основаны на непрозрачных заключениях алгоритма без возможности их проверки.

Отметим, что в контексте аудиоаналитики с применением искусственного интеллекта возможны риски ошибок, которые могут проявляться в форме неверной интерпретации эмоционального состояния, ошибочного распознавания слов или контекста, что требует закрепления процедур пересмотра и обжалования решений, принятых с опорой на данные системы.

Кроме того, целесообразно дополнение Порядка осуществления профилактического учета подозреваемых, обвиняемых и осужденных в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (приказ Министерства

юстиции Российской Федерации от 26 января 2026 г. № 17) перечнем оснований для постановки осужденного на профилактический учет, связанных с устойчивыми паттернами агрессивного речевого поведения, выявленными с помощью систем аудиоаналитики. К таким основаниям могут относиться систематические вербальные угрозы физической расправы в адрес других осужденных или сотрудников, регулярное участие в вербальных конфликтах с повышенным уровнем эмоциональной напряженности, использование лексики, характерной для экстремистских и террористических сообществ. При этом сами данные аудиоаналитики должны рассматриваться как повод для проведения углубленной психологической и оперативной оценки, а не как единственное основание для ужесточения режима или применения взысканий.

Кроме того, требуют решения проблемы языкового разнообразия. С учетом данных об использовании в учреждениях УИС более 200 языков и присутствии около 25 тыс. иностранных граждан, технические требования к закупаемым системам аудиоаналитики должны включать поддержку распознавания основных языков народов РФ (не менее 10–15 наиболее распространенных), возможность подключения дополнительных языковых модулей по мере выявления потребности, инструменты адаптации под распознавание специфической лексики, тюремного жаргона и кодовых слов, в том числе связанных с экстремистской и террористической деятельностью. Указанные факторы позволяют уменьшить разрыв между фактическим многоязычием камерной среды и монолингвальным (русскоязычным) восприятием большинства сотрудников, лишенных возможности полноценно понимать содержание разговоров на иностранных языках.

Предиктивная аудиоаналитика потенциально является одним из ключевых элементов цифровой трансформации УИС, дополняющим уже реализуемые проекты в сфере видеоаналитики и биометрии. Включение речевого поведения осужденных в контуры правового регулирования и организационного управления позволяет перейти от реактивной модели надзора к предиктивной, где раннее выявление вербальных маркеров конфликта, экстремизма и суицидального поведения снижает риск тяжких последствий для осужденных, персонала и общества в целом. Легализация аудиоаналитики в УИК РФ и ведомственных актах, детализация режимов обработки аудиоинформации и формирование институциональных гарантий прав осужденных снижают риск произвольного и непрозрачного использования алгоритмов, обеспечивая баланс между требованиями безопасности и защитой прав человека.

Список литературы:

1. Копылов В.В., Субботин А.А., Копылов В.В., Истомин А.А. Аудиоаналитика – инновация в организации надзора в следственных изоляторах ФСИН России // Информационные технологии в УИС. 2025, № 1. С. 85-92.
2. Копылов В.В., Субботин А.А., Истомин А.А., Кузнецов А.С. Перспективы внедрения аудиоаналитики в организацию надзора в следственных изоляторах ФСИН России / // Информатизация и техническое обеспечение уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: проблемы, решения и перспективы развития: Сборник материалов III всероссийской научно-практической конференции, Тверь, 03-04 октября 2024 г. – Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2024. С. 54-60.
3. Денисенко О. И., Жаров И. С., Кадралеева Ж. А. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасности на режимных объектах уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2024, № 4. С. 113-119.
4. Шиняев К.А., Морозов А.С. Современные цифровые технологии в системе надзора следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы российской федерации // Вестник Самарского юридического института. 2025, №4 (65). С. 62-66.
5. Иконников Д.С., Ковалев О.Г. Современные подходы обеспечения надзора в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы: организационно-правовой и психологический анализ // Право и управление. 2024, №8. С. 243-248.
6. Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024. №10 (238). С.329-331.
7. Царькова Е.Г., Краева Н.В. Аспекты применения технологий искусственного интеллекта в деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2024, № 12(199). С. 422-424.
8. Пекарева В.В., Бондаренко И.В. Искусственный интеллект в сфере образования: перспективы и значение // Аграрное и земельное право. 2024. №1 (229). С. 177-179.
9. Баранов М. Н., Жумжаева А. Е. Зарубежный опыт применения электронных средств слежения в деятельности службы пробации // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2013. № 1–2 (29). С. 81-87.
10. Ковалев О.Г. Вопросы правового регулирования применения технических средств надзора и безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Образование и право. 2024. №6. С. 412-417.

References:

1. Kopylov V.V., Subbotin A.A., Kopylov V.V., Istomin A.A. Audioanalitika – innovaciya v organizacii nadzora v sledstvennyh izolyatorah FSIN Rossii // Informacionnye tekhnologii v UIS. 2025, № 1. Pp. 85-92.
2. Kopylov V.V., Subbotin A.A., Istomin A.A., Kuznecov A.S. Perspektivy vnedreniya audioanalitiki v organizaciyu nadzora v sledstvennyh izolyatorah FSIN Rossii / // Informatizaciya i tekhnicheskoe obespechenie ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii: problemy, resheniya i perspektivy razvitiya: Sbornik materialov III vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Tver', 03-04 oktyabrya 2024 g. – Tver': FKU NIIIT FSIN Rossii, 2024. Pp. 54-60.
3. Denisenko O. I., ZHarov I. S., Kadraleeva ZH. A. Ispol'zovanie sistem identifikacii lichnosti dlya obespecheniya bezopasnosti na rezhimnyh ob"ektah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii. 2024, № 4. Pp. 113-119.
4. SHinyaev K.A., Morozov A.S. Sovremennye cifrovye tekhnologii v sisteme nadzora sledstvennyh izolyatorov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy rossijskoj federacii // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2025, №4 (65). Pp. 62-66.
5. Ikonnikov D.S., Kovalev O.G. Sovremennye podhody obespecheniya nadzora v sledstvennyh izolyatorah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy: organizacionno-pravovoj i psihologicheskij analiz // Pravo i upravlenie. 2024, №8. Pp. 243-248.
6. Pekareva V.V., Frolovskaya YU.I. Iskusstvennyj intellekt v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. №10 (238). Pp.329-331.
7. Car'kova E.G., Kraeva N.V. Aspekty primeneniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta v deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2024, № 12(199). Pp. 422-424.
8. Pekareva V.V., Bondarenko I.V. Iskusstvennyj intellekt v sfere obrazovaniya: perspektivy i znachenie // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2024. №1 (229). Pp. 177-179.
9. Baranov M. N., ZHumzhaeva A. E. Zarubezhnyj opyt primeneniya elektronnyh sredstv slezheniya v deyatel'nosti sluzhby probacii // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. 2013. № 1–2 (29). Pp. 81-87.
10. Kovalev O.G. Voprosy pravovogo regulirovaniya primeneniya tekhnicheskih sredstv nadzora i bezopasnosti v uchrezhdeniyah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Obrazovanie i pravo. 2024. №6. Pp. 412-417.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_110

УДК 342.9:351.74

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР И ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

ADMINISTRATIVE SUPERVISION AND PREVENTIVE ACTIVITIES OF DISTRICT POLICE OFFICERS: PROBLEMS OF LEGAL AND PROCEDURAL REGULATION

ХАЛИТОВ Олег Фирузович,
старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России».
450103, Россия, г. Уфа, ул. Муксинова, 2
E-mail: ikator@mail.ru

ПЕСТОВ Роман Аркадьевич
доцент кафедры административного права
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России».
344015, Россия г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83
E-mail: +79185927828@ya.ru

КАПИТАНОВА Надежда Валентиновна
старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России».
603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Анкудиновское шоссе, 3
E-mail: 900nnovgorod@mail.ru

KHALITOV OlegFiruzovich,
Senior Lecturer at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
2 Muksinova str., Ufa, 450103, Russia.
E-mail: ikator@mail.ru

PESTOV Roman Arkadyevich
Associate Professor of the Department of Administrative Law
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
83 Yeremenko St., Rostov-on-Don, 344015, Russia
E-mail: +79185927828@ya.ru

KAPITANOVA Nadezhda Valentinovna
Senior lecturer at the Department of Social Sciences and Humanities
The Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Ankudinovskoe shosse str., 3, Nizhny Novgorod, 603950, Russia
E-mail: 900nnovgorod@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье анализируются административно-правовые основы надзорной и профилактической деятельности участковых уполномоченных полиции. Выявляются ключевые проблемы правового регулирования, связанные с неопределённостью административных процедур, расширением дискреционных полномочий и недостаточностью процессуальных гарантий прав граждан. Обосновывается необходимость систематизации и совершенствования нормативной базы, регламентирующей профилактическую деятельность полиции, с целью повышения её эффективности и обеспечения баланса публичных и частных интересов.*

Abstract: *The article analyzes the administrative and legal bases of the supervisory and preventive activities of district police officers within the framework of administrative supervision. The key problems of legal regulation related to the uncertainty of administrative procedures, the expansion of discretionary powers and the lack of procedural guarantees of citizens' rights are identified. The article substantiates the need to systematize and improve the regulatory framework governing the preventive activities of the police in order to increase its effectiveness and ensure a balance of public and private interests.*

Ключевые слова: *административный надзор, профилактика правонарушений, участковый уполномоченный полиции, административное право, публичные полномочия, правовое регулирование.*

Keywords: *administrative supervision, crime prevention, district police commissioner, administrative law, public authority, legal regulation.*

Для цитирования: *Халитов О.Ф., Пестов Р.А., Капитанова Н.В. Административный надзор и профилактическая деятельность участковых уполномоченных полиции: проблемы правового регулирования // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 110-112. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_110.*

For citation: *Khalitov O.F., Pestov R.A., Kapitanova N.V. Administrative supervision and preventive activities district police officers: problems of legal regulation // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 110-112. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_110.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Введение

В современной доктрине публичного права профилактическая направленность государственной деятельности рассматривается как показатель зрелости правовой системы и эффективности управленческого механизма. Как справедливо отмечал Д.Н. Бахрах, административное право регулирует прежде всего сферу публичного управления, в рамках которой государство реализует властные полномочия в целях обеспечения общественного порядка и безопасности [1]. В этой логике административный надзор выступает не вспомогательной, а системообразующей формой публичной деятельности.

Ю.Н. Старилов подчёркивает, что административная деятельность органов исполнительной власти представляет собой особый правовой режим реализации публичного интереса, требующий чёткого процедурного оформления [2]. В контексте профилактической деятельности полиции данный тезис приобретает особую значимость, поскольку административный надзор непосредственно связан с ограничением субъективных прав граждан и потому нуждается в высокой степени правовой определённости.

Административный надзор традиционно рассматривается как разновидность государственно-властной управленческой деятельности, направленной на предупреждение правонарушений и поддержание режима законности. По мнению Б.В. Россинского, надзорная функция государства отличается превентивной природой и реализуется преимущественно во внесудебных формах, однако не может выходить за пределы законодательно установленных процедур [3]. Тем самым в доктрине подчёркивается не только функциональный, но и процедурный аспект административного надзора.

Особое место в системе субъектов административного надзора занимает участковый уполномоченный полиции. Его деятельность характеризуется территориальной закреплённостью, постоянным взаимодействием с населением и сочетанием различных публичных функций. А.Б. Агапов указывает, что эффективность административной деятельности напрямую зависит от институциональной устойчивости первичного звена публичного управления [4]. В системе органов внутренних дел таким звеном объективно выступает участковый уполномоченный.

Вместе с тем специфика его правового статуса заключается в широком объёме дискреционных полномочий. Категория дискреции в административном праве традиционно рассматривается как допустимое усмотрение должностного лица при выборе вариантов правоприменительного решения в пределах закона. Однако, как подчёркивает Ю.Н. Старилов, дискреция должна быть процедурно ограничена и подлежать контролю, иначе она трансформируется в произвольное усмотрение [2]. В условиях недостаточной регламентации профилактических мероприятий именно эта проблема становится одной из центральных.

Нормативную основу профилактической деятельности участковых уполномоченных полиции составляют положения Федерального закона «О полиции», закрепляющие обязанность по предупреждению и пресечению правонарушений. Однако данные нормы носят рамочный характер и не формируют завершённой административной процедуры профилактической деятельности. Отсутствие унифицированных процедурных правил противоречит общим тенденциям развития административного законодательства, ориентированного на кодификацию и стандартизацию публичных процедур.

В научной литературе неоднократно подчёркивалось, что эффективность административной деятельности определяется не только объёмом полномочий, но и качеством правового механизма их реализации. В контексте анализа профессиональной надёжности управленческой деятельности В.Д. Небылицын [5]и В.А. Пономаренко [6] отмечали, что устойчивость функционирования системы зависит от нормативной определённости условий деятельности и пределов ответственности субъекта.

Несмотря на принадлежность данных выводов к сфере психологии деятельности, представляется методологически допустимым их использование при анализе административных процедур как разновидности управленческой деятельности. Перенесение данного подхода на сферу административного надзора позволяет сделать вывод о том, что неопределённость процедур снижает не только правовую защищённость граждан, но и институциональную устойчивость самой системы профилактики.

Значительная часть регулирования профилактической деятельности осуществляется посредством ведомственных актов МВД России. Такая модель нормотворчества, при которой ключевые элементы административной процедуры закрепляются на подзаконном уровне, порождает проблему соотношения закона и ведомственной регламентации. В теории административного права подчёркивается, что регулирование вопросов, затрагивающих права и свободы личности, должно осуществляться преимущественно на уровне федерального закона [1; 3]. В противном случае нарушается принцип правовой определённости как составной элемент конституционного принципа верховенства права.

Дополнительное измерение проблемы связано с балансом публичного интереса и прав личности. Административный надзор по своей природе предполагает вмешательство в сферу частной жизни граждан, осуществление наблюдения за их поведением, проведение профилактических бесед и вынесение предупреждений, что, по сути, связано с реализацией публичных полномочий над субъектами. При этом анализ современной юридической литературы свидетельствует о том, что правовое регулирование процедур фиксации таких действий и механизмов их обжалования до сих пор недостаточно детализировано и не образует завершённой административно-процедурной конструкции [7, 34]. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчёркивал, что вмешательство публичной власти в сферу конституционно защищённых прав и свобод допустимо лишь при условии нормативной определённости, ясности и предсказуемости правового регулирования, исключающего произвольное усмотрение правоприменителя [8; 9]. В отсутствие чётко закреплённой административной процедуры профилактические меры рискуют утратить необходимый баланс между публичным интересом и правами личности. Отсутствие процедурной детализации снижает уровень судебного контроля и усложняет реализацию гарантий защиты прав граждан.

В совокупности обозначенные обстоятельства свидетельствуют о необходимости дальнейшей концептуализации и систематизации правового регулирования профилактической деятельности участковых уполномоченных полиции. При этом ключевой проблемой выступает не только процедурная неопределённость, но и терминологическая неоднородность нормативного регулирования. В ведомственных нормативных актах МВД России используются различные по содержанию категории – «профилактика» и «предупреждение», смысловое наполнение которых не имеет единообразного толкования ни в законодательстве, ни в научной доктрине, что обусловливает неоднородность правоприменительной практики и терминологическую неопределённость соответствующего института [10, 365].

В научной литературе сформировалось по меньшей мере три подхода к соотношению категорий «профилактика» и «предупрежде-

ние»: их отождествление; понимание профилактики как более широкого понятия, включающего предупредительную функцию; а также трактовка предупреждения в качестве родового понятия по отношению к профилактике[11, 108]. Отсутствие единообразия в понятийном аппарате негативно отражается на правоприменительной практике и препятствует формированию целостной административно-процедурной модели профилактической деятельности органов внутренних дел. В этой связи представляется целесообразным развитие нормативного регулирования в направлении унификации терминологии и законодательного определения содержания профилактической (предупредительной) деятельности полиции как самостоятельного направления административной деятельности, а также формирование унифицированных административных процедур, обеспечивающих прозрачность фиксации соответствующих действий и усиление механизмов судебного и общественного контроля.

Такой подход позволил бы устранить терминологические коллизии, повысить уровень правовой определённости и обеспечить более устойчивый баланс публичных интересов и прав личности в сфере административного надзора.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении профилактической деятельности участковых уполномоченных полиции через призму административно-процедурного режима и принципа правовой определённости, а также в обосновании необходимости унификации понятийного аппарата и процедурной стандартизации профилактических мероприятий как самостоятельного института административного права.

Заключение

Таким образом, административный надзор и профилактическая деятельность участковых уполномоченных полиции являются ключевыми элементами публично-правового механизма обеспечения общественной безопасности. Их дальнейшее развитие должно осуществляться в русле укрепления процедурных гарантий, ограничения дискреционных полномочий чёткими нормативными рамками и систематизации правового регулирования, что позволит обеспечить конституционно значимый баланс публичных и частных интересов.

Список литературы:

1. Бахрах Д.Н. Административное право России : Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / Д. Н. Бахрах. – Москва : Норма, Инфра-М, 2000. – 623 с. : 22 см.; ISBN 5-89123-389-4 (Норма), 5-16-000109-3 (Инфра-М).
2. Старилов Ю.Н. Общее административное право : учебник : в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старилова ; Воронежский государственный университет. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. ISBN 978-5-9273-2253-4 Ч. 1. – 2016. – 760 с. ISBN 978-5-9273-2292-3
3. Россинский Б. В. Административное право учебник / Б. В. Россинский, Ю. Н. Старилов. – 7-е изд., пересмотр..–Москва : ИНФРА-М, Норма, 2025 (печ. 2024). – 839 с.; 22. – ISBN 978-5-00156-385-3, 978-5-16-020163-4, 978-5-16-112697-4.
4. Агапов, А. Б. Административное право : учебник для бакалавриата и магистратуры / А. Б. Агапов. – 9-е изд., перераб. и доп. –Москва : Издательство Юрайт, 2016. – 936 с.
5. Небылицын В. Д. Надежность работы оператора в сложной системе управления // Инженерная психология / под ред. А .Н . Леонтьева, В. П . Зинченко и Д. Ю . Панова. М. , 1964 С 358-367
6. Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А. Образ в системе психической регуляции деятельности. М. , 1986. 112 с.
7. Занина, Т. М. Административный надзор в системе профилактики повторной преступности / Т. М. Занина, Д. М. Моргунов // Научный портал МВД России. – 2024. – № 4(68). – С. 30-36. – EDN MRZASW.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2009. - № 4.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2015. - № 1.
10. Тимко, С. А. Новеллы правовой регламентации профилактики правонарушений органами внутренних дел / С. А. Тимко // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2025. – Т. 31, № 4(99). – С. 364-373. – DOI 10.24412/1999-625X-2025-499-364-373. – EDN TIGJQK.
11. Хоменко И. В., Деришев Ю. В. Понятия и соотношение функций профилактики и предупреждения преступлений следователем // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 1.

References:

1.Bakhrah D.N. Administrative law of Russia : Textbook for university students studying in the specialty "Jurisprudence" / D. N. Bakhrah. Moscow : Norma, Infra-M, 2000. 623 p. : 22 cm.; ISBN 5-89123-389-4 (Norma), 5-16-000109-3 (Infra-M).
2.StarilovYu.N. General Administrative law : textbook : in 2 hours / edited by Yu. N. Starilov ; Voronezh State University. – 2nd edition ed., revised and supplemented – Voronezh : VSU Publishing House, 2016. ISBN 978-5-9273-2253-4 Part 1. – 2016. – 760 p. ISBN 978-5-9273-2292-3
3.Rossinsky B. V. Administrative law textbook / B. V. Rossinsky, Yu. N. Starilov. – 7th ed., revision..–Moscow : INFRA-M, Norma, 2025 (p. 2024). – 839 p.; 22. – ISBN 978-5-00156-385-3, 978-5-16-020163-4, 978-5-16-112697-4.
4.Agapov, A. B. Administrative law : a textbook for undergraduate and graduate studies / A. B. Agapov. – 9th ed., revised. and add. Moscow :Yurait Publishing House, 2016. 936 p.
5.Nebylitsyn V. D. Operator reliability in a complex control system // Engineering psychology / edited by A.N. Leontiev, V. P. Zinchenko and D. Yu. Panova, M. , 1964, pp. 358-367
6.Zavalova N. D., Lomov B. F., Ponomarenko V. A. Image in the system of mental regulation of activity. Moscow, 1986. 112 p.
7.Zanina, T. M. Administrative supervision in the system of prevention of repeat crime / T. M. Zanina, D. M. Morgunov // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4(68). – Pp. 30-36. – EDN MRZASW.
8.Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 16.06.2009 No. 9-P // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. - 2009. - № 4.
9.Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 17.02.2015 No. 2-P // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. - 2015. - № 1.
10.Timko, S. A. Novelties of the legal regulation of the prevention of offenses by law enforcement agencies / S. A. Timko // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – Vol. 31, No. 4(99). – pp. 364-373. – DOI 10.24412/1999-625X-2025-499-364-373. – EDN TIGJQK.
11.Khomenko I. V., DerishevYu.V. Concepts and correlation of functions of prevention and prevention of crimes by an investigator // Siberian Legal Review. 2024. № 1.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_113

УДК 343.3/7

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF ENVIRONMENTAL SAFETY

ПЬЯНУСОВ Александр Викторович
Заведующий кафедрой экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, кандидат военных наук, доцент, 196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149.
e-mail: pyanusov.av@yandex.ru

PYANUSOV Alexander Viktorovich
Head of the Department of Ecology and Life Safety Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Candidate of Military Sciences, Associate Professor, 149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, 196105, Russia.
e-mail: pyanusov.av@yandex.ru

Краткая аннотация: *Конституционная норма, содержащаяся в пункте «д» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации, предусматривает, что обеспечение экологической безопасности находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, что отражается на правовом регулированиирассматриваемого института, постольку, поскольку в указанном направлении принимаются не только федеральные законы, законы субъектов Российской Федерации, но и акты органов местного самоуправления. В настоящем исследовании проводится анализ конституционных основ обеспечения экологической безопасности.*

Abstract: *The constitutional norm contained in paragraph "d" of part 1 of Article 72 of the Constitution of the Russian Federation stipulates that ensuring environmental safety is a joint responsibility of the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation, which is reflected in the legal regulation of this institution, as not only federal laws and laws of the constituent entities of the Russian Federation, but also acts of local self-government bodies are adopted in this area. This study analyzes the constitutional foundations of ensuring environmental safety..*

Ключевые слова: *экологическая безопасность; правовое регулирование; охрана окружающей среды; рациональное природопользование.*

Keywords: *environmental safety; legal regulation; environmental protection; rational nature management.*

Для цитирования: *Пьянусов А.В. Конституционные основы обеспечения экологической безопасности // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 113-116. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_113.*

For citation: *Pyanusov A.V. Constitutional foundations of environmental safety // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 113-116. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_113.*

Статья поступила в редакцию: 10.03.2026

Развитие человеческого общества наряду со многими положительными следствиями этого процесса привело к ряду неблагоприятных для человека, как биологического вида, явлений. Среди них - появление опасных ядерных, химических, биологических производств, бесконтрольное воздействие на экосистемы. Становится реальной угроза международного технологического и экологического терроризма[1].

Усугубление экологического кризиса, охватившего планету, обусловлено небывалым обострением противоречия между экологическими и экономическими интересами общества.

Одним из важных направлений перехода Российской Федерации к устойчивому развитию является широкое использование юридических средств для решения данной проблемы. Формирование правовых принципов и норм, принятие закрепляющих их законодательных актов, совершенствование механизма реализации последних позволяют направить в нужное русло деятельность по снижению угроз обществу со стороны природных и антропогенных факторов, создать стабильную экологическую обстановку.

Имеющая высшую юридическую силу и прямое действие Конституция Российской Федерации создает основы всех отраслей российского законодательства, в том числе об охране окружающей среды и экологической безопасности, которые к концу XX века стали глобальной проблемой современного мира. В XXI веке экологический кризис обостряется и проявляется в усилении дефицита питьевой воды, борьбе за разведанные месторождения полезных ископаемых, поиске чистого воздуха в столичных мегаполисах и даже возможностей продажи его в другие страны.

Первые конституции нашей страны содержали лишь нормы об исключительной государственной собственности на землю и другие основные природные ресурсы, об обязанностях землепользователей повышать плодородие почв. Россия была одним из первых государств, принявших в 1960 г. Закон «Об охране природы в РСФСР»[2], провозгласивший основы правовых отношений «человек - природа». Немало из содержавшихся в нем положений себя оправдало и нашло дальнейшее развитие - например, о преподавании охраны природы в учебных заведениях и пропаганде ее издательствами, музеями, телевидением, редакциями газет и журналов, об общественной природоохранной экспертизе проектов крупнейших строек, о необходимости рационального использования природных ресурсов и государственной охране объектов природы, об ответ-

[1] Шеншин, В. М. Обеспечение экологической безопасности Российской Федерации как элемент национальной безопасности / В. М. Шеншин, С. Ю. Коряго // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 33-37. – EDN OWQZGY; Шеншин, В. М. Экологическая безопасность как объект уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Российский следователь. – 2018. – № 6. – С. 68-71. – EDN XPPKHR.

[2] Закон «Об охране природы в РСФСР» // Ведомости РСФСР. 1960. N 40. Ст.586.

ственности руководителей ведомств и предприятий, а также граждан за нарушения природоохранных правил. Но многие законодательные положения оказались излишне декларативными и не подкрепленными подзаконными актами.

На конституционном уровне экологическая тема получила отражение в конституциях СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г., когда в ст.18 (после международной Стокгольмской конференции 1972 г.) был закреплен принцип, согласно которому в интересах настоящего и будущих поколений в России принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды.

Конституционный институт охраны окружающей среды имел ярко выраженный экономический, социальный, политический характер, хотя уже тогда наукой ставились и обосновывались перспективные задачи перенесения приоритета на социальные цели, связанные с обеспечением здоровья человека, его местообитанием и жизнью; вовлечения в экологический контроль общественности, человека, право которого на благоприятную среду предполагалось, но не гарантировалось; превращения граждан из объектов в субъекты экологического управления[1].

Конституция Российской Федерации содержит более конкретные экологические предписания и принципы, которые должны применяться на всей территории страны, а все принимаемые в России правовые акты не должны им противоречить. Это повышает фундаментальность влияния Конституции как на развитие экологического законодательства - федерального и регионального, так и на принятие и применение иных нормативных правовых актов на территории субъектов Российской Федерации.

В регионах шла опережающая федеральный центр разработка законов о лесах, об экологической экспертизе, о животном мире - ряд оправдавших себя норм из этих актов вошли в принятые позднее федеральные законы. В Башкортостане принят даже Экологический кодекс. Но не во всем эти акты соответствовали Конституции и законодательству Российской Федерации, их недостатки устраняются, начиная с 2001 года. Восполнение пробелов федерального законодательства осуществлялось путем принятия законов о растительном мире, об охотничьем хозяйстве, об общераспространенных полезных ископаемых, о зеленых насаждениях в городах. В статьях 71 и 72 Конституции разграничиваются предметы природоохранного ведения, чему посвящается немало научных работ[2].

Обращает на себя внимание, что если природоресурсные и природоохранные полномочия находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, то гражданское законодательство, метеорологическая служба, стандарты, эталоны (а они имеют первостепенное значение для сертификации, нормирования и паспортизации в области охраны окружающей среды), отнесены Конституцией к ведению Российской Федерации.

Принципиальное значение для экологии имеет регулирование имущественных отношений в сфере природопользования, поскольку от форм собственности на природные объекты во многом зависят рациональность и эффективность их использования, сочетание экологического, административного, публичного, гражданско-правового, частного подходов к владению, пользованию и распоряжению природными объектами, возможности государственного, производственного, общественного и муниципального экологического контроля.

В статье 9 Конституции Российской Федерации использование и охрана природных ресурсов провозглашаются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, закрепляется возможность частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности, то есть разнообразие, защита и равноправие форм собственности на природные ресурсы и объекты. Конституционная формулировка «могут находиться» дает основания для дискуссий между сторонниками развития форм собственности либо их сдерживания: первые полагают, что на все природные ресурсы разрешены любые формы собственности; вторые считают, что если в Конституции записано «могут быть», то это значит, что природные ресурсы могут и не быть (по усмотрению законодателя) во всех формах собственности.

Установление на федеральном уровне правил имущественного оборота обеспечивает единство экономического пространства, стабилизацию природоресурсных отношений, внедрение в них отработанных, проверенных веками правовых процедур. Природоресурсные законы в соответствии с Конституцией Российской Федерации предусматривают экономически и социально оправданные различные варианты осуществления прав собственности[3].Преимущественно публичные начала преобладают в горных, фаунистических и лесных отношениях[4].

Сердцевиной гуманитарной составляющей конституционных основ экологии является ст. 42 Конституции Российской Федерации о праве каждого на благоприятную окружающую среду, повторяющая аналогичные нормы конституций многих европейских государств[5]. Как и в других странах, этот конституционный тезис представляется слишком общим, нуждается в конкретизации, подкреплении иными актами и правоприменением. Иски граждан, основанные на этой статье Конституции, либо остаются без удовлетворения, а если удовлетворяются, то остаются нереализованными.

Предусмотренные в той же статье права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды и на возмещение ущерба, при-

[1] Боголюбов С.А. Конституционно-правовые проблемы охраны окружающей среды в СССР: Автореф. дисс. :докт. юрид. наук. М., 1990. С.9-11; Шеншин, В. М. Социальный запрос общества как неологизм уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10(95). – С. 236-244. – DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.236-244. – EDN YOICCL.

[2]Бородавкина Н.М. Правовое регулирование экологических отношений в субъектах Российской Федерации: Автореф. дисс.: канд. юрид. наук. Оренбург, 1999; Бринчук М.М., Новикова Е.В. Новеллы в экологическом законодательстве // Журнал российского права. 2001. № 2; Казанник А.И. Региональные проблемы правовой охраны природы в России. Омск: Омский дом печати, 1998.

[3]Бородавкина Н.М. Там же. С. 17-19.

[4] Попов М.В. О нарушениях конституционных прав граждан на землю в субъектах Федерации // Журнал российского права. 1998. N 8.

[5] Боголюбов С.А. Конституционные основы охраны окружающей среды в государствах Европы // Журнал российского права. 2003. N 6; Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.

чиненного здоровью или имуществу человека экологическим правонарушением, в какой-то мере раскрывают содержание общего права на благоприятную среду, но недостаточны и также нуждаются в разъяснении, прежде всего в федеральных законах.

Реализации конституционных экологических прав граждан могло бы служить законодательное обеспечение их права не только на информацию, но и на участие в подготовке, обсуждении, принятии и выполнении решений, влияющих на состояние окружающей среды, в контроле за их исполнением. В настоящее время это является одним из узловых звеньев природоохранного механизма, нуждающихся в детальном правовом регулировании.

Среди немногих основных обязанностей граждан, предусмотренных в Конституции Российской Федерации, - долг каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам, что адекватно праву на благоприятную окружающую среду. Все природоресурсные кодексы и иные законы включают подробные нормы о конкретных обязанностях граждан, прежде всего экологических, применительно к конкретным природным ресурсам. Немало более общих экологических обязанностей имеется и в других федеральных и региональных законах. Проблема кроется в слабости функционирования контрольного и юрисдикционного государственного механизма, допускающего безнаказанность невыполнения и нарушения экологических обязанностей[1], в том числе со стороны должностных лиц, нередко принимающих экологически значимые решения.

Функции государства по охране окружающей среды получили в Конституции Российской Федерации достаточное развитие. Это и поощрение деятельности, способствующей экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию (ст.41), и установление основ федеральной политики, и федеральные программы экологического развития страны (п. «е» ст.71), и обеспечение Правительством Российской Федерации проведения единой государственной политики в области экологии (п.1 «в» ст.114).

Реализация этих конституционных положений предусматривается в федеральных законах и иных нормативных правовых актах. В статье 14 ФЗ «Об охране окружающей среды» к методам экономического регулирования отнесены предоставление налоговых и иных льгот при внедрении наилучших существующих технологий, нетрадиционных видов энергии, использовании вторичных ресурсов и переработке отходов - в соответствии с законодательством Российской Федерации. Но этого законодательства для многих ситуаций нет, а если есть - при использовании оно встречается с сопротивлением налоговых интересов.

В Федеральном конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации» предусмотрен блок его полномочий в области природопользования и охраны окружающей среды. Правительство их активно реализует, в том числе принимая постановления и распоряжения, организуя исполнение требований федерального экологического законодательства, подготовку проектов федеральных законов и используя право законодательной инициативы по природоохранным вопросам.

Сотнями природоохранных полномочий наделены в соответствии с положениями о них Министерство природных ресурсов РФ, Министерство сельского хозяйства РФ, Федеральная служба земельного кадастра и другие федеральные министерства, комитеты и службы.

Вносятся предложения о закреплении конкретных обязанностей государства, его органов, должностных лиц обеспечивать гражданам благоприятную для проживания среду и выполнение иных конституционных экологических прав[2].

Экологические нормы, содержащиеся в Конституции Российской Федерациигораздо насыщеннее и подробнее, чем в большинстве других стран, и вполне достаточны на конституционном уровне для решения современных проблем охраны окружающей среды и организации рационального природопользования путем надлежащего исполнения законодательных предписаний, осуществления повседневного экологического контроля и надзора, прежде всего, муниципального, общественного, прокурорского, и обеспечения неотвратимости ответственности за предусмотренные в Конституции экологические правонарушения[3].

Таким образом, роль Конституции Российской Федерации очевидна. Законность в сфере экологии является одним из важнейших факторов, гарантирующих закрепленное в ст. 42 Конституции Российской Федерации право каждого гражданина на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением[4].

На практике становится очевидно, что в настоящее время законодательное регулирование экологических проблем в Российской Федерации ориентировано преимущественно на ликвидацию уже возникших негативных последствий производственной и иной хозяйственной деятельности, а не на их предупреждение, что не оправдано ни с экологической, ни с экономической точки зрения.

В законодательстве не реализуется система экологических ограничений и режимов природопользования, отсутствует концепция последовательной экологизации законодательства.

---

[1] Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.

[2] Миняев А.О. Конституционные основы экологического права: Автореф. дисс. : канд. юрид. наук. М.: МГУ, 2003; Позднякова Е.А. Охрана окружающей среды посредством материальной ответственности работников. Оренбург, 2002.

[3] Шеншин, В. М. О региональном факторе реализации уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // Юридическое образование и наука. – 2018. – № 6. – С. 27-31. – DOI 10.18572/1813-1190-2018-6-27-31. – EDN XRORGX.

[4] Шеншин, В. М. Особенности установления штрафа за экологические преступления / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 1(77). – С. 120-122. – EDN YUUETC; Шеншин, В. М. К понятию уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 3. – С. 157-164. – EDN XSMIJF; Шеншин, В. М. Уголовно-экологическая политика России: постановка проблемы / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 2(74). – С. 123-127. – EDN ZFLWXX.

Список литературы

1. Боголюбов С.А. Конституционно-правовые проблемы охраны окружающей среды в СССР: Автореф. дисс. :докт. юрид. наук. М., 1990. С. 9-11.
2. Бородавкина Н.М. Правовое регулирование экологических отношений в субъектах Российской Федерации: Автореф. дисс.: канд. юрид. наук. Оренбург, 1999.
3. Бринчук М.М., Новикова Е.В. Новеллы в экологическом законодательстве // Журнал российского права. 2001. № 2.
4. Казанник А.И. Региональные проблемы правовой охраны природы в России. Омск: Омский дом печати, 1998.
5. Миняев А.О. Конституционные основы экологического права: Автореф. дисс. : канд. юрид. наук. М.: МГУ, 2003.
6. Позднякова Е.А. Охрана окружающей среды посредством материальной ответственности работников. Оренбург, 2002.
7. Попов М.В. О нарушениях конституционных прав граждан на землю в субъектах Федерации // Журнал российского права. 1998. N 8.
8. Шеншин, В. М. Обеспечение экологической безопасности Российской Федерации как элемент национальной безопасности / В. М. Шеншин, С. Ю. Коряго // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 33-37. – EDN OWQZGY.
9. Шеншин, В. М. Экологическая безопасность как объект уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Российский следователь. – 2018. – № 6. – С. 68-71. – EDN XPPKHR.
10. Шеншин, В. М. О региональном факторе реализации уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // Юридическое образование и наука. – 2018. – № 6. – С. 27-31. – DOI 10.18572/1813-1190-2018-6-27-31. – EDN XRORGX.
11. Шеншин, В. М. Особенности установления штрафа за экологические преступления / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 1(77). – С. 120-122. – EDN YUUETC.
12. Шеншин, В. М. Социальный запрос общества как неологизм уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10(95). – С. 236-244. – DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.236-244. – EDN YOICCL.
13. Шеншин, В. М. К понятию уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 3. – С. 157-164. – EDN XSMIJF.
14. Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.
15. Шеншин, В. М. Отражение экологической преступности в статистике / В. М. Шеншин // Вопросы статистики. – 2017. – № 11. – С. 81-87. – EDN YMOYDN.
16. Шеншин, В. М. Особенности предупреждения и пресечения экологических преступлений / В. М. Шеншин // Экологическое право. – 2017. – № 4. – С. 33-37. – EDN ZFANYH.
17. Шеншин, В. М. Уголовно-экологическая политика России: постановка проблемы / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 2(74). – С. 123-127. – EDN ZFLWXX.
18. Шеншин, В. М. Криминализация и пенализация экологических преступлений как методы реализации уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 3(75). – С. 98-101. – EDN ZTEKUB.
19. Шеншин, В. М. Участие защитника в уголовном судопроизводстве по экологическим преступлениям / В. М. Шеншин // Администратор суда. – 2017. – № 4. – С. 41-45. – EDN ZTHMHT.
20. Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.
21. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.

References

1. Bogolyubov S.A. Constitutional and legal problems of environmental protection in the USSR: Abstract. Dissertation : doct. jurid. M., 1990. pp. 9-11.
2. Borodavkina N.M. Legal regulation of environmental relations in the subjects of the Russian Federation: Abstract. Dissertation: kand. jurid. sciences'. Orenburg, 1999.
3. Brinchuk M.M., Novikova E.V. Novelties in environmental legislation // Journal of Russian Law. 2001. № 2.
4. Kazannik A.I. Regional problems of legal nature protection in Russia. Omsk: Omsk House of Printing, 1998.
5. Minyaev A.O. Constitutional foundations of environmental law: Abstract. Dissertation : kand. jurid. M.: Moscow State University, 2003.
6. Pozdnyakova E.A. Environmental protection through financial responsibility of employees. Orenburg, 2002.
7. Popov M.V. On violations of the constitutional rights of citizens to land in the subjects of the Federation // Journal of Russian Law. 1998. N 8.
8. Shenshin, V. M. Ensuring the environmental safety of the Russian Federation as an element of national security / V. M. Shenshin, S. Y. Koryago // Law. Safety. Emergency situations. – 2021. – № 2(51). – Pp. 33-37. – EDN OWQZGY.
9. Shenshin, V. M. Environmental safety as an object of Russia's criminal environmental policy / V. M. Shenshin // Russian Investigator. – 2018. – No. 6. – pp. 68-71. – EDN XPPKHR.
10. Shenshin, V. M. On the regional factor of the implementation of criminal environmental policy / V. M. Shenshin // Legal education and science. – 2018. – No. 6. – pp. 27-31. – DOI 10.18572/1813-1190-2018-6-27-31. – EDN XRORGX.
11. Shenshin, V. M. Features of the establishment of a fine for environmental crimes / V. M. Shenshin // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 1(77). – Pp. 120-122. – EDN YUUETC.
12. Shenshin, V. M. Social demand of society as a neologism of criminal environmental policy / V. M. Shenshin // Actual problems of Russian law. – 2018. – № 10(95). – Pp. 236-244. – DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.236-244. – EDN YOICCL.
13. Shenshin, V. M. Towards the concept of criminal environmental policy in Russia / V. M. Shenshin // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. – 2018. – No. 3. – pp. 157-164. – EDN XSMIJF.
14. Shenshin, V. M. Theoretical approaches and problems of delineation of environmental offenses: / V. M. Shenshin ; St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2017. 156 p. ISBN 978-5-9500376-9-6. EDN XMNIVV.
15. Shenshin, V. M. Reflection of environmental crime in statistics / V. M. Shenshin // Questions of statistics. – 2017. – No. 11. – pp. 81-87. – EDN YMOYDN.
16. Shenshin, V. M. Features of prevention and suppression of environmental crimes / V. M. Shenshin // Environmental law. – 2017. – No. 4. – pp. 33-37. – EDN ZFANYH.
17. Shenshin, V. M. Criminal environmental policy of Russia: problem statement / V. M. Shenshin // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 2(74). – Pp. 123-127. – EDN ZFLWXX.
18. Shenshin, V. M. Criminalization and penalization of environmental crimes as methods of implementing Russia's criminal environmental policy / V. M. Shenshin // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 3(75). – Pp. 98-101. – EDN ZTEKUB.
19. Shenshin, V. M. Participation of a defender in criminal proceedings on environmental crimes / V. M. Shenshin // Court administrator. - 2017. – No. 4. – pp. 41-45. – EDN ZTHMHT.
20. Shenshin, V. M. Theoretical approaches and problems of delineation of environmental offenses: / V. M. Shenshin ; St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2017. 156 p. ISBN 978-5-9500376-9-6. EDN XMNIVV.
21. Grigonis, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_117

УДК 341.211

НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
REGULATORY FRAMEWORK FOR PROTECTING THE SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION BY THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION

НАЗАРОВА Ирина Сергеевна
Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург ул. Летчика Пилютова, д. 1.
e-mail: irina-nazarova@inbox.ru

NAZAROVA Irina Sergeevna
Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Scientific Research Center Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
e-mail: irina-nazarova@inbox.ru

***Краткая аннотация**. В статье исследуются нормативные основы защиты суверенитета Российской Федерации военнослужащими войск национальной гвардии; проводится анализ правовой базы, устанавливающей полномочия военнослужащих войск национальной гвардии в сфере защиты государственного суверенитета; делается акцент на ключевых обязанностях военнослужащих войск национальной гвардии по защите суверенитета; формулируется вывод о том, что нормативные основы защиты суверенитета Российской Федерации военнослужащими войск национальной гвардии являются достаточно развитыми, но требуют дальнейшего совершенствования в условиях специальной военной операции и новых вызовов безопасности.*

***Abstract**. The article examines the regulatory framework for the protection of the sovereignty of the Russian Federation by members of the National Guard; analyzes the legal framework that establishes the powers of members of the National Guard in the field of protecting state sovereignty; emphasizes the key responsibilities of members of the National Guard in protecting sovereignty; and concludes that the regulatory framework for the protection of the sovereignty of the Russian Federation by members of the National Guard is well-developed, but requires further improvement in the context of the special military operation and new security challenges.*

***Ключевые слова**: суверенитет, войска национальной гвардии, военнослужащие, нормативные основы, защита суверенитета, военная служба, правовые гарантии.*

***Keywords**: sovereignty, national guard troops, military personnel, regulatory frameworks, protection of sovereignty, military service, and legal guarantees.*

***Для цитирования:** Назарова И.С. Нормативные основы защиты суверенитета Российской Федерации военнослужащими войск национальной гвардии Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 117-121. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_117.*

***For citation:** Nazarova I.S. The normative foundations of the protection of the sovereignty of the Russian Federation by military personnel of the National Guard of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 117-121. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_117.*

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026

Актуальность исследования нормативных основ защиты суверенитета Российской Федерации военнослужащими войск национальной гвардии обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, в условиях специальной военной операции и беспрецедентного внешнего давления на Российскую Федерацию вопросы защиты государственного суверенитета приобретают особую значимость.

Во-вторых, войска национальной гвардии как новый институт российской государственности играют важную роль в обеспечении внутренней безопасности, что напрямую связано с защитой суверенитета страны[1].

В-третьих, современные вызовы безопасности, такие как терроризм, экстремизм[2], киберугрозы и гибридные войны, требуют от военнослужащих войск национальной гвардии четкого понимания своих правовых основ и обязанностей по защите суверенитета. В-четвертых, в условиях специальной военной операции возникает необходимость в совершенствовании нормативной базы, регулирующей деятельность военнослужащих по защите суверенитета, с учетом новых реалий и вызовов[3].

Особую актуальность приобретает вопрос о правовом статусе военнослужащих войск национальной гвардии и их обязанностях по защите суверенитета. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» и Устав внутренней службы определяют основные права и обязанности военнослужащих, но требуют дополнительной конкретизации в части защиты суверенитета в современных условиях.

[1] Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.
[2] Назарова, И. С. Противодействие экстремизму: основной понятийно-категориальный аппарат : Глоссарий / И. С. Назарова, В. М. Шеншин, Д. В. Попков. – Третье издание, дополненное. – Белгород : Эпицентр, 2025. – 95 с. – EDN RUTWEM. Шеншин, В. М. Участие войск национальной гвардии Российской Федерации в борьбе с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 80 с. – EDN RFZAPU.
[3] Шеншин, В. М. Участие в борьбе с беспилотными летательными аппаратами как новая задача войск национальной гвардии Российской Федерации при обеспечении ими общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2026. – № 3(344). – С. 41-47. – EDN NQLMMN.

Суверенитет является одним из фундаментальных конституционных принципов Российской Федерации и представляет собой верховенство государственной власти на своей территории и независимость во внешних сношениях[1]. Согласно статье 4 Конституции Российской Федерации, суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию, а Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории.

17 декабря 2025 года на расширенном заседании коллегии Министерства обороны Российской Федерации Путин Владимир Владимирович отметил, что Россия вернула себе статус полностью суверенной страны благодаря специальной военной операции**.** Он подчеркнул: «Главное, что произошло за время проведения специальной военной операции, заключается в том, что Россия вернула себе статус полного суверенитета. Россия стала во всех смыслах этого слова суверенной страной». В марте 2025 года, на пленарном заседании съезда Российского союза промышленников и предпринимателей Президент Российской Федерации сделал акцент на том, что Россия укрепляет собственный суверенитет по всем направлениям, включая развитие транспортной, логистической и финансово-платёжной инфраструктуры[2].

Суверенитет представляет собой неотъемлемое, верховное и независимое юридическое качество государства, определяющее его статус субъекта международного права и высшую власть внутри своей территории. В условиях системной внешней конфронтации и гибридной войны конституционно-правовая охрана суверенитета вышла на первый план как первоочередная задача обеспечения национальной безопасности. Российская Федерация реализует эту задачу через комплексную стратегию, сочетающую нормативное закрепление, институциональное усиление и уголовно-правовую защиту[3].

Зорькин В.Д. рассматривает суверенитет в контексте конституционного права и определяет его как «конституционно-правовую категорию, выражающую верховенство и полноту государственной власти на определенной территории». Это определение акцентирует внимание на конституционно-правовых основах суверенитета и его связи с территорией государства[4].

В научной литературе существует несколько подходов к определению понятия суверенитета. Кудрявцев В.Н. определяет суверенитет как «верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость в международных отношениях». Это определение подчеркивает два ключевых аспекта суверенитета: внутренний (верховенство) и внешний (независимость)[5].

Сальников В.П. подчёркивает особую важность суверенитета, отмечая, что в России суверенитет закреплён на конституционном уровне как базовая социально-нравственная ценность. Это противопоставляется европейской концепции суверенитета как набора отдельных «компетенций»[6].

Современное понимание суверенитета включает не только традиционные аспекты (территориальный, политический, экономический), но и новые формы суверенитета, такие как цифровой суверенитет, информационный суверенитет и технологический суверенитет. Это особенно актуально в условиях цифровой трансформации и усиления информационных угроз[7].

Нормативно-правовая база защиты суверенитета Российской Федерации представляет собой комплекс правовых актов различных уровней, регулирующих деятельность государственных органов и военнослужащих по защите суверенитета[8].

Конституция Российской Федерации является основным законом страны и устанавливает общие принципы защиты суверенитета. Статья 4 Конституции Российской Федерации провозглашает суверенитет Российской Федерации и его распространение на всю территорию страны. Статья 15 устанавливает приоритет конституционных норм над международным правом, что является важным элементом защиты суверенитета.

Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ определяет правовые и организационные основы обеспечения безопасности Российской Федерации, включая защиту суверенитета. Закон устанавливает полномочия органов государственной власти в сфере обеспечения безопасности и определяет основные направления деятельности по защите суверенитета.

Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02 июля 2021 года № 400 определяет национальные интересы России в области защиты суверенитета и устанавливает стратегические приоритеты в этой сфере. Стратегия определяет основные угрозы суверенитету и меры по их нейтрализации.

Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» от 03 июля 2016 года № 226-ФЗ определяет правовой статус, задачи, функции и полномочия войск национальной гвардии в сфере защиты суверенитета. Закон устанавливает правовые основы деятельности войск национальной гвардии по обеспечению общественного порядка, защите критически важных объектов, противодействию терроризму и экстремизму Войска национальной гвардии Российской Федерации играют важную роль в защите суверенитета страны, выполняя ключевые функции по обеспечению внутренней безопасности. Созданные в 2016 году, войска национальной гвардии объединили функции внутренних войск МВД, ОМОН и СОБР, создав единый силовой институт для обеспечения внутренней безопасности.

---

[1] Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK. Грешных, А. А. Механизм правового регулирования региональной общественной безопасности на Северо-западе России как фактор обеспечения национальной безопасности / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 14-19. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-2-14-19. – EDN AOSFJA.

[2] Kremlin,ru

[3] Назарова И.С. Конституционные основы укрепления российской государственности: монография/ И.С. Назарова. - Санкт-Петербург, Белгород ООО «Эпицентр», 2026 - С. 95.

[4] Зорькин В.Д. Конституционное правосудие в России: теория и практика. М.: Юридическая литература, 2024.- С. 28-29.

[5] Кудрявцев В.Н. Национальная безопасность России. М.: Проспект, 2023. -С. 87.

[6] Сальников В. П. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, С. И. Захарцев [и др.] // Юридическая наука: история и современность. -2019. -№ 11. -С. 153.

[7] Малько А.В. Теория государства и права. М Малько А.В. Теория государства и права. М.: Проспект, 2024. -С. 249.

[8] Савицкий А. Г. Национальная безопасность. Россия в мире: учебник для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022.- С. 182.

Основными направлениями деятельности войск национальной гвардии в сфере защиты суверенитета являются: обеспечение общественного порядка и общественной безопасности. В условиях специальной военной операции эта функция приобретает особое значение, поскольку внутренняя стабильность является необходимым условием для защиты суверенитета.

Войска национальной гвардии обеспечивают охрану общественного порядка, предотвращают и пресекают правонарушения, обеспечивают безопасность массовых мероприятий; защита важнейших государственных объектов и специальных грузов. Войска национальной гвардии обеспечивают охрану и защиту объектов государственной власти, стратегических предприятий, транспортной инфраструктуры и других критически важных объектов, которые могут стать целью террористических актов или диверсий, направленных на подрыв суверенитета; борьба с терроризмом и экстремизмом. Войска национальной гвардии участвуют в антитеррористических операциях, пресекают деятельность экстремистских организаций, обеспечивают безопасность объектов, потенциально уязвимых для террористических актов. В условиях специальной военной операции эта функция приобретает особое значение, поскольку террористические угрозы могут использоваться для дестабилизации внутренней ситуации и подрыва суверенитета.

В условиях введения чрезвычайного или военного положения войска национальной гвардии выполняют задачи по обеспечению общественного порядка, охране важных объектов, противодействию диверсиям и саботажу, что напрямую связано с защитой суверенитета.

Правовые основы деятельности военнослужащих войск национальной гвардии определяются комплексом нормативных правовых актов, включая Конституцию Российской Федерации, федеральные законы, подзаконные акты и ведомственные нормативные документы.

Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ является основополагающим документом, определяющим правовой статус военнослужащих, их права, обязанности и ответственность. Закон устанавливает общие принципы военной службы, порядок прохождения военной службы, права и обязанности военнослужащих, а также социальные гарантии и компенсации.

Согласно статье 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», военнослужащие обязаны защищать Конституцию Российской Федерации[1], суверенитет, независимость, целостность и безопасность Российской Федерации; соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации; выполнять требования общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации и иных нормативных правовых актов военного управления; выполнять приказы командиров (начальников) в пределах их компетенции; беречь военное имущество; соблюдать воинскую дисциплину.

Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации является одним из общевоинских уставов и определяет права, обязанности и ответственность военнослужащих, а также основные правила внутреннего порядка в воинских частях и подразделениях. Устав устанавливает требования к воинской дисциплине, воинскому этикету, несению службы и выполнению воинских обязанностей.

Согласно статье 10 Устава внутренней службы, военнослужащие обязаны: быть верными Военной присяге (обязательству); защищать Конституцию Российской Федерации, суверенитет, независимость, целостность и безопасность Российской Федерации; соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации; выполнять требования общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации и иных нормативных правовых актов военного управления; выполнять приказы командиров (начальников) в пределах их компетенции.

Обязанности военнослужащих войск национальной гвардии по защите суверенитета Российской Федерации определяются нормативными правовыми актами и включают как общие обязанности, установленные для всех военнослужащих, так и специальные обязанности, связанные с выполнением задач по обеспечению внутренней безопасности.

Выделим общие обязанности военнослужащих по защите суверенитета:

1. Защита Конституции Российской Федерации, суверенитета, независимости, целостности и безопасности Российской Федерации. Это фундаментальная обязанность каждого военнослужащего, закрепленная в Федеральном законе «О воинской обязанности и военной службе» и Уставе внутренней службы.

2. Соблюдение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации. Военнослужащие обязаны действовать в строгом соответствии с законодательством, что является важным элементом защиты суверенитета.

3. Выполнение требований общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации и иных нормативных правовых актов военного управления. Соблюдение уставных требований обеспечивает дисциплину и порядок в воинских частях, что является необходимым условием для эффективной защиты суверенитета.

4. Выполнение приказов командиров (начальников) в пределах их компетенции. Военная дисциплина и беспрекословное выполнение приказов являются важными элементами защиты суверенитета, особенно в условиях специальной военной операции.

Специальные обязанности военнослужащих войск национальной гвардии по защите суверенитета включают:

1. Обеспечение общественного порядка и общественной безопасности. Военнослужащие войск национальной гвардии обязаны принимать меры по предотвращению и пресечению правонарушений, обеспечивать безопасность граждан и организаций, охранять общественный порядок при проведении массовых мероприятий.

[1] Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.

2. Защита важнейших государственных объектов и специальных грузов. Военнослужащие войск национальной гвардии обязаны обеспечивать охрану и защиту объектов государственной власти, стратегических предприятий, транспортной инфраструктуры и других критически важных объектов от возможных угроз и атак.

3. Борьба с терроризмом и экстремизмом. Военнослужащие войск национальной гвардии обязаны участвовать в антитеррористических операциях, пресекать деятельность экстремистских организаций, обеспечивать безопасность объектов, потенциально уязвимых для террористических актов.

4. Участие в мероприятиях по обеспечению режима чрезвычайного положения и военного положения. Военнослужащие войск национальной гвардии обязаны выполнять задачи по обеспечению общественного порядка, охране важных объектов, противодействию диверсиям и саботажу в условиях введения чрезвычайного или военного положения.

5. Противодействие информационным угрозам и защите государственной тайны. Военнослужащие войск национальной гвардии обязаны принимать меры по защите информации, составляющей государственную тайну, противодействовать информационным атакам и пропаганде, направленной на подрыв суверенитета и дестабилизацию внутренней ситуации.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы.

Во-первых, нормативные основы защиты суверенитета Российской Федерации военнослужащими войск национальной гвардии представляют собой комплекс правовых актов различных уровней, включая Конституцию Российской Федерации, федеральные законы, подзаконные акты и ведомственные нормативные документы. Эти акты образуют единую систему правового регулирования деятельности военнослужащих по защите суверенитета[1].

Во-вторых, Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» и Устав внутренней службы являются основополагающими документами, определяющими правовой статус военнослужащих, их права, обязанности и ответственность. Эти документы устанавливают фундаментальные обязанности военнослужащих по защите суверенитета, включая защиту Конституции Российской Федерации, соблюдение законодательства и выполнение приказов командиров.

В-третьих, военнослужащие войск национальной гвардии имеют как общие обязанности по защите суверенитета, установленные для всех военнослужащих, так и специальные обязанности, связанные с выполнением задач по обеспечению внутренней безопасности. Эти обязанности включают обеспечение общественного порядка, защиту критически важных объектов, борьбу с терроризмом и экстремизмом, участие в мероприятиях по обеспечению режима чрезвычайного положения и военного положения[2].

В-четвертых, для обеспечения эффективного выполнения обязанностей по защите суверенитета военнослужащие войск национальной гвардии имеют определенные правовые гарантии и социальную защиту, установленные законодательством. Это включает социальные гарантии, предусмотренные Федеральным законом «О статусе военнослужащих», а также дополнительные гарантии и компенсации в условиях специальной военной операции.

Изучение нормативных основ защиты суверенитета Российской Федерации военнослужащими войск национальной гвардии имеет важное теоретическое и практическое значение.

Теоретическое значение заключается в систематизации и анализе нормативной базы, регулирующей деятельность военнослужащих по защите суверенитета, а также в выявлении проблем и перспектив развития правового регулирования в этой сфере. Это способствует развитию теории военного права и конституционного права, а также формированию научных основ правового обеспечения защиты суверенитета.

Практическое значение исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы для совершенствования нормативной базы, регулирующей деятельность военнослужащих войск национальной гвардии, разработки рекомендаций по повышению эффективности их деятельности в сфере защиты суверенитета, а также для подготовки научных и учебных материалов по данной теме.

Для военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии изучение нормативных основ защиты суверенитета является важным элементом профессиональной подготовки. Понимание правовых основ своей деятельности позволяет им более эффективно выполнять служебные обязанности, защищать свои права и интересы, а также обеспечивать законность и правопорядок в своей деятельности.

Таким образом, изучение нормативных основ защиты суверенитета Российской Федерации военнослужащими войск национальной гвардии Российской Федерации является актуальной и важной задачей, решение которой способствует повышению эффективности деятельности военнослужащих и укреплению суверенитета России в целом.

Список литературы

1. Зорькин В.Д. Конституционное правосудие в России: теория и практика. М.: Юридическая литература, 2024.- 412 с.
2. Козлов В.Е. Правовые основы деятельности войск национальной гвардии // Российский юридический журнал. -2022. -№ 3.- С. 45-52.
3. Кудрявцев В.Н. Национальная безопасность России. М.: Проспект, 2023. -352 с.
4. Малько А.В. Теория государства и права. М.: Проспект, 2024. -400 с.
5. Назарова И.С. Конституционные основы укрепления российской государственности: монография/ И.С. Назарова. - Санкт-Петербург, Белгород ООО «Эпицентр», 2026.-208 с.
6. Никитин А.А. Правовые проблемы обеспечения военной безопасности // Журнал российского права. - 2023.- № 4. -С. 56-64.
7. Савицкий А. Г. Национальная безопасность. Россия в мире: учебник для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022.- 463 с.
8. Сальников В. П. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, С. И. Захарцев [и др.] // Мир политики и социологии. -2019. -№ 9.- С. 170–178.

[1] Козлов В.Е. Правовые основы деятельности войск национальной гвардии // Российский юридический журнал. -2022. -№ 3.- С. 49.
[2] Никитин А.А. Правовые проблемы обеспечения военной безопасности // Журнал российского права. - 2023.- № 4. -С. 61-62.

9. Сальников В. П. Философские и богословские предпосылки суверенности философии права России: ценностные и нравственные аспекты / В. П. Сальников, Р. Ф. Исмагилов, К. Г. Прокофьев // Теория государства и права. 2024. № 2–1 (37). С. 186–195. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2–1_37_186.
10. Сальников В. П. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, С. И. Захарцев [и др.] // Юридическая наука: история и современность. -2019. -№ 11. -С. 149–162.
11. Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.
12. Шеншин, В. М. Участие войск национальной гвардии Российской Федерации в борьбе с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 80 с. – EDN RFZAPU.
13. Назарова, И. С. Противодействие экстремизму: основной понятийно-категориальный аппарат : Глоссарий / И. С. Назарова, В. М. Шеншин, Д. В. Попков. – Третье издание, дополненное. – Белгород : Эпицентр, 2025. – 95 с. – EDN RUTWEM.
14. Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.
15. Грешных, А. А. Механизм правового регулирования региональной общественной безопасности на Северо-западе России как фактор обеспечения национальной безопасности / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 14-19. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-2-14-19. – EDN AOSFJA.
16. Шеншин, В. М. Участие в борьбе с беспилотными летательными аппаратами как новая задача войск национальной гвардии Российской Федерации при обеспечении ими общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2026. – № 3(344). – С. 41-47. – EDN NQLMMN.
17. Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.

References

1. Zorkin V.D. Constitutional justice in Russia: theory and practice. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 2024. 412 p.
2. Kozlov V.E. The legal basis of the activities of the National Guard troops // Russian Law Journal. -2022. -No. 3.- pp. 45-52.
3. Kudryavtsev V.N. National security of Russia. Moscow: Prospekt, 2023. -352 p.
4. Malko A.V. Theory of the state and law. Moscow: Prospekt, 2024. -400 p.
5. Nazarova I.S. The constitutional foundations of strengthening Russian statehood: a monograph/ I.S. Nazarova. - St. Petersburg, Bel-gorod Epicenter LLC, 2026.-208 p.
6. Nikitin A.A. Legal problems of ensuring military security // Journal of Russian Law. - 2023.- No. 4. -pp. 56-64.
7. Savitsky A. G. National security. Russia in the world: a textbook for university students. Moscow: UNITY-DANA, 2022. 463 p.
8. Salnikov V. P. The principle of sovereignty of state-legal ideology and philosophy of law / V. P. Salnikov, D. V. Maslennikov, S. I. Zakhartsev [et al.] // The world of politics and sociology. -2019. -No. 9.- pp. 170-178.
9. Salnikov V. P. Philosophical and theological prerequisites for the sovereignty of the philosophy of law of Russia: value and moral aspects / V. P. Salnikov, R. F. Ismagilov, K. G. Prokofiev // Theory of the State and law. 2024. No. 2-1 (37). pp. 186-195. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2–1_37_186.
10. Salnikov V. P. The value basis of sovereignty (on the issue of sovereign state-legal ideology) / V. P. Salnikov, D. V. Maslennikov, S. I. Zakhartsev [et al.] // Legal science: history and modernity. -2019. -No. 11. -pp. 149-162.
11. Shenshin, V. M. Rosgvardiya as a subject of ensuring state and public security in the field of administrative and jurisdictional activities / V. M. Shenshin. Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2022. 202 p. ISBN 978-5-6048482-9-6. EDN CCFOMJ.
12. Shenshin, V. M. Participation of the troops of the National Guard of the Russian Federation in the fight against terrorism and extremism / V. M. Shenshin. Belgorod : Epicenter LLC, 2026. 80 p. - EDN RFZAPU.
13. Nazarova, I. S. Countering extremism: the basic conceptual and categorical framework: Glossary / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin, D. V. Popkov. – Third edition, expanded. Belgorod : Epicenter, 2025. 95 p. – EDN RUTWEM.
14. Greshnykh, A. A. On some trends in the development of Russian law aimed at protecting the sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation / A. A. Greshnykh, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // State power and local self-government. – 2021. – No. 5. – pp. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.
15. Greshnykh, A. A. The mechanism of legal regulation of regional public security in the North-West of Russia as a factor of ensuring national security / A. A. Greshnykh, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 2. – pp. 14-19. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-2-14-19. – EDN AOSFJA.
16. Shenshin, V. M. Participation in the fight against unmanned aerial vehicles as a new task for the troops of the National Guard of the Russian Federation while ensuring public safety / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2026. – № 3(344). – Pp. 41-47. – EDN NQLMMN.
17. Kainov, V. I. Constitutional law: Textbook / V. I. Kainov, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin. Belgorod : Epicenter LLC, 2026. 284 p. ISBN 978-5-605-57024-0. EDN JAWRNO.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_122

УДК 349.6

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ
ENVIRONMENTAL CULTURE AND ENVIRONMENTAL EDUCATION

ЗЕЛЕНОВА Дарья Александровна,
старший преподаватель, высшая школа публичного права,
«Тихоокеанский государственный университет»,
ул. Тихоокеанская, 136, г. Хабаровск, 680042, Россия.
E-mail: acop@list.ru
КОМИССАРОВА Светлана Александровна,
студент, «Тихоокеанский государственный университет»,
ул. Тихоокеанская, 136, г. Хабаровск, 680042, Россия.
E-mail: acop@list.ru
ZELENOVA Darya Alexsandrovna,
senior lecturer, higher school of public law, Pacific National University,
Tihookeanskay str. 136, Khabarovsk, 680042, Russia.
E-mail: acop@list.ru
KOMISSAROVA Svetlana Alexsandrovna,
student, Pacific National University,
Tihookeanskay str. 136, Khabarovsk, 680042, Russia.
E-mail: acop@list.ru

Краткая аннотация: *в статье рассматривается проблема формирования экологической культуры как основы ответственного и устойчивого общества. Авторы подчеркивают, что решение экологических вызовов невозможно без изменения общественного сознания и воспитания экологической ответственности с раннего возраста. Анализируется роль семьи, школы, государства и медиа в формировании экологических ценностей. Отмечается формальный характер многих образовательных и просветительских инициатив, низкая мотивация граждан к участию в природоохранных акциях и необходимость использования современных форм коммуникации — геймификации, цифровых технологий и мягкой пропаганды*

Abstract: *the article examines the issue of developing environmental culture as the foundation of a responsible and sustainable society. The authors emphasize that addressing environmental challenges is impossible without transforming public consciousness and fostering environmental responsibility from an early age. The roles of family, school, government, and media in shaping ecological values are analyzed. The paper highlights the formal nature of many educational and awareness-raising initiatives, the low motivation of citizens to participate in environmental activities, and the need to use modern communication tools such as gamification, digital technologies, and soft propaganda*

Ключевые слова: *экологическая культура, экологическое воспитание, экологическая ответственность, нативная реклама, пропаганда*

Keywords: *environmental culture, environmental education, environmental responsibility, native advertising, propaganda*

Для цитирования: *Зеленова Д.А., Комиссарова С.А. Экологическая культура и экологическое воспитание // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 122-124. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_122.*

For citation: *Zelenova D.A., Komissarova S.A. Ecological culture and environmental education // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 122-124. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_122.*

Статья поступила в редакцию: 15.04.2026

Актуальность темы обусловлена нарастающими глобальными экологическими вызовами — изменением климата, истощением природных ресурсов и деградацией экосистем, — которые требуют не только технологических и правовых решений, но прежде всего изменения общественного сознания. В современных условиях наблюдается дефицит экологических ценностей, формализм в экологическом образовании и низкий уровень вовлеченности населения в природоохранную деятельность.

Целью исследования является определение эффективных путей формирования экологической культуры как основы ответственного и устойчивого общества, а также выявление механизмов повышения экологической ответственности граждан посредством образования, культуры и современных цифровых технологий. Объектом исследования является экологическая культура и экологическое воспитание как правовые институты экологического права.

Формирование экологической культуры начинается с раннего детства, когда родители объясняют ребенку элементарные нормы поведения в окружающей среде. Однако во многих случаях этот процесс носит поверхностный характер: взрослые ограничиваются фразами вроде «мусорить – некультурно», не акцентируя внимание на причинах и последствиях безответственного отношения к природе. Ребенок при этом не осознает, почему именно важно сохранять экологическое равновесие и какие реальные угрозы несет пренебрежение природными законами [10].

В системе школьного образования вопросы экологии также затрагиваются лишь вскользь [4]. На уроках окружающего мира или биологии говорится о необходимости беречь природу, но без глубокого раскрытия проблемы. В результате у школьников не формируется представление о масштабах экологических вызовов современности [5]. В старших классах тема экологии практически исчезает из учебных программ, ограничиваясь конкурсами рисунков или плакатов на темы защиты природы.

Современная культура потребления и ориентация общества на индивидуальные интересы усиливают экологическую безответственность. Массовая пропаганда идеи «думай только о себе», активно транслируемая в публичном пространстве от предпринимателей до популярных блогеров, вследствие чего, формируется эгоцентричная модель поведения. Она разрушает основы общественного сознания, когда даже

элементарные проявления эмпатии воспринимаются как необязательные. Особая опасность заключается в том, что экологические проблемы не воспринимаются как личные или актуальные: они отнесены к неопределенному «будущему», к которому большинство людей не чувствует ответственности. Аргумент о том, что последствия разрушения природы коснутся будущих поколений, нередко встречает равнодушный ответ: «это уже их забота».

Воспитание экологического сознания не может быть задачей только семьи или школы – оно требует участия государства. Органы публичной власти формируют внутреннюю политику, определяя приоритеты национального развития. В России реализуются программы по охране окружающей среды, однако их масштабы пока недостаточны. Приоритет отдан демографической и социальной повестке, тогда как экологическая политика нередко остается второстепенной.

Следует учитывать и экономическую составляющую. В условиях современной модели хозяйствования основной целью предпринимателя является получение прибыли, а не минимизация ущерба окружающей среде. Несмотря на наличие нормативов и платы за негативное воздействие на природу, реальный ущерб экосистемам остается значительным. Экологическая ответственность бизнеса часто ограничивается отчетностью, а не практическими действиями.

Проблема недостаточного экологического воспитания проявляется и в низкой вовлеченности населения в природоохранные мероприятия. Акции по очистке территорий и субботники посещает ограниченное число людей. Одни объясняют это нехваткой времени, другие убеждением, что «все равно снова будет грязно». Это следствие отсутствия сформированной экологической идентичности: если бы отношение к природе закладывалось системно, через образование, культуру, личный пример, то подобных настроений было бы меньше.

В современных условиях, когда индивидуализм становится доминирующим мировоззрением, требуется искать новые формы мотивации. Молодежь редко готова участвовать в экологических акциях безвозмездно, но откликается на стимулирующие механизмы – финансовые, игровые, конкурсные. Элементы геймификации, вознаграждения могут стать действенным инструментом вовлечения [2].

Пропаганда экологических ценностей в России требует не просто обновления, а кардинального пересмотра подходов.

Кроме того, в обществе присутствует усталость от избыточного количества социальных кампаний, проводимых формально и не подкрепленных конкретными действиями. Когда пропаганда не находит подтверждения в реальной политике государства или в примерах поведения общественных деятелей, она воспринимается как лицемерие. Таким образом, даже искренние посылы о необходимости беречь природу теряют свою ценность, превращаясь в шаблонные лозунги.

Проблема заключается не только в форме подачи, но и в содержании. Большинство официальных экологических кампаний опираются на призывы и моральные оценки «надо», «должен», «обязан», но не предлагают понятных механизмов участия или личной выгоды. В результате аудитория не видит прямой связи между собственными действиями и глобальными экологическими процессами.

Именно поэтому перспективным направлением становится использование мягких форм коммуникации – таких, как нативная реклама, интеграции в медиа-контент, кино, образовательные платформы и видеоигры. Экологические идеи необходимо внедрять в повседневную информационную среду, делая их естественной частью массовой культуры. Мягкое внедрение коммуникационных сообщений, лишенное агрессивных лозунгов и прямолинейных призывов, обладает потенциалом трансформации общественного мышления и формирования по-настоящему действенной агитации, которая не декларирует, а фактически выполняет свои функции. Именно в этом заключается сущность нативной рекламы [7].

В условиях информационной перегруженности аудитория все чаще демонстрирует устойчивое игнорирование традиционных рекламных форматов. В противоположность им нативная реклама воспринимается как органичная часть содержательного поля, поскольку она интегрируется в культурные и медиапродукты, такие как видеоигры, музыкальные произведения, визуальный дизайн и кинематограф.

Ключевое преимущество нативной рекламы состоит в ее способности привлекать внимание без вызывания раздражения или отторжения. Она не прерывает основной контент и не нарушает пользовательский опыт, а напротив, дополняет его, усиливая смысловое и эмоциональное воздействие. За счет этой ненавязчивости нативная коммуникация оказывается более убедительной и устойчивой, формируя доверие и способствуя глубинному усвоению транслируемых идей [9].

Только при условии органичного присутствия экологических смыслов в привычных форматах общения можно добиться формирования устойчивой ценностной установки, особенно у молодежи.

Важным шагом станет создание междисциплинарных проектов, с призовым фондом, объединяющих экологию с различными профессиональными областями. Например, для IT-специалистов разработка интерактивных приложений, мини-игр и симуляторов, демонстрирующих влияние человеческой деятельности на окружающую среду и возможности устойчивого развития [3]. Перспективным направлением может стать разработка мобильного приложения, направленного на формирование экологически ответственного поведения граждан через систему цифровой мотивации. Основная идея заключается в интеграции технологий QR-маркировки и геймификации в процесс утилизации отходов.

Предполагается, что на упаковке товаров и на мусорных контейнерах будет размещена цифровая маркировка. Пользователь, сканируя смартфоном код на упаковке и соответствующий код на контейнере для переработки, подтверждает факт правильной утилизации отхода. Эта информация автоматически фиксируется в системе, а пользователю начисляются баллы (экобонусы).

Накопленные баллы могут использоваться в партнерских сетях, например, как скидка на продукты, а также для участия в розыгрышах, получения эко-статусов или общественного признания. Таким образом, создается цифровая экосистема, в которой ответственное поведение поощряется реальными выгодами, а процесс переработки становится прозрачным и отслеживаемым.

Для специалистов в сфере анимации и кинопроизводства особую роль в формировании экологической культуры может играть инду-

стрия мультфильмов и анимации, обладающая мощным воспитательным и эмоциональным потенциалом. Мультфильмы остаются одним из самых доступных и влиятельных инструментов воздействия на мировоззрение детей и подростков. Именно через визуальные образы и сюжетные линии у молодого поколения формируются первые представления о добре, ответственности и бережном отношении к миру.

Также можно формировать серии коротких образовательных мультфильмов, где в игровой форме рассказывается о том, как обычные действия человека влияют на экологию. Такие мини-сюжеты могут интегрироваться в уже существующие медиа-платформы или даже использоваться как социальные вставки в популярных детских передачах [6].

Особое значение имеет эстетическая составляющая, а именно яркая визуальная культура, положительные эмоции и привлекательные персонажи усиливают воздействие на аудиторию. Важно, чтобы экологические смыслы воспринимались не как нравоучение, а как естественная часть истории, через которую ребенок учится любить и понимать природу [1].

Нативная экологическая реклама в дизайне представляет собой деликатный и ненавязчивый способ интеграции природной тематики в визуальную и пространственную среду. Речь не идет о буквальном воспроизведении природных образов или о необходимости украшать каждое здание растительными орнаментами. Экологичность в данном контексте проявляется через аккуратное использование цветовых решений и форм, ассоциирующихся с природной средой, а также через гармоничное включение отдельных элементов, отсылающих к естественным источникам.

Цветовая палитра играет в этом процессе ключевую роль. Оттенки зеленого, землистые и приглушенные природные тона способны выступать в качестве базовых цветов интерьера, формируя ощущение спокойствия, устойчивости и визуального комфорта.

При этом подобный дизайн не стремится к агрессивному акцентированию темы природы. Экологические мотивы не доминируют, а существуют как органичная часть общей композиции, поддерживая визуальный баланс и не превращаясь в прямолинейное высказывание. Именно такая ненавязчивость делает нативную экологическую рекламу особенно эффективной.

В условиях ее широкого распространения формируется устойчивый визуальный фон, в котором природные ассоциации становятся привычными и воспринимаются как норма. Это способствует постепенному закреплению экологических ценностей в сознании людей, формированию более внимательного и бережного отношения к окружающей среде, а также развитию экологического мышления без давления и прямого воздействия.

В подобных проектах в виде кейсов для определенной области специалистов можно делать вознаграждение, чтобы была мотивация, поскольку в современном обществе и при данной экономической модели за бесплатно небольшое количество людей будут участвовать [8].

Подобные инициативы позволят не только повысить уровень экологической грамотности, но и сформировать у молодежи понимание, что забота о природе – это не абстрактная обязанность, а часть профессиональной и гражданской ответственности каждого человека.

Список литературы:

1. Габриелян Т. О. Социальное анимационное произведение как способ привлечения внимания к проблеме воспитания/ Т. О. Габриелян, А. В. Речкунова// МедиаВектор. -2024. – С. 122-127.
2. Гляделов Д. С. Игровое сознание современной молодежи/ Д. С. Гляделов, Д. В. Скрипко, Н. В. Фомина // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2021. - Т. 3, С. 1014-1017.
3. Гришин Н. В. Возможности государства по конструированию идентичности молодежи в онлайн-пространстве: по материалам экспертного опроса/ Н. В. Гришин// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2025. – Т. 27, №2. - С. 315-329.
4. Карабань Е. Н. Проектная деятельность как формв экологического образования щкольников/ Е. Н. Карабонь, Н. В. Рубцова, К. Ф. Ерозенко// Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2021. – Т. 10, №2(35). – С. 116-119.
5. Ковалёва Н.С Формирования экологической ответственности будущих учителей/Н.С. Ковалёва// Мир науки, культуры, образования. – 2024. - №4 (107). – С. 76-79.
6. Любушкина Л. А. Влияние анимационных фильмов на психику подростков/ Л. А Любушкина, А. А. Пархоменко// Символ науки. – 2024. – С. 164-166.
7. Прохорова Е. Н. Преимущества и недостатки нативной рекламы как журналистского контента/ Е. Н. Прохорова// Международный научный журнал «Слово в науке». – 2022. – С. 58-66.
8. Терешина М. В. Практики формирования экологической культуры молодёжи: институциональные условия, проблемы и перспективы реализации/ М. В. Терещина, И. В. Мирошниченко, Е. В. Атамась// Перспективы науки и образования. – 2023. - №5(65). – С. 422- 446.
9. Токова А. Р. Нативная реклама в СМИ как актуальный формат рекламного медиабизнеса/А.Р. Токова// Мир науки, культуры, образования. – 2021. - №2(87). – С. 513-515.
10. Шакирова С.Н. Экологическое воспитание дошкольников/ С. Н. Шакирова// Вестник науки. – 2023. – Т.1, №10(67). – С. 130-133.

References:

1. Gabrielyan T. O. Social animation work as a way to draw attention to the problem of education / T. O. Gabrielyan, A. V. Rechkunova // MediaVector. - 2024. - P. 122-127.
2. Glyadelov D. S. Gaming consciousness of modern youth / D. S. Glyadelov, D. V. Skripko, N. V. Fomina // Actual problems of aviation and cosmonautics. - 2021. - V. 3, pp. 1014-1017.
3. Grishin N. V. State capabilities in constructing youth identity in the online space: based on an expert survey / N. V. Grishin // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. - 2025. - Vol. 27, No. 2. - P. 315-329.
4. Karaban E. N. Project activities as a form of environmental education of schoolchildren / E. N. Karaban, N. V. Rubtsova, K. F. Erozenko // Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. - 2021. - Vol. 10, No. 2 (35). - P. 116-119.
5. Kovaleva N.S. Formation of environmental responsibility of future teachers/N.S. Kovaleva// The world of science, culture, education. - 2024. - No. 4 (107). - P. 76-79.
6. Lyubushkina L. A. The influence of animated films on the psyche of adolescents / L. A. Lyubushkina, A. A. Parkhomenko // Symbol of Science. - 2024. - P. 164-166.
7. Prokhorova E. N. Advantages and disadvantages of native advertising as journalistic content / E. N. Prokhorova // International scientific journal "Word in Science". - 2022. - P. 58-66.
8. Tereshina M. V. Practices for the formation of environmental culture of youth: institutional conditions, problems and implementation prospects / M. V. Tereshina, I. V. Miroshnichenko, E. V. Atamas // Prospects of science and education. - 2023. - No. 5 (65). - P. 422- 446.
9. Tokova A. R. Native advertising in the media as a current format of the advertising media business / A.R. Tokova // The world of science, culture, education. - 2021. - No. 2 (87). - P. 513-515.
10. Shakirova S.N. Environmental education of preschoolers / S. N. Shakirova // Science Bulletin. - 2023. - Vol. 1, No. 10 (67). - P. 130-133.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_125

ПРОДАЖА МУНИЦИПАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, СФОРМИРОВАННЫХ ИЗ ЧИСЛА НЕВОСТРЕБОВАННЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ ДОЛЕЙ: ПРОБЕЛЫ И НЕЯСНОСТИ ЗАКОНА

SALE OF LAND PLOTS BY MUNICIPAL AUTHORITIES, FORMED FROM THE NUMBER OF UNCLAIMED LAND SHARES: GAPS AND AMBIGUITIES OF THE LAW

БЛИНОВ Руслан Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданское право,
Орловский государственный университет им. Тургенева И.С.
302026, Россия, г. Орёл, Комсомольская ул., 95.
E-mail: blinov.ruslann@mail.ru;

BLINOV Ruslan Nikolaevich,
Candidate of law, associate Professor of the Department of Civil law of OSU. Turgenev I. S.
95 Komsomolskaya St., Orel, 302026, Russia.
E-mail: blinov.ruslann@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются вопросы продажи земельных участков, находящихся в муниципальной собственности, сформированных из состава невостребованных земельных долей. Анализируются спорные ситуации между фактическими землепользователями, претендующими на льготное приобретение земельного участка в частную собственностью. Проведён анализ соответствующей нормы ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в части анализа формулировки понятия «использующим земельный участок».*

Abstract: *The article discusses the issues of selling land plots that are in municipal ownership and have been formed from unclaimed land shares. It analyzes the controversial situations between actual land users who claim preferential acquisition of a land plot as private property. The article also analyzes the relevant provisions of the Federal Law "On the Circulation of Agricultural Land" in terms of the definition of "using a land plot."*

Ключевые слова: *земли сельскохозяйственного назначения; фактическое использование земельного участка; оборот земель сельскохозяйственного назначения; невостребованные земельные доли.*

Keywords: *agricultural land; actual use of a land plot; turnover of agricultural land; unclaimed land shares.*

Для цитирования: *Блинов Р.Н. Продажа муниципальными органами земельных участков, сформированных из числа невостребованных земельных долей: пробелы и неясности закона // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 125-129. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_125.*

For citation: *Blinov R.N. Sale of land plots by municipal authorities, formed from the number of unclaimed land shares: gaps and ambiguities of the law // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 125-129. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_125.*

Статья поступила в редакцию: 19.04.2026

Автором ранее уже поднималась проблема фактического (бездоговорного) использования участков из состава земель сельскохозяйственного назначения, приходящихся на невостребованные земельные доли.[1]

В частности для защиты интересов сельхозтоваропроизводителей фактически использующих (или желающих использовать) земельные участки из состава земель сельскохозяйственного назначения, приходящихся полностью или в части на оставшиеся неоформленные невостребованные земельные доли предлагалось закрепления нормы в ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (далее – Закон об обороте) о правомерности использования таких земель, а также фиксация такого фактического использования земель на основании комиссионного акта с участием специалистов муниципальных органов[2].

Предложенные меры позволили бы предотвратить споры между сельхозтоваропроизводителями по вопросам последующего уже официального выкупа земельных участков по льготной стоимости.

За прошедшие годы произошли изменения в части «ускоренного» внесудебного порядка оформления прав за муниципалитетами на невостребованные земельные доли, которые существенно увеличили как число земельных участков данной категории, так и количество споров в данной сфере.

В частности, в связи с принятием ФЗ от 29.12.2022 N 639-ФЗ "О внесении изменений в ФЗ "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" было установлено, что после 1 января 2025 года невостребованные земельные доли автоматически переходят в муниципальную собственность во внесудебном порядке в силу самого факта признания земельной доли невостребованной. Государственная регистрация права муниципальной собственности на невостребованную земельную долю осуществляется на основании заявления органа местного самоуправления с представлением списка невостребованных земельных долей. При этом список собственников невостребованных земельных долей должен быть утвержден решением общего собрания участников долевой собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения либо органом местного самоуправления в случае, если общим собранием участников долевой собственности в течение четырех месяцев со дня опубликования списка органом местного самоуправления не принято решение по вопросу о невостребованных земельных долях[3].

Данному ускоренному процессу способствует и Письмо Росреестра от 26.06.2025 №14-6246-ТГ/25 «О применении Федерального зако-

[1] Фактическое (бездоговорное) использования участков из состава земель сельскохозяйственного назначения, приходящихся на невостребованные земельные доли: нарушение закона или благо? // Аграрное и земельное право.2020 №4 (184) с.62-64.
[2] Там же
[3] ФЗ от 29.12.2022 N 639-ФЗ "О внесении изменений в ФЗ "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения"//КонсультатнтПлюс.2026

на от 24.07.2002 № 101-ФЗ "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», в котором также были даны «указания» для регистраторов при регистрации права муниципальной собственности на невостребованные земельные доли (например, было указано, что по мнению Росреестра, предоставление документов, подтверждающих проведение процедуры признания земельных долей невостребованными и предшествующей утверждению списка невостребованных земельных долей (либо Общим собранием, либо органом местного самоуправления) не требуется[1].

Как указывает С.Н. Волков - с момента начала реализации Госпрограммы площадь вовлеченных в оборот сельхозземель за счет постановки на государственный кадастровый учет земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, и земельных участков, выделяемых в счет невостребованных земельных долей, находящихся в собственности муниципальных образований, составила 638,8 тыс. гектаров. Из них уже передано сельскохозяйственным товаропроизводителям 344,46 тыс. гектаров[2].

Над отметить имеющуюся большую заинтересованность сельхозтоваропроизводителей в получении земельных участков, образованных из числа невостребованных земельных долей по льготной цене (составляет лишь 15% от кадастровой стоимости).

Указанное льготное основание по продаже участка предусмотрено п. 5.1. ст. 10 Закона об обороте земель, который предусматривает такое приобретения земельного участка, при котором земельный участок, находящийся в муниципальной собственности и выделенный в счет земельных долей, находящихся в муниципальной собственности, передается только **использующим такой земельный участок** крестьянскому (фермерскому) хозяйству или сельскохозяйственной организации в собственность без проведения торгов в случае, если крестьянское (фермерское) хозяйство или сельскохозяйственной организации обратились в орган местного самоуправления с заявлением о заключении договора купли-продажи такого земельного участка в течение шести месяцев с момента государственной регистрации права муниципальной собственности на такой земельный участок. При этом цена такого земельного участка устанавливается в размере не более 15 процентов его кадастровой стоимости[3].

На первый взгляд имеющаяся в законе об обороте земель формулировка «использующим такой земельный участок» не вызывает каких-либо противоречий и неясностей (в том числе и опираясь на справедливый принцип «кто пашет землю в текущий момент времени – тот её и получает»). Данный подход «работает» только, если землепользователь (КФХ или предприятие) являются единоличным пользователем (других пользователей нет). В случае же, если участок (массив) используют два и тем более три субъекта (что бывает на практике), то неминуемо появляется конфликтная ситуация (например, по вопросам: периодов использования, площади использования, кому достанется какая часть (площадь) участка или в каком месте расположении и т.д.).

Данная спорная ситуация возникает прежде всего из-за ограниченности земельного ресурса. Все землепользователи понимают, что такая ситуация в получении «практически бесплатно последней земли» – больше не повторится. В связи с чем прилагают максимальные усилия для получения большей площади или всей предлагаемой площади в обход других претендентов.

Необходимо обратить внимание, что сама ситуация с необходимостью подтверждения «законного использованием участка, полученного в порядке самовольного (фактического) занятия земельного участка» выглядит несколько странно[4]. Но законодатель не придумал (начиная с 2003 года) иного механизма легализации фактически сложившихся земельных отношений в постсоветском периоде, когда правопреемники колхозов и совхозов продолжали и продолжают работать на всей «доставшейся в наследство» земельной площади.

С точки зрения существующего правового регулирования предусмотрена даже административная ответственность за самовольное занятие земельного участка или части земельного участка, в том числе использование земельного участка лицом, не имеющим предусмотренных законодательством Российской Федерации прав на указанный земельный участок.[5] Как указал в своём Постановлении Пленум ВС РФ - под самовольным занятием земель понимается пользование чужим земельным участком при отсутствии воли собственника этого участка (иного управомоченного им лица), выраженной в установленном порядке[6].

Земельный кодекс РФ также не делает никаких исключений (оговорок) относительно допустимости самовольного занятия, например, «брошенных (или неиспользуемых длительное время) земель с/х назначения» (самовольно занятые земельные участки возвращаются их собственникам, землепользователям, землевладельцам, арендаторам земельных участков без возмещения затрат, произведенных лицами, виновными в нарушении земельного законодательства, за время незаконного пользования этими земельными участками[7]).

В исследуемом вопросе фактического использования земель можно установить множество переплетающихся и взаимосвязанных аспектов. Например, с юридической точки зрения (юридический аспект) землепользователю необходимо было бы «дожидаться» появления правовых оснований для начала законного использования «бесправных земель» (к слову сказать, такие процессы могут идти годами и десятилетиями; а в большом количестве случаев до сих пор – не решены).

Второй аспект (экологический) - при неиспользовании земель с/х назначения сразу появляются негативные последствия, связанные с

[1] Письмо Росреестра от 26.06.2025 №14-6246-ТГ/25 «О применении Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»//КонсультатнтПлюс.2026
[2] Волков С. Н. О необходимости землеустроительного обеспечения вовлечения в сельскохозяйственный оборотне используемых земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. - 2024. – Т. 19.- № 4 (231) апрель.- С. 201-209.
[3] п. 5.1. ст. 10 ФЗ №101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»//КонсультантПлюс.2026
[4] Есть и другие примеры установленного нестандартного подхода в правовом регулировании. Например, при совершении административного правонарушения административный штраф может быть уплачен в размере половины суммы наложенного штрафа (при соблюдении определённых условий, например срока оплаты). Хотя всем юристам изначально известен принцип «неотвратимости административного наказания». В данной ситуации прослеживается также отступление от указанного принципа.
[5] Ст. 7.1 КоАП РФ от 30.12.2001 N 195-ФЗ //КонсультатнПлюс.2026
[6] П. 1 Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 N 11 (ред. от 04.03.2021) "О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях"
[7] п.2 ст. 76 ЗК РФ //КонсультантПлюс. 2026 г.

экологической составляющей (например, снижение плодородия земель сельскохозяйственного назначения или причинение вреда окружающей среде, в том числе вследствие непроведения мероприятий по защите земель от распространения опасных видов инвазивных (чужеродных) растений и уничтожению таких растений[1]). Открытым остаётся и вопрос – кого привлекать к ответственности за выявленные правонарушения (поскольку земельный массив, приходящийся на невостребованные земельные доли, как правило, в своём большинстве не имеет реальных собственников. И выглядело бы странным, например, привлечение к ответственности городского гражданина-наследника, владеющего земельной долей 5 га за неиспользование 200 га, куда входит его доля).

В данных отношениях имеется и экономический аспект – стремление сельхозтоваропроизводителя в получении большего урожая (соответственно прибыли), а соответственно и использовании всех возможных прилегающих свободных земель (в том числе и в порядке самовольного занятия или самозахвата).

Аспект продовольственной составляющей (продовольственной безопасности) в данном вопросе также имеет очень важное направление проводимой аграрной политики государства (что сразу предполагает ежегодное вовлечение в оборот неиспользуемых земельных ресурсов страны; в данном случае (аспекте) вопросы права, как правило, не учитываются, так как итоговый отчёт и статистика составляются по количеству гектар (в том числе динамике по периодам).

По названным выше аспектам работают разные службы и ведомства нашего государства. Хотя очевидно, что вопрос (проблема) является комплексным. И как показано выше, если только учитывать, например, правовой аспект (законность/незаконность использования земли), то ущерб произойдёт в других сферах (экология, экономика), не менее важных для сельхозпроизводителя, общества и государства.

Особенность сельскохозяйственного производства такова, что на момент возникновения спора по вопросам фактического использования участка (например, в летний период) возможно подтвердить и доказать чьи посевы на конкретном поле (по крайней мере путём визуального комиссионного осмотра), но в последующем (например, в январе) уже тяжело что-либо подтверждать или опровергать. Судебные процессы могут длиться годами (то есть охватывать несколько сельскохозяйственных сезонов).

И возможна ситуация на практике, когда в период спора по вопросам использования/не использования участка, один из участников может начать его также использовать в период разрешения спора, что в целом невозможно предотвратить или запретить (например, были случаи ночного выезда трактора одного из участников спора в целях обработки поля и последующей ссылки в суде – «мы тоже там вчера работали»).

В случае отказа администрацией муниципального поселения в продаже участка единоличному пользователю земельного участка (такие случаи хотя и редки, но встречаются) также возможны споры по вопросам подтверждения использования участка (фактического или легального).

Профессор В.В. Устюкова указывает, что из "анализируемых норм Закона об обороте земель нельзя сделать однозначный вывод, имеется ли здесь в виду именно "фактическое" использование или "легальное" использование, имеющее под собой какое-либо правовое основание". На основе обстоятельного анализа норм права и установленных законом оснований использования земельных участков автор приходит к убедительному выводу о том, что использование субъектами, претендующими на льготу, "земельных участков может быть только фактическим, то есть не опирающимся на какое-либо правовое основание"[2] .

Считаем данный подход к пониманию данного вопроса единственно верным, поскольку, если бы были какие-либо правовые основания для использования участка, например, какой-нибудь договор, то не требовалась бы в целом указанная процедура льготного выкупа ранее «бесправного» и «бессубъектного» земельного участка).

Необходимо также рассмотреть словосочетание закона об обороте земель «**использующим такой земельный участок»** и с позиции полноты использования земельного участка («полного использования» или «частичного использования»). Например, если поле площадью 100 га, а заявителем фактически используется только 60 га – может ли он подать заявление в администрацию и выкупить весь участок площадью 100га?

Такие ситуации возникают на практике и при условии, что нет второго пользователя (на условные 40 га), то данное «нарушение» некому будет оспаривать, а в последующем при использовании (или неиспользовании) заявителем всего участка (100 га) данное обстоятельство станет просто недоказуемым.

Другой вопрос возникает, если есть второй пользователь на условные 40 га (из 100 га) – может ли администрация всё-таки продать весь участок только одному пользователю, например, «крупному пользователю» обрабатывающему только 60 га, как подавшему первым заявление о покупки? В законе об обороте такой конкретизации – нет.

Представляется, что указанное понятие (формулировка) «использующим» (по п. 5.1. ст. 10 ФЗ №101-ФЗ) - означает использование участка всё-таки полностью (на 100%) в текущий момент времени (или применительно к сельскохозяйственному производству – использование всего земельного участка в текущем/последнем сельскохозяйственном сезоне; поскольку договор купли-продажи может заключаться и в январе/феврале, когда объективно никто не может использовать участок).

В данном случае необходимо применять приём буквального толкования нормы Закона (п. 5.1. ст. 10 ФЗ №101-ФЗ), где нет иного смысла, который зачастую пытаются искать ответчики в судах в качестве своего способа защиты (например, допуская и иной смысл нормы: «ис-

[1] ст. 6 ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»//КонсультантПлюс.2026 г.
[2] Устюкова В.В. Конкретизация понятия фактического использования земельного участка сельскохозяйственного назначения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. N 1(53). С. 102 - 109.

пользующим лишь часть участка» или «использующим в предшествующие годы» или «использующим в любом периоде за последние 10-ть лет, независимо от площади использования» и т.д.).

Данный подход об полном использовании участка подтверждает и имеющаяся судебная практика. Надо отметить, что судебная инстанция также не придала значения этому «нюансу» и однозначно не пояснила, что использование должно быть «полным» или допустимо и «частичное использование» приобретаемого по льготе участка.

Автор считает, что в данном случае судьи высшей инстанции указывая на «факт использования земельного участка» подразумевали всё-таки трактовку нормы в виде полного использования участка «как само собой разумеющееся» понимание смысла нормы всеми правоприменителями.

Так, например, в "Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 5 (2017)" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017), Определение N 310-КГ16-21437, указано, что из буквального толкования названной нормы права (п. 5.1. ст. 10 ФЗ №101-ФЗ) и ст. 12.1 Закона N 101-ФЗ следует, что заявитель должен доказать **факт использования** истребуемого им в собственность земельного участка.

При этом закон не устанавливает основания использования, перечень доказательств, подтверждающих данный факт, так же как не определяет срок использования участка и другие обстоятельства его использования с учетом особенностей ведения сельскохозяйственной деятельности. Поэтому при возникновении судебного спора о наличии оснований для приобретения прав на земельный участок в порядке указанной нормы данный факт подлежит установлению судом на основе исследования и оценки относимости, допустимости, достоверности каждого доказательства в отдельности, а также достаточности и взаимной связи доказательств в их совокупности, установленных гл. 7 АПК РФ[1].

К таким основаниям и доказательствам использования земельного участка могут быть отнесены: договоры аренды или безвозмездного пользования, иные договоры, заключенные в отношении земельного участка, находящегося в общей долевой собственности в соответствии с действовавшим на момент их заключения законодательством; в случае если указанные субъекты использовали истребуемый участок без оформления правоотношений, то ими могут быть представлены любые относимые и допустимые доказательства, подтверждающие использование земельного участка в сельскохозяйственных целях (например, сведения о расходах по обработке земельного участка и внесении удобрений, проведении посевных работ и уборке урожая и другие).[2]

Таким образом, в целях применения положений п. 5.1 ст. 10 Закона N 101-ФЗ и установления факта использования земельного участка могут быть учтены как договорные отношения, так и фактическое использование сельскохозяйственной организацией или крестьянским (фермерским) хозяйством земельного участка, находившегося в общей долевой собственности до государственной регистрации права муниципальной собственности на такой земельный участок. При этом указанный порядок предоставления земли в порядке приведенной нормы права не должен позволять приобрести земельный участок недобросовестным лицом[3].

Согласно более поздним разъяснениям (позиции) Президиума Верховного суда РФ ("Обзор судебной практики по делам, связанным с предоставлением земельных участков сельскохозяйственным организациям и крестьянским (фермерским) хозяйствам для ведения сельскохозяйственного производства" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020), пункта 5.1 статьи 10 Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения указано, что условиями реализации права на приватизацию земельного участка или заключение договора аренды в предусмотренном данным пунктом порядке являются:

1) особый статус субъекта, который вправе претендовать на льготное предоставление земельного участка (сельскохозяйственная организация или крестьянское (фермерское) хозяйство);

2) использование земельного участка, выделенного в счет земельных долей;

3) обращение в орган местного самоуправления с заявлением о заключении договора в установленный срок (в течение шести месяцев с момента государственной регистрации права муниципальной собственности на такой земельный участок);

4) использование земельного участка должно иметь место до регистрации права муниципальной собственности на него.

Таким образом, указанный субъект должен доказать факт использования земельного участка, на передачу в собственность которого он претендует, в соответствии с процессуальными правилами доказывания.[4]

Как указал далее Президиум ВС РФ - при этом использование земли должно быть законным и правомерным в том смысле, что толкование нормы пункта 5.1 статьи 10 Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения не должно привести к передаче на льготных условиях земельного участка лицу, действующему недобросовестно и противоправно (например, в ситуациях захвата земельного участка, нарушения законных прав иных лиц и других случаях).

В случае, если земельный участок, из которого впоследствии образован участок в счет невостребованных земельных долей и зарегистрировано право муниципальной собственности, находился в пользовании нескольких сельскохозяйственных организаций или КФХ, данные лица вправе приобрести такой участок в общую долевую собственность.[5]

Несмотря на рекомендации высшего суда о необходимости подтверждении факта использования относимыми и допустимыми доказа-

[1] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 5 (2017)" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017), Определение N 310-КГ16-21437 // КонсультантПлюс.2026
[2] Там же.
[3] Там же
[4] Обзор судебной практики по делам, связанным с предоставлением земельных участков сельскохозяйственным организациям и крестьянским (фермерским) хозяйствам для ведения сельскохозяйственного производства (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020)//КонсультатнтПлюс.2026
[5] Там же.

тельствами на практике пользователю как раз и нечем подтвердить данный факт (поскольку участок используется фактически много лет, в том числе и в порядке самозахвата). Так же используемый участок как правило не имеет идентификации (отдельного кадастрового номера), то есть о нём отсутствуют сведения в информационных системах (ЕФГИС ЗСН ФГБУ «Российский центр государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения»). Следовательно, у пользователя и нет каких-либо документальных подтверждений использования именно этого участка или его части, что вызывает неопределённость при разрешении спора.

Показательным примером является рассмотренный спор в арбитражном суде Орловской области по оспариванию фактическим пользователем (Обществом) договора купли-продажи земельного участка, по которому администрация сельского поселения продала КФХ весь земельный участок, сформированный из числа невостребованных земельных долей.[1] При этом КФХ использовало меньшую часть спорного участка, а общество - большую. При чём общество узнало «об исчезновении земли» только весной, когда КФХ уже на законных основаниях (как собственник) начал обрабатывать земли, используемые обществом более десяти лет в предшествующий период. По результатам рассмотрения спора две судебные инстанции согласились с доводами общества о фактическом использовании обществом спорного участка и признали недействительным договор купли-продажи земельного участка заключенный между Администрацией сельского поселения и Главой КФХ.

Для разрешения вопроса о фактическом использовании земель с/х назначения отдельными авторами предлагается заключения соглашения об использовании земельного участка, находящегося в общей долевой собственности, возникшей вследствие приватизации земель колхозов и совхозов, и неиспользуемого в течение определенного срока. Сторонами такого соглашения должны стать орган местного самоуправления (как представитель публичных интересов по использованию и охране земель), производитель сельскохозяйственной продукции и собственники земельных долей, изъявившие желание вступить в соглашение (как при его заключении, так и впоследствии в порядке присоединения)[2].

Представляется, что данное предложение обоснованным. В тоже время для предотвращения споров между землепользователями относительно выкупа у муниципалитетов земельных участков, образованных из числа невостребованных земельных долей, необходимо на стадии формирования границ земельных участков «выявлять» всех фактических землепользователей будущего участка и совместно обсуждать план межевания с учётом использования участков и условий будущего договора купли-продажи участка (продажи всего участка или долей в участке и т.д.). Конечно, данная рекомендация не исключает возникающую очень часто на практике негласную договорённость отдельных участников данных отношений друг с другом (например, главы поселения с одним из землепользователей), что и приводит в последующем к увеличению статистики земельных споров.

Список литературы:

1. Волков С. Н. О необходимости землеустроительного обеспечения вовлечения в сельскохозяйственный оборотне используемых земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. - 2024. – Т. 19.- № 4 (231) апрель.- С. 201-209.
2. Устюкова В.В. Конкретизация понятия фактического использования земельного участка сельскохозяйственного назначения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. N 1(53). С. 102 - 109.
3. Сырых Е.В. Невостребованные земельные доли как препятствие к использованию земельного участка // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. N 2. С. 98 - 106.

References:

1. Volkov S. N. On the need for land management support for the involvement in agricultural turnover of used agricultural lands in the Russian Federation // Land management, cadastre and land monitoring. - 2024. – vol. 19.- No. 4 (231) April.- S. 201-209.
2. Ustyukova V.V. Specification of the concept of actual use of agricultural land // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2019. N 1(53). pp. 102-109.
3. Syrykh E.V. Unclaimed land shares as an obstacle to the use of a land plot // Property relations in the Russian Federation. 2022. N 2. pp. 98-106.

[1] Решение Арбитражного суда Орловской области от 27.11.2025 года по делу № А48-4585/2025//сайт арбитражного суда: https://kad.arbitr.ru/. Постановление 19 ААС от 27 марта 2026 года по делу № А48-4585/2025.
[2] Сырых Е.В. Невостребованные земельные доли как препятствие к использованию земельного участка // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. N 2. С. 98 - 106.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_130

УДК 347.163

ВЕКТОРЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КООРДИНАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
VECTORS FOR IMPROVING THE COORDINATION ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN COMBATING CRIME IN MODERN CONDITIONS

БЫВАЛЬЦЕВА Светлана Геннадьевна,
доцент кафедры прокурорской деятельности
Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева,
кандидат юридических наук, доцент.
620137, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.
e-mail: russianeng@mail.ru

BYVALTSEVA Svetlana Gennadievna,
Associate Professor of the Department of Prosecutor's Activities
of the Ural State Law University named after V. F. Yakovleva, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
620137, Russia, Sverdlovsk region, Ekaterinburg, st. Komsomolskaya, 21.
e-mail: russianeng@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье осуществляется научно-правовой анализ современного состояния и перспектив развития координационной функции органов прокуратуры Российской Федерации в механизме противодействия преступности. На основе исследования выявляется дисбаланс в выборе организационных форм межведомственного взаимодействия, выражающийся в превалировании совещательных механизмов над практически-инструментальными. Особое внимание уделяется правовому статусу востребованных на практике, но юридически недостаточно регламентированных моделей координации, таких как межведомственные рабочие группы. Автор обосновывает необходимость системной модернизации нормативной базы координации.*

Abstract: *The article provides a scientific and legal analysis of the current state and prospects for the development of the coordination function of the Prosecutor's office of the Russian Federation in the mechanism of combating crime. Based on the study, an imbalance in the choice of organizational forms of interdepartmental interaction is revealed, expressed in the predominance of advisory mechanisms over practical and instrumental ones. Special attention is paid to the legal status of coordination models that are in demand in practice, but legally insufficiently regulated, such as interdepartmental working groups. The author substantiates the need for a systematic modernization of the regulatory framework for coordination.*

Ключевые слова: *прокурорский надзор, координационная деятельность, правоохранительные органы, борьба с преступностью, межведомственные рабочие группы, координационное совещание.*

Keywords: *prosecutorial supervision, coordination activities, law enforcement agencies, fight against crime, interdepartmental working groups, coordination meeting.*

Для цитирования: *Бывальцева С.Г. Векторы совершенствования координационной деятельности прокуратуры по борьбе с преступностью в современных условиях // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 130-132. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_130.*

йFor citation: *Byvaltseva S.G. Vectors for improving the coordination activities of the prosecutor's office in combating crime in modern conditions // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 130-132. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_130.*

Статья поступила в редакцию: 08.04.2026

Включение правоохранительной координации в перечень ключевых функций органов прокуратуры обусловлено ее подчинением высшим конституционным приоритетам, где межведомственная интеграция выступает инструментальной основой для претворения в жизнь правозащитного потенциала государства и стабилизации законности. Влияние координационной деятельности прокуратуры на состояние законности несомненно и неоднократно подчеркивалось Генеральным прокурором РФ, отмечающим снижение преступности и увеличение раскрываемости преступлений благодаря принимаемым координационным мерам [1].

Несмотря на значимость координационной деятельности прокуратуры в обозначенной сфере, порядок ее реализации должным образом не урегулирован.

Вменяя органам прокуратуры обязанность по консолидации усилий органов правоохранительного блока в сфере противодействия преступности, профильный Федеральный закон «О прокуратуре РФ» вместе с тем дистанцируется от сущностно-содержательной дескрипции осуществляемой прокуратурой деятельности, фактически оставляя без должной верификации конкретный объем полномочий прокурора в исследуемой сфере, ограничиваясь лишь указанием на право прокурора созывать координационные совещания, организовывать рабочие группы и истребовать статистическую и иную необходимую информацию; в отношении иных координационных полномочий Закон о прокуратуре отсылает правоприменителя к президентскому Указу № 567, утвердившему Положение о координации деятельности правоохранительных органов, который, помимо вышеупомянутых полномочий относит к компетенции прокурора лишь утверждение плана координационной деятельности правоохранительных органов [2].

Проведенный экспликативный анализ позволяет констатировать наличие явной регулятивной диспропорции: при возложении на прокурорскую систему императивной обязанности по координации деятельности правоохранительных органов ее правовой инструментарий ограничен исключительно вышеозначенными правовыми формами. Субъекты, осуществляющие иные формы координации, в Положении не конкретизированы, так же как не детализирован порядок реализации этих форм, что существенно снижает эффективность координации. Можно отметить, что осуществление координационной деятельности в иных формах, помимо координационного совещания, реализуется довольно редко. Анализ эмпирического массива отчетно-статистических сведений, отражающих практику реализации координационной функции прокуратуры за 2022 год,

демонстрирует выраженную асимметрию в выборе организационных форм взаимодействия. Проведение совместных целевых мероприятий, равно как и издание межведомственных распорядительных документов в сфере борьбы с преступностью, выступает в качестве единичных случаев. В то же время доминирующий удельный вес в структуре правоприменительной практики занимают традиционные коллегиальные форматы в виде координационных совещаний, что свидетельствует о превалировании совещательных механизмов над практически-инструментальными [1].

Между тем координационные совещания как форма координационной деятельности были отменены на районном уровне, а также отменена обязательная минимальная периодичность созыва координационных совещаний на уровне прокуратуры субъекта, в связи с чем вектор координационной деятельности должен быть смещен в сторону иных форм координации.

Одной из форм координационной работы в Положении, утвержденном Указом Президента № 567, названо создание следственно-оперативных групп для расследования преступлений. До внесения изменений в УПК Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ, решение о создании такой группы принималось прокурором, что было оправданным ввиду того, что прокурор осуществляет надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие и обладает наиболее полной информацией о состоянии их работы, что позволяло ему определить оптимальный состав такой группы. В настоящее время прокурор не обладает полномочиями по созданию такой группы, что негативно влияет на состояние преступности.

Помимо очевидного факта, что прокурор является наиболее квалифицированным субъектом, обладающим максимальным объемом знаний, позволяющим ему достичь цели эффективности работы такой группы, можно отметить еще ряд аргументов в пользу наделения прокуратуры полномочием по реализации этой формы координационной деятельности. Прокурор, помимо надзора за законностью предварительного расследования и координации деятельности правоохранительных органов, осуществляет уголовное преследование в пределах полномочий, предоставленных ему УПК РФ. Совмещение этих видов деятельности, направленных в целом на борьбу с преступностью, позволяет рассматривать прокурора как наиболее подходящего субъекта для реализации этой формы координации. Еще одним преимуществом прокуратуры является ее независимость и отсутствие связи с ведомственными интересами правоохранительных органов. Примечательно, что в исторической ретроспективе именно органы прокуратуры сыграли определяющую роль в процессе становления и развития данной формы координационной деятельности [3].

Наделение прокурора полномочием по созданию следственно-оперативной группы и координации ее деятельности решило бы также давно обсуждаемую проблему неопределенности статуса прокурора, который осуществляет выезд на место происшествия в случае совершения преступлений террористического характера и иных особо тяжких преступлений, а также при получении данных о нарушении закона при проведении первоначальных следственных действий [4]. Данная обязанность возложена на прокурора Приказом Генерального прокурора РФ от 27.05.2021 N 265 (ред. от 25.11.2022) "О порядке представления специальных донесений и иной обязательной информации». Функция прокурора в данном случае будет заключаться в распределении задач между различными ведомствами в реальном времени.

В качестве еще одной востребованной формы координации, применяемой прокуратурой, выступает инициирование и участие в работе межведомственных рабочих групп по профильным направлениям совместной деятельности, что обнаруживает определенный правовой парадокс, поскольку данная организационная модель не нашла своего нормативного отражения в Указа Президента РФ № 567 [5].

Востребованность деятельности таких групп настолько высока, что в отдельных регионах данные рабочие группы являются своеобразным «штабом» по борьбе с определенными категориями преступлений. Данная форма координационной работы доказала свою эффективность, поскольку наличие подобных структур позволяет прокурорам оперативно реагировать на новые угрозы, например, в информационном пространстве, где требуется мгновенное взаимодействие с Роскомнадзором и МВД.

Вместе с тем, широкий спектр аспектов их функционирования нуждается в нормативной регламентации. В частности, детальной проработке подлежат процедурные вопросы их создания, порядок детерминации количественного и персонального состава, предметно-целевые границы компетенции, а также механизмы выработки, легитимации и последующей верификации исполнения принимаемых решений. Также в рамках рабочих групп прокурор нередко совмещает роль координатора и надзирающего органа, что требует четкого разграничения полномочий.

Еще одним проблемным вопросом, напрямую влияющим на эффективность реализации координационной функции прокуратуры, является вопрос обязательности участия правоохранительных органов в координационных мероприятиях и обязательности исполнения решений, принятых в рамках координационных совещаний. Данные вопросы неоднократно поднимались как в научных трудах, так и при обсуждении практики координационной деятельности прокуратуры. Отмечается формальный характер координации деятельности по борьбе с преступностью в силу отсутствия указания на обязательность исполнения решений координационных совещаний и участия в координационных мероприятиях [6,7]. На ситуацию с формальным отношением к координации указывает и Генеральный прокурор РФ в Приказе № 7 от 16.01.2012 № 7 (ред. от 25.11.2022) «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности», говоря о необходимости искоренения формализма и поверхностности в координационной работе.

Примечательно, что курс на повышение ответственности участников координационной деятельности находит прямое отражение в нормативной политике государства. Так, Указом Президента РФ от 14.06.2024 № 512 в Указ № 567 включено требование об обязательной подготовке и направлении прокурору ведомственных предложений для включения в ежегодный план совместных мероприятий, направленных на обеспечение координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Полагаем, что данный шаг актуализирует необходимость дальнейшей последовательной проработки обеспечительных механизмов. В качестве перспективного направления видится нор-

мативное закрепление мер дисциплинарного воздействия в отношении руководителей правоохранительных органов за неявку на координационное совещание без уважительной причины, а равно за нарушение сроков выполнения запланированных мероприятий, определенных планами координационной работы; информация об этом должна будет направляться прокурором вышестоящему руководителю должностного лица.

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что действующее законодательство, регламентирующее координационную функцию прокуратуры в сфере противодействия преступности, нуждается в системном реформировании. Данный процесс должен быть направлен на определение сущности рассматриваемой деятельности посредством нормативной конкретизации полномочий прокурора. Равным образом назрела необходимость детальной проработки процедурного порядка реализации как закрепленных в Положении № 567 форм координации, так и закрепления моделей взаимодействия, выработанных практикой. Наконец, ключевым вектором реформирования должно стать дальнейшее развитие институциональных механизмов, обеспечивающих обязательность участия правоохранительных институтов в координационных процессах, включая установление четких мер ответственности за неисполнение решений, принимаемых на координационных совещаниях.

Список литературы:

1. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ //https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_cfo/mass-media/news/regional/e8385714/?ysclid=mn1pjev6m1928540917 (дата обращения 03.04.2026).
2. О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью : Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 года № 567 : [редакция от 14 июня 2024 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 17. – Ст. 1958.
3. Лукожев, Х. М. Взаимодействие и координация участников следственной группы / Х. М. Лукожев // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы : Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Кубанского государственного университета, Краснодар, 27 марта 2020 года / Отв. ред. В.А. Семенцов. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. – С. 180-190. – EDN WWXKFN.
4. Башкатов, И. Ю. Выезд прокурора на место происшествия: какова его правовая природа? // Правда и закон. — 2024. — № 1 (27). — С. 36–41.
5. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ //https://epp.genproc.gov.ru/upload/iblock/b8d/y1faswrdf6746kbife5tccu1yte2ogfx.xls?ysclid=mnen1y7pav9438623 (дата обращения 03.04.2026).
6. Шобухин В. Ю. Координационная деятельность прокуратуры в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительно-правовой анализ. Международное публичное и частное право № 1, 2019. С. 47–50.;
7. Денисов В. В. Основные проблемы координационной деятельности правоохранительных органов в Российской Федерации // Современные тенденции развития науки и технологий. — 2016. — № 11-6. — С. 38–41.

References:

1. The official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation //https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_cfo/mass-media/news/regional/e8385714 /?ysclid=mn1pjev6m1928540917 (accessed 04/03/2026).
2. On the coordination of law enforcement agencies to combat crime : Decree of the President of the Russian Federation dated April 18, 1996 No. 567 : [revision dated June 14, 2024] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 17. – Art. 1958.
3. Lukozhev, H. M. Interaction and coordination of participants in the investigative group / H. M. Lukozhev // Judicial reform in modern Russia: results, problems and prospects : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of Kuban State University, Krasnodar, March 27, 2020 / Ed. by V.A. Sementsov. Krasnodar: Kuban State University, 2020, pp. 180-190. EDN WWXKFN.
4. Bashkatov, I. Y. Prosecutor's visit to the scene of the incident: what is its legal nature? // Truth and Law. — 2024. — № 1 (27). — Pp. 36-41.
5. The official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation // https://epp.genproc.gov.ru/upload/iblock/b8d/y1faswrdf6746kbife5tccu1yte2ogfx.xls ?ysclid=mnen1y7pav9438623 (accessed 04/03/2026).
6. Shobukhin V. Y. Coordination activities of the Prosecutor's Office in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: comparative legal analysis. International Public and Private Law No. 1, 2019. pp. 47-50.;
7. Denisov V. V. The main problems of coordinating the activities of law enforcement agencies in the Russian Federation // Modern trends in the development of science and technology. - 2016. — No. 11-6. — pp. 38-41.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_133

УДК 34

СВОБОДА СЛОВА И ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ
FREEDOM OF SPEECH AND DIGITAL REALITY: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECTS AND MODERN CHALLENGES

ВОРОНИНА Ирина Аркадьевна,
доцент, заведующая кафедрой теории государства и права иконституционного права,
ФГБОУ ВО Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко (Оренбург).
460024, Российская Федерация, Оренбург, пр. Победы, 13.
e-mail: post@mail.osu.ru

КИРПИЧНИКОВА Анастасия Владимировна
старший преподаватель, кафедра теории государства и права и конституционного права,
ФГБОУ ВО Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко (Оренбург).
460024, Российская Федерация, Оренбург, про. Победы, 13.
e-mail: kirpichnikova20@inbox.ru

VORONINA Irina Arkadyevna,
associate Professor, head of the department of theory of state and law and constitutional law,
Orenburg State University named after V.A. Bondarenko (Orenburg).
460024, Russian Federation, Orenburg, Pobedy Ave., 13.
e-mail: post@mail.osu.ru

KIRPICHNIKOVA Anastasia Vladimirovna
lecturer, department of theory of state and law and constitutional law,
Orenburg State University named after V.A. Bondarenko (Orenburg).
460024, Russian Federation, Orenburg, Pobedy Ave., 13.
e-mail: kirpichnikova20@inbox.ru

Краткая аннотация: *Право на свободу слова в условиях цифровизации подпадает под более пристальное внимание законодателя, поскольку традиционные конституционно-правовые механизмы теряют свою актуальность перед лицом «цифры» и современных вызовов. Необходимость адаптации существующих норм в соответствии с цифровыми и геополитическими вызовами побуждает национальные правовые институты к трансформации, порождая новую категорию прав таких как «цифровые права». Однако, на сегодня, в официальной юридической терминологии отсутствует строгий перечень цифровых прав, что затрудняет регламентацию последних, искажая и ограничивая при этом, существующие правовые конструкции на практике. Нередко право на свободу слова становится объектом различных злоупотреблений как со стороны неизвестных субъектов, так и со стороны официальных лиц, В статье анализируется свобода слова в условиях цифровой реальности с точки зрения конституционно-правовых аспектов и современных вызовов. Также характеризуются проблемы конституционно-правовой регламентации и гарантии свободы слова применимо к онлайн-пространству, которое является одним из современных вызовов традиционному правовому регулированию.*

Abstract: *The right to freedom of speech in the context of digitalization is coming under closer attention from the legislators, as traditional constitutional and legal mechanisms are losing their relevance in the face of «numbers» and modern challenges. The need to adapt existing norms in accordance with digital and geopolitical challenges is prompting national legal institutions to transform, giving rise to a new category of rights such as «digital rights». However, today, there is no strict list of digital rights in official legal terminology, which makes it difficult to regulate the latter, distorting and limiting existing legal structures in practice. The right to freedom of speech often becomes the object of various abuses, both by unknown actors and by officials. The article analyzes freedom of speech in the digital reality from the point of view of constitutional and legal aspects and modern challenges. It also describes the problems of constitutional and legal regulation and guarantees of freedom of speech applicable to the online space, which is one of the modern challenges to traditional legal regulation.*

Ключевые слова: *цифровизация, право, свобода слова, конституционно-правовой аспект, цифровые права.*
Keywords: *digitalization, law, freedom of speech, constitutional and legal aspect, digital rights.*

Для цитирования: *Воронина И.А., Кирпичникова А.В. Свобода слова и цифровая реальность: конституционно-правовые аспекты и современные вызовы // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 133-134. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_133.*
For citation: *Voronina I.A., Kirpichnikova A.V. Freedom of speech and digital reality: constitutional and legal aspects and modern challenges // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 133-134. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_133.*

Статья поступила в редакцию: 23.03.2026

Свобода слова традиционно является одним из важнейших составляющих демократии, поскольку, именно, конституционные механизмы обеспечения гарантии свободы выражения мнения гарантирует возможность граждан принимать активное участие в диалоге между обществом и государством. Однако цифровизация привносит и новое, трансформируя традиционные механизмы защиты свободы слова под веяния современных вызовов и сопутствующих им угроз.

В Российской Федерации право на свободу слова является одним из основных прав граждан и имеет конституционно-правовую регламентацию. Так, в конституционных положениях подчеркивается, что каждый имеет право на свободное выражение своих мнений, убеждений, а также гарантируется свободное получение, хранение и передача информации [1]. Указанные конституционные нормы выступают фундаментальной основой для формирования правового пространства, где и регулируются общественно-публичные надстройки государства в целом.

Цифровая революция кардинально изменила способы «прошивки» коммуницирования – сеть Интернет, социальные сети, мессенджеры стали доступны практически каждому индивиду. Однако цифровизация привнесла с собой и немало проблем: цифровая среда создала условия для различных злоупотреблений и правонарушений в отношении неопределенного круга лиц (например, различные киберпреступления в ин-

тернет-пространстве) автоматизированные алгоритмы поиска, как правило, работают по принципу «черного ящика», лишая прозрачности информационного контента, тем самым, делая невозможным привлечение к ответственности распространителя таких данных и ряд других проблем.

Пристального внимания заслуживает проблема обеспечения и реализации свободы слова граждан в эпоху цифровизации. Так, в юридической науке начала последовательно разрабатываться идея о так называемом «цифровом праве». В частности, В.Д. Зорькин совершенно справедливо отмечал, что цифровые права человека рождаются в процессе конкретизации как на уровне правотворчества, так и на уровне правоприменения универсальных прав человека в сфере цифрового и виртуального пространства [2]. Поэтому введение такой новой категории как «цифровые права» в научной юридической литературе стало весьма неожиданным поворотом. Таким образом, совершенно резонным и дискуссионным остается вопрос о том, как же обозначить условно определенную группу прав человека и гражданина, возникших в результате цифрового и информационного взаимодействия.

На сегодня, точно сформулировать блок информационных (цифровых) прав, по-прежнему, остается трудоемкой задачей. В первую очередь необходимо выделить специфику права на свободу слова:

1. Свобода слова характеризуется как глобальное явление. Это связано

с тем обстоятельством, что сеть Интернет не имеет локального ограничения, позволяя обмен информацией независимо от территории. Данный квалифицирующих признак создает одну из актуальных проблем – проблему правового регулирования.

2. Анонимный характер информации. В данной связи возможность

анонимности влечет к различного рода злоупотреблениям с использованием информации.

3. Скорость распространения. Национальные правовые нормы не

успеют подстроиться под современные цифровые вызовы, нередко ограничивая само право, а не регламентируя распространение достоверной информации.

В настоящее время, распространение заведомо ложной информации

стала одной из определяющих проблем. В данном случае очень сложно найти грань между свободой слова и необходимостью защиты общества от деструктивного контента, поэтому данный вопрос до сих пор остается открытым для законодателя. Поскольку распространение недостоверной информации в сети Интернет представляет собой сложную дилемму, балансирующей между правом на свободу слова и необходимостью защиты общества от вредоносного контента [3]. Здесь с одной стороны выступает свобода слова, которая являет собой одно из фундаментальных конституционных прав человека и гражданина, а с другой – деструктивная информация, которая может причинить вред и привести к какого-либо рода правовым последствиям. Перед законодателем стоит задача в адаптации текущего блока права к вызовам цифровизации и меняющейся геополитической ситуации в мире. Встает необходимость в разработке правовых механизмов, которые бы позволили эффективно бороться с распространением недостоверной информации, при этом не нарушая право на свободу слова, имеющее конституционное выражение. Необходимо создание «прозрачных» и объективных процессов модерации информационного контента в онлайн-пространстве, а также обеспечение контроля над применением автоматизированных систем фильтрации контента.

Таким образом, только поиск баланса между традиционными конституционно-правовыми механизмами вкупе с цифровыми технологиями даст возможность решить проблему конституционно-правового аспекта гарантии права на свободу слова и современными вызовами в условиях стремительной цифровой интеграции в общественную и государственную жизнедеятельность, только совместные усилия гражданского общества и законодателем позволят обеспечить устойчивое развитие демократических принципов в новых цифровых реалиях.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года (с изм. от 01 июля 2020 года) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 23.03.2026 год).
2. Баранов П.П. Конституционные права и свободы человека в цифровую эпоху // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-prava-i-svobody-cheloveka-v-tsifrovuyu-epohu/viewer (дата обращения: 23.03.2026 год).
3. Иванов Д.В. Воплощение конституционного права на свободу слова и информации в интернет-пространстве: специфика и существующие проблемы // URL: https://moluch.ru/archive/548/120279?ysclid=mn2w18311d713309274 (дата обращения: 23.03.2026 год).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 (as amended dated July 01, 2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 / (date of access: 03/23/2026).
2. Baranov P.P. Constitutional human rights and freedoms in the digital age // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-prava-i-svobody-cheloveka-v-tsifrovuyu-epohu/viewer (date of access: 03/23/2026).
3. Ivanov D.V. The embodiment of the constitutional right to freedom of speech and information in the Internet space: specifics and existing problems // URL: https://moluch.ru/archive/548/120279 ?ysclid=mn2w18311d713309274 (accessed: 03/23/2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_135

УДК 349.6

РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗОНИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ
THE ROLE OF ECOLOGICAL ZONING IN THE SYSTEM OF TERRITORIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA: THE LEGAL ASPECT

КОШЕВ Антон Игоревич,
ассистент кафедры земельного и экологического права
Саратовской государственной юридической академии.
410056, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104.
E-mail: a_koshev_i@mail.ru

KOSHEV Anton Igorevich,
Assistant of the Department of Land and environmental law, Saratov State Law Academy.
104 Chernyshevskogo St., Saratov, 410056, Russia.
E-mail: a_koshev_i@mail.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена исследованию экологического зонирования как элемента системы территориального регулирования и анализу его соотношения с зонами с особыми условиями использования территорий (ЗОУИТ) в российском праве. Цель работы - выявить правовую природу экологических зон, определить их место в механизме регулирования использования земель и оценить существующие проблемы нормативного и правоприменительного характера. В работе рассматриваются особенности правового режима ЗОУИТ, их функциональное назначение и ограничения использования земельных участков, после чего проводится анализ экологического зонирования как межотраслевого инструмента охраны окружающей среды. Особое внимание уделено проблемам отсутствия единых критериев разграничения экологических зон и иных территориальных режимов, а также коллизиям, возникающим при одновременном действии различных ограничений. В качестве практического примера исследуется Байкальская природная территория как уникальная модель комплексного экологического зонирования, характеризующаяся наложением правовых режимов и отсутствием установленной иерархии между ними.*

Abstract. *The article is devoted to the study of ecological zoning as an element of the territorial regulation system and the analysis of its correlation with zones with special conditions for the use of territories (ZSCUT) in Russian law. The aim of the work is to identify the legal nature of ecological zones, determine their place in the mechanism for regulating land use, and assess existing regulatory and law enforcement problems. The work examines the features of the legal regime of ZSCUT, their functional purpose, and restrictions on the use of land plots, followed by an analysis of ecological zoning as an intersectoral environmental protection tool. Special attention is paid to the problems of the lack of uniform criteria for distinguishing between ecological zones and other territorial regimes, as well as the conflicts arising from the simultaneous application of various restrictions. As a practical example, the Baikal Natural Territory is studied as a unique model of comprehensive ecological zoning, characterized by the overlapping of legal regimes and the absence of an established hierarchy between them.*

Ключевые слова*: экологическое зонирование; правовой режим земель; территориальное зонирование; градостроительное регулирование; Байкальская природная территория.*

Keywords: *environmental zoning; legal regime of land; territorial zoning; urban planning regulation; Baikal Natural Territory.*

Для цитирования: *Кошев А.И. Роль экологического зонирования в системе территориального развития России: правовой аспект // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 135-137. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_135.*

For citation: *Koshev A.I. The role of ecological zoning in the system of territorial development of Russia: the legal aspect // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 135-137. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_135.*

Статья поступила в редакцию: 25.02.2026

Территориальные формы правового регулирования природопользования и охраны окружающей среды в российском праве демонстрируют устойчивую тенденцию к усложнению правовых режимов и наслоению различных инструментов пространственного регулирования. В результате чего сложилась ситуация, когда в законодательстве существуют разные виды зонирования (градостроительные, эколого-экономическое зонирование Байкальской природой территории, санитарные и водоохранные зоны, функциональные зоны и др.), «между которыми отсутствует взаимосвязь и соподчиненность» [9]. Наиболее дискуссионным является соотношение зон с особыми условиями использования территорий (далее - ЗОУИТ) и экологического зонирования, поскольку данные механизмы формально существуют в разных нормативных логиках, однако фактически применяются параллельно и часто в границах одних и тех же территорий. Анализ этой проблемы требует системного, формально-юридического и сравнительно-правового подхода, а также обращения к судебной практике и доктринальным позициям современных исследователей.

В отечественной научной литературе ЗОУИТ традиционно рассматриваются как инструмент административно-правового регулирования использования земель и иных природных ресурсов, направленный на обеспечение безопасности объектов, защиту инфраструктуры и предотвращение вреда окружающей среде и населению. По общему правилу, установление ЗОУИТ влечет за собой ограничение хозяйственной деятельности и особые условия использования земельных участков. По мнению Е. В. Менис и А. А. Васильева ЗОУИТ представляют собой прежде всего режим ограничений хозяйственной деятельности, устанавливаемый государством через специальные правовые процедуры и обеспечиваемый системой запретов и обременений. Такой подход подтверждается авторским определением целевого назначения таких зон: «Правовой режим … ограничивает хозяйственную деятельность на территориях, прилегающих к водным объектам для снижения степени негативного влияния на водные объекты, а также минимизирует риск негативного влияния вод на объекты недвижимости, инфраструктуры, хозяйственную деятельность» [1, с. 100]. Аналогичную позицию занимает И. Ю. Башаева, отмечая, что ЗОУИТ функционируют как инструмент конкретизации правового режима земельных участков через дополнительные ограничения, не заменяя категорию земель и не формируя самостоя-

тельный экологический режим, беря во внимание аспект где «важнейшей особенностью правового режима ЗОУИТ является то, что он распространяется на все земельные участки, входящие в них, независимо от действующих форм собственности на эти земельные участки, категорий и видов разрешенного использования.» [2, с. 16]. Эти выводы позволяют определить ЗОУИТ как административный инструмент пространственного регулирования, имеющий чётко закреплённый нормативный статус и процессуальную форму установления. В литературе отмечается, что количество ЗОУИТ в российском законодательстве постоянно растет, что создает определенные сложности для правоприменителя.

В отличие от ЗОУИТ, экологическое зонирование в российском праве не закреплено в качестве единого правового института. Однако, как указывает И. С. Щепанский и К. В. Жигадло, фактическое существование экологических зон подтверждается многочисленными нормами природоресурсного и природоохранного законодательства, которые устанавливают различные режимы использования территории исходя из её природной ценности, уязвимости или экологических функций, утверждая, что «в правовой доктрине отсутствует четкое понимание экологической зоны, а правовые нормы, регулирующие порядок их определения и предусматривающие ограничения для природопользователей, пока не выделились в отдельный правовой институт» [3, с. 183].

Е.А Савельева говорит о межотраслевом характере экологического зонирования, проявляющийся в сочетании норм земельного, экологического, градостроительного права, что затрудняет его самостоятельность как правового института, но не отменяет его фактической значимости как инструмента регулирования, где необходимым условием обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности является организация рационального использования и комплексной охраны природных ресурсов, что и предопределяет необходимость такого межотраслевого подхода [4, с. 155]. Следовательно правовой режим экологического зонирования остаётся неоднозначным, однако его функциональная роль как инструмента распределения природоохранных режимов на территории страны очевидна, ведь по существу, экологическое зонирование можно рассматривать как один из способов реализации экологической функции государства.

В литературе последних лет обоснованно указывается, что критерий источника установления недостаточен для разграничения ЗОУИТ и экологического зонирования. Более значимым представляется различие в целевых установках. Для ЗОУИТ характерна охрана конкретных объектов и ограничение хозяйственной деятельности в зонах их размещения. Иными словами, ЗОУИТ выполняют прежде всего охранную функцию по отношению к определенным объектам. Для экологического зонирования, напротив, приоритетом выступает сохранение природных систем, обеспечение устойчивости экосистем и нормативное закрепление допустимых параметров природопользования. Из этого, в свою очередь, вытекает, что экологические зоны по своей природе не могут быть сведены к административным обременениям, поскольку представляют собой форму функционального деления территории по экологическим характеристикам. Данный подход соответствует современным представлениям о соотношении экологического и земельного права. Тем самым подтверждается необходимость различать рассматриваемые институты по содержательному, а не только по формальному основанию.

Однако, как показывает анализ судебной практики наложение ЗОУИТ и экологических зон возникает неоднократно, что ставит вопрос о соотношении указанных режимов. В правовой доктрине отсутствует единство мнений относительно их иерархии. Одни авторы предполагают возможность приоритета специальных природоохранных зон, другие указывают на равноправное сосуществование режимов. В частности, С. Р. Багаутдинова, анализируя правовые режимы Байкальской природной территории (далее БПТ), отмечает отсутствие прямых законодательных запретов на создание иных территорий и зон в пределах уже установленных экологических границ и подчёркивает, что возникающие конфликты режимов разрешаются преимущественно через судебную практику, а не через заранее установленную нормативную иерархию, так как подобный подход стал причиной достаточно сложного правового режима Байкальской природной территории, заключающегося в "наложении" правовых режимов различных территорий и зон в сочетании с правовыми режимами различных категорий и видов земель [5]. Эта позиция позволяет рассматривать наложение режимов как системную характеристику российского территориального регулирования.

Судебная практика подтверждает сложность соотношения различных территориальных режимов, в том числе рассматриваемых нами, так Верховный Суд Российской Федерации в ряде дел указывал на необходимость учитывать одновременно несколько действующих ограничений, вытекающих из разных правовых режимов, не устанавливая их формальной соподчинённости. Как известно, судебная практика играет важную роль в восполнении пробелов законодательства.

Хорошим примером системности проблемы является дело Верховного Суда РФ под номером АКПИ23-53, где рассматривается оспаривание распоряжения Правительства РФ от 17.10.2022 года №3056-р, которое было принято для утверждения четких границ Байкальской природной территории (БПТ) и её экологических зон (центральной, буферной и зоны атмосферного влияния) во избежание споров по разграничению земель, но тем самым породила новые правовые конфликты, связанных с наложением уже утвержденных [6]. Заявитель пытался оспорить эти изменения, но Верховный Суд отказал в удовлетворении иска (решение от 09.03.2023) Это подтверждает юридическую значимость понятия «экологическая зона» и служит примером того, что экологические зоны используются как самостоятельный инструмент регулирования даже при отсутствии специального закона (поскольку определяются распоряжением Правительства). Данный факт говорит о том, что подзаконное регулирование в данной сфере опережает законодательное. Тем не менее, по сути речь идёт о зонировании по административному акту без прямой привязки к Земельному или Градостроительному кодексу.

Анализ этого и аналогичных решений показывает систематическое применение модели, при которой спор решается постфактум, оценку конкретных запретов и ограничений в их совокупности. Данная модель не описана ни в одной норме права, а формируется через прецедент, что лишний раз подтверждает вывод о пробеле в законодательном регулировании. В научных изысканиях справедливо отмечается, что отсутствие четкой правовой иерархии режимов создает риск для единообразия судебной практики.

Особое значение для исследования соотношения ЗОУИТ и экологического зонирования имеет пример Байкальской природной территории как одной из наиболее сложных пространственных конструкций российского экологического права. Озеро Байкал является объектом Всемирного природного наследия ЮНЕСКО, что предопределяет особый режим его охраны. БПТ включает экологические зоны с различным уровнем ограничений, в пределах которых одновременно действуют санитарные, водоохранные, инфраструктурные и иные ЗОУИТ. Как отмечает И. А. Игнатьева, правовой режим БПТ представляет собой совокупность разноуровневых ограничений, возникших из разных отраслей законодательства (водного, градостроительного, природоохранного) и не объединённых единой системой приоритетов, так, например «В 2006 г. в туристско-рекреационной зоне строить объекты жилищного фонда было разрешено. Но в этот же период действовал полный запрет на строительство зданий... на незатронутых природных территориях... В течение нескольких лет нормативно-правовое регулирование данной сферы было неоднозначным» [7, с. 161]. В результате на территории Байкала формируется сложный многослойный режим, где экологическое зонирование и ЗОУИТ функционируют параллельно, порой вступая в противоречие. Такая ситуация требует скорейшего нормативного урегулирования.

На основании вышеперечисленных позиций можно сделать однозначный вывод - ученые зачастую фиксируют существование наложения разных режимов, при этом редко предлагая системную модель их единовременного применения. Одни авторы рассматривают экологические зоны как разновидность территориальных ограничений, другие - как самостоятельный инструмент природоохранной политики. При этом упускают вопрос о важных критериях правоприменительной практики сразу двух режимов (зонирования). Практика БПТ явно демонстрирует высокую частоту возникновения данных конфликтов, требующих правоприменительного вмешательства, так как нормативно правовые акты не устанавливают полноценного урегулирования и соподчиненности решений.

Обобщение доктринальных подходов и судебной практики позволяет сформулировать авторскую позицию. Экологическое зонирование следует рассматривать как самостоятельный, хотя институционально и неоформленный, механизм территориального регулирования. От ЗОУИТ его отличают цели: сохранение природных систем, управление экологическими функциями территории. ЗОУИТ же это административный инструмент ограничения использования территорий в целях безопасности и защиты объектов. Соотношение этих механизмов в действующем праве не основано на иерархии. Оно реализуется через наложение правовых режимов с последующим разрешением конфликтов в правоприменительной практике.

В заключение можно однозначно выделить: Российское законодательство фактически функционирует на основе модели параллельного существования территориальных режимов. Механизм регулирующий наложение двух режимов (ЗОУИТ и экологическое зонирование) данный момент не отработан, что приводит к необходимости судебного разрешения конфликтов. Байкальская природная территория в этом вопросе является одной из показательных и демонстрирует системный характер проблемы, указывая на потребность в нормативном регулировании критериев соотношения территориальных зон.

Список литературы:

1. Менис Е. В., Васильев А. А. Проблемы правового регулирования перераспределения земельного участка в границах зон с особыми условиями использования территорий (ЗОУИТ) // Аграрное и земельное право. 2022. № 8. С. 99-102. DOI: 10.47643/1815-1329_2022_8_99 EDN:ECAMYM
2. Башаева И. Ю. Понятие зон с особыми условиями использования территорий и их отличительные признаки // Отечественная юриспруденция. 2020. №2. С. 13-17. EDN: RGWCIO
3. Щепанский И. С., Жигадло К. В. Экологическое зонирование территории: проблемы опредления и правового регулирования // Актуальные проблемы Российского права. 2019. №8. С. 183-190. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.105.8.183-190 EDN: LMXWVL
4. Савельева Е.А. Правовая характеристика Института экологического зонирования // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. №1. С. 155-164. EDN: TXPATX
5. Багаутдинова С. Р. О соотношении правовых режимов Байкальской природной территории и других территорий и зон, созданных в её границах // Экологическое право. 2025. № 04. С. 11-15. DOI: 10.18572/1812-3775-2025-4-11-15 EDN: WLQIXF
6. Решение Верховного Суда РФ от 09.03.2023 № АКПИ23-53 «Об отказе в удовлетворении заявления об оспаривании распоряжения Правительства РФ от 17.10.2022 N 3056-р…» // Документ опубликован не был. Доступ из справочно–правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2026).
7. Игнатьева И.А. Актуальные правовые проблемы охраны озера Байкал // Российский юридический журнал. 2015. №1. С. 157-169. EDN: TXQAKB

References:

1. Menis E. V., Vasiliev A. A. Problems of legal regulation of land redistribution within zones with special conditions for the use of territories (ZSCUT). Agrarian and Land Law. 2022. No. 8. Pp. 99-102. DOI: 10.47643/1815-1329_2022_8_99 EDN: ECAMYM
2. Bashaeva I. Yu. The concept of zones with special conditions for the use of territories and their distinctive features. Domestic Jurisprudence. 2020. No. 2. Pp. 13-17. EDN: RGWCIO
3. Shchepansky I. S., Zhigadlo K. V. Ecological zoning of the territory: problems of definition and legal regulation. Actual Problems of Russian Law. 2019. No. 8. Pp. 183-190. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.105.8.183-190 EDN: LMXWVL
4. Saveleva E. A. Legal characteristics of the Institute of ecological zoning. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2015. No. 1. Pp. 155-164. EDN: TXPATX
5. Bagautdinova S. R. On the correlation of legal regimes of the Baikal natural territory and other territories and zones created within its boundaries. Environmental Law. 2025. No. 4. Pp. 11-15. DOI: 10.18572/1812-3775-2025-4-11-15 EDN: WLQIXF
6. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 9, 2023 No. AKPI23-53 "On the refusal to satisfy the application challenging the Order of the Government of the Russian Federation dated October 17, 2022 No. 3056-r…". The document was not published. Access from the legal reference system "ConsultantPlus" (accessed: 14.02.2026).
7. Ignatieva I. A. Current legal problems of Lake Baikal protection. Russian Juridical Journal. 2015. No. 1. Pp. 157-169. EDN: TXQAKB

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_138

приоритет2030^
право для лидерства

О ГРИБАХ, КАК ОБЪЕКТАХ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
ABOUT MUSHROOMS AS OBJECTS OF ENVIRONMENTAL MANAGEMENT

ДОЙНИКОВ Павел Игоревич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
123242, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская улица, 9 стр. 2.
e-mail: pidoinikov@msal.ru
DOYNIKOV P.I.,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Environmental and Natural Resource Law O.E. Kutafin University (MSAL).
123242, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya street, 9 p. 2.
e-mail: pidoinikov@msal.ru

Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»

Краткая аннотация: *Грибы (лат. Fungi или Mycota) — царство живой природы, объединяющее эукариотические организмы, сочетающие в себе некоторые признаки как растений, так и животных. Грибы изучает наука микология, которая считается разделом ботаники, поскольку ранее грибы относили к царству растений. С правовой точки зрения, грибы являются частью окружающей среды, природным объектом, правовой режим которого установлен экологическим законодательством.*

Понятие о грибах как об отдельном царстве сформировалось в науке к 1960-м годам, хотя выделить это царство предлагал ещё Э. Фрис в 1831 году, а Карл Линней высказывал сомнения, размещая грибы в царстве растений в своей «Системе природы». Во второй половине XX века окончательно сформировалось и представление о полифилетизме грибов. К концу XX века были накоплены данные по генетике, цитологии и биохимии, позволившие разделить эту группу организмов на несколько не родственных между собой ветвей и распределить их между различными царствами, оставив в царстве «настоящих», или собственно грибов, только одну из них. Таким образом, к началу XXI века научный термин «грибы» стал неоднозначным.

В узком смысле, с точки зрения биологической систематики, грибы — таксон, одно из царств живой природы. В старом же, более широком смысле, термин потерял значение таксона и обозначает эколого-трофическую группу, объединяющую гетеротрофных эукариот с осмотрофным типом питания. Такие организмы по традиции продолжает изучать микология. В юриспруденции, отношения по охране и использовании грибов изучает микологическое право, являющееся объектом, видом права природопользования, частью Экологического права.

Abstract: *Fungi (Latin: Fungi or Mycota) are a kingdom of living organisms encompassing eukaryotic organisms that share some characteristics of both plants and animals. Fungi are studied by the science of mycology, which is considered a branch of botany, as fungi were previously classified as belonging to the kingdom Plantae. From a legal perspective, fungi are part of the environment, a natural object whose legal status is established by environmental law.*

The concept of fungi as a separate kingdom emerged in science by the 1960s, although E. Fries had already proposed this kingdom in 1831, and Carl Linnaeus expressed doubts when placing fungi within the kingdom Plantae in his Systema Naturae. In the second half of the 20th century, the concept of fungal polyphyletism was finally established. By the end of the 20th century, data accumulated in genetics, cytology, and biochemistry allowed this group of organisms to be divided into several unrelated lineages and assigned to different kingdoms, leaving only one kingdom within the "true" or fungi proper. Thus, by the beginning of the 21st century, the scientific term "fungi" had become ambiguous.

In the narrow sense, from the perspective of biological taxonomy, fungi are a taxon, one of the kingdoms of living nature. In the older, broader sense, the term has lost its meaning as a taxon and denotes an ecotrophic group comprising heterotrophic eukaryotes with an osmotrophic type of nutrition. Mycology continues to traditionally study such organisms. In jurisprudence, relations regarding the protection and use of fungi are studied by mycological law, which is an object, a type of nature management law, and a part of environmental law.

Ключевые слова: *право природопользования; пользование животным миром; пользование растительным миром; водопользование; пользование особо охраняемыми природными территориями; пользование ионизирующим излучением; пользование космическим пространством; землепользование; недропользование; пользование грибами (микологическое право).*

Keywords: *law of nature management; use of the animal world; use of the plant world; water use; use of specially protected natural areas; use of ionizing radiation; use of outer space; land use; subsoil use; use of mushrooms (mycological law).*

Для цитирования: *Дойников П.И. О грибах, как объектах природопользования // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 138-141. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_138.*

For citation: *Doynikov P.I. About mushrooms as objects of environmental management // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 138-141. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_138.*

Статья поступила в редакцию: 25.02.2026

Весьма велико биологическое и экологическое разнообразие грибов. Это одна из наибольших и разнообразнейших групп живых организмов, ставшая неотъемлемой частью всех водных и наземных экосистем[1]. В соответствии с современными оценками, на Земле существует от 100 до 250 тысяч[2], а по оценкам ряда исследователей до 1,5 миллионов видов грибов[3]. По состоянию на 2008 год в царстве *Fungi* описано 36 классов, 140 порядков, 560 семейств, 8283 употребляемых родовых названий и 5101 родовой синоним, 97 861 вид[4].

[1] *Дойников П.И.* О правовой природе, содержании и видах права грибопользования (микологического права) // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 193-196.
[2] *Гарибова Л. В., Лекомцева С. Н.* Основы микологии: Морфология и систематика грибов и грибоподобных организмов. Учебное пособие. — М.: 2005. С.5.
[3] *Дьяков Ю. Т.,* Введение в генетику грибов: учеб. пособие для студентов для студ. высш. учеб. заведений / Ю. Т. Дьяков, А. В. Шнырева, А. Ю. Сергеев. — М.: 2005. С.3.
[4] *Kirk P. M., Cannon P. F. et al.* Ainsworth & Bisby's Dictionary of the Fungi. — CAB International, 2008. p.256.

Роль грибов в природе и в хозяйстве человека трудно переоценить. Грибы присутствуют во всех экологических нишах — в воде и на суше, в почве и на всевозможных иных субстратах[1]. Грибы единственный вид живых организмов, которые покинули земное пространство, помимо воли человека[2]. Являясь редуцентами, они играют важную роль в экологии всей биосферы, разлагая всевозможные органические материалы и способствуя образованию плодородных почв. Велика роль грибов как участников взаимовыгодных симбиотических (мутуалистических) сообществ. Известны симбиотические отношения грибов с высшими растениями (микориза), с водорослями и цианобактериями (лишайники), с насекомыми, представители порядка неокаллимастиговых, обязательный компонент пищеварительной системы жвачных и некоторых других травоядных млекопитающих, они играют важную роль в переваривании растительной пищи.

Многие виды грибов активно используются человеком в пищевых, хозяйственных и медицинских целях. Блюда из съедобных грибов традиционно входят в национальные кухни многих народов мира. Во многих странах развито промышленное выращивание съедобных грибов, производство материалов для грибоводов-любителей. Микроскопические грибы используются в пищевой промышленности для приготовления напитков способом брожения, ферментации различных пищевых продуктов. Грибы — один из важнейших объектов биотехнологии, применяемых для производства антибиотиков и других лекарственных средств, некоторых химических веществ, используемых в пищевой промышленности и в технических целях.

С другой стороны, грибы могут наносить и значительный вред. Фитопатогенные грибы, в ненарушенных природных экосистемах обычно не наносящие вреда, могут вызывать эпифитотии в сельскохозяйственных посадках (агроценозах), древесных насаждениях и в лесах, где ведётся хозяйственная деятельность. У животных и человека грибы вызывают кожные заболевания (дерматомикозы), а иногда и поражения внутренних органов (глубокие микозы). Очень опасны и могут приводить к смертельному исходу отравления ядовитыми грибами, а также микотоксикозы — отравления пищевыми продуктами, заражёнными токсинами микроскопических грибов. Значительный ущерб причиняет вызываемая грибами порча различных продуктов и материалов (биокоррозия)[3].

Для пищевых целей грибы выращивают как сельскохозяйственные культуры или собирают в естественных местах произрастания. Собирание грибов, или «грибная охота» является популярным во многих странах видом промысла, активного отдыха или хобби. Сыроежки, белые, грузди и др., после обработки употребляются в пищу[4].

В пищевой промышленности находят применение различные микроскопические грибы: многочисленные дрожжевые культуры имеют важное значение для приготовления алкоголя и различных спиртных напитков: вина, водки, пива, кумыса, кефира, а также в хлебопечении. Плесневые культуры с давних пор применяются для изготовления сыров (рокфор, камамбер), а также некоторых вин (херес).

Ввиду того, что в грибах велико содержание хитина, их питательная ценность невелика и они трудно усваиваются организмом. Однако пищевая ценность грибов заключается не столько в их питательности, сколько в высоких ароматических и вкусовых качествах, поэтому их применяют для приправ, заправок, могут быть сушёные, солёные, маринованные грибы, а также грибы в виде порошков.

Мухоморы, обычно не применяются в пищевых целях, однако некоторые люди используют отдельные их виды после специальной обработки (преимущественно многократное вываривание). Однако такая обработка не всегда приводит к желаемому результату, всё зависит от размера дозы и характера поглощённых токсинов, а также от массы человека и его индивидуальной восприимчивости, возраста (в целом для детей грибы гораздо опаснее, нежели для взрослых)[5].

Ряд видов грибов продуцируют важные вещества (в том числе антибиотики) и антидепрессанты. Грибы и препараты из них широко применяются в медицине. В восточной медицине используют цельные грибы — рейши (ганодерма), шиитаке, кордицепс и другие. В народной медицине используются препараты из белого гриба, весёлки, некоторых трутовиков и других видов.

В списке официальных препаратов содержатся многочисленные препараты из грибов: из чаги, спорыньи; вещества, извлечённые из культуральной среды пенициллиновых и других грибов (используют при производстве антибиотиков)[6].

Грибы способны к взаимодействию с другими организмами посредством своих метаболитов, или прямо инфицируя их. Применение сельскохозяйственных пестицидных препаратов из некоторых таких грибов рассматривается как возможность управлять численностью вредителей сельского хозяйства, таких, как насекомые-вредители, нематоды, или другие грибы, повреждающие растения. В качестве биопестицидов используют, например, энтомопатогенные грибы (например, препарат Боверин из *Beauveria bassiana*, другие препараты из *Metarhizium anisopliae*, *Hirsutella*, *Paecilomyces fumosoroseus* и *Verticillium lecanii* (*Lecanicillium lecanii*). Мухомор издавна использовался как инсектицид[7].

Афлатоксин B1 — микотоксин, чрезвычайно токсичное вещество с сильнейшей гепатоканцерогенной деятельностью, продуцируется икроскопическими плесневыми грибами рода Аспергилл (*Aspergillus flavus*, *Aspergillus parasiticus*)[8].

Широкое распространение нашло производство лимонной кислоты на основе биотехнологии микробиологического синтеза.

Известно много разнообразных патогенных грибов, вызывающих заболевания растений (ежегодно по их вине теряется до 1/3 урожая

[1] *Дойников П.И.* О грибах, как объекте права природопользования // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 7. – С. 252-254.
[2] https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.f2ab235d-699c16fa-f1529b75-74722d776562/https/www.space.com/fungus-in-space-long-duration-astronaut-missions(дата обращения: 23.02.2025).
[3] *Дойников П.И.* О государственном управлении в сфере охраны и использования грибов // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 7. – С. 126-128.
[4] Грибы / Съедобные грибы // Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. — М. : Большая российская энциклопедия, 2004—2017.
[5] *Вишневский М. В.* Ядовитые грибы России. Проспект, 2017. С.52.
[6] *Дойников П.И.* О правовой природе, содержании и видах природопользования // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 6(234). – С. 131-134.
[7] Экологическое право : учебник / В. Б. Агафонов, С. А. Амашукели, В. К. Быковский [и др.]. – Москва : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. с.80-94.
[8] https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/19850059/(дата обращения: 24.02.2026).

на корню и при хранении), животных и человека (дерматозы, болезни волос, ногтей, дыхательных и половых путей, заболевания ротовой полости). Кроме того, заражение кормов, которые контаминированы грибами может привести к отравлению животных микотоксинами — микотоксикозам.

Грибы-древоразрушители вызывают быструю деструкцию древесных материалов, строений и изделий, поэтому рассматриваются в лесной фитопатологии как патогенные[1].

Многие плесневые грибы являются не только сапротрофами в природе, но и синантропными видами, специализирующимися на разложении хозяйственных продуктов питания. В процессе жизнедеятельности большинство видов синантропных плесневых грибов выделяют микотоксины, в то время как споры или другие структуры размножения этих организмов повышают риск микозов. Порча продуктов плесневыми грибами имеет промышленный масштаб, ежегодно принося огромные убытки для пищевой индустрии[2].

На протяжении всей истории человечества, грибы использовались в качестве источника психотропных ощущений[3]. Галлюциногенные грибы, содержат в своём составе псилоцин и псилоцибин.

Ряд видов грибов содержат психоактивные вещества и обладают психоделическим эффектом, поэтому у древних народов они применялись в различных обрядах и инициациях, в частности, мухоморы употребляли шаманы некоторых народов Сибири.

Американские индейцы издавна использовали эффекты псилоцибин-содержащих грибов наряду с психоактивными препаратами мескалина из кактусов.

Так называемые галлюциногенные грибы, общепринятое название видов грибов, плодовые тела которых содержат галлюциногенные (психоделические) вещества. Употребление таких грибов оказывает влияние на сознание, психику, вызывает переживания, называемые психоделическим опытом, или трипом.

В древности галлюциногенные грибы употреблялись человеком в качестве энтеогенов при проведении религиозных церемоний, а также в небольших дозах как психостимуляторы.

Человечеству с древности известны психотропные свойства некоторых грибов, чему сохранилось множество археологических свидетельств. Таким грибам приписывались магические свойства и они употреблялись при проведении религиозных ритуалов[4].

Древнейшие наскальные изображения ритуалов, в которых использовались психоактивные грибы, известны в Африке и имеют возраст 6500-9000 лет. Такие рисунки известны в Алжире (Тассилин-Аджер), в Ливии (горы Тадрарт-Акакус), Чаде (плато Эннеди), Египте (Джебель-Оунат)[5].

В Индии (штат Керала, близ деревни Черманангад) существуют мегалиты в виде грибов возрастом более 3000 лет, которые носят название *kudakallu* — «зонтичные камни». В Риг-веде около тысячи гимнов посвящено священному опьяняющему напитку «сома», который, по мнению Р. Г. Уоссона (1968), готовился из красных мухоморов[6]. Древние индийцы считали, что сома позволяет сохранить здоровье, продлевает жизнь, и человек, употребляющий напиток, сливается с божеством. Однако связь между сомой и *kudakallu* не выяснена, эти сооружения были поставлены в эпоху дравидийской цивилизации, существовавшей в Индии до прихода ариев.

Психотропные грибы (зёрна пшеницы, заражённые спорыньёй) использовались и в древней Греции в церемониях Элевсинских таинств.

Распространено было употребление психогенных грибов у индейцев доколумбовой Мексики и Центральной Америки. Так, красный мухомор был священным грибом у древних майя, псилоцибе уже 3000 лет назад использовали в религиозных ритуалах ацтеки. Ацтеки называли эти грибы «теонанакатль» — «тело бога», и употребляли его только избранные и посвящённые. В Гватемале обнаружены капища возрастом более 2500 лет с изваяниями магического гриба с человеческим лицом. Ритуалы с использованием галлюциногенных грибов сохранились у центральноамериканских племён вплоть до настоящего времени.

Статуэтки в форме грибов, созданные индейцами майя (1000 до н. э. — 500 н. э.)

[1] *Дойников П.И.* Правовое регулирование природопользования Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «КноРус», 2023. С.22-29.
[2] https://www.nkj.ru/archive/articles/16507/(дата обращения: 24.02.2026).
[3] *Захаров И.А., Касперявичус М.М.* Грибы в мифах и обрядах. (Краткий очерк этномикологии) // Микология и фитопатология : Журнал. — 1981. — Т. 15, № 1. — С. 66—72.
[4] *Дудка И. А., Вассер С. П.* Ядовитые грибы и их яды // Грибы. Справочник миколога и грибника : книга. — Киев: Наукова Думка, 1987. — С. 378—381.
[5]https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B0%D0%BB%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%B1%D1%8B#cite_note-%D0%9C%D0%93-1(дата обращения: 25.02.2026).
[6] *Wasson R.G.* Soma. The Divine Mushroom of Immortality. — New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1968.

Мухоморы использовались в средние века викингами, а также на протяжении столетий — шаманами северных народов, обитающих на Таймыре, Камчатке и Чукотке. Поедание мухоморов у этих народов было привилегией вождей и шаманов, остальные же пили их мочу, причём действие мочи сохраняется после «пропускания» её через 4—5 человек[1]. Употребление мухоморов зависело от обычаев племени. Известно до 15 способов употребления мухоморов — их ели в сыром, жареном, печёном, сушёном виде, готовили экстракты и отвары, употребляли мясо наевшихся грибов северных оленей. В шаманских ритуалах использовали старые плодовые тела, охотникам же для повышения выносливости давали молодые нераскрывшиеся шляпки, очищенные от кожицы, в которой содержится наибольшее количество действующих веществ[2]. Для европейцев употребление половины мухомора считается экстремальным, поедание 3 плодовых тел может оказаться смертельным, для народов же, традиционно употреблявших гриб, обычно разовое употребление 1—11 грибов и даже до 21.

В 1960—1970-х годах распространилось употребление «магических грибов» в Америке, которое затем перешло в Европу и приняло массовый характер. В конце XX — начале XXI века среди людей, употребляющих галлюциногены, использование грибов рода *Psilocybe* вытесняет другие природные психоделики[3].

В настоящее время популярность получили не только грибы класса агарикомицеты, но и сордариомицеты. Такой их представитель как кордицепс широко используется в изготовлении жиросжигающих препаратов[4].

Список литературы:

1. Wasson R.G. Soma. The Divine Mushroom of Immortality. — New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1968.
2. Вишневский М. В. Ядовитые грибы России. Проспект, 2017.
3. Гарибова Л. В., Лекомцева С. Н. Основы микологии: Морфология и систематика грибов и грибоподобных организмов. Учебное пособие. — М.: 2005.
4. Грибы / Съедобные грибы // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. — М.: Большая российская энциклопедия, 2004—2017.
5. Дойников П.И. Правовое регулирование природопользования Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «КноРус», 2023
6. Дойников П.И. О правовой природе, содержании и видах права грибопользования (микологического права) // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 2.
7. Дойников П.И. О грибах, как объекте права природопользования // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 7.
8. Дойников П.И. О государственном управлении в сфере охраны и использования грибов // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 7.
9. Дьяков Ю. Т., Введение в генетику грибов: учеб. пособие для студентов для студ. высш. учеб. заведений / Ю. Т. Дьяков, А. В. Шнырева, А. Ю. Сергеев. — М.: 2005.
10. Дудка И. А., Вассер С. П. Ядовитые грибы и их яды // Грибы. Справочник миколога и грибника: книга. — Киев: Наукова Думка, 1987.
11. Захаров И.А., Касперявичус М.М. Грибы в мифах и обрядах. (Краткий очерк этномикологии) // Микология и фитопатология: Журнал. — 1981. — Т. 15, № 1.
12. Kirk P. M., Cannon P. F. et al. Ainsworth & Bisby's Dictionary of the Fungi. — CAB International, 2008.
13. Правовое сопровождение природопользования / В. Б. Агафонов, С. А. Амашукели, Я. А. Блажеев [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2025.
14. Ramsbottom J. The new naturalist mushrooms and toadstools. A. Study of the Activities of Fungi. — London: Collins, 1953.
15. Saar M. Fungi in Khanty Folk Medicine // J.Ethnopharmacol : Журнал. — 1991a. — Т. 31.
16. Saar M. Ethnomycological data from Siberia and North-East Asia on the effect of Amanita muscaria // J.Ethnopharmacol : Журнал. — 1991b. — Т. 31.
17. Экологическое право : учебник / В. Б. Агафонов, С. А. Амашукели, В. К. Быковский [и др.]. – Москва : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023.

References:

1. Wasson, R.G. Soma. The Divine Mushroom of Immortality. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1968.
2. Vishnevsky, M.V. Poisonous Mushrooms of Russia. Prospect, 2017.
3. Garibova, L.V., Lekomtseva, S.N. Fundamentals of Mycology: Morphology and Taxonomy of Fungi and Mushroom-Like Organisms. A Textbook. Moscow: 2005.
4. Mushrooms / Edible Mushrooms // The Great Russian Encyclopedia: [in 35 volumes] / Ed.-in-Chief Yu. S. Osipov. Moscow: The Great Russian Encyclopedia, 2004–2017.
5. Doynikov, P.I. Legal Regulation of Nature Management Moscow: Knorus Publishing House, Limited Liability Company, 2023
6. Doynikov, P.I. On the Legal Nature, Content, and Types of Mushroom Use Law (Mycological Law) // Law and State: Theory and Practice. 2025, No. 2.
7. Doynikov, P.I. On Mushrooms as an Object of Nature Management Law // Law and State: Theory and Practice. 2025, No. 7.
8. Doynikov, P.I. On Public Administration in the Sphere of Mushroom Protection and Use // Agrarian and Land Law. 2025, No. 7.
9. Dyakov, Yu. T., Introduction to Fungal Genetics: A Textbook for Students of Higher Educational Institutions / Yu. T. Dyakov, A. V. Shnyreva, A. Yu. Sergeev. — Moscow: 2005.
10. Dudka I. A., Wasser S. P. Poisonous mushrooms and their poisons // Mushrooms. Handbook of a mycologist and mushroom picker: book. — Kyiv: Naukova Dumka, 1987.
11. Zakharov I. A., Kasperyavicius M. Mushrooms in myths and rituals. (A brief overview of ethnomycology) // Mycology and phytopathology: Journal. — 1981. — Vol. 15, No. 1.
12. Kirk P. M., Cannon P. F. et al. Ainsworth & Bisby's Dictionary of the Fungi. — CAB International, 2008.
13. Legal support for nature management / V. B. Agafonov, S. A. Amashukeli, Ya. A. Blazheev [et al.]. – Moscow: Prospect Limited Liability Company, 2025.
14. Ramsbottom J. The new naturalist mushrooms and toadstools. A. Study of the Activities of Fungi. – London: Collins, 1953.
15. Saar M. Fungi in Khanty Folk Medicine // J. Ethnopharmacol : Journal. – 1991a. – Vol. 31.
16. Saar M. Ethnomycological data from Siberia and North-East Asia on the effect of Amanita muscaria // J. Ethnopharmacol : Journal. – 1991b. – Vol. 31.
17. Environmental law: a textbook / V. B. Agafonov, S. A. Amashukeli, V. K. Bykovsky [et al.]. – Moscow: Publishing Center of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2023.

[1] *Ramsbottom J.* The new naturalist mushrooms and toadstools. A. Study of the Activities of Fungi. — London: Collins, 1953.
[2] *Saar M.* Ethnomycological data from Siberia and North-East Asia on the effect of Amanita muscaria // J.Ethnopharmacol : Журнал. — 1991b. — Т. 31. — С. 157—173.
[3] Правовое сопровождение природопользования / В. Б. Агафонов, С. А. Амашукели, Я. А. Блажеев [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2025. С.11-20.
[4] *Saar M.* Fungi in Khanty Folk Medicine // J.Ethnopharmacol : Журнал. — 1991a. — Т. 31. — С. 175—179.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_142

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ В ЦЕЛЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА
LEGAL SUPPORT FOR ENVIRONMENTAL WELL-BEING AT THE MUNICIPAL LEVEL IN ORDER TO FORM ENVIRONMENTAL SOVEREIGNTY

УСТИНОВА Анна Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии.
410056, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, зд. 104, стр. 1.
E-mail: ustinova5anna@yandex.ru;
USTINOVA Anna Nikolaevna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Land and Environmental Law, Saratov State Law Academy.
104 Chernyshevsky st., Saratov, 410056, Russia.
E-mail: ustinova5anna@yandex.ru

Краткая аннотация: *В условиях возрастающих экологических вызовов и угроз меняются приоритеты государственной политики, основой государственного суверенитета становится экологическое благополучие. В статье исследуются национальные, федеральные проекты, которые реализуются в целях обеспечения экологического благополучия. Отмечаются проблемы их реализации на муниципальном уровне, предлагаются решения выявленных проблем. В заключении подчеркивается связь между реализацией проектов, направленных на обеспечение экологического благополучия и формированием экологического суверенитета.*

Abstract: *In the face of growing environmental challenges and threats, public policy priorities are shifting, and environmental well-being is becoming the foundation of state sovereignty. This article examines national and federal projects ("Ecology," "Environmental Well-being," "Creating a Comfortable Urban Environment") aimed at improving environmental quality and, ultimately, ensuring environmental well-being. Challenges to their implementation at the municipal level are highlighted, and solutions to these issues are proposed. The conclusion emphasizes the connection between the implementation of projects aimed at ensuring environmental well-being and the development of environmental sovereignty.*

Ключевые слова*: экологическое благополучие, экологический суверенитет, экологическая безопасность.*
Keywords*: environmental well-being, environmental security, environmental sovereignty.*

Для цитирования: *Устинова А.Н. Правовое обеспечение экологического благополучия на муниципальном уровне в целях формирования экологического суверенитета // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 142-145. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_142.*
For citation: *Ustinova A.N. Legal support for environmental well-being at the municipal level in order to form environmental sovereignty // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 142-145. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_142.*

Статья поступила в редакцию: 11.03.2026

Современная экологическая политика государства строится с учетом не только новых вызовов и угроз (которые «пугая грядущей экологической катастрофой, являются одним из элементов экономической политики «принуждения» к потере суверенитета» [1, с. 181]), но и новых целей, а именно, с учетом «переориентации целей устойчивого развития от привычных «западных» стандартов экологического, корпоративного и социального управления» [2, с. 125]. Такой глобальной целью является формирование экологического суверенитета России. Несмотря на то, что экологический суверенитет пока не является общепризнанной правовой категорией [3], и более того, по мнению многих ученых не может являться самостоятельной категорией как вид суверенитета [4] (также как и экономический, продовольственный, технологический), а представляет собой «одну из сторон более общего понятия государственного суверенитета» [5], основы, заложенные в законодательстве, все же позволяют говорить о формировании самостоятельного экологического суверенитета.

Исходя из подхода, что «экологический суверенитет – это право и способность государства самостоятельно и ответственно управлять природными ресурсами на своей территории, устанавливать экологические стандарты, защищать свое население и экономику от трансграничных экологических угроз и отстаивать свои национальные интересы в международной экологической повестке» [6, с. 70], в первую очередь можем говорить «о суверенитете государства на свои природные ресурсы» [7]. Основы природоресурсного суверенитета народов России заложены ее Конституцией, в соответствии с ч. 1 ст. 9 которой «земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». По справедливому утверждению С.А. Боголюбова «для России с ее этническим, культурным разнообразием, сложным национально-государственным устройством сбалансированная эффективная политика по обеспечению суверенитета на природные ресурсы представляется одним из очевидных приоритетов, имеющим как внешнеполитический, так и внутренний акценты» [8, с. 11].

Ключевым элементом обеспечения экологического суверенитета является реализация права на благоприятную окружающую среду [9, 10], а охрана здоровья населения от вредных факторов окружающей среды является основным элементом обеспечения экологического благополучия. Проблема обеспечения экологического благополучия носит комплексный характер, затрагивая политические, экономические, социальные и гуманитарные аспекты жизни общества. При этом, «обеспечение высоких стандартов экологического благополучия населения является одним из требований, которое во многих странах мира фиксируется на конституционном уровне» [11,с. 61].

Граждане вправе ожидать, что среда их обитания будет способствовать сохранению и укреплению здоровья. «Достижение целей устойчивого развития и обеспечения высоких экологических стандартов представляет собой долгосрочный процесс, который потребует опреде-

ленных институциональных изменений, проводимых на уровне государственного аппарата, а также ментального отношения людей к вопросам экологии, обеспечения здоровья и благополучия населения» [12]. Поскольку санитарное состояние среды, а также культурные и экономические различия на местах тесно связаны с политико-экономическими факторами, необходимы скоординированные международные усилия для глобального планирования и контроля в экологической сфере.

Ключевым инструментом государства в повышении качества жизни граждан выступает реализация масштабных программных документов – национальных проектов и государственных программ. На рубеже третьего тысячелетия стала очевидной потребность в коренном улучшении экологической ситуации как на планетарном уровне, так и на уровне каждой конкретной страны. В ответ на этот вызов государственными органами Российской Федерации был разработан и запущен в 2018 году национальный проект «Экология», реализация которого первоначально была рассчитана на период до 2024 года. Ему на смену приходит новый проект «Экологическое благополучие», действующий до 2030 года. Примечательно, что «само название обновленного проекта несет стратегический посыл, указывая, что одной из целей национального развития является достижение всеобщего благополучия, включая экологическую сферу, и создание комфортных условий для жизни населения» [13].

Обратим внимание на направление «создание комфортных условий для жизни населения» как активно разрабатываемого в целях обеспечения экологического благополучия. Федеральные проекты «Формирование комфортной городской среды» и «Жилье» входили в состав национального проекта «Жилье и городская среда», утвержденного Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, со сроком реализации с 1 октября 2018 года по 31 декабря 2024 года[1]. В настоящее время их реализация продолжается в составе национального проекта «Инфраструктура для жизни» со сроком реализации по 31 декабря 2030 года, который обеспечил преемственность государственной политики в сферах дорожного строительства, жилищно-коммунального хозяйства, обеспечения безопасности дорожного движения, развития пассажирского транспорта общего пользования[2]. Федеральный проект выступает практическим инструментом реализации государственной политики в сфере урбанистики. Его главная задача – переход от точечного благоустройства к системному, комплексному развитию городских пространств с акцентом на качество жизни человека. Основным инструментом оценки и управления является «индекс качества городской среды (ИКГС), который рассчитывается ежегодно Минстроем России по 36 индикаторам, объединенным в 6 типов пространств (жилье, уличная инфраструктура, озеленение, общественно-деловая инфраструктура и др.) и 6 критериям (безопасность, комфорт, экологичность и здоровье, идентичность и разнообразие, современность и актуальность среды, эффективность управления)»[3]. Ключевые цели до 2024 года (с продлением до 2030 года) заключаются в следующем: повышение индекса качества городской среды (ИКГС) на 30% по сравнению с 2018 годом; уменьшение вдвое количества городов с неблагоприятной средой (с низким значением ИКГС); обеспечение доли граждан, участвующих в решении вопросов развития городской среды, не менее 30%.

Необходимо отметить, что правовые механизмы защиты государственного, в том числе экологического, суверенитета «включают в себя различные правовые институты, в том числе совокупность согласованных правовых норм, которые регулируют функционирование органов местного самоуправления», «вопросы обеспечения экологического суверенитета через обеспечение экологического благополучия, должны решаться на всех уровнях власти, включая местный» [14, с. 166].

При этом важнейшими основными началами деятельности в данной сфере выступают комплексность, приоритетность и сквозной характер. Так, работа на местном уровне в целях формирования экологического благополучия посредством формирования качественной экологической городской среды ведется не с разрозненными объектами, а с целостными общественными пространствами, улицами и дворами. Качество городской среды оценивается по комплексным критериям, включающим удовлетворенность жителей услугами и инфраструктурой, функциональность и интенсивность использования общественных пространств, чувство безопасности, комфорта и эстетической привлекательности среды. И если обеспечение экологической составляющей, или экологического качества городской среды достаточно «прозрачно», так как опирается на экологические стандарты и нормативы, содержащиеся в экологическом и градостроительном законодательстве, то социальная составляющая, а именно вовлечение жителей в реализации программы, претерпевает некоторые проблемы.

Так, программа предусматривает институциональные формы вовлечения жителей: подача предложений и запросов в органы власти; участие в обсуждении программ благоустройства на публичных слушаниях; контроль за ходом и качеством работ; участие в опросах и голосованиях. К сожалению, органы власти зачастую используют для информирования только официальные каналы (сайты, традиционные СМИ), игнорируя потенциал социальных сетей, где активна основная аудитория. Основным каналом участия для горожан остаются опросы и собрания, а не равноправный диалог или самостоятельные инициативы. Риск формализации процедур участия граждан является одной из наиболее серьезных системных проблем при реализации проекта «Формирование комфортной городской среды». В качестве рекомендации изменения ситуации в целях повышения качества реализации программы, направленной в целом на формирование экологического благополучия, можно предложить изменение системы оценки для муниципалитетов, необходимость внедрения качественных, а не только количественных показателей участия (например, глубина учета предложений, разнообразие каналов коммуникации, уровень удовлетворенности процедурой, публикация всех предложений жителей и развернутого заключения экспертов, почему они были учтены или отклонены).

[1] Паспорт национального проекта «Жилье и городская среда» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319211/ (дата обращения: 01.03.2026).
[2] По вопросу сроков реализации федеральных проектов «Формирование комфортной городской среды» и «Жилье»: письмо Минстроя России от 22 мая 2025 г. № 14273-ОГ/06. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505763/#dst100005 (дата обращения: 01.03.2026).
[3] По вопросу сроков реализации федеральных проектов «Формирование комфортной городской среды» и «Жилье»: письмо Минстроя России от 22 мая 2025 г. № 14273-ОГ/06. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505763/#dst100005 (дата обращения: 01.03.2026).

В правовой системе России институт благоустройства территорий традиционно находился в исключительной компетенции органов местного самоуправления. Однако переход к новой модели, которая предполагает распределение соответствующих обязанностей между муниципалитетами и правообладателями объектов недвижимости, а также принятие муниципальных правил благоустройства, выявил правовую неопределенность. Она касается пределов полномочий муниципальных образований по установлению обязательных для физических и юридических лиц требований в данной сфере. Градостроительный кодекс РФ определяет благоустройство территории как «деятельность по реализации комплекса мероприятий, установленного правилами благоустройства, направленную на обеспечение и повышение комфортности условий проживания граждан, по поддержанию и улучшению санитарного и эстетического состояния территории муниципального образования, по содержанию территорий населенных пунктов и расположенных на таких территориях объектов, в том числе территорий общего пользования, земельных участков, зданий, строений, сооружений, прилегающих территорий»[1]. Как отмечает А.В. Мадьярова, «благоустройство оказалось одной из самых проблемных сфер компетенции местного самоуправления. С одной стороны, формально это практически единственная действительно самостоятельная область муниципально-правового регулирования и управления и предмет исключительного ведения муниципальных образований, с другой - сфера, где предмет и пределы муниципально-правового регулирования наиболее расплывчаты» [15]. Сложность поддержания обновленных пространств (содержание после благоустройства) является ключевым вызовом, способным свести на нет инвестиции и усилия по созданию комфортной городской среды. Проблема заключается в разрыве между краткосрочным проектом благоустройства и долгосрочным процессом содержания и управления обновленной территорией. Бюджеты национального проекта и региональных программ выделяются на капитальные работы, но не предусматривают гарантированного долгосрочного финансирования на эксплуатацию, ремонт, уборку, охрану и обновление элементов. Муниципалитеты, особенно с дефицитным бюджетом, часто не имеют резерва на эти цели. Многие общественные пространства рассматриваются как статья расходов, а не как актив, способный генерировать доход (прямой или косвенный) для своего же содержания. Даже качественно сделанные объекты изнашиваются, без планового ремонта и адаптации к меняющимся запросам (например, появление новых видов активностей) пространство быстро теряет привлекательность. Проблема содержания носит системный характер и требует решения не на уровне отдельных дворов, а на уровне городского управления и финансов. Требуется интеграция этапа содержания в сам процесс проектирования, создание гибких финансово-управленческих моделей и превращение жителей из пассивных пользователей в активных соуправляющих и соинвесторов в поддержание качества городской среды.

Проблемы реализации проектов, связанных с формированием экологически благополучной среды на муниципальном уровне, очевидны в контексте общих проблем государственного и муниципального управления, что, в свою очередь, связано с тем, «при выборе моделей управления не учитываются стадии жизненного цикла территории, их закономерности и особенности, оказывающие существенное влияние на результативность реализации управленческих решений, принимаемых на уровне территорий» [16, с. 189].

Таким образом, экологическое благополучие муниципальных образований представляет собой комплексное состояние, при котором качество окружающей среды на территории муниципалитета обеспечивает устойчивое функционирование местных экосистем, безопасные и комфортные условия для жизни, здоровья и деятельности населения, а также эффективное управление природными ресурсами в интересах настоящего и будущих поколений. Это ключевой элемент национальной экологической безопасности и обеспечения экологического суверенитета, поскольку именно на местном уровне граждане непосредственно ощущают последствия реализации государственной экологической политики.

Список литературы:

1. Шпаковский Ю.Г., Жаворонкова Н.Г. Экологическая безопасность устойчивого развития: стратегия и механизмы реализации // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 7. С. 174-187.
2. Мухлынина М.М. Об экологическом суверенитете как ключевому стратегическому ориентиру экологической политики современной России: вопросы права и практики // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 125-128.
3. Азизов Т.А. Экологический суверенитет и чрезвычайные экологические ситуации как правовые категории // Проблемы права. 2016. № 4 (58). С. 164-169.
4. Зуйков А.В. К вопросу о понятии суверенитета и его трансформации в новых реалиях // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 4. С. 3-8.
5. Чиркин В.Е. Интеграционные межгосударственные процессы, конституции и государственный суверенитет // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 5-19.
6. Виноградова Е.В. Мониторинг состояния окружающей среды как часть механизма обеспечения государственного суверенитета // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 70-72.
7. Селиванова К.А. Природоресурсный суверенитет народов России // Юстиция. 2021. № 3-4. С. 102-106.
8. Боголюбов С.А. Суверенитет России на ее природные ресурсы // Сборник статей и тезисов. III Московский юридический форум. Научно-образовательная сессия к 85-летию Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). М.: Проспект, 2016.
9. Ивлева Ю.И. Экологический конституционализм как средство защиты государственного суверенитета // Российский научный вестник. 2025. № 11. С. 126-129.
10. Данилевская-Урбанова И.Л., Мухлынина М.М. Вопросы формирования экологического суверенитета // Аграрное и земельное право. 2025. №2. С. 121-124.
11. Алешкова И.А. Экологическое благополучие человека как конституционно-правовая категория // Аграрное и земельное право. 2022. № 11(215). С. 60-64.
12. Павликов С.Г. Обеспечение высоких стандартов экологического благополучия в России: требование Конституции Российской Федерации и реалии мирового сообщества // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 61-65.
13. Семенов А.В. Проблемы использования административного ресурса транспортной отрасли при осуществлении межведомственного взаимодействия с целью реализации основных принципов экологического благополучия // Административное право и процесс. 2025. № 3. С. 36-38.
14. Ивлева Ю.И. Конституционно-правовое обеспечение экологической безопасности муниципальных образований для защиты суверенитета государства // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4 (232). С. 166-168.
15. Мадьярова А.В. Предмет и пределы компетенции органов местного самоуправления в сфере благоустройства: проблемы и пути решения // Практика муниципального управления. 2015. № 8. С. 47-56.

[1] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (Часть I). Ст. 16; 2025. № 52 (Часть I). Ст. 8366.

16. Климова Н.И., Алтуфьева Т.Ю. Жизненный цикл территорий: теоретико-методологический подход к стадиальной идентификации и его приложение // Фундаментальные исследования. 2017. № 9-1. С. 189-194.

References:

1. Shpakovskiy YuG., Zhavoronkova NG. Environmental Safety of Sustainable Development: Strategy and Implementation Mechanisms // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2024. No. 7, pp. 174-187.
2. Mukhlynina M.M. On environmental sovereignty as a key strategic guideline of environmental policy in modern Russia: issues of law and practice //Agrarian and land law. 2025. No. 3. pp. 125-128.
3. Azizov T.A. Ecological sovereignty and environmental emergency situations as legal categories // Problemy prava (Issues of Law) founders journal. 2016. No. 4 (58), pp. 164-169.
4. Zuykov A.V. On the concept of sovereignty and its transformation in the new reality // State power and local self-government. 2025. No. 4, pp. 3-8.
5. Chirkin V.E. Integrational Interstate Processes, Constitutions and State Sovereignty // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, 2019. No. 3, pp. 5-19.
6. Vinogradova E.V. Environmental monitoring as part of the mechanism for ensuring state sovereignty // Agrarian and land law. 2025. No. 7. pp. 70-72.
7. Seiivanova K.A. Prirodoresursnyj suverenitet narodov Rossii // Yusticiya. 2021. No. 3-4, pp. 102-106.
8. Bogolyubov S.A. Russia's Sovereignty over its Natural Resources // Collection of Articles and Abstracts. III Moscow Legal Forum. Scientific and Educational Session for the 85th Anniversary of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Moscow: Prospect, 2016.
9. Ivleva Yu.I. Ecological constitutionalism as a means of protecting state sovereignty // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 11, pp. 126-129.
10. Danilevskaya-Urbanova I.L., Mukhlynina M.M. Issues of formation of ecological sovereignty // Agrarian and land law. 2025. No. 2, pp. 121-124.
11. Aleshkova I.A. Human environmental well-being as a constitutional and legal category // Agrarian and Land Law. 2022. No. 11(215), pp. 60-64.
12. Pavlikov S.G. Ensuring high standards of environmental well-being in Russia: the requirements of the Constitution of the Russian Federation and the realities of the global community // Constitutional and municipal law. 2021. No. 6, pp. 61-65.
13. Semenov A.V. Problems of using the administrative resource of the transport industry in the implementation of interdepartmental interaction in order to implement the basic principles of environmental well-being // Administrative law and process. 2025. No. 3, pp. 36-38
14. Ivleva Yu.I. Constitutional and legal provision of environmental safety of municipalities to protect the state sovereignty // Law and state: theory and practice. 2024. No. 4(232), pp. 166-168.
15. Madyarova A.V. Subject and limits of competence of local government bodies in the sphere of improvement: problems and solutions // Practice of municipal management. 2015. No. 8, pp. 47-56.
16. Klimova N.I., Altufeva T.Yu. Life cycle of territories: theoretical and methodological approach to stage identification and its application // Fundamental research. 2017. No. 9-1, pp. 189-194.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_146

УДК 342.723

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА
LEGAL ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO EDUCATION IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

ТРОФИМОВ Георгий Михайлович,
студент юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ.
125412, Россия, г. Москва, ул. Ангарская, д.57. к.4.
E-mail: trofimov.georg@mail.ru

TROFIMOV Georgiy Mikhailovich
student of the Faculty of Law
Financial University under the Government of the Russian Federation.
125412, Moscow, Angarskaya str., 57.k.4.
E-mail: trofimov.georg@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуются правовые аспекты реализации конституционного права на образование в условиях цифровой трансформации общества. Анализируется многоуровневая система нормативных правовых актов Российской Федерации, включая Конституцию РФ, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», подзаконные и региональные акты, а также международно-правовые стандарты. Особое внимание уделяется содержательной трансформации права на образование в цифровую эпоху, появлению новых элементов правового статуса обучающихся (право на защиту персональных данных, право на безопасность в онлайн-среде, доступ к электронным образовательным ресурсам). Рассматриваются фундаментальные принципы цифровизации образования: законность, безопасность и доступность. В работе выявлены ключевые правовые пробелы: отсутствие прямой обязанности государства по обеспечению учащихся из малообеспеченных семей компьютерной техникой и доступом к сети Интернет, дефицит стандартов качества цифрового образовательного контента, недостаточная регламентация защиты персональных данных несовершеннолетних. На основе анализа судебной практики Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции систематизированы основные категории споров, связанных с реализацией права на образование в цифровой среде. Автор приходит к выводу, что обеспечение социально-экономической доступности цифрового образования является необходимым условием реализации конституционных гарантий, в связи с чем формулируются предложения по совершенствованию законодательства.*

Abstract: *The article examines the legal aspects of the implementation of the constitutional right to education in the context of the digital transformation of society. The multilevel system of normative legal acts of the Russian Federation is analyzed, including the Constitution of the Russian Federation, the Federal Law "On Education in the Russian Federation", by-laws and regional acts, as well as international legal standards. Special attention is paid to the substantive transformation of the right to education in the digital age and the emergence of new elements in the legal status of students (the right to personal data protection, the right to safety in the online environment, access to electronic educational resources). The fundamental principles of digitalization of education are considered: legality, safety, and accessibility. The work identifies key legal gaps: the absence of a direct obligation of the state to provide students from low-income families with computer equipment and Internet access, the lack of quality standards for digital educational content, and insufficient regulation of personal data protection for minors. Based on the analysis of judicial practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, and courts of general jurisdiction, the main categories of disputes related to the realization of the right to education in the digital environment are systematized. The author concludes that ensuring the socio-economic accessibility of digital education is a necessary condition for the implementation of constitutional guarantees, and consequently, proposals for improving legislation are formulated.*

Ключевые слова: *конституционное право на образование, цифровая трансформация, цифровое неравенство, дистанционные образовательные технологии, доступность образования, судебная защита, гарантии реализации прав, персональные данные, законодательство об образовании.*

Keywords: *constitutional right to education, digital transformation, digital divide, distance learning technologies, accessibility of education, judicial protection, guarantees of rights implementation, personal data, education legislation.*

Для цитирования: *Трофимов Г.М. Правовые аспекты реализации конституционного права на образование в условиях цифровой трансформации общества // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 146-150. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_146.*

For citation: *Trofimov G.M. Legal aspects of the implementation of the constitutional right to education in the context of digital transformation of society // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 146-150. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_146.*

Статья поступила в редакцию: 10.03.2026

Цифровая трансформация общественных отношений, охватившая все сферы жизнедеятельности современного общества, предопределяет необходимость переосмысления традиционных подходов к реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина. Право на образование, относящееся к числу фундаментальных социально-экономических прав, в условиях цифровизации приобретает новое содержание и требует формирования современных правовых механизмов его обеспечения.

Право на образование относится к числу прав человека, закрепленных как в международных документах, так и в национальных законодательствах большинства стран мира.

Правовое регулирование реализации права на образование в Российской Федерации в условиях цифровизации базируется на многоуровневой системе нормативных правовых актов, центральное место в которой занимает Конституция РФ. Статья 43 Основного закона гарантирует общедоступность и бесплатность образования, а статья 19 провозглашает равенство прав и свобод вне зависимости от имущественного положения, места жительства и иных обстоятельств [1]. Применительно к цифровой среде данная норма интерпретируется Конституционным Судом РФ как требование равенства не только прав, но и гарантий их реализации [5], что имеет ключевое значение для оценки доступности онлайн-образования.

Базовым отраслевым актом выступает Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (да-

лее – Закон об образовании) [2]. В развитие конституционных положений статья 5 Закона устанавливает перечень обстоятельств, исключающих дискриминацию в сфере образования, а статья 16 детализирует механизм применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий.

Однако следует отметить, что в юридической науке отсутствует единый подход к определению понятия «право на образование», что обусловливает научную дискуссию относительно его содержания и структуры. Как справедливо отмечает Т.А. Ромаденкова, анализируя различные доктринальные подходы, «право на образование как одно из наиболее существенных конституционных социальных прав человека, создает основу развития личности и общества и является правом человека на получение определенного объема знаний, культурных навыков, профессиональной ориентации, необходимых для нормальной жизни в современном обществе» [18, с. 234].

Особого внимания заслуживает подход Н.В. Вечкановой, которая рассматривает право на образование как «особо значимое социальное право человека, создающее необходимые предпосылки для развития личности, оказывающее влияние на состояние общества в целом, находясь во взаимосвязи с иными политическими, экономическими и социальными правами и свободами» [12, с. 40]. А.Н. Козырин определяет данное право как «совокупность правовых норм, необходимых для регулирования общественных отношений, связанных с получением образования» [14].

Анализ приведенных определений позволяет сделать вывод, что право на образование представляет собой фундаментальное право каждого человека, гарантирующее возможность получения знаний, навыков и компетенций, необходимых для полноценного развития личности, социальной интеграции и профессиональной самореализации.

В условиях цифровизации содержание права на образование претерпевает определенную трансформацию, внося коррективы в правовое положение обучающихся. Это выражается в появлении таких прав, как неприкосновенность персональных данных учащихся, свободный доступ к электронным образовательным системам, право на безопасность в онлайн-обучении и защиту от киберугроз, а также учет авторско-правовых и этических требований при использовании учебных материалов в цифровой форме.

В этой связи гарантии конституционного права на образование рассматриваются как совокупность условий и механизмов, призванных обеспечить его неукоснительное соблюдение. В науке принято выделять политические, организационные, социально-экономические и юридические гарантии. Последние, в свою очередь, подразделяются на формально-юридические (нормативное закрепление основных положений, обеспечивающих реализацию права на образование) и институциональные (государственные органы и общественные организации, обеспечивающие защиту нарушенных прав).

В условиях цифровизации особое значение приобретают гарантии доступности образования, которые в конституционном измерении означают не только формальное равенство возможностей, но и фактическую способность каждого реализовать право на образование с использованием цифровых технологий. Как отмечает Е.Г. Стребкова, «в современных условиях право на образование не может быть реализовано без полного доступа к информационно-коммуникационным технологиям всех участников образовательного процесса» [19, с. 223]. С одной стороны, цифровые технологии создают беспрецедентные возможности для доступа к образовательным ресурсам – онлайн-курсам, цифровым библиотекам, образовательным платформам. С другой стороны, возникает проблема цифрового неравенства, которая может воспроизводить и усугублять существующее социально-экономическое неравенство.

Показательным примером цифрового неравенства стал период пандемии COVID-19, когда образовательные учреждения были вынуждены перейти на дистанционный формат обучения. Как показала практика перехода на удаленный формат, по данным Министерства просвещения, около 700 тыс. учащихся не смогли участвовать в дистанционном обучении [21]. Ключевым фактором, ограничивающим доступ к получению образования обучающимися, стало возложение дополнительных расходов за использование интернет-трафика на семейный бюджет, что вступает в прямое противоречие с конституционным принципом бесплатности образования. В сложившихся условиях результаты обучения оказались в прямой зависимости от материального положения и культурно-образовательного уровня родителей.

Конституционный принцип равенства в его социально-экономическом измерении предполагает не только формальное провозглашение равных прав, но и создание государством условий, обеспечивающих фактическую возможность реализации этих прав для всех граждан. В этом контексте особое значение приобретает обязанность государства по устранению цифрового неравенства, которая нашла нормативное закрепление в Федеральном законе «О связи», где в качестве одной из государственных задач определена ликвидация цифрового неравенства [3]. Однако, как показывает практика, реализация этой задачи сталкивается с серьезными трудностями, обусловленными как техническими проблемами обеспечения связью всей территории страны, так и различиями в когнитивных способностях и навыках использования цифровых технологий.

Цифровая трансформация образования представляет собой сложный многоаспектный процесс, требующий адекватного правового регулирования. Как отмечает П.П. Ланг, «развитие науки и техники, «технотизация» дифференцированных форм социальной коммуникации и общественного взаимодействия сопровождаются постановкой новых вызовов перед обществом и государством, что требует обновления образовательных стандартов и механизмов преподавания» [16, с. 259].

Ключевое значение для понимания правовой природы цифровизации образования имеет статья 16 Закона об образовании. Согласно данной норме, под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников [2].

Анализируя данное определение, следует обратить внимание на его ключевые элементы. Во-первых, законодатель указывает на

«опосредованный» характер взаимодействия, что подразумевает отсутствие непосредственного контакта между участниками образовательного процесса. Во-вторых, акцент делается на применении информационно-телекоммуникационных сетей как основного инструмента реализации образовательных программ. Важно отметить, что законодательство закрепляет возможности реализации образовательных программ с применением исключительно электронного обучения и дистанционных образовательных технологий.

Правовое регулирование внедрения цифровых инструментов в образование базируется на ряде фундаментальных принципов.

Принцип законности предполагает, что применение цифровых технологий должно осуществляться строго в рамках установленных правовых предписаний. Как отмечает Т.Я. Хабриева, современная правовая доктрина нуждается в поиске корреляций между «технологическими решениями и фундаментальными правами человека, базовыми принципами права и конституционным регулированием» [20, с.7]. Из этого следует, что внедрение цифровых технологий должно проходить правовую экспертизу на предмет их непротиворечия конституционным принципам и гарантиям.

Особое значение в контексте цифровизации приобретает принцип безопасности образования. Д.П. Никитенко подчеркивает, что образовательные организации обязаны защищать учащихся от кибербуллинга и вредоносного контента, а также обеспечивать конфиденциальность информации, передаваемой через цифровые платформы [17, с. 130]. При этом безопасность должна пониматься комплексно: как техническая защита персональных данных, как психологическая безопасность образовательной среды, как защита от деструктивного информационного воздействия.

Принцип доступности в условиях цифровизации также трансформируется. Как отмечают А.А. Кузнецов и Д.С. Мацокина, «активное развитие цифровой среды не решает проблему доступности технологий для всех слоев населения. Значительное число граждан ограничено в своих возможностях из-за отсутствия доступа к интернету, нехватки необходимой техники и недостаточных знаний в области информационных технологий» [15, с. 32].

Социально-экономическая доступность образования представляет собой сложную правовую категорию, содержание которой в условиях цифровизации существенно обогащается. В юридической доктрине предпринимаются попытки структурировать данное понятие и выделить его ключевые компоненты, однако ключевое значение имеет правовой аспект цифрового неравенства, связанный с ограничением возможностей реализации конституционного права на образование.

Одним из дискуссионных вопросов правового регулирования является вопрос о признании доступа к сети Интернет самостоятельным правом граждан. Как отмечает А.А. Кузнецов, «при рассмотрении вопроса о признании права на доступ в Интернет неотъемлемым правом следует учитывать, что Интернет – это цифровая среда, в которой граждане реализуют свои права, но которая должна подчиняться правовым нормам, направленным на защиту личности, общества и государства» [15, с. 34]. Однако представляется следующее, что хотя Интернет и является значимым инструментом для реализации конституционных прав граждан, закрепление доступа к нему в качестве неотъемлемого права человека является избыточным. Логика основана на том, что далеко не каждое средство, упрощающее осуществление прав, должно обретать статус самостоятельного субъективного права.

В любом случае государство несет обязанность по созданию условий для преодоления цифрового неравенства при реализации права на образование. Обеспечение равного доступа к цифровым образовательным ресурсам должно рассматриваться как необходимое условие реализации конституционных гарантий равенства прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, принцип доступности в цифровую эпоху не может сводиться лишь к формальному наличию технической инфраструктуры, но должен учитывать реальные возможности различных категорий граждан по использованию цифровых образовательных ресурсов.

Развитие законодательных положений осуществляется и на подзаконном уровне. Важным шагом стала утверждение федерального перечня электронных образовательных ресурсов (Приказ Минпросвещения от 23.07.2025 № 551) [10], что свидетельствует о попытке государства стандартизировать качество цифрового контента. В разъяснениях Министерства просвещения подчеркивается право образовательных организаций на выбор цифровых платформ, однако акцент делается на рекомендации использовать бесплатные государственные ресурсы [11]. Особое внимание в ведомственных актах уделяется вопросам защиты персональных данных и обязанности образовательных организаций использовать информационные системы, имеющие статус государственных [11].

Региональное законодательство, в соответствии со ст. 72 Конституции РФ, конкретизирует федеральные гарантии. Субъекты РФ вправе устанавливать дополнительные меры поддержки, однако их реализация напрямую зависит от бюджетной обеспеченности региона, что создает риски неравенства. Например, Н.В. Вечканова указывает на региональную дифференциацию: шансы на равное качественное образование существенно варьируются в зависимости от места расположения школы и ее технического оснащения [12, с.25].

Тем не менее, существенным пробелом является отсутствие в федеральном законодательстве нормы, прямо обязывающей государство или образовательную организацию обеспечивать учащихся компьютерной техникой и доступом в Интернет в случае перехода на дистанционное обучение.

Правовое регулирование не содержит четких критериев оценки качества электронных образовательных ресурсов. Статья 18 Закона об образовании, закрепляя право на формирование цифровых библиотек, не устанавливает требований к содержанию материалов. П.П. Ланг обращает внимание на то, что отсутствие стандартов ведет к «формальному» соблюдению требований, когда наличие цифровых материалов фиксируется документально, но их качество и педагогическая эффективность остаются неверифицированными [16, с. 262]. Утверждение федерального перечня электронных образовательных ресурсов является первым, но недостаточным шагом, так как не решает проблему мониторинга

актуальности и достоверности контента.

Интенсификация сбора данных об обучающихся в цифровой среде актуализирует еще одну проблему – проблему их защиты. Д.П. Никитенко отмечает, что правовой статус учащегося в цифровой реальности должен включать такие элементы, как право на защиту персональных данных и право на безопасность [17, с. 130]. Действующий Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ [4] носит общий характер и не учитывает специфику образовательных отношений, где субъектами выступают несовершеннолетние. Отсутствие детализированных требований к операторам образовательных платформ (включая коммерческие структуры) создает риски неправомерного использования данных и нарушения конфиденциальности.

Закон об образовании декларирует общедоступность, но не содержит специальных механизмов поддержки малообеспеченных семей, детей с ОВЗ и жителей отдаленных территорий в контексте цифровизации. Это создает риск углубления образовательного неравенства, трансформируя цифровой разрыв в социальный.

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить основные категории споров и позиции судов по вопросам цифрового образования.

Так в Определении от 4 декабря 2003 г. № 444-О Конституционный Суд РФ сформулировал позицию, согласно которой в социальной сфере на первый план выходит равенство не только прав, но и гарантий их реализации [5]. Хотя данное решение принято до массовой цифровизации, его телеологическое толкование позволяет утверждать, что отсутствие доступа к цифровой среде (интернету, компьютеру) должно рассматриваться как отсутствие надлежащей гарантии, а следовательно — как нарушение конституционного принципа равенства.

Верховный Суд РФ в рамках рассмотрения конкретного дела № 4-КГ24-57-К1 от 22 октября 2024г. сформулировал важный правовой принцип: сам по себе формальный доступ обучающегося к учебным материалам на платформе не является надлежащим оказанием образовательной услуги, если программа предполагает интерактивное взаимодействие и обратную связь [7]. Суд подчеркнул, что при существенных недостатках услуги потребитель (обучающийся/родители) вправе требовать возврата всей уплаченной суммы.

В другом решении (№ АКПИ24-884 от 10.01.2025) Верховный Суд признал законным право образовательных организаций включать обязательное применение дистанционных образовательных технологий в образовательную программу, указав, что это не нарушает право на выбор формы обучения, если очная форма также доступна [6].

Массовый переход на дистанционное обучение в период пандемии выявил проблему отсутствия у обучающихся оборудования. Прокурорские проверки в Забайкальском, Краснодарском краях, Омской и Пензенской областях подтвердили, что не все студенты и школьники были обеспечены техникой. В ряде случаев вмешательство прокуратуры позволяло обязать образовательные организации или органы власти предоставить нуждающимся обучающимся компьютеры и признать отсутствие у учащихся доступа к интернету уважительной причиной невыполнения заданий в период ограничительных мер, указав, что это не может служить основанием для признания обучающегося не освоившим образовательную программу [8].

В решениях судов начинает формироваться подход, защищающий права обучающихся с ОВЗ в условиях цифровизации. Так, Семилукский районный суда Воронежской области по делу № 2-498/2020 от 28 мая 2020 г. удовлетворил иск родителей ребенка с ОВЗ, признав, что образовательная организация не создала необходимых условий для дистанционного обучения с учетом индивидуальных особенностей, что противоречит ст. 79 Закона об образовании и принципу недискриминации [9].

Таким образом, судебная практика идет по пути признания необходимости не просто формального применения дистанционных образовательных технологий, но и обеспечения их реальной доступности (технической, методической, индивидуально-адаптированной). Однако она также фиксирует пробел: обязанность доказывания отсутствия технической возможности часто ложится на самого обучающегося или его семью.

Анализ правовых аспектов реализации конституционного права на образование в условиях цифровой трансформации общества позволяет заключить, что обеспечение социально-экономической доступности цифрового образования должно рассматриваться не как факультативное направление государственной политики, а как необходимое условие реализации конституционных гарантий в современном информационном обществе. Ключевым выводом является то, что современная реализация конституционного права на образование невозможна без комплексного подхода к решению правовых проблем цифрового образования.

Исследование показало, что существующая система правового регулирования нуждается в существенной модернизации. Основными проблемами остаются отсутствие единых стандартов качества цифрового контента, недостаточная защита персональных данных учащихся и неравный доступ к образовательным технологиям, а перспективным направлением развития правового регулирования является разработка критериев оценки качества цифрового образования и механизмов защиты прав всех участников образовательного процесса.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 09.03.2026).
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
3. Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 444-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3.

6. Решение Верховного Суда РФ от 10.01.2025 № АКПИ24-884 // КонтурНорматив. URL:https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=488755 (дата обращения: 09.03.2026).
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 4-КГ24-57-К1 от 22 октября 2024 // Верховный Суд РФ. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/cases/12-35481369 (дата обращения: 09.03.2026).
8. Информация Генеральной прокуратуры РФ «Об итогах работы по надзору за соблюдением прав обучающихся на получение образования в дистанционном формате» (обобщение практики) // Генеральная прокуратура РФ. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=58036825 (дата обращения: 09.03.2026).
9. Решение Семилукского районного суда Воронежской области от 28 мая 2020 г. по делу № 2-498/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/DgDeETqHTvo5/ (дата обращения: 09.03.2026).
10. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 23.07.2025 № 551 «Об утверждении федерального перечня электронных образовательных ресурсов, допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования» (Зарегистрирован 22.08.2025 № 83289) // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202508250013 (дата обращения: 09.03.2026).
11. Письмо Минобрнауки России от 18.08.2023 № МН-5/197317 «О направлении разъяснений» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470280/ (дата обращения: 09.03.2026).
12. Вечканова Н.В. Особенности конституционного регулирования права на образование // Право и государство: теория и практика. 2017. № 4(148). С. 39–42.
13. Вечканова Н.В. Переход в эффективный режим функционирования школ с низкими результатами обучения // Сахалинское образование – XXI век. 2019. № 2. С. 24–29.
14. Козырин А.Н. Комментарии к Федеральному закону 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/420353316 (дата обращения: 09.03.2026).
15. Кузнецов А.А., Мацокина Д.С. Влияние условий цифровизации на проблему реализации конституционных прав граждан Российской Федерации // Общество и цивилизация. 2025. Т. 7. № 4. С. 31–35.
16. Ланг П.П. Использование цифровых образовательных технологий в процессе подготовки специалистов в области гражданского и арбитражного права и процесса // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2025. № 05. С. 258–270.
17. Никитенко Д.П. Правовой статус несовершеннолетнего учащегося: образовательные права и обязанности // Правовая парадигма государственной семейной политики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Липецк, 2025. С. 128-131.
18. Ромаденкова Т. А. Анализ материалов судебной практики по вопросам защиты прав на образование: сборник трудов конференции. // Вопросы науки и образования: новые подходы и актуальные исследования : материалы III Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 19 дек. 2025 г.) / редкол.: В. И. Кожанов [и др.] – Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2025. С. 233-234.
19. Стребкова Е.Г. Цифровизация конституционных прав и свобод: сущность и проблемы реализации // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 1. – С. 217–225.
20. Хабриева Т.Я. Технологические императивы современного мира и право / Т.Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 1. С. 5–12.
21. Regnum — российское информационное агентство и интернет-издание. URL:https://regnum.ru/news/2944795 (дата обращения: 09.03.2026).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (date of appeal: 03/09/2026).
2. Federal Law No. 273-FZ dated 12/29/2012 (as amended on 02/28/2025) "On Education in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53 (part 1). Article 7598.
3. Federal Law No. 126-FZ of 07.07.2003 "On Communications" (as amended on 20.02.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 28. Art. 2895.
4. Federal Law No. 152-FZ of 27.07.2006 (as amended on 24.06.2025) "On personal data" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (1 part). Art. 3451.
5. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 4, 2003, No. 444-O // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2004. No. 3.
6. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.01.2025 No. AKPI24-884 // Konturnormative. URL:https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7 & documentId=488755 (accessed: 03/09/2026).
7. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4-KG24-57-K1 dated October 22, 2024 // The Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/cases/12-35481369 (date of application: 03/09/2026).
8. Information from the Prosecutor General's Office of the Russian Federation "On the results of work on supervision of the rights of students to receive education in a distance format" (summary of practice) // Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=58036825 (date of request: 03/09/2026).
9. The decision of the Semiluksky District Court of the Voronezh Region dated May 28, 2020 in case no. 2-498/2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/DgDeETqHTvo5 / (date of access: 03/09/2026).
10. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 07/23/2025 No. 551 "On Approval of the Federal List of electronic Educational Resources Approved for Use in the Implementation of State-Accredited educational Programs of Primary general, Basic General, and Secondary General Education" (Registered 08/22/2025 No. 83289) // Official Publication of Legal acts. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202508250013 (date of request: 03/09/2026).
11. Letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 08/18/2023 № MN-5/197317 "On sending clarifications" // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470280 / (date of reference: 03/09/2026).
12. Vechkanova N.V. Features of the constitutional regulation of the right to education // Law and the State: theory and practice. 2017. No. 4(148). pp. 39-42.
13. Vechkanova N.V. Transition to an effective mode of functioning of schools with low learning outcomes // Sakhalin education – the 21st century. 2019. No. 2. pp. 24-29.
14. Kozyrin A.N. Comments on the Federal Law 273-FZ "On Education in the Russian Federation" dated December 29, 2012 // Electronic Fund of legal and regulatory documents. URL: https://docs.cntd.ru/document/420353316 (date of access: 03/09/2026).
15. Kuznetsov A.A., Matsokina D.S. The influence of digitalization conditions on the problem of the realization of the constitutional rights of citizens of the Russian Federation // Society and Civilization. 2025. Vol. 7. No. 4. pp. 31-35.
16. Lang P.P. The use of digital educational technologies in the process of training specialists in the field of civil and arbitration law and process // Scientific and methodological electronic journal "Concept". - 2025. No. 05. pp. 258-270.
17. Nikitenko D.P. Legal status of a minor student: educational rights and obligations // The legal paradigm of state family policy. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Lipetsk, 2025. pp. 128-131.
18. Romadenkova T. A. Analysis of judicial practice materials on the protection of the rights to education: proceedings of the conference. // Issues of science and education: new approaches and relevant research : proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference with International a participant. (Cheboksary, December 19. 2025) / editor: V. I. Kozhanov [et al.] – Cheboksary: Center for Scientific Cooperation "Interactive Plus", 2025. pp. 233-234.
19. Strebkova E.G. Digitalization of constitutional rights and freedoms: the essence and problems of implementation // Legal policy and legal life. – 2021. – No. 1. – pp. 217-225.
20. Khabrieva T.Ya. Technological imperatives of the modern world and law / T.Ya. Khabrieva // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2023. Vol. 19. No. 1. pp. 5-12.
21. Regnum is a Russian news agency and online publication. URL:https://regnum.ru/news/2944795 (date of request: 03/09/2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_151

УДК 349.23

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ДОХОДОВ ДИСТАНЦИОННЫХ РАБОТНИКОВ И «ЦИФРОВЫХ КОЧЕВНИКОВ» (РЕЛОКАНТОВ) В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ
TAXATION OF INCOME OF REMOTE WORKERS AND "DIGITAL NOMADS" (RELOCANTS) IN INTERNATIONAL LAW

ШЕНШИН Виктор Михайлович
доцент кафедры экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России;
доцент кафедры правоведения Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета,
кандидат юридических наук, доцент.
Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 3-я Красноармейская, 3/6.
e-mail: vitya-shen@mail.ru

ГРЕЧКА Софья Сергеевна
студент факультета судебных экспертиз и права в строительстве и на транспорте
Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.
Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 3-я Красноармейская, 3/6.
e-mail: sofigrechka@yandex.ru

SHENSHIN Viktor Mikhailovich
Associate Professor of the Department of Ecology and Life Safety
St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia;
Associate Professor of the Department of Law of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,
Candidate of Law, Associate Professor.
3/6 3rd Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg, Russia.
e-mail: vitya-shen@mail.ru

GRECHKA Sofia Sergeevna
is a student at the Faculty of Forensic Examinations and Law in Construction and Transport at
St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering.
3/6 3rd Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg, Russia.
e-mail: sofigrechka@yandex.ru

Краткая аннотация: *В представленной работе поднимается вопрос налогообложения доходов дистанционных работников и «цифровых кочевников» (релокантов) в международном праве. Отмечается, что в условиях глобальной мобильности трудовых ресурсов и распространения дистанционной занятости возникает комплекс взаимосвязанных проблем: сокращение налоговой базы за выводом доходов в юрисдикции с более льготным режимом, усложнение контроля за соблюдением налогового законодательства, пробелы в правовом регулировании трансграничных трудовых отношений, а также рост числа случаев уклонения от уплаты налогов. Указанный тренд набирает силу, что негативно в последствии может сказаться на экономической безопасности и администрировании налогов, для чего Россия принимает меры по разработке адекватных правовых механизмов и гарантий налоговой справедливости. Авторы предлагают определенное новшество, связанное с разработкой в Российской Федерации специальных налоговых режимов и льгот для «иностранных цифровых кочевников», которые стимулировали бы привлечение высококвалифицированных кадров и способствовали развитию национальной экономики без ограничения мобильности работников.*

Abstract: *The presented paper raises the issue of taxation of income of remote workers and "digital nomads" (relocants) in international law. It is noted that in the context of global labor mobility and the spread of remote employment, a set of interrelated problems arises: a reduction in the tax base for income withdrawal in jurisdictions with more preferential treatment, more complex control over compliance with tax legislation, gaps in the legal regulation of cross-border labor relations, as well as an increase in the number of cases of tax evasion. This trend is gaining momentum, which may negatively affect economic security and tax administration in the future, for which Russia is taking measures to develop adequate legal mechanisms and guarantees of tax fairness. The authors propose a certain innovation related to the development in the Russian Federation of special tax regimes and benefits for "foreign digital nomads" that would stimulate the recruitment of highly qualified personnel and contribute to the development of the national economy without limiting the mobility of workers.*

Ключевые слова*: налогообложение; дистанционный работник; релокант; налоговое резидентство; двойное налогообложение; международное право; налоговый режим; удаленная работа.*

Keywords: *taxation; remote worker; relocator; tax residency; double taxation; international law; tax regime; remote work.*

Для цитирования: *Шеншин В.М., Гречка С.С. Налогообложение доходов дистанционных работников и «цифровых кочевников» (релокантов) в международном праве // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 151-156. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_151.*

For citation: *Shenshin V.M., Grechka S.S. Taxation of income of remote workers and "digital nomads" (relocants) in international law // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 151-156. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_151.*

Статья поступила в редакцию: 24.04.2026

Глобализация, развитие цифровых технологий, стирание границ между странами радикально изменили традиционные модели трудовой деятельности. Все больше людей получают возможность работать удаленно, не привязываясь к конкретному месту жительства или нахождения работодателя.

В этом контексте особое значение приобретает категория «цифровых кочевников» — специалистов, ведущих деятельность в разных странах, совмещая работу и путешествия.

Одновременно с ростом числа дистанционных работников возникает необходимость налогового администрирования их доходов, что влечет за собой сложные вопросы в международном праве. Традиционные налоговые системы ориентированы на четкое территориальное распределение источников доходов и местонахождения налогоплательщиков, однако практика двусмысленностей в регулировании доходов

релокантов ставит под сомнение эффективность существующих подходов.

Отсутствие унифицированных правил налогообложения доходов «цифровых кочевников» создает риски, в число которых входят двойное налогообложение и размывание налоговой базы, а это создает трудности как для налоговых юрисдикций, так и для самих работников и работодателей.

Государства, стремясь расширить налоговую базу и избежать двойного налогообложения, сталкиваются с проблемами идентификации налоговых резидентов и источников доходов при дистанционной работе. Для работников, в свою очередь, неопределенность в налоговом статусе может привести к непредвиденным обязательствам и конфликтам.

В международном праве данный контекст требует детального урегулирования, поскольку на практике возникающие ситуации выходят за рамки традиционных международных налоговых соглашений и отражают новые вызовы цифровой экономики. Исследование вопросов налогообложения доходов релокантов становится ключевым шагом для разработки адекватных правовых механизмов и гарантий налоговой справедливости в условиях глобальной мобильности труда.

Дистанционные работники – это сотрудники или фрилансеры, осуществляющие свою профессиональную деятельность вне традиционного офиса или рабочего пространства работодателя, используя современные информационные и коммуникационные технологии. Такой формат труда предполагает выполнение обязанностей с помощью интернета, электронной почты, видеосвязи и других цифровых инструментов, позволяет работать из любых географических точек, свободных от обязательного присутствия в физическом офисе.

Особенностью дистанционной работы является отсутствие фиксированного рабочего места и времени, что повышает гибкость трудового процесса и способствует эффективному распределению ресурсов. В международном контексте это создает новые правовые и налоговые вызовы, поскольку трудовая деятельность физически может осуществляться в одной стране, а организация – находиться в другой, что влияет на вопросы налогового резидентства, источника дохода и применения налоговых соглашений.

Дистанционные работники зачастую классифицируются как лица, которые независимо от наличия трудового договора фактически контролируют условия своей работы, что отличает их как от традиционных наемных работников, так и от полностью независимых предпринимателей. В связи с этим международное право и национальные законодательства вынуждены адаптироваться к появлению новой категории труда, учитывая особенности удаленной занятости в целях правильного определения налоговых обязательств и социальной защиты.

В Российской Федерации этот процесс нашел отражение в существенной трансформации трудового законодательства. Так, глава 49.1 ТК РФ регламентирует формы дистанционной и комбинированной занятости. В налоговой сфере значимым шагом стало введение с 2024 года единой ставки НДФЛ (13-15процентов), установленной статьями208 и 224 НК РФдля штатных дистанционных сотрудников, работающих на российские организации из-за рубежа, что устранило зависимость налоговой нагрузки от статуса резидентства и упростило администрирование для работодателей.

«Цифровые кочевники»как и дистанционные работники представляют собой особую категорию работников, для которых характерен образ жизни, связанный с постоянным перемещением и выполнением профессиональных обязанностей вдали от традиционного офиса. Основной чертой цифровых кочевников является возможность работать удаленно, используя современные информационные и коммуникационные технологии, что позволяет совмещать рабочие задачи с путешествиями и сменой места пребывания в различных странах[1].

Различия между представленными категориями работников заключаются в их отношении к мобильности и цели смены места жительства. «Цифровые кочевники» используют удаленный доход как инструмент для свободного образа жизни и регулярных путешествий без привязки к конкретной локации, тогда как для релоканта определяющим фактором является сам факт физического переезда в другую страну на длительный срок при сохранении юридических и культурных связей с домом. В то же время дистанционный работник – это технический статус специалиста, выполняющего задачи вне офиса; он может годами жить в родном городе, становясь релокантом только в момент пересечения границы или «цифровым кочевником» при переходе к постоянным перемещениям между странами. Итак, кочевник ориентирован на свободу передвижения, релокант– на смену страны проживания, дистанционный работник – на сам формат удаленного труда[2].

«Цифровые кочевники» часто работают в сферах, не требующих физического присутствия – IT, консультирование, дизайн, маркетинг и другие, что облегчает их профессиональную мобильность. Деятельность указанных лиц тесно связана с использованием интернет-платформ, облачных сервисов и цифровых инструментов, обеспечивающих связь с клиентами и работодателями вне зависимости от местоположения.

Особенностью «цифровых кочевников» является непрерывное изменение налогового статуса в зависимости от страны пребывания. Они могут не иметь постоянного налогового резидентства, либо пребывать в статусе краткосрочных резидентов, что создает сложности в определении юрисдикции для налогообложения их доходов. Это приводит к необходимости разработки специальных международных и национальных подходов к регулированию их налоговых обязательств.В России для штатных сотрудников компаний, работающих удаленно из-за границы, установлена единая ставка НДФЛ в размере 13–15процентов, которая больше не зависит от потери налогового резидентства и времени пребывания в стране. С 2025 года аналогичные правила действуют и для фрилансеров, работающих по договорам ГПХ, самозанятые платят налог по ставке 4-6 процентов, даже находясь за рубежом. Однако, несмотря на внутреннюю стабильность ставок, главной проблемой для таких граждан остается риск двойного налогообложения из-за приостановки налоговых соглашений между Россией и некоторыми иностранными государствами, что зачастую вынуждает «цифровых кочевников» платить налоги повторно в государстве их фактического проживания.

[1]Добринская Д.Е. О феномене цифрового кочевничества. ЭКО Всероссийский экономический журнал. 2020, № 2 (548). С. 37-59.
[2] РБК. // URL: https://companies.rbc.ru/news/F2m18J2lQy/zhizn-u-morya-rabota-s-vidom-na-goryi-10-stran-dlya-tsifrovyih-kochevnikov/ (дата обращения 11.04.2026)

«Цифровые кочевники» сталкиваются с вопросами легализации пребывания и разрешений на работу в странах, где они временно находятся. В ответ на рост числа релокантов некоторые государства вводят специальные визовые программы, позволяющие легально пребывать и работать удаленно, сохраняя при этом налоговую прозрачность. Рассматриваемая категория работников представляет собой динамичную группу удаленных работников, для которых характерны: высокая степень мобильности, использование современных технологий, особых юридических и налоговых рисков[1].

Удаленная работа перестала быть временной мерой, введенной во время пандемии COVID-19[2]. Современные тенденции развития удаленной занятости демонстрируют значительный рост и трансформацию трудовых практик, обусловленных как технологическим прогрессом, так и изменениями в социально-экономическом контексте.

В международном праве налогообложение доходов физических лиц основывается на ряде фундаментальных принципов, которые призваны обеспечить справедливое распределение налоговых обязательств между государствами. Основные принципы международного налогообложения включают принципы резидентства, источника дохода и договорного регулирования.

Принцип резидентства предполагает, что налоговые обязательства физических лиц в первую очередь зависят от их налогового статуса в том или ином государстве. Как правило, резиденты облагаются налогом на доходы в стране резидентства налогоплательщика независимо от их источника (то есть как полученные в этой стране, так и за рубежом), в то время как нерезиденты – исключительно на доходы, полученные на территории соответствующего государства.

Определение резидентства может основываться на различных критериях: месте постоянного проживания, центре жизненных интересов, продолжительности пребывания или наличия гражданства.

Принцип источника дохода устанавливает право государства облагать налогом доходы, возникающие в пределах его юрисдикции. Такой подход означает, что независимо от места проживания физического лица, доход, полученный на территории страны, может подлежать налогообложению в этой стране. Этот принцип особенно важен в случае дистанционных работников и «цифровых кочевников», чья деятельность может быть распределена между несколькими юрисдикциями[3].

Договорное регулирование, в первую очередь реализуемое через международные налоговые соглашения, играет ключевую роль в конкретизации и согласовании применения принципов резидентства и источника дохода. Такие соглашения направлены на устранение двойного налогообложения и предотвращение налоговой дискриминации.

Особое значение в контексте налогообложения доходов «цифровых кочевников» приобретает принцип экономической принадлежности дохода, который учитывает, где фактически осуществляется трудовая деятельность или востребованы услуги, а не только формальное место нахождения либо регистрации работодателя.

В современной цифровой экономике границы получения дохода стали менее четкими, что требует адаптации международных норм налогообложения. Международное налогообложение физических лиц строится на комплексном сочетании принципов резидентства, источника дохода и международных соглашений, что создает основу для более гибкого и справедливого регулирования налоговых обязательств в условиях глобального движения рабочей силы и инновационных форм занятости.

Международные соглашения и конвенции играют ключевую роль в регулировании налогообложения доходов физических лиц, особенно в условиях растущей мобильности трудовых ресурсов и распространения дистанционной работы.

Для «цифровых кочевников» и релокантов, которые часто оказываются в международном пространстве без постоянного места работы или проживания, подобные договоры обеспечивают правовую определенность и снижают риски двойного налогообложения.

Одним из важнейших инструментов в этом контексте являются двухсторонние соглашения об избежании двойного налогообложения (СИДН). Эти договоры устанавливают правила распределения налоговых прав между странами, определяют понятие налогового резидентства, критерии удержания налогов и способы разрешения споров. Для «цифровых кочевников», перемещающихся между несколькими юрисдикциями, СИДН позволяют избежать ситуации, когда один и тот же доход облагается налогом одновременно в двух странах, что снижает налоговую нагрузку и поддерживает справедливость налогообложения.

Кроме того, многосторонние конвенции, такие как Конвенция Совета Европы и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) о взаимной административной помощи в налоговых вопросах, способствуют обмену информацией между налоговыми органами, что в свою очередь улучшает механизмы контроля и предотвращения уклонения от налогов[4]. Это особенно актуально для налогового регулирования в отношении лиц, чья деятельность связана с цифровыми платформами и международным использованием ИТ-ресурсов.

Международное сообщество активно разрабатывает новые стандарты и рекомендации, учитывающие специфику цифровой экономики. Например, инициатива ОЭСР в рамках программы BEPS[5] (BaseErosionandProfitShifting) призвана адаптировать налоговые нормы к новым формам экономической деятельности и минимизировать лазейки, связанные с удаленной работой. Эта работа включает работу над определени-

[1] Таишева В.В. Цифровые номады и миграционные процессы в российской IT-сфере: политический анализ. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 3. С. 460-479.
[2] Brauner, Yariv. “The COVID-19 Pandemic and the Taxation of Digital Nomads.” IBFD Bulletin, – Vol. 74, No. 4, 2020. – pp. 165-173.
[3] РумакН. 12 стран для цифровых кочевников: где и как получить визу Digital Nomad. Forbes, 29.07.2022.
[4] UN Committee of Experts on International Cooperation in Tax Matters. “Report on the Tax Challenges Related to the Digital Economy.” United Nations, 2019. URL: https://www.un.org/esa/ffd/wp-content/uploads/2019/05/CEF-EGB-2019
[5] OECD. “Tax Challenges Arising from Digitalisation – Report on Pillar One Blueprint.” OECD/G20 Inclusive Framework on BEPS, 2020. URL: https://www.oecd.org/tax/beps/tax-challenges-arising-from-digitalisation-report-on-pillar-one-blueprint-0f890046-en.htm

ем критериев налогового резидентства и источника доходов в цифровом формате[1].

Международные соглашения и конвенции формируют основу для унификации и координации налогового регулирования доходов физических лиц в глобальном масштабе, они создают правовую базу, которая учитывает новые реалии трудовой миграции и цифровых моделей занятости, способствуя более справедливому и эффективному налогообложению в условиях трансграничной деятельности.

Налоговый статус дистанционных работников определяется в зависимости от множества факторов, включая место фактического выполнения работы, гражданство, резидентство и условия трудового договора.

В международном праве и национальном налоговом законодательстве отсутствует единое универсальное определение «дистанционного работника», что порождает неоднозначности при установлении их налогового статуса. Ключевой критерий для определения налогового статуса — это налоговое резидентство физического лица. Как правило, налоговое резидентство устанавливается на основе количества дней пребывания в стране (например, 183 дня в России, 31 день текущего года в США, 60 дней в Кипре, более 6 месяцев в Германии), а также наличия центра жизненных интересов, таких как семья, имущество или экономическая активность. Дистанционный работник, выполняющий свои обязанности в одной стране, но формально трудоустроенный в другой, может оказаться налоговым резидентом обеих стран или же не быть им в принципе, что ведет к рискам двойного налогообложения или его отсутствия.

Кроме того, для определения налогового статуса важна квалификация источника дохода. Если доход считается полученным на территории конкретного государства, то его налоговое бремя может возникнуть именно там. Однако при удаленной работе источником дохода зачастую выступает страна работодателя, что вызывает сложности в определении места налогообложения.

С учетом глобализации и распространения дистанционной работы многие страны начали корректировать законодательство, вводя специальные положения для налогообложения доходов удаленных сотрудников и «цифровых кочевников». Например, некоторые государства предоставляют специальные визы и налоговые режимы, которые позволяют дистанционным работникам уплачивать налоги либо в стране нахождения работодателя, либо в стране, где они фактически работают.

Определение налогового статуса дистанционных работников требует комплексного анализа правового и фактического положения лица, места выполнения работы, а также применимых международных налоговых соглашений, которые регулируют вопросы двойного налогообложения и обмена информацией между государствами.

В Российской Федерации высококлассные зарубежные специалисты получили возможность подать заявку на упрощенное переселение через новый цифровой сервис, запущенный 15 апреля 2026 года. Подать документы можно на сайте «Время жить в России». Новый сервис открывает «зеленый коридор» для талантливых иностранцев и обеспечивает прозрачную процедуру отбора с комплексным сопровождением после переезда.

Оператором программы выступает АНО «Агентство по привлечению иностранных талантов в Россию», учрежденная АСИ во исполнение Указа Президента РФ о поддержке переселения в Россию иностранных граждан и лиц без гражданства, представляющих интерес для России[2]. В АСИ уточнили, что новая структура работает как единое окно: рассматривает заявки, проверяет соответствие кандидата критериям и сопровождает его при переезде. Основные требования к соискателю – «наличие востребованных компетенций» и «уважение к традиционным российским ценностям».

Получить статус импатрианта могут ученые и исследователи, инвесторы, предприниматели, представители творческих профессий, спортсмены, талантливые студенты и выпускники, обладатели государственных наград, а также специалисты с опытом от пяти лет в обрабатывающей и добывающей промышленности, IT, энергетике и другие. Процедура включает три уровня проверки и занимает от 95 до 125 дней. Сначала оператор проводит комплексную оценку личных качеств потенциального импатрианта, затем рекомендацию направляют в МВД России. Ведомство проверяет иностранца, передает документы в рабочую группу Комиссии по вопросам гражданства при президенте и выносит окончательное решение. В случае одобрения заявителю выделяют персонального менеджера, который помогает с визой, пересечением границы, поиском жилья[3].

В Европейском союзе налогообложение доходов дистанционных работников и «цифровых кочевников» представляет собой сложную и многогранную задачу, обусловленную необходимостью координации налоговых правил между государствами-членами и обеспечения справедливого налогообложения в условиях цифровой трансформации труда.

В ЕС действует ряд ключевых принципов и практик, которые направлены на снижение налоговой неопределенности и устранение двойного налогообложения таких работников. Основную роль в регулировании играет Совместная согласованная позиция по налогообложению (JointCommitteeonTaxation), а также рекомендации Европейской комиссии, направленные на гармонизацию налоговых систем и внедрение цифровых решений для обмена информацией между налоговыми администрациями. Одним из краеугольных камней является применение существующих норм Конвенции ОЭСР об избежании двойного налогообложения, адаптированных к новым условиям дистанционной работы[4].

В большинстве стран ЕС например Испании, Португалии и Италии действует принцип налогообложения по месту фактического осу-

[1] Hermann I., Paris C.M. Digital Nomadism: The Nexus of Remote Working and Travel Mobility. InformationalTechnology&Tourism, – 2020, no. 22 (3). – pp. 329-334.
[2]Указ Президента Российской Федерации от 2 декабря 2025 г. № 883 «О поддержке переселения в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, представляющих интерес для Российской Федерации, и об особенностях их правового положения в Российской Федерации» // Гарант.руURL: https://base.garant.ru/413183551/ (дата обращения 21.04.2026)
[3] Гарант.ру. // URL: https://www.garant.ru/news/2059375/ (дата обращения 21.04.2026)
[4] Kofler, Georg. “Remote Work and Tax Implications in Cross-Border Contexts.” EuropeanTaxation, Vol. 61, No. 2, 2021.–pp. 56-62.

ществления трудовой деятельности, то есть дистанционный работник облагается налогом в той стране, где он физически находится во время выполнения работы. Вместе с тем, для «цифровых кочевников», которые перемещаются между несколькими юрисдикциями и проводят ограниченное время в каждой из них, страны применяют специальные правила о пороге пребывания и наличие постоянного представительства работодателя[1].

В некоторых государствах-членах Европейского союза созданы особые правовые режимы и налоговые стимулы для «цифровых кочевников» с целью привлечения квалифицированных специалистов и повышения конкурентоспособности на международном рынке труда. Например, Португалия и Эстония предлагают упрощенные визы и выгодные налоговые ставки для релокантов, что сопровождается соответствующими налоговыми соглашениями и договорами, позволяющими минимизировать налоговые обязательства и избежать двойного налогообложения.

В Финляндии исследование Центрального союза деловой жизни (EK) показало, что финское общество проявляет растущую лояльность к капиталу, опасаясь снижения конкурентоспособности страны. Половина опрошенных жителей Финляндии (50%) поддерживают идею снижения налогов, чтобы предотвратить отток квалифицированных специалистов и владельцев бизнеса. При этом 25% респондентов высказались против этой меры.

Кроме того, 60% участников опроса считают, что институт собственности в Финляндии должен пользоваться большим уважением, в то время как лишь 10% удовлетворены текущим уровнем его признания. Несмотря на готовность к налоговым послаблениям, около половины финнов выражают обеспокоенность по поводу возможной концентрации капитала в руках небольшой группы лиц.

Ведущий эксперт EK по налогообложению Эммилина Куянпаа подчеркивает, что для удержания талантливых кадров и капитала в Финляндии налоговая политика в отношении знаний и капитала должна быть конкурентоспособной по сравнению с другими странами. Она отмечает, что в условиях сложной финансовой ситуации государства нельзя препятствовать экономическому росту чрезмерным налоговым давлением.

Для обеспечения прозрачности и снижения налоговых рисков страны ЕС активно используют автоматический обмен информацией о доходах и налоговом резидентстве, что способствует своевременному выявлению объектов налогообложения и правильному распределению налоговых прав между юрисдикциями. В рамках действий ЕС продвигается идея внедрения цифровых идентификаторов налогоплательщиков, упрощающих администрирование и контроль за доходами удаленных работников.

Таким образом, практика налогообложения цифровых кочевников в Европейском союзе строится на сочетании классических международных налоговых принципов с инновационными инструментами и политиками, направленными на адаптацию к новым моделям организации труда, что позволяет обеспечивать баланс интересов налогоплательщиков и государств.

В странах Северной Америки вопросы налогообложения доходов дистанционных работников и «цифровых кочевников» получили значительное внимание в связи с ростом удаленной работы и международной мобильности специалиста. В частности, ключевую роль в регуляторной практике играют США и Канада, где совместные усилия фискальных органов и законодательных структур направлены на создание прозрачных и действенных механизмов налогообложения.

В США нормативно-правовая база по налогообложению «цифровых кочевников» строится на принципах резидентности и источника дохода. При этом граждане и налоговые резиденты обязаны декларировать доходы от повсеместной деятельности, вне зависимости от географического размещения рабочего места. Для иностранных «цифровых кочевников», временно находящихся в стране, установлены правила, предусматривающие налогообложение в случае превышения порога присутствия. Особое значение имеет соглашение о двойном налогообложении, заключенное с рядом государств, которые регулируют распределение налоговых прав и предотвращают двойное налогообложение доходов дистанционных работников.

Канада отличается комплексным подходом к налогообложению цифровых кочевников, что отражается в ее налоговом законодательстве и практике Канадского агентства по доходам (CRA). Налоговое резидентство определяется на основе фактического присутствия и центра жизненных интересов. В отношении иностранных граждан, работающих дистанционно на канадские компании, или наоборот — канадских граждан, временно выводящих свою деятельность за рубеж, предоставляются отдельные рекомендации, учитывающие особенности кросс-юрисдикционного налогообложения. Канада ориентируется на международные модели и стандарты, в том числе рекомендации ОЭСР по трансграничному налогообложению цифровой экономики.

Важным аспектом в Североамериканском опыте является использование цифровых систем учета и анализа данных, позволяющих налоговым органам отслеживать доходы вне зависимости от физического местонахождения работника. Это способствует увеличению прозрачности и снижению возможностей для уклонения от уплаты налогов. В свою очередь, предприятия сталкиваются с необходимостью адаптировать кадровую политику и налоговую отчетность, учитывая особенности налогообложения удаленных сотрудников, работающих как внутри страны, так и за ее пределами. Опыт США и Канады показывает, что правовое регулирование налогообложения дистанционных работников и «цифровых кочевников» базируется на сочетании традиционных налоговых принципов с современными международными стандартами и техническими средствами контроля.

В условиях растущей мобильности трудовых ресурсов и расширения возможностей удаленной работы, одним из ключевых направлений является обновление критериев налогового резидентства и источника дохода с учетом специфики цифровой занятости. Традиционные подходы, опирающиеся на физическое присутствие или место нахождения работодателя, перестают адекватно отражать экономическую реаль-

[1] Рязанцев С.В., Рязанцев Н.С. Миграция «цифровых кочевников» глобальные тренды и позиции стран // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. №. 2. С. 116-126.

ность, в которой трудовые функции могут выполняться из любой точки мира. Введение новых стандартов, учитывающих длительность и характер удаленной работы, позволит более точно определять налоговую юрисдикцию для обложения доходов дистанционных работников.

Важным аспектом становится развитие международного сотрудничества и обмена информацией между налоговыми органами разных стран. Создание унифицированных правил и эффективных механизмов автоматического обмена данными может существенно снизить риски двойного налогообложения и трансграничного уклонения от налогов. В этом контексте перспективным направлением является расширение рамок существующих соглашений, включая модели ОЭСР, с учетом особенностей цифровой экономики и новых форм занятости.

Вопрос налогообложения иностранных специалистов в России XVIII века тесно переплетался с политикой их активного привлечения, являясь одним из ключевых стимулов. При Петре I, стремившемся модернизировать страну, иностранные инженеры, офицеры, ремесленники и врачи, как правило, получали значительные налоговые льготы или полное освобождение от податей, что было частью их индивидуальных контрактов и привилегий. Основной целью было не только привлечь ценные кадры, но и удерживать их в России, предлагая высокие жалования и комфортные условия, в числе которых могли быть освобождение от подушной подати, введенной Петром Iи являвшейся основным прямым налогом, а также таможенные льготы на ввоз личного имущества.

Позднее, во времена Екатерины II, фискальная политика в отношении иностранцев приобрела более системный и широкомасштабный характер, особенно после издания знаменитого Манифеста 1763 года. Этот документ целенаправленно использовал налоговые льготы как мощнейший стимул для привлечения колонистов, преимущественно крестьян и ремесленников из германских земель, для заселения и освоения обширных территорий. Манифест гарантировал полное освобождение от всех налогов и податей на длительный срок: для тех, кто селился в колониях, этот срок составлял 30 лет, для поселенцев в городах, не создающих отдельных колоний, – 5 лет. Помимо прямых налогов, колонисты освобождались от воинской службы, квартирной повинности и других государственных и земских сборов, а также им разрешалось беспошлинно ввозить личное имущество, инструменты и материалы, необходимые для обустройства. После истечения этих налоговых каникул иностранные специалисты и колонисты переходили на общий режим налогообложения, соответствующий их сословию и роду деятельности, что означало уплату подушной подати, оброка для крестьян или торговых налогов для городских жителей. Таким образом, налоговые привилегии являлись неотъемлемой частью государственной стратегии России XVIII века по привлечению жизненно необходимых иностранных кадров и содействию их интеграции.

На сегодня в России имеется необходимость в разработке специальных налоговых режимов и льгот для «иностранных цифровых кочевников», которые стимулировали бы привлечение высококвалифицированные кадры и способствовали бы развитию национальной экономики без ограничения мобильности работников. Высказанное мнение требует сбалансированного подхода для предотвращения налоговой конкуренции и обеспечения прозрачности налогообложения. Важным направлением совершенствования является также создание справедливых и понятных правил налогообложения доходов, получаемых через цифровые платформы и сервисы, которые активно используются дистанционными работниками. Регулирование должно учитывать распределение добавленной стоимости между странами происхождения дохода, местом оказания услуг и налоговой юрисдикцией работников.

Наконец, с учетом динамичности цифровой экономики и постоянного появления новых форм удаленной занятости, международное налоговое право должно стать более адаптивным и интерактивным, посредством регулярного обновления нормативной базы на основе анализа глобальных трендов и опыта применения существующих правил. Это обеспечит устойчивое и справедливое налогообложение в условиях цифровой трансформации трудовых отношений.

Список литературы:

1. Brauner, Yariv. “The COVID-19 Pandemic and the Taxation of Digital Nomads.” IBFD Bulletin, – Vol. 74, No. 4, 2020. – pp. 165-173.
2. Hermann I., Paris C.M. Digital Nomadism: The Nexus of Remote Working and Travel Mobility. Informational Technology &Tourism, – 2020, no. 22 (3). – pp. 329-334.
3. Kofler, Georg. “Remote Work and Tax Implications in Cross-Border Contexts.” EuropeanTaxation, Vol. 61, No. 2, 2021.–pp. 56-62.
4. OECD. “Tax Challenges Arising from Digitalisation – Report on Pillar One Blueprint.” OECD/G20 Inclusive Framework on BEPS, 2020. URL: https://www.oecd.org/tax/beps/tax-challenges-arising-from-digitalisation-report-on-pillar-one-blueprint-0f890046-en.htm
5. UN Committee of Experts on International Cooperation in Tax Matters. “Report on the Tax Challenges Related to the Digital Economy.” United Nations, 2019. URL: https://www.un.org/esa/ffd/wp-content/uploads/2019/05/CEF-EGB-2019.
6. Добринская Д.Е. О феномене цифрового кочевничества. ЭКО Всероссийский экономический журнал. 2020, № 2 (548). С. 37-59.
7. Румак Н. 12 стран для цифровых кочевников: где и как получить визу DigitalNomad. Forbes, 29.07.2022.
8. Рязанцев С.В., Рязанцев Н.С. Миграция «цифровых кочевников» глобальные тренды и позиции стран // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. №. 2. С. 116-126.
9. Таишева В.В. Цифровые номады и миграционные процессы в российской IT-сфере: политический анализ. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 3. С. 460-479.

References:

1. Brauner, Yariv. “The COVID-19 Pandemic and the Taxation of Digital Nomads.” IBFD Bulletin, – Vol. 74, No. 4, 2020. – pp. 165-173.
2. Hermann I., Paris C.M. Digital Nomadism: The Nexus of Remote Working and Travel Mobility. Informational Technology &Tourism, – 2020, no. 22 (3). – pp. 329-334.
3. Kofler, Georg. “Remote Work and Tax Implications in Cross-Border Contexts.” EuropeanTaxation, Vol. 61, No. 2, 2021.–pp. 56-62.
4. OECD. “Tax Challenges Arising from Digitalisation – Report on Pillar One Blueprint.” OECD/G20 Inclusive Framework on BEPS, 2020. URL: https://www.oecd.org/tax/beps/tax-challenges-arising-from-digitalisation-report-on-pillar-one-blueprint-0f890046-en.htm
5. UN Committee of Experts on International Cooperation in Tax Matters. “Report on the Tax Challenges Related to the Digital Economy.” United Na-tions, 2019. URL: https://www.un.org/esa/ffd/wp-content/uploads/2019/05/CEF-EGB-2019.
6. Dobrinskaya D.E. About the phenomenon of digital nomadism. ECO is an All-Russian economic journal. 2020, No. 2 (548). pp. 37-59.
7. Rumak N. 12 countries for digital nomads: where and how to get a DigitalNomad visa. Forbes, 07/29/2022.
8. Ryazantsev S.V., Ryazantsev N.S. Migration of "digital nomads" global trends and positions of countries // World economy and international relations. 2024. Vol. 68. No. 2. pp. 116-126.
9. Taisheva V.V. Digital nomads and migration processes in the Russian IT sphere: a political analysis. Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Political Science. 2022. Vol. 24, No. 3. pp. 460-479.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_157

УДК 631.171

ТРЕНДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИИ-ТЕХНОЛОГИЙ В ЖИВОТНОВОДСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
TRENDS IN THE USE OF AI TECHNOLOGY IN FOREIGN ANIMAL HUSBANDRY

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат философских наук, доцент философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: ethos08@mail.ru

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической теории, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: nikolina73@yandex.ru

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита ФГБОУ «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 23
E-mail: staheeva53@mail.ru;

ЧУПИНА Ирина Павловна,
доктор экономических наук, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: irinacupina716@gmail.com

ПЕТРОВА Любовь Николаевна,
старший преподаватель кафедры менеджмента и экономической теории ФГБОУ «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 23
E-mail: petrova_ln@urgau.ru

ZARUBINA Elena Vasilyevna,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy, Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Turgenev St. 23
E-mail: ethos08@mail.ru

SIMACHKOVA Natalia Nikolaevna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Turgenev St. 23
E-mail: nikolina73@yandex.ru

STAHEEVA Lyubov Mikhailovna,
PhD in Economics, Associate Professor of Accounting and Auditing Department, Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Turgenev St., 23
E-mail: staheeva53@mail.ru;

CHUPINA Irina Pavlovna,
Doctor of Economics, Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Turgenev St. 23
E-mail: irinacupina716@gmail.com

PETROVA Lyubov Nikolaevna,
Senior Lecturer at the Department of Management and Economic Theory, Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Turgenev St. 23
E-mail: petrova_ln@urgau.ru

Краткая аннотация. *Предмет исследования авторов статьи – выделение и анализ ключевых трендов использования технологий с искусственным интеллектом в современном животноводстве зарубежных стран. В качестве методов были использованы анализ литературы, статистический анализ, экономический анализ, а также экспертный опрос специалистов по животноводству.*

Авторы выделяют и анализируют такие основные тренды применения ИИ-технологий в точном животноводстве зарубежных стран, как:

- Применение генеративных ИИ-систем для консультаций фермеров;

- Мониторинг выпаса на основе использования компьютерного зрения в пастбищных системах;

- Создание интегральных систем управления животноводческими комплексами с применением спутниковых данных и «Интернета вещей».

Особое внимание авторы уделяют проблемам и точкам роста в каждом из выделенных трендов.

В заключение делается вывод о том, что в последние 3 – 4 года генеративный ИИ формирует новый стандарт в зарубежном животноводстве, обеспечивая переход от реактивных к системным к предиктивным моделям управления стадом на уровне отдельного животного.

Abstract. *The authors of the article focus on identifying and analyzing key trends in the use of artificial intelligence technologies in modern animal husbandry in foreign countries. The methods used include literature analysis, statistical analysis, economic analysis, and expert interviews with animal husbandry specialists.*

The authors highlight and analyze the following key trends in the application of AI technologies in precision animal husbandry in foreign countries:

- The use of generative AI systems for farmer consultations;

- The use of computer vision for grazing monitoring in pasture systems;

- Creation of integral management systems for livestock complexes using satellite data and the Internet of Things.

The authors pay special attention to the problems and growth points in each of the identified trends.

In conclusion, it is concluded that in the last 3 to 4 years, generative AI has been forming a new standard in foreign livestock farming, ensuring a transition from reactive to systemic and predictive herd management models at the individual animal level.

Ключевые слова: *сельское хозяйство, животноводство, точное животноводство, искусственный интеллект (ИИ), ИИ-система, машинное зрение, консультационная поддержка, мониторинг выпаса, цифровая платформа, управление стадом*
Keywords: *agriculture, animal husbandry, precision animal husbandry, artificial intelligence (AI), AI system, machine vision, consulting support, grazing monitoring, digital platform, herd management*

Для цитирования: *Зарубина Е. В., Симачкова Н. Н., Стахеева Л. М., Чупина И. П., Петрова Л. Н. Тренды использования ИИ-технологий в животноводстве зарубежных стран // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 157-161. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_131.*
For citation: *Zarubina E. V., Simachkova N. N., Stakheeva L. M., Chupina I. P., Petrova L. N. Trends in the use of AI technologies in foreign livestock farming // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 157-161. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_157.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Современное животноводство зарубежных стран характеризуется системной цифровой трансформацией. Повсеместное использование ИИ-технологий сформировало новую концепцию точного животноводства. По определению Н. Ю. Нестеренко, точное животноводство представляет собой подход к управлению сельскохозяйственными животными на основе постоянного наблюдения, измерения и реагирования на изменяемые параметры животных, условий их содержания и готовой продукции с целью повышения эффективности животноводства, снижения его ресурсоемкости и сокращения вредного воздействия на окружающую среду [9, с. 221]. В отличие от традиционного животноводства, точное животноводство строится на индивидуальном подходе к каждому животному на базе непрерывного мониторинга его физиологических параметров, здоровья, репродуктивных качеств, а также условий его содержания.

Подчеркнем, что ИИ-технологии в точном животноводстве зарубежных стран сегодня многообразны и применяются системно. На основе анализа литературы, статистических данных и опроса экспертов выделим следующие такие направления:

1. Идентификация и биометрический мониторинг, который включает в себя: распознавание животных по морде, рисунку шерсти, термограммам; отслеживание индивидуального трекинга поведения животного через RFID; создание цифровых двойников животных для прогнозирования продуктивности [3].

2. Мониторинг здоровья и благополучия животных, куда входит, например, раннее выявление заболеваний (мастит, хромота, респираторные инфекции) через анализ поведения, температуры, активности животных. Большое значение имеют оценка упитанности каждого животного на ферме с помощью компьютерного зрения, а также прогнозирование стресса и дискомфорта по аудиовизуальным данным [4, с. 21].

3. Управление питанием и ростом сельскохозяйственных животных: составление индивидуальных рационов для каждого животного на основе его реальных потребностей; прогнозирование привеса животного и конверсии корма с помощью машинного обучения ИИ-систем; анализ состава кормов и минимизация отходов [3].

4. Репродуктивный менеджмент, который заключается в прогнозирование охоты и оптимального времени осеменения, мониторинге беременности и предсказание отёла/ягнения. Применяется также генетическая селекция с использованием ИИ-моделей для ускорения племенной работы.

5. Управление средой и устойчивое развитие стада. Сюда входят: контроль микроклимата в помещениях (температура, влажность, качество воздуха и т. д.); мониторинг выбросов парниковых газов и оптимизация управления навозом; снижение экологического следа через предиктивную аналитику [6, с. 125].

6. Интеграция данных и поддержка решений в области точного животноводства, то есть формирование метауровня в управлении развитием животных на фермах зарубежных стран.

Отметим, что детальный анализ каждого блока использования ИИ-технологий в точном животноводстве зарубежных стран выходит за рамки настоящей статьи. Остановимся на исследовании трендов последних 3-4 лет, практически все из которых, по нашему мнению, относятся к метауровню точного животноводства.

Первым трендом, на наш взгляд, является использование генеративного искусственного интеллекта в системах консультационной поддержки фермеров. В последние годы генеративный искусственный интеллект трансформирует парадигму агроконсалтинга, обеспечивая масштабируемую доставку персонализированных рекомендаций в режиме реального времени [2]. В контексте точного животноводства генеративные ИИ-системы функционируют как «виртуальные зоотехники», интегрируя данные с сенсоров, метеостанций, ветеринарных реестров и научных баз знаний для генерации адаптивных управленческих решений [5, с. 37].

Современные платформы с технологиями ИИ, такие, как GAIA, Farmer.Chat, AI4Vet4AI и ряд других строятся на базе больших языковых моделей (LLM), дообученных на верифицированных агрономических корпусах с применением методов Retrieval-Augmented Generation (RAG) [3].

Отметим, что ключевые функции таких платформ включают:

1. Диагностику заболеваний животных по описанию симптомов и визуальным данным.

2. Оптимизацию рационов сельскохозяйственных животных с учётом физиологического статуса каждого животного, его продуктивности и рыночной стоимости кормов.

3. Прогнозирование репродуктивных циклов животных.

4. Генерацию протоколов биобезопасности в ответ на эпидемиологические угрозы.

Приведем примеры внедрения консультационной поддержки фермеров зарубежных стран с использованием генеративного ИИ.

Так, проект GAIA (CABI, Кения/Индия, 2024) представляет собой пилотную платформу, финансируемая Фондом Билла и Мелинды Гейтс, которая предоставляет фермерам доступ к локализованным рекомендациям по управлению здоровьем КРС. В ходе полевых испытаний в округе Накуру (Кения) фермеры использовали чат-бота для диагностики кожной болезни узелкового типа у коров: система предложила протокол изоляции, дезинфекции и симптоматической терапии, что позволило сократить потери продуктивности на 23% и избежать затрат на экстренный вызов ветеринара [2].

Интеграция генеративного ИИ с платформами цифровых двойников позволяет моделировать сценарии «что, если» для оптимизации микроклимата, кормления и вакцинации крупного рогатого скота. В пилотных хозяйствах Нидерландов и Германии применение таких систем в 2023 2024 годах снизило расход комбикормов на 12–15% и уменьшило частоту респираторных заболеваний телят на 18% за счёт предиктивной корректировки параметров среды [2].

Одним из лидеров по использование генеративного искусственного интеллекта в системах консультационной поддержки фермеров сегодня является Китай. Наиболее значимыми разработками в данной области являются две специализированные большие языковые модели (LLM):

1. «Сюнсяонун» — первая в Китае отраслевая модель ИИ, созданная компанией China Telecom совместно с администрацией нового района Сюнъань на базе архитектуры DeepSeek. Модель интегрирует четыре ключевых модуля: агрономический граф знаний, мультимодальный движок распознавания заболеваний, прогнозную модель рыночных цен и платформу нормативно-правовой поддержки. Система ориентирована на малые и средние фермерские хозяйства, предоставляя консультации через текстовый и голосовой интерфейсы на диалектах китайского языка.

2. «Sinong» — открытая вертикальная языковая модель, разработанная Нанкинским аграрным университетом. Модель обучена на специализированном корпусе данных, включающем ~9 000 профильных монографий, 240 000 научных статей и 20 000 нормативных документов по животноводству, ветеринарии и агротехнологиям [3].

Примером использования указанных моделей является интеллектуальное управление многоэтажными свиноводческими комплексами (пров. Хубэй, 2024–2025). На крупнейших в мире вертикальных фермах компании Zhongxin Kaiwei (производительность >2 млн голов в год) генерализованные ИИ-системы интегрированы с компьютерным зрением и сенсорами микроклимата.

Алгоритмы анализируют поведенческие паттерны свиней (активность, потребление корма, вокализации) для раннего выявления стресса или заболеваний. При обнаружении аномалий система генерирует протокол действий: корректировка рациона, изоляция животного, уведомление ветеринара. Отметим, что внедрение генерализованной ИИ-платформы позволило сократить падеж на 18%, уменьшить расход кормов на 12% и снизить потребность в ручном мониторинге на 65% [13].

Другой пример - консультационная поддержка молочных фермеров в провинции Хэйлунцзян в 2025 году.

Пилотный проект с использованием модели «Сюнсяонун» охватил 300 малых молочных хозяйств. Фермеры через мобильное приложение задавали вопросы по диагностике мастита, оптимизации рационов и репродуктивному менеджменту. Система предоставляла ответы с визуализацией (термограммы вымени, графики продуктивности) и ссылками на нормативные документы. По итогам 6-месячного тестирования зафиксировано: сокращение времени принятия решений на 42%, снижение частоты клинических случаев мастита на 27%, экономия на ветеринарных услугах — $35–50 на хозяйство в месяц [13].

Подчеркнем, что внедрение ИИ-консультантов в точном животноводстве зарубежных стран имеет довольно высокую экономическую эффективность: снижение операционных затрат на 8–22% за счёт оптимизации ветеринарных вмешательств и кормовых стратегий; увеличение продуктивности крупного рогатого скота на 5–14% благодаря ранней диагностике и персонализированному управлению [12].

Несмотря на потенциал «виртуальных зоотехников», специалисты и сами фермеры выделяют ряд проблем и барьеров, мешающих внедрению новой ИИ-технологии в точное животноводство. Выделим ключевые из них: необходимость верификации источников и борьбы с генерацией ИИ-системами недостоверных рекомендаций; цифровое неравенство и ограниченный доступ к Интернету и ИИ-моделям в отдаленных сельских регионах; вопросы моральной ответственности за решения, принятые на основе ИИ; потребность в адаптации платформ с ИИ-технологиями под региональные породы, климат и нормативные требования [1, с. 113].

Второй тренд последних 3-4 лет использования ИИ-технологий в точном животноводстве зарубежных стран – это мониторинг выпаса сельскохозяйственных животных с помощью компьютерного зрения.

Подчеркнем, что в современном точном животноводстве технологии компьютерного зрения занимают центральное место, особенно в экстенсивных пастбищных системах Австралии, Новой Зеландии, США и стран Евросоюза [7]. В отличие от контролируемой среды помещений, пастбищный выпас характеризуется неструктурированностью ландшафта, изменчивостью освещения и большими расстояниями. Внедрение компьютерного зрения позволяет перейти от субъективного визуального осмотра к объективному, непрерывному сбору данных о биомассе кормов и физиологическом состоянии стада без физического контакта и стресса для животных [8].

Основу систем компьютерного зрения, применяемого в пастбищных системах, составляют алгоритмы глубокого обучения, в частности сверточные нейронные сети. Для детекции животных применяются архитектуры семейства YOLO (You Only Look Once) и Faster R-CNN, обеспечивающие баланс между скоростью и точностью в реальном времени. Для оценки состояния пастбищ используется семантическая сегментация (например, U-Net), классифицирующая каждый пиксель изображения как «трава», «почва» или «сорняк» [3]. При этом сбор данных осуществляется тремя основными способами: беспилотными летательными аппаратами, камерами на вышках или шлемах животных и спутниковым монито-

рингом, который дает макрооценку продуктивности пастбищ.

Например, в Австралии исследовательская группа Университета Квинсленда внедрила систему на базе дронов DJI Matrice с тепловизорами для учета скота в буше. Проблема заключалась в маскировке животных кронами деревьев. Решение включало использование мультиспектральной съемки для выделения теплового контура животного. Алгоритм не только считал головы с точностью 98%, но и оценивал угол наклона спины для классификации упитанности животного [13].

В Новой Зеландии компания Pasture.io использует комбинацию спутниковых снимков и наземных фотографий от фермеров для мониторинга выпаса крупного рогатого скота. Нейросеть анализирует текстуру и цвет травостоя, определяя содержание сухого вещества. Система рекомендует оптимальную дату ротации загонов. В пилотном проекте на молочных фермах Ваикато это привело к увеличению производства молока на 5% за счет точного балансирования рациона на основе визуальных данных о доступной траве, а не усредненных нормативов [13].

Выделим существующие проблемы использования компьютерного зрения в пастбищных системах. Основными проблемами здесь являются:

- окклюзия (перекрытие животных друг другом) снижает точность подсчета в плотных стадах.

- Изменчивость погодных условий (дождь, туман, пыль) ухудшает качество изображения.

- Усиленное энергопотребление и передача больших объемов видеоданных в зонах без покрытия 4G/5G.

- Защита данных и кибербезопасности фермерских сетей [10, с. 115].

Таким образом, интеграция компьютерного зрения в пастбищные системы трансформирует экстенсивное животноводство зарубежных стран в высокотехнологичную отрасль. Зарубежный опыт демонстрирует, что автоматизация визуального мониторинга повышает экономическую эффективность, снижает углеродный след за счет оптимизации выпаса. Дальнейшее развитие связано с созданием гибридных моделей, объединяющих визуальные данные с биометрическими сенсорами.

Третий тренд точного животноводства зарубежных стран заключается, по выводам авторов, в создании интегральных систем управления животноводческими комплексами с применением спутниковых данных и «Интернета вещей». Современные интегральные системы в точном животноводстве представляют собой конвергенцию спутникового дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ), сетей Интернета вещей и облачных аналитических платформ [3]. Например, сегодня в экстенсивных системах Австралии, Северной Америки и ЕС такая интеграция позволяет осуществлять сквозной мониторинг «пастбище–животное–менеджмент», обеспечивая принятие управленческих решений на основе данных в режиме, близком к реальному времени.

Архитектура интегральных систем, по выводам специалистов, включает в себя три основных уровня [2]:

1. Сенсорный уровень: спутники (Sentinel-2, Landsat-9, PlanetScope) предоставляют мультиспектральные данные для оценки индексов растительности; GPS/ГЛОНАСС-ошейники, а также умные бирки с акселерометрами, стационарные метео- и почвенные датчики собирают данные о перемещении, поведении и физиологии животных, о микроклимате пастбищ.

2. Уровень передачи данных: используются гибридные сети связи

(такие как LoRaWAN, NB-IoT), а также спутниковые каналы (например, Iridium, Starlink) для работы в зонах отсутствия сотового покрытия.

3. Аналитический уровень: облачные платформы, такие, например, как AWS IoT или Microsoft Azure FarmBeats, применяют машинное обучение для слияния разнородных данных, генерируя предиктивные модели продуктивности пастбищ и рисков для здоровья стада.

Например, в Австралии на базе платформы «Digital Pastoral» объединяет данные спутников Sentinel-2 с GPS-ошейниками CattleTracker. Спутниковые индексы определяют доступную биомассу и влажность почвы, а ошейники фиксируют паттерны выпаса и активность животных. Алгоритм коррелирует снижение жвачной активности с деградацией кормовой базы на конкретном участке, автоматически предлагая ротацию загонов. На фермах штата Виктория это сократило пере- и недовыпас на 30%, повысив устойчивость пастбищ к засухе [2].

В Испании и Португалии внедрена система, интегрирующая спутниковые данные Copernicus с IoT-сенсорами на овцах. Умные ошейники передают координаты и температуру тела, а спутниковая съемка отслеживает фенологию средиземноморских пастбищ. Платформа прогнозирует пики цветения аллергенных растений и предупреждает фермера о рисках респираторных заболеваний. Пилотное тестирование показало снижение падежа молодняка на 18% благодаря превентивному перемещению стада [2].

Таким образом, в последние 3 – 4 года генеративный ИИ формирует новый стандарт в зарубежном животноводстве, обеспечивая переход от реактивных к системным и предиктивным моделям управления стадом на уровне отдельного животного.

Ключевыми проблемами внедрения ИИ-технологий в точное животноводство зарубежных стран в настоящее время являются: высокая стоимость подписки на ИИ-технологии для малых фермерских хозяйств; цифровое неравенство и ограниченный доступ к Интернету и ИИ-моделям в отдаленных сельских регионах [11]; вопросы моральной ответственности за решения, принятые на основе ИИ; потребность в адаптации платформ с ИИ-технологиями под региональные породы сельскохозяйственных животных, климат и требования законодательства.

Список литературы

1.Абросимов, В. К., Райков, А. Н. Методы и средства искусственного интеллекта в точном животноводстве: монография. Москва: Издательство «Инфра-Инженерия», 2023. 312 с.

2. Chapagaee, P., Nainabasti, A., Kunwar, A., Bist, D. R., Khatri, L., & Mandal, A. (2024). Precision livestock farming in the 21st century: A review of technologies, scopes and challenges. CABI Reviews, 2024. № 19(1). Article 042. [Электронный ресурс]: htpps://www.cabidigitallibrary.org/doi/10.1079/cabireviews.2024.0042

3. Jiang, B., Tang, W., Cui, L., & Deng, X. (2023). Precision Livestock Farming Research: A Global Scientometric Review // Animals, 2023. № 13(13). [Электронный ресурс]: https://doi.org/10.3390/ani13132096 Комплексный библиометрический анализ 3658 публикаций по PLF за 1973–2023 гг.; выявлены ключевые тренды: deep learning, компьютерное зрение, автоматизация доения, мониторинг поведения.

4. Кирсанов В.В. Направления развития искусственного интеллекта в биомашинных системах для животноводства // Агроинженерия. 2025. №27(3). С. 15–22.

5. Кирсанов В.В., Кирсанов С.В. Структура и функционал искусственного интеллекта для управления биомашсистемой животноводческой фермы // «Техника и технологии в животноводстве». 2023. №2(50). С. 32–39.

6. Клычова Г.С., Закирова А.Р., Юсупова А.Р [и др.] Применение цифровых технологий для снижения углеродного следа в животноводстве //Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2022. Т.17. №1(65). С. 122–128.

7. Козицкий Д. Автоматизация животноводства с помощью ИИ. [Электронный ресурс]: https://www.agroinvestor.ru/column/denis-kozitskiy/45004-avtomatizatsiya-zhivotnovodstva-s-pomoshchyu-ii/

8. Костюк Р., Ковалев Ю., Лобанов Е., Вильматов А. Железный нянь. Как ИИ помогает животноводам [Электронный ресурс]: https://sber.pro/publication/zheleznii-nyan-kak-ii-pomogaet-zhivotnovodam/

9. Нестеренко Оценка эффектов и эффективности инвестиций в технологии точного сельского хозяйства // Проблемы современной экономики. 2023. № 2 (86). С. 220 – 225.

10. Сёмин А.Н., Скворцов Е.А., Шеина Е.Г. Анализ исследований в области применения систем искусственного интеллекта в животноводстве // Экономика сельского хозяйства России. 2024. №6. С. 109–115.

11. Умные системы в животноводстве: применение сенсоров, мониторинга и аналитики для оптимизации условий содержания и ухода за животными. [Электронный ресурс]: https://e.ewco.eu.org/2025/02/umnye-sistemy-v-zhivotnovodstve.html

12. Рынок точного животноводства. Размер и доля 2024-2032. – [Электронный ресурс]: https://www.gminsights.com/ru/industry-analysis/precision-livestock-market

13. Wang, Y., et al. (2023). Computer vision-based measurement techniques for livestock body conformation and weight estimation: A systematic review // Agriculture, 2024. № 14(2): 306. [Электронный ресурс]: https://doi.org/10.3390/agriculture14020306

References

1. Abrosimov, V. K., Raikov, A. N. Methods and Means of Artificial Intelligence in Precision Livestock Farming: Monograph. Moscow: Publishing House «Infra-Engineering», 2023. 312 p.

2. Chapagaee, P., Nainabasti, A., Kunwar, A., Bist, D. R., Khatri, L., & Mandal, A. (2024). Precision livestock farming in the 21st century: A review of technologies, scopes and challenges. CABI Reviews, 2024. № 19(1). Article 042. [Electronic resource]: https://www.cabidigitallibrary.org/doi/10.1079/cabireviews.2024.0042

3. Jiang B., Tan W., Cui L., and Deng H. (2023). Research on Precision Livestock Farming: A Global Scientometric Review // Animals, 2023. № 13(13). [Electronic resource]: https://doi.org/10.3390/ani13132096

4. Kirsanov, V.V. Directions for the Development of Artificial Intelligence in biomachine systems for animal husbandry // Agroengineering. 2025. № 27(3). Pp. 15–22.

5. Kirsanov V.V., Kirsanov S.V. Structure and Functionality of Artificial Intelligence for Managing the Biomachine System of a Livestock Farm // "Equipment and Technologies in Animal Husbandry". 2023. № 2(50). Pp. 32–39.

6. Klychova G.S., Zakirova A.R., Yusupova A.R [et al.] Application of digital technologies for reducing the carbon footprint in animal husbandry // Bulletin of the Kazan State Agrarian University. 2022. Vol. 17. № 1(65). Pp. 122–128.

7. Kozitskiy D. Automation of Animal Husbandry with the Help of AI. [Electronic resource]: https://www.agroinvestor.ru/column/denis-kozitskiy/45004-avtomatizatsiya-zhivotnovodstva-s-pomoshchyu-ii/

8. Kostyuk R., Kovalev Yu., Lobanov E., Vilmatov A. The Iron Nanny. How AI Helps Animal Farmers [Electronic resource]: https://sber.pro/publication/zheleznii-nyan-kak-ii-pomogaet-zhivotnovodam/

9. Nesterenko Assessment of the effects and efficiency of investments in precision agriculture technologies // Problems of modern economy. 2023. № 2 (86). Pp. 220 – 225.

10. Sëmin A.N., Skvortsov E.A., Sheina E.G. Analysis of research in the field of application of artificial intelligence systems in animal husbandry // Economy of agriculture of Russia. 2024. № 6. Pp. 109–115.

11. Smart systems in animal husbandry: the use of sensors, monitoring, and analytics to optimize animal housing and care. [Electronic resource]: https://e.ewco.eu.org/2025/02/umnye-sistemy-v-zhivotnovodstve.html

12. The market for precision animal husbandry. Size and share 2024-2032. – [Electronic resource]: https://www.gminsights.com/ru/industry-analysis/precision-livestock-market

13. Wang, Y., et al. (2023). Computer vision-based measurement techniques for livestock body conformation and weight estimation: A systematic review // Agriculture, 2024. № 14(2): 306. [Электронный ресурс]: https://doi.org/10.3390/agriculture14020306

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_162

УДК 342.9

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ТЕРРИТОРИИ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РФ
ENSURING PUBLIC ORDER AND PUBLIC SECURITY BY THE INTERNAL AFFAIRS BODIES ON THE TERRITORY OF THE NEW SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

ГАРЬКАВЕНКО Людмила Владимировна,
старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД,
Донецкий филиал Волгоградской академии МВД Российской Федерации.
283050, г. Донецк, пр-т Богдана Хмельницкого, д. 84.
E-mail: gorkayl7@gmail.com

GARKAVENKO Lyudmila Vladimirovna,
Senior Lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs,
Donetsk branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
84 Bogdan Khmelnitsky Ave., Donetsk, 283050.
E-mail: gorkayl7@gmail.com

Краткая аннотация. *В данной статье рассмотрено обеспечение общественного порядка и общественной безопасности органами внутренних дел на территории новых субъектов РФ. Автором изучено понятие и значение «общественная безопасность» и «общественный порядок», исследованы концептуальные подходы к их пониманию. Также в работе рассмотрено административное законодательство регулирующее обеспечение общественного порядка и общественной безопасности на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Херсонской и Запорожской области Российской Федерации. Результаты данного исследования позволили нам раскрыть особенности и выявить проблемные аспекты обеспечения общественного порядка и общественной безопасности на территории новых субъектов РФ.*

Abstract. *This article examines the provision of public order and public safety by internal affairs bodies on the territory of the new subjects of the Russian Federation. The author has studied the concept and meaning of "public safety" and "public order", and explored conceptual approaches to their understanding. The paper also examines the administrative legislation regulating public order and public safety in the Donetsk People's Republic, Luhansk People's Republic, Kherson and Zaporizhia regions of the Russian Federation. The results of this study allowed us to reveal the specifics and identify problematic aspects of ensuring public order and public safety in the territory of the new subjects of the Russian Federation.*

Ключевые слова: *имплементация, деятельность полиции, национальная безопасность, общественный порядок, общественная безопасность, органы внутренних дел, особые условия, освобожденные территории, переходной период, правовая среда, правопорядок, специальные правовые режимы.*

Keywords: *implementation, police activity, national security, public order, public safety, internal affairs agencies, special conditions, liberated territories, transition period, legal environment, law and order, special legal regimes.*

Для цитирования: *Гарькавенко Л.В. Обеспечение общественного порядка и общественной безопасности органами внутренних дел на территории новых субъектов РФ // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 162-165. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_162.*

For citation: *Garkavenko L.V. Ensuring public order and public safety by internal affairs bodies on the territory of the new subjects of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 162-165. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_162.*

Статья поступила в редакцию: 26.03.2026

Введение. Трансформация правоохранительной системы на современном этапе сопровождается усилением значимости органов внутренних дел. В связи с данным утверждением, вопрос обеспечения общественного порядка и общественной безопасности в рамках новых субъектов Российской Федерации (ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области - далее новые субъекты РФ), заслуживает особого внимания, так как для данной территории присущи свои характерные особенности (проведение специальной военной операции).

Переходной период на новых территориях Российской Федерации и стремление имплементации в правовую среду является важным составляющим обеспечения общественного порядка и общественной безопасности.

Так, в условиях выполнения конституционной обязанности государства по защите жизни и здоровья граждан как наивысшей социальной ценности [1 Конституция РФ] особое значение приобретает обеспечение общественного порядка и общественной безопасности в борьбе с административными правонарушениями, которые оказывают отрицательное воздействие на граждан и весь социальный климат в обществе.

В период изменения общественных отношений на территории новых субъектов РФ, явно не достаёт действующей правовой регламентации и квалифицированных правоохранительных кадров, что дополнительно осложняется выполнением поставленных задач в период действия особых условий. Данная ситуация приводит к тому, что происходят значительные нарушения общественного порядка и общественной безопасности на освобождённых территориях. Поэтому, одна из основных задач сотрудников сегодня, состоит в борьбе с административными правонарушениями и нарушением порядка всеми доступными силами и средствами в период действия особых условий.

Такая ситуация на территории новых субъектов РФ требует повышенной активности в работе полиции, но поскольку она не в состоянии одновременно справиться с глобальными антиобщественными проявлениями (проведение специальной военной операции), в том числе из за недостатка профессиональных кадров, эти ожидания оправдываются не в полной мере.

Таким образом, важность этой проблемы, заставляет нас поставить следующую цель данной работы - раскрыть проблемные аспекты

обеспечения общественного порядка и общественной безопасности органами внутренних дел на территории новых субъектов РФ .

Проведя анализ последних публикаций относительно вопроса исследования, укажем следующую теоретическую составляющую, на основе работ таких авторов, как: А.О. Берест, Т. М. Занина, О.М. Федотова, Р.Г. Калустов, Б.П. Кондрашов, А.А. Варгузова, И.В. Гусаим, В.Б. Рушайло, А.В. Шаламов, В.С. Шестак и другие.

Методологическую основу работы составили диалектический метод, анализ источников, метод обобщения и понимания современного состояния осуществления общественного порядка и общественной безопасности органами внутренних дел на территории новых субъектов РФ .

Основная часть. А.О. Берест отмечает, что «...государство является основным субъектом обеспечения национальной безопасности, где главную роль в эффективности обеспечения безопасности должно сыграть административное право как регламентирующее управленческую деятельность субъектов обеспечения национальной безопасности. Нормы административного права обеспечивают реализацию механизма управления в различных сферах жизнедеятельности, устанавливают правовые режимы, которые должны стать эффективным инструментом государственного управления в исследуемой сфере» [2,с. 99-100].

В.С. Шестак говорит о том, что «национальная безопасность является сложным явлением и включает в себя систему взаимосвязанных элементов. Эта система состоит из определенного набора концепций и положений, социальных и политико-правовых аспектов, определенных средств, методов и форм, которые обеспечивают адекватную реакцию на любые возникающие опасности и угрозы» [3,с. 29-40].

Действительно, на территории новых субъектов Российской Федерации сегодня проводится специальная военная операция, которая затрагивает национальные интересы России и, в первую очередь, ее национальную безопасность, также установлен ряд правовых режимов (военный, чрезвычайный и другие).

Укажем, что общественная безопасность является неотъемлемым компонентом национальной безопасности.

Так, Т. М. Занина, О.М. Федотова, подчёркивают, что «каждое происходящее социально-экономическое или политическое изменение в государстве ставит перед полицией новые цели и задачи в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, так как именно полиция, согласно действующему законодательству, является ключевым субъектом такой деятельности» [4, с. 44].

Сегодня, как правильно утверждает в своей работе А.В. Шаламов, «наши геополитические противники не скрывают своей цели - ликвидировать Россию как единое государство и создать на её месте ряд подконтрольных и зависимых от Запада стран»[5, с. 307]. Такое отношение Западной коалиции влияет на все сферы жизнедеятельности российского общества, данный факт имеет ярко выраженное проявление на территориях новых субъектов РФ, поэтому обеспечение общественного порядка и общественной безопасности имеет особое значение для нашего региона.

Проанализировав историко-правовую составляющую понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность», отметим, что их содержание постоянно изучают многие учёные теоретики, издавая свои научные труды на данную тему, с той целью, чтобы найти как можно правильное (точное) обозначение ситуации, которая складывается в обществе и государстве в данной сфере.

Одно из главных мест в обеспечении общественной безопасности принадлежит полиции. Основными задачами полиции выступают, в первую очередь, - пресечение преступлений и нарушений общественного порядка. Но, на наш взгляд, она обязана еще и помогать каждому человеку в реализации прав, свобод и законных интересов.

А.А. Варгузова рассматривает общественную безопасность как «…состояние защищенности личности и общества от самых разнообразных угроз» [6, с.1-172].

На законодательном уровне, общественная безопасность представлена в нескольких законодательных актах и Концепции общественной безопасности Российской Федерации. Так, в ФЗ «О безопасности» указано следующее понимание «безопасности», что «это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [7 ФЗ].

Таким образом, анализируя законодательство и мнения многих учёных, можем отметить, что общественная безопасность является составной частью национальной безопасности, что находит своё отражение в Концепции об общественной безопасности РФ [8 ФЗ] и продолжается в Стратегии национальной безопасности РФ [9ФЗ].

Если рассматривать понятие «общественного порядка», как и понятие «общественной безопасности», то оно направлено на общественные отношения и связи, которое складываются при воздействии на них общественных норм поведения.

Также понятие «общественного порядка», отражено в Конституции РФ (п. «е» ч.1 ст.114, ч.1 ст.132), что подчёркивает его важное значение для общества [1].

Р.Г. Калустов утверждает, что «каждое правонарушение является нарушением общественного порядка, то есть «общественный порядок» может рассматриваться как объект любого правонарушения» [10, с. 98].

В ФЗ «О полиции», согласно статье 12, сказано, что прямой обязанностью полиции является охрана общественного порядка [11 ФЗ].

Таким образом, как общественный порядок, так и общественная безопасность осуществляется органами внутренних дел (полицией) для поддержания в обществе законности, правопорядка и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Отсюда, анализируя современную ситуацию, которая складывается на территории новых субъектов РФ, необходимо обозначить, что существующий переходной период, установленный для этих территорий, способствует имплементации данных регионов в правое поле России. Обеспечение общественной безопасности и общественного порядка осуществляется в рамках норм административного права, которые установлены российским государством.

Но в тоже время, все новое несёт за собой определённые проблемы и трудности, как в понимании, так и выполнении этих норм. Отметим,

что на законодательном уровне переходной период закончил свое действие с 1 января 2026 г., но исходя из количества правонарушений совершаемых гражданами, фактически население еще не может охватить всю правовую информацию и полностью соблюдать законодательство РФ. В связи с этим, обстановка, которую мы наблюдаем, показывает нам, что административные правонарушения общественного порядка совершаются ежедневно. Особо остро эта проблема проявляется в период действия комендантского часа, который установлен на период действия военного положения.

Необходимо указать, что на территории новых субъектов РФ действует административное законодательство Российской Федерации, а также в каждом субъекте были приняты свои административные нормы.

Так, в Донецкой Народной Республики действует с 2024 года Закон Донецкой Народной Республики РФ от 12.07.2024 № 91-РЗ «Об административных правонарушениях в Донецкой Народной Республике» (далее - Закон ДНР РФ), который устанавливает административную ответственность за нарушение законов и иных нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. Мы видим, что в статье 2 данного закона прямо указывается, что одной из задач административного законодательства является «...охрана общественного порядка и общественной безопасности». Так, в законе согласно главы 5 «Административные правонарушения в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности» законодатель установил ряд статей, таких как: статья 16 «Нарушение тишины и покоя граждан»; статья 17 «Несоблюдение установленных требований к обеспечению мер по предупреждению причинения вреда здоровью, физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию несовершеннолетних в Донецкой Народной Республике», а также ст. 19 «Занятие попрошайничеством», ст. 20 «Нарушение общественного порядка, выразившееся в отправлении естественных надобностей человека в не предусмотренных для этого местах», ст. 21 «Приставание к гражданам в общественных местах» и другие» [12].

Также принят Закон Луганской Народной Республики РФ от 25.04.2024 № 64-I «Об административных правонарушениях» [13].

В Запорожской области действует Закон «Об административных правонарушениях» от 02.09.2024 № 46 [14].

Аналогично и в Херсонской области действует похожий нормативный акт такой как, Указ от 14 февраля 2023 г. N 29-у «Об утверждении Временного положения об административных правонарушениях в Херсонской области» [15].

Нарушения КоАП РФ статей: 20.1, 20.20 и 20.21 - эти правонарушения являются достаточно распространёнными. Санкция статьи 20.20. и 20.21 КоАП РФ[16] устанавливает административный штраф от пятисот до одной тысячи пятисот рублей, размер которого является незначительным. Отметим, что на сегодня размер данных санкций является не эффективным, поэтому происходит не соблюдение установленных административных норм, а повышение самого размера штрафа не осуществлялось достаточно давно.

Каждый наряд патрульно-постовой службы, осуществляя патрулирование как в дневное так и ночное время, задерживает правонарушителей, которые нарушают вышеуказанный ряд статей. Молодые люди приобретают энергетические , слабоалкогольные напитки и распивают их, в общей своей массе, на придомовых территориях, детских площадках и других общественных местах. Они оставляют после себя мусор и повреждённое муниципальное имущество.

Таким образом, нарушение общественного порядка гражданами влечет за собой рост правонарушений, для пресечения которых, нарядов патрульно-постовой службы катастрофически не хватает. Это является следствием кадрового голода в системе МВД.

На вновь освобождённых территориях идёт незаконная продажа в ночное время алкоголя. Возле частных небольших магазинов собирается контингент местного населения, который приобретает крепкие спиртные напитки и нередко нарушает общественный порядок. Прибывающий на место происшествия наряд, зачастую сталкивается с неадекватным поведением людей , в результате их алкогольного опьянения.

Кроме того, ежедневно проводятся меры по борьбе с распространением и употреблением наркотических веществ, выявлением наркозависимых граждан. Также, проводятся проверки предполагаемых мест «закладок» наркотических веществ, с целью обнаружения и выявления граждан, которые занимаются их сбытом. Каждый выход сотрудника на службу - это проверка на выдержку, бдительность и профессионализм, так как проступки, которые кажутся малозначительными, могут стать причиной более серьёзных инцендентов нарушения общественного порядка и общественной безопасности.

На освобождённых территориях, в первое время, достаточно сложно поддерживать общественный порядок и общественную безопасность. Это происходит в силу того, что отсутствует инфраструктура, способствующая созданию постоянно действующих отделов полиции. Они должны быть полностью сформированы, укомплектованы штатным количеством сотрудников, постоянно проживающих на этих территориях, и оснащенных материально-техническими средствами. Следовательно, временное направление сотрудников на охрану общественного порядка и общественной безопасности на освобожденные территории, кардинально решить сложившуюся ситуацию не в состоянии. Так, например, массовое разрушение социальной инфраструктуры в таких городах как: Марьинка, Красногоровка, Курахово, Покровск, Селидово, Авдеевка и многие другие, способствует совершению большого количества преступлений и правонарушений среди местного населения, таких как: (кражи, мародёрство, незаконный сбор металлолома, продажа алкогольных напитков и многое другое). Сотрудники полиции, которые направляются на освобождённые территории, осуществляя охрану общественного порядка и общественной безопасности, предоставляют информационную, правовую помощь населению. А также организовывают массовую паспортизацию граждан в получении гражданства Российской Федерации. Вместе с тем они оказывает сопровождение гуманитарных грузов и гуманитарной помощи для населения. При этом, сотрудники полиции нередко подвергают опасности свою жизнь на освобожденных территориях (частые случаи детонации взрывных устройств, обстрелы, удары с воздуха беспилотных летательных аппаратов и многое другое).

Таким образом, перед полицией ставится большое количество задач, выполнить которые, в особых условиях, является приоритетной целью.

Заключение. Подводя итоги вышеизложенному, отметим, что нормативную базу обеспечения общественного порядка и общественной безопасности органами внутренних дел на территории новых субъектов РФ формируют нормы федерального законодательства и админи-

стративное законодательство Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей субъектов Российской Федерации.

Таким образом, исследование научных концепций и практического опыта обеспечения общественного порядка и общественной безопасности осуществляется, в большей своей части, сотрудниками полиции, которые являются невидимым щитом, охраняющим спокойствие и порядок в повседневной жизни граждан. Сотрудники ежедневно сталкиваются с реальностью, которая подтверждает тот факт, что служба в органах внутренних дел РФ - это постоянная борьба за законность и безопасность, зачастую в особых условиях повышенной опасности.

Анализируя материал, автор делает вывод, о том, что для эффективного осуществления общественного порядка и общественной безопасности необходимо существенно сократить кадровый голод и улучшить материально-техническую базу обеспечения сотрудников, а также необходим пересмотр административного законодательства (в части размера штрафных санкций). Государство должно сосредоточиться на поддержке и стимулировании органов внутренних дел и всей правоохранительной сферы.

Внедрение предложенных направлений будет содействовать повышению результативности всей правоохранительной деятельности Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. – (дата обращения: 12.02.2026).
2. Берест А.О., Система органов обеспечения национальной безопасности Донецкой Народной Республики (Административно-правовой аспект)//Журнал Право Донецкой Народной Республики. Донецк– 2022. – № 2.–С.98-108. Текст: электронный//URL:https://ea.donntu.ru: 8080/bitstream/123456789/36325/1/zhurnal_pravo_dnr_no_2-2022_26-98-108.pdf (дата обращения: 21.02.2026).
3. Шестак В.С. Проблемы правовой регламентации национальной безопасности российской федерации как объекта публичного управления // Право и управление. 2024. №9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovoy-reglamentatsii-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii-kak-obekta-publichnogo-upravleniya (дата обращения: 15.02.2026).
4. Занина Т. М., Федотова О. А. Охрана общественного порядка и обеспечения общественной безопасности как основные направления деятельности полиции: проблемы правового регулирования // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2021. №1 (44). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-obschestvennogo-poryadka-i-obespecheniya-obschestvennoy-bezopasnosti-kak-osnovnye-napravleniya-deyatelnosti-politsii (дата обращения: 12.02.2026).
5. Шаламов А.В. Государственная и общественная безопасность Российской Федерации и основы ее обеспечения//Актуальные вопросы деятельности органов внутренних дел в особых условиях: сборник статей / под ред. Д.А. Коряковцева. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. – 340 с.
6. Варгузова А.А. Административно-правовое регулирование деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации: Дисс. . канд. юрид. наук. М., 2005. С.172.
7. О безопасности: федеральный закон от 28.12.2010 N 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023 № 286-ФЗ) Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. – (дата обращения: 01.02.2026).
8. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федеральный закон от 21.12.1994 N 68-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.11.2024)// Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. – (дата обращения: 03.02.2026).
9. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: (утв. Президентом РФ 14.11.2013 N Пр-2685)// Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. – (дата обращения: 03.02.2026).
10. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400// Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. – (дата обращения: 03.02.2026).
11. Калустов Р. Г. Общественный порядок: понятие и содержание категории // Социология и право. 2020. №2 (48). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyy-poryadok-ponyatie-i-soderzhanie-kategorii (дата обращения: 15.02.2026).
12. О полиции: федеральный закон РФ от 07.02.2011 №3-ФЗ: Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. – (дата обращения: 01.02.2026).
13. Об административных правонарушениях в Донецкой Народной Республике //Закон Донецкой Народной Республики от 12.07.2024 № 91-РЗ. Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. – (дата обращения: 11.02.2026).
14. Об административных правонарушениях // Закон Луганской Народной Республики от 25.04.2024 № 64-I Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. – (дата обращения: 11.02.2026).
15. Об административных правонарушениях // Закон Запорожской области от 02.09.2024 № 46. Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. – (дата обращения: 11.02.2026).
16. Указ временно исполняющего обязанности Губернатора Херсонской области от 14 февраля 2023 г. N 29-у " Об утверждении Временного положения об административных правонарушениях в Херсонской области" (с изменениями и дополнениями)Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. – (дата обращения: 11.02.2026).
17. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 28.11.2025).// Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. – (дата обращения: 12.02.2026).

References

1. The Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 01, 2020] // Text: electronic // SPS ConsultantPlus. – (date of access: 02/12/2026).
2. Berest A.O., The system of national security agencies of the Donetsk People's Republic (Administrative and legal aspect)//Journal of Law of the Donetsk People's Republic. Donetsk– 2022. – No. 2.–pp.98-108. Text: electronic//URL:https://ea.donntu.ru : 8080/bitstream/123456789/36325/1/ zhurnal_pravo_dnr_no_2-2022_26-98-108 .pdf (accessed: 02/21/2026).
3. Shestak V.S. Problems of legal regulation of the national security of the Russian Federation as an object of public administration // Law and management. 2024. No. 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovoy-reglamentatsii-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii-kak-obekta-publichnogo-upravleniya (date of request: 02/15/2026).
4. Zanina T. M., Fedotova O. A. Protection of public order and ensuring public safety as the main areas of police activity: problems of legal regulation // Bulletin of the VSU. Series: Law. 2021. No. 1 (44). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-obschestvennogo-poryadka-i-obespecheniya-obschestvennoy-bezopasnosti-kak-osnovnye-napravleniya-deyatelnosti-politsii (date of request: 12.02.2026).
5. Shalamov A.V. State and public security of the Russian Federation and the basics of its provision//Current issues of the activities of law enforcement agencies in special conditions: collection of articles / edited by D.A. Koryakovtsev. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. 340 p.
6. Varguzova A.A. Administrative and legal regulation of the activities of internal affairs bodies in the field of public security in the Russian Federation: Diss. . kand. jurid. Sciences. Moscow, 2005. p.172.
7. On safety: Federal Law No. 390-FZ of 12/28/2010 (as amended on 07/10/2023 No. 286-FZ) Text: electronic // SPS ConsultantPlus. – (date of application: 02/01/2026).
8. On the protection of the population and Territories from natural and man-made emergencies: Federal Law No. 68 of 12/21/1994-Federal Law (as amended on 08.08.2024) (with amendments and additions, intro. effective from 11/26/2024)// Text: electronic // SPS ConsultantPlus. – (date of access: 02/03/2026).
9. The concept of public security in the Russian Federation: (approved by the President of the Russian Federation on 11/14/2013 N Pr-2685)// Text: electronic // SPS Consultplus. – (date of reference: 02/03/2026).
10. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 N 400// Text: electronic // SPS Consult-tantPlus. – (date of access: 02/03/2026).
11. Kalustov R. G. Public order: the concept and content of a category // Sociology and Law. 2020. No. 2 (48). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyy-poryadok-ponyatie-i-soderzhanie-kategorii (date of application: 02/15/2026).
12. About the police: Federal Law of the Russian Federation dated 02/07/2011 No. 3-FZ: Text: electronic // SPS ConsultantPlus. – (date of application: 02/01/2026).
13. About administrative offenses in the Donetsk People's Republic //The Law of the Donetsk People's Republic dated 07/12/2024 No. 91-RZ. Text: electronic // SPS ConsultantPlus. – (date of access: 02/11/2026).
14. On administrative offenses // Law of the Lugansk People's Republic dated 04/25/2024 No. 64-I Text: electronic // SPS Consultant-Plus. – (date of application: 02/11/2026).
15. On administrative offenses // Law of the Zaporizhia region dated 09/02/2024 No. 46. Text: electronic // SPS ConsultantPlus. – (date of access: 02/11/2026).
16. Decree of the Acting Governor of the Kherson Region dated February 14, 2023 No. 29-u "On approval of the Interim Regulation on Administrative Offenses in the Kherson Region" (with amendments and additions)Text: electronic // SPS ConsultantPlus. – (date of publication: 02/11/2026).
17. Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 N 195-FZ (as amended on 11/28/2025).// Text: electronic // SPS ConsultantPlus. – (date of access: 12.02.2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_166

УДК 349.41

ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И БЕЛОРУССИИ
ISSUES OF SYSTEMATIZATION OF LAND LEGISLATION THE UNION STATE OF RUSSIA AND BELARUS

ГОСТЮЖЕВА Инна Анатольевна,
канд. юрид. наук, доцент, кафедра земельного и экологического права
ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству».
105064, Россия, г. Москва, ул. Казакова, д. 15.
E-mail: innabia@mail.ru

НАХРАТОВ Виталий Владимирович,
канд. юрид. наук, доцент, кафедра земельного и экологического права
ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству».
105064, Россия, г. Москва, ул. Казакова, д. 15.
E-mail: innabia@mail.ru

GOSTYUZHEVA I.A.
Candidate of Law, Associate Professor Department of Land and Environmetal Law State University of Land Use Planning.
15 Kazakova St., Moscow, 105064, Russia.
E-mail: innabia@mail.ru

NAKHRATOV V.V.,
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Land and Environmetal Law State University of Land Use Planning.
15 Kazakova St., Moscow, 105064, Russia.
E-mail: innabia@mail.ru

Краткая аннотация: *рассмотрены перспективы систематизации земельного законодательства Союзного государства России и Белоруссии. Отмечаются общие подходы к системе вещных прав. Однако белорусский конституционный запрет частной собственности на природные ресурсы (леса, воды, недра), не согласуется с противоположным подходом российского конституционного права. Земельные участки в обеих странах могут быть в любой форме собственности, но в Белоруссии действует исключительно государственная собственность на аграрные земли, тогда как в России права иностранцев, в том числе на аграрные земли, ограничиваются, и отсутствие абсолютного запрета допускает широкое иностранное участие в земельном фонде страны. Землеустройство в России испытывается на нововведения, оставляющие этот институт только для сельскохозяйственных земель. Белорусский законодатель более консервативен, сохраняя землеустройство для всех категорий земель.*

Abstract: *the article discusses the legal nature of the right to burial. It explores the concept of this ancient human attachment and need as a right to care or a right to land. The article analyzes the emergence and transfer of burial rights, the description and registration of burial sites, and the legal status of individuals responsible for burial.*

Ключевые слова: *земельное право России, земельное право Белоруссии, Союзное государство России и Белоруссии.*

Keywords: *Russian Land Law, Belarusian Land Law, and the Union State of Russia and Belarus.*

Для цитирования: *Гостюжева И.А., Нахратов В.В. Вопросы систематизации земельного законодательства Союзного государства России и Белоруссии // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 166-168. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_166.*

For citation: *Gostyuzheva I.A., Nakhratov V.V. Issues of systematization of land legislation the Union State of Russia and Belarus // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 166-168. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_166.*

Статья поступила в редакцию: 01.04.2026

В научном сообществе отмечаются проблемы фрагментации законодательства и права[1] на постсоветском пространстве. Фрагментации в значении дифференциации правового регулирования придается положительное значение. В то же время на пути единству она становится причиной ряда негативных последствий, среди которых отрывочность, неоднородность, раздробленность и неопределенность правового массива. Фрагментация присуща как национальному, так и международному праву. Варианты решения проблемы негативной фрагментации и предложение путей развития правового пространства в условиях его позитивной фрагментации предлагаются участниками ряда современных конференций и конгрессов. В мероприятиях принимают участие видные ученые и государственные деятели ЕврАзЭС и БРИКС: Российской Федерации, Узбекистана, Беларуси, Казахстана, Ирана, Китая и других стран.

С сожалением приходится констатировать, наблюдаемое преобладание центробежных сил над центростремительными для большинства союзных республик бывшего СССР. Инерционный потенциал этих процессов, затянувшихся на долгие 30 лет, хотелось бы остановить с формулированием принципов и подходов интеграционного права на примере Союзного государства России и Беларусии, созданного 8 декабря 1999 года (Договор вступил в силу ратификацией парламентами 26 января 2000 года).

1. Вопрос о формах собственности на землю нуждается в широкой дискуссии в рамках Союзного государства с уточнением общих подходов, поскольку имеется много общего и не меньше важных различий.

Отношения собственности на землю в Беларуси регулирует ст. 13 Конституции Беларуси 1994 года, согласно которой земельная собственность в Республике Беларусь может быть государственной и частной, за исключением земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в собственности государства. Другие природные ресурсы: недра, воды, леса составляют исключительную собственность государства. Законом могут быть определены и другие объекты, которые находятся только в собственности государства, либо установлен особый порядок перехода их в частную собственность, а также закреплено исключительное право государства на осуществление отдельных видов деятельности. Белорусы используют понятие форм собственности. Гарантируется равная защита и равные условия для развития всех форм собственности. Государство обеспечивает

направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях. Государство гарантирует трудящимся право принимать участие в управлении организациями с целью повышения эффективности их работы и улучшения социально-экономического уровня жизни. Конституция Республики Беларусь действует с поправками, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.). Коррективам подверглись главным образом политические права и свободы. В 2022 году статья 55, относящая охрану природной среды к долгу каждого, дополнила это долженствование «бережным отношением к природным ресурсам»[2].

Конституция России 1993 года, с поправками, одобренными общероссийским референдумом 01.07.2020г., в отличие от белорусского основного закона, допускает многообразие форм собственности на землю и другие природные ресурсы, не ограничивая нахождение земель в государственной, муниципальной и частной собственности. При этом под иными формами собственности в 1990-е российским правом понималась возможность провозглашения республиканской собственности в рамках Союза СССР, поскольку собственность в СССР изначально была унитарной государственной, а впоследствии под иными формами собственности доктринально допускалась собственность профсоюзов, иностранных государств на условиях взаимности. Однозначного решения вопрос о формах собственности в России до настоящего времени не получил, что создает предпосылки для его конкретизации в рамках Союзного государства.

Конституция России (в части 2 статьи 9) прямо разрешает частную собственность природные ресурсы, в связи с чем, в научном сообществе высказываются мнения о необходимости возврата к государственной собственности на природные ресурсы в советском правовом режиме народного достояния. Что касается формы собственности на сельскохозяйственные земли, то российский закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения запрещает собственность иностранцев на аграрные земли, но не относит такие земли в целом к исключительной государственной собственности. Так, ст. 3 Федерального закона "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" от 24.07.2002 N 101-ФЗ, не исключает, а ограничивает собственность иностранцев на продуктивные угодья: «Иностранные граждане, иностранные юридические лица, лица без гражданства, а также юридические лица, в уставном (складочном) капитале которых доля иностранных граждан, иностранных юридических лиц, лиц без гражданства составляет более чем 50 процентов, могут обладать земельными участками из земель сельскохозяйственного назначения только на праве аренды.

Существуют возможности обхода названного запрета через создание компаний «внучек» (расщепление корпоративных прав), а также через банкротство и теми же способами, которыми после начала СВО иностранные участники обходят санкции.

Названная норма закона об обороте сельскохозяйственных земель получила еще одно исключение, предусмотренное Федеральным законом от 1 мая 2016 года N 119-ФЗ "Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации". Тем самым для иностранных деятелей введены послабления на значительной части территории страны восточнее и севернее уральских гор, что вряд ли работает на продовольственный и государственный суверенитет страны.

Так, по сведениям издательства «Коммерсантъ», юридические лица, подконтрольные чешской PPF Group, в конце апреля вышли из состава учредителей агрохолдинга «РАВ Агро», который выращивает зерновые на 66 тыс. га и управляет молочными фермами в Воронежской области. Согласно ЕГРЮЛ, хозяйства перешли к краснодарскому ООО «Земельный резерв» (в нем 99% у генерального директора Евгения Свистула, а еще 1% - у Россельхозбанка). При этом источники “Ъ” в отрасли полагают, что «Земельный резерв» может выступать в интересах Агрокомплекса им. Н. И. Ткачева экс-главы Минсельхоза Александра Ткачева. В этой компании, банке и в PPF пока не комментируют ситуацию. В свое время чешская группа приобрела 100% «РАВ Агро» в 2011 году у британской RP Capital, фонда Cargill Venture Holding Ltd и израильских бизнесменов Рона Изаки, Игоря Хейфица и Гада Биттана. На момент сделки «РАВ Агро» контролировал 164,5 тыс. га земель в нескольких регионах. Затем активы начали распродавать, в частности, в 2018 году дивизион в Орловской области (более 36 тыс. га) выкупил АПХ «Мираторг». На конец 2021 года сельхозземли в Воронежской области стоили около 110 тыс. руб. за 1 га. То есть, активы «РАВ Агро» можно оценить в 7,26 млрд руб. Конечно заметно, что продажа ценных земель иностранными бенефициарами совпала с началом СВО на Украине в феврале 2022 года и последовавшей заморозкой недружественными государствами зарубежных активов России. Это привело к бегству или камуфлированию иностранных инвесторов, ожидавших встречных рестрикций со стороны российского государства, не заставших себя ждать. По-нашему мнению, приведенные примеры доходчиво иллюстрируют бытование ограничений прав иностранцев на аграрные земли в России, сущностно иллюзорных, предоставляющих возможность безграничного господства чужестранцев над ними, и тем самым над нами[3].

По этим причинам вопрос формы собственности на аграрные земли в рамках Союзного государства потребует проработки для наибольшего сближения.

2. Источники земельного права России и Беларуси весьма единообразны на уровне кодексов, но в развивающих их положения законах и подзаконных актах имеются различия, возможные к взаимной унификации.

Земельный кодекс России от 25 октября 2001 N 136-ФЗ сменил кодекс 1991 года. Основным отраслевым источником, регулирующим все виды земельных отношений в Беларуси, является Кодекс Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-З [4], сменивший кодекс, введенный в действие с 01.01.1999 г. (претерпевший редактирование в 2002 и 2006 гг.). Земельный участок по белорусской доктрине индивидуализируют кадастровый номер, назначение, границы, местонахождение, площадь[5].

Многие земельные вопросы в Беларуси регулируются Декретами и особенно Указами Президента, так называемым в российской науке «указным правом», которое в России преобладало в 1991-1993 году при Президенте России Б.Н. Ельцине, однако после преодоления конституционного кризиса в 1993 году регулирование вопросов, временно осуществляемое президентскими указами, которыми проводилась

земельная реформа, было возвращено на парламентский уровень в форме законов. Например, нам очень понравилось белорусское «Положение о снятии, использовании и сохранении плодородного слоя при производстве работ» (1999 г.).

В российской правовой системе земельный кодекс развивают законы, посвященные отдельным видам землепользования: закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения, закон о крестьянском (фермерском) хозяйстве, закон о личном подсобном хозяйстве, закон о ведении садоводства и подобные. Пореформенные правоотношения в России принято регулировать в законах о введении в действие земельного, водного, лесного, градостроительного и других смежных кодексов, тогда как в Беларуси эти временные по своему содержанию нормы помещаются в переходные положения, помещаемые в конце соответствующих законов.

3. Назначение земель в России и Беларуси определяется единообразно через понятие категории земель (в обеих странах это примерно одинаковые по составу 7 категорий земель). Категории земель детализируются в видах разрешенного использования земель.

Однако в России наметилась тенденция на сворачивание категоризации земель и их замену зонированием, в котором хотя и заключаются виды разрешенного использования, но все-таки регулирование зонирования земель начинает выходить за рамки видов разрешенного использования. Имеется даже законопроект, направленный на оставление 4 категорий земель (аграрных, водных, лесных, природоохранных) из 7 категорий земель, и регулирование остальных земель зонированием. Такой подход вызывает, по нашему мнению, заслуженную критику общественности, поскольку сама идея замены категорий зонированием лоббируется застройщиками и крупным финансовым капиталом, что может привести к уменьшению площади и деградации продуктивных угодий и снижению экологического благополучия.

4. Землеустройство является интегративным институтом земельных отношений. Отправные нормы о землеустройстве содержатся в земельных кодексах России и Беларуси.

В России имеется законопроект, переносящий землеустройство только на сельскохозяйственные земли, тогда как для других категорий земель основным будет лишь кадастровый учет. Эти предложения имеют как поддержку (лесоустройство - лесам, землеустройство – аграрным землям), так и критику (обязательность изучения и учета свойств почв через геоботанические, почвенные и другие исследования в землеустройстве должна применяться ко всем землям).

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13.01.2023 № 32 утверждены 21 Положение, относимое к правовым актам в области землеустройства, в числе которых, например, Положение о порядке деления, слияния и изменения целевого назначения земельных участков[6].В Белоруссии применяется Инструкция о порядке проведения работ по установлению (восстановлению), изменению границ земельных участков, утверждённая постановлением Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 23 декабря 2022 г. №44.

Вовлечение в научный дискурс наших коллег по Союзному государству имело бы большое значение, так как обсуждаемые реформы чрезвычайно концептуальны и нуждаются в оценке и откликах белорусских коллег.

5. Права на землю в России и Беларуси в целом совпадают, с некоторыми отличиями. Например, в Беларуси сохранено право пожизненного наследуемого владения, которое в России действовало с момента введения в 1991 году до 2001 года и далее подлежало переоформлению гражданами на право собственности или аренды.

В заключение хочется отметить, что интеграционные процессы должны затрагивать не столько форму, сколько саму суть земельного строя. Например, земельные кодексы России и Украины были приняты в один день 25 октября 2001 года и действуют в одно время. Однако большинство аграрных земель и вообще земельного фонда Украины оказалось сосредоточенным руках транснациональных корпораций и олигархических структур. В рамках Союзного государства целесообразно учитывать опыт СССР, наработки, порядок взаимодействия и модельные законы, созданные в структурах СНГ, и теперь уже формат сотрудничества в порядке ЕврАзЭС.

Систематизация земельного права и законодательства Союзного государства России и Беларуси может реализовываться новыми или известными путями, будь то издание, заимствованное из правотворчества СССР, Основ союзного законодательства России и Беларуси о земле, или принятие по примеру законодателей СНГ модельных законов и кодексов.

Список литературы:

1. XXVI Международная научно-практическая конференция юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и XXVII Международная научно-практическая конференция "Кутафинские чтения": «Сила права и право силы: современный контекст». 25.11.2025г.; XV Международный конгресс сравнительного правоведения «Фрагментация права и проблемы ее преодоления». Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 20.11.2025 г.

2. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь& URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/?ysclid=mnbtvpkg6f646257215 (дата обращения 01.04.2026г.).

3. Газета «Коммерсантъ» №77/С, 04.05.2022, стр. 10. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8549467; https://www.kommersant.ru/doc/5339545 (дата обращения 01.04.2026г.).

4. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk0800425 (дата обращения 01.04.2026г.). Основы земельного законодательства и права: пособие для студентов направления 1-31 02 01-03 «География (геоинформационные системы)» / Н. В. Клебанович, Н.В. Ковальчик. – Минск, БГУ, 2008. – 200 с.

5. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk0800425 (дата обращения 01.04.2026г.). Основы земельного законодательства и права: пособие для студентов направления 1-31 02 01-03 «География (геоинформационные системы)» / Н. В. Клебанович, Н.В. Ковальчик. – Минск, БГУ, 2008. – 200 с. с. 35

6. URL:https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22300032&p1=1 (дата обращения 01.04.2026г.).

References:

1. XXVI International Scientific and Practical Conference of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University and XXVII International Scientific and Practical Conference "Kutafin Readings": "The Power of Law and the Law of Power: The Modern Context". 25.11.2025; XV International Congress of Comparative Law "Fragmentation of Law and the Challenges of Overcoming It". Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. 20.11.2025.

2. National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus& URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/?ysclid=mnbtvpkg6f646257215 (accessed 04/01/2026).

3. Kommersant newspaper No. 77/S, 05/04/2022, page 10. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8549467 ; https://www.kommersant.ru/doc/5339545 (accessed 04/01/2026).

4. URL: https://pravo.by/document /?guid=3871&p0=Hk0800425 (accessed on 01.04.2026). Fundamentals of Land Legislation and Law: A Guide for Students

5. URL: https://pravo.by/document /?guid=3871&p0=Hk0800425 (accessed on 01.04.2026). Fundamentals of Land Legislation and Law: A Guide for Students p. 35

6. URL:https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22300032&p1=1 (accessed on 01.04.2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_169

УДК 342.9

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
CONFLICT OF INTEREST IN THE CIVIL SERVICE SYSTEM OF MODERN RUSSIA

СМИРНОВ Сергей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры транспортного права
Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А.Новикова,
196210, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Пилотов, д. 38.
E-mail: smsv@inbox.ru

SMIRNOV Sergey Vladimirovich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Transport Law
St. Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A.Novikov
St. Petersburg, Russia, 196210, Pilotov St., 38.
E-mail: smsv@inbox.ru

Краткая аннотация. *В статье исследуются теоретико-правовые аспекты конфликта интересов в системе государственной службы в современной России. Раскрывается генезис данной правовая категории. Анализируется актуальные вопросы в данной сфере общественных отношений.*

Abstract. *This article examines the theoretical and legal aspects of conflicts of interest in the civil service system of modern Russia. The origins of this legal category are explored. Current issues in this area of public relations are analyzed.*

Ключевые слова: *право; государственная служба; конфликт интересов; современная Россия; субъекты конфликта интересов; общественные отношения.*

Keywords: *law; civil service; conflict of interest; modern Russia; parties to conflicting interests; public relations.*

Для цитирования: *Смирнов С.В. Конфликт интересов в системе государственной службы современной России // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 169-173. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_169.*

For citation: *Smirnov S.V. Conflict of interests in the civil service system of modern Russia // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 169-173. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_169.*

Статья поступила в редакцию: 22.04.2026

В контексте заявленной проблематики автор статьи отмечает, что конфликты, как разновидность социальных процессов и взаимодействий, возникают и проявляются в различных сферах человеческой деятельности, в том числе и в области государственного управления.

В социологической науке конфликт определяется как особая форма взаимодействия между индивидами и группами, возникающая при наличии разногласий, противоречивых позиций или столкновении интересов. Он представляет собой высшую степень проявления социальных противоречий, принимающую различные формы противодействия – от конкуренции до открытой борьбы. В основе социального конфликта лежит стремление субъектов отстаивать свои экономические, политические или иные интересы, одновременно препятствуя оппоненту в достижении его целей. При этом соперник может восприниматься как реальная угроза или же как мнимая преграда, но в любом случае его нейтрализация рассматривается одной из сторон как необходимое условие реализации собственных устремлений.

Конфликты в системе государственной службы, хотя и имеют общую социальную природу с конфликтами в других видах деятельности, содержат в себе специфические особенности, связанные с характером социально-трудовых отношений в сфере государственного управления[1]. Конфликты в органах государственной власти имеют не только внутриорганизационные последствия, но и оказывают влияние на качество государственно-управленческой деятельности[2], т. е. воздействуют в широком плане на состояние социальной среды общества[3].

В соответствии с ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 25.12.2008 №273 – ФЗ «О противодействии коррупции», под конфликтом интересов в настоящем Федеральном законе понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)[4].

В процессе прохождения государственной службы служащий сталкивается с различными конфликтными ситуациями. Одни из них обусловлены общими противоречиями общественного развития[5], другие – закономерностями функционирования организационных структур, третьи

[1] Назарова, И. С. Организационная основа профилактики правонарушений коррупционного характера в войсках национальной гвардии Российской Федерации / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Военное право. – 2022. – № 5(75). – С. 174-185. – EDN HAXZAM.
[2] Шеншин, В. М. Виды государственной службы в войсках национальной гвардии / В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Военное право. – 2021. – № 3(67). – С. 140-146. – EDN ZXHGZQ.
[3] Деханова, Н. Г. Социология государственной службы: учебник для вузов / Н. Г. Деханова — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025 — 124 с.; Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников М.В. Вопросы оптимизации административно-правового регулирования оказания электронных государственных услуг//Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 97-107;Кайнов В.И., Капустин А.А. Гражданское процессуальное право: учебник. Санкт-Петербург, 2015. 205 С.Кайнов В.И., Прохорова О.В., Ильичев В.В. и др. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005, № 4 (28-2). С.227-228
[4] Федеральный закон от 25.12.2008 №273 – ФЗ (в ред. от 28 декабря 2025) «О противодействии коррупции» // СПС Гарант
[5] Шеншин, В. М. Коррупция как угроза национальной безопасности / В. М. Шеншин, У. Н. Гордиенко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 27-33. – EDN HWFNAZ.

– особенностями содержания деятельности государственных служащих. Преломляясь через личность государственного служащего, конфликты становятся неизбежным компонентом жизни как отдельного индивида, так и коллективов учреждений и социального института государственной службы в целом.

Поэтому, по мнению автора статьи, необходимо ввести в научный оборот понятие «конфликтного потенциала», т. е. совокупности факторов, которые, с одной стороны, объективно характеризуют социальную реальность, а с другой — благоприятствуют, способствуют и даже провоцируют возникновение, развитие и динамическое протекание социальных конфликтов между субъектами любых институциональных отношений.

Конфликтный потенциал государственной службы подразделяется на две условные составляющие[1]:

1) конфликтный потенциал, созданный внешней средой, в которой административные организации осуществляют свою функциональную деятельность;

2) внутриорганизационный конфликтный потенциал, т. е. тот потенциал, которым обладает любая административная организация.

Перечисленные составляющие конфликтного потенциала деятельности государственной службы взаимодействуют между собой, пересекаются, их элементы накладываются друг на друга.

По оценкам экспертов, конфликты интересов составляют примерно одну пятую от числа всех конфликтов, которые встречаются на государственной службе (например, внутриличностные конфликты, конфликты между руководителями и подчиненными, трудовые споры и т. д.)[2].

Следует отметить, что поведенческое многообразие, обусловленное статусным набором индивида, способно приводить к серьезным социальным последствиям. Наиболее значимым из них является возможность возникновения противоречий между различными статусными позициями (межстатусный конфликт) или соответствующими им социальными ролями (ролевой конфликт). Подобное столкновение социальных позиций, занимаемых одним человеком, может выражаться не только в несовместимости ролевых предписаний, но и в противоречии иных характеристик, присущих разным статусам. Кроме того, может наблюдаться расхождение между ценностными ориентациями и мировоззренческими установками, формируемыми каждой из этих позиций. Среди основных форм таких противоречий можно выделить ролевую несовместимость, мировоззренческий диссонанс, а также столкновение интересов, свойственных различным статусным позициям. В случаях конфликта интересов социокультурные механизмы предлагают свои способы регулирования. Посредством нормативных систем - как морально-этических принципов, так и правовых установлений - общество вводит ограничения на совмещение определенных социальных позиций, что выступает превентивной мерой против возможных злоупотреблений и нарушений[3].

Проблема конфликта интересов в системе государственной службы РФ обсуждается сегодня достаточно активно. Это обусловлено целым рядом причин, среди которых можно выделить вопросы необходимости дальнейшего институционального развития государственной гражданской службы, закрепления принципов гражданского служения государству и обществу, этических норм исполнения должностных обязанностей и др.

Государственная гражданская служба является специфической сферой профессиональной служебной деятельности по обеспечению функций органов государственной власти и управления[4]. Это уже само по себе вносит определенность в структуру приоритетов и ценностей в системе государственной службы: гражданин, поступающий на государственную службу, в первую очередь определяет свое личное отношение к необходимости служения государству и обществу, добросовестному исполнению своего служебного долга. В данном случае личный интерес государственного гражданского служащего должен быть осознанно подчинен интересам государства, делегированным на уровень конкретной должности государственной гражданской службы.

Правильное понимание содержания конфликта интересов невозможно без опоры на категорию интереса. В социологическом контексте интерес – это активная направленность человека на различные объекты, освоение которых оценивается им как благо[5]. Интерес – реальная причина деятельности специальных субъектов, направленная на удовлетворения определенных потребностей, лежащих в основе непосредственных побуждений, мотивов личностей и социальных групп. Специфика интересов определяется, прежде всего, положением и ролью этих субъектов в системе общественных отношений.

Таким образом, конфликты в системе государственной службы представляют собой сложное социальное явление, обусловленное как общими закономерностями общественного развития, так и спецификой управленческой деятельности. Они возникают на различных уровнях – от межличностных противоречий до институциональных коллизий – и могут проявляться в форме ролевых конфликтов, столкновения интересов или ценностного диссонанса.

Особую значимость в данной сфере приобретает проблема конфликта интересов, связанная с необходимостью баланса между личными, профессиональными и государственными приоритетами служащих[6]. Нормативно-правовые и этические механизмы призваны минимизировать такие противоречия, устанавливая четкие рамки служебного поведения и ограничивая совмещение несовместимых статусов.

---

[1]Соловьев А.В. Конфликты на государственной службе: типология и управление: учебное пособие. М.: Издательство «Альфа – Пресс», 2008. С. 35 – 36

[2]Кайнов В.И. Правовые акты органов исполнительной власти Российской Федерации//В сборнике: Гостеприимный Петербург-2018. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С.39-48; Кайнов В.И., Капустин А.А. Международный аспект административной юстиции (системный подход)//Правовое поле современной экономики. 2015. № 1.С.157-165;Кайнов В.И., Капустин А.А. Некоторые методологические проблемы современного в России//Мир юридической науки. 2013. №12. С.4-13;Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Институт банковской тайны в Российской Федерации: история, теория и практика: монография. Санкт-Петербург, 2011. 216 С.;Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников М.В. Сущность и значение процессуальных норм, регламентирующих производство об административных правонарушениях //Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С. 104-110

[3]Штомпка П. Социология: Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. С. 123

[4]Пункт 1 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2004 №79 – ФЗ (в ред. от 8 марта 2026)«О государственной гражданской службе Российской Федерации»//СПС Гарант

[5]Социологическая энциклопедия в 2 – х томах / под ред. В.Н. Иванова, Г.Ю. Семигина. Т.1. М., 2003. С. 382

[6] Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.

По мнению автора статьи конфликт интересов следует характеризовать как ситуацию, происходящую по причине заинтересованности государственного служащего, когда он оказывает определенное влияние на выполнение своих должностных полномочий. В такой ситуации возникает разногласие между личной заинтересованностью должностного лица и интересами населения, что приводит к причинению вреда государству в целом либо организациям и гражданам – в отдельности[1]. Следует выделить следующие причины конфликтов: наличие в конфликте, как минимум, двух сторон; цели сторон и их интересы должны быть противоположными; в том случае, если одна из сторон достигнет своей цели, второй стороне при этом будет причинен ущерб; признак законности интересов, признак столкновения интересов и сферы отношений[2]. Вместе с тем сама по себе государственная служба обладает высоким конфликтным потенциалом. Данный конфликтный потенциал, по мнению автора, создается, в первую очередь, внешней средой, в которой государственные органы реализуют предоставленные им полномочия, и, во вторую очередь, внутренней средой, которая формируется сферой социально – трудовых и административно – служебных отношений.Основные причины конфликта интересов в системе государственной службы следует разделить на две большие группы: во – первых, причины, связанные с выполнением государственным служащим своих служебных обязанностей; во – вторых, социально – психологические причины конфликта интересов.

Анализируя причины конфликта интересов, автор статьи приходит к выводу, что среди них следует выделять субъективные причины и объективные. Что касается объективных причин появления конфликта интересов, то они не зависят от ценностей государственного служащего, его сознания и воли, а также от других психологических особенностей[3].

К объективным причинам появления конфликта интересов следует относить следующие:

1) несовершенство российского законодательства:

2) естественное столкновение интересов, которое имеет место в административно-государственной сфере;

3) несоответствие структуры государственного органа его компетенции, а также решаемым таким органом задачам и возложенным на него функциям;

4) другие объективные причины.

Что касается второй группы причин - субъективных, то к ним автор относит конкретные неудовлетворенные потребности государственного служащего, например, неудовлетворение своим денежным содержанием, социальным статусом.

Таким образом, анализ научных исследований по заявленной проблематике позволяет констатировать, что специалисты в сфере юриспруденции выделяют различные факторы, способствующие возникновению конфликтов интересов в системе государственной службы. При всем многообразии подходов большинство авторов сходится во мнении, что все причины можно условно разделить на две основные категории: субъективные (личностного характера) и объективные (институциональные).

Таким образом, природа конфликтов интересов в государственном управлении носит дуалистический характер, сочетая в себе как объективные предпосылки, так и субъективные составляющие[4]. Важно отметить, что объективные условия создают потенциальную возможность для возникновения конфликтной ситуации, однако ее реализация неизбежно связана с действием человеческого фактора, что и придает конфликту субъективно-объективную природу.

Важное место в организации государственной службы современной России играет профилактика конфликтов интересов в данной сфере общественных отношений. Так, в случае возникновения у гражданского (муниципального) служащего личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, соответственно гражданский (муниципальный) служащий обязан проинформировать об этом представителя нанимателя в письменной форме.

Представитель нанимателя, которому стало известно о возникновении у гражданского (муниципального) служащего личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, обязан принять меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, вплоть до отстранения гражданского (муниципального) служащего, являющегося стороной конфликта интересов, от замещаемой должности гражданской (муниципальной) службы в порядке, установленном федеральным законом.

Для соблюдения требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулирования конфликтов интересов в государственном органе, федеральном государственном органе по управлению государственной службой и государственном органе субъекта Российской Федерации по управлению государственной службой (далее — орган по управлению государственной службой) в соответствии с Федеральным законом № 273-ФЗ образуются комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов (далее — комиссия). Данная комиссия по урегулированию конфликтов интересов образуется правовым актом государственного органа.

Комиссия, образуемая в государственном органе субъекта Российской Федерации по управлению государственной службой, рассматривает вопросы, связанные с соблюдением требований к служебному поведению и урегулированием конфликта интересов, в отношении:

---

[1] Гурьева О.А., Трясицина К.А. Конфликт интересов на государственной службе как социальный конфликт // Новая парадигма социально – гуманитарного знания: Сб. науч. тр. по матер. Междунар. Науч. – практ. конф.: В 6 ч. / Под. общ. ред. Е.П. Ткачевой. М., 2018. С. 121

[2] Долинская В.В. Понятие корпоративных конфликтов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. №6. С. 6

[3]Кайнов В.И. Временное правительство и конституционная реформа: нереализованный вектор развития России// Сборник статей научно-практической конференции «Практика и проблемы реализации конституционных основ российского законодательства». Хабаровский государственный университет экономики и права. 2019. С. 12-15;Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Банковская тайна и банкротство: спорные моменты открытия информации//Банковское право.2007, № 2. С. 29-32;Кайнов В.И. Институт президентства: конституционно-правовой статус: монография. Санкт-Петербург, 1999. 230 С.; Кайнов В.И. Прокуратура Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовой аспект// История государства и права. 2007, № 9. С.4-5

[4] Военное право / А. В. Кудашкин, В. К. Аулов, В. В. Бараненков [и др.]. Том II. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Центр правовых коммуникаций", 2021. – 888 с. – ISBN 978-5-6042565-2-7. – EDN WODYTL.

— государственных гражданских служащих, замещающих должности государственной гражданской службы в этом государственном органе;

— государственных гражданских служащих, замещающих должности руководителей и заместителей руководителей других государственных органов субъекта Российской Федерации.

По итогам рассмотрения информации, комиссия может принять одно из следующих решений:

— установить, что государственный служащий соблюдал требования к служебному поведению и (или) требования об урегулировании конфликта интересов;

— установить, что государственный служащий не соблюдал требования к служебному поведению и (или) требования об урегулировании конфликта интересов. В этом случае комиссия рекомендует руководителю государственного органа указать государственному служащему на недопустимость нарушения требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов либо применить к государственному служащему конкретную меру ответственности.

— дать гражданину согласие на замещение должности в коммерческой или некоммерческой организации либо на выполнение работы на условиях гражданско-правового договора в коммерческой или некоммерческой организации, если отдельные функции по государственному управлению этой организацией входили в его должностные (служебные) обязанности;

— отказать гражданину в замещении должности в коммерческой или некоммерческой организации либо в выполнении работы на условиях гражданско-правового договора в коммерческой или некоммерческой организации, если отдельные функции по государственному управлению этой организацией входили в его должностные (служебные) обязанности, и мотивировать свой отказ;

— признать, что причина непредставления государственным служащим сведений о доходах, об имуществе и обязательствах иму "щественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей является объективной и уважительной;

— признать, что причина непредставления государственным служащим сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей не является уважительной. В этом случае комиссия рекомендует государственному служащему принять меры по представлению указанных сведений;

— признать, что причина непредставления государственным служащим сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей необъективна и является способом уклонения от представления указанных сведений. В этом случае комиссия рекомендует руководителю государственного органа применить к государственному служащему конкретную меру ответственности.

— признать, что сведения, представленные государственным служащим в соответствии с ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»[1], являются достоверными и полными;

— признать, что сведения, представленные государственным служащим в соответствии с ч. 1 ст. 3 вышеуказанного Федерального закона, являются недостоверными и (или) неполными. В этом случае комиссия рекомендует руководителю государственного органа применить к государственному служащему конкретную меру ответственности и (или) направить материалы, полученные в результате осуществления контроля за расходами, в органы прокуратуры и (или) иные государственные органы в соответствии с их компетенцией.

Решения комиссии принимаются простым большинством голосов присутствующих на заседании членов комиссии. Решения комиссии носят рекомендательный характер.

В целях предотвращения или урегулирования конфликта интересов представитель нанимателя должен исключить возможность участия государственного служащего в принятии решений по вопросам, с которыми связан конфликт интересов[2].

Таким образом, действующее законодательство устанавливает четкий механизм выявления и урегулирования конфликтов интересов на государственной и муниципальной службе. Основная ответственность возлагается на самого служащего, который обязан письменно уведомлять представителя нанимателя о возникновении личной заинтересованности. В свою очередь, работодатель должен принимать меры по предотвращению или разрешению таких ситуаций, включая возможное временное отстранение сотрудника от должности. Ключевую роль в этом процессе играют специальные комиссии, создаваемые в государственных органах. Они рассматривают вопросы соблюдения служебной этики и конфликтов интересов, анализируя различные ситуации – от предоставления недостоверных сведений до возможных злоупотреблений после увольнения со службы.

В завершении рассмотрения вопросов заявленной проблематики автор статьи делает вывод о том, что природа конфликтов интересов в государственном управлении носит дуалистический характер, сочетая в себе как объективные предпосылки, так и субъективные составляющие. Важно отметить, что объективные условия создают потенциальную возможность для возникновения конфликтной ситуации, однако ее реализация неизбежно связана с действием человеческого фактора, что и придает конфликту субъективно-объективную природу.

[1]Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ (в ред. от 10.07.2023) «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»//СПС Гарант

[2]Глущенко П.П., Жильский Н.Н., Кайнов В.И., Куртяк И.В. Административное право: краткий курс. Санкт-Петербург, 2010. 135 С.; Сорокин В.Д., Куртяк И.В., Курноскин Е.А. и др. Административная ответственность. М., 2007;Байрамов Ш.Б., Кайнов В.И., Шахбазов Р.А. Злоупотреблением правом в Российской правовой системе: учебное пособие. Санкт-Петербург, 2015. 210 С.

Список литературы

1. Байрамов Ш.Б., Кайнов В.И., Шахбазов Р.А. Злоупотреблением правом в Российской правовой системе: учебное пособие. Санкт-Петербург, 2015. 210 С.
2. Глущенко П.П., Жильский Н.Н., Кайнов В.И., Куртяк И.В. Административное право: краткий курс. Санкт-Петербург, 2010. 135 С.
3. Гурьева О.А., Трясицина К.А. Конфликт интересов на государственной службе как социальный конфликт // Новая парадигма социально – гуманитарного знания: Сб. науч. тр. по матер. Междунар. Науч. – практ. конф.: В 6 ч. / Под. общ. ред. Е.П. Ткачевой. М., 2018. С. 121
4. Деханова, Н. Г. Социология государственной службы: учебник для вузов / Н. Г. Деханова — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025 — 124 с.
5. Долинская В.В. Понятие корпоративных конфликтов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. №6. С. 6
6. Кайнов В.И. Временное правительство и конституционная реформа: нереализованный вектор развития России// Сборник статей научно-практической конференции «Практика и проблемы реализации конституционных основ российского законодательства». Хабаровский государственный университет экономики и права. 2019. С. 12-15
7. Кайнов В.И. Правовые акты органов исполнительной власти Российской Федерации//В сборнике: Гостеприимный Петербург-2018. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С.39-48
8. Кайнов В.И. Прокуратура Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовой аспект// История государства и права. 2007, № 9. С.4-5
9. Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Банковская тайна и банкротство: спорные моменты открытия информации//Банковское право.2007, № 2. С. 29-32
10. Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Институт банковской тайны в Российской Федерации: история, теория и практика: монография. Санкт-Петербург, 2011. 216 С.
11. Кайнов В.И., Капустин А.А. Гражданское процессуальное право: учебник. Санкт-Петербург, 2015. 205 С.
12. Кайнов В.И., Капустин А.А. Некоторые методологические проблемы современного в России//Мир юридической науки. 2013. №12. С.4-13
13. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников М.В. Вопросы оптимизации административно-правового регулирования оказания электронных государственных услуг//Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 97-107
14. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников М.В. Сущность и значение процессуальных норм, регламентирующих производство об административных правонарушениях //Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С. 104-110
15. Кайнов В.И., Прохорова О.В., Ильичев В.В. и др. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005, № 4 (28-2). С.227-228
16. Назарова, И. С. Организационная основа профилактики правонарушений коррупционного характера в войсках национальной гвардии Российской Федерации / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Военное право. – 2022. – № 5(75). – С. 174-185. – EDN HAXZAM.
17. Соловьев А.В. Конфликты на государственной службе: типология и управление: учебное пособие. М.: Издательство «Альфа – Пресс», 2008. С. 35 – 36
18. Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.
19. Шеншин, В. М. Коррупция как угроза национальной безопасности / В. М. Шеншин, У. Н. Гордиенко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 27-33. – EDN HWFNAZ.
20. Военное право / А. В. Кудашкин, В. К. Аулов, В. В. Бараненков [и др.]. Том II. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Центр правовых коммуникаций", 2021. – 888 с. – ISBN 978-5-6042565-2-7. – EDN WODYTL.

References

1. Bayramov Sh.B., Kainov V.I., Shakhbazov R.A. Abuse of law in the Russian legal system: a textbook. Saint Petersburg, 2015. 210 P.
2. Glushchenko P.P., Zhilsky N.N., Kainov V.I., Kurtiak I.V. Administrative law: a short course. St. Petersburg, 2010. 135 P.
3. Guryeva O.A., Tryasitsina K.A. Conflict of interests in public service as a social conflict // New paradigm of social and humanitarian knowledge: Collection of scientific tr. on mater. International Scientific and practical conference: At 6 o'clock / Under the general editorship of E.P. Tkacheva. Moscow, 2018. p. 121
4. Dekhanova, N. G. Sociology of public service: a textbook for universities / N. G. Dekhanova — 3rd ed., ispr. and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2025 — 124 p.
5. Dolinskaya V.V. The concept of corporate conflicts // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2010. No. 6. p. 6
6. Kainov V.I. The Provisional government and constitutional reform: an unrealized vector of Russia's development// Collection of articles of the scientific and practical conference "Practice and problems of implementing the constitutional foundations of Russian legislation". Khabarovsk State University of Economics and Law. 2019. pp. 12-15
7. Kainov V.I. Legal acts of the executive authorities of the Russian Federation//In the collection: Hospitable Petersburg-2018. Collection of materials of the International scientific and practical Conference. 2018. pp.39-48
8. Kainov V.I. The Prosecutor's office of the Russian Federation in the system of separation of powers: a theoretical and legal aspect// History of the state and law. 2007, No. 9. pp.4-5
9. Kainov V.I., Kainova Yu.V. Banking secrecy and bankruptcy: controversial aspects of information disclosure//Banking Law.2007, No. 2. pp. 29-32
10. Kainov V.I., Kainova Yu.V. Institute of banking secrecy in the Russian Federation: history, theory and practice: monograph. St. Petersburg, 2011. 216 P.
11. Kainov V.I., Kapustin A.A. Civil procedural law: textbook. Saint Petersburg, 2015. 205 P.
12. Kainov V.I., Kapustin A.A. Some methodological problems of modern education in Russia//The world of legal science. 2013. No. 12. pp.4-13
13. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov M.V. Issues of optimization of administrative and legal regulation of the provision of electronic public services//The world of politics and sociology. 2019. No. 7. pp. 97-107
14. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov M.V. The essence and significance of procedural norms regulating proceedings on administrative offenses //Legal science: history and modernity. 2019. No. 7. pp. 104-110
15. Kainov V.I., Prokhorova O.V., Ilyichev V.V. and others. Public civil service reform in the Russian Federation: analysis and improvement// Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2005, No. 4 (28-2). pp.227-228
16. Nazarova, I. S. The organizational basis for the prevention of corruption offenses in the troops of the National Guard of the Russian Federation / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Military law. – 2022. – № 5(75). – Pp. 174-185. – EDN HAXZAM.
17. Solovyov A.V. Conflicts in public service: typology and management: a textbook. Moscow: Alfa – Press Publishing House, 2008. pp. 35-36
18. Kainov, V. I. Constitutional law : Textbook / V. I. Kainov, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin. Belgorod : Epicenter LLC, 2026. 284 p. ISBN 978-5-605-57024-0. EDN JAWRNO.
19. Shenshin, V. M. Corruption as a threat to national security / V. M. Shenshin, U. N. Gordienko // Right. Safety. Emergency situations. – 2021. – № 2(51). – Pp. 27-33. – EDN HWFNAZ.
20. Military law / A.V. Kudashkin, V. K. Aulov, V. V. Baranenkov [and others]. Volume II. – Moscow : Limited Liability Company "Center for Legal Communications", 2021. – 888 p. – ISBN 978-5-6042565-2-7. – EDN WODYTL.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_174

ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ И ВЗАИМОЗАМЕНЯЕМОСТИ ДОКУМЕНТОВ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ «СИРИУС»

ISSUES OF CORRELATION AND INTERCHANGEABILITY OF URBAN PLANNING DOCUMENTS OF THE FEDERAL TERRITORY "SIRIUS"

ШАЦКАЯ Вероника Александровна
студентка ФГБОУ ВО «РГУП им. В.М. Лебедева»,
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, 69.
E-mail: shatskaynika@mail.ru

SHATSKAYA Veronika Aleksandrovna
Student of the Russian State University of Justice,
117418, Moscow, Novocheremushkinskaya Street, 69
E-mail: shatskaynika@mail.ru

Научный руководитель:
АЛЕКСЕЕВА Надежда Анатольевна
Доцент кафедры земельного и экологического права ФГБОУ ВО «РГУП им. В.М. Лебедева»,
кандидат юридических наук.
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, 69.
E-mail: shatskaynika@mail.ru

Scientific supervisor:
ALEKSEEVA Nadezhda Anatolyevna
Associate Professor of the Department of Land and Environmental Law, Lebedev Russian State Unitary Enterprise,
Candidate of Law.
69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russia.
E-mail: shatskaynika@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье проведен анализ правовых актов федеральной территории «Сириус» и актов федерального законодательства, осуществляющих регулирование градостроительной деятельности данного публично-правового образования. Рассмотрена компетенция органов власти федеральной территории и федерального центра в лице Правительства РФ при принятии генерального плана «Сириуса», приведены позиции, обосновывающие или опровергающие необходимость подобного неравного распределения полномочий. Изучены действующие до принятия генерального плана документы территориального планирования и принимаемые Советом федеральной территории акты, в том числе решения о комплексном развитии территории и мастер-план. Выявлены основные особенности каждого документа, проанализированы содержащиеся в науке мнения относительно их актуальности, статуса и роли, рассмотрена практика государственных и муниципальных органов. Обоснована актуальность генерального плана на современном этапе развития градостроительства. На основе полученных данных представлено сравнение правового статуса решения о комплексном развитии территории и мастер-плана с генеральным планом, сделан вывод о невозможности подмены генерального плана иными документами градостроительного планирования, а также вывод о том, что отсутствие утвержденного генерального плана не способствует достижению как общих целей территориального планирования, так и целям создания «Сириуса».*

Abstract: *the article analyzes the legal acts of the federal territory of Sirius and the acts of federal legislation regulating the urban development activities of this public legal entity. The article considers the competence of the authorities of the federal territory and the federal center represented by the Government of the Russian Federation when adopting the Sirius master plan, and provides positions justifying or refuting the need for such an unequal distribution of powers. The territorial planning documents in force prior to the adoption of the master plan and acts adopted by the Council of the Federal Territory, including decisions on the integrated development of the territory and the master plan, have been studied. The main features of each document are identified, the opinions contained in science regarding their relevance, status and role are analyzed, and the practice of state and municipal bodies is reviewed. The relevance of the master plan at the present stage of urban development is substantiated. Based on the data obtained, a comparison of the legal status of the decision on the integrated development of the territory and the master plan with the master plan is presented, it is concluded that it is impossible to replace the master plan with other urban planning documents, as well as the conclusion that the absence of an approved master plan does not contribute to achieving both the general goals of territorial planning and the goals of creating Sirius.*

Ключевые слова: *федеральная территория «Сириус», генеральный план, комплексное развитие территории, мастер-план, документы территориального планирования, градостроительная деятельность.*

Keywords: *Sirius federal territory, master plan, integrated development of the territory, master plan, territorial planning documents, urban development activities.*

Для цитирования: *Шацкая В.А. Вопросы соотношения и взаимозаменяемости документов градостроительного планирования федеральной территории «Сириус»// Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 174-177. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_174.*

For citation: *Shatskaya V.A. Issues of correlation and interchangeability of urban planning documents of the federal territory "Sirius" // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 174-177. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_174.*

Статья поступила в редакцию: 02.04.2026

Введение.

История федеральной территории «Сириус» берет отсчет от Зимней олимпиады в Сочи 2014 года. После ее окончания на базе олимпийской инфраструктуры по предложению Президента сначала был создан образовательный центр «Сириус». В 2020 году после принятия Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» и внесения поправок к Конституции законодательно оформилась возможность создания на территории РФ федеральных территорий. Тогда же, в 2020 году, был принят Федеральный закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» (далее – 437-ФЗ).

Актуальность темы обусловлена тем, что по состоянию на 01.04.2026 градостроительное регулирование территории имеет особый в сравнении с иными муниципальными образованиями режим и осуществляется в отсутствие предусмотренного законодательством генерального плана территории, но при принятии иных градостроительных документов, более инновационных, комплексного развития территории и мастер-плана.

Цель – провести анализ градостроительных документов территории «Сириус», выявить возможность эффективного достижения установленных целей в отсутствие генерального плана.

Задачи – анализ действующего федерального законодательства и законодательства федеральной территории по вопросам осуществления градостроительного планирования, раскрытие правового статуса каждого из утвержденных документов, сравнение их правовой природы.

Гипотеза – генеральный план в силу своей правовой природы не может подменяться иными документами, а его отсутствие препятствует устойчивому социально-экономическому развитию территории.

Материалы и методы исследования

Базу исследования составили нормативные правовые акты, научные исследования, публикации в средствах массовой информации (далее по тексту – СМИ). В ходе работы использовались теоретические методы – анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, сравнение; эмпирические методы представлены описанием и анализом документов. Использование данных методов позволило как выявить отличительные черты каждого документа, так и сопоставить исследуемые объекты между собой.

Результаты и обсуждения

Первой характерной особенностью федеральной территории, непосредственно влияющей на градостроительный режим, являются цели создания, закрепленные в ст. 2 указанного выше федерального закона. Так, помимо обеспечения социально-экономического развития территории, целями являются: «инновационное развитие, необходимость сохранения объектов олимпийского, культурного и природного наследия» и др. Другой характерной особенностью федеральной территории является перераспределение полномочий органов власти федерального, регионального и местного уровней, в том числе в области градостроительства. И прежде чем говорить непосредственно о документах, рассмотрим полномочия органов публичной власти, осуществляющих управление градостроительной деятельностью на рассматриваемой территории.

Представительным органом является Совет федеральной территории «Сириус» (далее по тексту – Совет). Он формируется сроком на 5 лет, состоит из 9 избираемых членов, 7 назначаемых (по трое назначаются Президентом и Правительством РФ, один – высшим должностным лицом Краснодарского края) и одного, входящего в состав по должности. Совет обладает полномочиями на утверждение генерального плана и правил землепользования и застройки. Администрация федеральной территории «Сириус» (далее – Администрация) является исполнительно-распорядительным органом, осуществляет полномочия органов публичной власти, за исключением полномочий, отнесенных к полномочиям Совета, выступает заказчиком, обеспечивает подготовку и согласование проекта генерального плана.

Отдельно выделим полномочия Правительства РФ, согласованию с которым подлежит довольно обширный перечень вопросов градостроительной деятельности и земельных отношений, установленный ст. 46.1 437-ФЗ.

В связи с прямо закрепленными в законе целями создания федеральной территории, законодательство предусматривает особый порядок принятия основного документа территориального планирования – генерального плана. Как было упомянуто ранее, заказчиком проекта выступает Администрация, полномочия по утверждению предоставлены Совету.

Особенностью принятия является необходимость согласования проекта со всеми перечисленными в Постановлении Правительства от 25 октября 2021 г. № 1827 министерствами и федеральными службами (всего – 12, в т.ч. Госкорпорации «Росатом» и «Роскосмос»), а также высшим исполнительным органом Краснодарского края и исполнительно-распорядительным орган городского округа Сочи для дачи ими мотивированного заключения. На основании выданных заключений Министерство экономического развития РФ (далее – Минэкономразвития) подготавливает свое заключение – положительное либо отрицательное. Если проекту дан зеленый свет, он утверждается Правительством РФ и затем направляется в Совет федеральной территории на утверждение. Если заключение отрицательное – отправляется заказчику на доработку.

Критику вызывают обширные полномочия федеральных органов власти в части разработки и утверждения проекта. Помимо непосредственного согласования, как было упомянуто ранее, 8 из 17 членов Совета не избираются населением территории, а назначаются, либо входят в Совет по должности. Некоторые исследователи отмечают, что такой подход является несправедливым, так как предоставляет федеральным органам власти преимущество в части разработки и принятия документов территориального планирования[4]. Действительно, согласование Правительства РФ требуется не только при принятии генерального плана, но и в других вопросах, что существенно снижает самостоятельность местных органов публичной власти и может быть рассмотрено как лишение проживающих на соответствующей территории граждан права на реализацию полномочий местного самоуправления. С другой стороны, особый статус и наличие спортивных, образовательных объектов и кластеров федерального масштаба отчасти оправдывает обязательное участие субъектов федерального уровня, ведь иначе прогнозировать вероятность достижения целей, ради которых территории был придан особый статус, становится сложнее.

Интересен также факт, что подготовка документов территориального планирования «Сириуса» могут осуществляться без учета соответствующих документов Краснодарского края, г. Сочи и иных прямо предусмотренных в законе нормативных правовых актов. При этом, как было указано ранее, компетентные органы субъекта и муниципалитета должны представить свое мотивированное заключение на проект генерального плана. Так как итоговое решение о соответствии генерального плана принимается Минэкономразвития, неясными остаются последствия выдачи отрицательного заключения, при дальнейшем гипотетическом одобрении проекта, ведь если обнаружится негативное воздействие на окружающую среду или социально-экономическое развитие и генеральный план, несмотря на возражения, будет принят без доработок и изменений, будут нарушены права жителей смежных с «Сириусом» территорий.

Заслуживающим внимания является также факт, что по состоянию на 2026 год на территории «Сириуса» не приняты собственные генеральный план и правила землепользования и застройки. По сути регулирование осуществляется на основе Временного положения об осу-

ществлении землепользования и застройки в границах федеральной территории «Сириус» (утв. решением Совета федеральной территории «Сириус» от 22 апреля 2022 г. № 1-11/73).Складывается парадоксальная ситуация:

- Генеральный план, на который ссылается положение, утратил свою силу в связи с принятием в 2023 году нового генерального плана городского округа город-курорт Сочи; (см.рис.1 Приложение 1)
- Правила землепользования и застройки продолжают действовать, однако Карта градостроительного зонирования г.о.Сочи по состоянию на 24.05.2024 уже не включает в себя территорию «Сириуса», следовательно, не может регулировать правовой режим земель федеральной территории. (см. рис.2 Приложение 1)

В то же время на территории «Сириуса» принимаются иные градостроительные документы. Так, в 2025 году было принято Положение о комплексном развитии территории в границах федеральной территории «Сириус» (утв. решением Совета федеральной территории «Сириус» от 27 июня 2024 г. № 1-40/257), устанавливающий особенности применения данного института. Например, не осуществляется комплексное развитие территории (далее – КРТ) по инициативе правообладателей.

Однако институт комплексного развития территории носит характер вторичный в сравнении с территориальным планированием.

Так, генеральный план муниципального образования, во-первых, имеет общеобязательный характер, четко, ясно и недвусмысленно устанавливая структуру города[5], правовой статус земельных участков в зависимости от их назначения, и лицо, осуществившее строительство в нарушение установленных зон непременно понесет предусмотренную законом ответственность. Во-вторых, генеральный план разрабатывается для всей территории муниципалитета и имеет комплексный характер, так как предусматривает отображение в нем всех существующих и планируемых объектов местного значения, карту функциональных зон, связывая воедино все сферы общественной жизни, обеспечивая баланс публичных и частных интересов, в том числе граждан и юридических лиц, в области градостроительства и территориального планирования. Генеральный план является основой для последующей реализации закрепленных в нем предложений [2], именно он определяет главные направления развития территории муниципалитета и городской среды в долгосрочной перспективе, так как утверждается на срок не менее 20 лет. Несмотря на то, что концепция генерального плана подвергается критике [3], высказывалось мнение о том, что от него стоит отказаться, а в 2019 году Президент РФ поручил Правительству РФ представить предложения, предусматривающие переход в крупных городах от Генерального плана к документу, определяющему стратегические направления градостроительного развития города, основанного на стратегии социально-экономического развития и необходимости реализации государственных и муниципальных программ. СМИ предсказывали конец эпохи генеральных планов в городах-миллионниках. В то же время, несмотря на громкие заявления, в 2026 году все еще действует Закон города Москвы от 5 мая 2010 года №17 «О Генеральном плане города Москвы» – переход так и не состоялся, что говорит о признании и важности ведущей роли генерального плана в процессе территориального планирования.

КРТ, как правило, разрабатывается на сроки значительно меньшие – СМИ, ссылаясь на пресс-службу фонда развития территорий, называют средний срок реализации подобных проектов 10 лет. При этом проекты КРТ нацелены на один конкретный объект, либо на группу объектов в рамках решения конкретной задачи, будь то создание нового жилого фонда или социальной инфраструктуры, формирование комфортной городской среды, привлечение бизнеса, повышение инвестиционной привлекательности территории и др. Ориентиром в данном случае служат не сколько градостроительные решения, сколько конкретные потребности граждан [6] либо государства. КРТ осуществляется в рамках «одного или нескольких элементов планировочной инфраструктуры», не охватывая 100% территории муниципального или, в нашем случае, публично-правового образования. В соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 67 Градостроительного кодекса РФ на основе решения о КРТ могут быть внесены изменения в правила землепользования и застройки, однако не идет и речи о внесении изменений в генеральный план, что также доказывает его преимущественное положение над КРТ.

В 2025 году во Временные правила осуществления землепользования и застройки были внесены изменения, вводящие в правовое поле федеральной территории новое понятие – мастер-план. При этом под мастер-планом понимается документ, определяющий экономически обоснованные архитектурно-градостроительные особенности градостроительного развития, содержащий систему социальных, экономических, экологических и иных мер по его реализации, разработанный на основе анализа внутренних и внешних рисков среднесрочного (6-10 лет) или долгосрочного (10-20 лет) развития федеральной территории с учетом интересов различных групп населения и включающий в себя архитектурно-градостроительные, инфраструктурные решения, мероприятия и предложения по механизмам их реализации.

Нельзя отрицать, что генеральный план и мастер-план имеют схожие черты. Их основной целью является планирование развития территории и комплексный подход, решая задачи по объединению разрозненных элементов и сфер проектирования. Мастер-план также может быть разработан и применен для всей территории муниципального образования, а не только для его части, а также

Однако же легальная дефиниция мастер-плана в федеральном законодательстве отсутствует, как и отсутствуют четкие требования к его содержанию и обязательности, что не позволяет достоверно определить его место в системе документов территориального планирования.

Активизация разработки мастер-планов городов связана с упомянутым выше поручением Президента РФ, хотя впервые мастер-план был составлен и утвержден в 2010 году в Перми [1]. Впоследствии опыт распространился и на другие субъекты – на момент написания статьи одним только Институтом генплана Москвы разработано 15 подобных документов. Рассмотрим на примере – в 2019 году в Калининградской области был принят мастер-план острова Октябрьский. При этом, как указано в самом документе, мастер-план «предлагает видение развития территории в соответствии с рекомендациями Стандарта» (речь идет о Стандарте комплексного развития территорий, разработанном Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации и ДОМ.РФ вместе с КБ Стрелка). Из этого предложения прямо следует, что мастер-план не устанавливает, в отличие от генерального плана, общеобязательный режим земельных участков, а утвержденные мастер-планом планировочные решения носят рекомендательный характер, и в случае отклонения от них лицо, осуществившее застройку, не

будет привлечено к ответственности. В научной среде, несмотря на высокую оценку мастер-плана, также высказываются мысли, что тот не может подменять собой или заменять генеральный план [7].

Как следует из информации, размещенной на сайте Администрации, мастер-план «Сириуса» был разработан для научно-технологических районов и не включал в себя, например, зоны жилой застройки. Следовательно, разработанный на данном этапе план также не сможет установить правовой режим всей территории, оставив пробелы регулирования в статусе земельных участков, не вошедших в научно-технологические районы.

Следовательно, мастер-план в современном его виде в нынешней системе документов территориального планирования носит характер вспомогательный и не может служить в качестве единственной основы для градостроительного планирования.

Выводы

Генеральный план не может быть подменен решением о КРТ и мастер-планом ввиду различной правовой природы.

Исходя из ч.1 ст. 9 Градостроительного кодекса РФ и ч.1 ст. 2 437-ФЗ и территориальное планирование, и создание федеральной территории помимо специальных целей служит в первую очередь для обеспечения устойчивого социально-экономического развития территории. Таким образом, отсутствие на данный момент генерального плана федеральной территории «Сириус» и попытка подмены его иными градостроительными документами не способствует и даже препятствует достижению как общих целей градостроительного планирования, так и целей, ради которых она была создана.

Список литературы

1. Преобразование города стратегический мастер-план Перми. — Пермь : Зебра, 2010. — 531 с. ил., карт., планы; 31.
2. Ильина И.Н. Изменение подходов к процессу генерального планирования городов: трансформация смысла или смена названия // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. №1.
3. Ложкин А. Зачем и как: генпланирование и стратегическое мастер-планирование // ARCHI.RU. URL: https://archi.ru/russia/51964/zachem-i-kak-genplanirovanie-i-strategicheskoemaster-planirovanie (дата обращения: 01.04.2026).
4. Майборода В.А. Особенности регулирования градостроительной деятельности в федеральной территории «Сириус» // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. №4.
5. Минина М.В., Рехаккайнен Д.А. Роль генерального плана в развитии современных городов на примере Санкт-Петербурга // Управленческое консультирование. 2023. №7 (175).
6. Попкова А. А., Конев Ю. М., Канюков М. В. Комплексное развитие территорий: современное состояние и проблемы реализации // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2023. №2.
7. Снопова К.В., Бавина В.В. Мастер-план как инструмент перехода к современной модели пространственного развития города // Научные известия. 2022. №27.

References

1. Transformation of the City: A Strategic Master Plan for Perm. Perm: Zebra, 2010. 531 p. ill., maps, plans; 31.
2. Ilyina, I.N. Changing Approaches to the Urban General Planning Process: Transformation of Meaning or Change of Name // Issues of Public and Municipal Management. 2024. No. 1.
3. Lozhkin, A. Why and How: General Planning and Strategic Master Planning // ARCHI.RU. URL: https://archi.ru/russia/51964/zachem-i-kak-genplanirovanie-i-strategicheskoemaster-planirovanie (Accessed: 01.04.2026).
4. Maiboroda V.A. Features of Regulation of Urban Development Activities in the Federal Territory "Sirius" // Theoretical and Applied Jurisprudence. 2021. No. 4.
5. Minina M.V., Rekhakkainen D.A. The Role of the Master Plan in the Development of Modern Cities: The Case of St. Petersburg // Management Consulting. 2023. No. 7 (175).
6. Popkova, A. A., Konev, Yu. M., Kanyukov, M. V. "Integrated Development of Territories: Current Status and Implementation Challenges" // News of Universities. Sociology. Economics. Politics. 2023. No. 2.
7. Snopova, K. V., Bavina, V. V. Master plan as a tool for transition to a modern model of urban spatial development // Scientific news. 2022. No. 27.

Приложение 1.

Рис.1. Генеральный план г.о. Сочи

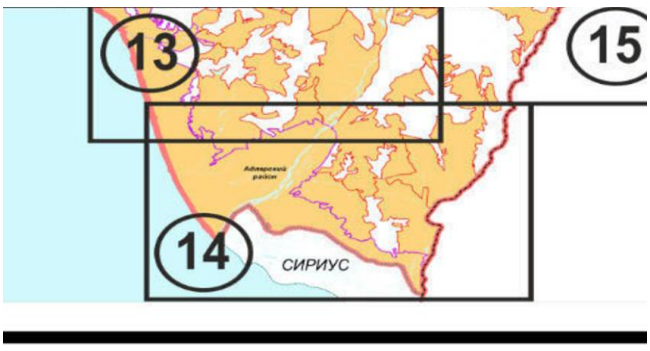

Рис.2. Карта градостроительного зонирования г.о.Сочи по состоянию на 24.05.2024

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_178

УДК 349

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧЕТА ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ: ЮРИДИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ ДОСТИЖЕНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ И АКТУАЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНЫХ ДАННЫХ

CHALLENGES LEGAL REGULATION OF WATER BODY REGISTRATION: LEGAL GUARANTEES FOR ENSURING THE ACCURACY AND TIMELINESS OF PUBLIC DAT

АЛЕКСАНДРОВА Нина Николаевна,
аспирант кафедры земельного и экологического права
Государственный университет по землеустройству (ГУЗ),
ул. Казакова, 15, г. Москва, 105064, Российская Федерация,
E-mail. konstanta2178@mail.ru

ALEKSANDROVA, N.N.
postgraduate student, Department of Land and Environmental Law State University of Land Management (GUZ),
15 Kazakova St., Moscow, 105064, Russian Federation,
E-mail. konstanta2178@mail.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена исследованию проблемы достижения достоверности и актуальности сведений о водных объектах в Государственном водном реестре, влиянии этих сведений на права и обязанности собственников земельных участков, расположенных вблизи или непосредственно на водных объектах, а также отражении сведений на Публичной кадастровой карте ЕЦП НСПД как пространственном объекте. Автором исследования анализируется нормативно-правовые акты, регулирующие ведение Государственного водного реестра, выявить проблемы и коллизии в ходе исследований в арбитражном судебном споре, а также сформулировать направление совершенствования законодательства в области учета водных объектов.*

Abstract. *This article examines the issue of ensuring the accuracy and timeliness of information on water bodies in the State Water Register, the impact of this information on the rights and obligations of landowners whose properties are located near or directly on water bodies, and the presentation of this information on the Public Cadastral Map ECS NPCR as a spatial object. The author analyzes the regulatory acts governing the maintenance of the State Water Register, identifies problems and conflicts uncovered during research conducted in an arbitration dispute, and formulates proposals for improving legislation regarding the registration of water bodies.*

Ключевые слова: *достоверность, сопоставимость, природные ресурсы, государственный водный реестр, Национальная система пространственных данных.*

Keywords: *accuracy, comparability, natural resources, State Water Registry, ECS NPCR.*

Для цитирования: *Александрова Н.Н. Проблемы правового регулирования учета водных объектов: юридические гарантии достижения достоверности и актуальности публичных данных // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 178-183. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_178.*

For citation: *Alexandrova N.N. Problems of legal regulation of accounting of water bodies: legal guarantees for achieving reliability and relevance of public data // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 178-183. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_178.*

Статья поступила в редакцию: 08.04.2026

Водные ресурсы представляют собой стратегически значимый компонент природной среды, выполняющий многофункциональную роль как в поддержании экологического баланса биосферы, так и в обеспечении устойчивости экономического развития страны.[13]

Антропогенность таких секторов экономики как промышленность, сельское хозяйство, энергетика и коммунальное хозяйство в рамках мероприятий по защите и охране водных ресурсов требует внедрения научно обоснованных механизмов рационального водопользования и адаптивного управления ими.

Развитие правовой охраны водных ресурсов России имеет длинную историю, которая берет свое начало в XVII в. (в эпоху Ивана Грозного). Но интенсивное становление водного законодательства начинается в конце XVIII в.[14]

Однако вплоть до пятидесятых годов прошлого века приоритетом государства был вопрос использование водных ресурсов, а не их охрана как составной части окружающей среды, среды обитания объектов животного и растительного мира, водных биологических ресурсов, а также как о природном ресурсе, используемом человеком для личных и бытовых нужд.[14] С этого момента правовое регулирование использования и охраны водных ресурсов страны планомерно развивалось. Своего рода апогеем стало принятие Водного кодекса Российской Федерации в 2006 году.

Указанным нормативно - правовым актом в целях информационного обеспечения комплексного и целевого использования водных объектов, их охраны, а также планирования и разработки мероприятий по предотвращению негативного воздействия вод и ликвидации его последствий предусмотрено создание государственного водного реестра (далее - ГВР), ведение которого поручено Федеральному агентству водных ресурсов непосредственно или через свои территориальные органы.

ГВР представляет собой систематизированный свод документированных сведений о водных объектах, находящихся в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, собственности муниципальных образований, собственности физических лиц, юридических лиц, об их использовании, о речных бассейнах, о бассейновых округах.[1, 7]

Данные ГВР имеют открытый характер, за исключением информации, отнесенной законодательством Российской Федерации к категории ограниченного доступа, и определены в соответствии с целями и задачами его создания.[1]

Для рассмотрения проблемы достоверности ГВР наибольший интерес представляют данные о местоположении береговой линии (границы водного объекта), а также ее производных водоохранных зон (далее — ВЗ), прибрежных защитных полос (далее — ПЗП) и береговой полосы (далее - БП), сведения о которых подлежат внесению в подраздел «Реестр границ» Единого государственного реестра недвижимости [4], который ведется Росреестром, и отображению на Публичной кадастровой карте Единой цифровой платформы Национальная система пространственных данных (далее — ПКК ЕЦП НСПД). [6]

Корректное описание границ водного объекта и сформированных вокруг него зон с особыми условиями использования (далее -ЗОУИТ) влияют на права и обязанности лиц, земельные участки и объекты капитального строительства которых расположены в их пределах.

Недостоверные сведения в описании водного объекта и окружающих его зон не редко становятся причиной судебных разбирательств, которые возможно избежать, если урегулировать вопрос качества сведений, вносимых в ГВР, а также в ЕГРН в порядке межведомственного взаимодействия и отображению на ПКК ЕЦП НСПД.

Описание границы водного объекта определяется отдельными правилами и порядками.

Тщательный анализ нормативно - правовых актов, регулирующих вопрос описания и учета водных объектов [7,8,9,10] проводился в ходе рассмотрения арбитражного спора по делу № А79-1043/2024 по исковому заявлению МТУ Росимущества к Обществу с ограниченной ответственностью «Дорисс-Нефтепродукт», принятого к производству 09.02.2024.[12]

Причиной инициирования судебного спора стал мониторинг Межрайонной природоохранной прокуратурой общедоступных сведений ПКК ЕЦП НСПД о территориях, на которых отражены сведения о водных объектах.

Наглядно исходная ситуация для установления надзорным органом факта потенциального нарушения использования природного объекта — реки Малая Кувшинка в нарушение установленных норм и правил, а также инициирования взаимодействия с уполномоченным на распоряжение федеральным имуществом органом государственной власти, представлена на рисунке № 1. На нем видно, что границы береговой линии пересекают земельный участок с кадастровым номером 21:01:030310:300, площадью 1356 м^2, с разрешенным использованием «под размещение мини - АЗС».

Рисунок № 1. Фрагмент ПКК ЕЦП НСПД на сентябрь 2024 года (расположение участка :300 относительно границ водного объекта)

По представленной прокуратурой информации МТУ Росимущества инициировало спор с ответчиком ПАО «Дорисс» (собственником земельного участка с кадастровым номером 21:01:030310:300), с привлечение к участию Верхне - Волжского бассейнового водного управления Федерального агентства водных ресурсов и Отдела водных ресурсов по Чувашской Республике Верхне - Волжского бассейнового водного Управления Федерального агентства водных ресурсов, Министерства природных ресурсов и экологии Чувашской Республики, Волжской межрегиональная природоохранной прокуратуры, Чебоксарской межрайонной природоохранной прокуратуры, Администрации города Чебоксары Чувашской Республики, Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Чувашской Республике и арендатор спорного участка ООО «Модуль».

Исковые требования были обоснованы положениями статей 27, 85, 102 Земельного кодекса Российской Федерации, статей 1, 5, 6, 8,

24 Водного кодекса Российской Федерации и мотивированы тем, что за ответчиком зарегистрировано право собственности на земельный участок, сформированный частично в пределах береговой полосы и акватории реки Малая Кувшинка, в то время как в силу приведенных выше положений закон водный объект, не обособленный и не изолированный от других поверхностных вод, относится к собственности Российской Федерации. Приватизация участков, в пределах которых расположены водные объекты, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, запрещена.[12]

До начала экспертного исследования было установлено пересечение земельного участка с границами водного объекта с реестровым номером 21:01-5.4, ВЗ реки Малая Кувшинка с реестровым номером 21:01-6.2931 и ПЗП реки Малая Кувшинка с реестровым номером 21:01-6.2924. Площадь пересечения с объектом 21:01-5.4 - 111 кв.м., а зонами - 1245.25 кв.м. При этом на участок введены ограничения согласно ст. 65 Водного кодекса Российской Федерации [1] на строительство и реконструкцию автозаправочных станций.

Очевидно, что с такими параметрами правового режима и ограничений участок не мог быть в собственности частного лица.

Определением от 18.06.2024 по делу назначена судебная экспертиза, производство которой поручено экспертам публично-правовой компании «Роскадастр» с вопросом об определении фактического местоположения 1береговой линии (границ водного объекта) части реки Малая Кувшинка около земельного участка с кадастровым номером 21:01:030310:300, согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 29.04.2016 № 377 [8] и наличии или отсутствии наложений земельного участка на акваторию реки Малая Кувшинка и на береговую полосу реки Малая Кувшинка определением параметров «наложения».

Согласно экспертному заключению №24-2108-Д/0066 от 20.09.2024, фактическое местоположение береговой линии (границы водного объекта) части реки Малая Кувшинка около земельного участка с кадастровым номером 21:01:030310:300, не подлежит установлению согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 29.04.2016 № 377 (далее -Правила № 377) [8] поскольку река Малая Кувшинка около территории земельного участка с кадастровым номером 21:01:030310:300 помещена в коллектор (туннель) и должна определяться по его местоположению. Натурные измерения и исследования местности свидетельствуют, что расположение коллектора (туннеля) в границах земельного участка (под участком) ответчика маловероятно. Наложение земельного участка с кадастровым номером 21:01:030310:300 на акваторию реки Малая Кувшинка и на береговую полосу реки Малая Кувшинка не имеется. [12]

На рисунке 2 представлена схема расположения коллектора (туннеля) на часть реки Малая Кувшинка по результатам натурного осмотра экспертами местности и границ земельного участка с кадастровым номером 21:01:030310:300.

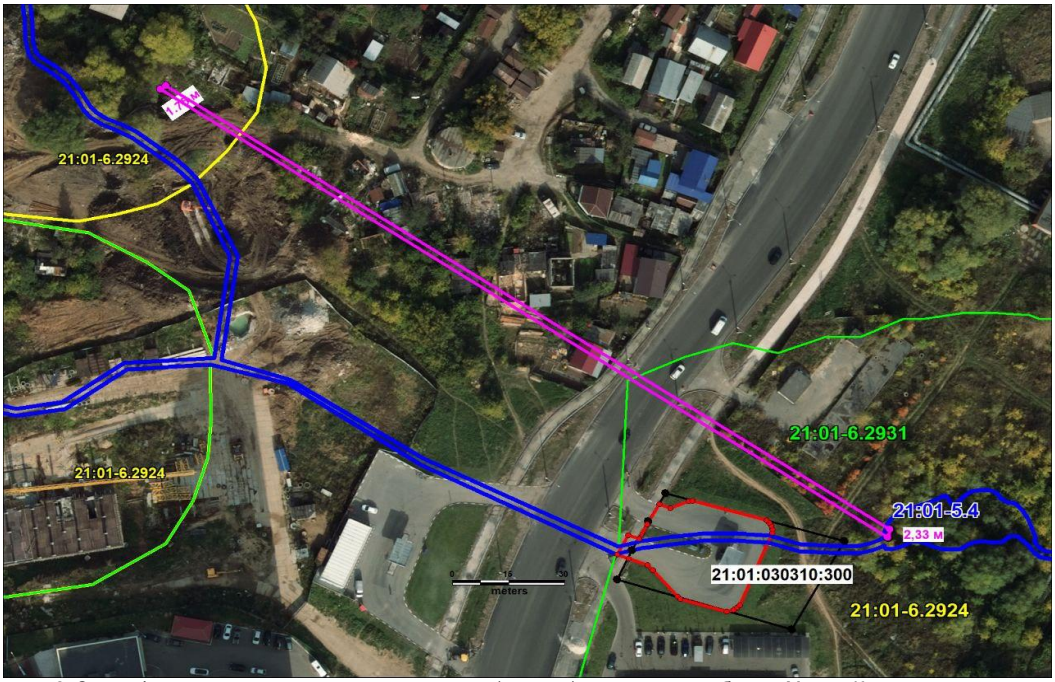

Рисунок 2. Схема фактического расположения коллектора (туннеля) части водного объекта Малая Кувшинка

В результате изучения сторонами спора заключения экспертов истец 04.12.2024 ввиду нецелесообразности поддержания исковых требований просил принять отказ от иска, производство по делу прекратить.[12]

Волжская межрегиональная природоохранная прокуратура не возражала, поскольку сочла, что незаконного отчуждения акватории водного объекта не допущено, в связи с чем основания для удовлетворения иска отсутствуют.

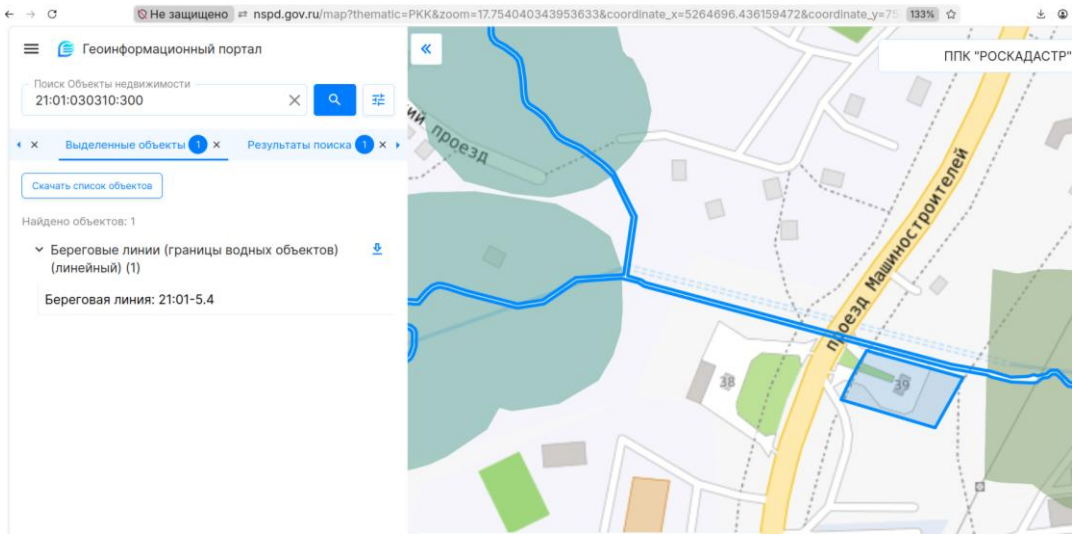
Суд принял отказ от иска и прекратил производство по делу определением 05.12.2024 года. При этом общая длительность производства по арбитражному делу составила более 10 месяцев, включая срок вступления в законную силу судебного акта.

После прекращения судебных тяжб ответчик инициировал в порядке, предусмотренном п.6 Правил № 377 [8] и п. 10 Правил №1459 [9]

корректировку границ части БЛ, ВЗ и ПЗП части реки Малая Кувшинка.

Результат уточнения границ водного объекта и производных от них зон представлен на рисунке 3.

Рисунок 3. Схема скорректированной части водного объекта Малая Кувшинка по инициативе собственника участка 21:01:030310:300

Соотнесение новых границ коллектора (туннеля) реки полученными в результате уточнения по инициативе собственника с данными, полученными в результате экспертных исследований, а также цифровой объектовой схемы ЕЦП НСПД свидетельствуют о низкой точности новых измененных границ как береговой линии, так и водоохранных зон вокруг нее.

Проведение экспертного исследования материалов дела и местности, данных материалов ЕЦП НСПД, а также итогов рассматриваемого спора позволил выявить ряд существенных проблем в исследуемой области, и, в первую очередь, пробелы правового регулирования учета водных объектов.

Было установлено, что ключевой фигурой, от качества результата деятельности которой зависит правовой режим и эффективность охраны использования водных объектов, ограничений или возможности использования расположенных в его пределах участков собственников, является подрядчик работ по описанию границ водного объекта и производных от него зон с особыми условиями использования.

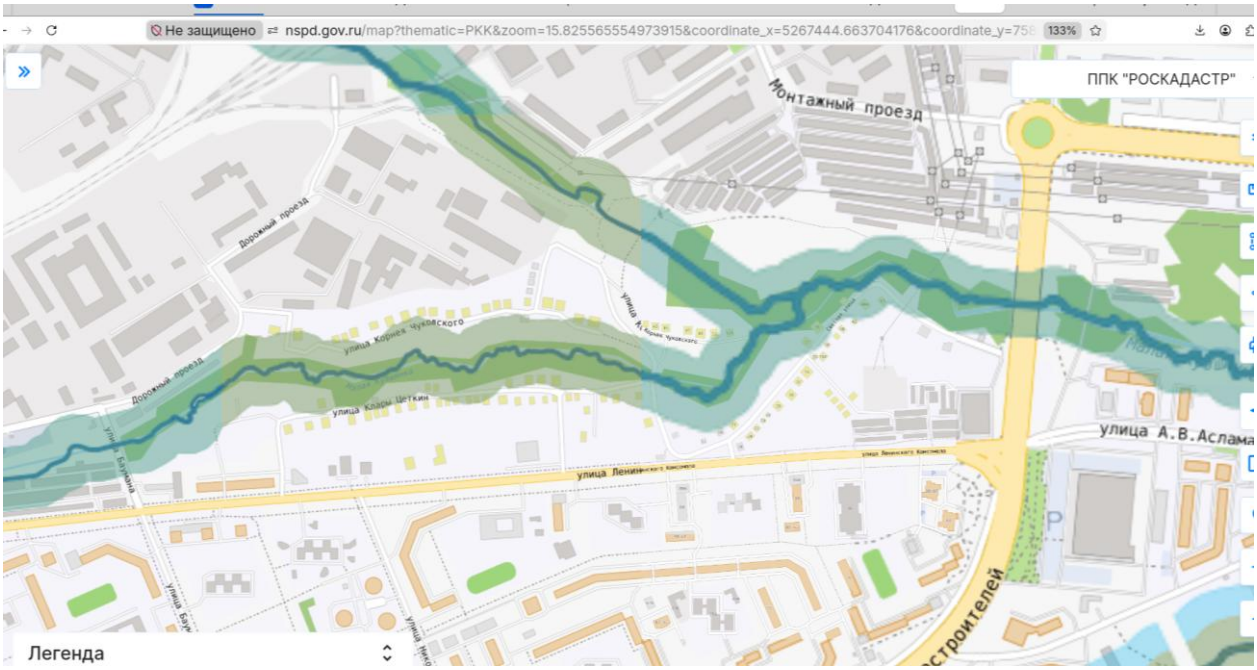
Подрядчику приходится выполнять работу при наличии нормативной коллизии при выборе исходных данных для описания границ водного объекта, поскольку в требованиях к порядку его описания, а именно в п. 9 Правил № 377 [8] и п. 3 Приказа № 164 [10], принятых в одно и тоже время, с учетом определений, данных в статях 15 и 16 федерального закона от 30 декабря 2015 г. № 431- ФЗ «О геодезии, картографии и пространственных данных и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3], имеются существенные расхождения, влияющие на точность описания водного объекта.

При этом нормативно не урегулирован вопрос срока актуальности используемой подрядчиком работ по описанию водного объекта картографического материала на момент выполнения работ и кто его получатель из фондов пространственных данных. Отсутствие регулирования данного вопроса, в том числе сроков актуальности исходных данных, на примере изученного арбитражного дела, приводит к формированию границ водного объекта без учета фактического состояния местности на момент выполнения подрядных работ. Высокая стоимость картографических материалов при обязательстве подрядчика на их самостоятельное получение может спровоцировать недополучение всего объема данных для правильного описания водного объекта.

Другой проблемой достоверности сведений о водном объекте является отсутствие нормативного требования учитывать случаи размещения водного объекта в неучтенных гидротехнических сооружениях (далее -ГТС), к которым относится коллекторы (туннели), точность определения которых должна быть не картографической, а соответствовать точности описания объектов капитального строительства.

На сегодняшний день данный вопрос может быть урегулирован исключительно путем включения определённых требований к порядку проведения подрядных работ в техническом задании в конкурсной документации по закупке для государственных нужд. Однако технические задания, как правило, не содержат конкретных методов определения границ водного объекта и формулируются общими формулировками и ссылками на общие правила. Поэтому другой взаимосвязанной проблемой, влияющей на достоверность описания водного объекта, особенно в границах застроенных территорий или населенных пунктов, является отсутствие указания в нормативно-правовых актах необходимости выездных мероприятий подрядчика на местность для определения границ ГТС.

Наглядный результат проел правового регулирования данного вопроса можно наблюдать на ПКК ЕЦП НСПД.

На рисунке 4 представлен фрагмент карты с границами ранее исследованного водного объекта — реки Малая Кувшинка в небольшой отдалённости от объекта судебного спора.

Рисунок 4. Фрагмент ПКК ЕЦП НСПД с границами реки Малая Кувшинка и ВЗ и ПЗП реки пересекающих дороги

На представленном фрагменте ПКК ЕЦП НСПД можно наблюдать, что с границы реки Малая Кувшинка и образуемые вокруг нее ВЗ и ПЗП установлены с ошибками, поскольку пересекают дороги по улице Баумана (левый угол фрагмента) и проспект Тратторостоителей. Однозначно часть реки расположена аналогично проезду Машиностроителей на рисунке 3 в коллекторе (туннеле) под проезжей частью, а в границах коллектора водного объекта не устанавливаются ВЗ и ПЗП. [1]

Следующим пробелом в регулировании вопроса описания водного объекта является отсутствие указаний на адекватные виду объекта гарантийные обязательства подрядчика, определявшего границы водного объекта, в среднем на практике составляющие 3 года, В рассматриваемом случае границы как береговой линии, так и ВЗ и ПЗП устанавливались приказом Минприроды Чувашской Республики в 2020 году, и к 2025 году, когда были обнаружены ошибки они истекли, а заинтересованных лиц, как таковых, для коррекции явно недостоверных сведений нет.

Действующие нормы этот вопрос не регулируют, что, по мнению автора, не способствует ни эффективному расходованию бюджетных средств, выделенных на соответствующие расходы, ни качеству данных о природном объекте, ни достоверной информации об ограничениях и обременениях объектов в собственности третьих лиц в пределах ВЗ И ПЗП.

Точечная корректировка границ водного объекта или его зон с особыми условиями использования не способствует эффектности управления и охраны природных ресурсов, не позволяет эффективно управлять территориями, на которых расположены водные объекты, а, соответственно, принимать управленческие решения при разрешении вопроса ее развития.

Публично-правовые акты, регулирующие учет водных объектов должны быть направлены на повышение надежности обеспечения и защиты публичных интересов, содержать однозначные и исчерпывающие механизмы государственных гарантий.

Без доработки действующих правил и порядков учета водных объектов и описания их границ невозможно идентифицировать водный объект как особо ценный и уязвимый природный ресурс, достоверность данных о характеристиках которого определяют частные подрядчики в соответствии с положениями «закона о закупках» [5]. Необходимо пересмотреть юридическую технику формулировки порядка учета и описания водных объектов с формализованного на казуистическую, применяя междисциплинарный подход, для исключения положений, которые противоречат друг другу или позволяют интерпретировать их специализированными исполнителями, исключая возможность альтернативного выбора применения того или иного положения.

Список литературы:

1. Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ: (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. - 2006 . - № 23. - ст. 2381
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ: (ред. от 30.01.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2001. -№ 44. — ст. 4147
3. О геодезии, картографии и пространственных данных и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 431-ФЗ: (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2016. - № 1 (часть I). - ст. 51
4. О государственной регистрации недвижимости: федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ: (ред. от 30.01.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2015. - № 29 (часть I). - ст. 4344

5. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ: (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2013. - № 14. - ст. 1652

6. О федеральной государственной географической информационной системе «Единая цифровая платформа «Национальная система пространственных данных»: Постановление Правительства РФ от 7 июня 2022 г. № 1040 (ред. от 10.11.2025) //Собрание законодательства РФ. — 2022. - № 24. - ст. 4065

7. О порядке ведения государственного водного реестра: Постановление Правительства РФ от 28 апреля 2007 г. № 253 (ред. от 18.02.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2007. - № 19. - ст. 2357

8. Об утверждении Правил определения местоположения береговой линии (границы водного объекта), случаев и периодичности ее определения и о внесении изменений в Правила установления на местности границ водоохранных зон и границ прибрежных защитных полос водных объектов: Постановление Правительства РФ от 29 апреля 2016 г. № 377: (ред. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. -2016. - № 19. - ст. 2699

9. Об утверждении Правил установления границ водоохранных зон и границ прибрежных защитных полос водных объектов: Постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2024 г. № 1459: (ред. от 01.03.2025) // Собрание законодательства РФ. -2024. - № 45. - ст. 6809

10. Об утверждении требований к описанию местоположения береговой линии (границы водного объекта): Приказ Министерства экономического развития РФ от 23 марта 2016 г. № 164: (зарегистрирован в Минюсте России 28.04.2016 № 41951) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2016. - № 24

11. Об утверждении Правил внесения сведений в государственный водный реестр: Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 15 июля 2025 г. № 395: (зарегистрирован в Минюсте России 06.10.2025 № 83764) // официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения 01.04.2026)

12. Определение Арбитражного суда Чувашской Республики от 10.07.2023 по делу № А79-1043/2024 //Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 01.04.2026)

13. Калиманов Тарас Александрович, Усова Елена Валентиновна, Татосян Маргарита Левоновна Водные ресурсы Российской Федерации, их использование и состояние // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2017. №4 (45). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vodnye-resursy-rossiyskoy-federatsii-ih-ispolzovanie-i-sostoyanie (дата обращения: 17.03.2026)

14. Степаненко, А. С. К вопросу правовой охраны водных ресурсов / А. С. Степаненко, Е. В. Барашева // ГлаголЪ правосудия. – 2019. – № 1(19). – С. 35-39. – EDN OJKOWA.

References:

1. Water Code of the Russian Federation No. 74-FZ of June 3, 2006: (as amended on December 25, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2006. - No. 23. - Art. 2381

2. Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ of October 25, 2001: (as amended on January 30, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2001. — No. 44. — Art. 4147

3. On Geodesy, Cartography, and Spatial Data, and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 431-FZ of December 30, 2015: (as amended on July 31, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2016. - No. 1 (Part I). - Art. 51

4. On State Registration of Real Estate: Federal Law No. 218-FZ of July 13, 2015: (as amended on January 30, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2015. - No. 29 (Part I). - Art. 4344

5. On the Contract System for the Procurement of Goods, Works, and Services to Meet State and Municipal Needs: Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013: (as amended on December 28, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2013. — No. 14. — Art. 1652

6. On the Federal State Geographic Information System “Unified Digital Platform ‘National Spatial Data System’”: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1040 of June 7, 2022 (as amended on November 10, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2022. — No. 24. — Art. 4065

7. On the Procedure for Maintaining the State Water Register: Decree of the Government of the Russian Federation No. 253 of April 28, 2007 (as amended on February 18, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2007. — No. 19. — Art. 2357

8. On the Approval of the Rules for Determining the Location of the Shoreline (Boundary of a Water Body), the Circumstances and Frequency of Such Determination, and on Amending the Rules for Establishing the Boundaries of Water Protection Zones and the Boundaries of Coastal Protection Strips of Water Bodies on the Ground: Decree of the Government of the Russian Federation No. 377 of April 29, 2016: (as amended on October 31, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2016. - No. 19. - Art. 2699

9. On the Approval of the Rules for Establishing the Boundaries of Water Protection Zones and the Boundaries of Riparian Protection Strips of Water Bodies: Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1459 of October 31, 2024: (as amended on March 1, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2024. - No. 45. - Art. 6809

10. On the Approval of Requirements for Describing the Location of the Shoreline (Boundary of a Water Body): Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation No. 164 of March 23, 2016: (registered with the Ministry of Justice of Russia on April 28, 2016, No. 41951) // Bulletin of Regulatory Acts of Federal Executive Authorities. — 2016. — No. 24

11. On the Approval of the Rules for Entering Information into the State Water Register: Order of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation No. 395 dated July 15, 2025: (registered with the Ministry of Justice of Russia on October 6, 2025, No. 83764) // Official Internet Portal of Legal Information. — URL: pravo.gov.ru (accessed April 1, 2026)

12. Ruling of the Arbitration Court of the Chuvash Republic dated July 10, 2023, in Case No. A79-1043/2024 // Arbitration Case Database [Electronic resource]. URL: https://kad.arbitr.ru/ (accessed April 1, 2026)

13. Kalimanov, Taras Alexandrovich; Usova, Elena Valentinovna; Tatosyan, Margarita Levonovna. “Water Resources of the Russian Federation, Their Use and Condition” // Society. Environment. Development (Terra Humana). 2017. No. 4 (45). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vodnye-resursy-rossiyskoy-federatsii-ih-ispolzovanie-i-sostoyanie (accessed March 17, 2026)

14. Stepanenko, A. S. On the Issue of Legal Protection of Water Resources / A. S. Stepanenko, E. V. Barasheva // Glagol’ of Justice. – 2019. – No. 1(19). – pp. 35–39. – EDN OJKOWA.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_184

УДК: 342

К ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ
ON THE ISSUE OF THE IMPLEMENTATION OF WRIT PRODUCTION IN THE ARBITRATION PROCESS

ДАНЬШИНА Анна Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры транспортного права
Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А. Новикова.
196210, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Пилотов, д. 38.
e-mail: Anna.sav@bk.ru

ЗАРЕЦКАЯ Элла Владимировна,
старший преподаватель кафедры транспортного права
Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А. Новикова.
196210, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Пилотов, д. 38.
e-mail: eiler1@mail.ru

DANSHINA Anna Evgenievna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Transport Law
St. Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov.
38 Pilotov St., Saint Petersburg, Russia, 196210.
e-mail: Anna.sav@bk.ru

ZARETSKAYA Ella Vladimirovna,
Senior Lecturer at the Department of Transport Law
St. Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov.
38 Pilotov St., Saint Petersburg, Russia, 196210.
e-mail: eiler1@mail.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена анализу законодательства, регулирующего вопросы реализации права взыскания в порядке приказного производства. В частности, анализируются основания для рассмотрения дела в приказном производстве, критерии признания требований бесспорными, значение оценки признания требований ответчиком надлежащим. В результате анализа соответствующих норм законодательства автор делает вывод о необходимости совершенствования законодательства путём уточнения оснований рассмотрения дел в порядке приказного производства, определения критериев признания требований бесспорными.*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the legislation regulating questions of realization of the enforcement right in the order of writ proceedings. In particular, the reasons for considering a case in the order ofwrit proceedings, the criteria for recognition of claims as indisputable, the value of an assessment of the recognition of claims by the respondent are analyzed. As a result of the analysis of the relevant norms of the legislation, the author concludes that it is necessary to improve the legislation by clarifying the grounds for considering cases in order of writ proceedings, determining the criteria for recognizing the claims as indisputable.*

Ключевые слова: *приказное производства, бесспорность требований, признание обязательств, признание требований, арбитражный процесс, Российская Федерация.*

Keywords: *order proceedings, indisputability of claims, recognition of obligations, recognition of claims, arbitration process, Russian Federation.*

Для цитирования: *Даньшина А.Е., Зарецкая Э.В. К вопросу реализации приказного производства в арбитражном процессе // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 184-187. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_184.*

For citation: *Danshina A.E., Zaretskaya E.V. On the issue of the implementation of writ proceedings in the arbitration process // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 184-187. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_184.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

В рамках заявленной проблематики следует отметить, что правовое регулирование приказного производства в арбитражном процессе осуществляется нормами главы 29.1 АПК РФ, введенной Федеральным законом от 02.03.2016 г. № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации[1].

Приказное производство представляет собой упрощенное и сокращенное производство в суде первой инстанции с целью обеспечения возможности принудительного исполнения обязательств по определенным требованиям в сокращенные по сравнению с исковым производством сроки, т.е., как указал в определении от 15.11.2007 № 785-О-О Конституционный Суд Российской Федерации, приказное производство предусматривает упрощенный процессуальный порядок рассмотрения судами определенных требований, следовательно, направлен на защиту взыскателя по заявлению о выдаче судебного приказа[2].

При этом действующее правовое регулирование не предоставляет заявителю права выбора между приказным и исковым производством по требованиям, закрепленным в главе 29.1 АПК РФ, которые, как подчеркнуто в постановлении Пленума Верховного Суда Российской

[1] Шеншин, В. М. Становление судебного представительства в гражданском и арбитражном процессе по делам об охране окружающей среды / В. М. Шеншин, А. Б. Гавкалюк // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 3. – С. 85-88. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_3_85. – EDN QIHSJD.
[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 785-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тищенко Константина Михайловича на нарушение его конституционных прав абзацем четвертым статьи 122 и пунктом 4 части первой статьи 125 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС Гарант

Федерации от 27 декабря 2016 г. № 62, «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» могут быть заявлены только в приказном порядке.

Так, в случае обращения в суд с исковым заявлением с требованиями, предусмотренными статьей 229.2 АПК РФ, исковое заявление подлежит возврату на основании пункта 2.1 части 1 статьи 129 АПК РФ.

Одновременно, пунктом 5 части 1 статьи 229.4 АПК РФ предусмотрено, что заявление о выдаче судебного приказа подлежит возврату, если из заявления о выдаче судебного приказа и приложенных документов усматривается наличие спора о праве[1].

Таким образом, взыскатель для реализации права на рассмотрения требований в приказном порядке должен предварительно правильно квалифицировать заявляемые требования как требования, подлежащие рассмотрению в соответствии с главой 29.1 АПК РФ, или понести неблагоприятные процессуальные последствия в виде возврата заявления[2].

В соответствии с пунктом 1 статьи 229.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в порядке приказного производства, в частности, разрешаются дела, требования по которым вытекают из неисполнения или ненадлежащего исполнения договора и основаны на представленных взыскателем документах, устанавливающих денежные обязательства, которые должником признаются, но не исполняются, если цена заявленных требований не превышает четыреста тысяч рублей.

Из формулировки требований, указанных в пункте 1 статьи 229.2 АПК РФ требования «должником признаются, но не исполняются», следует, что требования по денежным обязательствам, рассматриваемые в порядке приказного производства, должны быть бесспорными, что подчеркнуто и в вышеуказанном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 62, т. е. судебный приказ выдается только по бесспорным требованиям, не предполагающим какого-либо спора о праве, и, следовательно, именно бесспорность требований является основанием для реализации заявителем права на упрощенный ускоренный порядок рассмотрения его требований[3].

Вместе с тем, в действующем законодательстве отсутствует определение понятия «бесспорности требований» и согласно определению Конституционного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 № 785-О-О наличие признаков спора о праве в каждом конкретном деле устанавливается судьей, рассматривающим заявление о выдаче судебного приказа, который при наличии сомнений в бесспорном характере заявленных требований в целях защиты прав и интересов ответчика отказывает в принятии заявления, что не лишает заявителя права предъявить данное требование в порядке искового производства[4].

Таким образом, действующее законодательство, с одной стороны, предусматривает возможность и обязывает заявителя реализовать свое право взыскания по бесспорным требованиям в порядке приказного производства, с другой стороны, в связи с отсутствием критериев оценки «бесспорности требований» применительно к приказному производству, реализация этого права и риск наступления негативных последствий в виде возврата заявления зависит от установления судебным органом факта наличия признаков спора о праве или его отсутствия[5].

Верховный Суд в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 62 разъяснил, что бесспорными являются требования, подтвержденные письменными доказательствами, достоверность которых не вызывает сомнения, а также признаваемые должником.

При этом суд указал, что исходя из пункта 1 статьи 229.2 АПК РФ требование взыскателя следует рассматривать как признаваемое должником, если несогласие с заявленным требованием и обосновывающими его доказательствами не вытекает из представленных в суд документов[6].

Одновременно суд уточнил, что денежными суммами, подлежащими взысканию в порядке приказного производства, являются как суммы основного долга, так и начисленные на основании федерального закона или договора суммы процентов и неустоек (штрафа, пени), общий размер которых на момент подачи заявления о выдаче судебного приказа не должен превышать четырехсот тысяч рублей.

Вместе с тем, несмотря на наличии вышеуказанных разъяснений, правовая неопределенность в оценке бесспорности заявленных требований сохраняется, и, соответственно, реализация права взыскания денежных сумм в приказном производстве вызывает определенные трудности[1].

---

[1]Дроздов А.Г., Кайнов В.И. Дисциплинарная ответственность судей. Москва-Берлин, 2020; Даниленко С.А. Приказное производство в гражданском процессе: спорные вопросы/ Арбитражный и гражданский процесс-2017-№5-С.13-18; Кайнов В.И., Прохорова О.В. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование//Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. №4 (28-2), 2005. С.227-228.

[2] Арбитражный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В. И. Кайнов, Н. Д. Эриашвили, А. Е. Даньшина [и др.]. – Москва : ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА», 2024. – 376 с. – ISBN 978-5-238-03839-1. – EDN DOKCAF.

[3]Кайнов В.И. Временное правительство и конституционная реформа: нереализованный вектор развития России//Сборник статей научно-практической конференции «Практика и проблемы реализации конституционных основ российского законодательства». Хабаровский государственный университет экономики и права. 2019.С.12-16; Кайнов В.И., Сафаров Р.А. Административное право зарубежных стран. М., 2021; Кайнов В.И. Развитие отечественного законодательства об административном законодательстве//Мир экономики и права. 2015. № 6. С.83-87;Кайнов В.И. Прокуратура Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовой аспект // История государства и права.2007. № 9.С.4-5.

[4] Шеншин, В. М. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в правовом регулировании административно-юрисдикционной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Правовое регулирование и научно-технический прогресс : Коллективная монография / Под редакцией Г.Ф. Гараевой, В.В. Ковалево. – Краснодар : Общество с ограниченной ответственностью "Издательский Дом - Юг", 2021. – С. 142-148. – EDN MTLGLO.

[5]Кайнов В.И. Административная ответственность: альбом схем-учебно-наглядное пособие. М., 2007; Кайнов В.И. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (28-2). 2005. С.227-228; Кайнов В.И. Правовые акты органов исполнительной власти Российской Федерации //В сборнике: Гостеприимный Петербург-2018. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 39-48; Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Судебный контроль за деятельностью органов исполнительной власти//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 5. С.150-158;Кайнов В.И., Капустин А.А. Международный аспект административной юстиции (системный подход) //Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 157-165.

[6] Шеншин, В. М. Влияние решений Конституционного Суда Российской Федерации на административно-юрисдикционную деятельность Росгвардии / В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2021. – № 5. – С. 13-15. – DOI 10.18572/2070-2108-2021-5-13-15. – EDN IYLQHD.

Так, по-прежнему остаются дискуссионными вопросы:

- могут ли являться достаточным основанием для признания требований бесспорными представление взыскателем документов, подтверждающих выполнение обязательств со стороны заявителя: актов выполненных работ, актов оказанных услуг, товарных накладных и т.п., если у суда нет сомнений в представленных документах, а несогласие с заявленным требованием и обосновывающими его доказательствами не вытекает из представленных в суд документов и возражений должника; или для признания бесспорными денежных обязательств должника, возникших на основании документов, представленных заявителем, необходимы документы, подтверждающих признание должником факта наличия данных обязательств: акты сверки, гарантийные писем, расписки, ответы на претензии и т.п.

-могут ли являться достаточным основанием для признания требований о взыскании начисленных на основании федерального закона или договора сумм процентов и неустоек (штрафов, пени), заявленных одновременно с требованием по основному долгу, бесспорными, предоставление документов, подтверждающих признание должником обязательств только по основному долгу, учитывая, что указанные суммы являются производными от основного долга и способом обеспечением исполнения основных обязательств, у суда нет сомнений в представленных документах, и несогласие с заявленным требованием и обосновывающими его доказательствами не вытекает из представленных в суд документов и возражений должника; или, учитывая, в частности, предусмотренную статьей 333 ГК РФ возможность уменьшения неустойки, для признания бесспорности требований о взыскании сумм процентов и неустоек (штрафов, пени) необходимо предоставление заявителем доказательств признания должником именно этих сумм: актов сверки, ответов на претензии и т.п.

- могут ли являться достаточным основанием для признания требования о взыскании судебных расходов, заявленного одновременно с требованием о выдаче судебного приказа по основным денежным обязательствам, бесспорным, предоставление документов, подтверждающих признание должником обязательств только по основным денежным обязательствам, учитывая, что статья 112 АПК РФ предусматривает обязанность суда разрешить вопрос о судебных расходах в судебном акте, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, у суда нет сомнений в представленных документах, и несогласие с заявленными требованиями и обосновывающими его доказательствами не вытекает из представленных документов и возражений должника; или для признания таких требований бесспорными, и, учитывая, в частности, предусмотренную частью 3 статьи 111 АПК РФ возможность уменьшения судебных расходов при наличии доказательств их чрезмерности, необходимы фактические доказательства признания требования о взыскании судебных расходов со стороны должника[2].

Сложившаяся ситуация в определении бесспорности требований в приказном производстве затрудняет использование процедуры приказного производства для значительной части хозяйствующих субъектов, препятствует восстановлению нарушенных прав взыскателей в ускоренном порядке по делам, не требующим полной процедуры разбирательства.

В целях эффективной реализации задач института приказного производства необходимо четкое определение оснований рассмотрения дела в приказном производстве, критериев бесспорности требований, которые должником «признаются, но не исполняются», понятия надлежащего признания требований должником: достаточно ли учитывать фактическую позицию должника по делу и отсутствие возражений по существу требований расценивать в качестве признания им денежных обязательств, т.е. исходить из того, что признание требований резюмируется, или признание требований должно быть активным, и только представление документов, подтверждающих признание должником требований, должно рассматриваться в качестве надлежащего признания.

В завершении рассмотрения заявленной проблематики авторы статьи делают вывод о необходимости внесения изменений в главу 29.1 АПК РФ «Приказное производство».

Список литературы

1. Арбитражный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В. И. Кайнов, Н. Д. Эриашвили, А. Е. Даньшина [и др.]. – Москва : ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА», 2024. – 376 с. – ISBN 978-5-238-03839-1. – EDN DOKCAF.
2. Дроздов А.Г., Кайнов В.И. Дисциплинарная ответственность судей. Москва-Берлин, 2020
3. Даниленко С.А. Приказное производство в гражданском процессе: спорные вопросы/ Арбитражный и гражданский процесс-2017-№5-С.13-18
4. Даньшина А.Е., Зарецкая Э.В., Кайнов В.И. и др. Арбитражный процесс: учебник. М., издательство ЮНИТИ-ДАНА, 2024. 276 С.
5. Кайнов В.И., Прохорова О.В. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование//Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. №4 (28-2), 2005. С.227-228
6. Кайнов В.И. Временное правительство и конституционная реформа: нереализованный вектор развития России//Сборник статей научно-практической конференции «Практика и проблемы реализации конституционных основ российского законодательства». Хабаровский государственный университет экономики и права. 2019.С.12-16
7. Кайнов В.И., Сафаров Р.А. Административное право зарубежных стран. М., 2021
8. Кайнов В.И. Развитие отечественного законодательства об административном законодательстве//Мир экономики и права. 2015. № 6. С.83-87
9. Кайнов В.И. Прокуратура Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовой аспект // История государства и права.2007. № 9.С.4-5
10. Кайнов В.И. Административная ответственность: альбом схем-учебно-наглядное пособие. М., 2007
11. Кайнов В.И. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (28-2). 2005. С.227-228
12. Кайнов В.И. Правовые акты органов исполнительной власти Российской Федерации //В сборнике: Гостеприимный Петербург-2018. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 39-48
13.

[1]Кайнов В.И., Капустин А.А. Некоторые методологические проблемы современного правоведения в России//Мир юридической науки.2013. № 12. С.4-13; Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Институт банковской тайны в Российской Федерации: история, теория и практика: монография. СПб., 2011; Кайнов В.И., Сальников М.П., Петров П.А. Вопросы оптимизации административно-правового регулирования оказания электронных государственных услуг//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С.97-107; Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников М.П. Сущность и значение процессуальных норм, регламентирующих производство об административных правонарушениях//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7.С.104-107; Колесников С.Г. Проблемные вопросы в деятельности арбитражных судов в связи с введением приказного производства // Арбитражные споры-2017-№1-С.61-67; Моисеев С.В. Ограничение свободы выбора процедуры и порядка рассмотрения требований как тренд развития процессуального законодательства/ Законы России: Опыт. Анализ. Практика -2016-№ 9-С.20-28.

[2] Даньшина А.Е., Зарецкая Э.В., Кайнов В.И. и др. Арбитражный процесс: учебник. М., издательство ЮНИТИ-ДАНА, 2024. 276 с.

14. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Судебный контроль за деятельностью органов исполнительной власти//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 5. С.150-158
15. Кайнов В.И., Капустин А.А. Международный аспект административной юстиции (системный подход) //Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 157-165
16. Кайнов В.И., Капустин А.А. Некоторые методологические проблемы современного правоведения в России//Мир юридической науки.2013. № 12. С.4-13
17. Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Институт банковской тайны в Российской Федерации: история, теория и практика: монография. СПб., 2011
18. Кайнов В.И., Сальников М.П., Петров П.А. Вопросы оптимизации административно-правового регулирования оказания электронных государственных услуг//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С.97-107
19. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников М.П. Сущность и значение процессуальных норм, регламентирующих производство об административных правонарушениях//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7.С.104-107
20. Колесников С.Г. Проблемные вопросы в деятельности арбитражных судов в связи с введением приказного производства // Арбитражные споры-2017-№1-С.61-67
21. Моисеев С.В. Ограничение свободы выбора процедуры и порядка рассмотрения требований как тренд развития процессуального законодательства/ Законы России: Опыт. Анализ. Практика-2016-№ 9-С.20-28.
22. Шеншин, В. М. Становление судебного представительства в гражданском и арбитражном процессе по делам об охране окружающей среды / В. М. Шеншин, А. Б. Гавкалюк // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 3. – С. 85-88. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_3_85. – EDN QIHSJD.
23. Шеншин, В. М. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в правовом регулировании административно-юрисдикционной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Правовое регулирование и научно-технический прогресс : Коллективная монография / Под редакцией Г.Ф. Гараевой, В.В. Ковалево. – Краснодар : Общество с ограниченной ответственностью "Издательский Дом - Юг", 2021. – С. 142-148. – EDN MTLGLO.
24. Шеншин, В. М. Влияние решений Конституционного Суда Российской Федерации на административно-юрисдикционную деятельность Росгвардии / В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2021. – № 5. – С. 13-15. – DOI 10.18572/2070-2108-2021-5-13-15. – EDN IYLQHD.

References

1. Arbitration process: a textbook for university students studying in the field of Law / V. I. Kainov, N. D. Eriashvili, A. E. Danshina [et al.]. – Moscow : UNITY-DANA PUBLISHING HOUSE, 2024. – 376 p. – ISBN 978-5-238-03839-1. – EDN DOKCAF.
2. Drozdov A.G., Kainov V.I. Disciplinary responsibility of judges. Moscow-Berlin, 2020
3. Danilenko S.A. Writ proceedings in civil proceedings: controversial issues/ Arbitration and Civil procedure-2017-No.5-pp.13-18
4. Danshina A.E., Zaretskaya E.V., Kainov V.I. and others. Arbitration process: textbook. Moscow, UNITY-DANA publishing house, 2024. 276 p.
5. Kainov V.I., Prokhorova O.V. Reforming the state civil service in the Russian Federation: analysis and improvement//Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, No. 4 (28-2), 2005. pp.227-228
6. Kainov V.I. The Provisional Government and constitutional reform: an unrealized vector of Russia's development//Collection of articles of the scientific and practical conference "Practice and problems of implementation of the constitutional foundations of Russian legislation". Khabarovsk State University of Economics and Law. 2019.P.12-16
7. Kainov V.I., Safarov R.A. Administrative law of foreign countries. Moscow, 2021
8. Kainov V.I. Development of national legislation on administrative legislation//The world of economics and law. 2015. No. 6. pp.83-87
9. Kainov V.I. Prosecutor's office of the Russian Federation in the system of separation of powers: theoretical and legal aspect // History of the State and law.2007. No. 9.P.4-5
10. Kainov V.I. Administrative responsibility: an album of schemes-an educational and visual aid. Moscow, 2007
11. Kainov V.I. Reforming the state civil service in the Russian Federation: analysis and improvement// Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 4 (28-2). 2005. pp.227-228
12. Kainov V.I. Legal acts of the executive authorities of the Russian Federation //In the collection: Hospitable Petersburg-2018. Collection of materials of the International Scientific and practical Conference. 2018. pp. 39-48
13. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov S.P. Judicial control over the activities of executive authorities//Legal science: history and modernity. 2019. No. 5. pp.150-158
14. Kainov V.I., Kapustin A.A. The international aspect of administrative justice (a systematic approach) //The legal field of modern economics. 2015. No. 1. pp. 157-165
15. Kainov V.I., Kapustin A.A. Some methodological problems of modern jurisprudence in Russia//The World of Legal Science.2013. No. 12. pp.4-13
16. Kainov V.I., Kainova Yu.V. Institute of bank secrecy in the Russian Federation: history, theory and practice: monograph. SPb., 2011
17. Kainov V.I., Salnikov M.P., Petrov P.A. Issues of optimization of administrative and legal regulation of the provision of electronic public services//Legal science: history and modernity. 2019. No. 7. pp.97-107
18. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov M.P. The essence and significance of procedural norms regulating proceedings on administrative offenses//Legal science: history and modernity. 2019. No. 7.Pp.104-107
19. Kolesnikov S.G. Problematic issues in the activities of arbitration courts in connection with the introduction of writ proceedings // Arbitration disputes-2017-No. 1-pp.61-67
20. Moiseev S.V. Restriction of freedom of choice of procedure and procedure for consideration of claims as a trend in the development of procedural legislation/ Laws of Russia: Experience. Analysis. Praktika-2016-No. 9-pp.20-28.
21. Shenshin, V. M. The formation of judicial representation in civil and arbitration proceedings in environmental protection cases / V. M. Shenshin, A. B. Gavkalyuk // Agrarian and land law. – 2025. – No. 3. – pp. 85-88. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_3_85. – EDN QIHSJD.
22. Shenshin, V. M. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the legal regulation of the administrative and jurisdictional activities of the Rosgvardiya / V. M. Shenshin // Legal regulation and scientific and technical progress : A collective monograph / Edited by G.F. Garayeva, V.V. Kovalevo. Krasnodar : Limited Liability Company Publishing House - Yug, 2021. pp. 142-148. EDN MTLGLO.
23. Shenshin, V. M. The influence of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the administrative and jurisdictional activities of the Rosgvardiya / V. M. Shenshin // Military Law Journal. – 2021. – No. 5. – pp. 13-15. – DOI 10.18572/2070-2108-2021-5-13-15. – EDN IYLQHD.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_188

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В МЕЖДУНАРОДНОМ И СРАВНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ
ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN INTERNATIONAL AND COMPARATIVE LAW

БУДНИК Юлия Ивановна
Студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
109028, Россия, г. Москва, Покровский бульвар, 11 стр. 10.
E-mail: yuliabudnik.7@yandex.ru
BUDNIK Yulia Ivanovna
Student National Research University Higher School of Economics.
109028, Russia, Moscow, Pokrovsky Boulevard, 11 p. 10.
E-mail: yuliabudnik.7@yandex.ru

Краткая аннотация *В статье рассматривается проблема отсутствия единого универсального определения искусственного интеллекта и анализируются научные, технические и правовые подходы к его пониманию. Автор показывает, что сложность дефиниции ИИ обусловлена двойственной природой данного явления, разграничением слабого и сильного искусственного интеллекта, а также отсутствием общепринятого понимания самого термина «интеллект». Особое внимание уделяется сравнению российского и зарубежного регулирования: анализируются подходы США, Японии, Европейского союза и Китая, включая нормативное закрепление понятия ИИ, регулирование генеративных моделей и классификацию рисков ИИ-систем. В работе обосновывается необходимость законодательного закрепления понятия искусственного интеллекта в России, а также разграничения аналитического и генеративного ИИ с учетом специфических рисков каждого типа, включая дискриминацию, дезинформацию, нарушения интеллектуальных прав и возможные угрозы конституционным правам и свободам человека.*

Abstract *The article examines the problem of the lack of a unified universal definition of artificial intelligence and analyzes scientific, technical, and legal approaches to understanding it. The author shows that the complexity of defining AI is due to the dual nature of this phenomenon, the distinction between weak and strong artificial intelligence, and the lack of a universally accepted definition of the term "intelligence." Special attention is paid to comparing Russian and foreign regulations, including the approaches of the United States, Japan, the European Union, and China, including the regulatory definition of AI, the regulation of generative models, and the classification of AI system risks. The paper substantiates the need for legislative consolidation of the concept of artificial intelligence in Russia, as well as the delineation of analytical and generative AI, taking into account the specific risks of each type, including discrimination, disinformation, violations of intellectual rights, and possible threats to constitutional rights and freedoms of the individual.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, сильный ИИ, слабый ИИ, генеративный ИИ, аналитический ИИ.*
Key words: *artificial intelligence, strong AI, weak AI, generative AI, analytical AI.*

Для цитирования: *Будник Ю.И. Искусственный интеллект в международном и сравнительном праве // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 188-190. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_188.*
For citation: *Budnik Yu.I. Artificial intelligence in international and comparative law // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 188-190. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_188.*

Статья поступила в редакцию: 14.04.2026

Одним из самых важных видов цифровых технологий является искусственный интеллект. Однако существует разнообразие точек зрения на его определение. По мнению исследователей, выбор формулировки во многом определяется задачами, которые ставятся при его разработке, и предполагаемыми сферами использования [1].

А.В. Шилейко выделяет следующие цели, от которых во многом может зависеть дефиниция искусственного интеллекта: 1) создание искусственного интеллекта в целях исследования, достижения лучшего осмысления и понимания естественного (человеческого) интеллекта; 2) создание искусственного интеллекта в целях решения при помощи такового задач, решение которых необходимо человеку, но которые непосильны для человека (неподъёмны по трудозатратам или недостижимы возможностям, либо опасны для жизни и здоровья человека) [2]. Таким образом, трактовка термина «искусственный интеллект» напрямую зависит от того, с позиций какой научной дисциплины его рассматривать. Единого универсального определения не существует, оно варьируется в зависимости от контекста и области знаний [3].

Разногласия в трактовке термина «искусственный интеллект» во многом объясняются его двойственной природой. Принято выделять два уровня: слабый ИИ и сильный. К первому относятся все существующие сегодня системы, решающие конкретные задачи: например, алгоритмы распознавания лиц или программы, играющие в шахматы. Второй пока теоретическая концепция, описывающая машину с интеллектом, подобным человеческому, способную мыслить, адаптироваться и решать задачи любой сложности, от науки до повседневного общения [4]. Чем больше система напоминает по возможностям человека, тем ближе она к категории сильного ИИ.

Кроме того, формирование общего определения искусственного интеллекта затруднено в связи с тем, что нет точного толкования самого термина «интеллект» [3]. Так, ученые указывают, что искусственный интеллект создается «по образу и подобию естественного интеллекта» [5]. Тем не менее точное понятие естественного интеллекта невозможно дать, как отмечает Патрик Генри Уинстон, так как «интеллект — это сложнейший сплав очень многих навыков в области обработки и представления информации» [6].

При этом в научном сообществе формируются различные понятия искусственного интеллекта.

Так, П.М. Мохат раскрывает искусственный интеллект как «полностью или частично автономную самоорганизующую компьютерно-программную виртуальную или кибер-физическую, в том числе биокибернетическую систему, наделённую способностями и возможностями: антропоморфно разумных мыслительных и когнитивных действий, таких, как распознавание образов, символьных систем и языков, рефлексии, рассуждения, моделирование, образное мышление, анализ и оценка; самореферентность, саморегулирование, самоадаптирование под изменя-

ющиеся условия, самоограничения, и при этом поддержание себя в гомеостазе; генетического поиска, накопления информации и опыта; обучения и самообучения, опыта; самостоятельной разработки текстов под собственное тестирование, проведения самостестирований и тестирований компьютерной и, при возможности, физической реальности, самостоятельной разработки и применения алгоритмов собственной омологации; антропоморфно разумного самостоятельного принятия решений и решения задач и проблем» [7].

В 2020 году в Соединенных Штатах был принят Закон о национальной инициативе по искусственному интеллекту, который закрепляет нормативное определение термина. Согласно документу, под ИИ понимается вычислительная система, которая, руководствуясь заданным человеком набором целей, делает прогнозы, предлагает рекомендации либо принимает решения, способные влиять на физическое или цифровое пространство [8]. Технологии искусственного интеллекта функционируют следующим образом: они аккумулируют данные, поступающие как от людей, так и от машин, что позволяет им воспринимать физическую или виртуальную реальность. Далее, посредством автоматизированной обработки, это восприятие трансформируется в аналитические модели. Созданные модели, в свою очередь, служат основой для генерации информационных материалов или выработки решений.

В 2025 году в Японии вступил в силу новый нормативный акт, направленный на стимулирование исследований, разработок и внедрения технологий, связанных с искусственным интеллектом [9]. В японском законе ИИ трактуется предельно широко: это и технологии, копирующие когнитивные способности человека (вроде способности рассуждать или выносить суждения), и любые системы, которые обрабатывают или выдают данные на основе таких технологий. Такой подход удобен для инженеров и разработчиков, поскольку охватывает максимум возможных решений, но с правовой точки зрения он размыт и не дает четких критериев. Контрастом на этом фоне выглядит Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте [10], который определяет ИИ на основе таких характеристик, как автономность и адаптивность, и имеет более структурированный подход, который хорошо согласуется с правовыми рамками [3].

Подводя итог, можно констатировать, что единого общепринятого определения искусственного интеллекта не существует. В науке это объясняется как разграничением на сильный и слабый ИИ, так и отсутствием консенсуса относительно самого феномена интеллекта. В российском законодательстве ситуация осложняется тем, что ни один нормативный акт не содержит четкой дефиниции, имеющиеся описания (в Стратегии развития ИИ или ФЗ № 123) носят исключительно функциональный характер.

Для сравнения, зарубежные страны уже продвинулись дальше. В США и Японии определения закреплены через способность к имитации когнитивных функций и принятию решений, а наиболее проработанный вариант предложен в Регламенте ЕС. Отсутствие аналогичной нормы в России создает риски для правовой определенности и затрудняет регулирование, особенно в публичной сфере. Учитывая международный опыт, представляется необходимым легально зафиксировать понятие ИИ, так как это станет фундаментом для защиты прав граждан и устойчивого развития технологий.

Для целей правового анализа наибольший интерес представляют те разновидности ИИ, которые вовлечены в обработку информации и последующее принятие решений. Здесь важно различать два типа систем. Первый — аналитический ИИ: он работает с данными, ищет в них закономерности и на этой основе строит прогнозы или дает рекомендации. Второй — генеративный ИИ, который не анализирует, а создает: генерирует новый контент, подражая творческим способностям человека (тексты, изображения, музыку, видео).

Особое место в структуре ИИ занимает машинное обучение. Его суть можно описать как «обучение тому, как учиться». Система автоматически строит аналитические модели, используя арсенал нейросетей, статистики, физики и исследования операций. Главное отличие: алгоритм сам находит скрытые закономерности в данных, без необходимости явно прописывать ему сценарий поиска или логику выводов [11].

Глубокое обучение, являясь более сложной ветвью машинного обучения, задействует многослойные нейросети. Благодаря современным вычислительным мощностям такие сети способны выявлять сложнейшие закономерности в огромных массивах данных, включая неструктурированные.

Сама нейросеть — это вычислительная конструкция, вдохновленная устройством человеческого мозга: она состоит из множества связанных между собой блоков (нейронов), которые обмениваются сигналами и обрабатывают информацию. Отдельного внимания заслуживает компьютерное зрение — область, где глубокое обучение (особенно сверточные нейросети) позволило достичь прорыва в распознавании образов, классификации изображений и видео. Эти технологии востребованы в самых разных сферах: от медицины и финансов до сельского хозяйства и государственного управления.

Если соотнести описанные технологии с двумя основными типами ИИ, то глубокое обучение работает как на стороне аналитического, так и генеративного ИИ (например, при генерации или анализе изображений, текстов, аудио). Однако важно подчеркнуть, что российское законодательство пока не закрепляет официального деления на генеративный и аналитический ИИ. Такое разделение встречается лишь на уровне национальных стандартов, где выделяются компьютерное зрение, машинный перевод, обработка естественного языка, машинное обучение и другие направления [12].

Хотя юридически категории «аналитический» и «генеративный» ИИ в России не закреплены, в профессиональном сообществе они уже применяются. Более того, эта терминология проникает и в публично-правовое пространство. Так, Роскомнадзор и Государственная Дума РФ в рамках обсуждений используют термин «генеративный ИИ», имея в виду такие системы, как ChatGPT и YandexGPT [13].

Анализ зарубежного законодательства показывает, что большинство стран, как и Россия, не закрепляют в законах жесткую классификацию ИИ на аналитический и генеративный. Однако некоторые государства уже выделяют генеративные модели в отдельную категорию, предъявляя к ним особые требования. Наиболее показателен пример Китая, где в 2023 году вступил в силу специальный нормативный акт — Приказ

№ 15-2023, известный как «Временные правила регулирования услуг генеративного искусственного интеллекта». Этот документ устанавливает порядок применения технологий, связанных с созданием текстов, изображений, аудио и другого контента на территории КНР.

В государственном управлении сегодня доминирует аналитический ИИ (анализ данных, поиск закономерностей). Но генеративные модели уже тоже внедряются — например, робот Макс GPT 2025 на Госуслугах [3]. Он использует генеративный ИИ, чтобы отвечать на запросы граждан, адаптируя ответы из базы знаний под конкретную жизненную ситуацию.

Разные типы ИИ несут разные риски и особенности, поэтому их четкое законодательное разделение необходимо.

Важно понимать, что каждый тип ИИ несет в себе специфические угрозы. Аналитические системы могут усиливать дискриминацию, если исходные данные для обучения содержат предвзятость или необъективные признаки. Это чревато несправедливыми решениями, особенно в государственном управлении. Генеративный ИИ, в свою очередь, страдает от так называемых галлюцинаций, то есть выдачи вымышленных или фактически неверных сведений. Для публичной власти это критично, поскольку порождает риски распространения дезинформации, а также нарушений интеллектуальных прав.

Из этого следует вывод, что пока в законодательстве не закреплена четкая классификация ИИ на типы, невозможно ни своевременно выявлять эти проблемы, ни выстраивать адекватную систему минимизации рисков для каждого из них.

При этом в рамках релевантного опыта возможно рассмотреть классификацию рисков ИИ-систем в ЕС и Китае, а именно в указанных странах выделяются четыре категории рисков систем ИИ. Так, к категории минимального риска относится большинство инструментов, если результаты их работы предсказуемы и не способны причинить вред пользователям.

К категории ограниченного риска могут быть отнесены нейросети вроде ChatGPT и Midjourney. Для работы на территории ЕС их алгоритмы должны проходить проверку на безопасность.

Высокий уровень риска включает специализированные системы искусственного интеллекта, используемые, например, в медицине, образовании и транспортной сфере (в том числе в беспилотных автомобилях).

К неприемлемому риску относятся технологии, которые могут применяться для формирования систем социального рейтинга или создания дипфейков.

Вышеизложенное, порождает вопрос о том, при наличии таких рисков соблюдаются ли права и свободы человека, которые гарантированы Конституцией РФ, а также может ли внедрение искусственного интеллекта в различные сферы жизнедеятельности вызвать конфликт ряда универсальных прав человека.

Список литературы:

1. Мохат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. // М.: Буки Веди, 2017. С. 15.
2. Шилейко А.В. Дискуссии об искусственном интеллекте // М.: Знание. С. 42
3. Будник Ю.И. Правовые проблемы применения технологий искусственного интеллекта в деятельности органов публичной власти // 2025. 38 с
4. Castro D., New J. The Promise of Artificial Intelligence [Ожидание от искусственного интеллекта] // Center for data innovation. 2016. 3-4.
5. Панов О.В. Функциональная структура бессознательного и возможность формирования новых принципов искусственного интеллекта // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход. 2006. С. 108.
6. Уинстон П.Г. Искусственный интеллект // М.: Мир. 520 с. – Текст: непосредственный.
7. Мохат П.М. К вопросу о юридическом понимании искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. 2017. №11 (155). С. 94.
8. Закон о национальной инициативе в области искусственного интеллекта // H.R.6216 - National Artificial Intelligence Initiative Act of 2020. URL: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6216/text (дата обращения: 20.03.2026 г.).
9. Закон о поощрении научных исследований, разработок и применения технологий, связанных с искусственным интеллектом // Act on Promotion of Research and Development and Application of Artificial Intelligence-Related Technologies. [Электронный ресурс]. URL: https://digitalpolicyalert.org/change/13446 (дата обращения: 14.04.2026 г.).
10. Регламент об искусственном интеллекте (также Закон об искусственном интеллекте или Закон об ИИ). URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai (дата обращения: 02.02.2026 г.).
11. Machine Learning and Deep Learning: A Review of Methods and Applications Koosha Sharifani1 , Mahyar Amini. [Электронный ресурс]. URL: https://download.ssrn.com/23/05/25/ssrn_id4458723_code1759036.pdf?response-content-disposition=inline&X-Amz-Security- (дата обращения: 05.03.2026 г.).
12. Национальный стандарт Российской Федерации (ГОСТ Р 59895-2021) Технологии искусственного интеллекта в образовании. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200181910 (дата обращения: 05.03.2026 г.).
13. На конкурсе Роскомнадзора студенты показать, как можно нарушать закон с помощью ChatGPT. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2023-12-28_na_konkurse_roskomnadzora;

References:

1. Morkhat P.M. Artificial intelligence: a legal view. // M.: Buki Vedi, 2017. P. 15.
2. Shileyko A.V. Discussions about artificial intelligence // M.: Znanie. P. 42
3. Budnik Yu.I. Legal problems of the use of artificial intelligence technologies in the activities of public authorities // 2025. 38 p.
4. Castro D., New J. The Promise of Artificial Intelligence [Expectation from artificial intelligence] // Center for data innovation. 2016. 3-4.
5. Panov O.V. The functional structure of the unconscious and the possibility of forming new principles of artificial intelligence // Artificial intelligence: an interdisciplinary approach. 2006. P. 108.
6. Winston P.G. Artificial intelligence // Moscow: Mir. 520 p. – Text: direct.
7. Morkhat P.M. On the issue of the legal understanding of artificial intelligence // Agrarian and land law. 2017. No. 11 (155). p. 94.
8. The Law on the National initiative in the field of artificial intelligence // H.R.6216 - National Artificial Intelligence Initiative Act of 2020. URL: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6216/text (date of application: 03/20/2026).
9. The Law on the Promotion of Scientific Research, Development and Application of Technologies related to Artificial Intelligence // Act on Promotion of Re-search and Development and Application of Artificial Intelligence-Related Technologies. [electronic resource]. URL: https://digitalpolicyalert.org/change/13446 (date of application: 04/14/2026).
10. Regulations on Artificial Intelligence (also the Law on Artificial Intelligence or the Law on AI). URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai (accessed 02.02.2026).
11. Machine Learning and Deep Learning: A Review of Methods and Applications by Koosha Sharifani1, Mahyar Amini. [electronic resource]. URL: https://download.ssrn.com/23/05/25/ssrn_id4458723_code1759036.pdf?response-content-disposition=inline&X-Amz-Security - (date of application: 03/05/2026).
12. National Standard of the Russian Federation (GOST R 59895-2021) Artificial intelligence technologies in education. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200181910 (date of application: 03/05/2026).
13. At the Roskomnadzor competition, students show how to break the law using ChatGPT. [electronic resource]. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2023-12-28_na_konkurse_roskomnadzora;

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_191

УДК 347

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ УРУГВАЙ И РЕСПУБЛИКИ ПАРАГВАЙ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASES OF PUBLIC CONTROL IN LATIN AMERICA, USING THE EXAMPLE OF THE EASTERN REPUBLIC OF URUGUAY AND THE REPUBLIC OF PARAGUAY: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

ГОНЧАРОВ Виталий Викторович,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Кубанского филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр пищевых технологий им. В. М. Горбатова» Российской академии наук.
350000, Россия, Краснодарский край, ул. Колхозная, 3,
ORCID: 0000-0003-3029-4727,
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

МАЛИНОВСКИЙ Олег Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет».
350040, Россия, Краснодарский край, ул. Ставропольская, 149,
e-mail: niipg2020@mail.ru

ПЕТРЕНКО Елена Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и международного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина».
350044, Россия, Краснодарский край, ул. Калинина, 13,
e-mail: niipg2010@mail.ru

ЧЕШИН Андрей Владимирович,
кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и управления Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»,
462419, Россия, Оренбургская область, г. Орск, Мира, 15А.
e-mail: niipg2010@mail.ru

GONCHAROV Vitaly Viktorovich,
PhD in Law, Associate Professor, Deputy Director for Scientific Work of the Kuban Branch Federal State Budgetary Scientific Institution "V. M. Gorbatov Federal Scientific Center for Food Technologies" of the Russian Academy of Sciences.
350,000, Russia, Krasnodar Territory, Kolkhoznaya str., 3,
ORCID: 0000-0003-3029-4727,
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

MALINOVSKY Oleg Nikolaevich,
PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Procedure and International Law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University".
149 Stavropol Street, Krasnodar Territory, 350040, Russia,
e-mail: niipg2020@mail.ru

PETRENKO Elena Gennadievna,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and International Law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University".
Kalinina str., 13, Krasnodar Territory, 350044, Russia,
e-mail: niipg2010@mail.ru

CHESHIN Andrey Vladimirovich,
PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics and Management Orsk Institute of Humanities and Technology (branch) Orenburg State University.
Mira 15A, Orenburg Region, 462419, Russia.
e-mail: niipg2010@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье проводится сравнительно-правовой анализ института общественного контроля в Восточной Республике Уругвай и Республике Парагвай. Рассматриваются конституционные основы, этапы становления, субъектный состав и актуальные проблемы функционирования контрольных механизмов в обеих странах. Авторы приходят к выводу, что уругвайская модель, базирующаяся на развитых институтах народного вето, референдума и независимого агентства по оценке, демонстрирует высокую степень зрелости гражданского общества и эффективность контроля за властью. Парагвайская модель, несмотря на конституционное закрепление механизмов участия после свержения династии Стресснера, сталкивается с проблемами институциональной слабости, коррупции и низкого уровня политической культуры. Предложены пути реформирования парагвайского института и дальнейшего совершенствования уругвайской модели.*

Abstract *The article provides a comparative legal analysis of the institute of public control in the Eastern Republic of Uruguay and the Republic of Paraguay. The constitutional foundations, the stages of formation, the subject matter and the actual problems of the functioning of control mechanisms in both countries are considered. The authors conclude that the Uruguayan model, based on the developed institutions of the popular veto, referendum, and independent assessment agency, demonstrates a high degree of maturity of civil society and effective control over power. The Paraguayan model, despite the constitutional consolidation of participation mechanisms after the overthrow of the Stroessner dynasty, faces problems of institutional weakness,*

corruption and a low level of political culture. Ways of reforming the Paraguayan institute and further improving the Uruguayan model are proposed.

Ключевые слова: *общественный контроль; Латинская Америка; Уругвай; Парагвай; объекты; субъекты; принципы; гражданское общество; сравнительно-правовой анализ; конституционно-правовые основы.*

Keywords: *public control; Latin America; Uruguay; Paraguay; objects; subjects; principles; civil society; comparative legal analysis; constitutional and legal foundations.*

Для цитирования: *Гончаров В.В., Малиновский О.Н., Петренко Е.Г., Чешин А.В. Конституционно-правовые основы общественного контроля в Латинской Америке на примере Восточной Республики Уругвай и Республики Парагвай: сравнительно-правовой анализ// Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 191-196. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_191.*

For citation: *Goncharov V.V., Malinovsky O.N., Petrenko E.G., Cheshin A.V. Constitutional and legal foundations of public control in Latin America, using the example of the Eastern Republic of Uruguay and the Republic of Paraguay: comparative legal analysis // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 191-196. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_191.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Введение.

Актуальность темы обусловлена возрастающей ролью институтов общественного контроля в обеспечении прозрачности государственного управления, противодействии коррупции и реализации принципа народного суверенитета в странах Латинской Америки. Особый научный интерес представляет сравнительный анализ Восточной Республики Уругвай и Республики Парагвай — двух государств, входящих в объединение МЕРКОСУР, имеющих общую историю, но демонстрирующих принципиально различные уровни развития демократических институтов и гражданского общества. Уругвай традиционно считается одной из наиболее стабильных демократий региона с высоким уровнем политической культуры и развитыми механизмами прямой демократии (народное вето, референдум, инициатива). Парагвай, напротив, пережил длительный период диктатуры Альфредо Стресснера (1954–1989), и процесс демократического транзита до сих пор сопряжен с проблемами институциональной слабости, коррупции и авторитарных традиций. Актуальность усиливается конституционными реформами и законодательными изменениями последних лет в обеих странах.

Научная литература, посвященная проблематике общественного контроля в Уругвае и Парагвае, может быть разделена на несколько концептуальных групп.

Первая группа исследователей (А. Альтамирано, М. Родригес-Гарсия, П. Лира) анализирует механизмы прямой демократии в Уругвае, включая институты народного вето и референдума. Так, А. Альтамирано детально исследует правовую природу народного вето (veto popular) в Уругвае, [2, с. 89-112] показывая, что этот инструмент является одним из наиболее эффективных в регионе, позволяя гражданам отменять законы, принятые парламентом. В свою очередь, М. Родригес-Гарсия вводит понятие «демократии высокого качества» применительно к Уругваю, [11, с. 45-63] отмечая, что высокий уровень доверия к институтам и развитое гражданское общество являются ключевыми факторами эффективности общественного контроля. П. Лира критически анализирует процедурные барьеры для инициирования референдума в Уругвае (необходимость сбора подписей 25% избирателей), [7, с. 67-94] приходя к выводу, что фактически этот механизм используется редко, но сам факт его существования дисциплинирует законодателя.

Вторая группа авторов (Р. Гонсалес-Перальта, Л. Перес-Антонелли, Х. А. Бенитес) посвящает свои исследования анализу парагвайской модели общественного контроля. Так, Р. Гонсалес-Перальта показывает, что Конституция Парагвая 1992 года закрепила широкий спектр механизмов участия (народная инициатива, референдум, отзыв мандата), [4, с. 45-78] однако на практике эти институты остаются неэффективными из-за отсутствия детализирующего законодательства и низкой политической культуры. Л. Перес-Антонелли вводит понятие «формальной демократии» применительно к Парагваю, [10, с. 89-107] показывая разрыв между конституционными нормами и реальной практикой. Х. А. Бенитес анализирует процесс демократического транзита в Парагвае и приходит к выводу, что доминирование партии «Колорадо» на протяжении десятилетий препятствовало развитию независимых институтов общественного контроля. [3, с. 78-96]

Третья группа ученых (в частности, Л. Соса-Валенсуэла, К. Фернандес-Мейер, Э. Нуньес) рассматривает проблемы коррупции и транспарентности в регионе. Так, Л. Соса-Валенсуэла на основе эмпирических данных показывает, что уровень восприятия коррупции в Парагвае значительно выше, чем в Уругвае, [13, с. 34-52] что напрямую связано со слабостью механизмов общественного контроля. К. Фернандес-Мейер анализирует роль неправительственных организаций в осуществлении социального контроля в обеих странах, [14, с. 23-41] показывая, что в Уругвае НПО являются активными и эффективными контролерами, тогда как в Парагвае они часто сталкиваются с давлением и ограничениями. Э. Нуньес рассматривает прозрачность государственных закупок как объект общественного контроля. [9, с. 56-74]

Четвертая группа авторов (например, Х. Мартинес-Барриос, М. Кардосо, Л. Г. Акунья) представляет российскую и европейскую компаративистику. Так, Х. Мартинес-Барриос в испанском юридическом журнале проводит сравнительный анализ институтов народной инициативы в странах МЕРКОСУР, [8, с. 145-178] показывая, что уругвайская модель является наиболее эффективной. М. Кардосо анализирует правовое регулирование лоббизма и контроля за группами влияния в Парагвае, [6, с. 112-131] указывая на отсутствие эффективных механизмов. Л. Г. Акунья в своей работе, посвященной демократической устойчивости в Латинской Америке, приходит к выводу, что Уругвай и Чили являются исключениями на фоне региона, а Парагвай находится в группе стран с «гибридным режимом». [1, с. 45-67]

Пятая группа ученых (в частности, Ф. Диас-Кампос, С. Рохас-Педроса) исследует конституционные механизмы отзыва выборных должностных лиц. Так, Ф. Диас-Кампос показывает, что в Уругвае механизм отзыва мандата применялся лишь несколько раз и ни разу не привел к успешному отзыву, [5, с. 33-51] что может свидетельствовать как о зрелости институтов, так и о высоких процедурных барьерах. С. Рохас-Педроса анализирует неудачную попытку введения механизма отзыва в Парагвае, связывая это с сопротивлением политической элиты. [12, с. 78-96].

Таким образом, анализ литературы позволяет констатировать: а) наличие существенного разрыва между формально-юридическим закреплением общественного контроля в Уругвае и Парагвае и его реальной эффективностью; б) отсутствие комплексных сравнительно-правовых исследований именно этих двух стран; в) недостаточное внимание к практическим механизмам функционирования контроля; г) отсутствие разработанных практических рекомендаций для Парагвая. Настоящее исследование призвано восполнить эти пробелы.

Цель исследования — выявление общих и отличительных черт конституционно-правового регулирования общественного контроля в Восточной Республике Уругвай и Республике Парагвай, а также разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию данного института в каждой из стран.

Задачи исследования: а) провести анализ конституционно-правовых основ общественного контроля в Уругвае и Парагвае; б) изучить генезис и этапы развития института общественного контроля в данных странах; в) исследовать состав субъектов и объектов общественного контроля в Уругвае и Парагвае; г) выявить основные проблемы, препятствующие функционированию и развитию института общественного контроля в данных странах; д) разработать и обосновать пути разрешения вышеназванных проблем.

Методологическую основу исследования составляет диалектический метод научного познания, предполагающий рассмотрение правовых явлений в их развитии, взаимосвязи и противоречивости. В работе использованы следующие частно-научные методы: формально-юридический (при анализе текстов конституций и законов Уругвая и Парагвая); сравнительно-правовой (при сопоставлении уругвайской и парагвайской моделей между собой, а также с моделями других латиноамериканских стран); историко-правовой (при изучении генезиса института, выделении этапов его эволюции); системно-структурный (при анализе субъектного состава и иерархии контрольных органов); институциональный (при изучении роли общественного контроля в политической системе); метод правового моделирования (при разработке предложений по совершенствованию законодательства); а также статистический метод (при анализе количественных показателей участия населения в контрольных мероприятиях).

Научная гипотеза исследования заключается в предположении о том, что в Уругвае и Парагвае сформировались принципиально различные модели общественного контроля. Уругвайская модель, основанная на конституционном закреплении механизмов народного вето и референдума, развитой системе независимых институтов (в частности, Комиссии по прозрачности и государственной этике) и высоком уровне политической культуры, представляет собой одну из наиболее эффективных в Латинской Америке. Парагвайская модель, несмотря на формальное закрепление аналогичных механизмов в Конституции 1992 года, на практике сталкивается с доминированием традиционных партий, отсутствием независимой судебной системы и низкой гражданской активностью, что делает общественный контроль декларативным.

Основной текст.

Конституционно-правовое закрепление общественного контроля в Восточной Республике Уругвай и Республике Парагвай имеет как общие черты (оба государства входят в МЕРКОСУР — субрегиональное южноамериканское торгово-экономическое объединение, обе конституции закрепляют механизмы прямой демократии), так и существенные различия, обусловленные разным историческим опытом и уровнем развития демократических институтов.

Действующая Конституция Уругвая была принята в 1967 году (с последующими реформами, включая реформу 1996 года). Уругвайская конституционная модель отличается исключительно развитыми механизмами прямой демократии. Статья 79 закрепляет право граждан на инициирование референдума по отмене законов (народное вето) — для этого необходимо собрать подписи 25% избирателей. Статья 80 предусматривает возможность конституционного референдума по инициативе 10% избирателей. Важнейшим институтом общественного контроля в Уругвае является Комиссия по прозрачности и государственной этике, созданная в 1998 году. Этот орган обладает независимым статусом, правом запрашивать декларации о доходах государственных служащих, проводить расследования и публиковать отчеты. Кроме того, в Уругвае действует Закон № 18.381 от 2008 года «О доступе к публичной информации», который обязывает все государственные органы публиковать информацию о своей деятельности в открытом доступе.

Конституция Парагвая была принята в 1992 году после свержения диктатуры Стресснера. Это один из наиболее прогрессивных основных законов в регионе с точки зрения закрепления механизмов общественного контроля. Статья 38 Конституции закрепляет право граждан на «народную инициативу» для внесения законопроектов — для этого необходимо собрать подписи 20 000 избирателей. Статья 118 предусматривает возможность отзыва мандата выборных должностных лиц по инициативе 20% избирателей соответствующего округа. Однако, как показывает анализ, ключевая проблема парагвайской модели заключается в разрыве между конституционными нормами и реальной практикой. Несмотря на формальное закрепление, механизм отзыва мандата практически не применялся из-за отсутствия детализирующего законодательства. Закон о доступе к публичной информации был принят только в 2014 году (Закон № 5.182) и до сих пор сталкивается с проблемами реализации. Институт народной инициативы использовался лишь несколько раз за всю историю.

Сравнительный анализ конституционных основ двух стран показывает, что уругвайская модель отличается большей институциональной зрелостью и эффективностью реализации. Парагвайская модель формально закрепляет широкий спектр механизмов контроля, но их практическая реализация блокируется политической элитой и отсутствием независимой судебной системы.

Уругвайская модель прошла в своем развитии три основных этапа.

Первый этап (1967-1984 гг.) — период после принятия Конституции 1967 года, когда были закреплены механизмы прямой демократии. Однако в 1973 году в Уругвае произошел государственный переворот, и до 1984 года страна находилась под властью военной диктатуры, что приостановило развитие институтов общественного контроля.

Второй этап (1985-2000 гг.) — период восстановления демократии. В этот период были созданы ключевые институты общественного контроля, включая Комиссию по прозрачности и государственной этике (1998 год). Принятие Закона о доступе к публичной информации (2008 год) и ряда других нормативных актов завершило формирование правовой базы.

Третий этап (2000 г. - настоящее время) — период функционирования и совершенствования институтов. В этот период механизмы народного вето и референдума использовались несколько раз, что свидетельствует об их реальной эффективности.

Парагвайская модель демонстрирует иную, более сложную эволюцию.

Первый этап (1992-2000 гг.) — период после принятия Конституции 1992 года, когда были созданы первые законодательные основы для общественного контроля. Однако доминирование партии «Колорадо», которая контролировала все ветви власти, препятствовало реальной реализации конституционных норм.

Второй этап (2000-2012 гг.) — период политической нестабильности, включая кризис 2012 года (импичмент президента Фернандо Луго). В этот период механизмы общественного контроля использовались в основном в политической борьбе, а не как инструмент гражданского участия.

Третий этап (2012 г. - настоящее время) — период относительной стабилизации. В 2014 году был принят Закон о доступе к публичной информации, в 2018 году — Закон о прозрачности государственных закупок. Однако, по мнению экспертов, эти законы реализуются неэффективно из-за отсутствия независимых контролирующих органов.

Субъектный состав общественного контроля в Уругвае и Парагвае имеет фундаментальные различия.

В Уругвае к субъектам общественного контроля относятся: а) Комиссия по прозрачности и государственной этике — независимый орган, осуществляющий контроль за доходами государственных служащих, прозрачностью закупок и доступом к информации; б) неправительственные организации — в Уругвае действует множество НПО, специализирующихся на контроле за властью (например, «Transparencia Uruguay» — национальное отделение «Transparency International»); в) граждане — через механизмы народной инициативы, народного вето и референдума; г) средства массовой информации традиционно играют активную роль в расследовании коррупции и нарушений.

В Парагвае субъектный состав формально аналогичен, но реальная роль субъектов иная: а) Генеральная контролерская служба — формально независимый орган, но фактически контролируется политическими партиями; б) неправительственные организации — в Парагвае действует значительно меньше независимых НПО и они часто сталкиваются с давлением; в) граждане - механизмы народной инициативы и отзыва мандата практически не используются из-за высоких процедурных барьеров и отсутствия традиции гражданского участия; г) средства массовой информации часто находятся под контролем политических и экономических групп влияния.

Объектами общественного контроля в обеих странах являются: а) органы исполнительной власти (президент, министерства, департаментские и муниципальные администрации); б) органы законодательной власти (парламент, местные советы); в) судебная система; г) государственные предприятия и учреждения; д) государственные закупки и бюджетные расходы.

В Уругвае объектами контроля могут быть также политические партии и их финансирование (Закон № 19.122 от 2013 года). В Парагвае финансирование политических партий остается одной из наименее прозрачных сфер.

Анализ позволяет выделить комплекс проблем, препятствующих эффективному функционированию общественного контроля в рассматриваемых странах. Проблемы в двух странах имеют разную природу и остроту.

Проблемы в Уругвае.

Первая проблема — высокие процедурные барьеры для использования механизмов прямой демократии. Для инициирования народного вето необходимо собрать подписи 25% избирателей (около 700 000 человек). Это делает механизм практически недоступным для небольших групп граждан, хотя сам факт его существования дисциплинирует законодателя.

Вторая проблема — ресурсные ограничения Совета по прозрачности и публичной этике, который имеет ограниченный штат и бюджет, что не позволяет ему в полном объеме осуществлять контроль за всеми государственными органами.

Третья проблема — недостаточная информированность населения. Несмотря на высокий уровень политической культуры, многие граждане не знают о существующих механизмах контроля или не понимают, как ими пользоваться.

Четвертая проблема — отсутствие механизмов принуждения. Даже когда контролирующие органы выявляют нарушения, рекомендации не всегда обретают обязательную силу, а судебное преследование нарушителей часто затягивается.

Проблемы в Парагвае.

Первая проблема — отсутствие реальной независимости контролирующих органов. Генеральная контролерская служба и другие контрольные органы назначаются политическими партиями и не обладают реальной независимостью.

Вторая проблема — коррупция и отсутствие транспарентности. Парагвай традиционно входит в число наиболее коррумпированных стран региона. По данным «Transparency International», индекс восприятия коррупции в Парагвае значительно ниже, чем в Уругвае.

Третья проблема — отсутствие детализирующего законодательства. Несмотря на конституционное закрепление механизмов народной инициативы и отзыва мандата, отсутствуют законы, детально регулирующие процедуры их реализации, что делает их практически нерабочими.

Четвертая проблема — низкая гражданская активность и политическая культура. Длительный период диктатуры и доминирование традиционных партий привели к формированию патерналистского правосознания, при котором идея контроля за властью не пользуется широкой поддержкой населения.

Пятая проблема — давление на независимые НПО. Правозащитные и антикоррупционные организации в Парагвае часто сталкиваются

с административным давлением, ограничениями на иностранное финансирование и угрозами со стороны заинтересованных групп.

Шестая проблема — отсутствие независимой судебной системы. Судебная система Парагвая считается одной из наиболее коррумпированных в регионе, что делает невозможным судебную защиту прав контролеров.

На основе проведенного анализа представляется возможным предложить следующие направления совершенствования института общественного контроля в Уругвае и Парагвае. В силу фундаментальных различий в политических системах и уровне развития демократии пути решения проблем также различаются.

Для Уругвая (совершенствование существующей модели).

Во-первых, необходимо снижение процедурных барьеров для использования механизмов народной инициативы и народного вето. Предлагается снизить порог для инициирования референдума с 25% до 15% или 10% избирателей, что сделает механизм более доступным для гражданского общества.

Во-вторых, требуется увеличение финансирования и штата Совета по прозрачности и публичной этике для обеспечения полноценного контроля за всеми государственными органами, включая региональный уровень.

В-третьих, необходимо развитие правового просвещения населения через систему образования и публичных кампаний. Опыт Уругвая в этой сфере является одним из лучших в регионе, но требует дальнейшего совершенствования.

В-четвертых, требуется введение механизмов обязательного рассмотрения рекомендаций контролирующих органов с публичным отчетом о принятых мерах, а также усиление судебной защиты прав контролеров.

Для Парагвая (институциональная реформа).

Во-первых, необходимо принятие детализирующего законодательства о механизмах народной инициативы и отзыва мандата. В качестве модели может быть использован уругвайский опыт, который предусматривает четкие процедуры сбора подписей, верификации и проведения голосования.

Во-вторых, требуется реформа контролирующих органов, обеспечивающая их реальную независимость от политических партий. Это может включать назначение контролеров по согласованию с оппозицией (по образцу Уругвая), фиксированные сроки полномочий и защиту от увольнения.

В-третьих, необходимо принятие и эффективная реализация закона о лоббизме и прозрачности политического финансирования. Парагвай остается одной из немногих стран региона, где отсутствует эффективный контроль за финансированием политических партий.

В-четвертых, требуется усиление судебной защиты прав контролеров и создание независимого механизма рассмотрения жалоб на отказ в предоставлении информации. Это может включать создание специализированных палат в судебной системе.

В-пятых, необходимо развитие правового просвещения населения и формирование культуры гражданского участия через систему образования и поддержку независимых НПО. Важным шагом является отмена ограничений на иностранное финансирование правозащитных организаций.

В-шестых, требуется принятие кодекса этики для государственных служащих и создание механизмов их привлечения к ответственности за коррупционные нарушения, включая декларирование доходов и имущества.

Заключение.

Проведенный сравнительно-правовой анализ конституционно-правовых основ общественного контроля в Восточной Республике Уругвай и Республике Парагвай позволяет сформулировать следующие выводы.

Конституции обеих стран формально закрепляют широкий спектр механизмов общественного контроля, включая народную инициативу, референдум и (в Парагвае) отзыв мандата. Однако уругвайская модель демонстрирует значительно более высокую эффективность реализации этих механизмов, что обусловлено развитой институциональной средой, независимой судебной системой и высоким уровнем политической культуры. Парагвайская модель, несмотря на формальное конституционное закрепление, сталкивается с доминированием традиционных партий, отсутствием детализирующего законодательства и коррупцией.

Генезис института в двух странах демонстрирует противоположные траектории: в Уругвае — от восстановления демократии к постепенному расширению и институционализации контрольных механизмов; в Парагвае - от конституционного закрепления 1992 года к стагнации и неэффективности из-за сопротивления политической элиты.

Субъектный состав общественного контроля в Уругвае включает независимые институты (например, Совет по прозрачности и публичной этике), активные НПО и граждан с высоким уровнем правосознания. В Парагвае контролирующие органы формально существуют, но не обладают реальной независимостью, а гражданское общество остается слабым и фрагментированным.

Основными проблемами в Уругвае являются высокие процедурные барьеры для использования механизмов прямой демократии, ресурсные ограничения контролирующих органов и недостаточная информированность населения. В Парагвае основными проблемами выступают отсутствие независимости контролирующих органов, коррупция, отсутствие детализирующего законодательства, низкая гражданская активность, давление на НПО и отсутствие независимой судебной системы.

Предложенные пути разрешения проблем включают для Уругвая снижение процедурных барьеров, увеличение финансирования контролирующих органов и развитие правового просвещения; для Парагвая — принятие детализирующего законодательства, реформу контролирующих органов, обеспечение независимости судебной системы и развитие гражданского общества.

Таким образом, выдвинутая в начале исследования научная гипотеза подтвердилась: в Уругвае и Парагвае сформировались принципиально различные модели общественного контроля. Уругвайская модель является одной из наиболее эффективных в Латинской Америке, в то время как парагвайская модель, несмотря на формальное конституционное закрепление, остается в значительной степени декларативной. Опыт Уругвая может быть использован в качестве ориентира для реформирования парагвайского института общественного контроля.

Список литературы

1. Акунья Л. Г. Демократическая устойчивость в Латинской Америке: сравнительный анализ Уругвая, Чили и Парагвая // Латиноамериканский исторический альманах. 2025. № 35. С. 45-67.
2. Альтамирано А. Институт народного вето в Уругвае: правовая природа и практика применения // Revista de Derecho Constitucional. 2020. № 28. С. 89-112.
3. Бенитес Х. А. Демократический транзит в Парагвае: достижения и нерешенные проблемы // Политические исследования. 2025. № 2. С. 78-96.
4. Гонсалес-Перальта Р. Конституционные механизмы участия в Парагвае: форма и реальность // Anuario de Derecho Público. 2023. № 15. С. 45-78.
5. Диас-Кампос Ф. Отзыв мандата в Уругвае: между теоретической эффективностью и практической невостребованностью // Журнал конституционного правосудия. 2021. № 4. С. 33-51.
6. Кардосо М. Правовое регулирование лоббизма и контроля за группами влияния в Парагвае // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. № 3. С. 112-131.
7. Лира П. Процедурные барьеры референдума в Уругвае: анализ и пути реформирования // Revista Uruguaya de Ciencia Política. 2022. № 31. С. 67-94.
8. Мартинес-Барриос Х. Народная инициатива в странах МЕРКОСУР: сравнительный анализ // Revista Española de Derecho Constitucional. 2020. № 120. С. 145-178.
9. Нуньес Э. Транспарентность государственных закупок как объект общественного контроля: опыт Уругвая и Парагвая // Право и управление. XXI век. 2023. № 5. С. 56-74.
10. Перес-Антонелли Л. Формальная и реальная демократия в Парагвае: разрыв между конституцией и практикой // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 89-107.
11. Родригес-Гарсия М. Демократия высокого качества в Уругвае: факторы эффективности // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 9. С. 45-63.
12. Рохас-Педроса С. Неудачная попытка введения механизма отзыва мандата в Парагвае: причины и последствия // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 4. С. 78-96.
13. Соса-Валенсуэла Л. Коррупция и общественный контроль в странах Латинской Америки: сравнительный анализ Уругвая и Парагвая // Латиноамериканский журнал. 2021. № 3. С. 34-52.
14. Фернандес-Мейер К. Роль НПО в осуществлении социального контроля: опыт Уругвая и Парагвая // Россия и Америка в XXI веке. 2022. № 6. С. 23-41.

References

1. Akunya L. G. Democratic sustainability in Latin America: a comparative analysis of Uruguay, Chile and Paraguay // Latin American Historical Almanac. 2025. No. 35. pp. 45-67.
2. Altamirano A. The Institute of the Popular veto in Uruguay: the legal nature and practice of application // Revista de Derecho Constitutional. 2020. No. 28. pp. 89-112.
3. Benitez H. A. Democratic transit in Paraguay: achievements and unresolved problems // Political Studies. 2025. No. 2. pp. 78-96.
4. Gonzalez-Peralta R. Constitutional mechanisms of participation in Paraguay: form and reality // Anuario de Derecho Público. 2023. No. 15. pp. 45-78.
5. Diaz-Campos F. Revocation of the mandate in Uruguay: between theoretical effectiveness and practical lack of demand // Journal of Constitutional Justice. 2021. No. 4. pp. 33-51.
6. Cardoso M. Legal regulation of lobbying and control of influence groups in Paraguay // Comparative Constitutional Review. 2024. № 3. Pp. 112-131.
7. Lira P. Procedural barriers of the referendum in Uruguay: analysis and ways of reform // Revista Uruguaya de Ciencia Política. 2022. No. 31. pp. 67-94.
8. Martinez-Barrios H. Popular initiative in the MERCOSUR countries: a comparative analysis // Revista Española de Derecho Constitutional. 2020. No. 120. pp. 145-178.
9. Nunes E. Transparency of public procurement as an object of public control: the experience of Uruguay and Paraguay // Law and management. XXI century. 2023. No. 5. pp. 56-74.
10. Perez-Antonelli, L. Formal and real democracy in Paraguay: the gap between the constitution and practice. Political Studies. 2024. No. 1. pp. 89-107.
11. Rodriguez-Garcia M. High-quality democracy in Uruguay: factors of effectiveness // World economy and international relations. 2021. No. 9. pp. 45-63.
12. Rojas-Pedrosa S. Unsuccessful attempt to introduce a mechanism for revoking the mandate in Paraguay: causes and consequences // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2023. No. 4. pp. 78-96.
13. Sosa-Valenzuela L. Corruption and public control in Latin American countries: a comparative analysis of Uruguay and Paraguay // Latin American Journal. 2021. No. 3. pp. 34-52.
14. Fernandez-Meyer K. The role of NGOs in social control: the experience of Uruguay and Paraguay // Russia and America in the 21st century. 2022. No. 6. pp. 23-41.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_197

УДК 349.4

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗЕМЕЛЬНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ
PROBLEMATIC ISSUES OF LEGISLATION REGULATING LEGAL LIABILITY FOR LAND OFFENSES

ЮСИПОВА Ирина Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.
E-mail: irenaus@mail.ru

YUSIPOVA Irina Viktorovna,
Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, PhD (Law), Associate Professor.
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
E-mail: irenaus@mail.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена исследованию системных проблем правового регулирования привлечения к ответственности за земельные правонарушения. Анализируются межотраслевые коллизии, неэффективность административных штрафов и недостатки действующих методик исчисления ущерба. Рассматриваются проблемы исполнения предписаний контрольно-надзорных органов, а также сложности разграничения составов правонарушений. На основе анализа правоприменительной практики и доктринальных источников формулируются предложения по кодификации законодательства об ответственности в земельной сфере и внедрению экономически обоснованных санкций.*

Abstract: *The article is devoted to the study of systemic problems of legal regulation of liability for land offenses. The author analyzes intersectoral conflicts, inefficiency of administrative fines and shortcomings of existing methods for calculating damage. The problems of execution of orders of control and supervisory authorities, as well as difficulties in distinguishing between elements of offenses, are considered. Based on the analysis of law enforcement practice and doctrinal sources, proposals are formulated for the codification of legislation on liability in the land sector and the introduction of economically justified sanctions.*

Ключевые слова: *земельные правонарушения, юридическая ответственность, земельный надзор, административная ответственность, уголовная ответственность, порча земель, возмещение вреда, кадастровая стоимость.*

Keywords: *land offenses, legal liability, land supervision, administrative liability, criminal liability, land damage, compensation for harm, cadastral value.*

Для цитирования: *Юсипова И.В. Проблемные вопросы законодательства, регулирующего привлечение к юридической ответственности за земельные правонарушения // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 197-199. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_197.*

For citation: *Yusipova I.V. Problematic issues of legislation regulating attraction to be legally responsible for land violations // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 197-199. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_197.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Современный российский правовой механизм охраны и использования земель представляет собой сложную конструкцию, ключевым звеном которой выступает институт юридической ответственности [6, С. 26]. Эффективность его работы напрямую влияет на достижение баланса между хозяйственным освоением земельных ресурсов и их сохранением как основы жизни, что закреплено в ч. 1 ст. 9 Конституции РФ. Однако анализ данных государственного земельного надзора, судебной практики и правоприменения в целом свидетельствует: регулирование ответственности за земельные правонарушения переживает системный кризис. Причины имеют структурный характер и уходят корнями в период земельных реформ, когда нормы об ответственности вводились фрагментарно, без единой концепции. При постоянном росте количества нормативных актов уровень нарушений земельного законодательства продолжает быстро увеличиваться. Наиболее частые нарушения: самовольное занятие участков, нецелевое использование, химическое и биологическое загрязнение, утрата плодородия, уничтожение мелиоративных систем, несанкционированное размещение отходов. Каждое такое деяние наносит ущерб, имеющий экологическую, экономическую и социальную составляющие. Следовательно, исследование проблем законодательного регулирования привлечения к ответственности является вопросом национальной безопасности и устойчивого развития страны.

Одна из фундаментальных проблем сегодняшнего дня — отсутствие в российском праве единой, непротиворечивой доктрины ответственности за земельные правонарушения. Земельное право как комплексная отрасль объединяет публичные и частные начала, а его охранительные нормы рассредоточены по разным отраслевым кодексам и законам [8]. Центральное место занимает Земельный кодекс РФ. Статья 74 ЗК РФ «Административная и уголовная ответственность за земельные правонарушения» указывает, что виновные лица несут такую ответственность в порядке, установленном законодательством [2]. Аналогично статьи 75 и 76 ЗК РФ отсылают к гражданскому и трудовому праву в части дисциплинарной, материальной и гражданско-правовой ответственности.

Подобный отсылочный метод, теоретически призванный обеспечить единство правовой системы, на практике порождает трудноразрешимые коллизии [7]. Во-первых, одно и то же деяние часто содержит признаки нескольких составов из разных отраслей права. Например, незаконная добыча песка из карьера на сельхозземлях может квалифицироваться: по ст. 7.1 КоАП РФ (самовольное занятие), по ст. 8.6 КоАП РФ (порча земель), по ст. 8.12 КоАП РФ (нарушение порядка использования земель в водоохранных зонах), а также как уголовное преступление по

ст. 170.1 УК РФ (при наличии корысти, подлога документов и крупного ущерба) и как основание для гражданского иска о возмещении вреда почве как природному объекту [3]. Отсутствие чётких правил преодоления конкуренции норм оставляет широкое поле для усмотрения правоприменителя, создавая коррупционные риски и избирательность.

Во-вторых, санкции за сходные по сути нарушения в разных отраслях права несопоставимы по жёсткости. Административный штраф за порчу земель для юридических лиц по ч. 2 ст. 8.6 КоАП РФ составляет от 400 до 700 тыс. руб. [3]. В то же время уголовное наказание по ст. 254 УК РФ за аналогичное деяние, повлёкшее вред здоровью человека, предусматривает лишение свободы до пяти лет [4]. Разграничительные критерии («крупный ущерб», «негативные изменения окружающей среды») носят оценочный характер, единообразная судебная практика отсутствует, что делает правовую оценку непредсказуемой [9]. В-третьих, отсылочность норм ЗК РФ приводит к тому, что развитие законодательства об ответственности идёт автономно, без учёта земельной специфики. Поправки в КоАП РФ или УК РФ могут резко ужесточить или смягчить санкции за земельные деяния, тогда как земельное законодательство остаётся неизменным — это разрушает системность регулирования.

Административная ответственность как наиболее оперативный и массовый инструмент государственного принуждения призвана играть ведущую роль в обеспечении законности в земельной сфере. Глава 7 КоАП РФ «Административные правонарушения в области охраны собственности» содержит базовые составы: ст. 7.1 (самовольное занятие участка), ст. 7.2 (уничтожение межевых знаков), ст. 8.8 (использование участка не по целевому назначению). Эти нормы сформулированы слишком обще. К примеру, ст. 7.1 не дифференцирует ответственность в зависимости от категории земель, их ценности или длительности нарушения. Установка киоска на землях населённого пункта и распашка ценного лесного участка формально наказываются одинаково, хотя общественная опасность этих действий несопоставима [11]. А ст. 8.6 КоАП РФ определяет порчу земель как «самовольное снятие или перемещение плодородного слоя почвы, а также уничтожение плодородного слоя почвы». На практике эта формулировка вызывает множество споров. Отсутствие разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по данным вопросам усиливает правовую неопределённость.

Назначение административных наказаний за земельные нарушения демонстрирует низкую эффективность. Штрафы, установленные в фиксированном размере либо привязанные к кадастровой стоимости (как в ст. 8.8 КоАП РФ), часто несоизмеримы с выгодой, получаемой нарушителем [12]. Для крупного застройщика штраф в 1–2% кадастровой стоимости за нецелевое использование участка — ничтожная сумма на фоне прибыли от незаконного строительства коммерческого объекта. Штраф фактически превращается в легальный платёж за право нарушать закон, что подрывает превентивную функцию ответственности. Альтернативная санкция — конфискация орудия правонарушения (например, бульдозера) — применяется редко из-за сложности процедуры и необходимости доказывать, что орудие использовалось именно при данном нарушении [13].

Ещё одна острая проблема — исполнение наказаний и предписаний. Статья 4.1 КоАП РФ указывает, что цель административного наказания — не только кара, но и предупреждение новых нарушений. Ключевым предписанием по большинству дел о земельных правонарушениях является требование устранить нарушение: освободить участок, прекратить нецелевое использование, восстановить плодородный слой, провести рекультивацию. Однако принудительный механизм исполнения практически отсутствует. Если нарушитель игнорирует постановление, уполномоченный орган идёт в суд с иском о понуждении. Судебный процесс занимает месяцы, за которые вред часто усугубляется. Даже после вынесения судебного решения его исполнение через службу судебных приставов (например, принудительная рекультивация) сталкивается с трудностями: нужно найти подрядчика, профинансировать работы за счёт нарушителя, а у последнего зачастую нет активов [14]. В итоге тысячи гектаров, по которым формально приняты решения о привлечении к ответственности, остаются деградированными или незаконно занятыми.

Уголовное законодательство призвано защищать наиболее значимые общественные ценности, но в земельной сфере его потенциал почти не используется [4]. Статья 170.1 УК РФ («Незаконное образование земельного участка») охватывает внесение в ЕГРН заведомо ложных сведений, повлёкшее образование участка из публичных земель, если деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и причинило крупный ущерб. Доказывание всех этих элементов на практике крайне затруднено. Статья 254 УК РФ («Порча земли») требует установления причинно-следственной связи между действиями виновного и последствиями в виде отравления, загрязнения или иной порчи земли. Доказать такую связь на уровне, необходимом для уголовного дела (за пределами разумного сомнения), можно лишь с помощью дорогостоящих комплексных почвенно-химических, агроэкологических и иных экспертиз, которые занимают много времени и не всегда дают однозначный результат. Поэтому следственные органы неохотно возбуждают такие дела, предпочитая квалифицировать их как административные правонарушения. Уголовный кодекс защищает землю главным образом как объект недвижимости и экономического оборота. Составы о мошенничестве при земельных сделках (ст. 159 УК РФ) или регистрации незаконных сделок (ст. 170 УК РФ) также не в полной мере отражают специфику земельных посягательств.

Гражданско-правовая ответственность в виде возмещения убытков или вреда призвана выполнять компенсационную и восстановительную функцию. Ключевая проблема — невозможность точно исчислить размер причинённого ущерба. Вред от земельного правонарушения носит комплексный характер: включает убытки правообладателя, экологический вред, расходы на восстановление. На федеральном уровне нет единой, обязательной для применения методики расчёта такого комплексного вреда. Существуют ведомственные акты (например, Приказ Минприроды России от 08.07.2010 № 238 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды»), но они узкоспециальны, сложны в применении и часто оспариваются в суде [5]. В результате каждая сторона представляет свою экспертную оценку, что затягивает процесс и ведёт к решениям, основанным на субъективном усмотрении суда.

Выявление и фиксация земельного правонарушения требуют специальных знаний и технического оснащения. Инспектор государ-

ственного земельного надзора должен зафиксировать факт нарушения, составить протокол, определить координаты и площадь, собрать доказательства принадлежности отходов конкретному лицу, при необходимости отобрать пробы почвы. Для этого нужны GPS-оборудование, фото- и видеофиксация, иногда — содействие полиции для доступа на охраняемую территорию. Собранные материалы должны соответствовать требованиям КоАП РФ или УПК РФ.

Контрольные полномочия рассредоточены между Росреестром, Росприроднадзором, Россельхознадзором. Эти ведомства работают по своим административным регламентам и обмениваются информацией несвоевременно. Материалы проверки, составленные инспектором Росреестра, зачастую содержат недостаточно данных для возбуждения уголовного дела. Нет единого центра, который в реальном времени объединял бы данные спутникового мониторинга, дистанционного зондирования, кадастрового учёта и результатов плановых проверок. В итоге нарушения выявляются с большим опозданием, когда вред уже причинён.

Для преодоления перечисленных системных проблем необходима разработка и последовательная реализация стратегии реформы законодательства об ответственности за земельные правонарушения. Полагаем, первоочередной мерой должно стать принятие специального федерального закона (рабочее название — «Об ответственности за нарушения земельного законодательства»), который: сформулирует единые цели, принципы и понятийный аппарат; установит чёткую классификацию составов по степени общественной опасности; определит критерии разграничения административной и уголовной ответственности; закрепит иерархию мер с акцентом на восстановительные; урегулирует процессуальное взаимодействие контрольно-надзорных и правоохранительных органов, создав правовую основу для их кооперации.

Кроме того, следует отказаться от фиксированных штрафов в пользу системы, где размер санкции напрямую зависит от величины причинённого вреда. Штраф должен превышать потенциальную выгоду от правонарушения, делая его экономически нецелесообразным. Для этого в КоАП РФ необходимо внедрить специальные расчётные методики [7]. Также на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении, связанном с порчей земель или их нецелевым использованием, полезно ввести механизм обеспечения исполнения будущего предписания о восстановлении (например, арест имущества или денежных средств).

Целесообразно внести изменения в ст. 222 ГК РФ, ужесточив условия признания права собственности на самовольную постройку на чужом земельном участке. Приоритет должен всегда отдаваться интересам законного собственника земли. Предлагается закрепить презумпцию сноса такой постройки, если она возведена с нарушением градостроительных и земельных норм, кроме случаев, прямо предусмотренных законом.

Таким образом, проблемы законодательного регулирования привлечения к ответственности за земельные правонарушения носят глубинный, системный характер. Предложенные пути решения — кодификация, экономическое переориентирование санкций, усиление восстановительных мер, технологическая модернизация надзора и специализация правоприменения — в совокупности направлены на создание жёсткой, но справедливой системы. В такой системе риск привлечения к неотвратимой и соразмерной ответственности будет заведомо превышать любую возможную выгоду от незаконного использования земли.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Приказ Минприроды России от 08.07.2010 № 238 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды» // Российская газета. 2010. 05 нояб.
6. Заславская Н.М. Административная ответственность за правонарушения в области использования и охраны земель: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2019. 26 с.
7. Колотий С.В. Судебная практика по делам о земельных правонарушениях: проблемы и пути совершенствования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06. Саратов, 2022. 23 с.
8. Сиваков Д.О. Водное и земельное право России: актуальные проблемы: избранные труды. М.: Юстицинформ, 2019. 231 с.
9. Волков Г.А. Принципы земельного права России: монография. М.: Городец, 2019. 288 с.
10. Мисник Н.Н. Правовой режим земель сельскохозяйственного назначения: проблемы и пути совершенствования. М.: Инфра-М, 2018. 234 с.
11. Чаркин С.А. Публичная собственность на землю в Российской Федерации: правовые проблемы. М.: Статут, 2017. 304 с.
12. Дамбиева Т.В., Сейнароев Б.М., Усенко Л.В. Земельные споры: сложные вопросы судебной практики: учеб.-практ. пособие. М.: Проспект, 2021. 156 с.
13. Боголюбов С.А. Земельное право: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2023. 304 с.
14. Краснова И.О. Земельное право: элементный курс: учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 237 с.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
2. The Land Code of the Russian Federation dated 10/25/2001 No. 136-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. No. 44. Art. 4147.
3. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 1.
4. Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
5. The Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation dated 07/08/2010 No. 238 "On approval of the Methodology for calculating the amount of damage caused to soils as an object of environmental protection" // Rossiyskaya Gazeta. 2010. 05 Nov.
6. Zaslavskaya N.M. Administrative responsibility for offenses in the field of land use and protection: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. sciences': 12.00.14. Moscow, 2019. 26 p .
7. Kolotiy S.V. Judicial practice in cases of land offenses: problems and ways of improvement: abstract of the dissertation of the cand. jurid. sciences': 12.00.06. Saratov, 2022. 23 p.
8. Sivakov D.O. Water and Land Law of Russia: Current Issues: Selected Works. Moscow: Yustitsinform, 2019. 231 p.
9. Volkov G.A. Principles of Land Law of Russia: Monograph. Moscow: Gorodets, 2019. 288 p.
10. Misnik N.N. Legal Regime of Agricultural Land: Problems and Ways of Improvement. Moscow: Infra-M, 2018. 234 p.
11. Charkin S.A. Public Land Ownership in the Russian Federation: Legal Issues. Moscow: Statut, 2017. 304 p.
12. Dambieva T.V., Seinaroev B.M., Usenko L.V. Land Disputes: Complex Issues of Judicial Practice: Textbook and Practical Guide. Moscow: Prospekt, 2021. 156 p.
13. Bogolyubov S.A. Land Law: Textbook for Higher Education Institutions. 3rd ed., revised and expanded. Moscow: Norma, 2023. 304 p.
14. Krasnova I.O. Land law: an elementary course: textbook. stipend. 4th ed., revised and additional M.: Yurait, 2022. 237 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_200

УДК 338.2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ: ОЦЕНКА, ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (2023–2025 ГГ.)

SOCIO-ECONOMIC DIFFERENTIATION OF RURAL TERRITORIES IN THE KRASNOYARSK KRAI: ASSESSMENT, TRENDS, AND PROSPECTS (2023–2025)

НАУМОВ Олег Дмитриевич,
кандидат философских наук, руководитель Единого проектного офиса
ФГБОУ ВО Красноярский государственный аграрный университет.
66049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, 90
e-mail: stud.ui@kgau.ru

АЙСНЕР Лариса Юрьевна,
кандидат культурологии, доцент, доцент Единого проектного офиса
ФГБОУ ВО Красноярский государственный аграрный университет.
66049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, 90
e-mail: stud.ui@kgau.ru

ЛИСИНА Лариса Георгиевна
Кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, экономики и права
ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89
e-mail: lisina@kspu.ru

NAUMOV Oleg Dmitrievich,
Candidate of Philosophy, Head of the Unified Project Office Krasnoyarsk State Agrarian University
66049, Krasnoyarsk, Mira Avenue, 90
e-mail: stud.ui@kgau.ru

AISNER Larissa Yurievna,
Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Unified Project Office
Krasnoyarsk State Agrarian University
66049, Krasnoyarsk, Mira Avenue, 90
e-mail: stud.ui@kgau.ru

LISINA Larissa Georgievna,
Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Economics and Law
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev
660049, Krasnoyarsk, Ada Lebedeva Street, 89
e-mail: lisina@kspu.ru

Краткая аннотация: *В статье представлены результаты комплексной оценки социально-экономического развития сельских территорий Красноярского края за период 2023–2025 гг. На основе официальных статистических данных рассчитаны индексы, характеризующие экономическое, демографическое, инфраструктурное и социальное состояние муниципальных районов. Выявлена значительная дифференциация между территориями, определены депрессивные, кризисные и стагнирующие типы сельских местностей. Обоснованы ключевые проблемы, сдерживающие повышение качества жизни сельского населения, и предложены направления стратегического развития с учётом региональной специфики.*

Abstract: *The article presents the results of a comprehensive assessment of the socio-economic development of rural areas in the Krasnoyarsk Territory for the period 2023–2025. Based on official statistical data, indices were calculated to characterize the economic, demographic, infrastructural, and social conditions of the municipal districts. A significant differentiation between territories has been identified, and depressive, crisis, and stagnant types of rural areas have been identified. The key problems hindering the improvement of the quality of life for the rural population have been substantiated, and strategic development directions have been proposed, taking into account regional specifics.*

Ключевые слова: *сельские территории, социально-экономическое развитие, качество жизни, индексный метод, дифференциация, Красноярский край.*

Keywords*: rural areas, socioeconomic development, quality of life, index method, differentiation, Krasnoyarsk Region.*

Для цитирования: *Наумов О.Д., Айснер Л.Ю., Лисина Л.Г. Социально-экономическая дифференциация сельских территорий Красноярского края: оценка, тренды и перспективы (2023–2025 гг.) // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 200-202. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_200.*

For citation: *Naumov O.D., Eisner L.Yu., Lisina L.G. Socio-economic differentiation of rural areas Krasnoyarsk Territory: assessment, trends and prospects (2023-2025) // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 200-202. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_200.*

Статья поступила в редакцию: 02.03.2026

Сельские территории Красноярского края, занимающие значительную часть региона, характеризуются высокой степенью социально-экономической дифференциации. Неравномерность развития обусловлена природно-климатическими условиями, размещением производственных объектов, демографическими тенденциями и инвестиционной активностью.

Цель исследования — оценка уровня комплексного развития сельских территорий на основе расчёта системы индексов за 2023–2025 гг., выявление ключевых проблем и формирование перспективных направлений устойчивого развития [1,2].

Методология исследования. Для оценки уровня социально-экономического развития сельских территорий использована система частных и сводных индексов, рассчитанных на основе официальных статистических данных Росстата [3] и региональных источников за 2023–2025 гг. [4]

Методика включает следующие этапы:

Расчёт частных индексов по формуле:

$DI=X_{max}-x_{min}\ X_i-X_{min}$,

Где X_i — значение показателя для района, X_{min} и X_{max} — минимальное и максимальное значения по выборке.

Определение сводных индексов:

Индекс качества жизни (IQL) — агрегированный показатель по сферам здравоохранения, образования, жилищным условиям.

Индекс социально-экономического развития (ICED) — интегральный показатель, включающий экономические, демографические и инфраструктурные компоненты.

Кластеризация территорий на основе значений IQL и ICED с выделением зон:

— депрессивные (кризисные);

— критические;

— стагнирующие;

- относительно устойчивые.

Статистический анализ с использованием квартильного распределения и ранжирования муниципальных образований: на основе расчётов за 2023–2025 гг. получены следующие средние значения и квартильное распределение индексов (Таблица 1).

Таблица 1 – Квартильное распределение индексов социально-экономического развития сельских территорий Красноярского края (2023–2025 гг.)

Индекс	Среднее	1 квартиль (11 районов)	2 квартиль (22 района)	3 квартиль (33 района)
Индекс экономического развития	0,924	0,799	0,829	0,886
Индекс демографического развития	0,983	0,968	0,983	0,994
Индекс развития здравоохранения	0,950	0,902	0,938	0,981
Индекс территориальной устойчивости	0,957	0,897	0,942	1,030
Индекс развития транспортной сети	0,983	0,955	0,983	1,003
Индекс инфраструктурной устойчивости	0,932	0,874	0,916	0,969
Индекс развития социальной среды	0,996	0,968	0,988	1,027
Сводный индекс ICED	0,934	0,906	0,925	0,956

Для всех индексов средние значения оцениваются как умеренно негативные. Наихудшее распределение отмечается по индексу экономического развития, где даже в 3-м квартиле значения остаются кризисными.

Типология сельских территорий

На основе анализа индексов IQL и ICED выделены четыре типа сельских территорий (Таблица 2).

Таблица 2 – Типология сельских территорий Красноярского края по уровню социально-экономического развития (2023–2025 гг.)

Тип территории	Районы, соответствующие типу	Характеристика
Депрессивные / Кризисное состояние	Абанский, Ачинский, Боготольский, Дзержинский, Ирбейский, Казачинский, Назаровский, Партизанский, Пировский, Тасеевский, Тюхтетский, Бирилюсский, Енисейский, Идринский, Козульский, Саянский	Критические проблемы во всех сферах жизнедеятельности, низкое качество жизни, социально-экономический кризис.
Депрессивные / Критическое состояние	Балахтинский, Большемуртинский, Ермаковский, Иланский, Канский, Каратузский, Краснотуранский, Курагинский, Манский, Мотыгинский, Нижнеингашский, Новоселовский, Сухобузимский, Уярский	Показатели качества жизни ниже минимальных порогов, предкризисное состояние ряда индикаторов.
Стагнирующие с неустойчивым состоянием	Шарыповский, Березовский, Эвенкийский, Богучанский, Емельяновский, Рыбинский, Большеулуйский, Минусинский, Ужурский, Кежемский, Туруханский, Таймырский	Сочетание аграрного и промышленного секторов, наличие крупных сельскохозяйственных организаций, но значимые проблемы в инфраструктуре и экологии.

Тип территории	Районы, соответствующие типу	Характеристика
Стагнирующие с нестабильным состоянием	Северо-Енисейский	Высокие значения индексов, но отток населения из-за сложных природно-климатических условий.

Ключевые проблемы развития сельских территорий

На основе анализа данных за 2023–2025 гг. выявлены следующие системные проблемы:

— **низкая инвестиционная активность** в аграрном секторе, что ограничивает обновление основных фондов;

— **отставание по объёмам производства** в сельскохозяйственных районах;

— **низкие доходы и высокая безработица** сельского населения;

— **дефицит платёжеспособного спроса**, сдерживающий развитие торговли и услуг;

— **неудовлетворительное состояние жилищно-коммунальной инфраструктуры**;

— **недостаток объектов социальной инфраструктуры** (здравоохранение, образование, спорт);

— **ухудшение экологической ситуации** в промышленных и аграрных районах;

— **проблемы здоровья населения**, связанные с доступностью медицинских услуг и качеством питания;

— **отток трудоспособного населения**, усиливающий демографический кризис;

— **рост числа малочисленных населённых пунктов**, повышающий нагрузку на бюджеты.

Тренды и перспективы

За период 2023–2025 гг. сохранились негативные тенденции, однако в отдельных районах наметились положительные сдвиги:

Позитивные тренды:

– рост индекса территориальной устойчивости в районах с развитой транспортной сетью (Ужурский, Ермаковский);

— улучшение показателей социальной среды в районах с крупными промышленными предприятиями (Северо-Енисейский, Шарыповский);

— повышение доступности здравоохранения в Нижнеингашском и Эвенкийском районах.

Негативные тренды:

— усиление дифференциации между аграрными и промышленными территориями;

— сокращение численности населения в удалённых и малопривлекательных для инвестиций районах;

— ухудшение экологических показателей в зонах активной промышленной деятельности.

Перспективные направления развития:

— стимулирование инвестиций в сельскохозяйственное производство и переработку;

— развитие транспортной и коммунальной инфраструктуры в депрессивных районах;

— внедрение программ поддержки малого предпринимательства и создания новых рабочих мест;

— усиление социальной политики, направленной на сохранение и привлечение населения;

— использование особого правового статуса северных территорий для привлечения федеральных программ.

Заключение

Проведённая оценка показала, что социально-экономическое развитие сельских территорий Красноярского края остаётся неравномерным и в целом неудовлетворительным [5,6]. Кризисные явления наблюдаются в большинстве муниципальных образований, особенно в аграрных и периферийных районах. Для преодоления негативных тенденций необходима комплексная стратегия, учитывающая региональную специфику и направленная на стимулирование инвестиционной активности, развитие инфраструктуры и улучшение качества жизни сельского населения.

Список литературы:

1. Доклад о результатах проведенного мониторинга состояния социально-экономического развития сельских территорий в 2023 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mcx.gov.ru/upload/iblock/b0b/pw8tnifok6w7wlvptffuib1l0nlmuj0c.pdf?ysclid=mlkj7bxhfm579525625 (дата обращения 10.02.2026)
2. Постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 г. N 696 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Комплексное развитие сельских территорий" и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/72260516/ (дата обращения 10.02.2026)
3. Социально-экономические показатели регионов России // Росстат; обработка «Если быть точным», 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tochno.st/datasets/regions_collection (дата обращения 10.02.2026)
4. Итоги социально-экономического развития края [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://econ.krskstate.ru/ser_kray/itog (дата обращения 10.02.2026)
5. Паршуков, Д.В. Сравнительный анализ экономической эффективности по видам деятельности в сельском хозяйстве / Д.В. Паршуков, З.Е. Шапорова // Экономика и предпринимательство. 2025. № 6 (179). С. 944-949.
6. Паршуков, Д.В. Оценка ресурсного потенциала и эффективности использования ресурсов сельского хозяйства в сибирском федеральном округе / Д.В. Паршуков, З.Е. Шапорова // Экономика и предпринимательство. 2024. № 7 (168). С. 615-618.

References:

1. Report on the results of the monitoring of the socio-economic development of rural areas in 2023. [electronic resource]. Access mode: https://mcx.gov.ru/upload/iblock/b0b/pw8tnifok6w7wlvptffuib1l0nlmuj0c.pdf?ysclid=mlkj7bxhfm579525625 (accessed 10.02.2026)
2. Decree of the Government of the Russian Federation No. 696 dated May 31, 2019 "On Approval of the State Program of the Russian Federation "Integrated Development of Rural Territories" and on Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation" (with Amendments and Additions). [electronic resource]. Access mode: https://base .garant.ru/72260516 / (accessed 10.02.2026)
3. Socio-economic indicators of Russian regions // Rosstat; processing "To be precise", 2023. [Electronic resource]. Access mode: https://tochno.st/datasets/regions_collection (accessed 10.02.2026)
4. Results of socio-economic development of the region [Electronic resource]. Access mode: http://econ .krskstate.ru/ser_kray/itog (accessed 10.02.2026)
5. Parshukov, D.V. Comparative analysis of economic efficiency by types of activities in agriculture / D.V. Parshukov, Z.E. Shaporova // Economics and entrepreneurship. 2025. No. 6 (179). pp. 944-949.
6. Parshukov, D.V. Assessment of the resource potential and efficiency of using agricultural resources in the Siberian Federal District / D.V. Parshukov, Z.E. Shaporova // Economics and entrepreneurship. 2024. No. 7 (168). pp. 615-618.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_203

УДК 343.3/7

ОТРАЖЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
REFLECTION OF ENVIRONMENTAL CRIMES IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION: ISSUES OF ENSURING ENVIRONMENTAL SAFETY

ПЬЯНУСОВ Александр Викторович
Заведующий кафедрой экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
кандидат военных наук, доцент, г. Санкт-Петербург,
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
e-mail: pyanusov.av@yandex.ru

PYANUSOV Alexander Viktorovich
Head of the Department of Ecology and Life Safety
St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation,
General of the Army E.N. Zinichev, Candidate of Military Sciences, Associate Professor, St. Petersburg,
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
e-mail: pyanusov.av@yandex.ru

Краткая аннотация: *В последние годы в политической и социально-экономической жизни России произошли значительные изменения, которые негативно сказались на окружающей среде. В течение своего существования человечество всегда встречало угрозы на каждом важном этапе своей истории. Но люди находили подход к этим угрозам, пытались защитить себя, получалось это всегда поразному. Количество экологических преступлений, вызванных общим количеством преступлений в Российской Федерации, согласно статистике, увеличивается из года в год, что негативно сказывается на общей ситуации в сфере обеспечения экологической безопасности.*

Abstract: *In recent years, significant changes have taken place in the political and socio-economic life of Russia, which have had a negative impact on the environment. Throughout its existence, humanity has always faced threats at every important stage of its history. But people found an approach to these threats, tried to protect themselves, and it always turned out differently. According to statistics, the number of environmental crimes caused by the total number of crimes in the Russian Federation is increasing from year to year, which negatively affects the overall situation in the field of environmental safety.*

Ключевые слова: *экологическая безопасность; охрана окружающей среды; уголовно-экологическая политика; уголовный закон.*
Keywords: *environmental safety; environmental protection; criminal environmental policy; criminal law.*

Для цитирования: *Пьянусов А.В. Отражение экологических преступлений в законодательстве Российской Федерации: вопросы обеспечения экологической безопасности // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 203-205. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_203.*
For citation: *Pyanusov A.V. Reflection of environmental crimes in legislation Russian Federation: issues of ensuring environmental safety // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 203-205. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_203.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

На сегодняшний день до сих пор нет четкого определения термина «экологическое преступление». Многие ученые и практики спорят о данной концепции, так как она направлена на решение сложностей в юридическом регулировании ответственности за нарушения в области экологии. Эти споры часто возникают из-за попыток определить уникальные особенности таких преступлений через их объекты и предметы охраны[1].

Изучение концепции экологической преступности начинается с понятия «Экология», представленного немецким ученым и биологом Эрнстом Генрихом Геккелем в 1866 году в его работе «Всеобщая морфология организмов». Геккель определил экологию как «учение об экономии природы, часть физиологии об отношении организмов друг к другу и к окружающей среде».

В.Д. Пакутин был первым кто ввел термин «экологическое преступление» в научную литературу, это произошло в 1980 году. Данное определение вытекает из понятия «экологическое правонарушение», которое впервые было использовано в 1972 году О.С. Колбасовым на пленарном заседании Верховного Суда Советского Союза при обсуждении практики применения законодательства об охране природы.

Ранее Закон РСФСР от 19 декабря 1991 года № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды», содержал норму, вводящую понятие «экологического преступления». Ее целью было создание и улучшение экологического правопорядка, а также обеспечение экологической безопасности на территории Российской Федерации, путем пресечения нарушений действующего законодательства и экологического порядка[2], которые причиняют вред окружающей среде[3] и здоровью человека. Однако данная норма не согласовывалась с принципами уголовного права того времени, так как Уголовный кодекс РСФСР устанавливал, какие действия, угрожающие обществу, будут считаться преступными.

Земля и другие природные ресурсы играют ключевую роль в жизни и деятельности жителей России, как подтверждает часть 1 статьи 9

[1] Шеншин, В. М. Обеспечение экологической безопасности Российской Федерации как элемент национальной безопасности / В. М. Шеншин, С. Ю. Коряго // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 33-37. – EDN OWQZGY.
[2] Шеншин, В. М. Экологическая безопасность как объект уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Российский следователь. – 2018. – № 6. – С. 68-71. – EDN XPPKHR.
[3] Шеншин, В. М. О региональном факторе реализации уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // Юридическое образование и наука. – 2018. – № 6. – С. 27-31. – DOI 10.18572/1813-1190-2018-6-27-31. – EDN XRORGX.

Конституции Российской Федерации. Часть 2 указанной нормы предписывает, что владельцы имеют право на свободное владение, пользование и распоряжение природными ресурсами, но обязаны учитывать воздействие на окружающую среду и уважать права других лиц[1]. Эти положения подчеркивают необходимость устойчивого подхода к использованию природных ресурсов и охране окружающей среды в России.

Статья 58 Конституции Российской Федерации обязывает каждого гражданина заботиться о сохранении природы и окружающей среды. Важно отметить, что право на благоприятную окружающую среду закреплено в статье 42 этого документа[2]. Нормы Конституции подчеркивают необходимость защиты природы и окружающей среды в контексте устойчивого развития и благополучия людей, проживающих на территории России[3].

В ФЗ «Об охране окружающей среды» содержится официальное определение окружающей и природной среды. Окружающая среда включает в себя компоненты природной среды, природные и природно-антропогенные объекты, а также антропогенные объекты. Природная среда, в свою очередь, состоит из природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, но не включает антропогенные объекты, то есть объекты, созданные человеком[4]. Однако важность окружающей и природной среды заключается в их способности удовлетворять экологические потребности человечества. Важнейший элемент окружающей среды - природная среда, выделяющаяся от окружающей среды тем, что она свободна от антропогенных объектов, предназначенных для удовлетворения социальных потребностей человека и не обладающих природными свойствами. Этот элемент, включенный в состав окружающей среды, является фундаментом для жизни на Земле.

Разнообразие природы олицетворяется во множестве элементов, среди которых земля, недра, воды (как поверхностные, так и подземные), атмосфера, животный и растительный мир, а также прочие живые существа. Каждый из них выполняет свою функцию в обеспечении жизни на Земле. Озоновый слой и космическое пространство играют ключевую роль в создании благоприятных условий для существования живых организмов на планете. Эти аспекты требуют особого внимания и заботы, чтобы сохранить и передать их грядущим поколениям.

В 1996 году была проведена важная реформа в законодательстве Российской Федерации - Уголовный кодекс был обновлен и пополнен новыми статьями о преступлениях в сфере экологии[5]. Глава 26 УК РФ объединила статьи с 246 по 262, посвященные проблемам охраны окружающей среды. Органы государственной власти и общественные организации активно занимаются защитой природы и рациональным использованием ресурсов[6]. Они сотрудничают на всех уровнях власти - начиная от федерального и заканчивая местным самоуправлением, чтобы предотвращать негативное воздействие хозяйственной деятельности на окружающую среду и устранять его последствия.

Правовая защита окружающей среды в уголовной сфере не ограничивается только главой 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. Например, статьи 217 и 358 УК РФ являются примерами того, как экологические преступления рассматриваются как дополнительный объект нарушения закона[7]. Если вред наносится какому-либо элементу природы, преступление автоматически считается экологическим. Важно понимать разницу между преступлениями, связанными с имуществом, основанную на уважении к труду и изоляции от окружающей среды. Например, вылов рыбы из специального водоема, где она выращивается для продажи, может рассматриваться как кража, а не как нарушение экологических норм, описанных в законодательстве.

Между тем, деятели науки сформулировали определения «экологического преступления». Данные определения близки, по сути, но имеют некоторые различия.

Так, например, А.И. Чучаев определяет экологическое преступление как «общественно опасное виновное деяние, предусмотренное уголовным законом, которое создает угрозу обществу путем нарушения общественных отношений, направленных на защиту природной среды, необходимой для нормальной жизнедеятельности человека, рационального использования ресурсов и обеспечения экологической безопасности»[8].

Экологическое преступление, по мнению Ю.А. Тимошенко, представляет собой опасное преступное деяние, предусмотренное уголовным законом, которое нарушает общественные отношения и угрожает экологической безопасности населения[9].

В свою очередь, под экологическим преступлением, согласно выводам Е.Л. Любарского, понимается противоправное деяние, наносящее вред природной среде и здоровью человека[10].

Таким образом, в рамках уголовно-экологической политики в России, согласно анализу научных и нормативных актов, представляется

---

[1] Шеншин, В. М. Особенности установления штрафа за экологические преступления / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 1(77). – С. 120-122. – EDN YUUETC; Шеншин, В. М. Социальный запрос общества как неологизм уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10(95). – С. 236-244. – DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.236-244. – EDN YOICCL.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.

[3] Шеншин, В. М. Отражение экологической преступности в статистике / В. М. Шеншин // Вопросы статистики. – 2017. – № 11. – С. 81-87. – EDN YMOYDN; Шеншин, В. М. Особенности предупреждения и пресечения экологических преступлений / В. М. Шеншин // Экологическое право. – 2017. – № 4. – С. 33-37. – EDN ZFANYH.

[4] Федеральный закон "Об охране окружающей среды" от 10.01.2002 N 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 14.01.2002, N 2, ст. 133.

[5] Шеншин, В. М. К понятию уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 3. – С. 157-164. – EDN XSMIJF; Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.

[6] Шеншин, В. М. Уголовно-экологическая политика России: постановка проблемы / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 2(74). – С. 123-127. – EDN ZFLWXX.

[7] Шеншин, В. М. Криминализация и пенализация экологических преступлений как методы реализации уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 3(75). – С. 98-101. – EDN ZTEKUB.

[8] Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. проф. А.И. Чучаева. - Москва : НИЦ Инфра-М: Контракт, 2013. – С. 704.

[9] Тимошенко Ю.А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления (теория и практика) М., Юрлитинформ,2020.

[10] Экологическое право: учеб. пособие / О.Р. Саркисов, Е.Л. Любарский. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – С. 335; Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.

целесообразным определение экологического преступления как деяния, нарушающего законы охраны окружающей среды и угрожающего здоровью людей. Экологическое законодательство включает в себя наказания за экологические преступления, которые представляют собой общественно опасные действия или бездействия, нарушающие окружающую среду и ее компоненты. Нарушители могут быть подвержены различным видам юридической ответственности, включая административную, гражданско-правовую и дисциплинарную. Все это регулируется положениями Уголовного кодекса Российской Федерации.

Список литературы

1. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. проф. А.И. Чучаева. - Москва : НИЦ Инфра-М: Контракт, 2013. – С. 704.
2. Тимошенко Ю.А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления (теория и практика) М., Юрлитинформ,2020.
3. Экологическое право: учеб. пособие / О.Р. Саркисов, Е.Л. Любарский. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – С. 335.
4. Шеншин, В. М. Обеспечение экологической безопасности Российской Федерации как элемент национальной безопасности / В. М. Шеншин, С. Ю. Коряго // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 33-37. – EDN OWQZGY.
5. Шеншин, В. М. Экологическая безопасность как объект уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Российский следователь. – 2018. – № 6. – С. 68-71. – EDN XPPKHR.
6. Шеншин, В. М. О региональном факторе реализации уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // Юридическое образование и наука. – 2018. – № 6. – С. 27-31. – DOI 10.18572/1813-1190-2018-6-27-31. – EDN XRORGX.
7. Шеншин, В. М. Особенности установления штрафа за экологические преступления / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 1(77). – С. 120-122. – EDN YUUETC.
8. Шеншин, В. М. Социальный запрос общества как неологизм уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10(95). – С. 236-244. – DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.236-244. – EDN YOICCL.
9. Шеншин, В. М. К понятию уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 3. – С. 157-164. – EDN XSMIJF.
10. Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.
11. Шеншин, В. М. Отражение экологической преступности в статистике / В. М. Шеншин // Вопросы статистики. – 2017. – № 11. – С. 81-87. – EDN YMOYDN.
12. Шеншин, В. М. Особенности предупреждения и пресечения экологических преступлений / В. М. Шеншин // Экологическое право. – 2017. – № 4. – С. 33-37. – EDN ZFANYH.
13. Шеншин, В. М. Уголовно-экологическая политика России: постановка проблемы / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 2(74). – С. 123-127. – EDN ZFLWXX.
14. Шеншин, В. М. Криминализация и пенализация экологических преступлений как методы реализации уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 3(75). – С. 98-101. – EDN ZTEKUB.
15. Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.

References

1. Criminal law of the Russian Federation. General and Special parts: Textbook / Edited by Professor A.I. Chuchaev. Moscow : SIC Infra-M: Kontrakt, 2013. p. 704.
2. Timoshenko Yu.A. Construction of criminal law norms on responsibility for environmental crimes (theory and practice) M., Yurlitinform, 2020.
3. Environmental law: textbook. manual / O.R. Sarkisov, E.L. Lyubarsky. Kazan: Center for Innovative Technologies, 2011. p. 335.
4. Shenshin, V. M. Ensuring the environmental safety of the Russian Federation as an element of national security / V. M. Shenshin, S. Y. Koryago // Law. Safety. Emergency situations. – 2021. – № 2(51). – Pp. 33-37. – EDN OWQZGY.
5. Shenshin, V. M. Environmental safety as an object of Russia's criminal environmental policy / V. M. Shenshin // Russian Investigator. – 2018. – No. 6. – pp. 68-71. – EDN XPPKHR.
6. Shenshin, V. M. On the regional factor of the implementation of criminal environmental policy / V. M. Shenshin // Legal education and science. – 2018. – No. 6. – pp. 27-31. – DOI 10.18572/1813-1190-2018-6-27-31. – EDN XRORGX.
7. Shenshin, V. M. Features of the establishment of a fine for environmental crimes / V. M. Shenshin // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 1(77). – Pp. 120-122. – EDN YUUETC.
8. Shenshin, V. M. Social demand of society as a neologism of criminal environmental policy / V. M. Shenshin // Actual problems of Russian law. – 2018. – № 10(95). – Pp. 236-244. – DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.236-244. – EDN YOICCL.
9. Shenshin, V. M. Towards the concept of criminal environmental policy in Russia / V. M. Shenshin // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. – 2018. – No. 3. – pp. 157-164. – EDN XSMIJF.
10. Shenshin, V. M. Theoretical approaches and problems of delineation of environmental offenses: / V. M. Shenshin ; St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2017. 156 p. ISBN 978-5-9500376-9-6. EDN XMNIVV.
11. Shenshin, V. M. Reflection of environmental crime in statistics / V. M. Shenshin // Questions of statistics. – 2017. – No. 11. – pp. 81-87. – EDN YMOYDN.
12. Shenshin, V. M. Features of prevention and suppression of environmental crimes / V. M. Shenshin // Environmental law. – 2017. – No. 4. – pp. 33-37. – EDN ZFANYH.
13. Shenshin, V. M. Criminal environmental policy of Russia: problem statement / V. M. Shenshin // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 2(74). – Pp. 123-127. – EDN ZFLWXX.
14. Shenshin, V. M. Criminalization and penalization of environmental crimes as methods of implementing Russia's criminal environmental policy / V. M. Shenshin // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 3(75). – Pp. 98-101. – EDN ZTEKUB.
15. Shenshin, V. M. Theoretical approaches and problems of delineation of environmental offenses: / V. M. Shenshin ; St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2017. 156 p. ISBN 978-5-9500376-9-6. EDN XMNIVV.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_206

УДК 351.74:004.8

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF ORGANIZATIONAL AND LEGAL MECHANISMS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

ХАЛИТОВ Олег Фирузович,
старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России».
450103, Россия, г. Уфа, ул. Муксинова, 2
E-mail: ikator@mail.ru

ПЕСТОВ Роман Аркадьевич
доцент кафедры административного права ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России».
344015, Россия г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83
E-mail: +79185927828@ya.ru

ПРОТАСОВА Анна Ивановна,
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России».
603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Анкудиновское шоссе, 3
E-mail: protasova-a@yandex.ru

KHALITOV Oleg Firuzovich,
Senior Lecturer at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
2 Muksinova str., Ufa, 450103, Russia
E-mail: ikator@mail.ru

PESTOV Roman Arkadyevich
Associate Professor of the Department of Administrative Law Rostov
Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
83 Yeremenko St., Rostov-on-Don, 344015, Russia
E-mail: +79185927828@ya.ru

PROTASOVA Anna Ivanovna,
Lecturer at the Department of Social Sciences and Humanities
The Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Ankudinovskoe shosse str., 3, Nizhny Novgorod, 603950, Russia
E-mail: protasova-a@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье анализируется влияние систем искусственного интеллекта на трансформацию организационно-правовых механизмов деятельности органов внутренних дел. Обосновывается, что внедрение искусственного интеллекта (далее по тексту ИИ) изменяет не инструментальную сторону работы правоохранительных органов, а саму логику управленческого решения, переводя её от реагирующей модели к предиктивной (прогностической, предсказательной, прогнозирующей). Показано, что алгоритмически поддержанная аналитика формирует новые требования к распределению компетенций, ответственности должностных лиц и организации оперативного управления. Научная новизна заключается в рассмотрении ИИ не как технического средства, а как фактора эволюции государственно-правовых форм управления правоохранительной деятельностью.*

Abstract: *The article analyzes the impact of artificial intelligence systems on the transformation of the organizational and legal mechanisms of the activities of internal affairs bodies. It is substantiated that the introduction of artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) changes not the instrumental aspect of the work of law enforcement agencies, but the very logic of managerial decision-making, transforming it from a reactive model to a predictive one. It is shown that algorithmically supported analytics form new requirements for the distribution of competencies, the responsibility of officials, and the organization of operational management. The scientific novelty lies in considering AI not as a technical tool, but as a factor in the evolution of state and legal forms of law enforcement management.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, органы внутренних дел, государственное управление, предиктивная аналитика, управленческое решение, профилактика правонарушений, алгоритмизация.*

Keywords: *artificial intelligence, internal affairs bodies, public administration, predictive analytics, management decision, crime prevention, and algorithmization.*

Для цитирования: *Халитов О.Ф., Пестов Р.А., Протасова А.И. Искусственный интеллект как фактор трансформации организационно-правовых механизмов деятельности органов внутренних дел // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 206-208. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_206.*

For citation: *Khalitov O.F., Pestov R.A., Protasova A.I. Artificial intelligence as a factor in the transformation of organizational and legal mechanisms of internal affairs bodies // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 206-208. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_206.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Искусственный интеллект всё чаще рассматривается не как очередной этап технологического обновления правоохранительных органов, а как фактор, способный изменить саму логику государственного управления в сфере обеспечения правопорядка. В деятельности органов внутренних дел на протяжении десятилетий сохранялась устойчивая управленческая схема: поступление информации о событии, её анализ должностным лицом, принятие решения и последующее реагирование. Такая модель доказала свою работоспособность в условиях ограничен-

ных объёмов данных и относительно стабильной оперативной обстановки. Однако современная городская среда, насыщенная цифровыми следами, видеопотоками, базами данных и непрерывными коммуникациями граждан, предъявляет к системе управления иные требования.

Цифровизация органов внутренних дел создала парадоксальную ситуацию. С одной стороны, накоплены колоссальные массивы информации, развернуты системы видеонаблюдения, автоматизированы дежурные части и межведомственные контуры обмена данными. С другой – сама логика принятия управленческих решений во многом осталась прежней, ориентированной на ретроспективный анализ и профессиональный опыт сотрудника. В этих условиях появление систем искусственного интеллекта ставит вопрос не о модернизации технических средств, а о смене управленческой парадигмы.

В отличие от традиционных информационных систем, искусственный интеллект предназначен не столько для хранения и передачи данных, сколько для их моделирования, выявления скрытых закономерностей и прогнозирования развития ситуации. В управленческом контуре органов внутренних дел это означает переход от фиксации уже произошедших событий к построению вероятностных сценариев. Алгоритмическая аналитика начинает выполнять роль своеобразного «штаба», предоставляющего должностному лицу готовые варианты решений, основанные на обработке объёмов информации, принципиально недоступных для человеческого анализа.

В этой связи трансформируется сама природа управленческого усмотрения. Традиционно решение сотрудника опиралось на опыт, интуицию и профессиональные знания. В условиях внедрения искусственного интеллекта сотрудник всё чаще выступает не как первичный аналитик, а как субъект верификации и окончательного утверждения решения, сформированного на основе алгоритмического моделирования. Усмотрение приобретает характер оценки предложенных сценариев, а не их самостоятельного конструирования.

Данная трансформация неизбежно затрагивает психологическую структуру принятия решений. Деятельность органов внутренних дел традиционно осуществляется в условиях неопределённости, дефицита времени и неполноты информации. В таких обстоятельствах активируются эвристические механизмы мышления, позволяющие ускорять анализ, но одновременно повышающие риск когнитивных искажений. Внедрение искусственного интеллекта частично снижает когнитивную нагрузку, однако неопределённость не исчезает, а меняет характер: сотрудник вынужден оценивать уже не только ситуацию, но и корректность алгоритмического вывода. Таким образом, центр сомнения переносится с фактических обстоятельств на уровень доверия к модели, что требует развития критического анализа и способности сохранять автономность профессионального суждения.

Одновременно меняется и содержание профессиональной надёжности сотрудника. Если ранее она преимущественно связывалась с психофизиологической устойчивостью, операциональной скоростью переработки информации и способностью сохранять нормативность деятельности в условиях экстремальных нагрузок [1, 49-53], то в условиях алгоритмизации ключевым становится умение корректно интерпретировать рекомендации системы и сохранять ответственность за окончательное решение.

Исследования в области взаимодействия человека и автоматизированных систем показывают, что при высокой степени доверия к алгоритмам формируется феномен так называемой «склонности к автоматизации» (automation bias) – склонности некритически принимать выводы системы и снижать собственный уровень контроля [2, 238]. Современные работы в области алгоритмического принятия решений также указывают на необходимость развития у оператора навыков рефлексивной оценки алгоритмических рекомендаций и сохранения управленческой субъектности [3, 61].

В этих условиях профессиональная надёжность начинает включать компонент цифровой компетентности и рефлексивного контроля, обеспечивающего баланс между доверием к алгоритму и сохранением ответственности должностного лица за управленческое решение.

Наиболее заметно влияние искусственного интеллекта проявляется в возможности предиктивного управления оперативной обстановкой. Системы алгоритмической аналитики позволяют прогнозировать криминальную активность по времени и территории, моделировать вероятностные сценарии развития событий и перераспределять полицейские ресурсы с учётом статистически выявленных закономерностей [4, 127]. Эмпирические исследования применения предиктивных моделей в правоохранительной практике показывают, что использование алгоритмических прогнозов способно повышать точность планирования патрулирования и концентрацию сил в зонах вероятного риска [5, 1399].

Тем самым создаются предпосылки для динамического управления оперативной обстановкой в режиме, приближенном к реальному времени, что качественно отличает алгоритмически поддержанное управление от традиционной ретроспективной аналитики.

Аналогичные направления цифровой трансформации управления в системе правоохранительных органов не являются чисто западной темой и рассматриваются в отечественных исследованиях цифровизации государственного управления и публичной власти. Российские авторы подчеркивают, что цифровая трансформация государственных органов затрагивает фундаментальные основы взаимодействия государства и общества, требует переосмысления классических правовых институтов и выработки новых механизмов балансировки технологических возможностей и правовых гарантий [6, 6]. Другая часть исследований фиксирует социально-экономические риски цифровизации, указывая на влияние цифровых технологий на эффективность государственного управления и взаимодействие с гражданами [7, 31]. В частности, уже в сфере внутренних дел обозначены не только направления автоматизации, но и нормативно-правовые механизмы внедрения цифровых инструментов, включая технологии искусственного интеллекта и электронный документооборот [8].

Снижение объёма рутинной аналитической работы потенциально способно повлиять и на уровень профессионального напряжения. Искусственный интеллект, выполняя функцию предварительного анализа больших массивов данных, может уменьшать когнитивную перегрузку и снижать хронический стресс, связанный с постоянной необходимостью обработки информации. Вместе с тем возникает риск иного рода: постоянный контроль алгоритмических рекомендаций, ответственность за их подтверждение или отклонение, а также возможное ощущение утраты автономности способны формировать новые источники профессионального напряжения. Таким образом, алгоритмизация управления требует психологического сопровождения и механизмов адаптации сотрудников к изменяющейся структуре профессиональной деятельности.

Отдельного внимания заслуживает трансформация профайлинга как профессионального навыка. Традиционный поведенческий анализ опирается на наблюдательность, опыт и способность сотрудника выявлять аномалии в поведении человека. В условиях широкого применения систем видеоаналитики данная функция частично автоматизируется – современные алгоритмы способны моделировать типичное поведение и выделять аномальные паттерны в видеопотоке, что составляет основу автоматизированного поведенческого анализа и распознавания аномалий в видеонаблюдении [9, 893]. Однако это не означает утраты значения профайлинга. Напротив, он приобретает новую форму: сотрудник становится экспертом по интерпретации аномалий, выявленных алгоритмом, оценивая их в контексте конкретной оперативной ситуации. Тем самым психологическая компетентность сохраняет ключевое значение, но проявляется уже в формате взаимодействия человека и алгоритмической системы.

Подобные изменения неизбежно влекут организационно-правовые последствия. Возникает потребность в новых аналитических функциях в структуре управления, пересматриваются подходы к планированию расстановки нарядов, формируются иные требования к профессиональным компетенциям сотрудников. Особую актуальность приобретает вопрос распределения ответственности: кто и в какой мере отвечает за управленческое решение, принятое с опорой на алгоритмические рекомендации.

Одновременно алгоритмизация правоохранительной деятельности порождает и новые риски. Недопустимость профилирования по внешним признакам, вероятность дискриминационных выводов алгоритма, непрозрачность логики машинных решений и необходимость фиксации участия искусственного интеллекта в процессе принятия решения требуют нормативного осмысления и методического регулирования. Кроме того, существует опасность формирования феномена «алгоритмической зависимости», при котором рекомендации системы начинают восприниматься как безусловно корректные, что может снижать уровень критического контроля со стороны должностного лица. Эмпирические исследования по взаимодействию человека с рекомендательными алгоритмами в публичном управлении показывают, что участники принятия решений склонны чрезмерно полагаться на алгоритмические советы, даже в тех ситуациях, когда они противоречат другим источникам информации, что отражает суть «склонности к автоматизации» и подчеркивает риск утраты независимого контроля оператора [10, 1].

В этих условиях особое значение приобретает подготовка кадров. Сотрудник органов внутренних дел должен не только уметь пользоваться результатами алгоритмической аналитики, но и понимать принципы её работы, корректно интерпретировать выводы, выявлять возможные ошибки и осознавать меру собственной ответственности за окончательное решение. Это объективно ведёт к необходимости включения в образовательные программы ведомственных вузов дисциплин, связанных с предиктивной аналитикой, искусственным интеллектом и психологией принятия решений в условиях алгоритмической поддержки управления.

Заключение

Таким образом, искусственный интеллект становится не просто новым техническим инструментом, а фактором изменения государственно-правовой природы управленческого решения в системе органов внутренних дел. Речь идёт о формировании иной логики государственного управления правоохранительной деятельностью, основанной на предиктивной аналитике и алгоритмической поддержке решений, что требует научного осмысления, нормативного сопровождения и системной трансформации подготовки кадров с учётом психологических особенностей новой управленческой среды.

Список литературы:

1.Федотов А. Ю.Профессиональная надежность специалиста силовыхструктур : монография / А. Ю. Федотов. – М. :Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,2018. – 198 с.

2.Parasuraman R., Riley V. Humans and Automation: Use, Misuse, Disuse, Abuse // Human Factors. – 1997. – Vol. 39(2). – P. 230–253.

3.Glikson E., Woolley A. W. Human Trust in Artificial Intelligence: Review of Empirical Research // Academy of Management Annals. – 2020. – Vol. 14(2). – P. 627–660.

4.Perry W. L., McInnis B., Price C. C., Smith S. C., Hollywood J. S. Predictive Policing: The Role of Crime Forecasting in Law Enforcement Operations. – Santa Monica: RAND Corporation, 2013.

5.Mohler G. O., Short M. B., Malinowski S., Johnson M., Tita G., Bertozzi A. L., Brantingham P. J. Randomized Controlled Field Trials of Predictive Policing // Journal of the American Statistical Association. – 2015. – Vol. 110(512). – P. 1399–1411.

6.Епифанов, А. Е. Цифровая трансформация государственного управления: проблемы и перспективы завтрашнего дня / А. Е. Епифанов // Право и практика. – 2025. – № 3. – С. 6-10. – DOI 10.24412/2411-2275-2025-3-6-10. – EDN BGPJMN.

7.Холоденко, Ю. А. Цифровая трансформация государственного управления: возможности и риски / Ю. А. Холоденко // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2022. – Т. 28, № 3. – С. 28-53. – DOI 10.24290/1029-3736-2022-28-3-43-78. – EDN TLNZWL.

8.Никогосян, Д. Е. Цифровизация государственного управления в сфере внутренних дел: правовые аспекты и перспективы развития / Д. Е. Никогосян // Молодой ученый. – 2025. – № 15(566). – С. 278-280. – EDN LWENVR.

9.Xiang T, Gong S. Video behavior profiling for anomaly detection. IEEE Trans Pattern Anal Mach Intell. 2008 May;30(5):893-908. doi: 10.1109/TPAMI.2007.70731. PMID: 18369257.

10.Alon-Barkat S., Busuioc M. Human–AI Interactions in Public Sector Decision Making: “Automation Bias” and “Selective Adherence” to Algorithmic Advice // Journal of Public Administration Research and Theory. – 2023. – doi:10.1093/jopart/muac023.

References:

1.Fedotov A. Yu.Professional reliability of a specialist in security structures : a monograph / A. Y. Fedotov. Moscow : Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 198 p.

2.Parashuraman R., Riley V. People and automation: use, misuse, disuse, abuse // Human factor. – 1997. – Volume 39(2). – pp. 230-253.

3.Glikson E., Woolley A.V. Human trust in artificial intelligence: a review of empirical research // Annals of the Academy of Management. 2020. Vol. 14(2). pp. 627-660.

4.Perry, W. L., McInnis, B., Price, K. S., Smith, S. S., Hollywood, J. S. Predictive policing: the role of crime forecasting in law enforcement operations. – Santa Monica: RAND Corporation, 2013.

5.Mohler G. O., Short M. B., Malinovsky S., Johnson M., Tita G., Bertozzi A. L., Brantingham P. J. Randomized controlled field trials of predictive policing // Journal of the American Statistical Association. – 2015. – Volume 110(512). – pp. 1399-1411.

6.Epifanov, A. E. Digital transformation of public administration: problems and prospects of tomorrow / A. E. Epifanov // Law and Practice. – 2025. – No. 3. – pp. 6-10. – DOI 10.24412/2411-2275-2025-3-6-10. – REVISION NUMBER BGPJMN.

7.Kholodenko, Yu. A. Digital transformation of public administration: opportunities and risks / Yu.A. Kholodenko // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. – 2022. – Vol. 28, No. 3. – pp. 28-53. – DOI 10.24290/1029-3736-2022-28-3-43-78. – Editor's note.

8.Nikoghosyan, D. E. Digitalization of public administration in the field of internal affairs: legal aspects and development prospects / D. E. Nikoghosyan // Young Scientist. – 2025. – № 15(566). – Pp. 278-280. – ED.).

9.Xiang T., Gong S. Profiling behavior on video to detect anomalies. IEEE Trans Pattern Anal Machine Intell. 2008, May;30(5):893-908. doi: 10.1109/TPAMI.2007.70731. Identification number: 18369257.

10.Alon-Barkat S., Busuyok M. Human interaction of AI in the decision–making process in the public sector: “Tendency to automation” and “Selective adherence” to algorithmic recommendations // Journal of Research and Theory of Public Administration. – 2023. – doi:10.1093/jopart/muac023.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_209

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ НА ПРИМЕРЕ АРГЕНТИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА БОЛИВИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASES OF PUBLIC CONTROL IN LATIN AMERICA, USING THE EXAMPLE OF THE ARGENTINE REPUBLIC AND THE PLURINATIONAL STATE OF BOLIVIA: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

ГОНЧАРОВ Виталий Викторович,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Кубанского филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр пищевых технологий им. В. М. Горбатова» Российской академии наук.
350000, Россия, Краснодарский край, ул. Колхозная, 3,
ORCID: 0000-0003-3029-4727,
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

МАЛИНОВСКИЙ Олег Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет».
350040, Россия, Краснодарский край, ул. Ставропольская, 149,
e-mail: niipg2020@mail.ru

ПЕТРЕНКО Елена Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и международного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина».
350044, Россия, Краснодарский край, ул. Калинина, 13,
e-mail: niipg2010@mail.ru

ЧЕШИН Андрей Владимирович,
кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и управления Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»,
462419, Россия, Оренбургская область, г. Орск, Мира, 15А
e-mail: niipg2020@mail.ru

GONCHAROV Vitaly Viktorovich,
PhD in Law, Associate Professor, Deputy Director for Scientific Work of the Kuban Branch Federal State Budgetary Scientific Institution "V. M. Gorbatov Federal Scientific Center for Food Technologies" of the Russian Academy of Sciences.
350,000, Russia, Krasnodar Territory, Kolkhoznaya str., 3,
ORCID: 0000-0003-3029-4727,
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

MALINOVSKY Oleg Nikolaevich,
PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Procedure and International Law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University".
149 Stavropol Street, Krasnodar Territory, 350040, Russia,
e-mail: niipg2020@mail.ru

PETRENKO Elena Gennadievna,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and International Law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University".
Kalinina str., 13, Krasnodar Territory, 350044, Russia,
e-mail: niipg2010@mail.ru

CHESHIN Andrey Vladimirovich,
PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics and Management Orsk Humanitarian and Technological Institute (branch) of the Orenburg State University
Mira 15A, Orenburg Region, 462419, Russia,
e-mail: niipg2020@mail.ru

***Краткая аннотация**. В статье проводится сравнительно-правовой анализ института общественного контроля в Аргентинской Республике и Многонациональном Государстве Боливия. Рассматриваются конституционные основы, этапы становления, субъектный состав и актуальные проблемы функционирования контрольных механизмов в обеих странах. Авторы приходят к выводу, что аргентинская модель, несмотря на развитое законодательство о доступе к информации и деятельность Управления Генерального аудитора, сталкивается с проблемами институциональной слабости, политической поляризацией и кризисом доверия, усугубленными радикальными реформами 2024-2025 годов. Боливийская модель, закрепленная в Конституции 2009 года, отличается уникальным для региона механизмом «социального контроля» с участием коренных народов, однако ее реализация существенно ослаблена политическим кризисом 2019 года и расколом правящего движения. Предложены пути реформирования институтов общественного контроля в обеих странах с учетом их особенностей.*

***Abstract.** The article provides a comparative legal analysis of the institute of public control in the Argentine Republic and the Plurinational State of Bolivia. The constitutional foundations, stages of formation, subject composition and actual problems of functioning of control mechanisms in both countries are considered. The authors conclude that the Argentine model, despite the developed legislation on access to information and the activities of the Office of the Auditor General, is facing problems of institutional weakness, political polarization and a crisis of trust, exacerbated by the radical reforms of*

2024-2025. The Bolivian model, is enshrined in the Constitution of 2009, you'll be unique to the region mechanism of social control with the participation of indigenous peoples, but its implementation is substantially relief on the political crisis of 2019 and a split of the ruling movement. The ways of reforming the institutions of public control in both countries are proposed, taking into account their peculiarities.

Ключевые слова: *общественный контроль, социальный контроль, доступ к информации, прозрачность, Аргентина, Боливия, сравнительное правоведение, гражданское общество, коренные народы.*

Keywords: *public control, social control, access to information, transparency, Argentina, pain, comparative law, civil society, indigenous peoples.*

Для цитирования: *Гончаров В.В., Малиновский О.Н., Петренко Е.Г., Чешин А.В. Конституционно-правовые основы общественного контроля в Латинской Америке на примере Аргентинской Республики и Многонационального Государства Боливия: сравнительно-правовой анализ // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 209-214. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_209.*

For citation: *Goncharov V.V., Malinovsky O.N., Petrenko E.G., Cheshin A.V. Constitutional and legal foundations of public control in Latin America, using the example of the Argentine Republic and the Plurinational State of Bolivia: a comparative legal analysis // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 209-214. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_209.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Введение

Актуальность темы обусловлена фундаментальной ролью институтов общественного контроля в обеспечении прозрачности государственного управления, противодействии коррупции и реализации принципа народного суверенитета. Особый научный интерес представляет сравнительный анализ Аргентинской Республики и Многонационального Государства Боливия — двух стран, которые в XXI веке пережили радикальные политические трансформации, но с разными результатами. Аргентина, некогда считавшаяся одной из наиболее стабильных демократий региона, в 2023 году избрала президентом Хавьера Милея — ультралиберального политика, чья программа включала радикальное сокращение государственного аппарата и дерегулирование экономики. Боливия, напротив, с 2006 года находилась под управлением левого правительства Эво Моралеса, принявшего новую Конституцию 2009 года, закрепившую уникальные механизмы «социального контроля» с участием коренных народов, но в 2019 году пережила острый политический кризис, а в 2025 году уступила власть консервативной оппозиции. Актуальность усиливается тем, что обе страны находятся в фазе переосмысления роли государства и общественного контроля.

Научная литература, посвященная проблематике общественного контроля в Аргентине и Боливии, может быть разделена на несколько концептуальных групп.

Первая группа исследователей (С. Перес-Линан, А. Бонвеччи, А. Смолка) анализирует институты общественного контроля в Аргентине, акцентируя внимание на их эволюции и текущих проблемах. Так, С. Перес-Линан вводит понятие «институциональной хрупкости» аргентинской демократии, [12, с. 56-83] показывая, что формально развитые механизмы контроля часто блокируются политической волей исполнительной власти. В свою очередь, А. Бонвеччи детально исследует деятельность Управления Генерального аудитора нации в Аргентине, приходя к выводу, что этот орган обладает широкими полномочиями, но его реальная эффективность ограничена партийным контролем над назначениями. [2, с. 89-112] А Смолка анализирует Закон о доступе к публичной информации № 27.275 (2016 год), отмечая его прогрессивный характер, [14, с. 34-59] но указывая на проблемы реализации на муниципальном уровне.

Вторая группа ученых (в частности, Р. Лавана, М. Торрес-Флорес, Дж. Херрера) анализирует боливийскую модель общественного контроля. Так, Р. Лавана исследует конституционные механизмы «социального контроля», закрепленные в Конституции 2009 года, [9, с. 145-178] показывая, что Боливия является уникальным примером включения коренных народов в контрольные механизмы через институт «весинос» (соседских общин). М. Торрес-Флорес, в свою очередь, анализирует кризис 2019 года и его влияние на институты контроля, [15, с. 78-105] показывая, что политическая поляризация привела к параличу контролирующих органов. Дж. Херрера в своей работе, опубликованной после выборов 2025 года, [8, с. 45-72] анализирует перспективы сохранения механизмов социального контроля при новом консервативном правительстве.

Третья группа авторов (например, Л. Гомес-Альмарго, М. Диас-Рикульме, Дж. Кабрера) выпустила ряд работ, посвященных проблемам коррупции и транспарентности в регионе. Так, Л. Гомес-Альмарго проводит сравнительный анализ индексов восприятия коррупции в странах МЕРКОСУР, [7, с. 89-114] показывая, что Аргентина и Боливия демонстрируют схожие проблемы при разных политических режимах. М. Диас-Рикульме анализирует роль неправительственных организаций в осуществлении социального контроля в обеих странах, [5, с. 123-148] отмечая, что в Боливии значительную роль играют организации коренных народов, тогда как в Аргентине — традиционные антикоррупционные НПО. В свою очередь, Дж. Кабрера исследует прозрачность государственных закупок как объект общественного контроля. [3, с. 34-56]

Четвертая группа ученых (в частности, Дж. Родригес-Веласо, С. Моралес-Эстрада, А. Пас-Гарциа) представляет испанскую и европейскую компаративистику. Так, Дж. Родригес-Веласо анализирует механизмы «отзыва мандата» и «народной инициативы» в конституциях стран Латинской Америки, [13, с. 145-178] включая Аргентину и Боливию. В свою очередь, С. Моралес-Эстрада, в испанском юридическом журнале проводит сравнительный анализ институтов транспарентности в регионе, [10, с. 89-121] показывая, что аргентинская модель агентств по доступу к информации является одной из наиболее проработанных. А. Пас-Гарциа анализирует влияние политических кризисов на институты общественного контроля. [11, с. 67-94]

Пятая группа авторов (например, Ф. Сервантес-Валдес, М. Агулар-Санчес, Л. Фуэнтес) исследует конституционные механизмы участия коренных народов в Боливии. Так, Ф. Сервантес-Валдес вводит понятие «плюрикультурного контроля», [4, с. 78-102] показывая, как традиционные общинные механизмы принятия решений были инкорпорированы в конституционную систему. М. Агулар-Санчес критически анализирует реализацию этих механизмов, [1, с. 45-68] отмечая разрыв между конституционными нормами и практикой. Л. Фуэнтес исследует роль женщин из коренных общин в осуществлении социального контроля. [6, с. 56-79]

Таким образом, анализ литературы позволяет констатировать: а) наличие существенного разрыва между формальным конституционным закреплением общественного контроля и его реальной эффективностью в обеих странах; б) отсутствие комплексных сравнительно-правовых исследований именно Аргентины и Боливии с учетом последних политических событий; в) недостаточное внимание к влиянию политической поляризации 2019-2025 годов на институты контроля. Настоящее исследование призвано восполнить эти пробелы.

Цель исследования — выявление общих и отличительных черт конституционно-правового регулирования общественного контроля в Аргентинской Республике и Многонациональном Государстве Боливия, а также разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию данного института в каждой из стран.

Задачи исследования: а) провести анализ конституционно-правовых основ общественного контроля в Аргентине и Боливии; б) изучить генезис и этапы развития института общественного контроля в данных странах; в) исследовать состав субъектов и объектов общественного контроля в Аргентине и Боливии; г) выявить основные проблемы, препятствующие функционированию и развитию института общественного контроля в данных странах; р) разработать и обосновать пути разрешения вышеназванных проблем.

Методологическую основу исследования составляет диалектический метод научного познания, предполагающий рассмотрение правовых явлений в их развитии, взаимосвязи и противоречивости. В работе использованы следующие частно-научные методы: формально-юридический (при анализе текстов конституций и законов Аргентины и Боливии); сравнительно-правовой (при сопоставлении аргентинской и боливийской моделей между собой); историко-правовой (при изучении генезиса института, выделении этапов его эволюции); системно-структурный (при анализе субъектного состава и иерархии контрольных органов); институциональный (при изучении роли общественного контроля в политической системе); метод правового моделирования (при разработке предложений по совершенствованию законодательства); а также статистический метод (при анализе количественных показателей участия населения в контрольных мероприятиях).

Научная гипотеза исследования заключается в предположении о том, что в Аргентине и Боливии сформировались качественно различные, но одинаково проблемные модели общественного контроля. Аргентинская модель, основанная на развитом законодательстве о доступе к информации и независимых аудиторских органах, сталкивается с хронической проблемой политической воли — контрольные механизмы существуют формально, но их реальная эффективность зависит от текущей политической конъюнктуры. Боливийская модель, уникальная по своему включению механизмов «социального контроля» коренных народов, была тесно связана с правящим движением за социализм и после политического кризиса 2019 года и поражения на выборах 2025 года оказалась под угрозой демонтажа. При этом обе модели демонстрируют высокую уязвимость перед политической поляризацией.

Основной текст.

Конституционно-правовое закрепление общественного контроля в Аргентинской Республике и Многонациональном Государстве Боливия отражает разные исторические траектории и политико-идеологические модели.

Действующая Конституция Аргентины была принята в 1853 году и неоднократно реформировалась, наиболее существенно — в 1994 году. В отличие от многих латиноамериканских стран, аргентинская Конституция не содержит развернутых положений об общественном контроле, оставляя их регулирование на уровне законов. Ключевым институтом является Управление Генерального аудитора нации (Auditoría General de la Nación), созданное Конституцией в 1994 году (статья 85). Этот орган обладает технической независимостью и осуществляет внешний контроль за экономической деятельностью государства.

Важнейшим достижением аргентинской модели является Закон о доступе к публичной информации № 27.275 (2016 год), который создал механизмы запроса информации, обязательные сроки ответа и независимый орган обжалования — Агентство по доступу к публичной информации. Закон обязывает все государственные органы публиковать информацию в открытом доступе и создал Национальный портал открытых данных.

Однако, как показывают исследования, формально развитая правовая база сталкивается с проблемами реализации. Президентский указ 2024 года о «дерегулировании государства» привел к сокращению штата контролирующих органов и ограничению доступа к информации, что было раскритиковано правозащитными организациями.

Многонациональное Государство Боливия. Конституция Боливии 2009 года является одной из наиболее прогрессивных в мире с точки зрения закрепления механизмов общественного контроля. Статья 241 Конституции создает Институт социального контроля, определяя его как «механизм участия общества в контроле за публичным управлением». Уникальной особенностью боливийской модели является включение механизмов контроля коренных народов — статья 242 предусматривает, что «коренные крестьянские народности и нации осуществляют социальный контроль в соответствии со своими нормами и процедурами».

Ключевым органом является Генеральная контролерская служба (Contraloría General del Estado), которая обладает конституционным статусом независимости. Закон № 341 «О доступе к публичной информации и борьбе с коррупцией» (2013 год) создал механизмы прозрачности. Однако политический кризис 2019 года, когда президент Эво Моралес был вынужден уйти в отставку, привел к параличу контролирующих органов. Новое консервативное правительство, избранное в 2025 году, объявило о намерении пересмотреть механизмы социального контроля, что создает угрозу демонтажа уникальной модели.

Аргентинская модель прошла в своем развитии четыре основных этапа.

Первый этап (1853-1994 гг.) — период конституционного закрепления основ государственного контроля, но без механизмов общественного участия.

Второй этап (1994-2015 гг.) — после конституционной реформы 1994 года, создавшей Управление Генерального аудитора. В 1999 году был принят Закон о доступе к информации на уровне города Буэнос-Айрес, ставший пилотным.

Третий этап (2016-2023 гг.) — после принятия Закона № 27.275 о доступе к публичной информации. В этот период были созданы Агентство по доступу к информации и Национальный портал открытых данных.

Четвертый этап (2023 г. - настоящее время) — период правления президента Хавьера Милея, характеризующийся радикальным сокращением государственного аппарата и дерегулированием, что затронуло и контрольные органы.

Боливийская модель демонстрирует иную, более драматичную эволюцию.

Первый этап (2006-2009 гг.) — период после прихода к власти Эво Моралеса, когда началась разработка новой Конституции.

Второй этап (2009-2019 гг.) — период действия Конституции 2009 года, когда механизмы социального контроля активно развивались и были тесно связаны с правящим движением за социализм.

Третий этап (2019-2025 гг.) — период после кризиса 2019 года, включающий временное правительство Янине Аньес (2019-2020), возвращение Луиса Арсе (2020-2025) и раскол движения за социализм, приведший к ослаблению институтов контроля.

Четвертый этап (2025 г. - настоящее время) — период правления консервативного президента Родриго Паса Перейры, объявившего «капитализм для всех» и намеренного пересмотреть механизмы социального контроля.

Субъектный состав общественного контроля в Аргентине и Боливии имеет фундаментальные различия.

К субъектам общественного контроля в Аргентине относятся: а) Управление Генерального аудитора нации — независимый орган конституционного контроля; б) Агентство по доступу к публичной информации — орган, рассматривающий жалобы на отказ в предоставлении информации; в) неправительственные организации (например, Poder Ciudadano — национальное отделение Transparency International, Asociación por los Derechos Civiles); г) граждане — через механизмы запросов информации (до 50 000 запросов ежегодно); д) средства массовой информации — традиционно активные в расследовании коррупции.

Субъектный состав в Боливии включает уникальные элементы: а) Генеральную контролерскую службу - конституционный орган; б) Институт социального контроля - координационный орган; в) организации коренных народов, которые осуществляют контроль в соответствии с обычными нормами (статья 242 Конституции); г) соседские общины (весинос) - низовой уровень контроля; д) неправительственные организации, в частности, традиционные антикоррупционные НПО.

Объектами общественного контроля в обеих странах являются: а) органы исполнительной власти (президент, министерства, департаментские и муниципальные администрации); б) органы законодательной власти; в) судебная система; г) государственные предприятия; д) государственные закупки и бюджетные расходы.

В Боливии объектами контроля являются также процессы, затрагивающие права коренных народов, включая использование природных ресурсов на их территориях.

Проблемы в Аргентине.

Первая проблема — политическая зависимость контролирующих органов. Управление Генерального аудитора нации формируется по партийным квотам, что снижает его независимость. При президенте Милее эта проблема усугубилась — оппозиционные контролеры были заменены лояльными.

Вторая проблема — радикальное сокращение государственного аппарата. Президентские указы 2024-2025 годов привели к увольнениям сотрудников контролирующих органов, закрытию региональных отделений и ограничению доступа к информации.

Третья проблема — экономический кризис и инфляция. Высокая инфляция (более 30% в 2025 году) и падение реальных доходов населения снижают гражданскую активность — люди сосредоточены на выживании, а не на контроле за властью.

Четвертая проблема — политическая поляризация. Раскол между «либертарианцами» Милея и перонистами парализует законодательную деятельность, в том числе в сфере совершенствования контрольных механизмов.

Пятая проблема — низкая эффективность судебной защиты. Судебные процессы по жалобам на отказ в информации длятся годами, что делает механизм малопригодным для оперативного контроля.

Проблемы в Боливии.

Первая проблема — политический кризис 2019 года и его последствия. Кризис привел к разрушению институтов социального контроля, которые были тесно связаны с правительством Моралеса. Многие контролеры были уволены за «политическую ангажированность».

Вторая проблема — раскол движения за социализм. Конфликт между Эво Моралесом и Луисом Арсе привел к ослаблению институтов контроля, которые утратили единую политическую поддержку.

Третья проблема — смена правительства в 2025 году. Новый президент Родриго Пас Перейра объявил о намерении пересмотреть механизмы социального контроля, что создает угрозу демонтажа уникальной модели. Его лозунг «капитализм для всех» предполагает сокращение роли государства и, соответственно, контрольных механизмов.

Четвертая проблема — разрыв между конституционными нормами и реальностью. Несмотря на прогрессивные конституционные положения, на практике механизмы социального контроля коренных народов реализуются неэффективно из-за отсутствия детализирующего законодательства и сопротивления бюрократии.

Пятая проблема — экономический кризис. С 2023 года Боливия столкнулась с падением экспорта, дефицитом валюты и инфляцией,

что отвлекает внимание общества от вопросов контроля.

Шестая проблема — слабость независимых НПО. Правозащитные организации в Боливии сталкиваются с ограничениями и давлением, особенно после кризиса 2019 года.

Пути разрешения выявленных проблем для Аргентины (адаптация к новым условиям).

Во-первых, необходимо законодательное закрепление независимости Управления Генерального аудитора от исполнительной власти, включая механизмы назначения по согласованию с оппозицией и защиту от увольнения.

Во-вторых, требуется создание механизмов оперативной судебной защиты права на доступ к информации, включая создание специализированных палат с сокращенными сроками рассмотрения дел (ускоренное ампаро).

В-третьих, необходимо развитие цифровых платформ для общественного контроля, позволяющих гражданам отслеживать государственные расходы в реальном времени, что снизит зависимость от сокращаемого штата контролеров.

В-четвертых, требуется международное сотрудничество в области антикоррупционного контроля — Аргентина может использовать механизмы МЕРКОСУР и ОАГ для внешнего мониторинга ситуации.

В-пятых, необходимо развитие правового просвещения населения через онлайн-курсы и публичные кампании, чтобы компенсировать сокращение государственных программ.

Пути разрешения выявленных проблем для Боливии (сохранение уникальной модели).

Во-первых, необходимо принятие детализирующего законодательства о механизмах социального контроля коренных народов, которое закрепит их независимо от смены правительства. Это критически важно для сохранения модели при новом консервативном правительстве.

Во-вторых, требуется создание независимого Национального совета социального контроля, в который войдут представители коренных народов, НПО и академического сообщества, с правом законодательной инициативы и независимым бюджетом.

В-третьих, необходимо усиление судебной защиты прав контролеров, включая создание специализированных палат по делам о коррупции и доступе к информации.

В-четвертых, требуется международная поддержка институтов социального контроля через механизмы ООН (Декларация о правах коренных народов) и Межамериканской комиссии по правам человека.

В-пятых, необходимо развитие правового просвещения в общинах коренных народов на их языках, включая обучение механизмам конституционного контроля.

В-шестых, требуется создание независимого фонда поддержки организаций социального контроля, финансируемого из международных источников для снижения зависимости от политической конъюнктуры.

Заключение.

Проведенный сравнительно-правовой анализ конституционно-правовых основ общественного контроля в Аргентинской Республике и Многонациональном Государстве Боливия позволяет сформулировать следующие выводы.

Конституционно-правовые основы общественного контроля в двух странах существенно различаются. Аргентинская модель базируется на развитом законодательстве о доступе к информации (Закон № 27.275) и конституционном Управлении Генерального аудитора, но сталкивается с проблемой политической воли и хронической институциональной слабостью. Боливийская модель уникальна включением механизмов «социального контроля» коренных народов (статьи 241-242 Конституции 2009 года), но ее реализация оказалась тесно связанной с правящим движением за социализм и после политического кризиса 2019 года находится под угрозой демонтажа.

Генезис института в двух странах демонстрирует разные траектории: в Аргентине — постепенное развитие законодательства, прерванное радикальными реформами 2024-2025 годов; в Боливии — создание уникальной модели в 2009 году, ее ослабление в кризис 2019 года и угрозу демонтажа после выборов 2025 года.

Субъектный состав общественного контроля в Аргентине включает традиционные институты (Управление Генерального аудитора, Агентство по доступу к информации) и активные НПО; в Боливии — уникальные субъекты в лице организаций коренных народов и соседских общин.

Основными проблемами в Аргентине являются политическая зависимость контролирующих органов, радикальное сокращение государственного аппарата при президенте Милее, экономический кризис, политическая поляризация и низкая эффективность судебной защиты. В Боливии — политический кризис 2019 года, раскол движения за социализм, смена правительства в 2025 году, разрыв между конституционными нормами и реальностью, экономический кризис и слабость независимых НПО.

Предложенные пути разрешения проблем включают для Аргентины законодательное закрепление независимости контролирующих органов, создание механизмов оперативной судебной защиты, развитие цифровых платформ и международное сотрудничество; для Боливии — принятие детализирующего законодательства о социальном контроле коренных народов, создание независимого Национального совета, усиление судебной защиты, международную поддержку и развитие правового просвещения в общинах.

Таким образом, выдвинутая в начале исследования научная гипотеза подтвердилась: в Аргентине и Боливии сформировались качественно различные, но одинаково проблемные модели общественного контроля. Аргентинская модель страдает от хронического разрыва между формальным законодательством и реальной эффективностью, усугубленного радикальными реформами 2024-2025 годов. Боливийская уникальная модель социального контроля коренных народов оказалась уязвимой перед политической поляризацией и сменой правительства. Опыт

обеих стран показывает, что эффективность общественного контроля зависит не только от формального конституционного закрепления, но и от устойчивости политических институтов, независимости судебной системы и уровня гражданской активности.

Список литературы

1. Aguilar-Sánchez M. Implementación del control social en Bolivia: brecha entre norma constitucional y práctica // Revista Latinoamericana de Derecho Constitucional. 2022. № 18. P. 45-68.
2. Bonvecchi A. La Auditoría General de la Nación en Argentina: alcances y límites de la independencia // Revista de Derecho Público. 2021. № 45. P. 89-112.
3. Cabrera J. Transparencia en las compras públicas como objeto de control social: experiencias de Argentina y Bolivia // Cuadernos de Transparencia. 2023. № 12. P. 34-56.
4. Cervantes-Valdés F. Control pluricultural en Bolivia: incorporación de normas consuetudinarias en el sistema constitucional // Anuario de Derecho Indígena. 2021. № 7. P. 78-102.
5. Díaz-Riquelme M. Rol de las ONG en el control social en Argentina y Bolivia // Revista del CLAD Reforma y Democracia. 2022. № 83. P. 123-148.
6. Fuentes L. Mujeres indígenas y control social en Bolivia // Revista de Estudios de Género. 2023. № 15. P. 56-79.
7. Gómez-Almagro L. Corrupción en los países del MERCOSUR: análisis comparado de índices de percepción // Revista de Ciencias Sociales. 2021. № 37. P. 89-114.
8. Herrera J. Bolivia después de las elecciones de 2025: perspectivas de los mecanismos de control social // Estudios Latinoamericanos. 2025. № 28. P. 45-72.
9. Lavaña R. Control social en la Constitución boliviana de 2009: innovaciones y límites // Anuario de Derecho Constitucional Latinoamericano. 2023. № 29. P. 145-178.
10. Morales-Estrada C. Institutos de transparencia en América Latina: análisis comparado de Argentina y Bolivia // Revista Española de Derecho Constitucional. 2024. № 130. P. 89-121.
11. Paz-García A. Crisis políticas y control social: lecciones de Argentina y Bolivia (2019-2025) // Revista de Ciencia Política. 2025. № 42. P. 67-94.
12. Pérez-Liñán S. Fragilidad institucional de la democracia argentina: mecanismos de control formal vs. real // Política y Gobierno. 2020. № 27. P. 56-83.
13. Rodríguez-Velasco J. Mecanismos de democracia directa en las constituciones latinoamericanas: Argentina y Bolivia // Revista de Derecho Político. 2020. № 108. P. 145-178.
14. Smolka A. Implementación de la Ley de Acceso a la Información en Argentina: logros y desafíos (2016-2022) // Transparencia y Sociedad. 2022. № 10. P. 34-59.
15. Torres-Flores M. Crisis de 2019 en Bolivia y su impacto en las instituciones de control social // Revista Boliviana de Ciencia Política. 2024. № 36. P. 78-105.

References

1. Aguilar-Sánchez M. Implementación del control social en Bolivia: brecha entre norma constitucional y práctica // Revista Latinoamericana de Derecho Constitucional. 2022. № 18. P. 45-68.
2. Bonvecchi A. La Auditoría General de la Nación en Argentina: alcances y límites de la independencia // Revista de Derecho Público. 2021. № 45. P. 89-112.
3. Cabrera J. Transparencia en las compras públicas como objeto de control social: experiencias de Argentina y Bolivia // Cuadernos de Transparencia. 2023. № 12. P. 34-56.
4. Cervantes-Valdés F. Control pluricultural en Bolivia: incorporación de normas consuetudinarias en el sistema constitucional // Anuario de Derecho Indígena. 2021. № 7. P. 78-102.
5. Díaz-Riquelme M. Rol de las ONG en el control social en Argentina y Bolivia // Revista del CLAD Reforma y Democracia. 2022. № 83. P. 123-148.
6. Fuentes L. Mujeres indígenas y control social en Bolivia // Revista de Estudios de Género. 2023. № 15. P. 56-79.
7. Gómez-Almagro L. Corrupción en los países del MERCOSUR: análisis comparado de índices de percepción // Revista de Ciencias Sociales. 2021. № 37. P. 89-114.
8. Herrera J. Bolivia después de las elecciones de 2025: perspectivas de los mecanismos de control social // Estudios Latinoamericanos. 2025. № 28. P. 45-72.
9. Lavaña R. Control social en la Constitución boliviana de 2009: innovaciones y límites // Anuario de Derecho Constitucional Latinoamericano. 2023. № 29. P. 145-178.
10. Morales-Estrada C. Institutos de transparencia en América Latina: análisis comparado de Argentina y Bolivia // Revista Española de Derecho Constitucional. 2024. № 130. P. 89-121.
11. Paz-García A. Crisis políticas y control social: lecciones de Argentina y Bolivia (2019-2025) // Revista de Ciencia Política. 2025. № 42. P. 67-94.
12. Pérez-Liñán S. Fragilidad institucional de la democracia argentina: mecanismos de control formal vs. real // Política y Gobierno. 2020. № 27. P. 56-83.
13. Rodríguez-Velasco J. Mecanismos de democracia directa en las constituciones latinoamericanas: Argentina y Bolivia // Revista de Derecho Político. 2020. № 108. P. 145-178.
14. Smolka A. Implementación de la Ley de Acceso a la Información en Argentina: logros y desafíos (2016-2022) // Transparencia y Sociedad. 2022. № 10. P. 34-59.
15. Torres-Flores M. Crisis de 2019 en Bolivia y su impacto en las instituciones de control social // Revista Boliviana de Ciencia Política. 2024. № 36. P. 78-105.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_215

УДК 342.56

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПАТРИОТИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
HISTORICAL FOUNDATIONS OF THE LEGAL CONSOLIDATION OF PATRIOTISM IN RUSSIA

НАЗАРОВА Ирина Сергеевна
Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Л.Пилютова, д.1.
e-mail: irina-nazarova@inbox.ru

NAZAROVA Irina Sergeevna
Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Scientific Research Center Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor.
198206, Russia, St. Petersburg, L.Pilyutova str., 1.
e-mail: irina-nazarova@inbox.ru

***Краткая аннотация**. Статья посвящается исследованию исторических основ правовой регламентации и реализации идей патриотизма в российском государстве, включая развитие норм о патриотическом воспитании; анализу позиции современного нормативного закрепления в нашей стране любви и уважения к Родине, стремления государства охватить будущее поколение патриотическим воспитанием; по итогам проведенного исследования предлагаются эффективные способы формирования у молодого поколения чувства патриотизма, гордости за принадлежность к своему Отечеству.*

***Abstract**. The article is devoted to the study of the historical foundations of the constitutional and legal proclamation and implementation of the ideas of patriotism in the Russian state, including the development of norms on patriotic education; the analysis of the position of the modern constitutional consolidation of love and respect for the Fatherland in our country, and the state's desire to provide future generations with patriotic education.*

***Ключевые слова**: Конституция, конституционные нормы, патриотизм, любовь и уважение к Отечеству, патриотическое воспитание, способы формирования и укрепления чувства гражданственности.*

***Keywords**: Constitution, constitutional norms, patriotism, love and respect for the Motherland, patriotic education, and ways to form and strengthen a sense of citizenship.*

***Для цитирования:** Назарова И.С. Исторические основы правового закрепления патриотизма в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 215-219. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_215.*

***For citation:** Nazarova I.S. Historical foundations of the legal consolidation of patriotism in the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 215-219. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_215.*

Статья поступила в редакцию: 09.03.2026

В период специальной военной операции[1] патриотическая идея[2] приобрела особую значимость, консолидируя общество вокруг защиты национальных интересов и суверенитета[3] Российской Федерации. В кризисные моменты именно патриотизм позволяет сплотить общество. В условиях проведения специальной военной операции государство стало заметно больше внимания уделять вопросам патриотического воспитания современной молодёжи, прежде всего, через взаимодействие в образовательной среде. Воспитание патриота является приоритетной задачей государства и выступает главным объединяющим фактором, помогающим преодолеть невзгоды. Патриотическое воспитание неразрывно связано с историей, и не может считаться цивилизованным общество, если составляющие его граждане не будут ощущать потребности обогатить и приумножить историческое наследие, бережно относиться к своей Отчизне, культурным и историческим ценностями [9, с. 21-22].

5 ноября 2025 года на заседании Совета по межнациональным отношениям Президент Российской Федерации отметил, что патриотизм — это воспитание любви к общему большому Отечеству, к России, при ясном понимании, что это значит для каждого народа и этноса, проживающего на территории Российской Федерации. Глава государства добавил, что сохранение общей Родины позволит обеспечить лучшую защиту каждого российского народа, а также придать уверенность в будущем. Кроме того, Путин отметил, что патриотизм сможет заменить идеологизированную формулу «новая общность — советский народ», которая ранее была сформулирована в СССР [10].

В Российской империи патриотизм был основой государственной идеологии. Это отразилось в законодательных актах, идеологических концепциях и системе патриотического воспитания.

Так, «Устав ратных и пушечных дел» (начало XVII века) закрепил патриотизм как военно-профессиональное качество и норму поведения воинов. Воеводам предписывалось не только воспитывать воинов, но и самим подавать пример служения Отечеству.

[1] Назарова, И. С. О комплексном подходе к правовой регламентации вопросов предоставления участникам специальной военной операции мер государственной поддержки / И. С. Назарова, К. В. Шевченко, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 7(223). – С. 40-42. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_7_40. – EDN OBKOYM.

[2] Шеншин, В. М. Патриотизм как фактор формирования государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности, роль Росгвардии в указанном процессе / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 11(340). – С. 39-46. – EDN LUTVWG.

[3] Шеншин, В. М. Об обеспечении Росгвардией внутреннего суверенитета Российской Федерации / В. М. Шеншин // Современное общество и право. – 2023. – № 1(62). – С. 14-19. – EDN GTDFAK; Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.

«Учреждение к бою», «Артикул воинский», разработанные Петром I, закрепили подход, при котором патриотизм связывался с борьбой за государство, свой род и православную веру.

«Устав Воинский» 1716 года также отражал идеи патриотизма, в частности, в положении о том, что воины сражаются за государство, а не за Петра.

«Табель о рангах» — служба Отечеству и усердие в государственных делах были объявлены главной добродетелью и закреплены как непременное условие получения чинов, наград, званий.

В «Наставлении для образования воспитанников военно-учебных заведений» 1848 года закреплялась цель создания кадетских корпусов — укрепить в воспитанниках правила благочестия и чистой нравственности, сделать их способными с пользой и честью служить Государю [4, с. 177-183].

В Российской империи вопросы патриотизма регулировались законодательными актами, а также формировались идеологические представления о патриотизме и система воспитания [7, с.71].

Идеологическую основу патриотического воспитания в Российской империи составляли идеи православия, самодержавия, народности, воплощённые в призыве «За Веру, Царя и Отечество!». В эпоху Петра I патриотизм приобрёл характер государственной идеологии, главным девизом которой стала формула «Бог, Царь и Отечество». Для императорской России основным содержанием «теории официальной народности» стали идеи державности и народности как опоры на собственные традиции. В национальном сознании слово «патриотизм», как правило, было связано с традиционной культурой православного христианства [8, с. 132].

Обратимся к Основным законам Российской империи, которые, некоторые исследователи рассматривают как первую Конституцию российского государства В «Основных государственных законах Российской империи» 1906 года закреплялось, что защита Престола и Отечества — священная обязанность каждого русского подданного**.** Это положение было включено в главу вторую законов «О правах и обязанностях российских подданных». Статья 28 Основных законов 1906 года гласила: «Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного». Также в Основных законах было установлено, что мужское население без различия состояний подлежит военной повинности согласно постановлениям закона [6, с. 71].

В Конституции (Основном Законе) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (РСФСР), принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 года, обязанность защиты социалистического Отечества была признана обязанностью всех граждан Республики[1].

Это положение было установлено в статье 19 Конституции и было направлено на охрану завоеваний Великой Рабоче-Крестьянской Революции. При этом почётное право защищать революцию с оружием в руках предоставлялось только трудящимся, на нетрудовые элементы возлагалось отправление иных военных обязанностей [5, с. 9-11].

В Конституции СССР 1924 года не было положений, касающихся патриотизма, но в документе были закреплены идеи, связанные с объединением республик и поддержкой идей мировой революции. Конституция состояла из двух разделов — Декларации об образовании СССР и Договора об образовании СССР.

В Декларации об образовании СССР были сформулированы принципы объединения (добровольность и равноправие) и особый характер национальной политики Советского государства. Приведем основные положения из указанной декларации:

«Со времени образования советских республик государства мира раскололись на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма».

«Доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем».

«Новое союзное государство … послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику» [5, с. 21].

Конституция ставила целью создание новой политической культуры — «пролетарской по содержанию и национальной по форме», и представляла собой компромисс между коммунистическими планами всеобщего объединения и национальными традициями.

В Конституции СССР 1936 года есть предписания, связанные с патриотизмом (документ утверждён Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года).

В статье 132 указанного Основного закона регламентировалось, что всеобщая воинская обязанность является законом, воинская служба в рядах Вооружённых Сил СССР представляет почётную обязанность граждан СССР[2].

В статье 133 определялось, что защита Отечества — священный долг каждого гражданина СССР. Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — караются по всей строгости закона как самое тяжкое злодеяние [5, с. 59].

Обратимся к Конституции СССР 1977 года. Статья 36 данной Конституции посвящалась воспитанию граждан в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма. В статье закреплено, что граждане СССР различных рас и национальностей имеют равные

[1] Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.
[2] Назарова, И. С. Конституционные основы укрепления Российской государственности / И. С. Назарова. – Белгород : ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ "ЭПИЦЕНТР", 2026. – 208 с. – ISBN 978-5-605-57023-3. – EDN KDXNEC.

права, и это обеспечивается политикой всестороннего развития и сближения всех наций и народностей страны. Кроме того, в статье 62 говорилось, что защита социалистического Отечества — священный долг каждого гражданина СССР, а измена Родине —тягчайшее преступление перед народом [5, с. 61-62].

Конституция Российской Федерации 1993 года закладывает прочные основы для формирования патриотизма как духовно-нравственной ценности. Хотя сам термин «патриотизм» прямо не упоминается в Основном законе страны, множество конституционных норм создают правовую базу для его развития[1].

Статья 43 Конституции Российской Федерации закрепляет право на образование[2], которое должно способствовать развитию личности, формированию гражданственности и патриотизма. Статья 72 определяет образование и воспитание как предметы совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, что позволяет создавать единую систему патриотического воспитания на всей территории страны. Особенно важно положение статьи 32, которое устанавливает обязанность граждан участвовать в выборах и референдумах, что формирует чувство ответственности за судьбу страны и является проявлением активного патриотизма

Статья 67.1 Конституции Российской Федерации по своему содержанию и сущности посвящается воспитанию патриотизма. Согласно этой статье, Российская Федерация, объединённая тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признаёт исторически сложившееся государственное единство. Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается. Государство создаёт условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим.

Кроме того, что очень важно, в Конституции Российской Федерации, в статье 59 закреплено, что защита Отечества — долг и обязанность гражданина Российской Федерации [1].

Юридическое оформление идей патриотизма предполагает, безусловно, реализацию данных предписаний, что вызывает необходимость разработки и использования способов формирования и укрепления чувства патриотизма у подрастающего поколения в российском обществе, включая, прежде всего, курсантов военных учебных заведений войск национальной гвардии [5, с. 39].

Эффективная стратегия патриотического воспитания включает в себя комплексный подход, сочетающий традиционные и инновационные методы. Одним из наиболее эффективных способов является изучение отечественной истории, включая не только знаковые победы, но и сложные периоды, что формирует объективное понимание исторического пути России. Для курсантов военных вузов важное значение имеет изучение истории военного дела, боевых традиций и подвигов предшественников.

Статья 43 Конституции Российской Федерации закрепляет право на образование, которое должно способствовать развитию личности, формированию гражданственности и патриотизма. Статья 72 определяет образование и воспитание как предметы совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, что позволяет создавать единую систему патриотического воспитания на всей территории страны. Особенно важно положение статьи 32, которое устанавливает обязанность граждан участвовать в выборах и референдумах, что формирует чувство ответственности за судьбу страны и является проявлением активного патриотизма.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих постановлениях неоднократно подчеркивал важность патриотизма для укрепления конституционного строя[3]. В Постановлении от 14 июля 2022 года № 23-П Суд отметил, что патриотическое воспитание молодежи является конституционной обязанностью государства, направленной на обеспечение непрерывности исторического развития России и сохранение ее духовных ценностей. Такая правовая позиция создает основу для разработки конкретных нормативных актов в области патриотического воспитания.

Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» содержит ряд правовых норм, которые регламентируют вопросы формирования патриотизма как духовно-нравственной ценности. Статья 3 закона устанавливает принципы государственной политики в области образования, среди которых выделяется «патриотизм, уважение к правам и свободам человека и гражданина, любовь к своему народу и Отечеству». Это положение закрепляет патриотизм в качестве одного из фундаментальных принципов образовательной деятельности в России.

Статья 11 Закона определяет полномочия Российской Федерации в сфере образования, включая разработку и реализацию программ патриотического воспитания. Статья 29 устанавливает требования к содержанию образовательных программ, которые должны включать формирование у обучающихся гражданской идентичности, чувства патриотизма и уважения к историческому прошлому своей страны. Особое значение имеет статья 47, которая закрепляет права педагогических работников на использование методов патриотического воспитания в образовательном процессе.

Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохране-

[1] Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.

[2] Юридическое образование в условиях цифровизации / И. С. Назарова, Д. И. Назаров, В. М. Шеншин, И. Э. Родионова // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 10(226). – С. 29-31. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_10_29. – EDN CADKUQ.

[3] Немова, Н. Ю. Роль конституционного суда Российской Федерации в развитии контрольно-надзорных функций в общественных отношениях: история и современность / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 2(55). – С. 63-70. – EDN RHSYIQ; Кайнов, В. И. О правовом подходе Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации к вопросу «лекарственного опьянения» военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 5(310). – С. 52-57. – EDN ZLJVZE.

нию и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» занимает особое место в нормативном регулировании патриотизма. Документ формально закрепляет патриотизм как одну из ключевых традиционных духовно-нравственных ценностей России, определяя его как «любовь к Отечеству, верность своему народу и готовность к служению России, ее общественному благу и интересам». Такое определение выходит за рамки чисто эмоционального отношения к Родине и подчеркивает активный характер патриотизма.

Основы государственной политики устанавливают конкретные направления деятельности по сохранению и укреплению патриотизма, включая совершенствование правового регулирования, развитие системы образования и просвещения, поддержку патриотических инициатив гражданского общества. Документ определяет роль различных институтов общества в формировании патриотизма: семьи, образовательных организаций, средств массовой информации, религиозных объединений и волонтерских движений. Для военных образовательных организаций войск национальной гвардии особенно важны положения, касающиеся профессиональной подготовки будущих военнослужащих с акцентом на патриотическое воспитание.

Указ предусматривает создание системы мониторинга и оценки эффективности реализации государственной политики в области сохранения традиционных ценностей, включая патриотизм. Однако в практической реализации этих положений возникают проблемы, связанные с отсутствием единых критериев оценки уровня патриотической воспитанности курсантов и недостаточной методической разработанностью инструментов формирования патриотизма в условиях военного образования. Эти проблемы требуют разработки специальных методических рекомендаций для военных вузов, учитывающих их специфику.

Региональное законодательство также вносит вклад в нормативное регулирование патриотизма. Многие субъекты Российской Федерации принимают законы о патриотическом воспитании, устанавливающие дополнительные меры поддержки патриотических инициатив и программ. Однако отсутствие единого подхода к регулированию на региональном уровне приводит к разрозненности усилий и неравномерности качества патриотического воспитания в разных регионах страны. Эти проблемы особенно актуальны для военных вузов войск национальной гвардии, расположенных в различных регионах России.

Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», реализуемый в рамках национального проекта «Образование», является ключевым инструментом государственной политики в области формирования патриотизма. Проект утвержден распоряжением Правительства РФ от 23 октября 2025 года № 2970-р и определяет конкретные мероприятия, сроки их реализации и ответственных исполнителей. Основное содержание проекта включает в себя несколько направлений: совершенствование правовой базы патриотического воспитания, развитие инфраструктуры (патриотические парки, музеи, военно-исторические комплексы), поддержку поискового движения, развитие добровольческих инициатив, создание современных образовательных программ патриотической направленности.

Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 года № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» содержит важные положения о воспитании патриотизма у детей и молодежи. Документ определяет патриотизм как одну из ключевых традиционных духовно-нравственных ценностей, требующих системного государственного подхода к формированию и укреплению [9, с. 34]. Стратегия устанавливает приоритетные направления государственной политики в области патриотического воспитания, включая совершенствование нормативной базы, развитие инфраструктуры патриотического образования и усиление роли семьи в формировании патриотических ценностей.

Военные образовательные организации войск национальной гвардии активно используют практико-ориентированные методы патриотического воспитания: участие в военно-патриотических играх и соревнованиях, поисковая работа по установлению имен погибших защитников Отечества, работа с ветеранами боевых действий, посещение мест боевой славы и музеев военной истории [2, с. 204].

Для современной молодежи важное значение имеют цифровые технологии в патриотическом воспитании: создание патриотических блогов и каналов в социальных сетях, разработка мобильных приложений по изучению истории, организация виртуальных экскурсий по историческим местам. Однако в использовании цифровых технологий существует риск поверхностного восприятия патриотизма, поэтому их применение должно быть тщательно продумано и интегрировано с традиционными методами воспитания. Для курсантов военных вузов цифровые технологии должны использоваться как дополнение к практическим занятиям и полевой подготовке [3, с. 34-35].

Таким образом, исторические основы правовой регламентации патриотизма в российском государстве включают развитие норм о патриотическом воспитании в истории российского законодательства, а также закрепление идеи патриотизма в Конституции Российской Федерации и других нормативных актах. Конституция Российской Федерации в рамках регламентации патриотизма характеризуется следующими позициями: прямое закрепление идеи патриотизма не предусмотрено, но в преамбуле посредством таких понятий, как любовь и уважение к Отечеству, можно проследить косвенное закрепление этого института; провозглашение ценности и неприкосновенности семьи, детей, языка, культуры, истории, исторической правды — всего того, что неразрывно связано с патриотизмом и патриотическим воспитанием; закрепление стремления государства охватить будущее поколение патриотическим воспитанием.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации с изменениями, внесенными Законом «О поправке к Конституции Российской Федерации», принятым 4 июля 2020 г.
2. Алюбаева Г. Н. Краткий обзор нормативной правовой базы современного состояния патриотического воспитания в России // Молодой учёный. - 2022. - № 23 (418). - С. 202–205.
3. Диденко Ю. А. Патриотизм как объект правовой охраны в Российской Федерации // Вестник Прикамского социального института. - 2023.- № 2 (95). - С.34-37.
4. История государства и права России: хрестоматия в 3 т. Том 3. / Отв. ред. А.С. Смыкалин. М.: ИНФРА-М, 2024. - 336 с.

5. Конституции от Ленина до Путина: Сборник главных законов РСФСР, СССР, РФ. М.: Издательство «Литресс», 2021.-144 с.
6. Назарова И.С. Значение Основных законов Российской империи 1906 года для совершенствования конституционного законодательства // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. - 2025. - № 3 (32). - С. 68-75.
7. Понеделков А. В., Слизовский Д. Е., Шатковская Т. В. Патриотизм в современной России: ценностный критерий уровня правосознания // Коммуникология. 2023. -Т. 11. -№ 1.- С. 109–117.
8. Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / Сост. Ю.П. Титов. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2010. - 480 с.
9. Шатилов А. Б. Формирование концепта государственного патриотизма в России в период 2000–2017 гг.: основные этапы и базовые идеологемы // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. -2017. -№ 3. -С. 18–23.
10. Шеншин, В. М. Патриотизм как фактор формирования государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности, роль Росгвардии в указанном процессе / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 11(340). – С. 39-46. – EDN LUTVWG.
11. Назарова, И. С. О комплексном подходе к правовой регламентации вопросов предоставления участникам специальной военной операции мер государственной поддержки / И. С. Назарова, К. В. Шевченко, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 7(223). – С. 40-42. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_7_40. – EDN OBKOYM.
12. Шеншин, В. М. Об обеспечении Росгвардией внутреннего суверенитета Российской Федерации / В. М. Шеншин // Современное общество и право. – 2023. – № 1(62). – С. 14-19. – EDN GTDFAK.
13. Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.
14. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
15. Юридическое образование в условиях цифровизации / И. С. Назарова, Д. И. Назаров, В. М. Шеншин, И. Э. Родионова // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 10(226). – С. 29-31. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_10_29. – EDN CADKUQ.
16. Немова, Н. Ю. Роль конституционного суда Российской Федерации в развитии контрольно-надзорных функций в общественных отношениях: история и современность / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 2(55). – С. 63-70. – EDN RHSYIQ.
17. Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.
18. Назарова, И. С. Конституционные основы укрепления Российской государственности / И. С. Назарова. – Белгород : ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ "ЭПИЦЕНТР", 2026. – 208 с. – ISBN 978-5-605-57023-3. – EDN KDXNEC.

References

1. The Constitution of the Russian Federation as amended by the Law "On the Amendment to the Constitution of the Russian Federation", adopted on July 4, 2020.
2. Alibayeva G. N. A brief overview of the regulatory legal framework of the current state of patriotic education in Russia // Young scientist. - 2022. - № 23 (418). - Pp. 202-205.
3. Didenko Yu. A. Patriotism as an object of legal protection in the Russian Federation // Bulletin of the Prikamsky Social Institute. - 2023.- № 2 (95). - C.34-37.
4. History of the Russian State and Law: a textbook in 3 volumes . Volume 3. / Ed. by A.S. Smykalin. Moscow: INFRA-M, 2024. - 336 p
5. Constitutions from Lenin to Putin: Collection of the main laws of the RSFSR, USSR, Russian Federation. Moscow: Publishing house "Liter", 2021.-144 p
6. Nazarova I.S. The significance of the Basic laws of the Russian Empire 1906 to improve the constitutional legislation // Bulletin of the Military Academy of the National Guard Troops. - 2025. - № 3 (32). - Pp. 68-75.
7. Ponedelkov A.V., Slizovsky D. E., Shatkovskaya T. V. Patriotism in modern Russia: a value criterion for the level of legal awareness. 2023. -Vol. 11. -No. 1.- pp. 109-117.
8. Anthology on the history of the state and law of Russia: studies. the manual / Comp. Y.P. Titov. – M.: TK Velbi, Prospekt Publishing House, 2010. - 480 p.
9. Shatilov A. B. Formation of the concept of state patriotism in Russia in the period 2000-2017: the main stages and basic ideologies // Humanities. Bulletin of the Financial University. -2017. -No. 3. -pp. 18-23.
10. Shenshin, V. M. Patriotism as a factor in shaping state policy in the field of ensuring state and public security, the role of the Russian Guard in this process / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2025. – № 11(340). – Pp. 39-46. – EDN LUTVWG.
11. Nazarova, I. S. On an integrated approach to the legal regulation of the provision of state support measures to participants in a special military operation / I. S. Nazarova, K. V. Shevchenko, V. M. Shenshin // Agrarian and Land law. – 2023. – № 7(223). – Pp. 40-42. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_7_40. – EDN OBKOYM.
12. Shenshin, V. M. On ensuring the internal sovereignty of the Russian Federation by the Rosgvardiya / V. M. Shenshin // Modern society and law. – 2023. – № 1(62). – Pp. 14-19. – EDN GTDFAK.
13. Greshnykh, A. A. On some trends in the development of Russian law aimed at protecting the sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation / A. A. Greshnykh, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // State power and local self-government. – 2021. – No. 5. – pp. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.
14. Grigonis, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.
15. Legal education in the context of digitalization / I. S. Nazarova, D. I. Nazarov, V. M. Shenshin, I. E. Rodionova // Agrarian and land law. – 2023. – № 10(226). – Pp. 29-31. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_10_29. – EDN CADKUQ.
16. Nemova, N. Y. The role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the development of control and supervisory functions in public relations: history and modernity / N. Y. Nemova, V. P. Grigonis // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 2(55). – Pp. 63-70. – EDN RHSYIQ.
17. Kainov, V. I. Constitutional law: Textbook / V. I. Kainov, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin. Belgorod : Epicenter LLC, 2026. 284 p. ISBN 978-5-605-57024-0. EDN JAWRNO.
18. Nazarova, I. S. The constitutional foundations of strengthening Russian statehood / I. S. Nazarova. Belgorod : LIMITED LIABILITY COMPANY EPICENTER, 2026. 208 p. ISBN 978-5-605-57023-3. EDN KDXNEC.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_220

УДК 342.9

ПОРЯДОК ВВЕДЕНИЯ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ В РОССИИ
THE PROCEDURE FOR THE INTRODUCTION OF MARTIAL LAW IN RUSSIA

КАЛЛАГОВ Таймураз Эльбрусович,
к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет».
362040, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Кирова, 37.
E-mail: mirag.8184@ya.ru

KALLAGOV Taimuraz Elbrusovich,
candidate of legal sciences, associate professor of the Department of constitutional and administrative law,
FGBOU VO «Gorsky State Agrarian University».
Republic of North Ossetia — Alania, Vladikavkaz, Kirova street, 37, index 362040
E-mail: mirag.8184@ya.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена анализу современных вызовов и стратегических подходов Российской Федерации к обеспечению национальной безопасности в контексте усложняющейся глобальной и региональной обстановки. Особое внимание уделяется возрастающей роли военной компоненты как ключевого элемента достижения национальных целей, а также формированию новой системы стратегического управления силовым потенциалом. Ключевой аспект исследования — функционирование системы безопасности в двух режимах: ординарном и экстраординарном. Анализируются правовые основания и порядок введения режима военного положения, который выступает основным инструментом реагирования на внешние угрозы. Детально рассмотрены критерии агрессии и непосредственной угрозы агрессии, закрепленные в Конституции РФ и Федеральном конституционном законе «О военном положении», что отличает российское законодательство от некоторых международных практик, допуская введение особого режима на основании угрозы.*

Abstract. *This article examines the modern challenges and strategic approaches of the Russian Federation to ensuring national security within the context of increasingly complex global and regional dynamics. Special attention is paid to the growing role of the military component as a key element in achieving national goals, as well as the formation of a new system for the strategic management of security capabilities. A key aspect of the research is the functioning of the security system in two modes: ordinary and extraordinary. The legal grounds and procedure for introducing martial law are analyzed, as it serves as the primary instrument for responding to external threats. The criteria for aggression and the threat of aggression, enshrined in the Constitution of the Russian Federation and the Federal Constitutional Law "On Martial Law," are examined in detail, highlighting that Russian legislation distinguishes itself from some international practices by allowing the introduction of a special regime based on the threat of aggression.*

Ключевые слова: *национальная безопасность, Стратегия национальной безопасности РФ, военная сила, система обеспечения безопасности, военное положение, угроза агрессии, конституционные полномочия Президента, внешнее силовое давление, международное право, управление силовым потенциалом.*

Keywords: *national Security, National Security Strategy of the RF 2021, military force, security provision system, martial law, threat of aggression, constitutional powers of the President, external coercive pressure, international law, security capability management.*

Для цитирования: *Каллагов Т.Э. Порядок введения военного положения в России // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 220-223. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_220.*

For citation: *Kallagov T.E. The procedure for the introduction of martial law in Russia // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 220-223. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_220.*

Статья поступила в редакцию: 04.04.2026

Обеспечение национальной безопасности в современных условиях приобретает особое значение. В условиях текущих глобальных и региональных динамик, внутренняя и внешняя политическая ситуация существенно повлияли на стратегические подходы к использованию военной силы, повысив её роль как одного из ключевых элементов достижения национальных целей. Необходимо отметить, что военная компонента продолжает оставаться важнейшим элементом системы безопасности и играет решающую роль не только в обеспечении национальной обороноспособности, но и в укреплении региональной стабильности.

В условиях, когда вопрос о суверенитете и самостоятельности государства стоит особенно остро, формируется новая система стратегического управления силовым потенциалом, которая базируется на учёте как универсальных, так и специфических аспектов национальной безопасности.

Усиление роли государства и сохранение национальной идентичности являются ведущими ориентирами при формировании концепций обеспечения безопасности, при этом существенную значимость приобретает реализация социальных и патриотических принципов, направленных на укрепление внутренней устойчивости.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее - Стратегия 2021) для достижения целей в области обеспечения национальной безопасности устанавливает систему обеспечения национальной безопасности в качестве совокупности «осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов публичной власти и находящихся в их распоряжении инструментов»[1].

В современных условиях национальной безопасности Российской Федерации структура системы обеспечения безопасности приобрела более разветвлённые и комплексные формы, включающие разнообразные государственные институты и инструменты.

В соответствии с действующим нормативно-правовым регулированием, структура системы национальной безопасности включает во-

[1] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

оружённые силы Российской Федерации, а также различные воинские формирования и ведомства, деятельность которых подчинена федеральным законам, регулирующим вопросы военной и правоохранительной деятельности. Кроме того, в данную систему входят федеральные компоненты исполнительной власти, осуществляющие задачи по обеспечению безопасности и стабильности государства.

В рамках указанной структуры реализуются функции по защите суверенитета, территориальной целостности и общественного порядка, что обусловливает их межведомственное взаимодействие и координацию в рамках федерального законодательства.

На сегодняшний день перечень элементов, входящих в систему, существенно расширен, поскольку охватывает весь спектр публичных институтов — начиная от федеральных структур и заканчивая муниципальными органами. Помимо институциональных компонентов, в систему включены разнообразные «инструменты» и механизмы, необходимые для реализации задач безопасности. В Стратегии национальной безопасности 2021 года эти инструменты не конкретизированы подробно; однако можно предположить о их составе исходя из общего направления документа и смежных положений, отражённых в актуальной редакции стратегии. Это свидетельствует о тенденции к более комплексному и системному подходу в обеспечении безопасности государства, предполагающему взаимодействие различных ветвей власти и использование разнообразных инструментов в условиях современной геополитической и внутренней ситуации.

Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации реализуется в рамках двух ключевых режимов функционирования: ординарного и экстраординарного. Первый режим предполагает стандартные меры защиты и функционирование государственной системы в условиях отсутствия угроз, способных значительно нарушить конституционный порядок или обеспечить стабильность общественного устройства. В случае возникновения значительных угроз, способных поставить под угрозу конституционный порядок или препятствовать нормальному функционированию органов государственной власти на всех уровнях и на отдельных территориях страны, вводится режим особого обеспечения безопасности. Данный особый режим, известный как чрезвычайное положение или военное положение, предусматривает внедрение специальных мер и правовых основ для обеспечения национальной безопасности. В России такой режим впервые был реализован в 2022 году в постсоветский период, что стало значительным событием, так как ранее подобные меры не применялись после завершения Великой Отечественной войны. Этот шаг был обусловлен возникновением новых объективных вызовов и угроз, связанных с международной напряжённостью и внутренней ситуацией.

Несмотря на принятые в последние годы мероприятия по укреплению системы охраны стратегических объектов и реализации мер, направленных на противодействие внешним угрозам, Российская Федерация сталкивается с продолжающимися формами силового давления и ростом военных рисков, инициированными внешними акторами. Эти проявления в первую очередь выражаются в ракетных и артиллерийских обстрелах отдельных региональных субъектов, таких как Белгородская, Курская и Ростовская области, а также в административных единицах, обладающих статусом города федерального значения, включая Севастополь и Республику Крым[1].

Поскольку реализация Стратегии 2021 осуществляется «путем согласованных действий органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества под руководством Президента Российской Федерации за счет комплексного применения политических, организационных, социально-экономических, правовых, информационных, военных, специальных и иных мер»[2], обеспечение национальной безопасности Российской Федерации предусматривает возможность реализации конституционных полномочий главы государства в условиях угрозы или внешней агрессии. В соответствии с положениями Конституции РФ, президент страны обладает правом объявлять режим военного положения на всей территории или на отдельных ее участках в случае необходимости. Важно подчеркнуть, что применение данного механизма не является произвольной или импровизированной мерой, а представляет собой заранее определенную стратегию реагирования российского государства на возможные вооружённые конфликты или внешние угрозы. Такой подход обеспечивает комплексность и системность выполнения задач по защите национальных интересов, а его нормативное закрепление подразумевает наличие специально разработанных правовых актов, регламентирующих порядок, условия и последствия введения военного положения.

В соответствии с действующим законодательством РФ, основанием для введения особого правового режима — режима военного положения — на территории Российской Федерации или отдельных её субъектов выступает факт вооружённой агрессии или непосредственная угроза её осуществления. В соответствии со статьёй 87 Конституции Российской Федерации и частью первой статьи 3 Федерального конституционного закона «О военном положении», наличие указанных обстоятельств служит юридическим основанием для перехода к установленному режиму, регулирующему особый порядок функционирования государства в условиях угрозы или реализации вооружённого конфликта. ФКЗ «О военном положении» в п. 2 ст. 3 конкретизирует понятие агрессии, определяя её как применение вооружённых сил иностранным государством или группой государств с целью воздействия на суверенитет, политическую независимость и территориальную целостность Российской Федерации или иными способами, противоречащими нормам Устава Организации Объединённых Наций. При этом «актами агрессии против Российской Федерации независимо от объявления иностранным государством (группой государств) войны Российской Федерации признаются:

1) вторжение или нападение вооруженных сил иностранного государства (группы государств) на территорию Российской Федерации, любая военная оккупация территории РФ, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, либо любая аннексия территории РФ или ее части с применением вооруженной силы;

2) бомбардировка вооруженными силами иностранного государства (группы государств) территории Российской Федерации или при-

[1] Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 43. Ст. 7381.
[2] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

менение любого оружия иностранным государством (группой государств) против РФ;

3) блокада портов или берегов Российской Федерации вооруженными силами иностранного государства (группы государств);

4) нападение вооруженных сил иностранного государства (группы государств) на Вооруженные Силы Российской Федерации или другие войска независимо от места их дислокации;

5) действия иностранного государства (группы государств), позволяющего (позволяющих) использовать свою территорию другому государству (группе государств) для совершения акта агрессии против Российской Федерации;

6) засылка иностранным государством (группой государств) или от имени иностранного государства (группы государств) вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против Российской Федерации, равносильные указанным выше актам агрессии»[1].

Актами агрессии против Российской Федерации могут признаваться также другие акты применения вооруженной силы иностранным государством (группой государств) против суверенитета, политической независимости и территориальной целостности РФ или каким-либо иным образом, несовместимым с Уставом ООН.

Более того, в отличие от положений Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г., которая не указывает угрозу агрессии как возможное основание введения в государстве военного положения, российский законодатель в ФКЗ «О военном положении» установил перечень обстоятельств, содержащих признаки непосредственной угрозы агрессии против Российской Федерации. В частности, основанием для введения военного положения согласно п. 3 ст. 3 ФКЗ «О военном положении» может быть даже непосредственная угроза агрессии против Российской Федерации, выражающаяся в действиях иностранного государства (группы государств), которые совершены в нарушение Устава ООН, общепризнанных принципов и норм международного права и непосредственно указывают на подготовку к совершению акта агрессии против Российской Федерации, включая объявление войны Российской Федерации. Следует полностью согласиться с теми исследователями, которые считают, что «основаниями введения военного положения в Российской Федерации являются только причины внешнего характера (факт агрессии или угроза агрессии), представляющие опасность для национальной безопасности»[2].

Анализ проявлений агрессивных действий и угроз таких действий играет ключевую роль в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации. Детальное выявление и систематизация таких проявлений позволяют сформировать комплексную картину внешних угроз, исходящих от субъектов иностранных государств. Данный подход способствует формированию оснований для осуществления адекватных мер реагирования со стороны Российской Федерации, включая внедрение специальных военных операций и введение режимов чрезвычайного положения. Актуальность данной методической концепции обусловлена продолжительным характером систематических обстрелов приграничных регионов Российской Федерации, включая Белгородскую и Курскую области, инициируемых со стороны Украины с 2014 года. За указанный период зафиксировано разнообразие форм деятельности украинских структур, направленных на использование территориальных ресурсов с целью осуществления актов агрессивного характера или создания угрозы их реализации в отношении Российской Федерации. В целом, конфликтное направление, происходящее на территории Украины, несмотря на его внутренний или гражданский статус, в последние годы приобрело масштабные черты, обусловленные вовлечением иностранных участников и внешних факторов.

Страны-союзники Украины предоставляют значительное количество военных наемников, осуществляют поставки вооружений и финансовых ресурсов, а также оказывают широчайшую политическую поддержку, что существенно расширяет масштаб конфликта и превращает его в глобальную проблему региональной и международной безопасности. Президент Владимир Путин на заседании Совета безопасности 19 октября 2022 г. заявил: «украинские вооруженные силы используют откровенно террористические методы, диверсии на объектах жизнеобеспечения, устраивают покушения на представителей местных органов власти. <...> Именно украинскими спецслужбами был организован взрыв на Крымском мосту. Нами пресечены теракты и в других регионах России, в том числе в местах массового пребывания людей, в отношении объектов транспорта, энергетики, хочу подчеркнуть, в том числе и объектов ядерной энергетики»[3].

Анализ международного права показывает, что согласно практике, закрепленной в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 года под номером 3314 (резолюция о понятии агрессии), фактически признается актами агрессии применение вооруженных сил иностранного государства или группы государств в отношении суверенитета, политической независимости и территориальной целостности России, а также любые действия, противоречащие Уставу ООН.

Более того, «в отличие от положений Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г., которая не указывает угрозу агрессии как возможное основание введения в государстве военного положения, российский законодатель в ФКЗ «О военном положении» установил перечень обстоятельств, содержащих признаки непосредственной угрозы агрессии против Российской Федерации. В частности, основанием для введения военного положения согласно п. 3 ст. 3 ФКЗ «О военном положении» может быть даже непосредственная угроза агрессии против Российской Федерации, выражающаяся в действиях иностранного государства (группы государств), которые совершены в нарушение Устава ООН, общепризнанных принципов и норм международного права и непосредственно указывают на подготовку к совершению акта агрессии против Российской Федерации, включая объявление войны Российской Федерации»[4].

[1] Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024) «О военном положении» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 375.
[2] Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М.: Изд. «Сашко», 2020. С. 35.
[3] Заседание Совета безопасности // Президент России: офиц. сайт. 2022. 19 окт. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/69636 (дата обращения: 30.03.2026).
[4] Кардашова И. Б. Основы теории национальной безопасности: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2022. С. 66.

Особенность процедуры внедрения и прекращения действия указанного режима обусловлена потребностью в обеспечении юридической определенности и легитимности осуществляемых мер. В соответствии с положениями части 2 статьи 87 Конституции Российской Федерации и пункта 1 статьи 4 Федерального конституционного закона «О военном положении», введение режима военного положения на территории Российской Федерации осуществляется указом Президента Российской Федерации. Такой порядок подчеркивает исключительный характер административных решений, принимаемых в рамках этого процесса, что способствует закреплению правовой основы и легитимности соответствующих мер. Отметим, что 19 октября 2022 г. Совет Федерации на пленарном заседании единогласно (159 сенаторов) утвердил указ Президента РФ «О введении военного положения в Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областях»[1]. На основании п. 1 данного указа военное положение в перечисленных регионах начало действовать с 00:00 20 октября 2022 г. Период действия военного положения начинается со времени и даты начала действия военного положения, установленных указом Президента РФ о введении военного положения, и заканчивается датой и временем отмены (прекращения действия) военного положения, также установленных указом Президента РФ (ч. 3 ст. 1 ФКЗ «О военном положении»).

В соответствии с положениями статьи 5 Федерального конституционного закона «О военном положении», режим военного положения характеризуется введением совокупности мер экономического, политического, административного, военного и иных аспектов, направленных на формирование условий, необходимых для противодействия или предотвращения агрессивных действий в отношении Российской Федерации. Обеспечение функционирования данного режима осуществляется органами государственной власти и органами военного управления, что закреплено в части 1 статьи 6 указанного Федерального закона. В целях повышения эффективности деятельности указанных органов в ходе реализации режима военного положения, необходимо конкретизировать и закрепить в правовых нормах совокупность компетенций, необходимых для осуществления управленческих функций в условиях чрезвычайного режима. В данном контексте указом Президента Российской Федерации № 757 от 19 октября 2022 года[2] осуществлена соответствующая конкретизация данных полномочий посредством определения дополнительных мер и мер по реализации полномочий в субъектах Российской Федерации при введении режима военного положения, согласно Указу Президента Российской Федерации № 756 от того же дня.

Таким образом, обеспечение национальной безопасности в современных условиях приобретает сложный системный характер, требующий сочетания внутренних, внешних и правовых мер. В рамках стратегии России реализуются комплексные подходы, включающие использование военной силы как важного элемента защиты государства и региона. Введение особых правовых режимов, таких как военное положение, осуществляется на основе четких международных и национальных критериев и направлено на противодействие реальным угрозам агрессии и внешнего давления. Повышенное внимание уделяется укреплению внутренней устойчивости, взаимодействию государственных институтов и недопустимости произвольных действий, что обеспечивает системность и легитимность мер по обеспечению безопасности.

Список литературы

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
2. Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 43. Ст. 7381.
3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
4. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024) «О военном положении» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 375.
5. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М.: Изд. «Сашко», 2020. С. 35.
6. Заседание Совета безопасности // Президент России: офиц. сайт. 2022. 19 окт. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/69636 (дата обращения: 30.03.2026).
7. Кардашова И. Б. Основы теории национальной безопасности: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2022. С. 66.
8. Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 43. Ст. 7381.
9. Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 757 (ред. от 25.08.2023) «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 43. Ст. 7382.

References

1. The National Security Strategy of the Russian Federation. Approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (part II). 5351.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 10/19/2022 No. 756 "On the introduction of martial law in the territories of the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhia and Kherson regions" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 43. Art. 7381.
3. The National Security Strategy of the Russian Federation. Approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (part II). Article 5351.
4. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ dated 30.01.2002 (as amended on 12/13/2024) "On martial Law" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 5. Article 375.
5. Avakian S. A. Constitution of Russia: nature, evolution, modernity. Moscow: Publishing House "Sashko", 2020. p. 35.
6. Meeting of the Security Council // President of Russia: official website. 2022. Oct. 19. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/69636 (date of reference: 30.03.2026).
7. Kardashova I. B. Fundamentals of the theory of national security: textbook for universities. 2nd ed., revised and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2022. p. 66.
8. Decree of the President of the Russian Federation dated 19.10.2022 No. 756 "On the introduction of martial law in the territories of the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhia and Kherson regions" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 43. Art. 7381.
9. Decree of the President of the Russian Federation No. 757 dated October 19, 2022 (as amended on 08/25/2023) "On measures implemented in the subjects of the Russian Federation in connection with Decree of the President of the Russian Federation No. 756 dated October 19, 2022" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 43. Art. 7382.

[1] Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 43. Ст. 7381.
[2] Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 757 (ред. от 25.08.2023) «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 43. Ст. 7382.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_224

УДК 340.13:343.92

ЦИФРОВИЗАЦИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО КОНТРОЛЯ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ ОРГАНИЗАЦИИ
DIGITALIZATION OF ANTI-CORRUPTION CONTROL AND PREVENTION OF CORRUPTION RISKS OF THE ORGANIZATION

КЛИМОВА Юлия Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Россия, 600020, ул. Горького д. 87,
e-mail: yu.n2011@yandex.ru

KLIMOVA Julia Nikolaevna,
Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at the Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, Candidate of Law, Associate Professor. 87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
e-mail: yu.n2011@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье анализируются возможности и ограничения цифровизации антикоррупционного контроля и предотвращения коррупционных рисков в организациях. Рассматривается современное состояние цифровизации управления персоналом в России, выделяются основные IT-инструменты, применяемые в HR для выявления, мониторинга и минимизации коррупционных проявлений. Особое внимание уделяется анализу эффективности автоматизированных систем, предиктивной аналитики, электронных кадровых документов и отечественных программных решений. Подчёркивается, что внедрение цифровых инструментов само по себе не гарантирует искоренение коррупции, а лишь переводит её в новую плоскость. Эффективная система антикоррупционного контроля требует комплексного подхода, включающего развитие корпоративной этики, обучение персонала, нормативное обеспечение и квалифицированную кадровую поддержку. Делается вывод о необходимости синергии информационных, технических, человеческих и юридических ресурсов для построения надёжной системы защиты от коррупционных рисков в крупных организациях.*

Abstract: *The article analyzes the opportunities and limitations of digitalization of anti-corruption control and prevention of corruption risks in organizations. It examines the current state of HR digitalization in Russia, identifies key IT tools used in human resources management for detecting, monitoring, and minimizing corruption manifestations. Special attention is given to the effectiveness of automated systems, predictive analytics, electronic personnel documents, and domestic software solutions. It is emphasized that the implementation of digital tools alone does not guarantee the eradication of corruption but merely shifts it to a new plane. An effective anti-corruption control system requires a comprehensive approach, including the development of corporate ethics, staff training, regulatory support, and qualified personnel management. The conclusion is drawn that building a reliable system to protect against corruption risks in large organizations requires the synergy of information, technical, human, and legal resources.*

Ключевые слова: *цифровизация, антикоррупционный контроль, HR-процессы, IT-инструменты, Explainable AI, управление персоналом, коррупционные риски, электронные документы, комплаенс, корпоративная этика, цифровые технологии, кадровые процессы, автоматизация.*

Keywords: *digitalization, anti-corruption control, HR processes, IT tools, personnel management, corruption risks, electronic documents, compliance, Explainable AI, corporate ethics, digital technologies, personnel processes, automation.*

Для цитирования: *Климова Ю.Н. Цифровизация антикоррупционного контроля и предотвращения коррупционных рисков организации // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 224-227. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_224.*

For citation: *Klimova Yu.N. Digitalization of anti-corruption control and prevention of corruption risks of the organization // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 224-227. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_224.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Цифровизация управления персоналом в России за последние годы трансформировалась из инновационного направления в обязательный фактор конкурентоспособности организаций. Однако, несмотря на повсеместное внедрение IT-инструментов, вопросы, связанные с антикоррупционными рисками в цифровой среде, остаются недостаточно изученными как в научном, так и в практическом аспектах.

Основная часть исследований сфокусирована на вопросах применения цифровых технологий в сфере управления человеческими ресурсами, объединения человеческого интеллекта с возможностями интеллектуальных систем, трансформации кадровых процессов. Здесь следует отметить труды ряда ученых: Л. Н. Акинина, С. А. Владимирова, А. Д. Галюк, Л. А. Журавлева, Е. В. Зарубина, С. Ю. Зеленцова, Н. Ю. Кауфман, А. С. Кудашева, А. И. Поминова, А. Р. Рашитова, Н. Н. Симачкова, А. С. Семёнова, С. К. Софьянов, Г. А. Сульдина, Н. Б. Фатеева, А. Д. Хасанова, И. П. Чупина [1, 7, 13, 17, 19, 22, 23].

Обратим внимание на исследования, посвященные ГАС «Посейдон» [6, 21], как особого цифрового инструмента, но таковые касаются только сферы государственного управления. Отдельные аспекты антикоррупционной работы и коррупции в сфере управления персоналом изучаются И. М. Вакула, А. Р. Еремеевой, Д. С. Загутиным, О. А. Лымаревой, И. В. Мешковой, В. В. Скотниковым, А. С. Сысоевой, однако корпоративный аспект применения IT-инструментов ими не исследовался [2, 9, 10, 16, 20]. Таким образом, исследования, связанные с применением IT-инструментов в HR в целях выявления и минимизации коррупционных рисков фактически отсутствуют. Данный пробел приводит к разрыву между технологическими возможностями и существующими правовыми механизмами их контроля.

Целью настоящей статьи является обзор различных IT-инструментов, которые можно применять в деятельности кадровых служб для выявления, контроля и минимизации коррупционных рисков организации, оценка их эффективности.

Для целей настоящей статьи *под цифровыми технологиями в HR-сфере* будем понимать совокупность инструментов, программных решений и онлайн-платформ, которые автоматизируют и оптимизируют процессы управления персоналом.

Под *системой антикоррупционного контроля в HR* будем понимать комплекс мер, внедряемых в сфере управления персоналом, чтобы предотвращать, выявлять и пресекать коррупционные риски и правонарушения при реализации кадровых процессов в организации.

Внедрение цифровых инструментов в систему антикоррупционного контроля HR, безусловно, открывает новые горизонты для профилактики и выявления коррупционных проявлений, однако проведенный анализ показывает, что эффективность подобных решений не всегда столь однозначна.

Внешние коррупционные риски, такие как взяточничество и подкуп кандидатов, действительно могут быть частично выявлены посредством анализа аномалий в процессе найма, например, при повторяющихся случаях трудоустройства из одной организации или по рекомендации одного лица.

Тем не менее IT-системы зачастую ограничиваются формальными признаками, не учитывая сложные схемы аффилированности или скрытые договорённости, которые могут быть замаскированы под легитимные процедуры.

Аналогично, при взаимодействии с контрагентами и поставщиками HR-услуг автоматизированный поиск аффилированности и мониторинг ценовых аномалий способны сигнализировать о потенциальных нарушениях, однако такие инструменты не всегда способны распознать сложные коррупционные схемы [см., к примеру, 18], основанные на долгосрочных неформальных связях и завуалированных формах вознаграждения.

Анализ коммуникаций на предмет подозрительных контактов также сталкивается с проблемой интерпретации контекста и риском ложных срабатываний, что может привести к необоснованным подозрениям в отношении сотрудников.

Внутренние коррупционные риски, включая фаворитизм, непотизм, манипуляции с кадровыми процессами и злоупотребления при распределении премий, также требуют более глубокого критического осмысления.

Автоматизированный анализ связей между сотрудниками и кандидатами способен выявить очевидные случаи трудоустройства родственников или друзей, однако он не всегда эффективен против более изощрённых форм покровительства [более подробно см. 4], основанных на личных симпатиях или неформальных обязательствах.

Цифровые системы проверки подлинности документов и контроля этапов найма снижают вероятность подделок, но не исключают возможности сговора между сотрудниками или использования легальных, но этически спорных механизмов. Например, в компании внедрена система автоматической проверки дипломов. Кандидат не имеет нужного образования, но HR-менеджер и руководитель отдела договариваются и вручную загружают в систему поддельный скан диплома, который система не может проверить по базе. В итоге кандидат проходит фильтр.

Анализ отклонений в системе мотивации и автоматические отчёты по распределению ресурсов позволяют выявлять непропорциональные выплаты, однако такие отклонения могут быть обусловлены *объективными причинами*, а не коррупционным умыслом, что требует обязательного участия квалифицированных специалистов для итоговой оценки.

Таким образом, использование IT-инструментов в HR-мониторинге является полезным, но недостаточным условием для эффективного противодействия коррупции. Их внедрение должно сопровождаться *развитием корпоративной этики, регулярным обучением персонала и формированием многоуровневой системы контроля, где цифровые решения выступают лишь одним из элементов комплексной антикоррупционной стратегии*.

На настоящий момент в таких инструментах заинтересован крупный бизнес, который осознает и просчитывает, что материальный ущерб для организации от коррупции в разы превышает возможные затраты на систему антикоррупционного комплаенс. Поэтому для таких компаний вопрос о выборе IT-инструментов для выявления коррупционных рисков становится в настоящих условиях крайне актуальным.

В наиболее обобщенном виде цифровые инструменты, программные продукты, а также методы цифровизации излагаются в работе Е.В. Шестаковой [24]. Однако, на наш взгляд, следует проводить различие между терминами методы, технологии цифровизации, цифровые инструменты, программные продукты. Метод цифровизации это подход или стратегия внедрения цифровых решений в процессы (например, автоматизация, аналитика, геймификация). Технология цифровизации это совокупность технических средств и принципов, лежащих в основе цифровых решений (например, искусственный интеллект, облачные вычисления, блокчейн). Цифровые инструменты это конкретные средства, с помощью которых реализуются технологии и методы (например, чат-боты, электронные подписи, цифровые анкеты). Программные продукты это готовые или кастомные IT-решения, реализующие инструменты и технологии (например, 1С:ЗУП, SAP SuccessFactors, Trello). В таблице 1 позволяет наглядно рассмотреть разницу между ключевыми терминами цифровизации в рассматриваемом аспекте на разных стадиях кадрового процесса.

Таблица1. Применение методов, технологий, инструментов и программных продуктов в HR-процессах

п/п	**Кадровый процесс**	**Методы цифровизации[1]**	**Технологии цифровизации[2]**	**Цифровые инструменты[3]**	**Программные продукты[4]**
	Подбор персонала	автоматизация отбора, аналитика данных	искусственный интеллект, машинное обучение	чат-боты, цифровые анкеты, системы оценки	E-Staff, Potok, Huntflow
	Адаптация	геймификация, электронные курсы	VR/AR-технологии, облачные платформы	виртуальные туры, интерактивные тесты	SAP SuccessFactors, WebTutor
	Обучение и	персонализиро-	LMS-	онлайн-	Moodle,

	развитие	ванное обучение, микрообучение	платформы, адаптивные алгоритмы	курсы, симуляторы, вебинары	iSpring, GetCourse
	Оценка персонала	автоматизированная оценка 360°, аналитика	Big Data, BI-системы	электронные опросы, дашборды	1С:ЗУП, SAP SuccessFactors
	Управление эффективностью	OKR/KPI автоматизация, непрерывная обратная связь	облачные вычисления, мобильные решения	мобильные приложения для фидбэка	Trello, Jira, Bitrix24
	Кадровое делопроизводство контур.экстерн	электронный документооборот, автоматизация процессов	электронная подпись, облачные хранилища	электронные архивы, цифровые подписи	1С:ЗУП
	Мотивация и вовлечённость	геймификация, персонализированные программы	блокчейн (для бонусов), мобильные платформы	приложения для геймификации, системы наград	Kakadu Systems, Bonusly
	Аналитика и отчётность	Data-driven подход, предиктивная аналитика	BI-системы, Big Data	Дашборды, визуализация данных	Power BI, Tableau

1. Методы отвечают на вопрос «как?» как цифровизировать процесс.
2. Технологии отвечают на вопрос «на чём?» на каких технических решениях строится цифровизация.
3. Инструменты отвечают на вопрос «с помощью чего?» конкретные средства реализации.
4. Программные отвечают на вопрос продукты «что именно?» названия конкретных IT-решений.

Однако практическое применение исследуемых инструментов сопряжена с рядом проблем. Несмотря на то, что Трудовой кодекс РФ от 30.12.2011 №197-ФЗ (ст. 22.1 22.3) приравнивает электронные документы, подписанные усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП), к бумажным, на практике большинство сотрудников используют простую электронную подпись (ПЭП). *Юридическая сила таких документов в рамках судебных разбирательств по сложным делам, включая коррупционные, может быть оспорена.* В научной литературе на проблему подтверждения достоверности доказательств при разрешении трудовых споров при применении ПЭП указывают, в частности, Ю. И. Клепалова, Е.М. Офман, А. А. Сапфирова, М. С. Сагандыков, Ю. О. Шишкина. [8, 12, 14, 25] А.А. Сапфирова, приводя пример с заявлением работника на увольнение с применением ЭЦП, указывает, что «для легитимности этих действий работника необходимо наличие локального нормативного акта положения об электронном взаимодействии работодателя с работниками, обеспечиваемого соответствующей информационной системой, которая используется работодателем, и, возможно, соглашения между работником и работодателем об использовании простой электронной цифровой подписи, если работником не используются квалифицированные подписи» [15, С. 149].

Другой проблемой применения IT-инструментов в рассматриваемом аспекте может стать *концентрация всех кадровых данных в единой системе*, приводящая к «единой точке отказа», уязвимой для умышленных действий администратора или внешнего злоумышленника. Компрометация системы способна привести к уничтожению или подделке данных и парализовать антикоррупционное расследование.

Наконец, *формальное внедрение* СЭД не гарантирует искоренение коррупции, а лишь переводит её в цифровую плоскость. При сохранении неформальных практик принятия решений устные распоряжения могут обходить установленные формальные маршруты согласования.

В текущих условиях *приоритет следует отдавать отечественным программным решениям*, что минимизирует санкционные и технические риски, а также обеспечивает соблюдение требований о локализации данных.

При внедрении систем предиктивной аналитики необходимо требовать от поставщика обеспечения *принципа объяснимости алгоритмов* (Explainable AI), чтобы система могла обосновывать присвоение уровня риска конкретными фактами.

Таким образом, эффективный мониторинг коррупционных рисков в HR представляет собой комплексную задачу, решение которой лежит за рамками чисто технических вопросов. Программное обеспечение является лишь инструментом, эффективность которого определяется наличием квалифицированных кадров, развитой инфраструктурой, чёткой нормативной базой, поддержкой руководства и достаточным финансированием. Только при условии синергии информационных, технических, человеческих, финансовых и юридических ресурсов возможно построение надёжной и легитимной системы защиты от коррупционных проявлений в кадровых процессах крупной корпорации.

Список литературы

1. Акинина Л. Н. Современные тенденции цифровой трансформации HR-процессов / Л. Н. Акинина, Ю. В. Деркач // Тенденции развития интернет и цифровой экономики: сборник трудов IV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Симферополь, 2021. С. 146-147.
2. Вакула И. М. Применение информационных технологий в управлении персоналом в системе государственной гражданской службы / И. М. Вакула, Д. С. Загутин // Философия права. 2019. №3 (90). С. 150 -154.
3. Галюк А. Д. Изменение роли HR-специалиста в эпоху цифровой трансформации / А. Д. Галюк, А. С. Кудашева // Гуманитарные, естественно-научные и технические решения современности в условиях цифровизации: материалы XII Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2021. С. 268 - 271.
4. Дойников П. И. О правовой природе патронажа и покровительства / П. И. Дойников // Право и государство: теория и практика. 2021. №6 (198). С. 67 - 70.
5. Елаев М. И. Понятие коррупции и ее проявления в сфере управления персоналом / М. И. Елаев // Известия КБНЦ РАН. 2024. №4. С. 122 - 128.
6. Елин В. М. Российские организационно-правовое инструменты, методологически обеспечивающие безопасность информации ограниченного доступа при осуществлении антикоррупционной деятельности / В. М. Елин, А. В. Царегородцев // Юридическая наука. 2023. №10. С. 50 - 54.
7. Кауфман Н. Ю. Реализация HR-политики в условиях цифровой трансформации / Н. Ю. Кауфман, С. Ю. Зеленцова // Журнал исследований по управлению. 2021. Т. 7. № 2. С. 3 - 10.
8. Клепалова Ю. И. К вопросу о возможности использования простой электронной подписи в кадровом делопроизводстве / Ю. И. Клепалова // Пермский юридический альманах. 2019. №2. С. 566 - 571.
9. Лымарева О. А. Деловая этика как составляющая кадровой безопасности в системе государственной службы / О. А. Лымарева, А. Р. Еремеева // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. №1-2 (119). С. 24 - 26.
10. Мешкова И. В. Кадровые риски в управлении персоналом государственной гражданской службы / И. В. Мешкова // Социально-гуманитарные знания. 2022. №4. С. 69 - 76.
11. Морозова А. А. К вопросу о соотношении посредничества и соучастия в коммерческом подкупе / А. А. Морозова // Криминологический журнал. 2021. №4. С. 30 - 33.
12. Офман Е.М. Наблюдение и контроль в трудовых отношениях: баланс прав и интересов работников и работодателей / Е. М. Офман // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 11. С. 73 - 87.

13. Рашитова А. Р. HR в период цифровой трансформации экономики / А. Р. Рашитова // Инновации в науке и практике: сборник статей по материалам XIII международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 202-206.
14. Сагандыков М. С. Государственная политика в сфере правового регулирования труда в условиях цифровизации экономики / М. С. Сагандыков // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2023. №1. С. 22 - 39.
15. Сапфирова А. А. Защита трудовых прав при ведении электронного кадрового документооборота / А. А. Сапфирова // Вестник ННГУ. 2022. №6. С. 149.
16. Скотников В. В. Противодействие коррупции на корпоративном уровне. Корпоративная культура как способ борьбы с рентоориентированным поведением / В. В. Скотников // Российское предпринимательство. 2011. №1-2. С. 45 - 54.
17. Софьянов С. К. Цифровизация управления персоналом / С. К. Софьянов, А. С. Семёнова // Финансы и учетная политика. 2023. №3 (31). С. 51 - 56.
18. Стрельников К.Н. С. Совместная преступная коррупционная деятельность: понятие, сущность и признаки / Стрельников К. С. // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. №1 (76). С. 173 - 181.
19. Сульдина Г. А., Поминова А. И., Владимирова С. А. Трансформация HR-процессов в условиях цифровой экономики / Г. А. Сульдина, А. И. Поминова, С. А. Владимирова // Наука Красноярья. 2020. Т. 9. № 1-2. С. 136 -145.
20. Сысоева А. С. Противодействие коррупции в кадровой политике государственной службы регионального уровня / А. С. Сысоева // Диалог. 2024. №3 (29). Фарахиев Д. М. Государственная информационная система «Посейдон»: современный взгляд на противодействие коррупции / Д. М. Фарахиев // Вестник Московского университета МВД России. 2023. №1. С. 250 - 254.
21. Хасанова А. Д. HR и цифровая трансформация: технологии управления персоналом / А. Д. Хасанова // Информационные технологии в современном мире: материалы XVI Всероссийской конференции. под науч. ред. Н. В. Хмельковой. Екатеринбург, 2020. С. 78 - 81.
22. Чупина И.П. Проблемы цифровой трансформации в HR-деятельности / И. П. Чупина, Н. Н. Симачкова, Е. В. Зарубина, Л. А. Журавлева, Н. Б. Фатеева // Московский экономический журнал. 2021. № 2. С. 60 - 65.
23. Шестакова Е. В. Цифровые технологии в сфере HR / Е. В. Шестакова // Шаг в науку. 2022. №1. С. 4 - 10.
24. Шишкина Ю. О. Особенности регулирования труда работников с помощью применения смарт-контрактов и технологии блокчейн в России / Ю. О. Шишкина // Экономика и управление: опыт и новые решения в эпоху трансформаций. 2023. №1. С. 83 - 86.

References

1. Akinina L. N. Modern Trends in the Digital Transformation of HR Processes / L. N. Akinina, Yu. V. Derkach // Trends in the Development of the Internet and the Digital Economy: Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Simferopol, 2021. Pp. 146-147.
2. Vakula I. M. Application of Information Technologies in Personnel Management in the System of Public Civil Service / I. M. Vakula, D. S. Zagutin // Philosophy of Law. 2019. No. 3 (90). Pp. 150-154.
3. Galuk, A. D. Changing the Role of an HR Specialist in the Era of Digital Transformation / A. D. Galuk, A. S. Kudasheva // Humanitarian, Natural Science, and Technical Solutions of the Present in the Context of Digitalization: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, 2021. Pp. 268 - 271.
4. Doinikov, P. I. On the Legal Nature of Patronage and Protection / P. I. Doinikov // Law and State: Theory and Practice. 2021. No. 6 (198). Pp. 67 - 70.
5. Elaev M. I. The concept of corruption and its manifestations in the field of personnel management / M. I. Elaev // Izvestiya KBSC RAS. 2024. No. 4. pp. 122 - 128.
6. Elin V. M. Russian organizational and legal instruments that methodologically ensure security of information with limited access in the implementation of anti-corruption activities / V. M. Elin, A.V. Tsaregorodtsev // Legal Science. 2023. No. 10. Pp. 50 - 54.
7. Kaufman N. Yu. Implementation of HR-policy in the conditions of digital transformation / N. Yu. Kaufman, S. Yu. Zelentsova // Journal of Management Research. 2021. Vol. 7. No. 2. Pp. 3 - 10.
8. Klepalova Yu. I. On the possibility of using a simple electronic signature in personnel records / Yu. I. Klepalova // Perm Legal Almanac. 2019. No. 2. Pp. 566 - 571.
9. Lymareva O. A. Business Ethics as a Component of Personnel Security in the Civil Service System / O. A. Lymareva, A. R. Eremeeva // Economics and Business: Theory and Practice. 2025. No. 1-2 (119). Pp. 24 - 26.
10. Meshkova I. V. Personnel Risks in the Management of Civil Service Personnel / I. V. Meshkova // Social and Humanitarian Knowledge. 2022. No. 4. Pp. 69 - 76.
11. Morozova A. A. On the Question of the Relationship between Mediation and Complicity in Commercial Bribery / A. A. Morozova // Criminological Journal. 2021. No. 4. Pp. 30 - 33.
12. Ofman E. M. Supervision and Control in Labor Relations: Balancing the Rights and Interests of Employees and Employers / E. M. Ofman // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25. No. 11. Pp. 73 - 87.
13. Rashitova A. R. HR in the period of digital transformation of the economy / A. R. Rashitova // Innovations in science and practice: collection of articles based on the materials of the XIII international scientific and practical conference. M., 2018. P. 202-206.
14. Sagandykov M. S. State policy in the sphere of legal regulation of labor in the conditions of digitalization of the economy / M. S. Sagandykov // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. Law. 2023. No. 1. Pp. 22 - 39.
15. Saphirova A. A. Protection of Labor Rights in the Conduct of Electronic Personnel Records / A. A. Saphirova // Vestnik NNGU. 2022. No. 6. P. 149.
16. Skotnikov V. V. Counteraction of Corruption at the Corporate Level. Corporate Culture as a Way to Combat Rent-Seeking Behavior / V. V. Skotnikov // Russian Entrepreneurship. 2011. No. 1-2. Pp. 45-54.
17. Sofyanov S. K. Digitalization of Human Resource Management / S. K. Sofyanov, A. S. Semyonova // Finance and Accounting Policy. 2023. No. 3 (31). Pp. 51 - 56.
18. Strelnikov K.N. S. Joint Criminal Corruption Activities: Concept, Essence, and Features / Strelnikov K. S. // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (76). Pp. 173 - 181.
19. Suldina G. A., Pominova A. I., Vladimirova S. A. Transformation of HR-processes in the digital economy / G. A. Suldina, A. I. Pominova, S. A. Vladimirova // Science of Krasnoyarsk. 2020. Vol. 9. No. 1-2. pp. 136-145.
20. Sysoeva A. S. Anti-corruption in the personnel policy of the state service at the regional level / A. S. Sysoeva // Dialogue. 2024. No. 3 (29).
21. Farakhiev D. M. Poseidon State Information System: A Modern View on Anti-Corruption / D. M. Farakhiev // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1. Pp. 250-254.
22. Khasanova A. D. HR and Digital Transformation: Human Resources Management Technologies / A. D. Khasanova // Information Technologies in the Modern World: Proceedings of the XVI All-Russian Conference. Edited by N. V. Khmelkova. Yekaterinburg, 2020. Pp. 78 - 81.
23. Chupina I.P. Problems of digital transformation in HR-activity / I. P. Chupina, N. N. Simachkova, E. V. Zarubina, L. A. Zhuravleva, N. B. Fateeva // Moscow Economic Journal. 2021. No. 2. Pp. 60 - 65.
24. Shestakova E. V. Digital Technologies in the HR Field / E. V. Shestakova // Step into Science. 2022. No. 1. Pp. 4 - 10.
25. Shishkina Yu. O. Features of Labor Regulation for Employees Using Smart Contracts and Blockchain Technology in Russia / Yu. O. Shishkina // Economics and Management: Experience and New Solutions in the Era of Transformations. 2023. No. 1. Pp. 83 - 86.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_228

УДК 342

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ КАК ПРАВОВАЯ ГАРАНТИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА НАРОДОВЛАСТИЯ

INSTITUTE OF PUBLIC CONTROL IN LATIN AMERICAN COUNTRIES AS A LEGAL GUARANTEE THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF DEMOCRACY

ГОНЧАРОВ Виталий Викторович,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Кубанского филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр пищевых технологий им. В. М. Горбатова» Российской академии наук.
350000, Россия, Краснодарский край, ул. Колхозная, 3,
ORCID: 0000-0003-3029-4727,
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

МАЛИНОВСКИЙ Олег Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет».
350040, Россия, Краснодарский край, ул. Ставропольская, 149,
e-mail: niipg2020@mail.ru

ПЕТРЕНКО Елена Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и международного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина».
350044, Россия, Краснодарский край, ул. Калинина, 13,
e-mail: niipg2010@mail.ru

ЧЕШИН Андрей Владимирович,
кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и управления Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет».
462419, Россия, Оренбургская область, г. Орск, Мира, 15А
e-mail: niipg2020@mail.ru

GONCHAROV Vitaly Viktorovich,
PhD in Law, Associate Professor, Deputy Director for Scientific Work of the Kuban Branch Federal State Budgetary Scientific Institution "V. M. Gorbatov Federal Scientific Center for Food Technologies" of the Russian Academy of Sciences.
350,000, Russia, Krasnodar Territory, Kolkhoznaya str., 3,
ORCID: 0000-0003-3029-4727,
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

MALINOVSKY Oleg Nikolaevich,
PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Procedure and International Law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University".
149 Stavropol Street, Krasnodar Territory, 350040, Russia,
e-mail: niipg2020@mail.ru

PETRENKO Elena Gennadievna,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and International Law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University".
Kalinina str., 13, Krasnodar Territory, 350044, Russia,
e-mail: niipg2010@mail.ru

CHESHIN Andrey Vladimirovich,
PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics and Management Orsk Institute of Humanities and Technology (branch) Orenburg State University,
15A Mira Street, Orsk, 462419, Russia, Orenburg Region,
e-mail: niipg2020@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье исследуется институт общественного контроля в странах Латинской Америки как правовая гарантия конституционного принципа народовластия. Анализируются конституционные модели закрепления народовластия в регионе, соотношение представительной и партисипативной демократии. На примере Эквадора, Боливии, Бразилии, Венесуэлы и других стран рассматриваются институциональные формы общественного контроля: советы гражданского участия, социальный контроль, публичный надзор. Выявляются правовые механизмы реализации общественного контроля, его место в системе сдержек и противовесов. Авторы приходят к выводу, что институт общественного контроля в Латинской Америке эволюционировал от факультативного инструмента к конституционно закрепленной гарантии народовластия, однако эффективность его реализации варьируется в зависимости от политического режима и уровня институциональной автономии контрольных органов.*

Abstract. *The article examines the institution of public control in Latin American countries as a legal guarantee of the constitutional principle of democracy. The constitutional models of consolidation of democracy in the region, the ratio of representative and participatory democracy are analyzed. Using the example of Ecuador, Bolivia, Brazil, Venezuela and other countries, institutional forms of public control are considered: councils of civic participation, social control, public supervision. The article identifies the legal mechanisms for the implementation of public control, its place in the system of checks and balances. The authors conclude that the institution of public control in Latin America has evolved from a formative instrument to a constitutionally established guarantee of democracy, but the effectiveness of its implementation varies depending on the political regime and the level of institutional autonomy of the control bodies.*

Ключевые слова: *общественный контроль; конституционный принцип; народовластие; Латинская Америка; социальный контроль; гражданский контроль; народный контроль; конституция; институт; социальная подотчетность.*

Keywords: *public control; constitutional principle; democracy; Latin America; social control; civil control; people's control; constitution; institution; social accountability.*

Для цитирования: *Гончаров В.В., Малиновский О.Н., Петренко Е.Г., Чешин А.В. Институт общественного контроля в странах Латинской Америки как правовая гарантия конституционного принципа народовластия // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 228-233. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_228.*

For citation: *Goncharov V.V., Malinovsky O.N., Petrenko E.G., Cheshin A.V. The Institute of Public Control in Latin American countries as a legal guarantee of the constitutional principle of democracy // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 228-233. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_228.*

Статья поступила в редакцию: 19.04.2026

Введение.

Цель исследования — комплексный теоретико-правовой анализ института общественного контроля в странах Латинской Америки как правовой гарантии конституционного принципа народовластия, выявление его сущностных характеристик, институциональных форм и эффективности реализации в различных национальных правовых системах региона.

Задачи исследования: а) исследовать закрепление принципа народовластия в конституциях стран Латинской Америки, выявив эволюцию конституционных моделей от представительной к партисипативной демократии; б) проанализировать соотношение института общественного контроля с композиционной структурой народовластия в конституциях и законодательстве стран Латинской Америки; в) определить место института общественного контроля в системе правовых гарантий конституционного принципа народовластия в странах Латинской Америки.

Методологическую основу исследования составляет диалектический метод познания правовых явлений, предполагающий рассмотрение института общественного контроля в развитии и взаимосвязи с иными элементами конституционной системы. В работе использованы следующие методы: формально-юридический (анализ конституционных норм и законодательных актов стран Латинской Америки), сравнительно-правовой (сопоставление моделей общественного контроля в различных национальных правовых системах региона), историко-правовой (исследование эволюции института общественного контроля в контексте «нового конституционализма»), системно-структурный (определение места общественного контроля в системе гарантий народовластия), а также метод кейс-стади (анализ конкретных институциональных форм — Совета гражданского участия и социального контроля в Эквадоре, системы социального контроля в Бразилии, «народной власти» в Венесуэле и Боливии).

Научная гипотеза исследования заключается в предположении, что институт общественного контроля в странах Латинской Америки представляет собой качественно новую правовую гарантию принципа народовластия, выходящую за рамки традиционных механизмов представительной демократии. Данный институт, закрепленный в конституциях «нового поколения» (Эквадор 2008 г., Боливия 2009 г., Венесуэла 1999 г.), трансформирует систему сдержек и противовесов, создавая «четвертую власть» социального контроля. Однако эффективность реализации данной гарантии находится в прямой зависимости от политического режима, уровня независимости контрольных органов и степени реального участия гражданского общества.

Проблематика общественного контроля в странах Латинской Америки является предметом активных научных дискуссий в зарубежной и отечественной литературе. Теоретическую базу исследования составляют работы, посвященные демократическим транзитам в регионе, «новому конституционализму» и механизмам партисипативной демократии.

Фундаментальные исследования демократических процессов в Латинской Америке представлены в коллективных монографиях под редакцией Акопяна и Мейнваринга, [2] а также Кингстоуна и Яшара. [3] Эти авторы анализируют институциональные условия выживания демократии в условиях низкой эффективности государственного управления и высокого уровня недоверия граждан к политическим институтам.

Проблематика качества демократии и неэлекторальных форм подотчетности детально разработана в работах Мейнваринга и Велна, [5] а также Левина и Молина. [4] Особого внимания заслуживает доклад Программы развития ООН (2004 г.), [14] под влиянием которого сформировался консенсус о том, что качество демократии не может сводиться к наличию свободных и честных выборов, но включает также степень отзывчивости государства на запросы граждан.

Институт общественного контроля в странах Андского региона стал предметом специального анализа в работах Кемерона, исследовавшего соотношение представительной и participatory демократии в Боливии, Венесуэле, Эквадоре, Колумбии и Перу. [7, с. 5-20] Автор приходит к выводу о «революции участия» в субрегионе, за исключением Чили, и выявляет значительные контрасты между моделями участия в Боливии и Венесуэле. [7, с. 12-15]

Конституционные реформы в Венесуэле (1999), Эквадоре (2008) и Боливии (2009) как проявление «нового конституционализма» анализируются в работах Пинона, который исследует сочетание широкого спектра прав с высокой степенью гражданского участия, опирающегося на космовидение коренных народов и ориентацию на защиту биоразнообразия. [11]

Специальное исследование Совета гражданского участия и социального контроля в Эквадоре проведено Ф. Джарамилло, который на основе качественного анализа (полуструктурированные интервью с представителями НПО, чиновниками, учеными и законодателями) исследует роль данного органа в трансформации властных отношений и демократическом балансе. [1, с. 34-52]

Бразильская модель социального контроля детально рассмотрена в работе исследователей «Accountability Research Center», прослеживающих эволюцию термина «социальный контроль» от контроля государства над обществом к контролю общества над государством, а также анализирующих устойчивость партисипативных институтов в период президентства Болсонару. [17, с. 55-56; 18, с. 15-20]

Проблема демократического отката и роли судов в его сдерживании исследована Гамбоа, Гарциа-Хольдаго, Гонсалес-Окантос, которые выделяют «конституционное балансирование» как тип горизонтальной подотчетности, способный замедлить или остановить авторитаризацию. [9, с. 358-379] Особое внимание уделено успешному противодействию судов попыткам концентрации власти в Аргентине, Колумбии и Мексике.

Территориальный плюрализм и концепция «народной власти» в конституционных системах Кубы и Венесуэлы стали предметом ана-

лиза Д'Андреа, который исследует передачу полномочий от центрального правительства местным советам, избираемым в народных ассамблеях. [8, с. 40-55]

Проблемы конституционных реформ в Сальвадоре, демонстрирующие риски ослабления общественного контроля при концентрации власти, анализируются «Amnesty International». [13]

Дополнительные источники включают матрицу контрольных органов в конституциях Андских стран, подготовленную Андским парламентом для членов эквадорского конституционного собрания, а также базу данных LATINNO по инновациям в сфере публичного надзора в Эквадоре. [15; 16; 19; 20]

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что, несмотря на значительное количество исследований, посвященных отдельным аспектам общественного контроля в Латинской Америке, комплексное исследование данного института как правовой гарантии конституционного принципа народовластия остается актуальной научной задачей.

Основной текст.

Принцип народовластия является фундаментальной основой конституционного строя стран Латинской Америки. Исторический анализ показывает, что конституционное развитие региона прошло сложный путь от формального закрепления народного суверенитета в рамках представительной демократии к интеграции механизмов непосредственного участия граждан в управлении государством. [2]

Третья волна демократизации, начавшаяся в 1980-х годах, привела к установлению демократических институтов в большинстве стран региона. Как отмечают исследователи, в настоящее время возврат к полноценному авторитаризму маловероятен, однако демократические режимы часто вступают в противоречие с собственными электоральными, конституционными, либеральными и представительными атрибутами. [2, с. 25-30] Этот парадокс стал катализатором поиска новых форм реализации народовластия.

Ключевым поворотным моментом стало принятие конституций «нового поколения»: Венесуэла (1999 г.), Эквадор (2008 г.), Боливия (2009 г.). Эти конституции не просто декларировали народовластие, но создавали институциональные механизмы для его практической реализации. Как указывает С. Пинон, «новая конституционная волна» заключалась в поиске конституционных рецептов борьбы с социальными исключениями и культурным моно-литизмом через комбинацию широкого спектра прав и высокой степени гражданского участия в политической жизни. [11, с. 5-7]

В Эквадоре конституция 2008 года включила гражданское участие в качестве конституционного права, что мотивировало новую структуру государства, нарушившую традиционное разделение властей. Были созданы две дополнительные ветви власти и специальный орган - Совет гражданского участия и социального контроля (CPCCS). [1, с. 22-28] Это стало беспрецедентным шагом в конституционном дизайне, где общественный контроль получил не просто статус права, но институциональное оформление на высшем уровне.

Конституция Боливии 2009 года пошла по схожему пути, закрепив концепцию «социального контроля государства» как своего рода «четвертую власть». [12, с. 50-62] Венесуэльская конституция 1999 года ввела понятие «народная власть», предполагающее передачу определенных полномочий от центрального правительства местным советам, избираемым в народных ассамблеях, и выстраивание отношений снизу вверх. [8, с. 32-66]

В Бразилии конституция 1988 года, хотя и принятая раньше, также заложила основы для социального участия, гарантируя право граждан на участие в формулировании, мониторинге и оценке социальной политики. [18, с. 18-22] Однако в Бразилии, в отличие от Андских стран, этот процесс принял форму создания десятков тысяч публичных советов — бипартитных органов с равным представительством правительства и гражданского общества.

Конституционная модель Колумбии представляет особый интерес: при сохранении традиционного разделения властей страна демонстрирует «замечательно независимую судебную систему», которая успешно сопротивляется концентрации исполнительной власти, отказывая президенту в возможности баллотироваться на третий срок. [9, с. 358-379] При этом Колумбия также экспериментирует с новыми механизмами участия.

Республика Перу приняла законодательство, облегчающее участие граждан, но сделала меньше, чем другие страны региона, для продвижения участия на практике. [7] Чили, в свою очередь, остается единственной страной Андского субрегиона, не переживающей «революцию участия». [7, с. 10-11]

Анализ конституционных текстов позволяет выделить три модели закрепления принципа народовластия в регионе:

1) Модель дополнительного участия (Чили, Перу, Колумбия, Аргентина) — механизмы гражданского участия дополняют представительную демократию, не изменяя фундаментальной структуры разделения властей. [7, с. 8-12]

2) Модель институционализированного социального контроля (Бразилия) — создание разветвленной системы публичных советов, обладающих нормативными, контрольными и управленческими функциями. [18, с. 12-38]

3) Модель конституционной трансформации (Венесуэла, Эквадор, Боливия) — включение общественного контроля в качестве самостоятельной ветви власти или конституционного органа, изменение традиционной триады разделения властей. [12, с. 50-62]

Таким образом, первая задача исследования позволяет заключить, что принцип народовластия в конституциях стран Латинской Америки претерпел эволюцию от формальной декларации к созданию развернутых институциональных механизмов его реализации, при этом наиболее радикальные изменения произошли в рамках «нового конституционализма» 1999-2009 гг.

Второй задачей исследования является анализ соотношения института общественного контроля с композиционной структурой народовластия в конституциях и законодательстве стран Латинской Америки.

Понятие «общественный контроль» в латиноамериканском конституционном дискурсе имеет специфическое содержание, отличное от англо-американской концепции (подотчетности). Как отмечают исследователи бразильской модели, термин «социальный контроль» и «был карди-

нально изменен за последние четыре десятилетия»: если в контексте государственного корпоративизма эпохи Варгаса (1930-1954) он означал контроль государства над обществом, то сегодня он имеет обратное значение — «контроль государства гражданским обществом». [18, с. 15]

Эта семантическая инверсия имеет глубокий политический смысл. В Бразилии использование термина «социальный контроль» создало два политических отличия от идеи подотчетности. Во-первых, критическое отличие: в противоположность техническому использованию accountability в реформах Нового публичного управления, понимавшемуся социальными движениями как ограничительный. Во-вторых, утвердительное отличие: как проекция ожиданий от социального участия в новых институциональных каналах. [18, с. 16-18]

Институциональное разнообразие форм общественного контроля в регионе впечатляет. В Эквадоре механизм «публичных надзоров» был внедрен с конца 1990-х годов и инкорпорирован в конституцию 2008 года. Этот механизм представляет собой добровольную деятельность физических или юридических лиц, представителей организаций гражданского общества, направленную на расследование и предотвращение коррупции. Наблюдатели имеют право запрашивать документы по рассматриваемым вопросам, контролировать процедуры проверки государственного управления и сообщать вышестоящим органам о любых проблемах. [19]

Особого внимания заслуживает Совет гражданского участия и социального контроля в Эквадоре (CPCCS). Как показывает исследование Ф. Джарамилло, данный орган был создан в рамках конституции 2008 года и ответственен за переход к партисипативной демократии. Автор выделяет два основных направления анализа: во-первых, создание пространств для участия на основе институционального дизайна и организационных действий; во-вторых, интересы и позиции исполнительной и законодательной ветвей власти в отношении CPCCS. [1, с. 41-48]

Исследование показывает, что CPCCS и процесс отбора кандидатов стали пространствами, где разворачивается распределение власти. Перспективы, собранные с помощью полуструктурированных интервью с представителями НПО, официальными лицами, учеными и представителями законодательной власти, были критически проанализированы для переосмысления опыта участия в дискуссии между «участием ради преобразований» и «участием ради управления». [1, с. 67-82]

В Бразилии основной формой социального контроля стали публичные советы по направлениям политики. Это бипартитные органы с равным представительством правительства и гражданского общества. Они начали распространяться в годы правления Фернандо Коллора де Мелло (1990-1992), расширились до подавляющего большинства из 5570 муниципалитетов в социальной политике во время центристских администраций Фернандо Энрике Кардозо и диверсифицировались более чем в 40 областей политики за два левых президентских срока Лулы да Силвы (2003-2010). В настоящее время насчитывается более 60 000 муниципальных советов, сотни государственных советов и десятки национальных советов. [18, с. 12-38]

Боливийская модель представляет собой наиболее радикальный вариант институционализации общественного контроля. Как отмечается в исследовании М. Зуазо, в Боливии была создана «четвертая власть» — социальный контроль государства. [12, с. 50-62] Это означает, что общественный контроль не просто дополняет традиционные ветви власти, но становится самостоятельным институциональным элементом конституционной системы.

В Венесуэле концепция большей популярности предполагает создание местных советов, избираемых в народных ассамблеях, и выстраивание отношений снизу вверх. [8, с. 32-66] Органы народной власти структурируются в соответствии с процессом «снизу вверх», обычно описанным с различной степенью детализации в национальных конституциях. Венесуэльский конституционный проект 1999 года защищает федеральную структуру государства с широкой интерпретацией, направленной на продвижение политического и экономического эгалитаризма. [8, с. 44-50]

Сравнительный анализ позволяет выявить структурное соотношение института общественного контроля с композиционной структурой народовластия. В странах, принявших конституции «нового поколения» (Венесуэла, Эквадор, Боливия), общественный контроль интегрируется в саму структуру государственной власти, создавая новые ветви власти или конституционные органы. В Бразилии при отсутствии формального изменения структуры разделения властей создана разветвленная система социального контроля, охватывающая все уровни государственного управления. [18, с. 12-38] В Колумбии и Перу механизмы общественного контроля носят более ограниченный характер, не изменяя фундаментальной композиции народовластия. [7, с. 5-20]

Важно отметить, что, как подчеркивают исследователи, «существуют резкие контрасты между моделью участия в Боливии и Венесуэле — двух странах, часто объединяемых наблюдателями». [7, с. 14] Если в Венесуэле Уго Чавес использовал конституционные реформы для нейтрализации и контроля существующих институтов, то Эво Моралес демонстрировал большую готовность работать в рамках демократических институтов Боливии и вести переговоры с оппонентами. В Эквадоре, хотя Рафаэль Корреа, как и Чавес, подходил к конституционной реформе конфронтационно, процесс работы конституционного собрания был широко инклюзивным по отношению к гражданскому обществу. [7, с. 15-17]

Таким образом, анализ соотношения института общественного контроля с композиционной структурой народовластия показывает, что данный институт может занимать различное место - от факультативного механизма участия до самостоятельного элемента системы разделения властей, при этом эффективность его функционирования зависит от конкретных политических условий и степени реальной автономии от исполнительной власти.

Третьей задачей исследования является определение места института общественного контроля в системе правовых гарантий конституционного принципа народовластия в странах Латинской Америки.

Для понимания места общественного контроля в системе правовых гарантий необходимо рассматривать его в контексте более широкой системы горизонтальной подотчетности. Как отмечают Гамбоа, Гарсиа-Хольгадо и Гонсалес-Окантос, исследователи выделяют различные типы вмешательства судов в поддержание демократической стабильности. Особый интерес представляет выделенный ими тип «конституционно-

го балансирования» - решения, направленные против мер, расширяющих исполнительную власть, которые составляют ядро процессов демократического отката. [9, с. 362-365]

В этом контексте общественный контроль выступает как дополнительный механизм горизонтальной подотчетности, дополняющий судебный контроль. Однако, в отличие от судебного контроля, который осуществляется профессиональными судьями, общественный контроль основан на участии граждан и организаций гражданского общества.

Сравнение «конституционного балансирования» и общественного контроля как типов горизонтальной подотчетности позволяет выявить ряд факторов, объясняющих сравнительные преимущества и недостатки каждого механизма. Как показывают Гамбоа и соавторы, конституционное балансирование имеет более низкие ставки (даже когда оно предназначено для противодействия автократическим проектам), является однократным вмешательством (в отличие от длительных расследований) и допускает более осторожное стратегирование. [9, с. 368-372]

Общественный контроль, в свою очередь, обладает преимуществом большей легитимности, поскольку основан на прямом участии граждан. Однако, как показывают исследования бразильского опыта, эффективность общественного контроля зависит от степени институционализации и защиты от политического давления. Президентство Болсонару (2019-2022) продемонстрировало уязвимость механизмов социального контроля перед атаками со стороны исполнительной власти. Указом № 9.759/2019 были упразднены «все коллегиальные органы» с какой-либо формой социального участия на уровне федеральной публичной администрации. Только технические недостатки указа (советы, созданные законом, не могут быть упразднены декретом) позволили Верховному суду приостановить его действие. [17, с. 55]

Тем не менее, исследователи отмечают устойчивость институционализированного социального контроля в Бразилии. [18, с. 12-38] Благодаря федералистской структуре страны, десятки тысяч муниципальных советов находились вне немедленной досягаемости мер федерального правительства. Из 103 коллегиальных советов национального уровня 34% остались активными и не претерпели изменений, 28% остались активными, но претерпели изменения, 14% были отменены, и 24% оставались неактивными (причем неактивность последних предшествовала администрации Болсонару). [18, с. 28-32] В наиболее институционализированных советах, таких как Национальный совет по здравоохранению, они даже взяли на себя роль оппозиционных органов в ответ на катастрофическое ведение государственной политики федеральным правительством, особенно в период пандемии COVID-19. [17, с. 56-57]

В Эквадоре, как показывает исследование Ф. Джарамилло, роль CPCCS остается предметом дискуссий. Автор задается вопросом: «Нарушает ли CPCCS демократический баланс власти»? [1, с. 9] Анализ показывает, что создание CPCCS, призванного обеспечить переход к participatory democracy, сталкивается с сопротивлением со стороны традиционных ветвей власти и проблемами в реализации своих функций. [1, с. 73-85]

Важным аспектом является взаимосвязь между общественным контролем и другими правовыми гарантиями народовластия. Как отмечается в докладе «Amnesty International» о конституционных реформах в Сальвадоре, одобренных в августе 2025 года, реформы, отменившие требование ратификации конституционных поправок двумя последовательными законодательными ассамблеями, «значительно сократили время, доступное для общественного участия, ослабили систему сдержек и противовесов и устранили ключевую гарантию, которая формально допускала более широкий общественный контроль». [13] Этот пример демонстрирует, что общественный контроль не может существовать изолированно — он зависит от наличия процессуальных гарантий, таких как достаточное время для общественного обсуждения, требование ратификации важных решений несколькими органами, независимость судебной системы. Ослабление этих гарантий неизбежно ведет к ослаблению общественного контроля.

Институт общественного контроля в Латинской Америке выполняет несколько ключевых функций в системе правовых гарантий народовластия:

1) функция предупреждения коррупции, что подтверждается опытом эквадорских структур публичного надзора, главной целью которых является расследование и предотвращение коррупции [19];

2) функция мониторинга государственного управления, выражающаяся в праве запрашивать документы, контролировать процедуры и сообщать о проблемах вышестоящим органам [19, с. 5-8];

3) функция соуправления, особенно развитая в бразильской модели, где публичные советы участвуют не только в контроле, но и в формулировании политики [18, с. 12-38];

4) функция нормативного определения — многие бразильские советы обладают нормативными функциями в своих секторах политики [18, с. 22-25];

5) функция противовеса исполнительной власти, и как в случае с бразильским Национальным советом по здравоохранению, который выступил оппозиционным органом в ответ на политику федерального правительства в период пандемии. [17, с. 53-58]

Однако эффективность реализации этих функций варьируется. Как отмечают исследователи, «социальный контроль по-разному и неравномерно осуществляется институтами, основанными на широком участии, не только потому, что их эффективность варьируется в зависимости от состава соответствующих политических сообществ и силы гражданского общества в этих сообществах, но и потому, что их функции различаются в зависимости от сектора и конкретного типа институтов, основанных на широком участии». [18, с. 30]

Таким образом, место института общественного контроля в системе правовых гарантий народовластия определяется его способностью дополнять традиционные механизмы представительной демократии и горизонтальной подотчетности. При этом степень эффективности общественного контроля напрямую зависит от уровня его институциональной защищенности, автономии от исполнительной власти и активности гражданского общества.

Заключение.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Принцип народовластия в конституциях стран Латинской Америки претерпел значительную эволюцию от формальной декларации к созданию развернутых институциональных механизмов реализации. «Новый конституционализм» 1999-2009 гг. (Венесуэла, Эквадор, Боливия) представляет собой наиболее радикальную модель, в рамках которой общественный контроль получает конституционный статус, а в некоторых случаях ─ положение самостоятельной ветви власти или конституционного органа. [11; 12, с. 50-62]

Институт общественного контроля занимает различное место в композиционной структуре народовластия: от факультативного механизма участия (Чили, Перу) до разветвленной системы публичных советов (Бразилия) и конституционно закрепленных органов с властными полномочиями (Эквадор, Боливия). Выявлены существенные контрасты между моделями общественного контроля даже в странах, часто объединяемых в одну группу (Венесуэла и Боливия). [7, с. 5-20]

В системе правовых гарантий конституционного принципа народовластия институт общественного контроля выполняет функции предупреждения коррупции, мониторинга государственного управления, соуправления и противовеса исполнительной власти. [17, с. 53-58; 18, с. 12-38; 19] Однако эффективность реализации данных функций находится в прямой зависимости от уровня институциональной автономии контрольных органов, степени их защищенности от политического давления и активности гражданского общества. Опыт Бразилии периода президентства Болсонару и конституционных реформ в Сальвадоре (2025) демонстрирует уязвимость механизмов общественного контроля перед атаками со стороны исполнительной власти. [13; 17, с. 55-56]

Подтверждена научная гипотеза о том, что институт общественного контроля в странах Латинской Америки представляет собой качественно новую правовую гарантию народовластия, выходящую за рамки традиционных механизмов представительной демократии. Вместе с тем, эффективность данной гарантии вариативна и зависит от конкретных политических условий: в условиях демократической стабильности и сильного гражданского общества общественный контроль может быть высокоэффективным; в условиях авторитаризации и концентрации власти он становится одной из первых жертв демократического отката. [9, с. 358-379]

Перспективы дальнейшего исследования связаны с comparative analysis эффективности различных моделей общественного контроля, изучением влияния цифровых технологий на механизмы гражданского участия, а также с разработкой рекомендаций по совершенствованию правовых гарантий общественного контроля в контексте глобального демократического отката.

Список литературы

1. Fabara Jaramillo R. E. Upsetting the democratic balance of power? A case-study of the Council of Citizen Participation and Social Control in Ecuador. Thesis. Erasmus University Rotterdam, 2019. 98 p.
2. Hagopian F., Mainwaring S. (eds.) The Third Wave of Democratization in Latin America: Advances and Setbacks. Cambridge University Press, 2005. 350 p.
3. Kingstone P., Yashar D. J. (eds.) Routledge Handbook of Latin American Politics. Routledge, 2012. 650 p.
4. Levine D., Molina J. (eds.) Quality of Democracy in Latin America. Lynne Rienner Publishers, 2011. 300 p.
5. Mainwaring S., Welna C. (eds.) Democratic Accountability in Latin America. Oxford University Press, 2003. 350 p.
6. Payne J. M., Zovatto D., Mateo Díaz M. Democracies in Development: Politics and Reform in Latin American Countries. Rev. ed. Inter-American Development Bank, 2007. 350 p.
7. Cameron M. A. The State of Democracy in the Andes: Introduction to a thematic issue // Revista de Ciencia Política. 2010. Vol. 30. № 1. P. 5-20.
8. D'Andrea A. Territorial Pluralism in the Constitutional Frameworks of Cuba and Venezuela: An Analysis of Poder Popular from the Perspective of Comparative Public Law // Federalismi.it. 2025. Vol. 13. № 13. P. 32-66.
9. Gamboa L., García-Holgado B., González-Ocantos E. Courts against backsliding: Lessons from Latin America // Law & Policy. 2024. Vol. 46. № 4. P. 358-379.
10. Morlino L. (ed.) La calidad de las democracias en América Latina: Informe para IDEA Internacional. IDEA Internacional, 2014. 250 p.
11. Pinon S. Les voies d'une démocratie modernisée ouvertes en Amérique latine // La Revue des droits de l'homme. 2023.
12. Zuazo M. El control social en Bolivia: cuarto poder del Estado? // Nueva Sociedad. 2017. № 269. P. 50-62.
13. Amnesty International. El Salvador: Constitutional reforms without guarantees of public participation or consultation put human rights at risk. News report. 4 August 2025.
14. United Nations Development Programme. Democracy in Latin America: Toward a Citizens' Democracy. UNDP, 2004. 250 p.
15. United Nations Peacemaker. Matriz: Organismos de Control en las Constituciones Andinas. Andean Parliament, 2007. 45 p.
16. Bergh S. I. Governance and Development Policy (GDP). Erasmus University Rotterdam, 2015. 210 p.
17. Fox J. Social Accountability: Beyond State-Society Synergy // Accountability Research Center. 2022. P. 53-58.
18. Gurza Lavalle A., Barone L. Participatory Institutions in Brazil // Accountability Research Center. 2015. P. 12-38.
19. LATINNO. Public Oversights. Database of Democratic Innovations. URL: https://latinno.net/en/case/8039 (дата обращения: 18.04.2026).
20. Polilat. Índice de Desarrollo Democrático de América Latina (IDD-LAT). Konrad Adenauer Foundation. URL: https://polilat.com (дата обращения: 18.04.2026).

References

1. Fabara Jaramillo R. E. Upsetting the democratic balance of power? A case-study of the Council of Citizen Participation and Social Control in Ecuador. Thesis. Erasmus University Rotterdam, 2019. 98 p.
2. Hagopian F., Mainwaring S. (eds.) The Third Wave of Democratization in Latin America: Advances and Setbacks. Cambridge University Press, 2005. 350 p.
3. Kingstone P., Yashar D. J. (eds.) Routledge Handbook of Latin American Politics. Routledge, 2012. 650 p.
4. Levine D., Molina J. (eds.) Quality of Democracy in Latin America. Lynne Rienner Publishers, 2011. 300 p.
5. Mainwaring S., Welna C. (eds.) Democratic Accountability in Latin America. Oxford University Press, 2003. 350 p.
6. Payne J. M., Zovatto D., Mateo Díaz M. Democracies in Development: Politics and Reform in Latin American Countries. Rev. ed. Inter-American Development Bank, 2007. 350 p.
7. Cameron M. A. The State of Democracy in the Andes: Introduction to a thematic issue // Revista de Ciencia Política. 2010. Vol. 30. № 1. P. 5-20.
8. D'Andrea A. Territorial Pluralism in the Constitutional Frameworks of Cuba and Venezuela: An Analysis of Poder Popular from the Perspective of Comparative Public Law // Federalismi.it. 2025. Vol. 13. № 13. P. 32-66.
9. Gamboa L., García-Holgado B., González-Ocantos E. Courts against backsliding: Lessons from Latin America // Law & Policy. 2024. Vol. 46. № 4. P. 358-379.
10. Morlino L. (ed.) La calidad de las democracias en América Latina: Informe para IDEA Internacional. IDEA Internacional, 2014. 250 p.
11. Pinon S. Les voies d'une démocratie modernisée ouvertes en Amérique latine // La Revue des droits de l'homme. 2023.
12. Zuazo M. El control social en Bolivia: cuarto poder del Estado? // Nueva Sociedad. 2017. № 269. P. 50-62.
13. Amnesty International. El Salvador: Constitutional reforms without guarantees of public participation or consultation put human rights at risk. News report. 4 August 2025.
14. United Nations Development Programme. Democracy in Latin America: Toward a Citizens' Democracy. UNDP, 2004. 250 p.
15. United Nations Peacemaker. Matriz: Organismos de Control en las Constituciones Andinas. Andean Parliament, 2007. 45 p.
16. Bergh S. I. Governance and Development Policy (GDP). Erasmus University Rotterdam, 2015. 210 p.
17. Fox J. Social Accountability: Beyond State-Society Synergy // Accountability Research Center. 2022. P. 53-58.
18. Gurza Lavalle A., Barone L. Participatory Institutions in Brazil // Accountability Research Center. 2015. P. 12-38.
19. LATINNO. Public Oversights. Database of Democratic Innovations. URL: https://latinno.net/en/case/8039 (date of request: 04/18/2026).
20. Polilat. Índice de Desarrollo Democrático de América Latina (IDD-LAT). Konrad Adenauer Foundation. URL: https://polilat.com (date of request: 04/18/2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_234

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ МУЖЧИН
METHODOLOGICAL FEATURES OF THE STUDY OF MEN'S REPRODUCTIVE RIGHTS

БАРХАТОВ Егор Дмитриевич,
аспирант кафедры конституционного и административного права
Пермского государственного национального исследовательского университета.
ул. Букирева, 15, г. Пермь, 614068, Россия.
e-mail: g.bvellofficial@gmail.com
BARKHATOV Egor Dmitrievich,
graduate student of the Department of Constitutional and Administrative Law,
Perm State National Research University.
Bukireva St., 15, Perm, 614068, Russia.
e-mail: g.bvellofficial@gmail.com

Краткая аннотация: *автор статьи анализирует методологию познания репродуктивных прав мужчин, как потенциально нового института на территории Российской Федерации. Автором обосновывается важность методов познания. Автор приводит проявление всеобщего диалектико-материалистического метода при исследовании репродуктивных прав мужчин, общенаучных методов и совокупности специальных методов, фактически используемых автором в рамках исследовательской деятельности.*

Abstract: *the author of the article analyzes the methodology of understanding men's reproductive rights as a potentially new institution in the Russian Federation. The author substantiates the importance of cognitive methods. The author cites the manifestation of the universal dialectical-materialistic method in the study of men's reproductive rights, general scientific methods and a set of special methods actually used by the author in the framework of research activities.*

Ключевые слова: *репродуктивные права мужчин, методология, системно-структурный метод, анализ, аналогия, дискриминация, институт.*

Keywords: *men's reproductive rights, methodology, system-structural method, analysis, analogy, discrimination, institution.*

Для цитирования: *Бархатов Е.Д. Методологические особенности исследования репродуктивных прав мужчин // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 234-236. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_234.*

For citation: *Barkhatov E.D. Methodological features of the study of men's reproductive rights // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 234-236. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_234.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

В соответствии с позицией О.А. Кузнецовой, исследовательский процесс начинается с обнаружения и формулирования научной проблемы, разрешение которой представляет собой цель диссертационной работы. После постановки цели и задач исследования обязательным условием является осмысление методологических предпосылок, на которых оно будет основываться, и соответствующих им методов познания[1].

По мнению В.М. Сырых: «Все многообразие методов правовой науки, по нашему мнению, по сфере их применения сводится к четырем видам: методу материалистической диалектики, общим приемам (анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия, сравнение, системно-структурный подход, восхождение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному и др.), специальным методам (статистический, математический, кибернетический, социально-психологические приемы и др.) и частноправовым (формально-логические методы толкования права, сравнительно-правовой метод)[2].

Всеобщий диалектико-материалистический метод

Основываясь на научных трудах В.В. Орлова, «основное требование материалистического метода можно сформулировать как требование объективно-реального подхода к действительности, требование рассматривать мир таким, каким он является на самом деле, без всяких посторонних прибавлений. Материализм требует полной правды, какой бы неприятной или жесткой она ни была»[3].

При исследовании репродуктивных прав мужчин, наиболее заметен закон отрицания отрицания как пример применения материалистической диалектики в юриспруденции. В юридической действительности этот закон можно проиллюстрировать систематическими изменениями законодательства. Изменения в социальной жизни требуют внесения изменений в правовые нормы, которые, в свою очередь, вызывают возникновение новых отношений. На сегодняшний момент, считается целесообразным введение целого института репродуктивных прав мужчин. Данный вывод основан на стремительно развивающейся отрасли вспомогательных репродуктивных технологий, а также кризису брачно-семейных отношений на территории Российской Федерации. Прогрессирующий индивидуализм, подкрепленный современными средствами массовой информации, такими как социальные сети, приводит к трансформации населения в закрытое общество, которое характеризуется отсутствием личной ответственности[4].

Используя всеобщий диалектико-материалистический метод, мы можем прийти к объективной картине, которая отражает некое пред-

[1] Кузнецова О.А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 4(26). С. 254.
[2] Сырых В.М. Метод правовой науки (основные элементы, структура). М.: Юридическая литература, 1980. С. 13.
[3] Орлов В.В. Основы философии: учеб. пособие; в 2 ч. Ч. 1: Общая философия / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2012. Вып. 1. 231 С. 118.
[4] Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, 1992. Т. 1. С. 218.

ставление о явлении дискриминации мужчин, которое обосновывается:

- разницей в продолжительности жизни мужчин и женщин;

- дифференциацией в трудовых правах (возраст выхода на пенсию у мужчин во многих странах превышает аналогичный возраст для женщин и составляет в России 65 и 60 лет соответственно, а также разницей в характере трудовой функции, поскольку мужчины чаще заняты на физически тяжёлых и опасных рабочих профессиях);

- разный характер мер уголовного преследования (санкций) для мужчин и женщин за одинаковые уголовно-правовые нарушения (составы преступлений);

- отсутствие пропаганды защиты интересов и прав мужчин на государственном уровне. Количество организаций по защите прав женщин в России кратно превышает число соответствующих организаций по защите прав мужчин. Активно защищается материнство, но практически отсутствует механизм защиты отцовства;

- большинство правил этикета и традиций в российском обществе с упоминанием пола носят куртуазный характер. К женскому полу в России «особенное и бережное» отношение. Более 83 % педагогов в школах женщины, которые с детства внушают мужскому населению заботиться о них при отсутствии симметричных требований;

- основной закон Российской Федерации, в статье 38, не ставит термин отцовство наравне с материнством и детством. В то же время, в статье 1 Семейного кодекса Российской Федерации прямо указывается: «Семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства». Материнство является приоритетным в культуре и художественных произведениях. Мужчина лишен права прекращения беременности или отказа от обязательств родителя в противоположность праву женщины на искусственное прерывание беременности. Согласно юридической практике, расторжение брака, в большинстве случаях, более выгодно женщинам, поскольку на территории Российской Федерации еще не разработана альтернативная система алиментных обязательств, а практика по установлению отцовства нуждается в значительных изменениях в силу использования свидетельских и иных показаний, игнорирующих генетическую экспертизу отца и ребенка;

- противовесы в области сложившихся социальных норм, обычаев и стереотипах. Большинство правил этикета и традиций, на территории России, с упоминанием пола носят куртуазный характер. У мужчин отсутствуют механизмы защиты от психологического насилия, а также наблюдается разница в объеме прав и обязанностей мужчин и женщин, при вступлении в брачно-семейные отношения;

Общенаучные методы исследования

А.А. Малиновский в исследовании по методологии юридической науки указывает, что анализ – общенаучный метод исследования, заключающийся в мыслительной операции разложения целого на части и изучения отдельных сторон предмета в их взаимосвязи[1].

Метод анализа, применительно к репродуктивным правам мужчин, позволил сформировать совокупность данных, фактов, наблюдений и полученной информации, которые используются для обоснования теоретических моделей, а также оценить степень научной разработанности данной тематики, базируясь на определенном объеме научной литературы. На сегодняшний момент, в юридической доктрине только зарождается институт репродуктивных прав мужчин. Не существует конкретных определений и механизмов защиты данных прав. Тема представляется дискуссионной.

В.В. Лазарев, в своих научных трудах, конкретно раскрывает институт аналогии в юриспруденции: «Аналогия разрешена повсюду, где нет специального запрещения и где сам нормодатель не связывает наступление юридических последствий только с конкретным законом»[2].

Применяя метод аналогии, при формировании института репродуктивных прав мужчин, мы должны основываться на том, что данный комплекс прав происходит из соматических, которые включают в себя: права человека, относительно его органов и тканей, право человека на распоряжение собственной жизнью, а также репродуктивные права. Исходя из классификации соматических прав, нам необходимо уделить внимание конкретно репродуктивным.

Концепция репродуктивных прав была сформулирована на Международной конференции ООН по правам человека в 1968 году. Дальнейшее развитие концепции произошло в итоговых документах трёх международных конференций по народонаселению и развитию (Бухарест, 1974; Мехико, 1985; Каир, 1995), а также Всемирной конференции по положению женщин (Пекин, 1995).

Как можно заметить, на сегодняшний момент, репродуктивные права принято относить, преимущественно, к женщинам, однако предполагается, что аналогичный комплекс прав может существовать и у мужчин. Метод аналогии необходим постольку, поскольку существует норма, регулирующая сходные отношения. Репродуктивные права мужчин необходимо формировать, основываясь на репродуктивных правах женщин. Данный институт тесно затрагивает области вспомогательных репродуктивных технологий, а также семейное законодательство. Приводя попытку систематизации данных прав, в исследовании необходимо применение системно-структурного метода, поскольку он напрямую используется при разработке новых институтов права, находясь в тесной связи с методом аналогии. Данная синергия общенаучных обусловлена новизной института прав как такового.

Системно-структурный метод позволяет нам изучать определенные правовые и социальные явления как системы, выявлять связи между элементами и анализировать структуру.

При определении конкретной законодательной основы исследования, мы опираемся на Конституцию Российской Федерации, Феде-

[1] См.: Малиновский А. А. История и методология юридической науки: учебное пособие / А. А. Малиновский; под редакцией А. Г. Волеводза. М.: Прометей, 2022. С. 230.
[2] Общая теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. М.: Новый Юрист, 1997. С. 25.

ральный закон от 21.11.2011 №323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ и связанные с ними иные Федеральные законы и законы субъектов Российской Федерации.

Как уже было сказано выше, мы располагаем достаточной информацией об объективной реальности социальной среды населения, на основе которой можно развить исследование и установить дополнительные параметры.

Объект исследования, а именно – общественные отношения, возникающие из потребности в реализации населением своих репродуктивных прав, представлен как комплекс, который можно разбить на части, при этом составные части (вспомогательные репродуктивные технологии; брачно-семейные отношения) имеют четкие и определённые связи.

Исходя из этих трех составляющих системно-структурного метода, нами предпринимается попытка создания института репродуктивных прав мужчин, который затрагивает не только законодательное закрепление понятие отцовства на конституционном уровне, но и существенные изменения в семейное законодательство и Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», которые регулируют область вспомогательных репродуктивных технологий.

Стоит сказать, что практика использования системно-структурного метода сводится от конкретного к абстрактному, поскольку мы основываемся лишь на определенных нормах законодательства Российской Федерации, связанных с реализацией репродуктивных прав, в частности.

Также отметим, что не существует определенного комплекса репродуктивных прав, который был бы урегулирован конкретным нормативно-правовым актом. В этой связи, необходимо применить частноправовой метод, а именно – ***сравнительно-правовой***.

Обращаясь к законодательству зарубежных стран, которое прямо или косвенно регулирует общественные отношения, возникающие из реализации населением своих репродуктивных прав, мы можем сделать определенные выводы, и использовать полученную информацию для формирования соответствующего института на территории Российской Федерации.

Конституционное закрепление института репродуктивных прав в зарубежных странах неоднородное. Не существует единого направления и системы. В основе идеи, могут лежать защита прав ребенка, либо защита основных прав и свобод, исходя из вспомогательных репродуктивных технологий.

Отправной точкой в закреплении репродуктивных прав человека на территории отдельных зарубежных стран служит репродуктивная концепция Всемирной Организации Здравоохранения. Основными репродуктивными правами, на сегодняшний момент, выделяются информационные, а также права, производные от вспомогательных репродуктивных технологий. Реализация более конкретных положений для государств-участников представляется затруднительной.

Основываясь на приведенной выше информации, в своем исследовании мы также использовали эмпирические методы, а именно: наблюдение, описание и сравнение. Среди теоретических методов, мы выделили восхождение от конкретного к абстрактному, системно-структурный, и гипотико-дедуктивный методы.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит согласиться с позицией А.В. Рыжик, который отмечает, чтобы приступить к предметному, комплексному, конкретному исследованию необходимо более четко определиться с теми познавательными ресурсами, которые будут образовывать его методологическое основание[1]. В данной статье, мы попытались обосновать лишь некоторые, применяемые нами, методы научного исследования. Мы также отразили определенные выводы, к которым нам помогло прийти применение вышеперечисленных методов. Разработка института репродуктивных прав мужчин – это сложная, комплексная задача, требующая использования множества научных методов, которые необходимо применять в определенных комбинациях для получения результата, соответствующего критериям научной новизны исследования.

Список литературы

1. Общая теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. М.: Новый Юрист, 1997. 472 с.
2. Кузнецова О.А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 4(26). С. 254–270.
3. Малиновский А. А. История и методология юридической науки: учебное пособие / А. А. Малиновский; под редакцией А. Г. Волеводза. М.: Прометей, 2022. 550 с.
4. Орлов В.В. Основы философии: учеб. пособие; в 2 ч. Ч. 1: Общая философия / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2012. Вып. 1. 231 с.
5. Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, 1992. Т. 1. 525 с.
6. Рыжик А.В. Методологические особенности исследования интересов субъектов права собственности // Legal Concept = Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 3. С. 161–166.
7. Сырых В.М. Метод правовой науки (основные элементы, структура). М.: Юридическая литература, 1980. 176 с.

References

1. General theory of law and the State / Edited by V.V. Lazarev. Moscow: New Lawyer, 1997. 472 p.
2. Kuznetsova O.A. Methods of scientific research in civil dissertations // Bulletin of Perm University. Ser.: Legal Sciences. 2014. Issue 4(26). pp. 254-270.
3. Malinovsky A. A. History and methodology of legal science: a textbook / A. A. Malinovsky; edited by A. G. Volevodz. Moscow: Prometey, 2022. 550 p.
4. Orlov V.V. Fundamentals of philosophy: textbook. the manual; in 2 h. h. 1: General philosophy / Perm. state. National. research. un-T. Perm, 2012. Issue 1. 231 p.
5. Popper K. The Open society and its enemies. Moscow: Phoenix, 1992. Vol. 1. 525 p.
6. Ryzhik A.V. Methodological features of the study of the interests of subjects of property rights // Legal Concept = Legal paradigm. 2021. Vol. 20, No. 3. pp. 161-166.
7. Syrykh V.M. Method of legal science (basic elements, structure). Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1980. 176 p.

[1] Рыжик А.В. Методологические особенности исследования интересов субъектов права собственности // Legal Concept = Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 3. С. 161.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_237

УДК 342.25 + 711.4

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE DELIMITATION OF URBAN PLANNING COMPETENCE WITHIN THE SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

ВОЛКОВСКАЯ Людмила Николаевна,
старший преподаватель кафедры предпринимательского и энергетического права Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ).
набережная канала Грибоедова, 30-32, г. Санкт-Петербург, 191023, Россия.
E-mail: volkovskay@mail.ru

VOLKOVSKAYA Lyudmila Nikolaevna,
Senior Lecturer of the Department of Business and Energy Law,
St. Petersburg State University of Economics (SPbGEU).
embankment of the Griboyedov Canal, 30-32, St. Petersburg, 191023, Russia.
E-mail: volkovskay@mail.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена исследованию конституционно-правовых основ разграничения градостроительной компетенции в системе публичной власти Российской Федерации. Анализируются проблемы отсутствия прямого упоминания градостроительного законодательства в статьях 71 и 72 Конституции РФ, комплексная природа градостроительного регулирования, соотношение федеральной, региональной и муниципальной компетенции. Обосновывается вывод о производном характере муниципальной компетенции в сфере градостроительной деятельности и необходимости системного истолкования действующего законодательства.*

Abstract: *The article examines the constitutional and legal foundations for the delimitation of urban planning competence within the system of public authority in the Russian Federation. The author analyzes the absence of a direct reference to urban planning legislation in Articles 71 and 72 of the Constitution of the Russian Federation, the complex nature of urban planning regulation, and the correlation between federal, regional and municipal competence. The conclusion is substantiated that municipal competence in this sphere has a derivative character and requires systematic interpretation of current legislation.*

Ключевые слова: *градостроительная деятельность, градостроительная компетенция, публичная власть, разграничение полномочий, органы местного самоуправления, единая система публичной власти, муниципальная компетенция, Градостроительный кодекс РФ.*

Keywords: *urban planning activity, urban planning competence, public authority, division of powers, local self-government bodies, unified system of public authority, municipal competence, Urban Planning Code of the Russian Federation.*

Для цитирования: *Волковская Л.Н. Конституционно-правовые основы разграничения градостроительной компетенции в системе публичной власти Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 237-240. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_237.*

For citation: *Volkovskaya L.N. Constitutional and legal bases of differentiation of urban planning competence in the system of public authority of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 237-240. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_237.*

Статья поступила в редакцию: 15.03.2026

В силу конституционных принципов правовой определенности, разделения властей и разграничения предметов ведения и полномочий, компетенция в сфере градостроительной деятельности должна быть надлежащим образом разграничена и распределена [1]. Это обязательство публично-правового характера возлагается, главным образом, на федеральный парламент, хотя в этом механизме принимают участие ряд иных уполномоченных органов и должностных лиц – Президент РФ, Правительство РФ, федеральные органы исполнительной власти специальной компетенции (федеральные министерства, агентства и службы), соответствующие органы публичной власти в субъектах РФ и муниципальных образованиях. Конституция РФ требует, чтобы это представляло собой внутренне согласованную, непротиворечивую систему, которая позволяла бы органам государственной власти и местного самоуправления действовать строго в рамках своих полномочий, не выходить за их пределы, обеспечивая таким образом конституционную законность и правопорядок в обществе [2].

Применительно к правовой организации градостроительной деятельности, однако, имеется ряд объективных и субъективных препятствий, которые не всегда и не в полной мере позволяют добиться установленных Конституцией РФ целей и приоритетов [3]. Прежде всего, обратим внимание на то, что в статьях 71 и 72 Конституции РФ термин «градостроительное законодательство» не используется. Если исходить из узкого толкования данного термина по смыслу Градостроительного кодекса РФ (планирование, зонирование, проектирование, строительство, реконструкция и эксплуатация строительных объектов) [4], логично констатировать пробел в конституционном регулировании (который может быть интерпретирован как умышленное умолчание Конституции РФ в целях обеспечения законодательной дискреции либо как дефект правового регулирования).

С другой стороны, в юридической литературе справедливо указывается на необходимость более широкого истолкования категории «градостроительное законодательство» исходя из предмета комплексной системы правовых норм, определяющего границы «градостроительного права» (которое находится «на стыке» отраслей, включая их важнейшие объекты: «земля», «строительство», «экология» и «финансы») [5]. С этой точки зрения логично предполагать, что «градостроительное законодательство» логически взаимосвязано с нормами административного,

гражданского, земельного, экологического и финансового права, вследствие этого – не исчерпывается нормами Градостроительного кодекса РФ [6]. Отсутствие упоминания категории «градостроительное законодательство» в статьях 71 и 72 Конституции РФ при одновременном существовании обособленного кодифицированного акта в виде Градостроительного кодекса РФ в любом случае представляет, на наш взгляд, существенную публично-правовую проблему, которая подлежит систематическому разрешению в теории, законодательстве и судебной практике [7].

Механизм разграничения предметов ведения и полномочий в современной России испытывает состояние незавершенности, постоянного движения, склонности к изменениям и модернизации, перехода от одной модели к другой. Применительно к вопросу о правовой организации градостроительной деятельности ситуация усложняется одновременным действием следующих трех групп правовых регуляторов: во-первых, законодательства об организации публичной власти в субъектах РФ (Федеральный закон № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [8]; во-вторых, законодательства о местном самоуправлении (Федеральный закон № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти») [9]; в-третьих, специального градостроительного законодательства (Градостроительный кодекс РФ) [10]. Данные правовые регуляторы содержат не просто перечни (каталоги) полномочий, но дифференцированные методологические подходы к их разграничению и перераспределению, причем если законы № 414-ФЗ и № 33-ФЗ находятся в достаточно согласованном друг с другом состоянии, то нормы Градостроительного кодекса РФ либо «опережают», либо «отстают» от данного регулирования.

Правовая категория «разграничение» применительно к проблематике компетенционного характера (предметы ведения, полномочия, функции, права и обязанности публично-территориальных образований и их органов) сравнительно прочно «устоялась» в российской юриспруденции и предполагает, главным образом, «деление целого на части» (разделение, разъединение, размежевание, дифференциация, сепарация, отграничение, распределение, раскассирование). Под «целым» в данном случае понимается государственный суверенитет – качественная (не количественная) характеристика публичной власти, означающая целостность, независимость и верховенство власти государства над какими-либо иными формами социальной власти. Государственный суверенитет неделим, однако он реализуется публично-территориальными образованиями (Федерация, субъекты РФ, муниципалитеты) и их органами (государственной власти и местного самоуправления), которые имеют соответствующую компетенцию (пределы и границы власти, полномочия и функции, права и обязанности) [11]. Градостроительство – это предмет ведения, который с безусловностью не отнесен к полномочиям и функциям федеральных, региональных или муниципальных властей. Однако компетенция государственных и муниципальных органов в градостроительной деятельности нуждается в соответствующей институционализации, т. е. в установлении Конституцией РФ, законом, подзаконным нормативным правовым актом, договором или соглашением [12].

Федеральный закон № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» опирается на методологию следования полномочий судьбе конституционных предметов ведения. При таком подходе конституционные предметы ведения первичны, полномочия – производны от них. Обычно подобная методика демонстрирует свою продуктивность и эффективность [13], однако в вопросах градостроительной деятельности она «сталкивается» с главным вопросом: к ведению какого уровня публичной власти следует относить градостроительное законодательство? Если исходить из его комплексной природы, то следует учитывать, что в этом отношении имеются адекватные предметы ведения и Российской Федерации (территория России, регулирование и защита прав человека, организация публичной власти, основы федеральной политики, федеральные программы, гражданское законодательство), и предметы совместного ведения Федерации и ее субъектов (защита прав человека; владение, пользование и распоряжение природными ресурсами, включая землю; административное, жилищное и земельное законодательство). Исходя из этого парламенту сложно позиционировать градостроительные полномочия как вытекающие из предметов ведения Федерации или из предметов совместного ведения (в которых могут быть выделены, в свою очередь, полномочия федеральных и региональных публичных властей).

Исследование действующей редакции Федерального закона № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» показывает, что парламент отдает предпочтение презумпции наличия градостроительных полномочий субъектов Федерации, вытекающих из предметов совместного ведения (ст. 72 Конституции РФ). Во всяком случае, данный вывод можно сделать из содержания пунктов 74-77 статьи 44 Закона № 414-ФЗ, в которых содержится каталог полномочий органов государственной власти субъектов РФ в сфере градостроительной деятельности (схемы территориального планирования, единый документ территориального планирования и градостроительного зонирования, документация по планировке территории, нормативы градостроительного проектирования, разрешение на строительство, уведомление о соответствии или несоответствии параметров, информационная система обеспечения градостроительной деятельности, комплексное развитие территории; региональный государственный контроль (надзор) в сферах долевого строительства многоквартирных домов, ЖСК, региональный государственный строительный надзор) [14]. Но подобный вывод в некоторой степени опровергается буквальным содержанием статей Градостроительного кодекса РФ, которые определяют (без привязки к конституционным предметам ведения) полномочия федеральных органов (статья 6), органов власти субъектов РФ (статья 7) и органов местного самоуправления (статья 8) в сфере градостроительной деятельности [15].

Данное противоречие, на наш взгляд, могло бы получить разрешение посредством использования следующей доктринальной модели: во-первых, частноправовое регулирование градостроительной деятельности составляет предмет ведения Российской Федерации по смыслу ст. 71 Конституции РФ (субъекты Федерации и муниципальные образования участвуют в градостроительной деятельности именно как субъекты права публичной собственности и участники гражданских обязательственных правоотношений, причем регулирование осуществляет исключительно Федерация посредством норм Гражданского кодекса РФ и иных источников гражданского права); во-вторых, публично-правовое регулиро-

вание градостроительной деятельности – предмет совместного ведения Федерации и ее субъектов исходя из комплексного истолкования положений ст. 72 Конституции РФ (причем здесь подлежат выделению полномочия федеральных и региональных органов публичной власти, но сохраняется конкурирующая компетенция); в-третьих, градостроительные полномочия органов местного самоуправления являются производными от компетенции федеральных и региональных органов государственной власти, поскольку они не имеют строго «местного значения» и не могут быть отнесены к категории «вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения» (хотя и будучи органически связанными с ними) [16].

Предлагаемая нами модель разграничения предметов ведения и полномочий в градостроительной деятельности не является единственно возможной и, тем более, – безусловно оптимальной, о чем свидетельствует опыт конституционного регулирования зарубежных стран, а также отечественная практика, которая была присуща российскому законодательству на более ранних этапах ее государственно-правового развития [17]. Модели разграничения предметов ведения и полномочий в истории России и в законодательстве зарубежных стран дифференцированы и разнообразны [18], они опираются на культурно-исторический контекст и должны быть обусловлены в равной степени приоритетами текущего состояния и потребностью в генеральном развитии на долгосрочную перспективу.

В градостроительстве, как и в ряде иных сфер публичного администрирования[19], необходимо разумное сочетание централизованных и децентрализованных тенденций, правотворческих и исполнительно-распорядительных полномочий, конкуренции и взаимовыгодного сотрудничества, единства государственно-правовых подходов и учета саморегулирующего потенциала гражданского общества [20]. В отличие, в частности, от вопросов обороны страны и безопасности государства, градостроительная деятельность не предполагает каких-либо полномочий органов публичной власти субъектов РФ и муниципальных образований, которые посягали бы на основы конституционного строя и глобальные интересы России. Вместе с тем, в градостроительной деятельности в значительной степени востребована тенденция к интеграции, необходимо обеспечение верховенства и прямого действия равного для всех права [21] (особенно для обеспечения рыночной конкуренции в строительстве).

Единообразие правового регулирования может сдерживаться «рамочной регламентацией», ограниченностью федеральных и региональных императивных норм и запретов, остаточным принципом определения объема компетенции, моделью конкурирующих полномочий (делегирование, вторжение, надзор и контроль, обязательные указания при неразграниченной компетенции и др.). Исходя из этого не следует исключать в будущем более децентрализованный подход к регулированию градостроительной деятельности, который предполагал бы отнесение к непосредственным полномочиям органов местного самоуправления ряда компетенционных позиций, в которые было бы юридически запрещено вмешиваться как органам государственной власти федерального уровня, так и субъектам РФ [22]. Но это – лишь пожелание или предположение, которое в современных условиях не подкрепляется политической волей федерального парламента [23].

Изложенное позволяет сформулировать следующие обобщения и выводы.

Действующая модель разграничения градостроительной компетенции в Российской Федерации характеризуется сочетанием централизованных и децентрализованных начал при доминировании федерального и регионального уровней публичной власти. Отсутствие прямого упоминания градостроительного законодательства в статьях 71 и 72 Конституции РФ при одновременном существовании самостоятельного кодифицированного акта в виде Градостроительного кодекса РФ формирует состояние нормативной неопределенности, требующее системного конституционно-правового истолкования.

Современная модель институционализации градостроительной компетенции исходит из преобладания федерального и регионального уровней публичной власти, тогда как компетенция органов местного самоуправления носит преимущественно производный и делегированный характер. Несмотря на отдельные тенденции к децентрализации, действующее законодательство в целом ориентировано на укрепление принципа единства системы публичной власти и усиление административной координации в сфере градостроительной деятельности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52. Ст. 8973.
3. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.
4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ст. 16.
5. Астафичев П.А., Булат Р.Е. Проблемы обеспечения правовой определенности в документах территориального планирования и градостроительного зонирования // Градостроительное право. 2024. № 1. С. 6.
6. Гудзь Т.В., Солдатова Л.В., Самоловских Н.В. Принципы градостроительного зонирования в судебной практике // Правоприменение. 2023. № 3.
7. Дедов Д.И. Правовая определенность для бизнеса // Предпринимательское право. 2009. № 3.
8. Агафонов А.В., Руденко А.А. Градостроительное право Российской Федерации: доктринально-правовые проблемы определения как самого понятия, так и предмета, а также метода правовой регуляции // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2020. № 3.
9. Зарицкий М.В. Межотраслевые связи градостроительного права в системе права России // Образование и право. 2025. № 6.
10. Соколова А.И. Муниципальные и градостроительные правовые конструкции: основа формирования самостоятельного городского права // Градостроительное право. 2022. № 3.
11. Ганеев Р.Р. О сущности градостроительного права и его связях с гражданским правом // Евразийский юридический журнал. 2010. № 2.
12. Беспалова М.В. Суверенитет как признак государства и как принцип права в контексте его законодательного обеспечения в современных европейских государствах // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 11.
13. Макеев Ю.Н. Соотношение конституционного и договорного способов взаимодействия субъектов федеративных отношений // Современное общество и право. 2012. № 3.
14. Ефимов Г.А. Разграничение предметов ведения и полномочий «по вертикали» как способ реализации конституционного принципа разделения властей // Юридический мир. 2019. № 6.
15. Бабейкин Р.В. Оценка эффективности региональных практик централизации управления в сфере градостроительной деятельности в России // Государственное управление. 2024. № 106.
16. Гудзь Т.В., Бабейкин Р.В., Самоловских Н.В. Тенденции в перераспределении муниципальных полномочий в области градостроительной деятельности // Закон. 2024. № 2.

17. Попов М.В. О роли комплексного развития территории, местного самоуправления и граждан в осуществлении градостроительной деятельности // Закон. 2025. № 3.
18. Набиуллина К.Р. Исторические особенности становления системы управления градостроительным развитием в Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 11.
19. Барыбина В.В. Разграничение полномочий в сфере градостроительства между федеральными органами власти и органами власти субъектов Федерации // Вестник Евразийской академии административных наук. 2011. № 1.
20. Кучмаева С.Н., Сидоров Ю.В. Особенности административно-правового регулирования полномочий субъектов публичной власти в области градостроительной деятельности // Научный журнал. 2019. № 6.
21. Филатова Т.В. Феномен самоуправления // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 7.
22. Доронина О.Н. Местное самоуправление в системе обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2011. № 1.
23. Бутаева Е.М. Полномочия органов местного самоуправления в сфере градостроительства // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 3.
24. Бабейкин Р., Гудзь Т., Самоловских Н. Централизация муниципальных полномочий в сфере градостроительной деятельности: к глобальной дискуссии о роли локализма в управлении развитием территорий // Городские исследования и практики. 2025. № 1.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993) (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 11. Art. 1416.
2. Federal Law No. 414-FZ dated 12/21/2021 "On General Principles of the organization of Public Power in the Subjects of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 52. Art. 8973.
3. Federal Law No. 33-FZ dated 03/20/2025 "On General Principles organizations of local self-government in the unified system of public authority" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2025. № 12. Art. 1200.
4. Urban Planning Code of the Russian Federation No. 190-FZ dated December 29, 2004 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1. Art. 16.
5. Astafichev P.A., Bulat R.E. Problems of ensuring legal certainty in documents of territorial planning and urban zoning // Urban planning law. 2024. No. 1. S. 6.
6. Gudz T.V., Soldatova L.V., Samolovskikh N.V. Principles of urban planning zoning in judicial practice // Law enforcement. 2023. No. 3.
7. Dedov D.I. Legal certainty for business // Entrepreneurial law. 2009. № 3.
8. Agafonov A.V., Rudenko A.A. Urban planning law of the Russian Federation: doctrinal and legal problems of defining both the concept and the subject, as well as the method of legal regulation // Socio-economic and Humanitarian Journal. 2020. No. 3.
9. Zaritsky M.V. Intersectoral links of urban planning law in the Russian legal system // Education and Law. 2025. No. 6.
10. Sokolova A.I. Municipal and urban legal structures: the basis for the formation of independent urban law // Urban law. 2022. № 3.
11. Ganeev R.R. On the essence of urban planning law and its relations with civil law // Eurasian Law Journal. 2010. No. 2.
12. Bespalova M.V. Sovereignty as a sign of the state and as a principle of law in the context of its legislative support in modern European states // Actual problems of Russian law. 2013. No. 11.
13. Makeev Yu.N. Correlation of constitutional and contractual ways of interaction of subjects of federal relations // Modern society and law. 2012. № 3.
14. Efimov G.A. Differentiation of subjects of jurisdiction and powers "vertically" as a way to implement the constitutional principle of separation of powers // Legal World. 2019. № 6.
15. Babeikin R.V. Evaluation of the effectiveness of regional practices of centralization of management in the field of urban development in Russia // State Management. 2024. No. 106.
16. Gudz T.V., Babeikin R.V., Samolovskikh N.V. Trends in the redistribution of municipal powers in the field of urban planning // Law. 2024. No. 2.
17. Popov M.V. On the role of integrated development of the territory, local self-government and citizens in the implementation of urban planning activities // Law. 2025. № 3.
18. Nabiullina K.R. Historical features of the formation of the urban development management system in the Russian Federation // Society: politics, economics, law. 2017. No. 11.
19. Barybina V.V. Differentiation of powers in the field of urban planning between federal authorities and authorities of federal subjects // Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. 2011. № 1.
20. Kuchmaeva S.N., Sidorov Yu.V. Features of the administrative and legal regulation of the powers of public authorities in the field of urban construction activities // Scientific Journal. 2019. № 6.
21. Filatova T.V. The phenomenon of self-management // Ethnosocium and interethnic culture. 2014. No. 7.
22. Doronina O.N. Local self-government in the system of ensuring and protecting human and civil rights and freedoms in the Russian Federation // Municipal Service: legal issues. 2011. № 1.
23. Butaeva E.M. The powers of local governments in the field of urban planning // Power and management in the East of Russia. 2007. № 3.
24. Babeikin R., Gudz T., Samolovskikh N. Centralization of municipal authorities in the field of urban planning: towards a global discussion on the role of localism in managing the development of territories // Urban Research and Practice. 2025. № 1.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_241

УДК 34.96

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ
DIGITALIZATION OF PUBLIC LAND MANAGEMENT

МУСИХИНА Елена Мунаваровна
аспирант кафедры экологического и трудового права Института права
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий».
450075, Россия, г. Уфа, проспект Октября,107Б-30.
E-mail: elena.musihina16@yandex.ru

MUSIKHINA Elena Munavarovna
is a postgraduate student of the Department of Environmental and Labor Law at the Institute of Law
of the Ufa University of Science and Technology.
450075, Russia, Ufa, 107B-30 Oktyabrya Avenue.
E-mail: elena.musihina16@yandex.ru

Краткая аннотация. *В данной статье автором раскрываются правовые основы цифровизации, применяемые в управлении землями Российской Федерации (проиллюстрированные на ряде управленческих кейсов).Подчеркивается необходимость всестороннего государственного управления земельными ресурсами и акцентируется роль внедрения цифровых технологий в этой сфере. Современное состояние нормативно-правового регулирования в области цифровизации управления земельными ресурсами характеризуется отсутствием единой системы норм. Несмотря на это, сфера цифровизации управления земельными ресурсами активно развивается. Предлагаются направления развития законодательства с целью совершенствования цифровизации для повышения эффективности государственного управления земельными ресурсами.*

Abstract. *In this article, the author reveals the legal basis of digitalization applied in the management of lands of the Russian Federation (illustrated by a number of management cases). The need for comprehensive state management of land resources is emphasized and the role of the introduction of digital technologies in this area is highlighted. The current state of legal regulation in the field of digitalization of land management is characterized by the absence of a unified system of norms. Despite this, the field of digitalization of land management is actively developing. Directions for the development of legislation are proposed in order to improve digitalization in order to increase the efficiency of state management of land resources.*

Ключевые слова: *право, законодательство, цифровизация, управление земельными ресурсами, охрана земель.*
Keywords: *law, legislation, digitalization, land management, land protection.*

Для цитирования: *Мусихина Е.М. Цифровизация государственного управления земельными ресурсами // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 241-243. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_241.*
For citation: *Musikhina E.M. Digitalization of public land management // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 241-243. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_241.*

Статья поступила в редакцию: 30.03.2026

Земельные ресурсы играют важную роль в социальной, экономической и общественной жизни, являясь основой устойчивого роста экономики государства благодаря своим естественным характеристикам. Поэтому данная сфера нуждается в комплексном управлении ввиду своей значимости.

Управление земельными ресурсами — это сложная система взаимосвязанных правовых, социальных, экологических и экономических отношений. Это осознанный и целеустремленный процесс воздействия государственных органов и общественности на земельные ресурсы посредством учета объективных законов и тенденций землепользования с целью повышения эффективности их эксплуатации [1].Современные цифровые технологии являются важнейшим элементом повышения эффективности управления землями на всех уровнях, что отражается в государственных стратегиях цифровизации России, направленных на формирование информационного общества к 2030 году. [2]. Цифровизация также необходима и в сфере управления землей. В частности, цифровизация управления землями стала реальностью: Е.Н. Абанина, обращает внимание, на то, что цифровые технологии в сфере экологии играют ключевую роль, способствуя не только технологическому прогрессу, но и формированию устойчивого общества [3]. Аналогично, С.Ю. Королёв отмечает, что цифровизация управления землями уже произошла [4], что позволяет не только автоматизировать технические процессы, но и значительно упростить юридические процессы.

Автор исходит из понимания, что цифровизация системы управления земельными ресурсами охватывает применение цифровых платформ и информационно-коммуникационных технологий в управленческой практике, включая автоматизацию правовых процедур. Цифровизация выходит далеко за рамки простого перевода документации в электронный вид, охватывая выполнение сложных функций, таких как контроль соблюдения законодательства, создание специализированных информационных систем и многое другое. Сегодня не существует единой нормативно-правовой базы, регламентирующей процессы цифровизации управления земельными ресурсами в Российской Федерации. Это создает риск возникновения дисбаланса, отсутствия координации действий ведомств и недостаточно эффективной защиты данных, что замедляет развитие данного направления.

Перечень нормативных и правовых актов, касающихся обсуждаемой проблемы, охватывает:

- Указ Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 № 203 под названием «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» [2];

- Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [5];

- Постановление Правительства РФ от 01 декабря 2021 № 2148 об утверждении государственной программы РФ «Национальная си-

стема пространственных данных» [6];

- Приказ Минсельхоза РФ от 2 апреля 2018 г. № 130 «О вводе в эксплуатацию Единой федеральной информационной системы о землях сельскохозяйственного назначения и землях, используемых или предоставленных для ведения сельского хозяйства в составе земель иных категорий» [7];

- Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 316 которым утверждена государственная программа РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика» [8], а также иные нормативные акты.

Пока нет целостной системы нормативно-правовых акт, регулирующей цифровизацию земельного управления, данное направление набирает темпы роста, демонстрируя реализацию множества управленческих функций. В связи с этим закономерно возникает вопрос, кто же является субъектом управления земельной сферой. При этом данный вопрос подлежит обсуждению, т.к. единое мнение по данному поводу отсутствует. Некоторые ученые полагают, что субъектом управления выступает государство (например, Е.С. Болтанова) [9], иные же возлагают полномочия на профильные уполномоченные органы (в частности, В.П. Балезина, Н.И. Краснова) [10], а третьи относят их к исполнительным и распорядительным структурам государственной власти и органам местного самоуправления (О.И. Крассов) [11]. В рамках данной статьи субъектом управления мы определяем государство.

Задача государственного учёта земель заключается в сборе упорядоченных данных о количественных показателях, качественных характеристиках и юридическом статусе земель в пределах определённых территорий. Как указывают А.В. Пылаева, М.В. Акинин, для успешного разрешения задач, связанных с развитием территорий, необходимы достоверные и регулярно обновляемые пространственные данные [12].

Правительство Российской Федерации в 2021 году утвердило концепцию национальной платформы пространственных данных [6], призванной стать основой российской геоинформационной инфраструктуры. Главная задача инициативы – объединение данных из разных ведомств и регионов, реестров, и других информационных ресурсов в единую систему с последующим внедрением инструментов искусственного интеллекта. Ожидается, что указанный проект обеспечит свободный доступ к сведениям о земельных участках, упростят процедуры оказания услуг в сфере земельных отношений и дадут дополнительные преимущества пользователям.

Учеными и специалистами особо подчеркивается необходимость формирования единой информационной системы учета сельхозземель, играющей ключевую роль в повышении эффективности использования аграрных территорий. На конференции в Агроцентре МГУ профессор Д.М. Хомяков подчеркнул значимость платформы для вовлечения сельхозугодий в оборот [13]. Н.П. Воронина выделила комплексный подход к цифровизации агропромышленного комплекса, включающий точное цифровое картографирование границ, прицельное внесение удобрений, прогноз урожайности, мониторинг посевов, проведение почвенного анализа в координационной системе, использование дистанционного мониторинга и внедрение беспилотных агротехнических машин и оборудования [14]. По мнению А.В. Кучинской, Е.А. Галиновской, в 2020 г. подчеркивают, что в настоящее время (2020 г.) сведения содержались в ЕГРН по 60,1 млн земельным участкам, из которых только половина имела четкие границы [15].

Важно подчеркнуть, что сегодня активно реализуются многочисленные проекты в данной сфере. В частности, функционирует федеральный государственный информационный ресурс «Электронный атлас земель сельскохозяйственного назначения», обеспечивающий получение оперативного доступа к данным мониторинга использования и состояния земель сельскохозяйственного назначения. А.В. Шашкова, А.О. Соловцов отмечают, что осуществляемая цифровизация сельского хозяйства и других отраслей экономики, создание федеральных информационных система пространственных данных должны повысить эффективность управления земельными ресурсами [16].

В контексте управления земельными ресурсами также важно отметить этап регистрации прав на земельные ресурсы. Особое внимание необходимо уделить работе искусственного интеллекта. Ведущее ведомство, Росреестр, запустило интеллектуальный сервис «Цифровой помощник регистратора – ЕВА», однако официальные документы по нему пока не опубликованы на ведомственном портале. Елена Мартынова — заместитель руководителя Росреестра и директор по цифровой трансформации — выступила на Петербургском международном юридическом форуме 2023 на сессии «Алгоритмы власти: государство и искусственный интеллект» с докладом по итогам опытной эксплуатации ИИ в ведомстве. «Искусственный интеллект позволяет моментально распознавать документы, извлекать из них имена и графические объекты, проверять в течение 15 секунд показатели, которые человеку недоступны, а также автоматически заполнять электронные заявления. Это дает возможность сервису «ЕВА» выдавать быстрый отклик и формировать альтернативные варианты решений, снижая количество ошибок, вызванных человеческим фактором. Проект пока внедряется лишь в отдельных регионах страны, однако продемонстрированные на форуме результаты заслуживают пристального изучения [17].

Учёные выявляют ряд ключевых проблем, нуждающихся в разрешении в области управления земельными ресурсами, слабая законодательная база в сфере цифровизации [14], недостатки организационного устройства государственного контроля над природопользованием и защитой окружающей среды [18], потребность в создании унифицированной информационной системы с учётом долгосрочных перспектив [19] и др.

Мы полагаем, что изучение правовых основ цифровизации управления земельными ресурсами должно фокусироваться на понимании целей, которые преследует государство, осуществляя данную деятельность. В своём диссертационном исследовании О.С. Лазарева справедливо замечает, что качественное информационное обеспечение системы рационального использования земли даёт возможность проанализировать степень эффективности текущего использования и спрогнозировать возможные пути её дальнейшего освоения вместе со всеми сопутствующими аспектами [19].

Процесс цифровизации управления земельными ресурсами уже начался, однако любое начинание нуждается в совершенствовании, особенно учитывая, что наше государство ещё только встаёт на данный путь. С.Ю. Королев обращает внимание на проблему отсутствия целостной стратегической основы цифровизации в законодательном регулировании, что мешает формированию надлежащего уровня зрелости цифро-

вых технологий [4]. Таким образом, дальнейшее совершенствование правового регулирования отношений в области цифровизации управления земельными ресурсами станет важным инструментом для улучшения качества государственного управления этими ресурсами, способствуя таким образом устойчивому территориальному и социально-экономическому развитию страны.

Список литературы

1. Мезенина О.Б., Лантанова А.В., Рассказова А.А. Управление земельными ресурсами России на современном этапе. URL: https://elar.usfeu.ru/handle/123456789/967 (дата обращения: 21.06.2024).
2. Указ Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения: 22.06.2024).
3. Абанина Е.Н. Тенденции развития государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности (региональный уровень) / Е.Н. Абанина // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 31-38.
4. Королёв С. Ю. Правовая политика в сфере цифровизации управления земельным фондом Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-politika-v-sfere-tsifrovizatsii-upravleniya-zemelnym-fondom-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 23.06.2024).
5. Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 22.06.2024).
6. Постановление Правительства РФ от 01 декабря 2021 № 2148 (с посл. изм от 25 августа 2023 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Национальная система пространственных данных». URL: http://government.ru/docs/all/137941/ (дата обращения: 22.06.2024).
7. Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 2 апреля 2018 г. № 130 «О вводе в эксплуатацию Единой федеральной информационной системы о землях сельскохозяйственного назначения и землях, используемых или предоставленных для ведения сельского хозяйства в составе земель иных категорий». URL: https://base.garant.ru/73544898/ (дата обращения: 22.06.2024).
8. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»». URL: http://government.ru/docs/all/91503/ (дата обращения: 22.06.2024).
9. Болтанова Е.С. Земельное право: учебник. – 7-изд. – Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2009. – 399 с.
10. Советское земельное право: учебник / под ред. В.П. Балезина, Н.И. Краснова. М.: Юридическая литература, 1986. 304 с.
11. Крассов О.И. Земельное право: учебник. М.: Норма, 2000. – 624 с.
12. Пылаева А.В., Акинин М.В. Искусственный интеллект и нейронные сети - инструменты кадастровой оценки недвижимости в составе Национальной системы пространственных данных // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 4. С. 23 - 31.
13. Хомяков Д.М. Землеустройство и цифровые решения для осуществления государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения на современном этапе. URL: https://ecfs.msu.ru/resources/analitycs/zemleustrojstvo-i-czifrovyie-resheniya-dlya-osushhestvleniya-gosudarstvennogo-monitoringa-zemel selskoxozyajstvennogo-naznacheniya-na-sovremennom-etape (дата обращения: 20.06.2024).
14. Воронина Н.П. Правовое обеспечение цифровизации сельского хозяйства // Право и цифровая экономика. 2021. № 3. С. 20 - 26.
15. Кучинская А.В., Галиновская Е.А. Правовые особенности формирования государственной политики в области управления земельными ресурсами // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 126 - 135.
16. Шашкова А.В., Соловцов А.О. Земля как ресурс и объект управления: методолические аспекты управления, цифровизация земельных ресурсов // Известия ДВФУ. Экономика и управление. № 3. 2021. С. 16–32.
17. Цифровой помощник на службе регистраторов. URL: https://rosreestr.gov.ru/press/archive/elena-martynova-tsifrovoy-pomoshchnik-na-sluzhbe-registratorov/ (дата обращения: 20.06.2024).
18. Гиззатуллин Р.Х. Экологическая функция государства: теория и практика реализации: дис. …д.ю.н. М., 2014. – 442 с.
19. Лазарева О.С. Информационное обеспечение рационального использования земельных ресурсов и регулирования земельно-имущественных отношений на региональном уровне: автореф. дис. … канд. эконом. наук. Санкт-Петербург, 2021. – 24 с.

References

1. Mezenina O.B., Lantanova A.V., Rasskazova A.A. Land management in Russia at the present stage. URL: https://elar.usfeu.ru/handle/123456789/967 (date of application: 06/21/2024).
2. Decree of the President of the Russian Federation No. 203 dated May 09, 2017 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030". URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (date of appeal: 06/22/2024).
3. Abanina E.N. Trends in the development of state policy in the field of environmental safety (regional level) / E.N. Abanina // Legal policy and legal life. 2021. No. 1. pp. 31-38.
4. Korolev S. Y. Legal policy in the field of digitalization of land fund management in the Russian Federation // Legal policy and legal life. 2023. No.2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-politika-v-sfere-tsifrovizatsii-upravleniya-zemelnym-fondom-rossiyskoy-federatsii (date of appeal: 06/23/2024).
5. Decree of the President of the Russian Federation dated July 02, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (date of appeal: 06/22/2024).
6. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 01, 2021 No. 2148 (with the Letter of August 25, 2023) "On approval of the State program of the Russian Federation "National Spatial Data System". URL: http://government.ru/docs/all/137941 / (date of application: 06/22/2024).
7. Order No. 130 of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation dated April 2, 2018 "On the Commissioning of the Unified Federal Information System on Agricultural Lands and lands used or provided for agriculture as part of lands of other categories". URL: https://base.garant.ru/73544898 / (date of access: 06/22/2024).
8. Decree of the Government of the Russian Federation dated April 15, 2014 No. 316 "On approval of the State program of the Russian Federation "Economic Development and Innovative Economy"". URL: http://government.ru/docs/all/91503 / (date of application: 06/22/2024).
9. Boltanova, E.S. Land Law: Textbook. 7th Edition. Moscow: RIOR: INFRA-M, 2009. 399 p.
10. Soviet land law: textbook / edited by V.P. Balezin, N.I. Krasnov. M.: Legal literature, 1986. 304 p.
11. Krassov O.I. Land law: textbook. M.: Norm, 2000. 624 p.
12. Pylaeva A.V., Akinin M.V. Artificial intelligence and neural networks - tools for cadastral valuation of real estate as part of the National spatial data system // Property relations in the Russian Federation. 2024. No. 4. pp. 23-31.
13. Khomyakov D.M. Land management and digital solutions for the implementation of state monitoring of agricultural lands at the present stage. URL: https://ecfs.msu.ru/resources/analitycs/zemleustrojstvo-i-czifrovyie-resheniya-dlya-osushhestvleniya-gosudarstvennogo-monitoringa-zemel-selskoxozyajstvennogo-naznacheniya-na-sovremennom-etape (date of application: 06/20/2024).
14. Voronina N.P. Legal support for digitalization of agriculture // Law and the digital economy. 2021. No. 3. pp. 20-26.
15. Kuchinskaya A.V., Galinovskaya E.A. Legal features of the formation of state policy in the field of land management // Journal of Russian Law. 2020. No. 2. pp. 126 - 135.
16. Shashkova A.V., Solovtsov A.O. Land as a resource and an object of management: methodological aspects of management, digitalization of land resources // Izvestiya FEFU. Economics and Management. No. 3. 2021. pp. 16-32.
17. Digital assistant at the registrar's office. URL: https://rosreestr.gov.ru/press/archive/elena-martynova-tsifrovoy-pomoshchnik-na-sluzhbe-registratorov / (date of reference: 06/20/2024).
18. Gizzatullin R.H. The ecological function of the state: theory and practice of implementation: dis. ... doctor of Law, 2014. 442 p.
19. Lazareva O.S. Information support for the rational use of land resources and regulation of land and property relations at the regional level: abstract. ... candidate of Economics. sciences'. St. Petersburg, 2021. 24 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_244

УДК 340

К ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ON THE TASKS OF STATE BODIES IN ENSURING THE INFORMATION SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

ПОЛУЯНОВА Елена Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры специальной техники и информационных технологий юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России.
Россия, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е.
E-mail: elenapolujanova66@gmail.com

POLUYANOVA Elena Vladimirovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Special Equipment and Information Technologies at the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
67E Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia.
E-mail: elenapolujanova66@gmail.com

Краткая аннотация: *в статье проанализированы положения нормативных правовых актов, касающихся решения задач в рамках деятельности государственных органов по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации. Рассмотрен вопрос о правовом регулировании данного направления в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.*

Abstract: *The article analyzes the provisions of regulatory legal acts related to solving problems within the framework of the activities of state bodies to ensure the information security of the Russian Federation. The issue of legal regulation of this area in the penal system of the Russian Federation is considered.*

Ключевые слова: *национальная безопасность, информационная безопасность, государственная политика, критическая информационная инфраструктура, информационные технологии, сеть «Интернет», уголовно-исполнительная система Российской Федерации.*

Keywords: *national security, information security, state policy, critical information infrastructure, information technologies, the Internet, and the penal system of the Russian Federation.*

Для цитирования: *Полуянова Е.В. К вопросу о задачах государственных органов в рамках деятельности по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 244-248. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_244.*

For citation: *Poluyanova E.V. On the issue of the tasks of government agencies in the framework of activities to ensure information security of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 244-248. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_244.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Государственная политика в области обеспечения безопасности в соответствии с положениями Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (далее – Закон № 390-ФЗ) [6] реализуется в рамках внутренней и внешней политики Российской Федерации. Внутренняя и внешняя политика государства является задачей национальной безопасности, она направлена на укрепление обороноспособности, внутреннего единства и политической стабильности, на модернизацию экономики и развитие промышленного потенциала, а также на защиту от внутренних и внешних угроз. Цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности, национальных интересов и стратегических национальных приоритетов сформулированы в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 (далее – Стратегия) [2]. Противодействие угрозам национальной безопасности осуществляется органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями путем реализации политических, правовых, военных, организационных, в том числе информационных мер. Обеспечение информационных мер осуществляется в рамках информационной безопасности, которая является одним из стратегических национальных приоритетов государства. Поясним, что вопросы информационной безопасности государства отражены в положениях Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 (далее – Доктрина) [3]. При этом понятие «информационная безопасность Российской Федерации», сформулировано в Доктрине как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства (пп. «а» п. 2).

Вопросы, касающиеся деятельности государственных органов, осуществляемой в целях обеспечения информационной безопасности Российской Федерации изучаются рядом ученых по различным направлениям. Например, Х.А. Андриашин анализирует правовые основы регулирования безопасности и защиты информации в современной России и считает, что многоаспектный характер деятельности органов государственной власти в сфере обеспечения информационной безопасности и защиты информации предполагает выработку организационно-управленческого механизма осуществления правоприменительной деятельности и, прежде всего, в ходе административной профилактики, устранения причин и условий, способствующих совершению правонарушений данного вида. Кроме того автор полагает, что одним из важнейших направлений государственной политики РФ в области информатизации становится развитие законодательства в сфере регулирования правовой

информации и информационных процессов в целом [16, 155]. С.Р. Бекишиева и Р.М. Карибов в ходе изучения проблемы взаимодействия институтов гражданского общества и государства в обеспечении информационных прав граждан, предполагают, что усложнение общественных отношений, их переход в цифровую область ставят перед государством новые задачи по совершенствованию нормативного регулирования в сфере информационной безопасности в целях защиты прав и свобод человека. Анализ проблемы позволяет авторам сказать, что в рассматриваемой сфере необходимо наличие эффективных цифровых инструментов взаимодействия гражданского общества и государства, а законодательство, в свою очередь должно опережать трансформацию окружающего мира в сфере информационной безопасности, а не следовать за ними [17, 69]. Коллектив авторов Н.С. Волкова, А.А. Ефремов, С.М. Зырянов рассматривают пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере и отмечают, что время, новые технологии, вызовы и угрозы меняют приоритеты и требования к информационной безопасности, что предполагает адекватное реагирование на них. Авторы уточняют, что обеспечение информационной безопасности не является проблемой, специфичной только для Российской Федерации – практически все страны с развитой экономикой на уровне государственных органов, предпринимательских структур разрабатывают и применяют комплексные меры, направленные на ее обеспечение [19, 4]. А.И. Винников изучает информационную безопасность как сферу государственного управления и полагает, что внедрение режима информационной безопасности в государственные организации позволяет защитить используемые ею технологии и информационные активы путем предотвращения обнаружения и реагирования на угрозы, как внутренние, так и внешние. Кроме того А.И. Винников считает, что руководство организаций и ИТ-специалисты отвечают за стратегию информационной безопасности организации, для поддержки которой важно повысить осведомленность персонала о вопросах информационной безопасности посредством обучения [18, 286]. М.В. Алексеева и И.А. Подройкина рассматривая ключевые аспекты обеспечения информационной безопасности Российской Федерации, полагают, что необходимо уделять особое внимание совершенствованию правовых и организационных механизмов, направленных на ограничение распространения запрещенной информации и формированию безопасного информационного пространства знаний [15, 42].

Следует пояснить, что государственная политика в области обеспечения безопасности, в том числе информационной, реализуется, в первую очередь, органами государственной власти. Государственные органы в рамках своей деятельности должны осуществлять защиту прав и законных интересов граждан и организаций в информационной сфере, квалифицированно оценивать состояние информационной безопасности, своевременно прогнозировать возможное возникновение информационных угроз и осуществлять комплекс мер по ее обеспечению. Кроме того их задачей является организовывать деятельность по координации взаимодействия сил обеспечения информационной безопасности, и совершенствования правового, организационного, научно-технического, информационно-аналитического, кадрового и экономического потенциала. Также государственные органы в процессе деятельности по обеспечению информационной безопасности должны вырабатывать и реализовывать меры государственной поддержки организаций, выполняющих задачи по разработке, производству и эксплуатации средств обеспечения информационной безопасности. Представляем на рисунке 1 перечень задач, структурированных в соответствии с положениями п. 35 Доктрины, осуществляемых государственными органами в целях обеспечения информационной безопасности Российской Федерации.

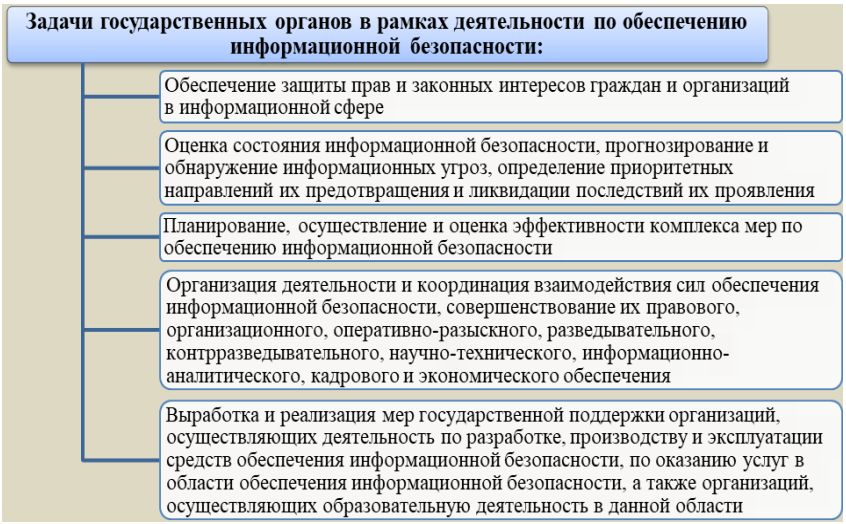

Рисунок 1. Задачи государственных органов в рамках деятельности по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации.

Рассмотрим представленные в Доктрине задачи государственных органов по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации подробнее. Первой задачей является обеспечение защиты прав и законных интересов граждан и организаций в информационной сфере. Отметим, что конституционными нормами (п. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации) [1] закреплено, что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, а органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом (п. 2 ст. 24). Кроме того в соответствии с положе-

ниями Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон № 149-ФЗ) [7], регламентирующими право на доступ к информации, отмечено, что не может быть ограничен доступ к нормативным правовым актам, затрагивающим права, свободы и обязанности человека и гражданина, а также к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления (п. 1, 3 ч. 4 ст. 8).

Следующей задачей государственных органов в рамках деятельности по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации является оценка состояния информационной безопасности, прогнозирование и обнаружение информационных угроз, определение приоритетных направлений их предотвращения и ликвидации последствий их проявления. Следует пояснить, что в нормах Конституции Российской Федерации (п. «м» ст. 71) закреплено, что обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных находятся в ведении Российской Федерации. В целях решения указанных задач и предупреждения информационных угроз в Российской Федерации создана и функционирует государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы (далее – ГосСОПКА). В соответствии с положениями ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (далее – Закон № 187-ФЗ) [8] ГосСОПКА предназначена для решения задач по обеспечению безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации. Данная государственная система представляет собой единый территориально распределенный комплекс, включающий силы и средства, предназначенные для обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак и реагирования на компьютерные инциденты. Поясним, что в целях совершенствования данной государственной системы, Указом Президента Российской Федерации от 22.12.2017 № 620 «О совершенствовании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» [4], функции по созданию ГосСОПКА возложены на Федеральную службу безопасности Российской Федерации (далее – ФСБ России). Взаимодействие участников организовано на официальном сайте данной государственной структуры, расположенной в сети Интернет по электронному адресу: https://gossopka.ru/ [13]. В целях решения задач поставленных перед ГосСОПКА, координации мероприятий по реагированию на компьютерные инциденты приказом ФСБ России от 24.07.2018 № 366 «О Национальном координационном центре по компьютерным инцидентам» [10] в Российской Федерации создан и функционирует национальный координационный центр по компьютерным инцидентам (далее – НКЦКИ). Поясним, что НКЦКИ кроме непосредственного участия в обнаружении, предупреждении и ликвидации последствий компьютерных атак осуществляет сбор, хранение и анализ информации о компьютерных инцидентах и компьютерных атаках, а также осуществляет анализ эффективности проводимых мероприятий (пп. 4.4., 4.6. приказа ФСБ России от 24.07.2018 № 366). Уточним, что с деятельностью национального координационного центра по компьютерным инцидентам можно ознакомиться на его официальном сайте по электронному адресу: https://www.cert.gov.ru/. Кроме того на официальном сайте НКЦКИ размещены электронные адреса по которым можно сообщить о компьютерных инцидентах: incident@cert.gov.ru и компьютерных угрозах: threats@cert.gov.ru. В случае обращения по данным электронным адресам, субъектам критической информационной инфраструктуры и иным владельцам российских информационных ресурсов на официальном сайте НКЦКИ представлена стандартная форма уведомления об атаке или инциденте после заполнения, которой сформированное уведомление необходимо направить на указанный электронный адрес. Кроме того данный национальный координационный центр представляет статистику результатов работы по противодействию ресурсам, связанным фишингом или распространением вредоносного программного обеспечения. Безусловно, соответствующее противодействие требует наличия необходимых технических ресурсов для реализации технических мер, а также актуальное правовое регулирование с учетом быстрого развития цифровизации на международном уровне во всех сферах функционирования Российской Федерации и других государств. Например, за период с 23.04.2026 по 29.04.2026 НКЦКИ выявлено: 533 вредоносных ресурсов, деятельность которых пресечена по обращениям в национальный координационный центр по компьютерным инцидентам; 15 владельцев российских информационных ресурсов проинформированы о наличии признаков компьютерных инцидентов; 133 доменных имени снято с делегирования; 18 уведомлений направлено российским операторам связи о вредоносной активности в их адресном пространстве; 281 раз за указанный период оказывалось содействие участникам ГосСОПКА в реагировании на компьютерные атаки и компьютерные инциденты [14]. Результаты статистики работы национального координационного центра по компьютерным инцидентам представляются на странице сайта еженедельно, что указывает на своевременное реагирование на обращения, а также о своевременности и актуальности функционирования государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы. Отметим, что работа данных государственных структур является решением одной из задач государственных органов в рамках деятельности по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации по планированию, осуществлению и оценке эффективности комплекса мер по обеспечению информационной безопасности.

Задачей государственных органов, в рамках деятельности по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации, является защита информации. Защита информации в соответствии с положениями п. 1 ч. 1 ст. 16 Закона № 149-ФЗ представляет собой принятие правовых, организационных и технических мер, направленных на обеспечение ее защиты от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий, в том числе при использовании информационно-телекоммуникационных сетей на территории Российской Федерации. Уточним, что Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества на период с 2017 по 20230 годы (далее – Стратегия развития информационного общества) [5], в соответствии с положениями данного документа необходимо выработать технические и законодательные меры по предотвращению нарушений работы сети «Интернет» и отдельных ее ресурсов на территории Российской Федерации в ре-

зультате целенаправленных воздействий на них (пп. «в» п. 33). Функционирование российского сегмента сети «Интернет», используемого в деятельности государственными органов, должно иметь высокий уровень обеспечения информационной безопасности. Одной, из важных государственных структур является уголовно-исполнительная система Российской Федерации (далее – УИС РФ). В соответствии с положениями Концепции развития УИС РФ на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р (раздел XVII) [9] в УИС РФ сформирована комплексная защита информационной инфраструктуры. Для обеспечения безопасности УИС РФ в информационной сфере, а также в целях соблюдения структурными подразделениями федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России) и учреждениями, непосредственно подчиненными ФСИН России, требований положений законодательства по обеспечению информационной безопасности утвержден приказ ФСИН России от 13.02.2007 № 77 [11]. Обеспечение информационной безопасности на объектах УИС РФ необходимо организовать путем выполнения требований по обеспечению технической защиты информации, установленных законодательством Российской Федерации и руководящими документами Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (далее – ФСТЭК РФ). В целях выполнения требований по технической защите информации в Российской Федерации, в том числе в учреждениях и органах УИС РФ действует приказ ФСТЭК РФ от 11.04.2025 № 117 [12]. Положениями приказа ФСИН России от 13.02.2007 № 77 определено, что целью использования ресурсов сети «Интернет» в структурных подразделениях ФСИН России и учреждениях, непосредственно подчиненных ФСИН России, является предоставление возможности ведения информационно-аналитической работы в интересах указанных подразделений, а также обмен почтовыми сообщениями с внешними по отношению к ФСИН России организациями. Выражаем согласие с мнением А.Д. Поповой, которая в ходе изучения вопросов обеспечения информационной безопасности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, полагает, что в связи с особенностями работы Федеральной службы исполнения наказаний информационная безопасность является критической составляющей: чтобы защитить конфиденциальность, целостность и доступность информации о персонале и операционных процессах, ФСИН России должна придерживаться строгих норм и правил в обеспечении информационной безопасности [20, 51].

В заключение следует сказать, что задачи государственных органов, в рамках деятельности по информационной безопасности Российской Федерации, реализовываются путем обеспечения защиты конституционных прав и законных интересов граждан и организаций в информационной сфере. Важной составляющей информационной безопасности является своевременная оценка ее состояния и прогнозирования, а в случае обнаружения информационных угроз и инцидентов их предотвращение и ликвидация последствий. Кроме того, необходимо организовывать планирование комплекса мер по обеспечению информационной безопасности, а также координировать взаимодействие сил и средств по обеспечению информационной безопасности. Существенным, на наш взгляд, является решение задач по своевременному совершенствованию правового, организационного и научно-технического потенциала обеспечения информационной безопасности важных объектов критической информационной инфраструктуры. Безусловно, необходимо организовывать государственную поддержку организаций, осуществляющих деятельность по разработке, производству и эксплуатации средств обеспечения информационной безопасности, а также организаций оказывающих услуги в области обеспечения информационной безопасности.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Указ Президента Российской Федерации от 22.12.2017 № 620 «О совершенствовании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (в ред. Федерального закона от 07.04.2025 № 58-ФЗ) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Приказ Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 24.07.2018 № 366 «О национальном координационном центре по компьютерным инцидентам» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 13.02.2007 № 77 «О порядке использования сети Интернет в структурных подразделениях ФСИН России и учреждениях, непосредственно подчиненных ФСИН России» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю от 11.04.2025 № 117 «Об утверждении требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов, государственных унитарных предприятий, государственных учреждений» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Официальный сайт государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации (ГосСОПКА) : https://gossopka.ru/.
14. Официальный сайт национального координационного центра по компьютерным инцидентам : Статистика НКЦКИ : https://www.cert.gov.ru/news/osnovnye-rezultaty/statistika-nktski-za-23-04-2026-29-04-2026/.
15. Алексеева М.В., Подройкина И.А. Особенности правового регулирования ограничений доступа к информации, запрещенной для распространения в Российской Федерации федеральным законодательством // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 8. С. 42 - 49.
16. Андриашин Х.А. Правовые основы регулирования безопасности и защиты информации в современной России // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 8. С. 154-159.
17. Бекишиева С.Р., Карибов Р.М. Проблемы взаимодействия институтов гражданского общества и государства в обеспечении информационных прав граждан // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2021. Том 36. Выпуск 4. С. 69-75.
18. Винников А.И. Информационная безопасность как сфера государственного управления // Молодой ученый. 2021. № 14 (356). С. 285-288.
19. Волкова Н.С., Ефремов А.А., Зырянов С.М. Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере: монография / отв. ред. Л.К. Терещенко. М.: Инфотропик Медиа, 2024. 352 с.
20. Попова А. Д. Обеспечение информационной безопасности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Прикамского социального института. 2024. № 2 (98). С. 51–55.

References:

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // SPS «ConsultantPlus».
2. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated 02.07.2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 646 dated 05.12.2016 "On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation" // SPS «ConsultantPlus».
4. Decree of the President of the Russian Federation No. 620 dated December 22, 2017, "On Improving the State System for Detecting, Preventing, and Eliminating the Consequences of Computer Attacks on Information Resources of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus
5. Decree of the President of the Russian Federation No. 203 dated May 9, 2017, "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030" // SPS "ConsultantPlus".
6. Federal Law No. 390-FZ of December 28, 2010 (as amended Federal Laws No. 286-FZ dated 07/10/2023) "On Security" // SPS ConsultantPlus // SPS «ConsultantPlus».
7. Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 "On Information, information Technologies and Information Protection" // SPS ConsultantPlus.
8. Federal Law No. 187-FZ dated 07/26/2017 (as amended. Federal Law No. 58-FZ dated 04/07/2025) "On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus // SPS "ConsultantPlus".
9. Order of the Government of the Russian Federation No. 1138-r dated 29.04.2021 (as amended on 27.05.2023) "On the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation for the Period up to 2030" // SPS ConsultantPlus.
10. Order of the Federal Security Service of the Russian Federation No. 366 dated 24.07.2018 "On the National Coordination Center for Computer Incidents" // SPS "ConsultantPlus".
11. Order No. 77 of the Federal Penitentiary Service dated February 13, 2007, "On the Procedure for Using the Internet in the Structural Subdivisions of the Federal Penitentiary Service of Russia and Institutions Directly Subordinate to the Federal Penitentiary Service of Russia" // SPS ConsultantPlus.
12. Order of the Federal Service for Technical and Export Control dated 11.04.2025 No. 117 "On Approval of Requirements for the Protection of Information Contained in State Information Systems, Other Information Systems of State Bodies, State Unitary Enterprises, and State Institutions" // SPS «ConsultantPlus».
13. Official website of the State System for Detecting, Preventing, and Eliminating the Consequences of Computer Attacks on Information Resources of the Russian Federation (Gossopka): https://gossopka.ru/
14. Official website of the National Coordination Center for Computer Incidents: NCCCI Statistics: https://www.cert.gov.ru/news/osnovnye-rezultaty/statistika-nktski-za-23-04-2026-29-04-2026/.
15. Alekseeva M.V., Podroikina I.A. Features of legal regulation of restrictions on access to information prohibited for distribution in the Russian Federation by federal legislation // Actual problems of Russian law. 2025. No. 8. Pp. 42 - 49.
16. Andriashin Kh.A. Legal basis for regulating security and information protection in modern Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 8. Pp. 154-159.
17. Bekishieva S.R., Karibov R.M. Problems of Interaction of Civil Society Institutions and the State in Ensuring Information Rights of Citizens // Bulletin of Dagestan State University. Series 3. Social Sciences. 2021. Volume 36. Issue 4. Pp. 69-75.
18. Vinnikov A.I. Information Security as a Sphere of Public Administration // Molodoy Uchenyy. 2021. No. 14 (356). Pp. 285-288.
19. Volkova N.S., Efremov A.A., Zyryanov S.M. State, Society, and Personality: Ways of Overcoming Challenges and Threats in the Information Sphere: Monograph / Ed. by L.K. Tereshchenko. Moscow: Infotropic Media, 2024. 352 p.
20. Popova A. D. Ensuring the Information Security of Institutions and Bodies of the Penitentiary System of the Russian Federation // Bulletin of the Prikamsky Social Institute. 2024. No. 2 (98). Pp. 51–55.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_249

УДК 349.6

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПА И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ГОСУДАРСТВ
LEGAL ISSUES RELATED TO ACCESS AND USE OF GENETIC RESOURCES BY STATES

ТУГУШЕВ Амир Маратович
аспирант кафедры земельного и экологического права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410028, Россия, Саратовская обл., г. Саратов, ул. Чернышевского, 104.
E-mail: agapovda@mail.ru

TUGUSHEV Amir Maratovich
Postgraduate student of the Department of Land and Environmental Law
Saratov State Law Academy.
104 Chernyshevsky St., Saratov, 410028, Russia, Saratov region.
E-mail: agapovda@mail.ru

Краткая аннотация: *статья посвящена правовым проблемам формирования, сохранения и использования коллекций генетических ресурсов государства, включающих ресурсы растений, животных, микроорганизмов и иных видов биоматериалов. Особое внимание уделяется правовому режиму микробных, вирусных и иных биотехнологических коллекций. Эти коллекции имеют ключевое значение для промышленной биотехнологии, медицины, фармакологии и обеспечения эпидемиологической безопасности.*

Abstract: *The article is devoted to the legal issues of the formation, preservation, and use of collections of the state's genetic resources, which include plant, animal, microbial, and other types of biomaterials. Special attention is paid to the legal regime of microbial, viral, and other biotechnological collections. These collections are crucial for industrial biotechnology, medicine, pharmacology, and ensuring epidemiological safety.*

Ключевые слова: *генетические ресурсы, биоматериалы, базы данных, биобезопасность, суверенные права государства.*
Keywords: *genetic resources, biomaterials, databases, biosecurity, and sovereign rights of the state.*

Для цитирования: *Тугушев А.М. Правовые проблемы доступа и использования генетических ресурсов государств // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 249-250. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_249.*
For citation: *Tugushev A.M. Legal problems of access and use of genetic resources of states // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 249-250. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_249.*

Статья поступила в редакцию: 11.04.2026

Генетические ресурсы государств выступают важным элементом биологического разнообразия и природного наследия, обладающим значительным потенциалом для научных исследований, сельского хозяйства и фармацевтики. Правовой режим доступа к этим ресурсам требует комплексного регулирования, учитывающего интересы как государств, предоставляющих генетические материалы, так и субъектов, их использующих. В современных условиях глобализации и научно-технического прогресса вопросы правового обеспечения устойчивого доступа к генетическим ресурсам приобретают особую значимость.

Правовые проблемы формирования, сохранения и использования коллекций генетических ресурсов государства представляют собой один из наиболее сложных и научно значимых аспектов современного экологического и биологического права. Генетические ресурсы, включающие ресурсы растений, животных, микроорганизмов и иные виды биоматериалов, обладают стратегической значимостью для обеспечения продовольственной безопасности, устойчивого развития, биомедицинских исследований и выполнения Россией международных обязательств. В отечественной доктрине подчеркивается, что генетические ресурсы являются элементом национального богатства и объектом суверенных прав государства[1]. В рамках системно-структурного подхода генетические ресурсы рассматриваются как часть более широкого комплекса природных ресурсов, обладающих особой правовой природой и требующих специализированного правового режима.

Международное регулирование генетических ресурсов базируется на ряде ключевых правовых актов, центральным из которых является Конвенция о биологическом разнообразии 1992 года. Эта Конвенция закрепляет за государствами суверенные права на свои биологические ресурсы, включая генетические, устанавливая, что именно государства несут ответственность за их сохранение и устойчивое использование. Понятие генетических ресурсов определено как генетический материал, обладающий фактической или потенциальной ценностью для человечества, что включает материалы растительного, животного, микробного и иного происхождения[2].

Конвенция устанавливает три основные цели: сохранение биологического разнообразия, устойчивое использование его компонентов и справедливое распределение выгод, возникающих от использования генетических ресурсов.

В мае 2024 года Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) приняла первый в истории международный договор, посвященный вопросам интеллектуальной собственности, генетических ресурсов и связанных с ними традиционных знаний. Особое внимание уделяется правовому регулированию микробных, вирусных и иных биотехнологических коллекций[3]. Эти коллекции имеют ключевое значение для промышленной биотехнологии, медицины, фармакологии и обеспечения эпидемиологической безопасности. Вопросы суверенитета государства над подобными коллекциями осложняются необходимостью международного научного обмена. Международная практика демонстрирует, что государствам требуется балансировать между открытостью научного сотрудничества и защитой собственных интересов. Примером

является система ABS (Access and Benefit-Sharing), созданная Протоколом Нагоя 2010 г., направленная на справедливое распределение выгод от использования генетических ресурсов[4].

Существенные правовые проблемы возникают при определении статуса генетических ресурсов, хранящихся в научных и образовательных учреждениях. В большинстве случаев такие коллекции создаются за счет бюджетного финансирования, что указывает на их принадлежность государству. Однако гражданское законодательство не содержит прямых норм, определяющих право собственности на биоматериалы, передаваемые в рамках научного обмена. Доктрина (О.Е. Кутафин, М.М. Бринчук) указывает на необходимость признания за государством особого публичного титула на генетические ресурсы, включающего как элементы владения, так и элементы публичного контроля[5].

Так же, важным практическим аспектом является проблема биобезопасности.

В этой связи представляется необходимым переосмыслить правовой режим использования генетических ресурсов государств через категорию экологического суверенитета, позволяющую рассматривать соответствующие полномочия государства не только как средство извлечения выгод, но и как форму ответственности за сохранение генетических ресурсов государств в интересах настоящих и будущих поколений.

Суверенитет государства над генетическими ресурсами традиционно связывается с его правом самостоятельно определять направления и условия их использования в пределах национальной юрисдикции. Однако применительно к генетическим ресурсам государств данное представление не может быть воспроизведено в классическом виде, поскольку здесь речь идёт не о территориальном верховенстве, а о суверенных правах функционального характера, содержание которых изначально ограничено целями разведки, разработки и охраны ресурсов. Такое понимание суверенитета исключает его абсолютный характер и предполагает постоянное соотнесение национальных интересов с правовыми, экологическими и этическими ограничениями, вытекающими как из международных обязательств, так и из внутреннего конституционного порядка.

Экологическое право вносит в категорию суверенитета качественно новое измерение, позволяя рассматривать его как способность государства обеспечивать долгосрочное сохранение природных систем. В этом контексте уместно говорить об экологическом суверенитете, который выражается не столько в свободе усмотрения при распоряжении ресурсами, сколько в институциональной способности предотвращать их деградацию. Живые ресурсы континентального шельфа в таком подходе утрачивают статус нейтрального объекта промысла и приобретают значение элемента сложной морской экосистемы, нарушение устойчивости которой способно повлечь необратимые последствия.

Государство занимает центральное место в системе сохранения, изучения и использования генетических ресурсов, определяя правовые механизмы доступа к ним, порядок их охраны, а также особенности международного обмена. Роль государства в данной сфере обусловлена сочетанием публично-правовых и частноправовых интересов, что отражает двойственную природу генетических ресурсов как объектов, одновременно имеющих высокую экологическую, экономическую и научную ценность.

Внутригосударственные механизмы обеспечения сохранения генетических ресурсов опираются на комплекс правовых средств, охватывающих экологическое, административное, гражданское и специальное отраслевое законодательство.

Ускоренное развитие технологий секвенирования, биоинформатики, синтетической биологии и расширение трансграничного обмена генетическими материалами приводят к тому, что классическое представление о территориальной принадлежности генетических ресурсов подвергается существенной трансформации.

Список литературы:

1. Мальцев Г.В. Суверенные права государства // Государство и право. 2019.
2. Конвенция о биологическом разнообразии // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml
3. Договор ВОИС об интеллектуальной собственности, генетических ресурсах и традиционных знаниях, связанных с генетическими ресурсами. Женева, 13–24 мая 2024 года. https://abs.igc.by/wp-content/uploads/2024/06/DOGOVO_1.pdf
4. Nagoya Protocol on Access and Benefit-Sharing, 2010.
5. Бринчук М.М. Экологическое право. М., 2020.

References:

1. Maltsev G.V. Sovereign rights of the state // State and law. 2019.
2. Convention on Biological Diversity // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml
3. The WIPO Treaty on Intellectual Property, Genetic Resources and Traditional Knowledge Related to Genetic Resources. Geneva, May 13-24, 2024. https://abs.igc.by/wp-content/uploads/2024/06/DOGOVO_1.pdf
4. Nagoya Protocol on Access and Benefit-Sharing, 2010.
5. Brinchuk M.M. Environmental Law, Moscow, 2020.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_251

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ОСЛОЖНЕННЫЕ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ: КОНСПЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МАКРОРЕГИОНАЛЬНОГО КОЛЛИЗИОННОГО ПРАВА
CIVIL LAW RELATIONS COMPLICATED BY A FOREIGN ELEMENT IN THE NEW GEOPOLITICAL REALITIES: THE CONCEPTUAL ASPECTS OF MACROREGIONAL CONFLICT OF LAWS

ЯСНОСОКИРСКИЙ Юрий Анатольевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства
АНО ВО «Московский университет «Синергия».
127015, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 80Г.
E-mail: IUlasnosokirskiy@synergy.ru;

РЯЗАНЦЕВА Екатерина Анатольевна,
кандидат юридических наук,
доцент, заведующий кафедрой правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства
АНО ВО «Московский университет «Синергия».
127015, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 80Г.
E-mail: ERiazantseva@synergy.ru;

YASNOSOKIRSKY Yuri Anatolyevich,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Business and Civil Proceedings
Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow University "Synergy".
127015, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 80G.
E-mail: IUlasnosokirskiy@synergy.ru ;

RYAZANTSEVA Ekaterina Anatolyevna,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Legal Regulation of Business and Civil Proceedings
Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow University "Synergy".
127015, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 80G.
E-mail: ERiazantseva@synergy.ru

Краткая аннотация. *В статье делается попытка проанализировать процесс трансформации международного частного права в условиях фрагментации глобального правового пространства. В отличие от существующих исследований, рассматривающих данное явление преимущественно как кризис, автор обосновывает тезис о том, что фрагментация создает предпосылки для формирования качественно новой двухуровневой системы — макрорегионального коллизионного права. Вводится авторское определение макрорегиона как правовой категории, выявляются особенности коллизионного регулирования в условиях «перетекающих» юрисдикций, предлагается классификация коллизионных ситуаций и прогноз развития институтов МЧП в Евразийском экономическом союзе. Особое внимание уделяется адаптации классических коллизионных привязок к цифровым активам, в отношении которых автор формулирует критерии их локализации в условиях децентрализованных платформ и предлагает дополнить «водопадный» метод УНИДРУА принципом наиболее тесной связи с макрорегионом.*

Abstract. *The article attempts to analyze the process of transformation of private international law in the context of fragmentation of the global legal space. In contrast to existing studies that consider this phenomenon primarily as a crisis, the author substantiates the thesis that fragmentation creates the prerequisites for the formation of a qualitatively new two-tier system — macroregional conflict of laws. The author's definition of the macroregion as a legal category is introduced, the features of conflict-of-laws regulation in the context of "flowing" jurisdictions are identified, a classification of conflict-of-laws situations and a forecast for the development of emergency management institutions in the Eurasian Economic Union are proposed. Special attention is paid to the adaptation of classical conflict-of-laws bindings to digital assets, for which the author formulates criteria for their localization in the context of decentralized platforms and suggests supplementing the "waterfall" method of UNIFICATION with the principle of the closest connection with the macroregion.*

Ключевые слова: *макрорегиональное коллизионное право, фрагментация, цифровые активы, перетекающие юрисдикции, двухуровневая система, классификация коллизий, прогноз развития, принцип умеренной вежливости.*

Keywords: *macro-regional conflict of laws, fragmentation, digital assets, overlapping jurisdictions, two-tier system, classification of conflicts, development forecast, principle of moderate politeness.*

Для цитирования: *Ясносокирский Ю.А., Рязанцева Е.А. Гражданско-правовые отношения, осложненные иностранным элементом в новых геополитических реалиях: конспептуальные аспекты макрорегионального коллизионного права // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 251-255. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_251.*

For citation: *Yasnosokirsky Yu.A., Ryazantseva E.A. Civil law relations complicated by a foreign element in the new geopolitical realities: the conceptual aspects of macroregional conflict of laws // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 251-255. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_251.*

Статья поступила в редакцию: 14.03.2026

Классическая вестфальская модель современного международного права, построенная на суверенном равенстве государств и универсальности правовых механизмов, переживает системный кризис, который во многих публикациях справедливо связывают с геополитическими потрясениями последних десятилетий [1]. Однако, в отличие от распространённого в литературе подхода, рассматривающего фрагментацию исключительно как угрозу целостности международного права [2; 3], автор полагает, что фрагментация может быть переосмыслена как **механизм адаптации правовой системы к новым реалиям**.

В экспертном сообществе справедливо ставится вопрос о «фундаментальной задаче комплексной, всеобъемлющей суверенизации права» [1]. Действительно, в условиях санкционного давления и геополитической напряжённости, когда международное право «окончательно разрушено санкционной атакой против России» [1], вопрос о защите национальных интересов приобретает первостепенное значение.

Однако, по мнению автора, суверенизация не должна означать изоляцию или отказ от универсальных механизмов. Как справедливо отмечает Н. Павлова, «важно сохранить имеющийся механизм ООН и совершенствовать его исключительно на профессиональной основе» [6]. Задача заключается в том, чтобы найти баланс между защитой национальных интересов и участием в международном правовом обмене.

Представляется, что оптимальным путём является **суверенизация через регионализацию**: вместо того чтобы пытаться в одиночку противостоять глобальным правовым трендам, Россия может формировать эти тренды в рамках ЕАЭС, создавая такие правовые решения, которые затем будут восприниматься и другими макрорегионами. Это требует не закрытости, а **активной правовой дипломатии** — продвижения своих подходов на международных площадках, включая ЮНСИТРАЛ и УНИДРУА.

Помимо суверенизации права можно рассмотреть вопрос по его фрагментации. В этом контексте хотелось бы изложить отличную точку зрения от позиции К.Д. Шестаковой и А.С. Виссенберга, которые, при всей ценности их анализа «терапевтического эффекта» дискурса о фрагментации [11, с. 45], всё же остаются в рамках традиционного понимания фрагментации как отклонения от нормы. Представляется, что сама постановка вопроса о «норме» в международном праве сегодня требует пересмотра: универсальность была не естественным состоянием, а относительно коротким историческим периодом, связанным с доминированием западных правовых традиций. Кризис универсальных институтов, о котором пишут Е.В. Федулина и Д.Р. Ахметвалиев [9, с. 98], — это не временный сбой, а симптом глубинной трансформации.

Особенно наглядно ограниченность классических подходов проявляется в сфере регулирования цифровых активов. Когда И.Ю. Сагарев и Д.А. Шевченко констатируют, что цифровые активы «подрывают традиционные концепции локализации и юрисдикции» [7, с. 623], они фиксируют проблему, но не предлагают её решения. В настоящей статье будет предпринята попытка поиска такой развязки через категорию **«макрорегионального коллизионного права»**, которое, в авторском понимании, представляет собой совокупность коллизионных норм, формирующихся в рамках интеграционных объединений и адаптированных к их экономической и правовой специфике.

При этом принципиально важно подчеркнуть, что макрорегионализация не отменяет потребности в универсальных механизмах. Как справедливо отмечает судья Суда ЕАЭС Н. Павлова, «иных альтернативных и столь эффективных средств человечество не выработало» [6]. Однако роль этих механизмов меняется: из источников единообразия они превращаются в инструменты координации. Б.И. Осминин, разрабатывая концепцию «сравнительного международного права», приходит к выводу, что «международное право не является международным, не говоря уже о том, чтобы быть универсальным» [4, с. 148]. Развивая эту мысль, хотелось бы отметить, что будущее — не за унификацией, а за **гармонизацией коллизионных подходов** при сохранении разнообразия материально-правовых решений.

* * *

Категория «макрорегион» всё чаще встречается в политической и экономической литературе, однако его правовое содержание остаётся нераскрытым. В аналитических материалах справедливо указывается на формирование предпосылок для «разделения мира на макрорегионы с различными правовыми режимами» [1], однако характер этих режимов и механизмы их взаимодействия не конкретизируются.

Восполняя этот пробел, хотелось бы предложить следующее определение данного понятия: *макрорегион в правовом смысле — это устойчивое геополитическое пространство, в рамках которого государства-участники на основе общих ценностей и экономических интересов формируют наднациональные механизмы правового регулирования, включая унифицированные коллизионные нормы и взаимное признание судебных актов, при сохранении суверенитета в публично-правовой сфере.*

Из данного определения вытекают **три критерия** идентификации макрорегиона как субъекта коллизионного регулирования:

1. Наличие институциональной основы — наднациональные органы или согласованные механизмы гармонизации (для ЕАЭС это Суд ЕАЭС, Евразийская экономическая комиссия).

2. Унификация коллизионных норм в сфере частноправовых отношений (пример — раздел VI Договора о ЕАЭС).

3. Взаимное признание судебных и арбитражных решений в упрощённом порядке (пока находится в стадии формирования).

Применение таких критериев позволяет утверждать, что Евразийский экономический союз сегодня в наибольшей степени соответствует признакам макрорегиона, тогда как СНГ и ШОС находятся на разных стадиях формирования соответствующих механизмов. При этом, как верно отмечается в ряде исследований, «отдельные страны и макрорегионы будут вводить свои правовые особенности (в том числе явочным путем)» [1], что создаёт дополнительные сложности для экспертов по коллизионному праву.

Важно подчеркнуть, что макрорегионы не являются герметичными образованиями. Их границы, по образному выражению аналитиков, «перетекают» [1], что порождает принципиально новые коллизионные ситуации. Этому феномену посвящён следующий раздел.

* * *

Как представляется, в условиях макрорегионализации будет формироваться **двухуровневая система коллизионного регулирования**.

Первый уровень — межмакрорегиональное право, призванное регулировать отношения между субъектами различных макрорегионов. Здесь, вопреки опасениям об абсолютной фрагментации [1; 4], сохраняется потребность в универсальных механизмах, однако их роль будет меняться. Все сильнее будет проявляться тенденции, когда они становятся не источником единообразия, а **инструментом координации** между различными правовыми системами. В этой связи позиция Б.И. Осминина о «фильтрующей» функции права внешних сношений [4, с. 156] приобретает новое звучание: межмакрорегиональное право можно рассматривать как такой фильтр, обеспечивающий совместимость различных региональных подхо-

дов. Примером могут служить Гаагские конвенции[1], которые сохраняют своё значение, но применяются с учётом региональной специфики.

Второй уровень — внутрирегиональное коллизионное право, которое развивается более динамично. Именно здесь, как справедливо отмечает Н. Павлова, «унифицированный подход становится важным элементом» [6]. Однако, в отличие от традиционного понимания унификации как создания единых материальных норм, внутрирегиональное коллизионное право предлагает иной механизм: **гармонизацию коллизионных привязок при сохранении разнообразия материального права**. Это позволяет сочетать интеграцию с уважением к национальным правовым традициям.

В рамках ЕАЭС данный процесс идёт наиболее интенсивно. Как указывает Н. Павлова, важное значение приобретают «пресекательный характер срока исковой давности, дифференциация сроков, и, что актуально сегодня для нашего правопорядка и общества — основание для предъявления требования: это не момент нарушения права, а момент, когда о таком нарушении узнали» [6]. Данные тенденции нуждаются в дальнейшем анализе и обобщении. В перспективе это может способствовать формированию единого коллизионного регулирования для всего макрорегиона.

* * *

Одним из наиболее сложных последствий макрорегионализации становится феномен **«перетекающих» юрисдикций**, когда одно и то же лицо или актив одновременно подпадает под регулирование нескольких макрорегиональных систем. В литературе справедливо указывается на возможность возникновения ситуаций, когда страна «входит в валютную зону юаня, правовую — Англии и торговую — США» [1]. Более того, как отмечается в аналитических материалах, «нельзя исключать, что здесь возникнет подлинная многополярность» [1].

В данном контексте было бы полезно дать следующую классификацию таких ситуации по **степени конфликта** и **характеру пересечения**.

А. Классификация по степени конфликта. Можно выделить *мягкий конфликт*, при котором регулирование различается, но не противоречит по существу. В качестве примера из практики можно привести разные сроки исковой давности (3 года в России, 1 год в Казахстане).

Другой разновидностью является *жёсткий конфликт*, при котором нормы исключают друг друга. Пример – это запрет криптовалют в одной юрисдикции и их легализация в другой.

Третьей разновидностью является т.н. *кумулятивный конфликт.* Он требует соблюдения всех режимов одновременно. Примером может служить необходимость лицензирования в нескольких юрисдикциях для одной деятельности.

Б. Классификация по характеру пересечения. Она включает в себя *субъектное пересечение*, при котором одно лицо подпадает под разные режимы. В этом случае имеются риски, которые проявляются в противоречивых обязательствах сторон.

Другой элемент - *объектное пересечение*, когда один актив обращается в разных правовых системах, юрисдикциях, что также чревато рисками. Возникает конфликт применении права.

И, наконец, третьей составляющей является *территориальное пересечение*, т.е. деятельность осуществляется на территории с неопределённым статусом. Это ведет к спорам об юрисдикции.

Для разрешения таких коллизий необходим т.н. **принцип «умеренной вежливости»** (moderate comity), который автор хотел бы определить следующим образом: *суд при выборе применимого права обязан учитывать не только собственную коллизионную норму, но и правовые последствия решения для смежных юрисдикций, а также стремиться к минимизации конфликта между различными правопорядками.*

В данном контексте этот принцип не отменяет суверенитета, но вводит элемент **коллизионной экологии,** т.е. соблюдения целостности всей системы международного частного права. В отличие от классической концепции международной вежливости[2], предполагавшей лишь добровольную вежливость, «умеренная вежливость» становится обязанностью суда, вытекающей из самого факта участия государства в макрорегиональных и универсальных правовых связях.

* * *

Принципы УНИДРУА по цифровым активам и частному праву (2023 г.), несомненно, представляют собой важный шаг в развитии коллизионного регулирования. Предложенный «водопадный» (waterfall) метод [12, art. 5], безусловно, лучше, чем полное отсутствие ориентиров. Однако, как представляется, данный метод страдает существенным недостатком: он предполагает последовательный перебор критериев (явное указание в активе → указание в системе → связь с эмитентом), но не даёт ответа на вопрос, что делать, когда все критерии «провалились». Более того, как справедливо отмечают И.Ю. Сагарев и Д.А. Шевченко, «цифровой актив не имеет физического местонахождения, его "место" — абстракция» [7, с. 624]. В этих условиях традиционные коллизионные привязки, включая lex rei sitae **(**закон места нахождения вещи**)**, становятся малопригодными. Но предложенный УНИДРУА метод, при всех его достоинствах, остаётся в парадигме поиска одной «правильной» юрисдикции, тогда как природа цифровых активов требует иного подхода. В связи было целесообразным дополнить «водопадный» метод **«принципом наиболее тесной связи с макрорегионом»** (macroregional closest connection). Суть его сводится к трем следующим аспектам:

---

[1]**Гаагские конвенции** — это система международных договоров, разрабатываемых под эгидой **Гаагской конференции по международному частному праву (ГКМЧП)** — межправительственной организации, объединяющей **91 государство-члена и Европейский Союз** . Её цель — унификация и гармонизация правил международного частного права (МЧП) и международного гражданского процесса.
Данные международные соглашения призваны служить «мостом» между различными правовыми системами (континентальной и англо-американской), упрощая трансграничное взаимодействие . Для российских юридических и физических лиц наиболее практически значимыми являются Конвенция об апостиле, Конвенции о вручении документов и получении доказательств, а также семейные конвенции, в которых участвует Российская Федерация.

[2]**Классическая концепция «comity» («международной вежливости»)** в международном частном праве (МЧП) — это фундаментальный, но при этом один из самых сложных и многозначных принципов. Другими словами, это **не обязательное правило, а добровольное проявление уважения одного государства к законам, решениям и интересам другого (См. подробнее:** https://opiniojuris.org/2026/02/04/comity-as-cover-how-u-s-courts-balance-international-law-away/).

Во-первых, если ни один из формальных критериев УНИДРУА не позволяет определить применимое право, суд должен определить, с каким макрорегионом цифровой актив имеет наиболее тесную экономическую и технологическую связь.

Во-вторых, критерии такой связи включают: место основной экономической активности владельца, место нахождения большинства пользователей, юрисдикцию регистрации платформы, язык смарт-контракта, валюту расчётов.

И, наконец, в-третьих, если и эти критерии не дают однозначного ответа, применяется право макрорегиона, в котором зарегистрирован эмитент или оператор платформы.

При этом данный подход, в отличие от «водопадного», признаёт, что цифровой актив может быть связан с несколькими юрисдикциями одновременно, и предлагает не выбор одной из них, а определение **макрорегионального центра тяжести** актива. Например, токен[1], выпущенный компанией с регистрацией в Сингапуре, но торгуемый преимущественно на платформе, ориентированной на пользователей из ЕАЭС, и используемый для расчётов в рублях, должен подчиняться праву ЕАЭС, поскольку именно с этим макрорегионом у него наиболее тесная связь.

* * *

Рассмотрим **возможные перспективы генезиса** международного частного права в Евразийском экономическом союзе на ближайшие пять лет. В отличие от существующих работ, ограничивающихся констатацией проблем, хотелось бы вычленить возможные этапы, основанные на экстраполяции текущих тенденций [6; 9] и учёте специфики принятия решений в интеграционных объединениях постсоветского пространства.

В период 2026-2027 гг. возможно завершение формирования единой системы коллизионных норм в сфере договорных обязательств. Ожидается принятие модельного Гражданского кодекса для государств-участников ЕАЭС в части, касающейся международного частного права. Основой, вероятнее всего, станут уже апробированные подходы, в том числе в сфере исковой давности, о которых говорит Н. Павлова [6]. Параллельно будет идти работа по гармонизации подходов к определению применимого права во внешнеэкономических сделках.

Приблизительно в 2028 г., вероятнее всего, будет завершено создание механизма упрощённого признания судебных решений по коммерческим спорам. Наиболее вероятным представляется введение системы экзекватуры в упрощённом порядке без пересмотра дела по существу. Это снизит трансакционные издержки и повысит привлекательность ЕАЭС как пространства для ведения бизнеса. Как верно отмечает А.В. Хайсарова, «в контексте международного частного права всё более актуальными становятся альтернативные методы урегулирования» [10, с. 49], и упрощённое признание судебных решений станет важным дополнением к арбитражу и медиации.

На рубеже 2029-2030 гг. планируется начать работу над единым коллизионным регулированием цифровых активов. Важно отметить, что к этому времени накопится достаточная практика применения Принципов УНИДРУА [12], появится понимание их сильных и слабых сторон. В ЕАЭС, с учётом его специфики, будет разработан собственный подход, основанный не на заимствовании, а на адаптации общих принципов к реалиям макрорегиона. Важную роль в этом сыграют наработки в сфере регулирования цифровых валют и токенов, которые уже появляются в национальных законодательствах [7].

Параллельно будет развиваться и практика альтернативного разрешения споров. Правила медиации ЮНСИТРАЛ 2021 года [13] станут основой для создания региональных механизмов, адаптированных к специфике евразийского экономического пространства.

* * *

В заключение хотелось бы сформулировать следующие **выводы:**

1. Вопреки распространённому подходу, рассматривающему фрагментацию исключительно как кризисное явление [2; 3; 11], автор обосновывает тезис о том, что фрагментация создаёт предпосылки для формирования качественно новой системы — **макрорегионального коллизионного права**, которое позволяет адаптировать правовое регулирование к экономической и культурной специфике интеграционных объединений при сохранении межрегиональной координации. Это не распад, а реконфигурация международного частного права.

2. Автор предлагает следующее определение **макрорегиона как правовой категории**, определяемого через три критерия: наличие институциональной основы, унификация коллизионных норм и взаимное признание судебных решений. Это позволяет перевести дискуссию из политической плоскости в юридическую и создаёт основу для дальнейших исследований. ЕАЭС рассматривается как наиболее зрелый пример такого макрорегиона.

3. Впервые в правовой литературе выявлен и классифицирован феномен **«перетекающих» юрисдикций**. Предложена двухуровневая классификация: по степени конфликта (мягкий, жёсткий, кумулятивный) и по характеру пересечения (субъектное, объектное, территориальное). Для разрешения таких коллизий сформулирован авторский **принцип «умеренной вежливости»**, обязывающий суд учитывать последствия выбора применимого права для смежных юрисдикций.

4. Критически проанализирован «водопадный» метод УНИДРУА в отношении цифровых активов [12] и выявлен его основной недостаток: отсутствие решения для ситуаций, когда все формальные критерии неприменимы. Восполняя этот пробел, предложено дополнение — **«принцип наиболее тесной связи с макрорегионом»**, позволяющий разрешать коллизии путём определения макрорегионального центра тяжести цифрового актива на основе совокупности экономических и технологических критериев.

---

[1] **Токен** — это многозначное понятие, которое в контексте цифровой экономики обозначает:
1. **Цифровой актив** — запись в блокчейне, удостоверяющую права владельца (на услуги, активы, управление).
2. **Проблему для МЧП** — объект, не имеющий физического местонахождения и требующий новых коллизионных подходов.
3. **Электронное устройство** — физический ключ для идентификации.
С правовой точки зрения токены могут выполнять функции платежных средств, "цифровых акций", инструментов доступа к услугам или удостоверять права на уникальные объекты (NFT) (см. подробнее: https://www.tbank.ru/invest/social/profile/Investing_Glossary/fc2bb147-5745-48d7-ab15-e5643763e00f/?author=profile, https://bigenc.ru/c/token-4eb03b).

5. В отличие от существующих работ, ограничивающихся констатацией проблем, в статье предложен **авторский прогноз развития МЧП в ЕАЭС на 2026-2030 гг.** с разбивкой по этапам: завершение унификации коллизионных норм (2026-2027), создание механизма упрощённого признания судебных решений (2028), разработка единого регулирования цифровых активов (2029-2030). Прогноз может служить основой для стратегического планирования как в научной, так и в практической деятельности.

6. В отношении задачи суверенизации права [1] предложена авторская позиция: суверенизация должна реализовываться не через изоляцию, а через **активную правовую дипломатию** и формирование региональных правовых стандартов, которые затем могут транслироваться на универсальный уровень. Россия и ЕАЭС способны стать не объектами, а субъектами правотворчества в новой макрорегиональной архитектуре.

7. Дальнейшие исследования в русле предложенной концепции должны быть направлены на разработку конкретных коллизионных норм для цифровых активов в рамках ЕАЭС, анализ практики применения принципа «умеренной вежливости» в спорах с участием лиц из различных макрорегионов, а также на изучение взаимодействия между формирующимися макрорегиональными системами коллизионного права.

Список литературы:

1. И треснул мир на макрорегионы. Качественная суверенизация права — это задача новой эпохи // Ведомости. — 2025. — 27 апреля. — URL: https://www.vedomosti.ru/analytics/outlook/columns/2025/04/27/1107006-mir-na-makroregioni (дата обращения: 07.03.2026).
2. Kaparov A.S. Fragmentation of international law in the context of institutional crisis // Международное право. — 2025. — № 3. — С. 88-97.
3. Koskenniemi M. The Politics of International Law — 20 Years Later // European Journal of International Law. — 2019. — Vol. 30, No. 1. — P. 7-19.
4. Осминин Б.И. Международное право, право внешних сношений и концепция «сравнительного международного права» // Журнал российского права. — 2021. — Т. 25, № 2. — С. 145-159.
5. Пашенцев Д.А., Власова Н.В., Сергеева О.В. и др. Парадигма международного частного права в условиях глобальных вызовов: монография / отв. ред. С.А. Синицын; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М.: Инфотропик Медиа, 2025. — 368 с.
6. Пресекательность и дифференциация: судья ЕАЭС о трендах частного права // РАПСИ. — 2025. — 22 мая. — URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20250522/310894881.html (дата обращения: 07.03.2026).
7. Сагарев И.Ю., Шевченко Д.А. Цифровые активы в международном частном праве: современные вызовы и пути решения // Молодой ученый. — 2025. — № 51 (602). — С. 623-624.
8. Ткаченко И.Н. Проблемные аспекты предмета международного частного права как самостоятельной отрасли права России // Международное право. — 2024. — № 11-3. — С. 174-178.
9. Федулина Е.В., Ахметвалиев Д.Р. Актуальные проблемы применения коллизионных норм в правовом регулировании трансграничных контрактных отношений // Вестник Института права Башкирского государственного университета. — 2025. — Т. 8, № 3(27). — С. 96-104.
10. Хайсарова А.В. Международное частное право в XXI веке: современные вызовы и перспективы // Международное право. — 2025. — № 1. — С. 45-52.
11. Шестакова К.Д., Виссенберг А.С. Эволюция дискурса о фрагментации международного права // Международное право. — 2020. — № 1. — С. 42-51.
12. UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law. — Rome: UNIDROIT, 2023. — 45 p.
13. UNCITRAL Mediation Rules 2021 // United Nations Commission on International Trade Law. — New York: United Nations, 2021. — 18 p.

References:

1. And the world was split into macro-regions. Qualitative sovereignty of law is the task of a new era // Vedomosti. — 2025. — April 27. — URL: https://www.vedomosti.ru/analytics/outlook/columns/2025/04/27/1107006-mir-na-makroregioni (date of reference: 03/07/2026).
2. Kaparov A.S. Fragmentation of international law in the context of institutional crisis // International law. — 2025. — No. 3. — pp. 88-97.
3. Koskenniemi M. The Politics of International Law — 20 Years Later // European Journal of International Law. — 2019. — Vol. 30, No. 1. — P. 7-19.
4. Osminin B.I. International law, the law of foreign relations and the concept of "comparative international law" // Journal of Russian Law. — 2021. — Vol. 25, No. 2. — pp. 145-159.
5. Pashentsev D.A., Vlasova N.V., Sergeeva O.V. and others. The paradigm of private international law in the context of global challenges: a monograph / ed. by S.A. Sinitsyn; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: Infotropik Media, 2025. 368 p.
6. Suppression and differentiation: the judge of the EAEU on the trends of private law // RAPSI. — 2025. — May 22. — URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20250522/310894881.html (date of access: 03/07/2026).
7. Sagarev I.Yu., Shevchenko D.A. Digital assets in private international law: modern challenges and solutions // Young Scientist. — 2025. — № 51 (602). — Pp. 623-624.
8. Tkachenko I.N. Problematic aspects of the subject of private international law as an independent branch of Russian law // International law. - 2024. — No. 11-3. — pp. 174-178.
9. Fedulina E.V., Akhmetvaliev D.R. Actual problems of the application of conflict-of-laws rules in the legal regulation of cross-border contractual relations // Bulletin of the Bashkir State University Institute of Law. — 2025. — Vol. 8, No. 3(27). — pp. 96-104.
10. Khaisarova A.V. Private international law in the XXI century: modern challenges and prospects // International law. — 2025. — No. 1. — pp. 45-52.
11. Shestakova K.D., Wissenberg A.S. The evolution of the discourse on the fragmentation of international law // International law. - 2020. — No. 1. — pp. 42-51.
12. UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law. — Rome: UNIDROIT, 2023. — 45 p.
13. UNCITRAL Mediation Rules 2021 // United Nations Commission on International Trade Law. — New York: United Nations, 2021. — 18 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_256

УДК 347.23, 004.7

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОДАРКОВ В ТЕЛЕГРАМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
LEGAL REGULATION OF GIFTS IN TELEGRAM: PROBLEMS AND PROSPECTS

ГЛОТОВА Наталья Ивановна,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов, бухгалтерского учета и аудита Алтайского государственного аграрного университета.
656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Красноармейский, 98.
E-mail: niglotova@inbox.ru

ГОЛИКОВА Ольга Александровна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры служебно-боевой и тактико-специальной подготовки Томского института повышение квалификации работников ФСИН России.
634057, Россия, Томская область, г. Томск, ул. Говорова, д. 10
E-mail: momsi@yandex.ru

ГЛОТОВ Иван Игоревич,
старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Университет ФСИН России.
196602, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Саперная, д. 34.
E-mail: gii_1998@bk.ru

GLOTOVA Natalia Ivanovna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Finance, Accounting and Audit, Altai State Agrarian University.
656049, Russia, Barnaul, Krasnoarmeyskiy prosp. 98.
E-mail: niglotova@inbox.ru

GOLIKOVA Olga Aleksandrovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Service-Combat and Tactical-Special Training of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.
634057, Tomsk region, Tomsk, ul. Govorova, d. 10.
E-mail: momsi@yandex.ru

GLOTOV Ivan Igorevich,
Senior Lecturer at the Department of Administrative and Legal Disciplines, Faculty of Law, University of the Federal Penitentiary Service of Russia.
196602, St. Petersburg, Pushkin, ul. Sapernaya, 34.
the E-mail: gii_1998@bk.ru

***Краткая аннотация**. Статья посвящена проблемам нормативного регулирования виртуальных подарков в мессенджере Telegram. Исследуется правовая природа подарков как нематериальных объектов цифровой экономики, их экономическая и социальная функции. Проводится анализ применимости традиционного института дарения и возможности квалификации подарков как цифровых прав. Рассматривается зарубежный опыт регулирования виртуальных товаров.*

***Abstract**. Annotation. The article is devoted to the problems of regulatory regulation of virtual gifts in the Telegram messenger. The article examines the legal nature of gifts as intangible objects of the digital economy, their economic and social functions. The analysis of the applicability of the traditional institution of giving and the possibility of qualifying gifts as digital rights is carried out. The foreign experience of regulating virtual goods is being considered.*

***Ключевые слова**: цифровые активы, виртуальные подарки, NFT, социальные сети, мессенджер, Телеграм.*
***Keywords**: digital assets, virtual gifts, NFT, social networks, messenger, Telegram.*

***Для цитирования:** Глотова Н.И., Голикова О.А., Глотов И.И. Правовое регулирование подарков в Телеграм: проблемы и перспективы // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 256-258. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_256.*
***For citation:** Glotova N.I., Golikova O.A., Glotov I.I. Legal regulation of gifts in Telegram: problems and prospects // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 256-258. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_256.*

Статья поступила в редакцию: 04.03.2026

Развитие цифровых платформ коммуникации, создаёт новую сферу экономических отношений, которая лишь частично урегулирована классическими нормами права. Телеграм, являясь одним из наиболее популярных мессенджеров [1], внедрил функцию отправки подарков, которая позволяет пользователям приобретать, продавать и передавать виртуальные объекты за валюту. Однако за явной развлекательной составляющей, стоят экономические отношения с серьезными денежными потоками (стоимость подарка «Plush Pepe» после конвертации свыше 1`000`000 рублей), требующие специального нормативного регулирования.

Под цифровыми подарками в контексте платформы Telegram следует понимать виртуальные объекты, передаваемые одним пользователем другому через механизмы платформы, включающие анимированные графические изображения с возможностью их отображения на профиле получателя, а также нематериальные активы, выраженные в виде универсальной внутриплатформенной валюты (Telegram Stars) либо абонентских прав на доступ к расширенному функционалу (Telegram Premium). Данная категория объектов существует исключительно в цифровой форме, не имеет материального субстрата, не может быть отчуждено вне экосистемы платформы и полностью зависит от продолжения функционирования сервиса, что качественно отличает подобные объекты от традиционных благ, к которым применимы классические конструкции гражданского права.

Проблема статуса подарков в Телеграм актуальна для российского права. Мессенджер используется десятками миллионов физических и юридических лиц, экономический оборот виртуальной валюты – «звёзд» (покупаются за реальные денежные средства), и подарков в рамках платформы увеличивается каждый отчётный период. Однако, существующее законодательство не содержит четких норм, позволяющих однозначно квалифицировать такие операции, что создает правовую неопределенность для пользователей и порождает сложности при разрешении споров.

Виртуальные подарки в Телеграм представляют собой нематериальные NFT-объекты [2], которые приобретаются за «звезды» с возможностью передачи другому пользователю. Технически подарок является графическим изображением, которое появляется в профиле приобретателя или получателя. Его стоимость варьируется в зависимости от дизайна и редкости. С экономической точки зрения, подарок – это своего рода благодарность, которая позволяет блогерам и общественным деятелям получать доход в результате дальнейшей перепродажи. Социальная функция подарков заключается в создании интерактивного взаимодействия между пользователями. Отправка подарка — это акт, который может рассматриваться как проявление признания, дружбы или иного социального отношения. Также они служат средством накопления социального капитала, повышая статус пользователя в рамках платформы

С законодательной точки зрения, дарение — это договор, по которому одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь либо право в собственность либо иное право [3]. Однако в данном случае, подарок не является материальной вещью в смысле статьи 130 ГК РФ, так как существует исключительно в цифровой форме и не имеет физического воплощения. Более обстоятельным представляется подход, согласно которому подарки в Телеграм следует рассматривать в смысле статьи 141.1 Гражданского кодекса РФ. Где определяется, категория цифрового права, которая может быть реализована исключительно с использованием информационных систем. Получатель подарка получает право использовать виртуальный объект в своем профиле и извлекать из этого социальную выгоду. Однако традиционного права собственности при этом не возникает.

Правовая база для подарков в Телеграм преимущественно устанавливается самим ресурсом через пользовательское договор. Согласно условиям использования, когда человек отправляет подарок, он совершает покупку виртуального товара, что опосредствует возникновение договорных отношений между пользователем и компанией Telegram Messenger Inc. [4]. В них устанавливаются правила использования подарков, включая возможность их удаления, передачи и отчуждения. Важно отметить, что Телеграм сохраняет право удаления или изменение его статуса в любой момент, что подтверждает отсутствие полного права собственности у получателя. Также существует пробел в защите прав пользователей при ошибочной транзакции - зачастую невозможно получить возврат средств, а сам мессенджер не предусматривает встроенного механизма оспаривания таких операций через приложение.

Практика взаимодействия Telegram с российскими пользователями свидетельствует о том, что платформа в преимущественном большинстве случаев отказывает в удовлетворении требований российских потребителей о возврате денежных средств, ссылаясь на условия использования и на применимое иностранное право. Вместе с тем, суды Российской Федерации всё более активно встают на позицию защиты прав потребителей даже в случаях, когда договор содержит выбор иностранного права в качестве применимого.

Рассматривая опыт зарубежных государств, стоит сказать, что уже предпринимаются попытки регулирования не только виртуальных подарков, но и схожих форм благодарности через интернет-платформы. Европейский Союз обсуждает возможность применения норм о защите прав потребителей к виртуальным товарам, включая подарки. В США ряд штатов рассматривают подарки в мессенджерах как форму азартных игр, требующую специального регулирования [6].

Правовое регулирование подарков в Телеграм остается актуальной проблемой, требующей внимания как со стороны законодателя, так и судебных органов. Классификация подарков как цифровых прав представляется наиболее разумным подходом. При этом, развитие законодательства должно учитывать уникальность виртуальных подарков и защищать интересы пользователей. Платформы, в свою очередь, должны нести ответственность за защиту прав человека и предоставление ясной информации о правовых последствиях операций.

В случае конфликта между условиями использования платформы и нормами российского законодательства о защите прав потребителей, приоритет должен быть отдан национальным правовым актам. Условия использования, противоречащие его нормам, должны быть признаны недействительными по крайней мере в части, касающейся защиты прав российских потребителей

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что правовое регулирование цифровых подарков в мессенджере Telegram содержит существенные пробелы и неопределённости, которые не только ущемляют права и интересы отдельных пользователей, но и создают риски для эффективности применения ряда фундаментальных отраслей российского законодательства, включая гражданское, налоговое. Традиционные конструкции частного права, разработанные с учётом физической природы благ и материальной экономики, оказываются недостаточными для надлежащего урегулирования отношений, связанных с передачей виртуальных объектов через электронные платформы. Отсутствие специализированного регулирования приводит к формированию ситуации, при которой платформы, де-факто, получают право устанавливать собственные правила, часто противоречащие российскому законодательству.

Таким образом, только комплексный подход позволит обеспечить справедливое и эффективное регулирование этой развивающейся сферы экономических отношений.

Список литературы:

1. Telegram первым из мессенджеров охватил в России 100 млн пользователей (Telegram was the first messenger to reach 100 million users in Russia) URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/543944-telegram-pervym-iz-messendzerov-ohvatil-v-rossii-100-mln-pol-zovatelej (Дата обращения 24.11.2025)

2. Что такое NFT, и как они работают (What are NFTs, and how do they work?) URL: https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-an-nft (Дата обращения 24.11.2025)
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http: //www.consultant.ru (Дата обращения 24.11.2025)
4. Пользовательское соглашение Telegram (Telegram User Agreement) URL: https://telegram.org/tos/ru (Дата обращения 25.11.2025)
5. Telegram первым из мессенджеров охватил в России 100 млн пользователей (Telegram was the first messenger to reach 100 million users in Russia) URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/543944-telegram-pervym-iz-messendzerov-ohvatil-v-rossii-100-mln-pol-zovatelej (Дата обращения 24.11.2025)
6. Гирич М.Г., Ермохин ИС., Левашенко АД. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-pravovogo-regulirovaniya-tsifrovyh-finansovyh-aktivov-v-rossii-i-drugih-stranah (дата обращения: 25.11.2025).

References:

1. Telegram was the first messenger to reach 100 million users in Russia (Telegram was the first messenger to reach 100 million users in Russia) URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/543944-telegram-pervym-iz-messendzerov-ohvatil-v-rossii-100-mln-pol-zovatelej (Accessed 11/24/2025)
2. What are NFTs, and how do they work (What are NFTs, and how do they work?) URL: https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-an-nft (Accessed 11/24/2025)
3. The Civil Code of the Russian Federation (Part two) dated January 26, 1996, No. 14-FZ. [Electronic resource] – Access mode: http: //www.consultant.ru (Accessed 11/24/2025)
4. Telegram User Agreement URL: https://telegram.org/tos/ru (Accessed 11/25/2025)
5. Telegram was the first messenger to reach 100 million users in Russia (Telegram was the first messenger to reach 100 million users in Russia) URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/543944-telegram-pervym-iz-messendzerov-ohvatil-v-rossii-100-mln-pol-zovatelej (Accessed 11/24/2025)
6. Girich M.G., Ermokhin IS., Levashenko AD. Comparative analysis of the legal regulation of digital financial assets in Russia and other countries // Bulletin of International Organizations: education, Science, New Economy. 2022. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-pravovogo-regulirovaniya-tsifrovyh-finansovyh-aktivov-v-rossii-i-drugih-stranah (date of request: 11/25/2025).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_259

УДК 347.9

ТРАНСФОРМАЦИЯ СУДЕБНОГО ИЗВЕЩЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
TRANSFORMATION OF JUDICIAL NOTIFICATION OF PARTICIPANTS IN CIVIL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF DEVELOPING INFORMATION TECHNOLOGIES

БАРИНОВ Андрей Викторович,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС при Президенте РФ.
600000, Россия, г. Владимир, ул. Большая Московская ул., 49.
E-mail: barinov-vlad@inbox.ru

ШАНАЗАРОВА Елена Витальевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета
Владимирский юридический институт ФСИН России
600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
e-mail: alyonapov@mail.ru

BARINOV Andrey V.,
Chief of the Department of Civil Law Disciplines,
Vladimir Branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor.
49 Bolshaya Moskovskaya str., Vladimir, 600000, Russia.
E-mail: barinov-vlad@inbox.ru

SHANAZAROVA Elena Vitalievna
Associate Professor of the Department of civil law disciplines' of the Faculty of Law
of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Candidate of law, Associate Professor.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia.
E-mail: alyonapov@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуются отдельные проблемы судебного извещения участников гражданского процесса в условиях современного информационного взаимодействия граждан и суда. Анализ гражданского процессуального законодательства и научной литературы по исследуемому вопросу показал, что в настоящее время приоритет в судебном извещении участников гражданского процесса отдан судебным повесткам, отправляемым по почте, что ведет к длительности периода информирования и затягиванию начала процесса. Не разделяя такой подход, в работе обосновывается вывод, что в условиях широкого взаимодействия граждан между собой и с государственными органами с использование сети "Интернет" приоритет в судебном извещении участников гражданского процесса должен быть отдан судебным извещениям в электронном виде, с использованием единого портала государственных и муниципальных услуг или электронной почты. Реализация данного предложения обеспечит мгновенную передачу информации адресату без привлечения дополнительных лиц, но потребует решения проблемы, связанной с закреплением единого средства коммуникации для граждан с целью судебного извещения.*

Abstract: *The article explores certain problems of judicial notification of participants in civil proceedings in the context of modern information interaction between citizens and the court. An analysis of civil procedural legislation and scientific literature on the issue under study showed that priority in judicial notification of participants in civil proceedings is currently given to subpoenas sent by mail, which leads to a lengthy notification period and a delay in the commencement of the process. Without sharing such an approach, the work justifies the conclusion that in conditions of wide interaction of citizens with each other and with state bodies using the Internet, priority in judicial notification of participants in civil proceedings should be given to judicial notifications in electronic form, using a single portal of state and municipal services or e-mail. The implementation of this proposal will ensure the instant transmission of information to the addressee without the involvement of additional persons, but will require a solution to the problem associated with securing a single means of communication for citizens for the purpose of judicial notification.*

Ключевые слова: *гражданский процесс, судебные извещения, судебная повестка, извещение в электронном виде, надлежащее извещение, единый портал государственных и муниципальных услуг, электронная почта.*

Keywords: *civil procedure, judicial notice, court summons, electronic notification, proper notification, unified portal of state and municipal services, email.*

Для цитирования: *Баринов А.В., Шаназарова Е.В. Трансформация судебного извещения участников гражданского процесса в условиях развития информационных технологий // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 259-263. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_259.*

For citation: *Barinov A.V., Shanazarova E.V. Transformation of judicial notification of participants in civil proceedings in the context of information technology development // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 259-263. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_259.*

Статья поступила в редакцию: 26.03.2026

Судебное извещение участников гражданского процесса является вспомогательным процессуальным действием, но от его совершения непосредственно зависит выполнение основной задачи гражданского судопроизводства - правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел (ст.2 ГПК РФ).

Цель судебного извещения не только информирование участников о возбуждении гражданского дела (ч.3 ст.133 ГПК), но и о совершении отдельных процессуальных действий (например: ч.2 ст.58, ч.1 ст.63, ч.2 ст.75 ГПКРФ); о времени и месте судебных заседаний, причем как в стадии судебного разбирательства (ч.1 ст. 153 ГПК РФ), так и для разрешения иных процессуальных вопросов (например: ч.1 ст.106, ч.4 ст.112,ч.2 ст.144, ч.2 ст.152, ч.2 ст.153.10, ч.2 ст.201, ч.2 ст.212 ГПК РФ), а также информирование о принятых судом судебных постановлений - высылка лицам, участвующим в деле, копий решений и определения суда (ч.3 ст.105, ст.128, ч.1 ст.129, ч.2 ст.134, ч.2 ст.135, ч.2 ст.142, ч.1 ст.214, 227 ГПК РФ). Причем извещение участников процесса должно состоять не только в отправке судом информации о начале судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия, но и в обеспечении получения адресатом такого судебного извещения, с информированием об этом суда. Только в этом

случае, а также в случаях, предусмотренных ч.2 ст. 117 ГПК РФ извещение считается надлежащим.

Что касается извещения лиц, участвующих в деле, о времени и месте судебного заседания в стадии разбирательства гражданского дела, то для суда такое извещение является обязательным. Если, хотя бы одно из лиц, участвующих в деле, не извещено надлежащим образом о рассмотрении дела, то судом нарушен принцип состязательности и равноправия сторон (ст.12 ГПК РФ), а вынесенное при таком рассмотрении судебное решение подлежит безусловной отмене (п.2) ч.4 ст.330 ГПК РФ). Это положение основано на праве лиц, участвующих в деле - получать судебные повестки и иные судебные извещения, а также судебные постановления и их копии на бумажном носителе или в электронном виде, в том числе в форме электронного документа.

ГПК РФ устанавливает два вида судебных извещений: судебная повестка и иные судебные извещения в письменной форме, которые могут быть представлены на бумажном носителе или в виде электронного документа, но независимого от этого они должны иметь единое содержание (ст.114 ГПК РФ). Как и судебные извещения – копии решений и определений суда могут составляться в письменной форме в бумажном виде и в виде электронного документа.

Ввиду наличия двух видов судебных извещений и судебных постановлений различаются и способы информирования участников процесса, т.е. способа доставки извещений и судебных постановлений. Причем способы доставки должны обеспечивать фиксацию информирования участника процесса о судебном извещении путем его вручения адресату.

Судебное извещение в виде судебной повестки (форма и реквизиты повестки установлена в приказах Судебного департамента при Верховном Суде РФ) [1,2], на бумажном носителе может быть доставлена участнику процесса двояким способом: по почте или одним из лиц, участвующих в деле, которому суд поручил доставить и вручить судебную повестку извещаемому лицу.

Согласно п. 2.12 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденной Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36 (далее - Инструкции № 36) [1] при использовании почтовой отправки судебных извещений, судебная повестка направляются судом заказным письмом с уведомлением о вручении в порядке, установленном для разряда "Судебное". Такое извещение участнику процесса направляется по адресу, указанному лицом, участвующим в деле или его представителем, а для организации по ее адресу.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 68 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации"[3], положения ст. 165.1 ГК РФ о юридически значимых сообщениях подлежит применению также к судебным извещениям и вызовам, если гражданским процессуальным или арбитражным процессуальным законодательством не предусмотрено иное. Согласно абз.2 п.1 ст. 165.1 ГК РФ юридически значимое сообщение считается доставленным и в тех случаях, если поступило лицу, которому оно направлено (адресату), но по обстоятельствам, зависящим от него, не было ему вручено или адресат не ознакомился с ним. Это означает, что если участник процесса, которому направлено судебная повестка уклонился от ее получения в отделении связи и она было возвращена по истечении срока хранения, то такое судебное извещение считается доставленным.

Кроме того из п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 "О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях"[4], которые применимы и к гражданскому процессу, следует, что участвующее в деле лицо считается извещенным о времени и месте судебного рассмотрения в случае, когда из указанного им места жительства (регистрации) поступило сообщение об отсутствии адресата по указанному адресу, о том, что лицо фактически не проживает по этому адресу либо отказалось от получения почтового отправления, а также в случае возвращения почтового отправления с отметкой об истечении срока хранения, если были соблюдены положения особых условий приема, вручения, хранения и возврата почтовых отправлений разряда "Судебное".

Следует отметить, что согласно Правил оказания услуг почтовой связи, срок хранения отправления из разряда "Судебное" в почтовых отделениях, которые не были вручены адресатам составляет 7 дней [5], после чего возвращаются в суд как неполученное адресатом.

Такое правовое регулирование направлено на пресечение со стороны адресата, в частности, ответчика недобросовестного поведения, заключающееся в намеренном уклонении от получения судебных повесток, что ведет к затягиванию процесса и нарушению прав истцов [6 с.47]. Хотя, как считает И.К. Лясковский, такая ситуация может свидетельствовать и о временном отсутствии адресата по месту жительства, чем предполагать его сознательный отказ от участия в процессе [7].

Таким образом, возвращение в суд почтового отправления с повесткой можно считать надлежащим извещением адресата только при условии, что повестка не была вручена по обстоятельствам, зависящими от самого адресата, в частности отказа от получения или при его отсутствии по адресу места жительства, что при определенных условиях свидетельствует о фикции извещения.

При доставке судебной повестки одним из лиц, участвующих в деле по поручению судьи, он должен вручить ее адресату по правилам, установленным в ст. 116 ГПК РФ и Инструкции № 36. Независимо от обстоятельств вручения корешок судебной повестки должен быть возвращен в суд либо с распиской адресата в получении, либо с отметкой, куда выбыл адресат и когда ожидается его возвращение, либо с отметкой об отказе адресата принять повестку.

Только в этих случаях участники процесса считаются извещенными надлежащим образом.

В ГПК РФ отсутствует понятие надлежащее извещение. Как справедливо отмечают отдельные авторы, извещение можно считать надлежащим, если выбранный способ извещения обеспечивает доведение информации до адресата с возможностью фиксации этого факта, а само извещение должно быть сделано с таким расчетом, чтобы извещаемые лица имели достаточный срок для подготовки к делу и своевременной явки в суд [8 с.33].

Иные судебные извещения о которых упоминается в ст.114 ГПК РФ также имеют письменную форму, в том числе в электронном виде

(ч.7 ст.113 ГПК РФ). В отличие от повестки они могут доставляться различными способами, в том числе такими архаичными на сегодняшний момент, как телефонограммой или телеграммой, по факсимильной связи, а также с использованием современных средств связи, предназначенных для извещений в электронном виде. Последние могут направляться участникам процесса через единый портал государственных и муниципальных услуг (далее ЕПГУ) либо по системе электронного документооборота участника процесса с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия. Причем положения Инструкции № 36 ограничивают возможности аппарата суда отправлять извещения посредством ЕПГУ участникам процесса необходимостью получения их согласия на такой способ извещения. Так в Инструкции № 36 указано, что доставка судебного уведомления осуществляется в личный кабинет (далее ЛК) физического лица, индивидуального предпринимателя, юридического лица на ЕПГУ исключительно при наличии согласия адресата на получение судебных уведомлений, выраженного в форме простановки соответствующей отметки в настройках ЛК на ЕПГУ. При отсутствии согласия отправителю возвращается информация о невозможности доставки судебного уведомления (п.2.1.8 Инструкции № 36).

Необходимо указать, что Инструкция № 36 не только сужает возможности по доставке извещений в электронном виде требуя согласия на доставку через ЕПГУ, но и в отличие от п.7 ст. 113 ГПК РФ расширяет их, так что участники процесса могут извещаться путем направления им работником аппарата суда по поручению судьи по электронной почте. Но такое извещение, как и извещение через ЕПГУ возможно только, если извещаемые выразили согласие и указали адрес электронной почты в обращении в суд. В этом случае информация об адресе электронной почты участника процесса подлежит внесению в ПС ГАС "Правосудие", и по поручению судьи в случае необходимости распечатывается на бумажном носителе для подтверждения направления извещения по электронной почте.

В отличие от физических лиц, для органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов и организации в ч.2.1. ст.113 ГПК предусмотрен иной порядок извещения. Такие лица извещаются судом традиционным способом (судебная повестка или иным судебным извещением), но только о времени и месте первого судебного заседания. Последующие извещения таких участников процесса будет осуществляться путем размещения информации о судебных заседаниях и иных процессуальных действиях в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет". После получения первого извещения традиционным способом, указанные лица должны самостоятельно предпринимать меры для получения информации о движении дела, используя любые источники информации и любые средства связи. Если органы государственной власти, органы местного самоуправления, иные органы и организации таких мер не предпринимают, то они несут риск наступления неблагоприятных последствий в результате такого бездействия. И только в случае отсутствия технической возможности у органов местного самоуправления, иных органов и организаций (не распространяется на органы государственной власти) они вправе заявить ходатайство о направлении им судебных извещений традиционным способом, т.е. без использования информационно-телекоммуникационной сети "Интернет".

Размещать информацию о ходе рассмотрения дела в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" суд должен не только для извещения указанных выше лиц, но и для информирования всех участников процесса, включая информацию о принятии искового заявления к производству суда, о времени и месте судебного заседания или совершения отдельного процессуального действие. Порядок размещения в сети "Интернет" текстов судебных актов установлены, как в федеральном законе, так и в приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ [9,10]. Указанная информация должна быть размешена не позднее чем за пятнадцать дней, а по делам с сокращенными сроками рассмотрения - не позднее чем за три дня до начала судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия. Как правильно отмечено авторами, сайт суда общей юрисдикции в гражданском судопроизводстве следует рассматривать только как дополнительный источник информации о ходе процесса, а срок размещения на нем сведений не влияет на "надлежащее извещение"[11 с.251].

Изложенное позволяет сделать вывод, что в современных условиях приоритет в судебном извещении участников гражданского судопроизводства в гражданском процессуальном законодательстве отдан судебным повесткам, отправляемым по почте, т.к. такое извещение не требует согласие участников процесса, в отличие от извещений в электронном виде. Очевидный недостаток извещения судебной повесткой - это длительность периода информирования, которая складывается из времени доставки судебной повестки на почту, извещение почтой адресата, его явки в почтовое отделение, а при неявке возвращение повестки в суд, но по истечении 7 дней. Все это приводит к затягиванию начала процесса или проведения последующих судебных заседаний, что существенно влияет на выполнение такой задачи, как своевременность рассмотрения и разрешения дела. Кроме того, использование судами почтовых отправлений для извещения участников процесса, как правильно пишут авторы - «это не только дополнительная нагрузка на службу почтовой связи, но и излишние ненужные расходы государства» [11 с.259-260].

Такой законодательный подход в условиях широкого внедрения информационных технологий во все сферы деятельности, когда практически каждый гражданин имеет один или несколько средств коммуникации: индивидуальное средство мобильной связи с персональным абонентским номером, адрес электронной почты, учетную запись о регистрации на ЕПГУ, вряд ли соответствует современному информационному обществу.

Таким образом, в условиях широкого взаимодействия граждан между собой и с государственными органами с использование информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", приоритет в судебном извещении участников гражданского процесса должен быть отдан извещениям и судебным постановлениям, пересылаемым в электронном виде, что обеспечивает мгновенную передачу информации адресату без привлечения дополнительных лиц (почты, лица, которому поручено доставить извещение). Поэтому полностью согласны с выводом отдельных авторов, что «в настоящее время судебная повестка как основная форма судебного извещения по гражданскому делу фактически изжила себя, поскольку перестала отвечать потребностям участвующих в деле лиц» [11 с.260]. Традиционное извещение судебной повесткой может служить лишь вспомогательным средством при отсутствии у граждан технической возможности для получения извещений в электронном виде.

Если приоритет в извещении участников процесса отдать извещению в электронном виде, то возникают следующие вопросы. Какой

способ извещения с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (SMS-сообщение, электронная почта, мессенджер, ЕПГУ) должен быть основным, а какие вспомогательными или можно использовать любой из способов электронной коммуникации. В последнем случае возникает еще один вопрос, а кто должен делать выбор способа извещения в электронном виде: участник процесса или судья. Если выбор способа извещения отдается участнику процесса, то в случае, если он выбор не сделал, извещать его придётся традиционным способом, и как указано выше затягивает процесс. Если выбор способа извещения будет за судьей, то извещение в электронном виде возможно только при условии, что участник процесса имеет хотя бы одно средство электронной коммуникации и судья располагает информацией об этом.

В этой связи нельзя согласится с отдельными авторами, которые считают, что «СМС представляет собой отживший вариант судебного извещения в электронном виде», а направление извещений посредством электронной почты «категорически не прижился на практике» [11 с.264], так что «сегодня SMS-сообщения и адреса электронной почты постепенно уходят на второй план» [8 с.34]. В этой связи предлагается использовать для извещения участников гражданского процесса мессенджер (приложение для обмена мгновенными сообщениями) [8 с.34], т.к. в настоящее время в таких приложениях возможна идентификация пользователей, которую должны обеспечивать организаторы сервиса обмена мгновенными сообщениями через оператора связи [12].

Кроме того, развивая идею о необходимости извещения участников процесса в электронном виде отдельные авторы обосновывают важность перехода к заявительному, уведомительному выбору именно участником процесса формы и способа доставки такого судебного извещения [11 с.265]. Более того, указанные авторы настаивают на том, что «участнику процесса также должна быть предоставлена возможность без указания мотивов и безусловно отказаться от получения извещений в электронном виде путем подачи соответствующего заявления в материалы дела» [11 с.266]. С таким предложением нельзя согласится, так как при таком подходе участник процесса, например, после каждого извещения или судебного заседания может произвольно менять формы и способ доставки извещений в электронном виде или отказаться от него, что создаст неопределенность для аппарата суда по извещению такого участника.

Ответы на поставленные вопросы, какие способы извещения в электронном виде должны использоваться при судебном извещении и в каком приоритетном порядке, и кто должен выбирать способ извещения содержится в Инструкции № 36. Судебные извещения участникам гражданского процесса, направляются с соблюдением следующей последовательности: посредством использования ГЭПС; по электронной почте; СМС-извещения; электронное заказное письмо АО "Почта России"; заказное письмо АО "Почта России". А далее прямо указано, выбор надлежащего способа извещения участников процесса осуществляется судьей (п.6.2 Инструкции № 36).

Установление таких широких возможностей, как электронных, так и бумажных по извещению участников процесса для судей, с одной стороны является правильным. С другой стороны, в извещении, в первую очередь заинтересованы граждане – участники процесса, а способы и приоритет способов, в первую очередь электронных извещений установлен в подзаконном правовом акте. Кроме того, при выборе судьей способа извещения в электронном виде высока вероятность ошибки, из-за отсутствия точных данных о средствах коммуникации гражданина (так как нет единой и контролируемой государством базы данных (реестра) таких средств) и информации о возможностях гражданина ими пользоваться.

Исходя из этого предлагается в качестве основного способа извещения участников процесса использовать извещение в электронном виде посредством ЕПГУ или электронной почты, определив их в ГПК РФ. Такие способы извещения, в отличие от СМС-сообщений и мессенджеров имеют универсальный характер, так как позволяют направить адресату любой электронный документ, как судебную повестку (короткую информацию о времени и месте судебного заседания), так и постановление суда. Нельзя согласится с выводом отдельных авторов, что «введение нормы об электронном извещении в качестве общего правила можно расценить лишь как существенное понижение процессуальных гарантий прав участников судопроизводства и права на судебную защиту в целом» [11 с.257], по следующим основаниям.

В ближайшем будущем традиционное извещение постепенно исчезнет. Это обусловлено тем, что еще 2024 году количество граждан РФ, использующих всемирную сеть, выросло на 4,4%, составив 88,9% [13], так что число граждан пользователей сети «Интернет» постепенно приближается к количеству граждан РФ. Следует учесть и то, что в связи с широким использованием гражданами информационно-телекоммуникационных каналов связи, практически нет необходимости в услугах почтовой связи, следовательно, в условиях рыночной экономики деятельность "Почты России" неэффективна, убыточна [14] и в перспективе подлежит закрытию. Поэтому переход только на судебное извещение в электронном виде не только возможен, но и необходим. Однако такой переход связан с решением ряда проблем.

Во-первых, если извещение направлять через ЕПГУ, то остается группа граждан, не зарегистрированных на портале. Глава Минцифры Максут Шадаев рассказал, что «число российских пользователей портала "Госуслуги" превысило 117 миллионов человек – это 95% граждан страны старше 14 лет; также на портале зарегистрировано 3,5 миллиона мигрантов; ежедневно его сервисами пользуются 10 миллионов человек» [15]. Но даже при таком охвате граждан РФ сервисом ЕПГУ (имеют личный кабинет), пользуются далеко не все граждане и не только по причинам отсутствия достаточных навыков, что, безусловно, сужает возможность извещений в электронном виде.

Во-вторых, если извещение направлять на адрес электронной почты, то здесь также не все граждане имеют такой адрес, но даже если и имеют, то проблема состоит в том, что в отличие от адреса места жительства который регистрируется для каждого гражданина в административном порядке, адрес электронной почты не имеет единой регистрации, а потому невозможно определить кому из граждан он принадлежит.

Таким образом, для сокращения времени на извещение участников процесса о времени и месте судебных заседаний и высылки копий судебных постановлений, и, следовательно, более быстрое рассмотрение и разрешения гражданских дел целесообразно закрепить в качестве основного способа доставки судебных документов в электронном виде посредством информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", через ЕПГУ или адреса электронной почты.

Для реализации данного предложения необходимо либо провести обязательную регистрацию (с выдачей сформированных учетных записей) всех незарегистрированных граждан старше 14 лет на ЕПГУ, либо создать государственный реестр адресов электронной почты всех граждан старше 14 лет, включив в него адреса, сформированные оператором, ведущим реестр для граждан не имеющих адресов электронной почты.

Только в этом случае судебные извещения и копии судебных постановлений можно отправлять участникам процесса посредством ЕПГУ или на адрес электронной почты. Доставка судебных документов в электронном виде должна фиксироваться средствами соответствующей информационной системы, т.е. данными ЕПГУ или оператором, ведущим реестр адресов электронной почты в сети "Интернет" с информированием суда о доставке извещения. В этом случае извещение в электронном виде следует считать надлежащим даже если адресат с ним не ознакомился. Такое положение не будет ничем отличаться от извещения судебной повесткой по почте, когда оно не было вручено адресату, ввиду его фактического не проживания по месту жительства или отказа от получения почтового отправления.

Поэтому для граждан, зарегистрированных на ЕПГУ или получивших адрес электронной почты и не имеющих технической возможности или не желающих использовать сеть "Интернет" для судебного извещения, о чем они должны сообщить соответствующим операторам информационных систем, необходимо предусмотреть курьерскую доставку распечатанного на бумажном носителе извещения или судебного постановления. Курьерскую доставку можно возложить на организацию предоставляющую такие услуги и заключившей договор с Судебным департаментом при Верховном Суде РФ.

Список литературы:

1. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36 "Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде" // Бюллетень актов по судебной системе. 2018. № 6, 8, 9.
2. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15 декабря 2004 г. № 161 "Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов" // Бюллетень актов по судебной системе. 2018. № 2, 3.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 "О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.
5. Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 17 апреля 2023 г. № 382 "Об утверждении Правил оказания услуг почтовой связи" // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). 2 июня 2023 г. № 0001202306020025 (п.34).
6. Марченко А.Н., Судоргина Е.В. Надлежащее извещение участников гражданского судопроизводства: заметки из адвокатской практики о проблемах процессуального института // Адвокатская практика. 2020. № 1. С. 46 - 48.
7. Лясковский И.К Процессуальные последствия неявки сторон в судебное заседание по гражданскому делу - URL: Законодательство. 2021. № 8. С.48-56. Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ https://internet.garant.ru (дата обращения 24.03.2026).
8. Луконина Ю.А. Надлежащее извещение в эпоху цифровизации правосудия по гражданским делам // Администратор суда. 2022. № 1. С. 32 - 34.
9. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ "Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации" // СЗ РФ. 2008. № 52 (часть I) ст. 6217 (ст.15).
10. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 2 ноября 2015 г. № 335 "Об утверждении Регламента размещения информации о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и органов судейского сообщества в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и Регламента размещения информации о деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет" // Бюллетень актов по судебной системе. 2019. № 1.
11. Зайченко Е.В. Салогубова Е.В. Развитие норм о судебных извещениях в гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации. (Очерк № 17). С.244-267. В кн. Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике: к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: монография / Д.Б. Абушенко, М.А. Алиэскеров, Т.К. Андреева и др.; отв. ред. В.В. Молчанов. Москва: Статут, 2023. 480 с.
12. Постановление Правительства РФ от 20 октября 2021 г. № 1801 "Об утверждении Правил идентификации пользователей информационно-телекоммуникационной сети Интернет организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями" // СЗ РФ. 2021. № 43, ст. 7291.
13. Росстат рассказал, зачем россияне выходят в интернет. Сетевое издание "Вести.Ру". 01 апреля 2025 - URL: https://www.vesti.ru/article/4432946 (дата обращения 24.03.2026).
14. Капранов Олег Счетная палата: Почта России неэффективна, плохо управляется и приносит убытки Российская газета. 22.04.2025 - URL: https://rg.ru/2025/04/22/schetnaia-palata-pochta-rossii-neeffektivna-ploho-upravliaetsia-i-prinosit-ubytki.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения 24.03.2026).
15. Трефилов В. Шадаев рассказал о числе пользователей "Госуслуг". РИА Новости. 23.07.2025 - URL: https://ria.ru/20251210/gosduma-2061083115.html (дата обращения 24.03.2026).

References:

1. Order No. 36 of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation dated April 29, 2003, "On Approval of the Instruction on Judicial Record-Keeping in District Courts" // Bulletin of Acts on the Judicial System. 2018. No. 6, 8, 9.
2. Order No. 161 of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation dated December 15, 2004, "On Approval of the Instruction on Judicial Record-Keeping in the Supreme Courts of the Republics, Territorial Courts, Courts of Cities of Federal Significance, Courts of the Autonomous Region, and Autonomous Districts" // Bulletin of Acts on the Judicial System. 2018. No. 2, 3.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 dated June 23, 2015 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 8.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24.03.2005 No. 5 "On Certain Issues Arising in Courts When Applying the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2005. No. 6.
5. Order No. 382 of the Ministry of Digital Development, Communications, and Mass Media of the Russian Federation dated April 17, 2023, "On Approval of the Rules for Providing Postal Services" // Official Internet Portal of Legal Information (pravo.gov.ru). June 2, 2023. No. 0001202306020025 (p.34).
6. Marchenko A.N., Sudorgina E.V. Proper Notice of Participants in Civil Proceedings: Notes from the Practice of Lawyers on the Problems of the Procedural Institute // Advocate's Practice. 2020. No. 1. Pp. 46 - 48.
7. Lyaskovsky I.K. Procedural consequences of the parties' non-appearance at a court hearing in a civil case - URL: Legislation. 2021. No. 8. Pp. 48-56. Information and legal portal GARANT. RU https://internet.garant.ru (accessed on 24.03.2026).
8. Lukonina Yu.A. Proper Notice in the Era of Digitalization of Justice in Civil Cases // Court Administrator. 2022. No. 1. Pp. 32 - 34.
9. Federal Law No. 262-FZ dated December 22, 2008 "On Ensuring access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation" // SZ RF. 2008. No. 52 (Part I), art. 6217 (art. 15).
10. Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated November 2, 2015. No. 335 "On Approval of the Rules for Posting Information on the Activities of Federal Courts of General Jurisdiction, Federal Arbitration Courts, Magistrates and Judicial Community Bodies on the Internet Information and Telecommunications Network and the Rules for Posting Information on the Activities of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, Judicial Department offices in the Subjects of the Russian Federation on the Internet Information and Telecommunications network" // Bulletin of acts on the judicial system. 2019. No. 1.
11. Zaychenko E.V. Sologubova E.V. Development of the Rules on Court Notices in the Civil Procedure Code of the Russian Federation. (Essay No. 17). Pp. 244-267. In the book: Russian Processualists on Law, Legislation, and Judicial Practice: On the 20th Anniversary of the Civil Procedure Code of the Russian Federation: Monograph / D.B. Abushenko, M.A. Alieskerov, T.K. Andreeva, et al.; edited by V.V. Molchanov. Moscow: Statut, 2023. 480 p.
12. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1801 dated October 20, 2021 "On Approval of the Rules for Identifying Users of the Information and Telecommunication Network Internet by the Organizer of the Instant Messaging Service" // Collection of Laws of the Russian Federation. 2021. No. 43, Article 7291.
13. Rosstat Reveals Why Russians Go Online. Vesti Online.Ru". April 1, 2025 - URL: https://www.vesti.ru/article/4432946 (accessed on March 24, 2026).
14. Kapranov Oleg, Accounts Chamber: Russian Post is inefficient, poorly managed, and causes losses. Rossiyskaya Gazeta. 04/22/2025 - URL: https://rg.ru/2025/04/22/schetnaia-palata-pochta-rossii-neeffektivna-ploho-upravliaetsia-i-prinosit-ubytki.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (accessed 03/24/2026).
15. Trefilov V. Shadaev spoke about the number of users of Gosuslug. RIA Novosti. 23.07.2025 - URL: https://ria.ru/20251210/gosduma-2061083115.html (accessed on 24.03.2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_264

УДК 34

СТРАХОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧАСТНОГО ДЕТЕКТИВА КАК ЧАСТНОПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ КЛИЕНТА И ТРЕТЬИХ ЛИЦ
PROFESSIONAL LIABILITY INSURANCEA PRIVATE DETECTIVE AS A PRIVATE LAW MECHANISM. PROTECTING THE INTERESTS OF THE CLIENT AND THIRD PARTIES

ОСИПОВ Данила Денисович
старший преподаватель ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443090, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: proff-mast@mail.ru

OSIPOV Danila Denisovich
Senior Lecturer Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, Samara region, 443090, Russia.
E-mail: proff-mast@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье исследуется правовая природа обязательств, возникающих при оказании частных детективных услуг, а также рассматривается страхование ответственности как дополнительный гражданско-правовой механизм защиты имущественных интересов клиента и третьих лиц. Установлено, что действующее правовое регулирование частной детективной деятельности носит фрагментарный характер: соответствующие правоотношения имеют договорную основу, сопровождаются системой специальных ограничений, однако специальная модель страховой защиты в данной сфере нормативно не сформирована. На основе анализа норм гражданского законодательства о возмездном оказании услуг и гражданско-правовой ответственности обосновано, что страхование выполняет функцию перераспределения имущественных рисков при наступлении страхового случая, не устраняя при этом обязанности возместить убытки в полном объеме и не исключая необходимости установления вины, объема и пределов ответственности частного детектива. Научная новизна исследования состоит в уточнении пределов применения общих положений о страховании ответственности к частной детективной деятельности и в сопоставлении договорной и деликтной ответственности частного детектива перед клиентом и третьими лицами. Сделан вывод о том, что добровольное страхование ответственности может рассматриваться как дополнительная гарантия компенсации, однако формирование эффективной модели страховой защиты требует законодательного определения страхового риска, круга выгодоприобретателей и пределов страхового покрытия. Страхование ответственности в данной сфере квалифицируется как вспомогательный частноправовой механизм, связанный с основными обязательствами частного детектива и не исключающий необходимости дальнейшего совершенствования нормативного регулирования.*

Abstract. *The article examines the legal nature of obligations arising from the provision of private detective services and considers liability insurance as an additional civil-law mechanism for protecting the property interests of clients and third parties. It is established that the current legal regulation of private detective activity is fragmented: the relevant legal relations are contractual in nature and are accompanied by a system of special restrictions, yet no special model of insurance protection in this sphere has been normatively developed. Based on the analysis of civil-law provisions governing compensated services and civil liability, the article substantiates that insurance performs the function of redistributing property risks upon the occurrence of an insured event, while not eliminating the duty to compensate losses in full or the need to establish the fault, scope, and limits of the private detective's liability. The scientific novelty of the study lies in clarifying the limits of the application of general liability insurance rules to private detective activity and in comparing the contractual and tort liability of a private detective to the client and third parties. It is concluded that voluntary liability insurance may be regarded as an additional guarantee of compensation; however, the formation of an effective model of insurance protection requires a legislative definition of the insured risk, the range of beneficiaries, and the limits of insurance coverage. Liability insurance in this sphere is thus qualified as an auxiliary private-law mechanism connected with the principal obligations of a private detective and not excluding the need for further improvement of legal regulation.*

Ключевые слова: *частная детективная деятельность, договор возмездного оказания услуг, страхование ответственности, профессиональный риск, гражданская ответственность, конфиденциальность, персональные данные, страховое покрытие, обязательное страхование.*

Keywords: *private detective activity, contract for compensated services, liability insurance, professional risk, civil liability, confidentiality, personal data, insurance coverage, compulsory insurance.*

Для цитирования: *Осипов Д.Д. Страхование профессиональной ответственности частного детектива как частноправовой механизм защиты интересов клиента и третьих лиц // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 264-267. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_264.*

For citation: *Osipov D.D. Insurance of professional liability of a private detective as a private law mechanism for protecting the interests of the client and third parties // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 264-267. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_264.*

Статья поступила в редакцию: 19.03.2026

Частная детективная деятельность имеет гражданско-правовую природу: положения Закона Российской Федерации от 11 марта 1992 года № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [3] (далее — специальный закон) определяют ее как оказание на возмездной договорной основе услуг по защите прав и интересов клиентов.

В силу статьи 779 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее — ГК РФ) по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется оказать определенные услуги, а заказчик — оплатить их. Законодатель прямо требует оформления письменного договора на оказание частных детективных услуг с указанием сведений о лицензии, объеме и сроках работ, а также цены. Это подтверждает договорную правовую природу отношений «частный детектив — заказчик». Вместе с тем сфера деятельности частного детектива существенно ограничена законом (статья 7 специального закона [3]): ему запрещено действовать от имени правоохранительных органов, собирать сведения о личной жизни и убеждениях граждан, а также разглашать сведения о заказчике или использовать их в интересах третьих лиц.

С. А. Шаронов [9] справедливо отмечает, что аналогичные ограничения в целом допустимы, однако запрет на использование методов сыска частными охранниками представляется необоснованным и создает парадоксальную диспропорцию. Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что отношения между частным детективом и клиентом по своей сущности носят частноправовой характер, несмотря на наличие публично-правовых ограничений. Такое сочетание признаков позволяет заключить, что предметом исследования является именно гражданско-правовая конструкция договорной ответственности, а не административный режим лицензирования как таковой [10, 11].

Именно поэтому обращение к страхованию ответственности не выходит за пределы гражданско-правового анализа, а, напротив, логи-

чески продолжает его. Если частный детектив действует в рамках возмездного обязательства, то и риск неблагоприятных имущественных последствий его профессиональной деятельности должен оцениваться прежде всего через категории обязательственного права: содержание обязанности, пределы надлежащего поведения, наличие убытков, причинную связь и вину. Публично-правовые запреты в данном случае не устраняют частноправовую сущность отношений, а лишь определяют пределы допустимого поведения исполнителя. Следовательно, страхование профессиональной ответственности здесь выступает не как самостоятельный регулятор профессии, а как производный институт, связанный с уже существующим обязательством по надлежащему оказанию услуг и возмещению вреда при его нарушении.

Профессиональный риск частного детектива включает несколько элементов.

Во-первых, существует риск ненадлежащего исполнения обязательств перед клиентом: просрочка исполнения, отступление от согласованного объема услуг, нарушение требований закона и режима конфиденциальности могут повлечь убытки, включая упущенную выгоду заказчика, подлежащие возмещению в рамках договора. По общему правилу (статья 15 ГК РФ [1]) заказчик частных детективных услуг вправе требовать полного возмещения убытков, а за нарушение обязательства исполнитель отвечает при наличии вины (статья 401 ГК РФ [1]). М. И. Брагинский и В. В. Витрянский [7] указывают, что договор возмездного оказания услуг предполагает обязанность по совершению определенных действий, а не по достижению результата, поэтому деятельность частного детектива должна оцениваться прежде всего с точки зрения степени разумной заботливости и осмотрительности (статья 401 ГК РФ [1]).

Для частной детективной деятельности данное обстоятельство имеет принципиальное значение, поскольку в большинстве случаев заказчик рассчитывает не на гарантированный результат, а на квалифицированное и правомерное профессиональное содействие в собирании информации, розыске лиц либо выявлении обстоятельств, имеющих юридическое значение. Отсюда следует, что критерием ненадлежащего исполнения является не сам по себе неудовлетворительный для клиента результат, а отступление исполнителя от стандарта разумной осмотрительности, профессиональной добросовестности и требований закона. Такой подход препятствует смешению предпринимательского риска заказчика с риском профессиональной ошибки частного детектива и тем самым позволяет точнее определить круг неблагоприятных последствий, который в принципе может быть охвачен страховой защитой.

Во-вторых, существенную часть профессионального риска образуют нарушения, связанные с обращением с конфиденциальными сведениями и персональными данными клиента и третьих лиц. Нарушение режима охраны информации влечет гражданско-правовую ответственность. Так, специальный закон прямо запрещает частному детективу раскрывать собранные сведения о заказчике вопреки его интересам или в пользу третьих лиц. Кроме того, статья 7 специального закона [3] запрещает сбор данных о личной жизни и убеждениях граждан; нарушение этих норм может квалифицироваться как неправомерное обращение с персональными данными в нарушение Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» [5]. И. А. Волкова [8] и другие исследователи подчеркивают, что риски разглашения конфиденциальной информации и персональных данных повышают значимость механизмов гражданско-правовой защиты.

Особенность данной группы рисков состоит в том, что их последствия нередко выходят за рамки обычных имущественных потерь. Неправомерное раскрытие сведений либо незаконное собирание информации способно затронуть частную жизнь, деловую репутацию, а в ряде случаев — повлечь последующие имущественные потери, вызванные распространением чувствительной информации. В такой ситуации страховой механизм приобретает дополнительное значение не только как средство компенсации уже наступившего ущерба, но и как способ защиты социально значимой конфиденциальной информации. Вместе с тем сама возможность страхового покрытия подобных последствий должна оцениваться с особой осторожностью, поскольку не всякое нарушение режима конфиденциальности может быть сведено к заранее исчислимому страховому риску, а границы страхуемого интереса требуют специального нормативного уточнения.

В-третьих, в силу специфики частной детективной деятельности возможны претензии со стороны третьих лиц, например в связи с причинением вреда жизни и здоровью, имуществу либо деловой репутации в результате незаконных действий частного детектива. В силу статьи 1064 ГК РФ [2] вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. При этом ответственность перед клиентом и перед третьими лицами связана, но требует раздельного анализа: при нарушении договора частный детектив несет договорную ответственность, а при причинении имущественного или нематериального вреда третьим лицам — ответственность по общим основаниям деликтного права.

В этой системе страхование профессиональной ответственности выступает как механизм перераспределения имущественных рисков. С теоретической точки зрения страхование не устраняет риск причинения вреда, но позволяет распределить потенциальные убытки между участниками страховых отношений. Следует согласится с мнением И. А. Волковой [8] о том, что страхование является важным инструментом снижения риска материальных потерь. Л. Н. Клоченко и К. И. Пылов [15] также указывают, что страхование с экономической точки зрения представляет собой механизм распределения убытков одного лица между множеством других лиц. В контексте частной детективной деятельности это означает, что при наступлении страхового случая страховая организация может осуществить страховую выплату в пределах страхового покрытия. Принципиально важным является то, что страхование носит дополнительный характер: по мнению Ю. Б. Фогельсона [6], страховое обязательство представляет собой самостоятельное обязательство страховщика, направленное на выплату страхового возмещения при наступлении страхового случая, но не отменяющее обязанности страхователя возместить убытки. Иными словами, страхование обеспечивает дополнительный компенсационный механизм, однако сам факт наступления страхового случая по-прежнему требует установления оснований и пределов ответственности частного детектива (пункт 1 статьи 401, статья 1064 ГК РФ [1, 2]).

На этом фоне особую значимость приобретает разграничение двух возможных моделей страховой защиты. Первая связана с ответствен-

ностью перед клиентом за нарушение договорного обязательства, вторая - с ответственностью перед третьими лицами за причинение вреда вне рамок договора. Указанные модели не совпадают ни по составу выгодоприобретателей, ни по основаниям возникновения требования, ни по структуре доказывания. Поэтому механическое объединение их в рамках единого полиса без специальной правовой оговорки может породить неопределенность в вопросе о том, подлежит ли компенсации нарушение собственно договорной обязанности либо лишь вредоносный результат, причиненный третьим лицам. Для частной детективной деятельности данная проблема особенно заметна, поскольку одна и та же фактическая ситуация может одновременно затрагивать интересы клиента, контрагента клиента и иных лиц, не связанных договором с частным детективом.

Важным вопросом является соотношение общего режима страхования гражданско-правовой ответственности и особенностей деятельности частного детектива. Закон Российской Федерации от 27 ноября 1992 года № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [4] предусматривает обязательное и добровольное страхование, однако применительно к страхованию ответственности частного детектива действующее регулирование не формирует специальной модели страховой защиты. Кроме того, как правило, страховое покрытие не распространяется на умышленные противоправные действия. Так, соглашение об освобождении от ответственности за умышленное нарушение ничтожно (пункт 4 статьи 401 ГК РФ [1]), а страховые правила обычно исключают выплаты при совершении умышленных правонарушений. Отсюда следует, что страховое покрытие может распространяться лишь на случаи причинения вреда вследствие непреднамеренных ошибок или непредвиденных обстоятельств, но не устраняет сложности установления границ ответственности частного детектива в случае умысла или грубой неосторожности.

Следовательно, в юридической доктрине страхование не квалифицируется как замена гражданско-правовой ответственности, а рассматривается в качестве дополнительного компенсационного механизма, основанного на формировании страхового фонда за счет уплаты страховых премий и предназначенного для возмещения убытков при наступлении страхового случая. Такой подход способствует повышению доверия клиентов и обеспечению стабильности гражданского оборота, поскольку предполагает наличие дополнительного имущественного обеспечения возможных неблагоприятных последствий оказания частных детективных услуг. Вместе с тем использование страхования не исключает необходимости надлежащего правового регулирования обязательств частного детектива.

При сопоставлении договорной и деликтной ответственности частного детектива следует отметить, что страхование может быть сконструировано либо как страхование ответственности за нарушение обязательств по договору возмездного оказания услуг, либо как страхование ответственности за причинение вреда третьим лицам (статья 1064 ГК РФ [2]). На практике страховщики предлагают полисы, покрывающие убытки третьих лиц вследствие непреднамеренных ошибок частного детектива, иногда расширяя круг потенциальных потерпевших [13]. Однако нормативной модели именно страхования профессиональной ответственности частного детектива в законодательстве не сформировано. С одной стороны, добровольная модель способна охватывать различные риски; с другой стороны, отсутствие специальных указаний закона создает правовую неопределенность: неясно, какие именно события следует считать страховыми случаями, кто является выгодоприобретателем и каков должен быть размер страховой суммы для защиты интересов потерпевших [12, 14].

Для формирования внутренне согласованной модели страхования профессиональной ответственности частного детектива необходимо исходить из ряда концептуально значимых условий. Страховой случай должен определяться не посредством абстрактной категории ненадлежащего поведения, а через юридически значимое последствие, находящееся в причинной связи с профессиональной деятельностью частного детектива. При этом круг выгодоприобретателей требует дифференцированного подхода с учетом характера нарушенного интереса, поскольку клиент как участник договорного обязательства и третье лицо как потерпевший занимают различное правовое положение и не могут рассматриваться как полностью тождественные субъекты страховой защиты. Не менее важно, чтобы предел страховой суммы соотносился не только со средней стоимостью договора, но и с вероятной тяжестью имущественного либо информационного вреда, который по своему объему может существенно превышать цену оказываемой услуги. При отсутствии указанных условий страхование ответственности будет носить преимущественно декларативный характер и не сможет выполнять функцию полноценной гарантии гражданско-правовой защиты.

Таким образом, действующее правовое регулирование страховой защиты в сфере частной детективной деятельности сохраняет признаки незавершенной конструкции. Добровольное страхование, несмотря на его значение как инструмента перераспределения рисков, не во всех случаях способно обеспечить полное возмещение причиненных убытков, поскольку размер страхового покрытия может не соответствовать фактическому объему ущерба, а высокая стоимость полиса способна ограничивать его доступность для части частных детективов. Существенное значение имеет и отсутствие в законодательстве четко закрепленной модели страхового риска и страхового случая, что затрудняет определение объема будущего обязательства страхователя и осложняет правоприменение, в том числе в судебной практике.

В этих условиях вопрос о возможном введении обязательного страхования ответственности частного детектива требует взвешенного подхода. При отсутствии ясного нормативного определения страхового события и состава выгодоприобретателей установление обязательной страховой модели будет сопряжено с внутренними противоречиями и риском излишне формального регулирования. Более обоснованным представляется последовательный подход, предполагающий первоначальное развитие механизмов добровольного страхования с возможным стимулированием включения соответствующих рисков в страховые продукты, используемые в смежных сферах деятельности. Обращение к вопросу о специальном обязательном страховании оправдано лишь при наличии достаточной правоприменительной практики и накопленного статистического материала.

Наряду с этим, идея обязательного страхования ответственности может быть признана обоснованной лишь при соблюдении принципа соразмерности. Введение соответствующей обязанности без учета действительного объема профессиональных рисков, финансовых возможностей участников рынка и характера оказываемых услуг способно привести не к повышению уровня защиты потерпевших, а к формальному увеличению издержек, связанных с доступом к профессиональной деятельности. Вместе с тем нормативно выверенная модель, основанная на типизации страхо-

вых случаев и установлении минимальных стандартов страхового покрытия, может способствовать повышению устойчивости гражданского оборота. При таком подходе страхование утрачивает значение факультативного финансового инструмента и приобретает характер элемента правового статуса частного детектива, однако лишь при условии четкого определения предмета страховой защиты и ясного нормативного закрепления соотношения страховой выплаты с обязанностью соответствующего лица возместить убытки и причиненный вред в полном объеме.

Таким образом, страхование профессиональной ответственности частного детектива следует рассматривать как частноправовой механизм, призванный дополнить, а не заменить обязанность возместить убытки и причиненный вред. Оно позволяет частично перераспределить имущественные риски, однако не исключает необходимости установления оснований и пределов ответственности частного детектива: наличие вины, в том числе в форме неосторожности, по-прежнему определяет основания возникновения обязанности по возмещению убытков и вреда (статьи 401, 1064 ГК РФ [1, 2]).

С позиций автора представляется обоснованным признание страхования одним из средств укрепления правовой защищенности клиентов и потерпевших, но не окончательным решением проблемы. Законодательная модель в исследуемой сфере нуждается в детализации: наличие «добровольных полисов» желательно, однако для перехода к обязательному страхованию требуется дополнительная проработка понятийного аппарата и механизмов расчета страхового покрытия. Проведенное исследование показывает, что страхование ответственности частного детектива может способствовать повышению гарантий компенсации, однако его эффективность как механизма защиты зависит от более четкого гражданско-правового регулирования оснований ответственности, страхуемых рисков и содержания договорных обязательств между частным детективом и заказчиком частных детективных услуг.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
3. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1 (ред. от 21.04.2025) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 17. Ст. 888.
4. Об организации страхового дела в Российской Федерации : закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 20.02.2026) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 2. Ст. 56.
5. О персональных данных : федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 06.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3451.
6. Фогельсон, Ю. Б. Страховое право : теоретические основы и практика применения / Ю. Б. Фогельсон. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2012. 574 с. ISBN 978-5-91768-268-6. ISBN 978-5-16-005429-2.
7. Брагинский, М. И. Договорное право. Кн. 1 : Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. Москва : Статут, 2011. 847, [1] с. ISBN 978-5-8354-0749-1.
8. Волкова, И. А. Страхование профессиональной имущественной ответственности: проблемы определения понятийного аппарата / И. А. Волкова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2011. № 1 (14). С. 125–132.
9. Шаронов, С. А. Законодательные запреты и ограничения частной охранной деятельности: пробелы и пути их устранения / С. А. Шаронов // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2012. № 4. С. 54–57.
10. Каминский, А. М. Конфиденциальность в частной детективной деятельности: правовые и тактические вопросы обеспечения информационной безопасности частного сыска / А. М. Каминский, Г. Г. Камалова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 167–172. DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10427.
11. Шестаков, В. И. Системный подход к пониманию правовой природы, сущности и правовому регулированию частной детективной деятельности (часть 2) / В. И. Шестаков // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 120–128. EDN OFZZTV.
12. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая (постатейный) / Е. Н. Абрамова [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2017. 975 с. ISBN 978-5-392-23027-3.
13. Страхование ответственности частных детективов и работников охранных предприятий [Электронный ресурс] // ГУТА-Страхование : офиц. сайт. URL: https://www.gutains.ru/juridical/responsibility/strahovanie_otvetstvennosti_chastnyih_detektivov_i_rabotnikov_ohrannyih_predpriyatiy/ (дата обращения: 19.03.2026).
14. Гладких, С. Р. Комментарий к Закону Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» : постатейный / С. Р. Гладких. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Юстицинформ, 2008. 278 с. ISBN 978-5-7205-0897-5.
15. Клоченко, Л. Н. Основы страхового права : учеб. пособие / Л. Н. Клоченко, К. И. Пылов ; Фонд страховых исслед. Ярославль : Норд, 2002. 232 с. ISBN 5-901803-04-3.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part one): Feder. Law No. 51-FZ of 11/30/1994 / / Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. St. 3301.
2. The Civil Code of the Russian Federation (Part two): Feder. Law No. 14-FZ of January 26, 1996 / / Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. St. 410.
3. On Private detective and Security activities in the Russian Federation : Law of the Russian Federation dated 03/11/1992 No. 2487-1 (as amended on 04/21/2025) / / Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1992. No. 17. St. 888.
4. On the organization of insurance business in the Russian Federation: the Law of the Russian Federation dated 11/27/1992 No. 4015-1 (as amended on 02/20/2026) / / Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1993. No. 2. St. 56.
5. About personal data: feder. Law No. 152-FZ of 27.07.2006 (as amended on 06.03.2023) / / Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31. St. 3451.
6. Fogelson, Yu. N. B. N. Insurance law: theoretical foundations and practice of application / Yu. N. B. N. Fogelson. Moscow : Norma: INFRA-M, 2012. pp. 574. ISBN 978-5-91768-268-6. ISBN 978-5-16-005429-2.
7. Braginsky, M. N. I. N. Contractual law. In Book 1: General provisions / mn. I. N. Braginsky, VN V. N. Vitryansky. Moscow: Statute, 2011. 847, p. [1]. ISBN 978-5-8354-0749-1.
8. Volkova, I. N. A. N. Insurance of professional property liability: problems of defining the conceptual framework / I. N. A. N. Volkova / / Bulletin of the Volgograd State University. Series 5, Jurisprudence. 2011. No. 1 (14). St. 125-132.
9. Sharonov, S. N. A. N. Legislative prohibitions and restrictions on private security activities: gaps and ways to establish them / S. N. A. N. Sharonov / / Gaps in Russian legislation. Law journal. 2012. No. 4. St. 54-57.
10. Kaminsky, A. N. M. N. Confidentiality in private detective work: legal and tactical issues of ensuring information security of private investigation / A. N. M. N. Kaminsky, G. N. Gl. Kamalova / / Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4 (44). St. 167-172. DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10427.
11. Shestakov, V. N. I. N. A systematic approach to understanding the legal nature, essence and legal regulation of private detective activity (part 2) / V. N. I. N. Shestakov / / Law and order: history, theory, practice. 2022. No. 4 (35). St. 120-128. EDN OFZZTV.
12. Commentary to the Civil Code of the Russian Federation. Part two (article-by-article) / E. N. N. Abramova [et al.]; edited by N. A. N. P. N. Sergeev. 2nd ed., revised and add. Moscow: Prospekt, 2017. p. 975. ISBN 978-5-392-23027-3.
13. Liability insurance of private detectives and employees of security companies [Electronic resource] // GUTA-insurance : official. website. URL: https://www.gutains.ru/juridical/responsibility/strahovanie_otvetstvennosti_chastnyih_detektivov_i_rabotnikov_ohrannyih_predpriyatiy / (date of access: 03/19/2026).
14. Gladkikh, S. N. Ph.D. Commentary to the Law of the Russian Federation "on Private detective and Security activities in the Russian Federation" : article-by-article / S. N. Ph. Gladkikh. 6th ed., revised and add. Moscow: Justicinform, 2008. p. 278. ISBN 978-5-7205-0897-5.
15. Klochenko, L. N. N. Fundamentals of insurance law: textbook. manual / L. N. N. Klochenko, K. N. I. N. Pylov; Insurance Research Foundation. Yaroslavl: Nord, 2002. P. 232. ISBN 5-901803-04-3.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_268

ЭКСПОРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
EXPORT ACTIVITIES AS A KEY AREA OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITIES

ПОТЕХИНА Ксения Александровна
студент магистратуры Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.
E-mail: kseniapotekhina03@yandex.ru
АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РГУ имени С.А. Есенина
390000, Россия, г. Рязань, ул. Семинарская, д.15.
E-mail: a.e.o.77@yandex.ru
POTEKHINA Ksenia Aleksandrovna,
Master's student at the Institute of State and Municipal Officers' Training of the Academy of Law and Management of the Federal Penal Service.
390000, Russia, Ryazan, Sennaya Street, 1.
E-mail: kseniapotekhina03@yandex.ru;
ANANYEVA Ekaterina Olegovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines Ryazan State University named after S.A. Yesenin.
390000, Russia, Ryazan, Seminarskaya Street, 15.
E-mail: a.e.o.77@yandex.ru

***Краткая аннотация**: В статье рассматривается экспортная деятельность как ключевое направление внешнеэкономической деятельности государства и предприятий. Раскрывается содержание понятия экспорта в экономическом и правовом аспектах, анализируются его основные формы и виды, а также особенности организации экспортных операций. Особое внимание уделяется роли экспорта в обеспечении экономического роста, повышении конкурентоспособности национальной экономики и интеграции в мировое хозяйство. Отмечается, что в современных условиях значение экспортной деятельности возрастает в связи с развитием глобальных рынков и усилением международной конкуренции, что требует совершенствования механизмов государственного регулирования и поддержки отечественных экспортеров.*

***Abstract:** The article examines export activities as a key area of foreign economic activity for the state and enterprises. It reveals the content of the concept of export in economic and legal aspects, analyzes its main forms and types, and examines the features of organizing export operations. Special attention is paid to the role of export in ensuring economic growth, increasing the competitiveness of the national economy, and integrating into the global economy. It is noted that in today's conditions, the importance of export activities is increasing due to the development of global markets and the intensification of international competition, which requires improving the mechanisms of state regulation and supporting domestic exporters.*

***Ключевые слова:** внешнеэкономическая деятельность, экспортная деятельность, экспорт, внешний рынок, международная торговля, конкурентоспособность, внешнеторговые операции, экспортный потенциал, государственное регулирование, мировая экономика.*
***Key words:** foreign economic activity, export activity, export, foreign market, international trade, competitiveness, foreign trade operations, export potential, state regulation, global economy.*

***Для цитирования:** Потехина К.А., Ананьева Е.О. Экспортная деятельность как ключевое направление внешнеэкономической деятельности // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 268-271. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_268.*
***For citation:** Potekhina K.A., Ananyeva E.O. Export activities as a key area of foreign economic activity // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 268-271. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_268.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Введение. В последние десятилетия внешнеэкономическая деятельность стала не просто одной из сфер хозяйственной активности, а фактически необходимым условием устойчивого развития национальной экономики. В условиях глобализации и углубления международного разделения труда ни одно государство не может эффективно функционировать, оставаясь замкнутым в рамках внутреннего рынка. Как отмечал Д. Сакс, экономический успех страны напрямую связан с ее включенностью в мировую торговлю [5, с.289].

В этой связи особое значение приобретает экспортная деятельность, которая выступает основным каналом интеграции экономики в мировое хозяйство. Через экспорт осуществляется реализация продукции за пределами страны, формируются валютные поступления, укрепляются позиции национальных производителей и создаются условия для технологического развития.

Цель исследования — комплексный анализ гражданско-правовых механизмов и инструментов, направленных на развитие экспортной деятельности как ключевого направления внешнеэкономической деятельности.

Методы. В исследовании использовались методы анализа действующей нормативно-правовой базы законодательства России, сравнения и наблюдения.

Понятие внешнеэкономической деятельности в российской научной литературе трактуется неоднозначно. В соответствии с Федеральным законом «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» она рассматривается как предпринимательская деятельность, связанная с международным обменом товарами, услугами, информацией и результатами интеллектуальной деятельности. При этом, как подчеркивает И.Н. Иванов, речь идет не просто о торговле, а о системе экономических отношений, охватывающих производственную, инвестиционную и финансовую сферы [2, с.117].

С практической точки зрения внешнеэкономическая деятельность реализуется на двух уровнях. Государство формирует правовую и институциональную основу международного сотрудничества, определяя правила торговли, валютного регулирования и инвестиционной политики. Предприятия же выступают непосредственными участниками внешнеэкономических операций, заключая контракты, организуя поставки и неся коммерческие риски.

Среди всех направлений внешнеэкономической деятельности именно экспорт занимает центральное место. Это объясняется тем, что экспорт не только обеспечивает поступление валютной выручки, но и стимулирует развитие производства. Предприятие, ориентированное на внешний рынок, вынуждено повышать качество продукции, внедрять инновации и оптимизировать издержки. Таким образом, экспорт становится фактором повышения конкурентоспособности экономики в целом.

С юридической точки зрения экспорт определяется как вывоз товаров с таможенной территории государства без обязательства их обратного ввоза (ФЗ № 164-ФЗ). Однако такое определение отражает лишь внешнюю сторону явления. В действительности экспортная деятельность представляет собой гораздо более сложный процесс, включающий подготовку сделки, анализ рынка, выбор партнеров, логистику и финансовые расчеты.

В научной литературе существует более широкий подход к пониманию экспорта. Так, В.М. Кузнецов отмечает, что экспортная деятельность охватывает весь комплекс действий предприятия по выходу на внешний рынок, начиная от маркетинговых исследований и заканчивая постконтрактным обслуживанием [3, с.47]. Подобная трактовка представляется более обоснованной, поскольку отражает реальную практику ведения бизнеса.

С учетом изложенного экспортную деятельность можно определить как совокупность организационных, экономических и правовых действий, направленных на реализацию продукции, услуг или технологий за пределами национальной территории с целью получения прибыли и развития международных связей.

Особенностью экспортной деятельности является ее комплексный характер. Во-первых, она всегда носит международный характер, поскольку предполагает взаимодействие субъектов разных юрисдикций. Во-вторых, она основывается на внешнеторговом контракте, который регулирует права и обязанности сторон. В-третьих, экспорт связан с обязательным соблюдением норм таможенного, валютного и налогового законодательства. Наконец, он предполагает наличие коммерческой цели — извлечение прибыли.

Экспорт в современной экономике уже не сводится к вывозу сырья. Несмотря на то, что российская внешняя торговля исторически опиралась на поставки нефти, газа и металлов, в последние годы государственная политика все чаще ориентируется на развитие несырьевого экспорта. Чтобы понять, как устроена экспортная деятельность, имеет смысл рассматривать ее по видам. На практике чаще всего выделяют экспорт товаров, услуг, технологий и капитала. Такое деление отражает не только различие объектов, но и особенности правового регулирования и организации сделок. Поставки товаров остаются основой внешней торговли. Речь идет как о сырьевых ресурсах, так и о готовой продукции - например, поставках зерна, удобрений или металлопродукции на рынки Азии и Ближнего Востока. Вместе с тем заметно растет экспорт услуг. Российские компании все активнее работают в сфере транспортной логистики, IT-разработок, образования. Например, экспорт программного обеспечения и цифровых сервисов в последние годы стал одним из наиболее динамичных направлений.

Такое смещение структуры экспорта показывает, что участие страны в мировой торговле постепенно усложняется. Конкуренция здесь строится уже не только на цене и объемах поставок, но и на уровне технологий, качестве услуг и способности компаний адаптироваться к требованиям конкретного рынка [4, с.44].

Отдельного внимания заслуживает экспорт технологий и результатов интеллектуальной деятельности. В последние годы его значение заметно возросло, прежде всего из-за распространения цифровых решений. Речь идет не только о передаче лицензий или патентов, но и о поставках программного обеспечения, инженерных разработок, технической документации. Российские IT-компании, несмотря на ограничения внешних рынков, продолжают работать с заказчиками из стран СНГ и Азии, что подтверждает востребованность такого формата экспорта. В отличие от традиционной торговли товарами, здесь отсутствует необходимость физического перемещения продукции, что снижает логистические издержки и ускоряет расчеты.

Если рассматривать экспорт по составу участников, обычно выделяют государственный и коммерческий сектор. Государственный экспорт связан с реализацией продукции, имеющей стратегическое значение. Основной объем внешнеторговых операций приходится на коммерческий экспорт. Его осуществляют частные предприятия, работающие в различных отраслях - от агропромышленного комплекса до высокотехнологичного производства.

По способу организации различают прямой и косвенный экспорт. В первом случае предприятие самостоятельно работает с иностранным покупателем, берет на себя переговоры, логистику и расчеты. Это требует опыта и ресурсов, но позволяет сохранить больший доход. Косвенный вариант связан с привлечением посредников — торговых компаний или дистрибьюторов, которые берут часть функций на себя, снижая нагрузку на экспортера.

На практике выбор зависит от возможностей бизнеса. Крупные компании чаще выстраивают прямые поставки, тогда как малые предприятия предпочитают работать через посредников. В России их поддержку координирует Российский экспортный центр, помогая выходить на внешние рынки без существенных затрат на начальном этапе.

Экспорт остается важным источником валютной выручки и одновременно инструментом развития производства. Ориентация на внешний рынок заставляет предприятия учитывать международные стандарты и требования к качеству. Вместе с тем такая деятельность связана с

рисками: колебания курсов, изменение спроса, усиление конкуренции. Именно поэтому устойчивое присутствие на внешнем рынке требует не только экономических расчетов, но и гибкости в управлении.

Существенное превышение экспорта над импортом не всегда дает однозначный эффект. При активном вывозе продукции часть товаров начинает уходить с внутреннего рынка, что может отражаться на ценах. Поэтому государственная политика в этой сфере обычно строится на балансе интересов производителей и внутреннего потребления.

В мировой торговле заметно меняется сама структура экспорта. Если раньше доминировали сырье и простая продукция, то сейчас все большую роль играют товары с высокой степенью переработки, а также технологии и услуги. Это напрямую связано с развитием научно-технической базы и ростом значения знаний в экономике. Показательно мнение К. Н. Басковой и С. А. Белякова, которые связывают развитие экспортной деятельности с экономической динамикой регионов. Расширение внешних поставок действительно влияет не только на отдельные предприятия, но и на инвестиционную привлекательность территорий, формируя более устойчивую экономическую среду [1, с.572].

Следовательно, в современном мире экспорт перестал быть линейным процессом «произвел — продал — отгрузил». Мы живем в эпоху фрагментации глобального пространства, где экономика все больше становится продолжением геополитики. Если раньше главными проблемами экспортера были конкуренция по цене и качество логистики, то сегодня на первый план выходит умение ориентироваться в зыбкой реальности, где правила игры меняются быстрее, чем успевает загрузиться контейнер.

Самая коварная проблема современного экспорта — это уход от классических тарифных войн к технологическим и экологическим стандартам.

Экспортер сегодня сталкивается с ситуацией, когда его продукция формально соответствует всем контрактным спецификациям, но не проходит по критериям, устанавливаемым различными государствами (экологическое, социальное и корпоративное управление). Это создает ситуацию «экспортного лузерства»: например, развивающиеся страны, не имеющие дешевых технологий для «озеленения» производства, выпадают из цепочек поставок не из-за качества, а из-за несоответствия протоколам, в написании которых они не участвовали.

В условиях, когда банковская система и страховые компании начинают работать с оглядкой на вторичные санкции, стандартный аккредитив или страховка сделки перестают быть гарантией. Проблема возникает на стадии пре-экспорта: даже если деньги есть и товар готов, банк может затянуть проведение платежа на месяцы, проверяя конечного бенефициара.

Мы наблюдаем реинкарнацию бартерных схем и офлайн-расчетов, которые считались архаизмом еще в 1990-х. Это возвращает экспортную деятельность в XVIII век, где решающим фактором становится не маркетинг, а личное знакомство с эмитентом гарантии. Высокая оригинальность проблемы в том, что главный дефицит сегодня — это не валюта, а верифицируемое доверие в условиях сломанных коммуникаций.

Классическая логистика строилась по принципу «дверь-дверь» через единого оператора. Современный период разрушил эту целостность. Из-за закрытия воздушных пространств и перераспределения грузопотоков маршрут экспортной поставки превращается в конструктор «Лего», где каждый сегмент (например, наземная часть через Казахстан и морская часть через Новороссийск) принадлежит разным юрисдикциям с разными правилами.

Проблема — в стыках. Потери времени происходят не в пути, а на перевалке, где каждый новый стык требует нового пакета документов, новой инспекции и новой «неформальной оплаты» рисков. Экспортер сегодня тратит больше усилий на управление маршрутом, чем на производство товара.

Парадокс XXI века: при изобилии цифровых инструментов, экспортер часто слеп. Таможенные системы разных стран не интегрированы. То, что «зеленый свет» в стране А, в стране Б вызывает «красный» из-за разницы в классификации товаров (ТН ВЭД).

Современная проблема — это ложная интеллектуализация. Экспортер закупает дорогие системы ERP, но они не решают главную задачу: предсказание поведения иностранного регулятора. В условиях, когда цифровые платформы (маркетплейсы Amazon, Alibaba) становятся регуляторами, экспортер теряет клиента. Клиент теперь принадлежит платформе, а платформа может заблокировать продавца за единичную жалобу без права на апелляцию. Это новая форма экспортного рабства — зависимость от алгоритма цифрового витрины.

Еще одной проблемой стало «Молчаливое эмбарго». Самой недооцененной проблемой последних трех лет стал кадровый голод. Экспортная деятельность требует ВЭД-шника новой формации. Это больше не просто переводчик с иностранным языком. Это специалист, который понимает санкционное право, исламский банкинг, особенности транзита через третьи страны и умеет вести переговоры в условиях, когда прямое общение невозможно.

Старые профессионалы ушли или эмигрировали, новые не успели сформироваться. Компании сталкиваются с тем, что их экспортный отдел — это «офис двух стульев», где один сотрудник пытается заменить отдел внешних связей, юриста и логиста. Сбой на этом уровне стоит дороже, чем колебания курса валют.

Главный вывод современного периода таков: экспортная деятельность перешла из фазы планирования в фазу постоянной адаптации. Успешен сегодня не тот, кто просчитал риски на год вперед, а тот, кто имеет «встроенную амортизацию» — гибкие контракты, диверсифицированные маршруты и способность мгновенно переключиться на бартер, если банк «встал».

Проблемы экспорта больше не решаются деньгами или субсидиями. Они решаются скоростью принятия решений и количеством «запасных аэродромов» в портфеле контрагентов. Выживет тот, кто научится экспортировать не товар, а устойчивость сделки к внешнему хаосу.

В целом экспортная деятельность не сводится к отдельной сделке - это постоянный процесс, в котором переплетаются коммерческие интересы и правовые требования. Именно через него предприятия и экономика в целом включаются в международные хозяйственные связи.

На наш взгляд, для России сегодня важнее не столько наращивание объемов экспорта, сколько изменение его содержания. Расширение поставок продукции с высокой добавленной стоимостью и развитие технологических направлений выглядят более устойчивой стратегией, чем сохранение зависимости от сырьевых рынков.

Список литературы:

1. Баскова К.Н. Экспортная деятельность предприятий как вид внешнеэкономической деятельности / К.Н. Баскова, С.А. Беляков // Актуальные проблемы авиации и космонавтики: Сборник материалов X Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию академика М.Ф. Решетнева и Дню космонавтики. В 3-х томах, Красноярск, 08–12 апреля 2024 года. – Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева. 2024. С. 572-574

2. Иванов И.И. Внешнеэкономическая деятельность предприятия: Учебник / И.Н. Иванов. М.: ИНФРА. М., 2010. 312 с.

3. Кузнецов В.М. Правовое регулирование экспортной деятельности предприятий. М., Юрист, 2019. С. 47-53

4. Мясникова Е.Б. Сущность и основные виды экспортной деятельности предприятия / Е.Б. Мясникова, А.А. Бабасева // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2024. № 1. С. 44-45

5. Сакс Д. Рыночная экономика и Россия: пер. с англ. / Джефри Сакс. - Москва.: ВВС МРМ: Экономика. 1995. 331 с.

References:

1. Baskova K.N. Export activities of enterprises as a type of foreign economic activity / K.N. Baskova, S.A. Belyakov // Actual Problems of Aviation and Cosmonautics: Collection of Materials of the X International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th Anniversary of Academician M.F. Reshetnev and Cosmonautics Day. In 3 volumes, Krasnoyarsk, April 08–12, 2024. – Krasnoyarsk: Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev. 2024. P. 572-574

2. Ivanov I.I. Foreign Economic Activity of the Enterprise: Textbook / I.N. Ivanov. M.: INFRA. M., 2010. 312 p.

3. Kuznetsov V.M. Legal Regulation of Export Activities of Enterprises. M., Yurist, 2019. P. 47-53.

4. Myasnikova E.B. The Essence and Main Types of Export Activities of an Enterprise / E.B. Myasnikova, A.A. Babaseva // Bulletin of the Tula Branch of the Financial University. 2024. No. 1. Pp. 44-45

5. Sachs D. The Market Economy and Russia: Translated from English / Jeffrey Sachs. - Moscow: VVS MRM: Ekonomika. 1995. 331 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_272

УДК 347

ИНДЕКСАЦИЯ АЛИМЕНТОВ: КОЛЛИЗИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ, РОЛЬ МРОТ И ИНФЛЯЦИОННЫХ ИНДИКАТОРОВ
ALIENATION INDEXATION: REGULATION CONFLICTS, THE ROLE OF THE MINIMUM WAGE AND INFLATION INDICATORS

ВЕРЕВКИНА Светлана Владимировна,
магистрант юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.
E-mail: verevkina_sveta03@mail.ru

БЕЛЯЕВА Кристина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.
E-mail: kristinashumov@yandex.ru

VEREVKINA Svetlana Vladimirovna,
master student of the Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's.
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
E-mail: verevkina_sveta03@mail.ru

BELYAEVA Kristina Alexandrovna,
Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure,
Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, PhD (Law), Associate Professor.
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
E-mail: kristinashumov@yandex.ru

Краткая аннотация: *Настоящая статья посвящена исследованию проблем правового регулирования индексации алиментных обязательств в Российской Федерации, выявлены коллизии регулирования, обозначена роль МРОТ и инфляционных процессов, на основе чего предложены направления по совершенствованию норм действующего законодательства.*

Abstract: *This article is devoted to the study of the problems of legal regulation of the indexation of alimony obligations in the Russian Federation, the regulation conflicts are identified, the role of the minimum wage and inflation processes is outlined, on the basis of which the directions for improving the norms of the current legislation are proposed.*

Ключевые слова: *алиментные обязательства, алименты, содержание детей, индексация алиментов, прожиточный минимум, минимальный размер оплаты труда, твёрдая денежная сумма, инфляция, семейное право, правовые коллизии, семейные отношения, несовершеннолетние дети.*

Keywords: *alimony obligations, alimony, child support, indexation of alimony, subsistence minimum, minimum wage, fixed amount of money, inflation, family law, legal conflicts, family relations, and minor children.*

Для цитирования: *Веревкина С.В., Беляева К.А. Индексация алиментов: коллизии регулирования, роль МРОТ и инфляционных индикаторов // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 272-275. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_272.*

For citation: *Verevkina S.V., Belyaeva K.A. Indexation of alimony: regulatory conflicts, the role of minimum wage and inflation indicators // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 272-275. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_272.*

Статья поступила в редакцию: 07.04.2026

В настоящее время государство активно поддерживает семейные ценности и разрабатывает различные мероприятия, направленные на повышение рождаемости. Российская Федерация в качестве ориентира социального развития выделяет государственную охрану и защиту интересов детей, что прямо следует из положений ст. 7 Конституции Российской Федерации [1].

Алиментные обязательства в отношении несовершеннолетних детей – это обязанности родителей содержать своих детей в том случае, когда один или оба родителя ввиду объективных причин не проживают совместно, не обеспечивают его материально [5, С. 173].

Федеральная служба судебных приставов назвала взысканную приставами-исполнителями за 2025 год сумму – она составила 1,4 трлн руб., в том числе, почти 242 млрд руб. в пользу граждан. Всего в 2025 году на принудительном исполнении в ФССП находилось 130,6 млн исполнительных производств. В рамках исполнительского розыска за год было установлено местонахождение 69,2 тыс. должников, из них 44,6 тыс. – должники по алиментам, сообщили в федеральной службе [7].

Вопрос индексации алиментных платежей является актуальным на фоне перманентной инфляции, которая стала отличительной чертой российской экономической реальности в течение последних десятилетий.

Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 26 декабря 2017 г. №56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» «решая вопросы об установлении размера алиментов, подлежащих взысканию в твердой денежной сумме (статьи 83, 85, 87, 91, 98 СК РФ), размера дополнительных расходов на детей или родителей (статьи 86, 88 СК РФ), об уменьшении или увеличении размера алиментов, взыскиваемых на несовершеннолетних детей в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителей (пункт 2 статьи 81 СК РФ), об изменении установленного судом размера алиментов или об освобождении от уплаты алиментов (статья 119 СК РФ), об освобождении от уплаты задолженности по алиментам (статья 114 СК РФ), а также иные вопросы, которые в соответствии с нормами раздела V СК РФ подлежат разрешению судом с учетом материального и семейного положения

сторон и других заслуживающих внимания обстоятельств или интересов сторон, необходимо исходить из следующего:

– при определении материального положения сторон следует учитывать все виды их доходов (заработная плата, доходы от предпринимательской деятельности, от использования результатов интеллектуальной деятельности, пенсии, пособия, выплаты в счет возмещения вреда здоровью и другие выплаты), а также любое принадлежащее им имущество (в том числе ценные бумаги, паи, вклады, внесенные в кредитные организации, доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью);

– при установлении семейного положения плательщика алиментов следует, в частности, выяснить, имеются ли у него другие несовершеннолетние или нетрудоспособные совершеннолетние дети либо иные лица, которых он обязан по закону содержать;

– иными заслуживающими внимания обстоятельствами являются, например, нетрудоспособность плательщика алиментов, восстановление трудоспособности получателя алиментов» [4].

В российском правовом поле механизмы индексации алиментных обязательств дифференцированы в зависимости от избранной формы их взыскания. Если выплаты установлены в процентном отношении к заработку должника, их размер корректируется синхронно с динамикой его доходов. Совершенно иной порядок действует для алиментов, зафиксированных в твёрдой денежной сумме: они подлежат обязательной индексации, увязанной законодателем с учетом величины прожиточного минимума.

Наиболее распространённой формой алиментных обязательств в отношении несовершеннолетних детей выступает взыскание средств в долевом соотношении к заработной плате или иным видам доходов плательщика.

На первый взгляд, подобный механизм демонстрирует кажущуюся эффективность, гарантируя автоматическую привязку размера алиментов к динамике доходов обязанного лица. Указанные доходы, как правило, также подвергаются индексации в соответствии с инфляционными процессами. Тем не менее, углублённый анализ выявляет целый комплекс серьёзных недостатков, которые прямо указывают на неспособность рассматриваемого подхода обеспечить полноценную защиту прав и интересов взыскателей алиментных платежей.

Первостепенно, механизм исчисления алиментов, привязанный к доходам плательщика, устанавливает, что фактическая сумма выплат формируется не столько исходя из нужд несовершеннолетнего, сколько из материального состояния обязанного родителя.

Во-вторых, механизм долевого взыскания алиментов игнорирует динамику потребностей несовершеннолетнего. Финансовые затраты на содержание ребёнка закономерно увеличиваются по мере его взросления. Тем не менее, установленная пропорция от дохода родителя-плательщика остаётся статичной, лишённой гибкости для отражения данной объективной возрастной эволюции.

Третья проблема обусловлена нестабильностью финансовых поступлений алиментоплательщика, что стало типичной чертой современного рынка труда. Работа по договорам гражданско-правового характера, ведение предпринимательской деятельности или получение эпизодических заработков – всё это приводит к резким колебаниям размера долевых выплат. Для получателя такая ситуация порождает финансовую неопределённость, систематически осложняя планирование бюджета на содержание несовершеннолетнего.

Статья 83 Семейного кодекса Российской Федерации закрепляет возможность взыскания алиментов в фиксированном денежном выражении. К этой мере прибегают, если у обязанного лица доход носит непостоянный характер, выражен в натуральной форме или иностранной валюте. Основанием также служит ситуация, при которой долевое взыскание способно нанести существенный ущерб интересам получателя или плательщика. Поскольку установленная сумма подвержена инфляционному обесцениванию, законодатель предусматривает для таких обязательств особый порядок индексации [2].

Действующий механизм индексации алиментов в твёрдой денежной сумме закреплён в ст. 117 Семейного кодекса Российской Федерации, которая в редакции, действующей с 2011 года, предусматривает привязку к величине прожиточного минимума. Согласно ч.1. ст. 117 Семейного кодекса Российской Федерации «индексацию алиментов, взыскиваемых по решению суда в твердой денежной сумме, производит организация или иное лицо, которым направлен исполнительный документ (копия исполнительного документа) в случаях, установленных ч.1 ст.9 и Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [3], либо судебный пристав-исполнитель в рамках исполнительного производства пропорционально росту величины прожиточного минимума для соответствующей социально-демографической группы населения, установленной в соответствующем субъекте Российской Федерации по месту жительства лица, получающего алименты, а при отсутствии в соответствующем субъекте Российской Федерации указанной величины пропорционально росту величины прожиточного минимума для соответствующей социально-демографической группы населения, установленной в целом по Российской Федерации».

Несмотря на явные достоинства указанного подхода в сравнении с устаревшей привязкой к МРОТ, он не лишен серьёзных недостатков.

Региональная вариативность показателей прожиточного минимума обусловливает неоднородность алиментных выплат, что связано с ежегодным пересчетом фиксированных сумм в соответствии с уровнем прожиточного минимума субъекта РФ, где зарегистрирован взыскатель.

Методологические основы расчета прожиточного минимума подвергаются критическому анализу в связи с недостаточной отражающей способностью реальной стоимости жизни.

Индексация алиментных обязательств допускает использование экономических показателей, помимо минимального размера оплаты труда и величины прожиточного минимума. В качестве приоритетных рассматриваются показатели, отражающие инфляционные процессы, к примеру индекс потребительских цен (далее – ИПЦ), рассчитываемый и публикуемый Росстатом.

Применение индекса потребительских цен для индексации алиментных выплат обусловлено прямой связью индекса с динамикой покупательной способности денежной массы. Изменение сумм алиментных выплат в соответствии с ИПЦ обеспечивает сохранение их реальной

ценности в сопоставлении с уровнем цен. По этой причине индексация алиментов с опорой на ИПЦ согласуется с задачей поддержания покупательной способности выплат.

Кроме того, ежемесячный расчет и официальная публикация ИПЦ гарантируют абсолютную прозрачность и прогнозируемость всего процесса индексации размера выплат.

Однако использование индекса потребительских цен в качестве основы для пересчёта алиментных платежей создает ряд сложностей. ИПЦ, по своей сути, представляет собой агрегированный статистический индикатор, фиксирующий динамику стоимости усреднённой потребительской корзины. Между тем, специфика расходов, необходимых для обеспечения ребёнка, зачастую кардинально расходится с этой усреднённой моделью.

Цены на детские товары, образовательные и медицинские услуги демонстрируют собственную, не синхронизированную с общей инфляцией, динамику. Следовательно, механическая индексация по общему ИПЦ рискует исказить реальный рост затрат на содержание несовершеннолетнего. Отдельную проблему составляет вопрос о надёжности официальной статистики по инфляции.

Проведённый анализ законодательной базы позволяет вывести концептуальные рамки единого механизма индексации алиментов. Данный подход должен быть универсальным, охватывая обязательства, установленные как в долях от дохода, так и в фиксированной денежной сумме.

Предлагаемый механизм опирается на единый базовый показатель индексации, который применяется ко всем существующим видам алиментных обязательств.

Второй основополагающий принцип заключается в соответствии базового параметра фактической динамике затрат на содержание несовершеннолетнего. Индексный механизм должен учитывать возрастные особенности детских расходов, а также общий инфляционный фон. Для этого требуется либо разработка специального индекса детских расходов, либо выбор релевантного существующего показателя, фиксирующего фактический рост данных затрат с высокой точностью.

Автоматизм индексации алиментных платежей предусматривает изменение размера выплат без обращения в суд и без участия судебных приставов. В настоящее время ответственность за корректировку возложена на администрацию организации-удержателя либо на судебного пристава-исполнителя. На практике отсутствие активности со стороны указанных лиц снижает эффективность процедуры. В результате защита прав получателей реализуется через судебные обращения. Внедрение автоматизированной процедуры индексации призвано ликвидировать указанный пробел и разгрузить судебные инстанции.

В рамках регулирования алиментных обязательств, выраженных в фиксированной сумме, целесообразно внедрить единообразную процедуру их индексации. Её базовым параметром должен стать сводный индекс, формируемый путём усреднения двух компонентов с заданными весовыми коэффициентами: первый компонент – индекс потребительских цен, взвешенный на 0,6; второй – индекс динамики прожиточного минимума для конкретной социально-демографической категории получателя, его вес составляет 0,4. Подобная комбинация даёт возможность одновременно отразить общие инфляционные процессы и специфические колебания стоимости жизненно необходимого для ребёнка потребительского набора.

С целью автоматизации процесса индексации алиментных платежей целесообразно законодательно закрепить обязанность работодателя-агента производить перерасчет удерживаемых сумм. Основанием для такого перерасчета должны служить официально публикуемые сведения об изменении базового показателя, что исключит необходимость получения отдельного постановления от судебного пристава-исполнителя. Контрольная функция за корректностью проведения индексации и правоприменительные действия в отношении нарушителей сохраняются за судебным приставом-исполнителем.

В рамках долевого подхода к алиментным обязательствам целесообразно закрепить институт «минимальной гарантии». Суть его заключается в том, что сумма, исчисляемая в долях от дохода плательщика, ни при каких обстоятельствах не должна опускаться ниже порога, определённого на основании актуального прожиточного минимума ребёнка. Индексация этого гарантированного минимума должна осуществляться по аналогии с порядком, установленным для выплат в твёрдой денежной сумме.

Установление минимального порога алиментных выплат, на наш взгляд, решит проблему искусственного занижения официальных доходов плательщика. Даже при декларировании минимального заработка сумма взыскания не может быть ниже законодательно утверждённого минимума. Однако если рассчитанная доля от фактического дохода оказывается выше этого порога, применяется стандартный долевой принцип. Такой подход гарантирует, что финансовое бремя по содержанию ребёнка распределяется между родителями соразмерно их реальным экономическим возможностям.

В рамках предлагаемых изменений также рассматривается установление градации алиментных обязательств, привязанной к возрастным периодам несовершеннолетнего. Указанная мера призвана адекватно отразить фактическую динамику затрат на содержание ребёнка. Так, в отношении одного ребёнка могут быть установлены следующие доли от дохода плательщика: для возраста до 6 лет – 20%, от 6 до 14 лет – 25%, от 14 до 18 лет – 30%. Подобная модель, заимствованная из германской правовой практики, способствует достижению более точного соответствия между суммой выплат и реальными финансовыми потребностями ребёнка на каждом этапе его взросления [6].

Подводя итог, отметим, что предложенный механизм не претендует на исчерпывающее решение всех проблем алиментных правоотношений, однако представляет собой важный шаг в направлении создания более справедливой и эффективной системы материального обеспечения нуждающихся граждан, прежде всего несовершеннолетних детей. Дальнейшее развитие данного института требует продолжения научных

исследований, широкого общественного обсуждения и тесного взаимодействия между законодателем, правоприменительными органами и научным сообществом.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ] // URL: www.pravo.gov.ru, 6 октября 2022 г.
2. Семейный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ : принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1, ст. 16.
3. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – №41, ст. 4849.
4. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. №56 // Рос. газ 2017. 29 декабря.
5. Архиреева, О. А. Алиментные обязательства родителей по отношению к несовершеннолетним детям / О. А. Архиреева // Научный альманах «В зеркале права»: Сборник научных трудов. – Липецк : Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. – С. 173-176.
6. Как рассчитываются алименты в Германии - Düsseldorfer Tabelle [сайт] URL:https://pravorub.ru/articles/21191.html (дата обращения: 01.03.2026).
7. ФССП сообщила, сколько взыскала с должников за 2025 год [сайт] URL:https://www.rbc.ru/society/20/02/2026/69988e1d9a79474138150240 (дата обращения: 06.04.2026).

References:

1. Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on 12/12/1993) (subject to amendments introduced by Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, December 30, 2008 No. 7-FKZ, February 5, 2014 No. 2-FKZ, July 21, 2014 No. 11-FKZ, dated March 14, 2020 No. 1-FKZ, dated October 4, 2022 No. 5-FKZ, dated October 4, 2022 No. 6-FKZ, dated October 4, 2022 No. 7-FKZ, dated October 4, 2022 No. 8-FKZ] // URL: www.pravo.gov.ru , 6 October 2022
2. The Family Code of the Russian Federation : [feder. The law of 29 Dec. 1995 No. 223 FZ : adopted by the State Duma on December 8. 1995] // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 1, art. 16.
3. On enforcement proceedings: Federal Law No. 229-FZ of October 2, 2007 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2007. – No. 41, Article 4849.
4. On the Application of Legislation by Courts in Cases Related to the Recovery of Alimony: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 56 dated December 26, 2017 // Rossiyskaya Gazeta, December 29, 2017.
5. Arkireeva, O. A. Parental Obligations to Minors / O. A. Arkireeva // Scientific Almanac "In the Mirror of Law": Collection of Scientific Papers. – Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, 2024. – Pp. 173-176.
6. How are alimony payments calculated in Germany - Düsseldorfer Tabelle [website] URL:https://pravorub.ru/articles/21191.html (accessed on 01.03.2026).
7. The Federal Service for the Enforcement of Debts and Arrests reported how much it collected from debtors in 2025 [website] URL:https://www.rbc.ru/society/20/02/2026/69988e1d9a79474138150240 (accessed on 06.04.2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_276

УДК 347.77

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ В ТОРГОВОМ ПРАВЕ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
LEGAL PROTECTION OF COPYRIGHTS IN THE COMMERCIAL LAW OF THE EUROPEAN UNION COUNTRIES

ЦЫГАНКОВ Александр Юрьевич
Кандидат юридических наук, доцент кафедры психолого-педагогических и правовых дисциплин, Московской академии предпринимательства.
125319, Россия, г. Москва, Планетная улица, 36.
E-mail: tsygan.alexandr2017@yandex.ru

TSYGANKOV Alexander Yuryevich
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Department of Psychological-Pedagogical and Legal Disciplines, Moscow Academy of Entrepreneurship.
36 Planetnaya Street, Moscow, 125319, Russia.
E-mail: tsygan.alexandr2017@yandex.ru

ПЕТРОВ Артём Алексеевич
магистрант ОЧУ ВО «Московский университет имени А.С. Грибоедова».
111396, Россия, г. Москва, Зелёный проспект, д. 66А.
E-mail: petrovassg@yandex.ru

PETROV Artem Alekseevich
Master's student A. N. Griboyedov Moscow State University.
66A Zeleny Prospekt, Moscow, 111396, Russia.
E-mail: petrovassg@yandex.ru

***Краткая аннотация**. В статье анализируются механизмы правовой защиты авторских прав и обеспечение их надлежащего уровня в торговом законодательстве стран Европейского союза в условиях развития цифровой экономики и электронной коммерции. Рассматриваются особенности взаимодействия норм торгового и интеллектуального права, а также проблемы регулирования использования объектов авторского права на цифровых платформах и в сети Интернет. Особое внимание уделяется современным и инновационным способам защиты авторских прав, включая применение технологий блокчейн, систем управления цифровыми правами, а также цифровых подписей, обеспечивающих подтверждение авторства, целостность и подлинность произведений. Анализируются существующие правовые инструменты Европейского союза, направленные на регулирование использования интеллектуальной собственности в цифровой среде, а также выявляются проблемы их практического применения. На основе проведенного исследования формулируются практические рекомендации, направленные на совершенствование механизмов правовой защиты авторов и повышение эффективности охраны результатов их творческой деятельности на современном цифровом рынке.*

***Abstract.** The article analyzes the mechanisms of legal protection of copyright and the provision of an adequate level of protection within the trade legislation of the European Union countries in the context of the development of the digital economy and e-commerce. Particular attention is paid to the interaction between trade law and intellectual property law, as well as to the legal challenges related to the use of copyrighted works on digital platforms and in the online environment. The study examines modern and innovative methods of copyright protection, including the use of blockchain technologies, digital rights management systems, and digital signatures that ensure the integrity, authenticity, and verification of authorship. The article also analyzes the existing legal instruments of the European Union aimed at regulating the use of intellectual property in the digital environment and identifies a number of issues related to their practical application. Based on the conducted research, the author formulates practical recommendations aimed at improving the effectiveness of copyright protection and strengthening the protection of authors and their creative works in the contemporary digital market.*

***Ключевые слова:** электронная коммерция, авторское право, Европейский Союз, цифровизация, механизмы защиты.*
***Keywords:** e-commerce, copyright, European Union, digitalization, protection mechanisms.*

***Для цитирования:** Цыганков А.Ю., Петров А.А. Правовая защита авторских прав в торговом праве стран Европейского Союза // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 276-280. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_276.*
***For citation:** Tsygankov A.Yu., Petrov A.A. Legal protection of copyrights in the commercial law of the European Union countries // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 276-280. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_276.*

Статья поступила в редакцию: 18.03.2026

Уже в первом десятилетии 2000-х годов Европейский союз (далее - ЕС) поставил цифровизацию в центр своей политической повестки. Инициация стратегии «Европа 2020» [1], началась с внедрения в нее программы «Цифровая повестка для Европы», которая обозначила стремление к разработке и реализации Единого цифрового рынка (DSM). По оценке Европейской комиссии, переход к DSM означал значительные выгоды для Европейского союза в качестве мирового конкурента и для его государств-членов в условиях укрепления сотрудничества внутри ЕС. Цифровизация сказывается на всех сферах жизни, в том числе на торговле.

В связи с введением в действие Европейским союзом комплексного экстерриториального Регламента об искусственном интеллекте (ИИ) в 2025 году, направленном на регуляцию разработки, внедрение и использование ИИ, в том числе в торговле проявились новые юридические риски [2].

В парадигме развития онлайн торговли в целом и внедрением автоматизации, генерации моделей оптимизации процессов, анализа данных и коммуникаций, особую роль играет законодательство в сфере авторского права, одни и те же результаты интеллектуальной деятельности приобретают различную правовую сущность в правоотношениях между субъектами. Соприкосновение торгового и интеллектуального аспектов в современных правоотношениях, порождают казуалистическую неопределенность в процессе урегулирования споров между торговыми

субъектами.

Под авторским правом в цифровой среде понимается совокупность фактов, в которой цифровые технологии, включая сетевую среду на основе интернета, безвозвратно изменили «способы производства, модификации, распространения и потребления творческих работ, представленных в цифровом формате» [3].

Регулирование процессов создания копий, модификации и распространения контента в этой изменяющейся среде требует адаптации законов об авторском праве и поиск новых методов защиты прав автора.

Все государства Европейского союза подписали международные конвенции и договоры, посвященные авторскому праву, такие как Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений и TRIPS (Торговые аспекты Права интеллектуальной собственности) WTO (Всемирной торговой организации). Таким образом, законодательство об авторском праве Европейского союза не может рассматриваться независимо от международного права.

В вопросе соприкосновения права интеллектуальной собственности и права электронной коммерции основополагающим документом является Директива об Электронной коммерции в ЕС 2000/31/ЕС, в которой заложены фундаментальные положения торгового права посредством сетей электросвязи. Директива об Электронной коммерции, в основном касается провайдеров, которые могут выступать различными торговыми субъектами в правоотношениях электронной коммерции. Выделяют следующие категории провайдеров: «Провайдеры содержания» - субъект, разместивший контент в сети Интернет. Их деликтоспособность выражается в несении полной ответственности за содержание информации. Такие провайдеры контролируют и предоставляют доступ к ресурсам информации. К “провайдерам содержания” могут относиться как юридические, так и физические лица, которые имеют интернет домен, по которому расположен объект авторского права. В данном случае полная ответственность ложиться на владельца доменного имени, который контролирует содержание информации. Количество контента не влияет на ответственность лица (провайдера), то есть санкция в случае нарушения будет распространяться на весь объем сведений. Данный тип провайдеров не вызывает сомнений в торговле объектами авторских прав в ЕС, так как их правовой статус четко определен.

«Хост-провайдеры» выступают как посредники между торговыми субъектами, предоставляя одним права публикации контента, а другим право на его использование и/или приобретение. Они сохраняют информационные материалы третьих лиц, имея при этом определенную техническую базу во владении. Исходя из Директивы об Электронной коммерции, «Хост провайдер» несет полную ответственность перед законом за причиненный ущерб с момента обнаружения им материала, нарушающего авторские права, и/или получения уведомления о нарушении от других лиц, если он не удалит этот материал сразу, когда технически это возможно сделать. Данный аспект очень важен в рамках не юрисдикционного разрешения споров об авторских правах. Так как в случае, когда «Хост провайдер» удалит незаконно размещенные материалы, основания для продолжения спора отпадают, остается лишь вопрос определения ущерба, но «Хост провайдеры» не будут нести ответственность за причиненный ущерб, в случае если они действовали добросовестно.

«Провайдеры доступа» - лица, предоставляющие доступ к информации, но не осуществляющих хранение и публикацию данной информации. Такой провайдер осуществляет связь субъектов торгового права, при этом, не выступая прямым посредником. В отличие от «Провайдеров содержания» они не должны отслеживать данные, передаваемые между субъектами, а также в отличии от «Хост провайдеров» они не занимаются удалением материалов, нарушающих авторские права. «Провайдеры доступа» не осуществляют техническое хранение и/или прямое владение доменным именем, потому что отделить материалы, нарушающие авторское право, от материалов, не нарушающих такое право, не представляется возможным. Таким образом, образуются определенные правовые проблемы защиты авторских прав торговых субъектов, именно в сфере электронной коммерции, так как определение статуса «Провайдера» и его правовая ответственность становится обязанностью правообладателя результатов интеллектуальной собственности. Однако остается открытым вопрос, о реализации цифровых права авторов-торговых субъектов. В условиях стремительного развития цифровых технологий вопросы авторского права становятся все более сложными, а традиционные гражданско-правовые механизмы регулирования интеллектуальной собственности уже не в полной мере отвечают современным практическим потребностям. В этой связи в научной литературе справедливо обращается внимание на коллизионный характер многих споров в сфере авторского права, а также на недостаточную эффективность существующих способов защиты прав авторов, что требует поиска новых правовых решений и совершенствования механизмов охраны интеллектуальных прав [4].

В настоящее время в основе законодательства ЕС о защите прав автора лежит Директива об авторском праве и смежных правах в рамках единого цифрового рынка (2019/790) [5]. С её помощью устанавливают рамки, которые регулируют некоторые виды использования охраняемого контента онлайн-сервисами. Использование технических средств защиты, таких как DRM, цифровые подписи помогают предотвращать несанкционированное воспроизведение и распространение контента. Лицензионные отношения, складывающиеся между правообладателями и электронными торговыми площадками, закрепляют порядок использования соответствующего контента. При этом для контроля за оборотом объектов интеллектуальной собственности и ограничения их неправомерного распространения могут применяться специальные технологии управления правами.

Вместе с тем в условиях цифрового рынка правообладатели нередко сталкиваются с трудностями при согласовании справедливых условий лицензирования и ведении добросовестных переговоров. Так, деятельность онлайн-платформ и контент-агрегаторов не всегда ориентирована на защиту интересов правообладателей, вследствие чего принципы авторского права могут оказаться нарушенными. К числу правовых причин подобных проблем относятся, в частности, расхождения в толковании категорий «сообщение» и «доведение до всеобщего сведения» применительно к цифровым сделкам.

Дополнительную сложность создает и то обстоятельство, что платформы нередко ссылаются на свое посредническое положение, стремясь избежать ответственности за нарушения интеллектуальных прав. В результате они получают экономические преимущества от использования результатов интеллектуальной деятельности, тогда как авторы и иные правообладатели не всегда получают соразмерное вознаграждение

Публикация текстов, произведений искусства, программного обеспечения (ПО) и других произведений, охраняемых законодательством об авторском праве, может привести к утрате прав интеллектуальной собственности.

Автор произведения может столкнуться с такими нарушениями, как незаконное копирование (интернет-пиратство), загрузка и скачивание материалов, нарушение лицензионных условий, использование контента без указания авторства и другие. Эти формы нарушения авторских прав представляют серьёзные проблемы, требующие эффективных мер для защиты прав интеллектуальной собственности (ИС) в онлайн-среде.

В процессе рассмотрения спорных аспектов, связанных с авторским правом в условиях электронной торговли. Одной из ключевых правовых проблем будет определение страны публикации, а также продолжительности защиты права в этой стране. Если в какой-либо стране ЕС срок защиты авторских прав короче, чем с другой, то все работы, загруженные в сети Интернет, могут считаться опубликованными в этой стране. Другие государства могут отказаться признавать авторское право страны публикации, если она не обеспечит должной защиты прав автора. К примеру, в соответствии со ст. 50 Закона Литовской Республики об авторских правах и смежных правах от 18 мая 1999 г. [6], права исполнителей действительны - 50 лет, однако страны Западной Европы уже давно используют стандарт действительности - 70 лет, что вызывает трудности в гармонизации прав автора в торговой сфере. В ЕС запрещен параллельный импорт объектов ИС, за исключением случаев, когда он предназначен для внутреннего использования. Однако во многих странах за пределами ЕС, параллельный импорт объектов ИС разрешен, в TRIPS также нет запрета на данную деятельность. В связи с этим возникают вопросы урегулирования споров между торговыми субъектами в рамках внешнеэкономической деятельности ЕС, объектом которой будут смежные права и/или авторские права. Также одним из вопросов электронной коммерции в рамках авторского права, является определение пределов прав субъектов в рамках распоряжения объектом интеллектуальных прав. К примеру, в случае «продажи» ПО для ЭВМ в облачной версии, продается не само ПО, а права на ее использование, согласно лицензионному соглашению. То есть, определение границ разрешенного использования объекта, в случае если лицензионное соглашение не заключалось, является одной из основополагающих задач современного развития права интеллектуальной собственности в торговом праве.

Так, Нидерландский апелляционный суд рассматривал случай компании Tom Kabinet [7], определяя применимость правила, установленного Судом ЕС в деле UsedSoft, к электронным книгам. Tom Kabinet предоставлял сервис по продаже прочитанных электронных книг, где владельцы могут продать свои копии через сайт компании. Суд отметил возможность применения неисключительных прав к электронным книгам. Нидерландская Ассоциация Издателей требовала прекращения сервиса Tom Kabinet, утверждая, что электронные книги, будучи нематериальными товарами, не могут быть перепроданы. Суд первой инстанции в свою очередь вынес решение в пользу Tom Kabinet, однако апелляционный суд потребовал, чтобы вебсайт прекратил функционирование, из-за возможности продажи нелегальных копий. Суд также рассмотрел применение правила UsedSoft, отмечая неопределенность в применении неисключительных прав к электронным книгам. Он подчеркнул, что владелец электронной книги получает право на неограниченное использование за определенную плату, но также указал на ограничение статьи 4(2) Директивы 2001/29/ЕС только материальными товарами.

Защита авторских прав в процессе электронной торговли инициируется, когда создается уникальный, креативный продукт, будь то ПО для ЭВМ, электронная книга, графический дизайн, или другие объекты интеллектуальной собственности. Такие продукты работы автора автоматически защищаются авторским правом при создании. Однако, как было отмечено выше, распоряжение такими правами при их передаче вызывает вопросы, ответы на которые может дать детальное лицензионное соглашение, определяющее границы прав и обязанности лицензиара и лицензиата. Условия предоставления услуг и прочие условия лицензионного соглашения должны быть четко изложены. Проведение регулярного мониторинга также способствует профилактике нормального использования авторских прав. Автоматизированные инструменты и сервисы могут помочь отслеживать распространение, защищенного авторским правом контента, посредством сети Интернет. Специфические криптографические и другие способы шифрования могут помочь предотвратить незаконное распространение и незаконную модернизацию объекта авторского права. Однако основные механизмы защиты авторских прав в торговых правоотношениях по-прежнему проявляются в способах разрешения конфликтов.

В ЕС право на судебную защиту авторских прав закреплено как в рамках национального законодательства государств-членов ЕС, так и в международных нормативных актах. Европейским судом чаще всего используется подход «accessibility online», согласно которому в качестве места совершения нарушения определяется страна, на территории которой можно получить доступ к сайту с контентом [8]. Имущественные авторские права, хотя и имеют территориальную сферу действия, в силу Директивы 2001/29 охраняются во всех государствах-членах ЕС на основе национального законодательства. Для рассмотрения споров по авторским правам в каком-либо государстве-члене ЕС необходимо наличие двух условий: 1) чтобы авторское право там охранялось, и 2) чтобы вредоносное действие (или возникновение убытков) произошло (могло произойти) на данной территории. Таким образом, споры могут рассматриваться как в национальных судах государств-членов ЕС, так и непосредственно в Суде Европейского союза.

Торговыми спорами в сфере прав интеллектуальной собственности занимается Общий суд (European Union General Court) Европейского союза [9]. Апелляционным по отношения к нему в вопросах, касающихся толкования законодательства ЕС выступает Суд справедливости (European Court of Justice). Осуществления правосудия в области интеллектуальной собственности в электронной торговле также регулируется

TRIPS. Средства правовой защиты интеллектуальной собственности в соответствии с TRIPS: 1) право правообладателей на обращение в суд для защиты своих прав, 2) право ответчиков на своевременное письменное уведомление о причинах иска и сути исковых требований, 3) право сторон на представление независимыми юридическими консультантами (адвокатами), 4) исключение избыточных требований об обязательном личном присутствии на заседаниях, 5) равные права сторон на защиту своих интересов, обоснование требований и представление доказательств в деле, 6) право на защиту конфиденциальной информации, за исключением случаев, противоречащих действующим конституционным требованиям. Общеевропейские директивы определяют основные принципы судебной защиты, обеспечивающие соблюдение прав и обязанностей владельцев авторских прав.

Споры, связанные с авторскими правами, чаще всего возникают в сфере B2B-торговли, в области рекламы, защиты баз данных, электронных книг, приложений для мобильных устройств, музыки, а также ПО для компьютеров. В центре этих споров, как правило, оказываются вопросы, как существование авторского права, его принадлежность к конкретному лицу (автору), а также определение ущерба. Также обсуждаются сделки, связанные с передачей прав интеллектуальной собственности, и определение пределов использования. Важным аспектом является определение размера вознаграждения (роялти или лицензионных сборов). Если обратиться к исследованию ВОИС по альтернативным способам разрешения споров, то можно увидеть, что наиболее популярным методом является «обнаружение и устранение». В случае обнаружения нарушения авторских прав, правообладатель может потребовать удаления незаконно размещённых материалов. Если это требование будет выполнено, спор прекращается. Однако этот метод не всегда эффективен. Для торговых субъектов, находящихся в контрактных обязательствах, одними из наиболее популярных способов являются медиация и арбитраж. Это связано с тем, что для многих компаний важна их деловая репутация, а данные методы разрешения споров позволяют не придавать широкой огласке предмет и итог спора. В Европейском союзе безопасность баз данных обеспечивается посредством Директивы 96/9/ЕС от 11.03.1996 о юридической защите баз данных. Согласно статье 3 этой Директивы, основным критерием для предоставления защиты с использованием авторского права является творческий труд автора при создании базы данных, и никакие другие критерии, как указано в Директиве, не применяются. Этот же раздел напоминает о важном принципе: под защитой находится творческий подбор элементов базы данных, но не ее содержимое, права на которое, разумеется, могут принадлежать другим субъектам. При этом базы данных могут защищаться не только авторским правом, но и законами о персональных данных, так как, зачастую, персональные данные широко используются при составлении баз данных. Использование персональных данных в базах данных подразумевает обработку и манипулирование информацией, идентифицирующей конкретных индивидов. Защита персональных данных в Европейском союзе рассматривается в качестве неотъемлемого элемента фундаментальных прав и свобод человека и гражданина наряду с неприкосновенностью личности, поэтому, в области защиты персональных данных, существуют четкие требования к их использованию. Общий регламент по защите данных (далее – Регламент ЕС 2016/679 от 2.04.2016. или GDPR (General Data Protection Regulation)) направлен на повышение уровня защиты персональной информации в ЕС.

Как видно из анализа существующего регулирования защиты авторских прав, положения правовых актов ЕС носят скорее рекомендательный характер. У онлайн платформ и агрегаторов контента нет стимула содействовать эффективной защите прав автора, так как в большинстве случае они не будут ответственны за нарушения авторских прав. В этой связи представляется необходимым ввести более детальное и жесткое регулирование использования онлайн платформами и агрегаторами контента результатов интеллектуальной собственности, защищаемых авторским правом. Например, за счёт установления четких правил к лицензионному соглашению. Похожая ситуация наблюдается в отношении защиты персональных данных. С введением GDPR, установлены правила обработки персональных данных и ужесточилась ответственность за нарушение правил их обработки. В настоящий момент для защиты баз данных и ПО как объектов авторского права не выработаны отдельные положения, защищающие права автора с учетом их специфического положения в праве интеллектуальной собственности. Например, при передаче прав на использования ПО и баз данных важно разграничить пределы модернизации и адаптации, как полного объекта, так и его частей. Также необходимо учитывать возможные способы использования объекта и разграничивать сферы его применения.

Таким образом, законодательство Европейского союза в области интеллектуальных прав двигается к гармонизации, однако ряд вопросов остается нерешенным. Важно отметить, что Директива (ЕС) 2019/790 применяется исключительно к материалам, передаваемым через сеть Интернет в традиционных форматах. Контент, не связанный с креативными отраслями, не включен в область действия данной Директивы. Вместе с тем можно прогнозировать увеличение числа споров в сфере авторского права, связанных с произведениями, создаваемыми пользователями и распространяемыми в сети Интернет. Это свидетельствует о том, что даже после последнего реформирования законодательства Европейского союза в области авторского права сохраняются его фрагментарность и внутренняя непоследовательность, а многие вопросы попрежнему не получили окончательного разрешения. По мере дальнейшего технологического развития и трансформации потребительских моделей использование объектов авторского права будет приобретать новые формы, что неизбежно повлечет и дальнейшее изменение соответствующих правовых подходов. В этих условиях эффективная защита авторов в сфере электронной торговли потребует создания новых правовых механизмов, дополненных современными техническими средствами**.** Одним из способов изменения законодательства в области защиты прав торговцев-авторов является ориентация на регулирование защиты персональных данных, внедрение методов экспертной оценки авторства с применением ИИ.

Список литературы:

1. Сообщение Комиссии «Европа 2020: стратегия разумного, устойчивого и инклюзивного роста» COM (2010) 2020 final, 03.03.2010 [Электронный ресурс]. – URL: https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/european-commission-launches-europe-2020-strategy-smart-sustainable-and-inclusive-growth_en

2. Регулирование ИИ в Европе: что должен знать бизнес в 2025 году [Электронный ресурс] // WCR Consulting. – URL: https://wcr-consulting.com/blog/2025/10/20/ai-regulation-in-europe-what-businesses-need-to-know-in-2025/
3. Mazziotti G. EU Digital Copyright Law and the End-User. – Berlin; Heidelberg: Springer, 2008. – 374 p.
4. Рязанов, А. М. Коллизионные вопросы авторского права в эпоху эры цифровых технологий / А. М. Рязанов, А. Ю. Цыганков // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций : материалы XV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. памяти проф. Ф. М. Рудинского, Москва, 26 апреля 2024 года. — Саратов : Саратовский источник, 2024. — С. 108–113. — EDN CMQUBB.
5. Директива (ЕС) 2019/790 Европейского парламента и Совета от 17 апреля 2019 года об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке, дополняющая Директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС // Official Journal. − L 130/92. − 17.5.2019
6. Закон «Об авторском праве и смежных правах» Литовской республики № VIII-1185 от 18.05.1999 г. (Lietuvos Respublikos Autorių Teisių ir Gretutinių Teisių Istatymo Pakeitimo Istatymas), ст. 30 para. 1.
7. Доротенко, Д. [Электронный ресурс]: Нидерландские суды применяют правило дела UsedSoft для перепродажи электронных книг. − URL: https://dorotenko.pro/ru/nl-usedsoft-books/
8. Томаров И. Определение юрисдикции в онлайн-спорах о нарушении авторских прав [Электронный ресурс] // Zakon.ru. – 2016. – URL: https://zakon.ru/blog/2016/10/25/opredelenie_yurisdikcii_v_sporah_o_narushenii_avtorskih_prav_v_seti
9. Европейский союз [Электронный ресурс]: Суд Европейского союза (CJEU) // Официальный сайт Европейского союза. − URL: https://european-union.europa.eu/institutions-law-budget/institutions-and-bodies/search-all-eu-institutions-and-bodies/court-justice-european-union-cjeu_en.

References:

1. Commission communication "Europe 2020: a strategy for smart, sustainable and inclusive growth" com (2010) 2020 final, 03.03.2010 [Electronic resource – URL: https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/european-commission-launches-europe-2020-strategy-smart-sustainable-and-inclusive-growth_en
2. AI regulation in Europe: what business should know in 2025 [Electronic resource] // wcr Consulting. – URL: https://wcr-consulting.com/blog/2025/10/20/ai-regulation-in-europe-what-businesses-need-to-know-in-2025/
3. Mazziotti G. EU Digital Copyright Law and the End-User. – Berlin; Heidelberg: Springer, 2008. – 374 p.
4. Ryazanov, A. N. M. N. Conflicting issues of copyright in the era of digital technologies / A. N. M. N. Ryazanov, A. N. Yu. N. Tsygankov / / Problems of the realization of human and civil rights in the context of modern social transformations : proceedings of the XV All-Russian Scientific.- practical conference with the international participation, dedication. in memory of Professor N. F. N. M. N. Rudinsky, Moscow, April 26, 2024. - Saratov : Saratov Source, 2024. - St. 108-113. — EDN CMQUBB.
5. Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the digital single market, supplementing Directives 96/9/EC and 2001/29/EC // Official Journal. − L 130/92. − 17.5.2019
6. Law of the Republic of Lithuania "On Copyright and Related Rights " No. VIII-1185 dated 05/18/1999 (Lietuvos Respublikos Autoriu Teisiū ir GRE-tutiniū Teisiū Istatymo pakeitimo Istatymas), art. 30 para. 1.
7. Dorotenko, J. [Electronic resource]: Dutch courts apply the rules of the UsedSoft case for the resale of e-books. − URL: https://dorotenko.pro/ru/nl-usedsoft-books /
8. I. Tomarova. Definition of jurisdiction in online copyright infringement disputes [Electronic resource] / / Zakon.ru . - 2016. – URL: https://zakon.ru/blog/2016/10/25/opredelenie_yurisdikcii_v_sporah_o_narushenii_avtorskih_prav_v_seti
9. European Union [Electronic resource]: Court of Justice of the European Union (cjeu) // Official website of the European Union. − URL: https://european-union.europa.eu/institutions-law-budget/institutions-and-bodies/search-all-eu-institutions-and-bodies/court-justice-european-union-cjeu_en.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_281

УДК 347.626

БРАЧНЫЕ ДОГОВОРЫ В РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ, ПРАКТИКИ И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
MARRIAGE CONTRACTS IN RUSSIA: EVOLUTION, PRACTICES, AND NEW TRENDS

ГАБАРАЕВА Нонна Валерьевна
старший преподаватель кафедры гражданского, земельного и трудового права
ФГОБУ ВО «Горский государственный аграрный университет» г. Владикавказ.
362040, Россия, г. Владикавказ, ул. Кирова, д. 37.
SPIN - код: 5068-8720
E-mail: mirag.8184@ya.ru

GABARAEVA Nonna Valeryevna
St. Lecturer of the Department of Civil, Land and Labor Law
Federal State Educational Institution of Higher Education "Gorsky State Agrarian University" named after G. N. Vladikavkaz.
362040, Russia, Vladikavkaz, Kirova str., 37.
Spin code: 5068-8720
E-mail: mirag.8184@ya.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуется эволюция института брачного договора в российском семейном праве от его введения в 1996 году до настоящего времени. Анализируются ключевые изменения законодательства 2023-2025 годов, включая расширение предмета брачного договора и уточнение порядка его изменения и расторжения. На основе обобщения судебной практики Верховного Суда РФ и кассационных судов общей юрисдикции выявляются основные тенденции правоприменения: признание брачных договоров, нарушающих принцип равенства супругов, недействительными; расширение практики оспаривания нотариально удостоверенных договоров; формирование подходов к включению в брачный договор условий о цифровых активах и бизнесе. Особое внимание уделяется трансформации брачного договора из инструмента раздела имущества при разводе в механизм управления семейными активами в период брака. В заключении формулируются предложения по совершенствованию законодательства с учетом современных реалий.*

Abstract: *The article examines the evolution of the institution of marriage contract in Russian family law from its introduction in 1996 to the present. The key legislative changes of 2023-2025 are analyzed, including the expansion of the subject of the marriage contract and clarifying the procedure for its amendment and termination. Based on the generalization of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and the cassation courts of general jurisdiction, the main trends in law enforcement are identified: the recognition of marriage contracts that violate the principle of equality of spouses as invalid.; expanding the practice of challenging notarized contracts; developing approaches to including conditions on digital assets and business in a prenuptial agreement. Special attention is paid to the transformation of the prenuptial agreement from a tool for dividing property during divorce into a mechanism for managing family assets during marriage. In conclusion, proposals are formulated to improve legislation taking into account modern realities.*

Ключевые слова: *брачный договор, семейное право, законный режим имущества супругов, договорный режим имущества, судебная практика, цифровые активы, нотариальное удостоверение, изменение брачного договора.*

Keywords: *marriage contract, family law, legal regime of the spouses' property, contractual regime of property, judicial practice, digital assets, notarization, amendment of the marriage contract.*

Для цитирования: *Габараева Н.В. Брачные договоры в России: эволюция, практики и новые тенденции // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 281-283. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_281.*

For citation: *Gabaraeva N.V. Marriage contracts in Russia: evolution, practices and new trends // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 281-283. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_281.*

Статья поступила в редакцию: 25.04.2026

Институт брачного договора, введенный в российское семейное законодательство в 1996 году, прошел значительный путь эволюции: от экзотического инструмента, используемого преимущественно в бизнес-среде, до востребованного механизма регулирования имущественных отношений супругов. За прошедшие три десятилетия изменились не только подходы к содержанию брачных договоров, но и сама их роль в системе семейно-правовых отношений. Если изначально брачный договор воспринимался преимущественно как инструмент раздела имущества на случай развода, то в настоящее время он все чаще рассматривается как способ управления семейными активами в период брака [1, с. 45-52].

Существенная трансформация правового регулирования брачного договора была инициирована принятием Федерального закона от 31 июля 2023 г. № 403-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации», а затем получила развитие в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2024 г. № 14 «О применении судами законодательства о брачном договоре». Указанные нормативные акты существенно расширили предмет брачного договора, уточнили порядок его изменения и расторжения, а также закрепили правовые позиции высшей судебной инстанции по наиболее спорным вопросам правоприменения [2, с. 34-41].

Современное правовое регулирование брачного договора базируется на ст. 40–44 Семейного кодекса РФ, устанавливающих общие положения о данном институте. Ключевое значение имеет принцип свободы брачного договора, в соответствии с которым супруги вправе изменить установленный законом режим совместной собственности, установить режим совместной, долевой или раздельной собственности на все имущество супругов, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов. Однако свобода договора ограничена требованием соответствия основным началам семейного законодательства, включая принцип равенства супругов и запрет на постановку одного из супругов в крайне неблагоприятное положение [3, с. 78-92].

У расширения сферы применения брачного договора есть очевидные плюсы. Супруги могут сами решить, какой режим имущества им

подходит, с учетом их семейных и деловых отношений. Если дело дойдет до развода, споров о разделе имущества будет меньше. Кроме того, брачный договор помогает эффективно управлять семейными активами. Но за этими плюсами скрываются серьезные проблемы. Главная из них: нет четких критериев, чтобы оценить, справедливы ли условия договора, когда его оспаривают в суде.

Исследователи не раз обращали внимание: законодателю следовало бы четко прописать критерии, по которым суд может определить, что брачный договор ставит одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. Пока таких критериев нет, судебная практика противоречива, а участники семейных отношений не могут заранее просчитать свои риски [4, с. 112-118].

Суды общей юрисдикции постепенно вырабатывают единые правила для разрешения споров о брачных договорах. Показательно дело [5]: супруга оспаривала договор, по которому вся недвижимость, купленная в браке, становилась раздельной собственностью мужа. Суд признал договор недействительным и объяснил почему. Супруга в тот момент находилась в отпуске по уходу за ребенком, своего дохода не имела, а по условиям договора лишалась права на имущество, которое было куплено в браке за общие деньги. Фактически ее поставили в крайне неблагоприятное положение, и суд счел это недопустимым.

Похожая логика прослеживается и в деле [6]. Здесь супруг оспаривал договор, по которому он передал жене все движимое и недвижимое имущество, а сам взял на себя все семейные долги. Суд встал на его сторону и признал договор недействительным. Аргумент был прост: условия договора нарушали принцип равенства супругов, потому что на одного из них возлагалось явно чрезмерное бремя ответственности по обязательствам. Такое положение дел суд счел несправедливым и противоречащим основам семейного законодательства.

Суды постепенно пришли к выводу: важно не формальное равенство условий договора, а реальное положение сторон. Учитывают, есть ли у супруга, оказавшегося в неблагоприятной ситуации, собственный доход, воспитывает ли он детей, каково его состояние здоровья — в общем, все, что объективно влияет на его имущественные права.

В последние годы все чаще возникает вопрос: можно ли включить в брачный договор условия о цифровых активах — криптовалюте, токенах и других объектах цифровых прав. Прямого ответа в семейном законодательстве нет, и это создает серьезные сложности на практике. Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики № 3 (2024) разъяснил: брачный договор может устанавливать правовой режим цифровых активов, поскольку они относятся к имуществу супругов, и на них распространяются общие правила об имущественных отношениях [7].

Кассационные суды постепенно вырабатывают свои подходы к таким условиям. Показательно дело [8]: супруги включили в договор положение о том, что криптовалюта, купленная на средства каждого из них, остается их раздельной собственностью. Когда после развода дошло до раздела имущества, суд признал это условие действительным. Он исходил из того, что стороны вправе сами определять правовой режим любого имущества, которое не запрещено в обороте.

Институт брачного договора постепенно меняет свое назначение. Раньше его воспринимали как инструмент на случай развода: кто что получит, если семья распадется. Теперь его все чаще используют для регулирования имущественных отношений супругов в период брака. Договариваются о том, кто и в каком объеме несет семейные расходы, как управлять совместным бизнесом, кто и на каких условиях распоряжается недвижимостью. Как справедливо замечают исследователи, брачный договор трансформируется из «договора о разводе» в «договор о ведении семейного хозяйства» [9, с. 25-31].

Важной тенденцией последних лет является расширение практики изменения и расторжения брачных договоров в судебном порядке. Согласно ст. 43 СК РФ, брачный договор может быть изменен или расторгнут по соглашению сторон в любое время. Однако на практике все чаще возникают ситуации, когда один из супругов требует изменения договора в судебном порядке в связи с существенным изменением обстоятельств. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2024 г. № 14 разъяснено, что к существенному изменению обстоятельств могут быть отнесены: рождение ребенка, утрата супругом трудоспособности, существенное изменение материального положения сторон, а также иные обстоятельства, объективно влияющие на баланс имущественных интересов супругов [10, с. 11–28].

Проведенный анализ однозначно свидетельствует: институт брачного договора в России находится в стадии активного развития. От законодательного эксперимента он превратился в полноценный и востребованный механизм регулирования имущественных отношений супругов, имеющий свою сложившуюся практику применения и четко обозначенные тенденции развития. Основные тенденции включают: расширение предмета брачного договора за счет включения условий о цифровых активах и бизнесе; усиление судебного контроля за соблюдением принципа равенства супругов; трансформацию брачного договора из инструмента раздела имущества при разводе в механизм управления семейными активами в период брака; либерализацию требований к форме договора при сохранении нотариальной защиты.

Цель дальнейшего совершенствования законодательства о брачном договоре должна заключаться в создании четкой и предсказуемой системы правового регулирования, обеспечивающей баланс между принципом свободы договора и необходимостью защиты интересов экономически более слабой стороны. Достичь этого невозможно без продолжения диалога между наукой семейного права, законодателем и судебной практикой, направленного на выработку единообразных подходов к применению данного института в современных реалиях.

Список литературы:

1. Антокольская И.А. Семейное право: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2024. – 432 с.
2. Беспалов Ю.Ф. Брачный договор: проблемы теории и практики // Семейное и жилищное право. – 2024. – № 3. – С. 34–41.
3. Ершова Н.М. Брачный договор в системе семейных правоотношений // Вестник гражданского права. – 2024. – № 2. – С. 78–92.
4. Ильина О.Ю. Пределы свободы брачного договора в российском семейном праве // Журнал российского права. – 2025. – № 1. – С. 112–118.
5. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 февраля 2025 г. № 8Г-3456/2025 // БСР ГАС «Правосудие».
6. Определение Московского городского суда от 15 ноября 2024 г. по делу № 33-56789/2024 // БСР ГАС «Правосудие».

7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 декабря 2024 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2025. – № 2.
8. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20 марта 2025 г. № 8Г-7890/2025 // БСР ГАС «Правосудие».
9. Смирнова С.А. Брачный договор как инструмент управления семейными активами // Нотариальный вестник. – 2024. – № 6. – С. 25–31.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2024 г. № 14 «О применении судами законодательства о брачном договоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2024. – № 8. – С. 11–28.

References:

1. Antokolskaya I.A. Family law: textbook, 4th ed., revised. and add. – Moscow: Norma, 2024. – 432 p.
2. Bespalov Yu.F. Marriage contract: problems of theory and practice // Family and housing law. – 2024. – No. 3. – pp. 34-41.
3. Yershova N.M. Marriage contract in the system of family legal relations // Bulletin of Civil Law. – 2024. – No. 2. – pp. 78-92.
4. Ilyina O.Y. Limits of freedom of marriage contract in Russian family law // Journal of Russian Law. – 2025. – No. 1. – pp. 112-118.
5. Ruling of the Second Court of Cassation of General Jurisdiction dated February 10, 2025 No. 8G-3456/2025 // BSR GAS "Justice".
6. Ruling of the Moscow City Court of November 15, 2024 in case no. 33-56789/2024 // BSR GAS "Justice".
7. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2024) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 25, 2024) // Bulle-shadow of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2025. – № 2.
8. Ruling of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated March 20, 2025 No. 8G-7890/2025 // BSR GAS "Justice".
9. Smirnova S.A. Prenuptial agreement as a tool for managing family assets // Notary Bulletin. – 2024. – No. 6. – pp. 25-31.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 15, 2024 No. 14 "On the application by courts of legislation on the prenuptial agreement" // Bulle-shadow of the Supreme Court of the Russian Federation. - 2024. – No. 8. – pp. 11-28.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_284

УДК 347.45/.47

СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И БИЗНЕСОМ В СФЕРЕ БЛАГОУСТРОЙСТВА
AGREEMENTS ON COOPERATION BETWEEN THE STATE AND BUSINESS IN THE FIELD OF LANDSCAPING

БЕЛЯТКИНА Кристина Александровна,
старший преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права Института права и управления Тульского государственного университета, 300012, Россия, г. Тула, пр. Ленина, д. 92;
соискатель кафедры предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия, 117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д.69, корп. «а»
E-mail: kristinabeliatkina@mail.ru

BELYATKINA K.A.,
senior lecturer at the department of civil and business law, Tula State University, 300012, Russia, Tula, Lenina avenue, 92;
candidate of the department of business and corporate law of the Russian State University of Justice; 117418, Russia, Moscow, Novocheremushkinskaya str., 69, bldg. «a»;
E-mail: kristinabeliatkina@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматривается взаимодействие государства с бизнесом в сфере благоустройства в целях повышения качества городской среды. Установлено, что государственно-частное партнерство в отношении объектов благоустройства, в том числе для их освещения, реализуется посредством заключения соглашений о государственно-частном (муниципально-частном) партнерстве и концессионных соглашений, а также выявлены сходства и отличия между такими соглашениями. Сделан вывод о преимуществах для государства, бизнеса и общества в сфере благоустройства при использовании механизма государственно-частного партнерства.*

Abstract: *The article considers the interaction between the state and business in the field of landscaping to improve the quality of urban environment. It is established that public-private partnership in relation to the objects of improvement, including for their lighting is realized through the conclusion of agreements on public-private (municipal-private) partnership and concession agreements, as well as similarities and differences between such agreements are identified. The conclusion is made about the advantages for the state, business and society in the field of public amenities when using the mechanism of public-private partnership.*

Ключевые слова: *благоустройство территории, объект благоустройства, государственно-частное партнерство, концессионные соглашения.*

Keywords: *territory improvement, improvement facility, public-private partnership, concession agreements.*

Для цитирования: *Беляткина К.А. Соглашения о сотрудничестве между государством и бизнесом в сфере благоустройства // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 284-287. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_284.*

For citation: *Belyatkina K.A. Agreements on cooperation between the state and business in the field of landscaping // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 284-287. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_284.*

Статья поступила в редакцию: 29.12.2025

Современные благоустроенные общественные пространства (под которыми следует понимать «свободные от застройки участки или иные части городской территории, доступные для всех горожан (улицы, площади, озелененные территории, набережные), а также участки объектов, предназначенные для массового посещения (объекты культуры, искусства, торговли, образования, отдыха и другие)»[1]) способны не только повышать качество жизни населения, но и создавать такие экономические эффекты, как увеличение доходов местных бюджетов, повышение объема инвестиций в город, что уже отражает заинтересованность муниципалитета в реализации новых проектов и создании новых рабочих мест вместе с развитием предприятий. Развитие благоустройства территорий также влияет на рост стоимости земельных участков, арендных ставок на коммерческую недвижимость и увеличение количества предприятий в сфере продажи и оказания услуг.[2] Для создания городской среды, способной обеспечивать достойный уровень безопасности, комфортности, экологичности на различных городских пространствах, в России с 2016 года реализуется национальный проект «Жилье и городская среда», целями которого является среди прочего обеспечение роста среднего индекса качества городской среды в 1,5 раза, и доведение до 80% доли городов с благоприятной городской средой к 2030 году.

Исходя из изложенного, развитие парков, скверов, дворов и иных общественных пространств стало важной задачей для органов публичной власти. Однако ее реализация объективно ограничена размерами муниципальных бюджетов. Существенно изменить ситуацию и ускорить процесс создания комфортной среды в города способно привлечение частных инвестиций в проекты по благоустройству территорий.

В рамках данной статьи автором предлагается рассмотреть отдельные формы взаимодействия власти с бизнесом в сфере благоустройства.

Пунктом 7.8 приказа Минстроя России от 30.12.2020 № 913/пр «Об утверждении методических рекомендаций по вовлечению граждан, их объединений и иных лиц в решение вопросов развития городской среды» закреплено, что в рамках партнерства рекомендуется выбирать, в

[1] «ГОСТ Р 70386-2022. Национальный стандарт Российской Федерации. Комплексное благоустройство и эксплуатация городских территорий. Определения, основные требования и процессы», утвержден и введен в действие Приказом Росстандарта от 10.10.2022 № 1093-ст. М.: ФГБУ «РСТ», 2022, п.3.8

[2] Управление развитием территории URL: https://urtmag.ru/public/290/ (дата обращения 10.12.2024)

том числе, такие форматы вовлечения, как государственно-частное партнерство, концессии.

В отечественных научных работах феномен государственно-частного партнерства (далее также ГЧП) прослеживается в широком понятии, как принцип и правовая форма взаимодействия государства с частными компаниями[1], как любые формы взаимодействия государства и бизнеса, направленные на достижение общественно полезного результата, в целях решения социально-экономических задач.[2] Применение механизма государственно-частного партнерства, позволяет перенести государственные обязанности в различных сферах на частный сектор и привлечь его капитал.[3]

Как отмечает Бит-Шабо И.В., институт ГЧП способен оказывать значительное влияние на индекс инвестиционной привлекательности публично-территориального образования, а на региональном уровне способен оптимизировать уровень власти региона в инфраструктурном направлении, например, создать максимально благоприятную городскую среду.[4]

После принятия в 2015 году Федерального закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - Закон № 224-ФЗ) под государственно-частным (муниципально-частным (далее также МЧП)) партнерством стали понимать не любые формы взаимодействия государства и бизнеса, а сотрудничество публичного и частного партнеров, которое осуществляется на основании соглашений о ГЧП и МЧП.[5] При этом, в статье 7 приведенного закона нормативно закреплена возможность заключения соглашений о ГЧП и МЧП в отношении объектов благоустройства территорий, в том числе для их освещения.

Отдельно указанный закон выделяет концессионные соглашения, регулируемые Федеральным законом от 21 июля 2005 года № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее - Закон № 115-ФЗ), которые могут быть заключены также в отношении объектов, предназначенных для благоустройства территорий, что закреплено в статье 4 приведенного закона.

Под объектом благоустройства в рассматриваемых соглашениях в общем виде следует понимать территории различного функционального назначения, на которых осуществляется деятельность по благоустройству,[6] и к объектам относятся территории общего пользования, которыми неограниченный круг лиц может беспрепятственно пользоваться, например, детские, спортивные и другие площадки для отдыха и досуга; площадки для выгула и дрессировки собак; площадки автостоянок; улицы (в том числе пешеходные) и дороги; парки, скверы, бульвары, иные зеленые зоны; площади, набережные и иное.[7] Благоустройство указанных территорий частной стороной соглашений предусматривает совершение действий по реализация комплекса мероприятий по обеспечению и повышению комфортности условий проживания граждан; поддержанию и улучшению санитарного и эстетического состояния территории муниципального образования; содержанию территорий населенных пунктов и расположенных на таких территориях объектов, в том числе территорий общего пользования, земельных участков, зданий, строений, сооружений, прилегающих территорий.[8]

По состоянию на 2023 год насчитывается 59 действующих соглашений о реализации ГЧП-проектов по благоустройству общественных пространств с объемом частных инвестиций 27 млрд. рублей.[9]

Таким образом, в отношении объектов, предназначенных для благоустройства территорий, и в целях повышения комфортности проживания граждан могут быть заключены как концессионные соглашения, так и соглашения о ГЧП и МЧП.

При этом важно отметить, что реализация проектов по благоустройству территории происходит преимущественно путем заключения концессионных соглашений и среди наиболее масштабных проектов (как завершенных, так и находящихся в процессе реализации) можно выделить благоустройство Центрального парка культуры и отдыха в г. Волгограде, Парка культуры им. М. Горького в г. Сызрани, парка «Дельфин» в г. Воронеже, части набережной р. Дон в г. Ростове-на-Дону, создание общественного центра на площади Ленина с благоустройством прилегающей территории г. Петропавловск-Камчатский, создание (реконструкция) объектов наружного освещения в г. Благовещенск и др.

Для того, чтобы понять с чем связано преобладание концессионных соглашений над соглашениями о ГЧП/МЧП в сфере благоустройства необходимо рассмотреть их отличные черты.

В первую очередь, разница между рассматриваемыми соглашениями проявляется в особенностях их субъектного состава. Из анализа Закона № 224-ФЗ и Закона № 115-ФЗ следует, что сторонами соглашения о ГЧП/МЧП выступают публичный партнер - Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование и частный партнер - российское юридическое лицо, по концессионному соглашению публичной стороной (концедентом), помимо указанных, могут также выступать ГК «Автодор», госкорпорации «Росатом» и «Роскосмос», а концессионером - индивидуальный предприниматель, иностранное юридическое лицо (а не только российское, как в соглашении по ГЧП/МЧП) либо действующие без образования юридического лица по договору простого товарищества (договору о совместной деятельности) два и более

[1] Вилисов М.В. ГЧП: политико-правовой аспект // Власть. 2006. - № 7.- С. 14–19.
[2] Белицкая А.В. Государственно-частное партнерство как альтернатива контрактной системе // Юрист. 2014. - № 5. - С. 33; Попондопуло В.Ф. Публично-частное партнерство: понятие и правовые формы //Арбитражные споры. 2014. - № 2. - С. 84.
[3] Семенов В.В. Правовая основа формирования механизма государственно-частного партнерства // Хозяйство и право. 2023. - № 10.- С. 33–41.
[4] Бит-Шабо И.В. Публично-правовая и частноправовая природа института государственно-частного (муниципально-частного) партнерства // Безопасность бизнеса. 2020. - № 4.- С. 3–7.
[5] Дятлова Н.А. Соглашение о государственно-частном партнерстве: гражданско-правовые аспекты. дис.канд.наук...Санкт-Петербург. 2017. - С.27
[6] «СП 82.13330.2016. Свод правил. Благоустройство территорий. Актуализированная редакция СНиП III-10–75», утвержденный приказом Минстроя России от 16.12.2016 № 972/пр, п. 3.12
[7] Козюк М.Н., Чикильдина А.Ю. Благоустройство: история, культура, экология, право: монография / М.Н. Козюк, А.Ю. Чикильдина; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. – 2019. – С.83
[8] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // Российская газета от 30 декабря 2004 г. № 290. Ст. 1, п. 36
[9] Аналитический дайджест «Основные тренды и статистика рынка ГЧП по итогам 2023 года» на основе данных Росинфра при поддержке ВЭБ.РФ.

указанных юридических лица. Изложенное позволяет сделать вывод о более широком числе субъектов, которые могут выступать как на стороне концедента, так и концессионера, в отличие от сторон по соглашению о ГЧП/МЧП.

Справедливой представляется позиция Кирпичева А.Е. о том, что ГЧП не может существовать в иной форме кроме обязательств,[1] что позволяет выделить связь в преобладании концессионных соглашений над соглашениями о ГЧП и МЧП в сфере благоустройства не столько с различным субъектным составом, сколько с особенностями прав и обязанностей сторон таких соглашений.

Если говорить об основном отличии между рассматриваемыми соглашениями, то автор считает, что оно проявляется в большей степени в отношении обязательства по передаче права собственности на объект благоустройства.

Рассматривая соглашение о ГЧП/МЧП следует отметить, что оно должно включать в себя условие, определенное Законом № 224-ФЗ как существенное, о передаче публичной стороной права частной собственности на объект соглашения.

Возникновение права собственности частного партнера на объект соглашения по мнению Дятловой Н.А. является ключевым различием между соглашением о ГЧП/МЧП и концессионным, согласно которому право собственности на объект всегда принадлежит концеденту (публичной стороне) и не принадлежит передаче концессионеру (частной стороне).[2]

Само производство работ по благоустройству территории достаточно сложный многоаспектный процесс, включающий большое количество мероприятий, затратных не только с финансовой точки зрения, но и по временному критерию[3], что определяет эту сферу недостаточно привлекательной для частных инвесторов, а иногда рассматривается как потенциально убыточная.[4]

Основной моделью возврата инвестиций по проектам в сфере благоустройства является получение коммерческой прибыли. В рамках данной модели возврат капитальных инвестиций и покрытие операционных затрат в определенной части обеспечиваются прибылью от коммерческих видов деятельности, которые частный партнер осуществляет помимо оказания публичных услуг с использованием объекта инфраструктуры.[5]

Как видно из положений Земельного кодекса Российской Федерации, земельные участки общего пользования, занятые площадями, улицами, проездами, автомобильными дорогами, набережными, скверами, бульварами, водными объектами, пляжами и другими объектами не подлежат приватизации, то есть могут находиться только в публичной (государственной или муниципальной) собственности.[6] Отчуждение такого имущества в собственность физических и (или) юридических лиц происходит исключительно на возмездной основе.

Следовательно, отчуждение в частную собственность государственного и муниципального имущества, таких как территории общего пользование, для развития общественных пространств по соглашению о ГЧП/МЧП требует больших затрат денежных средств инвесторами. При этом прибыль, получаемая с реализации проекта, равна той же, что и при предоставлении по концессионному соглашению концессионеру права владения и пользования объектом благоустройства.

На основании изложенного можно отметить следующее.

Во-первых, использование механизма государственно-частного партнерства для благоустройства общественных пространств может реализовываться путем заключения между публичным и частным партнером соглашений концессионных и о ГЧП/МЧП, которые сходны объектом благоустройства и различны по субъектам, их правами и обязанностями, в частности, переходом права собственности на земельные участки для их благоустройства.

Во-вторых, реализация государственно-частного партнерства в сфере благоустройства имеет преимущества, которые для государства выражаются в минимизации расходования средств бюджета, для бизнеса в возврате вложенных инвестиций с предприятий в сфере продажи, оказания услуг и прочего, расположенных на благоустроенной территории, общество же получает современные общественные пространства для отдыха, занятий спортом и др.

Список литературы:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // Российская газета от 30 декабря 2004 г. № 290.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Российская газета от 30 октября 2001 г. № 211-212.
3. «ГОСТ Р 70386-2022. Национальный стандарт Российской Федерации. Комплексное благоустройство и эксплуатация городских территорий. Определения, основные требования и процессы», утвержден и введен в действие Приказом Росстандарта от 10.10.2022 № 1093-ст. М.: ФГБУ "РСТ", 2022
4. «СП 82.13330.2016. Свод правил. Благоустройство территорий. Актуализированная редакция СНиП III-10–75», утвержденный приказом Минстроя России от 16.12.2016 № 972/пр
5. Белицкая А.В. Государственно-частное партнерство как альтернатива контрактной системе // Юрист. 2014. - № 5. - С. 33
6. Бит-Шабо И.В. Публично-правовая и частноправовая природа института государственно-частного (муниципально-частного) партнерства // Безопасность бизнеса. 2020. - № 4.- С. 3–7.
7. Вилисов М.В. ГЧП: политико-правовой аспект // Власть. 2006. - № 7.- С. 14–19.
8. Дятлова Н.А. Соглашение о государственно-частном партнерстве: гражданско-правовые аспекты. дис.канд.наук...Санкт-Петербург. 2017.
9. Кирпичев А.Е. Предпринимательские обязательства субъектов публичного сектора экономики, дис. докт. юр. наук. Москва. 2018.
10. Козюк М.Н., Чикильдина А.Ю. Благоустройство: история, культура, экология, право: монография / М.Н. Козюк, А.Ю. Чикильдина; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. 2019. - С.83
11. Попондопуло В.Ф. Публично-частное партнерство: понятие и правовые формы //Арбитражные споры. 2014. - № 2. - С. 84.

[1] Кирпичев А.Е. Предпринимательские обязательства субъектов публичного сектора экономики, дис. докт. юр. наук. Москва. 2018.- С.211
[2] Дятлова Н.А. Соглашение о государственно-частном партнерстве: гражданско-правовые аспекты. дис.канд.наук...Санкт-Петербург. 2017. - С.132-133
[3] Преликова Е.А., Кукшин Н.Р., Некрасов Д.В. Благоустройство среды обитания как критерий социально-экономического развития города // Интернет-журнал «Отходы и ресурсы». 2023. Том 10, № 2 URL: https://resources.today/PDF/08ECOR223.pdf (дата обращения 25.12.2024)
[4] Аналитический обзор «ГЧП в общественных пространствах: потенциал для развития» по данным платформы Росинфра. 2023
[5] Туктаров Ю.Е., Патынская Е.И. Правовые модели возврата инвестиций в проектах ГЧП // LegaL Insight. - 2018. - № 8. - С. 74.
[6] Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Российская газета от 30 октября 2001 г. № 211-212. Ст.85, п.12

12. Преликова Е.А., Кукшин Н.Р., Некрасов Д.В. Благоустройство среды обитания как критерий социально-экономического развития города // Интернет-журнал «Отходы и ресурсы». 2023. Том 10, № 2 URL: https://resources.today/PDF/08ECOR223.pdf (дата обращения 10.11.2024)
13. Семенов В.В. Правовая основа формирования механизма государственно-частного партнерства // Хозяйство и право. 2023. - № 10.- С. 33–41.
14. Туктаров Ю.Е., Патынская Е.И. Правовые модели возврата инвестиций в проектах ГЧП // LegaL InsIght. - 2018. - № 8. - С. 74.
15. Аналитический дайджест «Основные тренды и статистика рынка ГЧП по итогам 2023 года» на основе данных Росинфра при поддержке ВЭБ.РФ.
16. Аналитический обзор «ГЧП в общественных пространствах: потенциал для развития» по данным платформы Росинфра. 2023
17. Управление развитием территории https://urtmag.ru/public/290/ (дата обращения 15.12.2024)

References:

1. Town-planning Code of the Russian Federation of December 29, 2004, № 190-FZ // Rossiyskaya Gazeta of December 30, 2004, No. 290.
2. Land Code of the Russian Federation of October 25, 2001, № 136-FZ // Rossiyskaya Gazeta of October 30, 2001, № 211-212.
3. «GOST R 70386-2022. National Standard of the Russian Federation. Complex improvement and operation of urban areas. Definitions, basic requirements and processes», approved and put into effect by the Order of Rosstandart from 10.10.2022 № 1093-st. M.: FGBU «RST», 2022
4. «SPP 82.13330.2016. Code of rules. Improvement of territories. Updated edition of SNiP III-10-75», approved by the order of the Ministry of Construction of Russia from 16.12.2016 № 972/pr
5. Belitskaya A.V. Public-private partnership as an alternative to the contractual system // Jurist. 2014. - № 5. - C. 33
6. Bit-Shabo I.V. Public-legal and private-legal nature of the institute of public-private (municipal-private) partnership // Business Security business. 2020. - № 4.- C. 3-7.
7. Vilisov M.V. PPP: political and legal aspect // Vlast. 2006. - № 7.- C. 14-19.
8. Dyatlova N.A. Agreement on public-private partnership: civil-legal aspects. dis.kand.nauk...St. Petersburg. 2017.
9. Kirpichev A.E. Entrepreneurial obligations of subjects of the public sector of the economy, dis. doctor of jur. sciences. Moscow. 2018.
10. Koziuk, M.N.; Chikildina, A.Y. Blagoustroika: history, culture, ecology, law: a monograph / M.N. Koziuk, A.Yu. Chikildina; Volgograd Institute of Management - branch of FSBEI VO «Russian Academy of National Economy and Public Administration». - Volgograd: Izd-Volgograd Institute of Management - branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration. 2019. - C.83
11. Popondopulo V.F. Public-private partnership: concept and legal forms // Arbitration disputes. 2014. - № 2. - C. 84.
12. Prelikova E.A., Kukshin N.R., Nekrasov D.V. Habitat improvement as a criterion for socio-economic development of the city // Internet journal «Waste and Resources». 2023. Vol. 10, No. 2 URL: https://resources.today/PDF/08ECOR223.pdf (accessed on 10.11.2024)
13. Semyonov V.V. Legal basis for the formation of the mechanism of public-private partnership // Khozyaistvo i pravo. 2023. - № 10.- C. 33-41.
14. Tuktarov Y.E., Patynskaya E.I. Legal models of investment return in PPP projects // LegaL InsIght. - 2018. - № 8. - C. 74.
15. Analytical digest «Main trends and statistics of the PPP market at the end of 2023» based on the data of Rosinfra with the support of VEB.RF.
16. Analytical review «PPP in public spaces: potential for development» based on the data of Rosinfra platform. 2023
17. Territory Development Management https://urtmag.ru/public/290/ (accessed on 15.12.2024)

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_288

УДК 347.211

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЙ КОНТЕНТ В ВИРТУАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ОБОРОТ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОПЕРАТОРА ПЛАТФОРМЫ
USER-GENERATED CONTENT IN VIRTUAL SPACE: LEGAL NATURE, TRANSFER, AND PLATFORM LIABILITY

КОРОТИЧ Артемий Витальевич
Аспирант кафедры гражданского юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
119234, Россия, г. Москва, тер. Ленинские Горы, д. 1, стр. 46
E-mail: koro.artemy@yandex.ru

KOROTICH Artemy Vitalievich
PhD student, Department of Civil Law of Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory Territory, Building 46, Moscow, 119234, Russia
E-mail: koro.artemy@yandex.ru

Краткая аннотация: *в статье анализируются правовые основания возникновения и перехода прав на виртуальные объекты, создаваемые пользователями в рамках цифровых платформ. Автор исследует условия предоставления таким объектам авторско-правовой охраны, разграничивая ситуации создания объектов посредством выбора из заданных элементов и самостоятельного творческого вклада пользователя. В статье также рассматриваются критерии привлечения оператора виртуального пространства к ответственности, в том числе через призму статуса информационного посредника по Гражданскому кодексу Российской Федерации, а также сформировавшейся судебной практике. Совокупный анализ демонстрирует, что пользователь может приобретать авторские права на созданные им виртуальные объекты при наличии творческого характера деятельности, однако правовой режим таких объектов определяется договорной моделью платформы, а риски ответственности за нарушения прав третьих лиц, в значительной степени, перераспределяются на оператора цифровой среды.*

Abstract: *The article examines the legal grounds for the emergence and circulation of rights to virtual objects created by users within digital platforms. The author analyzes the conditions under which such objects may qualify for copyright protection, distinguishing between cases where objects are formed through the selection of predefined elements and those involving genuine creative contribution by the user. The article also explores the criteria for holding platform operators liable, including through the concept of an information intermediary under Part IV of the Civil Code of the Russian Federation. The overall analysis demonstrates that users may acquire copyright in virtual objects they create, provided that their activity is of a creative nature; however, the legal regime governing such objects is largely determined by the contractual framework of the platform, while the risks of liability for third-party rights infringements are, to a significant extent, shifted onto the platform operator.*

Ключевые слова: *виртуальные объекты, интеллектуальная собственность, информационный посредник*
Keywords: *cyber property, tort, property rights, virtual objects.*

Для цитирования: *Коротич А.В. Пользовательский контент в виртуальных пространствах: правовая природа, оборот и ответственность оператора платформы // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 288-291. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_288.*
For citation: *Korotich A.V. User-generated content in virtual spaces: legal nature, turnover and responsibility of the platform operator // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 288-291. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_288.*

Статья поступила в редакцию: 04.04.2026

Господствующий взгляд на виртуальные объекты указывает на наличие у них возможности быть охраноспособным в качестве объектов исключительных прав. При этом, рассмотрение виртуальных объектов в качестве охраноспособных, как правило, производится с позиций, когда такие виртуальные объекты пользователь получает от создателя виртуального пространства. Однако помимо возможности получения виртуальных объектов непосредственно от создателя соответствующего виртуального мира, некоторые виртуальные пространства предоставляют возможность пользователю самостоятельно создавать виртуальные объекты, которые, в последующем, могут им отчуждаться, в связи с чем возникает вопрос: а могут ли пользователи приобретать права на создаваемые ими объекты? Каким образом обеспечивается их оборотоспособность?

В литературе относительно виртуальных предметов, создаваемых пользователем, ответ на вопрос о том, пользуются ли создаваемые пользователем в рамках виртуального мира объекты авторско-правовой защитой, находится в зависимости от того, допускает ли программное обеспечение творческий характер деятельности пользователя при создании объекта [1, с 12][1].

Так, к примеру, после регистрации в виртуальном мире пользователь получает возможность создать аватар, который может быть собран по усмотрению пользователя из предоставленных правообладателем элементов.

Чтобы квалифицировать комбинацию существующих элементов как творческий вклад в смысле авторско-правовой охраны, необходимо чтобы у пользователя имелось пространство для самостоятельного оформления [2, с 140-142][2], а также имелся контекст, в котором создаваемый им образ мог бы восприниматься как произведение, за счет совершения пользователем соответствующей декларации.

В случае, если пользователь «собирает» свой аватар из объектов, которые предоставлены правообладателем, то авторско-правовой защиты в данном случае на произведение возникнуть не может, поскольку каждый из таких элементов, которые выбирает пользователь принадлежат правообладателю и предоставлен в рамках имеющейся договорной связи между пользователем и правообладателем [1, с. 112], помимо

[1] Schneider, Mathias, Virtuelle Werte: Der Handel mit Accounts und virtuellen Gegenständen im Internet, Baden-Baden: Nomos, 2010 S. 12
[2] Ulrich Loewenheim, Geschützte Werke in UrhG In: Urheberrecht: Kommentar, Heidelberg, (2006) S. 140-142

этого, в случае «составления» объекта из доступных элементов отсутствует возможность реализации творческих способностей автора, ввиду отсутствия свободного выбора относительно элементов формы произведения [3][1], тогда у пользователя отсутствует возможность воплощения произведения через создание мастер-артефакта.

В этой же связи даже трудоемкое улучшение игрового персонажа путем повышения игровых характеристик или оснащения его «более качественными» виртуальными предметами не будет свидетельствовать о творческом характере, поскольку все указанные предметы, как было указано выше, предоставляются пользователю в рамках лицензионного соглашения, либо договора об оказании услуг.

В то же время, в рамках различных виртуальных пространств пользователю, предоставлена возможность создать самостоятельно тот или иной предмет, или же загружать в виртуальное пространство ранее созданные им объекты, которым он в последствии сможет распоряжаться.

В данном случае сам по себе факт использования программного обеспечения создателя виртуального пространства не препятствует возникновению авторского права, пока создание такого объекта полностью подчинено воле пользователя и не представляет из себя «выбор из доступных опций». При этом предоставление программ для разработки виртуальных объектов не образует соавторства оператора платформы [4, с. 301-327][2], поскольку предоставляемое им программное обеспечение служит лишь вспомогательным инструментом для пользователя, и не образует элемента самостоятельного творческого вклада правообладателя программного обеспечения при создании произведения.

Так создаваемые пользователем виртуальные объекты, аналогично тому, как и виртуальные объекты, создаваемые создателем виртуального мира, могут создаваться исключительно с эстетической целью, и при приобретения необходимого объема свойств обуславливать появление мастер-артефакта.

Возникновение авторских прав пользователя признается и создателями таких виртуальных миров, что выражается в рамках правового режима, устанавливаемого пользовательским соглашением для таких объектов.

Так компания Blizzard устанавливает, что принимая условия пользовательского соглашения пользователь предоставляет Blizzard бессрочное, безотзывное, действующее по всему миру, полностью оплаченное, неисключительное, подлежащее сублицензированию право и лицензию на использование созданного пользователем контента и всех его элементов в средствах массовой информации, в любых форматах и формах, известных в настоящее время или разработанных в будущем. Пользователь также предоставляет Blizzard право копировать, воспроизводить, фиксировать, модифицировать, адаптировать, переводить, переформатировать, создавать производные работы, добавлять и удалять, перегруппировать и транспонировать, производить, публиковать, распространять, транслировать и использовать Пользовательский контент [5][3].

Пользовательское соглашение с Linden Lab в отношении виртуального пространства в Second life, устанавливает, что пользователь предоставляет Linden Lab и другим пользователям Second Life лицензию на использование пользовательского контента, отображаемого в Second Life. Пользователь также обязуется соблюдать права интеллектуальной собственности других пользователей, компании Linden Lab и третьих лиц, а также обязуется не копировать, не передавать и не распространять за пределами Second Life любой Контент, содержащийся в Second Life, полностью или частично [6][4].

Также возможны ситуации, когда платформа предоставляет пользователю возможность загрузить в виртуальный мир объект, созданный пользователем за пределами виртуального мира и без использования инструментария разработчика, которые затем постоянно видимы для всех остальных участников.

Общим признаком такой платформы является то, что они, как правило доступны любому лицу для публикации создаваемого ими контента. Особенно востребованным такой тип распространения произведений стал при развитии технологий Web 2.0 – когда пользователи получили возможность свободно выгружать информацию на различные платформы. Приведенные выше пункты пользовательского соглашения распространяют свое действие и на такой пользовательский контент.

Таким образом, создавая внутри виртуального мира те или иные объекты, пользователь одновременно предоставляет создателю виртуальной платформы лицензию на использование такого виртуального произведения как результата своей интеллектуальной деятельности, благодаря чему обеспечивается возможность создателя виртуальной платформы хранить копию, предоставлять доступ к экземплярам другим пользователями и т.д.

Помимо этого, виртуальное пространство может быть сконструировано таким образом, что пользователь, помимо создания объектов, подпадающих под авторско-правовую защиту, получает возможность и распоряжаться созданным им произведением, отчуждая его другим пользователям. Для юридического оформления передачи прав на виртуальный объект, пользовательскими соглашениями также предусматривается возможность пользователей предоставлять другим пользователям лицензию на использование авторского контента, аналогично с тем, как это делает создатель виртуального пространства.

Так, как указывалось ранее, пользовательское соглашение с Linden Lab прямо закрепляет такую возможность: вы можете предоставлять другим пользователям определенные лицензии на Контент через систему разрешений Second Life, а также настроек копирования, изменения и передачи, которые определяют, как другие пользователи могут использовать, воспроизводить, распространять, создавать производные произведения, демонстрировать или исполнять авторский контент [6].

При этом с развитием такого типа платформ оператор также приобретает выгоду, поскольку за счет трафика, который создает выгру-

[1] Ворожевич А.С. Картины, сгенерированные нейросетью: объекты авторских прав или нет? «ИС. Авторское право и смежные права», 2025, N 1// СПС Консультант плюс
[2] Dorothee Thum, Urheberrecht: Praxiskommentar 3rd Edition, Heidelberg (2009) S. 301-327
[3] Blizzard End User License Agreement // https://www.blizzard.com/en-gb/legal/fba4d00f-c7e4-4883-b8b9-1b4500a402ea/blizzard-end-user-license-agreement (Дата обращения: 04.04.2026)
[4] SECOND LIFE TERMS AND CONDITIONS// https://lindenlab.com/legal/second-life-terms-and-conditions (Дата обращения: 04.04.2026)

женный различными авторами контент, оператор получает возможность продавать, к примеру, рекламу, либо получать комиссию с каждой операции за «подписку», опосредующую доступ к выгруженному контенту, что ставит вопрос об ответственности оператора виртуального пространства в случае нарушения пользователем чужих прав на произведение, который будет рассмотрен далее.

Таким образом пользователь, в результате осуществляемой им деятельности, аналогично тому, как и создатель виртуального мира, может получить авторско-правовую защиту на созданные им предметы. Важным для получения авторско-правовой защиты остается выполнение пользователем условий, которые устанавливаются правопорядком распознания факта возникновения произведения [7, с. 378][1]. Отсутствие материального носителя как таковое не препятствует предоставлению авторско-правовой защиты [8, с. 39][2].

Из изложенного выше следует, что оператору платформы передаются права на произведение, созданное пользователем, выраженное в форме виртуального объекта. В связи с чем возникает вопрос относительно ответственности оператора платформы за объект, который был размещен на его платформе, нарушающий права третьих лиц: к примеру в ситуации, когда кто-то воспроизвел объект известного бренда одежды или интерьера, и реализует их в таком виде в виртуальном пространстве. Решение вопроса об ответственности оператора в данном случае будет зависеть от совершаемых им действий

В одном случае оператор может лишь предоставлять услуги по размещению объекта, а также обеспечения доступа к нему в рамках своего программного обеспечения. В такой ситуации оператором платформы не производятся действия, направленные на неправомерное копирование чужих объектов, подпадающих под авторско-правовую защиту, что само по себе устраняет возможность привлечения его к ответственности, поскольку не образуется состав нарушения авторских прав с его стороны, так как он не участвовал в воспроизведении произведения.

При этом для автора, чьи права были нарушены посредством такого размещения, оператор платформы фактически является единственным субъектом, через которого можно пресечь нарушение, ввиду чего законодателем в статье 14.7 Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 был установлен механизм, при помощи которого лицо, чьи права были нарушены, может обратиться к оператору платформы с требованием удаления соответствующего контента,.

Аналогичные положения содержатся и в Гражданском кодексе. Так, требование о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, в силу подпункта 2 п. 1 ст. 1252 ГК РФ может быть предъявлено не только к лицу, совершающему такие действия или осуществляющему необходимые приготовления к ним, но и к иным лицам, которые могут пресечь такие действия.

Однако, как следует из описанных выше ситуаций, в некоторых случаях, оператор также приобретает права на созданный пользователем объект и способен извлекать выгоду из совершаемых с таким объектом операций.

Российским законодательством выработано понятие «информационного посредника», устанавливаемое ст. 1253 ГК РФ, предписывающей, что информационный посредник несет ответственность на общих основаниях, при наличии вины, а также определяет критерии, по которым судам следует устанавливать, имеется ли вина информационного посредника при распространении материала, охраняемого авторским правом.

Так оператор платформы, осуществляющий передачу материала, не должен инициировать такую передачу, а также определять получателя такого материала; им не должен изменяться материал, за исключением изменений, осуществляемых для обеспечения технологического процесса передачи материала; он не знает и не должен был знать, что использование материала является неправомерным.

В свою очередь, оператор платформы, который позволяет размещать материал в сети не будет нести ответственность, если он не знал о не неправомерном использовании материала и своевременно принял необходимые и достаточные меры для прекращения нарушения интеллектуальных прав.

Возможность предъявления иска об убытках к незаконно бездействующему лицу вытекает в том числе из расширительного толкования подп. 3 п. 1 ст. 1252 ГК: требование о возмещении убытков предъявляется как к лицу, неправомерно использующему творческий результат, так и «иным образом нарушившему... исключительное право и причинившему... ущерб». «Иным образом», значит, и в результате бездействия – это вариант распространительного толкования процитированной нормы.

При этом, согласно разъяснениям, содержащимся в п. 78 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», указывается, что владелец сайта самостоятельно определяет порядок использования сайта, поэтому бремя доказывания того, что материал, включающий результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, на сайте размещен третьими лицами, а не владельцем сайта и, соответственно о том, что последний является информационным посредником, лежит на владельце сайта.

При отсутствии таких доказательств презюмируется, что владелец сайта является лицом, непосредственно использующим соответствующие результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации.

Если владелец сайта вносит изменения в размещаемый третьими лицами на сайте материал, содержащий результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, разрешение вопроса об отнесении его к информационным посредникам зависит от того, насколько активную роль он выполнял в формировании размещаемого материала и получал ли он доходы непосредственно от неправомерного размещения материала.

Существенная переработка материала и получение указанных доходов владельцем сайта может свидетельствовать о том, что он является не информационным посредником, а лицом, непосредственно использующим соответствующие результаты интеллектуальной деятельно-

[1] Matthias Berberich, Virtuelles Eigentum, Mohr Siebeck, Tübingen (2010) S. 378
[2] Щербак Н.В. Программы для ЭВМ и базы данных: их роль в творческой индустрии и развитии экономики // Хозяйство и право. 2021. N 6. С. 39.

сти или средства индивидуализации.

В пункте 18 Обзора судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.05.2024, также подчеркивается, что владельцы сайтов, осуществляющие функции онлайн-сервисов в сфере коммуникации и оказания услуг (таких как социальные сети и п.р.), которые не только предоставляют возможность размещения третьим лицам информации об экземплярах произведений, материальных носителях, но и сами совершают сделки по продаже указанных экземпляров и носителей или получают доход от неправомерного использования результатов интеллектуальной деятельности – не будут считаться информационными посредниками.

В любом случае является ли конкретное лицо информационным посредником, будет устанавливаться судом с учетом характера осуществляемой таким лицом деятельности. Если лицо осуществляет деятельность, которая указана в статье 1253.1 ГК РФ, то такое лицо признается информационным посредником в части осуществления данной деятельности. В случае, если лицо осуществляет одновременно различные виды деятельности, то вопрос об отнесении такого лица к информационному посреднику должен решаться применительно к каждому виду деятельности.

Следовательно, квалификация оператора в качестве информационного посредника зависит в том числе от модели его работы с пользователями, загружающими и создающими пользовательский контент. Если выбранная оператором модель подразумевает, что сделки по продаже товаров фактически совершает именно оператор, осуществляя поручение продавцов, он уже не будет являться информационным посредником, а самостоятельно будет нести ответственность за нарушение чужого авторского права.

В этом свете, приведённые выше положения пользовательского соглашения относительно пользовательского контента Linden Lab, Blizzard, устанавливающих, что посредством публикации пользовательского контента пользователь «предоставляет правообладателю виртуального мира бесплатную, глобальную, неисключительную, бессрочную, безотзывную лицензию с правом бесплатного сублицензирования на использование, воспроизведение, изменение, распространение, передачу, исполнение, перевод, размещение, предоставление и обнародование вашего пользовательского контента, а также на создание и использование производных произведений на его основе», при применении российского права имеет тенденцию поставить создателя виртуальных платформ под значительный риск, при нарушении пользователем чужих авторских прав на произведение, поскольку создатель виртуального пространства, из содержания пользовательского соглашения, становится лицом, использующим такие результаты интеллектуальной деятельности.

Помимо этого, даже в случае, если оператор не является информационным посредником, это само по себе не означает, что он не может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности по общим правилам: в пункте 73 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что лицо, давшее поручение или задание незаконно использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, и лицо, исполнившее такое поручение или задание, перед правообладателем отвечают солидарно, за исключением случаев, когда лицо, действовавшее по поручению или заданию, не знало и не должно было знать о нарушении исключительного права правообладателя. Применение к правообладателю повышенного стандарта доказывания как к профессиональному участнику оборота в последствии фактически ставит его в ситуацию, когда он практически всегда будет нести ответственность за тот контент, который публикуют пользователи.

С другой стороны, действительно, являясь профессиональным участником, предоставляя пользователям возможность для самовыражения, правообладатель виртуального мира, принимает на себя соответствующие риски, связанные с использованием такого контента. Защита создателя результата интеллектуальной деятельности должна сохранять свое преимущественное положение и оставаться эффективной, в связи с чем, повышение порога ответственности создателя виртуального пространства будет фактически оставлять автора один на один с пользователями, которые могут быть рассеянны по всему миру, что фактически будет обозначать невозможность эффективно осуществлять защиту результатов своей интеллектуальной деятельности. В противовес этому создатель виртуального пространства имеет возможность самостоятельно и воздействовать на правонарушителя, путем применения к нему санкций, устанавливаемых пользовательским соглашением, за счет существующей между ним и пользователем договорной связи, а также применимым правом. Таким образом, возложение соответствующих рисков на создателя виртуальной платформы является оправданным.

Список литературы:

1. Schneider, Mathias, Virtuelle Werte: Der Handel mit Accounts und virtuellen Gegenständen im Internet, Baden-Baden: Nomos, 2010 S. 12
2. Ulrich Loewenheim, Geschützte Werke in UrhG In: Urheberrecht: Kommentar, Heidelberg, (2006) S. 140-142
3. Ворожевич А.С. Картины, сгенерированные нейросетью: объекты авторских прав или нет? «ИС. Авторское право и смежные права», 2025, N 1// СПС Консультант плюс
4. Dorothee Thum, Urheberrecht: Praxiskommentar 3rd Edition, Heidelberg (2009) S. 301-327
5. Blizzard End User License Agreement // https://www.blizzard.com/en-gb/legal/fba4d00f-c7e4-4883-b8b9-1b4500a402ea/blizzard-end-user-license-agreement (Дата обращения: 04.05.2026)
6. SECOND LIFE TERMS AND CONDITIONS// https://lindenlab.com/legal/second-life-terms-and-conditions (Дата обращения: 04.04.2026)
7. Matthias Berberich, Virtuelles Eigentum, Mohr Siebeck, Tübingen (2010) S. 378
8. Щербак Н.В. Программы для ЭВМ и базы данных: их роль в творческой индустрии и развитии экономики // Хозяйство и право. 2021. N 6. С. 39.

References:

1. Schneider, Mathias, Virtuelle Werte: Der Handel mit Accounts und virtuellen Gegenständen im Internet, Baden-Baden: Nomos, 2010 S. 12
2. Ulrich Loewenheim, Geschützte Werke in UrhG In: Urheberrecht: Kommentar, Heidelberg, (2006) S. 140-142
3. Vorozhevich A.S. Paintings generated by a neural network: objects of copyright or not? "IS. Copyright and Related Rights", 2025, No. 1// SPS Consultant Plus
4. Dorothee Thum, Urheberrecht: Praxiskommentar 3rd Edition, Heidelberg (2009) S. 301-327
5. Blizzard End User License Agreement // https://www.blizzard.com/en-gb/legal/fba4d00f-c7e4-4883-b8b9-1b4500a402ea/blizzard-end-user-license-agreement (Date of request: 04/04/2026)
6. SECOND LIFE TERMS AND CONDITIONS// https://lindenlab.com/legal/second-life-terms-and-conditions (Date of request: 04/04/2026)
7. Matthias Berberich, Virtuelles Eigentum, Mohr Siebeck, Tübingen (2010) S. 378
8. Shcherbak N.V. Computer programs and databases: their role in the creative industry and economic development // Economy and law. 2021. N 6. P. 39.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_292

УДК 347.6:347.9:340.5

МОДЕЛИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ МЕДИАЦИИ В СЕМЕЙНЫХ СПОРАХ: ОПЫТ СТРАН ЕВРОПЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
MODELS OF LEGAL REGULATION OF MANDATORY MEDIATION IN FAMILY DISPUTES: THE EXPERIENCE OF EUROPEAN COUNTRIES AND PROSPECTS FOR THE RUSSIAN FEDERATION

КОШМАН Николай Анатольевич
адвокат Адвокатской палаты Московской области, аспирант
Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).
454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.
E-mail: incedent@mail.ru

KOSHMAN Nikolay Anatolievich
Lawyer of the Moscow Region Bar Association, Postgraduate student
South Ural State University (national research university).
454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 76.
E-mail: incedent@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуются модели правового регулирования обязательной медиации в семейных спорах в европейских правопорядках и оцениваются перспективы их использования в России. Проблема состоит в поиске баланса между конституционно гарантированным доступом к суду, необходимостью защиты уязвимой стороны и интересов ребенка, а также задачей снижения конфликтности семейных разбирательств. Объект исследования — правовые механизмы «обязательности» в медиации; предмет — их нормативный дизайн (обязательная предварительная стадия, санкции за несоблюдение, исключения, процедурные гарантии). Методологическую основу составляют сравнительно-правовой и функциональный анализ, а также системное толкование российских норм о примирительных процедурах. Новизна работы заключается в предложении типологии европейских моделей «мягкой» и «жесткой» обязательности и в обосновании для России концепции обязательного медиативного информирования (обязательная первичная встреча/скрининг при сохранении добровольности переговоров и соглашения). Показано, что эффективность таких режимов зависит от четких исключений (включая случаи домашнего насилия), краткости и доступности первой стадии, а также от институциональной инфраструктуры семейной медиации.*

Abstract: *The article examines European approaches to regulating mandatory mediation in family disputes and assesses their applicability to the Russian legal system. The core problem is to reconcile access to justice with the protection of vulnerable parties and the best interests of the child, while also reducing the level of conflict in family litigation. The object of the research is the legal techniques used to introduce "mandatory" elements into mediation; the subject is their regulatory design, including preliminary compulsory stages, procedural sanctions, exemptions, and safeguards. The study relies on comparative and functional methods as well as systemic interpretation of Russian rules on conciliation procedures. The paper's novelty lies in proposing a typology of European models of "soft" and "hard" mandatory schemes and in substantiating, for Russia, the concept of mandatory mediation information and assessment (a compulsory initial meeting and screening combined with voluntary negotiations and settlement). It is demonstrated that the effectiveness and legitimacy of such schemes depend on clear exemptions (notably for domestic violence), short time limits and affordability of the initial stage, and a developed institutional infrastructure for family mediation.*

Ключевые слова: *обязательная медиация, семейные споры, примирительные процедуры, медиативное информирование, доступ к правосудию, интересы ребенка.*

Keywords: *mandatory mediation, family disputes, conciliation procedures, mediation information, access to justice, best interests of the child.*

Для цитирования: *Кошман Н.А. Модели правового регулирования обязательной медиации в семейных спорах: опыт стран Европы и перспективы для Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 292-295. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_292.*

For citation: *Koshman N.A. Models of legal regulation of compulsory mediation in family disputes: European experience and prospects for the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 292-295. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_292.*

Статья поступила в редакцию: 13.03.2026

Семейный спор редко сводится к юридической коллизии в «чистом виде». Он почти всегда включает ценностные конфликты, асимметрию ресурсов, длительную историю отношений и, нередко, интересы ребенка как самостоятельный публично значимый компонент. Поэтому дискуссия об обязательной медиации в семейных делах неизбежно выходит за рамки сугубо «процессуальной экономии» и касается границ допустимого воздействия государства на частную автономию. Российская правовая политика последних лет демонстрирует двойственное движение. С одной стороны, процедура медиации по Федеральному закону от 27.07.2010 № 193-ФЗ закреплена как добровольная, основанная на «взаимном волеизъявлении сторон» и принципах добровольности, конфиденциальности, равноправия и нейтральности (ст. 3). С другой стороны, процессуальное законодательство после Федерального закона от 26.07.2019 № 197-ФЗ систематизировало «примирительные процедуры» и институционально усилило роль суда в их продвижении, прямо назвав посредничество, включая медиацию, одной из допустимых форм урегулирования спора (ст. 153.3 ГПК РФ).

Европейский опыт важен не как набор «готовых рецептов», а как лаборатория юридических конструкций, позволяющих совместить три требования: сохранение доступа к суду, минимизацию давления на слабую сторону и реальное повышение доли договорных решений. При этом сама идея «обязательности» в европейской доктрине давно перестала быть бинарной. Исследователи фиксируют спектр моделей — от категорически обязательных процедур до квази-обязательных режимов, основанных на санкциях и стимулах, а также гибридных комбинаций [4, p. 68–69]. Такой спектр особенно заметен именно в семейных конфликтах, которые признаются «наиболее подходящей» сферой для медиации, но одновременно и самой рискованной из-за возможного насилия, зависимости и манипуляций.

Показательно, что на уровне Совета Европы еще в 1998 г. была зафиксирована осторожная формула: «медиация не должна, как правило, быть обязательной», но государствам допускается создавать механизмы доступа и информирования, в том числе «делая обязательной встречу сторон с медиатором», чтобы они могли оценить применимость и уместность процедуры (Council of Europe. Recommendation No. R (98) 1 of the Committee of Ministers to Member States on Family Mediation (Adopted 21 January 1998). Strasbourg, 1998). Здесь заложен ключевой конструктивный ход: обязательной может быть не сама медиация как процесс переговоров и соглашения, а минимальный «входной» этап — информирование, скрининг рисков, объяснение правовых последствий и альтернатив.

Российская дискуссия об обязательной медиации зачастую упирается в тезис о конфликте с добровольностью. Однако сравнительно-правовой анализ показывает, что добровольность может быть многоуровневой. В итальянской модели, описанной российскими процессуалистами, обязательность понимается прежде всего как обязанность «первоначального обращения к медиатору», тогда как продолжение процедуры зависит от решения сторон, принимаемого уже после первой сессии [2]. Эта же логика поддерживается и доктринально-процессуальным взглядом на «обязательные переговоры» в российском праве: А.Г. Плешанов прямо предлагает рассматривать их как исключение из принципов добровольности примирения и диспозитивности, оправдываемое законностью и соображениями оптимизации нагрузки [3, с. 195]. Тем самым появляется возможность говорить не о «замене суда медиацией», а о встраивании обязательного минимального этапа в архитектуру доступа к правосудию, где суд остается финальным гарантом.

Британская конструкция MIAM (Mediation Information and Assessment Meeting) демонстрирует «мягкую» обязательность. Норма не заставляет стороны урегулировать спор посредством медиации, но в ряде категорий семейных заявлений требует до обращения в суд пройти краткую встречу с медиатором, где объясняются варианты внесудебного разрешения и оценивается пригодность дела для медиации (Ministry of Justice (UK). Practice Direction 3A – Family Mediation Information and Assessment Meeting (MIAM) (Family Procedure Rules). Updated 28 April 2024). На практике суду предоставляется документальное подтверждение выполнения этого требования (сертификат медиатора в форме FM1), при этом предусмотрены исключения, связанные, в частности, с домашним насилием и неотложными ситуациями (Ministry of Justice (UK). Form FM1: Family mediation information and assessment meeting (MIAM), April 2024). Юридическая идея MIAM состоит в том, чтобы государство навязало не «мир», а компетентную консультацию о путях разрешения конфликта, одновременно отсекая случаи, где медиация может усилить уязвимость стороны.

Французская практика интересна тем, что в семейной сфере была опробована более жесткая связка: обязательная попытка предварительной семейной медиации для определенных категорий дел под угрозой процессуальной неприемлемости заявления. По данным парламентского финансового доклада, режим распространялся на споры о модальностях осуществления родительской власти и о вкладе в содержание и воспитание ребенка, при этом закреплены исключения для совместной подачи на утверждение родительского соглашения, для «легитимных причин» (дистанция, болезнь и т.п.), а также при наличии насилия (Sénat (France). Projet de loi de finances pour 2023: Justice. Article 44, § I). Такой дизайн подчеркивает, что семейные дела требуют не абстрактной «примиряемости», а процессуального скрининга и четкой системы исключений. Показательно и другое наблюдение: по тем же данным участники нередко воспринимают обязательность как принуждение, а эффект снижения нагрузки на суды не очевиден, хотя отмечается «общее успокоение конфликтов» и формирование культуры медиации (Sénat (France). Projet de loi de finances pour 2023: Justice. Article 44, § IV). Для российского законодателя здесь важен вывод: обязательность в семейных делах оправдывается не обещанием «разгрузки», а повышением качества урегулирования и снижением конфликтности, что требует измерения и оценки.

Швейцарская модель не тождественна семейной медиации, но демонстрирует европейскую традицию обязательной досудебной попытки примирения как нормального этапа процесса. Н.И. Гайдаенко-Шер фиксирует, что в ряде европейских юрисдикций государство поддерживает ADR, в том числе через «обязательную досудебную попытку примирения», а также через финансовые стимулы, включая возврат части госпошлины [1, с. 151]. Существенна и идеологема, сопровождавшая реформу: Федеральный совет Швейцарии подчеркивал, что «в суды не стоит обращаться поспешно», а иск должен быть последним способом мирного урегулирования [1, с. 152]. Для семейной сферы этот опыт важен как аргумент о допустимости обязательного предсудебного этапа при условии сохранения реального доступа к суду и разумности сроков.

Итальянский опыт часто обсуждается как доказательство эффективности обязательной медиации, хотя исходно он был сосредоточен на гражданско-коммерческих категориях. Российские исследователи подробно показывают, что в Италии конфликт права на судебную защиту с обязательной медиацией разрешался именно через сокращение «обязательного ядра» до первой встречи. «Если стороны приходят к выводу, что дальнейшее прохождение процедуры для них нецелесообразно, то на этом медиация заканчивается, а досудебный порядок считается соблюденным» [2, с. 60]. Важны и сопровождающие гарантии: участие представителей-юристов, территориальная привязка органа медиации к компетентному суду, а также различная «сила» соглашения в зависимости от типа медиации [2, с. 60–61]. В статистическом разрезе авторы указывают, что при решении сторон проходить полную процедуру соглашение достигалось в 56% случаев [2, с. 61]. Эта конструкция особенно релевантна российскому семейному контексту тем, что демонстрирует: обязательность может быть построена вокруг информированного входа и процедурной дисциплины, а не вокруг принуждения к соглашению.

Резюмируя европейский опыт следует отметить, что даже «мягкие» модели обязательности затрагивают несколько чувствительных узлов.

Первый — право на судебную защиту и доступность правосудия. Любая обязательная стадия должна быть ограничена по времени и стоимости, а отказ от продолжения не может влечь запрета на обращение в суд. Европейская линия рассуждений как раз строится вокруг того, что обязательный предсудебный этап допустим, пока он не превращается в непреодолимый барьер и сохраняет функциональную соразмерность целям правосудия [4, p. 71].

Второй — безопасность и недопустимость «медиации насилия». Совет Европы прямо предписывает медиатору учитывать факт насилия и оценивать пригодность процедуры, поскольку насилие влияет на переговорные позиции (Council of Europe. Recommendation No. R (98) 1 of the Committee of Ministers to Member States on Family Mediation (Adopted 21 January 1998). Strasbourg, 1998). Для семейного спора это не периферийное условие, а базовый фильтр, который должен быть встроен в нормативную модель через исключения и специальные процедуры.

Третий — публичный интерес в защите ребенка. Семейные соглашения не могут быть восприняты как равные коммерческим сделкам: даже при высокой автономии сторон суд и органы опеки сохраняют функцию контроля за соответствием соглашения интересам несовершеннолетнего. Именно поэтому механический перенос «коммерческой» обязательной медиации в семейную сферу ошибочен. Здесь оправданнее модель обязательного информирования и скрининга с последующей добровольностью переговоров.

Российское право уже располагает нормативным «каркасом», который можно развивать без революционных разрывов. Закон о медиации фиксирует добровольность процедуры и ее базовые принципы (Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ, ст. 3). ГПК РФ после реформы 2019 г. допускает широкий набор примирительных процедур и прямо включает медиацию в открытый перечень способов урегулирования [3, с. 183]. Судебное примирение дополнительно институционализировано Регламентом, утвержденным постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41. Однако эти элементы пока работают преимущественно как «возможность», а не как управляемая политика.

Представляется, что наиболее реалистичным и юридически аккуратным направлением является внедрение модели обязательного медиативного информирования в семейных делах, а не обязательной медиации в строгом смысле. Эта конструкция опирается сразу на два авторитетных источника. Во-первых, Совет Европы допускает обязательную встречу с медиатором именно как форму информирования, при сохранении принципа добровольности самой медиации (Council of Europe. Recommendation No. R (98) 1 of the Committee of Ministers to Member States on Family Mediation (Adopted 21 January 1998). Strasbourg, 1998). Во-вторых, российская доктрина цивилистического процесса уже обсуждает обязательные переговоры как исключение, допускаемое ради оптимизации нагрузки и законности [3, с.]. Иными словами, можно сделать обязательным не «достижение соглашения», а минимальный входной контакт с медиатором или семейным медиативным центром.

Содержательно такая модель могла бы быть реализована как пилотный режим (с последующей оценкой), по аналогии с французским экспериментальным подходом в детских спорах (Sénat (France). Projet de loi de finances pour 2023: Justice. Article 44, § I). Предметно целесообразно ограничить ее делами, где медиация статистически и психологически более уместна: изменение порядка общения с ребенком, определение участия родителя в воспитании, согласование места проживания ребенка при отсутствии факта насилия, споры о порядке исполнения родительских соглашений, а также отдельные имущественные вопросы при разводе, когда стороны сохраняют коммуникацию.

Процессуальная «санкция» за непрохождение информирования должна быть максимально мягкой и не создавать ловушки. Применим подход, который уже просматривается в рассуждениях о правовых последствиях невыполнения обязательного переговорного порядка: на стадии возбуждения дела — возвращение заявления, после принятия — оставление без рассмотрения, но с учетом особенностей категории и необходимости законодательной конкретизации [3, с. 194–195]. Для семейных споров такое решение допустимо только при одновременном закреплении исключений и возможности немедленных обеспечительных мер, особенно когда требуется защита ребенка. Важнейшим условием будет нормативное установление «короткого» срока и бесплатности либо доступной стоимости первой встречи. Итальянская конструкция первой обязательной сессии с возможностью отказа от продолжения показывает, что «обязательность» может быть сведена к символически важному, но юридически некарательному шагу [2, с. 60–61].

Отдельного внимания требует институциональная среда. Опыт Италии указывает на значение профессиональных стандартов, реестров и территориальной доступности [2, с. 60]. Российская проблема заключается не столько в отсутствии норм, сколько в дефиците доверия к инфраструктуре медиации и в неравномерности кадров. Поэтому базовая ставка должна делаться на при-судебные центры семейной медиации, но не как часть суда, а как организационно связанный с судом сервис. Такая связка позволяет, с одной стороны, обеспечить понятный маршрут для граждан, а с другой — снять подозрение в «формальном барьере», когда требование пройти медиацию воспринимается как искусственное препятствие к суду.

Встроенный скрининг насилия и уязвимости должен стать не «рекомендацией», а процедурным стандартом. Совет Европы прямо указывает на обязанность медиатора оценивать влияние насилия на переговорные позиции (Council of Europe. Recommendation No. R (98) 1 of the Committee of Ministers to Member States on Family Mediation (Adopted 21 January 1998). Strasbourg, 1998). Для России это означает: исключения должны охватывать не только доказанное насилие, но и обоснованные утверждения о рисках с возможностью последующей проверки в процессе. В противном случае обязательность способна стать инструментом давления на слабую сторону и фактически дискредитировать институт.

В итоге, перспектива для России видится в двух последовательных шагах. Во-первых, переход от риторики «обязательной медиации» к правовой конструкции обязательного медиативного информирования как минимального фильтра и навигатора, при сохранении добровольности переговоров и соглашения. Во-вторых, формирование устойчивой инфраструктуры семейной медиации при судах с едиными стандартами подготовки, специализацией по семейным конфликтам и понятной системой финансирования первой встречи. В таком варианте обязательность будет работать не как принуждение к миру, а как государственная гарантия информированного выбора и раннего выявления дел, где конфликт можно снизить без судебной эскалации.

Европейский опыт показывает, что «обязательная медиация» в семейных спорах не существует в единственном формате. Наиболее жизнеспособными оказываются модели, где обязательность сведена к первому контакту или информационной встрече и сочетается с широкими исключениями, скринингом насилия и ясной экономикой процедуры. Российская правовая система уже содержит основы для движения в этом

направлении, но нуждается в тонкой настройке, чтобы не разрушить принцип добровольности медиации и не сузить доступ к суду. Во-первых, нормативная цель должна формулироваться не как «разгрузка судов», а как снижение конфликтности и повышение качества решений в интересах ребенка. Во-вторых, обязательность допустима лишь в форме обязательного информирования и только при условии доступности, краткости, прозрачных исключений и сохранения возможности немедленной судебной защиты в неотложных случаях.

Список литературы:

1. Гайдаенко Шер Н.И. Зарубежный опыт регулирования альтернативных механизмов разрешения споров: новый швейцарский гражданско-процессуальный кодекс и кантональное законодательство // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 6. С. 151–161.
2. Загайнова С.К., Чудиновская Н.А., Шереметова Г.С. Обязательная медиация в Италии: проблемы реализации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 6. С. 56–62.
3. Плешанов А.Г. Систематизация норм о примирительных процедурах и ее основные параметры (по Федеральному закону от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ) // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 4. С. 178–199. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-4-178-199.
4. Korsakovienė I., Radanova Y.B., Tvaronavičienė A. Mandatory Mediation in Family Disputes – An Emerging Trend in the European Union? // Review of European and Comparative Law. 2023. Vol. 53, No. 2. P. 68–101.

References:

1. Gajdaenko SHer N.I. Zarubezhnyj opyt regulirovaniya al'ternativnyh mekhanizmov razresheniya sporov: novyj shvejcarskij grazhdansko-processual'nyj kodeks i kantonal'noe zakonodatel'stvo // ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2012. № 6. S. 151–161.
2. Zagajnova S.K., CHudinovskaya N.A., SHeremetova G.S. Obyazatel'naya mediaciya v Italii: problemy realizacii // Elektronnoe prilozhenie k «Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu». 2017. № 6. S. 56–62.
3. Pleshanov A.G. Sistematizaciya norm o primiritel'nyh procedurah i ee osnovnye parametry (po Federal'nomu zakonu ot 26 iyulya 2019 g. № 197-FZ) // Vestnik grazhdanskogo processa. 2020. T. 10. № 4. S. 178–199. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-4-178-199.
4. Korsakovienė I., Radanova Y.B., Tvaronavičienė A. Mandatory Mediation in Family Disputes – An Emerging Trend in the European Union? // Review of European and Comparative Law. 2023. Vol. 53, No. 2. P. 68–101.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_296

УДК 347.45/.47

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРОДАВЦА И ИЗГОТОВИТЕЛЯ ПРИ МНОЖЕСТВЕ ПОСРЕДНИКОВ (МАРКЕТПЛЕЙСЫ, АГРЕГАТОРЫ УСЛУГ): ПРОБЛЕМЫ ДЕЛИКТНОЙ И ДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
DIFFERENTIATION OF SELLER'S AND MANUFACTURER'S RESPONSIBILITIES WITH MULTIPLE INTERMEDIARIES (MARKETPLACES, SERVICE AGGREGATORS): PROBLEMS OF TORT AND CONTRACTUAL LIABILITY

ГРЕЧАНОВ Виктор Николаевич,
магистр кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева,
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.
e-mail: vikgrechanov@ya.ru

GRECHANOV Viktor Nikolaevich,
master of the Department of Civil Law of the Lebedev Russian State University of Justice,
69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russia.
e-mail: vikgrechanov@ya.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются правовые коллизии при разграничении ответственности между продавцом, изготовителем и маркетплейсом за вред, причинённый из-за недостатков товара, проданного через электронные площадки. Анализируются нормы Закона «О защите прав потребителей» во взаимосвязи с Гражданским кодексом Российской Федерации, доктринальные подходы и зарубежный опыт (США, ЕС). На основе судебной практики и законодательных инициатив обосновывается вывод о необходимости возложения солидарной ответственности на агрегатора или продавца.*

Abstract: *the article discusses legal conflicts in the differentiation of liability between the seller, manufacturer and marketplace for damage caused due to defects in goods sold through electronic platforms. The article analyzes the norms of the Law «On Consumer Rights Protection» in relation to the Civil Code of the Russian Federation, doctrinal approaches (marketplace as a seller, the concept of «the cheapest harm avoider») and foreign experience (USA, EU). Based on judicial practice and legislative initiatives, the conclusion is substantiated that it is necessary to impose joint responsibility on aggregator or manufacturer.*

Ключевые слова: *маркетплейс, владелец агрегатора, продавец, деликтная ответственность, защита прав потребителей, разрыв ответственности.*

Keywords: *marketplace, aggregator owner, seller, manufacturer, tort liability, consumer protection, liability gap.*

Для цитирования: *Гречанов В.Н. Разграничение ответственности продавца и изготовителя при множестве посредников (маркетплейсы, агрегаторы услуг): проблемы деликтной и договорной ответственности // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 296-298. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_296.*

For citation: *Grechanov V.N. Differentiation of seller's and manufacturer's responsibilities with multiple intermediaries (marketplaces, service aggregators): problems of tort and contractual liability // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 296-298. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_296.*

Статья поступила в редакцию: 14.04.2026

В условиях современных реалий, когда цифровизация присутствует в каждом аспекте нашей жизни, сложно отрицать, что большинство людей ежедневно используют маркетплейсы для покупки товаров, это существенно экономит время и служит для удобства поиска и выбора нужного товара среди бесконечного количества предложений. Кажется, что плюсы очевидны, однако не стоит забывать, что есть и значительный минус использования маркетплейсов, например, правовая неопределенность в статусе агрегатора и границах его ответственности перед потребителем.

Ассоциация компаний интернет-торговли подвела итоги 2025 года, исходя из которых объем онлайн-продаж в Росиии составил 11,5 триллиона рублей. Это на 28% превышает показатели 2024 года. Большая часть онлайн-покупок - 97% от общей суммы приходится на российские интернет-магазины и платформы [1]. Исходя из анализа представленных данных, можно отметить, что в России наблюдается стабильный рост оборота денежных средств в сфере интернет-торговли, что приводит к усложнению договорных связей в этой области, в том числе из-за большого количества посредников.

Стоит согласиться с мнением В.В. Рыжко о том, что дистанционный способ продажи товаров через маркетплейсы стал превалирующим, однако законодательная база, в частности Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» (далее - Закон о ЗПП), не в полной мере отражает фактическую роль платформы в сделке. Зачастую агрегатор выступает не просто информационным посредником, а полноценным участником логистических и финансовых процессов, что вызывает необходимость пересмотра классических моделей ответственности [2].

Перед правоприменителем возникла неопределенность: кто отвечает за недостатки товара перед потребителем - продавец (часто скрывающийся за псевдонимом или находящийся за рубежом) или владелец агрегатора, который получил оплату и создал у потребителя впечатление о себе как о продавце?

По общему правилу, установленному абзацем 2 пункта 2.1 статьи 12 Закона о ЗПП, ответственность за исполнение договора и качество товара несет продавец [3].

Исключение из вышеназванного правила составляют два случая: когда иное предусмотрено соглашением между агрегатором и про-

давцом; когда это вытекает из существа отношений между ними. Однако, как справедливо отмечают А.В. Савоськин и И.И. Фликов, эти критерии носят оценочный характер и не раскрыты в законе [4]. На практике анализ типовых оферт маркетплейсов (например, Wildberries) показывает, что указанные исключения направлены в пользу агрегатора. Пункт 5.10 Оферты допускает возврат денежных средств покупателю за счет агрегатора с последующим удержанием этой суммы с продавца [5]. Формально ответственность несет продавец, маркетплейс выступает в качестве финансового гаранта, но не как лицо, отвечающее за товар ненадлежащего качества.

Интересно отметить, годом ранее Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 28.01.2025 № 166-О отказано в жалобе Кравченко К.С. на неконституционность вышеназванных положений Закона о ЗПП. По мнению заявителя, эти положения ограничивают его конституционные права при обнаружении недостатков товара и не позволяют предъявлять требования к владельцам агрегаторов аналогично продавцам.

Отказывая в принятии жалобы гражданина, суд напомнил о том, что оспариваемые положения направлены на достижение баланса интересов сторон и обеспечение эффективной защиты прав потребителей при продаже товаров ненадлежащего качества; обеспечивают правовую определенность и возможность компетентного выбора товаров при дистанционной продаже, а также нормы согласуются с принципами законности, стабильности и предсказуемости гражданских правоотношений, установленными статьей 15 (часть 2) Конституции РФ [6].

Анализ судебной практики последних лет свидетельствует о том, что суды постепенно отходят от буквального и узкого толкования ст. 12.1 Закона о ЗПП. Знаковым в этом контексте является Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.09.2023 № 7-КГ23–4-К2 [7]. Суд указал, что маркетплейс не вправе в одностороннем порядке аннулировать заказ, ссылаясь на отсутствие товара у продавца или техническую ошибку в цене. Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул, что предложение товара на сайте агрегатора является публичной офертой, и с момента её акцепта потребителем обязательство по передаче товара становится обязательным для исполнения, при этом агрегатор не может полностью перекладывать ответственность на продавца, если он обеспечивал проведение транзакции [8].

Анализируя правовую позицию, отраженную в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) № 26 от 26.06.2018 [9], применяемую к агрегаторам такси, по аналогии можно отнести к маркетплейсам, для выделения некоторых признаков возложения ответственности на агрегатора:

1) Если из дизайна сайта, рекламы или переписки у рядового потребителя формируется мнение, что он покупает товар у маркетплейса (например, доставка в брендированном пункте выдачи, унифицированный чек), владелец агрегатора не может ссылаться на наличие неизвестного продавца;

2) Владелец агрегатора устанавливает цену (через алгоритмы), сроки хранения и условия возврата, а также удерживает комиссию. Получая выгоду от транзакции, он должен несить и риски, связанные с недостатками товара;

3) Если товар физически хранится на складе маркетплейса и отгружается со склада агрегатора, последний фактически выполняет логистические функции и должен отвечать за сохранность и соответствие маркировки, даже если юридически он не является продавцом.

Нельзя также не сказать еще об одной проблеме разграничения ответственности, которая проявляется при реализации технически сложных товаров. В случае обнаружения брака потребитель, руководствуясь ст. 18 Закона о ЗПП, вправе предъявить требования продавцу. Согласно статье 503 Гражданского кодекса Российской Федерации в отношении технически сложного товара покупатель вправе потребовать его замены или отказаться от исполнения договора розничной купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар суммы в случае существенного нарушения требований к его качеству [10].

Однако на практике идентификация реального продавца на маркетплейсе может быть затруднена. Юридические лица, зарегистрированные на территории Российской Федерации и осуществляющие продажу товаров дистанционным способом продажи товара на территории Российской Федерации, обязаны указывать полное фирменное наименование (наименование), основной государственный регистрационный номер, адрес и место нахождения, адрес электронной почты и (или) номер телефона [11]. Хотя закон обязывает агрегатора размещать сведения о продавце, но зачастую эти данные ограничиваются лишь ОГРН и наименованием ИП, что делает процесс предъявления претензии и судебного иска затруднительным для граждан, особенно не имеющих юридического образования. Между тем, российские суды придерживаются позиции, что владелец агрегатора не обязан проверять достоверность сведений о продавце, если те формально совпадают с данными реестра (ЕГРИП). Ключевым стало то, что по мнению судов маркетплейс не является продавцом, а возврат денег осуществляется им как платежным агентом.

Законодатель оставил судам неопределенные ориентиры для возложения ответственности на агрегатора. Судебная практика (Определение Третьего КСОЮ № 88-19018/2025) демонстрирует отказ от расширительного толкования, таким образом суды ограничиваются проверкой формального совпадения данных о продавце с реестром, не оценивая реальную степень вовлеченности агрегаторов в сделку [12].

Интересным в рамках данного исследования представляется зарубежный опыт, показывающий, например, что в США суды признают маркетплейс «продавцом» для целей деликтной ответственности при условии, что он контролирует цепочку поставок. Как пишет С.К. Степанов, «в 2021 году Апелляционный суд Калифорнии рассмотрел дело Loomis v. Amazon.com LLC, в котором суд охарактеризовал маркетплейс как лицо, которому наименее затратно избежать причинения вреда» [13].

Европейский законодатель введением Директивы об ответственности за дефектную продукцию, принятой в 2024 году, устанавливает субсидиарную ответственность онлайн-платформ [14]. В случае отсутствия информации о продавце (в том числе из третьих стран) или производителе, агрегатор несет ответственность как производитель, что является компромиссом между защитой потребителя и развитием цифрового рынка.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что существующая модель правового регулирования, закрепленная в абз. 2 п. 2.1 ст. 12 Закона о ЗПП, не отвечает реалиям цифровой экономики. Формальное сохранение ответственности за продавцом при фактическом контроле маркетплейса над всеми этапами сделки создает «правовой разрыв»: потребитель лишен эффективного механизма защиты в случае, когда продавец зарегистрирован с использованием номинальных данных, находится за рубежом или прекратил деятельность.

Договорная ответственность за качество товара по-прежнему лежит на продавце. Однако деликтная ответственность за вред, причиненный жизни и здоровью, потенциально может быть возложена на маркетплейс, если он выполняет функции «лица, которому наименее затратно избежать вреда».

Директива ЕС 2024 года предлагает взвешенный подход: маркетплейс отвечает за дефектный товар, если он не раскрыл потребителю достоверную информацию о производителе или продавце. Этот механизм стимулирует платформы к должной проверке контрагентов, не превращая их в абсолютных гарантов качества.

Баланс интересов в сфере электронной торговли не может достигаться за счет «размывания» ответственности между множеством посредников. Пока российский законодатель сохраняет приоритет формального критерия (продавец как сторона договора), маркетплейсы будут пользоваться своим иммунитетом в коммерческих целях. На наш взгляд, возможен переход к модели «функциональной ответственности», где правовые последствия определяются реальной экономической ролью платформы в доведении товара до потребителя. Такой подход мог бы помочь обеспечить уровень защиты прав потребителей, адекватный современным цифровым реалиям.

Список литературы:

1. https://akit.ru/news/11-5-trln-rublej-akit-podvela-itogi-internet-torgovli-za-2025-god
2. Рыжко, В. В. Правовой статус товарного агрегатора: проблемы разграничения ответственности между маркетплейсом и продавцом / В. В. Рыжко. - Текст : непосредственный // Молодой ученый. - 2026. - № 5 (608). - С. 356-358. - URL: https://moluch.ru/archive/608/133209.
3. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 08.08.2024). Ст. 12, 18, 26.1, КонсультантПлюс.
4. Савоськин А.В., Фликов И.И. Ответственность владельца агрегатора и продавца перед потребителем по договору купли-продажи на маркетплейсе // Территория новых возможностей. 2023. Т. 15. № 3. С. 60-61.
5. Оферта о реализации товара на сайте Wildberries, https://static-basket-02.wbbasket.ru/vol20/offers/prd/product/92/96405678-2789-4a79-b31e-90432f9b1a55.pdf, дата обращения 06.04.2026 г.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2025 г. № 166-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кравченко Кирилла Сергеевича...», КонсультантПлюс.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.09.2023 № 7-КГ23–4-К2 (УИД 37RS0012–01–2022–000662–43) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: http://vsrf.ru (дата обращения: 10.04.2026).
8. Кирпичев А. Е. Агрегаторы товаров и услуг как новые субъекты коммерческого права // Актуальные проблемы российского права. - 2018. - Т. 16. - № 5. -С. 55–57.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2018 № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции», п. 18., https://www.vsrf.ru/documents/own/26967/, дата обращения 06.04.2026 г.
10. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // «Собрание законодательства РФ», 29.01.1996, № 5, ст. 410.
11. Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (с изменениями от 17.05.2024). Собрание законодательства Российской Федерации, № 3, 18.01.2021, ст.593
12. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 22.10.2025 г. № 88-19018/2025 по делу № 2-1032/2025. КонсультантПлюс.
13. Oberdorf v. Amazon.com, Inc., 930 F.3d 136 (3d Cir. 2019)
14. Directive (EU) 2024/2853 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on liability for defective products // Official Journal of the European Union. — 2024. — L series

References:

1. https://akit.ru/news/11-5-trln-rublej-akit-podvela-itogi-internet-torgovli-za-2025-god
2. Ryzhko, V. V. The legal status of the commodity aggregator: problems of differentiation of responsibility between the marketplace and the seller / V. V. Ryzhko. - Text : direct // Young scientist. - 2026. - № 5 (608). - Pp. 356-358. - URL: https://moluch.ru/archive/608/133209
3. The Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1 "On Consumer Rights Protection" (as amended on 08.08.2024). Articles 12, 18, 26.1, Consultant-Plus.
4. Savoskin A.V., Flikov I.I. Responsibility of the aggregator owner and seller to the consumer under the purchase and sale agreement on the marketplace // Territory of new opportunities. 2023. Vol. 15. No. 3. pp. 60-61.
5. Offer for the sale of goods on the Wildberries website, https://static-basket-02.wbbasket.ru/vol20/offers/prd/product/92/96405678-2789-4a79-b31e-90432f9b1a55.pdf , accessed 04/06/2026
6. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 28, 2025 No. 166-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kirill Sergeevich Kravchenko ...", ConsultantPlus.
7. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05.09.2023 No. 7-KG23–4-K2 (UID 37RS0012–01–2022–000662–43) [Electronic resource] // The official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: http://vsrf.ru (date of application: 04/10/2026).
8. Kirpichev A. E. Aggregators of goods and services as new subjects of commercial law // Actual problems of Russian law. - 2018. - Vol. 16. -No. 5. -pp. 55-57.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.06.2018 No. 26 "On certain issues of the application of legislation on the contract for the carriage of goods, Passengers and baggage by road and on the forwarding contract", paragraph 18., https://www.vsrf.ru/documents/own/26967 /, accessed 04/06/2026
10. "The Civil Code of the Russian Federation (Part Two)" dated January 26, 1996, No. 14-FZ (as amended on 06/24/2025, as amended. dated 12/16/2025) // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 01/29/1996, No. 5, art. 410.
11. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 31, 2020 No. 2463 "On Approval of the Rules for the Sale of Goods under a Retail Sale Agreement, a List of Durable Goods that are not Subject to the Consumer's Requirement to Provide Goods with the Same Basic Consumer Properties Free of Charge for the Period of repair or Replacement of such goods, and a list of non-food products of good quality, not subject to exchange, as well as amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation" (as amended on 05/17/2024). Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 3, 01/18/2021, art. 593
12. Ruling of the Third Court of Cassation of General Jurisdiction dated 10/22/2025, No. 88-19018/2025 in case No. 2-1032/2025. Consultant is a Plus.
13. Oberdorf v. Amazon.com, Inc., 930 F.3d 136 (3d Cir. 2019)
14. Directive (EU) 2024/2853 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on liability for defective products // Official Journal of the European Union. — 2024. — L series

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_299

УДК 347.98

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДСУДНОСТИ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ
ACTUAL PROBLEMS OF DETERMINING THE JURISDICTION OF CONSUMER PROTECTION CASES

КОЛЕСНИКОВА Марианна Михайловна,
доцент кафедрой гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
кандидат юридических наук, доцент.
Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, дом 5, литера «А».
E-mail: marianna0044@mail.ru

KOLESNIKOVA Marianna Mikhailovna,
Associate Professor of the Department of Civil Procedure Law
Northwest Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution
Lebedev Russian State University of Justice, Candidate of Law, Associate Professor.
St. Petersburg, Alexandrovsky Park, house 5, letter "A".
E-mail: marianna0044@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуются теоретические и практические аспекты определения территориальной подсудности дел, возникающих из отношений в сфере защиты прав потребителей. Автором проанализирована специфика альтернативной подсудности как важнейшей процессуальной гарантии реализации материальных прав слабой стороны правоотношения. На основе сопоставления доктринальных подходов и действующего гражданского процессуального законодательства выявляются коллизии между нормами Гражданского процессуального законодательства и Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей».*

Abstract: *The article examines the theoretical and practical aspects of determining the territorial jurisdiction of cases arising from relations in the field of consumer protection. The author analyzes the specifics of alternative jurisdiction as the most important procedural guarantee for the realization of the material rights of the weak side of the legal relationship. Based on a comparison of doctrinal approaches and current civil procedure legislation, conflicts between the norms of Civil procedure legislation and the Law of the Russian Federation "On Consumer Rights Protection" are identified.*

Ключевые слова: *защита прав потребителей, иск, компетенция судов, подсудность, передача дел, гражданский процесс, судебная практика, слабая сторона, процессуальные гарантии.*

Keywords: *consumer rights protection, lawsuit, jurisdiction of courts, jurisdiction, transfer of cases, civil procedure, judicial practice, weak side, procedural guarantees.*

Для цитирования: *Колесникова М.М. Актуальные проблемы определения подсудности дел о защите прав потребителей // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 299-301. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_299.*

For citation: *Kolesnikova M.M. Actual problems of determining the jurisdiction of consumer protection cases // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 299-301. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_299.*

Статья поступила в редакцию: 24.04.2026

Актуальность настоящей темы исследования обусловлена стремительным развитием рыночных отношений, масштабным переходом коммерческого оборота в цифровую среду и, как следствие, количественным ростом гражданских дел, связанных с защитой прав потребителей.

Институт подсудности в гражданском процессе выполняет важнейшую функцию распределения судебной нагрузки и обеспечения доступности правосудия. При этом, в отношении защиты прав потребителей институт подсудности приобретает особое значение, поскольку законодательно закрепляет возможность потребителю выбора суда для защиты своих прав и интересов, что является не просто процессуальным удобством для потребителя, а фактически выступает его гарантией реализации права на судебную защиту для экономически слабой стороны правоотношений.

Несмотря на то, что правило альтернативной подсудности по делам о защите прав потребителей законодательно установлено достаточно давно, современная жизнь (дистанционный способ продажи товаров, деятельность маркетплейсов, трансграничная электронная коммерция) демонстрируют проблемы применения ст.ст. 28-32 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ)[1] и пункта 2 статьи 17 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» (далее – Закона о защите прав потребителей) [2].

Современная судебная практика демонстрирует разнообразие в подходах к разрешению вопросов о территориальной подсудности, что влечет за собой нарушение принципов правовой определенности и равенства перед законом и судом. В связи с этим, комплексный анализ особенностей и проблем определения подсудности по данной категории дел представляет собой особую научно-практическую задачу.

Особенности определения подсудности дел о защите прав потребителей базируются на конструировании специальной альтернативной подсудности. В соответствии с п. 2 ст. 17 Закона о защите прав потребителей и ч. 7 ст. 29 ГПК РФ [1, 2], иски о защите прав потребителей могут быть предъявлены по выбору истца в суд по месту:

- жительства или пребывания истца;

- нахождения ответчика;

- заключения или исполнения договора (если договор был заключен на территории определенного судебного района).

Ключевой особенностью является императивный характер данной альтернативы для суда и абсолютная свобода выбора для потребителя. Законодатель, отступая от общего правила подсудности (по месту жительства ответчика – ст. 28 ГПК РФ) [2], легализует презумпцию зави-

симости потребителя от места нахождения контрагента. Данная особенность дифференцируется в зависимости от субъектного состава ответчика: если ответчиком выступает организация, подсудность определяется по ее юридическому адресу или адресу ее филиала/представительства; если индивидуальный предприниматель – по месту его жительства. Кроме того, особенность составляют иски, вытекающие из договоров с транспортными организациями, где альтернатива дополняется возможностью подачи иска по месту нахождения конторы транспортной организации, к которой была предъявлена претензия.

Анализ научных подходов к определению подсудности раскрывает существенную доктринальную полемику. В цивилистической процессуальной науке сложились три основных подхода к пониманию правовой природы альтернативной подсудности в делах о защите прав потребителей.

Первый подход (представленный, в частности, в трудах И.М. Зайцева, А.Ф. Козлова) рассматривает данную норму исключительно как процессуальную льготу, направленную на компенсацию материального и информационного неравенства сторон [6, с.145]. Сторонники данного подхода подчеркивают, что право выбора места подачи иска является элементом доступа к правосудию, но не должно нарушать баланс интересов ответчика, который вынужден нести издержки по явке в чужой суд.

Второй подход (М.А. Викут, Н.А. Чечина) трактует альтернативную подсудность как элемент специальной статутной подсудности, неразрывно связанной со статусом потерпевшего как потребителя [7, с.212]. Акцент делается на том, что право на выбор суда является не льготой, а составной частью самого субъективного права на защиту прав потребителя, производной от материального права.

Третий, современный подход (А.В. Юдин, Е.А. Борисова), формирующийся под влиянием цифровизации, предлагает рассматривать альтернативную подсудность через призму «процессуальной эффективности» [5, с.115; 6, с.88]. Ее авторы указывают, что сохранение за потребителем права подачи иска по месту его жительства в эпоху электронной коммерции порождает парадокс: продавец (часто малый бизнес или индивидуальный предприниматель) привлекается в суд за тысячи километров от места своей деятельности, что нарушает принцип процессуальной экономии и справедливости.

Представляется, что наиболее обоснованным является синтез первого и второго подходов: альтернативная подсудность по делам о защите прав потребителей имеет компенсаторно-гарантийную природу, однако ее реализация не должна трансформироваться в инструмент процессуального злоупотребления со стороны истцов, что требует законодательных ограничений.

Анализ актуальных проблем позволяет обозначить три ключевых блока противоречий, возникающих при реализации норм о подсудности по делам о защите прав потребителей.

Во-первых, коллизия договорной и императивной подсудности. Часть 2 ст. 32 ГПК РФ допускает изменение подсудности по соглашению сторон до принятия судом дела к производству. Вместе с тем, п. 2 ст. 17 Закона о защите прав потребителей [2] формирует альтернативную подсудность императивно. На основании чего возникает вопрос: обладает ли потребитель правом отказаться от альтернативной подсудности и заключить соглашение о подсудности по месту нахождения ответчика? Доктринально этот вопрос решается позитивно (потребитель может распорядиться своим правом), однако на практике суды часто отказывают в принятии таких соглашений, рассматривая норму Закона как абсолютно императивную, не допускающую никаких отступлений даже по воле защищаемого лица.

Во-вторых, проблема определение подсудности при дистанционном способе продажи товаров. Пожалуй, это одна из самых острых проблем современности. При покупке товара через интернет (маркетплейсы, сайты магазинов) договор, как правило, заключается дистанционным способом. Применение правила о месте заключения или исполнения договора порождает правовую неопределенность. Местом заключения электронного договора признается место нахождения продавца (его сервера, юридического адреса). Местом исполнения – адрес доставки товара (жительства потребителя). Если потребитель подает иск по месту исполнения (доставки) товара, продавцы часто заявляют о нарушении правил подсудности, ссылаясь на то, что реальное исполнение (передача товара перевозчику) произошло в ином городе. Суды в этой части выносят взаимоисключающие решения.

В-третьих, в условиях массовых закупок товаров на зарубежных площадках (AliExpress и др.) российские потребители сталкиваются с тем, что иностранный продавец не имеет представительства в Российской Федерации в результате чего возникает проблема подсудности исков к иностранным продавцам. Так подача иска по месту жительства истца в России вступает в конфликт с международным частным правом и правилами экстерриториальности. Суды общей юрисдикции часто возвращают такие иски, указывая на отсутствие юрисдикции, что оставляет потребителя без защиты.

Как правило анализ судебной практики демонстрирует попытки Верховного Суда Российской Федерации сгладить указанные противоречия.

В частности, анализ определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации показывает жесткую линию по недопустимости ограничения прав потребителей соглашениями о подсудности. Суд в п. 26 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 17 [4], последовательно разъясняет, что включение в договор условий, ограничивающих право потребителя на обращение в суд по месту его жительства, ничтожно. Если в договоре прописана исключительная подсудность суда по месту нахождения продавца, потребитель вправе игнорировать это положение и подать иск по своему месту жительства.

Однако в вопросах дистанционной торговли судебная практика нестабильна. Рассмотрим типичный пример из практики апелляционной инстанции: потребитель приобрел мебель на сайте интернет-магазина, расположенного в Москве, доставка осуществлялась в Красноярск. Потребитель подал иск в суд по месту доставки товара. Суд первой инстанции принял иск, указав, что местом исполнения договора является

Красноярск (адрес доставки). Апелляционная инстанция отменила решение, указав, что по правилам ст. 316 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [3] местом исполнения обязательства по передаче товара считается место нахождения продавца в момент передачи товара перевозчику (склад в Московской области), следовательно иск подан с нарушением подсудности.

В данной ситуации позиция Верховного Суда Российской Федерации в основном сводится к защите прав потребителя. Так Верховный Суд Российской Федерации считает, что для потребителя конечным местом исполнения договора является непосредственно место получения товара, в противном случае нарушается смысл альтернативной подсудности.

Кроме того, судебная практика выявляет еще одну проблему – предъявление требований одновременно к продавцу и изготовителю товара одновременно. Основываясь на ст. 14 Закона о защите прав потребителей, потребитель вправе по своему выбору предъявить иск к продавцу или изготовителю. Однако, если потребитель предъявляет иск к обоим солидарным должникам, может возникнуть ситуация с тем, что юридические адреса нахождения ответчиков разные. Таким образом выбор подсудности истца по месту его жительства должен применяться ко всем ответчикам. При этом некоторые суды иногда применяют правила подсудности по месту нахождения одного из ответчиков, что приводит к ограничению прав истца.

Таким образом, с целью преодоления выявленных противоречий, а также обеспечения единообразия судебной практики представляется необходимым реализовать следующие меры.

1. Внести изменения в часть 7 ст. 29 ГПК РФ [1], дополнив норму положением, прямо устанавливающим, что при заключении договора дистанционным способом продажи товаров (выполнения работ, оказания услуг) местом исполнения договора для целей определения подсудности признается адрес (место жительства) потребителя, указанный им при оформлении заказа, независимо от того, кем именно осуществляется доставка товара. Это устранит судебные споры о применении ст. 316 ГК РФ [3] в процессуальном праве.

2. Законодательно закрепить запрет на изменение подсудности по инициативе ответчика. Необходимо в ч. 2 ст.32 ГПК РФ [1] внести оговорку о том, что по делам, вытекающим из отношений с участием потребителей, соглашение о подсудности может быть заключено исключительно по инициативе потребителя и не может ограничивать предоставленный ему законом выбор суда. Это нивелирует попытки недобросовестных контрагентов вписывать дискриминационные условия в типовые договоры (адресные договоры присоединения).

3. В рамках решения проблемы трансграничной электронной коммерции в контексте зашиты прав отечественных потребителей необходимо на уровне ГПК РФ закрепить специальное основание для юрисдикции российских судов в отношении иностранных лиц, осуществляющих деятельность на территории РФ через информационно-телекоммуникационные сети. Подсудность исков к таким лицам должна определяться по правилам п. 2 чт. 17 Закона о защите прав потребителей [2] (по выбору истца-потребителя в суд по месту его жительства в Российской Федерации), а иностранный ответчик должен нести бремя доказывания отсутствия «направленности» своей коммерческой деятельности на российской рынке.

4. Ну и наконец-то требуется совершенствование разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации принятие нового постановления или дополнение действующего Постановления № 17 [4], в котором следует также дать четкие ориентиры судам в частности о том, что при предъявлении иска к нескольким ответчикам (продавцу и изготовителю, продавцу и импортеру), если хотя бы одно из оснований альтернативной подсудности связано с местом жительства истца, дело подлежит рассмотрению в суде по месту жительства истца в отношении всех соответчиков.

Подводя итоги проведенного исследования следует заключить, что институт подсудности дел о защите прав потребителей представляет собой сложный правовой механизм, находящийся в состоянии перманентной трансформации под воздействием цифровой экономики.

Альтернативная подсудность по делам о защите прав потребителей имеет компенсаторно-гарантийную природу. Ее смысл заключается не в предоставлении неограниченной свободы для манипуляций, а создание реальной процессуальной возможности для слабой стороны защищать свои нарушенные права без дополнительных материальных и временных издержек на поездки в чужие регионы.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. - № 46. – Ст. 4532.
2. Закон РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300 (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 3. - Ст.140.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. -1994. - № 32. - Ст.3301.
4. Постановление Пленума ВС РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по делам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2012. - № 9.
5. Борисова Е.А. Теория и практика защиты прав потребителей в гражданском процессе // Журнал российского права. 2021. № 5. С.112-125.
6. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: монография. М.: Статут, 2020. - 320 с.
7. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. М.: Проспект, 2019. - 560 с.

References:

1. The Civil Procedure Code of the Russian Federation of 11/14/2002 No. 138-FZ (as amended on 03/23/2026) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2002. - No. 46. – Art. 4532.
2. The Law of the Russian Federation "On Consumer Rights Protection" dated 02/07/1992 No. 2300 (as amended on 12/28/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 3. - Art.140.
3. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 07/31/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. - 1994. - No. 32. - St.3301.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/28/2012 No. 17 "On the consideration by courts of civil cases on consumer rights protection" // Bulle-shadow of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. No. 9.
5. Borisova E.A. Theory and practice of consumer rights protection in civil proceedings // Journal of Russian Law. 2021. No. 5. pp.112-125.
6. Yudin A.V. Abuse of procedural rights in civil proceedings: monograph. Moscow: Statute, 2020. 320 p.
7. Zhilin G.A. Justice in civil cases: current issues: a monograph. Moscow: Prospekt, 2019. - 560 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_302

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ СПОРОВ С ИНОСТРАННЫМ УЧАСТИЕМ
FEATURES OF DETERMINING THE APPLICABLE LAW IN ARBITRATION CORTS RESOLVING DISPUTES INVOLVING FOREIGN PARTICIPANTS

МАЛЫШЕВА Ульяна Сергеевна,
бакалавр, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина.
ул. Калинина, 13, г. Краснодар, Краснодарский край, 350004, Россия.
E-mail: sarkisyan_vg@mail.ru;
САРКИСЯН Валентина Георгиевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина».
350004, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.
E-mail: sarkisyan_vg@mail.ru;
MALYSHEVA Ulyana Sergeevna,
Bachelor's degree, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.
Kalinin str., 13, Krasnodar, Krasnodar Territory, 350004, Russia.
E-mail: sarkisyan_vg@mail.ru;
SARKISYAN Valentina Georgievna,
Associate Professor of the Department of Civil Procedure Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.
13 Kalinina str., Krasnodar Territory, 350004, Russia.
E-mail: sarkisyan_vg@mail.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена комплексному анализу особенностей и проблем определения применимого права в практике арбитражных судов Российской Федерации при рассмотрении споров с иностранным элементом. Исследование базируется на системном изучении норм Арбитражного процессуального кодекса РФ и Раздела VI Гражданского кодекса РФ. Автор подробно рассматривает коллизионный механизм, включая принцип автономии воли сторон и систему субсидиарных привязок, а также процессуальные аспекты его реализации. Особое внимание уделяется проблемным аспектам, таким как установление содержания иностранного права, применение оговорки о публичном порядке и норм непосредственного применения. В заключении предлагаются пути совершенствования правового регулирования и судебной практики для повышения предсказуемости и эффективности разрешения трансграничных споров.*

Abstract: *The article is devoted to a comprehensive analysis of the features and problems of determining the applicable law in the practice of arbitration courts of the Russian Federation when considering disputes with a foreign element. The research is based on a systematic study of the rules of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation and Section VI of the Civil Code of the Russian Federation. The author examines in detail the conflict-of-laws mechanism, including the principle of the autonomy of the will of the parties and the system of subsidiary bindings, as well as the procedural aspects of its implementation. Special attention is paid to problematic aspects such as the establishment of the content of foreign law, the application of the public policy clause and the rules of direct application. The conclusion suggests ways to improve legal regulation and judicial practice to increase the predictability and effectiveness of cross-border dispute resolution.*

Ключевые слова: *применимое право, арбитражный процесс, иностранный элемент, коллизионные нормы, автономия воли, личный закон юридического лица, оговорка о публичном порядке, трансграничные споры.*

Keywords: *applicable law, arbitration process, foreign element, conflict of laws rules, autonomy of will, personal law of a legal entity, public policy clause, cross-border disputes.*

Для цитирования: *Малышева У.С., Саркисян В.Г. Особенности определения применимого права при разрешении арбитражными судами споров с иностранным участием // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 302-304. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_302.*

For citation: *Malysheva U.S., Sarkisyan V.G. Features of the definition of applicable law when arbitration courts resolve disputes with foreign participation // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 302-304. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_302.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Актуальность темы исследования обусловлена интенсивным развитием процессов глобализации мировой экономики и значительным увеличением числа трансграничных экономических связей. Это закономерно влечет за собой рост количества споров в арбитражных судах Российской Федерации, одной из сторон в которых выступают иностранные лица. В этих условиях практическая значимость корректного и обоснованного определения применимого права трудно переоценить, поскольку именно от этого зависит эффективная защита прав и законных интересов сторон коммерческого оборота, а также обеспечение предсказуемости и стабильности судебных решений. При этом сама процедура выбора права характеризуется исключительной сложностью и многоаспектностью, поскольку коллизионное регулирование в Российской Федерации представляет собой комплекс взаимодействующих, а иногда и конкурирующих норм.

Степень научной разработанности проблемы демонстрирует наличие солидной теоретической базы, сформированной в трудах ведущих российских процессуалистов и цивилистов. Фундаментальные вопросы международного частного права и международного гражданского процесса нашли свое отражение в исследованиях М.М. Богуславского, В.П. Звекова, Н.Ю. Ерпылевой и других ученых. Однако, несмотря на наличие классических трудов, динамично развивающееся законодательство и постоянная эволюция судебной практики арбитражных судов требуют постоянного современного анализа и осмысления новых правовых явлений и тенденций.

Целью настоящей статьи является проведение комплексного анализа особенностей и ключевых проблем, возникающих при определении применимого права арбитражными судами Российской Федерации в ходе рассмотрения споров, осложненных иностранным элементом. Достижение поставленной цели планируется на основе системного исследования положений Арбитражного процессуального кодекса РФ и иного актуального законодательства.

Нормативная основа для отнесения спора к компетенции арбитражного суда с участием иностранных лиц закреплена в статье 247 АПК РФ. Согласно ее положениям, «арбитражные суды в Российской Федерации рассматривают дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, с участием иностранных организаций, международных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность» [1]. Ключевым критерием здесь выступает сам субъектный состав, а именно наличие иностранного участника.

Понятие «иностранное лицо» является собирательной и обобщающей категорией, которая объединяет различных участников гражданского оборота, обладающих иностранным правовым статусом. К числу таких лиц, в частности, относятся иностранные организации, международные организации, иностранные граждане, а также лица без гражданства, осуществляющие предпринимательскую и иную экономическую деятельность, что вытекает из ст. 247 АПК РФ.

Для целей арбитражного процесса ключевое значение имеет не просто отнесение лица к иностранному, но и установление его правового статуса и полномочий его органов и представителей. В этом контексте центральную роль играет категория личного закона (lex societatis). Именно личный закон иностранного юридического лица, определяемый в соответствии со статьей 1202 ГК РФ, устанавливает, какие органы и лица имеют право действовать от имени организации без доверенности, а также порядок их назначения и избрания. Данное правило, закрепленное в подпункте 6 пункта 2 статьи 1202 ГК РФ имеет непосредственное процессуальное значение, поскольку арбитражный суд при проверке полномочий представителей иностранной организации руководствуется именно ее личным законом, ввиду «приобретения юридическим лицом гражданских прав и принятия на себя гражданских обязанностей» [2].

Таким образом, несмотря на широкое собирательное определение, практическая реализация статуса иностранного лица в суде неразрывно связана с применением коллизионных норм о его личном законе.

Основу механизма определения применимого права в арбитражном процессе составляют коллизионные нормы. Данный механизм функционирует через тесное взаимодействие положений Арбитражного процессуального кодекса РФ и материального права, в первую очередь раздела VI Гражданского кодекса РФ. Статья 13 АПК РФ имеет отсылочный характер, предписывая арбитражному суду применять императивные и диспозитивные коллизионные нормы, закрепленные международными договорами и федеральными законами. Таким образом, ГК РФ выступает основным источником коллизионного регулирования для арбитражных судов.

Ключевыми инструментами в этом процессе являются классические коллизионные привязки, закрепленные в ГК РФ. Центральное место среди них занимает принцип автономии воли сторон (lex voluntatis), сформулированный в статье 1210 ГК РФ. Этот принцип «является основным принципом международного частного права и означает возможность избрания сторонами частноправового отношения, осложненного иностранным элементом, по своему усмотрению, применимого права» [3, с. 216].

Однако его реализация на практике порождает ряд сложных вопросов, таких как доктринально и практически спорная возможность установления молчаливого выбора права, а также проблема так называемого «расщепления» договора, когда к его различным частям применяется разное право.

Помимо воли сторон, арбитражный суд руководствуется и другими привязками, такими как право места заключения договора (lex loci contractus), право места причинения вреда (lex loci delicti commissi) и, что особенно важно для споров с участием иностранных организаций, личный закон юридического лица (lex societatis). Стоит отметить, что к этому статуту приходится прибегать «не только в случае рассмотрения дела по существу, но и в ряде иных случаев: при определении юридического статуса спорящих сторон на стадии возбуждения дела и последующем его разрешении, проверке полномочий судебных представителей и т.п» [4, с. 226].

Процессуальные аспекты применения коллизионных норм сопряжены с рядом практических сложностей. В соответствии со статьей 14 АПК РФ, бремя доказывания содержания норм иностранного права, на которое указывает коллизионная норма, возлагается на стороны. Однако суд также вправе принимать меры для установления их содержания, например, путем направления запросов через Министерство юстиции РФ или привлечения экспертов.

Проблема усугубляется отсутствием единой методики и надежных источников для такой работы. В случае, если содержание иностранного права не будет установлено несмотря на предпринятые усилия, арбитражный суд применяет российское право. Еще одной значительной процессуальной трудностью является квалификация юридических понятий при разрешении коллизионного вопроса.

Особое место в механизме выбора права занимает оговорка о публичном порядке (статья 1193 ГК РФ). Она служит защитным барьером, позволяющим арбитражному суду отказать в применении нормы иностранного права, если такое применение явно противоречило бы основам правопорядка Российской Федерации.

Важно подчеркнуть, что основанием для применения оговорки является не сама по себе норма иностранного права, а именно последствия ее применения в конкретном деле. Сложившаяся арбитражная практика демонстрирует тенденцию к крайне ограничительному толкованию данной категории, чтобы не подрывать принцип правовой определенности и предсказуемости в международном коммерческом обороте. Яркими примерами являются случаи, когда суды отказывались применять нормы иностранного права, предусматривающие ростовщические проценты, которые вступали в противоречие с императивными нормами российского финансового регулирования, видя в этом противоречие основам правопорядка.

Особую сложность в практике арбитражных судов представляет конфликт между общими коллизионными нормами и императивным регулированием. В соответствии со статьей 1192 ГК РФ, российские нормы непосредственного применения («сверхимперативные» нормы)

подлежат обязательному использованию судом независимо от избранного сторонами права. Это касается, прежде всего, сферы валютного контроля, антимонопольного законодательства и экспортного контроля. Аналогичным образом, в целях защиты слабой стороны, специальные коллизионные нормы (например, ст. 1212 ГК РФ для договоров с потребителями) ограничивают автономию воли сторон, что создает дополнительные сложности в определении применимого права.

Значительные проблемы возникают и в корпоративных спорах с иностранным элементом, где к вопросам создания и правоспособности компании применяется ее личный закон (lex societatis). Решение этих проблем видится в дальнейшем совершенствовании коллизионного регулирования, направленном на гармонизацию российских норм с международными подходами, а также в развитии судебной практики, способной проводить тонкое разграничение между вопросами корпоративного управления и обязательственных отношений из договоров, и определить, суды какого государства будут разрешать возникающие споры.

Таким образом, корректное определение применимого права арбитражными судами Российской Федерации представляет собой сложный, многоэтапный процесс, интегрирующий нормы материального и процессуального права. Его основу составляет последовательное применение коллизионного метода, базирующегося на принципе автономии воли сторон и системе субсидиарных коллизионных привязок, закрепленных в Гражданском кодексе РФ. Однако эффективность этого механизма на практике сталкивается с рядом вызовов, включая трудности доказывания содержания иностранного права, необходимость квалификации юридических понятий, а также необходимость балансирования между диспозитивными началами и действием норм непосредственного применения.

Дальнейшее совершенствование данной сфере видится в последовательной гармонизации российского коллизионного законодательства с международными стандартами, а также в выработке арбитражными судами единообразных и предсказуемых подходов к разрешению коллизионных вопросов. Именно это будет способствовать укреплению правовой определенности, эффективной защите прав участников международного коммерческого оборота и, как следствие, повышению привлекательности российской юрисдикции для разрешения трансграничных споров.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // "Российская газета", № 137, 27.07.2002
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // "Собрание законодательства РФ", N 49, 03.12.2001, ст. 4552)
3. Махош Ю. Б. Принцип автономии воли сторон при регулировании трудовых отношений в международном частном праве // Эпомен. – 2020. – № 49. – С. 216-221.
4. Щукин А. И. Применение нормы о личном статуте юридического лица в ходе рассмотрения гражданских дел // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 39. – С. 225-241.

References:

1. The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated 07/24/2002 (as amended on 04/01/2025) // Rossiyskaya Gazeta, No. 137, 07/27/2002
2. The Civil Code of the Russian Federation (part three) of 11.26.2001 N 146-FZ (as amended on 08.08.2024) // "Collection of legislation of the Russian Federation", N 49, 03.12.2001, art. 4552)
3. Makhosh Yu.B. The principle of the autonomy of the will of the parties in the regulation of labor relations in private international law // Epom. – 2020. – No. 49. – pp. 216-221.
4. Shchukin A. I. Application of the norm on the personal statute of a legal entity during the consideration of civil cases // Bulletin of Tomsk State University. Pravo. – 2021. – No. 39. – pp. 225-241.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_305

УДК 347.9:343.1:004

ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В УГОЛОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ
FEATURES OF THE SYSTEM INTEGRATION OF ELECTRONIC JUSTICE IN CRIMINAL AND CIVIL PROCEEDINGS IN RUSSIA

НАДТАЧАЕВ Павел Валерьевич,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Уфимский юридический институт МВД России», полковник полиции.
450103 Россия, Уфа, ул. Муксинова 2.
E-mail: napaval77@mail.ru

NADTACHAEV Pavel Valerievich,
the candidate of jurisprudence, Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Federal State Educational Institution of Higher Education, the colonel of police.
2 Muksinova str., Ufa, 450103 Russia.
E-mail: napaval77@mail.ru

МЕЛЬНИК Сергей Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.В. Лукьянова», полковник полиции.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, д. 2.
E-mail: napaval77@mail.ru

MELNIK Sergey Vasylevich,
the professor of civil disciplines of Federal public educational of higher education Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, the candidate of jurisprudence, the associate professor, the colonel of police.
Ignatova str., 2, Orel, Russia, 302027.
E-mail: napaval77@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье анализируется концептуальная и терминологическая эволюция электронного правосудия (e-justice) в российском правовом поле. Авторы выделяют ключевое противоречие: несмотря на широкое использование терминов «электронное правосудие» и «цифровая юстиция», они не являются синонимами – первое охватывает технологические механизмы выполнения процессуальных функций, второе – формат обработки и хранения юридических данных. На основе анализа научных позиций различных авторов выделяются два уровня электронного правосудия: широкий (инфраструктурный) и узкий (процессуально-правовой). Эмпирические данные Судебного департамента при ВС РФ подтверждают масштабную цифровую, однако остаются критические барьеры: неоднозначность терминов, отсутствие единых стандартов цифровых документов, слабая интеграция Госуслуг и ГАС «Правосудие», а также риски нарушения процессуальных гарантий. Авторы призывают к разработке унифицированной терминологической модели, и к синхронизации технологического развития с процессуальным правом.*

Abstract: *The article analyzes the conceptual and terminological evolution of e-justice in the Russian legal field. The authors identify a key contradiction: despite the widespread use of the terms «electronic justice» and «digital justice», they are not synonymous – the first covers the technological mechanisms of performing procedural functions, the second – the format of processing and storing legal data. Based on the analysis of the scientific positions of various authors, two levels of e-justice are distinguished: broad (infrastructural) and narrow (procedural). Empirical data from the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation confirm large-scale digitalization, but critical barriers remain: ambiguity of terms, lack of uniform standards for digital documents, weak integration of Public Services and GAS «Justice», as well as risks of violation of procedural guarantees. The authors call for the development of a unified terminological model, and for the synchronization of technological development with procedural law.*

Ключевые слова: *электронное правосудие, цифровая юстиция, судебная система, «Правосудие онлайн».*
Keywords: *electronic justice, digital justice, judicial system, «Justice online».*

Для цитирования: *Надтачаев П.В., Мельник С.В. Проблемы системной интеграции электронного правосудия в уголовном и гражданском судопроизводстве России // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 305-307. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_305.*
For citation: *Nadtachaev P.V., Melnik S.V. Problems of system integration of electronic justice in criminal and civil proceedings in Russia // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 305-307. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_305.*

Статья поступила в редакцию: 27.04.2026

Концепция электронного правосудия (e-justice) традиционно определяется как осуществление судебных функций посредством применения современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), способствующих повышению прозрачности, процессуальной открытости и доступности юридических процессов. Несмотря на то, что в рамках этого определения достигнут определенный академический и практический консенсус, на терминологическом уровне сохраняются неясности. Примечательно, что взаимозаменяемое использование терминов «электронное правосудие» и «цифровая юстиция» вносит концептуальные неточности. Различие заключается прежде всего в характере технологической среды: «электронное правосудие» относится к технологическим механизмам, обеспечивающим выполнение судебных функций, тогда как «цифровое правосудие» относится к цифровому формату, в котором создаются, обрабатываются и хранятся юридические данные.

В научной дискуссии часто используется двойственное представление об электронном правосудии, охватывающее как широкое, так и узкое представление этого определения. В широком понимании электронное правосудие включает в себя обширную инфраструктуру автоматизированных информационных систем и функциональных сервисов. К ним относятся электронные ресурсы для публикации судебных решений

(таких как ГАС «Правосудие», КАД Арбитр, сайты отдельных судов), системы представления доступа к цифровой информации по делу («электронное дело») и интерфейсы, предоставляющие участникам судебного процесса – судьям, сторонам, представителям и просто любым заинтересованным лицам (юристам-практикам, студентам юридических факультетов) – удаленный доступ к материалам дела. Внедрение этих цифровых инструментов существенно изменяет динамику взаимодействия между судебными органами, всеми участниками процесса, иными организациями и лицами, тем самым повышая оперативную эффективность и процессуальную прозрачность. Вместе с тем не следует забывать, что эти цифровые инструменты играют только лишь вспомогательную роль; они дополняют, но не подменяют собой фундаментальную структуру самого судебного процесса.

С другой стороны, сообразно узкому толкованию, электронное правосудие охватывает только те процессуальные аспекты, которые прямо предусмотрены нормативными правовыми актами и которые непосредственно влияют на стадии судебного разбирательства. Это включает в себя такие процедурные механизмы, как подача юридических документов в электронном виде, цифровая аутентификация материалов и участие в судебных слушаниях с помощью технологий видеоконференцсвязи. В этих ограниченных рамках электронное правосудие зависит от разрешения регулирующих органов и технологических возможностей для выполнения юридически значимых процессуальных действий в виртуализированной среде.

А. В. Медведева, Т. В. Чугурова выступают за осторожное применение термина «электронное правосудие», утверждая, что до тех пор, пока рассмотрение дел остается в ведении судебных работников, а не автономных вычислительных систем, эта терминология отражает лишь частичный, переходный этап в эволюции судебной информатизации. По их оценке, текущее состояние внедрения должно быть более точно охарактеризовано как включение дискретных электронных компонентов в традиционный судебный процесс, а не как полностью реализованная система электронного правосудия [4].

Аналогичную точку зрения высказывает А. А. Днепров, который определяет электронное правосудие как процессуальную и юрисдикционную систему, в которой рассмотрение гражданских дел осуществляется при всестороннем посредничестве электронных форматов. Это включает в себя полный спектр процессуальных действий – подачу документов, рассмотрение, представление доказательств, обсуждение и вынесение решения – выполняемых с помощью цифровых интерфейсов, которые структурируют как информационный контент, так и процессуальные взаимодействия между участниками гражданского процесса [3].

В. В. Бугаева рассматривает электронное правосудие как технологически опосредованную инфраструктуру разрешения споров, охватывающую множество операционных компонентов, включая процессуальное управление, автоматизацию судебных процессов, регламентированный оборот юридических документов, структурированный доступ к хранилищам судебных данных, распространение уведомлений о процедурах, передовые системы поиска правовой информации и внутренние механизмы регулирования в судебных учреждениях [2].

В рамках концепции, предложенной О. А. Бахаревой, электронное правосудие функционирует через взаимозависимость трех функциональных областей: «электронные процессуальные действия», «электронные документы» и «электронные системы поддержки». Первая область – электронные процессуальные действия – охватывает возбуждение судебного разбирательства путем подачи оцифрованных апелляций (включая иски, ходатайства, петиции и жалобы), передачу дополнительной документации в судебные органы, распространение процессуальных сообщений и окончательных судебных решений посредством защищенной публикации на цифровых платформах с ограниченным доступом, и проведение интерактивных процедурных взаимодействий с помощью технологий видеоконференцсвязи [1].

Официальное юридическое признание «электронного правосудия» в законодательстве Российской Федерации закреплено в подзаконном нормативном акте, изданном Судебным департаментом, находящимся в ведении Верховного Суда Российской Федерации. Этот нормативный акт характеризует электронное правосудие как процессуальную форму и оперативную основу, которая облегчает выполнение предписанных законом юридических действий посредством интеграции информационных технологий во все судебные функции. Это включает в себя цифровое взаимодействие между судебными органами, частными лицами и юридическими лицами.

Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что современная формулировка имеет ограничения в отношении определений, требующие дальнейшего уточнения. Включение в понятийный аппарат новых инструментов, таких как системы распределенного реестра, выглядит вполне обоснованным шагом. При этом важно задать четкие границы дефиниций, чтобы разграничить смежные категории. Речь идет о необходимости разделять «электронный» и «цифровой» документы, исключая двусмысленность, которая мешает их однозначному толкованию в правовом поле.

Л. Н. Ракитина настаивает на внедрении единых и логически выверенных терминов для цифрового судебного документооборота. Ожидается, что такой понятийный аппарат станет фундаментом, который позволит быстрее и технически грамотнее встроить национальное судопроизводство в цифровую среду [5].

Анализ систем электронного правосудия позволяет выделить три ключевых направления трансформации судебной деятельности. Первое направление по обеспечению открытости судебной системы реализуется через создание централизованных электронных платформ, предоставляющих публичный доступ к судебным актам, статусам дел и процессуальной информации – что соответствует принципу гласности, закреплённому в ст. 123 Конституции РФ. Второе – цифровизация судебных процедур приводит к постепенному вытеснению традиционных форм личного взаимодействия (явок, бумажных обращений) электронными сервисами, включая электронную подачу исковых заявлений, электронные уведомления и цифровую регистрацию процессуальных действий. Это сопровождается перестройкой процессуальных протоколов, включая изменение сроков, форм доказывания и порядка участия сторон. Последнее это интеграция дистанционных технологий – в частности, видеоконференцсвязи для допросов, заседаний и судебных заседаний – способствует укреплению межведомственного взаимодействия между судами,

прокуратурой и исполнительными органами, что подтверждается опытом пилотных проектов в Московском и Санкт-Петербургском городских судах в 2023 году.

На каждом этапе процесса интеграция как цифровых, так и аналоговых измерительных приборов остается технически целесообразной; однако объективная направленность проводимых реформ требует однозначного определения приоритетов цифровой инфраструктуры. Применение инструментов современной интернет-среды заметно упрощает процедуры и делает информацию более открытой. Такой подход позволяет использовать технический потенциал сетевых ресурсов для ускорения юридических процессов.

В ходе выступления на Десятом Всероссийском съезде судей директор судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации А. В. Гусев представил оценку деятельности ведомства, основанную на 6-летних данных. В своем выступлении он осветил многие вопросы и в том числе о цифровизации судопроизводства.

По словам А. В. Гусева, в период с 2020 по 2022 год объем взаимодействий пользователей с порталом ГАС «Правосудие», а также с веб-ресурсами федеральных судов увеличился в шестнадцать раз. Одновременно количество отдельных клиентских точек доступа, идентифицируемых по уникальным IP–адресам, увеличилось с 16 миллионов до 25 миллионов за тот же период времени, что отражает траекторию роста, превышающую 55%. Наполнение «Единой картотеки судебных дел», входящей в состав подсистемы «Управление судебными документами и статистика», уже превысило отметку в 140 миллионов записей. Масштаб накопленных данных наглядно подтверждает, что судебная система планомерно переходит в цифровой формат, адаптируясь к инструментам дистанционного разбирательства. [3]

Российское электронное правосудие пока проходит стадию формирования. Технологический рывок опережает развитие правовой базы и понятийного аппарата. Даже при накоплении к 2026 году сотен миллионов электронных записей судебная система не стала полностью цифровой. Внедрение новых сервисов не отменяет монополию судьи на принятие решений; техника лишь ускоряет формальные процедуры, не заменяя правовой выбор человека.

Дальнейшему развитию мешают отсутствие единых стандартов для документов, слабая совместимость информационных систем и неопределенный статус цифровых процедур. К этому добавляются риски утечки персональных данных. Чтобы двигаться вперед, недостаточно просто внедрять новые методы. Необходимо выстроить единую терминологию, четко прописать правила цифрового процесса и подчинить технологии принципам справедливого суда. Только баланс технического прогресса и правовой стабильности сделает электронные инструменты легитимной основой правосудия.

Список литературы:

1. Бахарева, О. А. Правовые основы использования электронных документов в гражданском судопроизводстве / О. А. Бахарева // Перспективы развития гражданского права и процесса в эпоху цифровизации : Сборник научных работ по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 100-летиюсо дня рождения доктора юридических наук, профессора Н.А. Баринова, Саратов, 25 февраля 2022 года / Отв. редактор А.В. Габов. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. – С. 295-299.
2. Бугаева, В. В. Электронное судопроизводство в гражданском процессе: проблемы и перспективы / В. В. Бугаева, А. А. Шакиров // Конституционные основы и международные стандарты гражданского судопроизводства: история, современное состояние и пути совершенствования : сборник статей по материалам XIII Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Саратов, 23 апреля 2022 года. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. – С. 156-159.
3. Днепров, А. А. Проблемы применения электронных доказательств в гражданском процессе / А. А. Днепров // Традиции и новации в системе современного российского права : Материалы XX Международной конференции молодых ученых, в 3 т., Москва, 09–10 апреля 2021 года. Том 2. – Москва: Издательский центр Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА, 2021. – С. 496-498.
4. Медведева, А. В. Актуальные вопросы развития электронных технологий в гражданском судопроизводстве / А. В. Медведева, Т. В. Чугурова // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. – 2020. – № 1(41). – С. 142-144.
5. Ракитина, Л. Н. Электронное судопроизводство в гражданском процессе / Л. Н. Ракитина // Администратор суда. – 2022. – № 3. – С. 5-8.
6. Латыпов, В. С. Влияние цифровых технологий на реализацию прав участников уголовного судопроизводства / В. С. Латыпов, Б. А. Галлямов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2026. – № 1(48). – С. 141-146.

References:

1. Bakhareva, O. A. The legal basis for the use of electronic documents in civil proceedings / O. A. Bakhareva // Perspectives on the development of civil law and the process in the era of digitalization: A collection of scientific papers based on the materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Doctor of Law, Professor N.A. Barinov, Saratov, February 25, 2022 / Editor-in-chief A.V. Gabov. Saratov: Saratov State Law Academy, 2022, pp. 295-299.
2. Bugaeva, V. V. Electronic legal proceedings in civil proceedings: problems and prospects / V. V. Bugaeva, A. A. Shakirov // Constitutional foundations and international standards of civil proceedings: history, current state and ways of improvement : a collection of articles based on the materials of the XIII International Scientific and Practical Conference of Students, undergraduates and postgraduates, Saratov, April 23, 2022. Saratov: Saratov State Law Academy, 2022, pp. 156-159.
3. Dneprov, A. A. Problems of the use of electronic evidence in civil proceedings / A. A. Dneprov // Traditions and innovations in the system of modern Russian law : Proceedings of the XX International Conference of Young Scientists, in 3 volumes, Moscow, April 09-10, 2021. Volume 2. Moscow: O.E. Kutafin University Publishing Center (MGUA, 2021. – pp. 496-498.
4. Medvedeva, A.V. Actual issues of the development of electronic technologies in civil proceedings / A.V. Medvedeva, T. V. Chuguro-va // Bulletin of Young Scientists of Samara State University of Economics. – 2020. – № 1(41). – Pp. 142-144.
5. Rakitina, L. N. Electronic legal proceedings in civil proceedings / L. N. Rakitina // Court administrator. - 2022. – No. 3. – pp. 5-8.
6. Latypov, V. S. The influence of digital technologies on the realization of the rights of participants in criminal proceedings / V. S. Latypov, B. A. Gallyamov // Law and order: history, theory, practice. – 2026. – № 1(48). – Pp. 141-146.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_308

УДК 349

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ENTREPRENEURSHIP IN THE RUSSIAN PENAL SYSTEM: DEVELOPMENT PROSPECTS

РЯБОВА Ольга Алексеевна,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета,
Владимирский юридический институт ФСИН России.
600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: frau.lelya2012@yandex.ru;

АНАНЬЕВ Олег Геннадьевич,
старший преподаватель кафедры социальной психологии, социальной работы и пробации,
Академия ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.
E-mail: ananev.oleg2013@yandex.ru

RYABOVA Olga A.,
senior lecturer of the Department of civil law disciplines' of the Faculty of Law,
Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: frau.lelya2012@yandex.ru

ANANYEV Oleg G.,
senior lecturer at the department of social psychology, social work and probation,
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Ryazan, Sennaya str., 1.
E-mail: ananev.oleg2013@yandex.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена комплексному анализу института предпринимательства в пенитенциарной системе России. На основе системного анализа и статистических данных выявляются ключевые правовые и организационные особенности данного института. Обращается внимание на предоставление возможности осуществления предпринимательской деятельности осужденным, в том числе, в отношении которых избрано наказание в виде лишения свободы. Указывается на имеющиеся проблемы, к которым относится устаревшая законодательная база, отсутствие обучающих программ и другие. Анализируется предпринимательская деятельность, осуществляемая исправительными учреждениями ФСИН России, а также основные аспекты их взаимодействия с частным бизнесом. Выявляются проблемы и перспективы развития производственного сектора пенитенциарных учреждений. Уделяется внимание направлениям развития рассматриваемого института, включая внедрение принудительных работ. Формулируются выводы о значении предпринимательской деятельности для ресоциализации и социальной адаптации осужденных и обеспечения их трудовой занятости.*

Abstract: *This article provides a comprehensive analysis of entrepreneurship in the Russian penitentiary system. Using a systems analysis and statistical data, it identifies key legal and organizational features of this institution. Emphasis is placed on the provision of entrepreneurial opportunities to convicted individuals, including those serving prison sentences. Existing problems are highlighted, including an outdated legislative framework, a lack of training programs, and others. It analyzes the entrepreneurial activities carried out by correctional facilities of the Federal Penitentiary Service of Russia, as well as key aspects of their interaction with private businesses. It identifies challenges and prospects for the development of the production sector in penitentiary institutions. It also focuses on areas for the development of this institution, including the introduction of forced labor. Conclusions are drawn regarding the importance of entrepreneurship for the resocialization and social adaptation of convicted individuals and their employment.*

Ключевые слова: *предпринимательская деятельность, осужденные, уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, ресоциализация, труд, принудительные работы, государственно-частное партнерство.*

Key words: *entrepreneurship, convicts, penal system, correctional institutions, resocialization, labor, forced labor, public-private partnership.*

Для цитирования: *Рябова О.А., Ананьев О.Г. Предпринимательская деятельность в уголовно-исполнительной системе России: перспективы развития // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 308-311. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_308.*

For citation: *Ryabova O.A., Ananyev O.G. Entrepreneurial activity in the Russian penal system: development prospects // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 308-311. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_308.*

Статья поступила в редакцию: 26.03.2026

Предпринимательская деятельность в пенитенциарной системе России имеет непродолжительную историю. Исследование данного направления актуально и обусловлено несколькими факторами. Во-первых, в последние годы мы можем наблюдать устойчивую тенденцию к гуманизации уголовно-исполнительной системы в России.[5] Во-вторых, труд осужденных рассматривается не только как средство их исправления, но и как важный ресурс для отечественной экономики, учитывая наличие стабильного дефицита на региональных рынках рабочей силы. И, в-третьих, наличие трудовых и предпринимательских навыков, как отмечает С.А. Грязнов, является одним из важнейших факторов успешной ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, что снижает рецидивную преступность.[6] Интересным и важным является анализ развития предпринимательской деятельности в российской пенитенциарной системе, в том числе, и применительно к лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы в контексте рассмотрения их как субъектов предпринимательской деятельности.

Развитие правового регулирования предпринимательской деятельности началось с первых специализированных нормативных актов, появившихся в начале 1990-х годов. Ключевую роль сыграл Закон РФ от 21 июля 1993 года № 5473-I «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее Закон об учреждениях УИС), который создал базовые условия для такого развития. Также были разработаны две основные инструкции, которые содержат регламентацию трудовой деятельности осужденных, в том числе, предпринима-

тельской. Так, «Инструкция по организации индивидуальной трудовой деятельности осужденных, содержащихся в местах лишения свободы МВД России», утвержденная Приказом МВД РФ № 453 от 14 декабря 1992 года закрепила порядок заключения договоров, регистрации и оплаты, содержала перечень запрещенных видов работ. «Инструкция о порядке организации предпринимательской деятельности осужденных в форме товарищества с ограниченной ответственностью в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», утвержденная Приказом МВД РФ № 517 от 30 ноября 1993 года детально регламентировала процесс создания товариществ (ТОС) силами осужденных и процесс деятельности с соблюдением законодательства. Таким образом, созданная нормативная база сохраняет свое действие и сейчас, однако многие ее положения устарели и не соответствуют современным экономическим и правовым реалиям.

Безусловно, важным этапом в развитии предпринимательской деятельности стало введение уголовного наказания в виде принудительных работ. [3] Нормами Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее УИК РФ) закреплено, что осужденный к принудительным работам обязан трудиться и ключевым нововведением является то, что осужденные привлекаются к труду в организациях любой организационно-правовой формы, в том числе и у индивидуальных предпринимателей. Необходимо отметить, что законодатель предусмотрел меры экономического стимулирования бизнеса, использующего труд осужденных к принудительным работам, выражающиеся в льготах по уплате налогов.[2] Данная норма создала принципиально новую модель взаимодействия, при которой бизнес получает доступ к рабочей силе, а государство получает возможность трудоустройства осужденных и пополнение бюджета.

Отметим, что анализ статистических данных за последние несколько лет свидетельствует о значительном прогрессе в сфере трудовой занятости осужденных. Так, по данным Торгово-промышленной палаты России, средняя заработная плата с 2019 года выросла на 125 процентов.[10] Это, безусловно, свидетельствует и о повышении квалификации и производительности труда осужденных. Например, в исправительных учреждениях Краснодарского края в 2025 году к оплачиваемому труду было привлечено 3241 осужденный и трудоустройство лиц, обремененных исковыми требованиями достигло 100 процентов.[11] Указанные данные свидетельствуют о хорошем взаимодействии частного бизнеса и пенитенциарной системы и о реализации социальной ответственности осужденных, которые имеют возможность исполнять соответствующие судебные решения посредством отчисления определенных сумм из заработанных средств.

Привлечение частного предпринимательства заслуживает особого внимания с точки зрения сотрудничества с УИС. Например, основой для восьми из десяти исправительных центров для лиц, приговоренных к принудительным работам, функционирующих в Краснодарском крае стали активы бизнес-сообщества.[11]; также в Амурской области предприниматели организовали и трудоустроили 105 осужденных.[13] Названные примеры наглядно демонстрируют успешное государственно-частное партнерство в сфере исполнения наказаний.

Подчеркнем, что каждый из участников, в том числе осужденные, реализует в данном процессе как общие, так и личные цели.

Основной целью для государства является ресоциализация и социальная адаптация лиц, совершивших преступление, и профилактика рецидивной преступности. Проблема возвращения осужденных, особенно отбывающих наказание в виде лишения свободы, к законопослушному поведению после отбывания наказания, является по-прежнему острой, несмотря на предпринимаемые государством усилия. Общая неустроенность, разрыв семейных связей, оторванность от жизненных реалий и стигматизация часто становятся причиной отсутствия возможности переосмыслить происходящее и, нередко, возвращают лиц, отбывших наказание, в мир, который стал для них привычным в период отбывания наказания. Рецидивная преступность в массе своей имеет под собой основу в виде безнадежности и отсутствия опоры. Не умаляя вины лиц в совершенных преступлениях, необходимо находить способы помощи в их адаптации к новой жизни после отбытия наказания. Предпринимательская деятельность – один из таких способов.

Предпринимательская деятельность рассматривается авторами в контексте комплексного института, который раскрывает широкие возможности в помощи осужденным, а, следовательно, помогает государству реализовывать поставленные задачи по профилактике рецидивной преступности и возвращения осужденных к законопослушному поведению.

Позитивное влияние трудовой и предпринимательской деятельности на ресоциализацию осужденных имеет под собой прочную теоретическую базу. Исследования показывают, что такие факторы, как вовлеченность в работу и образовательные программы, обладают потенциалом содействия отказу от преступлений. Следует отметить и то, что работа формирует у осужденного правильные просоциальные ценности. Обретение уважения, приходящее в процессе эффективного выполнения трудовой функции является критически важным для успешной социальной адаптации и возвращения в общество. Подтверждено, что программы трудовой занятости и профессионального обучения способствуют ресоциализации.

Институциональную основу для системной работы по ресоциализации и социальной адаптации в России создал Федеральный закон от 6 февраля 2024 года № 10-ФЗ (далее Закон о пробации), которым определена основная цель пробации – помощь осужденным и предупреждение ими совершения новых преступлений. Одной из отличительных особенностей пробационного законодательства является вовлеченность в процедуру коммерческих и некоммерческих организаций, индивидуальных предпринимателей, а также возможность включения в индивидуальную программу пробации мер, направленных на развитие предпринимательских навыков. Например, в Омске был реализован проект по трудовой реинтеграции осужденных через самозанятость. Центром поддержки предпринимательства города Омска и УФСИН России по Омской области реализовывались мероприятия по вовлечению осужденных в предпринимательскую деятельность путем обучения, получения государственной помощи, консультаций.[15] 12 осужденных по результатам мероприятий создали собственное дело при дальнейшей поддержке. Несмотря на столь скромную цифру, в рамках указанного муниципального образования – это хороший результат. Ответственность за риски в предпринимательстве требуют от лица, осуществляющего такую деятельность, особой внимательности, сосредоточенности и упорства. Собственный бизнес

формирует у осужденного экономическую самостоятельность, создает конструктивную занятость, позволяет возместить причиненный преступлением ущерб, снижает стигматизацию. Это существенно снижает возможность возвращения осужденного к преступной деятельности, и, конечно, создает необходимую стабильность для полноценной социальной адаптации и ресоциализации. Стоит заметить, что среди осужденных большое количество талантливых людей с идеями и перспективными предложениями. И.А. Морозовой, С.К. Волковым, С.А. Грязновым отмечено, что зачастую, заключенные пенитенциарных учреждений являются носителями инновационных идей.[8] Исследование указанных авторов, связанное с формированием предпринимательской среды в пенитенциарных учреждениях с изучением типов осужденных имеет хорошую основу для реализации и подтверждает нужность и необходимость развития предпринимательства среди осужденных. Данный аспект интересен и государству, поскольку последнее получает гораздо больше от успеха осужденного, нежели он сам.

Дальнейшее развитие предпринимательской активности в рамках пробации требует совершенствования, чтобы обеспечить более стабильный и масштабный результат. Следует обратить внимание на расширение программ, которые обучают основам предпринимательской деятельности, включая наставничество. Обучение должно быть доступным, в том числе, в исправительных учреждениях. Возможно создание специализированных кредитных программ для осужденных. Данный шаг связан с тем, что осужденным сложнее осуществить кредитование бизнеса, учитывая их особенное социальное положение (осуждение, судимость).

Прекрасно известно, что с назначением наказания в виде лишения свободы предпринимательская деятельность лица фактически заканчивается вследствие невозможности ее физического осуществления. Безусловно, возможно управление бизнесом через доверенных лиц, однако такой путь не может позволить себе выбрать каждый предприниматель, оказавшийся в местах лишения свободы, в силу различных причин. Как следствие, потеря любимого дела приводит к сложностям адаптации и последующего исправления осужденного. Равнозначная ситуация и с регистрацией лица, отбывающего наказание, связанное с лишением свободы, в качестве индивидуального предпринимателя - эта задача практически невыполнимая. Законодательство не содержит прямого запрета для указанной категории лиц относительно осуществления предпринимательской деятельностью, однако бюрократические барьеры, особенности содержания и иные факторы лишают данных лиц возможности начать такую деятельность законно. Учитывая рассмотренные выше инициативы, следует адаптировать законодательство относительно упрощения регламента регистрации и иных процедур в сфере предпринимательской деятельности для осужденных. Важно понимать, что совершив преступление и получив соответствующее наказание за содеянное, человек не перестает жить, а попадает в иные условия жизни. Принципиально важно для его перевоспитания, в рамках назначенного наказания, помочь по возможности, а не лишить его любимого дела. Это же касается и тех, кто, отбывая наказание, нашел свою нишу, которая может позволить ему заработать и принести пользу обществу.

Следует отметить, что развитие предпринимательства среди осужденных не просто относится к системе исправительных мер, а имеет стратегическую основу в виде повышения эффективности пробационных процедур и, в конечном итоге, возвращению в общество перспективного и законопослушного гражданина.

Немаловажным аспектом осуществления трудовой функции осужденными, которые не имеют предпринимательской «жилки», является их обеспеченность работой пенитенциарным учреждением. Это важно и для исполнения наказаний в виде принудительных работ.

Предпринимательская деятельность исправительных учреждений относится к специфическому сегменту российской экономики, который выполняет экономическую, и, что важно, социально-исправительную функцию. В этом смысле производственная активность пенитенциарных учреждений представляет особое значение.

Ключевым структурным элементом предпринимательской деятельности исправительных учреждений является центры трудовой адаптации осужденных (далее ЦТАО) и учебно-производственные мастерские. Правовой основой выступает Приказ Минюста России от 23 мая 2025 года № 122 "Об утверждении Примерного положения о центре трудовой адаптации осужденных или учебно-производственной (трудовой) мастерской учреждения, исполняющего уголовные наказания в виде лишения свободы, и Примерного положения о лечебно-производственной (трудовой) мастерской учреждения, исполняющего уголовные наказания в виде лишения свободы". Указанный нормативный акт регулирует деятельность названных структурных единиц, которые призваны обеспечивать трудовую занятость осужденных и закрепление у них трудовых навыков.

Исправительные учреждения России располагают значительными производственными мощностями вплоть до цехов со сложным оборудованием для металло- и деревообработки. Достаточно широк ассортимент производимой продукции: спецодежда, форменное обмундирование, мебель и многое другое. Вместе с тем рабочих мест по-прежнему не хватает. Так, например, в Республике Марий Эл из 2400 человек трудоспособного возраста, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, трудоустроен только каждый третий.[12] Проблема реализации трудовой функции наличествует и требуется создание рабочих мест для осужденных. Трудоустройство дает возможность осужденным получать заработную плату, погашать судебные иски, выплачивать алименты и нести другие финансовые расходы.

Для разрешения вопросов создания рабочих мест для осужденных ФСИН использует различные возможности. Интересным является опыт Калининградской области. Так, региональное управление ФСИН предложило разрешить общие проблемы на взаимовыгодных условиях и в целях поддержки местного бизнеса. Производственные помещения исполнительных учреждений передаются в аренду (безвозмездно) предпринимателям, а те, в свою очередь, трудоустраивают на свои предприятия осужденных.[14] Привлечение негосударственных предприятий к трудоустройству осужденных, а, следовательно, к процессу социальной реабилитации, по мнению О.Г. Ананьева, несет в себе определенные преимущества, связанные с их инновационностью и большей гибкостью по сравнению с государственными, что идет на пользу осужденным.[7] Предложенная схема представляется весьма прозрачной и помогает разрешить столь сложную проблему нехватки рабочих мест для осужденных и

реализовать их конституционное право на труд. Следует отметить, что разрешение возникшей проблемы с трудоустройством осужденных посредством рассматриваемых возможностей, несет в себе развитие предпринимательства в целом, поскольку открывающиеся возможности наполнят рынок труда рабочей силой и частично разрешат трудности хозяйствующих субъектов. Дальнейшее развитие видится в расширении сети исправительных центров и привлечении индивидуальных предпринимателей к трудоустройству осужденных.

Подводя итоги настоящего исследования, необходимо подчеркнуть, что следует более внимательно отнестись к развитию данного института в уголовно-исполнительной системе России. Дальнейшее развитие рассматриваемой предпринимательской деятельности видится в обязательном совершенствовании законодательства, цифровизации процессов, внедрении системного предпринимательского образования в исправительных учреждениях и расширении постпенитенциарной поддержки. Реализация данных мер позволит повысить эффективность процесса исправления осужденных, а также внесет вклад в российскую экономику, в том числе, за счет вовлечения в производительный труд и предпринимательскую деятельность социально исключенной группы населения.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всеобщим голосованием 12.12 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе голосования 01.07.2020 // Гарант: справочная правовая система – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/10103000/ (дата обращения 02.03.2026 г.)
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. N 1-ФЗ // Гарант: справочная правовая система – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/1306500/ (дата обращения 02.03.2026 г.)
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Гарант: справочная правовая система – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/10108000/ (дата обращения 19.03.2026 г.)
4. Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. N 10-ФЗ "О пробации в Российской Федерации" // Гарант: справочная правовая система – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/406310197/ (дата обращения 19.03.2026 г.)
5. Приказ Минюста России от 23 мая 2025 г. № 122 "Об утверждении Примерного положения о центре трудовой адаптации осужденных или учебно-производственной (трудовой) мастерской учреждения, исполняющего уголовные наказания в виде лишения свободы, и Примерного положения о лечебно-производственной (трудовой) мастерской учреждения, исполняющего уголовные наказания в виде лишения свободы" // Гарант: справочная правовая система – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/412089678/ (дата обращения 01.03.2026 г.)
6. Грязнов С. А. Социально-экономические особенности и организационные формы подготовки предпринимательских кадров из числа заключенных: российский опыт // Педагогическое образование в России. – 2015. – №5. – С. 18-27.
7. Ананьев О.Г. Участие предприятий негосударственных форм собственности в реализации социальной реабилитации лиц, освободившихся от уголовных наказаний // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 6 (234). – С. 211–213
8. Морозова И.А., Волков С.К., Грязнов С.А. Формирование предпринимательской среды в пенитенциарных учреждениях в современной России: компетенционный подход // Известия ВУЗов. –2015. - № 3 (21). – С. 77-84.
9. Гончарова С.А. Заключение под стражу лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность: обновленное законодательство и актуальные нарративы судебной практики // Lex Russica. - № 9 (214). – С. 32-44
10. Средняя зарплата осужденных выросла на 125 % с 2019 года // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://news.ru/russia/zarabotok-osuzhdennyh-dostig-33-tys-rublej-v-mesyac (дата обращения 11.03.2026 г.)
11. Заключенные на Кубани произвели продукцию на 1 млрд р. В 2025 году // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/69b01b369a794718fc6b37cb?from=newsfeed (дата обращения 11.03.2026 г.)
12. Режимные учреждения открыты для предпринимателей // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://12.fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=386873&print=Y (дата обращения 12.03.2026 г.)
13. Предприниматели Приамурья привлекли к работе 105 осужденных // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.teleport2001.ru/news/2025-10-08/204394-predprinimateli-priamurya-privlekli-k-rabote-105-osuzhdennykh.html (дата обращения 11.03.2026 г.)
14. «От сумы и от тюрьмы не зарекайтесь»…..[Электронный ресурс]. Режим доступа: https://klops.ru/kaliningrad/2025-09-10/366348-ot-sumy-i-ot-tyurmy-ne-zarekaytes-v-kaliningradskoy-tpp-predlozhili-biznesu-aktivnee-zagruzhat-rabotoy-osuzhdyonnyh?from=lenta (дата обращения 12.03.2026 г.)
15. Центр поддержки предпринимательства содействует трудовой адаптации осужденных [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://omsk.bezformata.com/listnews/ufsin-rossii-po-omskoy/139618268/ (дата обращения 10.03.2026 г.)

References:

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by universal suffrage on 12.12.1993, with amendments approved during the vote on 01.07.2020 // Garant: reference legal system – [Electronic resource]. Access mode: https://base.garant.ru/10103000/ (date of access 02.03.2026)
2. Criminal Executive Code of the Russian Federation of January 8, 1997 N 1-FZ // Garant: reference legal system – [Electronic resource]. Access mode: https://base.garant.ru/1306500/ (date of access 02.03.2026)
3. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 N 63-FZ // Garant: reference legal system – [Electronic resource]. Access mode: https://base.garant.ru/10108000/ (date of access on March 19, 2026)
4. Federal Law of February 6, 2023 No. 10-FZ "On Probation in the Russian Federation" // Garant: reference legal system - [Electronic resource]. Access mode: https://base.garant.ru/406310197/ (date of access on March 19, 2026)
5. Order of the Ministry of Justice of Russia dated May 23, 2025 No. 122 "On Approval of the Model Regulations on the Labor Adaptation Center for Convicts or the Educational and Industrial (Labor) Workshop of an Institution executing Criminal Punishments in the Form of Imprisonment, and the Model Regulations on the Medical and Industrial (Labor) Workshop of an Institution executing Criminal Punishments in the Form of Imprisonment" // Garant: reference legal system - [Electronic resource]. Access mode: https://base.garant.ru/412089678/ (date of access 01.03.2026)
6. Gryaznov S. A. Socio-economic features and organizational forms of training entrepreneurial personnel from among prisoners: Russian experience // Pedagogical education in Russia. - 2015. - No. 5. - Pp. 18-27.
7. Ananyev O. G. Participation of non-state enterprises in the implementation of social rehabilitation of persons released from criminal sentences // Agrarian and land law. - 2024. - No. 6 (234). - Pp. 211-213
8. Morozova I. A., Volkov S. K., Gryaznov S. A. Formation of an entrepreneurial environment in penitentiary institutions in modern Russia: a competence-based approach // News of high schools. - 2015. - No. 3 (21). – P. 77-84.
9. Goncharova S.A. Detention of Persons Engaged in Entrepreneurial and Other Economic Activities: Updated Legislation and Current Narratives of Judicial Practice // Lex Russica. - No. 9 (214). – P. 32-44.
10. The Average Salary of Convicts Has Increased by 125% since 2019 // [Electronic Resource]. Access Mode: https://news.ru/russia/zarabotok-osuzhdennyh-dostig-33-tys-rublej-v-mesyac (date of access March 11, 2026)
11. Prisoners in Kuban Produced Goods Worth 1 Billion Rubles in 2025 // [Electronic Resource]. Access mode: https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/69b01b369a794718fc6b37cb?from=newsfeed (date accessed March 11, 2026)
12. Penal institutions are open to entrepreneurs // [Electronic resource]. Access mode: https://12.fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=386873&print=Y (date accessed March 12, 2026)
13. Entrepreneurs of the Amur Region have recruited 105 convicts // [Electronic resource]. Access mode: https://www.teleport2001.ru/news/2025-10-08/204394-predprinimateli-priamurya-privlekli-k-rabote-105-osuzhdennykh.html (date accessed 11.03.2026)
14. "Never say never"… [Electronic resource]. Access mode: https://klops.ru/kaliningrad/2025-09-10/366348-ot-sumy-i-ot-tyurmy-ne-zarekaytes-v-kaliningradskoy-tpp-predlozhili-biznesu-aktivnee-zaguzhat-rabotoy-osuzhdyonnyh?from=lenta (date accessed 12.03.2026)
15. The Entrepreneurship Support Center facilitates the labor adaptation of convicts [Electronic resource]. Access mode: https://omsk.bezformata.com/listnews/ufsin-rossii-po-omskoy/139618268/ (date of access 10.03.2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_312

УДК 349.4:338.43

РОЛЬ КРЕСТЬЯНСКОГО (ФЕРМЕРСКОГО) ХОЗЯЙСТВА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
THE ROLE OF PEASANT (FARM) HOUSEHOLDS IN THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Научный руководитель:
КАДИМОВА Маихалум Шамсудиновна
доцент кафедры гражданского процесса юридического института
Юридический институт ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
367000, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, д. 43а.
E-mail: manna.kadimova@mail.ru
СУЛТАНОВ Мустафа Османович,
магистрант кафедры гражданского процесса
Юридический институт ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
367000, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, д. 43а.
E-mail: mustafa-sultanov@bk.ru
KADIMOVA Maikhalum Shamsudinovna
Associate Professor, Department of Civil Procedure, Law Institute, Dagestan State University.
367000, Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala, M. N. Gadzhieva str., 43a.
E-mail: manna.kadimova@mail.ru
SULTANOV M. O.
Master's Student, Law Institute, Dagestan State University.
367000, Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala, M. N. Gadzhieva str., 43a.
E-mail: mustafa-sultanov@bk.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматривается роль крестьянских (фермерских) хозяйства (КФХ) как одного из ключевых факторов социально-экономического развития Республики Дагестан. Автор анализирует вклад фермерского сектора в обеспечение продовольственной безопасности, создание рабочих мест и сохранение жизнеспособности сельских территорий региона. В работе подчеркивается, что эффективная деятельность КФХ невозможна без надлежащей правовой защиты их интересов. На примере актуального дела из практики Арбитражного суда Республики Дагестан показана значимость судебного механизма в преодолении административных барьеров и обеспечении стабильности аграрного предпринимательства.*

Abstract: *The article examines the role of peasant (farm) households (PFHs) as one of the key factors in the socio-economic development of the Republic of Dagestan. The author analyzes the contribution of the farming sector to ensuring food security, creating jobs, and maintaining the viability of the region's rural areas. The paper emphasizes that the effective activity of PFHs is impossible without proper legal protection of their interests. Based on a current case from the practice of the Arbitration Court of the Republic of Dagestan, the importance of the judicial mechanism in overcoming administrative barriers and ensuring the stability of agricultural entrepreneurship is demonstrated.*

Ключевые слова: *Крестьянское (фермерское) хозяйство, Республика Дагестан, социально-экономическое развитие, продовольственная безопасность, сельские территории, судебная защита, арбитражная практика, земельные правоотношения, государственная поддержка.*

Keywords: *Peasant (farm) household, Republic of Dagestan, socio-economic development, food security, rural territories, judicial protection, arbitration practice, land legal relations, state support.*

Для цитирования: *Кадимова М.Ш., Султанов М.О. Роль крестьянского (фермерского) хозяйства в социально-экономическом развитии Республики Дагестан // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 312-314. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_312.*

For citation: *Kadimova M.Sh., Sultanov M.O. The role of peasant (farmer) farming in the socio-economic development of the Republic of Dagestan // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 312-314. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_312.*

Статья поступила в редакцию: 15.04.2026

Республика Дагестан традиционно является одним из наиболее значимых аграрных регионов Российской Федерации, где сельское хозяйство выступает не только ключевой отраслью экономики, но и фундаментом социального благополучия более чем половины населения субъекта. В условиях современных геополитических вызовов, требующих реализации стратегии форсированного импортозамещения и обеспечения продовольственного суверенитета, особую актуальность приобретает исследование роли малых форм хозяйствования, и в первую очередь — крестьянских (фермерских) хозяйств (далее — КФХ) [1].

Специфика Дагестана как горного региона накладывает существенный отпечаток на структуру землепользования. В отличие от равнинных регионов России, где доминируют крупные агрохолдинги, в Дагестане природно-климатические условия (вертикальная зональность, мелкоконтурность участков, дефицит пахотных земель в горной зоне) способствуют развитию именно фермерского сектора. КФХ в республике демонстрируют высокую адаптивность и мобильность, эффективно используя те земельные ресурсы, которые в силу рельефа недоступны для масштабной механизированной обработки крупными предприятиями.

Экономический вклад КФХ в развитие республики выражается в стабильно высокой доле валовой продукции сельского хозяйства. На сегодняшний день фермерские хозяйства Дагестана обеспечивают значительный прирост показателей в таких стратегических отраслях, как животноводство (производство мяса и молока), овощеводство открытого грунта и садоводство. Переход многих личных подсобных хозяйств (ЛПХ) в правовой статус КФХ способствует системной легализации аграрного бизнеса, что напрямую влияет на формирование налоговой базы

муниципальных районов и повышение инвестиционной привлекательности сельских территорий [2].

Социальная роль КФХ в Республике Дагестан выходит далеко за рамки чисто экономических показателей. В регионе с высоким уровнем аграрной перенаселенности на равнине и, напротив, риском депопуляции высокогорных территорий, фермерское хозяйство выступает основным институтом самозанятости населения. Развитие КФХ способствует созданию рабочих мест непосредственно в сельской местности, что позволяет снижать темпы неконтролируемой урбанизации и сохранять традиционный уклад жизни народов Дагестана. Более того, в горных районах именно КФХ зачастую являются единственными субъектами, поддерживающими жизнеспособность малых сел и обеспечивающими рациональное использование пастбищных угодий [3].

Однако реализация этого социально-экономического потенциала напрямую зависит от стабильности правового статуса субъектов КФХ и защищенности их прав на землю. Практика показывает, что аграрии республики регулярно сталкиваются с административными барьерами при оформлении или продлении арендных отношений на земельные участки. В таких условиях судебная защита становится единственным действенным механизмом, гарантирующим фермеру возможность долгосрочного планирования своей деятельности.

В качестве показательного примера эффективной судебной защиты прав фермеров следует рассмотреть дело № А15-2557/2023 [4], рассмотренное Арбитражным судом Республики Дагестан. Суть спора заключалась в оспаривании бездействия Министерства по земельным и имущественным отношениям РД. Глава КФХ обратился в суд с требованием признать незаконным отказ ведомства в публикации извещения о предоставлении земельного участка в аренду. Арбитражный суд РД, а впоследствии и Арбитражный суд Северо-Кавказского округа (Постановление от 4 декабря 2025 г. № Ф08-5664/2025), встали на сторону субъекта малого предпринимательства.

Суды указали, что уполномоченный орган не вправе необоснованно затягивать процедуры, предусмотренные земельным законодательством, так как это создает препятствия для ведения сельскохозяйственной деятельности. Данный прецедент имеет колоссальное значение для социально-экономического развития региона: он подтверждает, что даже в спорах с органами государственной власти фермеры могут рассчитывать на объективное правосудие. Это, в свою очередь, укрепляет уверенность сельских предпринимателей в защищенности их инвестиций и стимулирует дальнейшее развитие агропромышленного комплекса республики.

Экономическая устойчивость аграрного сектора Дагестана во многом определяется поступательным развитием малых форм хозяйствования. Если обратиться к конкретным показателям, то роль фермерства становится очевидной. За последние несколько лет в Республике Дагестан наблюдается стабильный рост вклада КФХ в общерегиональную «корзину» сельхозпродукции. Так, на долю фермерских хозяйств сегодня приходится более 30% всего объема производства овощей открытого грунта в республике. В животноводстве, которое является приоритетным для региона, КФХ демонстрируют еще более впечатляющие результаты: поголовье мелкого рогатого скота в фермерских хозяйствах ежегодно увеличивается в среднем на 4–6% [5], что позволяет Дагестану сохранять лидерство в России по производству баранины.

Кроме того, средняя урожайность в КФХ, внедривших современные технологии капельного орошения (преимущественно в южных и центральных районах республики), превышает средние показатели по региону на 15–20% [6]. Эти цифры наглядно подтверждают, что КФХ из формы «выживания» сельского населения превратились в высокоэффективные предпринимательские структуры, способные конкурировать на внутреннем рынке.

Важнейшим стимулом такого роста выступает государственная поддержка. В Республике Дагестан активно реализуются механизмы грантовой помощи, такие как программы «Агростартап» и поддержка семейных ферм [7]. Ежегодно сотни начинающих фермеров республики получают гранты, общая сумма которых исчисляется миллиардами рублей. Эти средства направляются на закупку высокопродуктивного скота, современной техники и строительство мелиоративных систем.

Однако государственное финансирование накладывает на фермеров и серьезную правовую ответственность. Как показывает практика, целевое использование грантов становится объектом пристального внимания контролирующих органов, что нередко приводит к возникновению судебных споров. В этом контексте судебная защита прав членов КФХ приобретает новое измерение: фермерам необходимо защищать свои интересы не только в земельных спорах, но и в делах, связанных с правомерностью предоставления и использования бюджетных субсидий. Таким образом, юридическая грамотность и качественное процессуальное сопровождение становятся необходимым условием для успешной реализации социально-экономического потенциала фермерства в Дагестане.

Рассматривая КФХ как драйвер экономического роста, нельзя игнорировать вопросы его правовой ответственности, которая имеет специфический характер в силу двойственной природы данного субъекта. В отличие от классических коммерческих организаций, члены КФХ несут субсидиарную ответственность по обязательствам хозяйства, что требует четкой процессуальной идентификации имущества: является ли оно личной собственностью главы или входит в состав имущественного комплекса хозяйства. В судебной практике это создает особые требования к предмету доказывания в спорах о взыскании задолженности, где суду необходимо разграничивать личные интересы граждан и интересы КФХ как предпринимательского объединения.

Более того, правовая ответственность КФХ тесно связана с институтом целевого использования бюджетных средств. В Республике Дагестан, где объемы грантовой поддержки ежегодно растут, увеличивается и количество споров о возврате субсидий в судебном порядке. Процессуальная защита прав фермеров в таких делах осложняется необходимостью строгого документального подтверждения каждого этапа реализации бизнес-плана. Таким образом, эффективность социально-экономического развития региона напрямую коррелирует с качеством правового регулирования ответственности фермеров и предсказуемостью судебных решений, что минимизирует риски необоснованного привлечения субъектов АПК к ответственности.

Подводя итог исследованию роли крестьянских (фермерских) хозяйств в социально-экономической системе Республики Дагестан, следует констатировать, что данный институт является фундаментом аграрной экономики и главным гарантом стабильности сельских территорий региона. Вклад КФХ в обеспечение продовольственной безопасности, создание рабочих мест и сохранение жизнеспособности горных сел подтверждает необходимость дальнейшего совершенствования механизмов их поддержки.

Однако, как было продемонстрировано на примере анализа актуальной судебной практики Арбитражного суда Республики Дагестан, экономическая эффективность фермерства находится в прямой зависимости от качества правовой среды. Процессуальные сложности, возникающие в ходе защиты земельных и имущественных прав, показывают, что формального признания КФХ важным субъектом экономики недостаточно. Необходима выработка единообразных судебных подходов к разрешению споров, связанных с предоставлением земельных участков и распределением мер государственной поддержки.

Таким образом, стратегическое развитие Республики Дагестан немыслимо без укрепления статуса КФХ. Решение выявленных правовых коллизий и устранение административных барьеров через эффективные механизмы судебной защиты позволят минимизировать риски для аграриев.

Это создаст необходимые условия для трансформации малых форм хозяйствования в высокотехнологичные предприятия, способные стать локомотивом долгосрочного процветания агропромышленного комплекса республики и обеспечить достойный уровень жизни ее сельских тружеников.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 11.06.2003 №74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (ред. от 29.12.2022).
2. Шарипов Ш.И. Трансформация аграрного сектора Дагестана: от личных подсобных хозяйств к организованному фермерству. Экономика сельского хозяйства. 2025. №1. С. 28-35.
3. Абдулаев Ш.О. Роль малых форм хозяйствования в обеспечении продовольственной безопасности горных территорий Дагестана. Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. 2024. №2. С. 45-52.
4. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.12.2025 по делу №А15-2557/2023.
5. Сельское хозяйство Республики Дагестан: статистический сборник. Махачкала: Дагестанстат, 2025. 180 с.
6. Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Дагестан: официальный сайт [Электронный ресурс].
7. Закон Республики Дагестан от 29.12.2017 №105 «О развитии сельского хозяйства в Республике Дагестан».
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 24.07.2023). Дата обращения 10 февраля 2026.

References:

1. Federal Law No. 74-FZ dated 11.06.2003 "On peasant (farmer) economy" (as amended on 29.12.2022).
2. Sharipov.Winner of the award named after Transformation of Dagestan's agricultural sector: from private subsidiary farms to organized farming. Agriculture Economics 2025. No. 1. According to S. N. 28-35.
3. Abdulaev Sh. N.O. The role of small forms of management in ensuring food security in the mountainous territories of Dagestan Bulletin of Dagestan State University. Ser. 3. Social Sciences 2024. No. 2. According to S. N. 45-52.
4. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated 04.12.2025 in case no.a15-2557/2023.
5. Agriculture of the Republic of Dagestan: statistical collection. Makhachkala: Dagestanstat, 2025. 180 p.
6. Ministry of Agriculture and Food of the Republic of Dagestan: official website [Electronic resource].
7. The Law of the Republic of Dagestan dated December 29, 2017 No. 105 "on the development of agriculture in the Republic of Dagestan".
8. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 07/24/2023). Accessed February 10, 2026.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_315

УДК 347.73

СМАРТ-КОНТРАКТ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СФЕРЕ
SMART CONTRACT IN BUSINESS

КИВЛЕНОК Татьяна Валентиновна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.
e-mail: ta-bagi@mail.ru

KIVLENOK Tatyana Valentinovna
Head of the Department of Civil Law and Procedure, Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, PhD (Law), Associate Professor.
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
e-mail: ta-bagi@mail.ru

Краткая аннотация: *Возможность использования смарт-контрактов становится одним из важнейших элементов в развитии предпринимательских отношений в стране. Статья посвящена анализу проблемы применения смарт-контрактов, используемых в предпринимательской сфере. На основании проведенного исследования автором предлагаются рекомендации по совершенствованию правового регулирования смарт-контрактов.*

Abstract: *The use of smart contracts is becoming a key element in the development of entrepreneurial relations in the country. This article analyzes the application of smart contracts in business. Based on the research, the author offers recommendations for improving the legal regulation of smart contracts.*

Ключевые слова: *смарт-контракт, цифровое право, искусственный интеллект.*
Keywords*: smart contract, digital law, artificial intelligence.*

Для цитирования: *Кивленок Т.В. Смарт-контракт в предпринимательской сфере // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 315-317. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_315.*
For citation: *Kivlenok T.V. Smart contract in the business sphere // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 315-317. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_315.*

Статья поступила в редакцию: 12.04.2026

Появление смарт-контрактов неразрывно связано с развитием цифровизации и активным использованием искусственного интеллекта во всех сферах жизни, в т.ч. в коммерческой сфере. В настоящее время всё большее число сделок оформляется электронно, без участия письменного носителя информации, что позволяет снизить транзакционные издержки для субъектов хозяйственного оборота, повысить прозрачность заключаемых сделок, сохранить доверие между контрагентами. В конечном итоге это улучшает бизнес-ситуацию в стране.

На современном этапе активно формируется правовая база и модели использования смарт-контрактов.

Применение смарт-контрактов в предпринимательской сфере дают ряд преимуществ участникам данных правоотношений [2]:

- упрощение процессов путем автоматического выполнения транзакции. В этом случае уходит риск невыполнением договорённости, так как оплата происходит при наступлении определённых условий.

- повышение безопасности операций. Достигается за счёт использование технологии блокчейн и индивидуальных идентификаторов пользователей.

- рассмотрение большого объёма данных за единицу времени для ускорения процедур перевода денежных средств от одного контрагента к другому.

- уменьшение ошибок из-за так называемого «человеческого фактора». Достигается за счет автоматизации документооборота

В настоящее время на практике уже сложились несколько возможных вариантов использования смарт-контрактов в предпринимательской сфере. Так, одно из возможных направлений —эскроу-счета – это специальный условный счёт, на котором учитываются имущество, документы или денежные средства до наступления определённых обстоятельств или выполнения определённых обязательств [3].

По договору банк открывает специальный счет эскроу для учета и блокировки денежных средств, полученных от владельца счета (депонента) в целях их передачи другому лицу (бенефициару) при возникновении оснований, предусмотренных договором счета эскроу [1]. Данный механизм не допускает одностороннего выполнения обязательств. Банк переводит средства при предоставлении документов об исполнении обязанностей по договору другой стороной. Как раз этот процесс может быть автоматизирован при помощи смарт-контракта. Банк в этом случае предоставляет данные, то есть выполняют функцию оракула в смарт-контракте.

Кроме этого, с помощью смарт-контрактов возможно автоматизировать процедуру заключения договора займа, взаимных платежей, оптимизировать мониторинг залогового имущества и отслеживание движения активов и др., что позволяет снизить риски неплатежей и сократить расходы[6]. При использовании смарт-контрактов возможна фактическая замена ими аккредитивов.

Большие перспективы смарт-контрактов и в сфере клиринга. Клиринг – отношения, при которых денежные претензии погашаются их же денежными обязательствами путём взаимного зачёта. В данном случае смарт-контракт берёт на себя значительную часть функций клиринговой организации. Так, например, при наличии заданной информации он осуществляет проверку и сопоставление деталей сделки. Также он может направлять соответствующие уведомления, автоматизируя данный процесс и снижая издержки банковских и финансовых организаций.

Возможно также активное использование смарт-контрактов в ипотечном кредитовании, т.к. перед выдачей кредита лицо проверяется по ряду факторов. Этот процесс можно автоматизировать, установив чёткие и ясные критерии.

Выгодно применять смарт-контракты и в контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Государственный или муниципальный контракт либо гражданско-правовой договор, который заключен в письменной форме и предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги, чаще всего заключается на торгах. Торги проводятся в форме аукциона, конкурса или в иной форме, предусмотренной законом, в т.ч. и в электронном виде. В таком случае через блокчейн могут передаваться предложения. Лицо, проводящее закупку, выбирает лучшие условия вместе с ключом участника торгов, который внедряется в смарт-контракт. Сама процедура проведения торгов с использованием смарт-контрактов осуществляется следующим образом:

- организация по проведению торгов открывает тендер. При этом он будет носит неизменяемый характер и включает критерии оценки предложений;

- уполномоченные организации подают заявку, которая является конфиденциальной и неизменной;

- в установленный срок организация, проводящая тендер, применяя установленные критерии, выбирает наилучшие условия. Стороны также могут оценить весь процесс торгов и альтернативные проигравшие предложения.

Смарт –контракты могут использованы также в сфере международной торговли. Это уменьшит объем документации во внешнеторговых операциях[2], устранит задержки за счёт автоматизации и усилит возможности применения международных правил ИНКОТЕРМС.

Таким образом, технология исполняет соглашения с помощью смарт-контрактов обеспечивает конфиденциальность, самостоятельно проверяет исполнения контракта и предотвращает споры. Смарт-контракты имеют ряд неоспоримых преимуществ. Он позволяет сократить издержки и упростить исполнения соглашений, участвующих в обязательствах сторон. Также повышается прозрачность исполнения соглашений для сторон.

Однако внедрение таких технологий потребует определенного времени, финансовых затрат и адаптации правового регулирования. Кроме того, имеются проблемы технического характера[4]:

1. Языки программирования, в отличие от естественного языка, обладают большей степенью определенности. Компьютерный код содержит специфические конструкции, которые сложно описываются языком права. Естественный язык более привычен, свободно воспринимается без участия технического специалиста.

Полагаю, что для большей надёжности следует ввести обязательное дублирование условий соглашения, в котором используется смарт-контракт (язык программирования), с естественным языком (простая письменная форма соглашения). Такого требования в законодательстве и в обычаях делового оборота нет, но целесообразно высказать практические рекомендации для субъектов коммерческой деятельности права для устранения ряда трудностей, связанных с пониманием кода. В спорной ситуации, при коллизии кода и естественного языка, следует полагаться на простую письменную форму соглашения, так как высока вероятность, что разночтения вызваны технической ошибкой или намеренным злоупотреблением и желанием использовать плохое знание программирования другой стороной соглашения.

2. Компьютерные программы равнодушны к основным принципам гражданского права, таким как законность, справедливость, поскольку основополагающие начала носят абстрактный характер, а программное обеспечение, лежащее в основе смарт-контрактов, достаточно определенно.

3. Не установлен правовой статус специальных участников смарт-контрактов (оракула, технических специалистов). Данные лица или дополнительные программы осуществляют передачу информации из внешней среды в смарт-контракт[5]. Ключевой их функцией является принятие информацию с различных источников и преобразование ее в язык, понятный смарт-контрактам. Есть риск предоставления недостоверных данных, искажения условий соглашения, неправомерное использование персональных данных и т.п. Однако ответственность специальных участников смарт-контрактов до настоящего времени не установлена, их права и обязанности не прописаны.

4. Не установлена процедура взаимодействия участников смарт-контракта с органами, осуществляющими защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц (регистрирующие органы, нотариат и др.).

Так, относительно некоторых сделок закон требует квалифицированной формы. Например, договор эскроу подлежит нотариальному удостоверению, за исключением случаев депонирования безналичных денежных средств и (или) бездокументарных ценных бумаг[1]. В настоящее время не выработана процедура заверения нотариусами таких сделок. Есть предложения заверять текст договора, выраженный естественным языком в простой письменной форме и лишь потом с помощью программных кодов включать его в смарт-контракт. В таком случае больших изменений законодательства для использования смарт-контрактов не потребуется.

Ещё одним возможным решением проблемы видится введение электронного реестра смарт-контрактов для последующего совершения регистрационных действий. Этот список должен стать автоматическим. Целесообразно распространить его только на те договоры, для которых требуется необходимая регистрация.

Таким образом, назрела необходимость в кардинальном изменении действующего законодательства, регулирующего смарт-контракты. Определенная база заложена в Гражданском кодексе РФ, в законе от 31.07.2020 № 259 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Однако этого недостаточно для поступательного развития предпринимательских отношений в стране.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (часть первая) Российская газета. - 8.12. 1994. - N 238-239.
2. Ахмедов А. Я. Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов / А. Я. Ахмедов, А. А. Волос, Е. П. Волос. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2021. – 225 с.
3. Кириллова Е.А., Зульфугарзаде Т.Э. Гражданско-правовое обеспечение смарт-контрактов: монография. Москва: ИНФРА-М, 2024. 124 с.
4. Матвеева Е.Ю. Правовая природа смарт-контракта // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. N 6. С. 97 - 104.
5. Минасян Н.Т. Понятие и правовая природа смарт-контрактов // Современное право. 2025. N 11. С. 111 - 116.
6. Одинцов С.В., Наклескина Е.А. Смарт-контракты в предпринимательской деятельности: сравнительно-правовой анализ правового регулирования // Имущественные отношения в РФ. 2022. С. 54.
7. Что такое смарт-контракты и кому они нужны [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/crypto/news/66f1bcf69a794703cbe6ba1e (дата обращения: 12.04.2026).

References:

1. Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994, No. 51-FZ (Part One) Rossiyskaya Gazeta. - December 8, 1994. - N 238-239.
2. Akhmedov, A. Ya. Concept of Legal Regulation of Relations Complicated by the Use of Smart Contracts / A. Ya. Akhmedov, A. A. Volos, E. P. Volos. - Moscow: Prospect Limited Liability Company, 2021. - 225 p.
3. Kirillova, E. A., Zulfugarzade, T. E. Civil Law Support of Smart Contracts: Monograph. Moscow: INFRA-M, 2024. 124 p.
4. Matveeva, E. Yu. Legal Nature of a Smart Contract // Property Relations in the Russian Federation. 2024. No. 6. pp. 97-104.
5. Minasyan N.T. Concept and Legal Nature of Smart Contracts // Modern Law. 2025. No. 11. pp. 111-116.
6. Odintsov S.V., Nakleskina E.A. Smart contracts in entrepreneurial activity: comparative legal analysis of legal regulation // Property relations in the Russian Federation. 2022. P. 54.
7. What are Smart Contracts and Who Needs Them [Electronic resource]. Access mode: https://www.rbc.ru/crypto/news/66f1bcf69a794703cbe6ba1e (date of access: 12.04.2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_318

УДК 347.132

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ СДЕЛКИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ
TO THE QUESTION OF RECOGNIZING A RANSACTION AS INVALID

ЛЯПАНОВ Артем Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой частноправовых дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России,
доцент кафедры истории России
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е.
E-mail: Lyapanov@mail.ru

ЧИСТЯКОВ Максим Сергеевич
младший научный сотрудник, старший преподаватель кафедры современного образования
Владимирского филиала автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования
Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации».
Россия, 600000, г. Владимир, ул. Воровского, 16.
E-mail: shreyamax@mail.ru

LYAPANOV Artem V.,
Head of the Department of Private Law Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Associate Professor of the Department of Russian History
at Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67E.
E-mail: Lyapanov@mail.ru

CHISTYAKOV Maxim S.,
Junior Researcher, Senior Lecturer Department of Modern Education
of the Vladimir branch of the Autonomous non-profit educational organization of Higher Education
Centrosoyuz of the Russian Federation "Russian University of Cooperation".
Russia, 600000, Vladimir, Vorovskiy str., 16.
E-mail: shreyamax@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматривается институт недействительности сделок. Анализу подвергаются материально-правовые и процессуальные особенности, возникающие при рассмотрении судебных дел, связанных с соответствующими исковыми требованиями. Авторы высказывает позицию относительно спорных аспектов судебной практики, касающихся классификации недействительных сделок, применения двусторонней реституции и правил исковой давности в отношении таких сделок.*

Abstract: *The article examines the institution of invalidity of transactions. It analyzes the substantive and procedural features that arise in court cases related to relevant claims. The authors express their opinion on controversial aspects of judicial practice regarding the classification of invalid transactions, the application of bilateral restitution, and the rules of limitation of liability for such transactions.*

Ключевые слова: *недействительность сделок, оспоримые сделки, ничтожные сделки, реституция, исковая давность, злоупотребление правом.*

Keywords: *invalid transactions, disputed transactions, null transactions, restitution, limitation period, abuse of rights.*

Для цитирования: *Ляпанов А.В., Чистяков М.С. К вопросу о признании сделки недействительной // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 318-321. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_318.*

For citation: *Lyapanov A.V., Chistyakov M.S. On the issue of invalidation of the transaction // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 318-321. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_318.*

Статья поступила в редакцию: 13.04.2026

Сделки представляют собой ключевой вид юридических фактов, поскольку они порождают, изменяют или прекращают гражданско-правовые отношения. С их помощью фиксируется порядок взаимодействия участников, и чаще всего сделки совершаются для выполнения ранее принятых договорных обязательств. Процесс заключения сделок и дальнейшее взаимодействие сторон формируют основу функционирования и развития гражданского оборота.

Часто сделки оказываются несовершенными или признаются недействительными, что приводит к отсутствию ожидаемого гражданско-правового результата. В целях восстановления первоначального правового статуса сторон, защиты их законных прав и поддержания особого правового института недействительности сделок в системе гражданско-правовых отношений задействуется специальный юридический институт недействительности сделок, нормативно закреплённый в российском законодательстве.

Институт недействительности сделок находится в центре внимания многих авторов. Среди последних можно отметить работы Адаменко А.П. [1], Агафоновой В.А. [2], Андрианова В.М. [3], Гаймалеевой А.Т. [5], Малявиной Н.Б. [7], Райковского А.В. [9], Тузова Д.О. [12] и др. Рассмотрены проблемы оспаривания сделок, недействительности сделок при банкротстве, ничтожные и оспоримые сделки, соотношение оснований недействительности подозрительных сделок должника со сделками с неравноценным встречным исполнением в процедуре банкротства, виды недействительных сделок и последствия признания сделок недействительными, особенности доказывания недействительности сделки и позиция судов в решениях о признании сделок недействительными. При этом в теме остается ряд пробелов, которые требуют дальнейшего исследования.

Специфика правового регулирования недействительности соглашений обусловлена значительной ролью судебной системы в этой

сфере. В рамках своей деятельности суды выполняют следующие функции: устанавливают наличие или отсутствие правовых оснований для признания соглашения недействительным; классифицируют некорректные транзакции к соответствующим категориям; оценивают юридические последствия признания соглашения недействительным; определяют срок исковой давности, применимый в конкретной ситуации. Эти аспекты формируют специфику правовых норм, регулирующих недействительность соглашений.

Рассмотрение подобных дел часто связано с судебными ошибками [4], что наглядно демонстрирует необходимость эффективной координации между законодательными и правоохранительными органами. Кроме того, подчеркивается важность активного вклада научного сообщества в совершенствование существующих правовых механизмов.

Судебные органы часто сталкиваются с ключевой проблемой при рассмотрении дел о признании соглашений недействительными: необходимо точно определить категорию (вид) такого соглашения. Этот аспект требует особого внимания в правоприменительном процессе.

Законодательством Российской Федерации установлена классификация сделок, имеющая принципиальное значение для гражданского права: оспоримые сделки, ничтожные сделки. Данная типология закреплена в пункте

1 статьи 166 Гражданского кодекса Российской Федерации и получила всеобщее признание. Она используется как в законодательной практике, так и в рамках научной доктрины [6].

Оспоримыми признаются сделки, создающие предусмотренные законом правовые последствия с момента их совершения. При этом допускается их отмена в судебном порядке при выявлении нарушений закона при их заключении. Например, если один из супругов осуществил отчуждение совместного имущества без предварительного согласия другого супруга, данная сделка может быть оспорена в судебном порядке. При установлении судом факта нарушения (например, отсутствия обязательного согласия), сделка будет признана недействительной. В соответствии с этим, стороны будут обязаны вернуть всё, что было получено в результате данной сделки.

Ничтожные сделки, напротив, изначально не создают юридически значимых последствий, характерных для действительных сделок. Их недействительность носит очевидный характер и не требует подтверждения судом. Участники таких сделок вправе отказаться от их исполнения без наступления гражданско-правовой ответственности. Например, если в договоре дарения указано, что право собственности на квартиру переходит к одаряемому после смерти дарителя, такая сделка является ничтожной в силу положений законодательства, которые предусматривают, что передача права собственности на жилое помещение в порядке дарения допускается исключительно при жизни дарителя. Участники сделки имеют право отказаться от исполнения такого договора без наступления гражданско-правовой ответственности.

На практике рассмотренная классификация сделок демонстрирует ограниченную применимость из-за размытости критериев и трудностей в определении правовой сущности некоторых соглашений. Разногласия среди участников относительно классификации сделок приводят к возникновению дополнительных правовых споров, что усложняет оперативное и обоснованное разрешение гражданско-правовых конфликтов.

При юридическом анализе соглашения необходимо учитывать, что его недействительность, будь то оспоримая или ничтожная, оказывает влияние на подход суда к разрешению гражданско-правового спора. Данное обстоятельство имеет существенное значение для определения процессуальных особенностей судебного разбирательства и применения норм материального права.

В соответствии с положениями пунктов 1 и 2 статьи 181 Гражданского кодекса Российской Федерации, ничтожные и оспоримые сделки различаются по ряду критериев, включая сроки исковой давности. По требованиям о признании оспоримой сделки недействительной – 1 год, по требованиям в отношении ничтожной сделки – 3 года. Законодательством также различаются и моменты начала течения этих сроков [6].

Ещё одно существенное отличие связано с особенностями оценки возражений против иска. Разная правовая природа ничтожных и оспоримых сделок предполагает различное понимание их незаконности, что напрямую влияет на аргументацию сторон и выводы суда.

Вопросы квалификации сделок как оспоримых или ничтожных разъясняются в абзацах 3 и 4 пункта 71 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23.06.2015 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [8].

Нормативный документ определяет полный список причин, по которым суд может отказать в удовлетворении иска, если сделка оспаривается. Эти причины включают:

- удовлетворение судом встречного иска второго участника сделки, требующего признать сделку недействительной;
- наличие вступившего в законную силу судебного решения по другому гражданскому делу, в котором соответствующая сделка была признана недействительной.

Возражения ответчика о ничтожности сделки должны быть рассмотрены судом независимо от того, истек ли установленный законом срок исковой давности. Ничтожная сделка остаётся потенциально подлежащей признанию недействительной в течение неограниченного времени, что исключает применение временных ограничений при оценке соответствующих аргументов в суде.

Судебная практика пока не выработала единого подхода к вопросу о том, можно ли использовать в последующих судебных процессах факт признания сделки недействительной, если это было установлено вступившим в силу судебным решением, но при этом иск о применении последствий недействительности был отклонён из-за пропуска срока давности.

Согласно доктринальным положениям гражданского права, отказ суда удовлетворить иск о признании ничтожной сделки недействительной из-за пропуска срока давности не означает, что сделка становится юридически действительной. Ничтожная сделка изначально не имеет юридической силы –её недействительность существует объективно и не зависит от судебного решения. Если факт ничтожности не был установлен в рамках одного процесса, это не исключает возможности его доказывания в ходе последующего судебного разбирательства [11].

Изложенная позиция согласуется с ранее рассмотренными разъяснениями судебных органов, которые указывают, что аргументы о признании сделки недействительной должны рассматриваться судом по существу, даже если истёк срок исковой давности.

Если в процессе судебного разбирательства будет установлено, что сделка ничтожна (даже если требование о её недействительности не было основным предметом иска), участник процесса может ссылаться на это обстоятельство:

- при обосновании своих материальных требований;

- при выдвижении процессуальных возражений против аргументов противоположной стороны.

Правомерность ссылки на ничтожность сделки не зависит от того, был ли ранее вынесен судебный акт, в котором было отказано в признании её недействительной из-за пропуска установленного законом срока исковой давности.

Согласно пункту 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации, ключевым правовым последствием признания сделки недействительной является двустороннее восстановление состояния, существовавшего до её совершения. Это означает, что каждая из сторон должна вернуть всё, что было получено в результате недействительной сделки [6].

Однако в судебной практике существует значительное противоречие: когда истец обращается в суд с требованием признать сделку недействительной, он часто не готов принять на себя обязательство передать ответчику какое-либо имущество или другие ценности. Основной целью заявителя является возврат имущества либо денежных средств, утраченных им в результате сделки, а не предоставление чего-то дополнительного противоположной стороне.

В связи с этим возникает существенный процессуальный вопрос: какое решение должен принять суд, если истец требует признать сделку недействительной и применить её последствия исключительно в своих интересах? Это означает, что истец стремится вернуть имущество или денежные средства, полученные по сделке, не предлагая при этом ничего взамен ответчику.

Некоторые эксперты считают, что автоматическое возложение реституционных обязанностей на истца на основе содержания искового заявления недопустимо.

Правовед Д.О. Тузов отмечает, что двусторонняя реституция может быть применена судом лишь при условии подачи ответчиком встречного иска. В такой ситуации каждая из сторон приобретает процессуальный статус истца и вправе требовать реституции в свою пользу [12].

Суд, применяя механизм двусторонней реституции, принимает решение строго в рамках заявленных исковых требований и не вправе выходить за их пределы. Таким образом, судебный акт ориентируется на конкретные просьбы истца, не предполагая автоматического возложения на него каких-либо дополнительных обязательств.

В соответствии со статьей 181 Гражданского кодекса Российской Федерации, иски о признании недействительной ничтожной сделки и применении последствий её недействительности могут быть рассмотрены только в течение 3 (трёх) лет с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о наличии оснований для признания сделки недействительной.

Порядок определения начала течения указанного срока регламентирован следующим образом:

- в случае подачи иска участником сделки – с момента начала исполнения данной сделки;

- в случае если иск подаёт третье лицо – с момента, когда такое лицо узнало либо должно было узнать о начале исполнения сделки.

Вместе с тем судебная практика допускает отступления от указанных правил при определении начальной точки отсчёта срока исковой давности в случае наличия особых обстоятельств. В качестве примера можно привести дело, рассмотренное арбитражным судом, касающееся спора по договору купли-продажи земельного участка, находящегося в неразграниченной государственной собственности. Договор был заключён между региональным государственным органом и коммерческой организацией.

В ходе рассмотрения дела суд установил факт злоупотребления ответчиком своими правами. На основании этого было принято решение о том, что срок исковой давности следует исчислять не с момента заключения сделки, а с момента, когда органы прокуратуры получили информацию о нарушении. Данный подход позволил сделать вывод о том, что на момент судебного разбирательства срок исковой давности не истёк [10].

В соответствии с законодательством, применение срока исковой давности возможно исключительно по инициативе одной из сторон в конфликте, как правило, истца. В судебной практике часто возникают случаи, когда действия ответчика могут быть квалифицированы как злоупотребление правом.

Злоупотребление правом в юридическом контексте представляет собой совокупность действий или бездействия ответчика, которые фактически препятствуют истцу своевременно обратиться в суд для защиты своих законных интересов. Это может привести к следующим юридическим последствиям:

- отклонение возражений ответчика относительно истечения срока исковой давности;

- пересмотр процедуры исчисления указанного срока.

При этом иные обстоятельства, относящиеся к содержанию спора (включая нарушения ответчиком материально-правовых обязательств перед истцом), не могут выступать основанием для неприменения института исковой давности. Подобный подход обеспечил бы снижение эффективности данного правового института, что противоречило бы законодательной воле и конституционным положениям.

Помимо проанализированных юридических проблем, в сфере дел о незаконности соглашений существует множество иных проблемных аспектов. Применение правовых последствий таких дел также связано с рядом сложностей. Затронув проблему признания сделки недей-

ствительной и применения последствий её недействительности, мы выявили наличие существенных пробелов, требующих целенаправленного исследования и теоретического осмысления.

Список литературы:

1. Адаменко А.П. Признание сделки недействительной и применение последствий недействительной сделки по инициативе суда // В сборнике: Тенденции реформирования частного права в современном обществе. Материалы II Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2026. С. 3-6.
2. Агафонова В.А., Орлова В.И., Ликучева П.А. Принцип добросовестности в совершении сделок и его роль в признании сделок недействительными // В сборнике: Современные тенденции развития отечественного и зарубежного законодательства. сборник статей по материалам V региональной научно-практической конференции. Пенза, 2025. С. 18-22.
3. Андрианов В.М. Историческое развитие категорий сделка и недействительная сделка в римском праве // В сборнике: Осуществление и защита гражданских прав и интересов полиции России: вопросы теории и практики. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2021. С. 122-124.
4. Апелляционное определение Архангельского областного суда от 11.04.2016 г. по делу № 33-1684/2016 / Актофакт. Архив судебных дел и решений. URL: https://actofact.ru/case-29OS0000-33-1684-2016-2016-02-18-0-1/ (дата обращения: 12.04.2026)
5. Гаймалеева А.Т. Соотношение оснований недействительности подозрительных сделок должника со сделками с неравноценным встречным исполнением в процедуре банкротства / Евразийский юридический журнал. 2023. № 10 (185). С. 142-145.
6. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СПС Консультант-Плюс URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=5142#Ku LieIVQlunOrFuc1 (дата обращения: 12.04.2026)
7. Малявина Н.Б. Принцип добросовестности в совершении сделок и его роль в признании сделок недействительными // Юрист. 2024. № 3. С. 30-34.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // ПС Консультант-Плюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 12.04.2026)
9. Райковский А.В. Сделка и недействительная сделка в системе юридических фактов // Национальный вестник Республики Крым. 2023. № 5. С. 117-122.
10. Решение Арбитражного суда Ярославской области от 30.12.2022 по делу № А82-3907/2022 / Судебные и нормативные акты РФ URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/MGnvwvFmEYVt/ (дата обращения: 12.04.2026)
11. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. - М.: М-Логос, 2018. // ПС Консультант-Плюс URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18646#9C 4ieIV0liBxq3bo (дата обращения: 12.04.2026)
12. Тузов Д.О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. М.: Статут, 2007.

References:

1. Adamenko A.P. Recognition of a transaction as invalid and application of the consequences of an invalid transaction at the initiative of the court // In the collection: Trends in the reform of private law in modern society. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Novosibirsk, 2026. Pp. 3-6.
2. Agafonova V.A., Orlova V.I., Likucheva P.A. The principle of good faith in the execution of transactions and its role in the recognition of transactions as invalid // In the collection: Modern trends in the development of domestic and foreign legislation. collection of articles based on the materials of the V regional scientific and practical conference. Penza, 2025. Pp. 18-22.
3. Andrianov V.M. Historical development of the categories of transaction and invalid transaction in Roman law // In the collection: Implementation and protection of civil rights and interests of the Russian police: issues of theory and practice. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. St. Petersburg, 2021. Pp. 122-124.
4. The Appellate Decision of the Arkhangelsk Regional Court dated 11.04.2016 in case No. 33-1684/2016 / Aktofakt. Archive of court cases and decisions. URL: https://actofact.ru/case-29OS0000-33-1684-2016-2016-02-18-0-1/ (date of access: 12.04.2026)
5. Gaimaleeva A.T. The Relationship of the Grounds for the Invalidity of Suspicious Transactions of the Debtor with Transactions with Unequal Counterperformance in the Bankruptcy Procedure / Eurasian Law Journal. 2023. No. 10 (185). pp. 142-145.
6. "The Civil Code of the Russian Federation (Part one)" dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 07/31/2025) (with amendments and additions, intro. effective as of 01.08.2025) // Consultant Plus URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=5142#Ku LieIVQlunOrFuc1 (accessed on 12.04.2026)
7. Malyavina N.B. The Principle of Good Faith in Concluding Transactions and Its Role in Invalidating Transactions // Yurist. 2024. No. 3. Pp. 30-34.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 23, 2015, No. 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // PS Consultant-Plus URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (date of access: 12.04.2026)
9. Raikovsky, A.V. Transaction and Invalid Transaction in the System of Legal Facts // National Bulletin of the Republic of Crimea. 2023. No. 5. Pp. 117-122.
10. Decision of the Arbitration Court of the Yaroslavl Region dated 12/30/2022 in case no. A82-3907/2022 / Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/MGnvwvFmEYVt / (date of appeal: 04/12/2026)
11. Transactions, representation, limitation period: article-by-article commentary on Articles 153-208 of the Civil Code of the Russian Federation / ed. by A. G. Karapetov. - M.: M-Logos, 2018. // PS Consultant-Plus URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18646#9C 4ieIV0liBxq3bo (accessed: 04/12/2026)
12. Tuzov, D.O. Restitution in Cases of Invalid Transactions and the Protection of a Bona Fide Acquirer in Russian Civil Law. Moscow: Statut, 2007.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_322

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭКСПОРТА В РОССИИ
HISTORICAL ASPECTS OF EXPORT ORIGIN AND DEVELOPMENT IN RUSSIA

ПОТЕХИНА Ксения Александровна
студент магистратуры Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.
E-mail: kseniapotekhina03@yandex.ru
POTEKHINA Ksenia Aleksandrovna,
Master's student at the Institute of State and Municipal Officers' Training of the Academy of Law and Management of the Federal Penal Service
390000, Russia, Ryazan, Sennaya Street, 1.
E-mail: kseniapotekhina03@yandex.ru;
МОЛЧАНОВСКИЙ Павел Андреевич,
Магистрант РГУ имени С.А. Есенина.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Семинарская, д.15.
E-mail: molchanovskiy_p@mail.ru
MOLCHANOVSKY Pavel Andreevich,
Master's student of the Ryazan State University named after S.A. Esenin.
390000, Russia, Ryazan, Seminarskaya str., 15.
E-mail: molchanovskiy_p@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются ключевые этапы становления и развития экспорта в России: от первых попыток системного выхода на европейские рынки в эпоху Петра I до трансформации внешнеэкономической деятельности в постсоветский период и современных особенностей экспортной модели. Показано, что российский экспорт на протяжении длительного времени формировался под воздействием не только рыночных факторов, но и государственных интересов, институциональных ограничений, международной конъюнктуры и особенностей внутренней хозяйственной структуры. Особое внимание уделено реформам конца 1980-х - 1990-х годов, которые радикально изменили механизм участия российских предприятий во внешней торговле. Сделан вывод о том, что исторически сложившаяся сырьевая направленность экспорта остается одной из главных проблем российской экономики и одновременно - результатом длительной эволюции хозяйственной системы страны.*

Abstract: *The article examines the key stages of the formation and development of exports in Russia: from the first attempts to enter European markets in the era of Peter the Great to the transformation of foreign economic activity in the post-Soviet period and the current features of the export model. It is shown that Russian exports have been shaped over time not only by market factors, but also by government interests, institutional constraints, international conditions, and the specifics of the domestic economic structure. Special attention is given to the reforms of the late 1980s and 1990s, which radically changed the mechanism of Russian enterprises' participation in foreign trade. It is concluded that the historically established focus on raw materials in exports remains one of the main problems of the Russian economy, while also being a result of the country's long-term evolution.*

Ключевые слова: *экспорт, внешняя торговля, внешнеэкономическая деятельность, валютное регулирование, таможенные пошлины, лицензирование.*

Key words: *export, foreign trade, foreign economic activity, currency regulation, customs duties, and licensing.*

Для цитирования: *Потехина К.А., Молчановский П.А. Исторические аспекты становления и развития экспорта в России // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 322-324. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_322.*

For citation: *Potekhina K.A., Molchanovsky P.A. Historical aspects of the formation and development of exports in Russia // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 322-324. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_322.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Введение. Экспорт в буквальном смысле обозначает вывоз товаров или капитала за границу. Но для России он всегда имел более широкий смысл. Это был не просто обмен с внешним миром, а один из способов укрепления государства, пополнения бюджета и решения внутренних хозяйственных задач. Поэтому история российского экспорта тесно связана с общей историей страны.

Цель исследования — комплексный анализ исторического становления и развития экспорта в России как ключевого направления внешнеэкономической деятельности.

Методы. В исследовании использовались методы анализа исторической и действующей нормативно-правовой базы законодательства России, сравнения и наблюдения.

Исторически внешняя торговля в России принципиально зависела от территориального местоположения, а именно наличия выхода к морю, так как это давало возможность торговать с Западными Европейскими странами и иными государствами. Исходя из этого центром торговли на Руси был Великий Новгород. Его удачное расположение, выход к балтийскому морю, а также достаточно богатые земли дали ему возможность стать главным торговым партнером на Руси для Европейских государств. Основной статьей экспорта Новгорода были меха, а также ткани. Импортировал Новгород по большей части серебро, олово и другие ценные металлы.

С развитием междоусобицы на Руси внешняя торговля приобретала все более децентрализованный характер, что позволило Великому Новгороду стать одной из самых зажиточных областей, а, следовательно, влиятельным государством на территории Руси. Новгород при торговле с Западными государствами пронизывался европейскими веяниями, а в купе с большим количеством богатых купцов это привело к установлению отличавшийся от других государств на Руси формой правления, а именно Новгородской торговой республикой.

С течением времени, Новгородская республика теряла свое влияние. Это было связано с Монгольским нашествием, войнами со Швецией и иными Западными Европейскими государствами, а также постепенными объединением Руси при Иване 3, что в итоге привело к потере

выхода к морю, что в свою очередь нанесло огромный удар по внешней торговле в Российском государстве. Исходя из этого одной из главных целей Петра 1 было возвращение выхода к морю, чтобы нарастить торговлю. Для этого и были начаты войны со Швецией и Турцией. Успех в войне со Швецией позволил уже Российской Империи начать зарабатывать на морской торговле и заниматься государственным развитием этой области.

Именно в эпоху Петра 1 внешняя торговля стала восприниматься как важная часть государственной политики. Развитие портов, расширение связей с Европой, поддержка ремесленного и мануфактурного производства были нужны не только для военных и политических целей, но и для того, чтобы Россия могла закрепиться на внешних рынках. Уже в тот период в экспорте заметно преобладали сырье, сельскохозяйственная продукция и товары первичной обработки. По сути, именно тогда начала складываться та модель, которая в дальнейшем будет многократно воспроизводиться: Россия продавала за рубеж в основном то, что давали земля, лес, недра и базовые отрасли хозяйства.

Это объяснялось особенностями экономического развития страны. Россия долгое время оставалась государством с огромной территорией, неравномерным хозяйственным освоением и сравнительно поздним развитием промышленности. В таких условиях сырьевой экспорт оказывался проще и надежнее, чем вывоз готовой промышленной продукции. Даже когда государство предпринимало попытки ускорить индустриализацию, ведущие позиции во внешней торговле все равно сохраняли именно товары с низкой степенью переработки.

В советский период характер экспорта изменился, но его зависимость от государства только усилилась. Внешняя торговля стала строиться на основе государственной монополии. Это прямо закреплялось в законодательстве СССР: внешняя торговля и другие виды внешнеэкономической деятельности относились к ведению союзного государства. Экспорт и импорт осуществлялись через специализированные внешнеторговые объединения, каждое из которых отвечало за определенные товарные группы. Такая система соответствовала всей модели централизованного управления экономикой.

У нее были свои преимущества: государство контролировало валютные поступления и могло направлять их на закупку оборудования, технологий, продовольствия и других необходимых товаров. Но минусов было не меньше. Производитель оказывался отделен от мирового рынка и не был напрямую заинтересован в продвижении собственной продукции за рубеж. Экспорт выполнял, прежде всего, фискальную функцию, то есть служил источником валютной выручки. Отсюда и главная проблема: внешняя торговля существовала, а полноценной экспортной среды, в которой предприятия боролись бы за рынки, качество и конкурентоспособность, фактически не возникло.

Ситуация стала меняться только во второй половине 1980-х годов. В период перестройки началась реформа внешнеэкономической деятельности. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 августа 1986 г. № 991 были расширены права ряда министерств, ведомств и крупных предприятий в сфере экспортно-импортных операций [1, с.136]. Это был первый шаг к демонтажу прежней жесткой системы. Вслед за этим появились решения, позволившие создавать совместные предприятия с участием иностранных фирм, а затем и предоставившие советским предприятиям возможность самостоятельно выходить на внешний рынок.

Однако на практике этот переход оказался крайне болезненным. У предприятий не было ни достаточного опыта, ни устойчивой правовой базы, ни понимания правил работы на мировом рынке. В результате возник неорганизованный экспорт отдельных видов сырья и материалов, усилилась конкуренция между самими советскими экспортерами, появились продажи по заниженным ценам. Чтобы сдержать эти процессы, государство стало расширять систему лицензирования и регулирования [2, с.285]. Иными словами, попытка либерализации столкнулась с тем, что старая система уже разрушалась, а новая еще не сложилась.

После распада СССР начался новый этап. Для России он оказался особенно важным, поскольку страна фактически заново выстраивала всю систему внешнеэкономических связей. Основы нового подхода были заложены Указом Президента РСФСР от 15 ноября 1991 г. № 213 «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР». Этот акт дал предприятиям право самостоятельно заниматься внешнеэкономической деятельностью с момента их регистрации. По сравнению с советским периодом это было принципиально новое положение.

Но вместе с расширением свободы возникли и серьезные трудности. В 1992 году в России были введены квотирование и лицензирование экспорта, а также экспортные пошлины, которые рассчитывались в ЭКЮ. Эти меры были связаны с попыткой уменьшить разрыв между внутренними и мировыми ценами. Тогда же был установлен особый порядок вывоза стратегически важных сырьевых товаров, прежде всего нефти и газа, через специальных экспортеров. Получается, что даже в условиях провозглашенной либерализации государство не отказалось от жесткого контроля над теми секторами, которые имели ключевое значение для бюджета и внешнеполитических интересов.

Начало 1990-х годов вообще стало для российского экспорта временем серьезных потрясений. Снижались объемы внешней торговли, рвались старые хозяйственные связи, падало производство, обострялись финансовые проблемы. Одновременно становилось ясно, что в новой рыночной среде наибольшую устойчивость сохраняют именно сырьевые отрасли. Промышленность, особенно обрабатывающая, переживала тяжелый кризис и не могла быстро обеспечить стране конкурентоспособный несырьевой экспорт.

Важным событием стал Указ Президента РФ от 23 мая 1994 г. № 1007 «Об отмене квотирования и лицензирования поставок товаров и услуг на экспорт». Предполагалось, что вместо прежних ограничений будет действовать система таможенных пошлин [3, с. 12]. Это был шаг в сторону большей открытости внешней торговли. Однако полностью от прежних льгот и исключений отказаться не удалось. Особенно заметно это проявилось в нефтяной сфере, где сохранялось сильное влияние крупных экономических интересов. Поэтому экспортная политика того времени нередко носила противоречивый характер: официально говорилось о либерализации, а на практике отдельные сектора продолжали пользоваться особыми условиями.

В середине 1990-х годов государство попыталось перейти к более системному подходу. Постановлением Правительства РФ от 8 февраля 1996 г. № 123 была утверждена Федеральная программа развития экспорта. Ее целью было создание благоприятных экономических, правовых и организационных условий для российских экспортеров. Программа предполагала финансовую, информационную, консультационную и дипломатическую поддержку. Но в полной мере она реализована не была. На мой взгляд, причина заключалась в том, что в тот период государство чаще решало текущие финансовые проблемы, чем занималось глубокой перестройкой экспортной структуры.

Постепенно формировалась и новая законодательная база внешнеэкономической деятельности. Были приняты Закон РФ «О таможенном тарифе», Федеральный закон «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», позднее – закон «О валютном регулировании и валютном контроле». Это означало, что экспорт уже рассматривался не как исключительная сфера государственного посредничества, а как часть нормальной хозяйственной жизни, регулируемая правом, тарифами, валютными правилами и таможенными процедурами.

Следующий этап связан с интеграционными процессами на постсоветском пространстве. Создание Таможенного союза в 2010 году, а затем Единой таможенной территории изменило порядок перемещения товаров между Россией, Беларусью и Казахстаном [4, с.53]. Процедуры экспорта стали определяться уже в рамках общего таможенного регулирования. Это был признак того, что внешняя торговля России все больше зависела не только от внутренних реформ, но и от международных договоренностей.

Если оценивать весь исторический путь в целом, то становится видно: при всех переменах одна черта оставалась почти неизменной. Российский экспорт на протяжении длительного времени сохранял сырьевую направленность. В разные периоды менялись формы регулирования, круг участников внешней торговли, таможенные механизмы и валютные правила, но основу экспорта по-прежнему составляли нефть, газ, лес, металлы, продукция первичной переработки. Это не случайность и не проблема только последних десятилетий. Скорее, это следствие длительного исторического развития экономики страны.

Именно поэтому нельзя объяснять современную структуру российского экспорта исключительно реформами 1990-х годов. Их роль была большой, но они лишь обострили те особенности, которые формировались на протяжении нескольких столетий. Еще в имперский период Россия в основном поставляла на внешний рынок сырье и сельскохозяйственную продукцию. В советское время экспорт также был ориентирован прежде всего на получение валютной выручки, а не на развитие конкуренции и продвижение продукции высокой переработки. После 1991 года эта линия не исчезла, а, наоборот, проявилась еще сильнее в условиях открытого рынка.

Начиная с 2000-х государство стало более заинтересовано в поддержке экспортной деятельности малых субъектов предпринимательства. Так, на примере Рязани, где в 2017 году был создан Центр поддержки экспорта, можно сказать о том, что качество и степень реализуемой помощи несомненно выросла по сравнению с предыдущими временными периодами, а также, что многие из действующих рязанских экспортеров вышли на рынок зарубежья именно благодаря государственной поддержке. И несмотря на то, что за последнее время экспортеры столкнулись со значительными трудностями компании все равно стараются адаптироваться под текущие реалии, так как экспорт всегда был деятельностью, связанной с высокой степень риска и постоянно меняющимися условиями. Некоторые кризисные точки последних лет: это пандемия COVID-19, которая, зато впоследствии дала толчок в развитии электронной коммерции, это сегодняшние санкционные ограничения, которые переориентировали активность большинства действующих российских экспортеров в страны СНГ и Китай, а также с 2025 года те же рязанские экспортно ориентированные компании наращивают свое влияние во Вьетнаме (например, программное обеспечение для торговли ИТ-компании «Алакрис Групп» было представлено на международной выставке VIETRF-2025 [5]), а ведь еще пару лет назад данная страна не была столь интересна для бизнеса. Кроме того, определенный вызов был брошен небольшим предприятиям посредством реформирования системы налогообложения в 2026 году – многие из них еле «сводили концы» на внутреннем рынке, что уж говорить о внешнем.

Таким образом, история экспорта в России – это история постепенного изменения форм внешней торговли при относительной устойчивости ее внутренней основы. Менялись политические режимы, хозяйственные механизмы, законы и институты, но зависимость от сырьевого вывоза сохранялась. В этом и состоит главная особенность российского экспортного развития. Без понимания этой исторической логики трудно оценить и современные проблемы внешнеэкономической деятельности, и перспективы ее дальнейшего изменения.

Список литературы:

1. Кигинько М.Р. Эволюция внешнеэкономической деятельности в Российской Федерации и проблемы современного этапа ее развития // Economic Consultant. 2014. №2 (6). С. 43-50
2. Правовое обеспечение экспортного проекта: учеб. пособие / Школа экспорта Российского экспортного центра. М.: РЭЦ. 2020. 316 с.
3. Прокушев Е.Ф. Внешнеэкономическая деятельность: учебник и практикум для вузов / Е.Ф. Прокушев, А.А. Костин; под редакцией Е.Ф. Прокушева. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт. 2026. 479 с.
4. Шкитин Н.И. Исторические аспекты возникновения и развития экспорта в России // Экономика и социум. 2014. №2-4 (11). С. 1249-1252.
2. Рязанские айтишники выступили во Вьетнаме – 31 октября 2025 | Я62.ру – [Электронный ресурс]. – URL: https://ya62.ru/text/world/2025/10/31/76100283/ (дата обращения: 14.03.2026).

References:

1. Kiginko M.R. The Evolution of Foreign Economic Activity in the Russian Federation and the Problems of Its Current Stage of Development // Economic Consultant. 2014. No. 2 (6). Pp. 43-50
2. Legal Support for Export Projects: A Study Guide / School of Export of the Russian Export Center. Moscow: REC. 2020. 316 p.
3. Prokushev E.F. Foreign Economic Activity: Textbook and Workshop for Universities / E.F. Prokushev, A.A. Kostin; edited by E.F. Prokushev. 12th edition, revised and expanded. Moscow: Yurayt Publishing House. 2026. 479 p.
4. Shkitin N.I. Historical Aspects of the Emergence and Development of Export in Russia // Economics and Society. 2014. No. 2-4 (11). Pp. 1249-1252.
5. Ryazan IT specialists performed in Vietnam – October 31, 2025 | Ya62.ru – [Electronic resource]. – URL: https://ya62.ru/text/world/2025/10/31/76100283/ (date of access: 14.03.2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_325

О ПРАКТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ КЛАССИФИКАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ ПО СТЕПЕНИ ИХ ИСПРАВЛЕНИЯ
ABOUT THE PRACTICAL SIGNIFICANCE CLASSIFICATION OF CONVICTS ACCORDING TO THE DEGREE OF THEIR CORRECTION

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, Российская Федерация, г. Москва,
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1.
e-mail: yutish@list.ru
TISHCHENKO Yuriy Yu.,
Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of MFUA,
Leading Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russian Federation, Moscow,
15a Narvskaya str., building 1, Moscow, 125130, Russia.
e-mail: yutish@list.ru

***Краткая аннотация**. Статья посвящена изучению практической значимости разработки классификации осужденных к лишению свободы по степени их исправления. Автор статьи отмечает различные системы классификации осужденных, в основе которых лежат цели классификации, например, вид совершенного преступления или мотивация преступного посягательства. Однако классификация осужденных по степени их исправления имеет важное практическое значение потому, что она тесно связана с реализацией системы отбывания наказания, суть которой заключается в стимулировании положительного поведения осужденных путем предоставления им различных льгот и поощрений. В статье поддерживается мнение о том, что для организации процесса воспитательного воздействия на осужденных требуется такая их классификация, которая отражает динамику изменения личности в период отбывания наказания. В работе обосновывается мнение о том, что разнородные по своему составу коллективы осужденных создают наиболее благоприятные условия для проведения воспитательной работы. При этом начальники отрядов работают по одной воспитательной программе, используют в своей профессиональной деятельности разнообразные средства, приемы и методы воздействия с учетом индивидуальных личностных особенностей осужденного.*

***Abstract.** The article is devoted to the study of the practical significance of developing a classification of persons sentenced to imprisonment according to the degree of their correction. The author of the article notes various classification systems for convicts, which are based on classification goals, for example, the type of crime committed or the motivation for criminal encroachment. However, the classification of convicts according to the degree of their correction is of great practical importance because it is closely related to the implementation of the system of serving sentences, the essence of which is to stimulate positive behavior of convicts by providing them with various benefits and incentives. The article supports the opinion that in order to organize the process of educational influence on convicts, their classification is required, which reflects the dynamics of personality change during the period of serving a sentence. The paper substantiates the opinion that heterogeneous groups of convicts create the most favorable conditions for educational work. At the same time, the heads of the detachments work according to the same educational program, use in their professional activities a variety of means, techniques and methods of influence, taking into account the individual personality characteristics of the convict.*

***Ключевые слова:** исправительные учреждения, лишение свободы, осужденные, классификация, группы, критерии, начальник отряда, воспитание, исправление.*

***Key words:** correctional institutions, imprisonment, convicts, classification, groups, criteria, squad leader, upbringing, correction.*

***Для цитирования:** Тищенко Ю.Ю. О практическом значении классификации осужденных по степени их исправления // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 325-327. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_325.*

***For citation:** Tishchenko Yu.Yu. On the practical significance of classifying convicts according to the degree of their correction // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 325-327. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_325.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Разработка различных систем классификации осужденных, прежде всего, вызвана потребностью реализации принципа дифференцированного и индивидуального подхода в процессе воспитательной работы и исправления осужденных к лишению свободы. Данный проблемный вопрос в научной литературе часто связывают с необходимостью разработки типовых программ перевоспитания, в которых в качестве основы их деятельности выступает характер совершенного преступления. По нашему мнению, попытки построения программ воспитательного воздействия на осужденных, исходя только из характера совершенного преступления, являются недостаточно оправданными, поскольку данный показатель не отражает изменений личности в период отбывания наказания, именно в тот период, когда личность находится в иной системе отношений.

Обратим внимание, что сторонники создания вышеуказанных программ обосновывают свои позиции тем, что для каждой группы осужденных, совершивших различные по своей направленности преступления, например, хищения или деяния против личности, для них характерны специфические личностные качества, которые привели их к совершению именно этого, а не иного преступления. При составлении программ воспитательного воздействия, направленных на нейтрализацию определенных качеств личности (агрессии, жестокости, корысти, жадности, зависти), может показаться, что воспитатели смогут наиболее эффективно решать поставленные перед ними служебные задачи.

Отметим, что следуя подобной логике, можно предположить, что хулигану, чтобы исправиться, достаточно научиться уважать личность и соблюдать установленные в обществе правила поведения. Однако различного рода черты могут быть характерны не только для лица, который стремится к обогащению или наживе любой ценой, они могут быть также присущи и лицам, совершающим служебные и должностные преступления. Мы полагаем, что осужденных к лишению свободы, гораздо ранее привели на противоправный путь поведения не только специфические отдельно взятые личностные черты и качества, но и в целом антиобщественная направленность их личности. Представляется, что законопослушный гражданин, который не совершает противоправных деяний, живет по законам морали и нравственности, проявляет уважение к

другим гражданам и к их собственности. Более того, правовые нормы закона выступают для данного индивида не просто в качестве запрета, а несут для него определенный моральный потенциал и не вызывают у него никакого чувства противодействия. Таким образом, у осужденных за конкретные виды преступлений важно искоренить не отдельные их личностные свойства и качества, а общие негативные установки, добиться их нравственной трансформации, позитивного отношения к общественным нормам и правилам поведения. При этом следует отметить мнение О.Р. Шайхисламовой, которая справедливо отмечает, что классификация различных по своей общественной опасности преступников есть прием, при помощи которого дифференцируются все виды правового, педагогического и психологического воздействия на них [6, с. 56].

Множественные попытки ученых, касающиеся организационного выделения отдельных групп осужденных в самостоятельные отряды внутри исправительного учреждения (далее – ИУ), особенно состоящих из числа осужденных за совершение корыстных и насильственных преступлений, в практической деятельности ИУ не дали ожидаемых результатов. Сотрудники ИУ отмечали только затруднения в воспитательной работе внутри такого коллектива осужденных, поскольку подобрать в однородном коллективе группу положительно характеризующихся осужденных достаточно проблематично. При этом следует иметь в виду, что выделение в самостоятельные группы, например, хулиганов, разбойников, насильников, большинству из которых от 18 до 30 лет, снизит воспитательные возможности осужденных более старшего возраста, в том числе положительно направленных осужденных. Кроме того, сосредоточение однородных групп осужденных, состоящих целиком из преступников, отбывающих наказание за однотипные преступления, может создать определенные трудности в управлении их коллективом и стать постоянным источником напряженности в ИУ. При этом исследователи достаточно аргументировано отмечают, что основной задачей классификации осужденных к лишению свободы выступает оптимизация осуществления в отношении них исправительного воздействия, а также ограничение влияния разных категорий осужденных друг на друга [7, с. 342].

Обратим внимание, что при вышеуказанном состоянии, начальники отрядов осужденных, в первую очередь, даже в пределах одного ИУ, будут поставлены в неравные условия, поскольку воспитательная работа с различными категориями осужденных (хулиганы, убийцы) требует серьезных усилий, а результаты своей деятельности могут оказаться гораздо ниже, чем у коллег, отряды которых состоят из лиц, например, осужденных за корыстные преступления.

Также отметим, что особых преимуществ не выявлено при организационном выделении групп осужденных, классификация которых проводилась по степени их социальной и моральной запущенности. Практическая деятельность ИУ показала, что организационное деление осужденных на отдельные категории по вышеуказанным основаниям заметно усложнило воспитательную работу и не принесло ожидаемых результатов, несмотря на дифференцированное воздействие на каждую из категорий осужденных. Начальники отрядов по этому поводу поясняли, что данное обстоятельство обусловлено, прежде всего, достижением осужденными новой категории, а значит переводом в другой отряд, чем нарушался принцип стабильности в процессе воспитательного воздействия на осужденных. При этом опираться на влияние коллектива в отряде самой низшей категории было практически невозможно. При таком разделении начальники отрядов вынуждены были применять только индивидуальные формы воспитательного воздействия.

Рассмотрим принцип создания разнородных по своему составу коллективов осужденных, который является одним из основных в воспитательной работе. При распределении осужденных по отрядам и производственным бригадам учитываются следующие показатели: состав преступления; число судимостей; возраст; образование; специальность; состояние здоровья. Таким образом, молодые и возрастные осужденные, хулиганы, убийцы и воры, положительно и отрицательно настроенные, нарушители режима, трудоспособные и инвалиды, которым суд определил наказание и данный вид режима, равномерно распределяются по отрядам. В данном случае следует поддержать мнение Л.В. Ложкиной, которая указывает, что классификация осужденных к лишению свободы в российском законодательстве выражается в группировании осужденных на определенные подвиды с учетом системы разнообразных критериев, учитываемых правоприменителем [3, с. 309].

На наш взгляд, разнородные по своему составу коллективы осужденных создают наиболее благоприятные условия для проведения воспитательной работы. Например, недостатки одного возраста могут восполняться достоинствами другого, преобладание положительно настроенных осужденных нормализует морально-психологический климат в отряде и тем самым ограждает вновь прибывших осужденных от осужденных отрицательной направленности поведения. При этом начальники отрядов работают по одной воспитательной программе, используют в своей профессиональной деятельности разнообразные средства, приемы и методы воздействия с учетом индивидуальных личностных особенностей осужденного. Таким образом, в ИУ реализуется одна общая программа воспитательного воздействия на осужденных, которая корректируется в зависимости от личностных особенностей каждого воспитуемого. При этом С.В. Березиков справедливо отмечает, что базисом психолого-педагогической классификации является распределение осужденных по степени их исправления. Такое распределение связано с направленностью их личности, а также отношением к осуществляемому исправительному процессу [1, с. 67].

Классификация осужденных по степени их исправления имеет важное практическое значение еще и потому, что она тесно связана с реализацией системы отбывания наказания, суть которой заключается в стимулировании положительного поведения осужденных путем предоставления им различных льгот и поощрений, например от перевода в облегченные условия отбывания наказания в пределах ИУ до условно-досрочного освобождения. В основе данной системы отбывания наказания лежат перспективные пути для осужденных, которые привлекают их общим видом удовлетворения, которого еще не существует. По мере движения к нему у осужденных появляются планы на будущее, которые более притягательны, чем усилия, заложенные на преодоление препятствий для их реализации. При повышении требований, предъявляемых к осужденным, тем самым мы стимулируем их позитивную активность в процессе работы над собой. При этом требования, в основе которых лежит система отношений осужденных к основным средствам перевоспитания, достаточно понятны и имеют личностный смысл для осужденных. Имен-

но эти требования выступают для осужденных в качестве ориентиров для проектирования собственного поведения в период отбывания наказания.

Список литературы:

1. Березиков С.В. Правовые и организационные аспекты обеспечения эффективности дифференциации условий отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительных колониях: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. - 209 с.
2. Кулаков А.В. Распределение осужденных к лишению свободы по отрядам в исправительных колониях и его особенности в отношении лиц с психическими девиациями. Вестник Самарского юридического института. 2019. № 4.
3. Ложкина Л.В. Некоторые вопросы классификации осужденных к лишению свободы. Вестник Удмуртского университета.. 2024. № 2. С. 306-312.
4. Смирнов Л.Б. К вопросу о понятии и сущности классификации осужденных к лишению свободы и дифференциации исполнения наказания. Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2012. № 1. С. 87-90.
5. Прихожая Л.Е. Механизм организации раздельного содержания осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях. Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 3. С. 35-42.
6. Шайхисламова О.Р. Классификация осужденных к лишению свободы. Известия Саратовского университета. 2007. № 2. С. 55-57.
7. Южанин В.Е., Горбань Д.В. Психолого-педагогическая (групповая) классификация осужденных к лишению свободы. Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. № 3. С. 338-345.

References:

1. Berezikov S.V. Legal and organizational aspects of ensuring the effectiveness of differentiating the conditions of serving a sentence of imprisonment in correctional colonies: dissertation of the cand. jurid. nauk. M., 2012. - 209 p.
2. Kulakov A.V. The distribution of persons sentenced to imprisonment by detachments in correctional colonies and its features in relation to persons with mental deviations. Bulletin of the Samara Law Institute. 2019. № 4.
3. Lozhkina L.V. Some issues of classification of persons sentenced to imprisonment. Bulletin of the Udmurt University.. 2024. No. 2. pp. 306-312.
4. Smirnov L.B. On the question of the concept and essence of the classification of persons sentenced to imprisonment and the differentiation of the execution of punishment. Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2012. No. 1. pp. 87-90.
5. Ankhozhaya L.E. The mechanism of organizing the separate detention of persons sentenced to imprisonment in correctional institutions. Bulletin of the criminal executive system. 2023. No. 3. pp. 35-42.
6. Shaikhislamova O.R. Classification of persons sentenced to imprisonment. Proceedings of the Saratov University. 2007. No. 2. pp. 55-57.
7. Yuzhanin V.E., Gorban D.V. Psychological and pedagogical (group) classification of persons sentenced to imprisonment. Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2021. No. 3. pp. 338-345.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_328

УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ЧАСТНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ
STRUCTURAL FEATURES PRIVATE FORENSIC INVESTIGATION TECHNIQUES

МЕРЕТУКОВ Гайса Мосович
Заведующий кафедрой криминалистики, доктор юридических наук, профессор,
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина.
ул. им. Калинина, 13, г. Краснодар, 350044, Россия.
E-mail: n.s.borisenko@icloud.com

БОРИСЕНКО Никита Сергеевич
Магистрант, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина.
ул. им. Калинина, 13, г. Краснодар, 350044, Россия.
E-mail: n.s.borisenko@icloud.com

ЗАИКИНА Анна Андреевна
Бакалавр, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина.
ул. им. Калинина, 13, г. Краснодар, 350044, Россия.
E-mail: n.s.borisenko@icloud.com

MERETUKOV Gaisa Mosovich
Head of the Department of Criminalistics, Doctor of Law, Professor
Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.
Kalinin St., 13, Krasnodar, 350044, Russia.
E-mail: n.s.borisenko@icloud.com

BORISENKO Nikita Sergeevich
Master's student Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.
Kalinin St., 13, Krasnodar, 350044, Russia.
E-mail: n.s.borisenko@icloud.com

ZAIKINA Anna Andreevna
Bachelor Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.
Kalinin St., 13, Krasnodar, 350044, Russia.
E-mail: n.s.borisenko@icloud.com

Краткая аннотация. *Статья посвящена рассмотрению существующих научных подходов к определению компонентов частной методики и обоснованию оптимальной структурной модели методики расследования. В ходе подготовки был осуществлен анализ научной, учебной, литературы, норм действующего законодательства относительно необходимости включения в состав юридической практики таких разделов, как «Особенности возбуждения уголовного дела», «Программа расследования» и «Взаимодействие с оперативными подразделениями». Делается вывод о том, что унификация структуры частных методик должна сочетаться с гибкостью, позволяющей учитывать специфику конкретных видов преступлений.*

Abstract. *The article is devoted to the consideration of existing scientific approaches to the definition of the components of a private methodology and the substantiation of an optimal structural model of an investigation methodology. In the course of preparation, an analysis of scientific, educational literature, and the norms of current legislation was carried out regarding the need to include such sections as "Features of the Initiation of a Criminal Case," "Investigation Program," and "Interaction with Operational Units" in the legal practice. It is concluded that the unification of the structure of private methodologies should be combined with flexibility that allows for the specific features of certain types of crimes.*

Ключевые слова: *частная криминалистическая методика, структура методики расследования, расследование отдельных видов преступлений, криминалистическая характеристика, следственные ситуации, тактические особенности, программа расследования.*

Keywords: *private forensic methodology, structure of the investigation methodology, investigation of certain types of crimes, forensic characteristics, investigative situations, tactical features, and the investigation program.*

Для цитирования: *Меретуков Г.М., Борисенко Н.С., Заикина А.А. Особенности структуры частной криминалистической методики расследования // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 328-330. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_328.*

For citation: *Meretukov G.M., Borisenko N.S., Zaikina A.A. Features of the structure of private forensic investigation methodology // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 328-330. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_328.*

Статья поступила в редакцию: 14.03.2026

В условиях динамичного развития общественных отношений и усложнения способов совершения преступлений возрастает роль криминалистической методики как раздела науки, призванного обеспечить эффективное расследование преступлений. Частная криминалистическая методика, представляющая собой систему научных положений и практических рекомендаций по расследованию конкретного вида преступлений, выступает связующим звеном между общей теорией криминалистики и повседневной деятельностью следователя. Как справедливо отмечает профессор Г.М. Меретуков [8], конкретные криминалистические методики, являясь комплексом типизированных научных советов, отражают наиболее эффективный алгоритм действий следователя по раскрытию и расследованию преступлений с точки зрения их практического применения**.** Однако в научном сообществе сохраняется дискуссия относительно оптимального состава и структуры частной методики, что негативно сказывается как на качестве учебной литературы, так и на ведомственных методических рекомендациях.

Научная новизна заключается в систематизации дискуссионных положений и обосновании комплексного подхода, интегрирующего классические постулаты и современные требования. Практическая значимость состоит в возможности использования выводов для совершенствования методического обеспечения деятельности следственных подразделений и в учебном процессе юридических вузов.

Актуальность исследования структуры частной криминалистической методики обусловлена её ключевой ролью в практической деятельности правоохранительных органов. Эта методика представляет собой конечный, прикладной продукт криминалистической науки, непосредственно трансформирующий теоретические знания в алгоритмы расследования конкретных видов преступлений. Анализируя структуру криминалистической методики, Г.М. Меретуков [6] в соавторстве с В.Д. Зеленским указывает, что «методика расследования основана на уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве», при этом «в содержание методики входят теоретические положения криминалистики и обобщенный опыт расследования преступлений». В связи с этим вопрос о её оптимальном строении имеет не только теоретическое, но и существенное практическое значение.

Для раскрытия сущности частной криминалистической методики необходимо обратиться к её базовому определению. Профессор Яблоков Н.П. [10] определяет её как систему научных положений и разработанных на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предупреждения отдельных видов преступлений. Это определение подчеркивает её системный и прикладной характер, ориентированный на решение конкретных задач следствия.

Ключевой проблемой, обуславливающей научную дискуссию, является отсутствие единого законодательного или общепринятого научного стандарта структуры частной методики. Это приводит к разрозненности и противоречивости рекомендаций в научных трудах и ведомственных пособиях, что затрудняет их системное усвоение и применение. Впервые унифицировать структуру методики расследования преступлений на общую и частную предприняли попытку Б.М. Шавер и А.И. Винберг [4] и об этом они изложили во введении особенной части учебника криминалистика.

О возможном существовании частной методики расследования как криминалистическая научная теория классификации преступлении одним из первых высказали В.Г. Танасеевич и В.А. Образцов [9]. При этом они не предложили каких-либо определении или разъяснений. В последствии, спустя десять лет В.А. Образцов эту проблематику рассмотрел в своей монографии.

Р.С. Белкин [2] в 1997 г. проанализировав существующие мнения известных ученных, таких как А.Н. Васильева, И.Ф. Герасимова, А.Н. Колесниченко, Н.А. Селиванова, В.Г. Танасевича, Н.Л. Гранат, И.А. Возгрина, Н.П. Яблокова по проблематике структуры частной криминалистической методики высказал мнение, что необходимо оценить такие проблемы, как криминалистическая характеристика и криминалистическая классификация преступлений, определение направления и предмета расследования и периодизации процесса расследования. На эти проблемы Р. С. Белкин обратил внимание еще в 1988 году [1].

На протяжении второй половины XX века в отечественной криминалистике сформировалось несколько основных подходов к определению структуры частной криминалистической методики расследования преступлений. В начале XXI века Р. С. Белкин анализируя иллюзионные криминалистические концепции и теории как фантомы криминалистики снова затронул проблемы структуры частной криминалистической методики и предложил использовать следующие криминалистические учения: криминалистическая характеристика преступления, особенности возбуждения уголовного дела, типичные следственные ситуации, программа расследования (версии и планирование), тактические особенности производства отдельных следственных действий, организация взаимодействия с органами дознания, методика предупреждения преступлений. Данный подход акцентировал внимание на всесторонней характеристике преступления как исходной точке для построения методики [3]. Р. С. Белкин, не отрицая предложенный вариант дополнительно предложил, что в структуру частной методики расследования любого вида или групп преступлений могут быть включены специальные частные вопросы как по субъекту, то есть по личности преступника (иностранец, несовершеннолетний, лица, отбывающие наказания в местах лишения свободы и т.п.). Один из авторов настоящей статьи, анализируя мнения известных ученых криминалистов, таких как Гармаева Ю. П., Субботина – Кардашевской М. В., Фирсова Е. П., Кустова А. М., Филиппова А. Г., Возгрина И. А. относительно частной методики расследования отдельных видов или групп преступлений в котором необходимо учесть: ситуационный подход; с использованием различных отраслей знания и так далее. [8]

Ситуационный подход, активно развивавшийся Возгриным И.А. [5], Танасевичем В.Г. и другими учёными, смещал фокус на алгоритмы действий следователя в зависимости от складывающихся типичных следственных ситуаций. В этом случае структура методики могла строиться по ситуационному принципу, где каждый раздел соответствовал определённому сценарию развития событий на первом или последующем этапах расследования.

Программно-целевой подход рассматривает частную методику как детализированную программу достижения целей, направленные на раскрытия и расследования преступления, что подчёркивает их динамический и управленческий характер. Современные исследователи, такие как Ермаков В.В. [7] и Журавлев С.Ю., справедливо указывают на необходимость интеграции в структуру методики элементов, связанных с использованием информационных технологий, возможностями судебной экспертизы нового поколения и вопросами международного правового сотрудничества при расследовании транснациональных преступлений. Таким образом, полемика ведётся не столько о необходимости отдельных компонентов, сколько об их иерархии, взаимосвязи и степени детализации в рамках единой системы.

Анализ классических и современных научных подходов позволяет предложить универсальную модель структуры частной криминалистической методики, сохраняющую системность классического подхода и адаптивность ситуационного. Данная модель включает в себя следующие взаимосвязанные элементы, образующие логическую цепочку расследования. Первым элементом должна выступать уголовно-правовая и криминологическая характеристика вида преступления, задающая правовые рамки и общий контекст.

Вторым, центральным элементом является криминалистическая характеристика, понимаемая как система данных о типичных чертах способа, механизма, обстановки совершения преступления, особенностях личности преступника и потерпевшего, предмете посягательства. Это

информационная база для всех последующих решений.

Третий элемент - особенности возбуждения уголовного дела и типичные следственные ситуации на начальном этапе, что актуально в свете требований законности и оперативности получения первичной информации.

В качестве четвертого элемента следует обозначить программу расследования, включающая выдвижение типичных версий и основы планирования, что отражает организующую функцию методики.

Тактические и методические особенности производства как первоначальных, так и последующих следственных и процессуальных действий, составляющих технологическое ядро расследования можно отнести в пятый элемент.

Шестым элементом будут являться особенности использования специальных знаний, включая современные виды судебных экспертиз и участие специалиста, что отражает научно-техническую составляющую расследования.

Седьмой элемент представляет собой организацию взаимодействия с органами дознания, оперативными подразделениями, контролирующими и иными государственными органами, а также с коммерческими структурами, что подчёркивает координирующую роль следователя.

Восьмой, завершающий элемент - методические рекомендации по предупреждению данного вида преступлений, реализующие профилактическую функцию криминалистики. Предложенная структура не является обязательной. Спецификой видов преступления, изменения в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, а также появление новых способов совершения и сокрытия преступлений, особенно в цифровой среде и есть факторы, влияющие на вариативность и акценты предложенной структуры.

Таким образом, частная криминалистическая методика, будучи прикладным разделом науки, играет критически важную роль в обеспечении эффективности предварительного расследования. Дискуссия о её структуре, имеющая длительную историю, свидетельствует о живом развитии криминалистической мысли и стремлении адаптировать научные рекомендации к меняющейся практике. Универсальная модель структуры, объединяющая криминалистическую характеристику, ситуационный анализ, программирование расследования, тактические рекомендации и аспекты взаимодействия, представляется наиболее сбалансированной. Она обеспечивает необходимую системность и полноту, создавая надёжный каркас для разработки методик по любым видам преступлений. При этом ключевым условием её эффективности является гибкость, возможность адаптации и акцентирования тех или иных разделов в зависимости от криминалистической специфики расследуемого деяния. Дальнейшее развитие учения о структуре частной методики видится в более глубокой интеграции в неё данных о киберпреступности, возможностях цифровой криминалистики и международного сотрудничества, что будет соответствовать вызовам современной глобальной преступности.

Список литературы

1. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: От теории – к практике. – Москва : Юридическая литература, 1988. – С. 166–172.
2. Белкин Р. С. Частные криминалистические методики как комплексы криминалистических рекомендаций // Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – Москва : Юристъ, 1997. – С. 298–305.
3. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – Москва : НОРМА, 2001. – 240 с.
4. Винберг А. И. Криминалистика : учебник для юридических школ / А. И. Винберг, Б. М. Шавер. – 2-е изд. – Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1945. – С. 138-139.
5. Возгрин И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений : курс лекций / И. А. Возгрин ; Санкт-Петербургский юридический институт. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт, 1993. – Ч. 4. – 79 с.
6. Зеленский В. Д. Криминалистическая методика расследования отдельных видов и групп преступлений : учебное пособие / В. Д. Зеленский, Г. М. Меретуков, А. В. Гусев, С. А. Данильян. – Краснодар : КубГАУ, 2013. – 355 с.
7. Иванов П. И. О частной криминалистической методике расследования преступлений // Юристъ-Правоведъ. – 2021. – № 1 (96). – С. 147-153.
8. Меретуков Г. М. Криминалистика. Судебно-экспертная и оперативно-розыскная деятельность : учебное пособие / Г. М. Меретуков, В. Д. Зеленский, С. А. Куемжиева, Е. П. Ищенко [и др.]. – Краснодар : КубГАУ, 2020. – 237 с.
9. Танасеевич В. Г. Методика расследования и криминалистическая классификация преступлений / В. Г. Танасеевич, В. А. Образцов // Криминалистическая характеристика в методике расследования преступлений. – Свердловск, 1978. – С. 54-59.
10. Яблоков Н. П. Криминалистика : учебник и практикум для вузов / Н. П. Яблоков. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2026. – 239 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-11035-7. – URL: https://urait.ru/bcode/598391 (дата обращения: 17.02.2026). – Режим доступа: по подписке.

References:

1. Belkin, R. S. (1988). *Kriminalistika: problemy, tendentsii, perspektivy: Ot teorii – k praktike* [Criminalistics: Problems, trends, prospects: From theory to practice]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
2. Belkin, R. S. (1997). Chastnye kriminalisticheskie metodiki kak kompleksy kriminalisticheskikh rekomendatsiy [Private criminalistic techniques as complexes of criminalistic recommendations]. In R. S. Belkin, *Kurs kriminalistiki: V 3 t. T.3: Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendatsii* (pp. 298–305). Moscow: Yurist".
3. Belkin, R. S. (2001). *Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossiyskoy kriminalistiki* [Criminalistics: Problems of Today. Topical Issues of Russian Criminalistics]. Moscow: NORMA.
4. Vinberg, A. I., & Shaver, B. M. (1945). *Kriminalistika: uchebnik dlya yuridicheskikh shkol* [Criminalistics: Textbook for Law Schools] (2nd ed.). Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR.
5. Vozgrin, I. A. (1993). *Nauchnye osnovy kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya prestupleniy: Kurs lektsiy. Chast 4* [Scientific Foundations of Criminalistic Investigation Methods: Lecture Course. Part 4]. Saint Petersburg: Saint Petersburg Law Institute.
6. Zelenskiy, V. D., Meretukov, G. M., Gusev, A. V., & Danilyan, S. A. (2013). *Kriminalisticheskaya metodika rassledovaniya otdelnykh vidov i grupp prestupleniy* [Criminalistic Methods for Investigating Specific Types and Groups of Crimes]. Krasnodar: KubGAU.
7. Ivanov, P. I. (2021). O chastnoy kriminalisticheskoy metodike rassledovaniya prestupleniy [On the private criminalistic methodology of crime investigation]. *Yurist"-Pravoved"*, (1), 147–153.
8. Meretukov, G. M., Zelenskiy, V. D., Kuemzhieva, S. A., Ishchenko, E. P., et al. (2020). *Kriminalistika. Sudebno-ekspertnaya i operativno-rozysknaya deyatelnost* [Criminalistics. Forensic-Expert and Investigative-Operational Activities]. Krasnodar: KubGAU.
9. Tanaseevich, V. G., & Obraztsov, V. A. (1978). Metodika rassledovaniya i kriminalisticheskaya klassifikatsiya prestupleniy [Investigation methods and criminalistic classification of crimes]. In *Kriminalisticheskaya kharakteristika v metodike rassledovaniya prestupleniy* (pp. 54–59). Sverdlovsk.
10. Yablokov, N. P. (2026). *Kriminalistika: uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Criminalistics: Textbook and Practicum for Universities] (3rd ed.). Moscow: Yurayt. Retrieved February 17, 2026, from https://urait.ru/bcode/598391

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_331

УДК 343.14

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ДОСТОВЕРНОСТИ И ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
DOCTRINAL AND NORMATIVE APPROACHES TO DEFINING THE RELIABILITY AND ADMISSIBILITY OF EVIDENCE

МАНОХИН Виталий Сергеевич,
доцент кафедры финансового права и таможенной деятельности Юридического института ВлГУ,
кандидат юридических наук.
600005, Россия, г. Владимир, ул. Студенческая, д. 8.
E-mail: i@vmanohin.ru;

MANOKHIN Vitaly Sergeevich,
Associate Professor of the Department of Financial Law and Customs Activities
at the Law Institute of the All-Russian State University, Candidate of Law Sciences.
8 Studencheskaya str., Vladimir, Russia, 600005.
E-mail: i@vmanohin.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена анализу ключевых критериев оценки доказательств в уголовном процессе — достоверности и допустимости. В работе исследуется соотношение доктринальных подходов и законодательных норм в трактовке этих понятий, а также их практическое применение в рамках уголовного судопроизводства. Особое внимание уделяется проблемам отсутствия чётких легальных определений этих понятий, что порождает сложности в правоприменении и научные дискуссии. Отдельно рассматривается влияние развития цифровых технологий на оценку доказательств: рост числа цифровых доказательств повышает их потенциальную достоверность, но одновременно расширяет возможности фальсификации. В заключении делается вывод о том, что эти критерии, хотя и взаимосвязаны, должны рассматриваться как самостоятельные элементы системы оценки доказательств, обеспечивающие законность и справедливость уголовного процесса.*

Abstract: *The article is devoted to the analysis of key criteria for evaluating evidence in criminal proceedings — reliability and admissibility. The paper examines the relationship between doctrinal approaches and legislative norms in interpreting these concepts, as well as their practical application within the framework of criminal proceedings. Particular attention is paid to the problems stemming from the lack of clear legal definitions of these concepts, which gives rise to difficulties in law enforcement and academic debate. The impact of digital technology development on evidence assessment is also considered: the growing number of digital evidence increases its potential reliability but simultaneously expands the possibilities for falsification. The conclusion is that, although interrelated, these criteria should be treated as independent elements of the evidence assessment system, ensuring the legality and fairness of the criminal process.*

Ключевые слова: *оценка доказательств, достоверность доказательств, допустимость доказательств, уголовно-процессуальное право, фальсификация доказательств, сбор доказательств*

Keywords: *evidence assessment, reliability of evidence, admissibility of evidence, criminal procedure law, evidence falsification, evidence collection.*

Для цитирования: *Манохин В.С. Доктринальные и нормативные подходы к определению достоверности и допустимости доказательств // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 331-333. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_331.*

For citation: *Manokhin V.S. Doctrinal and normative approaches to determining the reliability and admissibility of evidence // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 331-333. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_331.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Оценка доказательств в рамках уголовного производства происходит с учетом их достоверности, допустимости и достаточности. Эти требования, одновременно выступают критериями построения системы верификации получаемых сведений и сопоставления их с совершенным преступлением. Однако определение понятий «достоверность» и «допустимость» является одним из самых дискуссионных в уголовно-процессуальном праве. До настоящего момента невозможно прийти к единой концепции этих терминов, так как их реализация на практике происходит с учетом положений науки. В рамках данной статьи необходимо детально исследовать, как доктрина и законодательство соотносят понятия «достоверности» и «допустимости», а также как они реализуются в уголовном процессе.

В соответствии со ст. 74 УПК РФ, доказательствами признаются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, органы следствия и дознания устанавливают обстоятельства, подлежащие доказыванию. Переход от фактической природы доказательств (упоминаемой в УПК РСФСР[1] в качестве цели), к более достижимому стандарту «сведений» (полностью устраняя возможность признавать какое – либо доказательство гарантией вины) связывают как с расширением числа предоставляемых доказательств, так и в увеличении состязательности процесса. Задача каждой из сторон предоставить подтверждение собственной позиции, исходя из закрепленных УПК РФ возможностей и перечня. При этом никакое доказательство не может содержать заранее установленную силу. Данная реформа повысила требования, предъявляемые к сведениям, собираемым в ходе уголовного процесса. С одной стороны, теперь сторона обвинения должна предоставить целый комплекс подтверждений наличия события преступления, мотива, орудия, а также взаимосвязи подозреваемого с произошедшим общественно-опасным деянием. С учетом строгой правовой регламентации порядка сбора и ограниченного круга доказательств, процесс доказывания существенно усложнился. Наибольшую сложность вызывает вопрос определения круга необходимых сведений, так как без этого невозможно саму цель процесса доказывания. Ещё одним дискуссионным вопросом выступает перечень признаков, предъявляемых к получаемым сведениям: в каком случае они являются доказательствами по делу и можно ли их признавать таковыми, если они не находятся во взаимосвязи с уже имеющей информации.

Статья 88 УПК РФ закрепляет требования, предъявляемые к оценке доказательств: допустимость, достоверность и достаточность.

Данные критерии должны предъявляться к любым доказательствам без исключения, в противном случае возможно нарушение принципа состязательности, однако встает вопрос о том, как на практике раскрываются данные требования. Самыми главными критериями для оценки доказательств, согласно ч. 1 ст. 17 УПК РФ является закон и внутреннее убеждение сторон по делу. Получается, что представленные в статье 88 УПК РФ критерии можно оценить, как с одной стороны вспомогательные (так как, прежде всего, соответствие закону), а с другой, определяющие какие конкретно сведения должны учитываться при оценке.

Многие авторы в рамках своих исследований предлагают способы формализации данных критериев. Это связано с отсутствием конкретизации в определении понятий, а также алгоритмов практического применения.

Так, О. Я. Баев [2] считает главными свойствами доказательства – относимость и допустимость. Достоверность по мнению автора, является наименее формализованным критерием, вследствие чего, его невозможно принимать во внимание как ключевой критерий. А. С. Рубис [3, С. 41] поддерживает данный подход, так как сама по себе достоверность является субъективной и может толковаться исключительно как факты о материальной действительности. При этом самим подтверждением достоверности являются иные доказательства, что существенно снижает возможность практического применения этого критерия, превращая его в факультативный инструмент дополнительной верификации сведений.

С одной стороны, требование сопоставимости доказательств закреплено в ст. 87 УПК РФ и в данном контексте действительно работает в качестве дополнительного подтверждения достоверности получаемых доказательств. Однако цель доказывания – это проверка обстоятельств и при помощи сравнения доказательств по делу исследуется возможность или невозможность существования предполагаемого события. В результате подход, утверждающий, что достоверность исключительно дополнительный и необязательный критерий, не совсем верен с точки зрения уголовно-процессуальной науки. Предоставляемые в рамках дела доказательства несут в себе важные для дела сведения и поэтому их достоверность имеет одно из ключевых значений. К примеру, суждение о виновности и невиновности носит вероятностный характер даже в тех случаях, если было получено признательное показание, так как подлежит проверке с точки зрения достоверности.

Ю. К. Орлова [4, С. 33] указывает, что в отличие от допустимости, достоверность применяется при оценке доказательств уже на завершающем этапе, то есть оно не влияет на доказывание напрямую, а лишь применяется при итоговом анализе всех материалов по делу. Однако с данным суждением также невозможно согласиться, так как нож, при помощи которого было совершено убийство, будет считаться достоверным доказательством причастности подозреваемого в случае обнаружения отпечатков пальцев или потожировых следов. То есть в данном случае достоверность доказательства оценивается при помощи существующих технических достижений и применяется в самом начале формирования доказательственной базы (при этом, речь идет исключительно о причастности, а не о гарантированном факте убийства).

Другим аспектом достоверности можно считать синергию нормативную (ч. 1 ст. 74 УПК РФ) и доктринальную, в рамках которой регулярно поднимается вопрос о законодательно закрепленных «любых сведениях». Возвращаясь к О. Я. Баеву, хочется отдельно отметить его подход, не считающий недостоверную информацию в качестве доказательств. Тем не менее, ложные показания свидетеля или поддельные документы тоже могут служить полноправным доказательством. Они выступают в качестве самостоятельных обстоятельств по делу и могут служить базисом для оценки действий обвиняемого по самозащите и определению взаимосвязи доказательств достоверных и недостоверных.

Более подробная оценка достоверности будет дана в третьей главе данной работы, однако стоит дополнительно отметить о повышенной ценности этого критерия в контексте развития цифровых доказательств. Получение сведений с применением информационных технологий существенно повышает их достоверность, однако и расширяет область фальсификации доказательств. Это приводит как к расширению перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию, так и к более подробной оценке на предмет достоверности. Современные экспертизы позволяют выяснить даже по метаданным изготовителя фотографий, однако они не могут с точностью установить, кто находился в этот момент за компьютером. В результате вопросы достоверности лишь актуализируются год к году.

Допустимость выступает в качестве ключевого средства защиты прав человека. В. С. Щадрин определяет «недопустимость» в качестве меры уголовно-процессуальной ответственности, за нарушение законодательного порядка сбора доказательств. [5, С. 41] С учетом отсутствия легального определения термина «допустимый», стоит обратиться к толковому словарю русского языка, согласно которому допустимое значит возможное или разрешенное. То есть допустимые доказательства это те, которые разрешены законом, собраны в соответствии с ним.

Законодательство пошло по пути большей формализации вопросов допустимости. Данное свойство любого сведения оценивается с точки зрения соблюдения порядка сбора. Это напрямую исходит из тенденции к гуманизации уголовного процесса, перехода от сбора любых доказательств, к собранным в соответствии с установленным порядком. Это повышает гарантии подозреваемого и служит первичным барьером для защиты от незаконного привлечения к уголовной ответственности. При этом допустимость, в отличие от относимости и достоверности, может выступать в качестве самостоятельного критерия в условиях игнорирования других доказательств. Это связано с тем, что любое доказательство несет в себе сведения, однако если их сбор противоречит законодательному порядку, то они не могут приниматься во внимание в процессе анализа дела и должны быть исключены. Так как оно имеет закрепление в порядке сбора доказательств, а также в заранее определенном ст. 73 УПК РФ, предмете доказывания.

Нередки случаи слияния критериев допустимости и достоверности, что приводит к ошибочной оценке доказательств и, как следствие, вынесение неправомерных решений. Л. К. Капустина выдвигает тезис о том, что достоверность и допустимость применяются в совокупности. Однако допустимость имеет своей целью определение законности получения доказательства, даже если сведения имеют существенное значение для дела. То есть данный критерий ограничивает деятельность органов следствия и дознания, предотвращая возможные злоупотребления. При этом достоверность работает в совокупности с допустимостью, т.е. доказательства, полученные в соответствии с законодательными требо-

ваниями с большей долей вероятности можно признать достоверными, так как их источник должен быть известен. Однако допустимость не является гарантией достоверности, а лишь повышает степень верификации по отношению к уже имеющимся материалам дела.

Н. А. Громов [6, С. 15] считает, что допустимость выступает в качестве самостоятельной категории оценки получаемых доказательств с позиции морали, а также с учетом требований закона касательно источника, способа сбора и порядка приобщение сведений к материалам дела. Н. В. Лантух [7, С. 97] указывает на то, что достоверность доказательства исходит из уже установленной относимости и допустимости: приобщение доказательств, не относящихся к делу, либо собранных с нарушением закона, само по себе гарантирует его [доказательство] недостоверность.

С учетом мнений, представленных выше, считаем необходимым согласиться с Т. П. Ишмаевой [8, С. 134], которая рассматривает каждый из критериев оценки доказательств как самостоятельный. В рамках рассмотрения дела и сбора информации, они действительно могут дополнять друг друга, однако не подменять.

Допустимость и достоверность являются в наибольшей степени близкими друг другу критериями. Цель их применения – это гарантировать правомерность сбора сведений, а также их возможность применения и доверия им. Отсутствие легальных дефиниций для данных категорий расширяет пространство для научных дискуссий, а также размывает порядок применения их [достоверности и допустимости] на практике. Помимо прочего, на данные критерии влияет и развитие современных технологий, которые упрощают порядок сбора, однако увеличивают число спорных вопросов в части достоверности получаемых сведений (все чаще возникает вопрос о том, что цифровые доказательства могут чаще быть недостоверными, ввиду общих особенностей архитектуры киберпространства).

Можно сделать вывод, что «достоверность» и «допустимость» доказательств, как их важнейшее свойство, закрепляются косвенно, через конституционные и уголовно-процессуальные принципы, которые уже становятся базой для судей, при разрешении конкретных дел. Однако с учетом развития цифровых технологий и существующей проблемы приобщения к материалам дела недопустимых доказательств, потребность в формировании легальных определений не пропала. Наоборот, она вновь приобрела актуальность и требует детальной проработки.

Список литературы

1. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. 470 с.
2. Баев О. Я. Атрибутивные признаки и качество уголовно-процессуального доказательства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2014. N 4 (19). С. 190-206.
3. Дулов А. В., Рубис А.С. Основы формирования криминалистической теории доказывания. - Минск: БГУ, 2004. 263 с.
4. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. - М.: Юристъ, 2009. 174 с.
5. Шадрин, В. С. Недопустимость доказательств в уголовном процессе как антипод их допустимости / В. С. Шадрин // Криминалистъ. 2011. № 1(8). С. 41 - 46.
6. Громов Н.А., Зайцева С.А., Гущин А.Н. Доказательства, их виды и доказывание в уголовном процессе: учебное пособие. М.: Приор-издат, 2005. 81 с.
7. Лантух Н.В. Критерии проверки и оценки допустимости и достоверности доказательств при осуществлении уголовного преследования // Журнал правовых и экономических исследований. - 2021. - № 2. - С. 98-109
8. Ишмаева, Т. П. К вопросу о юридических свойствах доказательств в уголовном процессе // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 23(378). С. 133-136.

References

1. Strogovich M.S. The course of the Soviet criminal process. The main provisions of the science of the Soviet criminal process. Moscow: Nauka, 1968. Vol. 1. 470 p
2. Baev O. Ya. Attributive features and quality of criminal procedural evidence // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2014. N 4 (19). pp. 190-206.
3. Dulov A.V., Rubis A.S. Fundamentals of the formation of the forensic theory of evidence. - Minsk: BSU, 2004. 263 p.
4. Orlov Yu.K. Problems of the theory of evidence in criminal proceedings. Moscow: Jurist, 2009. 174 p.
5. Shadrin, V. S. The inadmissibility of evidence in criminal proceedings as the opposite of their admissibility / V. S. Shadrin // Criminalist. 2011. No. 1(8). pp. 41-46.
6. Gromov N.A., Zaitseva S.A., Gushchin A.N. Evidence, their types and evidence in criminal proceedings: a textbook. Moscow: Prior-izdat, 2005. 81 p.
7. Lantukh N.V. Criteria for checking and evaluating the admissibility and reliability of evidence in criminal prosecution // Journal of Legal and Economic Research. - 2021. - No. 2. - pp. 98-109
8. Ishmayeva, T. P. On the issue of the legal properties of evidence in criminal proceedings // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2015. No. 23(378). pp. 133-136.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_334

УДК 343.8

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ
THE ESTABLISHMENT OF THE INSTITUTION OF PUNISHMENT IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

ЦАПЛИН Игорь Семенович,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент,
Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15 «а», стр. 1,
e-mail: aplin.ig@yandex.ru

TSAPLIN Igor Semenovich,
Leading researcher at SIC-3 of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor,
Moscow, Narvskaya str., 15 «a», p. 1,
e-mail: aplin.ig@yandex.ru

Краткая аннотация. *В представленной статье рассматриваются исторические периоды становления института наказания в уголовном праве России. В заключении автор приходит к выводу о том, что современное уголовное право России стремится к балансу между необходимостью наказания за преступления и защитой прав человека, что отражает зрелость правовой системы.*

Abstract. *The presented article examines the historical periods of the development of the institution of punishment in Russian criminal law. In conclusion, the author concludes that modern Russian criminal law seeks to strike a balance between the need to punish crimes and the protection of human rights, reflecting the maturity of the legal system.*

Ключевые слова: *гуманизация, осужденные, преступления, уголовные наказания, уголовное право.*
Keywords: *humanization, convicts, crimes, criminal penalties, and criminal law.*

Для цитирования: *Цаплин И.С. Становление института наказания в уголовном праве России // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 334-336. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_334.*
For citation: *Tsaplin I.S. The establishment of the institution of punishment in Russian criminal law // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 334-336. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_334.*

Статья поступила в редакцию: 29.03.2026

Институт наказания в уголовном праве России прошел долгий и сложный путь эволюции, начиная с древнерусских правовых обычаев и заканчивая современными нормами, адаптированными к требованиям международного права и гуманизации уголовной политики. Рассмотрение данного вопроса требует детального анализа различных исторических этапов, каждый из которых внес свой вклад в формирование современной системы уголовных наказаний.

В Древней Руси правовые нормы в значительной мере основывались на обычаях и религиозных предписаниях. Этот период характеризуется преобладанием устной традиции и обычаев, которые регулировали общественные отношения и разрешали конфликты. Одним из первых письменных правовых источников является «Русская Правда» (XI-XII века), свод законов, созданный при Ярославе Мудром [1].

Данный источник представляет собой важнейший юридический документ того времени, фиксирующий нормы, регулирующие различные аспекты жизни древнерусского общества. В ней предусматривались такие виды наказаний, как штрафы (вира) и кровная месть, что отражает архаичную природу правовой системы того времени. Штрафы, например, налагались за такие преступления, как убийство, кража и нанесение телесных повреждений. Размер штрафа зависел от социального статуса пострадавшего и тяжести преступления. В то же время, кровная месть указывала на существование родо-племенных традиций и обычая замены материального возмещения за причиненный вред.

С образованием Московского государства в XIV-XV веках правовая система начала становиться более централизованной. Это связано с усилением княжеской власти и созданием более организованной государственной структуры. Судебники 1497 и 1550 годов, изданные при Иване III и Иване IV (Грозном), значительно расширили спектр наказаний, а также позволили укрепить судебную систему.

Судебник 1497 года, изданный при Иване III, стал первым общегосударственным сводом законов, охватывающим все основные сферы общественной жизни. В нем было предусмотрено множество нововведений, включая введение новых видов наказаний, таких как телесные наказания и ссылка. Кроме того был введен институт пожизненного заточения для особо тяжких преступлений, что свидетельствует о росте значимости государственной власти в регулировании общественных отношений.

Судебник 1550 года, созданный при Иване IV (Грозном), дополнительно ужесточил наказания за преступления и ввел новые формы наказаний. Телесные наказания (например, битье кнутом) стали широко применяться наряду с лишением свободы и смертной казнью, которая была введена для таких тяжких преступлений, как убийство, государственная измена и кража. Сказанное отражает усиление репрессивной функции государства и стремление к укреплению центральной власти через страх наказания.

Важным аспектом правовой системы Московского государства стало формирование аппарата управления и суда. Судебная система включала в себя различные уровни судебных инстанций, от местных судов до центральных органов, что способствовало более эффективному разрешению споров и укреплению правопорядка. Также существенно увеличилось число должностных лиц, ответственных за правоприменение и поддержание порядка, что свидетельствует о росте бюрократического аппарата и укреплении государственной власти [1].

Таким образом, правовая эволюция от Древней Руси к Московскому государству характеризуется переходом от обычаев и устных тра-

диций к письменным сводам законов и централизации судебной системы. Это отражает общую тенденцию к усилению государственной власти и установлению более жесткого контроля над обществом. «Русская Правда» и судебники XV-XVI веков являются важнейшими источниками, иллюстрирующими развитие правовой мысли и институциональных структур на Руси.

Период Российской империи характеризуется значительными изменениями и реформами в системе наказаний, которые существенно повлияли на правовое и социальное устройство государства. Эти реформы, начавшиеся с правления Петра I и продолжавшиеся до конца XIX века, демонстрируют эволюцию подходов к уголовному праву и пенитенциарной системе в России.

Следует отметить кардинальные изменения в правовой системе, включая систему наказаний. Одной из ключевых реформ стало введение Воинского Устава 1716 года и Артикула Воинского 1715 года. Эти документы регламентировали наказания за различные воинские и гражданские преступления, подчеркивая важность дисциплины и порядка в армии и государстве. Введение данных уставов имело целью усиление централизации власти и контроль над армией и обществом.

Период правления Петра I отмечен усилением практики применения телесных наказаний, таких как порка и клеймение. Эти меры были направлены на устрашение и поддержание строгой дисциплины. Также активно использовалась ссылка на каторгу в Сибирь, которая рассматривалась как суровое наказание, способное обеспечить долгосрочное отстранение преступников от общества и использование их труда в отдаленных и труднодоступных регионах.

Позднее, в XIX веке, произошли значительные изменения в уголовном праве, которые можно рассматривать как продолжение и развитие реформаторских традиций, заложенных Петром I. Важным этапом этого периода стало принятие «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года. Данный законодательный акт систематизировал уголовное законодательство Российской империи, вводя новые формы наказаний, такие как тюремное заключение, которое становилось альтернативой более жестоким мерам, применявшимся ранее [2].

Судебная реформа 1864 года, проведенная Александром II, способствовала созданию новой системы судопроизводства, направленной на улучшение правового статуса осужденных и обеспечение более справедливого и прозрачного судопроизводства. Введение института мировых судей, создание окружных судов и судебных палат способствовало расширению судебной системы и повышению ее эффективности. Реформа также ввела принципы гласности и состязательности судопроизводства, что обеспечило более высокую степень защиты прав обвиняемых и осужденных.

Таким образом, реформы в системе наказаний в период Российской империи отражают постепенное движение от крайне суровых методов к более гуманным и систематизированным формам правосудия. Эти изменения свидетельствуют о развитии правовой мысли и стремлении к созданию более справедливой и эффективной системы наказаний. В то же время, реформы данного периода демонстрируют взаимодействие между необходимостью поддержания порядка и дисциплины в государстве и стремлением к гуманизации уголовного права, что является важным аспектом правовой эволюции в истории России.

После Октябрьской революции 1917 года система уголовного права в Советской России и затем в СССР претерпела радикальные изменения, соответствующие новым идеологическим и политическим установкам. Переход к социалистическому строю потребовал полного пересмотра правовых норм, что нашло отражение в создании нового законодательства.

Первый Уголовный кодекс РСФСР, принятый в 1922 году, стал основополагающим документом, задающим тон развитию уголовного права в советский период. Введение новой классификации преступлений и наказаний отражало революционный подход к правосудию, где основное внимание уделялось классовой борьбе. В отличие от дореволюционной системы, советское уголовное право характеризовалось повышенной суровостью наказаний за политические преступления, что было связано с необходимостью укрепления власти большевиков и подавления контрреволюционной деятельности [3].

В 1930-1950-е годы, в период сталинских репрессий, система наказаний стала чрезвычайно жестокой. Рассматриваемый этап истории известен массовыми арестами, а также ссылками в исправительно-трудовые лагеря. Введение чрезвычайного законодательства и особых судебных органов, таких как «тройки» НКВД, позволило проводить репрессии в массовом порядке без соблюдения базовых правовых норм и процедур. В этот период число политических заключенных достигло невиданных ранее масштабов, что оказывало существенное влияние на общество, создавая атмосферу страха и подавления.

В 1953 году следует отметить постепенную либерализация уголовного права, связанную с процессами, происходящими внутри политического курса страны. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года стал значимым шагом в этом направлении. Данный документ смягчил ряд наказаний и ввел новые формы исправительных мер, такие как условное осуждение и общественное порицание. Новая редакция кодекса отражала стремление к гуманизации уголовного права, отказываясь от чрезмерно суровых мер и расширяя применение исправительных и превентивных мер.

В 1960-е годы также происходили значительные изменения в пенитенциарной системе, направленные на улучшение условий содержания заключенных и внедрение методов ресоциализации. При этом акцент смещался на использование исправительно-трудовых колоний с более мягкими режимами содержания.

На протяжении всего советского периода система наказаний и уголовного права отражала динамику политической жизни страны и ее идеологические приоритеты. Переход от революционной жестокости и репрессий к более гуманным и систематизированным формам правосудия свидетельствовал о сложном и противоречивом пути развития правовой системы. Важным аспектом стала эволюция подходов к уголовному праву, где от подавления политических противников и массовых репрессий государственная система постепенно переходила к более рациональным и гуманным методам наказания и исправления, что отражало общие тенденции либерализации и модернизации общества [4].

С распадом Советского Союза и образованием Российской Федерации в 1991 году начался новый этап развития уголовного права, который характеризуется значительными изменениями в законодательной и правоприменительной практике. Переход к рыночной экономике, демократизация общества и новые политические реалии потребовали кардинальной реформы уголовного законодательства.

В 1996 году был принят действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ), который существенно адаптировал уголовное законодательство к новым социально-экономическим условиям. Основной целью реформы стало создание правовой системы, способной эффективно отвечать на вызовы современного общества, защищая права и свободы граждан и обеспечивая справедливое правосудие.

Современный УК РФ характеризуется гуманизацией наказаний и введением альтернативных мер, направленных на снижение репрессивности уголовного права. В частности, введены такие меры наказания, как обязательные работы (статья 49 УК РФ), исправительные работы (статья 50 УК РФ), и ограничение свободы (статья 53 УК РФ). Эти меры позволяют применять более мягкие санкции в отношении правонарушителей, способствуя их исправлению и ресоциализации [5].

Гуманизация наказаний отражает стремление к снижению уровня жестокости в уголовном праве и увеличению применения мер, направленных на реабилитацию осужденных. В этом контексте, современное уголовное законодательство России предусматривает меры по защите прав осужденных, что включает обеспечение достойных условий содержания в местах лишения свободы, медицинскую помощь, право на образование и труд. Также активно развиваются программы ресоциализации и реабилитации, направленные на подготовку осужденных к возвращению в общество и предотвращение рецидива преступлений.

Необходимо отметить, что важным элементом современного уголовного права является усиление защиты прав человека. Введение института судебного контроля за исполнением наказаний, право на обжалование судебных решений, а также развитие институтов правозащитной деятельности способствуют повышению прозрачности и справедливости уголовного процесса.

На фоне изменения уголовного законодательства также наблюдаются реформы в системе исполнения наказаний. Создаются условия для более эффективного функционирования исправительных учреждений, внедряются новые методики работы с осужденными, направленные на их социальную адаптацию. В частности, значительное внимание уделяется программам трудовой и социальной реабилитации, что способствует снижению уровня рецидива и успешной интеграции бывших осужденных в общество.

Кроме того, значительные изменения претерпевает и подход к преступлениям, связанным с экономической деятельностью и коррупцией. Современный УК РФ включает статьи, направленные на борьбу с экономическими преступлениями, коррупцией и злоупотреблением должностными полномочиями. Эти меры направлены на обеспечение экономической безопасности страны и создание условий для прозрачной и честной деловой практики.

Таким образом, современный период развития уголовного права в Российской Федерации характеризуется комплексной реформой, направленной на гуманизацию наказаний, защиту прав осужденных и усиление мер по их ресоциализации. Эти изменения отражают стремление к созданию справедливой и эффективной системы правосудия, способной отвечать на вызовы современного общества и обеспечивать защиту прав и свобод граждан.

История развития института наказания в уголовном праве России демонстрирует постепенный переход от архаичных и жестоких форм наказания к более гуманным и цивилизованным мерам воздействия на правонарушителей. Важно отметить, что современное уголовное право России стремится к балансу между необходимостью наказания за преступления и защитой прав человека, что отражает зрелость правовой системы.

Список литературы

1. Боровиков, В. Б. Уголовное право. Общая часть : учебник для среднего профессионального образования / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов ; под редакцией В. Б. Боровикова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 268 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-17026-9. [Электронный ресурс]. URL : https://urait.ru/bcode/536807 (дата обращения: 10.03.2026).

2. Боровиков, В. Б. Уголовное право. Особенная часть : учебник для среднего профессионального образования / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов ; под редакцией В. Б. Боровикова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 505 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-17285-0. [Электронный ресурс]. URL : https://urait.ru/bcode/536856 (дата обращения: 15.03.2026).

3. Медведев, Е. В. Уголовное право России. Общая часть : учебное пособие для вузов / Е. В. Медведев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 221 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18080-0. [Электронный ресурс]. URL : https://urait.ru/bcode/544592 (дата обращения: 15.03.2026).

4. Гладких, В. И. Уголовное право России в таблицах и комментариях. Общая часть : учебник для вузов / В. И. Гладких, М. Г. Решняк. – 2-е изд. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 212 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-17476-2. [Электронный ресурс]. URL : https://urait.ru/bcode/543886 (дата обращения: 25.03.2026).

5. Сверчков, В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для вузов / В. В. Сверчков. – 10-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 727 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-16665-1. [Электронный ресурс]. URL : https://urait.ru/bcode/535442 (дата обращения: 28.03.2026).

References:

1. Borovikov, V. B. Criminal Law. General Part : textbook for secondary vocational education / V. B. Borovikov, A. A. Smerdov ; edited by V. B. Borovikov. – 7th edition, revised and expanded. – Moscow : Yurayt Publishing House, 2024. – 268 p. – (Vocational Education). – ISBN 978-5-534-17026-9. [Electronic resource]. URL : https://urait.ru/bcode/536807 (date of access: 10.03.2026).

2. Borovikov, V. B. Criminal Law. Special Part : Textbook for Secondary Vocational Education / V. B. Borovikov, A. A. Smerdov ; edited by V. B. Borovikov. – 7th ed., revised and expanded. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 505 p. – (Professional Education). – ISBN 978-5-534-17285-0. [Electronic resource]. URL: https://urait.ru/bcode/536856 (accessed: 15.03.2026).

3. Medvedev, E. V. Criminal Law of Russia. General Part: Textbook for Universities / E. V. Medvedev. – 2nd ed., revised and expanded. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 221 p. – (Higher Education). – ISBN 978-5-534-18080-0. [Electronic resource]. URL : https://urait.ru/bcode/544592 (date of access: 15.03.2026).

4. Gladkikh, V. I. Criminal Law of Russia in Tables and Comments. General Part : Textbook for Universities / V. I. Gladkikh, M. G. Reshnyak. – 2nd ed. – Moscow : Yurayt Publishing House, 2024. – 212 p. – (Higher Education). – ISBN 978-5-534-17476-2. [Electronic resource]. URL : https://urait.ru/bcode/543886 (date of access: 25.03.2026).

5. Sverchkov, V. V. Criminal Law. General and Special Parts : Textbook for Universities / V. V. Sverchkov. – 10th edition, revised. and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 727 p. – (Higher Education). – ISBN 978-5-534-16665-1. [Electronic resource]. URL: https://urait.ru/bcode/535442 (accessed: 28.03.2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_337

УДК 343.6

К ВОПРОСУ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППОЙ
ON THE ISSUE OF FOREIGN EXPERIENCE IN ORGANIZING PRELIMINARY INVESTIGATION BY AN INVESTIGATIVE TEAM

МАГОМЕДАЛИЕВ Маруф Магомедалиевич,
заместитель начальника кафедры физической подготовки
Уфимского юридического института МВД России.
450103, Россия, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2
E- mail: maruf005mail.ru

АРУТЮНЯН Ваган Николаевич,
преподаватель кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12 корп. 1.
E- mail: maruf005mail.ru

ХАБАРОВ Дмитрий Валентинович,
доцент кафедры огневой подготовки Краснодарского университета МВД России.
350005, Краснодарский Край, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128.
E- mail: maruf005mail.ru

MAGOMEDALIEV Maruf Magomedalievich,
Deputy Head of the Department of Physical Training
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
2 Muksinova str., Ufa, 450103, Russia
E- mail: maruf005mail.ru

HARUTYUNYAN Vahan Nikolaevich,
lecturer at the Department of Physical Training of the educational and scientific complex of special training
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.
12 Akademika Volgina str., bldg. 1, Moscow, 117997, Russia.
E-mail: maruf005mail.ru

KHABAROV Dmitry Valentinovich,
Associate Professor of the Department of Fire Training at the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
128 Yaroslavskaya str., Krasnodar Territory, 350005.
E-mail: maruf005mail.ru

Краткая аннотация: *Для раскрытия и расследования преступлений взаимодействие правоохранительных органов имеет решающее значение. Каждый субъект правоохранительной системы располагает уникальными методами и средствами, которые необходимо использовать совместно для комплексного и эффективного установления обстоятельств уголовного дела. Затягивание расследования может привести к утрате доказательств и затруднить установление истины по делу. В борьбе с преступностью доказано, что использование исключительно процессуальных средств неэффективно, поэтому взаимодействие следователя с другими сотрудниками правоохранительных органов, обладающих специальными навыками, является важным условием для быстрого и точного раскрытия преступлений и изобличения лиц их совершивших.*

Abstract: *Cooperation between law enforcement agencies is crucial for the detection and investigation of crimes. Each agency has its own unique methods and tools that must be used together to comprehensively and effectively investigate criminal cases. Delaying the investigation can lead to the loss of evidence and make it difficult to establish the truth in a case. In the fight against crime, it has been proven that relying solely on procedural means is ineffective, and therefore, the collaboration between investigators and other law enforcement agencies with specialized skills is essential for the rapid and accurate detection and prosecution of criminals.*

Ключевые слова: *Следователь, следственная группа, руководитель следственного органа, расследование преступлений, организация расследования.*

Keywords: *Investigator, investigative team, head of the investigative body, crime investigation, and investigation organization.*

Для цитирования: *Магомедалиев М.М., Арутюнян В.Н., Хабаров Д.В. К вопросу зарубежного опыта организации производства предварительного расследования следственной группой // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 337-340. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_337.*

For citation: *Magomedaliev M.M., Harutyunyan V.N., Khabarov D.V. On the issue of foreign experience in organizing a preliminary investigation by an investigative team // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 337-340. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_337.*

Статья поступила в редакцию: 19.03.2026

Основополагающей задачей правоохранительных органов Российской Федерации (далее – РФ) является расследование, раскрытие преступлений изобличение лиц их совершивших[1]. В УПК РФ подчеркивается самостоятельность следователя в решении процессуальных вопросов, которые определяют ход и направления расследования преступлений различных категорий. Исходя из вышеприведенных аспектов, у следователя часто возникает необходимость обратиться к другим субъектам правоохранительной сферы за получением содействия с их стороны. В большинстве случаев данная совместная деятельность показывает свою эффективность. Взаимодействие необходимо в связи с наличием общих целей, таких как определение причин и условий преступности, ее предупреждение и пресечение, различиями в применяемых методах расследования преступлений и способах документирования полученных результатов.

Поскольку взаимодействие – одна из функций управленческой деятельности, обеспечивающая разделение труда, экономию сил и

средств, времени, позволяющая разрешить основные задачи, стоящие перед правоохранительными органами: защиту прав и законных интересов личности и организаций, потерпевших от преступлений; защиту подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений от незаконного обвинения, осуждения[2] рациональное и эффективное сочетание сил, средств и методов при выполнении процессуальных действий в целях привлечения к уголовной ответственности; осуществление розыска лиц, скрывшихся от органов предварительного следствия; принятие мер к возмещению вреда, причиненного общественно- опасными действиями/бездействиями; предупреждение, выявление и раскрытие преступлений, изобличение лиц их совершивших; обнаружение, собирание, проверка и оценка доказательств вины как потерпевшего, так и подозреваемого/обвиняемого; способствование укреплению законности и правопорядка; организация объединения людей [3].

В правовых нормах РФ не дается толкование понятий «следственная группа», «следственно-оперативная группа». Беря во внимание становление следственных подразделений, стоит отметить, что одной из немногих предпосылок создания следственно-оперативной группы (далее – СОГ) явилось осуществление предварительного следствия несколькими следователями согласно УПК РСФСР. Впервые понятие «следственная группа» было введено в оборот в 2001 г. с вступлением в законную силу УПК РФ. Обращаясь к уголовно- процессуальному законодательству России, следует отметить, что в случае сложности или большого объема расследуемого уголовного дела производство предварительного следствия может быть поручено следственной группе, о чем выносится соответствующее постановление руководителем следственного органа. В научных, учебных пособиях встречаются многообразные вариации термина «следственная группа», например, «группа следователей», «следственная бригада» или «бригада следователей» [4].

Отметим, что следственные группы могут создаваться в подразделениях Следственного комитета России (далее – СК России), Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ), Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ФСБ РФ).

В СК России создаются постоянно действующие следственные группы для расследования тяжких особо тяжких преступлений. Согласно приказу СК России № 2 от 15 января 2011 г. «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации», руководители следственных органов обязаны формировать такие группы и назначать старшими группы наиболее опытных следователей [5].

Организация следственных групп в системе ФСБ РФ регламентирована приказом ФСБ РФ, который позволяет создавать эти группы для расследования преступлений, относящихся к компетенции следователей ФСБ РФ3. В соответствии с Приказом МВД РФ от 9 января 2018 г. № 1 «Об органах предварительного следствия в системе МВД России», в следственных подразделениях территориальных органов МВД РФ могут создаваться следственные группы при штатной численности не менее двух следователей, которые будут включены в состав этой группы[6].

Несмотря на успешную практику работы следственно-оперативных групп, УПК РФ не рассматривает их как коллегиальный субъект расследования, поскольку следственные и оперативные работники наделены разными полномочиями и применяют различные методы. Следствие ведется в процессуальных формах, а оперативная деятельность – в рамках Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно- розыскной деятельности» и включает в себя, в том числе, негласные мероприятия [7].

Ядром следственно-оперативной группы является следственная группа, которая взаимодействует с органами дознания и оперативными работниками. Создание «следственно-оперативной группы» приказом по органу внутренних дел неверно, поскольку приказ должен быть выдан для формирования следственной группы, в которую входят работники дознания и оперативно-розыскных служб. Таким образом, «следственно-оперативная группа» – это не самостоятельное понятие, а организационное сочетание различных служб в целях эффективного проведения предварительного следствия.

Действительно, в соответствии с УПК РФ к работе следственной группы при расследовании сложных уголовных дел разрешено привлекать работников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, но к таковым не относятся специалисты-криминалисты. А потому и существуют различия следственной группы и СОГ. Следственная группа, работающая по бригадному методу от начала расследования до составления обвинительного акта, отличается от следственно-оперативной группы (СОГ) не только составом участников, но и продолжительностью своей деятельности.

Рассматривая зарубежный опыт организации производства предварительного расследования следственной группой отметим, что в странах СНГ наблюдается разнообразие правовых систем: некоторые уже обновили свои уголовно- процессуальные кодексы, в то время как другие все еще применяют советские версии. Несмотря на это, регулирование деятельности следственных групп в уголовно-процессуальном законодательстве разных стран СНГ демонстрирует некоторые отличия от российской практики. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Молдова, действующем от 1961 г., в ст. 110, касающейся производства следствия несколькими следователями, полностью повторяется текст ч. 3 ст. 129 УПК РСФСР 1960 г. Единственным отличием является выделение правовых норм, регулирующих деятельность следственной группы, в отдельную статью [8].

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь, производство расследования уголовных дел в составе СГ также регламентировано отдельной статьей. Производство расследования сложных уголовных дел может поручаться следственным группам (далее – СГ) по решению прокурора или начальника следственного отдела, их заместителей. В постановлении о поручении предварительного следствия СГ указывается список следователей, ответственных за производство следственных и процессуальных действий по уголовному делу, кроме того, прокурор имеет право возглавлять СГ. Руководитель следственной группы управомочен принимать решение о соединении уголовных

дел. Постановление о поручении следствия СГ доводится до сведения обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, участников гражданского иска и их представителей. Им разъясняется право на отвод любого следователя из состава группы[9].

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан 1997 г. выделяет ст. ст. 198 и 199, которые регулируют порядок проведения предварительного следствия группой следователей и полномочия руководителя группы. Начальник следственного отдела полиции, национальной безопасности или финансовой полиции может поручить расследование следственной группе. Уголовно- процессуальный кодекс Республики Казахстан позволяет создавать следственные группы, включающие следователей из разных органов, занимающихся предварительным следствием. Прокурор может распорядиться о создании группы, либо об этом могут договориться начальники подразделений, оформив решение совместным постановлением. Генеральный прокурор в особых случаях имеет право создавать следственные группы из следователей разных органов. Это происходит, если расследование неполное или необъективное, дело сложное или важное. Генеральный прокурор также контролирует законность работы такой группы. Участники процесса, помимо ознакомления с постановлением о создании группы, имеют право заявить отвод на руководителя или любого следователя из СГ. Руководитель группы, как и в Беларуси, принимает решение о соединении дел. Однако, в Казахстане, по сравнению с Уголовно- процессуальным кодексом Республики Беларусь, взаимодействие между следователями из группы ограничено, так как только руководитель СГ может принимать участие в действиях, проводимых другими следователями.

Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики (далее – УПК КР) регулирует производство предварительного следствия, проводимого следственной группой, в ст. 167 «Производство следствия группой следователей» и ст. 168 «Полномочия руководителя следственной группы».

Существуют некоторые особенности в УПК КР: прокурор и руководитель следственного подразделения могут поручать следствие следственной группе (ст.ст. 34 и 37 УПК КР), хотя ст. ст. 167 и 168 об этом не упоминают. Руководитель следственной группы наделен полномочиями вести следствие лично, используя при этом полномочия следователя (ст. 168 УПК КР). Неясно, кто принимает решение о прекращении уголовного дела, которое ведется следственной группой.

Статьей 168 УПК КР также предусматривается, что руководитель следственной группы составляет постановление о привлечении в качестве обвиняемого [10].

В Чехии для расследования сложных дел с множеством эпизодов создаются рабочие группы, деятельность которых регулируется приказом министра внутренних дел. Эти группы формируются по письменному распоряжению, которое определяет количество сотрудников, их взаимосвязи и подчинение руководителю группы. Однако, несмотря на специфику работы, эти группы сталкиваются с определенными проблемами, например, начальники органов безопасности формально подходят к формированию групп, выделяя для работы сотрудников, уходящих в отпуск или на лечение. Также руководителем группы часто назначается начальник следственного подразделения, который формально не уделяет должного внимания работе группы и фактически передает полномочия своим подчиненным[11].

В Германии, где нет предварительного следствия в российском понимании, а расследованием преступлений занимается в основном прокуратура или полиция под ее руководством, существует два типа специальных групп для расследования сложных дел: следственные и рабочие. Следственные группы, обычно состоящие из руководителя и четырех сотрудников, работают над одним конкретным делом на протяжении определенного времени. Рабочие группы, наоборот, могут быть больше по размеру и фокусируются на группе преступлений (например, кражах машин) или на определенном регионе. Процесс создания и работы этих групп в Германии четко регламентирован: письменное сообщение о создании группы подается начальнику полицейского управления с указанием уровня секретности. Через четыре недели после начала работы группы составляется отчет о затраченных средствах, анализируются результаты, и информация передается руководству для принятия решения о дальнейших действиях. По завершении работы группы составляется отчет о результатах расследования, и группа распускается. Прокуратура информируется о создании любой группы и о ее потребностях. Важно отметить, что как следственные, так и рабочие группы в Германии не только расследуют преступления, но и разрабатывают меры по их профилактике [12].

В Австрии уголовный процесс отличается сложной структурой, особенно на этапе предварительного производства. Предварительное расследование разделено на дознание и предварительное следствие, которые могут проводиться отдельно или совместно. Дознание – это начальная стадия, целью которой является определение наличия оснований для возбуждения уголовного дела. Дознание может быть «обычным» – проводимым прокурором или по его поручению полицией, жандармерией, районным судом или следственным судьей – или «судебным» – проводимым следственным судьей или по его поручению районным судом. Предварительное следствие проводится в строго установленных случаях по ходатайству прокурора или частного обвинителя и направлено на проверку обвинения и полное выяснение обстоятельств преступления. Его осуществляют один или несколько следственных судей первой инстанции. Взаимодействие различных органов является ключевым элементом австрийского уголовного процесса. Все сообщения о преступлениях передаются прокурору, который обладает широкими полномочиями: проводить дознание, давать поручения другим органам, в том числе полиции и жандармерии, и даже требовать применения вооруженной силы. Прокурор является центральной фигурой в уголовном преследовании, а следователи, районные суды и следственные судьи участвуют в процессе, выполняя определенные функции [13].

Таким образом, зарубежный опыт создания следственных групп для расследования сложных преступлений демонстрирует, что, несмотря на широкое использование подобных структур, их деятельность часто регулируется внутренними правилами ведомств, а не уголовно-процессуальным законодательством. Исключением являются страны СНГ. В некоторых странах деятельность следственных групп регулируется на высшем уровне, что отражает важность скорого и качественного раскрытия сложных преступлений.

Международный опыт указывает на необходимость создания следственных групп для эффективного расследования трудозатратных, сложных преступлений. Это позволяет обеспечить своевременное и качественное проведение расследования, что соответствует интересам государства и общества.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноября 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 декабря 2001 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52, (ч. I), ст. 4921.

2. Арестова Е. Н. Предварительное следствие в органах внутренних дел. Взаимодействие следователя с участниками уголовного судопроизводства: учебник и практикум для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. С. 104.

3. Ефимичев С. П., Ефимичев П. С. Задачи предварительного расследования // Журнал российского права. 2006. № 9 (117). С. 86.

4. Тарасов А. А. «Бригадное расследование» в контексте общих проблем следственного аппарата современной России // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1 (55). С. 111.

5. Лубягин М. С. Следственная группа как объект уголовно-процессуальных правоотношений: методологический анализ // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 4. С. 17

6. Об объявлении органами федеральной службы безопасности официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, дознание и предварительное следствие по которым отнесено законодательством Российской Федерации к ведению органов федеральной службы безопасности [Электронный ресурс]: приказ ФСБ РФ от 2 ноября 2010 г. № 544 // Рос. газ. – 2010 – 17 ноября.

7. Об органах предварительного следствия в системе МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД Российской Федерации от 09 января 2018 г. № 1. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова 2003 г. URL: https://continent- online.com/Document/?doc_id=30397729#pos=6215;-44 (дата обращения: 28.01.2026).

9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 28.01.2026).

10. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской республики 2021 г. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/112308/edition/14744/ru (дата обращения: 28.01.2026).

11. Майорова Л. В. Уголовно-процессуальное законодательство Чешской республики: учебно-методическое пособие. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1999. С. 19.

12. Вернер Бойльке. Уголовно-процессуальное право ФРГ: учебник для студентов юридических факультетов. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. С. 181–184.

13. Бутов В. Н. Уголовное судопроизводство Австрийской Республики: опыт и проблемы организации и деятельности. Екатеринбург: Изд-во Ур. гос. экон. ун-та, 1999. С. 31–32, 177–183.

References:

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law. The law grew. Federal Law No. 174-FZ of December 18, 2001: adopted by the State Duma of the Russian Federation. The collection grew. Of the Russian Federation on November 22, 2001: approval. The Federation Council Feder. The collection grew. Of the Russian Federation on December 5, 2001 // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. - 2001. – No. 52, (part I), art. 4921.

2. Arestova E. N. Preliminary investigation in the internal affairs bodies. The investigator's interaction with participants in criminal proceedings: textbook and workshop for universities. 3rd ed., revised and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. p. 104.

3. Efimichev S. P., Efimichev P. S. Tasks of the preliminary investigation // Journal of Russian Law. 2006. No. 9 (117). P. 86.

4. Tarasov A. A. "Brigade investigation" in the context of the general problems of the investigative apparatus of modern Russia // The rule of law: theory and practice. 2019. No. 1 (55). p. 111.

5. Lubyagin M. S. The investigative group as an object of criminal procedural legal relations: a methodological analysis // Siberian criminaI procedural and criminalistic readings. 2022. No. 4. P. 17

6. On the announcement by the bodies of the Federal Security Service of an official warning about the inadmissibility of actions that create conditions for the commission of crimes, the inquiry and preliminary investigation of which are attributed by the legislation of the Russian Federation to the jurisdiction of the Federal Security Service [Electronic resource]: Order of the FSB of the Russian Federation dated November 2, 2010 No. 544 // Russian Gas. – 2010 – November 17th.

7. On the bodies of preliminary investigation in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia [Electronic resource]: Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated January 09, 2018 No. 1. The document has not been published. Access from the help.-legal system "ConsultantPlus".

8. Criminal Procedure Code of the Republic of Moldova, 2003. URL: https://continent - online.com/Document/?doc_id=30397729#pos=6215 ;-44 (date of publication: 28.01.2026).

9. Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus 1999 URL: https://online .zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (date of request: 28.01.2026).

10. The Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic 2021. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/112308/edition/14744/ru (date of reference: 01/28/2026).

11. Mayorova L. V. Criminal procedure legislation of the Czech Republic: an educational and methodical manual. Krasnoyarsk: Krasnoyar State University, 1999. p. 19.

12. Werner Boylke. Criminal procedure law of Germany: a textbook for law students. Krasnoyarsk: RUMTS South, 2004. pp. 181-184.

13. Butov V. N. Criminal proceedings of the Republic of Austria: experience and problems of organization and activity. Yekaterinburg: Publishing house of Ur. gos. ekon. University, 1999. pp. 31-32, 177-183.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_341

УДК 343.1

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ В РОССИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
JUVENILE JUSTICE IN RUSSIA: CRIMINOLOGICAL JUSTIFICATION OF THE NEED FOR SPECIALIZED JUVENILE JUSTICE

МАРКИНА Алёна Алексеевна,
магистрант юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир, Россия, 600020, ул. Горького д. 87,
E-mail: alenamar2000@mail.ru

ШУМОВ Петр Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права факультета права и управления
Владимирского юридического института ФСИН России,
доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е,
E-mail: pshumov@gmail.com

MARKINA Alena A.,
master student of the Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's.
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
E-mail: alenamar2000@mail.ru

SHUMOV Petr V.,
Head of the Department of Theory and History of State and Law of Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, associate professor of the Department of Civil Law and Process
of Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, candidate of law, associate professor,
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Russia,
E-mail: pshumov@gmail.com

Краткая аннотация: *в рамках данной статьи осуществляется криминологическое исследование, целью которого является аргументация потребности в необходимости в России специализированного судопроизводства по делам несовершеннолетних в качестве ювенальной юстиции, учитывающего психологические особенности подростков-правонарушителей. На этой основе доказывается целесообразность учреждения обособленной судебной системы, которая занималась бы исключительно делами с участием неовершеннолетних.*

Abstract: *Within the framework of this article, a criminological study is carried out, the purpose of which is to argue the need for specialized juvenile justice in Russia as juvenile justice, taking into account the psychological characteristics of juvenile offenders. On this basis, the expediency of establishing a separate judicial system that would deal exclusively with cases involving minors is proved.*

Ключевые слова: *ювенальная юстиция, несовершеннолетние, правосудие, преступление, преступность несовершеннолетних, несовершеннолетние, судопроизводство, специализированные суды, исполнение наказаний.*

Keywords: *juvenile justice, minors, justice, crime, juvenile delinquency, minors, judicial proceedings, specialized courts.*

Для цитирования: *Маркина А.А., Шумов П.В. Ювенальная юстиция в России: криминологическое обоснование необходимости специализированного судопроизводства по делам несовершеннолетних // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 341-343. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_341.*

For citation: *Markina A.A., Shumov P.V. Juvenile justice in Russia: criminological justification of the need for specialized juvenile court proceedings // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 341-343. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_341.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Проблема преступности несовершеннолетних, будучи одной из наиболее актуальных и многогранных, неизменно привлекает внимание социума, требуя для своего разрешения междисциплинарных и комплексных исследований. Именно это явление выступает центральным предметом анализа для ювенальной юстиции – особой судебной системы, чья деятельность направлена на охрану прав и законных интересов несовершеннолетних.

По мнению депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва, кандидата экономический наук Апатенко С. Н. (в прошлом директор Департамента государственной молодежной политики, воспитания и социальной защиты детей Министерства образования и науки России) в доктрине российского права нет единого понимания о том, что представляет собой ювенальная юстиция [1].

Юридически ювенальная юстиция – это система защиты прав несовершеннолетних, которая включает в себя государственные органы, учреждения, организации, осуществляющие свою деятельность, взаимодействуя с социальными, методико-психологическими службами в сфере оказания помощи несовершеннолетним в части защиты и реализации их прав [4, С. 642].

Существующая модель ювенального правосудия демонстрирует существенный пробел: она недостаточно адаптирована к специфике несовершеннолетних правонарушителей. Их возрастные, психологические и социальные характеристики часто остаются за рамками судебного рассмотрения. Данное упущение напрямую подрывает результативность мер – и карательных, и, что особенно важно, воспитательных.

Современная российская модель правосудия в отношении несовершеннолетних, хотя и включает ряд особых положений в УК РФ [1] и

УПК РФ [2], не может считаться целостной системой ювенальной юстиции. Ее отличает комплекс серьезных пробелов, которые прямо влияют на результативность работы.

Российское право в формальном смысле фиксирует специфику привлечения к уголовной ответственности лиц, не достигших совершеннолетия. Для судопроизводства по таким делам действуют особые регламенты, а уголовному наказанию здесь могут быть противопоставлены принудительные меры воспитательного характера. Но реальное применение данных положений демонстрирует откровенную непоследовательность. Фактически вся система продолжает тяготеть к карательной парадигме, оставляя воспитательные и восстановительные подходы на втором плане.

Одной из центральны проблем действующей правовой системы, как справедливо отмечают С.В. Хрущев и А.П. Кара, выступает отсутствие судов, специализирующихся на рассмотрении дел с участием несовершеннолетних [6, С. 25]. Вопросы преступности несовершеннолетних сегодня разрешаются в рамках общих судов общей юрисдикции. Судьи, ведущие такие процессы, зачастую не имеют глубокой подготовки в сферах возрастной психологии, педагогических методик и практик социальной работы.

Формальный характер специализации судей по делам несовершеннолетних не обязывает их проходить углубленную подготовку по подростковой психологии и педагогике. Следствием этого становится судебная практика, где доминируют строго юридические критерии. Личность подростка, мотивы и обстоятельства его проступка, потенциал для исправления вне карательных мер – всё это зачастую остаётся за рамками судебного рассмотрения при вынесении приговора.

Отсутствие судов, специализирующихся на делах несовершеннолетних, влечёт за собой серьёзную проблему. Система правосудия фактически воспринимает подростков-правонарушителей как «взрослых в миниатюре» [5, С. 663]. К ним применяются стандартные процедуры, разработанные для взрослых преступников, пусть и с отдельными формальными послаблениями. Такой подход игнорирует принципиальные психологические и социальные особенности возраста несовершеннолетнего.

Исследование криминологических аспектов преступности несовершеннолетних, специфики личности несовершеннолетних правонарушителей, пробелов действующего правосудия и зарубежного опыта дает основания для вывода о необходимости формирования в России специализированной ювенальной юстиции.

Создание подобной системы продиктовано не только международными обязательствами, взятыми на себя Российской Федерацией. Гораздо важнее здесь объективная потребность в действенных механизмах противодействия преступности среди несовершеннолетних. Речь идет о комплексной задаче: защите прав ребенка, создании условий для его полноценной интеграции в общество и, как следствие, пресечении тенденции к закреплению антисоциального поведения на долгие годы.

Формирование института ювенальной юстиции следует трактовать отнюдь не в качестве следования модным либеральным трендам или механического заимствования зарубежных схем. Его внедрение представляет собой сугубо прагматичный шаг, нацеленный на оптимизацию работы судебного механизма и минимизацию общественных потерь, порождаемых преступностью.

Особый характер подростковой преступности диктует необходимость применения особых правовых механизмов. Психологические особенности, мотивы и уровень социального развития несовершеннолетних правонарушителей существенно отличаются от взрослых. Указанное различие затрагивает и саму возможность осознания последствий своих поступков, а значит, и вопрос об их ответственности.

Использование в отношении подростков тех же юридических процедур и санкций, что и для взрослых, не учитывает их психофизиологические особенности и обрекает правосудие на низкую результативность.

Период юности – это время активного становления личности, когда мировоззрение и модели поведения еще пластичны, что открывает широкие перспективы для успешной ресоциализации, если применяемые методы соответствуют специфике возраста. Специально созданная ювенальная юстиция, опирающаяся на комплексное знание подростковой психологии, демонстрирует гораздо более высокую эффективность в работе с несовершеннолетними, т.к. ее цель – не просто наказание, а действенное исправление и надежная профилактика рецидивов.

Реализация принципа индивидуализации воздействия на несовершеннолетних, совершивших правонарушение или преступление, требует особой институциональной среды – системы ювенальной юстиции, наделенной достаточными ресурсами и профессиональным потенциалом. Лишь она способна обеспечить всестороннее изучение личности подростка и условий его социального бытия.

Уникальность личности каждого подростка, преступившего закон, не вызывает сомнений. За каждым проступком стоит своя биография, комплекс личных трудностей и скрытые ресурсы для позитивных изменений. Унифицированные правовые механизмы, фокусирующиеся сугубо на квалификации и тяжести инкриминируемого деяния, игнорируют эту антропологическую специфику. Как следствие, их результативность в достижении истинных целей исправления зачастую оказывается мнимой.

В рамках ювенальной юстиции обязательным элементом становится комплексное изучение личности подростка – его психологического состояния и социального окружения. Специалисты стремятся установить мотивы и обстоятельства, приведшие к преступлению, а также спрогнозировать вероятность рецидива. Наряду с этим, выясняются актуальные нужды несовершеннолетнего: требуется ли ему психологическая помощь, образовательная коррекция или иная социальная поддержка. Полученные данные ложатся в основу персонализированной программы реабилитации.

В ювенальной юстиции краеугольным камнем служит принцип, отдающий предпочтение воспитательным, а не карательным мерам. Его фундамент прочно заложен в криминологической теории. Изоляция от общества, воплощенная в лишении свободы, редко ведет к исправлению. Напротив, она часто кристаллизует криминальную идентичность, ускоряет погружение в тюремную субкультуру и обрывает здоровые соци-

альные связи подростка. Куда более действенной альтернативой выступают меры воспитательного характера. Их эффективность в профилактике рецидива обусловлена фокусом на развитии просоциальных компетенций, коррекции ценностных установок и нейтрализации криминогенных обстоятельств в жизни молодого человека.

В основе ювенальной юстиции лежит ориентация на альтернативные санкции. Вместо традиционного уголовного преследования система предлагает комплекс мер, включающий программы социальной адаптации и психологическую поддержку. Подобный подход позволяет реализовать цели правосудия, избегая применения карательных мер к несовершеннолетнему.

Криминологическая ценность восстановительных практик при взаимодействии с подростками-правонарушителями заключается в их способности стимулировать осмысление содеянного. Такой подход побуждает несовершеннолетнего к принятию на себя ответственности и активному возмещению ущерба, что в перспективе демонстрирует более высокую результативность в профилактике рецидива по сравнению с традиционными карательными мерами.

В сравнении с традиционным правосудием ювенальная юстиция обладает куда более весомым профилактическим ресурсом. Её фокус смещён не столько на реакцию на свершившиеся правонарушения, сколько на обнаружение и нейтрализацию тех самых условий, что толкают подростка на преступный путь. Фундамент этой специализированной системы – взаимодействие с социальными службами, образовательными учреждениями, органами опеки. Именно такой межведомственный подход даёт возможность для всесторонней работы с семьёй и ближайшим окружением несовершеннолетнего. Ключевым же звеном профилактики выступает ранняя диагностика подростков в социально опасной ситуации или с признаками девиации, за которой незамедлительно следует адресная поддержка, способная прервать траекторию криминализации.

Функционирование ювенальной юстиции предполагает формирование особых институциональных механизмов, основная задача которых – обеспечить слаженное взаимодействие между различными ведомствами и общественными структурами, вовлеченными в предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних. Подобная координация в конечном счете ведет к существенному повышению результативности всей профилактической деятельности.

В практике ювенальной юстиции альтернативным мерам воздействия на несовершеннолетних правонарушителей следует отдать безусловный приоритет. Их применение должно стать правилом, а не исключением, во всех ситуациях, где это не подрывает фундаментальные цели правосудия. Сама система таких мер обязана отличаться разнообразием и гибкостью. Возможно установление специальных поведенческих требований к подростку. Допустимо помещение под надзор куратора либо профильной организации. В перечень входят также ограничения в сфере досуга и введение персональных правил поведения.

Подводя итог, отметим, что существующая модель правосудия, сфокусированная в основном на карательных подходах и лишенная необходимой специализации, демонстрирует свою несостоятельность в работе с подростками, совершившими правонарушения. Она не достигает целей исправления и не ведет к сокращению повторных преступлений.

Криминологическое исследование подростковой преступности, специфики личности несовершеннолетних преступников, изъянов действующего правосудия и зарубежных практик однозначно указывает на потребность в формировании в России обособленной ювенальной юстиции. Данное явление социальной жизни отличается исключительной сложностью, а потому нуждается в целостной стратегии, принимающей во внимание психофизиологические и социальные черты подросткового возраста.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52, ч. 1, ст. 4921.
3. Апатенко, С. Н. Ювенальная юстиция в системе государственной молодежной политики / С.Н. Апатенко // Материалы «круглого стола» Государственной Думы ФС РФ «Становление ювенальной юстиции в России: опыт, проблемы и перспективы», 20 марта 2006 г. // Всероссийский информационный портал «Ювенальная юстиция в России».
4. Ульчаева, А. С. Криминологические аспекты вопроса о необходимости создания системы ювенальной юстиции в Российской Федерации / А. С. Ульчаева // Молодой ученый. – 2023. – №20 (467). – С. 642-645.
5. Сидорова, Е. З. Ювенальная юстиция в России как экспериментальный проект / Е. З. Сидорова // Юридическая техника. – 2025. – №. 19. – С. 663-666.
6. Хрущев С. В. Ювенальная юстиция: за и против. Развитие ювенальной юстиции в России / С. В. Хрущев, А. П. Кара // Научный альманах. – 2025. – №3-2 (125). – С. 25-28.

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation: [Federal Law. Law No. 63-FZ of June 13, 1996 : adopted by the State Duma on May 24, 1996] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25, art. 2954.
2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation : [feder. the law of 18 Dec. 2001. No. 174-FZ: adopted by the State Duma on November 22, 2001.] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52, Part 1, Article 4921.
3. Apatenko, S. N. Juvenile Justice in the System of State Youth Policy / S. N. Apatenko // Materials of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation "The Formation of Juvenile Justice in Russia: experience, problems and prospects", March 20, 2006 // All-Russian information portal "Juvenile Justice in Russia".
4. Ulchaeva, A. S. Criminological aspects of the issue of the need to create a juvenile justice system in the Russian Federation / A. S. Ulchaeva // Young Scientist. – 2023. – No. 20 (467). – Pp. 642-645.
5. Sidorova, E. Z. Juvenile Justice in Russia as an Experimental Project / E. Z. Sidorova // Legal Technique. – 2025. – No. 19. – Pp. 663-666.
6. Khrushchev S. V. Juvenile Justice: Pros and Cons. The Development of Juvenile Justice in Russia / S. V. Khrushchev, A. P. Kara // Scientific Almanac. – 2025. – No. 3-2 (125). – Pp. 25-28.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_344

СПЕЦИФИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ БЫВШИХ ОСУЖДЕННЫХ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ РОДИТЕЛЯМИ ПО ВОПРОСАМ РАЗВИТИЯ, ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ
THE SPECIFICS OF PSYCHOLOGICAL COUNSELING FOR EX-CONVICTS WHO ARE PARENTS ON THE DEVELOPMENT, UPBRINGING AND EDUCATION OF CHILDREN

АНАНЬЕВА Жанна Николаевна,
педагог-психолог ГБУ РО Центр
психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи
390000, Россия, Рязанская обл., г. Рязань, Ул. Соборная 8.
Email: zhane.ananjeva@yandex.ru

ANANYEVA Zhanna Nikolaevna,
teacher-psychologist GBU RO Center for psychological, pedagogical, medical and social assistance
390000, Russia, Ryazan region, Ryazan, Ul. Sobornaya 8.
Email: zhane.ananjeva@yandex.ru

АНАНЬЕВ Олег Геннадьевич,
старший преподаватель кафедры социальной психологии, социальной работы и пробации
Академии ФСИН России.
390000, Россия, Рязанская обл., г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: ananev.oleg2013@yandex.ru

ANANYEV Oleg Gennadievich,
Senior Lecturer at the Department of Social Psychology, Social Work and Probation
of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
390000, Russia, Ryazan region, Ryazan, Sennaya str., 1.
E-mail: ananev.oleg2013@yandex.ru

Краткая аннотация: *в статье рассматриваются специфические особенности психологического консультирования родителей, имеющих непогашенную или снятую судимость. Акцент сделан на комплексных проблемах, возникающих на пересечении ресоциализации бывшего осужденного и реализации им родительских функций. Автор анализирует ключевые запросы данной категории клиентов, связанные с развитием, обучением и воспитанием детей, а также внешние и внутренние барьеры. Предлагается модель консультативной работы, интегрирующая методы когнитивно-поведенческой терапии, ориентированной на решение, и социально-психологического тренинга.*

Abstract*: the article discusses the specific features of psychological counseling for parents with an outstanding or suspended criminal record. The emphasis is placed on the complex problems that arise at the intersection of the re-socialization of the former convict and the realization of his parental functions. The author analyzes the key needs of this category of clients related to the development, education and upbringing of children, as well as external and internal barriers. A model of counseling work is proposed that integrates the methods of solution-oriented cognitive behavioral therapy and socio-psychological training.*

Ключевые слова: *психологическое консультирование, бывшие осужденные, родительство, ресоциализация, стигматизация, детско-родительские отношения, восстановительный подход.*

Keywords*: psychological counseling, convicts, parenting, re-socialization, stigmatization, child-parent relations, restorative approach.*

Для цитирования: *Ананьева Ж.Н., Ананьев О.Г. Специфика психологического консультирования бывших осужденных, являющихся родителями по вопросам развития, воспитания и обучения детей // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 344-347. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_344.*

For citation: *Ananyeva Zh.N., Ananyev O.G. The specifics of psychological counseling for former convicts, parents who are responsible for the development, upbringing and education of children // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 344-347. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_344.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Введение. На сегодняшний день психологические консультации и психотерапия проходят в стандартном режиме, который подходит для большинства категорий граждан, однако его стабильность и эффективность снижается из-за установившихся в изоляции от общества паттернов поведения, ориентирующие под восприятия специальные формы диалога и взаимодействия, как у сотрудника-осужденного или начальника-подчиненного. Подобные особенности влияют на детско-родительские отношения и взаимоотношения со специалистом, так как из-за сформированного условного рефлекса и привыкания к ранним условиям в исправительных учреждениях, тюрьмах или специализированных центрах возникает некое восприятие собеседника в роли либо сотрудника служебной деятельности, способного дать ясный понятный ответ, либо неквалифицированного работника психологической службы в связи с его отличающимся подходом к ведению консультации.

Специфика родительства в данной группе остается малоизученной областью на стыке пенитенциарной психологии, психологии семьи и консультативной практики. Существующие исследования чаще фокусируются либо на общей ресоциализации осужденных, либо на детях, чьи родители находятся в местах лишения свободы, оставляя без внимания период непосредственного возвращения и восстановления родительской роли.

Цель исследования. Описать специфику взаимодействия с данной категорией граждан и паттерны поведения для повышения качества коммуникации и результатов.

Методы. Анализ практик отечественных ученых и психологов, выявляя особенности личностей, отбывших срок в местах лишения свободы, при взаимодействии со специалистами соответствующих центров или частными психологами, психотерапевтами.

Родители, являющиеся бывшими осужденными, чаще имеют специфичные комплексы, психологические травмы и приобретенные

адаптационные стратегии. Это связано с факторами и условиями изоляции, а также группы, с которой личность существует в местах лишения свободы. При этом чем дольше лицо находится там, тем ярче будут видны новые проявления психических явлений и процессов. Так можно встретить гиперболизированную значимость иерархии и силовое доминирование, подозрительность, снижение эмпатии, ригидность мышления.

В период реадаптации в семье часто наблюдается дисфункция, то есть попытка самостоятельной перестройки детско-родительских отношений на основе взаимодействия начальника и подчиненного, где примером было взаимоотношение его с сотрудниками служебной деятельности, администрацией или руководством. Это вызвано потребностью в удержании постоянства и нежеланием выходить из рамок привычного комфорта. При этом эмоционально-личностная сфера характеризуется высокой тревожностью (страх неудачи, постоянное ожидание осуждения), агрессивностью как привычным способом защиты и реагирования, а также выраженной низкой самоэффективностью. Последнее связано с чувством вины перед ребенком и семьей, опытом социального поражения и внутренней убежденностью в собственной педагогической несостоятельности [1].

При перечислении основных проблем в семье можно выделить следующее:

1. Нарушенный тип привязанности, то есть тревожно-избегающий или дезорганизованный. Ребенок, выросший в разлуке, может воспринимать родителя как чужого, испытывать обиду и недоверие. Родитель, в свою очередь, из-за чувства вины может демонстрировать либо отстраненность, либо чрезмерную, удушающую опеку;

2. Ослабление естественного родительского авторитета из-за отсутствия и социального статуса родителя. Авторитет может пытаться устанавливаться через авторитарность, жесткий контроль и страх, что ведет к сопротивлению и конфликтам, особенно с подростками:

3. «Разрыв коммуникативной связности». Общие темы и опыт ограничены, навык эмпатичного диалога у родителя часто атрофирован. Общение сводится к формальным вопросам и дисциплинарным указаниям, что не удовлетворяет эмоциональные потребности ребенка.

В процессе консультирования запросы таких родителей редко формулируются четко и часто носят комплексный характер. Их можно систематизировать следующим образом:

1. Преодоление «разрыва» и налаживание контакта с ребенком;

2. Воспитание в условиях стресса и дефицита ресурсов

3. Управление дисциплиной и границами;

4. Правовая и педагогическая неграмотность;

5. Работа с чувством вины и страхами;

6. Доминирующий страх потери ребенка вследствие вмешательства опеки или из-за разрушения отношений, который практически во всех прорабатываемых запросах является ключевым звеном.

Первичный контакт с таким родителем является критически важным и наиболее сложным этапом. Глубокое недоверие к институциональным фигурам в результате формирования стереотипов или печального ранее опыта выступает основным барьером. Этот страх проистекает из опыта взаимодействия с правоохранительной и пенитенциарной системами, где откровенность могла приводить к негативным последствиям.

К стратегиям психолога для быстрого установления контакта можно отнести четыре главных момента:

1. Четкое объяснение целей, задач, принципов работы, границ конфиденциальности на первом же сеансе, делая акцент на добровольности и партнерстве;

2. Избегание любой морализаторской позиции, обращая внимание на сильные стороны клиента (например, желание исправить ситуацию, забота о ребенке);

3. Валидация чувств, которая снижает защитную агрессию («Это действительно тяжелый опыт, через который вы прошли»);

4. Формулирование целей работы через призму благополучия и развития ребенка, что часто является более безопасной и социально одобряемой «точкой входа» для родителя, чем обсуждение его личных проблем.

В работе с данной категорией клиентов консультанту необходимо проводить постоянную дифференциацию, так как запросы тесно переплетены. Например, специалист может столкнуться с непониманием возрастных особенностей, конфликтами из-за уроков, неумением устанавливать правила, трудностями в общении. Высока вероятность столкновения с неконтролируемыми вспышками гнева, парализующими тревогами при визите в школу, чувствами беспомощности и тотальной неудачи, конфликтами с партнером, где требуется поддержка и проведение тренингов по обучению соответствующими навыками [2].

Задача консультанта – помочь клиенту увидеть эту связь, не смешивая планы работы. Например, работа над «гневом в воспитании» начинается с анализа триггеров и обучения эмоциональной регуляции (личный план), а затем переносится на отработку конкретных техник «стоп-паузы» в общении с ребенком (родительский план). Это позволяет избежать фрустрации от непосильных сразу задач.

Работа лицами, отбывшими ранее срок в местах лишения свободы или соответствующих учреждений, сопряжена со сложными этическими дилеммами, требующими четкой профессиональной позиции:

1. Конфиденциальность и ее границы. В начале работы необходимо в ясной, но деликатной форме информировать клиента об обязательствах психолога сообщить в компетентные органы о ситуациях, угрожающих жизни и здоровью ребенка (жестокое обращение, насилие, заброшенность). Это не инструмент давления, а условие безопасности и прозрачности отношений.

2. Двойственная роль. Психолог осознает свою потенциальную роль как эксперта или свидетеля для органов опеки. Важно сохранять баланс: быть на стороне интересов ребенка, не становясь при этом «агентом контроля» в глазах родителя. Позиция «адвоката семьи»,

который помогает родителю стать безопасным для ребенка, часто является наиболее продуктивной.

3. Позиция безоценочности и избегание стигматизации. Критически важно отделять проступок от личности и прошлое от настоящего. Язык консультанта должен быть свободен от криминального жаргона и оценочных ярлыков. Фокус всегда на настоящем и будущем, на решениях, а не на осуждении прошлых ошибок. Это основа для построения терапевтического альянса.

Ввиду комплексности проблематики, наиболее адекватной методологической базой выступает интегративный подход. Он позволяет гибко сочетать техники из различных школ, адаптируя их к конкретным задачам этапа работы и индивидуальным особенностям клиента. Жесткая приверженность одной парадигме (например, только психоанализу или только бихевиоризму) неэффективна, так как не охватывает всю палитру запросов: от глубинных экзистенциальных кризисов до сугубо практических навыков. Цель интеграции – создать целостную, персонализированную стратегию помощи, где теория служит практике [3, с.54].

КПТ-подход высокоэффективен для работы с дезадаптивными паттернами мышления и поведения, сформированными в период заключения и после него. С его помощью можно выявить и провести когнитивную реструктуризацию автоматических мыслей, таких как катастрофизация («Одна ошибка – и опека заберет ребенка»), черно-белое мышление («Я либо полный хозяин в доме, либо тряпка»), персонализация («Учительница сделала замечание, потому что знает про мою судимость»). Техника «суда над мыслями» помогает отделить факты от эмоциональных интерпретаций.

Используются тренинги по обучению навыкам решения проблем, где акцент делается на структурированном обучении алгоритму действий, снижающих импульсивность и чувство беспомощности:

1) Определение проблемы в конкретных поведенческих терминах;

2) Генерация всех возможных решений без оценки;

3) Анализ плюсов/минусов;

4) Выбор и планирование шагов;

5) Выполнение и оценка результата.

Обучение распознаванию триггеров гнева/тревоги, использование «стоп-паузы», методы диафрагмального дыхания и прогрессивной мышечной релаксации снижает физиологическое возбуждение перед взаимодействием с ребенком.

Нарративный подход является ключевым для работы с идентичностью и преодоления стигмы с такой категорией граждан. Здесь есть возможность отделения проблемы, как стигма, тюремное прошлое, гнев, ярость от личности клиента, уменьшая чувство вины и обвинения, предоставляя ощущение контроля над проблемой. Подойдут формулировки типа «Как влияние тюремного опыта мешает вам проявлять мягкость?» вместо «Вы слишком жестоки».

Пересочинение жизненной истории позволяет в этом подходе найти и укрепить уникальные эпизоды в истории клиента, где он проявлял заботу, ответственность, настойчивость, даже в условиях несвободы. Создание альтернативной истории о себе не как о «бывшем осужденном», а как о «человеке, прошедшем тяжелые испытания и стремящемся быть опорой для своего ребенка». После этого лучше перейти к созданию «легенды» или же «миссии» ответственного родителя в виде помощи клиенту в формулировании позитивной родительской идентичности, которая становится доминирующей в самовосприятии, с учетом имеющегося опыта и желания повлиять на «правильность» действий ребенка в будущем.

Психологи и психотерапевты могут прибегать к системной семейной терапии. Поскольку клиент является частью семейной системы, работа ведется с его восприятием этой системы:

1. Изучаются роли («кто сейчас главный в семье?», «кто посредник между мной и ребенком?»), границы (размытые или ригидные), семейные мифы и правила («в нашей семье свои обиды не показывают»);

2. Применяется циркулярное интервьюирование через вопросы, помогающие родителю увидеть ситуацию глазами других членов семьи («Как вы думаете, что почувствовал ваш сын, когда вы отреагировали криком?», «Как ваша жена объясняет вашу строгость ребенку?»);

3. Прорабатываются трансгенерационные сценарии, как анализ моделей родительства, унаследованных из родительской семьи клиента, и их сознательный выбор/отказ.

Методы социально-психологического тренинга (СПТ) направлены на формирование конкретных поведенческих навыков в безопасной обстановке. Через него отрабатываются сложные ситуации, как разговор с учителем, установление правил, реакция на провокацию подростка, проявление ласки к маленькому ребенку. Иначе происходит обучение соответствующим навыкам для родителя. Также используется бихевиоральные элементы в виде поэтапного введения новых моделей поведения в реальной жизни (например, «в этот раз вместо окрика сделайте паузу и сформулируйте просьбу»).

При выборе группового тренинга стоит учитывать возможные трудности при взаимодействии, как сопротивление, яркая или пассивная агрессия. Однако, несмотря на это, есть прекрасная возможность предоставить группе родителей со схожим опытом поделиться своим опытом и получить обратную связь, поддержку, снижение чувства изоляции и тренировки социальных навыков. Ведущему важно жестко контролировать атмосферу, учитывая специфику поведения личности и не допуская конкуренции и «соревнования в тяжести прошлого».

Межведомственное взаимодействие как технология социальной интеграции Психолог-консультант, психотерапевт в данной работе выступает не только как специалист, но и как навигатор в системе социальных сервисов. Его задачи:

1. Координация помощи. Налаживание конструктивной коммуникации между клиентом, социальным работником (материальная по-

мощь, сопровождение), юристом (вопросы судимости, прав родителя), службой занятости.

2. Просветительская и посредническая функция. Помощь клиенту в подготовке к взаимодействию с инстанциями, составление плана разговора, правовое информирование. В некоторых случаях – непосредственное сопровождение или представление интересов клиента (с его согласия) для снижения его тревоги и неадаптивного поведения.

3. Создание «кейс-менеджмента». Комплексное ведение случая, где психологическая помощь является ядром, окруженным необходимым социально-правовым контуром. Это повышает эффективность консультирования, снимая с клиента часть непосильного давления внешних обстоятельств [4, с.354].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что психологическое консультирование бывших осужденных по родительским вопросам представляет собой особое направление помощи, требующее от специалиста не только знаний в области детско-родительских отношений, но и понимания пенитенциарной травмы, механизмов стигматизации и правового контекста.

Специфика работы заключается в необходимости параллельного решения двух взаимосвязанных задач: повышения психологической компетентности родителя (навыков коммуникации, эмоциональной регуляции, возрастной психологии) и оказания поддержки в преодолении последствий судимости (работа со стыдом и виной, формирование новой социальной идентичности, интеграция в общество). Наиболее эффективным является интегративный подход, сочетающий когнитивно-поведенческие техники для коррекции дисфункциональных установок, нарративные практики для переосмысления опыта и социально-психологические методы для тренировки родительских навыков.

Список литературы:

1. Ананьева Е.О. Альтернативы традиционной семье. Вопросы о статусе семьи как института гражданского общества // Закон и право. 2019. № 5. С. 77-80;
2. Ананьев О.Г., Ананьева Ж.Н. Роль психологической помощи в адаптации осужденных после освобождения // Аграрное и земельное право. 2025. № 4. С. 319-321;
3. Ананьева Е.О., Ивлиев П.В. О законодательном регулировании государственных выплат как поддержки семей, имеющих детей // Закон и право. 2021. № 11. С. 54-56;
4. Ананьева Ж.Н., Ананьев О.Г. Психологические методы профилактики девиантного поведения в местах лишения свободы // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 354-357.

***References*:**

1. Ananyeva E.O. Alternatives to the traditional family. questions about the status of the family as an institution of civil society // Law and Pravo. 2019. No. 5. pp. 77-80;
2. Ananyev O.G., Ananyeva Zh.N. The role of psychological assistance in the adaptation of convicts after release // Agrarian and land law. 2025. No. 4. pp. 319-321;
3. Ananyeva E.O., Ivliev P.V. On the legislative regulation of state payments as support for families with children // Law and Law. 2021. No. 11. pp. 54-56;
4. Ananyeva Zh.N., Ananyev O.G. Psychological methods of prevention of deviant behavior in places of deprivation of liberty // Agrarian and land law. 2025. No. 5. pp. 354-357.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_348

УДК 343.985

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ И СОКРЫТИЯ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА КАК ФОРМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В РАЗЛИЧНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЯХ
METHODS OF COMMITTING AND CONCEALING EXTRACTION AS A FORM OF COUNTERACTION IN VARIOUS INVESTIGATIVE SITUATIONS

БОРИСЕНКО Никита Сергеевич,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»
студент юридического факультета.
350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. им. Калинина, д. 13.
e-mail: n.s.borisenko@icloud.com

ВЛЕЗЬКО Дмитрий Александрович,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»
к.ю.н., доцент, доцент кафедры криминалистики.
350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. им. Калинина, д. 13.
e-mail: projects16@yandex.ru

BORISENKO Nikita Sergeevich,
FSBEI HE Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin student of the Faculty of Law.
13 Kalinin St., Krasnodar Territory, 350044, Russia.
e-mail: n.s.borisenko@icloud.com

VLEZYKO Dmitry Aleksandrovich,
FSBEI HE Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics.
13 Kalinin St., Krasnodar Territory, 350044, Russia.
e-mail: projects16@yandex.ru

Краткая аннотация. *В рамках настоящего исследования проведен анализ отдельных вопросов противодействия расследованию вымогательства. Автором были изучены наиболее традиционные способы совершения преступления, а также способы сокрытия его следов через призму различных следственных ситуаций. В процессе изучения указанных вопросов были выявлены проблемы, возникающие как следствие противодействия расследованию вымогательства: затруднительность составления эффективных алгоритмов и планов расследования вымогательства; повышенный уровень латентности преступления; отсутствие необходимой информации для расследования; использование вымогателями средств научно-технического прогресса. Для решения указанных проблем автором предложено повысить внимание к алгоритмизации деятельности следователя; увеличить уровень доверия населения к правоохранительным органам; сформулировать содержание конкретных правовых норм (правил), регулирующих совместную работу различных правоохранительных органов по раскрытию групповых вымогательств.*

Abstract. *As part of this study, we have analyzed certain issues related to the investigation of extortion. The author has examined the most common methods of committing a crime, as well as the ways in which its traces can be concealed, through the lens of various investigative situations. In the process of studying these issues, we have identified the challenges that arise as a result of the investigation of extortion: the difficulty of creating effective algorithms and plans for investigating extortion; the increased level of crime latency; the lack of necessary information for investigation; and the use of scientific and technological advancements by extortionists. To solve these problems, the author suggests increasing attention to the algorithmization of investigator activities, increasing public trust in law enforcement agencies, and to formulate the content of specific legal norms (rules) governing the joint work of various law enforcement agencies in solving group extortion cases.*

Ключевые слова: *вымогательство; совершение преступления; сокрытие преступления; противодействие расследованию; следственная ситуация; расследование преступления; потерпевший; следственные действия.*

Keywords: *extortion; committing a crime; concealing a crime; opposing an investigation; investigative situation; investigation of a crime; victim; investigative actions.*

Для цитирования: *Борисенко Н.С., Влезько Д.А. Способы совершения и сокрытия вымогательства как форма противодействия в различных следственных ситуациях // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 348-350. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_348.*

For citation: *Borisenko N.S., Vlezko D.A. Methods of committing and concealing extortion as a form of counteraction in various investigative situations // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 348-350. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_348.*

Статья поступила в редакцию: 14.03.2026

При изучении особенностей противодействия при расследовании отдельных видов преступлений необходимо принимать во внимание, в частности, способы совершения и сокрытия преступных посягательств, т.к. именно указанные криминалистические категории позволяют более эффективно установить сам факт противодействия, а также сформировать методы по его преодолению. Противодействие расследованию преступлений обоснованно рассматривается как составная часть преступной деятельности [2]. В рамках настоящего исследования нам предстоит указать наиболее типичные способы совершения и сокрытия такого преступного деяния, как вымогательство, которое предусмотрено в ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Вымогательство представляет собой требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких. Раскрытие дел о вымогательствах может привести в некоторых случаях к возникновению противодействия при расследовании, что обусловлено некоторыми обстоятельствами.

Для начала укажем, что в рамках первоначального этапа расследования вымогательства возникновение конкретных следственных ситуаций обусловлено отдельными факторами. Так, следователю необходимо выяснить:

– вымогательство носит разовый или систематический характер;

– передано ли имущество вымогателю или нет, и стоит ли ожидать новых угроз;

– знает ли потерпевший вымогателя [6].

Исходя из этих обстоятельств, на первоначальном этапе расследования вымогательства типичными являются следующие следственные ситуации:

– потерпевший обратился с заявлением сразу после совершения вымогательства, но при этом потерпевший не выполнил требования преступника;

– потерпевший обратился с заявлением после полного или частичного удовлетворения требований преступников;

– вымогательство совершено, но потерпевший не желает заявлять о вымогательстве, уголовное дело возбуждено по инициативе правоохранительных органов;

– в правоохранительные органы поступила информация о захвате заложника, похищении человека в целях получения выкупа [4].

В рамках указанных следственных ситуаций противодействие расследованию вымогательства может быть обусловлено различными способами совершения и сокрытия деяния. Очень важно именно на предварительном этапе расследования выявить указанные способы, ведь в рамках указанной стадии происходит сбор основных доказательств по делу [7]. Особенности способов вымогательства заключаются в применении преступниками в целях избежания ответственности различных уловок: отбор у потерпевших расписок о якобы имеющемся долге, оформление фиктивных договоров о выполнении каких-либо работ, доведение до потерпевших угроз преимущественно в устной форме и т.д. Кроме того, способы вымогательства характеризуются этапной тактикой действий преступников: поиск объекта вымогательства; осуществление в отношении потерпевшего преступной разведки; вступление в контакт с требованием выплаты; дальнейшие преступные действия, в том числе и встреча для получения требуемой суммы. Иногда оно совершается под предлогом финансовой помощи, оказываемой за высокую плату, которая после заключения сделки нередко удваивается [11].

Сокрытие вымогателем следов преступления и своей причастности к деяниям могут выполняться на разных стадиях совершения преступления, в том числе на стадии подготовки, а также в период следствия и рассмотрения дела в суде [8]. Следственной практике известны следующие способы сокрытия вымогательства:

– вымогательство «маскируется» под законные и обоснованные требования к потерпевшему, обусловленные существовавшими между вымогателем и потерпевшим гражданско-правовыми отношениями;

– вымогательство «маскируется» через призму неопределенных, неоднозначных намеков, которые прямо не содержат в себе угрозу или требование;

– вымогатель умышленно (специально) изменяет свой внешний облик путем нанесения грима, смены верхней одежды, искусственного создания особых примет или их сокрытия;

– вымогатель может создать видимость правомерности своих действий в целях порождения в умах свидетелей идей о законности своего поведения;

– вымогатель может оказать влияние (неблагоприятное) на потерпевшего и свидетелей, чтобы последние отказались от дачи показаний или изменили их в сторону явного смягчения;

– вымогатель может создать себе алиби, в том числе с помощью иных соучастников преступления;

– вымогатель может подделать документы, удостоверяющие личность, а также иные средства идентификации (например, номер машины);

– вымогатель, задержанный за вымогательство, может отказать следователю в выполнении законных требований.

Обозначенные способы совершения и сокрытия вымогательства являются причиной возникновения противодействия при расследовании данного преступления вне зависимости от сложившейся следственной ситуации. Указанные обстоятельства обуславливают возникновение проблем при расследовании уголовного дела по ст. 163 УК РФ.

Одной из таких проблем можно назвать затруднительность составления эффективных алгоритмов и планов расследования вымогательства. Подобные обстоятельства приводят к ошибкам в расследовании, особенно по тем делам, которые находятся в производстве недостаточно опытных следователей. Следователи должны правильно и своевременно принять решение о производстве конкретных следственных и иных процессуальных действий, а также конкретных ОРМ, которые позволяют получить необходимую оперативную информацию, имеющую значение для квалификации преступления [1]. Следователь должен иметь возможность в случае необходимости быстро расширять объем имеющихся у него знаний методики расследования вымогательства [3]. К примеру, места происшествия в рамках вымогательства могут быть совершенно различными: место контакта с вымогателями, место совершения конкретных действий в пользу вымогателей, место удержания потерпевшего, место совершения насилия или выдвижения угроз со стороны вымогателей, место передачи имущества вымогателям, место задержания вымогателей и т.п. Указанные обстоятельства предопределяют необходимость тщательного осмотра каждого места происшествия [5].

Еще одной проблемой, возникающей в рамках противодействия расследованию вымогательств, является повышенный уровень латентности преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ. Это объясняется тем фактом, что потерпевшие сильно переживают со свою жизнь, а также за жизнь своих родных и близких из-за угроз со стороны вымогателей. Это приводит к низкому уровню раскрываемости и росту числа преступных группировок, выбравших вымогательство в качестве основного источника дохода [9].

При возникновении факта противодействия расследованию вымогательства в качестве одной из проблем может быть совершение преступления группой лиц, что усложняет процесс раскрытия уголовного дела. Очень важным обстоятельством в данном случае является установление

эффективного комплексного взаимодействия между всеми сотрудниками различных правоохранительных органов, которые принимают участие в расследовании преступления. Практика расследования групповых вымогательств показывает, что для наиболее эффективного раскрытия уголовных дел требуется четкая регламентация совместной деятельности уполномоченных сотрудников различных подразделений и ведомств, иными словами – необходим нормативный акт, который будет регулировать такую деятельность. При этом разобщенность следственных и оперативных подразделений предполагает необходимость регламентации такой деятельности путем принятия соответствующего закона, а не ведомственного акта [10].

Таким образом, указанные в настоящем исследовании способы совершения и сокрытия вымогательства оказывают существенное влияние на формирование противодействия при расследовании данного преступления в различных следственных ситуациях. Противодействие при расследовании приводит к возникновению таких проблем, как затруднительность составления эффективных алгоритмов и планов расследования вымогательства; повышенный уровень латентности преступления; отсутствие необходимой информации для расследования; совершение квалифицированных (групповых) вымогательств и т.п. Считаем, что в целях преодоления проблем противодействия при расследовании вымогательства необходимо:

– повысить внимание к алгоритмизации деятельности следователя: на первоначальном этапе расследования необходимо проводить конкретный комплекс следственных действий и ОРМ, к числу которых относятся допросы потерпевших, свидетелей, осмотры мест происшествия, обыски, очные ставки, оперативная отработка связей потерпевшего, анализ нераскрытых аналогичных преступлений, изучение сводок, ориентировок, задержание подозреваемых с поличным. По мере осуществления расследования соответствующий план расследования необходимо дополнять и конкретизировать в зависимости от складывающейся следственной ситуации;

– увеличить уровень доверия населения к правоохранительным органам: граждане, потерпевшие от вымогательства, не всегда могут обращаться в правоохранительные органы за защитой своих прав, т.к. предполагают, что органы власти не обладают достаточной «силой», способной преодолеть угрозы вымогателей. Практика раскрытия фактов вымогательств должна чаще освещаться в СМИ, чтобы у населения формировалось доверительное отношение к органам правопорядка;

– сформулировать содержание конкретных правовых норм (правил), регулирующих совместную работу различных правоохранительных органов по раскрытию групповых вымогательств: действующая ст. 163 УПК РФ «Производство предварительного следствия следственной группой» не учитывает ряд запросов следственно-оперативной практики, поэтому данный вопрос нуждается в дополнительном совершенствовании.

Список литературы

1. Вердиян Д. А. Правовой статус результатов оперативно-розыскной деятельности и их роль в доказательственной системе // Власть Закона. – 2025. – № 3 (63). – С. 236-249.
2. Влезько Д. А. О методах преодоления противодействия расследованию // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 20-летию кафедры криминалистики. – 2019. – С. 232-238.
3. Влезько Д. А. Основные направления использования автоматизированных информационно-поисковых систем в криминалистической методике // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сборник тезисов по материалам Всероссийской (национальной) конференции. – 2019. – С. 341-342.
4. Головин М. В. Алгоритмизация следственных действий на первоначальном этапе расследования вымогательства / М. В. Головин, Н. М. Шпак // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2016. – № 123. – С. 930-942.
5. Каткова Е. Ю. Проблемные вопросы, возникающие при расследовании вымогательства // Новый юридический вестник. – 2017. – № 1 (1). – С. 100-104.
6. Криминалистическая методика расследования отдельных видов и групп преступлений: учебное пособие / В. Д. Зеленский [и др.]. – Краснодар: КубГАУ, 2013. – 355 с.
7. Оленев П. А. Некоторые вопросы, возникающие при производстве следователем предварительного расследования в форме дознания // Власть Закона. – 2023. – № 4 (56). – С. 301-307.
8. Присекин А. В. Роль сокрытия преступного деяния в системе криминалистической характеристики преступления // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2012. – № 3 (27). – С. 25-31.
9. Самсонов В. А. Раскрытие вымогательства и особенности его оперативно-розыскного обеспечения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2013. – № 1 (64). – С. 23-32.
10. Сапрунов А. Г. О проблемах расследования групповых вымогательств / А. Г. Сапрунов, А. В. Скачко // Общество и право. – 2011. – № 4 (36). – С. 249-256.
11. Сафронов А. Ю. Об особенностях способов совершения и тактики раскрытия вымогательства // E-Scio. – 2020. – № 3 (42). – С. 348-354.

References:

1. Golovin, M. V., & Shpak, N. M. (2016). Algoritmizatsiya sledstvennykh deystviy na pervonachalnom etape rassledovaniya vymogatelstva [Algorithmization of investigative actions at the initial stage of extortion investigation]. Politematicheskiy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta, (123), 930-942.
2. Katkova, E. Yu. (2017). Problemnye voprosy, voznikayushchie pri rassledovanii vymogatelstva [Problematic issues arising in the investigation of extortion]. Novyy yuridicheskiy vestnik, 1(1), 100-104.
3. Olenev, P. A. (2023). Nekotorye voprosy, voznikayushchie pri proizvodstve sledovatelem predvaritelnogo rassledovaniya v forme doznaniya [Some issues arising during the preliminary investigation in the form of inquiry by an investigator]. Vlast Zakona, (4), 301-307.
4. Prisekin, A. V. (2012). Rol sokrytiya prestupnogo deyaniya v sisteme kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniya [The role of concealment of a criminal act in the system of criminalistic characteristics of a crime]. Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo, (3), 25-31.
5. Samsonov, V. A. (2013). Raskrytie vymogatelstva i osobennosti ego operativno-rozysknogo obespecheniya [Solving extortion and features of its operational-investigative support]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii, (1), 23-32.
6. Saprunov, A. G., & Skachko, A. V. (2011). O problemakh rassledovaniya gruppovykh vymogatelstv [On the problems of investigating group extortion]. Obshchestvo i pravo, (4), 249-256.
7. Safronov, A. Yu. (2020). Ob osobennostyakh sposobov sovershеniya i taktiki raskrytiya vymogatelstva [On the peculiarities of methods of commission and tactics of solving extortion]. E-Scio, (3), 348-354.
8. Verdyan, D. A. (2025). Pravovoy status rezultatov operativno-rozysknoy deyatelnosti i ikh rol v dokazatelstvennoy sisteme [Legal status of the results of operational investigative activities and their role in the evidentiary system]. Vlast Zakona, (3), 236-249.
9. Vlezko, D. A. (2019a). O metodakh preodoleniya protivodeystviya rassledovaniyu [On methods of overcoming resistance to investigation]. In *Sovremennye problemy otechestvennoy kriminalistiki i perspektivy ee razvitiya: Sbornik nauchnykh statey po materialam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem), posvyashchennoy 20-letiyu kafedry kriminalistiki* (pp. 232-238).
10. Vlezko, D. A. (2019b). Osnovnye napravleniya ispolzovaniya avtomatizirovannykh informatsionno-poiskovykh sistem v kriminalisticheskoy metodike [Main directions of using automated information retrieval systems in criminalistic methodology]. In Nauchnoe obespechenie agropromyshlennogo kompleksa: Sbornik tezisov po materialam Vserossiyskoy (natsionalnoy) konferentsii (pp. 341-342).
11. Zelenskiy, V. D., et al. (2013). Kriminalisticheskaya metodika rassledovaniya otdelnykh vidov i grupp prestupleniy [Criminalistic methods for investigating specific types and groups of crimes]. Krasnodar: KubGAU.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_351

УДК 34.01

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ: НА ПРИМЕРЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF PROFESSIONAL LEGAL CONSCIOUSNESS: A CASE STUDY OF THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF EMPLOYEES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

БОРОДИН Андрей Евгеньевич,
старший преподаватель кафедры организации режима юридического факультета,
Университет ФСИН России,
196602, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Саперная д. 34.
e-mail: andrei-79s@yandex.ru

BORODIN Andrey Evgenievich,
Senior Lecturer, Department of Regime Organization, Faculty of Law,
University of the Federal Penitentiary Service of Russia,
196602, St. Petersburg, Pushkin, Saperskaya St., 34.
e-mail: andrei-79s@yandex.ru

ТЮРИНА Анна Андреевна,
курсант, юридического факультета Университета ФСИН России.
196602, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Саперная, д. 34, лит. А.
e-mail: anna.tyurina78@gmail.com

TYURINA Anna Andreevna,
cadet, Faculty of Law, University of the Federal Penitentiary Service of Russia.
196602, St. Petersburg, Pushkin, 34 Sapernaya St., lit. A.
e-mail: anna.tyurina78@gmail.com

Краткая аннотация: *в статье проводится комплексный теоретико-правовой анализ профессионального правосознания как одной из групповых форм правового сознания. Внимание уделяется специфике профессионального правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) России, определяемой характером их правоприменительной деятельности. В работе рассматриваются ключевые факторы формирования профессионального правосознания, систематизируются причины и формы его деформации, а также предлагаются меры профилактического воздействия, включающие психологические и социализирующие компоненты.*

Abstract: *the article provides a comprehensive theoretical and legal analysis of professional legal consciousness as one of the group forms of legal consciousness. Attention is paid to the specifics of the professional legal consciousness of employees of the Russian penal enforcement system (PES), determined by the nature of their law enforcement activities. The paper examines the key factors in the formation of professional legal consciousness, systematizes the causes and forms of its deformation, and also proposes preventive measures, including psychological and socializing components.*

Ключевые слова: *профессиональное правосознание, сотрудники уголовно-исполнительной системы, деформация правосознания, правовой нигилизм, правовая социализация.*

Keywords: *professional legal consciousness, employees of the penal enforcement system, deformation of legal consciousness, legal nihilism, legal socialization.*

Для цитирования: *Бородин А.Е., Тюрина А.А. Теоретико-правовой анализ профессионального правосознания: на примере правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 351-354. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_351.*

For citation: *Borodin A.E., Tyurina A.A. Theoretical and legal analysis of professional legal awareness: on the example of the legal awareness of employees of the penal enforcement system of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 351-354. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_351.*

Статья поступила в редакцию: 06.04.2026

В условиях комплексного реформирования уголовно-исполнительной системы (УИС) России, совершенствования механизмов защиты прав человека и укрепления законности особую значимость приобретает вопрос о качественном состоянии профессионального правосознания сотрудников. Профессиональная деятельность сотрудников УИС, будучи разновидностью юридической деятельности и, в особенности, правоприменительной, предъявляет повышенные требования к уровню их правовых знаний, убеждений и ценностных ориентаций. Именно профессиональное правосознание выступает тем внутренним регулятором, который опосредует переход от абстрактных правовых норм к конкретным действиям, определяя законность, обоснованность и справедливость принимаемых решений.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления сущности, структуры и функциональной роли профессионального правосознания юристов-профессионалов, а также выявления факторов, способствующих либо препятствующих его формированию. Цель данной статьи заключается в теоретико-правовом анализе профессионального правосознания на примере сотрудников УИС, определении его структурных элементов, специфики деформационных процессов и основных направлений профилактической работы.

Таким образом, в своем исследовании мы выделяем такие черты профессионального правосознания, как компетентность, ориентация на реализацию правовых предписаний, неразрывная связь с идеями справедливости и законности, политическая зрелость, а также чувство профессионального долга.

При этом важно подчеркнуть, что наличие юридического образования, хотя и выступает необходимым признаком профессионального правосознания, не является единственным и достаточным. Определяющее значение, на наш взгляд, принадлежит практическим навыкам и высокому уровню профессионализма в сфере юридической деятельности. Следовательно, выпускник высшего учебного заведения, получивший квалификацию «юрист», но не имеющий опыта практической работы по специальности, не может в полной мере рассматриваться в качестве носителя профессионального правосознания.

В науке сложилось несколько подходов к определению рассматриваемого явления. Так, С.С. Алексеев понимал под профессиональным правосознанием «представление о праве, формирующееся у юристов-профессионалов, специалистов-правоведов на основе мировоззренческой идеологии и специальных юридических знаний и аккумулирующее юридическую практику применения права, компетентное понимание всех сторон его содержания, в том числе специально-юридического содержания» [2, с. 212]. Ученый также определял юриста как «специалиста, сведущее лицо в юриспруденции, обладающее профессиональными (фундаментальными и специализированными) правовыми знаниями и умеющее применять их в практической деятельности» [1, с. 73].

Н.Я. Соколов, в свою очередь, характеризовал правосознание юристов «как одну из коллективных форм правового сознания, выступающую как система правовых взглядов, знаний, чувств, ценностных ориентаций и других структурных образований правового сознания общности людей, профессионально занимающихся деятельностью, которая требует специальной образовательной и практической подготовки» [10, с. 12].

Обобщая изложенные подходы, можно заключить, что профессиональное правосознание представляет собой один из уровней правосознания, формирующийся в процессе юридической практики, отличающийся доскональным знанием правовых норм [7, с. 280], регламентирующих конкретные виды юридической деятельности, а также владением соответствующими юридическими процедурами. В своей структуре оно объединяет систему правовых знаний, представлений, убеждений, а также правовые чувства, стереотипы и традиции, складывающиеся у юристов-практиков.

Анализ теоретических источников позволяет выделить ключевые признаки профессионального правосознания. Во-первых, его носителями являются лица, для которых деятельность в сфере применения права, охраны общественного порядка является профессией [6, с. 51-52]. Во-вторых, оно предполагает доскональное знание субъектами норм права, регулирующих конкретные виды юридической деятельности, и соответствующих юридических процедур. В-третьих, профессиональное правосознание трансформируется из системы правовых взглядов в систему правовых принципов и убеждений, непосредственно влияя на культуру правоприменительной практики.

С позиции структурного подхода в профессиональном правосознании выделяются три основных уровня: правовая идеология (верхний уровень), правовая психология (нижний уровень) [4, с. 69-70] и профессионально-нравственное сознание (средний уровень), выполняющее функцию связующего звена. Значимость нравственной составляющей в структуре профессионального сознания юриста неоднократно подчеркивается в современных исследованиях, где обосновывается необходимость формирования у будущих специалистов устойчивой морально-нравственной конструкции наряду с профессиональными знаниями [3, с. 36, 42].

Формирование профессионального правосознания – это сложный системный процесс, испытывающий воздействие множества факторов. С точки зрения факторного подхода, влияющие обстоятельства классифицируются по структурному и функциональному принципам.

С позиции структуры факторы делятся на влияющие на правовую идеологию (способность воспринимать правовую информацию, доступность нормативных актов) и влияющие на правовую психологию (умение анализировать информацию, оценивать значимость норм, формировать отношение к праву).

С функциональной точки зрения выделяются общие и специфические факторы. Общие факторы включают:

1. Внутренние (субъективные): психофизиологические (особенности памяти, темперамента, воли) и интеллектуальные (уровень образования, правового мышления, убеждения, идеалы и др.) [5, с. 16, 20].

2. Внешние (объективные): экономические, политические, социальные и духовные сферы общественной жизни [11, с. 574].

Ключевым механизмом интеграции этих факторов выступает правовая социализация личности юриста-профессионала, включающая процессы адаптации, интернализации, идентификации и трансляции профессионального опыта. Системообразующими компонентами данного механизма являются профессиональное правовое обучение (юридическое образование), правовое воспитание и непосредственная юридическая практика.

Одной из наиболее острых проблем современной юридической практики является деформация профессионального правосознания, представляющая собой системное социально-правовое явление, характеризующееся отклонением структурных элементов от нормы и вызывающее негативные изменения в личности юриста и его деятельности.

Причины деформации дифференцируются на два уровня. На макроуровне действуют общие причины, связанные с состоянием общества (экономические кризисы, политическая нестабильность, недостатки правового регулирования). На микроуровне выделяются «деятельностные» причины (специфика профессиональных задач, высокие нагрузки) и «личностные» причины (индивидуально-психологические характеристики, уровень стрессоустойчивости).

Традиционными формами деформации являются:

1. Правовой нигилизм – это неверие в возможности правовых ценностей и игнорирование таковых [9, с. 47]. В среде сотрудников УИС он часто проявляется как пассивно-безразличное отношение, неверие в регулятивный потенциал закона.

2. Правовой инфантилизм – недостаточность правовых знаний и отсутствие четко определенных правовых установок [8, с. 68].

3. Правовая аберрация (деформация правосознания) – наиболее опасная форма, характеризующаяся «неправильным пониманием нравственных и правовых принципов» [12, с. 244] и трансформацией правовых установок в преступные.

Анализ теоретических положений позволяет сформулировать результаты исследования, заключающиеся в определении эффективных направлений профилактики деформации профессионального правосознания сотрудников УИС.

Профессиональное правосознание сотрудников УИС представляет собой сложное, многоуровневое личностно-профессиональное образование, в структуре которого органически сочетаются элементы правовой идеологии, включающей систему специализированных знаний, принципов и убеждений, правовой психологии и профессионально-нравственное сознание, охватывающей правовые чувства, моральные установки и ценностные ориентации. Специфика данного феномена детерминирована правоприменительным характером служебной деятельности, сопряженной с реализацией властных полномочий, высокой степенью ответственности, а также постоянным взаимодействием с криминализированными лицами, находящимися в условиях изоляции.

Эффективность формирования и устойчивость профессионального правосознания находятся в прямой зависимости от трех взаимосвязанных факторов: механизмов правовой социализации, обеспечивающих интериоризацию правовых норм и ценностей в структуру личности; качества юридического образования, закладывающего фундамент специализированных правовых знаний и компетенций; а также системности воспитательной работы, направленной на формирование не только мировоззренческих установок, но и устойчивых поведенческих паттернов.

Деформационные явления в сфере профессионального правосознания – в первую очередь правовой нигилизм, правовой инфантилизм и правовая деформация – представляют собой реальную угрозу законности и эффективности правоприменительной деятельности. Указанные феномены, имея различную природу и степень общественной опасности, в равной мере требуют своевременной диагностики и применения комплексных профилактических мер.

Исходя из системного характера объекта профилактического воздействия, целесообразно выделить две группы мер:

1. Меры психологического характера включают качественный многоэтапный профессиональный отбор, ориентированный не только на психофизиологические характеристики кандидата на должность, но и на его ценностно-смысловую сферу, а также постоянное психологическое сопровождение профессиональной деятельности, предполагающее системное наблюдение и проведение мероприятий, направленных на формирование устойчивого уважения к праву.

2. Меры социализирующего характера, занимающие ведущее место в системе профилактики, реализуются посредством трех взаимосвязанных компонентов. Первый компонент – правовое обучение – требует преодоления недостаточной практической направленности современного юридического образования. Оптимизация данного процесса предполагает устранение дублирования учебного материала, увеличение объема специальных дисциплин, внедрение активных и интерактивных форм обучения, а также проведение учений в условиях, максимально приближенных к реальным, начиная с младших курсов. Важным выступает системная научно-исследовательская работа обучающихся, позволяющая глубже осмыслить проблематику служебной деятельности. Второй компонент – правовое воспитание – предполагает формирование концептуально выверенной и комплексной системы воспитательной работы, ориентированной на становление не только мировоззренческих, но и поведенческих установок. Ключевым условием эффективности выступает обеспечение преемственности воспитательного процесса на этапах обучения и непосредственной служебной деятельности.

Третий компонент –практика – выступает наиболее значимым элементом совершенствования правосознания, поскольку накопление и трансляция юридического, социально-правового опыта позволяют проверить прочность правовых убеждений и сформировать устойчивые профессиональные компетенции. Практическая деятельность, таким образом, выступает одновременно индикатором зрелости правосознания и условием его дальнейшего развития.

Дополнительным ресурсом предупреждения деформационных процессов выступают организационно-управленческие меры, среди которых: проведение системных научных исследований внутри ведомства для разработки научно обоснованных профилактических комплексов; обеспечение достойного социально-экономического статуса сотрудников как необходимого условия минимизации коррупциогенных факторов; действенный общественный контроль и прокурорский надзор за деятельностью подразделений; а также институционализация психологической службы в каждом подразделении с акцентом на профилактическую, а не только коррекционную функцию.

Развитие заявленной проблематики видится в нескольких перспективных направлениях:

1. Проведение сравнительных исследований профессионального правосознания различных категорий юристов-профессионалов, включая судей, прокуроров, адвокатов и сотрудников правоохранительных органов.

2. Разработка междисциплинарных методик на стыке юридической психологии, криминологии, педагогики и социологии права для комплексного анализа деформационных процессов и их превенции.

3. Совершенствование методики преподавания юридических дисциплин и организации воспитательной работы с будущими и действующими в рамках повышения квалификации сотрудниками УИС с учетом современных социально-правовых вызовов.

Учет предложенных в настоящем исследовании подходов к пониманию сущности, структуры и механизмов формирования профессионального правосознания, а также внедрение разработанных профилактических мер позволят существенно повысить качественный уровень профессионального правосознания сотрудников УИС. Это, в свою очередь, выступит необходимым условием повышения эффективности правоприменительной деятельности и укрепления законности в целом.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Введение в юридическую специальность. Москва : Юридическая литература, 1976. 256 с.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. Москва : Юридическая литература, 1981. 359 с.
3. Багреева Е.Г. Диалоги о нравственной основе будущих юристов // Юридические исследования. 2024. № 5. С. 32-47. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.5.70909.
4. Boshno S. Legal Consciousness and Legal Culture // Law and Modern States. 2016. № 3. С. 69–72. DOI: http://dx.doi.org/10.14420/en.2016.3.1.
5. Ковтуненко Л.В., Исаева К.В. Формирование профессионального мировоззрения сотрудников УИС в образовательном процессе вуза : монография / под общ. ред. Л.В. Ковтуненко ; ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России. Иваново : ПресСто, 2023. 208 с.
6. Кожевников В.В. Профессиональное правосознание: идеальная теоретическая модель или правовая реальность? // Государство и право. 2025. № 1. С. 48–58. DOI: 10.31857/S1026945225010036.
7. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права : учебник для вузов. Москва, 1998. 448 с.
8. Нижник Н.С. Правовой инфантилизм как явление современной правовой реальности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (103). С. 68–95. DOI:10.35750/2071-8284-2024-3.
9. Мамонтов А.Г., Мукиенко И.Н. Правовой нигилизм: подмена права «правилами» // История государства и права. 2025. № 8. С. 47-51. DOI: 10.18572/1812-3805-2025-8-47-51.
10. Соколов Н.Я. Профессиональное сознание юристов / отв. ред. Е.А. Лукашева. Москва : Наука, 1988. 224 с.
11. Тищенко Ю.Ю., Усманов Н.Б. Духовность как фактор правопорядка и основа профессионализма сотрудников уголовно-исполнительной системы // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 574-576. DOI: 10.47643/1815-1337-2024-9-574.
12. Шерменёв М.А. Методологические проблемы исследования деформации правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2006. № 3. С. 244-246.

References:

1. Alekseev S.S. Introduction to the legal profession. Moscow : Yuridicheskaya literatura, 1976. 256 p.
2. Alekseev S.S. General theory of law. Vol. 1. Moscow : Yuridicheskaya literatura, 1981. 359 p.
3. Bagreeva E.G. Dialogues on the moral basis of future lawyers // Legal research. 2024. No. 5. pp. 32-47. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.5.70909.
4. Boshno S. Legal Consciousness and Legal Culture // Law and Modern States. 2016. No. 3. pp. 69-72. DOI: http://dx.doi.org/10.14420/en.2016.3.1 .
5. Kovtunenko L.V., Isaeva K.V. Formation of the professional worldview of UIS employees in the educational process of a university : monograph / under the general editorship of L.V. Kovtunenko ; Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Ivanovo : PresSto, 2023. 208 p.
6. Kozhevnikov V.V. Professional legal awareness: an ideal theoretical model or a legal reality? // State and law. 2025. No. 1. pp. 48-58. DOI: 10.31857/S1026945225010036.
7. Lazarev V.V., Lipen S.V. Theory of state and law : textbook for universities. Moscow, 1998. 448 p.
8. Nizhnik N.S. Legal infantilism as a phenomenon of modern legal reality // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (103). pp. 68-95. DOI:10.35750/2071-8284-2024-3.
9. Mamontov A.G., Mukienko I.N. Legal nihilism: substitution of law by "rules" // History of the State and law. 2025. No. 8. pp. 47-51. DOI: 10.18572/1812-3805-2025-8-47-51.
10. Sokolov N.Ya. Professional consciousness of lawyers / ed. by E.A. Lukasheva. Moscow : Nauka Publ., 1988. 224 p.
11. Tishchenko Yu.Y., Usmanov N.B. Spirituality as a factor of law and order and the basis of professionalism of employees of the penal enforcement system // Law and the state: theory and practice. 2024. No. 9 (237). pp. 574-576. DOI: 10.47643/1815-1337-2024-9-574.
12. Shermenev M.A. Methodological problems of studying the deformation of legal awareness of employees of the penal enforcement system // Bulletin of Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. 2006. No. 3. pp. 244-246.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_355

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ТРУДУ И ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В КИТАЕ
LEGAL REGULATION OF ENGAGEMENT IN LABOR AND RECEIPT OF EDUCATION AS THE PRIMARY MEANS OF CORRECTING PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT IN CHINA

НОВИКОВ Егор Евгеньевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и биоэтики
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет».
Литовская ул., 2, г. Санкт-Петербург, 194100, Россия.
E-mail: mavr-85@mail.ru;

ГОРБАНЬ Дмитрий Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры организации режима юридического факультета,
Университет ФСИН России.
ул. Сапёрная, д. 34, г. Пушкин, г. Санкт-Петербург, 196602,Россия
E-mail: gorban.d.v@fsin.gov.ru

NOVIKOV Egor Evgenievich,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Bioethics
St. Petersburg State Pediatric Medical University.
Litovskaya St., 2, St. Petersburg, 194100, Russia.
E-mail: mavr-85@mail.ru;

GORBAN Dmitry Vladimirovich,
PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Mode Organization at the Faculty of Law,
University of the Federal Penitentiary Service of Russia.
34 Sapornaya Street, Pushkin, St. Petersburg, 196602, Russia
Email: gorban.d.v@fsin.gov.ru

Краткая аннотация*. Статья посвящена анализу правового регулирования привлечения к труду и образованию как основных средств исправления осужденных к лишению свободы в Китае. В Китае труд рассматривается не как карательная мера, а как инструмент ресоциализации, подкрепленный механизмами позитивного стимулирования (материальное поощрение за инновации, перевыполнение норм, учет активности при условно-досрочном освобождении). Образование осужденных носит многоуровневый и обязательный характер, включая обучение грамоте, начальное, среднее и профессионально-техническое образование, причем последнее интегрировано в региональные планы развития, что облегчает последующее трудоустройство. Представлены предложения по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства России.*

Abstract: *The article is devoted to the analysis of the legal regulation of employment and education as the main means of correcting those sentenced to imprisonment in China. In China, labor is considered not as a punitive measure, but as a tool of resocialization, supported by positive incentive mechanisms (financial incentives for innovation, over-fulfillment of norms, consideration of activity during parole). The education of convicts is multi-level and compulsory, including literacy, primary, secondary and vocational education, and the latter is integrated into regional development plans, which facilitates subsequent employment.*

Ключевые слова: *труд осужденных, образование осужденных, лишение свободы в Китае, средства исправления, социальная адаптация, ресоциализация, цели наказания.*

Keywords*: labor of convicts, education of convicts, imprisonment in China, means of correction, social adaptation, re-socialization, goals of punishment.*

Для цитирования: *Новиков Е.Е., Горбань Д.В. Правовое регулирование привлечения к труду и получения образования как основных средств исправления осужденных к лишению свободы в Китае // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 355-360. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_355.*

For citation: *Novikov E.E., Gorban D.V. Legal regulation of engagement in labor and receipt of education as the primary means of correcting persons sentenced to imprisonment in China // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 355-360. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_355.*

Статья поступила в редакцию: 15.04.2026

Современная пенитенциарная наука большинства государств исходит из того, что простая изоляция преступника от общества не способна сама по себе гарантировать его ресоциализацию в пенитенциарном учреждении и последующую социальную адаптацию в обществе. Ключевым звеном в механизме исправления осужденных к лишению свободы традиционно признаются труд и образование, формирующие у личности уважение к закону, дисциплину и новые социально одобряемые установки. Однако эффективность этих средств напрямую зависит от качества их правового регулирования: от четкости закрепления обязанностей осужденных, гарантий их прав и механизмов мотивации к правопослушному поведению. В этом контексте особый научный и практический интерес представляет подход Китайской Народной Республики (далее – КНР, Китай), где пенитенциарная система за последние десятилетия прошла путь от сугубо карательной модели к модели, сочетающей принуждение с элементами стимулирования, профессиональной подготовки и социальной адаптации.

Законодатель Китая выработал уникальную систему, в которой привлечение к труду и получение образования рассматриваются не просто как обязанность, а как фундаментальные инструменты исправления, детально проработанные в пенитенциарном законодательстве КНР. Положительного усвоения заслуживают такие элементы, как: система управления, основанная на степени исправления, увязывающая условия труда и объем образовательной нагрузки с поведением осужденного; обязательное профессиональное обучение, ориентированное на реальные

запросы рынка труда после освобождения; а также активное использование культурного и идеологического воспитания для формирования законопослушного гражданина. Целью настоящей статьи является анализ ключевых институтов правового регулирования труда и образования осужденных к лишению свободы в Китае, выявление их сильных сторон, а также формулирование рекомендаций по усвоению данного положительного опыта для совершенствования отечественного законодательства.

Кроме того, значимость данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, Китай обладает одной из самых многочисленных пенитенциарных систем в мире, что предъявляет повышенные требования к эффективности правового регулирования исполнения наказания. Так, в 2024 г. пенитенциарная система Китая включает в себя 683 тюрьмы, в том числе 41 учреждение для женщин-заключенных и 28 исправительных учреждений для несовершеннолетних[1]. Кроме того, согласно данным World Prison Brief (WPB)[2], в местах лишения свободы Китая содержалось около 1 690 000 осуждённых. Это ставит Китай на второе место в мире по абсолютному числу заключённых (после США), но лишь на 129-е место по количеству осуждённых на 100 000 населения.

Во-вторых, специфика китайской модели исправительных учреждений, основанная на принципе «исправления посредством труда» и сочетающая карательные и воспитательные элементы, существенно отличается от западных.

Интересный факт, что 28 декабря 2013 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял решение[3] об отмене действовавшего с 3 августа 1957 г. Решения Государственного совета КНР «О вопросах трудового перевоспитания»[4]. Также была отменена Резолюция Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей «Об утверждении дополнительных положений Государственного совета по трудовому перевоспитанию» и «Дополнительные положения Государственного совета по трудовому перевоспитанию», принятые Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей на заседании 29 ноября 1979 г.[5]

При поверхностном прочтении подобных решений может сложиться ошибочное представление о снижении роли труда как средства исправления осужденных. Однако, дело в том, что указанные юридические документы касались системы лагерей трудового перевоспитания, в которых, по общему правилу, содержались не лица, совершившие преступления, а, например: 1) «отказавшиеся от ведения бизнеса, совершившие хулиганство или воровство, если указаны деяния не влекут уголовной ответственности»; 2) уволенные с государственных предприятий и не имеющие работы; 3) контрреволюционеры, совершившие малозначительные преступления и не подлежащие уголовной ответственности и др.

Другими словами, идея центрального места труда в исправлении осужденных сохранилась в документах Китая, регламентирующих порядок исполнения и отбывания лишения свободы.

В третьих, степень научной разработанности рассматриваемой темы в российской доктрине остается фрагментарной. В подсобляющем большинстве случаев работы отечественных ученых юристов посвящены анализу некоторых направлений уголовно-исполнительной политики[6], системы уголовных наказаний[7] и отдельных институтов пенитенциарного законодательства Китая[8].

Приступая рассмотрению объекта исследования, в первую очередь следует отметить, что в Китае, согласно ст. 45-47 Уголовного кодекса[9] (далее – УК КНР), также как и в России, применяются два вида лишения свободы – срочное (на определенный срок) и бессрочное (пожизненное). Срочное лишение свободы назначается на срок от шести месяцев до 15 лет (ст. 45). Однако в случае замены смертной казни лишением свободы срок наказания может составлять от 15 до 20 лет.

Интересно, что в отличии от Уголовного кодекса Российской Федерации, в ст. 46 УК КНР делается отдельный акцент на обязанность осужденного получить образования и трудиться: «*любой трудоспособный человек должен участвовать в трудовой деятельности, получать образование и исправляться*». По сути, законодатель КНР уже в материальных нормах уголовного законодательства закрепил и, соответственно, сделал акцент на труде и образовании, как основных средствах исправления осужденных.

Правоотношения, функционирующие в процессе исполнения и отбывания уголовных наказаний в виде лишения свободы, регулируются принятым в 1994 году Законом о тюрьмах КНР[10], являющимся относительно небольшим документом, состоящим из семи Глав, включающих в себя 78 статей.

---

[1]Comprehensive Guide to Prisons in China (and, Some Handy Phrases Just in Case)// URL: https://www.mandarinblueprint.com/blog/comprehensive-guide-to-prisons-in-china-and-some-handy-phrases-just-in-case/ (дата обращения 04.04.2026); Penal system in China// URL: https://grokipedia.com/page/Penal_system_in_China (дата обращения 04.04.2026).

[2] The World Prison Brief// URL: https://www.icpr.org.uk/theme/prisons-and-use-imprisonment/world-prison-brief (дата обращения 04.04.2026).

[3]Постановление Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей от 28 декабря 2013 г. «О признании утратившими силу нормативных правовых актов о трудовом перевоспитании» // URL: https://zh.wikisource.org/wiki/全国人民代表大会常务委员会关于废止有关劳动教养法律规定的决定 (дата обращения: 06.04.2026).

[4]Постановление Государственного совета КНР о вопросах трудового перевоспитания / Государственный совет КНР, 3 августа 1957 г. // URL: https://zh.wikisource.org/wiki/国务院关于劳动教养问题的决定 (дата обращения: 06.04.2026).

[5] Резолюция Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей «Об утверждении дополнительных положений Государственного совета по трудовому перевоспитанию» от 29 ноября 1979 г. // URL: https://zh.wikisource.org/wiki/全国人民代表大会常务委员会关于废止有关劳动教养法律规定的决定 (дата обращения: 06.04.2026).

[6] Качурова Е.С. Некоторые особенности государственной политики КНР в уголовно-исполнительной сфере на современном этапе // Российско-китайские исследования. – 2022. – №1. – С. 7-12.

[7] Бабенко А.А., Тинишев Б.Н. Особенности уголовно-правовой системы наказаний в Китайской Народной Республике // Вопросы российской юстиции. – 2019. – №1. – С. 516-528.

[8] Бальчиндоржиева, О. Б. Раздел 4 «Смягчение наказания и условно-досрочное освобождение» Закона о тюрьмах Китайской Народной Республики: авторский перевод и краткий сравнительный анализ с законодательством российской Федерации / О. Б. Бальчиндоржиева, А. Н. Мяханова, А. П. Скиба // Уголовно-исполнительное право. – 2023. – Т. 18, № 3. – С. 396-400.

[9]Уголовный кодекс КНР от 14 марта 1997 г. // Официальный сайт Посольства КНР в РФ. – URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/zfhz_0/zgflyd_142850/202504/t20250430_11612104.htm (дата обращения: 09.04.2026).

[10]Закон о тюрьмах КНР от 29 декабря 1994 г. (в редакции от 26 октября 2012 г.) // URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/lfzt/rlys/2008-08/21/content_1882895.htm (дата обращения: 09.04.2026).

В первой главе («Общие положения») провозглашается принцип сочетания наказания, образования и труда (ст. 3), а ст. 4 прямо обязывает администрацию тюрем организовывать производительный труд «в соответствии с потребностями исправления преступников». Государство, согласно ст. 8, берет на себя обязательство предоставлять не только средства на адаптацию осужденных в тюрьмах, но и производственные мощности для их привлечения к труду. Таким образом, законодатель уже в первых статьях Закона о тюрьмах позиционирует труд как средство исправления, направленное на формирование у осужденных профессиональных навыков и привычки к законопослушному поведению, что соответствует доктрине «исправления через полезную занятость».

Что касается получения образования, анализируемая глава Закона закладывает многоуровневую основу для пенитенциарной педагогики, выходящую за рамки простой ликвидации безграмотности. Так, в ст. 4 закреплена обязанность администрации тюрем проводить *«идеологическое, культурное и техническое просвещение»*, что предполагает формирование в пенитенциарных учреждениях три взаимосвязанных направления: ценностно-нормативное (идеологическое), базовое когнитивное (культурное) и профессионально-прикладное (техническое). Такая триада, подкрепленная ст. 3, где образование ставится в один ряд с трудом как средство превращения осужденных «в законопослушных граждан», свидетельствует о понимании образовательного процесса как механизма глубокой внутренней перестройки личности. Причем, по мнению автора, положительно, в Законе о тюрьмах обязанность получить образование закреплена за всеми осужденными, не имеющими образования, вне зависимости от их возраста. В УИК РФ лица, достигшие 30 лет, и не имеющие общего (среднего) образования получают образование по желанию.

Подавляющее число предписаний, закрепленных во второй главе («Устройство тюрем») данного документа, относится к сфере административно-хозяйственной деятельности. Они регламентируют организацию устройства тюрем и определяют правовой статус их администрации. Но и в этой главе есть норма, касающаяся привлечения осужденных к труду. В частности, в п. 6 ст. 14 закреплен заперт на использование осужденных для личных трудовых услуг, что защищает трудотерапию, как средства исправления, от превращения в форму эксплуатации, что принципиально важно для сохранения воспитательной, а не карательной сущности привлечения к труду.

Закрепив в п. 6 ст. 16 запрет на использование осужденных для личных трудовых услуг, законодатель КНР отразил требования основных международных документов специального характера (например, ч. 2 ст. 99 Правил Нельсона Манделы[1], ч. 8 ст. 26 Европейских пенитенциарных правил[2]) в Законе о тюрьмах. Парадоксально, но предписание, аналогичного содержания, отсутствует в УИК РФ, что, с юридической точки зрения, является определенным недостатком уголовно-исполнительного закона России.

В главе 4 («Смягчение наказания и условно-досрочное освобождение»), так же как и в главе 3 («Исполнение наказаний»), о привлечении к труду и получении образования практически ничего не говорится. Однако, стоит обратить внимание на п. 3 ст. 29, исходя из буквального толкования которой, созданное осужденным в период отбывания наказания *«изобретение, творение или крупная технологическая инновация»* может являться основанием для его условно-досрочного освобождения. Указанная норма прямо поощряет трудовую и интеллектуальную активность осужденного, которая, в конечном итоге, проявляется в создании конкретного материального блага, которое может быть полезна не только осужденному, но и обществу, государству.

Более того, согласно п. 5 ст. 57 главы 6 («Награды и наказания») если осужденный, в период отбывания наказания осуществляет трудовую деятельность по разработке «технологических инноваций или внедрение производственной технологии», то администрация пенитенциарного учреждения может «похвалить» осужденного и материального его поощрить. Кроме того, основанием для денежного вознаграждения осужденного также является факт «перевыполнение производительности труда» (п. 3 ч. 57), т.е. когда объём выполненной работы или произведённой продукции превышает плановые показатели. Отечественному законодателю следует обратить внимание на систему поощрительных норм, применяемых в связи с разработкой и внедрением технологических инноваций.

Таким образом, стимулирование осужденных к труду через материальное поощрение за технологические инновации и перевыполнение норм выработки способствует формированию законопослушного поведения и трудовой дисциплины, что напрямую поддерживает цель их исправления, связывая полезную производственную активность с позитивным подкреплением.

Ключевое значение для данного исследования имеет 5 глава, озаглавленная «Воспитание и трансформация преступников», где основной акцент сделан на роли труда и получения образования в процессе исправления осужденных. В частности, ст. 61 данной главы предписывает строить образовательный процесс на следующих принципах:

– применение индивидуальных и коллективных форм обучения;

– участие в педагогической деятельности «разумных и убеждающих людей»;

– синтез коллективного образования с индивидуальной воспитательной работой.

Как подчеркивает китайский законодатель, именно такая модель призвана обеспечить позитивное исправление осужденных.

В ст. 62 подчеркивается важность идеологического просвещения, которое должно охватывать изучение правовой системы, этические принципы, актуальной обстановки в стране и ключевые векторы развития государства. Без такой базы применять полученное образование после выхода на свободу становится крайне сложно. Можно сказать, что в Китае идеологическое просвещение служит фундаментом (базисом), на котором строится обучение (надстройка) и последующее использование навыков в труде.

[1] Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 2015 г. //URL: https://base.garant.ru/1305346/ (дата обращения 13.04.2026).
[2] Европейские пенитенциарные правила были приняты 11 января 2006 г. Комитетом министров Совета Европы// https://docs.cntd.ru/document/420361984 (дата обращения 13.04.2026).

Исходя из буквального толкования ст. 63, с одной стороны, осужденные обязаны проходить *«обучение грамоте, получать начальное образование и среднее образование»*. С другой стороны, законодатель Китая обязал администрацию тюрем организовывать образовательный процесс. По итогам успешной сдачи итоговых экзаменов департаментом образования выдаются официальные сертификаты (аттестаты) установленного образца, подтверждающие получение соответствующего уровня образования, что имеет важное значение, как на индивидуальном, так и на социальном уровне.

Следует особо подчеркнуть, что обучение грамоте в местах лишения свободы обычно проходят те осужденные, которые вовсе не владеют или крайне плохо владеют начальными навыками чтения и письма. Действующее федеральное законодательство России (например, ст. 112 УИК РФ, ст. 80 Федерального закона «Об образовании»[1]) регулирует вопросы получения осужденными основного общего и среднего общего образования. Однако ни один УИК РФ не содержит предписаний, обязывающих обучать неграмотных осужденных азам грамоты. Учитывая, что в местах лишения свободы все еще имеется определенное количество лиц, не умеющих читать и писать[2], этот пробел должен быть устранен. Полагаем, что, норму, регламентирующую обучение осужденных грамоте, необходимо закрепить в ст. 112 УИК РФ

В данном контексте следует отметить, что администрация тюрем также организует «профессионально-техническое обучение» осужденных» (ст. 64). Данное обучение должно быть ориентировано на потребности тюремного производства и трудоустройства после освобождения. Осужденным, успешно прошедшим профессионально-техническое обучение, департамент труда предоставляет «сертификат технического уровня», что легитимирует полученную квалификацию.

В ст. 65 рассматриваемого документа отдельное внимание уделяется самообучению осужденных. В указанной статье регламентируется, что стремление осужденных к самообразованию должно поощряться администрацией тюрьмы, а если лицо сдает соответствующие экзамены, то «соответствующие ведомства выдают необходимые сертификаты».

Таким образом, в законодатель Китая в Законе о тюрьмах закрепил четыре основных вектора образования для осужденных:

1) обучение грамоте;

2) предоставление начального образование и среднего образования;

3) профессионально-техническое обучение;

4) самообразование осужденных.

Статья 66 содержит следующую интересную норму: профессионально-техническое образование осужденных включается в *«план образования региона»*, в котором находится соответствующее тюремное учреждение**.** Это означает, что региональные власти обязаны учитывать уровень образования, полученный осужденным, при создании рабочих мест – с целью их успешного трудоустройства после освобождения. Таким образом, проблема реализации полученных знаний переходит из ведомственной в общегосударственную. Кроме того, в той же статье закона предписывается оборудовать учебные классы и читальные залы, что, по мнению китайского законодателя, обеспечивает эффективное усвоение знаний.

Остальные статьи 5 главы Закона о тюрьмах посвящены некоторым вопросам, касающимся привлечения осужденных к труду. Так, в ст. 69 еще раз указывается на то, что все осужденные, «способные к труду, должны участвовать в трудовой деятельности», что, по сути, дублирует содержание ст. 46 УК КНР. Буквальное толкование данной нормы, дает понять, что только медицинские противопоказания могут препятствием к привлечению осужденных к труду. Сказанное, еще раз подтверждает факт того, что труд занимает одно их центральных мест в системе средств исправления.

Ключевой для понимания исправительного потенциала труда является ст. 70 Закона о тюрьмах. Здесь законодатель КНР явно связывает рациональную организацию труда с тремя взаимосвязанными задачами:

– *исправление пороков* (например, лень, безответственность, отсутствие самоорганизации, конфликтность и неспособность кооперации, тунеядство);

– *выработка трудовых привычек* (например, соблюдение режима и трудовой дисциплины, самопроверка качества выполненной работы, фиксация внимания на безопасных приемах труда);

– *освоение конкретных производственных навыков* (например, в сфере швейного производства, дерево и металлообработки, сельскохозяйственного труда, сборки электротехнических изделий.

Особого внимания заслуживает указание на то, что привлечение осужденных к труду создает условия для трудоустройства после освобождения.

Законодатель КНР, в ст. 71, отсылая к некоторым трудового права, символически уравнивает осужденного и свободного работника в части охраны времени труда и отдыха. С научной точки зрения, соблюдение режима труда и отдыха напрямую влияет на психологическое состояние осужденных, предотвращает переутомление и связанные с ним конфликты. В рассматриваемой статье также присутствует предписание, что при особых обстоятельствах, таких как сезонное производство, продолжительность рабочего времени может быть скорректирована в пользу его уменьшения.

[1] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»// Российская газета. – 2012. – № 303.

[2] О трудностях преподавания осужденным// Номер один. – 2023. URL: https://gazeta-n1.ru/news/society/119324/ (дата обращения 13.04.2026); В Башкирии в колонию попадают люди, которые не умеют читать// Московский комсомолец. – 2017. URL: https://ufa.mk.ru/articles/2017/06/28/v-bashkirii-za-reshetku-popadayut-lyudi-kotorye-neumeyut-chitat.html (дата обращения 13.04.2026); Яковлева М.К. К вопросу о развитии системы образования в пенитенциарных учреждениях/Электронный научный журнал «Известия Регионального финансово-экономического института». – 2013. – № 1//URL: https://science.rfei.ru/ru/2013/1/12.html (дата обращения 13.04.2026).

В Законе о тюрьмах также закреплены положения (ст. 73), в которых государство гарантирует социальную защиту осужденного как субъекта трудовых отношений, что призвано стимулировать отбывающих наказание к трудовой деятельности. Распространение положений государственного трудового страхования на случаи производственного травматизма и профессиональной заболеваемости в тюрьме означает, что осужденный не лишен права на компенсацию, пенсию по инвалидности или выплаты семье в случае смерти. С гуманитарной и правовой точки зрения данная статья снимает потенциальное возражение о том, что труд осужденного якобы не является «настоящим» трудом.

Глава 6 («Реформа системы образования несовершеннолетних правонарушителей»), содержит правовые основы исполнения и отбывания наказания несовершеннолетними осужденными, лишенными свободы.

В контексте настоящего исследования, следует отметить ст. 75. В данной статье отмечено, что образование «*должно быть в центре внимания при исполнении»* в несовершеннолетних осужденных наказания. По сути, в данной норме провозглашается, что основная цель наказания для несовершеннолетних – не кара как таковая, а *исправление,* в первую очередь, через *образование*. Научная значимость этого тезиса заключается в признании возрастной незрелости и высокой пластичности психики подростка. Подход предполагает, что социально опасное поведение является следствием дефектов социализации, которые могут быть скорректированы педагогическими методами.

В ст. 75 законодатель Китая также указал на значение привлечения данной категории осужденных к труду, который должен соответствовать особенностям несовершеннолетних и быть направлен на овладение культурой и производственными навыками. В рассматриваемой норме также закреплено, что тюрьмы должны сотрудничать с государством, обществом, школами и другими учебными заведениями в целях обеспечения необходимых условий для получения несовершеннолетними правонарушителями обязательного образования.

Подводя итог проведенному исследованию, следует сделать следующие выводы:

1. Проведённый анализ китайского законодательства, прежде всего Закона о тюрьмах КНР, подтверждает, что труд в современной пенитенциарной системе рассматривается не как карательная мера или форма эксплуатации, а как инструмент ресоциализации и социальной адаптации осужденных, лишенных свободы. Китайская модель демонстрирует эффективную увязку трудовой активности с механизмами позитивного стимулирования: материальное поощрение за технологические инновации, перевыполнение норм выработки и возможность условно-досрочного освобождения за создание общественно полезного продукта. При этом гарантией воспитательной, а не карательной сущности труда выступает законодательный запрет на использование осужденных для личных трудовых услуг, что корреспондирует международным пенитенциарным стандартам.

2. Китайский подход к образованию осужденных отличается многоуровневостью и обязательностью, выходя далеко за рамки простой ликвидации безграмотности. Закон о тюрьмах закрепляет четыре взаимосвязанных вектора: обучение грамоте, начальное и среднее образование, профессионально-техническое обучение, а также самообразования. Особенностью является то, что профессионально-техническое образование включается в региональный план образования, что обязывает местные власти учитывать полученную осужденным квалификацию при последующем трудоустройстве. Кроме того, идеологическое просвещение служит ценностно-нормативным фундаментом, без которого использование приобретенных навыков становится затруднительным. Особого внимания заслуживает правовое регулирование исполнения наказания в отношении несовершеннолетних: законодатель КНР прямо указывает, что образование должно находиться в центре внимания при исполнении наказания, а труд – соответствовать возрастным особенностям и быть направлен на овладение культурой и производственными навыками, что исходит из признания высокой пластичности психики подростка и приоритета педагогической коррекции над карой.

3. Для совершенствования российского уголовно-исполнительного законодательства представляется целесообразным детально изучить следующие элементы китайского опыта. Во-первых, следует законодательно закрепить в УИК РФ прямой запрет на использование труда осужденных в личных интересах администрации исправительных учреждений. Во-вторых, необходимо дополнить ст. 112 УИК РФ нормой, обязывающей обучать неграмотных осуждённых азам чтения и письма независимо от возраста, а также рассмотреть вопрос о снижении или отмене возрастного ограничения (30 лет) для получения общего образования по желанию. В-третьих, целесообразно ввести систему поощрительных норм, стимулирующих трудовую и интеллектуальную активность осуждённых (технологические инновации, рационализаторские предложения).

Список литературы:

1. Comprehensive Guide to Prisons in China (and, Some Handy Phrases Just in Case)// URL: https://www.mandarinblueprint.com/blog/comprehensive-guide-to-prisons-in-china-and-some-handy-phrases-just-in-case/ (дата обращения 04.04.2026);
2. Penal system in China// URL: https://grokipedia.com/page/Penal_system_in_China (дата обращения 04.04.2026).
3. The World Prison Brief// URL: https://www.icpr.org.uk/theme/prisons-and-use-imprisonment/world-prison-brief (дата обращения 04.04.2026).
4. Бабенко, А.А., Тинишев Б.Н. Особенности уголовно-правовой системы наказаний в Китайской Народной Республике // Вопросы российской юстиции. – 2019. – №1. – С. 516-528.
5. Бальчиндоржиева, О. Б. Раздел 4 «Смягчение наказания и условно-досрочное освобождение» Закона о тюрьмах Китайской Народной Республики: авторский перевод и краткий сравнительный анализ с законодательством российской Федерации / О. Б. Бальчиндоржиева, А. Н. Мяханова, А. П. Скиба // Уголовно-исполнительное право. – 2023. – Т. 18, № 3. – С. 396-400.
6. Европейские пенитенциарные правила были приняты 11 января 2006 г. Комитетом министров Совета Европы// https://docs.cntd.ru/document/420361984 (дата обращения 13.04.2026).
7. Закон о тюрьмах КНР от 29 декабря 1994 г. (в редакции от 26 октября 2012 г.) // URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/lfzt/rlys/2008-08/21/content_1882895.htm (дата обращения: 09.04.2026).
8. Качурова, Е.С. Некоторые особенности государственной политики КНР в уголовно-исполнительной сфере на современном этапе // Российско-китайские исследования. – 2022. – №1. – С. 7-12.
9. Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 2015 г. //URL: https://base.garant.ru/1305346/ (дата обращения 13.04.2026).
10. Постановление Государственного совета КНР о вопросах трудового перевоспитания / Государственный совет КНР, 3 августа 1957 г. // URL: https://zh.wikisource.org/wiki/国务院关于劳动教养问题的决定 (дата обращения: 06.04.2026).

11. Постановление Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей от 28 декабря 2013 г. «О признании утратившими силу нормативных правовых актов о трудовом перевоспитании» // URL: https://zh.wikisource.org/wiki/全国人民代表大会常务委员会关于废止有关劳动教养法律规定的决定 (дата обращения: 06.04.2026).
12. Резолюция Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей от 29 ноября 1979 г. «Об утверждении дополнительных положений Государственного совета по трудовому перевоспитанию» // URL: https://zh.wikisource.org/wiki/全国人民代表大会常务委员会关于废止有关劳动教养法律规定的决定 (дата обращения: 06.04.2026).
13. Уголовный кодекс КНР от 14 марта 1997 г. // Официальный сайт Посольства КНР в РФ. – URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/zfhz_0/zgflyd_142850/202504/t20250430_11612104.htm (дата обращения: 09.04.2026).
14. О трудностях преподавания осужденным// Номер один. – 2023. URL: https://gazeta-n1.ru/news/society/119324/ (дата обращения 13.04.2026);
15. В Башкирии в колонию попадают люди, которые не умеют читать// Московский комсомолец. – 2017. URL: https://ufa.mk.ru/articles/2017/06/28/v-bashkirii-za-reshetku-popadayut-lyudi-kotorye-ne-umeyut-chitat.html (дата обращения 13.04.2026);
16. 16. Яковлева М.К. К вопросу о развитии системы образования в пенитенциарных учреждениях// Электронный научный журнал «Известия Регионального финансово-экономического института». – 2013. – № 1//URL: https://science.rfei.ru/ru/2013/1/12.html (дата обращения 13.04.2026).

***References*:**

1. Comprehensive Guide to Prisons in China (and, Some Handy Phrases Just in Case) // URL: https://www.mandarinblueprint.com/blog/comprehensive-guide-to-prisons-in-china-and-some-handy-phrases-just-in-case/ (accessed: 04.04.2026);
2. Penal system in China // URL: https://grokipedia.com/page/Penal_system_in_China (accessed: 04.04.2026).
3. The World Prison Brief // URL: https://www.icpr.org.uk/theme/prisons-and-use-imprisonment/world-prison-brief (accessed: 04.04.2026).
4. Babenko, A.A., Tinishev, B.N. Peculiarities of the Criminal Legal System of Punishments in the People's Republic of China // Issues of Russian Justice. – 2019. – No. 1. – pp. 516-528.
5. Balchindorzhieva, O.B. Section 4 'Mitigation of Punishment and Parole' of the Prison Law of the People's Republic of China: Author's Translation and Brief Comparative Analysis with the Legislation of the Russian Federation / O.B. Balchindorzhieva, A.N. Myakhanova, A.P. Skiba // Penal Enforcement Law. – 2023. – Vol. 18, No. 3. – pp. 396-400.
6. The European Prison Rules were adopted on January 11, 2006, by the Committee of Ministers of the Council of Europe // URL: https://docs.cntd.ru/document/420361984 (accessed: 13.04.2026).
7. Prison Law of the People's Republic of China of December 29, 1994 (as amended on October 26, 2012) // URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/lfzt/rlys/2008-08/21/content_1882895.htm (accessed: 09.04.2026).
8. Kachurova, E.S. Some Features of the State Policy of the People's Republic of China in the Penal Enforcement Sphere at the Present Stage" // Russian-Chinese Studies. – 2022. – No. 1. – pp. 7-12.
9. The United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules) were adopted by the UN General Assembly Resolution on December 17, 2015 // URL: https://base.garant.ru/1305346/ (accessed: 13.04.2026).
10. Decision of the State Council of the People's Republic of China on Issues of Reeducation through Labor / State Council of the People's Republic of China, August 3, 1957 // URL: https://zh.wikisource.org/wiki/国务院关于劳动教养问题的决定 (accessed: 06.04.2026).
11. Decision of the Standing Committee of the National People's Congress of December 28, 2013 «On Recognizing Normative Legal Acts on Reeducation through Labor as Invalid» // URL: https://zh.wikisource.org/wiki/全国人民代表大会常务委员会关于废止有关劳动教养法律规定的决定 (accessed: 06.04.2026).
12. Resolution of the Standing Committee of the National People's Congress of November 29, 1979 «On Approving the Supplementary Provisions of the State Council on Reeducation through Labor» // URL: https://zh.wikisource.org/wiki/全国人民代表大会常务委员会关于批准国务院关于劳动教养的补充规定的决议 (accessed: 06.04.2026).
13. Criminal Code of the People's Republic of China of March 14, 1997 // Official website of the Embassy of the People's Republic of China in the Russian Federation. – URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/zfhz_0/zgflyd_142850/202504/t20250430_11612104.htm (accessed: 09.04.2026).
14. "On the Difficulties of Teaching Convicts" // Number One. – 2023. URL: https://gazeta-n1.ru/news/society/119324/ (accessed: 13.04.2026);
15. In Bashkiria, People Who Cannot Read End Up in Prison" // Moskovsky Komsomolets. – 2017. URL: https://ufa.mk.ru/articles/2017/06/28/v-bashkirii-za-reshetku-popadayut-lyudi-kotorye-ne-umeyut-chitat.html (accessed: 13.04.2026);
16. Yakovleva, M.K. On the Issue of the Development of the Education System in Penal Institutions // Electronic Scientific Journal «Proceedings of the Regional Financial and Economic Institute». – 2013. – No. 1 // URL: https://science.rfei.ru/ru/2013/1/12.html (accessed: 13.04.2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_361

УДК 343.985

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ИЗ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА В РАМКАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ
CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF ECONOMIC AND CORRUPTION-RELATED CRIMES COMMITTED DURING THE IMPLEMENTATION OF STATE SUPPORT FROM THE FEDERAL BUDGET AS PART OF NATIONAL PROJECTS

НИКИФОРЕНКО Юлия Лавриновна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России.
603950, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3,
E-mail: ulchaha@mail.ru

АГАФОНОВ Сергей Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России.
603950, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3,
E-mail: ulchaha@mail.ru

ГРАЧЕВА Олеся Александровна,
старший преподаватель кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России.
603950, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3,
E-mail: ulchaha@mail.ru

NIKIFORENKO Yulia Lavrinovna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe shosse, 3.
E-mail: ulchaha@mail.ru

AGAFONOV Sergey Yurievich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe shosse, 3.
E-mail: ulchaha@mail.ru

GRACHEVA Olesya Aleksandrovna,
Senior Lecturer of the Department of Criminalistics
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe shosse, 3.
E-mail: ulchaha@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматривается криминалистическая характеристика преступлений экономической и коррупционной направленности, совершаемых в процессе реализации национальных проектов. На основе анализа 157 судебных приговоров выявлены типичные способы совершения противоправных деяний, особенности механизма преступлений и характеристики их субъектов. Исследованы ключевые элементы криминалистической характеристики: обстановка совершения преступлений, способы их реализации, следовая картина и личностные черты виновных. Установлена взаимосвязь между спецификой бюджетных процессов и распространёнными схемами преступной деятельности. Обоснована необходимость комплексного подхода к предупреждению и расследованию таких преступлений с учётом их высокой латентности и многоступенчатости преступных схем. Результаты исследования позволяют прогнозировать криминогенные риски при реализации новых национальных проектов и совершенствовать контрольные механизмы. Полученные данные могут быть использованы для разработки специализированных методик выявления и пресечения экономических и коррупционных преступлений в сфере расходования бюджетных средств.*

Abstract: *The article examines the forensic characteristics of economic and corruption-related crimes committed during the implementation of national projects. Based on an analysis of 157 court verdicts, the study identifies typical methods of committing illegal acts, specific features of the crime mechanism, and characteristics of the perpetrators. The key elements of the forensic profile are investigated, including the circumstances of the crimes, methods of their commission, trace evidence patterns, and personal traits of the offenders. A correlation has been established between the specifics of budgetary processes and common schemes of criminal activity. The research justifies the need for a comprehensive approach to preventing and investigating such crimes, taking into account their high latency and the multi-stage nature of criminal schemes. The findings enable forecasting criminogenic risks associated with the implementation of new national projects and improving control mechanisms. The data obtained can be used to develop specialized methodologies for detecting and suppressing economic and corruption-related crimes in the sphere of public fund expenditure.*

Ключевые слова: *криминалистическая характеристика, экономическая безопасность, бюджетные средства, национальные проекты, федеральные программы, методика расследования.*

Keywords: *forensic characteristics, economic security, budget funds, national projects, federal programs, and investigation methods.*

Для цитирования: *Никифоренко Ю.Л., Агафонов С.Ю., Грачева О.А. Криминалистическая характеристика преступлений экономической и коррупционной направленности, совершаемых при реализации государственной поддержки из федерального бюджета в рамках национальных проектов // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 361-367. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_361.*

For citation: *Nikiforenko Yu.L., Agafonov S.Yu., Gracheva O.A. Criminalistic characteristics of economic and corruption-related crimes committed during the implementation of state support from the federal budget as part of national projects // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 361-367. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_361.*

Статья поступила в редакцию: 14.04.2026

Национальные проекты представляют собой стратегический инструмент государственного управления, направленный на комплексное развитие Российской Федерации в ключевых социально-экономических направлениях. Их реализация способствует формированию устойчивой модели экономического роста и повышению качества жизни населения. Реализация национальных проектов создает мультипликативный эффект, способствуя не только решению текущих социально-экономических задач, но и формированию прочного фундамента для долгосрочного развития государства, обеспечивая повышение конкурентоспособности российской экономики на международной арене и укрепление суверенитета страны.

В контексте трансформации экономического уклада Российской Федерации особое значение приобретает стратегический курс на диверсификацию национальной экономики и увеличение доли несырьевых секторов. Данный вектор развития находит своё воплощение в запуске новых 19 национальных проектов, стартовавших в 2025 году[1].

В рамках планируемого развития российской экономики существенную роль играет механизм государственного финансирования приоритетных отраслей через систему федеральных целевых программ и национальных проектов. Согласно аналитическим данным компании Sherpa Group [2], совокупный объём финансирования национальных проектов в период 2019–2024 годов достиг 15,9 трлн. рублей. На реализацию новых национальных проектов в период 2025–2027 годов запланировано выделение 18,5 трлн. рублей[3].

В рамках политики распределения бюджетных средств существенная их доля направляется в субъекты Российской Федерации. При этом масштабность и объем выделяемых средств обусловливает повышенные риски их нецелевого использования и хищения, что обусловливает необходимость усиленного контроля в сфере экономической безопасности и противодействия коррупции.

В этой связи особое значение приобретает ознакомление с данными статистики преступлений, совершаемых при реализации национальных проектов. Несмотря на отсутствие актуальной статистики по новым национальным проектам (запущенным в 2025 г.), анализ противоправных деяний за период 2019–2024 гг. (на примере Нижегородской области и других регионов) [4] сохраняет высокую актуальность для прогнозирования и профилактики преступлений в новых условиях.

Это объясняется устойчивой преемственностью ключевых факторов:

1. Схожесть механизмов финансирования. Принципы распределения бюджетных средств, процедуры отбора подрядчиков и контрольные механизмы в новых нацпроектах во многом наследуют подходы предыдущих программ.

2. Типология преступных схем. Основные способы совершения экономических преступлений (мошенничество, растрата, коррупция) устойчивы во времени и адаптируются к новым условиям с минимальными изменениями.

Таблица 1

Статистический показатель наиболее часто совершаемых преступлений в сфере реализации национальных проектов

	2023	**2024**	**Январь-июль 2025**
Зарегистрировано преступлений, совершенных при реализации национальных проектов	50	163	89
Национальный проект	Демография 35	Демография 120	Демография 55
		Образование 20	Малое и среднее предпринимательство и поддержка предпринимательской инициативы 20
	Жилье и городская среда 7	Малое и среднее предпринимательство и поддержка предпринимательской инициативы 14	Жилье и городская среда 8
Преступления:	Мошенничество 40	Мошенничество 144	Мошенничество 76
	Злоупотребление должностными полномочиями4	Присвоение и растрата 4	Злоупотребление должностными полномочиями 7
	Превышение должностных полномочий 2	Злоупотребление должностными полномочиями 6	Превышение должностных полномочий 2
	Взяточничество 3	Взяточничество 6	Взяточничество 4
Выявлено лиц	37	84	138
Сумма ущерба тыс. руб.	26131	510 832	47156

Данные приведенные в таблице (табл. 1) позволяют отметить не только количественное увеличение регистрируемых деяний, но и выделить систему ключевых признаков, таких как:

1. Объект преступного посягательства. В контексте исследуемой группы преступлений объектом преступного посягательства выступает система бюджетных правоотношений, выступающих центральным элементом уголовно-правовой охраны [5, с. 33-47]. При этом необходимо учитывать, что видовой объект данных преступлений носит комплексный характер и включает в себя правоотношения собственности; установленный порядок функционирования хозяйственной деятельности в бюджетной сфере; служебные интересы организаций, участвующих в реализации бюджетных программ; интересы государственной власти и органов местного самоуправления в сфере бюджетного контроля.

2. Предмет преступления, представленный денежными средствами различных уровней бюджетной системы. В качестве дополнительного предмета преступлений отдельными авторами выделяются финансовые активы коррупционного происхождения. К ним относятся денежные средства, получаемые в результате противоправных действий: незаконного вознаграждения (откатов), платы за действия или бездействие должностных лиц, а также финансовых преференций за покровительство лицам, причастным к хищению бюджетных средств, направляемых на цели национальных проектов [6, с. 155].

3. Субъект преступления. Наряду с общими условиями привлечения к уголовной ответственности, закреплёнными в ст. 19 Уголовного кодекса Российской Федерации, законодатель устанавливает дополнительные требования к субъекту преступления в соответствии с пунктом 1 статьи 285 УК РФ. Специальный субъект данного вида преступлений представляет собой должностное лицо или иного служащего, осуществляющий функции представителя власти на постоянной, временной основе либо по специальному полномочию. При этом указанное лицо выполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в органах государственной и муниципальной власти, а также в государственных (муниципальных) компаниях и предприятиях. Важным критерием выступает наличие у такого лица полномочий по распоряжению, получению и использованию денежных средств.

В частности, ст. 306 Бюджетного кодекса Российской Федерации, конкретизирует круг должностных лиц, которые могут выступать в качестве специальных субъектов данных преступлений. К ним относятся глава администрации, глава финансового органа, главный администратор бюджетных средств и государственный (муниципальный) заказчик.

4. Мотивационную основу, детерминированную корыстным интересом.

5. Экономическую направленность противоправных действий.

6. Криминологические характеристики, обладающие типологической общностью.

На основании вышеизложенного представляется обоснованным отнесение преступлений в сфере национальных проектов к категории преступных деяний, совершаемых в бюджетной сфере. Подобная систематизация сущностных признаков исследуемых преступлений в криминалистической науке традиционно отнесена к криминалистической характеристике преступной деятельности [7, с. 687].

Криминалистическая характеристика выступает в качестве информационной модели, базирующейся на обобщении существенных признаков множества конкретных преступлений. Она позволяет сформировать целостное представление о механизме совершения противоправных деяний в бюджетной сфере, что имеет существенное значение для разработки эффективных методик их предупреждения и расследования.

Термин криминалистическая характеристика преступления вошёл в научный оборот в конце 1960-х годов, обозначая систему типичных признаков преступлений определённого вида или рода [7, с. 687].

Фундаментальные основы теории криминалистической характеристики преступлений были заложены трудами выдающихся учёных-криминалистов. П.И. Люблинский первым ввёл данное понятие в научный оборот в конце 1920-х годов, заложив теоретическую базу для дальнейшего развития концепции. По мнению П.И. Люблинского, успешное раскрытие преступлений невозможно без составления специальной характеристики происшествия. В основу такой характеристики он положил древнюю римскую семизначную формулу расследования, включающую следующие элементы: субъект действия (кто); объект посягательства (что); место совершения (где); средства совершения (с чьей помощью); мотивы (почему); способ совершения (каким образом); время совершения (когда) [8, с. 32-33].

Существенный вклад в становление данной теории внесли А.Н. Колесниченко и Л.А. Сергеев, которые в конце 1960-х годов разработали методологические основы криминалистической характеристики. А.Н. Колесниченко в своей диссертации 1967 года предложил концепцию общей криминалистической характеристики вида преступлений [9, с. 9-10]. В структуру этой характеристики учёный предложил включить подразделение конкретного вида преступлений на разновидности и группы, типичные следственные ситуации и соответствующие им основные направления расследования, возможные пути установления преступников и задачи повышения эффективности следственной работы.

Л.А. Сергеев в 1971 году впервые сформулировал структурные элементы криминалистической характеристики, включив в них способы совершения преступлений, условия их совершения, особенности обстановки и характеристики субъектов преступных посягательств [10].

В современной криминалистической науке сохраняется дискуссионность относительно структуры криминалистической характеристики преступлений [11; 12]. Так, например, О.Я. Баев рассматривает в качестве элементов криминалистической характеристики преступлений такие элементы, как механизм следообразования, способы совершения преступлений, личность преступников, мотивы, время и место совершения преступлений, а также виктимологические особенности потерпевших [13].

Схожих позиций при определении элементной структуры криминалистической характеристики преступлений придерживались И.А. Возгрин [14, с. 25-27] и Р.С. Белкин [7, с. 687-688]. Оба исследователя включали в её состав: исходную информацию; предмет преступного воздействия; личностные характеристики преступников и жертв; механизм преступления; способы приготовления, совершения и сокрытия преступлений, а также типичные последствия преступных действий.

В рамках настоящего исследования для построения элементной структуры криминалистической характеристики выбран подход, обеспечивающий системный анализ устойчивых корреляционных связей между элементами, характерными для преступлений в сфере реализации национальных проектов. На этой основе криминалистическая характеристика данных преступлений будет раскрыта через четыре взаимосвязанных компонента:

обстановка (ситуация) совершения преступления – условия и обстоятельства, в которых реализуется противоправная схема;

субъект преступления – лицо или группа лиц, непосредственно причастных к совершению деяния;

способ совершения преступления – совокупность действий, направленных на достижение преступного результата;

следовая картина – материальные и идеальные следы, отражающие механизм преступления и позволяющие установить его обстоятельства.

Ситуация. Проведенный нами анализ обстановки, времени и места совершения преступлений экономической и коррупционной направленности в сфере реализации национальных проектов демонстрирует их тесную взаимосвязь с особенностями хозяйственной деятельности и личностными характеристиками виновного лица.

Обстановка совершения преступлений характеризуется особой организационной структурой, включающей многоуровневую систему управления проектами, взаимодействие различных государственных и муниципальных органов, а также коммерческих структур. Существенную роль играет наличие сложной системы документооборота и отчётности, что создаёт благоприятные условия для совершения противоправных деяний.

Временной фактор демонстрирует определённую закономерность: преступные посягательства концентрируются в периоды распределения бюджетных средств, выполнения работ, сдачи отчётности и проведения проверок. Наблюдается повышенная криминогенная активность на этапах реализации проектов, связанных с движением финансовых потоков и материальными ценностями, таких как распределение бюджетных средств, выполнения работ, сдача отчетности и проверки результатов.

Территориальные особенности преступлений в сфере национальных проектов определяются локализацией административных центров, учреждений-исполнителей, подрядных организаций и объектов строительства. Территориальная распределённость преступлений зависит от масштаба проекта, его направленности (здравоохранение, образование, дорожное строительство) и региона реализации.

Особенности сложившейся криминогенной ситуации обусловлены действием ряда объективных и субъективных факторов, выступающих в качестве криминогенных условий и причин преступного поведения. Таких как:

- наличие сложной системы документооборота;
- использование современных информационных технологий;
- взаимодействием различных ведомств и организаций;
- кумовство.

Разделяя позицию В. В. Крюкова, отметим, что ключевыми проблемами остаются: слабый контроль на этапах реализации проектов, формирование коррупционных связей, злоупотребление служебными полномочиями и групповая организация противоправной деятельности [15, с. 10].

Субъект. В ходе проведённого нами анализа судебных приговоров по делам о преступлениях экономической и коррупционной направленности в бюджетной сфере мы пришли к выводу о возможности формирования целостного портрета лица, привлекаемого к уголовной ответственности за указанные противоправные деяния. Данный субъект представляет собой специфическую социальную группу, объединяющую лиц с высоким уровнем профессиональной подготовки, специальным образованием и устойчивым служебным положением, обладающих полномочиями по распоряжению бюджетными средствами или участию в реализации государственных программ и национальных проектов.

Социально-демографические характеристики выявляют устойчивые закономерности. В гендерном отношении представлены как мужчины, так и женщины, однако прослеживается определённая профессиональная специализация: мужчины чаще занимают руководящие посты в государственных и муниципальных структурах (главы администраций, начальники управлений, заместители глав), тогда как женщины преобладают среди руководителей образовательных и спортивных организаций, а также в предпринимательской сфере (директора школ и спортивных школ, индивидуальные предприниматели, руководители ООО).

Возрастная структура характеризуется преобладанием лиц среднего возраста в диапазоне от 35 лет. Так к примеру, в Вологодской области по факту мошенничества в рамках реализации программы «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства» к уголовной ответственности привлечены 38-летняя руководитель ООО и 45-летний руководитель Регионального научно-технического центра ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет» [16].

В Чукотском автономном округе 41-летний глава профильного департамента стал обвиняемым по уголовному делу о злоупотреблении служебными полномочиями [17].

Однако определённая часть обвиняемых за совершение преступлений в исследуемой сфере являются лица пенсионного возраста, старше 60 лет.

В республике Калмыкия по факту злоупотребления должностных полномочий осужден главой органа местного самоуправления. При назначении наказания суд учитывал пенсионный возраст подсудимого[18].

Глава администрации районного центра в Пензенской области стал обвиняемым по делу о злоупотреблении должностными полномочиями; на момент инкриминируемого деяния он уже достиг пенсионного возраста и имел статус инвалида III группы[19].

Выявленная нами возрастная специфика от 35 лет до 60 лет и старше не является случайной и обусловливается рядом взаимосвязанных факторов. Во-первых, к указанному возрастному рубежу большинство индивидов приобретает значительный профессиональный опыт, включающий знание нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные процессы; понимание административных процедур и механизмов распределения ресурсов; навыки взаимодействия с контрагентами и контролирующими органами.

Во-вторых, к этому времени формируются устойчивые социальные связи как в профессиональной среде, так и в личном кругу общения. Эти связи нередко используются для реализации противоправных схем, обеспечивая доступ к конфиденциальной информации, возможность лоббирования решений, а также минимизацию рисков разоблачения за счёт взаимных обязательств.

Согласно проанализированным материалам судебных дел, подавляющее большинство подсудимых состоят в зарегистрированном браке, имеют лиц на иждивении, к которым относятся: несовершеннолетние дети, престарелые родители, лица с инвалидностью.

Эмпирические данные иллюстрируют типовые семейные конфигурации обвиняемых:

- подсудимый ФИО2 осуществляет родительские обязанности в отношении двух малолетних детей [20];
- подсудимый ФИО10 несёт материальную и опекунская ответственность за ребёнка-инвалида [21];
- подсудимый ФИО1 обеспечивает двух малолетних детей и мать, находящуюся на его иждивении [22].

Образовательный уровень характеризуется высоким процентом лиц с высшим образованием, что коррелирует с занимаемыми должностями. При этом нами выявлены единичные случаи виновных лиц со средним образованием. Так, например, за совершение мошенничества в рамках реализации государственной программы «Развитие образования и науки на 2014-2025 годы» к уголовной ответственности привлечена расчетный бухгалтером в ООО «Строй-Экспресс» со средне-специальным образованием [23].

Профессиональный статус и сфера деятельности демонстрируют концентрацию обвиняемых на руководящих и ответственных должностях в следующих сферах:

- государственная и муниципальная служба (главы муниципальных образований либо заместители, руководители управлений);
- образование и наука (руководители вузов, научно-технических центров);
- спорт и дополнительное образование;
- предпринимательство и коммерция.

Это подтверждает, что преступления чаще совершаются лицами, обладающими властными полномочиями и доступом к ресурсам (бюджетным средствам, имущественным активам, административным процедурам).

Мотивационная основа преступных деяний носит корыстный характер и выражается в стремлении к незаконному обогащению за счёт бюджетных средств. Наряду с этим значимую роль играют мотивы карьерного роста и сохранения занимаемой должности. Обладая глубоким пониманием механизмов распределения и использования бюджетных ресурсов, такие лица разрабатывают изощрённые схемы хищений, злоупотреблений полномочиями и мошенничества.

Таким образом, обобщённый портрет субъекта преступления представляет собой мужчину или женщину среднего или предпенсионного возраста, с высшим образованием, занимающего руководящую должность в госструктурах, образовании, спорте или бизнесе, ранее несудимого, с положительной характеристикой, состоящего в браке и имеющего иждивенцев.

Следы. Следовая картина преступлений в сфере реализации государственной поддержки из федерального бюджета в рамках национальных проектов и федеральных программ формируется как система материальных и идеальных следов, отражающих механизм противоправной деятельности.

Материальные следы проявляются преимущественно в документальных источниках и материальных объектах. В документации они выражаются через поддельные или изменённые документы, связанные с бюджетным финансированием, отчётностью о выполнении работ, актами приёма-передачи и договорами.

Подсудимый ФИО1 с целью получения социальной помощи по контракту изготовил ряд подложных документов, имитирующих хозяйственные операции [24].

1. Товарную накладную (на сумму 8 432 руб.) о покупке ветеринарных вакцин у ООО «Северо-Восток».
2. Договор купли-продажи корма за наличный расчёт (на сумму 211 768 руб.) с прилагаемым актом приёма-передачи денежных средств.
3. Договор купли-продажи 20 голов свиней породы Ландрас (на сумму 130 000 руб.) с прилагаемыми документами: актом приёма-передачи животных; актом приёма-передачи денежных средств.

В материальных объектах следы могут проявляться в виде подмены материалов, оборудования или иных ресурсов.

К примеру, ФИО12, исполняя обязанности по организации реконструкции мостового перехода, произвёл замену бетона класса «В30» объёмом 255 куб. м (предусмотренного государственным контрактом) на бетон иных классов и в ином объеме («В25», «В7,5»), не предусмотренных проектной и рабочей документацией контракта [25].

Идеальные следы формируются в памяти участников проекта, их электронных коммуникациях и различных информационных носителях. Они сохраняются в виде показаний свидетелей, аудио- и видеозаписей, электронной переписки и других информационных материалов.

Механизм следообразования характеризуется комплексностью и многоаспектностью. Следы возникают на различных этапах реализации проекта: при планировании, проведении закупочных процедур, выполнении работ, составлении отчётности и контроле за расходованием средств.

Особенности формирования следов определяются спецификой документооборота, использованием современных информационных технологий, множественностью участников проекта и территориальной распределённостью объектов. Временные рамки реализации проекта также оказывают существенное влияние на характер и локализацию следов.

Локализация следов охватывает различные сферы: бухгалтерскую и финансовую документацию, электронные базы данных, материальные объекты строительства, служебную переписку и протоколы совещаний. Следы могут быть обнаружены как в официальных документах, так и в неформальных источниках информации.

Способ. Исследование способов совершения преступлений в исследуемой сфере позволяет констатировать, что их объединяющей характеристикой выступает систематическое нарушение нормативно-правовых предписаний, регламентирующих порядок функционирования указанных учреждений, а также права и обязанности вовлечённых в их деятельность субъектов.

В профессиональной деятельности лиц, причастных к совершению данных противоправных деяний, прослеживается устойчивый набор криминогенных признаков:

- злоупотребление служебным положением в корыстных целях,
- незаконное манипулирование бюджетными ресурсами,
- систематическая фальсификация официальной документации,
- конструирование многоступенчатых схем по выводу денежных средств из легального оборота,
- а также инициирование фиктивных гражданско-правовых сделок, призванных маскировать противоправные действия.

Проведенный анализ правоприменительной практики выявляет ряд типичных преступных схем. В частности, широко распространено мошенничество с использованием служебного положения, выражающееся в подготовке подложных коммерческих предложений для получения государственного финансирования. В Нижегородской области зафиксированы факты предоставления детям-сиротам жилья из специализированного муниципального фонда, не отвечающего нормативным требованиям и непригодного для постоянного проживания [26].

Существенную долю составляют хищения и нецелевое расходование бюджетных средств, зачастую сопровождаемые подделкой документов для получения субсидий. Так, например, директор ООО «Прайм», путём предоставления заведомо ложных и недостоверных сведений о полной занятости граждан, зарегистрированных в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, включая безработных, незаконно получила субсидию по программе «Содействие занятости населения» [27].

В дополнение к этому отмечаются эпизоды коррупционных преступлений, при которых взятки принимаются за содействие при заключении государственных контрактов либо за умышленное невыполнение должностных функций.

Приговором Ленинградского районного суда г. Калининграда ФИО1 признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч.5 ст. 290 УК РФ[28]. Так, ФИО1 являясь должностным лицом – прокурором, действуя умышленно, из корыстных побуждений, получил от генерального директора ООО «КЛГД Строй» через посредника ФИО2, взятку в виде денежных средств в крупном размере, за своё бездействие в пользу последнего, а именно за непринесение в соответствии со своими служебными полномочиями прокурора протестов на постановления мирового судьи о привлечении к административной ответственности ООО «КЛГД Строй» и его генерального директора Б. за ненадлежащее исполнение условий государственного контракта по капитальному ремонту моста на автодороге Неманского района Калининградской области после вынесения соответствующих судебных решений в течение установленного законом срока для их обжалования, а также после истечения срока, что входило в служебные полномочия прокурора ФИО1 как должностного лица.

Подводя итог, отметим, что проведённое исследование подтвердило, что преступления в сфере реализации национальных проектов представляют собой системную угрозу экономической безопасности государства. Данная угроза характеризуется рядом существенных признаков. Высокая латентность обусловлена изощрённостью схем сокрытия следов противоправной деятельности, использованием легальных правовых механизмов для маскировки незаконных действий, а также недостаточной эффективностью существующих контрольных процедур. Многоступенчатость преступных схем проявляется в том, что преступления, как правило, реализуются через последовательность взаимосвязанных действий, охватывающих несколько этапов бюджетного процесса – от планирования закупок и отбора подрядчиков до сдачи отчётности, и проведения проверок, что существенно усложняет выявление и доказывание противоправной деятельности.

Выявленные закономерности, такие как рост числа правонарушений, расширение перечня уязвимых проектов, доминирование мошенничества, позволяют рассматривать данные за 2019–2024 гг. как репрезентативную базу для прогнозирования рисков в новых условиях.

Сформированная в ходе исследования криминалистическая характеристика преступлений в сфере национальных проектов объединяет несколько взаимосвязанных компонентов. В её рамках выработаны обобщённый портрет субъекта противоправной деятельности, специфика следовой картины и типовые способы совершения преступлений.

Практическая ценность сформированной криминалистической характеристики заключается в её прикладном потенциале. Систематизация данных о способах совершения преступлений, следах и субъектах позволит разработать на их основе частные методики расследования, включая типовые алгоритмы следственных действий и проверочных мероприятий.

Таким образом, полученные результаты не только подтверждают актуальность проблемы криминализации сферы национальных проектов, но и предлагают научно обоснованный инструментарий для её решения – от прогнозирования рисков до внедрения конкретных механизмов противодействия преступлениям в бюджетной сфере.

Список литературы:

1. Правительство завершает подготовку обновленной редакции нацпроектов // Коммерсант. 27 августа 2024.URL: https://www.kommersant.ru/doc/6919957 (дата обращения 15.02.2026)
2. Нацпроекты вышли на рекордное исполнение // Коммерсант. 30 января 2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7461803 (дата обращения 15.02.2026)
3. Счетная палата поддержала проект федерального бюджета на 2025-2027 годы **//** Счетная палата Российской Федерации. Пресс-релиз. 14 октября 2024.URL: https://ach.gov.ru/news/sp-podderzhala-proekt-federalnogo-byudzheta-2025 (дата обращения 15.02.2026)
4. СудАкт РФ URL: https://sudact.ru (дата обращения 15.02.2026)
5. Уголовно-правовая охрана финансово-бюджетной сферы: научно-практическое пособие. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ООО «Юридическая фирма контракт», 2021. 284 с.
6. Кузьмин Н.А. Предмет преступного посягательства как элемент оперативно-розыскной характеристики преступлений, совершаемых в сфере реализации национальных проектов России // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 152-156.
7. Белкин Р.С. Криминалистика: учебник для вузов. Москва: НОРМА, 2001. 990 с.
8. Криминалистическая характеристика преступлений // Сборник научных трудов. Москва: Всесоюзный. институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. 106 с.
9. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. 27 с.
10. Сергеев Л.А. Сущность и значение криминалистической характеристики преступлений // Руководство для следователей. Москва, 1971. 752 с.
11. Рубцов И.И. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент частных методик расследования: автореф. дис. ... канд.юрид. наук.Санкт-Петербург, 2001. 22 с.
12. Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Минск, 2001. 303 с.
13. Баев О. Я. Прагматические основы криминалистической методики уголовно-процессуального исследования преступлений отдельных видов // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2007. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/ (дата обращения: 13.08.2025).
14. Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений: курс лекций.Ч. 4.СПб., 1993. 79 с.
15. Крюков В.В. Методика расследования должностных преступлений коррупционной направленности:автореф. дис. ... канд. юрид. наук: Челябинск. 2011. 26 с.
16. Приговор Череповецкого городского суда Вологодской области № 1-1045/2024 1-58/2025 от 20 апреля 2025 г. по делу № 1-1045/2024 URL: https://sudact.ru/regular/doc/ZEJB2owwvQxk/? (дата обращения 15.02.2026)
17. Приговор Анадырского городского суда Чукотского автономного округа № 1-122/2023 1-27/2024 1-7/2025 от 24 февраля 2025 г. по делу № 1-122/2023 URL: https://sudact.ru/regular/doc/noniY79zJGU8 (дата обращения 15.02.2026)
18. Приговор Целинного районного суда Республики КалмыкияN 1-6/2025 от 27 марта 2025 г. по делу № 1-6/2025 URL: https://sudact.ru/regular/doc/bQfPRqqoUmVd/ (дата обращения 15.02.2026)
19. Приговор Никольского районного суда Пензенской области № 1-16/2025 от 19 марта 2025 г. по делу № 1-16/2025 URL: https://sudact.ru/regular/doc/u3VR5LFOhno9/ (дата обращения 15.02.2026)
20. Приговор Георгиевского городского суда Ставропольского края № 1-442/2024 1-46/2025 от 5 марта 2025 г. по делу № 1-442/2024 URL: https://sudact.ru/regular/doc/XwGPmu79Q6ob- (дата обращения 15.02.2026)
21. Приговор Лесосибирского городского суда Красноярского края № 1-25/2025 1-268/2024 от 23 апреля 2025 г. по делу № 1-25/2025 URL: https://sudact.ru/regular/doc/E0i07Dq89ur5 (дата обращения 15.02.2026)
22. Приговор Анадырского городского суда Чукотского автономного округа № 1-122/2023 1-27/2024 1-7/2025 от 24 февраля 2025 г. по делу № 1-122/2023 URL: https://sudact.ru/regular/doc/noniY79zJGU8 (дата обращения 15.02.2026)
23. Приговор Кызылского городского суда Республики Тыва № 1-1542/2023 1-355/2024 1-49/2025 от 5 февраля 2025 г. URL: https://sudact.ru/regular/doc/8p45rC8GScbN (дата обращения 15.02.2026)
24. Приговор Абдулинского районного суда Оренбургской области № 1-9/2024 1-9/2025 от 5 марта 2025 г. по делу № 1-9/2024 https://sudact.ru/regular/doc/IMxTmi4s2ZrV/?regular-tx (дата обращения 15.02.2026)
25. Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края № 1-250/2025 от 5 марта 2025 г. по делу № 1-250/2025 URL: https://sudact.ru/regular/doc/iDKv7HY9VfgD (дата обращения 15.02.2026)
26. Приговор Семеновского районного суда Нижегородской области № 1-11/2025 1-90/2024 от 3 марта 2025 г. по делу № 1-11/2025 URL: https://sudact.ru/regular/doc/h1JosguA5Z15 (дата обращения 15.02.2026)
27. Приговор Канского городского суда Красноярского края от 14 апреля 2025 г. по делу № 1-62/12402040027000043/2025 1-62/2025 1-632/2024 URL:https://sudact.ru/regular/doc/UaOJYfHvbsxW (дата обращения 15.02.2026)
28. Приговор Ленинградского районного суда г. Калининграда от 20 февраля 2025 г. по делу № 1-22/2025 URL: https://sudact.ru/regular/doc/mkDdtIVZLiZR/ (дата обращения 15.02.2026)

References

1. The government is finalizing the updated version of national projects // Kommersant. August 27, 2024 (accessed February 15, 2026).
2. National projects have reached record-high implementation rates // Kommersant. January 30, 2025 (accessed February 15, 2026).
3. The Accounts Chamber supported the draft federal budget for 2025–2027 // Accounts Chamber of the Russian Federation. Press release. October 14, 2024 (accessed February 15, 2026).
4. SudAct.ru (accessed February 15, 2026).
5. Criminal law protection of the financial and budgetary sphere: A scientific and practical guide. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; LLC “Legal Firm Contract”, 2021. 284 p.
6. Kuzmin N.A. The subject of criminal encroachment as an element of the operational investigative characteristics of crimes committed in the sphere of implementing Russia’s national projects // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 6. Pp. 152–156.
7. Belkin R.S. Forensics: A textbook for universities. Moscow: NORMA, 2001. 990 p.
8. Forensic characteristics of crimes // Collection of scientific papers. Moscow: All-Union Institute for the Study of Causes and Development of Crime Prevention Measures, 1984. 106 p.
9. Kolesnichenko A.N. Scientific and legal foundations of investigating specific types of crimes: Abstract of Dr. of Law thesis. Kharkiv, 1967. 27 p.
10. Sergeev L.A. The essence and significance of the forensic characteristics of crimes // A guide for investigators. Moscow, 1971. 752 p.
11. Rubtsov I.I. Forensic characteristics of crimes as an element of specific investigation methodologies: Abstract of Cand. of Law thesis. Saint Petersburg, 2001. 22 p.
12. Ermolovich V.F. Forensic characteristics of crimes. Minsk, 2001. 303 p.
13. Baev O.Ya. Pragmatic foundations of forensic methodology for criminal procedural investigation of specific types of crimes // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2007. No. 1 (accessed August 13, 2025).
14. Vozgrin I.A. Scientific foundations of forensic crime investigation methodology: A lecture course. Part 4. Saint Petersburg, 1993. 79 p.
15. Kryukov V.V. Methodology for investigating official corruption-related crimes: Abstract of Cand. of Law thesis. Chelyabinsk, 2011. 26 p.
16. Verdict of the Cherepovets City Court of the Vologda Region No. 1-1045/2024 1-58/2025 dated April 20, 2025, in case No. 1-1045/2024 (accessed February 15, 2026).
17. Verdict of the Anadyr City Court of the Chukotka Autonomous Okrug No. 1-122/2023 1-27/2024 1-7/2025 dated February 24, 2025, in case No. 1-122/2023 (accessed February 15, 2026).
18. Verdict of the Tselinny District Court of the Republic of Kalmykia No. 1-6/2025 dated March 27, 2025, in case No. 1-6/2025 (accessed February 15, 2026).
19. Verdict of the Nikolsky District Court of the Penza Region No. 1-16/2025 dated March 19, 2025, in case No. 1-16/2025 (accessed February 15, 2026).
20. Verdict of the Georgievsk City Court of the Stavropol Krai No. 1-442/2024 1-46/2025 dated March 5, 2025, in case No. 1-442/2024 (accessed February 15, 2026).
21. Verdict of the Lesosibirsk City Court of the Krasnoyarsk Krai No. 1-25/2025 1-268/2024 dated April 23, 2025, in case No. 1-25/2025 (accessed February 15, 2026).
22. Verdict of the Anadyr City Court of the Chukotka Autonomous Okrug No. 1-122/2023 1-27/2024 1-7/2025 dated February 24, 2025, in case No. 1-122/2023 (accessed February 15, 2026).
23. Verdict of the Kyzyl City Court of the Republic of Tyva No. 1-1542/2023 1-355/2024 1-49/2025 dated February 5, 2025 (accessed February 15, 2026).
24. Verdict of the Abdulino District Court of the Orenburg Region No. 1-9/2024 1-9/2025 dated March 5, 2025, in case No. 1-9/2024 (accessed February 15, 2026).
25. Verdict of the Petropavlovsk-Kamchatsky City Court of the Kamchatka Krai No. 1-250/2025 dated March 5, 2025, in case No. 1-250/2025 (accessed February 15, 2026).
26. Verdict of the Semenovskiy District Court of the Nizhny Novgorod Region No. 1-11/2025 1-90/2024 dated March 3, 2025, in case No. 1-11/2025 (accessed February 15, 2026).
27. Verdict of the Kansk City Court of the Krasnoyarsk Krai dated April 14, 2025, in case No. 1-62/12402040027000043/2025 1-62/2025 1-632/2024 (accessed February 15, 2026).
28. Verdict of the Leningradsky District Court of Kaliningrad dated February 20, 2025, in case No. 1-22/2025 (accessed February 15, 2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_368

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭБИПК ОВД РФ
ECONOMIC AND PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR THE OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES OF THE ECONOMIC SECURITY AND ANTI-CORRUPTION UNITS OF THE RUSSIAN INTERIOR MINISTRY

ИВАНОВ Петр Иванович,
главный научный сотрудник научно-исследовательского центра,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации,
Академия управления МВД России.
Российская Федерация, 125171, г. Москва, Ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
E-mail: ivanovpi1952@yandex.ru

IVANOV Pyotr Ivanovich
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
E-mail: ivanovpi1952@yandex.ru

Краткая аннотация. *В настоящей статье на основе изучения и критического анализа отечественных нормативных правовых актов, монографических работ, судебно-следственной практики и сложившейся криминогенной ситуации предпринята попытка рассмотреть с точки зрения обеспечения экономической безопасности [1] сферы освоения бюджетных средств, выделяемых для государственных и муниципальных нужд. Автором делается вывод о том, что осуществляемый в настоящее время механизм трансформации экономической и психологической информации в оперативно-розыскных целях нуждается в уточнении и корректировке, которое обусловлено прежде всего новыми вызовами и угрозами[1], во многом исходящими от стран Европейского союза. Принимаемые подразделениями ЭБиПК ОВД меры должны стать адекватной ответной на них реакцией. Однако мы не ставим перед собой цель всестороннего освещения всех вопросов, связанных с трансформацией экономических и психологических данных в ходе проведения оперативно-розыскных и иных мероприятий в интересах своевременного выявления и пресечения преступлений экономической и коррупционной направленности, совершаемых в сфере освоения бюджетных средств, поскольку она в отдельно взятой статье вряд ли достижима. Между тем в работе утверждается, что поиск путей ее совершенствования в первую очередь предполагает внедрение в практику деятельности современных информационных технологий, обобщение в рассматриваемом контексте передового отечественного и зарубежного опыта, оптимальной современной научно выверенной модели организации процесса трансформации. Многолетняя практика убедительно доказала, что игнорирование использования в процессе осуществления оперативно-розыскной работы экономической и психологической информации не позволяет своевременно избежать при этом возможных проб и ошибок. Принимая во внимание данное обстоятельство, мы предприняли попытку поделиться с научной общественностью авторской позицией по этому поводу. Полагаем, что собранный в рамках данной работы материал может послужить предпосылкой для дальнейшего углубленного изучения данной проблемы.*

Abstract. *In this article, based on the study and critical analysis of domestic regulatory legal acts, monographic works, judicial and investigative practice, and the current criminogenic situation, an attempt is made to consider the areas of budget funds allocation for state and municipal needs from the perspective of ensuring economic security. The author concludes that the current mechanism for transforming economic and psychological information for operational and investigative purposes needs to be clarified and adjusted, primarily due to the new challenges and threats that are largely coming from the countries of the European Union. The measures taken by the EBiPK units of the Interior Ministry should be an adequate response to them. However, we do not set ourselves the goal of comprehensively covering all issues related to the transformation of economic and psychological data during the conduct of operational and investigative activities in order to timely identify and prevent economic and corruption-related crimes committed in the field of budget allocation, as this is unlikely to be achieved in a single article. Nevertheless, the paper argues that the search for ways to improve this process primarily involves the implementation of modern information technologies in practice, the generalization of best domestic and foreign practices in this context, and the development of an optimal and scientifically sound model for organizing the transformation process. Many years of practice have convincingly proven that ignoring the use of economic and psychological information in the course of conducting operational and investigative work does not allow for timely avoidance of possible trials and errors. Taking this into account, we have attempted to share the author's position on this matter with the scientific community. We believe that the material collected in this work can serve as a basis for further in-depth study of this issue.*

Ключевые слова: *органы внутренних дел, их подразделения ЭБиПК [2], система сопровождения ОРД, сведения экономического и психологического характера, сфера освоения бюджетных средств, госзакупки, вызовы и угрозы экономической безопасности, экономические и коррупционные преступления, противодействие.*

Keywords: *internal affairs bodies, their economic security and anti-corruption units, support system for operational and investigative activities, information of economic and psychological nature, budget allocation, public procurement, challenges and threats to economic security, economic and corruption crimes, and counteraction.*

Для цитирования: *Иванов П.И. Экономическое и психологическое сопровождение оперативно-розыскной деятельности подразделений ЭБиПК ОВД РФ // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 368-372. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_368.*

For citation: *Ivanov P.I. Economic and psychological support of the operational search activities of the EBiPK units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 368-372. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_368.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Не вдаваясь в полемику, отметим, что экономическое и психологическое обеспечение [3] в рассматриваемом контексте означает:

• максимальное «снабжение» (насыщение) теории ОРД технологиями в указанной области знаний, отвечающими современным требованиям, приемами и методами, способствующими достижению поставленных целей при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Эко-

[1] Введение международных антироссийских санкций и проведение специальной военной операции оказало значительное влияние на финансово-хозяйственные процессы, что привело к возникновению новых, например, схем уклонения от налогообложения. В условиях интеграции Союзного государства и формирования Таможенного союза, эти факторы способствовали изменениям в правовой и экономической среде, создавая дополнительные возможности для совершения экономических и коррупционных преступлений.

номическое и психологическое их сопровождение, на наш взгляд, в таком понимании является как бы средством, с одной стороны, подпитки необходимой информацией, с другой – облегчающим при минимальных тратах средств успешное решение оперативно-тактических задач;

• ограждение процесса осуществления ОРД от возможных (вероятных) рисков, могущих привести к нежелательным последствиям, наносящим вред интересам государственных органов, уполномоченных на ее осуществление. Принцип риск-ориентированности предпринимаемых действий подразумевает заблаговременное выяснение возможных их нежелательных последствий;

• комплексную охрану на основе сочетания экономических, психологических и оперативно-розыскных мер всех форм собственности от преступных посягательств, а также защиту экономических интересов добросовестных предпринимателей;

• создание необходимых условий для того, чтобы цели, преследуемые в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий в рамках той или иной оперативно-тактической ситуации (хищение, коррупция, легализация и т.п.), были вполне достижимыми. Уже на начальном этапе планирования руководители оперативных подразделений должны обратить на это особое внимание, чтобы исключить факты непроизводительных издержек (затрат).

Критический анализ многолетней практики деятельности названных подразделений показывает, что такие условия, как правило, могут быть созданы путем совершения в рассматриваемом контексте двух взаимосвязанных между собой действий, а именно:

1) на основе криминологического прогнозирования, представляемого «как процесс научного познания будущего состояния преступности, факторов, влияющих на ее изменения, и разработки криминологического прогноза» [4]. Такое прогнозирование преследует цель принятия оптимальных научно обоснованных решений, направленных на противодействие ей. Предполагаемые изменения качественно и количественно оцениваются посредством высказывания вероятностных суждений о будущем состоянии, тенденциях развития экономической и коррупционной преступности, ее детерминантах и последствиях, личности преступника, а также о системе комплекса мер предупреждения преступлений экономической и коррупционной направленности;

2) комплексного использования установленных (познанных) экономических, психологических и оперативно-розыскных закономерностей[1], выступающих предметом углубленного изучения современной теории рассматриваемых областей знаний, относящихся к защите бюджетных средств от преступных посягательств. По мнению автора настоящей статьи, среди указанной совокупности закономерностей базовыми все же являются экономические, которые определяют само состояние объекта исследования. Если взять, например, знание психологических закономерностей общения, в частности, подключение механизма распознавания образа интересующего лица, способствует в последующем установлению с ним более тесного психологического контакта.

Говоря о сопровождении, следует констатировать тот факт, что на сегодня среди специалистов экономической теории нет единого мнения о понятии и сущности «экономическая безопасность» [5], и ее обеспечения. Учитывая данное обстоятельство, рассмотрим существующие точки зрения.

Одни авторы (Л.И. Абалкин, С.А. Афонцев, В.С. Паньков и другие) научной общественности предлагают следующее определение: «экономическая безопасность – это состояние экономической системы, которое позволяет ей развиваться динамично, эффективно и решать социальные задачи и при котором государство имеет возможность вырабатывать и проводить в жизнь независимую экономическую политику» [6]. Как видим, несмотря на «возраст» оно во многом совпадает с дефиницией, приведенной в действующей Стратегии экономической безопасности Российской Федерации. Приведенная позиция этой группы авторов и теперь находит много единомышленников.

Другие же авторы (В.К. Сенчагов, Г.В. Гутман и другие) анализируемый термин «экономическая безопасность» увязывают совокупностью условий, защищающих хозяйство страны в целом от внешних и внутренних угроз. Так, Е.А. Иванов, будучи сторонником этой группы, полагает, что приведенный термин охватывает «такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечиваются гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов» [7]. На наш взгляд, такая расшифровка несколько усиливает потенциальные возможности условий, лежащих в основе формулирования предложенного автором определения, которое не противоречит суждениями первой группы авторов.

Наконец, третья группа авторов (А. Архипов, А. Городецкий и другие) считают, что под экономической безопасностью следует понимать способность экономической системы обеспечить наиболее эффективное удовлетворение общественных потребностей на двух уровнях национальном и международном [8]. Думается, что данное определение расширяет границы обеспечения экономической безопасности, тем самым обогащая содержание рассматриваемой дефиниции.

Обеспечение экономической безопасности в рассматриваемом контексте, как и любой вид деятельности, осуществляемой подразделениями ЭБиПК территориальных органов МВД России на региональном уровне, особенно в условиях цифровой трансформации объективно нуждается в обновлении как теоретико-методологическом плане, так и прикладном [9]. На этом фоне вдвойне востребована подпитка оперативно-розыскной работы экономической и психологической информацией, ибо без нее трудно охватить скрытые от посторонних глаз совершаемые криминальными элементами противоправные деяния.

Вышеперечисленные точки зрения, а также современные подходы разрешения возникающих ситуаций через призму теории ОРД во многом совпадают. Следует признать, пока что заслуживающие в оперативном плане сведения, к сожалению, носят несколько разрозненный

[1] Под закономерностью нами понимается объективно существующие, необходимые, устойчивые, существенные, постоянно повторяющиеся взаимосвязи и взаимообусловленности между системами научных положений экономической и психологической теорий с теорией ОРД.

характер. Со своей стороны считаю важным дальнейшее продолжение изучения этой проблемы на междисциплинарном формате.

Со своей стороны полагаем, что знание в целом указанных разновидностей закономерностей в конечном итоге встраивается в организационно-экономический механизм обеспечения безопасности[1] в сфере защиты бюджетных средств в условиях глобализации экономики как система взаимосвязанных организационных, правовых и экономических мер, направленных на предотвращение внутренних и внешних угроз бюджетной системе государства. Слагаемыми этой системы, на наш взгляд, выступают мониторинг рисков[2], установление пороговых значений показателей, контроль за исполнением бюджета и совершенствование нормативной правовой основы. Что же касается глобализации, то мы должны принять во внимание одно обстоятельство: она, с одной стороны, усиливает в некоторой степени возможности бюджетной безопасности, с другой – порождает новые угрозы в транснациональном плане, что, несомненно, обуславливает потребность совершенствования рассматриваемого механизма защиты.

Возвращаясь к затронутому нами организационно-экономическому механизму обеспечения безопасности [10], вкратце приведем его компоненты, то есть совокупность мер.

Так, специалисты в области экономической теории к числу мер *экономического плана* относят: модернизацию с учетом современных реалий налоговой политики в интересах увеличения доходной базы бюджета и снижения теневой экономики[3]; управление государственным долгом путем осуществления ряда функций, в том числе контроля за его объёмом, структурой и стоимостью обслуживания; развитие межбюджетных отношений, включая механизмы выравнивания бюджетной обеспеченности регионов; внедрение методов эффективного управления расходами: анализ эффективности бюджетных программ, оптимизация госзакупок, борьба с коррупцией[4]; создание резервных фондов для поддержки в кризисных ситуациях.

К числу *мер правового характера* исследователи в области экономической теории как правило включают: создание нормативно-правовой базы, регулирующей бюджетные отношения (Бюджетный кодекс РФ, законы о межбюджетных отношениях, о государственном долге и др.); законодательное закрепление механизмов ответственности за нарушения бюджетного законодательства (пересмотр в этой части санкций бюджетного, административного, уголовно-правового закона); актуализация правовых инструментов для защиты бюджетной системы страны.

Наконец, *организационные меры.* В эту группу преимущественно относят: создание и совершенствование структуры управления бюджетной системой, включая распределение полномочий между органами государственной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; внедрение систем мониторинга и диагностики угроз, включая анализ индикаторов бюджетной безопасности; координацию действий различных субъектов бюджетного процесса - финансовых институтов, органов контроля, правоохранительных органов [11]; разработку и реализацию стратегий бюджетной политики, включая среднесрочное финансовое планирование и бюджетирование, ориентированное на конечные результаты.

Рассмотренные меры прежде всего направлены на укрепление экономического суверенитета, повышение устойчивости к внешним и внутренним угрозам, обеспечение экономического роста и повышение конкурентоспособности экономики. А этом контексте принцип экономии и рачительного (бережного) расходования бюджетных средств является ключевым и реализуется посредством эффективного использования бюджетных средств в соответствии с нормами Бюджетного кодекса РФ. Согласно статье 34 принцип эффективного использования бюджетных средств означает, что при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объёма средств (экономность) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определённого бюджетом объёма средств (результативность).

В свою очередь экономность предполагает минимизацию затрат при сохранении качества и объёма предоставляемых услуг или выполняемых работ. Результативность же направлена на максимизацию эффекта от использования выделенных ресурсов. Соблюдение этого принципа, по мнению автора, позволяет рационально расходовать государственные средства, повышать эффективность реализуемых государственных программ и проектов, а также укреплять доверие граждан к государству.

Среди множества способов реализации анализируемого принципа внедрение риск-ориентированного подхода [12] играет немаловажную роль, поскольку в рамках контрольно-надзорной деятельности это позволяет сосредоточить внимание на наиболее уязвимых участках и потенциально опасных зонах, где вероятность неэффективного использования средств значительно выше, нежели там, где он уже взят на вооружение.

---

[1] Экономическая безопасность в рассматриваемом аспекте – это такое ее состояние, которое характеризует защищенность сферы расходования (освоения) бюджетных средств от внешних и внутренних угроз посредством обеспечения прежде всего финансово-экономического суверенитета, создания необходимых организационно-правовых и иных условий для реализации принятых национальных проектов[1] как одной из стратегических целей в социально-экономическом плане (общегосударственном масштабе).

[2] Под «оперативно-розыскным мониторингом» автор понимает наблюдение, анализ, оценку и прогноз противоправных действий, совершаемых в сфере освоения бюджетных средств с использованием криминогенных факторов, а также реализацию планов, программ и стратегий по их противодействию.

[3] Теневая экономика в нашем понимании может быть представлена как хозяйственная, коммерческая и иная экономическая деятельность, скрытая от официального учета и контроля. По объемам ненаблюдаемой экономики Россия уверенно входит в число пяти стран с крупнейшей теневой экономикой мира. Объемы теневого капитала России к 2017г. достигли 33,6 трлн. руб., или 39 % от ВВП страны. В сельском хозяйстве, управлении недвижимым имуществом и в некоторых других направлениях национальной экономики объемы ненаблюдаемой экономики сегодня превышают 50 %. Подробнее об этом см.: Интервью руководителя Росстата Александра Суринова газете «Ведомости» от 17 марта 2017 г.

[4] Следует отметить, что к рассматриваемой проблеме автор обращался не впервые. См.: Иванов П.И., Шегабудинов Р.Ш. Противодействие организованным экономическим преступлениям, сопряженным с коррупцией // Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: материалы 51-х криминалистических чтений. В 2-х ч. ч.1. Академия управления МВД России. – М.: 2010. – С. 137-144; Иванов П.И., Шегабудинов Р.Ш. Содержание понятия «организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией» // Труды Академии управления МВД России. – 2011. – № 2 (18). – С. 44-47; Тельбухов Д.Е., Иванов П.И. О противодействии коррупции // Закон и право. – 2017. – № 7. – С. 111-113; Иванов П.И. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных от преступлений коррупционной направленности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. –2023. – № 2 (72). – С.37-40.

Как нам представляется, помимо названного способа заслуживает особого внимания понимание мониторинга рисков с экономической точки зрения. В этом плане он чаще всего рассматривается как регулярный процесс наблюдения, оценки и анализа рисков с целью своевременного выявления изменений в их состоянии, эффективности мер управления и принятия корректирующих действий. Такой мониторинг служит ключевым этапом в системе управления рисками и обеспечивает актуальность информации о потенциальных угрозах для достижения планируемых целей, а их достаточно много, в том числе поддержание системы управления рисками в актуальном состоянии с учётом изменений внешней и внутренней среды, своевременное выявление новых рисков и изменений в существующих, оценка эффективности принятых мер и корректировка стратегии при необходимости, обеспечение того, чтобы риски оставались в управляемом диапазоне и не угрожали достижению целей, накопление данных для улучшения процессов управления рисками в будущем.

Заметим, что мониторинг рисков имеет весьма сложную структуру, состоящую из множества элементов. Рассмотрим их коротко. Одним из них является сбор и анализ информации о текущем состоянии рисков. Источники информации могут быть внутренними (отчёты, данные проектов, бизнес-процессы) и внешними (изменения в законодательстве, рыночные тенденции, технологические обновления). В их число также входит отслеживание индикаторов (триггеров) рисков. Тем самым используются заранее определённые параметры, которые сигнализируют о возможном наступлении риска или изменении его характеристик.

Среди элементов представлена и оценка эффективности мер управления рисками. Анализируется, насколько принятые стратегии реагирования (избегание, снижение, передача, принятие риска) работают на практике. Сравниваются запланированные и фактические результаты, оценивается снижение вероятности или последствий рисков. Актуализация реестра рисков также в структуре мониторинга. Реестр рисков – это систематизированный список всех выявленных угроз с указанием их характеристик (вероятность, влияние, владелец риска, принятые меры и т. д.). В ходе мониторинга реестр регулярно обновляется: добавляются новые риски, корректируются данные по существующим, закрываются реализованные или утратившие актуальность риски.

В структуре компонентов мониторинга рисков представлена и корректировка системы управления рисками. На основе результатов мониторинга могут вноситься изменения в стратегии реагирования, планы действий, распределение ответственности, методологию оценки рисков.

Обобщая анализ, отметим, что мониторинг должен быть непрерывным и интегрированным в общую систему управления организацией или проектом. Его эффективность зависит от чёткой методологии, вовлечённости ответственных лиц и использования подходящих инструментов и технологий.

В заключении считаем необходимым отметить следующее.

Во-первых, экономическое и психологическое сопровождение оперативно-розыскной деятельности подразделений ЭБиПК ОВД РФ – это специальный комплекс, состоящий из совокупности гласных и негласных сведений, источником которых выступают такие области знаний, как экономическая, психологическая теории, а также оперативно-розыскная наука, которые тесно взаимосвязаны между собой единым объектом исследования – сферой освоения бюджетных средств, выступающей средой функционирования подразделений ЭБиПК в целях обеспечения защиты в ней бюджетных средств, выделяемых на реализацию национальных проектов (программ), от хищений и фактов нецелевого расходования бюджетных средств.

Во-вторых, оперативно-розыскное обеспечение экономической безопасности рассматриваемой сферы наряду с другими функциями подразумевает преимущественное сочетание современных достижений вышеуказанных теорий, нашедших отражение в виде научно обоснованных принципов, системы идей и закономерностей.

В-третьих, защита бюджетных средств, выделяемых на реализацию национальных проектов, есть система комплекса мер, принимаемых в интересах минимизации влияния негативных факторов на ее преследуемые цели (вызовов и угроз), обеспечения непрерывного слежения за состоянием сохранности средств. Такой комплекс ориентирован на своевременное получение оперативно значимой информации в первую очередь о подготавливаемых и совершаемых фактах хищений и нецелевого расходования указанных средств. Оптимальным вариантом ее использования считается тактически грамотное сочетание такого рода данных с экономической и психологической информацией, создающей необходимое условие для результативной их реализации.

Список литературы:

1. Иванов П.И. Обеспечение экономической безопасности: вызовы и угрозы, их преодоление // Право и государство: теория и практика**.** 2025. № 1. С. 430-433.
2. Васильев Э.А. Вопросы структурно-функционального построения подразделений по борьбе с экономической преступностью ОВД России // Сборник статей участников межведомственной конференции «Современная экономическая преступность» посвященный 70-летию профессора В.Д. Ларичева. – М., 2019. С.62.
3. Иванов П.И. К вопросу о психологическом обеспечении деятельности подразделений ЭБиПК ОВД РФ // Аграрное и земельное право. 2025. № 1. – С.232 -237; *он же.* Психологическое обеспечение ОРД как условие или же как средство? Точка зрения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. – С. 517-520; *его же.* Совокупность психологических приемов как ключевой компонент системы психологического обеспечения ОРД // Право и государство: теория и практика. 2025. № 9. – С. 458-460.
4. Криминология: Учебник для вузов / Под ред. проф. В.Д. Малкова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2011. – С. 225.
5. Богомолов В.А. Экономическая безопасность. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 280с.
6. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. – 1994. - №12. – С. 8.
7. Иванов Е.А. Экономическая безопасность России // Мировая экономика и международный отношения. – 2001. - № 11. – С. 44-51.
8. Архипов, А., Городецкий А., Михайлов Б. Экономическая безопасность: оценки, проблемы, способы обеспечения / А. Архипов, А. Городецкий, Б. Михайлов // Вопросы экономики. – 1994. – № 12. – С. 38-39.
9. Кудрявцев А.В., Анников А.В. Детерминанты хищения бюджетных средств, выделяемых на восстановление инфраструктуры новых регионов Российской Федерации / Кудрявцев А.В., Анников А.В. // Вестник Владимирского юридического института. – 2023. - № 3 (68). – С. 65.
10. Иванов П.И. Обеспечение экономической безопасности: вызовы и угрозы, их преодоление // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. – С. 430-433.
11. Анников А.В. Некоторые проблемы противодействия хищениям бюджетных средств / А.В. Анников // Ученые записки. – 2025. - № 2 (54). – С. 100.

12. Иванов П. И. Внедрение метода риск-ориентированного подхода в деятельность по оперативно-розыскному противодействию экономическим и коррупционным преступлениям (в порядке постановки проблемы) / П. И. Иванов // Юристъ-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1(104). – С. 80–89.

References:

1. Ivanov, P.I. Ensuring Economic Security: Challenges and Threats, and Overcoming Them // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 1. Pp. 430-433.
2. Vasilyev, E.A. Issues of the Structural and Functional Structure of the Economic Crime Units of the Internal Affairs Bodies of Russia // Collection of Articles by the Participants of the Interdepartmental Conference "Modern Economic Crime" Dedicated to the 70th Anniversary of Professor V.D. Larichev. Moscow, 2019. P. 62.
3. Ivanov, P.I. On the Issue of Psychological Support for the Activities of the Economic Crime Units of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation // Agrarian and Land Law. 2025. No. 1. – Pp. 232-237; he also wrote. Psychological support for operational-search activities as a condition or as a means? A point of view // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 8. – Pp. 517-520; he also wrote. A set of psychological techniques as a key component of the system of psychological support for operational-search activities // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 9. – Pp. 458-460.
4. Criminology: Textbook for Universities / Edited by Prof. V.D. Malkov. – 4th edition, revised and expanded. – Moscow: ZAO Yustitsinform, 2011. – P. 225.
5. Bogomolov V.A. Economic Security. – Moscow: UNITY-DANA, 2006. – 280 p.
6. Abalkin, L.I. Economic Security of Russia: Threats and Their Reflection // Voprosy Ekonomiki. – 1994. - No. 12. – P. 8.
7. Ivanov, E.A. Economic Security of Russia // Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya. – 2001. - No. 11. – P. 44-51.
8. Arkhipov, A., Gorodetsky, A., and Mikhailov, B. Economic Security: Assessments, Problems, and Methods of Ensuring It / A. Arkhipov, A. Gorodetsky, and B. Mikhailov // Voprosy Ekonomiki. – 1994. – No. 12. – Pp. 38-39.
9. Kudryavtsev A.V., Annikov A.V. Determinants of the Embezzlement of Budget Funds Allocated for the Restoration of the Infrastructure of the New Regions of the Russian Federation / Kudryavtsev A.V., Annikov A.V. // Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2023. - No. 3 (68). – P. 65.
10. Ivanov P.I. Ensuring Economic Security: Challenges and Threats, and Their Overcoming // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 1. – Pp. 430-433.
11. Annikov, A.V. Some Problems of Countering Budget Funds Embezzlement / A.V. Annikov // Scientific Notes. – 2025. - No. 2 (54). – P. 100.
12. Ivanov, P. I. Implementation of the Risk-Oriented Approach in the Field of Operational and Investigative Counteraction to Economic and Corruption Crimes (Proposing a Problem) / P. I. Ivanov // Yurist-Pravoved : Scientific and Theoretical Journal.-Methodological Journal. Rostov-on-Don. 2023. No. 1(104). – Pp. 80–89.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_373

УДК 343.9.018

МОТИВАЦИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
MOTIVATION OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF EMPLOYEES OF THE PENAL SYSTEM

ГУСЕВ Антон Сергеевич,
старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, юридического факультета
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний.
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67, лит. Е.
E-mail: vka05615@yandex.ru

КАЗАК Игорь Брониславович
доцент института подготовки государственных и муниципальных служащих по кафедре оперативно-розыскной деятельности, Академия ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67, лит. Е.
E-mail: vka05615@yandex.ru

GUSEV Anton Sergeevich,
Senior Lecturer at the Department of Penal Enforcement Law and Organization of the Execution of Sentences not Related to the Isolation of Convicts from Society, Faculty of Law Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service.
67 Bolshaya Nizhegorodskaya str., lit. E., Vladimir, 600020, Russia.
E-mail: vka05615@yandex.ru

KAZAK Igor Bronislavovich
Associate Professor at the Institute of Training of State and Municipal Employees in the Department of Operational Investigative Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
67 Bolshaya Nizhegorodskaya str., lit. E., Vladimir, 600020, Russia.
E-mail: vka05615@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты совершенствования системы мотивации служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы. Анализируются основные элементы мотивационного механизма: материальное стимулирование, нематериальные факторы, социальные гарантии и карьерные перспективы. Выявляются ключевые проблемы, препятствующие эффективной реализации мотивационной функции в учреждениях и органах ФСИН России. На основе анализа нормативно-правовой базы и научных подходов предлагаются направления оптимизации системы мотивации, включающие дифференциацию денежного довольствия, развитие института наставничества, внедрение современных методов оценки результативности и укрепление социальной защищенности сотрудников. Обосновывается необходимость комплексного подхода, сочетающего экономические, организационные и социально-психологические инструменты.*

Abstract. *The article examines the theoretical and applied aspects of improving the motivation system for the performance of employees of the penal correction system. The main elements of the motivation mechanism are analyzed: financial incentives, non-material factors, social guarantees and career prospects. The key problems that hinder the effective implementation of the motivational function in institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia are identified. Based on the analysis of the regulatory framework and scientific approaches, the directions for optimizing the motivation system are proposed, including the differentiation of monetary allowances, the development of a mentoring institute, the introduction of modern methods for evaluating performance and strengthening social protection of employees. The necessity of an integrated approach combining economic, organizational and socio-psychological tools is substantiated.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, мотивация служебной деятельности, карьерный рост, денежное довольствие, нематериальное стимулирование, социальные гарантии, эффективность службы.*

Keywords: *penal enforcement system, motivation of professional activity, career growth, monetary allowance, non-material incentives, social guarantees, service efficiency.*

Для цитирования: *Гусев А.С., Казак И.Б. Мотивация служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 373-376. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_373.*

For citation: *Gusev A.S., Kazak I.B. Motivation of professional activity of employees of the penal system // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 373-376. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_373.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Современный этап реформирования уголовно-исполнительной системы (Далее УИС) Российской Федерации характеризуется повышенным вниманием к кадровому ресурсу как ключевому фактору достижения стратегических целей ведомства. Эффективность выполнения задач, возложенных на сотрудников УИС, напрямую зависит от их заинтересованности в результатах служебной деятельности, что актуализирует проблему совершенствования системы мотивации. Мотивация служебной деятельности представляет собой сложный многоуровневый процесс побуждения сотрудника к высокопроизводительному, инициативному и добросовестному исполнению должностных обязанностей, основанный на совокупности внутренних и внешних факторов. В уголовно-исполнительной системе, где служебная деятельность сопряжена с высокими психоэмоциональными нагрузками, риском для жизни и здоровья, а также строгой регламентацией, проблема построения действенной мотивационной модели приобретает особую значимость. Анализ практики функционирования территориальных органов ФСИН России свидетельствует о наличии устойчивых проблем в сфере мотивации: текучесть кадров, особенно среди младшего начальствующего состава, снижение престижа службы, недостаточная связь между результативностью труда и уровнем материального вознаграждения. Указанные обстоятельства требуют пересмотра сложившихся подходов к мотивации и разработки новых механизмов, учитывающих как специфику служебной деятельности, так и

современные тенденции в управлении персоналом.

В соответствии с действующим законодательством, система мотивации включает в себя [1] денежное довольствие как основную форму материального стимулирования, дополнительные выплаты за особые условия службы, государственные гарантии, меры поощрения и социальной защиты. Однако, как справедливо отмечается в научной литературе, правовое закрепление элементов мотивации не всегда обеспечивает их практическую эффективность. Исследователи указывают на разрыв между декларируемыми принципами стимулирования и реальными механизмами их реализации, что выражается в уравнительном подходе к установлению надбавок, слабой дифференциации выплат в зависимости от реального вклада сотрудника и недостаточной прозрачности критериев оценки служебной деятельности [2]. Кроме того, сохраняется проблема несоответствия уровня денежного довольствия сложности и интенсивности труда. Все это приводит к снижению мотивационного потенциала материальных стимулов и требует поиска дополнительных рычагов воздействия.

Одним из ключевых направлений совершенствования мотивации служебной деятельности выступает оптимизация структуры денежного довольствия. В настоящее время оно состоит из оклада месячного денежного содержания (оклада по должности и оклада по специальному званию) и дополнительных выплат: надбавок за выслугу лет, за квалификационное звание, за особые условия службы, за работу со сведениями, составляющими государственную тайну, премий за добросовестное выполнение служебных обязанностей и иных поощрительных выплат. Проведенный анализ показывает, что доля гарантированных выплат (оклады) в структуре денежного довольствия остается высокой, в то время как переменная часть, призванная отражать индивидуальные результаты труда, составляет незначительный удельный вес. В результате формируется ситуация, при которой сотрудники, демонстрирующие высокие показатели в служебной деятельности, и те, кто ограничивается выполнением минимальных требований, получают сопоставимое вознаграждение. Для преодоления данного недостатка целесообразно расширить перечень показателей, учитываемых при установлении премиальных выплат, и внедрить методику оценки эффективности деятельности каждого сотрудника, основанную на ключевых показателях результативности (Далее KPI) с учетом специфики учреждений и подразделений УИС [3]. Такой подход позволит увязать размер дополнительного вознаграждения с конкретными результатами, что усилит стимулирующую функцию оплаты труда и повысит справедливость распределения материальных благ.

Наряду с материальным стимулированием важнейшую роль в системе мотивации сотрудников УИС играют нематериальные факторы. К ним относятся: признание заслуг, карьерный рост, благоприятный социально-психологический климат в коллективе, возможность профессионального развития и самореализации. Специфика службы в уголовно-исполнительной системе такова, что многие сотрудники, особенно на начальном этапе карьеры, ориентированы не столько на высокий уровень дохода, сколько на стабильность, возможность приобретения профессионального опыта и статусные характеристики. В этой связи особое значение приобретает институт наставничества, который не только способствует адаптации молодых специалистов, но и выступает действенным инструментом мотивации для опытных сотрудников. Наставничество позволяет передавать знания и навыки, формировать профессиональные ценности и одновременно повышает авторитет наставника, создавая для него дополнительные стимулы к дальнейшему профессиональному росту. Вместе с тем, как показывает практика, роль наставничества в мотивационном механизме не всегда в полной мере реализуется. Нередко наставники назначаются формально, отсутствует система их материального и морального поощрения, не ведется учет результатов работы с подшефными. Для повышения эффективности данного направления следует разработать нормативно закрепленную модель наставничества, включающую критерии отбора наставников, их обучение, периодическую оценку деятельности и обязательное стимулирование (как материальное, так и нематериальное) в зависимости от достигнутых результатов.

Еще одним значимым нематериальным фактором является перспектива служебного роста. В уголовно-исполнительной системе действует иерархическая структура должностей, и возможность продвижения по службе традиционно рассматривается как мощный мотиватор. Однако существующая система замещения вакантных должностей не всегда обеспечивает объективность и прозрачность. Часто принятие решений о назначении на вышестоящие должности основывается на субъективных оценках руководителей, что порождает ощущение несправедливости и снижает мотивацию у перспективных сотрудников. Для решения этой проблемы необходимо внедрение современных кадровых технологий, таких как формирование кадрового резерва на конкурсной основе, проведение объективной оценки профессиональных и личностных компетенций кандидатов, а также создание системы ротации, позволяющей сотрудникам приобретать разносторонний опыт и расширять свои профессиональные горизонты. Кроме того, следует пересмотреть подходы к присвоению квалификационных званий и специальных званий, сделав их более зависимыми от реальных достижений сотрудника, а не только от выслуги лет.

Важной составляющей системы мотивации служебной деятельности выступают социальные гарантии, предоставляемые сотрудникам УИС. Согласно Федеральному закону № 197-ФЗ, сотрудникам гарантируется государственное страхование жизни и здоровья, обеспечение жильем, медицинское обслуживание, санаторно-курортное лечение, а также право на пенсионное обеспечение [1]. Наличие этих гарантий способствует формированию чувства защищенности и стабильности, что особенно важно для сотрудников, работающих в условиях повышенного риска. Вместе с тем реализация многих социальных гарантий сталкивается с трудностями, связанными с недостаточным финансированием, очередностью на получение жилья, низким качеством медицинского обслуживания в ведомственных учреждениях. В результате социальная защищенность не выполняет в полной мере своей мотивационной функции, а порой, напротив, становится источником неудовлетворенности. Для исправления ситуации необходимо не только увеличить объем бюджетных ассигнований на социальные нужды, но и оптимизировать механизмы предоставления гарантий, в частности, внедрить систему жилищных сертификатов для сотрудников, уволенных со службы, расширить практику ведомственного медицинского страхования, повысить доступность санаторно-курортного лечения для сотрудников и членов их семей.

Комплексный характер системы мотивации требует также учета психологических аспектов управления. Мотивация служебной дея-

тельности формируется под воздействием как внешних, так и внутренних факторов. К внутренним факторам относятся: осознание значимости выполняемой работы, удовлетворенность от достижения целей, чувство профессиональной компетентности, причастность к решению важных государственных задач. В уголовно-исполнительной системе, где содержание служебной деятельности нередко связано с негативными явлениями (исполнение наказаний, изоляция осужденных, противодействие правонарушениям), поддержание внутренней мотивации требует целенаправленной работы со стороны руководителей всех уровней. Одним из эффективных инструментов здесь выступает использование различных форм морального поощрения: объявление благодарности, занесение на Доску почета, присвоение почетных званий, вручение ведомственных наград. Однако, как показывают социологические исследования, многие сотрудники считают существующие формы морального стимулирования формальными и недостаточно значимыми [2]. В этой связи необходимо повысить престижность ведомственных наград, сделать процедуру награждения более публичной, а также шире использовать практику поощрения сотрудников с участием членов семей, что будет способствовать формированию позитивного имиджа службы и укреплению семейных ценностей.

Неотъемлемым элементом совершенствования мотивационной системы является создание условий для профессионального развития сотрудников. Современная уголовно-исполнительная система предъявляет повышенные требования к уровню квалификации персонала, что обусловлено внедрением новых технологий охраны, развитием социальной работы с осужденными, необходимостью соблюдения прав человека. В этих условиях мотивация к обучению и повышению квалификации становится важным фактором эффективности служебной деятельности. Существующая система дополнительного профессионального образования в ведомственных образовательных организациях нуждается в модернизации с целью более полного удовлетворения индивидуальных образовательных потребностей сотрудников. Целесообразно внедрение системы дистанционного обучения, развитие программ профессиональной переподготовки, а также создание условий для получения сотрудниками высшего образования по смежным специальностям (психология, юриспруденция, менеджмент). Кроме того, мотивация к обучению возрастет, если ее результаты будут непосредственно влиять на карьерное продвижение и размер дополнительных выплат. Например, можно установить надбавку за наличие дополнительного профильного образования или за успешное освоение программ повышения квалификации, что будет стимулировать сотрудников к постоянному профессиональному росту.

Важным резервом повышения мотивации служебной деятельности является совершенствование стиля руководства и организационной культуры. В уголовно-исполнительной системе традиционно преобладает авторитарный стиль управления, основанный на жесткой вертикали власти. Однако, как показывает мировой и отечественный опыт в области управления персоналом, наиболее эффективными являются такие стили, которые сочетают требовательность с уважением к подчиненным, учитывают их мнение и предоставляют определенную степень автономии при принятии решений. Переход к более демократичным методам управления способствует повышению вовлеченности сотрудников, формированию у них чувства сопричастности к результатам деятельности подразделения. В этом контексте особое значение приобретает развитие системы обратной связи: регулярное проведение аттестаций с участием самих сотрудников, анонимное анкетирование для выявления проблемных зон, проведение совещаний, на которых подчиненные могут высказывать предложения по улучшению работы. Создание открытой и доверительной среды способствует снижению уровня стресса, укреплению коллективных связей и, как следствие, росту мотивации.

Анализ зарубежного опыта организации мотивации в пенитенциарных системах показывает, что эффективные модели строятся на сочетании высокой степени ответственности сотрудников с широкими возможностями их профессиональной самореализации. В ряде стран (Германия, Канада, Япония) широко применяются такие инструменты, как гибкие графики работы, программы помощи сотрудникам в трудных жизненных ситуациях, системы наставничества, построенные на добровольной основе, а также активное привлечение сотрудников к участию в управленческих решениях [3]. Эти подходы могут быть адаптированы к российским условиям с учетом особенностей уголовно-исполнительной системы. В частности, внедрение элементов гибкого рабочего времени для отдельных категорий сотрудников позволило бы повысить их удовлетворенность трудом без ущерба для выполнения служебных задач. Также заслуживает внимания практика создания специальных программ психологической поддержки и профилактики профессионального выгорания, которая в настоящее время в УИС реализуется недостаточно системно.

Особого внимания требует вопрос мотивации сотрудников, непосредственно работающих с осужденными, в условиях изоляции. Их деятельность сопряжена с постоянным психологическим давлением, риском конфликтных ситуаций и высокой степенью ответственности. Для этой категории сотрудников важнейшими мотиваторами выступают: ощущение безопасности (включая техническую оснащенность, надежность средств связи и защиты), справедливое распределение нагрузки, наличие дополнительных дней отдыха за работу в особых условиях, а также возможность получения компенсации за вредные условия труда. Существующая система надбавок за особые условия службы не всегда в полной мере отражает реальную напряженность и специфику работы в различных типах учреждений. Поэтому необходима дифференциация размеров данных надбавок в зависимости от категории учреждения, количества осужденных, наличия режимных требований и иных объективных факторов. Кроме того, важным стимулом для этой категории сотрудников может стать сокращение срока выслуги лет, необходимого для назначения пенсии, что повысит их социальную защищенность и будет способствовать закреплению кадров.

Совершенствование системы мотивации невозможно без использования современных методов оценки эффективности служебной деятельности. В настоящее время аттестация сотрудников УИС проводится по формализованным процедурам, которые не всегда позволяют объективно оценить реальный вклад каждого сотрудника. Для повышения объективности целесообразно внедрение многофакторной системы оценки, включающей не только выполнение плановых показателей, но и такие параметры, как качество выполнения служебных заданий, дисциплинированность, инициативность, уровень профессиональной компетентности, а также оценку со стороны коллег и руководителей. Результаты такой оценки должны быть прозрачными для сотрудника и служить основой для принятия кадровых решений: назначения на вышестоящую

должность, включения в кадровый резерв, установления размера премии, направления на обучение. Внедрение объективных и понятных критериев оценки позволит устранить субъективизм и повысить доверие сотрудников к кадровым процессам, что, в свою очередь, усилит их мотивационную направленность.

Не менее важным направлением является работа по формированию позитивного имиджа уголовно-исполнительной системы как в глазах общественности, так и в восприятии самих сотрудников. Низкий престиж службы, подкрепляемый негативными стереотипами, оказывает демотивирующее воздействие, особенно на молодых сотрудников. Для преодоления этого барьера необходимо активизировать информационно-пропагандистскую работу, направленную на освещение положительных результатов деятельности УИС, героических поступков сотрудников, социальной значимости их труда. Важную роль здесь играют ведомственные средства массовой информации, социальные сети, проведение конкурсов профессионального мастерства, организация экскурсий для студентов и школьников в учреждения УИС. Повышение престижа службы будет способствовать притоку мотивированных кадров и укреплению гордости сотрудников за принадлежность к системе.

Таким образом, совершенствование системы мотивации служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы представляет собой комплексную задачу, требующую системного подхода. Необходимо гармонично сочетать материальные и нематериальные стимулы, учитывать как объективные условия службы, так и индивидуальные потребности сотрудников. Ключевыми направлениями модернизации выступают: оптимизация структуры денежного довольствия с усилением его переменной части, внедрение современных методов оценки результативности, развитие института наставничества, расширение социальных гарантий и обеспечение их реальной доступности, создание прозрачной системы карьерного роста, а также повышение престижа службы. Реализация предложенных мер позволит не только повысить мотивацию и удовлетворенность трудом сотрудников УИС, но и существенно улучшить качество выполнения задач, стоящих перед системой, снизить текучесть кадров и укрепить кадровый потенциал. Перспективы дальнейших исследований в данной области связаны с разработкой конкретных методик оценки эффективности мотивационных мероприятий, адаптацией зарубежных практик к российским условиям, а также с изучением влияния цифровых технологий на мотивационные процессы в органах и учреждениях ФСИН России.

Список литературы:

1. О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 30. – Ст. 4532.
2. Казакова, Е. Н. Проблемы мотивации служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы / Е. Н. Казакова, А. В. Степанов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2023. – № 5. – С. 28–34.
3. Осинцев, Д. В. Современные подходы к управлению персоналом в пенитенциарных системах зарубежных стран / Д. В. Осинцев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2024. – № 2. – С. 15–21.

References:

1. On service in the penal enforcement system of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation "On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment": Federal Law No. 197-FZ of July 19, 2018 (as amended on 12/28/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2018. – No. 30. – Art. 4532.
2. Kazakova, E. N. Problems of motivation of professional activity of employees of the penal correction system / E. N. Kazakova, A.V. Stepanov // Vedomosti of the penal correction system. - 2023. – No. 5. – pp. 28-34.
3. Osintsev, D. V. Modern approaches to personnel management in penitentiary systems of foreign countries / D. V. Osintsev // Penal enforcement system: law, economics, management. - 2024. – No. 2. – pp. 15-21.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_377

УДК 343.1

ПРОБЛЕМА ДОПУСТИМОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ О КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯХ
THE PROBLEM OF ADMISSIBILITY OF ELECTRONIC EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN CASES OF CYBERCRIMES

КОБРИСЕВ Егор Андреевич,
магистрант юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир, Россия, 600020, ул. Горького д. 87,
E-mail: egorkobrisev@yandex.ru

ШУМОВ Петр Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права факультета права и управления Владимирского юридического института ФСИН России,
доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е,
E-mail: pshumov@gmail.com

KOBRISEV Egor A.,
master student of the Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's.
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
E-mail: egorkobrisev@yandex.ru

SHUMOV Petr V.,
Head of the Department of Theory and History of State and Law
of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, associate professor of the Department of Civil Law and Process
of Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, candidate of law, associate professor,
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Russia,
E-mail: pshumov@gmail.com

Краткая аннотация. *Актуальность темы обусловлена стремительной цифровизацией общества и возрастающей ролью электронных данных в уголовных делах, что требует совершенствования нормативной базы. Целью исследования является комплексное изучение применения «электронных» доказательств в уголовном процессе.*

Abstract. *The relevance of the topic is due to the rapid digitalization of society and the increasing role of electronic data in criminal cases, which requires the improvement of the regulatory framework. The purpose of the study is to comprehensively examine the application of "electronic" evidence in the criminal process.*

Ключевые слова. *цифровая трансформация, кибепространство, киберпреступления, расследование преступлений, информационный ресурс, электронные доказательсьтва, уголовно-исполнительное право, уголовно-исполнительная система.*

Keywords. *Digital transformation, cyberspace, cybercrimes, crime investigation, information resource, electronic evidence.*

Для цитирования: *Кобрисев Е.А., Шумов П.В. Проблема допустимости электронных доказательств в уголовном судопроизводстве по делам о киберпреступлениях // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 377-380. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_377.*

For citation: *Kobrisev E.A., Shumov P.V. The problem of the admissibility of electronic evidence in criminal proceedings in cases of cybercrime // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 377-380. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_377.*

Статья поступила в редакцию: 30.03.2026

В условиях стремительной цифровизации общественных, экономических и государственных процессов киберпространство становится неотъемлемой средой функционирования современного общества. Расширение использования информационно-коммуникационных технологий, развитие облачных сервисов, интернета вещей и систем больших данных обусловливают не только новые возможности для устойчивого развития, но и формирование принципиально новых угроз. Одной из наиболее значимых проблем современности выступают киберпреступления, эволюция которых тесно связана с внедрением и распространением технологий искусственного интеллекта.

Киберпреступность как социально-правовое и технологическое явление характеризуется высокой степенью динамичности, транснациональностью и адаптивностью к изменениям цифровой среды. Использование алгоритмов машинного обучения, нейронных сетей и автоматизированных систем анализа данных позволяет злоумышленникам существенно повышать эффективность атак, автоматизировать процессы подбора уязвимостей, создавать реалистичные фишинговые сообщения и генерировать поддельный медиаконтент. Особую опасность представляют технологии генеративного ИИ, обеспечивающие создание так называемых «глубоких фейков», а также интеллектуальные боты, способные имитировать поведение человека в сетевом взаимодействии [1].

Актуальность исследования обусловлена тем, что интеграция искусственного интеллекта в киберпреступную деятельность трансформирует характер угроз, делая их более масштабными, скрытными и трудно выявляемыми. Современные информационные системы, включая финансовый сектор, критическую инфраструктуру, государственные платформы электронного управления и частный бизнес, оказываются уязвимыми перед атаками, основанными на самообучающихся алгоритмах. При этом традиционные методы киберзащиты зачастую оказываются недостаточно эффективными в условиях противодействия интеллектуализированным угрозам.

В современном научном и практическом дискурсе понятие «киберпреступность» приобрело широкое распространение в связи с разви-

тием информационно-телекоммуникационных технологий в XXI веке. Под киберпреступностью понимается совокупность преступных действий, совершаемых в «киберпространстве» с использованием или через компьютерные системы, компьютерные сети и иные средства доступа к информационным ресурсам. Она охватывает как преступления, направленные на компьютерные системы, сети и данные, так и преступления, совершаемые с помощью создания, обработки или передачи компьютерной информации.

Термин «киберпреступность» часто используется наряду с понятием «компьютерная преступность», иногда как синоним. При этом «киберпреступность» рассматривается шире, так как точнее отражает специфику преступлений, совершаемых в информационном пространстве.

В первом полугодии 2025 года основными целями кибератак злоумышленников стали государственные учреждения (21% от общего числа успешных атак на организации), предприятия промышленного сектора (13%), IT-компании (6%) и медицинские учреждения (6%). Среди наиболее часто используемых методов атак на организации отмечались внедрение вредоносного программного обеспечения (63%), методы социальной инженерии (50%) и эксплуатация программных уязвимостей (31%) [11].

В течение рассматриваемого периода утечки конфиденциальной информации фиксировались в 52% успешных атак на организации и в 74% случаев атак на частных лиц. Доля инцидентов, приводящих к нарушению основной деятельности компаний, увеличилась на 13 процентных пунктов по сравнению с предыдущим полугодием и на 15 п.п. относительно первого полугодия 2024 года, что связывается с ростом активности вымогателей и хактивистов. В 26% случаев успешные атаки на частных лиц сопровождались финансовыми потерями, что подтверждает сохраняющуюся тенденцию конца предыдущего года [11].

Киберпреступления на сегодняшний день увеличились примерно в четыре раза. Об этом сообщила пресс-служба Совета безопасности РФ после заседания межведомственной комиссии по информационной безопасности, состоявшееся 16 сентября 2025 года.

Однако общий прирост кибепреступлений снизился, но дистанционные кражи и компьютерные преступления остаются также на высоком уровне. Это на 27% выше, чем в 2024 году. При этом две трети из них нацелены на критическую информационную инфраструктуру [8].

Однако более весомую опасность представляют кибепреступления, связанные с искусственным интеллектом.

Современные технологии искусственного интеллекта позволяют создавать контент столь высокого уровня реалистичности, что его практически невозможно отличить от подлинных материалов, произведённых человеком. Подобные синтетические данные, включая так называемые дипфейки, становятся всё более доступными для массового использования. Однако широкое распространение этих технологий привело к активному внедрению их в арсенал киберпреступников, что существенно усилило риски для информационной безопасности как отдельных граждан, так и коммерческих структур по всему миру [2].

Особенности «электронных» доказательств, которые отличают их от традиционных видов доказательств, вызывают дискуссии относительно необходимости законодательного закрепления данного понятия, а также порядка их сбора и оценки. В теории уголовного права существуют разногласия по вопросу о целесообразности формального определения термина «электронные доказательства». По мнению А. А. Балашовой, в современных условиях особое значение приобретают вещественные доказательства, связанные с электронными носителями и обладающие специфическими электронными свойствами. Вместе с тем возникает сложность при попытках совмещения термина «электронный» с понятием «доказательство» [5].

Д. В. Замула указывает, что в настоящее время ни один нормативно-правовой акт не содержит определения термина «электронное доказательство», а также не устанавливает критериев, которым должно соответствовать такое доказательство для признания его допустимым в судебном процессе [6].

С этим взглядом трудно не согласиться, поскольку остаётся неясным, насколько термин «электронные доказательства» соотносится с положениями части 1 статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) о понятии доказательства в уголовном процессе. Существуют значительные разногласия по поводу того, следует ли классифицировать «электронные» доказательства как вещественные доказательства или как иные документы. Введение точного определения могло бы снять существующую неопределённость.

В отличие от вещественных доказательств, электронные данные не имеют физической формы и не поддаются измерению традиционными способами. Основное значение для них имеет семантическое содержание информации, а не материальное воплощение. Если документ создается непосредственно человеком, то цифровая информация формируется посредством алгоритмических процессов. Вещественные доказательства и документы воспринимаются человеком напрямую, тогда как электронные данные требуют специальной интерпретации с использованием оборудования и программных средств. При этом приоритет отдается смысловой составляющей информации, а не её носителю.

Так как термин «электронные доказательства» не закреплен в статье 5 УПК РФ, для понимания его содержания можно обратиться к статье 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», где дается определение электронного документа: «электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, пригодной для восприятия человеком с использованием вычислительной техники, передачи по информационно-коммуникационным сетям или обработки в информационных системах».

Тем не менее, данное определение не регулирует статус электронных доказательств в уголовном процессе, что подчеркивает необходимость их законодательного закрепления. В настоящее время понятие «электронные доказательства» имеет преимущественно доктринальный характер и используется для обозначения различных типов цифровой информации и технических средств, применяемых в правоприменительной практике.

Не вся цифровая информация автоматически может быть отнесена к материалам уголовного дела, поэтому на начальных этапах рас-

следования критически важно четко определить предмет доказывания. В дальнейшем необходимо грамотно выявлять, собирать и закреплять доказательства в соответствии с установленными процессуальными требованиями.

На стадии судебного разбирательства каждое доказательство оценивается судом по трем ключевым критериям: относимости, допустимости и достоверности. Критерий допустимости вызывает особые сложности применительно к электронным доказательствам, поскольку обе стороны – защита и обвинение – могут оспаривать их легитимность. Законодательство не конкретизирует требования к специалистам, привлекаемым для исследования электронных данных на основании статьи 164.1 части 2 УПК РФ. Не урегулированы вопросы, касающиеся порядка проверки квалификации специалистов, а также документов, подтверждающих уровень их образования и профессиональную подготовку.\

Компьютерная информация охватывает различные направления: информационные системы и процессы, электронику, электротехнику, вычислительную технику, автоматизацию и программирование. В зависимости от целей конкретного следственного действия – будь то осмотр предмета, осмотр места происшествия или иное действие – определяется профиль специалиста, необходимого для проведения экспертизы [4].

В некоторых случаях требуется привлечение специалистов в области программирования операционных систем и прикладных программ, таких как техник-программист (среднее техническое образование) или инженер-программист (высшее техническое образование). Для оказания поддержки им могут привлекаться специалисты смежных областей, например, бухгалтер со знаниями работы на персональном компьютере, который помогает исследовать информацию в специализированных бухгалтерских программах. Таким образом, проведение экспертных мероприятий с электронными доказательствами может требовать участия разнотипных специалистов с различной квалификацией и компетенциями.

Второй актуальной проблемой является недостаточность доказательственной базы. В ряде случаев следователь может располагать ограниченной информацией, что затрудняет установление обстоятельств совершенного преступления. Такая ситуация может возникать как вследствие недостаточной компетенции следователя в области информационных технологий, так и из-за отсутствия доступа к необходимым цифровым данным.

Третьей проблемой является сложность установления причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и последствиями преступления. В некоторых случаях имеющиеся доказательства могут быть неоднозначными, что ограничивает возможности суда в точном определении связи между действиями субъекта и наступившим результатом.

Четвертая проблема связана с определением уровня умысла обвиняемого. При совершении преступлений с использованием компьютерной информации выявление умысла осложняется тем, что обвиняемый может применять технические средства и методы, направленные на сокрытие своих действий, что существенно затрудняет процессуальное закрепление его вины.

В контексте исследуемой проблемы представляется целесообразным проанализировать уголовно-процессуальное регулирование электронных доказательств в законодательстве зарубежных стран. Сравнительный анализ различных подходов к признанию и использованию электронных доказательств позволяет выявить эффективные практики и механизмы, которые могут быть адаптированы или внедрены в национальное законодательство.

Так, Уголовно-процессуальный кодекс Вьетнама (Criminal Procedure Code, далее – УПК Вьетнама) в пункте 1 статьи 87 выделяет источники доказательств, включая «электронные данные». В соответствии со статьей 99 УПК Вьетнама, электронные данные представляют собой знаки, буквы, цифры, изображения, звуковые и аналогичные формы, создаваемые, хранимые, передаваемые или получаемые с использованием электронных средств [5].

В рамках уголовного судопроизводства во Вьетнаме электронные данные признаются допустимым видом доказательств. Данные, находящиеся в электронных устройствах и системах, либо передаваемые и получаемые ими, при использовании совместимого программного обеспечения могут быть представлены в виде символов, числовых значений, визуальных образов, аудиоматериалов или аналогичных форматов, доступных для восприятия человеком (статья 95 УПК Вьетнама). Такие сведения могут служить основанием для установления обстоятельств, имеющих значение для дела.

Учитывая специфические особенности «электронных» доказательств, представляется целесообразным закрепить определение данного понятия на законодательном уровне. Это позволит снизить количество теоретических дискуссий и перейти к практическому правовому регулированию. Одним из возможных решений является внесение в статью 5 УПК РФ формулировки, согласно которой «электронные доказательства — это данные, хранящиеся на электронных и сетевых носителях, доступ к которым осуществляется с использованием специализированных электронных устройств и которые признаны следователем релевантными, допустимыми и достоверными».

После анализа подходов к законодательному регулированию термина «электронные доказательства» и подтверждения их самостоятельного значения в контексте уголовно-процессуального права необходимо обратиться к вопросам порядка их сбора и оценки. Данный вид доказательств обладает рядом специфических характеристик, обусловленных его природой. К ним относятся: отсутствие материальной формы; подверженность изменениям; высокий риск уничтожения; фиксация на определенных носителях (магнитных дисках, серверах, флеш-накопителях и др.); возможность воспроизведения только с использованием специализированного оборудования и программного обеспечения.

Электронные доказательства, как и другие виды доказательств, могут быть получены посредством проведения следственных и процессуальных действий. На практике наибольшее распространение получают следующие процедуры: следственный осмотр, обыск и выемка. Важно отметить, что целью таких действий является не непосредственное получение доказательственной информации, а изъятие носителя, на котором эта информация хранится и обрабатывается.

Согласно п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48, хищение с использованием чужих учетных данных квалифицируется как кража, а не как мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), если при этом отсутствует незаконное воздействие на программное обеспечение серверов, компьютеров или информационно-телекоммуникационных систем. Изменение банковских данных или учетных данных владельца, включая текстовые носители, само по себе не подпадает под ст. 159.6 УК РФ.

Пояснительная записка к проекту федерального закона № 53700-6 (2012) уточняет, что преступления с использованием компьютерной информации предполагают вмешательство в работу программного обеспечения через ввод, удаление, модификацию или блокирование данных. Виновный воздействует на программное обеспечение, а не только на информацию, что позволяет ему управлять данными.

К предмету указанного преступления следует относить также логин, пароль и код, предоставляющие доступ к системному и программному обеспечению и информации, которая может восприниматься с экрана. Не является предметом этого преступления воспринимаемая человеком с монитора компьютера текстовая информация, которая может быть представлена на бумажном носителе, но размещена в электронной форме для удобства, быстро ты ее обработки и передачи.

Киберпреступность представляют собой одну из наиболее сложных и динамично развивающихся угроз современности.

В заключение целесообразно предложить включение в Уголовно-процессуальный кодекс ранее предложного нами понятия, что позволит унифицировать терминологию и исключить разночтения при применении норм уголовно-процессуального права. Следует отметить, что не все электронные данные могут рассматриваться как «электронные» доказательства. Представляется оправданным определить в ч. 2 ст. 74 УПК РФ «электронные» доказательства как отдельный вид доказательств, что обеспечит более четкое регулирование их использования и оценки в уголовном судопроизводстве, повысит правовую определенность и эффективность работы с информацией на электронных носителях.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954. Режим доступа: справ.-поисков. система «КонсультантПлюс».
2. Abbott R., Sarch A. Punishing artificial intelligence: legal fiction or science fiction // University of California, Davis, Law Review. 2019. Vol. 53. P. 323–384.
3. Валитова Виалина Ильгизовна Проблема применения «электронных» доказательств в уголовном процессе // Шаг в науку. 2025. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-primeneniya-elektronnyh-dokazatelstv-v-ugolovnom-protsesse (дата обращения: 30.03.2026).
4. Волынский А.Ф. Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты традиционной и цифровой экономики. М., 2020. С. 84
5. Глотина И.М. Киберпреступность: Основные проявления и экономические последствия // Вопросы экономики и права. – 2014. – №8. – 12 с.
6. Демидов Н. Н., Фам Ньы Хан Проблемы, связанные со сбором и использованием электронных доказательств в уголовном деле во Вьетнаме // Закон и право. – 2021. – № 1. – С. 86–88. – https://doi.org/10.24412/2073 3313-2021-1-86-88.
7. Зигура Н. А., Кудрявцева А. В. Компьютерная информация как вид доказательства в уголовном процессе России: монография. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 173 с.
8. Исаков А.А. Искусственный интеллект и расследование киберпреступлений // Вестник науки №5 (62) том 3. С. 597 - 603. 2023 г. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: https://www.вестник-науки.рф/article/8275 (дата обращения: 31.10.2025 г.)
9. Клишков В.Б. Киберпреступность: понятие, признаки, основные направления противодействия / В.Б. Клишков, Е.В. Стебенева, М.А. Яковлева. - DOI 10.52452/19931778_2022_4_106. - EDN WWFAEM // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2022. - № 4. - С. 106-114.
10. Мирончик А.С. Хищения в электронной среде как разновидность информационных преступлений: проблемы разграничения и квалификации / А.С. Мирончик, А.В. Суслопаров. - DOI 10.25136/2409-7136.2019.9.30745. - EDN ONIEJG // Юридические исследования. - 2019. - № 9. - С. 17-30.
11. Актуальные киберугрозы 2025: сайт / Информационные технологии. – URL: https://ptsecurity.com/research/analytics/aktual-nye-kiberugrozy-i-ii-kvartaly-2025-goda/#id (дата обращения: 30.03.2026). – Текст: электронный.

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation [Electronic resource]: feder. the law of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Article 2954. Access mode: help.- searches. ConsultantPlus system.
2. Abbott R., Sarch A. Punishing artificial intelligence: legal fiction or science fiction // University of California, Davis, Law Review. 2019. Vol. 53. P. 323–384.
3. Valitova Vialina Ilgizovna. The Problem of Using Electronic Evidence in Criminal Proceedings // Step into Science. 2025. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-primeneniya-elektronnyh-dokazatelstv-v-ugolovnom-protsesse (accessed: 30.03.2026).
4. Volynsky, A.F. Computer Forensics in the System of Criminal Law Protection of Traditional and Digital Economies. Moscow, 2020, p. 84
5. Glotina I.M. Cybercrime: Main Manifestations and Economic Consequences // Issues of Economics and Law. – 2014. – No. 8. – 12 p.
6. Demidov N. N., Pham Ny Khan Problems related to the collection and use of electronic evidence in a criminal case in Vietnam // Law and Law. – 2021. – No. 1. – pp. 86-88. – https://doi.org/10.24412/2073 3313-2021-1-86-88.
7. Zigura N. A., Kudryavtseva A.V. Computer information as type of evidence in the criminal process of Russia: a monograph. Moscow : Yurlitinform, 2011. 173 p.
8. Isakov A.A. Artificial intelligence and investigation of cybercrimes // Bulletin of Science No. 5 (62) volume 3. pp. 597 - 603. 2023. ISSN 2712-8849 // Electronic resource: https://www.vestnik-nauki.rf/article/8275 (accessed on 31.10.2025)
9. Klishkov, V.B. Cybercrime: Concept, Features, and Main Directions of Counteraction / V.B. Klishkov, E.V. Stebeneva, and M.A. Yakovleva. - DOI 10.52452/19931778_2022_4_106. - EDN WWFAEM // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. - 2022. - No. 4. - Pp. 106-114.
10. Mironchik A.S. Thefts in the electronic environment as a type of information crimes: problems of delineation and qualification / A.S. Mironchik, A.V. Susloparov. - DOI 10.25136/2409-7136.2019.9.30745. - EDN ONIEJG // Legal Research. - 2019. - No. 9. - Pp. 17-30.
11. Actual Cyber Threats 2025: Website / Information Technology. - URL: https://ptsecurity.com/research/analytics/aktual-nye-kiberugrozy-i-ii-kvartaly-2025-goda/#id (accessed: 30.03.2026). - Text: electronic.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_381

УДК 343.9

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ КОЛЕБАНИЯ ДИНАМИЧЕСКОГО РЯДА ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ В 2007-2025 ГОДАХ
TO THE QUESTION OF THE REASONS FOR THE DYNAMIC SERIES OF CRIME IN RUSSIA IN 2007-2025

МИХАЙЛОВ Алексей Евгеньевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правового обеспечения государственного и муниципального управления
Владимирского филиала РАНХиГС при Президенте РФ,
600000, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Московская ул., 49.
E-mail: urgantfk@mail.ru

ТКАЧУК Татьяна Алексеевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир, Россия, 600020, ул. Горького д. 87,
E-mail: daniilzykov@mail.ru

ЗЫКОВ Даниил Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой публично-правовых дисциплин факультета права и управления,
Владимирский юридический институт ФСИН России,
доцент кафедры экономики, управления и права, Покровский филиал
Московского педагогического государственного университета.
600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: daniilzykov@mail.ru

MIKHAYLOV Alexey E.,
Assistant Professor of legal support of state and municipal management,
Vladimir Branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation,
Candidate of Law, Associate Professor.
49 Bolshaya Moskovskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600000, Russia
E-mail: urgantfk@mail.ru

TKACHUK Tatyana A.,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at the Law Institute
of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's.
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
E-mail: daniilzykov@mail.ru

ZYKOV Daniil A.,
Chief of Public Law Studies Department of the faculty of law and management
of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia,
Associate Professor of the Department of Economics, Management and Law
of the Pokrovsky Branch of the Moscow Pedagogical State University, PhD (Law), Associate Professor.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: daniilzykov@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье поднимается проблематика оценки основных тенденций развития преступности в России в период с 2007 по 2025 год. В динамическом ряду преступности в России этот временной отрезок характеризуется явно выраженным трендом снижения объема преступлений с двумя незначительными периодами роста. Авторский коллектив отмечает, что рост преступности в эти периоды явно коррелирует с возникновением социально-экономических кризисов. Однако кризис 2022-2025 года не получил отрицательного отражения на динамике преступности, что свидетельствует о глобальном влиянии на динамический ряд преступности и других факторов.*

Abstract: *the article raises the problem of assessing the main trends in the development of crime in Russia in the period from 2007 to 2025. In the dynamic series of crime in Russia, this time period is characterized by a pronounced trend of a decrease in the volume of crimes with two minor periods of growth. The author team notes that the increase in crime during these periods is clearly correlated with the occurrence of socio-economic crises. However, the 2022-2025 crisis did not have a negative impact on the dynamics of crime, indicating a global influence on the crime dynamic and other factors.*

Ключевые слова: *преступность, динамика преступности, причины преступности в современной России, «качели преступности»*
Keywords: *crime, crime dynamics, causes of crime in modern Russia, «crime swing».*

Для цитирования: *Михайлов А.Е., Ткачук Т.А., Зыков Д.А. К вопросу о причинах колебания динамического ряда преступности в России в 2007-2025 годах // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 381-385. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_381.*
For citation: *Mikhailov A.E., Tkachuk T.A., Zykov D.A. On the question of the causes of fluctuations in the dynamic range of crime in Russia in 2007-2025 // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 381-385. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_381.*

Статья поступила в редакцию: 03.04.2026

Современная российская государственность, начиная с 1991 года столкнулась со множеством кризисов социально-экономического и политического характера, закономерно отрицательно влияющих на общественные отношения, в том числе на криминальную ситуацию в стране. В этом аспекте интерес представляет не просто оценка факторов, детерминирующих преступность, а характер их взаимосвязи с контрмерами, направленными на противодействие преступности. Это позволит сделать вывод о результативности реализуемой в стране уголовной политики.

Если оценивать динамический ряд преступности в России в период с 1991 по 2006 год, то следует подчеркнуть, что он отличался ярко выраженной тенденций роста с незначительными колебаниями показателей, связанными с одной стороны с отрицательным эффектом изменения нормативно-правового регулирования противодействия преступности и перегибами правоприменительной практики, а с другой - с попытками ужесточить уголовную политику и активизировать правоохранительную деятельность. После 2006 года колебания объема преступности носят более плавный характер, а общая тенденция развития преступности вплоть до 2025 года характеризуется её снижением (рис. 1).

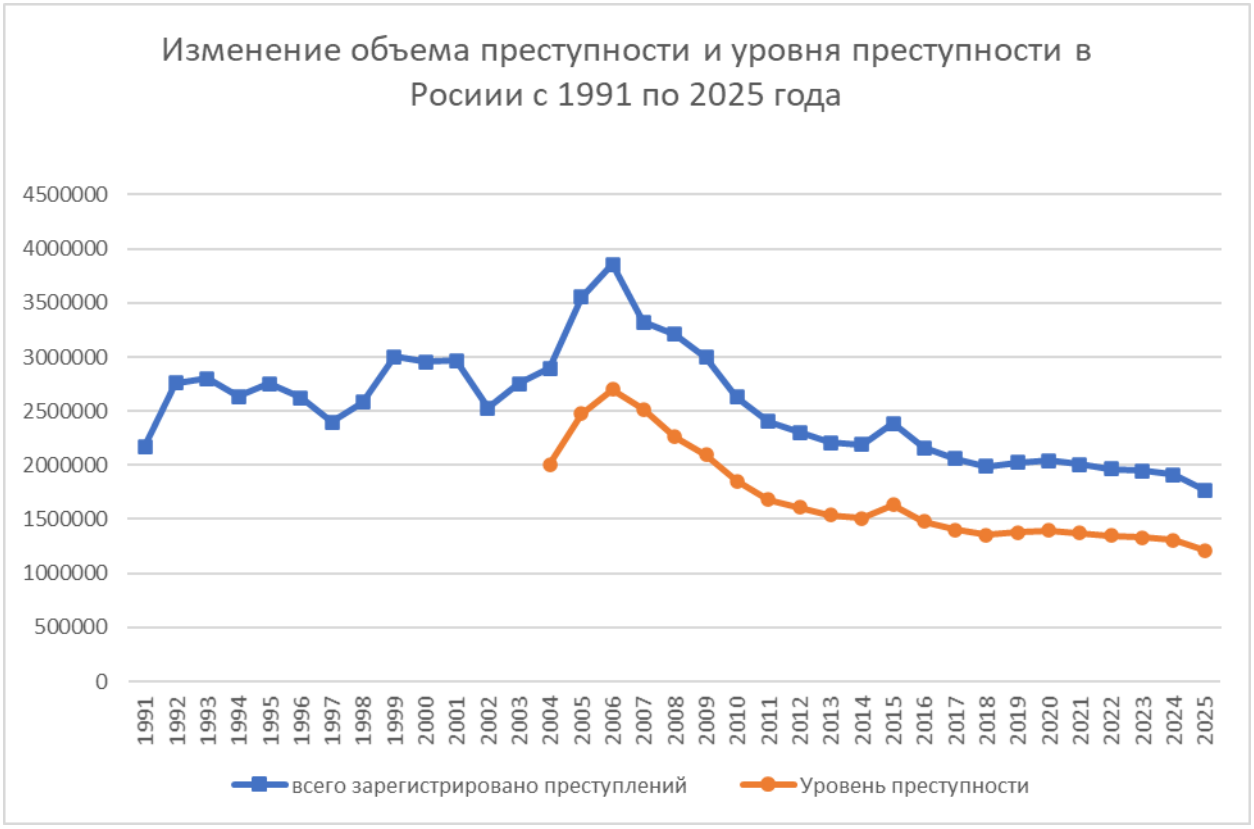

Рисунок 1

Проанализировав изменения в динамическом ряду преступности с 2006 по 2025 год, мы выделили только два периода роста:

– 2015 год. Было зарегистрировано 2388476 преступлений. До этого наблюдалось довольно резкое снижение преступности на протяжении восьми лет. Общий объем преступности снизился с 2006 по 2014 год на 43,2%. Причём темпы снижения за этот период заметно отличались. Первые пять лет они были довольно высокие, например, с в период с 2006 по 2007 год темп снижения составлял 13,9%, в период с 2009 по 2010 годы – 12,3%, а далее темпы снижения ещё более замедлились. Так с 2013 по 2014 год объем преступности в России уменьшился лишь на 0,8%. А уже в 2015 году произошел рост на 8,3%. Следует отметить, что в этом году в официальные статистические данные были включены криминальные показатели Крыма, но даже если их исключить, всё равно наблюдается рост преступлений. Так, без Крымского Федерального округа в России в 2015 году было зарегистрировано 2352098, то есть прирост составил 6,8%. Далее наблюдалось снижение до 2018 года. Общее снижение за этот период составило 16,7%. Причем в 2016 году темп снижения был наиболее заметным и составил 9,6%, после чего замедлился. Всего же к 2018 году объем преступности составил 1991532 зарегистрированных деяния, преодолев тем самым психологически значимый рубеж: никогда до этого в современной России (т.е. с 1991 по 2018 годы) объем преступности не опускался ниже 2 млн. зарегистрированных деяний.

– 2019 год. Было зарегистрировано 2024337 преступлений. Увеличение составило 1,7%. В 2020 году также был зарегистрирован рост в 1% (общее увеличение по сравнению с 2018 годом составило 2,6%). Далее наметилось плавное снижение вплоть до 2025 года. За это время объем преступности в России понизился на 13,4%. Причем темпы снижения показывали разные значения. Например, в 2024 году темпы снижения по сравнению составляли 1,8%, а в 2025 году (по сравнению с 2024-м) - 7,3%.

Интересно отметить, что в 2025 году объем зарегистрированных преступлений в России составил – 1771174 эпизода преступной деятельности – это самый низкий показатель преступности начиная с 1991 года. За 35 лет общий объем преступности в России снизился на 18,5%, а с 2006 года, когда отмечался криминальный пик, – на 54,1% [12].

В целом обоснованным кажется классический вывод, что причины колебаний динамического ряда преступности в период 2006-2025 годы связаны с влиянием экономических факторов [1 С. 60]. Так, оценивая причины заметного снижения преступности в России начиная с 2006

года с сохранением общего тренда снижения количества регистрируемых преступлений вплоть до 2025 год, необходимо, по нашему мнению, отметить влияние позитивного эффекта от социально-экономических преобразований в стране. Улучшение социально-экономического положения наблюдалось с начала 2000-х годов и выразилось в заметном росте благосостояния населения России и его потребительской активности [8, С. 82-85]. Причем, по мнению исследователей, несмотря на экономические и социальные кризисы, рост благосостояния, хотя и замедлился, но не прекратился вплоть до наших дней [5], что и отражается в общем тренде снижения преступности. Однако этот тренд не постоянный и характеризуется периодами незначительного роста объема регистрируемых преступлений, совпадающими с социально-экономическими кризисами.

Так, в период с 1999 по 2008 год наблюдалось последовательное увеличение объема консолидированных доходов Российской Федерации (рис. 2). Наиболее заметен профицит бюджета был с 2005 по 2008 год, что коррелирует с резким снижением преступности в 2007-2009 годах. В 2009-2010 годах зафиксирован дефицит бюджета, что традиционно рассматривается, как негативный показатель развития экономических отношений и отражает недостатки экономической политики [11, С. 106-110]. В 2011-2012 году вновь наблюдался профицит бюджета, однако в этот период темпы снижения преступности в России заметно снизились, что в общем отражает процесс постепенного отклика преступности на изменение социально-экономических отношений.

С 2013 вплоть до 2017 года опять фиксируется дефицит, что совпало с ростом преступности в 2015 году. Именно в 2013 году впервые с начала XXI века темпы экономического роста оказались ниже среднемировых, что было связано со снижением инвестиционной активности, геополитической напряженностью, ухудшением внешнеэкономической конъюнктуры, а также отсутствием институциональных и структурных реформ [6, С. 7-19]. А основные причины роста преступности в 2015 году исследователи связывают с падением мировых цен на нефть, введением в отношении России рядом государств экономических ограничений и притоком украинских беженцев [9, С. 115-128].

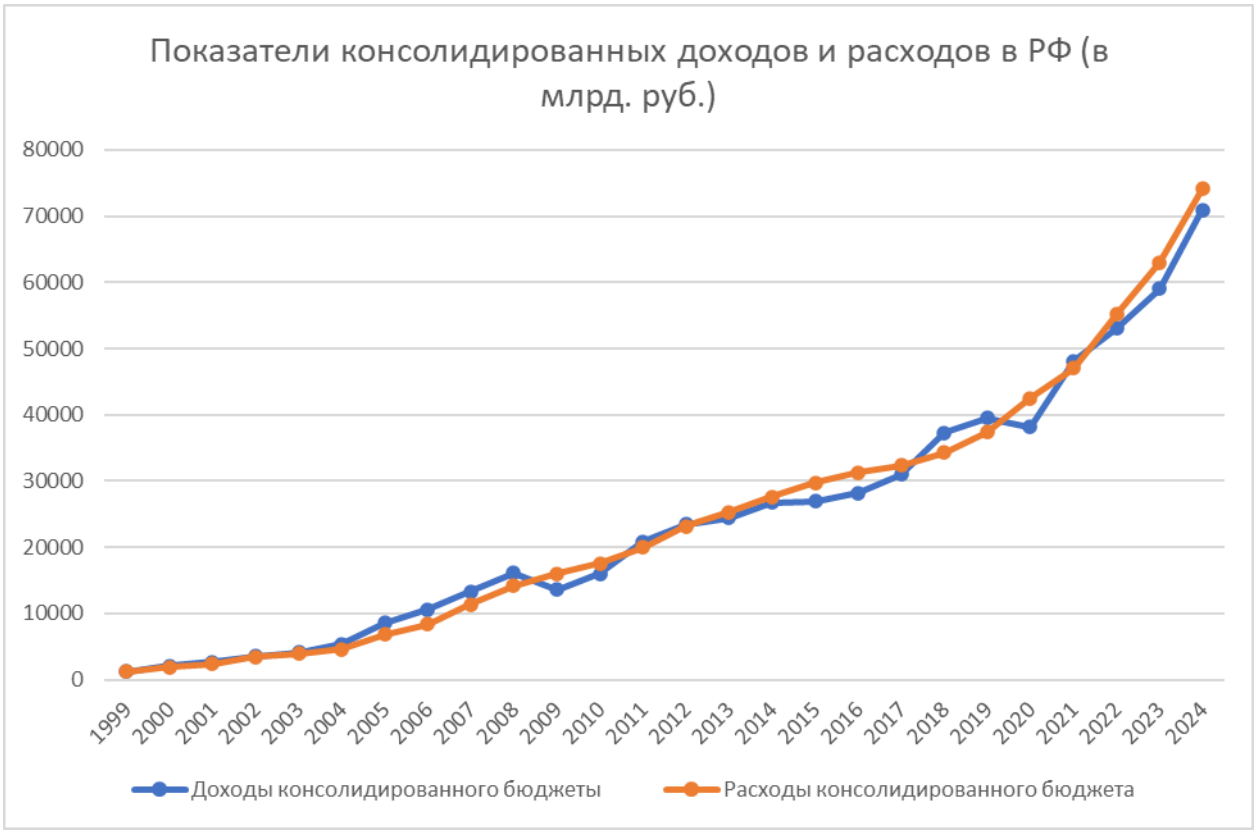

Рис. 2. Показатели консолидированных доходов и расходов в РФ (в млрд. руб.)

Причины роста преступности в 2019-2020 годы также можно связать с социально-экономическими проблемами. В 2018 и 2019 году фиксируется профицит бюджета, но затем вплоть до 2024 года (за исключением 2021 года) бюджет Российской Федерации оставался дефицитным. Именно в 2019 году наметились признаки очередного социально-экономического кризиса, связанного с сокращением основных фондов, уменьшением трудоспособного населения и негативного влияния иностранных экономических ограничений [10, С. 64-71]. Начавшаяся в 2020 году пандемия «Ковида-19», сопровождавшаяся локдауном, ещё больше обострила экономические трудности, а её макроэкономический эффект привел к падению мировых цен на энергоносители и снижению финансовых котировок [2, С. 28-34]. То есть динамика преступности в 2006-2025 года в целом коррелирует с социально-экономическими кризисами.

Интересно, что на колебании динамического ряда преступности не сказалось начало Специальной военной операции на Украине с по-

следовавшим за этим ужесточением зарубежного экономического давления и связанные с этим экономические проблемы. На наш взгляд, снижение преступности в этот период может быть связано, помимо эффективных мер поддержки экономики, примененных Правительством России, также и с изменением уголовной политики, отреагировавшей на потребность в мобилизационном военном ресурсе. Это привело к появлению института освобождения от уголовной ответственности (ст. 78.1 УК РФ) и наказания (ст. 80.2 УК РФ), а также включению в ст. 182 УПК РФ нового основания для приостановления уголовного дела в связи призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время. Как следствие этого, заметная часть криминогенно поражённых лиц выбыла из тех социальных отношений [3, С. 14-18], где могла бы продемонстрировать криминальную активность.

Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что решающее влияние на преступность оказывают не только социально-экономические отношения. Однако исследование общего уровня преступности сталкивается с определенными трудностями в решении изначально поставленной нами задачи проследить в динамике преступности России феномена «криминологических качелей» («качелей преступности»).

Сама по себе данная категория не получила широкого распространения в криминологии, но соотносится с более известным термином «статистические качели» - обозначающим колебание статистических рядов без ярко выраженных трендов [4]. Представляется, что для выявления данного феномена необходимо, чтобы состояние исследуемой системы находилось на плато. В нашем случае – например, это выразилось бы в относительной стабилизации объема преступности, что в общем-то наблюдается с 2018 года.

Однако, полагаем, что феномен «криминологических качелей» можно проследить и при наличии трендов изменения показателей преступности. Важной особенностью рассматриваемой категории является то, что колебание показателей происходит в связи с усилиями человека, оказывающего прямое воздействие на объект. В случае с «криминологическими качелями», их движение зависит от усилий субъектов, осуществляющих уголовную политику. В результате последовательного воздействия на преступность, а также её причины и условия, закономерно предполагается положительный поступательный эффект – преступность должна снижаться. Однако ожидать этого следует не сразу, т.к. активизация усилий по борьбе с преступлениями закономерно может привести к росту регистрируемых преступлений в связи с улучшением работы по их выявлению и раскрытию. Кроме этого необходимо учитывать особенность замедленной реакции преступности на изменение социально-экономических отношений. То есть положительный эффект, выраженный в снижении преступности, возникает не сразу и иссякает под воздействием ряда факторов (от утраты значения реализуемых мер до адаптации к ним преступного элемента). Это предполагает смену тренда на снижение преступности её ростом с последующей корректировкой уголовной политики и повторением цикла динамического ряда.

Проанализировав динамический ряд преступности в России с 1991 до 2025 года мы наблюдаем её определённую цикличность, однако однозначно проследить зависимость от реализации уголовной политики достаточно сложно. Так, например, меры, связанные с реформированием МВД России в 2011 году и призванные повысить качество деятельности основного органа власти, противодействующего преступности [7, С. 145-157], не отразились на статистических показателях объема преступности. Более того, уровень раскрываемости преступлений в 2012 году снизился до 50,2% (в 2011 году он составлял 54,5%). Рост раскрываемости наметился только в 2013 году, то есть спустя 2,5 года после реформы, и достиг показателя в 56,1%. Здесь уместно было бы порассуждать о трудностях стабилизации реформируемой системы МВД России и необходимости её «настройки» для выхода на качественно новые показатели, однако уже в 2014 году уровень раскрываемости преступлений снизился до 49,5%, т.е. подобные выводы вызывают некоторые сомнения. Возможно эффект от воздействия не преступность был, но весьма краткосрочный.

В том же 2014 году была принята государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» и эффект её применения был ожидаем как раз в 2015 году, когда произошёл рост преступности. Программа была первоначально рассчитана до 2024 года, но в 2020 году срок её действия был продлён в связи с недостижением ряда показателей. Роста преступности в 2021 году не произошло, зато темпы снижения по сравнению с 2020 годом увеличились с 1% до 1,9%, а уровень раскрываемости соответственно с 50,4% до 51,4%, что в общем-то можно оценить, как эффект от корректировки программы противодействия преступности. 2022 году темпы снижения преступности остались на том же уровне (1,9%), а раскрываемость увеличилась до 52,6%, однако в 2023 году темпы снижения преступности замедлились до 1%, а раскрываемость снизилась до 51,2%. В 2024 году её уровень составлял уже 47% (при темпах снижения преступности в 1,8%).

В 2025 году уровень раскрываемости составил 48,2%, а темпы снижения преступности оказались неожиданно высокими – 7,3% [12]. На наш взгляд, это связано с двумя факторами: во-первых, снижением эффективности работы органов предварительного следствия и дознания, на что влияет множество факторов – от высокого уровня некомплекта личного состава, чрезмерной забюрократизированностью уголовного процесса и служебной деятельности до снижения общего уровня квалификации сотрудников; во-вторых, с активным задействованием «уголовного элемента» в Специальной военной операции на Украине.

Еще одним весьма примечательным фактором, способным оказать влияние на динамику состояние преступности в России мог бы стать принятый 23.06.2016 года Федеральный закон №182 ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». В 2016-2017 годах, конечно, наблюдались достаточно высокие темпы снижения преступности, но однозначно связать это с изменением организационно-правовых основ профилактики правонарушений нельзя, поскольку в 2016 году наметилось улучшение экономического положения в России, а в 2017-2018 годах наблюдался профицит бюджета.

Подводя итог изложенному отметим, что преступность в России с 2007 по 2025 годы характеризовалась трендом снижения её объе-

мов, прерывавшегося в 2015 и в 2019-2020 годах незначительным ростом. Просматривается явная корреляция колебаний динамического ряда преступности с периодами социально-экономических кризисов в России, связанных с мировыми тенденциями. Оценка влияния на изменения преступности других факторов неоднозначна. В частности, изменение уголовной политики ярко выраженных результатов в показателях служебной деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений не демонстрирует. Познание процессов, влияющих на колебание динамического ряда преступности в России и оценки эффективности реализации уголовной политики, равно как и определение существования феномена «криминологических качелей / качелей преступности» требует перехода на групповой уровень.

Список литературы:

1. Антонян, Ю. М. Причины преступности / Ю.М. Антонян // Научный портал МВД России. – 2021. – № 1(53). – С. 58-64
2. Балашов, А. М. Экономический кризис 2020 года и проблемы дальнейшего экономического развития РФ / А. М. Балашов, А. Н. Петров // Теоретическая экономика. – 2021. – № 11(83). – С.28-34.
3. Галактионов, С. А. Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу (ст. 78.1 УК РФ) / С. А. Галактионов, А. В. Кулаков, В. Л. Афанасьевский // Вестник Самарского юридического института. – 2024. – № 5(61). – С. 14-18.
4. Громадская Ю. Статистические качели // Гудок. – 2014. – 21 окт. [электронный ресурс] Гудок: информ портал. – Режим доступа : https://gudok.ru/newspaper/?ID=1225832&ysclid=mnyop2bnxo858107577 (Дата обращения 02.04.2026 года).
5. Лобов В. Экономика России за 25 лет: рост ВВП, доходы населения и уровень жизни [электронный ресурс] **InvestFuture**: Медиа-платформа. – Режим доступа : https://investfuture.ru/articles/ekonomika-rossii-za-25-let-rost-vvp-dokhody-naseleniya-i-uroven-zhizni?ysclid= mnepsv0yhi412938385 (Дата обращения 02.04.2026 года).
6. Мау, В. Экономические кризисы в новейшей истории России / В. Мау // Экономическая политика. – 2015. – Т. 10, № 2. – С. 7-19.
7. Тимко С. А. Результаты реформы полиции: взгляд «изнутри» /С.А. Тимко // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 2. — С. 145-157.
8. Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах [Текст] : докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 5–7 апр. 2011 г. / Г. В. Андрущак, А. Я. Бурдяк, В. Е. Гимпельсон и др. ; рук. авт. колл. Е. Г. Ясин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011 —86 с.
9. Фёдоров А.А. Динамика распространения преступности в регионах России в период 2000-2024гг. /А.А. Федоров // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. - №9 – С. 115-128.
10. Ханин, Г. И. Итоги экономического развития РФ в 1 квартале 2019 года: экономический кризис усиливается / Г. И. Ханин // Journal of Economic Regulation. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 64-71.
11. Шамиловская, Д. А. Проблематика управления дефицитом государственного бюджета на современном этапе развития экономики Российской Федерации / Д. А. Шамиловская // Экономические науки. – 2018. – № 163. – С. 106-110.
12. Состояние преступности [электронный ресурс] МВД РФ: офиц. сайт. – Режим доступа. - https://мвд.рф/reports/21/ (Дата обращения 31 марта 2026 года).

References

1. Antonyan, Yu. M. Causes of Crime / Yu.M. Antonyan // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 1(53). – Pp. 58-64
2. Balashov, A. M. The Economic Crisis of 2020 and the Problems of Further Economic Development in the Russian Federation / A. M. Balashov, A. N. Petrov // Theoretical Economics. – 2021. – No. 11(83). – Pp. 28-34.
3. Galaktionov, S. A. Actual Issues of Release from Criminal Liability in Connection with Conscription (Article 78.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) / S. A. Galaktionov, A. V. Kulakov, and V. L. Afanasyevsky // Bulletin of the Samara Law Institute. – 2024. – No. 5(61). – Pp. 14-18.
4. Gromadskaya Yu. Statistical Swing // Gudok. – 2014. – Oct. 21. [electronic resource] Gudok: information portal. – Access mode: https://gudok.ru/newspaper/?ID=1225832&ysclid=mnyop2bnxo858107577 (Accessed on April 2, 2026).
5. Lobov, V. Russia's Economy over 25 Years: GDP Growth, Household Income, and Living Standards [online resource] InvestFuture: Media Platform. – Access mode: https://investfuture.ru/articles/ekonomika-rossii-za-25-let-rost-vvp-dokhody-naseleniya-i-uroven-zhizni?ysclid= mnepsv0yhi412938385 (Accessed on April 2, 2026).
6. Mau, V. Economic Crises in Russia's Recent History / V. Mau // Economic Policy. - 2015. – Vol. 10, No. 2. – pp. 7-19.
7. Timko S. A. The results of police reform: a look "from the inside" /S.A. Timko // Lex russica. — 2023. — Vol. 76. — No. 2. — pp. 145-157.
8. The standard and lifestyle of the Russian population in 1989-2009 [Text] : Proceedings of the XII International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development, Moscow, 5-7 Apr. 2011 / G. V. Andrushchak, A. Ya. Burdyak, V. E. Gimpelson et al. ; author. Col. E. G. Yasin ; National research. University of Higher School of Economics, Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2011 -86 p
. 9. Fedorov A.A. Dynamics of the spread of crime in the regions of Russia in the period 2000-2024 /A.A. Fedorov // Regional problems of economic transformation. – 2025. - No. 9 – Pp. 115-128.
10. Khanin, G. I. Results of the Economic Development of the Russian Federation in the First Quarter of 2019: The Economic Crisis is Intensifying / G. I. Khanin // Journal of Economic Regulation. – 2019. – Vol. 10, No. 2. – Pp. 64-71.
11. Shamilovskaya, D. A. Problems of management of the state budget deficit at the present stage of economic development of the Russian Federation / D. A. Shamilovskaya // Economic sciences. - 2018. – No. 163. – pp. 106-110.
12. The state of crime [electronic resource] of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official. website. – Access mode. - https://mvd.ru/reports/21/ (Accessed on March 31, 2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_386

УДК: 343.132.2

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
THE CONCEPT AND MEANING OF ADMISSIBILITY OF EVIDENCE

АФОНИНА Алина Максимовна
Студентка факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет).
Приволжский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Нижний Новгород).
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 17А.
E-mail: dekanpfrgup@mail.ru

AFONINA Alina Maksimovna
4th year student of the Faculty of Training Specialists for the Judicial System (Faculty of Law).
Volga Region branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution
of Higher Education «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Nizhniy Novgorod).
603022, 17A Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod city, Russia,
E-mail: dekanpfrgup@mail.ru

СМИРНОВА Юлия Александровна
Кандидат юридических наук, учёный секретарь учёного совета
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации».
Россия, 603950, г. Нижний Новгород Анкудиновское шоссе, 3.
E-mail: www.yulia-smirnova@mail.ru

SMIRNOVA Julia Alexandrovna
Candidate of law, Academic Secretary of the Academic Council
Federal State Public Educational Establishment of Higher Training
«Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»
603950, 3, Ankudinovskoe highway Nizhny Novgorod city, Russia.
E-mail: www.yulia-smirnova@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье проанализированы ключевые моменты определения понятия и допустимости доказательств в уголовном процессе России. Рассмотрены способы исключения недопустимых доказательств в процессе расследования уголовных дел. Предложены варианты анализа совокупности доказательств для принятий процессуальных решений.*

Abstract. *This article analyzes key aspects of the definition and admissibility of evidence in Russian criminal proceedings. It examines methods for excluding inadmissible evidence during criminal investigations. It also proposes options for analyzing the totality of evidence to inform procedural decisions.*

Ключевые слова: *допустимость доказательств, уголовно-процессуальное законодательство, процессуальные решения, анализ.*
Key words: *admissibility of evidence, criminal procedure legislation, procedural decisions, analysis.*

Для цитирования: *Афонина А.М., Смирнова Ю.А. Понятие и значение допустимости доказательств // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 386-388. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_386.*
For citation: *Afonina A.M., Smirnova Yu.A. The concept and meaning of the admissibility of evidence // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 386-388. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_386.*

Статья поступила в редакцию: 09.04.2026

Допустимость доказательств в уголовном процессе представляет собой правовую характеристику доказательственной информации, отражающую соответствие способа ее получения, закрепления и введения в процесс требованиям уголовно-процессуального закона. В отличие от относимости и достоверности, которые связаны преимущественно с содержанием сведений и их проверкой, допустимость относится к происхождению доказательства: кто, каким образом и в какой процессуальной форме получил сведения, были ли соблюдены предусмотренные законом гарантии участников процесса и обеспечена ли возможность полноценной проверки и состязательного исследования. Уже в легальном определении доказательств заложен этот смысл: доказательствами признаются любые сведения, но только такие, которые используются уполномоченными субъектами в порядке, определенном УПК РФ, следовательно, законность процедуры является элементом самой правовой природы доказательства [1, С. 182].

Таким образом, отметим, что в теории уголовного процесса допустимость традиционно характеризуется как гарантия законности доказывания и одновременно как способ обеспечения справедливости судебного разбирательства. Такой обеспечительный смысл допустимости последовательно проводится в разъяснениях Верховного Суда РФ. В актуальной редакции разъяснений по рассмотрению уголовных дел судом первой инстанции право на справедливое судебное разбирательство связывается с соблюдением презумпции невиновности, права на защиту, состязательности и равноправия сторон, а также иных принципов и норм уголовно-процессуального закона. В этой логике допустимость выполняет две связанные задачи: во-первых, исключает возможность опоры на доказательства, полученные путём нарушения ключевых процессуальных гарантий, а во-вторых, обеспечивает правовую состоятельность и обоснованность судебного вывода, поскольку итоговое решение может строиться только на доказательствах, сформированных в рамках установленной процедуры и доступных для проверки сторонами.

Доказывание понимают в процессуальном и логическом аспектах: в первом достоверность проверяется сопоставлением с другими доказательствами, а во втором – соотнесением со устанавливаемыми обстоятельствами [2, С. 131]. Если исходные сведения сомнительны, выводы по делу неизбежно искажаются, при этом УПК РФ допускает коллизию: п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ исключает из доказательств показания на слухах,

предположениях или без источника, что по сути связано с их недостоверностью, поэтому предлагаем уточнить ст. 74 УПК РФ: доказательствами должны быть не «любые сведения», а достоверные.

Обратим внимание на то, что содержательно допустимость можно представить, как совокупность требований к четырем основным элементам формирования доказательства: субъекту, источнику, процедуре и соблюдению прав участников.

Прокурор также выступает властным субъектом доказывания, – он участвует в собирании и проверке доказательств, в том числе через письменные указания дознавателю (ст. 37 УПК РФ).

Суд выделяется спецификой получения доказательств – он вправе собирать их в ходе судебного следствия, включая допрос и постановку вопросов подсудимому (ст. 275 УПК РФ), однако в доктрине подчеркивается, что активность суда в собирании доказательств должна быть ограничена, чтобы сохранить независимость и беспристрастность; его роль связывают преимущественно с обеспечением равных процессуальных возможностей сторон [3, С. 10].

Наряду с властными субъектами, участники, указанные в ч. 2 ст. 86 УПК РФ, могут представлять предметы и документы, содержащие сведения, но они становятся доказательствами только после придания им уголовно-процессуальной формы уполномоченными органами. Право подозреваемого и обвиняемого представлять материалы (ст. 86 УПК РФ) рассматривается как гарантия права на защиту и проявление состязательности и равноправия сторон (позиция КС РФ, определение от 21.12.2004 № 467-О). На практике такие участники скорее участвуют в собирании, тогда как формирование доказательств осуществляют компетентные органы.

Требование надлежащей процедуры предполагает соблюдение регламента производства процессуального действия, правил фиксации его хода и результата, а также исключение таких нарушений, которые препятствуют проверке доказательства и подрывают доверие к нему, поэтому Верховный Суд обращает внимание на «существенных нарушениях» порядка собирания и закрепления как основании недопустимости [5, С. 34].

Сложно не согласиться с мнением П.А. Лупинской, которая считала: «Нарушение формы собирания и закрепления доказательств, в большинстве случаев, приводит к нарушению прав участников уголовного судопроизводства, что неизбежно влечет за собой исключение полученных таким образом доказательств из процесса доказывания по делу» [6, С. 96]. В качестве примера можно рассмотреть хоть и редкие, но все же встречающиеся на практике ситуации, когда полученные в процессе судебного заседания доказательства исключаются вышестоящими судами, вследствие допуска нижестоящим судом нарушений уголовно-процессуальной формы собирания и закрепления доказательств.

Наконец, требование соблюдения прав участников выражается в том, что доказательство не может быть признано допустимым, если оно получено с ущемлением процессуальных гарантий, влияющих на возможность защиты и на справедливость разбирательства. Показателен закрепленный УПК РФ пример, когда показания подозреваемого или обвиняемого, данные в отсутствие защитника и не подтвержденные в суде, относятся к недопустимым [8, С. 231].

Нужно учитывать, что допустимость не является факультативным критерием и не может быть устранена ссылками на убедительность либо практическое значение полученных сведений. УПК РФ закрепляет обязательную модель оценки доказательств, в рамках которой каждое доказательство подлежит проверке по трём самостоятельным свойствам – относимости, допустимости и достоверности, а совокупность доказательств оценивается на предмет достаточности для разрешения уголовного дела [4, С. 177].

Отсюда можно сделать вывод о том, что даже при очевидной относимости и внешней правдоподобности сведений суд обязан установить их допустимость как самостоятельное условие процессуального использования и включения в мотивировку судебного решения. Более того, в случаях, прямо предусмотренных законом, вопрос допустимости не относится к сфере усмотрения. При наличии установленных оснований суд, прокурор, следователь и дознаватель обязаны признать доказательство недопустимым, что влечёт утрату им юридической силы и исключает возможность ссылок на него при обосновании процессуальных выводов.

Практическое значение допустимости особенно отчетливо проявляется в механизме исключения доказательств и в судебном контроле. УПК РФ в статье 234 предусматривает процедуру предварительного слушания, в рамках которой может разрешаться ходатайство об исключении доказательства, судья выясняет позицию другой стороны и при отсутствии возражений удовлетворяет ходатайство. Стороны вправе заявить ходатайство об исключении из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве, любого доказательства. Как видим, допустимость становится предметом процессуального спора и судебного решения, принимаемого с учетом доводов сторон.

Верховный Суд РФ в разъяснениях делает важные акценты, усиливающие содержательный контроль за допустимостью.

Во-первых, при решении вопроса о недопустимости суд должен выяснять, в чем конкретно выразилось нарушение, то есть не ограничиваться формулой «с нарушением закона», а устанавливать характер дефекта и его процессуальное значение. Аналогичный подход ранее сформулирован и в постановлении Пленума ВС РФ 2004 г.

Во-вторых, Пленум ВС РФ разъясняет правила распределения бремени доказывания: если защита заявляет о недопустимости по мотиву нарушения закона, бремя опровержения доводов защиты возлагается на государственного обвинителя; в остальных случаях – на сторону, заявившую ходатайство, и эти правила применяются не только на предварительном слушании, но и в судебном разбирательстве. Указанная позиция практически важна, поскольку подчеркивает, что допустимость – вопрос, по которому обвинение не может ограничиться ссылкой на формальное наличие материалов в деле, оно должно доказать законность происхождения спорного доказательства при наличии мотивированных возражений защиты.

Наконец, значение допустимости состоит и в том, что она обеспечивает баланс между стабильностью процессуальных решений и

необходимостью предотвращения судебной ошибки. Пленум ВС РФ указывает, что при рассмотрении уголовного дела по существу суд по ходатайству стороны вправе повторно рассмотреть вопрос о признании исключенного доказательства допустимым.

Институт допустимости доказательств во многом предопределяет исход уголовного дела и напрямую влияет на качество предварительного расследования.

Так, Качканарский городской суд Свердловской области осудил М. и А. за покушение на кражу, однако судебная коллегия Свердловского областного суда отменила приговор: вывод о виновности был основан на признательных показаниях, данных на следствии, но в суде осужденные от них отказались. Поскольку допросы в досудебном производстве проводились в отсутствие защитника, эти показания признаны недопустимыми по п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, при этом потерпевший и свидетели не опознали А. и М., иных доказательств их причастности суд не привел. В результате приговор отменен, уголовное преследование прекращено за непричастностью (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ) [7].

Рассмотренный пример показывает, что исключение незаконно полученных доказательств выявляет дефекты досудебного производства и снижает доверие к органам расследования и к судебным решениям.

Таким образом, допустимость доказательств сегодня важна тем, что она отсекает материалы, полученные с нарушениями (из-за небрежности, некомпетентности или противоправных действий уполномоченных лиц) и тем самым выступает гарантией правильного установления обстоятельств компетентными органами, что напрямую влияет на исход дела и достижение правосудия.

Из изложенного следует, что допустимость нельзя воспринимать как однократно присваиваемую формальную отметку. Если изменились обстоятельства, уточнились сведения о порядке получения доказательства или представлены новые доводы, суд вправе вновь проверить вопрос допустимости и принять по нему мотивированное решение, при этом возможность повторной проверки не меняет основного требования. В доказывании могут использоваться только те сведения, которые получены законным способом и введены в уголовное судопроизводство с соблюдением установленной законом процедуры.

Таким образом, допустимость доказательств закрепляет правовые границы доказывания, обеспечивает реализацию права на защиту и состязательность, выступает механизмом исключения из процесса доказательств, полученных с нарушением закона, и тем самым служит условием справедливости и легитимности судебного решения.

Список литературы:

1. Горбачев, К. Н. Понятие и значение допустимости доказательств в уголовном процессе Российской Федерации / К. Н. Горбачев // Молодой ученый. – 2020. – № 17(307). – С. 182-184.
2. Винокуров, Э. А. Отдельные проблемы оценки допустимости и достоверности доказательств по уголовным делам / Э. А. Винокуров, Ю. А. Ковтун // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 131-136.
3. Власов, Ю. Я. Допустимость доказательств в уголовном процессе: понятие и критерии оценки / Ю. Я. Власов // Законность. – 2023. – № 3(1061). – С. 57-60.
4. Жабаева, Э. Ж. Обеспечения допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве / Э. Ж. Жабаева // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации : Сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 20 марта 2021 года. – Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. – С. 177-179.
5. Копейкина И.В. Критерии допустимости доказательств в уголовном процессе / И. В. Копейкина // Вестник науки и образования. – 2021. – № 4. – С. 34-36.
6. Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма, 2022. – 1072 с.
7. Приговор Качканарского городского суда Свердловской области от 28.11.2012 № 33-1981 // СПС Консультант Плюс.
8. Хабибуллина, А. О. критерии допустимости доказательств / А. О. Хабибуллина // Трибуна ученого. – 2021. – № 12. – С. 231-235.

References:

1. Gorbachev, K. N. The concept and significance of the admissibility of evidence in the criminal process of the Russian Federation / K. N. Gorbachev // Young Scientist. – 2020. – № 17(307). – Pp. 182-184.
2. Vinokurov, E. A. Some problems of assessing the admissibility and reliability of evidence in criminal cases / E. A. Vinokurov, Yu. A. Kovtun // Gaps in Russian legislation. – 2024. – Vol. 17, No. 1. – pp. 131-136.
3. Vlasov, Yu. Ya. The admissibility of evidence in criminal proceedings: the concept and evaluation criteria / Yu. Ya. Vlasov // Legality. – 2023. – № 3(1061). – Pp. 57-60.
4. Zhabaeva, E. J. Ensuring the admissibility of evidence in criminal proceedings / E. J. Zhabaeva // Modern science: current issues, achievements and innovations : Collection of articles of the XVIII International Scientific and Practical Conference, Penza, March 20, 2021. Penza: "Science and Education" (IP Gulyaev G.Yu.), 2021. pp. 177-179.
5. Kopeikina I.V. Criteria for the admissibility of evidence in criminal proceedings / I. V. Kopeikina // Bulletin of Science and Education. – 2021. – No. 4. – pp. 34-36.
6. Lupinskaya P.A. Criminal procedural law of the Russian Federation: textbook. Moscow: Norm, 2022. - 1072 p.
7. Verdict of the Kachkanarsky City Court of the Sverdlovsk region dated 28.11.2012 No. 33-1981 // SPS Consultant Plus.
8. Khabibullina, A. O. criteria for the admissibility of evidence / A. O. Khabibullina // Tribune of the Scientist. – 2021. – No. 12. – pp. 231-235.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_389

УДК 343.9.018

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЁННЫМИ, УТРАТИВШИМИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛЕЗНЫЕ СВЯЗИ
ORGANIZATION OF EDUCATIONAL WORK WITH CONVICTS WHO HAVE LOST SOCIALLY USEFUL CONNECTIONS

МОИСЕЕВ Николай Дмитриевич
доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности,
Академия ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
Сенная ул., 1, г. Рязань, 390000, Россия.
E-mail: vka05615@yandex.ru

ГУСЕВ Антон Сергеевич
старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, юридического факультета,
Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Россия.
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67, лит. Е.
E-mail: vka05615@yandex.ru

MOISEEV Nikolai Dmitrievich
Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
Sennaya St., 1, Ryazan, 390000, Russia.
E-mail: vka05615@yandex.ru

GUSEV Anton Sergeevich
Senior Lecturer at the Department of Penal Enforcement Law and Organization of the Execution of Sentences not related to the isolation of Convicts from Society, Faculty of Law,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia.
67 Bolshaya Nizhegorodskaya str., lit. E., Vladimir, 600020, Russia.
E-mail: vka05615@yandex.ru

Краткая аннотация: *В данной статье представлено теоретическое исследование о влиянии социально-полезных связей в процессе отбывания наказания осужденными на их ресоциализацию в обществе с целью раскрыть роль социально-полезных связей для осужденного на основе представленных материалов. Определена роль социально-полезных связей в реабилитационной работе администрации исправительного учреждения с осужденными. В работе также уделяется внимание необходимости психолого-педагогической подготовки персонала к организации взаимодействия осужденных и их родственников. Таким образом, было выявлено, что проблема разрыва социально полезных связей осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, является одной из главных проблем в процессе их ресоциализации.*

Abstract. *This article presents a theoretical study on the impact of socially useful connections in the process of serving sentences by convicts on their re-socialization in society in order to reveal the role of socially useful connections for the convict based on the materials presented. The role of socially useful connections in the rehabilitation work of the correctional institution administration with convicts is determined. The work also focuses on the need for psychological and pedagogical training of staff to organize the interaction of convicts and their relatives. Thus, it was revealed that the problem of breaking socially useful ties of convicts serving sentences in places of deprivation of liberty is one of the main problems in the process of their re-socialization.*

Ключевые слова: *осужденные, рецидив, правопослушное поведение, мотивация, воспитательная работа, социальное окружение, социальные связи, ресоциализация, десоциализация, криминальная субкультура, семья, эмоциональная связь, реабилитация личности.*

Keywords: *convicted persons, recidivism, law-abiding behavior, motivation, educational work, social environment, social ties, re-socialization, desocialization, criminal subculture, family, emotional connection, rehabilitation of personality.*

Для цитирования: *Моисеев Н.Д., Гусев А.С. Организация воспитательной работы с осуждёнными, утратившими социально-полезные связи // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 389-392. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_389.*

For citation: *Moiseev N.D., Gusev A.S. Organization of educational work with convicts who have lost socially useful connections // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 389-392. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_389.*

Статья поступила в редакцию: 20.03.2026

Социальные связи осуждённых представляют собой сложное явление, которое формируется под воздействием специфических условий изоляции и социальной адаптации в закрытой среде. Эти связи оказывают существенное влияние на личность осуждённого, его поведение в период отбывания наказания и процесс дальнейшей ресоциализации. Особую роль играют отношения осуждённого с семьей, друзьями, а также с представителями социальной среды внутри исправительных учреждений (Далее ИУ).

Одной из главных особенностей пенитенциарной системы является вынужденное приспособление осуждённых, особенно впервые попавших в ИУ, к новым социокультурным условиям. В этой среде осуждённые находятся в межкультурном взаимодействии, которое характеризуется одновременным взаимодействием с представителями официальных и неофициальных властей. Для большинства это взаимодействие становится единственным способом социального общения в закрытом контуре.

Социальные связи осуждённых классифицируются на две основные группы: внешние, которые поддерживаются с родственниками и друзьями за пределами ИУ, и внутренние, формируемые внутри пенитенциарной среды. Внешние связи считаются ключевыми для предотвращения десоциализации.

Семейные связи обладают наибольшим ресоциализирующим потенциалом. Согласно международным нормам, такие отношения

должны поддерживаться максимально естественным образом [1]. Администрация ИУ обязана предоставлять осуждённым возможности для регулярного общения с родственниками, способствовать организации посещений и обеспечивать материальную поддержку для сохранения семейных контактов.

Дружеские отношения с внешним миром чаще всего оказываются менее устойчивыми и развитыми, чем семейные, особенно у осуждённых, которые долгое время находятся в местах лишения свободы. Внутренние связи, формируемые в пенитенциарной среде, имеют двойственный характер. С одной стороны, они могут способствовать адаптации осуждённого к условиям содержания, снижению стресса и улучшению межличностных отношений. С другой стороны, такие связи нередко оказываются фактором криминализации личности, так как осуждённые могут попадать под влияние специфической пенитенциарной субкультуры. Особенно сложны случаи отсутствия у осужденного внешних социальных связей.

Десоциализация, представляющая собой утрату социальных связей, является неизбежным следствием изоляции в условиях лишения свободы. Несмотря на это, в исправительных учреждениях могут создаваться условия для смягчения этого процесса и формирования навыков, способствующих будущей ресоциализации. Важным инструментом здесь выступают социально-полезные связи, которые включают не только семейные и дружеские отношения, но и контакты с образовательными и религиозными организациями, трудовыми коллективами и волонтёрами. Эти связи оказывают позитивное влияние на личность осуждённого.

Таким образом, социальные связи осуждённых представляют собой важный ресурс для их адаптации, ресоциализации и интеграции в общество. Укрепление внешних связей, создание условий для их поддержания, а также формирование социально полезных контактов внутри ИУ являются ключевыми задачами уголовно-исполнительной системы. Успешная реализация этих задач способствует не только исправлению осуждённого, но и его подготовке к полноценной жизни после освобождения.

Утрата социально-полезных связей осуждёнными представляет собой одну из ключевых проблем уголовно-исполнительной системы (Далее УИС), поскольку такая изоляция способствует усилению отрицательных тенденций в поведении, что может приводить к рецидиву после освобождения. Воспитательная работа с осуждёнными, утратившими такие связи, имеет особую специфику, которая основывается на необходимости их восстановления и укрепления, а также формирования новых контактов, способствующих социальной реабилитации.

Законодательство Российской Федерации подчеркивает важность общественного содействия в поддержании прав осуждённых, включая восстановление социально-полезных связей [2]. Эти связи включают отношения с родственниками, друзьями и другими социальными субъектами, которые оказывают положительное влияние на поведение осуждённого. Однако выполнение этой задачи в условиях пенитенциарной системы сопряжено с рядом трудностей, таких как удаленность ИУ от места жительства родственников и ограниченность ресурсов для поддержания связи через современные средства коммуникации.

Социально-полезные связи играют критически важную роль в процессе исправления и ресоциализации осуждённых. Поддержание таких связей способствует формированию у осуждённых установки на правопослушное поведение и облегчает их интеграцию в общество после освобождения.

Также важны различные программы, подготавливающие осуждённых к жизни после освобождения. В частности, программа «Школа подготовки к освобождению» направлена на развитие у участников основных социальных и профессиональных навыков. Такие занятия помогают осужденным научиться строить конструктивные отношения с окружающими, поддерживать связь с семьёй, находить контакт с потенциальными работодателями и социальными институтами, от которых во многом зависит их успешная адаптация.

Организация воспитательной работы с осуждёнными, утратившими связь с внешним миром, требует комплексного и гибкого подхода. Важно учитывать не только индивидуальные особенности личности, но и гендерные различия: мужчины и женщины сталкиваются с разными трудностями, находясь в условиях изоляции. Для эффективной подготовки к освобождению необходимо не только восстановление семейных контактов, но и активное участие в программах социальной адаптации.

Результаты современных исследований подчёркивают, что поддержка и развитие социально значимых связей – это один из ключевых факторов, способствующих исправлению осуждённых. Такие связи играют важную роль в снижении риска повторных правонарушений и повышают шансы на успешную интеграцию в общество. Поэтому задачи воспитательной работы в исправительных учреждениях должны быть сосредоточены не только на формальном исполнении программы, но и на создании реальных условий для восстановления социального окружения осуждённых, что включает укрепление контактов с близкими, развитие коммуникативных навыков и подготовку к жизни на свободе. В конечном итоге, именно эти направления работы формируют основу для ресоциализации и возвращения к законопослушному образу жизни.

Воспитательная работа в исправительных учреждениях должна быть направлена на создание условий для восстановления и укрепления социально-полезных связей осуждённых. Администрация исправительных учреждений играет в этом процессе значимую роль, предоставляя осуждённым возможности для общения с близкими людьми, таких как телефонные переговоры, свидания, переписка и видео-звонки. Кроме того, важным элементом является организация программ, которые способствуют укреплению семейных отношений, например, психологические консультации или участие осуждённых в мероприятиях, связанных с семейной тематикой.

Воспитательная работа должна быть направлена на повышение мотивации осуждённых к поддержанию связей с близкими людьми. Это включает индивидуальную работу с осуждёнными для формирования у них осознания важности семьи и родственных отношений. Также значимым является использование групповых форм воспитательной работы, которые могут быть ориентированы на развитие коммуникативных навыков, укрепление доверия и создание позитивной модели взаимодействия с внешним миром.

Основной акцент в воспитательной работе с осужденными должен быть сделан на восстановление связей с близкими людьми, формирование нового позитивного окружения и устранение влияния криминальной субкультуры. Для этого необходимо внедрение комплексных программ, направленных на:

1. Укрепление семейных связей. Исправительные учреждения должны создавать условия для общения осуждённых с семьёй через свидания, телефонные переговоры и современные технологии, включая видеосвязь. Одновременно с этим важно проводить работу с семьями осуждённых, помогая им понять, насколько важна их поддержка в процессе исправления.
2. Формирование нового социального окружения. Важно предоставлять осуждённым возможность взаимодействовать с социально ориентированными организациями, волонтёрами, наставниками и другими лицами, способными оказывать положительное влияние. Это помогает минимизировать контакт с деструктивным окружением.
3. Мотивацию к правопослушному поведению. Участие осуждённых в программах подготовки к освобождению, профессионального обучения и трудоустройства снижает риск рецидива, создавая основу для социальной реинтеграции.

Также необходим индивидуальный подход в воспитательной работе. Осуждённые, находящиеся в местах лишения свободы повторно, требуют особого внимания со стороны воспитателей, психологов и социальных работников. Важно не только выявить причины утраты связей или влияния отрицательного окружения, но и разработать их решение.

Проблема утраты социально-полезных связей и влияние этого фактора на рецидивную преступность является одной из ключевых в вопросах воспитательной работы с осуждёнными. Воздействие неблагополучной микросреды и разрушение конструктивных социальных связей создают основу для формирования преступных наклонностей. Утрата семейных связей и установление связей с ранее судимыми являются важными элементами криминологической характеристики личности рецидивиста. Эти факторы не только затрудняют процесс ресоциализации, но и усиливают вероятность совершения новых преступлений. Среди причин рецидива также выделяются такие аспекты, как распад семьи, неспособность восстановить разрушенные социально-полезные связи и формирование новых деструктивных контактов, особенно в криминальной среде.

Воспитательная работа с осуждёнными, утратившими социально-полезные связи, должна учитывать указанные аспекты. Её основной целью является восстановление этих связей, а также предотвращение формирования новых криминальных контактов. Для этого важно создавать условия, которые способствуют интеграции осуждённых в конструктивное социальное окружение.

Восстановление и укрепление семейных связей являются одним из центральных направлений воспитательной работы с осуждёнными, утратившими социально-полезные связи. Эта задача имеет особую значимость, так как семья является важнейшим элементом социальной поддержки, оказывающим значительное влияние на процесс исправления и ресоциализации осуждённых. Политика, реализуемая уголовно-исполнительными учреждениями, направлена на внедрение положительных практик, стимулирующих укрепление института семьи и брака среди заключённых, а также на восстановление утраченных связей с близкими.

Одним из ярких примеров такой политики является возможность заключения браков осуждёнными в период отбывания наказания.

Создание семьи даже в условиях лишения свободы играет важную роль в процессе воспитательного воздействия на осуждённых. Заключение брака не только укрепляет социальные связи, но и формирует у человека чувство ответственности за другого, близкого ему человека, что, в свою очередь, способствует переоценке ценностей и появлению мотивации к исправлению. Необходимо отметить, что возможность вступления в брак в местах лишения свободы даёт осуждённым шанс почувствовать свою значимость, необходимость и возможность выстраивать конструктивные отношения, несмотря на обстоятельства.

Не менее значимой является практика написания писем родственникам. Такие письма, как правило, приурочены к определённым событиям, праздникам или тематическим мероприятиям, проводимым в учреждении. Они становятся для осуждённых не просто формой общения, а способом выразить чувства, рассказать о своих мыслях, попросить прощения или поделиться надеждами. Через такие письма устанавливается и поддерживается эмоциональная связь с родными, что особенно важно для сохранения или восстановления отношений, разрушенных изоляцией. Подобная форма взаимодействия способствует эмоциональной разрядке, внутренней работе над собой и нередко становится стимулом к положительным изменениям в поведении.

Мероприятия, направленные на сохранение и укрепление семейных отношений, играют важную роль в процессе исправления. Такие формы работы помогают осуждённым вновь почувствовать себя частью семьи, развивают навыки общения и эмоционального взаимодействия, формируют ответственность за других. В подобных случаях семья выступает не просто как источник моральной поддержки, но и как серьёзный стимул к личностным изменениям и переосмыслению жизненных приоритетов.

Положительные результаты, продемонстрированные в рамках программ, включающих заключение браков, написание писем или проведение встреч с родственниками, подчёркивают необходимость включения подобных мероприятий в систему воспитательной работы в исправительных учреждениях. Их регулярное проведение может стать эффективным инструментом в деле ресоциализации осуждённых и предупреждения рецидива. Они помогают осуждённым преодолевать социальную изоляцию, формируют эмоциональную устойчивость и повышают их готовность к ресоциализации. Эти инициативы демонстрируют, что даже в условиях изоляции можно создать возможности для восстановления социальных связей, что, в свою очередь, снижает вероятность рецидива и способствует успешной интеграции осуждённых в общество после освобождения.

Также значимую роль играют благотворительные акции и мероприятия, направленные на укрепление детско-родительских и семейных

отношений, а также поддержание эмоциональной связи осуждённых с их близкими.

Не менее важным направлением является помощь администрации ИУ в установлении контактов осуждённых с родственниками. Многие осуждённые теряют связь с близкими из-за отсутствия информации или из-за длительного разрыва отношений. Администрация ИУ помогает таким осуждённым найти своих родных и восстановить общение. Это особенно важно для тех, кто сам не знает, как сделать первый шаг.

Одним из действенных способов восстановления семейных связей осуждённых становятся мероприятия, проводимые в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Среди них можно выделить такие формы, как «День открытых дверей» [3], а также события, приуроченные к государственным праздникам. Эти мероприятия предоставляют возможность родственникам посетить ИУ, провести время с близкими в более тёплой и неформальной обстановке, что способствует сближению и укреплению родственных отношений.

Не менее важную роль играют инициативы, направленные на эмоциональное сближение и поддержку. Участие в таких инициативах стимулирует внутренние изменения, направленные на исправление и последующую ресоциализацию.

Семейные ценности в рамках воспитательной работы приобретают особое значение. Через общение с родными осуждённые получают важный эмоциональный опыт, который помогает им осознать значимость поддержки и доверия со стороны семьи. Для самих родственников подобные мероприятия становятся возможностью наладить диалог, начать процесс примирения и заново выстраивать отношения с родным человеком, находящимся в ИУ.

Работа с осуждёнными, утратившими социальные связи, требует комплексного подхода, включающего как воспитательные, так и социальные, психологические и культурные меры. Проведение благотворительных акций, организация встреч, поддержка коммуникации с родственниками – всё это важные инструменты, способствующие не только укреплению семейных отношений, но и более глубокой реабилитации личности. Подобные инициативы доказывают, что семья может и должна стать опорой в процессе возвращения человека к полноценной жизни, свободной от преступлений и изоляции.

Список литературы:

1. Международные стандарты, такие как Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными (2015 г., Правила Нельсона Манделы)
2. Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 24. – Ст. 2789.
3. В российских тюрьмах проходят дни открытых дверей. Официальный сайт телеканала НТВ [Электронный ресурс]. URL: https://www.ntv.ru/novosti/1923925/ (дата обращения: 20.03.2026).

References:

1. International standards such as the Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (2015, the Nelson Mandela Rules)
2. Federal Law No. 76-FZ of 06/10/2008 (as amended on 12/05/2022) "On Public control over ensuring human rights in places of forced detention and on Assistance to persons in places of forced detention" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2008. – No. 24. – Art. 2789.
3. Open days are held in Russian prisons. The official website of the NTV channel [Electronic resource]. URL: https://www.ntv.ru/novosti/1923925 / (date of access: 03/20/2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_393

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ
SOME EARLY RELEASE ISSUES CONVICTED PERSONS FROM SERVING THEIR SENTENCE

САМОЙЛОВА Анастасия Андреевна,
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России,
подполковник внутренней службы, Российская Федерация, г. Москва,
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1.
e-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru

SAMOILOVA Anastasia A.,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process of RSUH,
Leading Researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Major of Internal Service, Russian Federation, Moscow,
15a Narvskaya str., building 1, Moscow, 125130, Russia.
e-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, Российская Федерация, г. Москва,
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1.
e-mail: yutish@list.ru

TISHCHENKO Yuriy Yu.,
Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of MFUA,
Leading Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russian Federation, Moscow,
15a Narvskaya str., building 1, Moscow, 125130, Russia.
e-mail: yutish@list.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена вопросам досрочного освобождения осужденных от отбывания наказания. Проанализирована правовая природа досрочного освобождения и оценка различных факторов, влияющих на степень исправления осужденных. Авторами предпринята попытка, с использованием методов дисперсионного анализа, выяснения влияния различных факторов на степень исправления освобождаемых. Данные проведенного исследования и полученные выводы описаны в заключении.*

Abstract. *The article is devoted to the issues of early release of convicts from serving their sentences. The legal nature of early release and the assessment of various factors influencing the degree of correction of convicts are analyzed. The authors have attempted, using methods of variance analysis, to determine the influence of various factors on the degree of correction of the released. The data of the conducted research and the conclusions are described in the conclusion.*

Ключевые слова: *исправительные учреждения, осужденные, исправление, условно-досрочное освобождение, освобождение от наказания, профилактика, замена неотбытой части наказания, прекращение отбывания наказания, цели наказания.*

Key words: *correctional institutions, convicts, correction, parole, release from punishment, prevention, replacement of the unserved part of the sentence, termination of serving the sentence, the purpose of punishment.*

Для цитирования: *Самойлова А.А., Тищенко Ю.Ю. Некоторые вопросы досрочного освобождения осужденных от отбывания наказания // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 393-395. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_393.*

For citation: *Samoylova A.A., Tishchenko Yu.Yu. Some issues of early release of convicts from serving their sentences // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 393-395. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_393.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Уголовное законодательство устанавливает, что осужденный может быть освобожден от наказания по его отбытии или досрочно, по указанным в законе основаниям. В зависимости от этих оснований предусмотрены различные виды досрочного освобождения: условно-досрочное освобождение; замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания; помилование или амнистия; тяжелая болезнь или инвалидность.

Общим для всех этих видов освобождения является то, что их применение ведет к прекращению отбывания данного наказания до истечения сроков, указанных в приговоре суда. Все они являются воплощением гуманизма права и в большинстве своем направлены на стимулирование исправления осужденных. Справедливо отмечает Т.И. Исакова, что условно-досрочное освобождение представляет собой сложный межотраслевой институт, направленный на закрепление результатов исправления осужденного к лишению свободы или принудительным работам, а также предупреждение совершения ими новых преступлений [2].

Наряду с этим различные виды освобождения существенно отличаются друг от друга.

Так, некоторые виды освобождения являются условными, другие безусловными. Одни предусматривают полное освобождение от наказания (условно-досрочное, освобождение по болезни), другие связаны с заменой неотбытой части наказания более мягким видом. При некоторых видах освобождения решение принимается только судом (условно-досрочное освобождение, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания), при других – специально создаются комиссии (амнистия), при третьих – непосредственно высшим органом власти (помилование). Некоторые виды досрочного освобождения не связаны с определенной степенью исправления освобождаемого, хотя в большинстве случаев она и учитывается (помилование, освобождение по болезни), в других случаях она точно регламентирована и служит основанием освобождения (доказал исправление при условно-досрочном освобождении и замене неотбытой части наказания более мягким видом).

Сложность правовой природы досрочного освобождения обусловлена в первую очередь множественностью его видов и существенными различиями между ними, а также тем, что большинство институтов досрочного освобождения одновременно преследует несколько целей.

Одна из целей большинства видов досрочного освобождения – корректировка продолжительности назначенного судом срока наказания. Само наказание, как справедливо отмечал И.Д. Перлов, не является целью: оно выступает как средство исправления и перевоспитания преступника, и поскольку цели, преследуемые наказанием, достигнуты, отпадает необходимость в дальнейшем отбывании осужденным наказания, так как оно становится беспредметным, излишним, бесцельным [4, с. 99].

Определяя размер конкретного наказания каждому виновному, суд исходит из того, что наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправления осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к нормам, правилам и традициям человеческого общежития, а также предупреждения совершения новых преступлений, как осужденными, так и иными лицами.

Хотя при назначении наказания суд учитывает все названные цели, конкретный размер наказания в пределах санкции статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации определяется в первую очередь исходя из возможностей достижения цели исправления осужденного, т.к. общепревентивная роль закона проявляется в самом факте установления уголовной ответственности за данное деяние и в размере наказания, предусмотренного в санкции статьи. Эти обстоятельства известны всем гражданам, в то время как конкретное наказание, назначенное в пределах санкций – лишь небольшому окружению правонарушителя. Поэтому правоприменительные акты имеют меньшее общепревентивное значением, чем законодательные.

Частнопревентивная роль наказания тесно связана с исправлением правонарушителя: достижение цели исправления снимает вопрос о необходимости предупреждения совершения им нового преступления.

Назначая наказание в пределах санкций, суд имеет лишь приблизительное представление о времени, необходимом для исправления того или иного лица. Общение с подсудимым в течении нескольких часов или дней, а также изучение материалов дела и биографии виновного недостаточны для точного прогноза хода его исправления, не говоря уже о том, что такое время в значительной степени зависит от обстоятельств, вообще не известных суду.

Суд исходит из того, что наказание исполняется в рамках, установленных законом. Однако целый ряд обстоятельств, существенно влияющих на ход исправления, законом не регламентирован и заведомо не может поддаваться регламентации.

Суду трудно предвидеть, как будет реагировать осужденный на воспитательные мероприятия в месте отбывания наказания, сможет ли он противостоять отрицательному влиянию со стороны более социально-нравственно запущенных осужденных, насколько сильным будет такое влияние и вообще, какая микросреда будет окружать данное лицо. Суду ничего не известно о мастерстве воспитателей исправительного учреждения, где будет отбывать наказание осужденный, уровне развития производственной базы, обеспечивающей трудовое воспитание, и о многих других обстоятельствах, которые он не может и не должен учитывать.

Стоящие перед судом трудности заключаются еще и в том, что назначив недостаточное наказание, он предопределит освобождение неисправившегося преступника, который может совершить новое преступление. С другой стороны, назначение слишком длительного наказания приведет к тому, что в местах лишения свободы будут находиться лица, в отношении которых цели наказания уже достигнуты. Этим самым будут нарушены принципы экономии репрессии и справедливости.

Законодатель, понимая эти трудности, предусматривает возможность корректировки наказания в стадии его исполнения, которая отнесена также к компетенции суда, т.к. суд – единственный орган, решающий вопрос об уголовном наказании. Инициатива этой корректировки исходит от органа, исполняющего наказание, наблюдающего за ходом исправления, который суду представляет дополнительные сведения о ходе исправления данного лица во время отбывания наказания.

Корректировка наказания в данном случае – не исправление ошибки, а уточнение длительности срока наказания по основаниям, которые суд не должен был и не мог предвидеть в момент вынесения приговора.

Разумеется, не все виды досрочного освобождения преследуют цели корректировки продолжительности наказания. Это можно сказать лишь об условно-досрочном освобождении и заменен неотбытой части наказания боле мягким видом наказания.

Сложный по своей правовой природе институт досрочного освобождения не исчерпывается для большинства его видов корректировкой наказания. Возможность досрочного освобождения – мощный стимул для активизации исправления осужденных. Зная, что досрочное освобождение связывается с исправлением, осужденные, желая заслужить досрочное освобождение, стремятся примерно вести себя и честно относиться к труду.

Эту функцию досрочного освобождения учитывает законодатель. Так, условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким можно рассматривать в качестве высшей формы поощрения осужденных, доказавших свое исправление. Однако, как отмечают Р.Д. Хритин и В.Н. Хритина негативная составляющая условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы выражается в возможности осужденного, в отношении которого не достигнуты цели применяемого наказания, оказаться на свободе, что в свою очередь оказывает отрицательное влияние на различные сферы жизни общества [5].

Как мы видим, практически все виды досрочного освобождения связываются с достижением осужденным определенной степени исправления. Это ставит вопрос о необходимости оценки степени исправления каждого отбывающего наказание.

Закон обязывает оценивать степень исправления осужденного по его поведению, отношению к труду и обучению, для чего необходи-

мо выявить те факторы, которые максимально характеризуют каждый из этих критериев. Э.Ф. Зауторова отмечает, что осужденный, который претендует на условно-досрочное освобождение, должен проявлять ответственность за выполняемую деятельность и данные ему поручения, отвечать за свое поведение и собственные поступки, возмещать ущерб обществу за совершенные преступления, демонстрировать осознанный подход к жизни, стремиться к личностному росту и самосовершенствованию [1].

В литературе высказывались различные точки зрения по поводу того, какие факторы следует учитывать при оценке поведения осужденного, его отношения к труду, обучению и воспитательным мероприятиям. Однако все эти соображения носили характер доктринальной оценки, в большинстве своем без всякой попытки указать на количественное влияние того или иного признака на степень исправления.

Нами была предпринята попытка, с использованием методов дисперсионного анализа, выяснения влияния различных факторов на степень исправления освобождаемых. При этом было решено проверить, какое влияние оказывают на степень исправления осужденного факторы, характеризующие лицо не только во время отбывания наказания (т.е. относящиеся к уголовно-исполнительной характеристике), но и к моменту осуждения (т.е. относящиеся к социально-демографической и уголовно-правовой характеристикам).

Проведенное исследование показало, что из 20 изученных факторов на степень исправления осужденных максимальное влияние оказывают те из них, которые относятся к уголовно-исполнительной характеристике. Незначительным было влияние социально-демографических признаков, и совсем малым – уголовно-правовых.

Данные нашего исследования позволяют сделать следующие выводы.

Прежде всего, есть основания для сомнения позиции законодательства, которая возможность применения условно-досрочного освобождения ставит прежде всего в зависимость от уголовно-правовой характеристики осужденного и таких факторов, как характер совершенного преступления и признание лица особо опасным рецидивистом. В нашем исследовании оказалось, что эти факторы имеют незначительное влияние на степень исправления осужденного.

С точки зрения перспектив исправления не подтверждается целесообразность повышения обязательной части (до 2/3) к отбывания доли назначенного наказания лицам, осужденным на срок свыше 3 лет. Сомнительна целесообразность этого правила и с точки зрения соображений общей превенции, т.к. при назначении более длительного наказания автоматически повышается и обязательный к отбыванию срок.

На наш взгляд, при решении вопроса о досрочном освобождении акцент должен быть сделан на уголовно-исполнительной характеристике (поведении осужденного, его отношении к труду, обучению, воспитательным мероприятиям и погашении исковых обязательств (если они имеются), т.е. на тех обстоятельствах, которые законодатель считает основаниями для освобождения.

Список литературы:

1. Зауторова Э.В. Условно-досрочное освобождение и готовность осужденных к жизни на свободе // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2025. № 1 (23). С. 126-133.
2. Исакова Т.И. О некоторых проблемах применения условно-досрочного освобождения осужденных // Вестник науки. 2024. Т. 2. № 10 (79). С. 252-254.
3. Качалов В.И. Перспективы совершенствования разрешения судов вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания // Российское правосудие. 2021. № 2. С. 78-89.
4. Перлов И.Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1963. – 227 с.
5. Хритин Р.Д., Хритина В.Н. Негативные аспекты условно-досрочного освобождения осужденных к лишению свободы // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2020. № 20. С. 169-172.

References:

1. Zautorova E.V. Parole and the willingness of convicts to live in freedom // Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2025. No. 1 (23). pp. 126-133.
2. Isakova T.I. On some problems of the application of conditional early release of convicts // Bulletin of Science. 2024. Vol. 2. No. 10 (79). pp. 252-254.
3. Kachalov V.I. Prospects for improving court resolution of issues of parole from serving a sentence // Russian justice. 2021. No. 2. pp. 78-89.
4. Perlov I.D. Execution of the sentence in the Soviet criminal process. Moscow: Jurid. lit., 1963. – 227 p.
5. Hritin R.D., Hritina V.N. Negative aspects of conditional early release of persons sentenced to imprisonment // Bulletin of the Public Research Laboratory "Interaction of the penal enforcement system with civil society institutions: historical, legal, theoretical and methodological aspects". 2020. No. 20. pp. 169-172.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_396

УДК 343.8

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ВНЕДРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОХРАНЫ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND IMPLEMENTATION OF MODERN ENGINEERING AND TECHNICAL MEANS OF PROTECTION IN INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM

БОРОДИН Андрей Евгеньевич,
старший преподаватель кафедры организации режима юридического факультета, Университет ФСИН России,
196602, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Саперная д. 34.
e-mail: andrei-79s@yandex.ru.

ЖДАНОВ Егор Иванович,
курсант Университета ФСИН России, рядовой внутренней службы.
196602, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Саперная д. 34.
e-mail: egor.zdanow2004@gmail.com.

BORODIN Andrey Evgenievich,
Senior Lecturer of the Department of Regime Organization, Faculty of Law,
University of the Federal Penitentiary Service of Russia,
196602, St. Petersburg, Pushkin, Sapernaya St., 34.
e-mail: andrei-79s@yandex.ru.

ZHDANOV Egor Ivanovich,
Cadet of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Private of the Internal Service,
196602, St. Petersburg, Pushkin, Sapernaya St., 34.
e-mail: egor.zdanow2004@gmail.com.

Краткая аннотация: *в статье проводится анализ проблем, возникающих при внедрении современных инженерно-технических средств охраны и надзора в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Авторы констатируют наличие существенного разрыва между стремительным развитием технологий, таких как интегрированные системы безопасности, искусственный интеллект, биометрические комплексы и беспилотные летательные аппараты, и устаревшей нормативно-правовой базой, регламентирующей их применение. В работе рассматриваются взгляды ведущих ученых на проблемы правового регулирования применения ИТСОН, а также дискуссия о необходимости модернизации ведомственных нормативных актов. На основе проведенного анализа делается вывод о необходимости комплексного подхода к решению выявленных проблем, включающего обновление Приказа Минюста России № 279, внедрение единой технической политики и совершенствование системы профессиональной подготовки сотрудников.*

Abstract: *the article analyzes the problems arising from the introduction of modern engineering and technical means of protection and supervision in institutions of the penal system of the Russian Federation. The authors state the existence of a significant gap between the rapid development of technologies such as integrated security systems, artificial intelligence, biometric complexes and unmanned aerial vehicles, and the outdated regulatory framework governing their application. The work examines the views of leading scientists on the problems of legal regulation of the use of engineering and technical means of protection and supervision, as well as the discussion on the need to modernize departmental regulations. Based on the analysis, it is concluded that an integrated approach is necessary to solve the identified problems, including updating Order of the Ministry of Justice of Russia No. 279, introducing a unified technical policy, and improving the system of professional training of employees.*

Ключевые слова: *инженерно-технические средства охраны и надзора, правовое регулирование, интегрированные системы безопасности, беспилотные летательные аппараты, искусственный интеллект, биометрическая идентификация, Приказ Минюста № 279.*

Keywords: *engineering and technical means of protection and supervision, legal regulation, integrated security systems, unmanned aerial vehicles, artificial intelligence, biometric identification, Order of the Ministry of Justice No. 279.*

Для цитирования: *Бородин А.Е., Жданов Е.И. Проблемы нормативно-правового регулирования и внедрения современных инженерно-технических средств охраны в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 396-398. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_396.*

For citation: *Borodin A.E., Zhdanov E.I. The problems of regulatory regulation and the introduction of modern engineering and technical security equipment in institutions of the penal system // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 396-398. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_396.*

Статья поступила в редакцию: 09.03.2026

Современный этап развития уголовно-исполнительной системы России характеризуется активной цифровой трансформацией, целью которой является повышение эффективности охраны и надзора, обеспечение безопасности сотрудников и лиц, содержащихся под стражей. Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года определяет в качестве приоритетных направлений внедрение современных инженерно-технических средств охраны и надзора, интегрированных систем безопасности, а также технологий на основе искусственного интеллекта [9]. Однако, как справедливо отмечает О.Г. Ковалев, уровень технической и технологической оснащенности учреждения является одним из основных показателей успешности реализации оперативно-служебной деятельности, но его достижение невозможно без адекватной и своевременной правовой базы [4]. На практике возникает существенный разрыв между возможностями современных технологий и существующим нормативно-правовым регулированием, которое не поспевает за их развитием.

В доктрине теории права и отраслевых науках отсутствует единая позиция по вопросу достаточности правового регулирования применения инженерно-технических средств охраны и надзора в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Эта дискуссия имеет не только

терминологический, но и глубокий методологический характер. Основополагающим ведомственным актом, регламентирующим оборудование объектов уголовно-исполнительной системы, является Приказ Минюста России от 4 сентября 2006 г. № 279 «Об утверждении Наставления по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы» [7]. Последние изменения в данный документ вносились в 2013 году. Принятые в 2023 году новые требования к антитеррористической защищенности объектов УИС (Постановление Правительства РФ № 586) частично восполняют образовавшиеся пробелы, однако комплексного обновления Наставления по оборудованию ИТСОН до настоящего времени не произведено.

Существенным недостатком действующего Наставления является также то, что оно разрабатывалось для оборудования уже существовавших либо строившихся по типовым проектам учреждений и ориентировано на традиционные архитектурно-планировочные решения. Современные же подходы к проектированию и реконструкции объектов уголовно-исполнительной системы, предполагающие дифференциацию условий содержания, создание изолированных участков с различными режимами, внедрение принципиально новых логистических схем перемещения спецконтингента, требуют иных стандартов инженерно-технического оснащения, которые в действующем Наставлении не учтены. В результате при реконструкции старых и строительстве новых объектов УИС возникает ситуация, когда, формально следуя требованиям Приказа № 279, учреждения оказываются не готовы к внедрению современных интегрированных систем безопасности, а заложенные в проекты решения морально устаревают еще на стадии строительства.

Параллельно с устаревшей нормативной базой в науке и практике сформировалось понимание необходимости ее обновления. Анализ показывает, что Приказ № 279 и другие подзаконные акты сталкиваются с рядом проблем. Нормативная база не содержит положений, регламентирующих применение новых видов техники, таких как беспилотные летательные аппараты, как для охраны периметров, так и для противодействия несанкционированным дронам [11]. Отсутствуют требования к интеграции систем на основе искусственного интеллекта и современных IP-систем видеонаблюдения. Как отмечает Н.В. Елохин, в законодательных и подзаконных актах до сих пор отсутствует однозначное определение понятия «технические средства надзора и контроля» применительно к новым реалиям, поскольку акты регламентируют эксплуатацию оборудования, а не порядок применения информации, получаемой с помощью «умных» систем [2].

Теоретическая разработка понятия правового регулирования применения ИТСОН включает дискуссию о его содержательных границах. Весомый вклад в ее разрешение внесли О.Г. Ковалев и А.В. Щербаков, которые выделяют проблему совместимости, поскольку учреждения уголовно-исполнительной системы оснащались техникой в разные годы, что привело к наличию разнородных, часто несовместимых друг с другом систем, таких как аналоговые и цифровые камеры, различные протоколы передачи данных. Создание единой интегрированной системы безопасности на такой базе требует значительных финансовых вливаний и сложных технических решений [5]. Присоединяясь к необходимости дифференциации подходов к оснащению учреждений, И.А. Шкуренко выдвигает в качестве ключевого условия успешной цифровизации кадровое обеспечение. По мнению исследователя, эффективная работа с современными интегрированными системами безопасности, видеоаналитикой и комплексами противодействия беспилотным летательным аппаратам требует от сотрудников принципиально новых компетенций, а их недостаточная квалификация является препятствием на пути цифровизации [10].

В Приказе № 279 упоминаются видеокамеры с функцией идентификации, но отсутствует детальная регламентация применения дактилоскопических сканеров и систем распознавания лиц для разных категорий лиц, включая сотрудников, осужденных и посетителей [1]. Продолжая терминологический анализ, необходимо рассмотреть проблему доставки запрещенных предметов с помощью дронов, которая требует комплексного подхода. Как указывают И.С. Яковенко и Д.М. Маликов, необходимо внедрение систем обнаружения, идентификации и нейтрализации, включая глушение сигналов, однако одного лишь юридического разрешения недостаточно, требуются финансовые вложения и адаптация существующих систем, например, «Рубеж-Автоматика», к условиям конкретного учреждения [11].

В этой связи обоснованной представляется позиция исследователей, которые предлагают конкретные пути решения выявленных проблем. На основе проведенного анализа можно выделить следующие направления совершенствования правового регулирования. Во-первых, необходимо разработать новую редакцию Наставления, утвержденного Приказом № 279, или издать отдельные нормативные акты, которые бы регламентировали порядок применения и противодействия беспилотным летательным аппаратам, включая технические характеристики средств защиты и алгоритмы действий нарядов [11]. Во-вторых, требуется закрепление требований к интегрированным системам безопасности, стандартов совместимости оборудования и протоколов обмена данными. Наконец, важной задачей является разработка детальных правил использования биометрических систем, включая порядок сбора, хранения и защиты биометрических данных различных категорий граждан [1], а также внедрение технологий искусственного интеллекта для видеоаналитики, таких как автоматическое выявление конфликтов и распознавание лиц, с закреплением юридического статуса информации, полученной с их помощью [8].

Правовое положение личности в условиях цифровизации УИС формируется совокупностью юридических инструментов, задающих его законодательные параметры. Следовательно, в структуру правового регулирования должны входить не только общие требования к оборудованию, но и гарантии соблюдения прав осужденных при применении технических средств. Как предлагает О.Г. Ковалев, необходимо создание централизованной системы, определяющей единые стандарты оснащения учреждений, которая позволит уйти от «лоскутной» автоматизации и обеспечить совместимость техники в масштабах всей ФСИН России [6]. В образовательных организациях ФСИН России следует внедрить специализированные курсы и тренажеры, в том числе на базе макетов учебных рабочих мест, для отработки практических навыков работы с новыми комплексами инженерно-технических средств охраны и надзора, системами противодействия дронам и видеоаналитики [3]. Необходим системный анализ и внедрение успешных практик, апробированных в отдельных территориальных органах, например, опыт установки биометрических

комплексов, таких как «Синергет СКУЛ» и «BioSmart», на контрольно-пропускных пунктах [1], или использования новых типов охранных извещателей, включая «Пирон-6» и «Удар», для оборудования рубежей обнаружения [12].

Проведенный анализ демонстрирует, что проблема внедрения современных инженерно-технических средств охраны в уголовно-исполнительной системе носит комплексный характер. Ее решение невозможно без одновременной модернизации как технической базы учреждений, так и нормативно-правовой основы их применения. Устаревший Приказ № 279, отсутствие единых стандартов для интегрированных систем безопасности и пробелы в регулировании новых технологий, включая беспилотные летательные аппараты, биометрию и искусственный интеллект, сдерживают цифровую трансформацию системы. Предложенные меры, от обновления ведомственных актов до совершенствования системы обучения сотрудников, позволят не только устранить существующие противоречия, но и создать правовую и организационную основу для построения принципиально новой, более эффективной и безопасной пенитенциарной системы, отвечающей современным вызовам. Дальнейшее внедрение унифицированных технических средств и технологий на основе искусственного интеллекта, увязанных в единую интегрированную систему надзора, охраны и безопасности, является ключевым вектором развития уголовно-исполнительной системы на современном этапе.

Список литературы:

1. Денисьев С.А., Михайлиди С.М. Актуальные вопросы применения биометрических систем распознавания личности на КПП охраняемых объектов УИС // Юридическая наука и практика: Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара, 2019. Т. 7, Ч. 1. С. 72-76.
2. Елохин Н.В. Применение специальных технических средств в пенитенциарной системе Российской Федерации // VI Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сборник тезисов выступлений и докладов. Рязань: Академия ФСИН России, 2023. С. 225-232.
3. Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Применение интегрированных систем обеспечения безопасности в современных условиях развития УИС // Развитие уголовно-исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты: сборник материалов международной научно-практической конференции. Новосибирск-Новокузнецк, 2022. С. 98-101.
4. Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Правовые и организационные проблемы применения интегрированных систем безопасности в современных условиях реформирования уголовно-исполнительной системы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 97-104.
5. Ковалев С.Д. Использование волоконно-оптических кабелей в системах инженерно-технических средств охраны и надзора учреждений уголовно-исполнительной системы // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2023. № 1(35). С. 87-92.
6. Приказ Минюста России от 04.09.2006 № 279 (ред. от 17.06.2013) «Об утверждении Наставления по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_226301/1fae4bfa991ca0ed813f4ccc492ef2e302db8337/ (дата обращения: 05.03.2026).
7. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2021. Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202105050004 (дата обращения: 05.03.2026).
8. Савенков И.В., Трифонова К.В. Применение технологий искусственного интеллекта в современных системах видеонаблюдения // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Воронеж: Строки, 2023. С. 253-257.
9. Снопченко И.В. Использование современных технических средств охраны при оборудовании рубежей обнаружения в исправительных учреждениях // Марафон знаний: сборник научных трудов по итогам комплекса научных мероприятий. Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2022. С. 169-172.
10. Шкуренко И.А. Цифровая трансформация деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: некоторые ключевые проблемы и пути их решения // Петербургские пенитенциарные конференции: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Университет ФСИН России, 2025. С. 101-104.
11. Яковенко И.С., Маликов Д.М. Комплексные меры противодействия БПЛА в учреждениях уголовно-исполнительной системы РФ // Актуальные проблемы деятельности подразделений уголовно-исполнительной системы: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: Научная книга, 2025. С. 325-330.

References

1. Denisiev, S. A., & Mikhailidi, S. M. (2019). Aktual'nye voprosy primeneniya biometricheskikh sistem raspoznavaniya lichnosti na KPP okhranyaemykh ob"ektov UIS [Current issues of application of biometric identification systems at checkpoints of protected objects of the penal system]. Yuridicheskaya nauka i praktika: Al'manakh nauchnykh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii, 7(1), 72–76.
2. Elokhin, N. V. (2023). Primenenie spetsial'nykh tekhnicheskikh sredstv v penitenciarnoy sisteme Rossiyskoy Federatsii [Application of special technical means in the penitentiary system of the Russian Federation]. VI Mezhdunarodnyy penitenciarnyy forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie": sbornik tezisov vystupleniy i dokladov (pp. 225–232). Ryazan: Akademiya FSIN Rossii.
3. Kovalev, O. G., & Semenova, N. V. (2022). Primenenie integrirovannykh sistem obespecheniya bezopasnosti v sovremennykh usloviyakh razvitiya UIS [Application of integrated security systems in modern conditions of development of the penal system]. Razvitie ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: organizatsionnye, pravovye i ekonomicheskie aspekty: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (pp. 98–101). Novosibirsk-Novokuznetsk.
4. Kovalev, O. G., & Shcherbakov, A. V. (2023). Pravovye i organizatsionnye problemy primeneniya integrirovannykh sistem bezopasnosti v sovremennykh usloviyakh reformirovaniya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy [Legal and organizational problems of application of integrated security systems in modern conditions of reforming the penal system]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo, 1(73), 97–104.
5. Kovalev, S. D. (2023). Ispol'zovanie volokonno-opticheskikh kabeley v sistemakh inzhenerno-tekhnicheskikh sredstv okhrany i nadzora uchrezhdeniy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy [Use of fiber-optic cables in systems of engineering and technical means of protection and supervision of institutions of the penal system]. Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika, 1(35), 87–92.
6. Prikaz Minyusta Rossii ot 04.09.2006 № 279 (red. ot 17.06.2013) "Ob utverzhdenii Nastavleniya po oborudovaniyu inzhenerno-tekhnicheskimi sredstvami okhrany i nadzora ob"ektov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy" [Order of the Ministry of Justice of Russia dated September 4, 2006 No. 279 (as amended on June 17, 2013) "On approval of the Instruction on equipment with engineering and technical means of protection and supervision of objects of the penal system"]. Dostup iz SPS "Konsul'tantPlyus". [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_226301/1fae4bfa991ca0ed813f4ccc492ef2e302db8337/ (accessed on 05.03.2026).
7. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.04.2021 № 1138-r "O Kontseptsii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda" [Decree of the Government of the Russian Federation dated April 29, 2021 No. 1138-r "On the Concept of development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030"]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2021. Official Internet Portal of Legal Information. [Electronic resource]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202105050004 (accessed on 05.03.2026).
8. Savenkov, I. V., & Trifonova, K. V. (2023). Primenenie tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v sovremennykh sistemakh videonablyudeniya [Application of artificial intelligence technologies in modern video surveillance systems]. Tekhnika i bezopasnost' ob"ektov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (pp. 253–257). Voronezh: Stroki.
9. Snopchenko, I. V. (2022). Ispol'zovanie sovremennykh tekhnicheskikh sredstv okhrany pri oborudovanii rubezhey obnaruzheniya v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh [Use of modern technical means of protection when equipping detection lines in correctional institutions]. Marafon znaniy: sbornik nauchnykh trudov po itogam kompleksa nauchnykh meropriyatiy (pp. 169–172). Novokuznetsk: Kuzbasskiy institut FSIN Rossii.
10. Shkurenko, I. A. (2025). Tsifrovaya transformatsiya deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii: nekotorye klyuchevye problemy i puti ikh resheniya [Digital transformation of the activity of the penal system of the Russian Federation: some key problems and ways to solve them]. Peterburgskie penitentsiarnye konferentsii: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (pp. 101–104). Saint Petersburg: Universitet FSIN Rossii.
11. Yakovenko, I. S., & Malikov, D. M. (2025). Kompleksnye mery protivodeystviya BPLA v uchrezhdeniyakh ugolovno-ispolnitel'noy sistemy RF [Comprehensive measures to counter UAVs in institutions of the penal system of the Russian Federation]. Aktual'nye problemy deyatel'nosti podrazdeleniy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (pp. 325–330). Voronezh: Nauchnaya kniga.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_399

УДК 343.8

ТИПЫ ПРАВОСОЗНАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
TYPES OF LEGAL CONSCIOUSNESS OF CONVICTS SERVING SENTENCES IN INSTITUTIONS OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

ЕЛИСОВ Павел Петрович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России,
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1,
e-mail: pappasha59@mail.ru

ELISOV Pavel Petrovich,
candidate of legal sciences, Senior Researcher at the Research Center-3
of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, Moscow, Narvskaya str., 15a, bld. 1,
e-mail: pappasha59@mail.ru

АБДУРАЗАКОВ Ахмед Абдурахманович,
доцент кафедры организации режима юридического факультета,
Университет ФСИН России, кандидат юридических наук,
196602, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Саперная д. 34
e-mail: abdurazakov1982@gmail.com

ABDURAZAKOV Ahmed Abdurakhmanovich,
Associate Professor, Department of Regime Organization, Faculty of Law,
University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences,
196602, St. Petersburg, Pushkin, Saperskaya St., 34
e-mail: abdurazakov1982@gmail.com

Краткая аннотация: *в статье проводится теоретико-правовой анализ типологизации правосознания лиц, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Авторы выделяют и рассматривают специфические типы правосознания, обусловленные как влиянием криминальной субкультуры, так и особенностями изоляции, включая осужденных к пожизненному лишению свободы, лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности, а также бывших сотрудников правоохранительных органов. В работе обосновывается положение о том, что правосознание, формируясь в условиях пенитенциарной среды, испытывает значительное деформационное воздействие, однако его устойчивость и способность к позитивной трансформации определяются не столько материальными факторами и давлением криминальной субкультуры, сколько духовными и нравственными ориентирами личности, включая религиозные убеждения. На основе проведенного анализа делается вывод о необходимости дифференцированного подхода к организации воспитательной и профилактической работы в исправительных учреждениях с учетом выявленных типологических характеристик правосознания осужденных.*

Abstract: *the article provides a theoretical and legal analysis of the typologization of legal consciousness among persons serving sentences in institutions of the penal enforcement system of the Russian Federation. The authors identify and examine specific types of legal consciousness conditioned both by the influence of the criminal subculture and the peculiarities of isolation, including those sentenced to life imprisonment, persons convicted of crimes of an extremist and terrorist nature, as well as former law enforcement officers. The study substantiates the proposition that legal consciousness, formed in a penitentiary environment, experiences significant deformational impact; however, its stability and ability for positive transformation are determined not so much by material factors and pressure from the criminal subculture, but by the spiritual and moral guidelines of the individual, including religious beliefs. Based on the analysis, the conclusion is drawn about the necessity of a differentiated approach to organizing educational and preventive work in correctional institutions, considering the identified typological characteristics of the convicts' legal consciousness.*

Ключевые слова: *правосознание, типология правосознания, криминальная субкультура, осужденные, учреждения уголовно-исполнительной системы, осужденные к пожизненному лишению свободы, экстремизм, бывшие сотрудники, правовое воспитание.*

Keywords: *legal consciousness, typology of legal consciousness, criminal subculture, convicts, penal enforcement system institutions, life-sentenced prisoners, extremism, former employees, legal education.*

Для цитирования: *Елисов П.П., Абдуразаков А.А. Типы правосознания осужденных, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: теоретико-правовой анализ // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 399-402. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_399.*

For citation: *Elisov P.P., Abdurazakov A.A. Types of legal awareness of convicts serving sentences in institutions of the penal system of the Russian Federation: theoretical and legal analysis // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 399-402. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_399.*

Статья поступила в редакцию: 06.04.2026

В современной юридической науке проблема правосознания традиционно занимает одно из центральных мест, выступая важнейшим фактором, определяющим эффективность правового регулирования и стабильность общественного порядка. Как отмечается в доктринальном обзоре зарубежной теории права, интерес к данной категории детерминирован возможностью поиска новых решений имеющихся проблем, обогащением правовой доктрины и пополнением теоретического багажа для практической деятельности [2, с. 390]. В учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) этот вопрос приобретает особую остроту и специфику, поскольку именно здесь, в условиях изоляции от общества и концентрации лиц с девиантным поведением, правосознание подвергается наиболее интенсивному деформационному воздействию, а его типологические характеристики во многом определяют как поведение осужденных, так и успех их ресоциализации.

Правосознание, будучи частью правовой культуры общества, представляет собой систему знаний, взглядов и оценок, относящихся к правовой системе [9, с. 170]. Как справедливо отмечает Р.С. Байниязов в своем фундаментальном исследовании, правосознание представляет собой фундаментально духовное образование, определяющее развитие правовой действительности, и не сводимо лишь к правовой грамотности или пониманию юридической логики [3, с. 12]. Пенитенциарная среда обладает рядом уникальных черт, которые трансформируют это общее понимание, порождая специфические типы правосознания, существенно отличающиеся от доминирующих в гражданском обществе. Одним из главных факторов такой трансформации выступает криминальная субкультура, представляющая собой сложный иерархизированный комплекс норм, ценностей, ритуалов и символов, противопоставленный официальной правовой системе. Как справедливо отмечается в исследовании, посвященном феномену «АУЕ», «идеология уголовно-преступной среды существовала на протяжении всего периода развития России, но экстремистский характер приобрела лишь в начале XX в., после чего эволюционировала в неразрывной связи с российским государством» [8, с. 70].

В условиях изоляции человек оказывается в ситуации, когда его привычное правосознание, ориентированное на соблюдение закона, сталкивается с мощным альтернативным регулятором - «тюремным законом». В.П. Малахов, раскрывая природу правосознания, указывает на его негативную установленность: правосознание направлено на восстановление того или иного правового отношения, права в целом, а не связано с реальностью, «долженствующей быть в принципе» [7, с. 120]. В пенитенциарной среде эта установка обретает особое звучание: отсутствие должного правопорядка, воспринимаемое как негативная данность, провоцирует поиск альтернативных форм организации жизни, чем и становится криминальная субкультура. Неспособность или нежелание следовать этому неписаному кодексу может привести к маргинализации, утрате социального статуса в среде осужденных и даже физической расправе. Следовательно, правосознание индивида, впервые попавшего в места лишения свободы, претерпевает вынужденную деформацию: происходит либо пассивное принятие норм криминальной субкультуры как неизбежного зла (правовой фатализм), либо активная интеграция в ее систему с целью самосохранения и обретения защищенности.

В этой связи ключевое значение приобретает вопрос о том, существует ли императив правопослушного поведения в условиях, когда на индивида оказывается столь жесткое давление. Представляется, что ответ на этот вопрос лежит не в плоскости материальной выгоды или безопасности, а в плоскости духовной и нравственной. Жизнь, как процесс, не сводится к материальному результату, а является прежде всего духовным бытием. В данном контексте особую роль играют религиозные убеждения, которые могут выступать мощным стабилизирующим фактором правосознания. Ю.А. Дружкина в своем диссертационном исследовании, посвященном религиозному правосознанию, подчеркивает, что религиозное правосознание, в отличие от религиозного сознания в целом, способно давать действиям человека правовую оценку [5, с. 22]. Религиозные нормы, аккумулируя в себе абсолютные нравственные императивы, способны противостоять деструктивному влиянию криминальной субкультуры, формируя у человека устойчивую внутреннюю установку на законопослушное поведение. Как верно отмечается, «верным представляется утверждение о том, что устойчивость правосознания может быть достигнута... неотвратимостью ответственности» [2, с. 394], и религиозное сознание, транслируя идею божественного воздаяния, выступает в роли такого высшего, неотвратимого регулятора.

Таким образом, типологизация правосознания осужденных в УИС должна учитывать не только степень влияния криминальной субкультуры, но и наличие у личности устойчивых духовно-нравственных ориентиров, способных этому влиянию противостоять. В зависимости от этого можно выделить несколько базовых типов.

Первый тип - правосознание, не зараженное криминальной субкультурой. Его носители, как правило, впервые осуждены к лишению свободы, имеют устойчивые правовые и нравственные установки, сформированные в предшествующей жизни. Они сохраняют позитивное отношение к официальному праву, ориентированы на соблюдение режима содержания и правомерное поведение. Однако даже для этой категории длительное нахождение в изоляции представляет серьезную угрозу. В условиях отсутствия позитивных социальных связей и при постоянном информационном давлении со стороны носителей криминальной субкультуры происходит постепенная эрозия прежних правовых установок. Исследователи, анализируя феномен правосознания, подчеркивают, что оно «выступает гибким явлением с множеством признаков» и является «динамическим процессом, который формируется через взаимодействие индивидов, общества и государства» [2, с. 393]. В пенитенциарной среде это взаимодействие носит преимущественно негативный характер, что может приводить к трансформации данного типа в более деформированные формы.

Второй, наиболее многочисленный, тип можно обозначить как правосознание, адаптированное к условиям криминальной субкультуры. Это правосознание осужденных, которые, оказавшись в изоляции, вынужденно принимают нормы и ценности преступного мира как основу выживания. Для них характерен правовой дуализм: внешне они могут демонстрировать законопослушное поведение, выполнять требования администрации, однако внутренне ориентируются на «воровские понятия», оправдывающие их прошлую преступную деятельность и регулирующие отношения в среде осужденных. В рамках этого типа можно выделить отдельные подтипы в зависимости от степени идентификации с криминальной идеологией и положения в неформальной иерархии. Важно отметить, что данный тип наиболее подвержен рецидиву преступлений, так как его правосознание деформировано и не сформировало внутренней потребности в соблюдении закона, заменяя ее внешней демонстрацией лояльности.

Третий тип - криминализированное правосознание. Его носители являются активными проводниками и адептами криминальной субкультуры. Они не просто адаптировались к ее нормам, но разделяют их, считая единственно правильными и справедливыми. Их правосознание находится в состоянии антагонизма с официальным правом, которое воспринимается как враждебное и нелегитимное. К этой категории относятся так называемые «отрицалы», лидеры преступных групп и лица, для которых преступный образ жизни стал профессиональным. Именно в этой среде наиболее активно распространяется экстремистская идеология, в том числе в рамках движений, подобных АУЕ. Как подчеркивается в

криминологическом анализе, «АУЕ на современном этапе представляет собой не криминологическое, а правовое противоправное явление, представляющее опасность для развития общества и государства» [8, с. 70]. Идеология таких движений не только отрицает официальное право, но и предлагает ему агрессивную альтернативу, что придает криминализированному правосознанию черты правового экстремизма.

Особую нишу в этой системе занимают осужденные, признанные виновными в совершении преступлений экстремистской и террористической направленности. Их правосознание представляет собой гибридную форму, где криминализированные установки переплетаются с радикальной религиозной или политической идеологией. Как отмечается в исследовании, посвященном религиозному терроризму и экстремизму, «особую опасность в настоящее время представляют религиозный экстремизм и терроризм, базирующиеся на религиозных чувствах... взращивающие в них религиозный фанатизм, искажающих тексты священных для религий книг и зачастую обусловливающих значительную жестокость» [10, с. 176]. Для этой категории осужденных характерно убеждение в собственной исключительной правоте, которое подкрепляется извращенным религиозным осознанием права. Правосознание здесь не просто деформировано, оно радикализировано и милитаризовано. Исследователи выделяют для таких организаций такие аспекты, как «харизматические лидеры, считающие себя мессиями... тоталитарная философия, не допускающая двусмысленности... требование беспрекословного подчинения» [10, с. 177]. В местах лишения свободы такие лица зачастую становятся центрами притяжения для осужденных с неустойчивым правосознанием, стремясь распространить свою идеологию и расширить круг своих сторонников. Профилактический учет таких лиц является важнейшей задачей оперативных подразделений, однако его эффективность напрямую зависит от возможности дифференцировать степень радикализации и своевременно изолировать идеологов от основной массы осужденных.

Совершенно особый тип правосознания формируется в среде бывших сотрудников правоохранительных органов, отбывающих наказание в специализированных исправительных учреждениях. Как правило, они содержатся отдельно от основной массы осужденных, что минимизирует влияние на них традиционной криминальной субкультуры. Их профессиональное правосознание, как отмечается в исследовании, посвященном правосознанию государственного служащего, включает в себя «интеллектуальный элемент - высокий уровень знания служебного законодательства», «эмоционально-психологический элемент - ценностное отношение к служебному законодательству и праву в целом», а также «волевой элемент - навыки правомерного служебного поведения» [4, с. 36]. Даже после совершения преступления и осуждения эти элементы в значительной степени сохраняются. Правосознание данной категории осужденных отличается профессиональной деформацией: хорошо зная механизмы правового регулирования и работы правоохранительной системы, они зачастую испытывают чувство обиды, разочарования или цинизма, что порождает специфические формы правового нигилизма. Однако изоляция от криминальной среды не означает автоматического исправления. Их правосознание, хотя и не заражено тюремной субкультурой, находится в состоянии глубокого кризиса, требующего особых методов психолого-педагогического воздействия, направленных на восстановление чувства справедливости и возвращение к ценностям, которые они ранее призваны были защищать. А.А. Абдуразаков в своем диссертационном исследовании, посвященном типам мусульманского правосознания, обоснованно указывает на то, что правосознание, в том числе профессиональное, способно порождать правовую идеологию как позитивного, так и негативного характера, ведущую к радикализации правосознания и поведения [1, с. 10]. Это положение в полной мере применимо и к анализу правосознания бывших сотрудников, чья профессиональная деформация может принимать различные формы.

Отдельного анализа заслуживает правосознание женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях. В отличие от мужчин, для женских колоний не характерна столь жесткая, институционализированная криминальная субкультура с развитой иерархией. Тем не менее, влияние криминальной среды здесь также присутствует, но проявляется в иных формах. Как отмечают исследователи, для женской пенитенциарной среды более характерны процессы стихийной самоорганизации, основанные на родственных, дружеских и земляческих связях, а также высокая степень эмоциональной зависимости и внушаемости. Это означает, что правосознание женщин-осужденных более уязвимо для деформации под влиянием авторитетных лидеров, но в то же время и более восприимчиво к позитивному воздействию, основанному на доверии и личной значимости отношений. Формирование в женских исправительных учреждениях позитивного правосознания в значительной степени связано с работой по укреплению семьи, сохранению социально-полезных связей и вовлечению в программы духовно-нравственного воспитания.

Особая группа, требующая теоретического осмысления, - осужденные к пожизненному лишению свободы. В условиях многолетней, а зачастую и пожизненной изоляции, правосознание претерпевает кардинальные изменения. Отсутствие перспективы освобождения, безысходность и вынужденная монотонность существования могут приводить к глубокой апатии, утрате смысла жизни и, как следствие, деградации личности. Для таких осужденных криминальная субкультура теряет свой функциональный смысл - нет необходимости выстраивать иерархию для контроля за жизнью на свободе, так как к ней нет выхода. Вместе с тем, как отмечается в исследованиях правовой культуры и правосознания как основы безопасности, «от уровня правовой культуры напрямую зависит безопасность государства и общества в целом, а также будущее нашей страны» [9, с. 194]. В этом контексте роль религии становится критически важной. Религиозное правосознание предоставляет осужденному к пожизненному лишению свободы новую систему координат, где земная жизнь рассматривается как подготовка к жизни вечной, а наказание - как очищение и искупление греха. Религиозные общины и священнослужители в таких учреждениях выполняют функцию не просто отправления культов, но и духовной поддержки, помогая человеку обрести смысл существования и сохранить свою личность. Это подтверждает тезис о том, что «верно ведется наблюдение тех ученых, которые утверждают, что правосознание не является статичной категорией» [2, с. 393]; в случае с пожизненно осужденными его эволюция может идти по пути духовного перерождения или, напротив, полной нравственной деградации.

Исходя из проведенного анализа, можно заключить, что типологизация правосознания осужденных в учреждениях УИС представляет собой сложную и многоуровневую задачу, имеющую не только теоретическое, но и важнейшее практическое значение. Выделенные типы - от правосознания, свободного от криминального влияния, до радикализированного правосознания экстремистов - демонстрируют широкий спектр

деформаций, каждая из которых требует специфических методов профилактики и воспитательного воздействия.

Ключевым выводом является то, что стержневым фактором устойчивости правосознания перед деструктивным влиянием выступают не материальные условия содержания и не жесткость административного контроля, а наличие у личности внутренних духовно-нравственных опор. Религиозное правосознание, формирующее у человека понимание абсолютной ценности жизни, неотвратимости духовной ответственности и возможности нравственного очищения, становится наиболее эффективным барьером на пути криминализации. В этом смысле обязательность правопослушного поведения для любого осужденного, будь то женщина, оказавшаяся под давлением криминальной среды, или осужденный к пожизненному заключению, теряет статус навязанной извне обязанности и обретает качество внутренней потребности, основанной на высших нравственных законах. Такой подход переводит проблему исправления из плоскости принуждения в плоскость воспитания и духовного становления личности, что является единственно возможным путем к достижению целей уголовно-исполнительного законодательства.

Таким образом, в рамках теоретико-правового анализа обоснована необходимость перехода от единообразной системы воспитательной работы к гибкой, многофакторной модели, учитывающей не только юридический факт совершенного преступления, но и типологические особенности правосознания каждого осужденного. Это требует совершенствования профессионального правосознания сотрудников УИС, развития института пенитенциарных священнослужителей и внедрения в практику научно обоснованных программ психолого-педагогического сопровождения, ориентированных на восстановление и укрепление позитивного правосознания как основы правомерного поведения.

Список литературы

1. Абдуразаков А.А. Типы мусульманского правосознания: дис. канд. юрид. наук: 5.1.1. М., 2022. 200 с.
2. Арутюнов Э.К. Категория «правосознание» в зарубежной теории права: доктринальный обзор // Современный ученый. 2025. № 11. С. 390-395.
3. Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России: дис. д-ра юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2006. 349 с.
4. Добровольская С.С., Москвитин А.А. Профессиональное правосознание государственного служащего // Мировая наука. 2025. № 10(103). С. 35-41.
5. Дружкина Ю.А. Религиозное правосознание: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2007. 222 с.
6. Игнатьева И.В., Кирильчик Е.В. Правосознание молодежи: структура, функции, деформация // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 169-172.
7. Малахов В.П. Природа, содержание и логика правосознания: дис. д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2001. 502 с.
8. Морозов А.С. История возникновения и развития экстремистской организации «АУЕ»: правовые и криминологические аспекты // Вестник Кузбасского института. 2025. № 3(64). С. 69-87.
9. Торубаров Е.А. Правовая культура и правосознание как основа безопасности // Glossa: Вестник студенческой науки. 2025. № 9. С. 194-198.
10. Чернышев С.А., Снеговой А.В., Журбенко А.М. Религиозный терроризм и экстремизм как угроза международной и национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2025. № 1(73). С. 174-180.

References

1. Abdurazakov A.A. Types of Muslim Legal Consciousness: Diss. Candidate of Legal Sciences: 5.1.1. Moscow, 2022. 200 p.
2. Arutyunov E.K. The Category of «Legal Consciousness» in Foreign Legal Theory: A Doctrinal Review // Modern Scientist. 2025. No. 11. P. 390-395.
3. Bayniyazov R.S. Legal Consciousness and Legal Mentality in Russia: Diss. Doctor of Legal Sciences: 12.00.01. Saratov, 2006. 349 p.
4. Dobrovolskaya S.S., Moskvitin A.A. Professional Legal Consciousness of a Civil Servant // World Science. 2025. No. 10(103). P. 35-41.
5. Druzhkina Yu.A. Religious Legal Consciousness: Diss. ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.01. Saratov, 2007. 222 p.
6. Ignatieva I.V., Kirilchik E.V. Legal Consciousness of Youth: Structure, Functions, Deformation // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 1. P. 169-172.
7. Malakhov V.P. Nature, Content and Logic of Legal Consciousness: Diss. Doctor of Legal Sciences: 12.00.01. Moscow, 2001. 502 p.
8. Morozov A.S. The History of the Emergence and Development of the Extremist Organization «AUE»: Legal and Criminological Aspects // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2025. No. 3(64). P. 69-87.
9. Torubarov E.A. Legal Culture and Legal Awareness as the Basis of Security // Glossa: Bulletin of Student Science. 2025. No. 9. P. 194-198.
10. Chernyshev S.A., Snegovoy A.V., Zhurbenko A.M. Religious Terrorism and Extremism as a Threat to International and National Security of the Russian Federation // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2025. No. 1(73). P. 174-180.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_403

УДК 343.1

ОТМЕНА ОПРАВДАТЕЛЬНЫХ ПРИГОВОРОВ, ВЫНЕСЕННЫХ С УЧАСТИЕМ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: ТИПОЛОГИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НАРУШЕНИЙ
OVERTURNING ACQUITTALS RENDERED BY A JURY: A TYPOLOGY OF PROCEDURAL VIOLATIONS

ВЛАСОВА Светлана Владимировна
Доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета, кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.
E-mail: Vlasovasvetla@yandex.ru

VLASOVA Svetlana Vladimirovna
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Faculty of Law, Candidate of Law, Associate Professor, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Russia, 603022, Nizhny Novgorod, Gagarin Ave., 23.
E-mail: Vlasovasvetla@yandex.ru

ВЛАСОВ Дмитрий Алексеевич
Помощник судьи Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции, кандидат юридических наук, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д.17А,пом. П1.
E-mail: Vlasvedmi@yandex.ru

VLASOV Dmitry Alekseevich
Assistant Judge of the Fourth Court of Appeal of General Jurisdiction, PhD in Law, Russia, 603950, Nizhny Novgorod, Gagarin Ave., Building 17A, Room P1.
E-mail: Vlasvedmi@yandex.ru

Краткая аннотация : *В представленной статье авторами проведен тщательный анализ практики отмены оправдательных приговоров, вынесенных на основе вердиктов коллегии присяжных заседателей в российском уголовном судопроизводстве, эволюционировавшем после Федерального закона № 313-ФЗ от 29.07.2018 с учетом поправок и разъяснений Пленума ВС РФ (№ 23 от 22.11.2005, № 5 от 13.02.2018).*

Abstract. *In this article, the authors provide a thorough analysis of the practice of overturning acquittals rendered by jury verdicts in Russian criminal proceedings, as they evolved following Federal Law No. 313-FZ of July 29, 2018, taking into account amendments and clarifications issued by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation (No. 23 of November 22, 2005, No. 5 of February 13, 2018).*

Ключевые слова: *оправдательный приговор, вердикт, коллегия присяжных заседателей, председательствующий.*
Key words: *acquittal, verdict, jury, presiding judge.*

Для цитирования: *Власова С.В., Власов Д.А. Отмена оправдательных приговоров, вынесенных с участием коллегии присяжных заседателей: типология процессуальных нарушений // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 403-406. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_403.*
For citation: *Vlasova S.V., Vlasov D.A. Cancellation of acquittals rendered with the participation of a panel of jurors: typology of procedural violations // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 403-406. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_403.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

В контексте эволюции института присяжных заседателей в российском уголовном судопроизводстве, введенного Федеральным законом от 29.07.2018 № 313-ФЗ и усовершенствованного последующими поправками, особый интерес представляет анализ практики отмены оправдательных приговоров, постановленных с их участием. Действительно, несмотря на гарантированную ст. 21 УПК РФ презумпцию невиновности, Верховный Суд РФ неоднократно отменял такие приговоры, ссылаясь на существенные нарушения норм уголовно-процессуального закона, повлиявшие на формирование вердикта коллегии.

Согласно ст.ст. 30, 31, 389³ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации суды апелляционной инстанции осуществляют проверку приговоров судов, к подсудности которых при рассмотрении дел по первой инстанции относится в том числе рассмотрение дел с участием присяжных заседателей.

Порядок рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей регламентирован разделом XII Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (ст.ст. 324-353). При рассмотрении дел данной категории необходимо также руководствоваться разъяснениями, содержащимися в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 года № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей».

Отдельные положения, касающиеся порядка формирования коллегии присяжных заседателей, содержатся в Федеральном законе от 20 августа 2004 года № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» с разъяснениями, изложенными в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13 февраля 2018 года № 5 «О применении судами некоторых положений Федерального закона "О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации». Кроме того, отдельные положения, касающиеся особенностей назначения наказания, содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

На апелляционной инстанции лежат задачи как сохранения стабильности сложившегося подхода к рассмотрению указанной категории дел, так и формирования практики с учетом новых правовых позиций Верховного Суда РФ.

В рамках указанной статьи мы планируем провести анализ отмены оправдательных приговоров, постановленных с участием коллегии присяжных заседателей и выявить основные нарушения норм уголовно-процессуального закона, которые повлияли на содержание данных присяжными заседателями ответов при вынесении вердикта. При изучении уголовных дел, подсудных суду с участием присяжных заседателей мы выявили основные нарушения, которые в дальнейшем повлекли постановление судом оправдательного приговора. Во-первых, стороной защиты в рамках судебного следствия перед допрашиваемыми ставились вопросы, не относящиеся к фактическим обстоятельствам дела и ставящие под сомнение допустимость и достоверность его показаний[1, с.499-502]. Во-вторых, это систематическое доведение стороной защиты до коллегии присяжных информации, не подлежащей исследованию в их присутствии. В- третьих, высказывания стороны защиты в присутствии коллегии присяжных об отказе председательствующего в удовлетворении ходатайств стороны защиты в проведении дополнительных допросов ранее неоднократно допрошенных лиц, проведении дополнительных экспертиз и т.д., формируя тем самым у присяжных мнение о неполноте судебного следствия.

В подтверждение своей позиции приведем несколько примеров. По уголовному делу в отношении А.Д.А.[2] при допросе свидетеля под псевдонимом «О.» тот пояснял со ссылкой на рассказ А.Д.А. во время совместного пребывания в ИВС, что конфликт между подсудимым и Г.А.А. произошел из-за того, что потерпевший являлся «блатным» (т.е. в местах лишения свободы придерживался криминальной субкультуры), а А.Д.А.– «красным» (т.е. сотрудничал с администрацией исправительного учреждения); также «О.» пояснил со слов А.Д.А., что потерпевшая Г.Т.А. была «любвеобильной».

Из показаний А.Д.А. присяжные узнали, что Г.А.А. в силу разницы их статуса в местах лишения свободы («блатной» и «красный») начал конфликт и сказал, что ему нельзя пить с ним из одной рюмки, о чем проконсультировался по телефону.

Потерпевший Г.А.А. в ходе его допроса сообщил в присутствии присяжных, что конфликт произошел из-за того, что А.Д.А. относится к «красным».

Защитник К.А.В. в ходе допроса свидетеля под псевдонимом «О.» задавала ему вопросы, не относящиеся к фактическим обстоятельствам, ставящие под сомнение допустимость и достоверность его показаний: «Вы можете назвать человека, который может подтвердить Ваши показания?», а также касающиеся характеристик личности потерпевшей Г.Т.А.: «Вы являетесь знакомым этой любвеобильной женщины?».

При допросе свидетеля П.С.А. адвокат спросила, рассказывала ли ему потерпевшая Г.Т.А. о своих любовных похождениях.

А.Д.А. в своих показаниях сообщил, что он был избит после своего задержания сотрудниками полиции, т.е. фактически заявил о якобы допущенных нарушениях закона органами предварительного расследования.

В последнем слове подсудимый утверждал, что стороне защиты не дали пригласить всех свидетелей, допрошенных в ходе предварительного следствия, формируя тем самым у присяжных мнение о неполноте судебного следствия.

По уголовному делу в отношении Х.В.А.[3] судебная коллегия по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции указала на систематическое доведение стороной защиты до коллегии присяжных информации, не подлежащей исследованию в их присутствии.

В частности, защитник Л.Г.Б. при допросе свидетеля под псевдонимом К.А.Р. в условиях, исключающих его визуальное наблюдение, сделала замечание, что «он читает» свои показания.

В ходе допроса свидетелей под псевдонимами В.А.Д. и Г.П.Г. стороной защиты в присутствии коллегии присяжных заседателей неоднократно задавались вопросы, направленные на дискредитацию свидетелей, ставились вопросы, призванные породить у присяжных заседателей сомнения в обоснованности засекречивания личности свидетелей и тем самым вызвать недоверие к их показаниям в связи с обстоятельствами процессуального характера, в связи с применением органом расследования мер безопасности в отношении свидетелей. Сторона защиты пыталась выяснить подлинные данные о личности свидетелей, просила сообщить В.А.Д.: находился ли он в период с 2017 года по июнь 2020 года в местах лишения свободы, когда и при каких обстоятельствах Х.В.А. назначал «смотрящих» в отрядах, присутствовали ли он при этом, в какой период он был «смотрящим» в ФКУ ИК-6 УФСИН России по Республике Марий Эл и какие вопросы, конфликты лично разрешал, на какие банковские карты им, как «смотрящим», отправлялись деньги на «общак», при этом защитник Л.Г.Б., после того как свидетель отказался отвечать на эти вопросы, опасаясь за свою жизнь и здоровье, заявила, что он не ответил ни на один вопрос. Также сторона защиты просила свидетеля Г.П.Г. сообщить при каких обстоятельствах он видел как Х.В.А. применял меры в отношении нарушителей порядка в колонии, каким образом заполнял «тачковку», распределял денежные средства.

Кроме того, как видно из протокола судебного заседания, находясь около стола председательствующего при разрешении вопроса об оценке допустимости доказательств, в нарушение положений ч. 6 ст. 335 УПК РФ, защитник А.А.В. поставил под сомнение доказательство со стороны обвинения, заявив о недопустимости показаний свидетеля Н.С.О., который не мог быть, по его мнению, «смотрящим», так как освобождался условно-досрочно, при этом указанная информация была слышна присяжным заседателям, о чем заявил их старшина.

В нарушение требований ч. 3 ст. 336 УПК РФ Х.В.А. довел до сведения присяжных заседателей, что С.Я. и Н.С. не могли быть «смотрящими», поскольку первый принимал активное участие в жизни колонии, работал сварщиком и имел поощрения, а второй был «барыгой», то есть отбывал наказание за распространение наркотиков, что не относилось к предъявленному обвинению и поставило под сомнение достоверность показаний указанных лиц.

Адвокат А.А.В., выступая в прениях сторон, затронул процессуальные аспекты уголовного дела, обратив внимание коллегии присяжных заседателей на отказ государственного обвинителя от обвинения в части того, что Х.В.А. занимался разрешением споров и конфликтов среди осужденных, от поддержания которого государственный обвинитель не отказывался.

Также адвокат А.А.В. в ходе судебных прений в присутствии присяжных заседателей ставил под сомнение допустимость показаний свидетеля под псевдонимом Д.А.В., утверждая, что это иллюстрация и не конкретные показания, в то время как недопустимым доказательством эти показания не признавались.

В нарушение положений п. 2 ч. 3 ст. 340 УПК РФ, согласно которой изложение содержания уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершение деяния, в котором обвиняется подсудимый, относится к исключительной прерогативе председательствующего, адвокат А.А.В. в ходе судебных прений разъяснял присяжным заседателям о том, что уголовная ответственность за преступление, в котором обвиняется его подзащитный, наступает за сам факт занятия высшего положения в преступной иерархии, при этом высшее - это превосходная степень высокого, то есть контроль действий преступной иерархии в последней инстанции.

Защитник А.А.В. перед коллегией присяжных заседателей заявлял и об ограничении его права на защиту, в категоричной форме сообщая о том, что он уже боится говорить и быть прерванным, однако председательствующий не сделал надлежащих разъяснений присяжным заседателям по незаконным действиям адвоката.

По уголовному делу в отношении Х.С.А.[4], оправданного приговором Саратовского областного суда на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, при допросе потерпевших С. и Д. защитник и подсудимый задавали им вопросы, не только не относящиеся к делу, но и направленные на формирование у коллегии присяжных негативного отношения к личности потерпевших и недоверия к их показаниям.

Например, защитник Г. выясняла у С., был ли у нее конфликт с мужем 10-11 ноября 2022 года, употребляли ли они алкоголь, избивал ли ее муж, унижал ли, звала ли она на помощь в связи с этим; приобретала ли она в магазине в ночь с 10 на 11 ноября 2022 года спиртные напитки и сигареты; является ли благополучным район, в котором живет семья С., участвуют ли она и ее дочь Д. в качестве потерпевших или свидетелей по другим уголовным делам.

Когда С., излагая обстоятельства дела, пояснила в судебном заседании, что Х. на улице достал нож и угрожал ей убийством, адвокат Г. задала С. вопрос: «Почему не убил?», что следует расценивать как очевидную насмешку над потерпевшей и негативную оценку ее личности.

Также подсудимый и защитник Г. неоднократно задавали С. недопустимые вопросы об обстоятельствах проведения следственных и процессуальных действий, в частности о том, когда и как потерпевшая оказалась в полиции после совершения преступления; почему она не писала заявление об угрозе убийством и незаконном проникновении в жилище; когда и при каких обстоятельствах С. общалась с сотрудниками полиции при осуществлении ими оперативно-розыскных мероприятий по установлению лица, совершившего убийство Б..

В ходе допроса несовершеннолетней потерпевшей Д.Ю.В. защитник Г. выясняла не относящиеся к обвинению обстоятельства проведения очной ставки между Д. и Х. на предварительном следствии, в частности ее продолжительность, а также задавала вопросы о том, распивали ли спиртные напитки ее родители и был ли между ними конфликт 10-11 ноября 2022 года.

При выяснении у С. известных ей обстоятельств дела, связанных с убийством Б., защитник Г. задавала потерпевшей вопросы в явно некорректной, уничижительной форме, что оказывало негативное воздействие на восприятие присяжными показаний потерпевшей.

Например, после слов С., что после ухода подсудимого и Б. она легла спать и больше их не видела, защитник в присутствии присяжных задавала ей следующие вопросы: «Вы видели, как кто-то зарезал Алексея?», «Откуда Вы знаете, что в тот момент, когда зарезали Алексея, Вы спали дома?», «То есть Вы знаете, в какой момент зарезали Алексея?», «Откуда Вы знаете, что Вы спали в тот момент, когда зарезали Алексея?», «То есть вы знаете, когда Алексея зарезали?» и т.п.

Несмотря на заявленное государственным обвинителем возражение против постановки таких вопросов в связи с их издевательским характером, председательствующий не остановил защитника Г. и позволил ей вести допрос потерпевшей в той же манере.

В присутствии присяжных заседателей сторона защиты неоднократно подвергала сомнению допустимость представленных стороной обвинения доказательств.

Так, после исследования в присутствии коллегии присяжных протокола опознания Х. потерпевшей С. адвокат Г. и подсудимый утверждали, что процедура опознания не соответствовала требованиям УПК РФ, так как Х. якобы находился в наручниках в окружении оперуполномоченных, а остальные участники следственного действия сидели в коридоре; заявляли, что сотрудники полиции указали С. на подсудимого как на опознаваемое лицо.

Более того, выступая в прениях, защитник Г. вновь заявила, что при опознании С. Х. находился в наручниках.

При допросе в судебном заседании потерпевшей Б.Т.С. та последовательно утверждала, что на просмотренной видеозаписи она опознала именно Х. как человека, убившего ее сына. Однако защитник Г. в присутствии присяжных пыталась исказить указанные показания потерпевшей и вызвать их неверное восприятие присяжными, неоднократно заявляя, что личность убийцы Б. узнала лишь со слов сотрудников правоохранительных органов, что не соответствует действительности.

Свидетель Х.Л.А. (жена подсудимого) в судебном заседании в присутствии коллегии присяжных заявила, что в ходе предварительного следствия ей фактически не предъявлялся шарф, который был изъят при осмотре места происшествия и который она опознала при допросе у следователя как тот шарф, в котором подсудимый ушел из дома в день совершения преступления.

Также Х.Л.А. заявила, что не подтверждает свои показания на предварительном следствии, а после оглашения этих показаний в при-

сутствии присяжных пояснила, что самостоятельно давала только половину показаний, а другую половину просто подписала, так как при допросе на нее «нагнал страху» следователь.

Свидетель Л.О.Ю. в ходе допроса в присутствии коллегии присяжных заявил, что его показания на предварительном следствии, подтверждающие виновность Х., даны под воздействием оперативников и следователя, чем также фактически заявил об их недопустимости как полученных с нарушением закона.

Подсудимый Х. в присутствии присяжных заседателей неоднократно делал заявления, направленные на формирование у них мнения о незаконности действий правоохранительных органов в период предварительного расследования.

В частности, отрицая принадлежность ему шарфа, который был признан вещественным доказательством и осмотрен в судебном заседании, Х. заявил: «Сами знаете ход следствия, конечно, многие моменты здесь нельзя озвучивать, сами все прекрасно знаете, как все происходило», «Он (прокурор) прекрасно знает, какая методика работы со мной проводилась».

Осужденным была поставлена под сомнение допустимость заключения судебно-медицинской экспертизы № 1442 от 11 декабря 2022 года, согласно которой при освидетельствовании 11 ноября 2022 года у него никаких телесных повреждений не выявлено.

Отвечая на вопросы прокурора относительно противоречий между его показаниями, согласно которым Б. в драке причинил ему (Х.) телесные повреждения, и данным заключением эксперта, Х. в присутствии присяжных заявил, что он не может обманывать, и «правду не имеет права сказать… Какое может (быть) освидетельствование в криминальном отделе», «Присяжные выйдут. Вы знаете ответ на этот вопрос…».

В нарушение приведенных выше требований статьи 335 УПК РФ в судебном заседании при допросе в присутствии присяжных в качестве свидетеля нарколога К.Я.Н., проводившего 11 ноября 2022 года медицинское освидетельствование Х. на состояние опьянения, стороной защиты выяснялась процедура освидетельствования, при этом ставился под сомнение сам факт его прохождения подсудимым, тем самым оспаривалась допустимость акта медицинского освидетельствования как доказательства состояния наркотического опьянения Х. в день совершения преступления.

Подводя итог проведенному анализу, следует констатировать, что практика отмены оправдательных приговоров с участием присяжных заседателей свидетельствует о системных дефектах в соблюдении норм раздела XII УПК РФ, в частности ст.ст. 271, 335, 336, 340, усугубляемых нарушениями Федерального закона № 113-ФЗ и разъяснений Пленума ВС РФ № 23, № 5. Выявленные нарушения — некорректные вопросы защиты, подтасовка недопустимой информации и жалобы на отказы в ходатайствах — напрямую искажают содержание вердикта, формируя предвзятость коллегии и подрывая презумпцию невиновности (ст. 21 УПК РФ). В связи с этим предлагается усилить контроль председательствующего за дебатами, ввести обязательную фильтрацию вопросов и апробировать цифровой протокол совещания для апелляционных инстанций (ст. 389.3 УПК РФ). Такой подход, несомненно, стабилизирует институт присяжных, гармонизируя его с задачами справедливого судопроизводства.

Список литературы:

1. Власова С.В., Лубин С.А. К вопросу о том, что может вызывать предубеждение присяжных в отношении подсудимого // Право и государство: теория и практика. 2025. №1. С.499-502.
2. Материалы уголовного дела № 2-29/2022, архив Оренбургского областного суда, 2022 г.
3. Материалы уголовного дела № 55-487/2023, архив Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции, 2023 г.
4. Материалы уголовного дела № 2-16/2023, Архив Саратовского областного суда, 2023 г.

References:

1. Vlasova S.V., Lubin S.A. On the question of what can cause prejudice of the jury against the defendant // Law and the state: theory and practice. 2025. No. 1. pp.499-502.
2. Materials of the criminal case No. 2-29/2022, archive of the Orenburg Regional Court, 2022
3. Materials of the criminal case No. 55-487/2023, archive of the Fourth Court of Appeal of General Jurisdiction, 2023
4. Materials of the criminal case No. 2-16/2023, Archive of the Saratov Regional Court, 2023

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_407

УДК 343.2

АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LEGAL ASPECTS OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PREDICTING CONVICT BEHAVIOR IN THE INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN PENAL SYSTEM

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник отдела исследования проблем социологического обеспечения и прогнозирования деятельности уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России,
125130, Россия, г. Москва ул. Нарвская д.15а стр.1.
E-mail: university69@mail.ru.

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Leading Research Fellow, Department for the Study of Problems of Sociological Support and Forecasting of the Activities of the Penal Enforcement System, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN of Russia),
125130, Moscow, Narvskaya St., 15A, bld. 1.
E-mail: university69@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье актуализируется проблема правового регулирования внедрения инструментов искусственного интеллекта (ИИ) в деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, в том числе, в процессы прогнозирования поведения осужденных. Исследование направлено на анализ перспектив использования алгоритмов предиктивной аналитики для обеспечения безопасности учреждений ФСИН России в качестве инструмента повышения уровня пенитенциарной безопасности, средства мониторинга при взаимодействии с осужденными, способа создания интегрированных систем охраны и надзора. Автором предложена функциональная классификация правовых механизмов регулирования ИИ для учреждений УИС, включая создание ведомственного реестра алгоритмов оценки риска рецидива. Подчеркиваются противоречия между возможностями информационных технологий и требованиями законодательства в области обработки персональных данных. Отмечается целесообразность выработки мер по обеспечению правовых гарантий ответственности за решения, принятые на основе рекомендаций ИИ, а также этичному использованию искусственного интеллекта в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.*

Abstract: *the article addresses the issue of legal regulation surrounding the implementation of artificial intelligence (AI) tools in the operations of institutions within the Penal System of the Russian Federation, including their use in predicting convict behavior. The research aims to analyze the prospects of employing predictive analytics algorithms to enhance the security of Federal Penitentiary Service institutions as a tool for improving penitentiary safety, a means of monitoring interactions with convicts, and a method for creating integrated security and supervision systems. The author proposes a functional classification of legal mechanisms for regulating AI within penal system institutions, including the establishment of a departmental register of recidivism risk assessment algorithms. The contradictions between the capabilities of information technologies and the requirements of legislation in the field of personal data processing are highlighted. The expediency of developing measures to ensure legal safeguards of responsibility for decisions made based on AI recommendations, as well as for the ethical use of artificial intelligence in the operations of institutions of the Penal System of the Russian Federation, is noted.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, уголовно-исполнительная система Российской Федерации, правовое регулирование, биометрическая идентификация, персональные данные, прогноз поведения, безопасность, технические средства охраны и надзора, предиктивная аналитика, цифровая трансформация.*

Keywords: *artificial intelligence, Penal System of the Russian Federation, legal regulation, biometric identification, personal data, behavior prediction, security, technical means of security and supervision, predictive analytics, digital transformation.*

Для цитирования: *Царькова Е.Г. Аспекты правового регулирования применения искусственного интеллекта для прогнозирования поведения осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 407-410. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_407.*

For citation: *Tsarkova E.G. Aspects of the legal regulation of the use of artificial intelligence to predict the behavior of convicts in institutions of the penal system of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 407-410. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_407.*

Статья поступила в редакцию: 04.03.2026

Реализация Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года актуализирует задачу создания системы противодействия преступным проявлениям осужденных путем применения современных инженерно-технических средств охраны и надзора. Документ ориентирует ведомство на формирование единой технической политики в области оснащения комплексами информационно-технических средств обеспечения надзора.

Вместе с тем, поставленные задачи требуют глубокой проработки ряда правовых, организационных и технических аспектов [1, С. 524]. Авторами Денисенко О.И., Жаровым И.С. и Кадралеевой Ж.А. подчеркивается на примере комплекса «Синергет СКДЛ» высокая эффективность применения в учреждениях УИС биометрических технологий для идентификации сотрудников, осужденных и посетителей при проходе через контрольно-пропускные пункты, а также при нахождении осужденных в сборных отделениях[2]. В данном аспекте технология искусственного интеллекта используется в качестве инструмента входного контроля и подтверждения личности, а не как средство прогнозирования поведения. В указанном исследовании фиксируется ряд проблемных вопросов, связанных с эксплуатацией таких систем, включая отсутствие единой базы данных осужденных с информационным обменом между учреждениями, длительность регистрации биометрических параметров, высокую стои-

мость оборудования, случаи ложной идентификации при скоплении людей и неспособность системы распознавать лицо при небольших изменениях геометрии (шрамы, опухоли, порезы). Перечисленные факторы демонстрируют, что даже относительно зрелые биометрические решения в УИС функционируют в парадигме реактивного контроля, ориентированы на фиксацию уже совершенных действий по доступу, не затрагивают сферу оценки будущих рисков и подвержены ложным срабатываниям.

В работе [3, С. 281] авторы изучают аспекты внедрения системы BioSmart в охранную деятельность учреждений УИС в качестве части единой телекоммуникационной инфраструктуры, обеспечивающей контроль перемещения осужденных и персонала по режимным зонам, при этом ключевой акцент делается на точности идентификации, интеграции с локальными сетями и возможности дистанционного мониторинга. В той же работе указывается на развитие цифровых сервисов, связанных с «социальными лифтами» осужденных, включая перевод между видами условий отбывания наказания, доступ к образованию и труду, при этом отмечается, что подобные решения принимаются комиссионно на основе совокупности характеристик осужденного, но без использования формализованных риск-моделей или алгоритмов машинного обучения. Такой уровень цифровизации характеризуется чертами стадии статичной фиксации и учета, где цифровые системы обслуживают уже сложившиеся управленческие практики, не перестраивая их под логики прогнозной аналитики.

Действующие нормы УИК РФ и ведомственные приказы моделируют технические системы как вспомогательные инструменты персонала, не обладающие самостоятельной регулятивной значимостью при решении вопросов, влияющих на правовой статус осужденного, включая перевод на облегченные или более строгие условия отбывания наказания, применение мер поощрения и взыскания, изменение режима охраны и не предусматривают использования прогнозных моделей риска рецидива или деструктивного поведения. В результате создается институциональная ситуация, при которой технологические предпосылки для внедрения систем прогнозной видеоаналитики, включающих разветвленные сети видеонаблюдения, цифровые биометрические комплексы, фрагментарные базы данных, уже сформированы, но нормативные конструкции остаются привязанными к логике фиксации фактов прошлого, а не оценки вероятности будущих событий.

При переходе от статичных биометрических систем к системам прогнозной видеоаналитики на основе искусственного интеллекта изменяется сам объект правового регулирования. Здесь речь идет не только о конфиденциальных данных и изображениях осужденного, но и о его цифровой модели поведения, построенной по результатам анализа больших массивов видеозаписей, событий журналов доступа, дисциплинарных взысканий и иных маркеров. Российская модель регулирования ИИ, сформированная через Национальную стратегию развития искусственного интеллекта, Концепцию регулирования ИИ и робототехники до 2024 г. и последующие обновленные документы, строится на отраслевом подходе и сочетании правовых, этических и технических регуляторов, однако специализированные нормы для УИС и прогностической видеоаналитики в открытых источниках не представлены. Анализ доступных текстов показывает, что в российских актах об экспериментальных правовых режимах ИИ (например, Федеральный закон от 24.04.2020 №123-ФЗ, регулирующий разработку и внедрения технологий ИИ в г. Москва) фокус делается на системах распознавания лиц в городской среде, а вопросы прогнозирования поведения осужденных в местах лишения свободы прямо не затрагиваются.

В российском уголовно-исполнительном праве отсутствует закрепление определения «прогностической аналитики», что затрудняет разграничение между традиционными аналитическими функциями персонала и использованием технологий ИИ. В данном исследовании прогностическая аналитика в учреждениях УИС рассматривается как автоматизированная обработка больших массивов данных о поведении осужденных, инфраструктуре учреждения и внешних факторах с применением методов машинного обучения и статистического моделирования с целью оценки вероятности наступления негативных событий (конфликты, побеги, суицидальные акты, рецидив после освобождения) и формирования рекомендаций для административных решений. Искусственный интеллект в таком контексте требуется квалифицировать не как абстрактную технологию, а как совокупность алгоритмов и моделей, которые интегрированы в информационные системы УИС и участвуют в процессе выработки решений, влияющих на правовой статус, личную безопасность и условия отбывания наказания осужденного [4, С. 423].

Понятие «алгоритмическая прозрачность» в рассматриваемом контексте предполагает юридическую обязанность администрации учреждения обеспечить документированное описание используемой модели, перечня входных параметров, источников данных и процедур валидации, достаточное для последующей проверки обоснованности прогноза в дисциплинарных, прокурорских и судебных процедурах. В зарубежной литературе по регулированию предиктивной юстиции отмечается, что недостаток прозрачности в алгоритмах оценки риска рецидива и опасности лица приводит к воспроизводству скрытых дискриминационных практик и подрывает доверие к судебным и пенитенциарным решениям [5, С. 110]. С внедрением в деятельность УИС технологий по работе с «цифровым профилем осужденного», представляющего собой совокупность данных и прогнозов, используемых при оценке степени исправления, выборе мер безопасности и построении индивидуальной программы ресоциализации, актуализируются вопросы выделения особого правового режима такого профиля, где последний рассматриваться как объект повышенной правовой защиты наравне с медицинской и иной чувствительной информацией.

Переход от простого мониторинга к прогнозированию поведения осужденных в учреждениях УИС изменяет структуру правоотношений, при этом объектом воздействия становится не только физическое лицо, но и его цифровая репрезентация, с которой работают алгоритмы и должностные лица. В ситуации, когда система прогнозной видеоаналитики генерирует оценку высокого риска деструктивного поведения, администрация может принять решение о переводе осужденного в более строгие условия либо о применении дополнительных ограничительных мер, при этом фактические данные о нарушениях могут отсутствовать, а основанием становится модельный прогноз. Данный фактор фактически создает новые обязанности администрации, связанные с корректной интерпретацией и проверкой алгоритмических рекомендаций, а также новые права осужденного, включая право на ознакомление с ключевыми основаниями прогноза и право на оспаривание использования модели в

конкретном решении.

Анализ работ [2-5], а также исследование нормативной базы показывает, что в настоящее время отсутствует разработанный понятийный аппарат для описания прогнозных алгоритмов и их места в деятельности УИС. В предлагаемых в [2, С. 114] изменениях в ст. 83 УИК РФ авторы ограничиваются указанием на «биометрические системы идентификации личности» как разновидность технических средств надзора и контроля, не выделяя системы, которые не только фиксируют, но и оценивают поведение с точки зрения риска будущих нарушений.

В зарубежной литературе по предиктивной юстиции за последние пять лет активно обсуждается проблема использования алгоритмов для оценки риска пенитенциарного рецидива, определения условий содержания и назначения мер надзора, при этом отмечаются как потенциальные преимущества, так и риски дискриминации и непрозрачности. В сравнительном исследовании по применению ИИ в уголовном судопроизводстве указывается, что законодательные решения, принятые в ЕС, США и ряде других стран, включают в себя обязательства по проведению независимой оценки алгоритмов, запрет на использование определенных категорий данных (например, расы, этнического происхождения) и закрепление права лиц на объяснение автоматизированных решений [6]. В российской доктрине административного и информационного права анализируются общие модели регулирования ИИ, включая концепцию гибридного регулирования, но сохраняется пробел между общими стратегиями цифровизации публичного управления и специфическими задачами российской пенитенциарной системы [7].

С учетом выявленных пробелов целесообразно внесение в ст. 83 УИК РФ специального определения «системы прогностической аналитики поведения осужденного» как информационной системы, реализующей с применением технологий искусственного интеллекта автоматизированный анализ аудиовизуальной, биометрической и иной информации о поведении осужденного, условиях его содержания и окружении для расчета вероятности совершения им побега, насильственных действий, иных правонарушений или рецидива, а также для формирования рекомендаций по индивидуализации исполнения наказания. Такое определение в тексте статьи целесообразно отделить от «технических средств надзора и контроля», сохранив за последними назначение по фиксации фактов нарушения режима, а за системами прогностической аналитики функцию информационной поддержки решений комиссии по переводу, комиссии по условно-досрочному освобождению, органов надзора за условно освобожденными.

В предлагаемой редакции ст. 83 УИК РФ целесообразно закрепить, что системы прогностической аналитики поведения осужденных используются исключительно в определенных целях: оценка индивидуального риска совершения осужденным побега, насильственных действий, суицидальных попыток на территории учреждения; информационная поддержка принятия решений о применении мер безопасности и индивидуальных программ ресоциализации; подготовка рекомендаций для органов, решающих вопросы условно-досрочного освобождения, изменения вида исправительного учреждения или условий отбывания наказания. При этом важно прямо указать, что такие системы не могут подменять собой решение компетентного должностного лица или комиссии, а автоматические прогнозы имеют рекомендательный характер и подлежат обязательной проверке на основе материалов личного дела и иных источников.

Для снижения рисков дискриминации и «цифрового ярлыка» целесообразно сформулировать в УИК РФ и ведомственных актах принципы алгоритмической справедливости, применимые к системам прогнозной видеоаналитики в деятельности УИС. К ним относятся принцип прозрачности, принцип недискриминации, принцип управленческого контроля и ответственности, принцип аудируемости. Принцип прозрачности выражается в закреплении права осужденного на получение в доступной форме информации о том, что в отношении него используется система прогностической аналитики, какие категории данных подлежат обработке и какова общая логика работы модели (без раскрытия охраняемой коммерческой тайны и деталей, способных создать угрозу безопасности). Принцип недискриминации предполагает прямой запрет на включение в набор признаков, используемых моделью, данных о национальности, расовой принадлежности, вероисповедании, политических убеждениях, социальном происхождении и иных характеристик, не связанных напрямую с риском противоправного поведения и защищенных законодательством о персональных данных и недопустимости дискриминации. Принцип управленческого контроля и ответственности закрепляет обязанность конкретного должностного лица (например, начальника отдела безопасности или председателя комиссии по условно-досрочному освобождению) проверять и утверждать решения, подготовленные с использованием системы прогностической аналитики, а также фиксировать в документах степень учета алгоритмических рекомендаций и мотивы возможного отступления от них. Аналогичные конструкции присутствуют в зарубежных актах, где подчеркивается, что высокорисковые системы ИИ в сфере правосудия могут использоваться только при условии сохранения «человека в контуре» и наличия надлежащей документации для последующей проверки. Принцип аудируемости определяет, что провайдеры и пользователи систем прогностической видеоаналитики в УИС подлежат регулярным независимым проверкам, включая экспертизу моделей на предмет систематической ошибки и смещения, с участием представителей прокуратуры и уполномоченных по правам человека.

Кроме того, Приказ Минюста России от 30.11.2023 №359 требует дополнения требованиями по хранению, защите и уничтожению цифровых профилей осужденных: данные, использованные для построения прогнозных моделей, подлежат деперсонализации для исследовательских целей и уничтожению или обезличиванию по истечении определенного срока после освобождения лица, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом для целей статистики и научных исследований с соблюдением гарантий. Учитывая указанные в работе [2] проблемы отсутствия единой технической политики и нестыковки между учреждениями, новый раздел приказа способен закрепить единые требования к интерфейсам, форматам данных и процедурам обмена информацией для того, чтобы избежать ситуаций, когда разные учреждения используют несовместимые модели и формируют несопоставимые цифровые профили осужденных.

В ст. 17 УИК РФ, регулирующей порядок подачи предложений, заявлений и жалоб, целесообразно прямо указать, что осужденный вправе обжаловать использование результатов прогностической аналитики в конкретном решении администрации, в том числе ссылаться на

некорректность данных, возможную дискриминацию и несоответствие процедур установленным принципам. При рассмотрении таких жалоб прокурор и суд должны иметь доступ к документации по модели, журналам ее обновлений и результатам независимых аудитов, что может быть обеспечено посредством прямой отсылочной нормы к ведомственным актам, регламентирующим эксплуатацию ИИ систем в УИС.

Отдельной проблемой является юридическая ответственность за потенциальные ошибки прогноза, приводящие к причинению вреда осужденному или третьим лицам. В доступных источниках в настоящее время отсутствуют специальные нормы российского законодательства, прямо распределяющие ответственность между разработчиком, поставщиком и эксплуатантом ИИ системы в контексте пенитенциарной деятельности; соответствующие вопросы рассматриваются в общем виде в концептуальных документах по регулированию ИИ и в работах по гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный ИИ. В условиях УИС логичным представляется смешанный подход, при котором разработчик системы несет ответственность за дефекты программного обеспечения и некорректные модели, эксплуатант – за нарушение регламентов использования и несанкционированный доступ к данным, а конкретные должностные лица – за принятие решений, явно противоречащих совокупности доказательств или основанных исключительно на алгоритмическом прогнозе без должной проверки.

Предложенная концепция правового регулирования систем прогнозной видеоаналитики в УИС опирается на три ключевых исходных положения. Первое состоит в признании качественного отличия таких систем от традиционных технических средств надзора и контроля, что требует самостоятельного нормативного определения и режима. Второе – в интеграции принципов алгоритмической справедливости и прав осужденных на объяснение и оспаривание решений в структуру УИК РФ и ведомственных актов, по аналогии с подходами, развиваемыми в AI Act ЕС и российской концепции регулирования ИИ [6]. Третье положение включает формирование специального режима ответственности и аудита, который учитывает высокую степень ограничения прав и свобод осужденных и повышенные требования к любой технологии, способной повлиять на их судьбу. Формирование правовых рамок, способных задать пределы и условия допустимого использования ИИ в деятельности российской пенитенциарной системе на этапе, предшествующему массовому внедрению предиктивных технологий, служит ключевым фактором, обеспечивающим баланс между эффективностью прогностической аналитики и сохранением правового статуса осужденного.

Список литературы:

1. Алиев Э. Н. Организационно-правовые основы взаимодействия судов и специализированных государственных органов в сфере исполнения наказания в виде обязательных работ // Аграрное и земельное право. 2025. № 10. С. 523-525.
2. Денисенко О. И., Жаров И. С., Кадралеева Ж. А. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасности на режимных объектах уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2024. № 4. С. 113–119.
3. Французова-Низамеева З.К., Владимиров С.В. Использование биометрической идентификации личности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: Материалы Всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов с международным участием: в 3 ч., Самара, 23 апреля 2021 года. Том Ч. 3. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2021. С. 279-283.
4. Царькова Е.Г., Краева Н.В. Аспекты применения технологий искусственного интеллекта в деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2024, № 12(199). С. 422-424.
5. Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022, № 11 (99). С. 108-116.
6. Баранов М. Н., Жумжаева А. Е. Зарубежный опыт применения электронных средств слежения в деятельности службы пробации // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2013. № 1–2 (29). С. 81-87.
7. Ковалев О.Г. Вопросы правового регулирования применения технических средств надзора и безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Образование и право. 2024. №6. С. 412-417.

References:

1. Aliev E.N. Organizacionno-pravovye osnovy vzaimodejstviya sudov i specializirovannyh gosudarstvennyh organov v sfere ispolneniya nakazaniya v vide obyazatel'nyh rabot // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2025. № 10. Pp. 523-525.
2. Denisenko O. I., ZHarov I. S., Kadraleeva ZH. A. Ispol'zovanie sistem identifikacii lichnosti dlya obespecheniya bezopasnosti na rezhimnyh ob"ektah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii. 2024. № 4. Pp. 113–119.
3. Francuzova-Nizameeva Z.K., Vladimirov S.V. Ispol'zovanie biometricheskoj identifikacii lichnosti v uchrezhdeniyah i organah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Problemy i perspektivy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii na sovremennom etape: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii adyunktov, aspirantov, kursantov i studentov s mezhdunarodnym uchastiem: v 3 ch., Samara, 23 aprelya 2021 goda. Tom CH. 3. – Samara: Samarskij yuridicheskij institut FSIN Rossii, 2021. Pp. 279-283.
4. Car'kova E.G., Kraeva N.V. Aspekty primeneniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta v deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2024, № 12(199). Pp. 422-424.
5. Ponkin I.V. Gosudarstvennoe upravlenie i regulyatornoe prostranstvo v sfere iskusstvennogo intellekta // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). 2022, № 11 (99). Pp. 108-116.
6. Baranov M. N., ZHumzhaeva A. E. Zarubezhnyj opyt primeneniya elektronnyh sredstv slezheniya v deyatel'nosti sluzhby probacii // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. 2013. № 1–2 (29). Pp. 81-87.
7. Kovalev O.G. Voprosy pravovogo regulirovaniya primeneniya tekhnicheskih sredstv nadzora i bezopasnosti v uchrezhdeniyah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Obrazovanie i pravo. 2024. №6. S. 412-417.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_411

УДК 343.98

ЛОЖНЫЕ ИДЕАЛЬНЫЕ СЛЕДЫ В КРИМИНАЛИСТИКЕ: ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
FALSE IDEAL TRACES IN CRIMINALISTICS: CONCEPT, CLASSIFICATION, AND SIGNIFICANCE FOR CRIME INVESTIGATION

ЕВСТРАТОВА Юлиана Айратовна,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой юриспруденции
Санкт-петербургского института экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.
E-mail: vitya-shen@mail.ru

ПЕТРОВ Вадим Вадимович
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат медицинских наук.
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.
E-mail: vitya-shen@mail.ru

EVSTRATOVA Yuliana A.
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics at St. Petersburg State University,
Head of the Department of Jurisprudence at St. Petersburg Institute of Economics and Management,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
7-9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia.
E-mail: vitya-shen@mail.ru

PETROV Vadim V.
Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
at St. Petersburg State University, Candidate of Medical Sciences.
7-9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia.
E-mail: vitya-shen@mail.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена исследованию почти не разработанной в криминалистической науке проблемы ложных идеальных следов. Обосновывается необходимость выделения категории ложных идеальных следов в самостоятельный объект криминалистического изучения. Анализируется факторы, приводящие к искажению идеальных следов как мысленных образов, запечатленных в памяти человека. Рассматриваются две основные разновидности ложных идеальных следов: у добросовестно заблуждающегося человека (в результате ошибок восприятия, запоминания и воспроизведения) и заведомо для человека ложные (в результате сознательного искажения им сообщаемой вовне информации). Раскрывается механизм образования ложных идеальных следов, их классификация, а также значение для практики расследования преступлений. Особое внимание уделяется тактическим и технологическим аспектам выявления и преодоления ложных идеальных следов в процессе доказывания. Формулируются предложения по совершенствованию теоретических положений криминалистики и практических рекомендаций для сотрудников правоохранительных органов.*

Abstract. *The article is devoted to the study of the problem of false ideal traces, which has been scarcely explored in criminalistics science. The necessity of distinguishing the category of false ideal traces as an independent object of criminalistic study is substantiated. The factors leading to the distortion of ideal traces as mental images imprinted in human memory are analyzed. Two main types of false ideal traces are examined: those occurring in a person who is in good faith mistaken (as a result of errors in perception, memorization, and reproduction) and those that are deliberately false for the person (as a result of conscious distortion of information communicated to others). The mechanism of formation of false ideal traces, their classification, as well as their significance for the practice of crime investigation are revealed. Special attention is paid to the tactical and technological aspects of identifying and overcoming false ideal traces in the process of proof. Proposals are formulated for improving the theoretical foundations of criminalistics and practical recommendations for law enforcement officers.*

Ключевые слова: *следы в криминалистике, идеальные следы, ложные идеальные следы, мысленный образ, искажение информации, ложь, добросовестное заблуждение, допрос, тактика следственных действий.*

Keywords*: traces in criminalistics, ideal traces, false ideal traces, mental image, information distortion, lie, good faith mistake, interrogation, tactics of investigative actions.*

Для цитирования: *Евстратова Ю.А., Петров В.В. Ложные идеальные следы в криминалистике: понятие, классификация и значение для расследования преступлений // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 411-414. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_411.*

For citation: *Evstratova Yu.A., Petrov V.V. False ideal traces in criminology: the concept, classification and significance for the investigation of crimes // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 411-414. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_411.*

Статья поступила в редакцию: 01.04.2026

Актуальность исследования проблемы ложных идеальных следов в криминалистике обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в структуре доказывания по уголовным делам показания участников процесса (свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых) традиционно занимают центральное место, выступая важнейшим источником доказательственной информации. Иногда в эту структуру также входят показания экспертов и специалистов. Во-вторых, психологическая природа человеческой памяти такова, что процессы восприятия, запоминания и воспроизведения информации неизбежно сопровождаются теми или иными искажениями, что ставит перед следствием задачу критической оценки получаемых сведений. В-третьих, сознательное искажение информации участниками процесса в виде дачи заведомо ложных показаний представляет собой распространенное явление, существенно осложняющее расследование и требующее специальных тактических и технологических средств противодействия.

Несмотря на очевидную значимость данной проблематики, в криминалистической науке до настоящего времени отсутствует единое

понимание ложных идеальных следов, не разработана их развернутая классификация, не определено место в системе криминалистического учения о следах. Исследования ограничиваются относительно небольшим количеством работ по изучению только идеальных следов. Либо же в работах анализируется феномен ложных показаний в рамках криминалистической тактики получения показаний при допросах и очных ставках, а также в работах по криминалистической полиграфологии. Изучение же теоретических проблем ложных идеальных следов в криминалистических работах практически отсутствует. Лишь в отдельных работах можно найти ссылки на ложную информацию в идеальных следах [1. с. 37].

Криминалистическая наука под идеальными следами понимает отображение события, объекта, явления в целом или отдельных их элементов в сознании человека, то есть мысленный образ в памяти. В отличие от материальных следов, представляющих собой изменения исключительно материальных объектов, идеальные следы имеют психофизиологическую природу, являясь результатом сложных процессов, протекающих в головном мозге человека.

Характер идеальных следов и их сохранность зависят прежде всего от организма человека: состояния органов чувств лица, воспринявшего эти следы, его памяти, уровня интеллекта, эмоционального состояния в момент восприятия и других субъективных факторов. Именно поэтому такие следы носят исключительно субъективный характер, что предопределяет принципиальную возможность их искажения самим их носителем.

Представляется необходимым отметить тот факт, что сам термин «идеальные следы» в достаточной мере условен. Ведь идеальные следы по своей физиологической основе материальны, так как представляют собой результат материальных процессов в коре головного мозга человека имеющих характер изменений нейронных связей, электрохимических реакций, особенностей протекания биохимических процессов. Однако идеальный образ как форма существования данных следов позволяет говорить об их принципиальном отличии от материальных следов.

В процессе своего формирования идеальный след проходит несколько стадий, закономерно сменяющих друг друга. Причем на каждой из этих стадий возможны различные виды искажений первоначально существующей информации, отражаемой в сознании человека.

Первое, это восприятие - отражение того события в сознании человека, которое воспринимается его органами чувств. На этой стадии возможны искажения, обусловленные состоянием органов чувств (зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса), условиями восприятия (освещенность, расстояние, продолжительность наблюдения), эмоциональными особенностями, наличием заболеваний, при этом принципиальное значение имеют психические заболевания и расстройства.

Второе, запоминание - закрепление воспринятой информации в памяти. Искажения на этой стадии связаны, в частности, с особенностями течения нейрофизиологических процессов в головном мозге, избирательностью запоминания, воздействием предыдущей и последующей информации.

Третье, сохранение, то есть, удержание информации в памяти. С течением времени эта информация с неизбежностью претерпевает более или менее выраженные изменения под влиянием различных факторов, включая последующий жизненный опыт человека, который, по своей сути, является непрерывным накоплением различных идеальных следов.

Четвертое, воспроизведение – извлечение информации из памяти и ее вербализация в ходе следственных действий. На этой стадии искажения могут быть связаны как с предыдущим забыванием, так и с предыдущим сознательным искажением информации. Но не исключается вариант с сознательным искажением информации именно на стадии воспроизведения.

Таким образом, идеальные следы, исходя из их природы, не являются точной копией первоначально воспринимаемой человеком информации, а представляет собой только ее субъективное нематериальное отражение, которое обязательно несет на себе те или иные индивидуальные особенности психики конкретного человека. Это объективное свойство всего массива идеальных следов как раз и создает предпосылки для выделения той их определенной части, которую можно обозначить как ложные идеальные следы.

Под ложными идеальными следами предлагается понимать запечатленные в памяти человека искаженные мысленные образы события или его элементов, не соответствующие той объективной действительности, которая была воспринята этим человеком. Криминалистическое значение указанных следов заключается в том, что, будучи воспроизведенными их носителем, они способны ввести в заблуждение следователя относительно тех обстоятельств, которые подлежат доказыванию по уголовному делу. Данное положение, разумеется, в полной мере относится и к судебному рассмотрению уголовных дел.

Ложные идеальные следы могут быть классифицированы по различным основаниям. Ранее некоторые аспекты такой классификации уже затрагивались в криминалистической литературе. [2. с. 489].

Одним из наиболее важных для криминалистики оснований классификации следует считать причину их возникновения в связи с волевыми решениями человека. По этому основанию следует выделять две принципиально различные группы: идеальные следы, возникающие при добросовестном заблуждении и заведомо ложные идеальные следы.

Ложные идеальные следы, возникающие при добросовестном заблуждении человека.

Данная разновидность ложных идеальных следов характеризуется тем, что носитель следа (лицо, обладающее информацией) искренне убежден в истинности сообщаемых им сведений, однако эти сведения объективно не соответствуют действительности. Иными словами, субъективная истинность сообщения (убежденность самого носителя в истинности того, что он сообщил) сочетается с объективной полной или частичной неистинностью сообщаемой информации.

В качестве причин возникновения следов такого рода можно указать различные довольно многочисленные причины:

ошибки восприятия, которые чаще всего обусловливаются следующими причинами;

неблагоприятные условия наблюдения в виде, например, плохой освещенности, кратковременностью события, значительным удалением наблюдателя от наблюдаемого события;

физическими недостатками человека, наблюдавшего событие, в виде дефектов зрения или слуха;

эмоциональным состоянием наблюдателя, когда он при восприятии события испытывал страх, аффект или находился в состоянии стресса;

возрастными особенностями человека, например, склонность к фантазированию и впечатлительность детей, либо же возрастными изменениями мыслительной деятельности пожилых лиц.

Ошибки запоминания и сохранения, которые обусловлены естественными процессами забывания, ввиду того, что информация в памяти со временем замещается, искажается, частично или полностью утрачивается. При этом возможны, например, следующие варианты забывания. Ретроактивное торможение, когда последующая информация «стирает» предыдущую либо интерференция, при которой сходная информация из разных источников накладывается одна на другую. Не исключаются и варианты одновременного сочетания ретроактивного торможения с интерференцией.

Ошибки воспроизведения, вызываемые следующими причинами: внушающим воздействием различных, в особенности, значимых для допрашиваемого, вопросов следователя; влиянием посторонней информации, полученной из других источников, как например, сообщения в социальных сетях, различные слухи, личное общение с другими людьми; подсознательным стремлением восполнить пробелы памяти логическими построениями, особенно в целях произвести благоприятное впечатление на допрашивающего.

Вторая разновидность ложных идеальных следов характеризуется тем, что их носитель сознательно и целенаправленно искажает информацию, которую воспроизводит, с целью введения следователя в заблуждение. Подобные случаи можно рассматривать как случаи умышленной, иными словами прямой, лжи.

Прямая ложь как весьма значимый для криминалистики феномен представляет собой двоякое явление. С информационной точки зрения, ложь - это осознанный и не соответствующий действительности продукт вербальной и невербальной деятельности человека, который намеренно вводит следователя в заблуждение. С коммуникативной точки зрения, ложь есть непосредственная сознательная деятельность, направленная на доведение до следователя таких сведений, которые заведомо для допрашиваемого не соответствуют действительности. Такая ложь осуществляется допрашиваемым с прямым умыслом создания у следователя искаженного представления о реальных событиях.

Признаки умышленной лжи как явления включают в себя следующие взаимосвязанные аспекты: несоответствие излагаемых в сообщении сведений действительности; заведомое осознание допрашиваемым указанного выше несоответствия; умышленный характер действий при изложении информации допрашиваемым; наличие у допрашиваемого четкой цели ввести следователя в заблуждение.

Заведомо ложные идеальные следы могут быть классифицированы по ряду оснований. Так, по субъекту происхождения их можно разделить, например, на заведомо ложные идеальные следы в показаниях подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля. В активная зависимости от формы реализации можно выделить такие формы, как ложь в виде прямого сообщения заведомо ложных сведений, либо пассивную ложь в виде четко осознаваемого умолчания об известных. В зависимости от личного отношения допрашиваемого лица, ложные идеальные следы можно разделить на ложное наличие (лицо выдумывает обстоятельства, которых в действительности не было) и на ложное отсутствие (лицо знает обстоятельства, но отрицает свое знание о них).

По источнику ложных идеальных следов их можно подразделить на лично выдуманные самим допрашиваемым и на выдуманные другими лицами, которые и сообщили их допрашиваемому.

Основываясь на предмете искажения в показаниях можно выделить заведомую ложь о событии преступления в целом, либо заведомую ложь об отдельных сторонах (обстоятельствах) преступления. обстоятельствах

Существуют и классификации заведомо ложных идеальных следов по некоторым другим основаниям [2. с. 489-491].).

Механизм образования ложных идеальных следов существенно различается в зависимости от того, о какой их разновидности, при добросовестном заблуждении или заведомо ложных, идет речь.

Для ложных идеальных следов при добросовестном заблуждении механизм образования является следствием естественных психофизиологических процессов, не зависящих от воли (сознательного желания) человека. Такой человек наблюдает событие, далее в его сознании формируется образ, который под воздействием указанных выше факторов искажается, после чего искаженный образ воспроизводится на допросе. Важно подчеркнуть, что для самого носителя информации этот искаженный образ субъективно реален, он четко «помнит» именно те сведения, о которых дает показания на допросе.

Для заведомо ложных следов механизм их образования является принципиально иным. Носитель информации располагает истинным знанием о событии в виде идеальных следов, адекватно отражающих действительность. При этом он сознательно конструирует иной, ложный образ, который и доводится следователю в ходе допроса. Таким образом, ложные идеальные следы существуют параллельно, одновременно с истинными. В этой ситуации задача следствия состоит в том, чтобы, выявив ложность полученных идеальных следов, получить доступ к истинным.

Значение ложных идеальных следов при расследовании преступлений носит двойственный характер.

С одной стороны, ложные идеальные следы представляют собой серьезную проблему, поскольку часто способны дезориентировать предварительное расследование, направив его по ложному пути. Это, в свою очередь может вызывать необоснованное привлечение к ответственности невиновного лица и (или) к уходу от ответственности лица виновного.

Но, с другой стороны, уже выявление ложных идеальных следов имеет сам по себе важное информационное значение. Установление факта дачи ложных показаний может свидетельствовать о причастности лица к преступлению. Благодаря этому, можно установить об осведом-

ленности допрошенного лица о деталях, которые не могли быть известны непричастному, либо о наличии иных обстоятельств, побудивших его ко лжи (страх, стыд, корпоративная солидарность, зависимость от других лиц).

При анализ ложных идеальных следов возможно получение сведений о психологических особенностях лица, давшего заведомо ложные показания, его мотивации, уровне интеллекта. Такие сведения в дальнейшем могут быть использованы следователем при формировании набора и тактики необходимых следственных действий.

Можно с уверенностью констатировать, что выявление ложных идеальных следов и работа с ними составляют важную часть деятельности следователя, которая реализуется в рамках тактики отдельных следственных действий. К таким следственным действиям в первую очередь относится допрос. В числе основных способов, направленных на выявление при допросе и преодоление последствий использования допрошенным ложных идеальных следов, необходимо выделить такие как: детализация показаний, чем более детально допрашиваемый излагает обстоятельства, тем больше возникает возможностей для проверки их достоверности путем сопоставления с другими доказательствами. Постановка контрольных вопросов, при использовании данного приема допрашиваемому задаются вопросы, содержание ответов на которые заранее известно следователю. Данный прием позволяет быстро установить истинность или ложность показаний допрашиваемого. Использование метода хронологической последовательности, допрашиваемому предлагается излагать события в хронологическом порядке, прямом или обратном. Такой способ изложения для него резко затрудняет воспроизведение заранее выученной заведомо ложной информации.

Предъявление доказательств, демонстрация допрашиваемому имеющихся доказательств может побудить его к отказу от ложных показаний. Производство очной ставки, противоречия в показаниях разных лиц могут быть использованы для изобличения лжи. Повторный допрос, при повторном допросе лицо, дающее ложные показания, может воспроизводить информацию с иными деталями или в иной последовательности, что свидетельствует о ложности показаний.

Криминалистическая литература при допросе в конфликтной ситуации также предлагает и такие приемы, как пресечение лжи и допущение легенды. Пресечение лжи заключается в немедленном реагировании на неправдивые показания допрашиваемого с разоблачением их ложности. При допущении легенды следователь предоставляет допрашиваемому лицу возможность давать показания с большим количеством ложных деталей, чтобы впоследствии убедительно их разоблачить. [3. с. 394].

Наряду с тактическими приемами, современная криминалистическая практика все более широко применяет технологические средства, направленные на установление ложности идеальных следов. Среди них в настоящее время наибольшее значение придается использованию полиграфа. Также перспективным направлением в работе с идеальными следами представляется использование энграммологии как науки, изучающей механизмы запечатлевания, сохранения и воспроизведения информации в памяти.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы, ложные идеальные следы представляют собой самостоятельную криминалистическую категорию, под которой понимаются запечатленные в памяти человека искаженные мысленные образы события или его элементов, не соответствующие объективной действительности и способные ввести следствие в заблуждение относительно обстоятельств, подлежащих доказыванию. По причинам возникновения ложные идеальные следы подразделяются на две основные группы: добросовестно заблуждающиеся (обусловленные объективными и субъективными факторами, не зависящими от воли носителя информации) и заведомо ложные (являющиеся результатом сознательного и целенаправленного искажения информации).

Механизм образования ложных идеальных следов различается для указанных разновидностей: в первом случае искажение происходит на стадиях восприятия, запоминания, сохранения или воспроизведения помимо воли носителя; во втором – носитель сознательно конструирует ложный образ при наличии истинного.

Выявление и преодоление ложных идеальных следов требует применения комплекса тактических приемов, а также использования технологических средств, среди которых важнейшее место занимает полиграф, позволяющий получать ориентирующую информацию о сокрытии лицом определенных сведений.

Категория ложных идеальных следов имеет важное теоретическое значение, позволяя углубить представления о механизме следообразования, систематизировать тактические приемы работы с идеальными следами, создать теоретическую основу для дальнейших исследований в данной области.

Дальнейшая разработка проблем ложных идеальных следов представляется перспективным направлением криминалистических исследований, имеющим как теоретическое, так и практическое значение.

Список литературы

1. Суворова Л. А. Идеальные следы в криминалистике. - М.: Издательство "Юрлитинформ", 2006. - 200 с.
2. Петров В. В. Классификация идеальных следов в криминалистике // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева (г. Санкт-Петербург, 28 - 29 июня 2014 года) / Под ред. Н. Г. Стойко. - СПб.: Издательство "Юридический центр", 2015. - 582 с. - С. 486 – 492
3. Криминалистика. Учебное пособие / А. В. Дулов, Г. И. Грамович, А. В. Лапин и др.; под ред. А. В. Дулова. - Мн.: НКФ "Экоперспектива", 1996. - 415 с.
4. Винберг А.И., Шавер Б.М. Криминалистика. III издание, дополненное и переработанное. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949.
5. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. - М.: Юридическая литература, 1987. - 272 с.

References

1. Suvorova L. A. Ideal traces in criminology, Moscow, Yurlitinform Publishing House, 2006, 200 p.
2. Petrov V. V. Classification of ideal traces in criminology // Prosecution and defense in criminal cases: historical experience and modernity. Collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor Nikolai Sergeevich Alekseev (St. Petersburg, June 28-29, 2014) / Edited by N. G. Stoiko. Saint Petersburg: Law Center Publishing House, 2015. 582 p. - pp. 486 – 492
3. Criminalistics. Textbook / A.V. Dulov, G. I. Gramovich, A.V. Lapin et al.; edited by A.V. Dulov. - Mn.: NKF "Ecoperspektiva", 1996. - 415 p.
4. Vinberg A. I. and Shaver B. M. Criminalistics. III edition, expanded and revised. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1949.
5. Belkin R.S. Criminalistics: problems, trends, prospects. General and particular theories. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1987. 272 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_415

УДК 340.13

МЕСТО ПРЕЗУМПЦИЙ И МАКСИМ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ
THE PLACE OF PRESUMPTIONS AND MAXIMS IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

ЧЕРНОВА Эльвира Рамилевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Уфимского юридического института МВД России.
450103, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2,
E-mail: erchernova@mail.ru

CHERNOVA Elvira Ramilevna,
Candidate of Law, associate Professor, Department of State and Legal Disciplines
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
2, Muksinova st., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450103.
E-mail: erchernova@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье исследуются теоретические и практические аспекты функционирования правовых презумпций и максим в российской правовой системе. Анализируются понятийные ряды, классификационные основания и функциональное назначение данных правовых феноменов. Обосновывается вывод о том, что презумпции выступают инструментом распределения бремени доказывания и восполнения пробелов в правовом регулировании, тогда как правовые максимы выполняют роль системообразующих принципов, обеспечивающих единство и стабильность правоприменения. Особое внимание уделяется месту презумпций и максим в механизме правового регулирования, их соотношению с принципами права, аксиомами и иными правовыми средствами.*

Abstract. *The article examines the theoretical and practical aspects of the functioning of legal presumptions and maxims in the Russian legal system. The conceptual series, classification bases and functional purpose of these legal phenomena are analyzed. The conclusion is substantiated that presumptions act as a tool for distributing the burden of proof and filling gaps in legal regulation, while legal maxims serve as system-building principles that ensure the unity and stability of law enforcement. Special attention is paid to the place of presumptions and maxims in the mechanism of legal regulation, their relation to the principles of law, axioms and other legal means.*

Ключевые слова: *правовая презумпция, правовая максима, принцип права, правовая аксиома, бремя доказывания, правовая определенность, римское правовое наследие.*

Keywords: *legal presumption, legal maxim, principle of law, legal axiom, burden of proof, legal certainty, Roman legal heritage.*

Для цитирования: *Чернова Э.Р. Место презумпций и максим в Российской правовой системе // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 415-418. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_415.*

For citation: *Chernova E.R. The place of presumptions and maxims in the Russian legal system // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 415-418. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_415.*

Статья поступила в редакцию: 02.03.2026

В современной юридической науке наблюдается устойчивый интерес к фундаментальным правовым категориям, выступающим несущими конструкциями всей системы правового регулирования. К числу таких категорий, несомненно, относятся правовые презумпции и максимы, которые, несмотря на свою многовековую историю, сохраняют актуальность и востребованность в правотворческой и правоприменительной практике.

Проблема определения места презумпций и максим в российской правовой системе имеет не только теоретическое, но и практическое значение. От правильного понимания природы данных феноменов зависят их интерпретация в процессе толкования права, пределы действия, возможности опровержения, а также характер взаимодействия с иными правовыми средствами. Как справедливо отмечается в литературе, правовые презумпции представляют собой «специфический инструмент правового регулирования» , а правовые максимы – «лингво-юридический способ концентрированного изложения правовой мысли» [5, с.20].

Термин «презумпция» происходит от латинского praesumptio –предположение. В юридической науке сложилось несколько подходов к определению правовой презумпции. Согласно классическому определению В.К. Бабаева, правовые презумпции представляют собой «закрепленные в нормах права предположения о наличии или отсутствии юридических фактов, основанные на связи между ними и фактами наличными, что подтверждается предшествующим опытом» [6, с.49]. Несколько иной взгляд предлагает С.А. Мосин, полагающий, что под правовой презумпцией следует понимать «необходимое для правового регулирования предположение, прямо или косвенно закрепленное в правовой норме, направленное на установление или устанавливающее наличие или отсутствие определенных фактов, обстоятельств, процессов и считающееся истинным, пока не будет установлено иное» [6, с.50].

Анализ приведенных определений позволяет выделить сущностные признаки правовой презумпции: предположительный характер; закрепление в правовых нормах (прямое или косвенное); направленность на установление юридически значимых обстоятельств; опровержимость как неотъемлемое свойство; основанность на связи между наличными и презюмируемыми фактами, подтвержденной предшествующим опытом.

Вопрос классификации правовых презумпций получил в специальной литературе широкое освещение. Традиционной является классификация, восходящая к средневековым юристам, которые подразделяли предположения на три категории:

1. praesumtiones juris – законные презумпции, которые могут быть опровергнуты представлением доказательств противного;

2. praesumtiones juris et de jure – законные презумпции, не допускающие опровержения и обязательные для суда;

3. praesumtiones hominis – общечеловеческие предположения (фактические презумпции), которые могут быть сделаны судом по внутреннему убеждению [1, с.74] .

В современной отечественной правовой системе преобладает точка зрения, согласно которой нормальными презумпциями следует считать лишь praesumtiones juris, допускающие опровержение. Что касается так называемых неопровержимых презумпций, то, как справедливо отмечает Б.А. Булаевский, они представляют собой особую правовую конструкцию, основанную на предположении, однако презумпциями именоваться не должны: это дань традиции, поскольку презумпция по своей природе опровержима [1, с.75].

По сфере действия выделяют общеправовые, межотраслевые и отраслевые презумпции [3, с.80]. К числу общеправовых относится, например, презумпция знания закона, основанная на положениях ч. 2 и 3 ст. 15 Конституции РФ. Межотраслевой характер носит презумпция добросовестности участников правоотношений. Отраслевые презумпции оптимизируют правовое регулирование в соответствии с предметом и задачами определенной отрасли права.

По способу закрепления различают презумпции, прямо закрепленные в нормах права, и косвенные (скрытые) презумпции, выводимые путем толкования правовых норм [3, с.82]. Последние представляют собой резерв для суда при разрешении сложных правовых ситуаций.

Правовые максимы являются наиболее известным технико-юридическим приемом римского права, воспринятым впоследствии романо-германской правовой семьей. Максима представляет собой «лингво-юридический способ концентрированного изложения правовой мысли, когда важное юридическое утверждение заключается в краткую (иногда афористичную) словесную формулу» [5, с.19]. Это конечный результат логической и лингвистической обработки правового материала, позволяющий путем абстрагирования вывести общее (универсальное) юридическое правило.

Как отмечают Т.Е. Зяблова и В.В. Мамчун, «правовые максимы – это лаконичные, емкие словесные формулы, преимущественно на латыни, предельно точно выражающие мысль, фиксирующую соответствующую государственно-правовую закономерность, своим происхождением восходят к римскому праву» [4, ч.122]. На протяжении многих столетий они активно использовались в юридической практике, выступая в качестве особого нормативного средства.

Сущностными признаками правовой максимы выступают: лаконичность и афористичность формы; концентрированное выражение правовой мысли; фиксация правовой закономерности, выверенной юридической практикой; историческое происхождение из римского права; преимущественно латинская языковая форма; способность выступать правилом для разрешения юридических казусов.

Вопрос о соотношении правовых максим со смежными категориями – принципами права и правовыми аксиомами является дискуссионным. Значительная часть авторов отождествляет максимы с правовыми принципами, однако это скорее дань традиции. Ни в римском, ни в средневековом праве не было принципов в их современном понимании; они появляются позже. Максимами в XII в. стали называть общие правила – нормы с более высоким уровнем нормативного обобщения.

Современные принципы права характеризуются точностью формулировок, высоким уровнем абстракции и способностью к развертыванию содержания в нормативных положениях менее высокого уровня. Максимы же, в отличие от принципов, предполагают необходимость истолкования, установления связи с соответствующим контекстом. При этом нельзя отрицать наличия определенной связи между ними – максимы способны выступать средствами «раскрытия» содержания принципов.

Что касается соотношения максим и правовых аксиом, то аксиомы представляют собой очевидные истины, не требующие доказательств (например, «никто не может быть судьей в собственном деле»). По существу, многие максимы выполняют аксиоматическую функцию, однако не все аксиомы являются максимами, поскольку последние характеризуются специфической лингвистической формой и историческим происхождением.

Правовые презумпции выполняют в механизме правового регулирования ряд важных функций. Прежде всего, они имеют материально-правовое значение в части восполнения в конкретных отношениях недостающего правового явления его моделью [2, с.8]. Кроме того, презумпции выполняют процессуальную функцию при определении подлежащих доказыванию обстоятельств и распределении бремени доказывания в судопроизводстве.

Как отмечается в литературе, презумпции не только изменяют общие правила распределения обязанностей по доказыванию, но и упрощают процесс доказывания, вносят нравственные начала в судебное познание, предоставляют процессуальные льготы для защиты наиболее социально значимых субъективных прав и интересов.

В российском праве сформировалась разветвленная система презумпций, охватывающая различные отрасли законодательства. Конституционно-правовые презумпции занимают особое место, поскольку конституционное право как ведущая отрасль устанавливает принципы, обладающие высшей степенью нормативной обобщенности. К их числу относятся презумпция конституционности правовых актов, презумпция добросовестности нормодателя, презумпция знания закона.

Как справедливо отмечает А.А. Петров, презумпция конституционности правовых актов находится во взаимосвязи с иными правовыми презумпциями. Она может рассматриваться как частное проявление более общей — презумпции действительности правовых актов, а ее основанием служит презумпция знания закона нормодателем и презумпция его добросовестности [6, с.49].

В гражданском праве действует целый ряд презумпций: презумпция вины причинителя вреда (п. 2 ст. 1064 ГК РФ), презумпция вины должника (ст. 401 ГК РФ), презумпция собственности (ст. 209 ГК РФ), презумпция добропорядочности гражданина (ст. 152 ГК РФ). В семейном праве закреплена презумпция отцовства (ст. 48 СК РФ), в экологическом праве – презумпция экологической опасности планируемой деятельно-

сти (ст. 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды»).

Особую значимость приобретают презумпции в уголовном процессе, где центральное место занимает презумпция невиновности, закрепленная в ст. 49 Конституции РФ. Как отмечается в литературе, в Юридическом энциклопедическом словаре 1987 г. была раскрыта только эта презумпция, что свидетельствует о ее фундаментальном значении.

В процессе развития романо-германского права максимы постепенно утрачивали свое непосредственное регулятивное значение, однако не утрачивали привлекательности для юристов. В современных условиях использование максим в юридических текстах – это чаще всего апеллирование к авторитету римского права, стремление придать вес собственным идеям, созвучным с правовыми формулами, выраженными в максимах .

Вместе с тем, как показывают исследования, максимы продолжают выполнять важную системообразующую функцию, выступая основой для формирования отраслевых принципов и институтов. Особенно отчетливо это прослеживается в гражданском процессе, где максимы древнеримского права стали основой режима правовой определенности.

Исследователи выделяют ряд базовых максим, иллюстрирующих отдельные аспекты правовой определенности гражданского судопроизводства. Среди таковых: формальная определенность закона, доступность и справедливость судопроизводства, стабильность окончательных судебных постановлений, определенность и непротиворечивость судебного постановления, исполнимость судебного постановления, противодействие злоупотреблениям процессуальными правами.

В современном российском процессуальном праве наблюдается усиление внимания к механизмам, базирующимся на римских максимах: res judicata (разрешенное дело), estoppel (лишение права возражения), lis pendens (параллельный процесс), non bis in idem (не дважды за одно и то же). Как отмечают И.В. Рехтина и Е.И. Тимофеев, «аксиомы являются реально действующими, их игнорирование приводит к искажению нормального хода процесса и препятствует реализации режима правовой определенности» [7, с. 6].

Правовые максимы могут использоваться в качестве критериев разрешения конкуренции принципов гражданского процессуального права, в том числе принципа правовой определенности с иными принципами. Это свидетельствует о методологическом значении максим для современного правоприменения.

Проведенный анализ позволяет выявить как общие черты, так и сущностные различия между правовыми презумпциями и максимами.

Общее заключается в том, что и презумпции, и максимы:

1. имеют многовековую историю, восходящую к римскому праву;
2. выступают средствами правового регулирования и правоприменения;
3. выполняют функцию восполнения пробелов и неопределенностей в праве;
4. обеспечивают стабильность и предсказуемость правового регулирования.

Различия между ними проводятся по следующим основаниям:

По природе: презумпция – предположение (вероятностное суждение); максима – концентрированное выражение правовой закономерности, правило.

По возможности опровержения: презумпция по своей природе опровержима; максима как выражение правовой истины не опровергается, а применяется или не применяется в зависимости от обстоятельств дела.

По функциям: презумпции выполняют регулятивную и доказательственную функции, распределяя бремя доказывания; максимы выполняют системообразующую и герменевтическую функции, обеспечивая единство правопорядка и правильное толкование правовых норм.

По сфере действия: презумпции могут быть отраслевыми и иметь четкую сферу применения; максимы носят универсальный, межотраслевой характер/

По способу закрепления: презумпции либо прямо закрепляются в законодательстве, либо выводятся из него; максимы существуют преимущественно в доктринальной форме и применяются как правовые традиции.

Взаимодействие презумпций и максим проявляется в том, что последние могут служить основанием для формирования презумпций. Например, максима «никто не может быть судьей в собственном деле» лежит в основе презумпции беспристрастности суда; максима «закон не требует невозможного» корреспондирует презумпции исполнимости юридических обязанностей.

Таким образом, правовые презумпции и максимы занимают важное место в отечественной правовой системе, выполняя взаимодополняющие функции. Презумпции выступают инструментом преодоления познавательных трудностей в процессе доказывания и правоприменения, позволяя считать установленными определенные факты при отсутствии прямых доказательств. Система презумпций в российском праве охватывает все отрасли законодательства и имеет сложную иерархическую структуру, включающую общеправовые, межотраслевые и отраслевые презумпции.

Правовые максимы, будучи исторически первичным элементом европейской правовой культуры, в современных условиях выполняют роль системообразующих принципов и критериев правовой определенности. Они обеспечивают единство правоприменительной практики, служат ориентиром для разрешения сложных юридических коллизий и конкуренции правовых принципов.

Соотношение презумпций и максим характеризуется их функциональной взаимосвязью: максимы формируют аксиоматическую основу правопорядка, на которой базируются отраслевые принципы и конкретные правовые институты, включая правовые презумпции. В свою очередь, презумпции конкретизируют действие правовых максим в отдельных сферах правового регулирования, придавая им инструментальный характер.

Дальнейшее исследование данной проблематики должно быть направлено на выявление новых форм взаимодействия презумпций и максим в условиях цифровизации правосудия и трансформации процессуальной формы, а также на разработку практических рекомендаций по их применению в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Список литературы:

1. Булаевский Б.А. Классификация правовых презумпций // Журнал российского права. 2010. № 11. С.74-83.
2. Волков Г.А. Презумпции в экологическом праве // Экологическое право. 2025. № 1. С. 7-14.
3. Зацепина О.Е. Классификация правовых презумпций // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 80-87.
4. Зяблова Т.Е., Мамчун В.В. Правовая максима как логико-языковой феномен // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 122-124.
5. Малиновский А.А. Римские правовые максимы: история и современное значение // История государства и права. 2025. № 11. С. 19-25.
6. Петров А.А. Презумпция конституционности правовых актов и ее законодательное закрепление в Российской Федерации // Закон. 2009. № 9. С. 48-53.
7. Тимофеев Е.И., Рехтина И.В. Максимы Древнего Рима как основа режима правовой определенности современного гражданского процесса // Юрислингвистика. 2024. № 31 (42). С. 6-11.

References:

1. Bulaevsky B.A. Classification of legal presumptions // Journal of Russian Law. 2010. No. 11. pp.74-83.
2. Volkov G.A. Presumptions in environmental law // Environmental law. 2025. No. 1. pp. 7-14.
3. Zatsepina O.E. Classification of legal presumptions // Actual problems of Russian law. 2018. No. 2. pp. 80-87.
4. Zyablova T.E., Mamchun V.V. Legal maxim as a logical and linguistic phenomenon // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. No. 5. pp. 122-124.
5. Malinovsky A.A. Roman legal maxims: history and modern significance // History of the state and law. 2025. No. 11. pp. 19-25.
6. Petrov A.A. The presumption of the constitutionality of legal acts and its legislative consolidation in the Russian Federation. 2009. No. 9. pp. 48-53.
7. Timofeev E.I., Rekhtina I.V. Maxims of Ancient Rome as the basis of the regime of legal certainty of modern civil procedure // Legal linguistics. 2024. No. 31 (42). pp. 6-11.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_419

УДК: 343.8

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА: ВОПРОСЫ СИСТЕМНОСТИ, ПРОФИЛАКТИКИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ
CRIMINAL-EXECUTIVE POLICY OF THE STATE: ISSUES OF SYSTEMATICITY, PREVENTION AND ENSURING THE LAW

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России.
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15А, стр. 1.
E-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru;

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Candidate of Legal Sciences, Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System of the Center for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
125130, Russia, Moscow, Narvskaya str., 15A, p. 1.
E-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

***Краткая аннотация**: В работе анализируются актуальные направления выработки уголовной политики государства в период социально-экономических изменений. Акцент сделан на обеспечении ее целостности и внутренней согласованности, увязке уголовно-правовых, криминологических и правоприменительных решений, а также на поиске баланса между репрессивными и профилактическими инструментами противодействия преступности. Аргументируется необходимость научно верифицированной, последовательной и рассчитанной на длительную перспективу стратегии уголовной политики, ориентированной на защиту прав и свобод человека, укрепление законности и повышение результативности охраны правопорядка. Рассматриваются подходы российских исследователей к ценностным основаниям уголовного закона, социальным факторам преступности и значению профилактики как ключевого ресурса снижения криминогенности общественных отношений.*

***Abstract**: the paper examines current approaches to shaping state criminal policy in the context of ongoing socio-economic transformations. Particular attention is paid to ensuring its integrity and internal coherence, the coordination of criminal law, criminological, and law-enforcement decisions, as well as to achieving a balanced use of repressive and preventive measures in combating crime. The study substantiates the need for a scientifically grounded, consistent, and long-term criminal policy strategy focused on the protection of individual rights and freedoms, the strengthening of legality, and the enhancement of the effectiveness of law and order. The positions of Russian scholars concerning the value foundations of criminal law, the social determinants of crime, and the role of prevention as a key factor in reducing the criminogenic nature of social relations are analyzed.*

***Ключевые слова:** уголовная политика; государственная политика; системность законодательства; профилактика преступности; криминализация; законность; правопорядок.*

***Keywords:** criminal policy; state policy; systemic coherence of legislation; crime prevention; criminalization; legality; public order.*

***Для цитирования:** Бажанов С.А. Уголовно-исполнительная политика государства: вопросы системности, профилактики и обеспечения законности // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 419-421. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_419.*

***For citation:** Bazhanov S.A. Penal enforcement policy of the state: issues of consistency, prevention and ensuring legality // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 419-421. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_419.*

Статья поступила в редакцию: 04.03.2026

Уголовная политика современного государства представляет собой одно из ключевых направлений публичной политики, посредством которого формируются приоритеты противодействия преступности, определяются пределы уголовно-правового вмешательства и устанавливаются ориентиры правоприменительной деятельности. В отличие от сугубо нормативного подхода, сводящего уголовную политику к системе уголовно-правовых норм, современное научное понимание рассматривает её как комплексную стратегию, охватывающую правотворчество, правоприменение, профилактику преступности, организационное и кадровое обеспечение деятельности правоохранительных органов.

Уголовная политика формируется в конкретных исторических и социально-экономических условиях и потому неизбежно отражает уровень развития общества, состояние его правовой культуры и доминирующие ценностные установки. В этом смысле она не является нейтральным инструментом управления, а всегда несёт в себе определённую идеологическую и нравственную нагрузку. Именно поэтому особое значение приобретает вопрос о ценностных основаниях уголовной политики и допустимых пределах государственного принуждения.

И. И. Карпец, рассматривая соотношение уголовного права и этики, подчёркивал, что уголовно-правовое воздействие не может быть оправдано исключительно соображениями целесообразности и эффективности [1]. По его мнению, уголовное право и основанная на нём уголовная политика должны опираться на нравственные ориентиры общества, поскольку в противном случае принуждение утрачивает легитимность и превращается в форму произвольного насилия. В контексте формирования уголовной политики это означает, что государство обязано учитывать не только статистические показатели преступности, но и общественные представления о справедливости, гуманизме и соразмерности наказания. Игнорирование этих факторов способно привести к росту правового нигилизма и снижению доверия к институтам власти.

Важным методологическим аспектом уголовной политики является понимание социальной обусловленности преступности. Преступность не существует в отрыве от общественных процессов, а её динамика во многом определяется состоянием социальной среды. В. Н. Кудрявцев, анализируя преступность в условиях переходного общества, указывал, что рост преступности часто связан с кризисом социальных норм, размыванием ценностных ориентиров и ослаблением механизмов социального контроля [2]. С этих позиций уголовная политика, ориентирован-

ная исключительно на ужесточение уголовной ответственности, оказывается ограниченной по своим возможностям. Она способна реагировать на последствия, но не устраняет причины преступного поведения.

Из данного тезиса вытекает необходимость комплексного подхода к формированию уголовной политики, при котором уголовно-правовые меры дополняются социальными, экономическими и организационными инструментами. Уголовная политика должна учитывать уровень безработицы, социального расслоения, доступность образования, состояние семейных и иных социальных институтов. В противном случае уголовное право начинает выполнять функции, которые ему не свойственны, что приводит к его перегрузке и снижению эффективности.

Центральное место в системе современной уголовной политики занимает профилактика преступности. Криминологический подход, последовательно разработанный А. И. Долговой, исходит из того, что профилактика должна рассматриваться не как вспомогательное направление, а как равноправный элемент государственной антикриминальной стратегии [3]. Профилактика предполагает системную работу по выявлению и устранению причин и условий преступности, формированию правовой культуры, снижению уровня социальной напряжённости. В этом контексте уголовное наказание выступает крайней мерой реагирования, применяемой тогда, когда иные средства оказались неэффективными.

Приоритет профилактики имеет не только криминологическое, но и правозащитное значение. Чем раньше государство воздействует на криминогенные факторы, тем реже возникает необходимость в применении жёстких репрессивных мер. Это способствует снижению уровня уголовной репрессии, гуманизации уголовной политики и укреплению принципа соразмерности. Кроме того, профилактическая направленность уголовной политики положительно влияет на защиту прав потерпевших, поскольку ориентирована на предупреждение причинения вреда, а не только на его последующее возмещение.

Системность уголовной политики предполагает наличие чётко сформулированной концепции её развития. Н. А. Лопашенко подчёркивает, что уголовно-правовая политика определяет цели и направления уголовно-правового воздействия, а уголовный закон является формой их нормативного закрепления [4]. Отсутствие концептуального подхода приводит к фрагментарности законодательства, когда отдельные изменения не образуют единой логической системы. В результате правоприменитель сталкивается с противоречиями норм, конкуренцией составов преступлений и неопределённостью санкций.

Частые и несистемные изменения уголовного законодательства негативно сказываются на стабильности правоприменительной практики. Судебные и следственные органы вынуждены постоянно адаптироваться к новым правилам, что увеличивает риск ошибок и снижает предсказуемость правовых последствий для граждан. В этой связи особую актуальность приобретает проблема долгосрочного планирования уголовной политики, предполагающего отказ от ситуативных решений в пользу стратегического подхода.

А. И. Коробеев, анализируя эволюцию уголовно-правовой политики России, указывает на кризисные тенденции, выражающиеся в непоследовательной криминализации и декриминализации деяний [5]. По его мнению, подобная практика свидетельствует о дефиците стратегического мышления в уголовной политике и подрывает её системность. В результате уголовный закон утрачивает роль устойчивого регулятора общественных отношений и превращается в инструмент реагирования на текущую политическую или общественную повестку.

Неотъемлемым элементом уголовной политики является правоприменительная деятельность. Даже наиболее продуманная уголовно-правовая концепция не может быть реализована без эффективной и качественной практики применения закона. В учебных и научных работах под редакцией А. В. Наумова подчёркивается, что уголовный закон должен быть внутренне согласованным и ориентированным на принципы справедливости и гуманизма, однако решающим фактором остаётся профессионализм правоприменителей [6]. Неравномерность судебной практики, формальный подход к доказыванию и назначению наказания способны нивелировать позитивный потенциал уголовной политики.

Особую роль в обеспечении единства уголовной политики играет судебная практика высших судебных инстанций. Разъяснения и правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации способствуют формированию единообразного толкования уголовного закона, а решения Конституционного Суда Российской Федерации нередко корректируют баланс между публичными интересами и правами личности. Тем самым судебная практика становится важным инструментом реализации уголовной политики и её адаптации к изменяющимся условиям.

Уголовная политика включает также организационно-управленческий компонент. В. Л. Шульц рассматривает её как комплексную государственную деятельность, охватывающую не только нормотворчество и правоприменение, но и вопросы координации деятельности правоохранительных органов, кадрового обеспечения и ресурсного планирования [7]. Недостаточная согласованность действий различных ведомств, дефицит кадров или перегруженность следственных и судебных органов способны существенно снизить эффективность уголовной политики, даже при наличии качественной нормативной базы.

В научной литературе сохраняется дискуссия о понятии и границах уголовной политики. И. А. Зинченко и А. Ю. Трапицын обращают внимание на неоднозначность трактовок данного феномена и отсутствие единого доктринального подхода [8]. Одни авторы рассматривают уголовную политику преимущественно как уголовно-правовую, другие включают в неё процессуальные, исполнительные и криминологические аспекты. Такая неопределённость затрудняет формирование согласованной государственной стратегии и усложняет оценку эффективности принимаемых мер.

В условиях глобализации и усиления международного взаимодействия уголовная политика должна учитывать международные стандарты защиты прав человека. Однако заимствование международных моделей не может носить механический характер. Национальная уголовная политика должна адаптировать международные принципы к особенностям правовой системы, социально-экономическим условиям и правовой культуре общества. Оптимальным является такой подход, при котором международные стандарты выступают ориентиром, а конкретные механизмы их реализации разрабатываются с учётом национальных приоритетов.

Современная уголовная политика ориентирована на поиск баланса между защитой общества от преступности [9] и соблюдением прав личности. Гуманизация уголовного законодательства, расширение применения альтернативных мер наказания, развитие восстановительных практик и условного осуждения отражают стремление снизить уровень репрессии без ущерба для общественной безопасности [10]. При этом гуманизация не должна подменяться необоснованной либерализацией, способной подорвать превентивную функцию уголовного закона.

Таким образом, уголовная политика представляет собой сложную и многомерную систему, включающую ценностные, нормативные, институциональные и практические элементы. Её эффективность определяется научной обоснованностью, системностью и согласованностью всех направлений деятельности государства в сфере противодействия преступности. Формирование долгосрочной и концептуально выверенной уголовной политики является необходимым условием укрепления законности, обеспечения правопорядка и устойчивого развития правовой системы.

Список литературы:

1. Карпец И. И. Уголовное право и этика. М.: Юридическая литература, 1985. - 256 с.
2. Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества. - М.: Гардарики, 2002. - 238 с.
3. Долгова А. И. (под общ. ред.). Криминология: учебник для вузов. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма, 2005. -912 с.
4. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика: монография. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. -339 с.
5. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. - М.: Юрлитинформ, 2019. 0- 347 с.
6. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред. А. В. Наумов. -6-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2024. -448 с.
7. Шульц В. Л. Уголовная политика Российской Федерации: проблемы и перспективы. - М.: Проспект, 2021.
8. Зинченко И. А., Трапицын А. Ю. Уголовная политика: понятие, проблемы и перспективы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. - 2011. - № 9. - С. 86–92.
9. Оленев М.Г. Принципы поведения должностных лиц как способ обеспечения антикоррупционного поведения в деятельности УИС // Аграрное и земельное право. 2020. № 2 (182). С. 118-120. – EDN BPFFUT.
10. Оленев М.Г. Основные направления защиты прав человека в уголовно-исполнительной системе в докладе о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2018. № 13. С. 138-145. – EDN YYSSIP.

References:

1. Karpets I. I. Criminal Law and Ethics. Moscow: Legal Literature, 1985. - 256 p.
2. Kudryavtsev V. N. Crime and Morals of a Transitional Society. Moscow: Gardariki, 2002. - 238 p.
3. Dolgova A. I. (ed.). Criminology: Textbook for Universities. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Norma, 2005. -912 p.
4. Lopashenko N. A. Fundamentals of Criminal-Legal Impact: Criminal Law, Criminal Law, Criminal-Legal Policy: Monograph. St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. -339 p.
5. Korobeev A. I. Criminal-legal policy of Russia: from genesis to crisis: monograph. - Moscow: Yurlitinform, 2019. 0-347 p.
6. Criminal law. General part: textbook for universities / ed. A. V. Naumov. - 6th ed., revised and enlarged. - Moscow: Yurait, 2024. -448 p.
7. Shults V. L. Criminal policy of the Russian Federation: problems and prospects. - Moscow: Prospect, 2021.
8. Zinchenko I. A., Trapitsyn A. Yu. Criminal policy: concept, problems and prospects // Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. - 2011. - No. 9. - pp. 86-92.
9. Olenev M.G. Principles of conduct of officials as a way to ensure anti-corruption behavior in the activities of the penal system // Agrarian and land law. 2020. No. 2 (182). Pp. 118-120. – EDN BPFFUT.
10. Olenev M.G. Main directions of human rights protection in the penal system in the report on the activities of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation for 2017 // Bulletin of the public research laboratory "Interaction of the penal system with civil society institutions: historical, legal and theoretical-methodological aspects". 2018. No. 13. Pp. 138-145. – EDN YYSSIP.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_422

УДК 343.9

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТОВАРАМИ, РАБОТАМИ И УСЛУГАМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД
ECONOMIC SECURITY AND ITS IMPLEMENTATION IN THE PROVISION OF GOODS, WORKS AND SERVICES FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS

ИВАНОВ Пётр Иванович
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный профессор Академии управления МВД России, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.
E-mail: ivanovpi1952@yandex.ru

IVANOV Peter Ivanovich
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
Honored Professor at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Chief Researcher at the Department for Research on Sectoral Management Problems of the Scientific Research Center
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125993, Russia.
E-mail: ivanovpi1952@yandex.ru

Краткая аннотация: *В настоящей статье на основе изучения и критического анализа отечественных нормативных правовых актов, монографических работ, судебно-следственной практики и сложившейся криминогенной ситуации предпринята попытка рассмотреть с точки зрения обеспечения экономической безопасности [3, с. 430-433] сферы реализации госзакупок для государственных и муниципальных нужд. Автором делается вывод о том, что традиционные (существующие в настоящее время) формы и методы противодействия в ней противоправным деяниям нуждаются в совершенствовании, которое обусловлено прежде всего новыми вызовами и угрозами[1], во многом исходящими от стран Европейского союза. Принимаемые подразделениями ЭБиПК меры должны стать адекватной ответной на них реакцией. Как нам представляется, результаты критического анализа в рамках настоящей статьи могли бы стать предпосылкой для формулирования концепции оперативно-розыскного противодействия экономическим и коррупционным преступлениям, соответствующей современным реалиям. Автор не ставит перед собой цель всестороннего освещения всех вопросов, связанных с названным направлением деятельности, поскольку она в отдельно взятой статье вряд ли достижима. Между тем в работе утверждается, что его совершенствование в первую очередь предполагает внедрение в практику деятельности современных информационных технологий, обобщение в рассматриваемом контексте передового отечественного и зарубежного опыта оптимальной современной научно выверенной модели организации оперативно-розыскного противодействия указанным видам преступлений, которая в конечном итоге должна служить в качестве инструмента решения возникающих задач, прежде всего связанных с выявлением и пресечением названных деяний в условиях цифровой трансформации. Многолетняя практика убедительно доказала, что наличие вышеназванной модели позволяет своевременно избежать возможных проб и ошибок при разрешении указанных задач. Принимая во внимание данное обстоятельство, мы предприняли попытку поделиться с научной общественностью авторским примерным ее вариантом. Мы полагаем, что собранный в рамках данной работы материал может также послужить предпосылкой для формирования в последующем частной теории оперативно-розыскного противодействия.*

Abstract: *In this article, based on the study and critical analysis of domestic regulatory legal acts, monographic works, judicial and investigative practice and the current criminogenic situation, an attempt is made to consider the sphere of public procurement for state and municipal needs from the point of view of ensuring economic security. The author concludes that the traditional (currently existing) forms and methods of countering illegal acts in it need to be improved, which is primarily due to new challenges and threats, largely emanating from the countries of the European Union. The measures taken by the EBiPK units should be an adequate response to them. It seems to us that the results of the critical analysis in the framework of this article could become a prerequisite for the formulation of the concept of operational investigative counteraction to economic and corruption crimes, corresponding to modern realities. The author does not set himself the goal of comprehensively covering all issues related to this area of activity, since it is hardly achievable in a single article. Meanwhile, the paper argues that its improvement primarily involves the introduction of modern information technologies into practice, the generalization of advanced domestic and foreign experience in the context of the optimal modern scientifically verified model of organizing operational investigative counteraction to these types of crimes, which ultimately should serve as a tool for solving emerging problems, primarily related to with the identification and suppression of these acts in the context of digital transformation. Long-term practice has convincingly proved that the presence of the above-mentioned model makes it possible to avoid possible trial and error in solving these tasks in a timely manner. Taking this circumstance into account, we have attempted to share with the scientific community the author's approximate version of it. We believe that the material collected in the framework of this work can also serve as a prerequisite for the formation of a particular theory of operational investigative counteraction in the future.*

Ключевые слова*: органы внутренних дел, их подразделения ЭБиПК, система приобретения товаров, выполнения работ и оказания услуг для государственных и муниципальных нужд (сфера госзакупки), структурно-содержательная модель, вызовы и угрозы экономической безопасности, выявление и пресечение, экономические и коррупционные преступления, оперативно-розыскная методика.*

Keywords: *internal affairs bodies, their divisions of the EBiPC, the system of purchasing goods, performing works and rendering services for state and municipal needs (public procurement), structural and substantive model, challenges and threats to economic security, detection and suppression, economic and corruption crimes, operational investigative methodology.*

Для цитирования: *Иванов П.И. Экономическая безопасность и ее осуществление в сфере обеспечения товарами, работами и услугами государственных и муниципальных нужд // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 422-424. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_422.*

For citation: *Ivanov P.I. Economic security and its implementation in the provision of goods, works and services for state and municipal needs // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 422-424. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_422.*

Статья поступила в редакцию: 15.04.2026

Экономическая безопасность названной сферы – это такое ее состояние, которое характеризует защищенность от внешних и внутренних угроз посредством обеспечения финансово-экономического суверенитета, создания необходимых условий для реализации принятых нацио-

[1] Введение международных антироссийских санкций и проведение специальной военной операции оказало значительное влияние на финансово-хозяйственные процессы, что привело к возникновению новых, например, схем уклонения от налогообложения. В условиях интеграции Союзного государства и формирования Таможенного союза, эти факторы способствовали изменениям в правовой и экономической среде, создавая дополнительные возможности для совершения налоговых преступлений.

нальных проектов [1] как стратегической цели в общегосударственном масштабе[1].

В обеспечении экономической безопасности [9, с. 29-37] сферы государственных закупок во многом способствует введенная контрактная система, рассматриваемая нами как законодательно закрепленный комплекс правил и процедур для обеспечения государственных и муниципальных нужд товарами, работами и услугами [2], состоящий из следующих этапов: планирование, выбор поставщиков, заключение контрактов и контроль их исполнения. При этом хотим подчеркнуть, что контрактная система – это многоцелевая процедура. Эффективное расходование бюджетных средств среди них, на наш взгляд, занимает ключевое место, которое преследует минимизацию затрат при сохранении качества закупаемых товаров и услуг. Как нам представляется, в таком понимании оно пронизывает насквозь все остальные цели (стимулирование конкуренции, прозрачность и подотчетность, поддержка определенных категорий поставщиков, а также достижение макроэкономических целей). Так, например, создание равных условий для всех участников торгов в результате стимулирования конкуренции представляется возможным предотвращать случаев проявлений монополизации госзакупок или можно добиться существенного снижения коррупционных рисков за счет открытости процедур и общественного контроля благодаря реализации такой цели контрактной системы, как прозрачность и подотчетность.

Приведенные правила и процедуры, связанные с контрактной системой, преимущественно осуществляются подразделениями ЭБиПК территориальных органов МВД России на региональном уровне при реализации ими ряда функций. Среди них, по мнению автора, весьма значимыми продолжают оставаться следующие:

противодействие хищениям бюджетных средств, выделяемых в рамках национальных проектов. Говоря об этом, следует особо отметить, что в условиях проведения специальной военной операции и санкционного давления первоочередную значимость приобретает выявление и пресечение преступлений, связанных с посягательствами на бюджетные средства, выделяемые в том числе при реализации национальных проектов (их 20). Всего на период 2026 – 2030 годов на реализацию национальных проектов из федерального бюджета планируется выделить более 42,69 трлн рублей, в том числе 6,7 трлн рублей - в 2026 году. К сожалению, сфера закупок не является криминологически «чистой». Об этом свидетельствует тот факт: только в 2023г. было выявлено усилиями подразделений ЭБиПК территориальных органов МВД России 2757 преступлений, общая сумма ущерба по оконченным и приостановленным делам составила 8,6 млрд руб.;

выявление, предупреждение и раскрытие преступлений экономической и коррупционной направленности в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Как нам представляется, актуальность затронутой нами темы исследования обусловлена тем, что нынешняя система приобретения товаров, выполнения работ и оказания услуг для решения нужд муниципальных и государственных учреждений (обобщенное название – госзакупки) остается наиболее финансируемым направлением национальной экономики [10, с. 442-444]. Так, в частности, в 2024г. на осуществление госзакупок было израсходовано 11,6 трлн руб. (2023 г. – 15,7 трлн руб.). Указанные средства направлены на решение важных государственных задач, в том числе на оборону страны и реализацию иных социально значимых государственных программ;

оперативно-розыскное обеспечение защиты бюджетных средств, выделяемых на реализацию специального инфраструктурного проекта[2], финансирование которого осуществляется за счет средств федерального и регионального бюджетов, в том числе средств резервного фонда Правительства Российской Федерации. В структуре Управления «К» ГУЭБиПК МВД России специально создан отдел с целью организации и координации оперативно-розыскной деятельности, связанной с раскрытием экономических и коррупционных преступлений в бюджетной сфере на территориях Донецкой и Луганской Народных Республик, Херсонской и Запорожской областей, Республики Крым и города федерального значения Севастополь.

Говоря о специальном инфраструктурном проекте, нельзя не указать две группы мер: это меры по минимизации и исключению посягательств на бюджетные средства и средства внебюджетных источников, выделяемые на его реализацию, а также обеспечению защиты средств бюджетов субъектов РФ, полученных из федерального бюджета в виде бюджетных кредитов на финансовое обеспечение реализации указанного проекта;

противодействие коррупционным преступлениям[3], совершаемым высокопоставленными должностными лицами органов исполнительной власти, министерств и ведомств. Как показывает выборочное изучение, в условиях нынешних реалий криминальные схемы совершения коррупционных проявлений в большинстве своем связаны с получением взяток, злоупотреблением и превышением должностными полномочиями при распределении и освоении бюджетных средств в сферах образования, здравоохранения, строительства, дорожного хозяйства, поставок оборудования и материалов, а также кадровыми назначениями на ключевые должности в региональных министерствах и ведомствах. Указанное обстоятельство актуализирует своевременного принятия комплекса мер по их выявлению и пресечению.

В плане поиска оптимальных мер [11, с. 606-609], по мнению автора, деятельность образовательных организаций и научных учреждений, в частности, системы МВД России, играет немаловажную роль. И мы со своей стороны к этой проблеме стараемся относиться со всей ответственностью и тем самым она для нас не нова [5, 6, 7, 8, 12, 13].

Трудно не согласиться с утверждением практических работников о том, что некоторые должностные лица органов государственной власти и местного самоуправления покровительствуют хозяйствующим субъектам сферы предпринимательства, создавая для себя своеобразную «кормушку».

Наиболее коррупционногенной в силу солидных финансовых вливаний оказалась сфера государственных закупок. По мнению специа-

[1] Как известно, с 2025 года на территории Российской Федерации реализуется 20 новых национальных проектов, рассчитанных на период до 2030 года запланированным бюджетом более 40,75 трлн рублей.
[2] На реализацию указанного проекты только в 2023–2025 гг. было выделено бюджетных средств в сумме более 1,9 трлн рублей.
[3] Для убедительности приведем данные ФКУ «ГИАЦ МВД России». В прошлом году только подразделениями ЭБиПК территориальных органов МВД России было выявлено 19415 преступлений коррупционной направленности, т.е. рост на 10,4%. Из них в крупном или особо крупном размерах либо причинивших крупный ущерб – 8541, предварительно расследовано 17247, группой лиц либо группой лиц по предварительному сговору 1483, организованной группой либо преступным сообществом 2652. В суд направлены уголовные дела о 14675 преступлениях, выявлено 9088 лиц, совершивших преступления указанной категории.

листов, масштаб ущерба от коррупционных латентных и выявленных посягательств в сфере закупок перерастает в заметную долю валового внутреннего продукта, составляя самостоятельную угрозу национальной и экономической безопасности государства. Даже руководство ФАС России признает, что в последние годы нарушения в рассматриваемой сфере стали носить более скрытый (латентный) характер.

Помимо вышеперечисленных направлений приоритетными продолжают оставаться в аспекте защиты бюджетных средств и средств внебюджетных источников, направляемых на восстановление экономики и социальной сферы в субъектах РФ, пострадавших в результате боевых действий, а также управление активами прекративших свою деятельность в РФ иностранных организаций.

В числе основных задач, стоящих перед подразделениями ЭБиПК территориальных органов МВД России на региональном уровне, значится: предупреждение и пресечение нецелевого использования бюджетных средств, выделяемых на субсидирование и софинансирование проектов по импортозамещению в ключевых отраслях экономики; своевременное пресечение фактов криминального банкротства, а также незаконного вывода денежных средств за рубеж, успешное решение которых подразумевает координацию усилий органов, осуществляющих ОРД.

В заключении подведем некоторые итоги.

Во-первых, начальным этапом теоретического осмысления системы защиты бюджетных средств, выделяемых на реализацию национальных проектов (программ), предполагает уяснение сущности социально-экономической характеристики сферы госзакупки через призму обеспечения ее экономической безопасности. На основе полученных результатов целесообразно выработать научно обоснованный комплекс оперативно-розыскных и иных мер по выявлению и раскрытию экономических и коррупционных преступлений, прежде всего, хищений и фактов нецелевого расходования бюджетных средств, совершаемых на этапе их освоения.

Во-вторых, оперативно-розыскное обеспечение экономической безопасности сферы госзакупки подразумевает преимущественное сочетание современных достижений двух относительно самостоятельных теорий: экономической безопасности и теории ОРД, на стыке которых создаются предпосылки «рождения» новой частной теории, состоящей из трех взаимосвязанных компонентов: 1) системы научных принципов; 2) замысла (идей); 3) научно обоснованных закономерностей.

В-третьих, защита бюджетных средств, выделяемых на реализацию нацпроектов, есть система комплекса мер, принимаемых в интересах минимизации влияния негативных факторов на ее преследуемые цели (вызовов и угроз), обеспечения непрерывного слежения за состоянием сохранности средств. Такой комплекс ориентирован на своевременное получение оперативно значимой информации в первую очередь о подготавливаемых и совершаемых фактах хищений и нецелевого расходования указанных средств.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.04.2026).
2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.04.2026).
3. Иванов П.И. Обеспечение экономической безопасности: вызовы и угрозы, их преодоление // Право и государство: теория и практика**.** 2025. № 1. С. 430-433.
4. Иванов П.И. Оперативно-розыскное обеспечение деятельности по противодействию коррупции // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 448-454.
5. Иванов П.И. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных от преступлений коррупционной направленности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (72). С.37-40.
6. Иванов П.И., Шегабудинов Р.Ш. Противодействие организованным экономическим преступлениям, сопряженным с коррупцией // Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: Сб. матер. 51-х криминалистических чтений. Академия управления МВД России. Москва. 2010. С. 137-144.
7. Иванов П.И., Шегабудинов Р.Ш. Содержание понятия «организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией» // Журнал: «Труды Академия управления МВД России». 2011, № 2 (18). С. 44-47.
8. Лобанов М.А., Иванов П.И., Пилюгин Н.Н. Отдельные тактические вопросы документирования ОВД взяточничества в налоговых органах // Журнал «Оперативно-розыскная работа». 2016. С. 4-12.
9. Моровова И.М. Факторы инвестиционной безопасности региона в современных условиях // На страже экономики. 2026. Т. 1. № 36. С. 29-37.
10. Омелин В.Н., Пьянков М.Н. К вопросу об оперативно-розыскном обеспечении возмещения материального ущерба, причиненного преступлениями // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 442-444.
11. Реховский А.Ф. Понятие и признаки дистанционных преступлений в цифровую эпоху // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 606-609.
12. Тельбухов Д.Е., Иванов П.И. О противодействии коррупции // Журнал: «Закон и право». № 7. 2017. С. 111-113.
13. Янишевский А.Б., Иванов П.И. В борьбе с коррупцией неприкасаемых быть не может // Научно-информационный журнал «Государственная служба и кадры». Москва. 2015. С. 162-169.

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 309 dated May 7, 2024 "On National Goals and Strategic Objectives for the Development of the Russian Federation until 2030 and for the future until 2036" // SPS ConsultantPlus (accessed 04/15/2026).
2. On the contract system for the procurement of goods, works, and services to ensure for state or municipal needs: Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013 // SPS ConsultantPlus (accessed 04/15/2026).
3. Ivanov P.I. Ensuring economic security: challenges and threats, and overcoming them // Law and the State: theory and practice. 2025. No. 1. pp. 430-433.
4. Ivanov P.I. Operational investigative support of anti-corruption activities // Agrarian and land law. 2025. No. 3. pp. 448-454.
5. Ivanov P.I. Countering the legalization (laundering) of proceeds from corruption-related crimes // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (72). pp.37-40.
6. Ivanov P.I., Shegabudinov R.Sh. Countering organized economic crimes involving corruption // Countering the investigation of crimes and measures to overcome it: Collection of materials of 51 criminalistic readings. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow. 2010. pp. 137-144.
7. Ivanov P.I., Shegabudinov R.S. The content of the concept of "organized economic crime associated with corruption" // Journal: "Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia". 2011, No. 2 (18). pp. 44-47.
8. Lobanov M.A., Ivanov P.I., Pilyugin N.N. Selected tactical issues of internal affairs documentation of bribery in tax authorities // Journal of Operational Investigative Work. 2016. pp. 4-12.
9. Morovova I.M. Factors of investment security of the region in modern conditions // On guard of economics. 2026. Vol. 1. No. 36. pp. 29-37.
10. Omelin V.N., Pyankov M.N. On the issue of operational investigative provision of compensation for material damage caused by crimes // Law and the State: theory and practice. 2025. No. 1. pp. 442-444.
11. Rekhovsky A.F. The concept and signs of remote crimes in the digital age // Law and the State: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 606-609.
12. Telbukhov D.E., Ivanov P.I. On combating corruption // Journal: "Law and Law". No. 7. 2017. pp. 111-113.
13. Yanishevsky A.B., Ivanov P.I. There can be no untouchables in the fight against corruption // Scientific and Informational the magazine "Civil Service and Personnel". Moscow. 2015. pp. 162-169.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_425

УДК 343.7

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ КАК ОРУЖИЕ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ: КАК ПОЛОЖЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 01.04.2025 ФЗ-41 ПРЕПЯТСТВУЮТ ВЕДЕНИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ ГРАЖДАН РОССИИ

SOCIAL ENGINEERING AS A WEAPON OF MASS DESTRUCTION: HOW DO THE PROVISIONS OF THE FEDERAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION DATED 04.01.2025 FL-41 PREVENT THE CONDUCT OF PSYCHOLOGICAL WARFARE AGAINST RUSSIAN CITIZENS

РУДЕНКО Максим Борисович,
кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры информационных технологий
Восточно-Сибирский институт МВД России.
664074, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
E-mail: rudenko@inbox.ru ;

RUDENKO M.B.,
PhD in Engineering, Associate Professor, Professor of the Department of Information Technologies
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
664074, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Lermontov st., 110.
E-mail: rudenko@inbox.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматривается феномен социального кибермошенничества как новой формы психологической войны против населения России. Анализируются методы воздействия злоумышленников, основанные на приемах социальной инженерии, нейролингвистического программирования и создания искусственной срочности, которые позволяют манипулировать сознанием жертв и отключать их критическое мышление. Приводятся конкретные примеры преступлений, включая случаи с публичными людьми, а также статистика ущерба. Основной акцент сделан на анализе положений Федерального закона № 41-ФЗ, вступившего в силу в 2025-2026 годах. Подробно разбираются ключевые нововведения: запрет на использование иностранных мессенджеров для официальных звонков, маркировка вызовов, задержка отправки кодов доступа к «Госуслугам», институт доверенных лиц и ограничения на снятие наличных. Делается вывод о необходимости синтеза технических и психологических мер защиты, где закон создает инфраструктурный барьер, а ключевым условием безопасности остается бдительность и информированность самих граждан.*

Abstract. *The article examines the phenomenon of social cyberbullying as a new form of psychological warfare against the Russian population. The article analyzes the methods of cybercriminals' influence based on social engineering techniques, neuro-linguistic programming and the creation of artificial urgency, which allow manipulating the consciousness of victims and disabling their critical thinking. Specific examples of crimes, including cases involving public figures, as well as damage statistics are provided. The main focus is on analyzing the provisions of Federal Law No. 41-FL, which entered into force in 2025-2026. The key innovations are discussed in detail: the ban on the use of foreign messengers for official calls, the labeling of calls, the delay in sending access codes to «Public Services», the institution of trusted persons and restrictions on cash withdrawals. It is concluded that it is necessary to synthesize technical and psychological protection measures, where the law creates an infrastructural barrier, and the vigilance and awareness of citizens themselves remains a key condition for security.*

Ключевые слова. *Кибермошенничество, социальная инженерия, психологическая безопасность, Федеральный закон № 41-ФЗ, цифровой гипноз, манипуляция сознанием, противодействие преступлениям, финансовая грамотность, информационные технологии, защита персональных данных.*

Keywords. *Cyberbullying, social engineering, psychological security, Federal Law No. 41-FL, digital hypnosis, mind manipulation, crime prevention, financial literacy, information technology, personal data protection.*

Для цитирования: *Руденко М.Б. Социальная инженерия как оружие массового поражения: как положения Федерального закона Российской Федерации от 01.04.2025 ФЗ-41 препятствуют ведению психологической войны против граждан России// Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 425-428. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_425.*

For citation: *Rudenko M.B. Social engineering as a weapon of mass destruction: as the provisions of the Federal Law of the Russian Federation dated 04/01/2025 FZ-41 they prevent the conduct of psychological warfare against Russian citizens // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 425-428. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_425.*

Статья поступила в редакцию: 18.03.2026

Социальное кибермошенничество в России перестало быть просто кражей денег. Сегодня это сложная индустрия, построенная на стыке передовых психологических техник и высоких технологий. Злоумышленники больше не взламывают сейфы - они взламывают психику, превращая доверчивых граждан в добровольных плательщиков. Масштабы бедствия приобрели характер национальной угрозы: по данным официальной статистики, в 2023 году ущерб от действий кибермошенников превысил 156 млрд рублей, а в 2024 году эта цифра составляла 200 млрд рублей [8]. Только за первые пять месяцев 2025 года зарегистрировано свыше 308 тыс. подобных преступлений [2]

Киберпреступники - искусные социальные инженеры. Их главный инструмент - не вредоносный код, а нейролингвистическое программирование и управление эмоциями. Основная цель - отключить у жертвы критическое мышление и заставить действовать на инстинктах.

Наиболее эффективный прием - создание невыносимого чувства тревоги. Мошенники используют так называемый «прием искусственной срочности», когда жертве не дают времени на размышление, требуя сиюминутных действий [9].

Мошенники создают иллюзию законности происходящего. Они оперируют положениями нормативно-правовых актов, выстраивают сложные конструкции общения, подключая к разговору «руководителей организации», в которой работает потенциальная жертва, далее - «пол-

ковников спецслужб» и «сотрудников Центробанка». То есть потенциальную жертву вовлекают в бурно развивающийся круговорот событий, в центре которого он сам и находится. Данный человек понимает, что все события замыкаются на нем и от него зависит разрешение «существующей проблемы». Прессинг, осуществляемый на данного человека, «обязательства» и «надежда», которую на него возлагают, вынуждают его идти на встречу звонящему и совершать необдуманные шаги, которые в обыденной жизни ему выполнять и не пришло бы в голову. Все эти «просьбы» и «задания» от «спецслужб» прикрываются завесой тайны, «секретностью» выполняемой миссии и т.п.

Яркий пример. Гражданину на мессенджер приходит сообщение от «руководителя» организации, в которой он работает. Переписка может начаться с получения секундных видеороликов в «кружочке», сгенерированных искусственным интеллектом с изображением руководителя в рабочем кабинете и атрибутикой организации, например, на стене. Под таким «видео обращением» может быть текстовое сообщение с какой-либо просьбой (сообщить что-либо кому-либо, дать контакты других лиц организации, выполнить распоряжение), например, повзаимодействовать с «сотрудниками ФСБ».

Далее может последовать звонок «из ФСБ», в котором потенциальной жертве сообщают, что с ее счета уходят деньги на финансирование терроризма или ВСУ. В подтверждение этого потенциальной жертве направляют сообщение в мессенджер с «приказом ФСБ» о возбуждении уголовного дела в отношении нее. Конечно же, потенциальная жертва не понимает, что при открытии полученных файлов запускаются вредоносные программы, в частности, мошенники могут получить доступ к экрану мобильного устройства, способны видеть приложения, которые она использует, логины и пароли, которые вводит. Также мошенники продолжают выяснять - почему же деньги со счета жертвы «переводились» для поддержания террористической деятельности? Предполагается, что подобные действия могут вновь совершиться и без участия собственника денежных средств. Лже-сотрудники предлагают разобраться в этом, чтобы исключить дальнейшие «хищения». То есть под предлогом «разбирательств» собирается информация о гражданине, его финансовом положении в деталях. При этом на потенциальную жертву постоянно оказывается психологическое воздействие, его «ведут» по ложному пути, постоянно передавая от одних «специалистов» к другим, на каждом этапе повторяется тезис о желании «помочь», об уголовной ответственности, которую понесет потенциальная жертва, если откажется «сотрудничать со следствием». То есть делается все, чтобы гражданин не успел опомниться и «соскочить с крючка». Понятное дело, что для «сохранения» денег жертвы злоумышленники предложат их перевести на «безопасный счет» [3]. Как отмечают эксперты, фразы «нарушение закона», «уголовная ответственность», «содействие терроризму», «содействие ВСУ» являются одними из самых сильных психологических воздействий, способных заставить подчиниться разумных состоявшихся личночтей [4].

Мошенники могут использовать сценарий под конкретного человека или конкретную аудиторию. Ярчайшим примером психологической обработки стало дело летчика-космонавта Михаила Тюрина. Аферисты, изучив документальный фильм о нем в интернете, создали фейковый аккаунт его бывшего коллеги. Усыпив бдительность авторитетным именем, они вступили в переписку, затем переключили жертву на лже-руководство корпорации и «сотрудников ФСБ». Этот сценарий, построенный на безусловном доверии к власти и государственным службам, удерживал космонавта в плену иллюзий неделями, в результате чего он лишился 10 миллионов рублей [6].

Объектом атак могут стать и психологи - люди, которые, казалось бы, должны лучше других распознавать манипуляцию.

Следующий случай показывает это. Злоумышленник записался на онлайн-консультацию к психологу. За 15 минут переговоров он убедил специалиста перейти по фишинговой ссылке, замаскированной под Google Meet. Когда психолог ввела код, мошенник заблокировал её на поддельной странице, удерживая внимание разговорами о «глюках сервера», а сам в это время получил доступ к её облачному хранилищу с фото и видео [2].

Психологическое давление было бы неэффективным без современных технологий, позволяющих мошенникам действовать дистанционно и анонимно. Для этого могут использоваться программы удаленного доступа (RAT) - это «рабочие лошадки» современного кибермошенничества. Под видом сотрудников банка или операторов связи жертву убеждают установить приложения вроде RustDesk, AnyDesk или Zoom якобы для обновления тарифа или замены номера. На деле эти программы дают злоумышленнику полный контроль над смартфоном: он может открывать банковские приложения и видеть все, что видит жертва, либо совершать переводы самостоятельно [3]

Технологии позволяют создавать клоны официальных сайтов, неотличимые от оригиналов (клоны «Госуслуг», билетных касс, досок объявлений). Переход по ссылке из мессенджера ведет на такой сайт, где введенные данные карты уходят прямиком преступникам [3].

Кроме того, активно используются технологии подмены номеров и маркировки адресатов. Мошенники маскируют письма под уведомления от «Госуслуг», пугая жертву входом с территории Украины, и вынуждая позвонить по подставному номеру [2].

Преступность такого рода приобрела индустриальные масштабы. Злоумышленники выстраивают целые экосистемы, используя легальные сервисы (доставка еды, маркетплейсы) как звенья одной цепи. Любой код из SMS, даже не банковский, становится «точкой входа» для захвата цифровой идентичности. Человек может даже не знать, что его аккаунт на сервисе доставки используется для отправки курьера за деньгами к обманутому пенсионеру [7].

Проблема носит катастрофический характер и затрагивает все слои населения. Статистика последних лет демонстрирует не только рост числа преступлений, но и увеличение сумм единичных хищений. В Москве весной 2025 года зафиксирован рекордный случай хищения у одного человека - 450 млн рублей. В полиции отмечают, что «мелкие хищения практически исчезли», сейчас преступления совершаются в основном на суммы от 1 млн рублей [8].

Региональная динамика также пугает: В Иркутской области за 2025 год жители перевели мошенникам около миллиарда рублей [4]. При этом жертвами все чаще становятся не только пенсионеры, но и подростки, которых пугают обвинениями в терроризме и вынуждают отда-

вать семейные накопления [4], а для возврата средств требуют совершить противоправные действия в отношении общества, критически важных объектов, государственных структур.

Для пресечения мошеннических действий, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий 1 апреля 2025 года был принят Федеральный закон № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который вводит комплексные меры защиты, поэтапно вступающие в силу в течение 2025-2026 годов [1,5].

Его положения направлены на разрушение тех самых технических и психологических схем, которые используют преступники.

К марту 2026 года в России планируется создать платформу по борьбе с кибермошенниками. Это будет антифрод-платформа для взаимодействия госорганов, банков, операторов связи, организаторов сервиса обмена мгновенными сообщениями и провайдеров хостинга, пояснили в Минцифры РФ. По мнению экспертов, такая платформа позволит различным ведомствам и организациям наладить координацию для совместной борьбы с телефонным и цифровым мошенничеством. Оператором системы станет Минцифры, а ее участниками станут полиция, Центробанк, Генпрокуратура, провайдеры хостинга и другие структуры [10].

Ключевые изменения, которые по мнению законодателя способны снизить уровень преступности с использованием информационно-коммуникационных технологий:

1. Сотрудникам банков, госучреждений и операторов связи (с 01.06.2025) запрещено использовать иностранные мессенджеры (WhatsApp, Viber, Telegram и др.) для звонков клиентам. Это радикально упрощает идентификацию мошенников: звонок из мессенджера не может осуществляться организациями легально [1].
2. Организации (с 01.08.2025) должны осуществлять маркировку своих звонков: на экране телефона будет отображаться, какая организация звонит (банк, доставка и т.д.), что позволяет отсеивать подозрительные вызовы [1].
3. Код для входа в аккаунт «Госуслуги» (с 01.09.2025) не будет отправляться во время телефонного разговора. Он придет только после завершения звонка, лишая мошенников возможности манипулировать жертвой в режиме реального времени [1].
4. Граждане смогут назначать доверенное лицо (например, родственника), у которого банк будет дополнительно запрашивать подтверждение на выполнение финансовых операций. Это критически важно для защиты пожилых людей [1].
5. Вводится ограничение на снятие наличных. При подозрении на совершение мошеннических действий банкомат ограничит выдачу наличных 50 тыс. рублей в сутки на 48 часов, чтобы дать человеку время одуматься [1].
6. Вводится запрет на передачу SIM-карт третьим лицам (кроме близких родственников) и возможность самозапрета на оформление сим-карт без личного присутствия, что затруднит создание «ферм» для обзвонов [1,5].

Эти и другие меры, предусмотренные в ФЗ-41, расширяют возможности правоохранителей, обязывают операторов связи, банки, финансовые организации предпринимать соответствующие меры по реализации требований Федерального закона ФЗ-41.

Предполагается, что реализация указанных мер снизит эффективность применения социальной инженерии злоумышленниками. Технический барьер (запрет организациям звонков из мессенджеров, задержка кодов, контроль доверенных лиц) разрушает ключевое условие успеха мошенников - техническая реализация своих возможностей.

Но использование только лишь технических и организационных мер защиты не способно полностью обезопасить граждан от действий кибермошенников. Противодействие кибермошенничеству требует синтеза технических и психологических мер.

Задача государства заключается в том, чтобы лишить преступников технической инфраструктуры, сделать анонимные звонки и быстрый вывод денег невозможными. В этом смысле внедрение ФЗ-41 и создание государственных информационных систем для кросс-сервисного мониторинга - это движение к созданию «цифрового щита» от действий киберзлоумышленников.

Гражданам достаточно соблюдать «Пять правил защиты», разработанных правоохранителями, которые являются по сути инструкцией по психологической самозащите [9]:

1. Важно прервать разговор: при малейшем подозрении на общение с мошенниками (предложение по выполнению действий, с неясным исходом, запрос кода, угрозы, обвинения, предложение по использованию «безопасного счета») нужно положить трубку. Это ломает сценарий гипноза.
2. Возьмите паузу на раздумье: не принимайте решений сиюминутно. Знайте, что мошенники всегда торопят, а государство и банки - никогда.
3. Изучайте схемы обмана, чтобы опознать действия злоумышленников на ранней стадии.
4. Не переходите по ссылкам, используйте только официальные адреса и сайты. При необходимости, вводите адрес вручную.
5. Создайте надежную техническую защиту (двухфакторная аутентификация, антивирусы и антифрод-сервисы и т.п.).

Сегодня наше общество стоит в начале очередного этапа обеспечения цифровой безопасности противодействия кибермошенничеству. Психологическая война, которую ведут мошенники, требует мобилизации и государства и общества. ФЗ-41 стал очередным шагом законодателя на вызов времени. Но важно понимать, что никакой закон не защитит человека, который полностью доверившись влиянию «государственных» структур, совершает действия себе во вред. Без участия самого человека, без его добровольной «помощи» злоумышленники не способны причинить ему хоть сколько-то значимый вред. Только совместная работа государства и общества и понимание технологии совершения киберпреступлений способны остановить тот вал мошеннических действий с использованием информационно-коммуникационных техноло-

гий, которые совершаются сегодня.

Список литературы:

1. Прокуратура ЗАТО г. Лесной. Новые меры для защиты граждан от кибермошенников // Администрация городского округа «Город Лесной». - 23.06.2025. URL: https://lesnoy.poofeg.ru/gorodlesnoy.ru/gorodlesnoy.ru/about/defence/prosecutors_office.html (дата обращения: 16.03.2026)
2. Петров И. Психическая атака: мошенники переключили внимание на психологов // Известия / Фонд поддержки пострадавших от преступлений. - 23.07.2025. URL: https://iz.ru/1924793/ivan-petrov/psihiceskaa-ataka-mosenniki-perekliucili-vnimanie-na-psihologov?ysclid=mmobq8bqgc273993540 (дата обращения: 16.03.2026)
3. Информационные материалы о способах совершения противоправных действий с использованием информационных технологий и связи // Администрация Носовского сельского поселения. - 26.08.2025. URL: https://adm-nosovo.ru/novosti/informatsionnye-materialy-o-sposobakh-sovershheniya-protivopravnykh-dejstvij-s-ispolzovaniem-informatsionnykh-tekhnologij-i-svyazi?ysclid=mmobo3s2ie965793699 (дата обращения: 16.03.2026)
4. Жители Иркутской области потеряли почти миллиард рублей из-за кибермошенников в 2025 году // Правительство Иркутской области URL:https://baikal.mk.ru/social/2025/06/26/zhiteli-irkutskoy-oblasti-poteryali-pochti-milliard-rubley-izza-kibermoshennikov-v-2025-godu.html?ysclid=mmocbb2toe331816369 (дата обращения: 16.03.2026)
5. Деркsен В.Г. О мерах противодействия телефонному и сетевому мошенничеству // Госуслуги (Администрация Омска). - 28.04.2025. - URL: https://omsk-r52.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/pravovaya-informatsiya/razyasneniya-prokuratury/razyasneniya-prokuratury_5708.html?ysclid=mmoaqhts4c848777491 (дата обращения: 16.03.2026)
6. Надсадный А. Психотронная война: какие уловки помогают мошенникам обманывать людей // Пятый канал. - 10.06.2025. - URL: https://ru-an.info/n/159122/ (дата обращения: 16.03.2026)
7. Архитектура обмана // IT-World.ru. - 17.07.2025. - URL: https://www.it-world.ru/security/lpgq1x1ridcw4kc04gggcoswscgggwk.html?ysclid=mmoai0tnmk939322805 (дата обращения: 16.03.2026)
8. Россиянам назвали рекордную сумму ущерба от кибермошенников // Секрет Фирмы. - URL: https://secretmag.ru/survival/rossiyanam-nazvali-rekordnuyu-summu-usherba-ot-kibermoshennikov-skolko-im-otdal-zhitel-moskvy-20-10-2025.htm (дата обращения: 16.03.2026)
9. В МВД назвали пять правил защиты от мошенников // Фонд поддержки пострадавших от преступлений. URL: https://fondpp.org/news/o-glavnom/v-mvd-nazvali-pjat-pravil-zashhity-ot-moshennikov/?ysclid=mmo9i18jf5168787248 - 02.09.2025. (дата обращения: 16.03.2026)
10. URL:https://www.gazeta.ru/social/news/2025/10/27/27042452.shtml?ysclid=mmo7548n8j504848397&utm_auth=false (дата обращения: 16.03.2026)
11. Жители Иркутской области потеряли почти миллиард рублей из-за кибермошенников в 2025 году URL:https://baikal.mk.ru/social/2025/06/26/zhiteli-irkutskoy-oblasti-poteryali-pochti-milliard-rubley-izza-kibermoshennikov-v-2025-godu.html?ysclid=mmocbb2toe331816369 (дата обращения: 16.03.2026)
12. Руденко М.Б. Особенности нормативно-правового и организационного противодействия киберпреступлениям в западных странах и Российской Федерации в свете принятия Федерального закона ФЗ-41 Российской Федерации от 01.04.2025 // М.Б. Руденко, Ю.Э. Голодков / Право и государство: теория и практика. 2025. № 9. С. 614-617.
13. Руденко М.Б. Особенности нормативно-правового и организационного противодействия киберпреступлениям в Российской Федерации и некоторых странах Азиатско-тихоокеанского региона // М.Б. Руденко, Ю.Э. Голодков / Аграрное и земельное право.- 2025. № 9. С. 535-537.
14. М.Б. Руденко Роль национальных и отраслевых стандартов в системе нормативно-правового обеспечения кибербезопасности Российской Федерации // Руденко М.Б. / Право и государство: теория и практика,- 2026, № 4.
15. Руденко М.Б. Сравнительная характеристика нормативно-правового регулирования в области обеспечения кибербезопасности в Российской Федерации и Республике Казахстан в современных условиях // М.Б. Руденко / Право и государство: теория и практика,- 2026, № 5.

References:

1. The Prosecutor's Office of the city of Lesnoy. New measures to protect citizens from cybercriminals // Administration of the city district "City of Lesnoy". - 06/23/2025. URL: https://lesnoy.poofeg.ru/gorodlesnoy.ru/gorodlesnoy.ru/about/defence/prosecutors_office.html (date of request: 03/16/2026)
2. Petrov I. Mental attack: scammers have switched their attention to psychologists // Izvestia / Foundation for the Support of Victims of Crimes. - 07/23/2025. URL: https://iz.ru/1924793/ivan-petrov/psihiceskaa-ataka-mosenniki-perekliucili-vnimanie-na-psihologov ?ysclid=mmobq8bqgc273993540 (accessed: 03/16/2026)
3. Information materials on ways of committing illegal actions using information technologies and communications // Administration of Nosovsky rural settlement. - 08/26/2025. URL: https://adm-nosovo.ru/novosti/informatsionnye-materialy-o-sposobakh-sovershheniya-protivopravnykh-dejstvij-s-ispolzovaniem-informatsionnykh-tekhnologij-i-svyazi?ysclid=mmobo3s2ie965793699 (accessed: 03/16/2026)
4. Residents of the Irkutsk region lost almost a billion rubles due to cybercriminals in 2025 // Government of the Irkutsk region URL:https://baikal.mk.ru/social/2025/06/26/zhiteli-irkutskoy-oblasti-poteryali-pochti-milliard-rubley-izza-kibermoshennikov-v-2025-godu.html?ysclid=mmocbb2toe331816369 (accessed: 03/16/2026)
5. Derksen V.G. On measures to counter telephone and network fraud // Gosuslugi (Omsk Administration). - 28.04.2025. - URL: https://omsk-r52.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/pravovaya-informatsiya/razyasneniya-prokuratury/razyasneniya-prokuratury_5708.html?ysclid=mmoaqhts4c848777491 (accessed: 03/16/2026)
6. Nadsadny A. Psychotronic warfare: what tricks help scammers deceive people // Channel Five. - 06/10/2025. - URL: https://ru-an.info/n/159122 / (date of access: 03/16/2026)
7. The architecture of deception // IT-World.ru . - 07/17/2025. - URL: https://www.it-world.ru/security/lpgq1x1ridcw4kc04gggcoswscgggwk.html?ysclid=mmoai0tnmk939322805 (accessed: 03/16/2026)
8. Russians were told a record amount of damage from cybercriminals // The Secret of the Company. - URL: https://secretmag.ru/survival/rossiyanam-nazvali-rekordnuyu-summu-usherba-ot-kibermoshennikov-skolko-im-otdal-zhitel-moskvy-20-10-2025.htm (date of request: 03/16/2026)
9. The Ministry of Internal Affairs named five rules for protection against fraudsters // Foundation for the Support of Victims of Crimes. URL: https://fondpp.org/news/o-glavnom/v-mvd-nazvali-pjat-pravil-zashhity-ot-moshennikov/?ysclid=mmo9i18jf5168787248 - 02.09.2025. (date of access: 03/16/2026)
10. URL:https://www.gazeta.ru/social/news/2025/10/27/27042452.shtml?ysclid=mmo7548n8j504848397&utm_auth=false (accessed: 03/16/2026)
11. Residents of the Irkutsk region lost almost a billion rubles due to cybercriminals in 2025. URL:https://baikal.mk.ru/social/2025/06/26/zhiteli-irkutskoy-oblasti-poteryali-pochti-milliard-rubley-izza-kibermoshennikov-v-2025-godu.html?ysclid=mmocbb2toe331816369 (accessed: 03/16/2026)
12. Rudenko M.B. Features of regulatory and organizational counteraction to cybercrime in Western countries and the Russian Federation in the light of the adoption of Federal Law FZ-41 of the Russian Federation dated 04/01/2025 // M.B. Rudenko, Yu.E. Golodkov / Law and the state: theory and practice. 2025. No. 9. pp. 614-617.
13. Rudenko M.B. Features of regulatory and organizational counteraction to cybercrimes in the Russian Federation and some countries of the Asia-Pacific region // M.B. Rudenko, Yu.E. Golodkov / Agrarian and Land law.- 2025. No. 9. pp. 535-537.
14. M.B. Rudenko The role of national and industry standards in the system of regulatory and legal support for cybersecurity of the Russian Federation // Rudenko M.B. / Law and the state: theory and practice,- 2026, No. 4.
15. Rudenko M.B. Comparative characteristics of regulatory and legal regulation in the field of cybersecurity in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in modern conditions // M.B. Rudenko / Law and the state: theory and practice,- 2026, No. 5.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_429

УДК 341.96

ПОНЯТИЕ ДОСТОВЕРНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ
THE CONCEPT OF RELIABILITY OF EVIDENCE AND ITS IMPORTANCE IN THE PROOF PROCESS

МАНОХИН Виталий Сергеевич,
доцент кафедры финансового права и таможенной деятельности Юридического института ВлГУ, кандидат юридических наук.
600005, Россия, г. Владимир, ул. Студенческая, д. 8.
E-mail: i@vmanohin.ru;

MANOKHIN Vitaly Sergeevich,
Associate Professor of the Department of Financial Law and Customs Law Institute of the All-Russian State University, Candidate of Law Sciences.
8 Studencheskaya str., Vladimir, Russia, 600005.
E-mail: i@vmanohin.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена проблеме определения и практического применения критерия достоверности доказательств в уголовном судопроизводстве России на фоне активной гуманизации процессуального законодательства. Автор анализирует неопределенность легальной дефиниции достоверности в УПК РФ, что создает существенные трудности для правоприменителей при оценке доказательств. Особое внимание уделяется соотношению достоверности и допустимости доказательств, а также сравнению с зарубежными концепциями, в частности с английской доктриной «моральной достоверности». В завершение предлагается авторское определение достоверности как требования к доказательствам для формирования целостной картины события на основе их анализа в соотношении с объективной реальностью.*

Abstract: *The article addresses the problem of defining and practically applying the criterion of evidence reliability in Russian criminal proceedings against the backdrop of active humanization of procedural legislation. The author analyzes the uncertainty of the legal definition of reliability in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which creates significant difficulties for law enforcement officials in evaluating evidence. Special attention is paid to the correlation between reliability and admissibility of evidence, as well as to a comparison with foreign concepts, particularly the English doctrine of "moral certainty." In conclusion, the author proposes an original definition of reliability as a requirement for evidence to form a coherent picture of an event based on its analysis in relation to objective reality.*

Ключевые слова: *достоверность доказательств, допустимость доказательств, уголовно-процессуальное доказывание, оценка доказательств, внутреннее убеждение судьи, критерии доказательств.*

Key words: *reliability of evidence, admissibility of evidence, criminal procedure evidence, evaluation of evidence, judge's inner conviction, criteria of evidence.*

Для цитирования: *Манохин В.С. Понятие достоверности доказательств и её значение в процессе доказывания // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 429-431. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_429.*

For citation: *Manokhin V.S. The concept of reliability of evidence and its significance in the proving process // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 429-431. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_429.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Активная гуманизация уголовного судопроизводства привела к существенному развитию доказательственной теории. Вопросы доказывания и оценки получаемых сведений являются ключевыми и не теряют до сих пор своей актуальности. Одним из ключевых свойств доказательств можно считать достоверность.

Статья 302 УПК РФ устанавливает, что обвинительный приговор не может быть вынесен на основе предположений. Допустимость подразумевает подтверждение юридической силы получаемых сведений сквозь призму законодательно установленных критериев. То есть оценка любой информации строится на исследовании порядка её получения, относимости к материалам дела и соблюдении законодательных норм. В свою очередь достоверность невозможно назвать столь же формально определенным. С позиции некоторых авторов, этот признак определяет сопоставлением доказательств, то есть он работает лишь в условиях наличия очевидной совокупности данных. Если допустимость применяется в отношении каждого доказательства самостоятельно, то достоверность возможна в условиях построения системы фактов о рассматриваемом деле.

Достоверность в своём понимании как термин имеет различные значения и применяются в философии, теории судебных доказательств, гносеологии, логике, теории вероятностей, психологии, естествознании и других областях. Единого определения термина не существует, хотя собственное его определение пытались давать многие известные философы такие как Локк, Лейбниц, Фихте, Кант, Гегель и другие. [1, С. 6] Также и в уголовно-процессуальном законодательстве достоверность доказательств не имеет четкого определения, что создаёт проблему правоприменителям при оценке доказательств, поскольку не имеется критериев, по которым достоверное доказательство отличается от недостоверного, так как сама концепция достоверности отсутствует.

Достоверность доказательств оценивается судом и другими участниками уголовного судопроизводства, то есть данное понятие, как указано выше, носит оценочный характер и в соответствии со статьёй 17 УПК РФ — судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. [2, С. 210]

В любом случае, достоверность один из ключевых критериев при оценке любого доказательства. Он закладывается в саму процессуальную материю и предопределяет вынесение итогового вердикта.

Понятие достоверности не закреплено должным образом в УПК РФ. Его определяют сквозь призму вероятности наличия или отсутствия факта. Само по себе доказательство, как уже указывалось многократно в работе, не является целью доказывания. Оно средство обличения информации в уголовно-процессуальную материю. Достоверность в данном случае касается того, насколько полученные сведения могут быть подтверждены и использованы в рамках рассматриваемого дела. Является это объективным или субъективным критерием, применяется ли исключительно судом в рамках дела. Указанный выше подход отражает вероятностное содержание исследуемого понятия: невозможно заранее сказать или с гарантией утверждать, что какой – то факт можно считать истиной, так как он может противоречить уже существующей базе.

Интересно в данном разрезе рассмотреть иностранные подходы к данному термину. В Англии [1, С. 10] применяется термин «моральная достоверность», которая основывается на существующих представления судей о справедливости и несправедливости. С точки зрения правовой философии юридической науки, моральная достоверность должна превращаться в уверенность, касательно исхода дела. Сомнения, которые зарождаются в процессе исследования доказательств и изучения показаний свидетелей, должны устраняться, за счет построенной системы сведений о деле. В результате, с точки зрения английских юристов, достоверность не имеет объективного отражения и лишь заключается в сознании человека, раскрываясь с учетом опыта суда и иных доказательств. Однако данный подход имеет одну концептуальную проблему: где разумность человека переходит в действительную правовую разумность и можно ли утверждать в данном случае о повышенном субъективном интересе самого судьи. У. Уильз в противовес указывает, что моральная достоверность – это определенная степень уверенности, которая основывается на верных заключениях, с очевидностью исходящих из доказательств.

Здесь же затрагивается вопрос истинности и как достичь его судье. Является ли достоверность вероятностным явлением или полностью зависит от субъекта сбора доказательств и его правового понимания существа дела. Однако достоверность исходит из вероятности доказательств, которая подтверждает их применимость в рамках дела и повышает уверенность в правильном вынесении решения. Абсолютная истина недостижима, однако получение из совокупности сведений картины происходящего позволит приблизиться к событиям материальной действительности.

В своей время, одни из классиков уголовно-процессуальной науки Л. Владимиров указывал, что достоверность — это стечение обстоятельств, которые связаны с представленными в суд доказательствами, ведущее к убеждению суда в произошедшем событии. Все сводится к вопросам субъективной уверенности в истинности полученной информации.

В основе этого определения достоверности лежит подход к ней как к субъективной уверенности, убежденности. Фактически здесь речь идет о том, что выше характеризовалось как моральная достоверность.

А. И. Ротар [3, С.59] считал, что уголовно-процессуальная достоверность – это высокая степень вероятности в установленных фактах, которым не противопоставлялись иные факты о существовании противоречий или недостаточности существующих доказательств.

Рассмотрение достоверности невозможно без допустимости. Как уже указывалось выше, некоторые ученые рассматривают их как взаимосвязанные явления, при этом до сих пор ведутся дискуссии о том, может ли допустимость быть гарантией достоверности. Получение информации от свидетеля, который опирался на слухи о действиях обвиняемого будет одновременно недопустимым и недостоверным доказательством. В свою очередь, проведение экспертизы с нарушениями уголовно-процессуального порядка (неознакомление с постановлением о назначении и результатами к примеру) не исключает достоверность её результатов, однако ведет к признанию в качестве недопустимой.

Д. В. Арсеньев [4, С. 41] поддерживал подход С. В. Познышева и рассматривал достоверность как знание, которое подтверждено конкретной информацией. Л. М. Карнеева [5] связывала достоверность доказательств с объективной действительностью, то есть полученные сведения не противоречат реальным фактам. А. И. Копьева указывала, что достоверность – это обоснованное знание.

П. А. Лупинская [6] предлагала рассматривать достоверным любое знание, которое в ходе сбора проверки и оценки доказательств точно соответствовало правила, установленным в законе. Однако такой подход в большей степени подходит допустимости (в особенности, если бы он было единственными критерием, однако это не так).

Доктринальный анализ подходов выявил, что достоверность может пониматься не только в контексте доказательств, но и в контексте выводов. Раз для уголовно-процессуального законодательства важны именно сведения, то помимо оценки их формальной природы, встает вопрос о том, к какому итогу они ведут. Можно ли признать доказательства достоверными, однако приведут они к совершенно иным, недостоверным выводам. Можно исследовать информацию с компьютера и подтвердить их достоверность, однако на их основе будет всегда ли возможно сделать вывод, касающийся именно рассматриваемого дела. Возвращаясь к делу, о недопустимости использования информации, полученной из электронной почты. [7, С. 574] В случае, если информация о содержании переписки исходила от адресата электронного письма, достоверность данных сведений была бы под сомнением, особенно с учетом наличия доступа к исходному компьютеру. Сбор допустимых доказательств не ведет к формированию достоверных выводов, а лишь подтверждает, что полученные сведения могут считаться как юридически значимые.

Проблематика размытости достоверности приводит к попыткам структурировать имеющиеся уголовно-процессуальные нормы с целью построения математической формулы расчета вероятности достоверности доказательства. В ходе оценки применяют и философские методы в виде дедукции и логики, с целью поиска реального подтверждения истинности полученных доказательств.

Однако, приведенные подходы сводятся к единому прогнозируемому результату. То есть даже при разности исходных данных, в них существует алгоритм приведения к единому знаменателю. В случае уголовного процесса, подобный подход невозможен, ввиду отсутствия уве-

ренности в каждом из первоначальных доказательств. Достоверность подтверждается системой сведений, однако одновременно с этим оно и формирует ту самую систему. Допустимость не ставит своей целью исследовать взаимосвязь доказательств, однако в случае достоверности именно может стать одним из условий достижения высокой степени вероятности при вынесении приговора.

Достоверность в большей степени, нежели допустимость, абстрактный критерий. Он выступает в качестве критерия, однако одновременно с этим и в качестве ключевого условия справедливого решения. Главная цель – это достижение истины, при этом как в отношении совершенного преступления, так и в отношение наличия обоснованности истины. Доказательства в данном случае не рассматриваются как вещи, которые приближают к раскрытию фактов, они несут в себе аргументы в пользу конкретной теории и обосновывают принятое убеждение. Объективизация наличия или отсутствия фактов, либо их сочетание всегда проходит сквозь призму субъективной оценки судьи.

Достоверность по-разному раскрывается как в отношении единственного доказательства, так и в случае оценки целого массива информации. Одно конкретное сведение не может создать целостную картину произошедшего и не приводит к выводу о случившемся: исключительно комплексная оценка всех подходящих фактов, документов, действий позволяет выдвинуть предположение. Итогом этого процесса становится достоверный вывод, который формируется в процессе длительного анализа материалов дела.

Таким образом, можно говорить об особом статусе достоверности, как наиболее абстрактного критерия при оценке доказательств. Его особенностью можно считать повышенный уровень абстракции в подходе к доказательствам, а также двойственной природе (исследуются как сами доказательства, так и сведения в части достоверности). Отсутствие легальной дефиниции понятия усложняет попытки его максимально систематизировать и предложить практические формы реализации. В рамках исследования предлагается определить достоверность – как требование, предъявляемое к получаемым и (или) уже имеющимся в деле доказательствам, с целью определения целостной картины произошедшего, на основании анализа доказательств по отношению к объективной реальности и уже имеющимся иным доказательствам.

Список литературы:

1. Гришина, Е. П. Достоверность доказательств и способы ее обеспечения в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. П. Гришина. – Москва, 1996. – 21 с.
2. Количенко, А. А. Свойство достоверности как критерий оценки электронных доказательств в современном уголовном судопроизводстве / А. А. Количенко // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 4 (60). – С. 209–213.
3. Ротар, А. И. Проверка и оценка достоверности доказательства в уголовном процессе / А. И. Ротар // Вестник Северо-Восточного государственного университета. – 2022. – № 38. – С. 56–61.
4. Балакшин, В. С. Признание доказательств, полученных с нарушением требований уголовно-процессуального закона, недопустимыми и исключение их из уголовного дела / В. С. Балакшин // Российский судья. – 2018. – № 1. – С. 41–45.
5. Балакшин, В. С. Соотношение допустимости доказательств с их относимостью и достоверностью / В. С. Балакшин // Законность. – 2014. – № 3. – С. 8–14.
6. Лупинская, П. А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе / П. А. Лупинская // Российская юстиция. – 2002. – № 7. – С. 7–9.
7. Минеева, В. Н. Проблемы использования электронных доказательств в уголовном процессе / В. Н. Минеева // Аллея науки. – 2022. – Т. 2, № 12 (75). – С. 574–577.

References:

1. Grishina, E. P. Reliability of evidence and ways to ensure it in criminal proceedings : abstract of the dissertation of the candidate. jurid. Sciences : 12.00.09 / E. P. Grishina. – Moscow, 1996. – 21 p.
2. Kolichenko, A. A. The property of reliability as a criterion for evaluating electronic evidence in modern criminal proceedings / A. A. Kolichenko // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (60). – Pp. 209-213.
3. Rotar, A. I. Verification and assessment of the reliability of evidence in criminal proceedings / A. I. Rotar // Bulletin of the North-Eastern State University. - 2022. – No. 38. – pp. 56-61.
4. Balakshin, V. S. Recognition of evidence obtained in violation of the requirements of the criminal procedure law as inadmissible and their exclusion from the criminal case / V. S. Balakshin // Russian judge. - 2018. – No. 1. – pp. 41-45.
5. Balakshin, V. S. The ratio of the admissibility of evidence with their relevance and reliability / V. S. Balakshin // Legality. – 2014. – No. 3. – pp. 8-14.
6. Lupinskaya, P. A. Evidence and proof in a new criminal trial / P. A. Lupinskaya // The Russian justice system. - 2002. – No. 7. – pp. 7-9.
7. Mineeva, V. N. Problems of using electronic evidence in criminal proceedings / V. N. Mineeva // Alley of Science. - 2022. – Vol. 2, No. 12 (75). – pp. 574-577.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_432

УДК 343.152.9(470)

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОБЛЕМ, СВЯЗАННЫХ С ВОЗМЕЩЕНИЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИЗДЕРЖЕК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
PROSPECTS FOR OVERCOMING PROBLEMS RELATED TO REIMBURSEMENT OF PROCESSUAL COSTS IN THE CRIMINAL PROCEEDING

МАЛИКОВА Наталия Валерьевна
доцент кафедры уголовного процесса
Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент
450103, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.
E-mail: natali-malikova@yandex.ru

MALIKOVA Natalia Valerievna
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.
450103, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinova Street, 2.
E-mail: natali-malikova@yandex.ru

Краткая аннотация: *в статье рассматриваются проблемные аспекты института возмещения процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве, обосновывается потребность в создании эффективного механизма обеспечения взыскания процессуальных издержек, который в настоящее время нельзя считать полноценно разработанным. Предлагаются пути совершенствования порядка возмещения процессуальных издержек в уголовном процессе.*

Abstract: *The article discusses the problematic aspects of the institution of compensation for procedural costs in criminal proceedings, and substantiates the need to create an effective mechanism for ensuring the recovery of procedural costs, which is currently not fully developed. The article proposes ways to improve the procedure for compensating procedural costs in criminal proceedings*

Ключевые слова: *возмещение, восстановление. затраты, издержки, оплата, расходы, участники процесса.*

Keywords: *compensation, restoration. costs, expenses, payments, expenditures, participants in the process.*

Для цитирования: *Маликова Н.В. Перспективы преодоления проблем, связанных с возмещением процессуальных издержек в уголовном процессе // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 432-434. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_432.*

For citation: *Malikova N.V. Prospects for overcoming problems related to reimbursement of procedural costs in criminal proceedings // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 432-434. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_432.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Публичная природа уголовного судопроизводства предполагает выделение государством значительных ресурсов различного характера – финансовых, кадровых, организационных, административных. Исторически сложившееся в правовой доктрине, начиная с Устава уголовного судопроизводства 1864 года, разделение подобных расходов на судоустройственные и судопроизводственные сохраняет свою актуальность. Судоустройственные затраты, направленные на содержание и обеспечение функционирования системы органов уголовной юстиции, включая заработную плату судей, прокуроров, следователей, эксплуатационные и административные расходы, безусловно возлагаются на государство [1, с. 398]. В отличие от них, судопроизводственные расходы, непосредственно связанные с производством по конкретному уголовному делу, представляют собой особую категорию, бремя которых может распределяться не только за счет государственного бюджета, но и за счет участников процесса. Обе группы расходов отличаются значительным объемом и разнообразием.

Законодательная регламентация случаев отнесения затрат к судопроизводственным расходам имеет тенденцию к постоянному расширению и детализации. Подобная динамика объясняется стремлением законодателя к обеспечению правовой определенности в данной сфере, что, однако, закономерно ведет к росту как абсолютных, так и относительных показателей соответствующих бюджетных ассигнований в правоприменительной деятельности. Указанные расходы, имеющие денежное выражение и подчиняющиеся экономическим закономерностям, обладают сложной правовой природой, сочетающей публичные и частные начала. Государство, осуществляя уголовное преследование как публичную функцию, несет связанные с данной деятельностью затраты, однако механизм восстановления нарушенного имущественного положения участников процесса содержит существенный диспозитивный элемент, оказывающий непосредственное влияние на реализацию соответствующих правоотношений [2, с. 68].

Независимо от отраслевой природы регулирующих норм, имущественные интересы лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, подлежат защите и восстановлению. Речь идет о приведении имущественного статуса таких лиц в положение, существовавшее до момента возбуждения уголовного дела. Игнорирование данного принципа не только лишает государство возможности рационально распоряжаться значительными финансовыми ресурсами для решения общественно значимых задач, но и подрывает доверие общества к правоохранительной системе, порождая ощущение несправедливости в ее работе. Защита публичных и государственных интересов посредством уголовного преследования по делам публичного и частно-публичного обвинения является прямой обязанностью государства, что предполагает необходимость соответствующих финансовых вложений, их последующий учет и возможное возмещение.

Помимо возмещения рассматриваемых расходов из федерального бюджета, законодательство предусматривает возможность их взыскания с участников уголовного процесса. Теоретически такое взыскание может производиться на добровольной основе, однако на практике добровольное исполнение данной обязанности представляется маловероятным. Лишение части собственного имущества в счет возмещения процессуальных издержек является неблагоприятным последствием, которого большинство лиц стремится избежать. Участники процесса зачастую оказывают противодействие реализации восстановительной функции института, отказываясь от добровольной компенсации назначенных судом сумм, вплоть до сокрытия имущества от органов предварительного расследования, а впоследствии – от службы судебных приставов. Указанная ситуация актуализи-

рует потребность в создании эффективного механизма обеспечения взыскания процессуальных издержек, который в настоящее время нельзя считать полноценно разработанным. Лишь в последние годы в научной литературе появились фундаментальные и прикладные исследования, посвященные данному процессуальному институту, однако множество вопросов обеспечения взыскания остаются без удовлетворительных ответов [3, с. 144].

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) содержит достаточно подробную, но не лишенную пробелов и противоречий регламентацию института процессуальных издержек. К числу проблемных мест правового регулирования относится терминологическая множественность – использование различных понятий, таких как «взыскание», «возмещение», «распределение» без четкого разграничения их содержания. Дискуссионными остаются вопросы возмещения расходов потерпевшего на оплату услуг представителя, компенсации затрат на хранение вещественных доказательств, применения норм, позволяющих освободить осужденного от возмещения процессуальных расходов. Отмеченная неопределенность порождает противоречивую судебную практику, на что справедливо указывают исследователи.

Еще более сложной представляется ситуация с возмещением процессуальных издержек на стадии предварительного расследования. Даже при формальном соблюдении требований закона об установлении и подсчете понесенных расходов, следователь или дознаватель далеко не всегда совершает необходимые обеспечительные действия. Сам институт процессуальных издержек зачастую воспринимается правоприменителями как второстепенный, не являющийся органичной частью уголовного процесса.

Подтверждением служит практика досудебного производства, где случаи отражения процессуальных издержек в итоговых документах встречаются крайне редко. Проведенные исследования свидетельствуют, что существующие механизмы не обеспечивают полного покрытия расходов участников процесса, вследствие чего значительные суммы, затраченные на судопроизводство, не возвращаются в бюджет [4, с. 477].

Неслучайно Пленум Верховного Суда Российской Федерации [5] в своем постановлении был вынужден специально разъяснять обязанность органов следствия и дознания прилагать к обвинительным документам справку о процессуальных издержках и указывать на необходимость проверки выполнения данного требования судом.

Таким образом, на стадии предварительного расследования процессуальные издержки, объективно возникающие, зачастую не фиксируются, не подсчитываются и не обеспечиваются мерами, гарантирующими их последующее взыскание.

Причины игнорирования правоприменителями обязанности по обеспечению исполнения приговора в части имущественных взысканий, связанных с издержками, носят комплексный характер.

1. Процедура взыскания процессуальных издержек в статьях 131 и 132 УПК РФ прописана недостаточно детально. Например, неоднозначность законодательной формулировки «другие имущественные взыскания» создает проблемы при наложении ареста на имущество для обеспечения возмещения издержек, что отмечается большинством практикующих юристов.

2. Деятельность органов предварительного расследования традиционно сосредоточена на решении так называемого основного вопроса – доказывании виновности, тогда как все иные вопросы, включая исчисление и обеспечение взыскания издержек, решаются по остаточному принципу. Сложность расчетов и процедур обеспечения не вызывает особой озабоченности у следователей и дознавателей, особенно учитывая позицию Верховного Суда, согласно которой отсутствие в материалах дела сведений об издержках само по себе не является безусловным основанием для его возвращения прокурору.

3. Сама процедура калькуляции издержек отличается значительной сложностью. Множество подзаконных нормативных актов, регулирующих порядок исчисления различных видов затрат, порождает путаницу и неоднозначные ситуации.

4. На стадии расследования исход дела, включая вероятность постановления обвинительного приговора, остается неочевидным, что создает сомнения в целесообразности трудоемких действий по обеспечению будущего взыскания.

5. Правоприменители, перегруженные работой, зачастую не придают должного значения обеспечению исполнения приговора в данной части, предпочитая игнорировать наличие расходов или формально подходить к их учету.

6. Открытый характер перечня издержек, допускающий включение в состав «иных расходов», связанных с производством по делу, создает широкое поле для судебного усмотрения и разночтений, осложняя процесс доказывания и возмещения.

К подобным «иным расходам» судебная практика и доктрина относят широкий спектр затрат. В их число входят расходы потерпевшего на участие в процессе, не связанные с личным присутствием, например, на оплату услуг адвоката; затраты родственников умершего на эксгумацию и последующее захоронение; расходы на проведение следственных действий, не относящихся к экспертизам, включая возмещение стоимости поврежденного в ходе эксперимента имущества или оплату услуг статистов для опознания.

Комментарии к УПК РФ и научные работы расширяют данное понимание, предлагая относить к издержкам затраты на сбор и представление доказательств сторонами, возмещение стоимости имущества, поврежденного в ходе законных действий органов расследования, оплату услуг юристов, не являющихся адвокатами, расходы на копирование материалов дела, затраты на обеспечение ухода за детьми обвиняемого и охрану его имущества [6, с. 164].

Высказываются предложения о включении в перечень расходов на розыск скрывшихся лиц, оплату привода, выплаты гражданам и специалистам, участвующим в гласных оперативно-разыскных мероприятиях. Пленум Верховного Суда также указывает на неисчерпывающий характер перечня, рекомендуя учитывать документально подтвержденные и обоснованные расходы любых заинтересованных лиц на любой стадии процесса, включая затраты на привлечение педагогов и психологов.

Неопределенность круга подлежащих возмещению расходов, а также возможность их взыскания как с осужденного, так и за счет бюджета, создает риск ошибки при выборе субъекта, на чье имущество могут быть наложены обеспечительные ограничения. Основным средством обеспече-

ния исполнения приговора в части имущественных взысканий служит наложение ареста на имущество. Однако цель его применения, сформулированная в законе как обеспечение «иных имущественных взысканий», не раскрывается. Большинство опрошенных практиков признают процессуальные издержки разновидностью таких взысканий, с чем соглашаются и многие исследователи. Подобный подход находит поддержку в сравнительном законодательстве ряда государств, где арест имущества прямо предназначен для обеспечения взыскания судебных издержек [7, с. 163].

Несмотря на правовую обоснованность, практическое обеспечение взыскания процессуальных издержек сталкивается с серьезными препятствиями. Исследователи отмечают, что слабая материально-техническая база службы судебных приставов, их перегруженность и недостаточная компетентность сводят к минимуму возможность реального исполнения приговора в части имущественных взысканий при отсутствии подготовительных действий на досудебных стадиях.

Одним из глубинных препятствий является стремление правоприменителей избегать применения сложного института процессуальных издержек. Проявлением подобного подхода служит несвоевременное, а зачастую и полное неразъяснение участникам процесса их права на возмещение понесенных расходов и возможных мер обеспечения. Учитывая кажущуюся второстепенность вопроса об издержках, должностным лицам удобнее отступить от требования закона о разъяснении прав, что отмечается в литературе как типичное нарушение [8, с. 144].

Проблемы возникают и при непосредственном применении обеспечительной меры в виде ареста имущества. Остается неопределенным фактическое основание для наложения такого ареста в целях обеспечения взыскания издержек: достаточно ли наличия самих издержек, либо требуются данные о сокрытии имущества или риске таких действий [9, с. 15]. Правовая природа взыскания процессуальных издержек, занимающая промежуточное положение между публично-правовыми мерами и гражданско-правовыми требованиями, предполагает необходимость учета как самого факта наличия расходов, так и их размера, а также поведения лица, инициировавшего события, повлекшие издержки.

Обеспечение взыскания издержек допустимо не во всех случаях, и законодательство предусматривает ряд оснований для освобождения от их уплаты, таких как реабилитация, имущественная несостоятельность осужденного, рассмотрение дела в особом порядке. Таким образом, вопросам теоретического обоснования, нормативной регламентации и формирования устойчивой практики обеспечения взыскания процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве предстоит уделить значительное внимание, учитывая двойственную публично-частную природу данного института.

Перспективы развития института видятся в достижении оптимального баланса между принципом процессуальной экономии, требующим разумного расходования государственных средств, и необходимостью создания максимально благоприятных условий для реализации прав участников уголовного судопроизводства. Достижение такого баланса возможно через:

1) уточнение и структурирование открытого перечня издержек с выделением типичных, бесспорных видов расходов и установлением четких критериев для оценки «иных расходов»;

2) упрощение процедуры возмещения, особенно в отношении реабилитированных лиц, с минимализацией бюрократических барьеров;

3) внедрение современных технологий учета и финансирования процессуальных издержек, в том числе в цифровой форме;

4) усиление судебного контроля за обоснованностью как взыскания издержек с осужденного, так и отказа в их возмещении иным участникам процесса.

В заключение необходимо подчеркнуть, что институт процессуальных издержек, оставаясь техническим элементом уголовно-процессуальной формы, имеет фундаментальное значение для всего строя уголовного судопроизводства. Его сущность заключается в материальном обеспечении принципов справедливости и состязательности, а значение – в создании реальных, а не декларативных условий для равной и эффективной защиты прав и законных интересов личности в публичном споре с государством. Постоянное развитие законодательства и практики его применения требует непрерывного научного осмысления данного института, направленного на поиск решений, отвечающих как требованиям эффективного правосудия, так и высшим стандартам защиты прав человека.

Список литературы:

1. Закирова Э.Ф., Шайхутдинова З.З., Куранов А.С. Понятие материальных затрат и их содержание в уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 4. – С. 398.
2. Михайлов А.А. Взыскание процессуальных издержек // Законность. – 2024. – № 7. – С. 68.
3. Квасница С.Е. Некоторые проблемные аспекты определения процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве // Форум. 2024. № 2. С. 144.
4. Дехерт А.А. Понятие и критерии процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве / В сб.: Развитие конституционного и отраслевого законодательства в эпоху глобальных перемен и больших вызовов. – Волгоград, 2024. – С. 477.
5. О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 42. Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 11.03.2026).
6. Соловьева Н.А., Дехерт А.А. Интегрированное значение принципа справедливости взыскания уголовно-процессуальных издержек // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2024. – № 4. – С. 167.
7. Шайхутдинова З.З. Процессуальные издержки в уголовном судопроизводстве / В сб.: Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. – Брянск, 2024. – С. 163.
8. Квасница С.Е. Некоторые проблемные аспекты определения процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве // Форум. 2024. № 2. С. 144.
9. Власова Н.А., Власова В.С. Первоочередные направления совершенствования норм, регламентирующих процессуальные издержки в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. – 2024. – № 1. – С. 15.

References:

1. Zakirova E.F., Shaikhutdinova Z.Z., Kuranov A.S. The concept of material costs and their content in criminal proceedings // Eurasian Law Journal. 2025. No. 4. P. 398.
2. Mikhailov A.A. Collection of procedural costs // Legality. – 2024. – No. 7. – p. 68.
3. Kvasnitsa S.E. Some problematic aspects of determining procedural costs in criminal proceedings // Forum. – 2024. – No. 2. – P. 144.
4. Dekhert A.A. The concept and criteria of procedural costs in criminal proceedings / In the collection: The development of constitutional and sectoral legislation in an era of global change and great challenges. Volgograd, 2024, p. 477.5.
On the practice of courts applying legislation on procedural costs in criminal cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/19/2013 No. 42. The official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru) (date of access: 03/11/2026).
6. Solovyova N.A., Dekhert A.A. The integrated meaning of the principle of fairness in collecting criminal procedural costs // Bulletin of the Saratov State Law Academy. - 2024. - No. 4. – p. 167.
7. Shaikhutdinova Z.Z. Procedural costs in criminal proceedings / In: Actual problems of modern science: the view of young scientists. Bryansk, 2024, p. 163.
8. Kvasnitsa S.E. Some problematic aspects of determining procedural costs in criminal proceedings // Forum, 2024, No. 2, p. 144.
9. Vlasova N.A., Vlasova V.S. Priority areas for improving the norms governing procedural costs in criminal proceedings // Justice of the Peace. – 2024. – No. 1. – p. 15.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_435

УДК 343.2

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
SOME ISSUES OF INTERACTION IN CRIME INVESTIGATION

СОКОЛОВА Татьяна Сергеевна,
Доцент кафедры головного процесса Уфимского юридического института МВД России.
450103, Россия, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2
E-mail: tatyana.fadeeva.19@bk.ru

БУМБА Василий Васильевич
Старший преподаватель кафедры физической подготовки
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
117437, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д.12.
E-mail: Eveline_85@mail.ru

ЛЕЩЕНКО Евгений Александрович
Старший преподаватель кафедры физической подготовки и спорта
Краснодарского университета МВД России.
350005, Россия, г. Краснодар ул. Ярославская, д.128.
E-mail: Leshenko_evgeniy1983@mail.ru

SOKOLOVA Tatiana Sergeevna,
Associate Professor of the Head Process Department
at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
2 Muksinova str., Ufa, 450103, Russia
E-mail: tatiana.fadeeva.19@bk.ru

BUMBA Vasily Vasilyevich
Senior Lecturer at the Department of Physical Training
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.
12 Akademika Volgina str., Moscow, 117437, Russia.
E-mail: Eveline_85@mail.ru

LESHCHENKO Evgeny Alexandrovich
Senior Lecturer at the Department of Physical Training and Sports
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
128 Yaroslavskaya str., Krasnodar, 350005, Russia.
E-mail: Leshenko_evgeniy1983@mail.ru

Краткая аннотация: *взаимодействие следователя и других уполномоченных лиц, позволяет выполнять определенные процессуальные действия, которые важны для обеспечения хода надлежащего предварительного расследования по уголовному делу. В уголовном процессе эффективность правосудия во многом зависит от слаженного взаимодействия всех участников – органов дознания, следствия, прокуратуры, суда, а так же лиц, обладающие процессуальными правами и обязанностями, включая подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и их представителей. Институт поручения в уголовном процессе представляет собой важный механизм обеспечения взаимодействия между различными участниками производства по уголовным делам. Его значение заключается не только в технической координации действий органов дознания, следствия и прокуратуры, но и в более глубокой функции − содействии достижению целей уголовного судопроизводства: установлению истины, обеспечению законности и защите прав всех участников процесса.*

Abstract: *The interaction between the investigator and other authorized persons allows for the performance of certain procedural actions that are important for ensuring the proper course of the preliminary investigation of a criminal case. In criminal proceedings, the effectiveness of justice depends largely on the coordinated interaction of all participants – the inquiry and investigation agencies, the prosecutor's office, the court, as well as persons with procedural rights and obligations, including suspects, accused persons, victims, and their representatives. The institution of mandate in criminal proceedings is an important mechanism for ensuring interaction between various participants in criminal proceedings. Its importance lies not only in the technical coordination of the actions of the preliminary inquiry, investigative bodies, and the prosecutor's office, but also in its deeper function – facilitating the achievement of the goals of criminal proceedings: establishing the truth, ensuring the rule of law, and protecting the rights of all participants in the proceedings.*

Ключевые слова: *следователь, следственные действия, поручение, взаимодействие, орган дознания, предварительное расследование.*

Key words: *investigator, investigative actions, assignment, interaction, inquiry body, preliminary investigation.*

Для цитирования: *Соколова Т.С., Бумба В.В., Лещенко Е.А. Некоторые вопросы взаимодействия при расследовании преступлений // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 435-437. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_435.*

For citation: *Sokolova T.S., Bumba V.V., Leshchenko E.A. Some issues of cooperation in the investigation of crimes // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 435-437. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_435.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

В современной системе управления поручения являются неотъемлемой частью оперативного взаимодействия между субъектами управленческой деятельности.

Разделение ответственности представляет собой сложный организационный процесс, который направлен на закрепление ответственности за конкретными структурными единицами, в свою очередь делегирование полномочий понятие более динамичное и заключающееся в передачи части прав и обязанностей от руководителя к подчинённым. Делегирование ответственности позволяет оптимально распределять управленческие задачи.

Делегирование полномочий необходимо рассматривать с точки зрения трех аспектов:

1. Передача прав самостоятельно принимать решения в определенной сфере деятельности
2. Наделение соответствующими ресурсами для реализации поставленных задач
3. Установление персональной ответственности за достижение запланированных результатов[1].

Поручение в уголовном процессе представляет собой управленческое решение, выражающее волю уполномоченного должностного лица, к примеру следователя, дознавателя, прокурора о выполнение определенных процессуальных или организационных действий подчинённым или иным лицам, участвующим в уголовном производстве.

Поручение, так же как и юридический факт обладает правовыми последствиями. Оно обусловлено возникновением обязанностей исполнителя совершить конкретные действия, указанные в поручение, однако для выполнения поручения уполномоченному лицу необходимо иметь определённые полномочия для его реализации. В данном случае речь идет о делегированных полномочиях.

Поручение в отличие от приказа, носящего императивный характер и обязательный характер или распоряжение, регулирующего внутреннюю организацию деятельности, носит адресный и ситуативный характер, будучи направленный на достижение конкретных целей предварительного расследования.

Процессуальные поручения в уголовном судопроизводстве играют роль не просто вспомогательного инструмента, а ключевого механизма обеспечения координации, специализации и территориальной эффективности расследования. Однако, несмотря на их регламентацию в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, на практике нередко возникают существенные нарушения, связанные с ненадлежащим оформлением, неопределённостью содержания и нарушением сроков исполнения поручений. Это, в свою очередь, влечёт за собой как процессуальные последствия (например, признание доказательств недопустимыми), так и нарушение прав участников уголовного судопроизводства, в первую очередь подозреваемых и обвиняемых.

Согласно УПК РФ, поручение должно быть оформлено в письменной форме и содержать указания на конкретные действия, подлежащие выполнению, а также на срок их исполнения. На первый взгляд, требование представляется исчерпывающим, однако анализ следственной практики выявляет существенные пробелы в регулировании. В частности, УПК РФ не устанавливает единого шаблона структуры поручения, что приводит к произвольности в его оформлении. В одних случаях следователи ограничиваются общими формулировками − например, «произвести осмотр места происшествия» или «установить местонахождение подозреваемого», − без указания конкретных объектов, границ действия или методических рекомендаций. В других − наоборот, перегружают поручение избыточными деталями, что затрудняет его исполнение и может быть расценено как вмешательство в процессуальную самостоятельность исполнителя.

Содержание поручения должно отвечать принципу определённости и конкретности, вытекающему из общих требований к процессуальным решениям. Это означает, что в поручении должны быть чётко обозначены:

− объект действия (например, конкретное помещение, транспортное средство, лицо);

− процессуальная цель (например, изъятие определённого предмета, фиксация следов преступления);

− правовой основания (например, часть статьи УК РФ, по которой ведётся расследование);

− процессуальные гарантии, подлежащие соблюдению при исполнении (например, присутствие понятых, уведомление адвоката) [2].

Отсутствие хотя бы одного из этих элементов может привести к нарушению прав граждан и последующему исключению доказательств. Примером может служить Постановление президиума Свердловского областного суда 2024 года, в котором были признаны недопустимыми результаты обыска, проведённого по поручению, в котором не содержался адрес объекта, а лишь указан район города. Суд указал, что такое поручение не позволяло обеспечить принцип законности и охрану жилища [3].

Рассматривая вопрос исполнения поручений, отметим, что здесь также наблюдается существенный дисбаланс между законодательной нормой и практикой. УПК РФ требует указания срока, однако не устанавливает его предельные границы. На практике это приводит к двум крайностям, а именно: с одной стороны − к установлению нереалистично коротких сроков (например, «исполнить в течение 2 часов»), что объективно невозможно при необходимости выезда в другой регион или организации взаимодействия с третьими лицами. С другой − к выдаче поручений без чёткого временного ориентира (например, «в кратчайшие сроки»), что создаёт пространство для затягивания расследования и нарушения разумных сроков уголовного судопроизводства.

Анализ сведений Генеральной прокуратуры РФ за 2024–2025 гг. показывает, что около 30 % процессуальных нарушений, выявленных в ходе проверок следственных органов, связаны именно с ненадлежащим оформлением поручений, включая несоблюдение сроков их исполнения. Особенно остро эта проблема стоит в регионах с дефицитом кадров – там поручения нередко «путешествуют» от одного исполнителя к другому в течение недель, что ведёт к утрате следов, изменению обстановки и снижению качества расследования [4].

Особое внимание требует практика досрочного или неполного исполнения поручений. В ряде случаев исполнитель формально отчитывается об исполнении, указывая: «мероприятие проведено, результат отрицательный», − при этом не предоставляя доказательств предпринятых усилий. Такие отчёты практически невозможно проверить, если поручение изначально не содержало чётких критериев оценки результата. Это создаёт условия для формального подхода и снижает эффективность всего процесса. Вместе с тем, стоит признать и позитивные тенденции. В некоторых регионах (например, в Москве, Татарстане, Краснодарском крае) внедряются внутренние методические рекомендации по оформлению поручений, утверждённые руководителями следственных подразделений. Они включают обязательные реквизиты, шаблоны формулировок и требования к приложению фотоматериалов или протоколов о проделанной работе. Подобная практика способствует повышению

качества и снижению количества жалоб со стороны участников процесса.

Анализ правоприменительной практики дает нам основания полагать, что с целью совершенствования правового регулирования института поручений необходимо:

1. Закрепить в УПК РФ обязательную структуру поручения, включающую: наименование органа и должностного лица, выдавшего поручение; данные об исполнителе; предмет поручения с указанием объекта, цели и правового основания; процессуальные гарантии; срок исполнения в календарных днях; порядок отчётности.

2. Установить разумные максимальные сроки исполнения поручений в зависимости от их сложности: например, до 3 суток для локальных действий (опрос, осмотр на месте), до 10 суток − для действий, требующих командировки или взаимодействия с иными органами. Это позволит избежать злоупотреблений со стороны как выдающих, так и исполняющих лиц.

3. Ввести обязательное приложение к отчёту об исполнении − протокол, фото/видео фиксацию или иной подтверждающий документ, демонстрирующий факт предпринятых действий. Такой подход соответствует требованиям ст. 74 УПК РФ о доказательственности и повысит прозрачность работы.

4. Развивать цифровые инструменты учёта и контроля исполнения поручений. Например, внедрение автоматического уведомления о приближении срока исполнения, блокировка возможности сдачи отчёта без обязательных приложений, интеграция с системами хранения процессуальных документов.

5. Усилить роль прокурорского надзора за исполнением поручений не только по факту, но и в динамике − в том числе посредством выборочных проверок в рамках текущего производства, а не только при наличии жалоб.

В заключение следует подчеркнуть, что поручение − это не формальный документооборот, а полноценный процессуальный акт, влияющий на ход и результаты расследования. Его качество напрямую зависит от чёткости содержания, логичности структуры и соблюдения сроков. Совершенствование этой сферы требует как законодательных корректировок, так и повышения правовой культуры должностных лиц. Только комплексный подход позволит обеспечить баланс между эффективностью расследования и защитой прав личности − главными целями российского уголовного процесса.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / под общей редакцией Г. М. Резника. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – С 247.
2. Зуев С. В. Организация расследования преступлений : учебник для среднего профессионального образования / С. В. Зуев, В. А. Задорожная. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – С 165.
3. Свердловский областной суд официальный сайт URL: https://oblsud.svd.sudrf.ru (дата обращения: 10.02.2026).
4. Генеральная прокуратура РФ официальный сайт URL: https:// epp.genproc.gov.ru (дата обращения: 10.02.2026).

References

1. Criminal procedure law of the Russian Federation. General part : textbook for universities / edited by G. M. Reznik. – 4th ed., revised. Moscow : Yurait Publishing House, 2025. – p. 247.
2. Zuev S. V. Organization of crime investigation : textbook for secondary vocational education / S. V. Zuev, V. A. Zadorozhnaya. – Moscow : Yurait Publishing House, 2025. – From 165.
3. Sverdlovsk Regional Court official website URL: https://oblsud.svd.sudrf.ru (date of request: 02/10/2026).
4. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation official website URL: https:// epp.genproc.gov.ru (date of request: 02/10/2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_438

УДК: 343.228.

О ПРЕДЕЛАХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
ON THE LIMITS OF NECESSARY DEFENSE IN CRIMINAL LAW

ИГНАТОВА Зиля Рилевна
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Уфимского юридического института МВД России.
450103, Россия, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2
E- mail: bagautdinov93@yandex.ru

IGNATOVA Zilya Rilevna
Senior Lecturer at the Department of Public Law Disciplines
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
2 Muksinova str., Ufa, 450103, Russia
E-mail: bagautdinov93@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с проблемными аспектами определения пределов необходимой обороны, мнимой обороты. Также рассмотрена судебно-следственная практика и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации к вопросу толкования норм, связанных с необходимой обороной.*

Abstract: *The article discusses topical issues related to problematic aspects of determining the limits of necessary defense, imaginary turnover. The judicial and investigative practice and explanations of the Supreme Court of the Russian Federation on the issue of interpretation of norms related to necessary defense are also considered.*

Ключевые слова: *необходимая оборона, пределы, квалификация, убийство, уголовное дело, толкование, разъяснения суда, правоприменители, жизнь, здоровье.*

Keywords: *necessary defense, limits, qualifications, murder, criminal case, interpretation, court clarifications, law enforcement officers, life, health.*

Для цитирования: *Игнатова З.Р. О пределах необходимой обороны в уголовном законодательстве // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 438-439. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_438.*

For citation: *Ignatova Z.R. On the limits of necessary defense in criminal law // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 438-439. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_438.*

Статья поступила в редакцию: 16.04.2026

Жизнь и здоровье человека бесценны и гарантированы Конституцией Российской Федерации[1]. Ответственность за посягательства на данные незыблемые права человека караются уголовным законом. Однако, ни какое наказание не может вернуть человека к жизни или восстановить его здоровье, подорванное преступлением. Руководствуясь данным принципом, законодатель в статье 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) допускает возможность пресечения противоправного деяния соразмерным вредом наносимым преступнику и подпадает под критерии необходимой обороны.

В рамках научной статьи предлагается рассмотреть пределы необходимой обороны, определенные законом и рассмотреть практические проблемы их реализации в судебно-следственной деятельности. Проблемным аспектом представляется наличие различных подходов у правоприменителей к квалификации деяний. Неоднородность квалификации негативно сказывается на особенностях назначения наказания[5].

Согласно статье 37 УК РФ ключевыми аспектами оценки необходимой обороны являются:

1. Защита себя от посягательства, сопряженного с насилием опасным для жизни, либо угрозы применения такого насилия.

2. Защита себя от посягательства, не сопряженного с насилием опасным для жизни, если соблюдена соразмерность пределом необходимой обороны.

3. Мнимая оборона в силу неожиданных действий посягающего и невозможности объективно оценить происходящее, в соответствии с законодательством также подпадает под обстоятельства освобождающие от ответственности в рамках положения уголовно-правовой нормы в виде необходимой обороны[2].

С теоретико-правовой точки зрения положения уголовно-правовой нормы не свободны от коллизий, если производить оценку законодательства через призму уголовно-процессуального законодательства. С авторской позиции предлагается рассмотреть и осветить следующие проблемные аспекты уголовно-правовой нормы:

1) Проблемы оценки реальности угрозы применения насилия опасного для жизни обороняющегося. Голословное утверждение лица о том, что последний воспринял угрозу применения насилия реальным создает казус: «показания против показаний», «слово против слова». При этом формулировки никак не подтверждены и зачастую отсутствует возможность их перепроверки.

В практической деятельности существует дилемма при наличии угрозы применения насилия опасного для жизни и здоровья, по какой статье необходимо осуществить квалификацию: ч. 3 ст. 30 – ч. 1 ст. 105 УК РФ (покушение на убийство) или же по части 1 статьи 119 УК РФ (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью)[2]. В правоприменительной практике и при применении правил необходимой обороны и реальности угрозы возникает необходимость в максимально короткий промежуток времени осуществить оценку ситуации, что практически невозможно.

3) Формулировка «не было допущено превышения пределов необходимой обороны» в диспозиции уголовно-правовой нормы является

оценочным. Правоприменитель на свое усмотрение оценивает наличие или отсутствие явных признаков превышения пределов необходимой обороны.

3) Отсутствие критериев определения «мнимой обороны» не позволяет объективно оценить наличие или отсутствие неожиданности, внезапности. Наличие правоприменительной практики позволяющей гуманно оценивать «мнимость обороны» и вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела может повлечь за собой создание преступными элементами условий мнимости при совершении преступного деяния в виде убийства. Чрезмерно ограничительный подход же к определению понятия «мнимая оборона» ведет к ограниченности применения данного положения при квалификации деяния.

Согласно приговору Николаевского-на-Амуре городского суда Хабаровского края № 1-81/2020 от 5 июля 2020 г. по делу № 1-81/2020[4] женщина № 2 накинулась на женщину № 1 с ножом, с целью нанести последней удар ножом. Женщина № 1 отобрала нож и в рамках активной защиты от преступных действий превысила пределы необходимой обороны, а именно, после того как выхватила нож, опасаясь продолжения преступного деяния, нанесла Женщине № 2 нанесла не менее 12 ударов ножом. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»[3] в пункте 8 описывает, что переход оружия или других предметов, использованных в качестве оружия при посягательстве, от посягавшего лица к оборонявшемуся лицу сам по себе не может свидетельствовать об окончании посягательства, если с учетом интенсивности нападения, числа посягавших лиц, их возраста, пола, физического развития и других обстоятельств сохранялась реальная угроза продолжения такого посягательства.

Кроме того, Уголовный кодекс Российской Федерации закрепляет понятие мнимость, которая также может быть в данном случае применена.

Таким образом, возникает двойственность толкования уголовно-правовой нормы в зависимости от подхода к толкованию со стороны правоприменителя, его кругозора, умения формулировать показания лицом, причастным к совершению деяния, подлежащего юридической оценке.

Отметим, что в описательно мотивировочной части выше описанного приговора отмечается, что орган предварительного расследования квалифицировал деяние по ч. 1 ст. 105 УК РФ. В рамках судебного заседания, была осуществлена переквалификация на ч. 1 статьи 108 УК РФ[2]. Данный факт свидетельствует о наличии различных подходов у правоприменителей к вопросу о квалификации деяния с позиции необходимой обороны.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года : (с изменениями одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.04.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от актуальной редакции) – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.04.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (ред. от 09.12.2025) – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.04.2026).
4. Приговор Николаевского-на-Амуре городского суда Хабаровского края № 1-81/2020 от 05.07.2020 по делу № 1-81/2020 – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: URL: https://sudact.ru/regular/doc/xFlu9MK9SnY3/ (дата обращения: 15.04.2026).
5. Мурсалимов, А. Т. О разграничении составов преступлений: мошенничества (ст. 159 УК РФ); мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) и незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ) / А. Т. Мурсалимов // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 4(232). – С. 359-361. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_4_359. – EDN JRGBCB.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 : (with amendments approved during the national vote on 07/01/2020). – Text : electronic // Official Internet portal of legal Information : [website]. URL: http://www.pravo.gov.ru (date of application: 04/15/2026).
2. Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63 FZ (ed. from the current edition) – Text : electronic // Official Internet portal of legal information : [website]. URL: http://www.pravo.gov.ru (date of request: 04/15/2026).
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 27, 2012 No. 19 "On the application by courts of legislation on necessary defense and harm during the detention of a person who has committed a crime" (as amended on December 09, 2025) – Text : electronic // Official Internet portal of legal Information : [website]. URL: http://www.pravo.gov.ru (date of request: 04/15/2026).
4. Verdict of the Mykolaiv on Amur City Court of the Khabarovsk Territory No. 1 81/2020 dated 07/05/2020 in case No. 1 81/2020 – Text : electronic // Official Internet portal of legal information : [website]. URL: URL: https://sudact.ru/regular/doc/xFlu9MK9SnY3 / (date of access: 04/15/2026).
5. Mursalimov, A. T. On the differentiation of crimes: fraud (Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation); fraud in the field of lending (Article 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) and illegal obtaining of credit (Article 176 of the Criminal Code of the Russian Federation) / A. T. Mursalimov // Agrarian and land law. – 2024. – № 4(232). – Pp. 359-361. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_4_359. – EDN JRGBCB.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_440

УДК 343.01

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ
COUNTERING DRUG-RELATED CRIME: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE STATE AND CURRENT TRENDS

ХАРЧЕНКО Олег Витальевич,
кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права,
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».
190000, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, лит. А.
E-mail: prof.o.v.kharchenko@gmail.com;

KHARCHENKO Oleg Vital'evich,
PhD in Law, professor, professor of the Department of the Public Law,
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.
67, Bolshaya Morskaya street, Saint Petersburg, 190000, Russia.
E-mail: prof.o.v.kharchenko@gmail.com

Краткая аннотация: *В статье, на основании криминологического анализа данных уголовной статистики за период 2021-2025 г., рассматриваются состояние и актуальные тенденции наркопреступности. Отмечаются негативные тенденции изменения показателей наркопреступлений за последние пять лет: увеличение числа зарегистрированных преступлений на +19,5%, среди них увеличение тяжких и особо тяжких на +38,4%, и при этом, сокращение числа выявленных лиц на – 30,4%. Обращается внимание на необходимость дальнейшего совершенствования уголовного законодательства России. Делается вывод о том, что негативный прогноз наркопреступлений требует принятия более эффективных мер противодействия, особенно на криминологическом и общесоциальном уровнях.*

Abstract: *Based on a criminological analysis of criminal statistics data for the period 2021-2025, the article examines the current state and trends of drug-related crime. It highlights the negative changes in drug-related crime rates over the past five years, including an increase in the number of registered crimes by +19.5%, including an increase in serious and particularly serious crimes by +38.4%, while the number of identified individuals decreased by -30.4%. The article emphasizes the need for further improvement of Russia's criminal legislation. It concludes that the negative outlook for drug-related crime requires more effective measures to combat it, particularly at the criminological and societal levels.*

Ключевые слова: *наркопреступность, наркопреступления, криминологический анализ, современные тенденции, проблемы противодействия.*

Keywords: *drug crime, drug-related crimes, criminological analysis, current trends, counteraction issues.*

Для цитирования: *Харченко О.В. Противодействие наркопреступности: криминологический анализ состояния и современных тенденций // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 440-443. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_440.*

For citation: *Kharchenko O.V. Countering drug crime: a criminological analysis of the state and current trends // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 440-443. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_440.*

Статья поступила в редакцию: 09.03.2026

Актуальность темы обусловлена значимостью проблемы наркомании и тесно связанной с ней наркопреступностью, сравнительно высокими показателями данного вида преступности, а также неурегулированностью отдельных вопросов уголовной ответственности. Наркопреступность, представляет собой совокупность преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, сильнодействующих веществ и новых потенциально опасных психоактивных веществ.

При сравнении показателей 2021 и 2025 гг. количество зарегистрированных наркопреступлений в России выросло на +19,5%, только в 2025 г. в сравнении с 2024 г. произошло увеличилось на +8,4% [8]. Необходимо отметить, что число таких тяжких и особо тяжких зарегистрированных наркопреступлений также значительно увеличилось, соответственно на +38,4% и +14,7%. При этом, если регистрируемые наркопреступления в 2021-2025 гг. увеличивались, то число выявленных лиц, привлеченных за совершение данного вида преступлений сокращалось, соответственно на -30,4%, а в 2025 г. на -15,0%, что выступает в качестве негативных тенденций.

Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 г. является основным нормативно-правовым актом в рассматриваемой проблеме [2], а одним из основных современных векторов антинаркотической политики сегодня выступает Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года [3], которая представляет собой документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности.

Так, на региональном уровне в Санкт-Петербурге действует Антинаркотическая комиссия, которая при подведении итогов своей работы за 2025 г. оценила первые результаты внедрения единого Межведомственного стандарта антинаркотической профилактической деятельности. А.Д. Беглов отметил: «На Петербурге лежит особая ответственность: Государственным антинаркотическим комитетом наш город определён одним из пилотных регионов по апробации Межведомственного стандарта профилактики. Разработанные нами программы планируется использовать в других регионах» [5].

Если сокращение незаконного оборота наркотических средств и их аналогов усложняется фактом перехода наркопреступности в сети Интернет, то снижение тяжести последствий достижимо при поддержке дальнейшего развития законодательства и формирования в обществе осознанного негативного отношения к незаконному потреблению наркотиков. При этом экономические факторы также оказывают влияние на уровень наркопреступности. В условиях экономической нестабильности и роста безработицы, как правило, наблюдается увеличение числа

наркопреступлений.

В действующем Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ предусмотрена шестью статьями 228–233 УК РФ [1], также утвержден Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в России, включающий четыре Списка наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, который регулярно обновляется [4].

Увеличение числа смертей от наркотиков, усугубляющих демографический кризис, представляют собой серьезную угрозу для экономики, что приводит к сокращению рабочей силы и снижению экономического потенциала. Поэтому в настоящее время незаконный оборот наркотиков является одной из самых актуальных проблем для правоохранительных органов.

Анализ истории противодействия незаконному обороту наркотиков и их заменителей в России свидетельствует о существенном улучшении нормативно-правовой базы в этой области. Вместе с тем, необходимо учитывать, что преступные элементы постоянно адаптируются и разрабатывают новые методы для обхода закона. Основной причиной, способной подорвать демографический и социально-экономический потенциал страны и создать серьёзную угрозу национальной целостности России, является рост числа наркозависимых и высокий уровень наркопреступности.

Проведем криминологический анализ преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков за период 2021-2025 гг. по трем основным индикаторам показателей преступности: зарегистрированные преступления, выявленные лица и осужденные за совершение рассматриваемых преступлений. По данным МВД России было выявлено (зарегистрировано) преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков: в 2021 г. – 179 732, в 2022 г. – 177 741, в 2023 г. – 191 0988, в 2024 г. – 198 043, в 2025 г. – 214 770 [8]. Таким образом, при сравнении показателей 2021 и 2025 гг. количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков выросло на +35,1 тыс., при этом, только за 2025 г. в сравнении с 2024 г увеличилось значительно на +16,7 тыс. Ежегодная динамика выглядела следующим образом: в 2022 г. сокращение на –1,1%, затем в 2023 г. увеличение на +11,0%, в 2024 г. увеличение на +3,7%, а 2025 г. дальнейшее увеличение на +8,4%.

Особое внимание традиционно уделяется наркопреступлениям, которые совершены с целью сбыта, их удельный вес составлял: в 2021 г. – 57,6%, в 2022 г. – 62,4%, в 2023 г. – 66,0%, в 2024 г. – 68,2%, а в 2025 г. – 73,9%. Происходили следующие изменение удельного веса зарегистрированных наркопреступлений с целью сбыта: в 2022 г. – +7,2%, в 2023 г. - +13,8%, в 2024 г. – +7,0%, а в 2025 г. – +17,3%. Таким образом, удельный вес данного вида наркопреступлений при сравнении удельного веса 2021 и 2025 гг. увеличился на +16,3%, причем отмечается стабильная динамика. Следует отметить данную динамику как положительную тенденцию, когда акцент противодействия сделан на наркопреступления с целью сбыта.

Рассмотрим показатель о выявленных лицах, совершивших рассматриваемые преступления: в 2021 г. – 85 147, в 2022 г. – 79 666, в 2023 г. – 77 123, в 2024 г. – 69 682, в 2025 г. – 59 252. Динамика: в 2022 г. на -6,4%, в 2023 г. на - 3,2%, в 2024 г. на - 9,6%, а в 2025 уже на -15,0%. Таким образом, при сравнении показателей 2021 и 2025 гг. отмечаем значительное сокращение числа выявленных лиц на -30,4%.

По данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за незаконные действия и нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами (ст.ст. 228-234.1 УК РФ) было осуждено: в 2021 г. – 75 584, в 2022 г. – 74 567, в 2023 г. – 72 897, в 2024 г. – 69 317, за 6 месяцев 2025 г. – 27 412 [6]. Динамика показателя в 2022 г. – -1,3%, в 2023 г. – -2,2%, в 2024 г. – -8,4%, за 6 месяцев 2025 г. – -19,7%. Следовательно, при сравнении числа осужденных в 2021 и 2024 гг. отмечаем сокращение на -8,3%. При этом, с 2022 г. начинается стабильное ежегодное сокращение показателя, а за 6 месяцев 2025 г. в сравнении с показателем за 6 месяцев 2024 г. сокращение составило уже –19,7%, что является негативной тенденцией.

Особую тревогу вызывает омоложение потребителей наркотиков: они все чаще становятся неотъемлемой частью молодежной культуры, инструментом социального взаимодействия и даже заменой алкоголя в контексте молодежных развлечений.

Увеличение зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков связано достижением целей Национальной стратегии путем повышения эффективности мер профилактики и лечения наркомании, активного продвижения ценностей здорового и безопасного образа жизни среди молодежи с одной стороны, а с другой стороны сокращение числа выявленных лиц – с затруднением выявлений наркопреступности в сети Интернет. Современные технологии, включая сеть Интернет, системы электронной связи, виртуальные платежные системы и мессенджеры, проникли в сферу незаконного оборота наркотиков благодаря техническому прогрессу. Такие возможности информационных технологий как скрытое шифрование и мгновенное удаление сообщений без серверного хранения, значительно усложняют их отслеживание. Дополнительную трудность для правоохранительных органов создает использование криптовалюты в качестве платежной системы. Эта разновидность виртуальных денег обладает уникальным шифром транзакций, который делает практически невозможным установление личности участников сделок, гарантируя их анонимность. В результате выявление и пресечение наркотрафика становится крайне затруднительным.

Блокировка Роскомнадзором таких социальных сетей как Facebook и Twitter существенно облегчила работу, поскольку владельцы этих ресурсов находятся за пределами Российской Федерации и отказываются от сотрудничества для выявления, в том числе, наркопреступников. Чаще всего фиксируется схема, при которой школьникам и студентам анонимные пользователи в социальных сетях предлагают быстрый заработок с хорошей оплатой за работу курьером. Молодые люди, введённые в заблуждение по своей неопытности, соглашаются на такую работу, до конца, не осознавая не только общественную опасность, но и реальную угрозу лишения свободы за распространение наркотических веществ.

Российский рынок наркотиков в значительной степени переориентировался на синтетические вещества, которые вытеснили натуральные аналоги. Их популярность растет благодаря возможности неограниченного производства и низкой стоимости. Однако, несмотря на доступ-

ность, состояние опьянения от них крайне опасно для здоровья и жизни. Вопрос осложняется еще и тем, что законодатель не всегда успевает отслеживать медицинские препараты, имеющиеся в свободном для продажи доступе, которые наркозависимые начинают использовать.

Проблемными являются вопросы противодействия организованной наркопреступности, учет которых в практической деятельности правоохранительных органах позволяет расширить представление о наркобизнесе, повысить уровень понимания всей сложности наркоситуации в России и эффективности принимаемых решений по поддержанию стабильности в обществе [10].

Наблюдаемый рост преступности в области незаконного оборота наркотиков ставит под угрозу результативность профилактических мероприятий, проводимых среди российских граждан, в частности, среди подростков. Интернет дает возможность совершать покупку и продажу наркосодержащих препаратов анонимно, что зачастую делает невозможным выявления реального правонарушителя.

Решением проблемы может быть только полный или, для начала, частичный контроль подозрительных сайтов сети Интернет со стороны правоохранительных органов, а также возможность для рядовых пользователей сообщать о выявленных нарушениях удобным способом.

Накотизация населения оказывает разрушительное влияние на социальное, экономическое, духовное, культурное и нравственное состояние страны, а также воздействует на здоровье подрастающего поколения [9].

При рассмотрении проблемы заинтересованности молодежи наркотиками можно выделить две группы причин: объективные и субъективные. К объективным причинам относится распространенное заблуждение о легких наркотиках.

При изучении сайтов, посвященных проблеме наркопреступности, складывается впечатление, что наркомания в обществе ассоциируется лишь с «тяжелыми» наркотиками, шприцами и инъекциями, что и приводит к заблуждению о «легких» наркотиках. Слово «наркоман» у большинства людей не ассоциируется с молодыми людьми, которые живут обычную жизнь, ходят в университет или работают среди них. Им кажется, что это где-то далеко, и их окружения не коснется. Это либо известные личности, о которых Россияне узнают из прессы не всегда правдивые истории об употреблении кокаина, либо совсем опустившиеся граждане, которые доживают в наркопритонах.

Логика граждан строится на том, что в окружении рядового гражданина, живущего в полной счастливой семье, такая проблема как наркомания встретиться не может. При выявлении подобной проблемы человек начинает ее отрицать, скрывать и замалчивать по причине стыда перед обществом, из-за чего оказать помощь становится сложнее. При этом профилактика наркотизма среди школьников должна стать неотъемлемой частью всей системы воспитания и обеспечивать решение не только антинаркотических, но и общих задач воспитания [7].

Особую опасность представляют синтетические наркотики, влияние которых на организм недостаточно изучено и чьи долгосрочные последствия часто непредсказуемы. Кроме того, групповое употребление наркотиков увеличивает риск непредсказуемых реакций, обусловленных индивидуальной чувствительностью к различным компонентам запрещенных веществ. Предотвращение наркомании среди молодежи может быть достигнуто путем грамотного просвещения о наркотических веществах, их аналогах и последствиях употребления.

Таким образом, криминологический анализ показателей наркопреступлений за период 2021-2025 гг. показал следующие тенденции:

- число регистрируемых преступлений стабильно увеличивалось и при сравнении с базовым показателем составило +19,5%;
- показатель по числу выявленных лиц отмечает стабильное сокращение, которое составило -30,4%;
- число осужденных при сравнении показателей 2021 и 2024 гг. сократилось на – 8,3%, а за 6 месяцев 2025 г. сокращение в сравнении с показателем за 6 месяцев 2024 г. составило почти 20%.

Следует сделать вывод, что число регистрируемых преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в 2020-2025 гг. увеличивалось, а число выявленных лиц и осужденных за совершение преступлений сократилось, особенно в 2025 г.

Одной из причин такого расхождения является переход наркопреступности и наркобизнеса в сеть Интернет. Незаконный оборот наркотиков является питательной средой для международной организованной преступности, включая террористические группировки и другие формы насильственного экстремизма. Его последствия разрушительны для всех аспектов общественной жизни и наносят серьезный ущерб здоровью граждан.

Представляется необходимым предусмотреть уголовную ответственность за оказание содействия лицам, осуществляющим незаконное производство, сбыт или пересылку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также за создание и продвижения таких сайтов, либо иных информационных платформ.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс РФ: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Федеральный Закон Российская Федерации «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 г. (ред. от 08.08.2024 г.) № 3-ФЗ //Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

3. Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» (ред. от 16.02.2026) //Собрание законодательства РФ. 2020. № 48. Ст. 7710.

4. Постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 27. Ст. 3198.

5. Александр Беглов: Внедрение Межведомственного стандарта антинаркотической профилактики позволит Петербургу выстроить взаимосвязанную систему адресных мер. // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга // — URL: https://www.gov.spb.ru/press/governor/308891/ (дата обращения 01.03.2026 г.).

6. Данные судебной статистики за 2020-2024 гг. и за 6 месяцев 2025 г. (Форма № 10.1) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. – URL: https://cdep.ru/ (дата обращения 01.03.2026).

7. Преступность несовершеннолетних : учебник для вузов / под редакцией А. В. Ростокинского. — 2-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 221 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-11457-7. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/566242 (дата обращения: 01.03.2026).

8. Состояние преступности (за 2021-2025 гг.) // Министерство внутренних дел РФ. – URL: https:// мвд.рф (дата обращения: 01.03.2026).

9. Чуб, И. С. Наркопреступность в современной России: современное состояние, тенденции развития и региональные особенности детерминации / И. С. Чуб // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 4. – С. 201-206.

10. Щербич, А. Н. Актуальные вопросы противодействия организованной наркопреступностив современных условиях / А. Н. Щербич // Академическая мысль. – 2023. – № 4(25). – С. 125-132.

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended 02/20/2026) // Law of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

2. Federal Law of the Russian Federation “On Narcotic Drugs and Psychotropic Substances” of January 08, 1998 (as amended 08/08/2024) No. 3-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 2. Art. 219.

3. Decree of the President of the Russian Federation of November 23, 2020 No. 733 “On Approval of the Strategy of the State Anti-Drug Policy of the Russian Federation for the Period up to 2030” (as amended on 02/16/2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 48. Art. 7710.

4. Decree of the Government of the Russian Federation of June 30, 1998 No. 681 “On Approval of the List of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, and Their Precursors Subject to Control in the Russian Federation” (as amended and supplemented 07/27/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 27. Art. 3198.

5. Alexander Beglov: The implementation of the Interdepartmental Standard for Anti-Drug Prevention will allow St. Petersburg to build an interconnected system of targeted measures. // Official website of the Administration of St. Petersburg // URL: https://www.gov.spb.ru/press/governor/308891/ (accessed on March 01, 2026).

6. Judicial statistics data for 2020-2024 and for 6 months of 2025 (Form No. 10.1) // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: [website]. – URL: https://cdep.ru/ (accessed on March 01, 2026).

7. Juvenile Delinquency: A Textbook for Universities / Edited by A. V. Rostokinsky. — 2nd edition. — Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. — 221 p. — (Higher Education). — ISBN 978-5-534-11457-7. — Text: electronic // Educational platform Yurayt [website]. — URL: https://urait.ru/bcode/566242 (accessed on March 01, 2026).

8. Crime rate (for 2021-2025) // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – URL: https://mvd.ru (accessed on March 01, 2026).

9. Chub, I. S. Drug Crime in Modern Russia: Current State, Development Trends, and Regional Features of Determination / I. S. Chub // Humanities, Social Sciences, and Economics. – 2023. – No. 4. – Pp. 201-206.

10. Shcherbich, A. N. Current Issues of Countering Organized Drug Crime in Modern Conditions / A. N. Shcherbich // Academic Thought. – 2023. – No. 4(25). – Pp. 125-132.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_444

УДК 343.3

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С УКЛОНЕНИЕМ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И МОБИЛИЗАЦИИ
FEATURES OF CLASSIFICATION OF CRIMES RELATED TO ELUSION FROM MILITARY SERVICE AND MOBILIZATION

АБУБАКИРОВ Дмитрий Дмитриевич
Аспирант ФГБОУ «Красноярский государственный аграрный университет»
ООО «Малтат», юрист.
660049, Россия, г. Красноярск, проспект Мира, 90.
E-mail: abubakirov_dmitry@mail.ru

ABUBAKIROV Dmitry Dmitrievich
Graduate Student, Krasnoyarsk State Agrarian University
Maltat LLC, Lawyer.
90 Mira Avenue, Krasnoyarsk, Russia, 660049.
E-mail: abubakirov_dmitry@mail.ru

Краткая аннотация. *События Специальной военной операции на Украине и последующий призыв на частичную мобилизацию в Российской Федерации увеличило количество преступлений против военной службы и порядка управления. Это привело к необходимости разработки и внедрения новых способов привлечения граждан к исполнению воинской обязанности. Исследование включает разработку классификации преступлений, связанных с уклонением от исполнения воинской обязанности и мобилизации. В рамках работы проводится детальный анализ вопросов квалификации указанных противоправных деяний, их разграничения с иными, схожими по составу преступлениями, кроме того, осуществляется оценка актуальных проблем привлечения к юридической ответственности лиц, уклоняющихся от призыва в условиях мобилизации.*

Abstract*. The events of the Special Military Operation in Ukraine and the subsequent call for partial mobilization in the Russian Federation have increased the number of crimes against military service and the order of governance. This has led to the need to develop and implement new methods for enforcing military service obligations. The study includes the development of a classification of crimes related to evading military service and mobilization. The study provides a detailed analysis of the qualification of these illegal acts, their differentiation from other similar crimes, and an assessment of the current challenges in prosecuting individuals who evade conscription during mobilization.*

Ключевые слова: *частичная мобилизация, уголовная ответственность, уклонение от военной службы, лицо, подлежащее призыву на военную службу, статус военнослужащего.*

Keywords*: partial mobilization, criminal liability, evasion of military service, person subject to military service, status of a military serviceman.*

Для цитирования: *Абубакиров Д.Д. Особенности классификации преступлений, связанных с уклонением от военной службы и мобилизации // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 444-447. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_444.*

For citation: *Abubakirov D.D. Features of the classification of crimes related to military service evasion and mobilization // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 444-447. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_444.*

Статья поступила в редакцию: 04.03.2026

Согласно статистическим сведениям, в год объявления Специальной военной операции (далее – СВО) приходится наибольшее число обвинительных приговоров за уклонение от военной службы. Так, согласно отчетам о числе осужденных Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации по ч.1 статьи 328 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), осуждено: 2024 г. – 916 человек, 2023 г. – 901 человек, 2022 г. – 1121 человек, 2021 г. – 928 человек[1]. Анализируя сведения, можно отметить тенденцию к увеличению вынесения обвинительных приговоров за период с 2023 г. по 2024 г. по данной статье. Вероятно, это связано с технологическим прогрессом призыва и вручением повесток в форме электронных документов, более строгим государственным надзором за военнообязанными лицами и введением новых запретов и обеспечительных мер к лицам, уклоняющимся от исполнения обязанности по воинскому учету.

В работе проводится поэтапное изучение нормативно-правовых актов, регламентирующих категорию военнообязанных лиц, анализируются примеры из судебной практики, позволяющие оценить, как правовые нормы реализуются на практике, и обозначить актуальные проблемы правоприменения. Конечная цель работы заключается в разработке авторской концепции классификации соответствующей группы преступных деяний.

Классификация, как метод научного исследования, широко используется в научной и правотворческой деятельности. Основой любой системы классификации являются различные критерии и характеристики, присущие каждой отдельной группе объектов. Правовые нормы в законодательстве можно классифицировать на основе их принадлежности к определенной отрасли права, особенностей их структуры и элементного состава.

Классификация преступлений — это эффективный прием систематизации и упорядочивания уголовного законодательства, благодаря которому можно выявить основания отнесения уголовно-правового деликта к законодательно закрепленной группе уголовно-правовых норм. Для того, чтобы понять причины закрепления законодательной классификации в том виде, в котором она содержится в Уголовном кодексе, необходимо понимать особенности данной группы преступлений, которые заключаются в их уголовно-правовых составах и уметь разграничивать преступные деяния с правонарушениями, за которые не следует уголовной ответственности

В соответствии со ст. 59 Конституции Российской Федерации, долг и обязанность каждого гражданина — нести военную службу и защищать Отечество. В действующем законодательстве существует специальный Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», в котором раскрывается сущность воинской обязанности и определяется статус военнообязанного[2]. Согласно закону, к

[1] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: данные судебной статистики [Электронный ресурс] // URL: https://cdep.ru/?id=79/ (дата обращения: 12.02.2026).
[2] О воинской обязанности и военной службе: федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.02.2026). Далее - ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

воинской обязанности относится прохождение военной службы, воинский учет, действия по призыву и пребывание в запасе граждан. Ответственность за нарушения воинской обязанности устанавливает ст. 7 федерального закона. При этом законодатель не описывает конкретный вид ответственности, а использует бланкетный способ изложения нормы. С момента объявления частичной мобилизации законодательство значительно изменилось в области воинской обязанности. Изменения затронули ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», новые нормы способствовали оптимизации правил воинского учета. Был создан электронный реестр военнообязанных и механизм направления повесток в электронном виде.

Кодекс об административных правонарушениях и Уголовный кодекс содержат схожие составы правонарушений, в связи с этим возникают вопросы отнесения действий лиц по уклонению от воинской обязанности к уголовному или административному составу правонарушения. Административная ответственность за неисполнение воинской обязанности, а именно нарушение правил воинского учёта, устанавливается статьей 21.5 Кодекса об административных правонарушениях. Согласно статье, административным проступком является не сообщение гражданином, подлежащим призыву на военную службу, в уполномоченные органы основной информации о своей личной жизни и сведений о перемещении внутри страны и за пределы территории Российской Федерации[1]. Следовательно, главным элементом диспозиции административно-правовой нормы будут являться противоправные действия, направленные на нарушение правил воинского учета.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит законодательную классификацию преступлений в зависимости от соответствующего раздела и главы Особенной части. Основанием для классификации является элементный состав преступления. Анализ структуры и содержания УК РФ позволяет разграничить преступления по их видовому и родовому объекту. Для дальнейшего исследования предлагается изучить элементы составов группы преступлений, направленных на уклонение от военной службы и мобилизации.

Действия лиц, уклоняющихся от прохождения военной службы, квалифицируются как преступление в соответствии с ч.1 ст. 328 Уголовного кодекса Российской Федерации[2]. В отличии от административного проступка, преступление обладает более высокой степенью общественной опасности и несет криминальные риски для военной безопасности. Данный состав относится к преступлениям против порядка управления согласно главе 32 УК РФ, а не к преступлениям против военной службы. Это связано с особенностью субъекта состава преступления, к которому относятся лица, подлежащие призыву. В соответствии со ст. 22 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» гражданами, подлежащими призыву на военную службу, являются лица мужского пола в возрасте от 18 до 30 лет и не пребывающие в запасе. Таким образом, для данного состава преступления субъект является специальным. Постановление Пленума ВС РФ от 03.04.2008 г. №3[3] точно конкретизирует момент изменения статуса военнообязанного лица. В случае если в отношении субъекта военный комиссар издал приказ о направлении к месту прохождения военной службы, то при таких обстоятельствах дата издания приказа будет означать приобретение лицом статуса военнослужащего, и дальнейшие преступные деяния указанного лица будут квалифицироваться в соответствии с главой 33 УК РФ.

Для определения степени общественной опасности и уголовно-правовой оценки противоправного деяния лица необходимо обратиться к диспозиции уголовно-правовой нормы части 1 ст. 328 УК РФ, в которой предусмотрено, что одним из признаков уголовного преступления является характеристика деяния в виде уклонения. Уклонение от прохождения военной службы выражается в форме действия или бездействия и является элементом объективной стороны уголовного состава преступления. Уклонение в форме бездействия проявляется в виде неучастия лица в мероприятиях призывной комиссии, при отсутствии законных для этого оснований, например, неоднократные неявки на медицинское освидетельствование или заседания призывной комиссии. Активными действиями субъекта будут являться подлог документов, членовредительство и иные обманные действия, совершенные в целях уклонения от прохождения воинской службы.

Уклонение от прохождения военной службы по ст. 328 УК РФ является преступлением небольшой тяжести, так как санкция уголовной статьи, предусматривает наказание в виде лишения свободны сроком до двух лет. Согласно судебной статистике, суды в большинстве случаев назначают наказание в виде штрафа в размере до двухсот тысяч рублей. За первое полугодие 2025 года по двум уголовным делам было назначено наказание в виде лишения свободы на срок до одного года. В подавляющем числе уголовных дел судами назначались штрафы: до 5 тысяч – 3 уголовных дела, свыше 5 тысяч до 25 тысяч – 175 уголовных дел, свыше 25 тысяч до 100 тысяч – 377 уголовных дел, свыше 100 тысяч – 21 уголовное дело[4].

В уголовном законодательстве за уклонение от военной обязанности военнослужащих закрепляются отдельные составы преступлений (ст. 337, ст. 338, ст. 339 УК РФ). Субъектами данных видов преступлений являются лица, имеющие статус военнослужащих, и граждане, находящиеся в запасе, которые проходят военные сборы. К военнослужащим, в соответствии с законодательством, принято относить граждан, проходящих срочную и добровольную (по контракту) службу. Примечательно, что в диспозиции ст. 337 УК РФ термин «уклонение» прямо не используется, однако, согласно разъяснениям Пленума ВС РФ от 18.05.2023 г. № 11[5], самовольное оставление место прохождения воинской службы или неявка на службу в срок без уважительной причины означают способы уклонения военнослужащего от исполнения военной службы. Анализируя содержание указанных статей, можно сделать вывод: способы уклонения для всех составов разные, но одинаковым для всех преступлений является цель лица. Умысел лица также является важным элементом субъективной стороны данной группы преступлений, с помощью которого возможно правильно квалифицировать инкриминируемое деяние и разграничить его со схожими составами преступлений. Если умысел лица,

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.02.2026). Далее – КоАП.
[2] Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.02.2026). Далее – УК РФ.
[3] О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03 апреля 2008 г. № 3. // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.02.2026).
[4] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2025 года [Электронный ресурс] // URL: http://www.cdep.ru/ index.php?id=79&item=9303 (дата обращения: 12.02.2026).
[5] О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2026). Далее - ПП ВС РФ №11

был направлен на полное уклонение от исполнения и последующее прохождение военной службы, то в данном случае такое деяние необходимо квалифицировать как дезертирство в соответствии со ст. 338 УК РФ. Уклонение путем симуляции болезни, членовредительства, подлога документов и иного обмана будет квалифицироваться по ст. 339 УК РФ. Данные способы уклонения по ст. 339 УК РФ будут аналогичны способам, используемым лицом, подлежащим призыву, в соответствии с ч.1. ст. 328 УК РФ.

Для классификации преступлений, связанных с уклонением от мобилизации, важно сначала определить, что подразумевается под понятием мобилизации. Согласно федеральному законодательству, мобилизация — это комплекс различных мероприятий по переводу экономики и органов публичной власти в условия военного времени. Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации» разграничивает мобилизацию на два вида: полную и частичную. Закон не раскрывает сущности частичной мобилизации, однако устанавливает, что определение конкретного комплекса мероприятий по частичной мобилизации дополнительно регламентируется нормативно-правовыми актами Президента, Правительства и иными нормативно-правовыми актами РФ[1]. Из комментариев к ст. 1 ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации» следует, что частичная мобилизация — это комплекс мероприятий, охватывающий не всю структуру Вооруженных сил РФ, а только отдельную категорию войск и некоторые военные объединения: мобилизационные мероприятия проводятся на определенной территории военного округа[2]. В Указе Президента РФ от 21.09.2022 №647 «Об объявлении частичной мобилизации»[3] данное определение не содержится и подробности проводимых мобилизационных мероприятий не устанавливаются. Однако действие указа распространяется на всю территорию Российской Федерации и на сегодняшний день продолжает оставаться в силе, так как Президентом РФ не был подписан указ о завершении частичной мобилизации. Официального толкования указанного понятия судебными органами также отсутствует. Таким образом, вопрос правовой регламентации отдельного вида мобилизации остается нерешенным, и понятие частичной мобилизации на текущий момент не получило должного нормативного оформления.

Одним из критериев классификации преступлений является наличия обстоятельств, отягчающих наказание. За последние годы в уголовное законодательство были внесены новые изменения, ужесточающие ответственность за совершение преступных действий в период мобилизации. Так, отягчающим обстоятельством в соответствии с п. «л» ст. 63 УК РФ является совершение преступления в период мобилизации.

За противоправное деяние, совершенное в виде самовольного оставления части или места службы, законодатель ввел в ст. 337 УК РФ специальный состав, в котором можно выделить дополнительный элемент объективной стороны – обстановку. Деяние, совершенное в период мобилизации наказывается лишением свободы сроком до пяти лет. Так, например, в апелляционном определении №22-628/2025 от 18.07.2025 г. Судебная коллегия по уголовным делам Южного окружного военного суда[4] апелляционную жалобу осужденного Рамазанова М.Г. оставила без удовлетворения, так как суд первой инстанции правильно квалифицировал совершенное преступление в соответствии с ч.5 ст. 337 УК РФ. Исходя из фактических обстоятельств дела, осужденный, находясь на военной службе по контракту в период мобилизации, покинул войсковую часть с намерением временно отдохнуть от прохождения военной службы, что повлекло уголовную ответственность по специальному составу, отягчающему наказание.

На сегодняшний момент проблема квалификации преступлений, совершённых лицами, пребывающими в запасе и уклоняющимися от прохождения военной службы в связи с объявлением частичной мобилизации, остаётся до сих пор не решённой. В соответствии с разъяснениями Верховного суда, инкриминировать преступление за уклонение от военной службы и военной обязанности гражданам, призванных по мобилизации, можно только в случае, если лицо имеет статус военнослужащего, проходящего военную службу по контракту. Статус военнослужащего лицо получает с начала прохождения военной службы и утрачивает его в день окончания военной службы. День исключения военнослужащего из списков личного состава означает зачисление лица в запас Вооруженных Сил РФ. Мероприятия по мобилизации, направленны на осуществление призыва граждан, пребывающих в запасе, срок которого устанавливается планами военных организаций. Таким образом, уклонение от призыва по мобилизации лицом, зачисленным в запас ВС РФ, нельзя квалифицировать по статьям главы 33 УК РФ. Помимо этого, лицо, пребывающее в запасе, не будет являться субъектом преступления, предусмотренного ч.1 ст. 328 УК РФ.

Исходя из системного толкования уголовно-правовых норм, можно сделать вывод о пробеле в уголовном законодательстве и отсутствии уголовного состава, при разрешении вопроса о квалификации преступлений, совершенных лицом, пребывающим в запасе, и уклоняющимся от призыва по мобилизации. Хотя практика знает примеры возбуждения уголовных дел по уклонению лиц от мобилизации. Так, в отношении гражданина села Кондоль Пензенской области, находящегося в запасе, органы следствия Зареченского межрайонного следственного отдела возбудили уголовное дело об уклонении от прохождения военной службы по ст. 328 УК РФ. Лицом была надлежаще вручена повестка, однако на мобилизационные мероприятия военного комиссариата гражданин Моисеев М. не явился, и законных оснований для неявки у лица не было. Однако, прокуратура Пензенской области отменила постановление о возбуждении уголовного дела в виду отсутствия специального субъекта по данному виду преступления[5].

Действия лица, по уклонению от призыва по мобилизации обладают всеми квалифицирующими признаками преступлений, предусмотренные уголовным законодательством: содержат общественную опасность, наносят вред установленному порядку прохождения военной службы, нарушают формирование боевой способности военных сил и интересы военной безопасности на территории РФ. Государственными органами

[1] О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2026). Далее - ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации».
[2] Комментарий к Федеральному закону от 26 февраля 1997 г. №31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» / Е.В. Китрова, ВА. Кузьмин, Н.М. Филенко.; под ред. Н.М. Филенко // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2026).
[3] Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2026). Далее — Указ № 647.
[4] Апелляционное определение №22-628/2025 от 18.07.2025 г. Судебной коллегии по уголовным делам Южного окружного военного суда [Электронный ресурс] // URL: https://yovs--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=17421705&delo_id=4&new=4&text_number=1 дата обращения 12.02.2026).
[5] Адвокатская газета: орган Федеральной палаты адвокатов РФ [Электронный ресурс] // URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilsya-otmeny-postanovleniya-po-delu-ob-uklonenii-ot-mobilizatsii/ (дата обращения 12.02.2026)

была предпринята попытка внесения изменений в уголовное законодательство. Так, в Государственную Думу депутатами партии «Единая Россия» была внесена инициатива о введении нового специального состава уголовного преступления в ст. 328 УК РФ, однако проект поправок не получил поддержки и одобрения[1].

Таким образом, особенности классификации данного вида преступления состоят в наличии правовых пробелов в специальных законах, регламентирующие статус военнообязанных и в специфике построения уголовного законодательства. Анализ элементов и структуры уголовно-правовых норм позволяет выделить следующие критерии для классификаций преступлений и их составов за уклонение от военной службы и мобилизации.

По субъекту и объекту элементного состава:

1) преступления, посягающие на установленные правила призыва (ч. 1 ст. 328 УК РФ);

2) преступления, против порядка пребывания на военной службы, совершенные лицами имеющие статус военнослужащих (ст. 337, ст. 338, ст. 339 УК РФ).

По специальному составу преступлений, совершенные в условиях мобилизации:

1) Самовольное оставление части или места службы, совершенное военнослужащим, проходящим военную службу (ч. 2.1. ч. 3.1. ст. ч.5 ст. 338 УК РФ.

2) Дезертирство (ч. 3 ст. 338 УК РФ).

3) Уклонение военнослужащим от исполнения военной службы путем симуляции болезни, членовредительства, подлога документов или иного обмана (ч. 3. ст. 339 УК РФ).

По характеру и степени общественной опасности:

1) Санкция уголовного состава не превышает трех лет лишения свободы (ч.1. ст. 328 УК РФ, ч.1, ч.2, ч.3 ст. 337 УК РФ, ч.1 ст. 339 УК РФ).

2) Санкция уголовного состава не превышает пяти лет лишения свободы (ч.2.1, ч.4. ст. 337 УК РФ, ч.3.1, ч.3.2, ч.4, ч.5, ч.6 ст. 337 УК РФ).

3) Санкция уголовного состава не превышает пятнадцати лет лишения свободы (ч.2.2, ч.3.1. ч.3.2 ч. 5. ст. 337 УК РФ, ч.1, ч.2 ст. 338 УК РФ, ч. 2. ст. 339 УК РФ).

4) Санкция уголовного состава свыше десяти лет лишения свободы (ч. 6 ст. 337 УК РФ, ч.3, ч.4 ст. 338 УК РФ, ч. 4 ст. 339 УК РФ).

На основании результатов проведённого исследования сформулированы следующие выводы:

1) Действующее уголовное законодательство не содержит уголовного состава преступления за уклонение от прохождения военной службы по мобилизации, лицам, на которых не распространяется статус военнослужащего, в связи с этим указанные действия нельзя классифицировать в отдельный вид преступления.

2) Преступления совершенные в период мобилизации обладают большей степенью общественной опасности. В соответствии с приведенной классификацией, наличие данного обстоятельства отягчает назначение наказание судом.

3) На основе предложенной классификации преступлений представляется возможным систематизировать уголовно-правовые нормы и разработать проект поправок в Уголовный кодекс, предусматривающий внесения новых составов преступлений, связанных с уклонением военнообязанных лиц по мобилизации.

Список литературы:

1. Ермолович Я. Н. О признании совершения преступления в условиях вооруженного конфликта или военных действий обстоятельством, отягчающим наказание // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 5. С. 81-86.
2. Шульга А. В. Развитие отечественной системы преступлений с административной преюдицией: шаг вперед или два назад? / А. В. Шульга, Ю. И. Чернов, А. В. Сокол // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 3 (49) С. 14-19.
3. Голубовский В.Ю. Некоторые проблемы уголовной ответственности за уклонения от прохождения военной службы (ч. 1 ст. 328 Уголовного кодекса РФ) // Oeconomia et Jus. 2022. № 1. С. 77–82.
4. Мантеев М.Б. Уклонение от военной службы: вопросы теории и практики // Научный сетевой журнал «Столыпинский вестник» 2023. № 4/2023. С. 2168—2178
5. Жилкин М. Г. Проблемы уголовной ответственности за уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы в период мобилизации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 16—24.

References

1. Ermolovich Ya. N. On the recognition of the commission of a crime in conditions of armed conflict or military operations as a circumstance aggravating punishment. Law in the Armed Forcesю. 2017. № 5. Pp. 81—86.
2. Shulga A.V. Development of the domestic system of crimes with administrative prejudice: one step forward or two steps back? / A.V. Shulga, Yu. I. Chernov, A.V. Sokol // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3 (49). Pp. 14-19. (In Russ.).
3. Golubovsky V.Y. Some problems of criminal liability for evasion of military service (part 1 of art. 328 of the criminal code of the russian federation) // Oeconomia et Jus. 2022. № 1. Pp. 77–82. (In Russ.).
4. Mantaev M. B. Evasion from military service: questions of theory and practice // Stolypin Bulletin. 2023. № 4. Pp. 2169-2176. (In Russ.).
5. Zhilkin M. G. Problems of criminal liability for evasion from military and alternative civil service during the mobilization period // Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. №3 (66) Pp. 16—24. (In Russ.).

[1] Единая Россия: Федеральный сайт [Электронный ресурс] URL: https://er.ru/activity/news/edinaya-rossiya-iniciativa-o-vvedenii-otvetstvennosti-za-uklonenie-ot-voennoj-sluzhby-v-period-mobilizacii-ne-rassmatrivaetsya (дата обращения 12.02.2026)

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_448

УДК 342.9

К ВОПРОСУ О СПЕЦИАЛЬНОМ РЕЖИМЕ ЗАКРЫТОГО АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ
ON THE QUESTION OF THE SPECIAL REGIME OF A CLOSED ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL FORMATION: PUBLIC-LEGAL ASPECT

МАЗУРЕНКО Андрей Петрович
доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
юридического факультета Северо-Кавказского федерального университета
357528, Ставропольский край, г. Пятигорск, ул. 50 лет ВЛКСМ, дом 169
E-mail: decanpetrovich@mail.ru

MAZURENKO Andrey Petrovich
Doctor of Law, Professor, Department of State and Legal Disciplines, Faculty of Law, North Caucasus Federal University.
357528, Stavropol Krai, Pyatigorsk, 50th Anniversary of the Komsomol Street, Building 169
E-mail: decanpetrovich@mail.ru

ДЬЯЧЕНКО-ХАНАНИЕВА Ольга Викторовна
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса
юридического факультета Северо-Кавказского федерального университета
357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, ул. Партизанская, 1Б, корпус 3,
E-mail: phalenopsis69@mail.ru

DYACHENKO-KHANANIEVA Olga V.
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure
Faculty of Law, North Caucasus Federal University.
357532, Stavropol Krai, Pyatigorsk, Partizanskaya St., 1B, Building 3.
E-mail: phalenopsis69@mail.ru

Краткая аннотация: *рассматривается специальный правовой режим закрытого административно-территориального образования. Анализируются нормы действующего законодательства и рассматриваются различные точки зрения относительно понятий «правовой режим», «специальный правовой режим», «закрытое административно-территориального образование» и их содержание. Приводится довод, что последнее является комплексным правовым образованием, регулируемым, прежде всего, публично-правовыми нормами.*

Abstract: *This article examines the special legal regime of a closed administrative-territorial entity. It analyzes current legislation and explores various perspectives on the concepts of "legal regime," "special legal regime," and "closed administrative-territorial entity," as well as their meaning. It argues that the latter is a complex legal entity, governed primarily by public law.*

Ключевые слова: *правовой режим, специальный правовой режим, ЗАТО, нормы публичного права, регулирование.*
Keywords: *legal regime, special legal regime, closed administrative-territorial entity, public law norms, regulation.*

Для цитирования: *Мазуренко А.П., Дьяченко-Хананиева О.В. К вопросу о специальном режиме закрытого административно-территориального образования: публично-правовой аспект // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 448-450. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_448.*
For citation: *Mazurenko A.P., Dyachenko-Khananieva O.V. On the question of the special regime of a closed administrative-territorial formation: public-legal aspect // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 448-450. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_448.*

Статья поступила в редакцию: 05.04.2026

Объективно происходящие в современном мире геополитические, социально-экономические и иные перемены обусловливают необходимость изменения характера и качества правового регулирования социальных связей в специфических сферах и отраслях управления каждого отдельно взятого национального государства. В этом смысле не является исключением и Российская Федерация. Одним из особых средств, обеспечивающих как стабильность, так и динамичность развития общественных отношений, способных достаточно быстро реагировать на отклонения от ординарной ситуации в целях предотвращения сбоя в правовом регулировании, является специальный правовой режим (далее – СПР). Актуальность существования подобных режимов особо проявилась в период пандемии 2020-2021 гг. и не теряет своего значения в условиях продолжающейся Специальной военной операции.

Установление особых порядков правового регулирования всегда связано с определенными условиями, специфическими целями, преследуемыми законодателем, временными и пространственными факторами, влияющими на применение особых мер реагирования. Поэтому СПР является действенным инструментом не только правовой, но и экономической политики государства. Благодаря ему выполняются такие важнейшие публичные задачи как укрепление налоговой системы, развитие сельскохозяйственного производства, предпринимательской активности и т.д. По-прежнему остается насущной проблемой правовая защита особо охраняемых природных территорий, несмотря на принятие ряда соответствующих нормативных правовых актов. В настоящее время в Российской Федерации насчитывается 12467 особо охраняемых природных территорий, из них 489 федерального значения [8]. В то же время, несмотря на создание системы государственного управления и функционирование целого ряда общественных экологических организаций, продолжается исчезновение естественных экологических систем, растительных и животных видов, что вызвано деятельностью человека. Примером подобного негативного воздействия могут служить некогда знаменитые курорты Кавказских Минеральных Вод, утратившие за последние 30 лет около четверти своих уникальных гидроминеральных ресурсов.

Ежегодные доклады о состоянии защиты территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного характера свидетельствуют о довольно большом количестве ЧС природного характера, пострадавших от них граждан и росте материального ущерба. В дополне-

ние к сказанному следует отметить, что из-за деструктивной позиции западных стран и Украины резко участились террористические нападения, а также попытки вмешательства во внутренние дела Российской Федерации деструктивных сил с целью дестабилизации обстановки.

Все вышеперечисленное обусловливает необходимость введения таких специальных правовых режимов, как режим контртеррористической деятельности, чрезвычайного и военного положения. Вместе с тем, несмотря на востребованность, категория «специальный правовой режим» далеко не всегда упоминается в публично-правовых исследованиях. Действующее российское законодательство также, к сожалению, не часто употребляет данный термин. Эти негативные тенденции являются следствием недостаточной научной проработанности особых порядков правового регулирования.

Здесь следует обратить внимание на диссертационное исследование А.П. Лиманской, которая определяет правовой режим как особый порядок правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств, создающий желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права. В качестве примеров правовых режимов, различных по своему содержанию и формам проявления, она называет: режим финансовой стабилизации, режим протекционизма, режим въезда и выезда за границу, режим отдельных свободных (оффшорных) зон и территорий, режим военного положения, паспортный режим, режим хранения и транспортировки ядерного и химического оружия, режим санкций, моратория, эмбарго, режим закрытых административных территорий [4, с. 27] и т.п.

Правовой режим – одно из проявлений нормативности права, но на более высоком уровне. Следует согласиться с С.С. Алексеевым, что, прежде всего, правовой режим можно рассматривать как своего рода «укрупненный блок» в общем арсенале правового инструментария, соединяющий в единую конструкцию определенный комплекс правовых средств (льгот и запретов, субъективных прав и юридических обязанностей, поощрений и наказаний, рекомендаций и приостановлений и т.п.) [1, с. 171].

В целом все правовые режимы можно условно разбить две группы: общие и специальные. Общим обозначается такой порядок, который рассчитан на повседневную деятельность, типичные социальные ситуации. Между тем модернизация правовой системы России, происходящие изменения в политической, социально-экономической и других сферах повышают значимость специального регулирования. В таких условиях общество нуждается в определенном механизме, способном стабилизировать общественную жизнь, и вместе с тем достаточно быстро отреагировать на отклонения от стандартной ситуации в целях предотвращения сбоя в правовом регулировании [6, с. 138]. И в качестве подобного механизма выступает СПР.

Так, Д.Н. Бахрах понимает под специальными административными режимами такие специальные правовые регламенты деятельности публичной администрации, которые допускают ограничения прав невластных субъектов и расширяют полномочия, активизируют деятельность субъектов власти в особых условиях ради обеспечения безопасности и порядка [2, с. 131].

Специальный налоговый режим, например, определяют как некий порядок правового регулирования налоговых правоотношений, который заключается в определенном сочетании правовых средств и предусматривает особенности определения элементов налогообложения в целях создания определенной степени благоприятности для удовлетворения интересов отдельной категории субъектов налоговых правоотношений [7, с. 18].

Однако даже в рамках одной отрасли права мнения на юридическую природу СПР среди исследователей расходятся. В то же время большинство из них согласны в том, что сущность СПР заключается в особом порядке регулирования нестандартных, нетипичных ситуаций, состояний и объектов с помощью системы специальных средств в специфических условиях.

Сказанное касается и закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО). Это объясняется тем, что в последних местное самоуправление отличается спецификой, предопределенной особым правовым статусом названных территорий. В настоящее время продолжается совершенствование специального режима ЗАТО. Вместе с тем, до сих пор в научной среде не угасают споры относительно правового положения ЗАТО и «федеральных территорий», особенностей режима их правового регулирования. Речь идет о проведении федерализации ЗАТО и придании им статуса городов федерального значения с сохранением муниципальной самостоятельности.

По мнению Ю.Н. Сосновской, ЗАТО является административно-территориальной единицей, в которой действуют органы местного самоуправления, и границы которой определяются исходя из необходимости надлежащего обеспечения особого режима («безопасного функционирования»), а также с учетом потребностей развития населенных пунктов, входящих в состав ЗАТО или прилегающих к его территории. Функционирование данных образований находится в ведении федеральных органов государственной исполнительной власти по вопросам установления административной подчиненности и их границы, полномочий органов государственной власти субъектов РФ в отношении ЗАТО, обеспечения действия особого административно-правового режима, в том числе ограничение прав граждан и организаций [9, с. 177].

В ст. 3 Закона о закрытых административно-территориальных образованиях указано, что на территории ЗАТО устанавливается, так называемый, особый правовой режим безопасного функционирования организаций и (или) объектов, который по аналогии с иными особыми административно-правовыми режимами (в частности, военного и чрезвычайного положения, контртеррористической операции) также предполагает возможность ограничения конституционных прав и свобод граждан[1]. Однако полное отождествление правовой сущности данных режимов, как представляется, невозможно.

Анализ данной статьи предполагает, в частности, установление специальных запретных (контрольно-пропускных) зон на границах ЗАТО

[1] Закон РФ от 14 июля 1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» (ред. от 08.08.2024 № 232-ФЗ0 // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_734/ (дата обращения: 26.04.2026).

или внутри них, установление ряда ограничений, относящихся к порядку въезда и выезда на и с территории ЗАТО и др. Отдельного внимания в контексте рассмотрения административно-правовых особенностей функционирования ЗАТО заслуживает их двойная подчиненность, которая закреплена в ст. 3 Закона о ЗАТО и предполагает, что имеет место определенная специфика распределения организационных полномочий между органами местного самоуправления и федеральными органами государственной власти[1]. Данный особый правовой режим имеет выраженный локальный характер и ответственность за его исполнение фактически целиком лежит на руководящем должностном лице соответствующего объекта. Это, в частности, касается установления определенных ограничений в общественно-политической сфере, для которых характерны, прежде всего, запреты на деятельность на территории ЗАТО организаций с иностранной субъектностью [9, с. 179]. Сюда же можно отнести закрепленные абз. 4 ч. 1 ст. 3 Закона о ЗАТО ограничения на организацию и осуществление хозяйственной и предпринимательской деятельности на его территории.

В контексте особенностей затронутых специальных норм уместно будет сказать несколько слов об их роли в установлении специальных правовых режимов. Прежде всего, они раскрывают суть специального средства правового регулирования, определяя место в системе права. СПР носят комплексный характер, поскольку затрагивают различные по характеру права и обязанности участников режимного регулирования. Вместе с тем особый порядок правового регулирования по своей сути будет иметь определенную отраслевую принадлежность [6, с. 138]. Например, режим ЗАТО будет носить административно-правовой характер, несмотря на то, что включает нормы различных отраслей права: административного, земельного, финансового, гражданского и др. В частности, нормы земельного права определяют, что земли ЗАТО находятся не в муниципальной собственности, а передаются в бессрочное пользование специальным промышленным объектам, использующим их исключительно в общегосударственных целях. Что же касается рядовых граждан, то им могут быть предоставлены земельные участки для удовлетворения собственных нужд (в частности, дачного строительства) только за пределами ЗАТО.

Рассматриваемый режим регламентируется и нормами финансового права, поскольку финансирование строительной и иной хозяйственной деятельности осуществляется только за счет средств федерального бюджета. Кроме того, хозяйственная деятельность, предназначенная для обеспечения муниципальных нужд и осуществляемая за счет средств местного бюджета, ограничивается [6, с. 139].

Режим ЗАТО затрагивает и гражданско-правовые основы деятельности коммерческих организаций. Так, на территории ЗАТО не могут создаваться финансово-промышленные группы и торговые холдинги, предпринимательская деятельность которых направлена на привлечение трудовых и экономических ресурсов нескольких субъектов Федерации. Наконец, рассматриваемый СПР устанавливает особые требования и в отношении общественно-политической деятельности. Создание и деятельность на территории ЗАТО иностранных неправительственных организаций с иностранными инвестициями допускается только в исключительных случаях по согласованию с ФСБ РФ и МВД России, которые вправе отказать в создании таких организаций [5, с. 125].

Подводя итог сказанному, следует согласиться, что закрытое административно-территориальное образование предполагает обеспечение в пределах его территории специфического правового режима безопасного функционирования предприятий и объектов, который не в полном объеме отвечает критериям специального режима, но, вместе с тем, обладает рядом смежных с ним черт и признаков [9, с. 180]. В целом уместно говорить о данном режиме как об особой разновидности комплексного публично-правового регулирования, ориентированного на решение ряда весьма специфических целей и задач, включая обеспечение безопасности жизнедеятельности населения на охватываемой им территории.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Теория права. – М.: Издательство БЕК, 1995. – 320 с.
2. Бахрах Д.Н. Административное право: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 021100 "Юриспруденция" / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Старилов. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – М.: Норма, 2007. – 815 с.
3. Жданова В.Ю. Специальные налоговые режимы: место в системе правовых явлений и юридическая конструкция: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2007. – 24 с.
4. Лиманская А.П. Специальные правовые режимы: общетеоретический анализ. Дисс … канд. юрид. наук. – Саратов, 2014. – 186 с.
5. Лимарева М.В., Дьяченко О.В., Мазуренко А.П. Публичные и цивилистические аспекты классификации специальных правовых режимов // Themed collection of papers from Foreign International Scientific Conference «Modern research on the way to a new scientific revolution». by HNRI «National development» in cooperation with AFP (Puerto Cabezas, Nicaragua). – March 2026. – Varadero (Cuba): HNRI «National development», 2026. – P. 124-127.
6. Мазуренко А.П., Лиманская А.П. Специальные правовые режимы как средство правотворческой политики: монография. – Саарбрюкен (Германия), 2017. – 460 с.
7. Матинов А.С. Специальные налоговые режимы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2005. – 28 с.
8. Сводная информация // ООПТ России [Электронный ресурс] URL: http://oopt.aari.ru/filter/reset (дата обращения 24.04.2026).
9. Сосновская Ю.Н., Маркина Э.В. К вопросу о правовом регулировании создания, преобразования и функционирования закрытых административно-территориальных образований // Криминологический журнал. – 2025. – № 3. – С. 176-181.

References:

1. Alekseev S.S. Theory of law. Moscow: BEK Publishing House, 1995. 320 p.
2. Bakhrah D.N. Administrative law: a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty 021100 "Jurisprudence" / D.N. Bakhrah, B.V. Rossinsky, Yu.N. Starilov. – 3rd ed., revised and supplemented – M.: Norm, 2007. – 815 p.
3. Zhdanova V.Yu. Special tax regimes: place in the system of legal phenomena and legal construction: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. Sciences. M., 2007. 24 p.
4. Limanskaya A.P. Special legal regimes: a general theoretical analysis. Diss ... kand. jurid. sciences'. Saratov, 2014– 186 p
5. Limareva M.V., Dyachenko O.V., Mazurenko A.P. Public and civil aspects of the classification of special legal regimes // Themed collection of papers from the Foreign International Scientific Conference "Modern research on the way to a new scientific revolution". by HNRI «National development» in cooperation with AFP (Puerto Cabezas, Nicaragua). – March 2026. – Varadero (Cuba): HNRI "National development", 2026. – pp. 124-127.
6. Mazurenko A.P., Limanskaya A.P. Special legal regimes as a means of law-making policy: monograph. – Saarbrucken (Germany), 2017. – 460 p.
7. Matinov A.S. Special tax regimes: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. Sciences. – M., 2005. – 28 p.
8. Summary information // Protected areas of Russia [Electronic resource] URL: http://oopt.aari.ru/filter/reset (accessed 04/24/2026).
9. Sosnovskaya Yu.N., Markina E.V. On the issue of legal regulation of the creation, transformation and functioning of closed administrative-territorial entities // Criminological journal. – 2025. – № 3. – pp. 176-181.

[1] Там же.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_451

УДК 342

СИСТЕМА ЛЮБОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
THE SYSTEM OF ANY CIVIL SERVICE IN THE RUSSIAN FEDERATION: ISSUES OF HISTORY, THEORY AND PRACTICE

ГЕР Олег Евгеньевич,
доцент кафедры транспортного права
Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А. Новикова, кандидат юридических наук.
196210, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Пилотов, д. 38.
E-mail: oeger60@gmail.ru

КАЙНОВ Владимир Иванович,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры транспортного права
Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А. Новикова.
196210, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Пилотов, д. 38.
E-mail: oeger60@gmail.ru

GER Oleg E.,
Associate Professor of the Department of Transport Law
Saint Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov, PhD in Law.
38 Pilotov St., Saint Petersburg, Russia, 196210.
E-mail: oeger60@gmail.ru

KAINOV Vladimir Ivanovich,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Transport Law
St. Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov.
38 Pilotov St., Saint Petersburg, Russia, 196210.
E-mail: oeger60@gmail.ru

Краткая аннотация. *В статье исследуются особенности функционирования системы государственной службы в Российской Федерации. Раскрывается генезис данного правового института в различные периоды развития российской государственности.*

Abstract*. The article examines the issues of the legal status of a magistrate as a participant in proceedings on cases of administrative offenses in modern Russia.*

Ключевые слова :*система государственной службы; Российская Федерация; государственная служба; субъекты государственной службы.*

Key words: *legal status, magistrate, participant in proceedings, administrative offense.*

Для цитирования: *Гер О.Е., Кайнов В.И. Система государственной службы Российской Федерации: вопросы истории, теории и практики // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 451-455. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_451.*

For citation: *Ger O.E., Kainov V.I. The civil service system of the Russian Federation: issues of history, theory and practice // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 451-455. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_451.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Рассматривая систему государственной службы современной России, в первую очередь, по мнению авторов статьи, необходимо обратить свое внимание на государственную гражданскую службу – на ту службу, с которой чаще всего сталкиваются граждане Российской Федерации при реализации своих конституционных прав и свобод. Итак, согласно федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе», государственная гражданская служба это «…вид государственной службы, которая представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях государственной гражданской службы Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации (включая в кадровом резерве)»[1].

Само прохождение государственной гражданской службы имеет ряд особенностей. Так, на гражданскую государственную службу имеют право поступать граждане Российской Федерации, возраст которых достиг восемнадцати лет, владеющие государственным языком Российской Федерации, обладающие необходимым уровнем образования. Предельный возраст пребывания на государственной гражданской службе составляет 65 лет. При проведении конкурса по замещению должности государственного гражданского служащего создается конкурсная комиссия. Положение о конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации, которое определяет порядок и условия проведения данного конкурса, утверждается указом Президента Российской Федерации.

В случае поступления гражданина Российской Федерации на государственную гражданскую службу, ему необходимо заключить служебный контракт (соглашение между представителем нанимателя и лицом, который поступает на службу). Лицо, которое поступает на государственную гражданскую службу, в случае заключения служебного контракта о прохождении государственной гражданской службы,

[1]О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 30.12.2015, с изм. от 23.05.2016) // СЗ РФ – 2004 – № 31 – Ст. 3215

должно исполнять должностные обязанности в соответствии с должностным регламентом и соблюдать служебный распорядок государственного органа. После назначения на должность государственной гражданской службы гражданскому служащему вручается служебное удостоверение установленной формы.

До истечения срока испытания гражданский служащий вправе расторгнуть служебный контракт по собственному желанию, предупредив об этом представителя нанимателя в письменной форме не позднее, чем за 3 дня.

Следует отметить, что в современной России реализуется президентская программа подготовки кадров для сферы управления, которая предназначена в первую очередь для лиц-участников специальной военной операции. С ними проводятся соответствующие занятия по профилю подготовки специалистами-практиками, а также преподавателями ведущих вузов России. Это способствует, по мере необходимости, определенной ротации в сфере государственной гражданской службы.

Все должности государственной гражданской службы в Российской Федерации регламентируются либо федеральным, либо региональным законодательством. Данное законодательство устанавливает определенные группы и категории государственных гражданских служащих.

Мы можем отметить 4 основных категорий должностей, которые подразделяются на 5 групп. К ним следует отнести:

1. Руководители - это должности руководителей государственных органов и их заместителей, руководителей структурных подразделений, территориальных органов и их подразделений, а также представительств государственных органов и их структурных подразделений (высшая, главная, ведущая группы).

2. Помощники (советники) – это должности, которые учреждаются для содействия руководителям государственных органов, территориальных федеральных органов исполнительной власти и их представительств (высшая, главная, ведущая группы).

3. Специалисты - это основная категория в сфере государственной гражданской службы. Она учреждается для профессионального обеспечения выполнения государственными органами установленных функций и задач (высшая, главная, ведущая, старшая группы).

4. Обеспечивающие специалисты – это должности, которые учреждаются для информационного, организационного, хозяйственного, финансово – экономического и иного обеспечения деятельности органов государственного управления (главная, ведущая, старшая, младшая группы).

В целях оптимизации функционирования государственной гражданской службы федеральным законодательством[1] устанавливается ряд ограничений в отношении государственных гражданских служащих. К ним следует отнести следующие ограничения:

1) ограничения, связанные с поступлением на государственную гражданскую службу (статья 16);

2) запреты, которые действуют во время прохождения гражданской службы (пункт 1-2 статья 17);

3) запреты, которые сохраняются после увольнения со службы (пункт 3 статьи 17).

По мнению авторов статьи весьма значимыми из вышеизложенных запретов являются ограничения, которые регламентируют сам порядок поступления на государственную гражданскую службу[2].

Гражданин не может быть принят на службу, а гражданский служащий не может находиться на гражданской службе в таких случаях, как:

1. Признание его недееспособным или ограниченно дееспособным по решению суда, которое вступило в законную силу. Согласно статьи 29 Гражданского Кодекса Российской Федерации гражданин может быть признан недееспособными если он не может понимать значение своих действий или руководить ими вследствие психического расстройства. Ограниченно дееспособными считаются лица, которые в связи с злоупотреблением спиртными напитками или наркотическими средствами ставят свою семью в тяжелое материальное положение (статья 30 Гражданского Кодекса Российской Федерации)[3].

2. Наличие заболевания, препятствующее поступлению или прохождению государственной гражданской службы, подтвержденное заключением медицинского учреждения. Порядок прохождения диспансеризации установлен правительством Российской Федерации[4].

3. Выход из гражданства Российской Федерации или приобретение гражданства другого государства. Согласно статье 41 закона №79 – ФЗ выход из гражданства Российской Федерации или приобретение гражданства другого государства приводит к расторжению служебного контракта и освобождению гражданского служащего от занимаемой им должности[5]. Обязанностью государственного гражданского служащего при выходе из гражданства или приобретении другого гражданства являются сообщение об этом непосредственно, в день самого выхода из гражданства Российской Федерации.

4. Наличие гражданства другого государства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации. В соответствии со ст. 6 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» приобретение другого гражданства не влечет за собой автоматическое прекра-

[1]О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 30.12.2015, с изм. от 23.05.2016) // СЗ РФ – 2004 – № 31 – Ст. 3215

[2]Кайнов В.И., Сальников М.П., Петров П.А. Вопросы оптимизации административно-правового регулирования оказания электронных государственных услуг//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С.97-107; Кайнов В.И. Развитие отечественного законодательства об административном судопроизводстве//Мир экономики и права. 2015. №6. С.83-87

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации. М., 2026

[4] Приказ Минздравсоцразвития Российской Федерации № 984н от 14.12.2009 года «Об утверждении Порядка прохождения диспансеризации государственными гражданскими служащими Российской Федерации и муниципальными служащими, перечня заболеваний, препятствующих поступлению на государственную гражданскую службу Российской Федерации и муниципальную службу или ее прохождению, а также формы заключения медицинского учреждения»//СПС Гарант

[5]О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 30.12.2015, с изм. от 23.05.2016) // СЗ РФ – 2004 – № 31 – Ст. 3215

щение гражданства Российской Федерации. При этом гражданин Российской Федерации, который имеет другое гражданство, будет рассматриваться как гражданин Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом или международным договором. Так, п. 6 и 7 ч. 2 ст. 16 ФЗ «О государственной гражданской службе» устанавливает, что основанием для отказа в приеме на службу является наличие гражданства иностранного государства. Стоит учесть, что «указанным международным договором должно быть предусмотрено не только признание двойного гражданства, но и возможность доступа к государственной службе договаривающихся государств. Такое ограничение предусмотрено п. 5 ст. 8 модельного закона об основах государственной службы государств СНГ»[1].

5. Не предоставление сведений или представление заведомо ложных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Ограничение предусмотрено различными правовыми актами. Так, пунктом 8 Международного кодекса поведения государственных должностных лиц закреплено, что «…государственные должностные лица в соответствии с занимаемым ими служебным положением и как это разрешено или требуется законом и административными положениями выполняют требования об объявлении или сообщении сведений о личных активах и обязательствах, а также по возможности сведения об активах и обязательствах супруга (супруги) или иждивенцев».

Кроме того, гражданский служащий должен представлять сведения и о себе членах своей семьи и соответственно сведения о полученных доходах. Гражданин не может быть принят на службу в случае непредоставления сведений или предоставление заведомо ложных сведений. Положение о предоставлении таких сведений утверждается соответствующим указом Президента Российской Федерации и нормативно-правовыми актами субъектов Российской Федерации[2].

5. Несоблюдение ограничений, нарушение запретов и несоблюдение обязанностей, которые установлены федеральным законом о противодействии коррупции[3].

Таким образом, следует сделать вывод о том, что государственная гражданская служба – это профессиональная деятельность граждан России в гражданских органах исполнительной, законодательной и судебной власти на федеральном и региональном уровнях. Установление правовых ограничений при поступлении на гражданскую службу обусловлено спецификой самой государственной службы. Особый правовой статус государственных служащих определяется Российской Федерацией как профессиональная деятельность по обеспечению исполнения полномочий государственных органов. Государственная гражданская служба подразделяется на федеральную гражданскую службу и гражданскую службу субъектов Российской Федерации.

Важная роль в системе государственной службы Российской Федерации отводится военной службе. «Военная служба – это особый вид федеральной государственной службы, представляющий профессиональную деятельность граждан на воинских должностях в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских (специальных) формированиях и органах, осуществляющих функции по обеспечению обороны и безопасности государства»[4].

Военная служба характеризуется рядом особенностей, а именно:

1. Обеспечение безопасности граждан, государства и общества, а также защита их основных прав, публичных интересов, ценностей, охрана общественного порядка;

2. Наличие специальных званий и атрибутики;

3.Выполнение профессионального долга даже в условиях повышенного риска для жизни и здоровья;

4. Проведение обязательных специальных занятий в служебное время (с учетом специфики воинских специальностей);

5. Более строгая дисциплина.

Главной задачей военной службы является «…защита страны от посягательства других государств на территориальную целостность, суверенитет, конституционный строй, а также военный и экономический потенциал страны».[5]

В случае поступления на военную службу, к таким лицам предъявляются повышенные требования к их здоровью, уровню профессиональной подготовки, образованию, психологическим и моральным качествам. В отличие от других служб военная служба основывается не только на добровольности, но и на основе призыва. В данном контексте она подразделяется на службу по контракту и по призыву.

Кроме того, военная служба от любой иной деятельности в гражданской сфере отличается специфическими методами, возможностями, приложением сил, требованиями к военнослужащим, а также условиями достижения цели. В условиях существования реальных военных угроз для нашей страны, военная служба является весьма важной для Российской Федерации. К элементам воинской деятельности относятся: общественно- государственная и боевая подготовки, служебно-боевая деятельность, реальные боевые действия.

Авторы статьи отмечают, что само прохождение военной службы характеризуется определенными особенностями. Они выражаются в том, что прохождение военной службы это своего рода изменение служебно- правового положения военнослужащего, которое обусловлено определенными фактами, носящий юридический характер[6].

---

[1]Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ. 1998. № 18. С. 103 – 128

[2]Указ Президента Российской Федерации от 18.05.2009 года «О представлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера»//СПС Гарант

[3]Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Институт банковской тайны в Российской Федерации: история, теория и практика: монография. СПб., 2011; Кайнов В.И., Капустин А.А. Некоторые методологические проблемы современного правоведения в России//Мир юридической науки.2013. № 12. С.4-13

[4]О воинской обязанности и военной службе: федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 03.07.2016)// СЗ РФ.– 1998 – № 13 – Ст 1475

[5]Овсянко Д.М. Государственная служба Российской Федерации: учебное пособие – М.: Юристъ, 2014 – 164 с.;Кайнов В.И. Историко-правовой анализ становления и развития института государственной службы в России // История государства и права. 2014. № 1. С.29;Кайнов В.И. Правовые акты органов исполнительной власти Российской Федерации.// В сборнике: Гостеприимный Петербург-18. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018.С.39-48

[6]Кайнов В.И., Капустин А.А. Международный аспект административной юстиции (системный подход) //Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 157-

Таким образом, следует констатировать, что прохождение военной службы - это регулируемый федеральными конституционными законами, федеральными законами, Положением о порядке прохождения военной службы, воинскими уставами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации процесс изменения правового положения граждан в связи с наступлением определенных юридических фактов особого вида с момента поступления их на военную службу и до ее окончания.

Не так давно в систему государственной службы Российской Федерации вошли три вида службы, а именно государственная гражданская служба, военная служба ииные виды государственной службы. Иные виды государственной службы - это вид федеральной государственной службы, профессиональная служебная деятельность граждан на должностях правоохранительной службы по обеспечению законности и правопорядка, безопасности личности, общества и государства. Данным служащим присваиваются специальные звания и классные чины[1]. Они обеспечиваются форменной одеждой с соответствующими знаками отличия.

Иные виды государственной службы предусмотрены в следующих государственных органах:

- Министерство внутренних дел (МВД России);
- Министерство юстиции Российской Федерации;
- Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России);
- Государственная фельдъегерская служба Российской Федерации (ГФС России);
- Федеральная служба исполнения (ФСИН России);
- Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации (ФССП России);
- Следственный комитет Российской Федерации;
- Прокуратура России.

Перечень государственных органов, в которых предусмотрен данный вид службы, устанавливается соответствующими указами Президента Российской Федерации[2].

Таким образом, данные изменения, произошедшие в отношении правоохранительной службы, оказывают важное влияние на дальнейшую работу государственной службы в целом.

На основании вышеизложенного следует сделать вывод о том, что стабильность и динамизм развития современной России все в большей степени начинают зависеть от эффективности всей системы управления и состояния государственной службы.

В завершении рассмотрения заявленной проблематики авторы статьи делают вывод о том, что государственная служба в Российской Федерации представляет собой комплексное явление, имеет различные аспекты (политический, организационный, экономический, нормативный, кадровый, аналитический, социальный, психологический и другие) и потому является объектом изучения многих отраслей науки[3].

Список литературы

1. Кайнов В.И. Историко-правовой анализ становления и развития института государственной службы в России // История государства и права. 2014. № 1. С.29
2. Кайнов В.И. Правовые акты органов исполнительной власти Российской Федерации// В сборнике: Гостеприимный Петербург-18. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018.С.39-48
3. Кайнов В.И. Прокуратура Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовой аспект // История государства и права. 2007. № 9. С.4-5
4. Кайнов В.И. Развитие отечественного законодательства об административном судопроизводстве//Мир экономики и права. 2015. №6. С.83-87
5. Кайнов В.И. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (28-2). 2005. С.227-228
6. Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Институт банковской тайны в Российской Федерации: история, теория и практика: монография. СПб., 2011
7. Кайнов, В. И. Актуальные вопросы оптимизации административно-правового статуса должностного лица / В. И. Кайнов, Д. В. Попков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 4(69). – С. 60-65. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-4-60-65. – EDN VSCNOW.
8. Кайнов В.И., Капустин А.А. Некоторые методологические проблемы современного правоведения в России//Мир юридической науки.2013. № 12. С.4-13
9. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников М.П. Сущность и значение процессуальных норм, регламентирующих производство об административных правонарушениях//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7.С.104-107
10. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Судебный контроль за деятельностью органов исполнительной власти//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 5. С.150-158
11. Кайнов В.И., Сальников М.П., Петров П.А. Вопросы оптимизации административно-правового регулирования оказания электронных государственных услуг//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С.97-107
12. Кайнов В.И., Сафаров Р.А. Административное право зарубежных стран. М., 2021
13. Шеншин, В. М. Виды государственной службы в войсках национальной гвардии / В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Военное право. – 2021. – № 3(67). – С. 140-146. – EDN ZXHGZQ.
14. Шеншин, В. М. О некоторых вопросах организации прохождения гражданской службы федеральными государственными гражданскими служащими Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 3(308). – С. 52-58. – EDN GHMJKS.
15. Кайнов, В. И. Конституционное право: Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин – Белгород: ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0 – EDN JAWRNO.
16. Назарова, И. С. Организационная основа профилактики правонарушений коррупционного характера в войсках национальной гвардии Российской Федерации / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Военное право – 2022 – № 5(75) – С. 174-185 – EDN HAXZAM

165;Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Судебный контроль за деятельностью органов исполнительной власти//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 5. С.150-158

[1]Кайнов В.И. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (28-2). 2005. С.227-228; Кайнов В.И. Административная ответственность: альбом схем-учебно-наглядное пособие. М., 2007

[2]Кайнов В.И. Историко-правовой анализ становления и развития института государственной службы в России // История государства и права. 2014. № 1. С.29

[3]Кайнов В.И., Сафаров Р.А. Административное право зарубежных стран. М., 2021; Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников М.П. Сущность и значение процессуальных норм, регламентирующих производство об административных правонарушениях//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7.С.104-107

17. Шеншин, В. М. Коррупция как угроза национальной безопасности / В. М. Шеншин, У. Н. Гордиенко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации – 2021 – № 2(51) – С. 27-33 – EDN HWFNAZ
18. Шеншин, В. М. Страхование военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации: особенности правоприменительной практики / В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение – 2021 – № 5(286) – С. 43-53 – EDN EHUCMH
19. Фаисханов, Р. Р. Запреты, ограничения и обязанности, налагаемые на военнослужащих, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации в связи с прохождением военной службы и службы в войсках национальной гвардии / Р. Р. Фаисханов, В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение – 2021 – № 9(290) – С. 2-11 – EDN UYRRRN

References

1. Kainov V.I. Historical and legal analysis of the formation and development of the Institute of public administration in Russia // History of the state and law. 2014. No. 1. p.29
2. Kainov V.I. Legal acts of the executive authorities of the Russian Federation// In the collection: Hospitable Petersburg-18. Collection of materials of the International scientific and practical Conference. 2018.Pp.39-48
3. Kainov V.I. The Prosecutor's office of the Russian Federation in the system of separation of powers: theoretical and legal aspect // The history of the state and law. 2007. No. 9. pp.4-5
4. Kainov V.I. Development of domestic legislation on administrative proceedings//The world of economics and law. 2015. No. 6. pp.83-87
5. Kainov V.I. Reforming the state civil service in the Russian Federation: analysis and improvement// Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 4 (28-2). 2005. pp.227-228
6. Kainov V.I., Kainova Yu.V. Institute of Bank secrecy in the Russian Federation: history, theory and practice: monograph. SPb., 2011
7. Kainov, V. I. Actual issues of optimizing the administrative and legal status of an official / V. I. Kainov, D. V. Popkov // Law. Safety. Emergency situations. – 2025. – № 4(69). – Pp. 60-65. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-4-60-65. – EDN VSCNOW.
8. Kainov V.I., Kapustin A.A. Some methodological problems of modern jurisprudence in Russia//The World of Legal Science.2013. No. 12. pp.4-13
9. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov M.P. The essence and significance of procedural norms regulating proceedings on administrative offenses//Legal science: history and modernity. 2019. No. 7.Pp.104-107
10. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov S.P. Judicial control over the activities of executive authorities//Legal science: history and modernity. 2019. No. 5. pp.150-158
11. Kainov V.I., Salnikov M.P., Petrov P.A. Issues of optimization of administrative and legal regulation of the provision of electronic government services//Legal science: history and modernity. 2019. No. 7. pp.97-107
12. Kainov V.I., Safarov R.A. Administrative law of foreign countries. Moscow, 2021
13. Shenshin, V. M. Types of public service in the National Guard troops / V. M. Shenshin, L. A. Shenshina // Military law. – 2021. – № 3(67). – Pp. 140-146. – EDN ZXHGZQ.
14. Shenshin, V. M. On some issues of the organization of civil service by federal state civil servants of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2023. – № 3(308). – Pp. 52-58. – EDN GHMJKS.
15. Kainov, V. I. Constitutional Law: Textbook / V. I. Kainov, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin – Belgorod: Epicenter LLC, 2026. – 284 p. – ISBN 978-5-605-57024-0 – EDN JAWRNO.
16. Nazarova, I. S. The organizational basis for the prevention of corruption offenses in the troops of the National Guard of the Russian Federation / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Military Law – 2022 – No. 5(75) – pp. 174-185 – EDN HAXZAM
17. Shenshin, V. M. Corruption as a threat to national security / V. M. Shenshin, U. N. Gordienko // Right. Safety. Emergencies – 2021 – No. 2(51) – pp. 27-33 – EDN HWFNAZ
18. Shenshin, V. M. Insurance of military personnel and employees of the National Guard troops of the Russian Federation: features of law enforcement practice / V. M. Shenshin, L. A. Shenshina // Law in the Armed Forces - Military Legal Review – 2021 – No. 5(286) – pp. 43-53 – EDN EHUCMH
19. Faiskhanov, R. R. Prohibitions, restrictions and duties imposed on military personnel, employees of the National Guard troops of the Russian Federation in connection with military service and service in the National Guard troops / R. R. Faiskhanov, V. M. Shenshin, L. A. Shenshina // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review – 2021 – No. 9(290) – pp. 2-11 – EDN UYRRRN

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_456

УДК 349.2

НОРМАТИВНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ (СОТРУДНИКОВ) ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

REGULATORY AND ORGANIZATIONAL BASES OF LEGAL AND SOCIAL PROTECTION OF MILITARY PERSONNEL (EMPLOYEES) NATIONAL GUARD TROOPS

ПОПКОВ Дмитрий Валерьевич
профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин
Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат экономических наук,
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Л.Пилютова, д.1.
e-mail: Narvskaya-ka@yandex.ru

POPKOV Dmitry V.
Professor of the Department of Philosophical and Socio-Economic Disciplines
Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences,
198206, St. Petersburg, Russia, L.Pilyutova str., 1.
e-mail: Narvskaya-ka@yandex.ru

Краткая аннотация: *Построение правового государства неотделимо связано с повышением внимания самого государства к реализации прав и свобод граждан Российской Федерации, в том числе военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии. В системе субъектов социальной защиты особое место отводится военнослужащим и сотрудникам войск национальной гвардии, которые, выступая представителями публичной власти в государстве, наделены особым правовым статусом. При этом специальный правовой статус военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии, с одной стороны, обусловлен характером осуществляемой ими деятельности в публичных интересах, выполнением конституционно значимых функций, а с другой стороны, определяет содержание и характер обязанностей государства по отношению к военнослужащим и сотрудникам ВНГ РФ.*

Abstract: *Building a state governed by the rule of law is inextricably linked to increasing the state's attention to the realization of the rights and freedoms of citizens of the Russian Federation, including military personnel and employees of the National Guard troops. In the system of subjects of social protection, a special place is given to military personnel and employees of the National Guard troops, who, acting as representatives of public authorities in the state, are endowed with a special legal status. At the same time, the special legal status of military personnel and employees of the National Guard troops, on the one hand, is determined by the nature of their activities in the public interest, the performance of constitutionally significant functions, and on the other hand, determines the content and nature of the duties of the state in relation to military personnel and employees of the VNG of the Russian Federation.*

Ключевые слова*: правовое государство, войска национальной гвардии, права и свободы, правовой статус.*
Keywords: *rule of law, National Guard troops, rights and freedoms, legal status.*

Для цитирования: *Попков Д.В. Нормативно-организационные основы правовой и социальной защиты военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 456-460. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_456.*
For citation: *Popkov D.V. Regulatory and organizational bases of legal and social protection of military personnel (employees) of the National Guard troops // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 456-460. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_456.*

Статья поступила в редакцию: 17.03.2026

Правовое обеспечение системы социальных гарантий военнослужащих изначально закреплено в Конституции Российской Федерации, которая закрепляет общие гражданские права на: образование, жилище, социальные гарантии[1], пенсионное обеспечение[2], охрану здоровья и т.д.

К следующим по значимости можно отнести Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», который устанавливает статус военнослужащих и содержит основы по вопросам социальных гарантий и компенсаций военнослужащим.

Данный закон определяет виды социальной помощи, перечень граждан, которым предоставляются социальные гарантии и компенсации, предусмотренные законом, и является основным нормативным документом, предусматривающим меры социальной помощи военнослужащим со стороны государства[3].

Положения по оказанию помощи военнослужащим содержатся также в Уставе внутренней службы Вооруженных Сил РФ, утвержденном Указом Президента РФ от 10.11.2007 № 1495, в котором закреплено, что государство обеспечивает нормативную и социальную защиту военнослужащих, осуществляет мероприятия по охране их жизни и здоровья, а также принимает иные меры для создания условий жизни и деятельности, соответствующих особенностям военной службы и ее роли в обществе.

Одним из элементов социальной защиты военнослужащих является их пенсионное обеспечение. Частью 1 ст. 39 Конституции Российской Федерации закреплено право каждого гражданина на социальное обеспечение по возрасту. Пенсионное обеспечение военнослужащих в РФ осуществляется в соответствии с ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», который закрепляет особенности пенсионного обеспечения граждан, проходивших военную службу, и Законом Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходя-

[1] Военное право / А. В. Кудашкин, В. К. Аулов, В. В. Бараненков [и др.]. Том II. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Центр правовых коммуникаций", 2021. – 888 с. – ISBN 978-5-6042565-2-7. – EDN WODYTL.
[2] Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
[3] Назарова, И. С. О некоторых тенденциях развития законодательства, регулирующего общественные отношения, складывающиеся в военно-социальной сфере / И. С. Назарова, В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 1(294). – С. 25-30. – EDN JOSAZX.

щих военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей». Вопросы, имеющие отношение к пенсионному обеспечению, также отражены в постановлении Правительства РФ от 22.09.1993 г. № 941 «О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин»[1].

В 2017 году Президент РФ подписал Федеральный закон от 3 апреля 2017 г. № 63-ФЗ в соответствии с которым ошибочный расчет выслуги лет не будет основанием для отмены военной пенсии. Документ дополняет ст. 62 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I новыми ч. 3-6 и, таким образом, выполняется решение КС РФ, о спорных вопросах, возникающих в случае выявления ошибки в расчете выслуги лет, дающей право на получение пенсии лицам, проходившим службу в полиции, Государственной противопожарной службе, а также в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы[2].

В частности, законом устанавливается, что если в течение трех лет с даты назначения пенсии по выслуге лет обнаружена ошибка, после устранения которой пенсионер утрачивает право на пенсионное обеспечение, то ПФР продолжает выплачивать ему сумму, равную размеру пенсии на дату обнаружения ошибки, а также ежегодно индексировать ее. Но для этого должны быть выполнены два условия: во-первых, такая пенсия должна быть для гражданина единственным источником дохода, а во-вторых, со стороны пенсионера должны отсутствовать виновные действия, которые бы привели к неправомерному назначению пенсии.

Новыми нормами определяется, что ПФР будет перечислять выплаты ежемесячно до возникновения у пенсионера права на получение военной пенсии либо права на назначение любой другой пенсии за исключением накопительной и социальной[3].

Уточняется, что выплата пенсии за выслугу лет в связи с отсутствием права на нее либо приобретением права на другой вид пенсии прекращается с первого числа месяца, следующего за месяцем, в котором наступили указанные обстоятельства[4].

Обратим внимание, что КС РФ признал неконституционными положения закона, которыми для граждан, чьи дети погибли при исполнении обязанностей военной службы и службы в органах внутренних дел, не установлена возможность получать повышенную пенсию по потере кормильца (ч. 1, ч. 3 ст. 7 Закона РФ «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, и их семей»). Жалоба гражданина К., сыновья которого погибли при исполнении обязанностей службы в органах внутренних дел, стала поводом для принятия Судом соответствующего постановления[5].

Поясняется, что в связи с гибелью младшего сына гражданину К. и его жене была назначена пенсия УФСБ России по Рязанской области по случаю потери кормильца, которая по-прежнему выплачивается. В марте 2013 года они обратились в указанный орган в связи с гибелью старшего сына с просьбой о назначении пенсии по случаю потери кормильца, но получили отказ. Суды также посчитали, что повышенный размер пенсии по потере кормильца в таком случае не назначается.

КС РФ признал, что действующее законодательство исходит из необходимости предоставления родителям пенсионного обеспечения в случае гибели единственного или одного из детей при исполнении обязанностей военной службы, службы в органах внутренних дел. Но ситуации, когда при исполнении указанных обязанностей погибают двое или более детей одних родителей, законодателем учтены не были. Суд отметил, что потеря в мирное время двоих и более детей не только причиняет родителям безмерные страдания, но и обязывает государство обеспечить им максимально возможную социальную защиту, в том числе при определении размера пенсионного обеспечения[6].

В целях социальной адаптации военнослужащих государственными органами разработана система профессиональной переподготовки военнослужащих.

Приказом Росгвардии от 27.12.2016 N 454[7] утвержден Порядок направления военнослужащего (сотрудника) войск национальной гвардии Российской Федерации, проходящего военную службу (службу) по контракту и имеющего высшее образование, на обучение по очно-заочной или заочной форме для получения высшего образования по другой специальности или другому направлению подготовки, который определяет процедуру направления военнослужащего (сотрудника) войск национальной гвардии Российской Федерации, проходящего военную службу (службу) по контракту и имеющего высшее образование, с его согласия на обучение по очно-заочной или заочной форме для получения высшего образования по другой специальности или другому направлению подготовки.

---

[1] Антипьева Н.В. Понятие и виды социального обеспечения военнослужащих// Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 164-174.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» в связи с жалобой гражданина С.В. Иванова» // www.pravo.gov.ru

[3] Шеншин, В. М. О некоторых вопросах, связанных с пенсионным обеспечением лиц, проходивших военную службу, и предоставлением им социальных гарантий / В. М. Шеншин, Е. А. Дунаева, Ю. Д. Ладилова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 6(311). – С. 41-45. – EDN YXHUID.

[4] http://www.garant.ru/news/1102629/#ixzz6QYXFpKxG

[5] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 16-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, и их семей» в связи с жалобой гражданина В.Н. Карпекина» // www.pravo.gov.ru

[6] http://www.garant.ru/news/804012/#ixzz6R7Wnm8EL

[7] Приказ Росгвардии от 27.12.2016 № 454 «О Порядке направления военнослужащего (сотрудника) войск национальной гвардии Российской Федерации, проходящего военную службу (службу) по контракту и имеющего высшее образование, на обучение по очно-заочной или заочной форме для получения высшего образования по другой специальности или другому направлению подготовки» // www.pravo.gov.ru

Приказом Росгвардии от 15.03.2017 № 80[1] утвержден Порядок организации дополнительного профессионального образования военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии Российской Федерации, который устанавливает правила организации и осуществления дополнительного профессионального образования военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии Российской Федерации.

Приказом Росгвардии от 30 августа 2016 г. № 78[2] утвержден Порядок выдачи гражданам, прошедшим военную службу по призыву в войсках национальной гвардии Российской Федерации, рекомендаций для приема на подготовительные отделения федеральных государственных образовательных организаций высшего образования на обучение за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета.

Особого внимания заслуживает Федеральный закон от 25.12.2018 № 497-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в соответствии с которым продлено действие льгот при приеме в вузы для ветеранов боевых действий, а также детей-сирот и беспризорных. Указанным законом определено, что право приема на бакалавриат и специалитет в пределах установленной квоты при условии успешного прохождения вступительных испытаний распространяется на ветеранов боевых действий, а также детей-сирот и беспризорных до 1 января 2021 года, а не до 1 января 2019 года, как это было установлено ранее.

Установлено также, что порядок приема на подготовительные отделения федеральных государственных вузов льготных категорий обучающихся (военнослужащих, детей-сирот, инвалидов и пр.) устанавливается Минобрнауки России по согласованию с Минпросвещения России. Предусмотрено, что дети-сироты и беспризорные принимаются на подготовительные отделения, в том числе в период освоения ими образовательных программ среднего общего образования. При этом стипендия за счет федерального бюджета на подготовительных отделениях выплачивается только обучающимся в очной форме, имеющим среднее общее образование.

Кроме того, определено, что положением о государственной аккредитации образовательной деятельности устанавливается, в том числе порядок учета сведений о независимой оценке качества подготовки обучающихся при проведении государственной аккредитации образовательной деятельности.

Приказом Росгвардии от 20.12.2018 № 642[3] утвержден перечень воинских частей войск национальной гвардии Российской Федерации, в которые разрешено зачисление несовершеннолетних граждан Российской Федерации в качестве воспитанников.

Рассматривая социальные гарантии сотрудников войск национальной гвардии следует остановиться на следующих положениях.

Постановлением Правительства РФ от 10.02.2020 № 117 «О внесении изменений в постановление Правительства РФ от 27 декабря 2011 г. № 1158» на сотрудников Росгвардии, имеющих специальные звания полиции, распространено действие правил исчисления стажа службы (выслуги лет) для выплаты ежемесячной надбавки.

Соответствующие дополнения внесены в Правила исчисления стажа службы (выслуги лет) для выплаты ежемесячной надбавки к окладу месячного денежного содержания[4].

Согласно внесенному уточнению в стаж службы (выслугу лет) включаются не только периоды службы в войсках национальной гвардии РФ, как это было предусмотрено ранее, но и период испытательного срока в качестве стажера по соответствующей должности[5].

Постановлением Правительства РФ от 11.12.2019 № 1636 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ» действие актов Правительства РФ по вопросам предоставления социальных гарантий распространено на лиц, проходящих службу в войсках Росгвардии, и их семьи[6]. Изменения внесены в Положение об исчислении среднего заработка (дохода, денежного довольствия) при назначении пособия по беременности и родам и ежемесячного пособия по уходу за ребенком. Постановление предусматривает распространение отдельных его положений на правоотношения, возникшие с 5 апреля 2016 года, и ряда положений - на правоотношения с 1 января 2017 года.

Постановлением Правительства РФ от 27.03. 2019 № 323 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ» действие актов Правительства РФ по вопросам социальных гарантий распространено на лиц, проходящих службу в Росгвардии[7]. Соответствующие изменения и дополнения внесены в постановления Правительства РФ: от 30 декабря 2011 г. № 1229 «Об утверждении Правил возмещения расходов на проезд и провоз багажа к избранному месту жительства сотрудникам органов внутренних дел, выплаты денежной компенсации расходов на проезд в санаторно-курортные или оздоровительные организации гражданам Российской Федерации, уволенным со службы в органах внутренних дел, и членам их семей, а также проезда членов семьи и родителей погибшего (умершего) сотрудника органов внутренних дел к месту его погребения, находящемуся за пределами территории Российской Федерации»; от 2 декабря 2015 г. № 1306 «Об осуществлении выплаты ежемесячной денежной компенсации, установленной частью 11 статьи 12 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внут-

[1] Приказ Росгвардии от 15.03.2017 № 80 «Об утверждении Порядка организации дополнительного профессионального образования военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии Российской Федерации» // www.pravo.gov.ru

[2] Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 30 августа 2016 г. N 78 «Об утверждении Порядка выдачи гражданам, прошедшим военную службу по призыву в войсках национальной гвардии Российской Федерации, рекомендаций для приема на подготовительные отделения федеральных государственных образовательных организаций высшего образования на обучение за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета» // www.pravo.gov.ru

[3] Приказ Росгвардии от 20.12.2018 № 642 «Об утверждении Перечня воинских частей войск национальной гвардии Российской Федерации, в которые разрешено зачисление несовершеннолетних граждан Российской Федерации в качестве воспитанников» // www.pravo.gov.ru

[4] Шеншин, В. М. О правовом регулировании дополнительных социальных гарантий и компенсаций в сфере денежного обеспечения, устанавливаемых субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления, военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8(224). – С. 82-85. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_8_82. – EDN PXSWGG.

[5] Шеншин, В. М. Некоторые особенности социальной защиты военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации / В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2021. – № 3(284). – С. 13-21. – EDN KDVVPP.

[6] Шеншин, В. М. Установление органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления дополнительных социальных гарантий и компенсаций военнослужащим, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы, и членам их семей / В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 5(298). – С. 45-53. – EDN TYJRVW.

[7] Новокшонов, Д. В. О дополнительных социальных гарантиях и компенсациях, предоставляемых членам семей военнослужащих войск национальной гвардии, устанавливаемых субъектами Российской Федерации / Д. В. Новокшонов, В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Военное право. – 2022. – № 6(76). – С. 109-117. – EDN PAAGQA.

ренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Постановление распространяется на правоотношения, возникшие с 1 октября 2016 г.

Федеральным законом от 29.07.2018 № 264-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» определено, что лица, проходящие службу в войсках национальной гвардии, уравнены в правах и социальных гарантиях с правами и социальными гарантиями лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел. Закон направлен на соблюдение социальных гарантий военнослужащих войск национальной гвардии, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии и имеющих специальные звания полиции, граждан РФ, уволенных с военной службы (службы) в войсках национальной гвардии, членов их семей и лиц, находящихся на их иждивении.

Согласно изменениям: лица, проходящие службу в войсках национальной гвардии, уравнены в правах и социальных гарантиях с правами и социальными гарантиями лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел в части льгот, предусмотренных федеральными законами «О ветеранах» и «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», «О пособии детям военнослужащих и сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, погибших (умерших, объявленных умершими, признанных безвестно отсутствующими) при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей), и детям лиц, умерших вследствие военной травмы после увольнения с военной службы (службы в органах и учреждениях)»; всем категориям военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии предоставлена возможность подготовки в учебных воинских частях (центрах, учебных подразделениях) войск национальной гвардии, а также в образовательных организациях, учебных подразделениях (центрах) других федеральных органов исполнительной власти (на договорной основе); право медицинского обеспечения, медицинского освидетельствования, военно-врачебной экспертизы и санаторно-курортного лечения в соответствующих медицинских, военно-медицинских подразделениях, частях и в организациях федеральных органов исполнительной власти[1] и федеральных государственных органов распространено на лиц, находящихся на иждивении сотрудников (граждан РФ, уволенных со службы в войсках национальной гвардии).

Кроме того, установлено, что субъекты транспортной инфраструктуры предоставляют на безвозмездной основе войскам национальной гвардии для участия в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности на железнодорожном, водном, воздушном транспорте и метрополитенах служебные и подсобные помещения, оборудование, средства и услуги связи. Оборудование помещений мебелью, оргтехникой и средствами связи и обеспечение технической эксплуатации этих помещений (водоснабжение, отопление, освещение, уборка, ремонт) осуществляются за счет средств, предусмотренных в федеральном бюджете уполномоченному федеральному органу исполнительной власти.

Приказом Росгвардии от 08.08.2018 № 371[2] утвержден Порядок изменения режима служебного времени лица, проходящего службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющего специальное звание полиции, возложения на него дополнительных обязанностей, командирования его в другую местность, временного перевода его в другое подразделение без изменения характера службы в войсках национальной гвардии Российской Федерации и установления иных особых условий и дополнительных ограничений без его согласия.

Приказом Росгвардии от 10.09.2018 № 403[3] утвержден Порядок учета служебного времени и расчета показателя численности сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, проходящих службу в подразделениях вневедомственной охраны, необходимых для несения службы на посту и маршруте патрулирования.

Приказом Росгвардии от 22.08.2017 № 366[4] утверждены Порядок предоставления дополнительного отпуска за ненормированный служебный день лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции; Перечень должностей лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, при замещении которых может устанавливаться дополнительный отпуск за ненормированный служебный день.

Постановлением Правительства РФ от 29.12.2008 № 1051[5] утверждены Правила предоставления пособия на проведение летнего оздоровительного отдыха детей отдельных категорий военнослужащих и сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти, погибших (умерших), пропавших без вести, ставших инвалидами в связи с выполнением задач в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера в Чеченской Республике и на непосредственно прилегающих к ней территориях Северного Кавказа, отнесенных к зоне вооруженного конфликта, а также в связи с выполнением задач в ходе контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона, пенсионное обеспечение которых осуществляется Пенсионным фондом Российской Федерации.

---

[1] Назарова, И. С. Проблемы укрепления исполнительной власти в Российской Федерации: Учебное пособие / И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2016. – 88 с. – EDN WDRQMT.

[2] Приказ Росгвардии от 08.08.2018 № 371 «Об утверждении Порядка изменения режима служебного времени лица, проходящего службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющего специальное звание полиции, возложения на него дополнительных обязанностей, командирования его в другую местность, временного перевода его в другое подразделение без изменения характера службы в войсках национальной гвардии Российской Федерации и установления иных особых условий и дополнительных ограничений без его согласия» // www.pravo.gov.ru

[3] Приказ Росгвардии от 10.09.2018 № 403 «Об утверждении Порядка учета служебного времени и расчета показателя численности сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, проходящих службу в подразделениях вневедомственной охраны, необходимых для несения службы на посту и маршруте патрулирования» // www.pravo.gov.ru

[4] Приказ Росгвардии от 22.08.2017 № 366 «Об утверждении Порядка предоставления дополнительного отпуска за ненормированный служебный день лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, и Перечня должностей лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, при замещении которых может устанавливаться дополнительный отпуск за ненормированный служебный день» // www.pravo.gov.ru

[5] Постановление Правительства РФ от 29.12.2008 № 1051 «О порядке предоставления пособия на проведение летнего оздоровительного отдыха детей отдельных категорий военнослужащих и сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти, погибших (умерших), пропавших без вести, ставших инвалидами в связи с выполнением задач в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера в Чеченской Республике и на непосредственно прилегающих к ней территориях Северного Кавказа, отнесенных к зоне вооруженного конфликта, а также в связи с выполнением задач в ходе контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона, пенсионное обеспечение которых осуществляется Пенсионным фондом Российской Федерации» // www.pravo.gov.ru

Таким образом, социальную защиту военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации можно определить, как сложившуюся систему мероприятий, осуществляемых органами государственной власти и негосударственными организациями, направленных на обеспечение правовых и социоэкономических гарантий военнослужащим, которые в силу специфики своей трудовой деятельности не могут максимально реализовать свой трудовой и гражданский потенциал.

На современном этапе социально-политического и социально-экономического развития России усиливается потребность в формировании эффективной системы социальной и правовой защиты военнослужащих, что обусловлено повышением престижа военной службы и оптимизацией процесса социального воспроизводства военнослужащих[1].

Большая важность военной службы по обеспечению национальных интересов требует повышенного внимания к профессии военнослужащего, выявлению проблем в реализации их прав и гарантий, их удовлетворенности системой социальной защиты.

Список литературы

1. Военное право / А. В. Кудашкин, В. К. Аулов, В. В. Бараненков [и др.]. Том II. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Центр правовых коммуникаций", 2021. – 888 с. – ISBN 978-5-6042565-2-7. – EDN WODYTL.
2. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
3. Назарова, И. С. О некоторых тенденциях развития законодательства, регулирующего общественные отношения, складывающиеся в военно-социальной сфере / И. С. Назарова, В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 1(294). – С. 25-30. – EDN JOSAZX.
4. Антипьева Н.В. Понятие и виды социального обеспечения военнослужащих// Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 164-174.
5. Шеншин, В. М. О некоторых вопросах, связанных с пенсионным обеспечением лиц, проходивших военную службу, и предоставлением им социальных гарантий / В. М. Шеншин, Е. А. Дунаева, Ю. Д. Ладилова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 6(311). – С. 41-45. – EDN YXHUID.
6. Шеншин, В. М. О правовом регулировании дополнительных социальных гарантий и компенсаций в сфере денежного обеспечения, устанавливаемых субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления, военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8(224). – С. 82-85. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_8_82. – EDN PXSWGG.
7. Шеншин, В. М. Некоторые особенности социальной защиты военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации / В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2021. – № 3(284). – С. 13-21. – EDN KDVVPP.
8. Шеншин, В. М. Установление органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления дополнительных социальных гарантий и компенсаций военнослужащим, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы, и членам их семей / В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 5(298). – С. 45-53. – EDN TYJRVW.
9. Новокшонов, Д. В. О дополнительных социальных гарантиях и компенсациях, предоставляемых членам семей военнослужащих войск национальной гвардии, устанавливаемых субъектами Российской Федерации / Д. В. Новокшонов, В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Военное право. – 2022. – № 6(76). – С. 109-117. – EDN PAAGQA.
10. Назарова, И. С. Проблемы укрепления исполнительной власти в Российской Федерации: Учебное пособие / И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2016. – 88 с. – EDN WDRQMT.
11. Попков, Д. В. О допустимости пределов ограничения конституционных прав граждан при обеспечении правового режима контртеррористической операции / Д. В. Попков // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 7. – С. 317-319. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_7_317. – EDN GKDRDW.
12. Попков, Д. В. Допустимые пределы ограничения конституционных прав граждан при введении контртеррористических мероприятий / Д. В. Попков, Л. В. Фролова // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 3. – С. 188-191. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_3_188. – EDN UINSXS.

References

1. Military law / A.V. Kudashkin, V. K. Aulov, V. V. Baranenkov [and others]. Volume II. – Moscow : Limited Liability Company "Center for Legal Communications", 2021. – 888 p. – ISBN 978-5-6042565-2-7. – EDN WODYTL.
2. Grigonis, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.
3. Nazarova, I. S. On some trends in the development of legislation regulating public relations in the military-social sphere / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin, L. A. Shenshina // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2022. – № 1(294). – Pp. 25-30. – EDN JOSAZX.
4. Antipyeva N.V. The concept and types of social security for military personnel// Russian Law Journal. 2013. No. 1. pp. 164-174.
5. Shenshin, V. M. On some issues related to the pension provision of persons who served in the military and the provision of social guarantees to them / V. M. Shenshin, E. A. Dunaeva, Yu. D. Ladilova // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2023. – № 6(311). – Pp. 41-45. – EDN YXHUID.
6. Shenshin, V. M. On the legal regulation of additional social guarantees and compensations in the field of monetary provision provided by the subjects of the Russian Federation and local governments to military personnel of the National Guard of the Russian Federation / V. M. Shenshin // Law and the State: theory and practice. – 2023. – № 8(224). – Pp. 82-85. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_8_82. – EDN PXSWGG.
7. Shenshin, V. M. Some features of the social protection of military personnel and employees of the National Guard troops of the Russian Federation / V. M. Shenshin, L. A. Shenshina // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2021. – № 3(284). – Pp. 13-21. – EDN KDVVPP.
8. Shenshin, V. M. Establishment by state authorities of the subjects of the Russian Federation, local self-government bodies of additional social guarantees and compensations to military personnel, citizens of the Russian Federation discharged from military service, and their family members / V. M. Shenshin, L. A. Shenshina // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2022. – № 5(298). – Pp. 45-53. – EDN TYJRVW.
9. Novokshonov, D. V. On additional social guarantees and compensations provided to family members of military personnel of the National Guard troops, established by the subjects of the Russian Federation / D. V. Novokshonov, V. M. Shenshin, L. A. Shenshina // Military law. – 2022. – № 6(76). – Pp. 109-117. – EDN PAAGQA.
10. Nazarova, I. S. Problems of strengthening executive power in the Russian Federation: A textbook / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin. Belgorod: Epicenter Limited Liability Company, 2016. 88 p. - EDN WDRQMT.
11. Popkov, D. V. On the permissibility of limits on the constitutional rights of citizens while ensuring the legal regime of a counter-terrorism operation / D. V. Popkov // Law and the State: theory and practice. – 2025. – No. 7. – pp. 317-319. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_7_317. – EDN GKDRDW.
12. Popkov, D. V. Permissible limits of restrictions on the constitutional rights of citizens when introducing counter–terrorism measures / D. V. Popkov, L. V. Frolova // Agrarian and Land law. – 2025. – No. 3. – pp. 188-191. - DOI 10.47643/1815-1329_2025_3_188. – EDN UINSXS.

[1] Попков, Д. В. О допустимости пределов ограничения конституционных прав граждан при обеспечении правового режима контртеррористической операции / Д. В. Попков // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 7. – С. 317-319. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_7_317. – EDN GKDRDW; Попков, Д. В. Допустимые пределы ограничения конституционных прав граждан при введении контртеррористических мероприятий / Д. В. Попков, Л. В. Фролова // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 3. – С. 188-191. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_3_188. – EDN UINSXS.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_461

УДК 342.9

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ РЕЖИМА СЕКРЕТНОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
SOME ISSUES OF REGULATION OF THE SECRECY REGIME IN THE ADMINISTRATIVE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

ХМЕЛЬ Оксана Витальевна,
доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России.
Российская Федерация, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, пр. Богдана Хмельницкого, 84
E-mail: khmel.o@bk.ru,

KHMEL Oksana Vitalievna,
Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation, 84 Bohdan Khmelnitsky Ave.
E-mail: khmel.o@bk.ru

Краткая аннотация. *В статье проанализированы некоторые вопросы регламентации режима секретности в административно-правовом законодательстве Российской Федерации. Отмечено, что требования режима секретности обязательны для соблюдения на всей территории Российской Федерации и за ее пределами всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления, организациями независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности, должностными лицами и гражданами, принявшими на себя обязательства или обязанными в силу своего статуса руководствоваться законодательством о государственной тайне. Исследованы изменения в отечественном законодательстве, регулирующие режим секретности. Внесены предложения с целью его совершенствования.*

Abstract. *This article analyzes certain aspects of secrecy regulation in the administrative legislation of the Russian Federation. It is noted that special administrative regimes represent a type of special legal regime operating in the sphere of public law and perform a key function in ensuring constitutional security. Changes in domestic legislation regulating secrecy are examined, and proposals for its improvement are made.*

Ключевые слова: *режим секретности, административно-правовые режимы, государственная тайна, засекречивание, утечка информации, охрана государственной тайны.*

Keywords: *secrecy regime, administrative regimes, state secrets, classification, information leakage, protection of state secrets.*

Для цитирования: *Хмель О.В. Некоторые вопросы регламентации режима секретности в административно-правовом законодательстве Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 461-465. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_461.*

For citation: *Khmel O.V. Some issues of regulating the secrecy regime in the administrative-legal legislation of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 461-465. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_461.*

Статья поступила в редакцию: 11.03.2026

Введение. В современном обществе правовое регулирование приобретает все большее значение, определяя принципы деятельности и взаимодействия различных участников. Теоретические исследования понятия «правовой режим» в юридической науке позволили определить его сущность, систематизировать существующие режимы и изучить их проявление в различных областях.

В контексте административного права особое место занимает режим секретности. Несмотря на активное использование понятия «режим» в административно-правовой науке, законодательстве и управленческой практике, его теоретические основы требуют дальнейшей детализации и уточнения.

Среди специалистов теории государства и права, которые занимались изучением проблематики правовой регламентации режима секретности, следует отметить С.С. Алексеева, А.В. Малько, Н.И. Матузова, В.М. Корельского. Что касается мнения специалистов административного права, то среди исследователей данной проблематики следует отметить таких ученых как Д.Н. Бахрах, И.С. Розанов, В.Б. Рушайло, С.В. Кивалов, Л.Р. Била, Ю.П. Битяк и другие.

В то же время, динамично изменяющееся законодательство вызывает потребность комплексного исследования регламентации режима секретности в российском административно-правовом законодательстве.

Методы исследования. Для достижения поставленной цели использовались общенаучные и специальные методы: анализ и синтез; сравнительно-правовой метод; формально-юридический анализ норм права и научных источников; системный подход; метод правового моделирования; статистический метод.

Результаты исследования. В работе исследованы подходы к определению правового режима. Отмечено, что каждая отрасль права применяет свой, уникальный инструментарий регулирования, что и определяет ее специфику. Следовательно, каждая отрасль использует более конкретное определение «правового режима», исходя из особенностей своего предмета и задач. Проанализированы особенности режима секретности как специального административно-правового режима. Дана в целом положительная оценка недавним изменениям в действующем законодательстве, регулирующим соблюдение режима секретности.

Для придания новой синергии системе обеспечения режима секретности, мы разработали комплекс инициатив, нацеленных на ее качественное преобразование:

1. Цифровая трансформация законодательства: предлагается комплексная ревизия и обновление нормативно-правовой базы, обеспечивающая ее соответствие современным вызовам.

2. Оптимизация классификационных матриц: разработка многоуровневой системы категоризации секретной информации для максимальной точности и объективности при оценке рисков.

3. Формирование культуры безопасности: интенсификация информационно-просветительских кампаний, подчеркивающих роль конфиденциальности в обеспечении суверенитета и безопасности государства.

4. Эффективный комплаенс: усиление механизмов контроля со стороны профильных ведомств для гарантированного соблюдения протоколов секретности.

5. Международная интеграция: построение проективного партнерства с зарубежными коллегами для выработки единых стратегий противодействия общим угрозам.

Обсуждение. Несмотря на оживленные научные дискуссии, в юридической доктрине до сих пор нет единого мнения относительно определения «правового режима». Различные подходы к его интерпретации обусловлены отраслевой спецификой предмета исследования.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что правовой режим представляет собой установленный порядок регулирования определенных общественных отношений, по сути, отождествляя его с методом правового регулирования. Иными словами, они рассматривают его как инструмент воздействия права на конкретную область общественной жизни.

В частности, И.С. Розанов определяет правовой режим как совокупность правовых актов и организационно-технических мер, применяемых в сфере безопасности. Он представляет его как юридическо-организационную структуру, предназначенную для обеспечения защиты определенных ценностей и интересов [1, с. 86].

По мнению В.Б. Рушайло, правовой режим – это комплекс законодательно закрепленных прав, обязанностей и мер ответственности, а также система мероприятий, нацеленных на достижение поставленных целей. Он акцентирует внимание на том, что правовой режим – это система правового влияния, основанная на специфике регулирования и его инструментарии [2, с. 20].

Таким образом, каждая отрасль права применяет свой, уникальный инструментарий регулирования, что и определяет ее специфику. Следовательно, каждая отрасль использует более конкретное определение «правового режима», исходя из особенностей своего предмета и задач.

Специальные административно-правовые режимы представляют собой разновидность особых правовых режимов, действующих в сфере публичного права, и выполняют ключевую функцию обеспечения конституционной безопасности. Они предназначены для эффективного реагирования на внешние и внутренние угрозы суверенитета и территориальной целостности государства, такие как военная агрессия, вооруженные конфликты и массовые волнения. Кроме того, они гарантируют стабильное функционирование объектов, представляющих повышенную опасность для общества или имеющих стратегическое значение для государства [3]. Специальные административно-правовые режимы также устанавливают правила использования объектов, потенциально опасных для общества или содержащих информацию, составляющую государственную тайну, обеспечивают защиту прав граждан и организаций в кризисных ситуациях, способствуют восстановлению нормальной обстановки и правопорядка, создают необходимые условия для эффективной работы органов исполнительной власти и осуществления ими функций контроля, надзора и регламентации.

Основаниями для введения специальных административно-правовых режимов являются экстраординарные обстоятельства социально-природного и техногенного характера, создание объектов, требующих особого правового регулирования (например, особо охраняемых природных территорий или пунктов пропуска через границу), а также другие факторы, обусловливающие потребность в установлении режимных мер.

Специальные административно-правовые режимы можно рассматривать как сложный институт административного права, обладающий собственной структурой, элементами и механизмами реализации. Их правовой каркас составляют Конституция Российской Федерации, федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, нормативные акты федеральных органов исполнительной власти, а также региональное законодательство.

Для обеспечения защиты государственной тайны создан специальный административно-правовой режим, известный как режим секретности.

Практический опыт показывает, что режим секретности иногда используется для ограничения демократических принципов и укрепления власти государственного аппарата. Как отмечает Д.Н. Бахрах, засекречивание – один из излюбленных методов бюрократии, поскольку чем больше секретов, тем больше власти у чиновников. Прикрываясь секретностью, бюрократический аппарат может манипулировать общественным мнением, скрывать ошибки и злоупотребления, уходить от контроля со стороны общества[1].

Важно отметить, что режим секретности не создает новые правовые нормы и правила, а реализует существующие, закрепленные в законодательстве.

Ключевыми элементами режима секретности являются правила, регулирующие процессы засекречивания, защиты и рассекречивания государственной тайны. По мнению Д.Н. Бахраха, эти элементы представляют собой последовательные стадии в рамках делопроизводства по обеспечению секретности[2].

Режим секретности, представляющий собой административно-правовой инструмент охраны государственной тайны, обладает не-

[1] Административное право: учебник для вузов: для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Старилов. 3-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2007. 815 с.
[2] Там же.

сколькими фундаментальными чертами:

• Общий подход к работе с конфиденциальными государственными сведениями, обязательный для всех ведомств, министерств, компаний, учреждений и организаций. Этот подход разрабатывается и утверждается уполномоченными структурами государственной власти.

• Строгое соблюдение данного подхода со стороны всех государственных органов и их сотрудников без исключений.

• Прямая ответственность руководителей любого ранга за реализацию режима секретности в своих подразделениях и на подконтрольных объектах, включая комплекс мер по минимизации рисков утечки секретных данных [4].

• Контроль со стороны спецслужб за соблюдением правил защиты государственных секретов и функционированием механизма секретности.

• Применение административных или уголовных санкций за любое несанкционированное обнародование государственной тайны.

В целом, административно-правовой режим охраны государственной тайны (или режим секретности) опирается на Конституцию Российской Федерации и связанные с ней административные нормы. Он устанавливает правила защиты и использования информации, признанной законом государственной тайной, с четкими ограничениями на ее распространение и доступ [5]. Такие ограничения закреплены в статье 29 Конституции, определяющей перечень защищаемых сведений, а также в Федеральном законе от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне».

В 2023 году закон претерпел значительные изменения. В частности, расширилось понимание «законодательства о государственной тайне», которое теперь включает не только Конституцию и основной закон, но и сопутствующие федеральные акты по охране секретов, плюс подзаконные документы, вытекающие из них. Поправки затронули формулировки определения государственной тайны и порядка доступа к ней, статус режима секретности, полномочия Правительства РФ в вопросах классификации и защиты сведений, а также административные процедуры допуска (с учетом особых ситуаций), причины отказа, обязанности и привилегии для имеющих доступ граждан и должностных лиц, основания для признания допуска нецелесообразным, правила его аннулирования и ограничения для ранее допущенных лиц [6].

В предыдущей редакции Закона № 5485-1 государственная тайна трактовалась как защищаемые государством данные в областях обороны, внешней политики, экономики, разведки, контрразведки и оперативно-розыскных мероприятий, разглашение которых могло нанести ущерб безопасности страны. Обновленная версия, введенная Федеральным законом от 4 августа 2023 г. № 432-ФЗ и вступившая в силу 1 февраля 2024 г., стала более лаконичной и всеобъемлющей, без конкретизации сфер применения. Для практического ориентира используются статья 5 Закона № 5485-1 и Указ Президента РФ от 30 ноября 1995 г. № 1203, где детализирован список сведений, подлежащих засекречиванию.

Указ № 1203 дополняет и конкретизирует статью 5, разделяя ее на категории с указанием типов конфиденциальной информации и органов, ответственных за ее управление.

Благодаря новым нормам термин «режим секретности» впервые получил полноценное законодательное определение [4] - совокупность требований, правил, а также организационных, технических и иных мер, направленных на защиту сведений, составляющих государственную тайну.

До 1 февраля 2024 года допуск к государственной тайне определялся как процедура оформления права граждан на доступ к соответствующим сведениям, а организаций – на использование этих сведений при проведении работ. После вступления в силу изменений, это понятие обозначает право физического или должностного лица на доступ к сведениям, а для юридических лиц – право на проведение работ, связанных с использованием государственной тайны, оформляемое или переоформляемое в установленном порядке [7; 8].

Необходимо четко разграничивать понятия «допуск к государственной тайне» и «доступ к сведениям, составляющим государственную тайну». Согласно статье 2 Закона РФ от 21 июля 1993 года № 5485-1 «О государственной тайне», допуск к государственной тайне можно понимать как процедуру, которая на определенных условиях разрешает доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, а для предприятий, учреждений и организаций – проведение работ с использованием таких сведений, т.е. право на получение допуска имеют как юридические, так и физические лица.

Компетенция высшего исполнительного органа государственной власти РФ в области отнесения сведений к государственной тайне и их защиты была расширена. Наряду с социальными гарантиями лиц, имеющих допуск к государственной тайне, в новой статье 21.2 Закона РФ № 5485-1 впервые устанавливаются их обязанности, такие как неразглашение сведений, составляющих государственную тайну, и соблюдение иных требований законодательства РФ о государственной тайне, информирование об известных им обстоятельствах, которые могут являться основанием для отказа в допуске к государственной тайне, а также сообщение в уполномоченные органы о попытках получения от них информации, составляющей государственную тайну [9].

Статья 27 (часть 2) Конституции РФ гарантирует свободу выезда за пределы страны каждому гражданину. Однако, это право может быть ограничено федеральным законодательством, в частности, Законом РФ № 5485-1 и Федеральным законом «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (ФЗ № 114) [10].

Учитывая позицию Конституционного Суда РФ и необходимость урегулирования ситуаций, когда выезд из страны необходим в связи со сложными жизненными обстоятельствами, законодатель дополнил ФЗ № 114 новой статьей 15.2. Она предоставляет право лицу, чья возможность выезда ограничена из-за допуска к секретным сведениям, обратиться в уполномоченный орган за разрешением на краткосрочный выезд [6] в случае возникновения одного из документально подтвержденных обстоятельств: экстренное лечение самого заявителя или его близкого родственника (при невозможности сопровождения иными близкими родственниками), угрозу жизни или здоровью близкого родственника, находяще-

гося за пределами РФ, смерть близкого родственника за рубежом, или необходимость личного присутствия при совершении юридически значимых действий, связанных с принятием наследства в соответствии с законодательством иностранного государства.

Решение об ограничении права на выезд из РФ гражданина, владеющего сведениями особой важности или совершенно секретными сведениями, может быть обжаловано в Межведомственную комиссию по защите государственной тайны[1].

В соответствии с нормативными правовыми актами установлены степени секретности сведений, которым соответствуют грифы секретности, указывающие на степень секретности сведений, содержащихся в их носителях [11].

Далее рассмотрим процедуру получения лицензии подразделениями системы МВД РФ и оформления допусков сотрудникам органов внутренних дел. Предприятия, учреждения или организации могут осуществлять деятельность, связанную с использованием сведений, являющихся государственной тайной, разработкой средств защиты информации, а также выполнением мероприятий и (или) оказанием услуг по ее защите, только после получения лицензии на проведение работы со сведениями соответствующей степени секретности [12]. Эта процедура регламентирована Положением о лицензировании деятельности предприятий, учреждений и организаций по проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, созданием средств защиты информации, а также с осуществлением мероприятий и (или) оказанием услуг по защите государственной тайны, утвержденным постановлением Правительства РФ от 15 апреля 1995 г. № 333.

Оформление допуска к государственной тайне (далее - ГТ) – это добровольное принятие гражданином обязательств перед государством по неразглашению доверенных секретных сведений, согласие на временные ограничения прав и проведение проверочных мероприятий, письменное решение руководителя о допуске и заключение договора (контракта) с гражданином [6].

Этапы оформления допусков к ГТ в органах внутренних дел:

3. Составление номенклатуры должностей.
4. Подготовка материалов на сотрудников. Сотрудники заполняют анкету, заверяемую кадровым работником и печатью.
5. Проверочные мероприятия.
6. Подписание обязательства [13].

В рамках настоящего исследования рассмотрим особенности процедуры оформления допуска к государственной тайне для обучающихся в ведомственных образовательных организациях МВД России, а именно, для курсантов и слушателей.

Одним из ключевых аспектов является оформление третьей формы допуска к ГТ на период обучения указанным категориям лиц, что обеспечивает им возможность работы с информацией, классифицированной как «секретно». В контексте изучения отдельных дисциплин возникает объективная необходимость в ознакомлении с нормативно-правовыми актами, содержащими сведения, отнесенные к категории «совершенно секретно». Однако, по завершении обучения, доступ к указанной информации для большинства выпускников оказывается ограниченным ввиду ограниченного тиража и особого режима хранения соответствующих документов в органах внутренних дел (ОВД). Наблюдающаяся практика оформления третьей формы допуска может оказывать деструктивное воздействие на процесс прохождения практики слушателями старших курсов в оперативных подразделениях территориальных органов, а также снижать эффективность методического сопровождения со стороны кураторов.

Следует отметить, что согласно эмпирическим данным, представленным аналитической компанией InfoWatch, Российская Федерация демонстрирует высокие показатели в области защиты информации, составляющей государственную тайну, и эффективности выявления каналов ее утечки, превышающие среднемировые значения [14; 15]. При этом следует учитывать, что значительная доля утечек из государственного сектора обусловлена его масштабом в национальной экономике и, как следствие, значительным объемом обрабатываемой информации. Доминирующим фактором, обуславливающим утечки информации, является преднамеренное противоправное поведение сотрудников (около 66% случаев), при этом значительная часть разглашенных сведений (около 30%) относится к категории государственной тайны.

Статистика и причины утечек данных приведены в таблице 1. [16]:

Таблица 1. Статистика и причины утечек данных

	в России	в мире
Пришлось на госструктуры от общего числа утечек данных	23,3%	13,9%
Намеренные утечки через электронную почту	66,6%	58,3%
Соотношение умышленных и случайных утечек	66%	66,8%
Доля случайных и предумышленных утечек	36,7% / 63,3%	50% / 50%
Доля персональных данных в общем количестве утечек	71,2%	56,5%

[1] Алехин А.П. Административное право России. Особенная часть. М.: Зерцало-М, 2016. 608 с.

Заключение. Вносимые в настоящее время изменения в федеральное законодательство направлены на совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей порядок допуска к государственной тайне, повышение эффективности механизмов защиты информации, составляющей государственную тайну, детальную регламентацию вопросов, касающихся ограничений права граждан на выезд за пределы Российской Федерации, а также определение исчерпывающего перечня обстоятельств, допускающих возможность осуществления краткосрочных выездов за границу.

Список литературы

1. Розанов И.С. Административно-правовые режимы по законодательству РФ, их назначение и структура // Государство и право. 1996. № 3. С. 84-91.
2. Рушайло В.Б. Административно-правовые режимы. М.: Щит-М, 2000. 264 с.
3. Административно-правовые режимы в государственном управлении в Российской Федерации: теория и современная практика: монография / Е.С. Болтанова, А.А. Здоровцева, О.А. Золотова и др.; отв. ред. проф. А.Ф. Ноздрачев. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юридическая фирма «Контракт», 2017. 528 с.
4. Кармановский Н.С., Михайличенко О.В., Савков С.В. Организационно-правовое и методическое обеспечение информационной безопасности. СПб: Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, 2016. 148 с.
5. Государственная тайна и ее защита в Российской Федерации [П.П. Аникин и др.]; под общ. ред. М.А. Вуса и А.В. Федорова. СПб: Юридический центр Пресс, 2007. 745 с.
6. Титова Е.А. О значимых новеллах законодательства в сфере правового регулирования государственной тайны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 6. С. 139-146.
7. Жигулин Г.П. Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности. СПб: СПбНИУИТМО, 2014. 173 с.
8. Корнаухова Н.Г. Отдельные правовые аспекты совершенствования работы должностных лиц по допуску к сведениям, составляющим государственную тайну // Юристъ-правоведъ. 2019. № 3 (90). С. 192-196.
9. Фатьянов А.А. Законодательство Российской Федерации о государственной тайне: проблемы и перспективы // Ученые труды Рос. академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 2 (57). С. 45-49.
10. Долгополов А.А. Сущность режимного административно-правового регулирования // Административное право и процесс. 2012. № 1. С. 19.
11. Козлов А.В. Режим секретности в Российской Федерации: история, современное состояние и перспективы развития. М.: Юрайт, 2019. 450 с.
12. Кузнецов С.В. Защита информации в Российской Федерации: правовые и организационные аспекты. М.: Норма, 2018. 384 с.
13. Лунякин С.В. Место и роль режима секретности в обеспечении национальной безопасности РФ // Наука, образование и культура. 2024. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-rezhima-sekretnosti-v-obespechenii-natsionalnoy-bezopasnosti-rf/viewer. (Дата обращения: 05.02.2026).
14. Назарова О.Г., Довыденко В.А. Утечка информации как угроза экономической безопасности предприятия // Научный журнал «Экономика. Социология. Право». 2020. №2 (18). С 28-34.
15. Довыденко В.А. Ризоматический подход в экономической безопасности предприятия // Вестник современных исследований. 2018. № 10.6 (25). С. 138-140.
16. Официальный сайт компании InfoWatch. URL: https://infowatch.com/. (Дата обращения: 05.02.2026).

References

1. Rozanov I.S. Administrative and legal regimes under the legislation of the Russian Federation, their purpose and structure // State and law. 1996. No. 3. pp. 84-91.
2. Rushailo V.B. Administrative and legal regimes. Moscow: Shield-M, 2000. 264 p.
3. Administrative and legal regimes in public administration in the Russian Federation: theory and modern practice: a monograph / E.S. Boltanova, A.A. Zdorovtseva, O.A. Zolotova et al.; edited by prof. A.F. Nozdrachev. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Kontrakt Law Firm", 2017. 528 p.
4. Karmanovskiy N.S., Mikhaylichenko O.V., Savkov S.V. Organizational, legal and methodological support of information security. Saint Petersburg: Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics, 2016. 148 p
5. State secret and its protection in the Russian Federation [P.P. Anikin et al.]; under the general editorship of M.A. Vus and A.V. Fedorov. St. Petersburg: Law Center Press, 2007. 745 p.
6. Titova E.A. On significant legislative innovations in the field of legal regulation of state secrets // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2023. No. 6. pp. 139-146.
7. Zhigulin G.P. Organizational and legal support of information security. St. Petersburg: SPbNIUITMO, 2014. 173 p.
8. Kornaukhova N.G. Certain legal aspects of improving the work of officials on access to information constituting a state secret // Jurist-pravoved. 2019. No. 3 (90). pp. 192-196.
9. Fatyanov A.A. Legislation of the Russian Federation on state secrets: problems and prospects // Scientific works of the Russian Academy of Law and Notary. 2020. No. 2 (57). pp. 45-49.
10. Dolgopolov A.A. The essence of regime administrative and legal regulation // Administrative law and process. 2012. No. 1. p. 19.
11. Kozlov A.V. Secrecy regime in the Russian Federation: history, current state and development prospects. Moscow: Yurayt, 2019. 450 c.
12. Kuznetsov S.V. Information protection in the Russian Federation: legal and organizational aspects. Moscow: Norm, 2018. 384 p.
13. Lunyakin S.V. The place and role of the secrecy regime in ensuring the national security of the Russian Federation // Science, education and culture. 2024. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-rezhima-sekretnosti-v-obespechenii-natsionalnoy-bezopasnosti-rf/viewer. (Date of access: 02/05/2026).
14. Nazarova O.G., Dovydenko V.A. Information leakage as a threat to the economic security of the enterprise // Scientific journal "Economics. Sociology. The right." 2020. No. 2 (18). From 28-34.
15. Dovydenko V.A. A rhizomatic approach to the economic security of an enterprise. // Bulletin of Modern Research. 2018. No. 10.6 (25). pp. 138-140.
16. Official website of InfoWatch. URL: https://infowatch.com /. (Date of request: 02/05/2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_466

УДК 631.171

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ТОЧНОМ ЗЕМЛЕДЕЛИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PRECISE FARMING IN FOREIGN COUNTRIES

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат философских наук, доцент философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: ethos08@mail.ru

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической теории, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: nikolina73@yandex.ru

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита ФГБОУ «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 23
E-mail: staheeva53@mail.ru;

ЧУПИНА Ирина Павловна,
доктор экономических наук, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: irinacupina716@gmail.com

ФАТЕЕВА Наталья Борисовна,
старший преподаватель кафедры менеджмента и экономической теории ФГБОУ «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 23
E-mail: natbor73@mail.ru

ZARUBINA Elena Vasilyevna,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy, Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Turgenev St. 23
E-mail: ethos08@mail.ru

SIMACHKOVA Natalia Nikolaevna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Turgenev St. 23
E-mail: nikolina73@yandex.ru

STAHEEVA Lyubov Mikhailovna,
PhD in Economics, Associate Professor of Accounting and Auditing Department, Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Turgenev St., 23
E-mail: staheeva53@mail.ru;

CHUPINA Irina Pavlovna,
Doctor of Economics, Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Turgenev St. 23
E-mail: irinacupina716@gmail.com

FATEEVA Natalia Borisovna,
Senior Lecturer of the Department of Management and Economic Theory, Ural State Agrarian University,
23 Turgenev Street, Yekaterinburg
E-mail: natbor73@mail.ru

Краткая аннотация. *Предмет исследования авторов статьи - основные направления разработки и внедрения ИИ-систем в точное земледелие зарубежных стран. В качестве методов исследования использованы анализ литературы и нормативных актов, статистический анализ и экспертный опрос. Авторы определяют точное земледелие как парадигму управления продуктивностью посевов с учётом внутрипольной вариабельности среды обитания растений и последовательно рассматривают пять основных направления в использовании ИИ-систем в точном земледелии зарубежных стран. К таким направлениям относятся: дистанционный мониторинг и диагностика состояния посевов; системы дифференцированного внесения ресурсов; предиктивная аналитика и прогнозирование урожайности; использование роботизации и автономной сельскохозяйственной техники; создание интегрированных платформ управления данными. Особое внимание уделяется выделению проблем и точек роста в каждом из выделенных направлений внедрения ИИ-систем точное земледелие зарубежных стран. Делается вывод о том, что Экономический эффект от внедрения технологий ИИ в точное земледелие заключается, во-первых, в росте производительности труда; во-вторых, в экономии используемых при выращивании растений ресурсов; в-третьих, в снижении негативного воздействия на окружающую среду.*

Abstract. *A brief abstract. The subject of the authors' research is the main directions of development and implementation of AI systems in precision farming in foreign countries. The research methods include literature and regulatory analysis, statistical analysis, and expert survey. The authors define precision farming as a paradigm for managing crop productivity, taking into account the intra-field variability of plant habitats, and consistently explore five main areas of use for AI systems in precision farming in foreign countries. These areas include remote monitoring and diagnostics of crop conditions, systems for differentiated resource application, predictive analytics and yield forecasting; the use of robotization and autonomous agricultural machinery; the creation of integrated data management platforms. Special attention is paid to highlighting the problems and growth points in each of the identified areas of implementation of AI systems in precision agriculture in foreign countries. It is concluded that the economic effect of implementing AI technologies in precision agriculture is, firstly, an increase in labor productivity; secondly, an economy of resources used in growing plants; thirdly, a reduction in the negative impact on the environment.*

Ключевые слова: *сельское хозяйство, растениеводство, точное земледение, искусственный интеллект (ИИ), ИИ-система, дистанционное зондирование, предиктивная аналитика, прогнозирование урожайности, роботизация, внедрение, проблемы и точки роста.*

Keywords: *agriculture, crop production, precision farming, artificial intelligence (AI), AI system, remote sensing, predictive analytics, yield forecasting, robotization, implementation, challenges, and growth points.*

Для цитирования: *Зарубина Е.В., Симачкова Н.Н., Стахеева Л.М., Чупина И.П., Фатеева Н.Б. Искусственный интеллект в точном земледелии зарубежных стран // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 466-470. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_466.*

For citation: *Zarubina E.V., Simachkova N.N., Stakheeva L.M., Chupina I.P., Fateeva N.B. Artificial intelligence in precision agriculture of foreign countries // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 466-470. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_466.*

Статья поступила в редакцию: 10.03.2026

Точное земледелие представляет собой стратегию управления сельскохозяйственным производством, основанную на использовании современных технологий для повышения эффективности и устойчивости выращивания сельскохозяйственных растений. В зарубежных странах, таких как США, государства ЕС, Израиль, Китай и ряд других, сегодня искусственный интеллект стал ключевым драйвером развития растениеводства. Внедрение алгоритмов машинного обучения позволяет перейти от интуитивного принятия решений к управлению на основе данных. Точное земледелие и есть парадигма управления продуктивностью посевов с учётом внутрипольной вариабельности среды обитания растений [14, с. 23]. В Российской Федерации сегодня точное земледелие и дистанционное зондирование, по признанию специалистов, находится на этапе перехода от пилотных проектов к системному внедрению цифровых решений [6, с. 75].

Опираясь на анализ литературы, в том числе англоязычной, статистические данные и опросы экспертов в области растениеводства, выделим ключевые направления использования ИИ-систем в точном земледелии зарубежных стран:

1. Первое направление - дистанционный мониторинг и диагностика состояния посевов. Первый фундаментальный аспект применения искусственного интеллекта в точном земледелии ряда зарубежных стран — это использование ИИ для анализа данных дистанционного зондирования.

В условиях интенсификации агропроизводства зарубежные страны, в первую очередь, США, страны европы, Израиль, Китай, осуществляют переход к управлению продуктивностью агроценозов на основе данных (data-driven agriculture). Дистанционный мониторинг базируется на регистрации отраженного электромагнитного излучения растительным покровом в видимом и ближнем инфракрасном диапазонах. Здоровая вегетирующая биомасса обладает высоким коэффициентом отражения в ближнем ИК-диапазоне (700–1300 нм) и низким в красном диапазоне из-за поглощения хлорофиллом [2, с. 13]. Нарушения физиологических процессов, например, в результате водного стресса, болезни или дефицита нутриентов, изменяют спектральную подпись растения раньше, чем возникают визуальные симптомы. Это позволяет реализовывать превентивные агрономические мероприятия. Научная задача заключается в деконволюции сигнала, разделяющего вклад растительности, почвы и атмосферы.

Подчеркнем, что современная система дистанционного мониторинга

строится на принципе мультимасштабности и гетерогенности данных на основе применения трех основных видов технологий:

а) Космический уровень. Данные о состоянии посевов получают с помощью оптических спутников среднего разрешения, таких как Sentinel-2, Landsat 8/9 с периодичностью повторного посещения 3–5 дней. Для регионов с высокой облачностью критически важны радиолокационные спутники, такие, например, как Sentinel-1, SAR, которые работают независимо от погоды и времени суток [13, с. 99].

б) Авиационный уровень заключается в использовании беспилотных летательных аппаратов для дистанционного зондирования. При этом беспилотники с мультиспектральными камерами, например, MicaSense или Parrot, обеспечивают разрешение 1–5 см, что позволяет сегментировать отдельные растения, считать густоту стояния сельхозкультур и выявлять очаги сорняков [10, с. 73]. Тепловизоры на БПЛА диагностируют водный стресс по температуре кроны растений, фиксируя закрытие устьиц.

в) Наземный контур. Сеть IoT-сенсоров служит для калибровки моделей дистанционного зондирования, устраняя атмосферные искажения и привязывая спектральные данные к физическим параметрам почвы.

Далее полученные первичные данные подвергаются алгоритмической обработке и преобразуются в вегетационные индексы. Специалисты отмечают, что сегодня помимо стандартного индекса NDVI, широко применяются: индекс NDRE для оценки содержания азота на поздних стадиях вегетации; индекс NDWI — для мониторинга влагообеспеченности тканей растений и GNDVI — для измерения концентрации хлорофилла [9, с. 105].

В последние пять лет произошел сдвиг от индексного анализа к использованию глубокого обучения ИИ-моделей, задействованных в дистанционном зондировании. Сверточные нейронные сети (CNN, архитектуры U-Net, ResNet) применяются для семантической сегментации снимков, автоматически выделяя зоны поражения болезнями (фитофтороз, ржавчина) или вредителями. Рекуррентные нейросети (LSTM) анализируют временные ряды снимков для прогнозирования урожайности с учетом фенологии культуры [9, с. 133]. Важной научной проблемой остается влияние фона почвы на ранних стадиях вегетации растений.

Приведем примеры использования технологий дистанционного зондирования в точном земледелии зарубежных стран. Так, в США Платформа Climate FieldView (Bayer) агрегирует данные спутников, техники и семян, создавая цифровые карты для дифференцированного внесения удобрений. Компания Taranis использует алгоритмы компьютерного зрения для анализа снимков сверхвысокого разрешения, выявляя повреждения листьев на уровне пикселей. Проект NASA Harvest занимается глобальным мониторингом продовольственной безопасности, интегрируя данные ДЗЗ в экономические модели [7, с. 10].

В странах Евросоюза в рамках программы Copernicus реализован сервис Agro, который предоставляет бесплатные карты биомассы и влажности почвы для фермеров Европы. Французская компания Airinov специализировалась на создании карт азотного питания для оптимизации внесения удобрений [3].

В Израиле стартап Prospera (Valmont Industries) внедрил систему визуального мониторинга, где камеры фиксируют изменения морфо-

логии растений в реальном времени, а ИИ диагностирует дефицит микроэлементов по хлорозу листьев.

Основные проблемы внедрения включают необходимость атмосферной коррекции снимков, высокую стоимость гиперспектрального оборудования и недостаток квалифицированных кадров для интерпретации данных. Также остается актуальным вопрос защиты данных и права собственности на цифровые архивы снимков дистанционного зондирования.

Таким образом, дистанционный мониторинг в зарубежном точном земледелии трансформировался из инструмента картографирования в комплексную диагностическую систему. Интеграция физических моделей отражения света с методами искусственного интеллекта позволяет переходить от констатации фактов к предиктивному управлению урожаем.

2. Второе направление использования ИИ-систем в точном земледелии зарубежных стран заключается в использовании систем дифференцированного внесения ресурсов, в первую очередь удобрений, средств защиты растений, воды, с помощью ИИ.

Отметим, что традиционное дифференцированное внесение (VRA) базировалось на статических картах-заданий, созданных по итогам скаутинга или спутниковых снимков. Современный этап характеризуется переходом к системам реального времени, где решения принимаются бортовым ИИ в миллисекунды. Ключевая задача — минимизация антропогенной нагрузки и оптимизация ROI за счет точечной обработки [6, с. 41], что по сути означает переход от управления полем к управлению каждым растением.

Современную основу технологии дифференцированного внесения ресурсов составляют алгоритмы компьютерного зрения на базе сверточных нейронных сетей (CNN). Камеры высокого разрешения и лидары сканируют пространство перед агрегатом. Модели семантической сегментации классифицируют пиксели: «культура», «сорняк», «почва». Для управления дозировкой используются электрогидравлические форсунки с ШИМ-модуляцией, обеспечивающие время отклика <10 мс. При этом машинное обучение оптимизирует маршруты техники, учитывая рельеф и уплотнение почвы [6, с. 53]. Важным элементом является обработка данных на борту без задержек на облачную передачу, что критично при отсутствии связи в полях.

Лидером дифференцированного внедрения ресурсов в США выступает компания John Deere. Произведенная ею система See & Spray Ultimate использует 36 камер и ИИ для распознавания сорняков на фоне посевов, например, хлопка или сои. Технология позволяет сократить расход гербицидов до 77% за счет опрыскивания только сорняков. Система различает даже растения одного вида на разных стадиях [9, с. 271]. Компания Carbon Robotics (США) внедрила лазерную прополку (LaserWeeder), где ИИ координирует лазеры для уничтожения сорняков без химии, что актуально для органического земледелия и снижает резистентность сорняков [3].

В Европе британская компания Small Robot Company разработала роботов Tom для картографирования, Dick для точечного внесения удобрений и Harry дляуничтожения сорняков электричеством. Датская компания Agrointelli производит платформу Robotti для автономного внесения удобрений по точным координатам. Немецкий концерн Bosch предлагает решение Smart Farming, интегрирующее данные о влажности почвы с прогнозами погоды для автоматической корректировки норм высева и внесения азота [15].

Китай сегодня активно внедряет беспилотные авиасистемы для точечного внесения ресурсов в посевы. Компания XAG (Guangzhou) производит агродроны серии P150 с радаром двойного фазового массива. ИИ строит 3D-карты сада и автоматически корректирует высоту полета и расход жидкости для каждого дерева, обеспечивая равномерное покрытие листвы. Япония, сталкиваясь со старением фермеров, фокусируется на автономности. Yanmar и Kubota разработали тракторы с функцией Smart Assist, где ИИ управляет трансмиссией и навигацией по RTK, обеспечивая точность внесения до 2 см. [15]. В Израиле компания Taranis использует аэроснимки для генерации карт внесения фунгицидов только в очаги инфекции, предотвращая болезни растений.

Анализируя технологии внесения ресурсов в точном земледелии зарубежных стран, сделаем вывод, что внедрение таких технологий сдерживается высокой стоимостью оборудования, а также необходимостью высокоскоростной связи 5G в полях, которая имеется далеко не везде. Перспективным направлением развития технологий для внесения ресурсов с участием ИИ, на наш взгляд, являются роевые технологии (Swarm Robotics), в которых группа малых роботов координируется через ИИ для распределенного внесения ресурсов.

Таким образом, сегодня интеграция ИИ в дифференцированное весенние ресурсов в посевы трансформирует агрохимию в адресную терапию растений. Зарубежный опыт демонстрирует снижение затрат на СЗР на 30–80% и уменьшение уплотнения почвы за счет роботизации [12, с. 208]. Для науки ключевым вызовом остается создание универсальных моделей, адаптируемых к различным культурам и климатическим зонам без повторного обучения, а также стандартизация протоколов обмена данными между разнородными машинами.

3. Третье направление использования ИИ-систем в точном земледелии зарубежных стран - предиктивная аналитика и прогнозирование урожайности, что означает переход от реактивного управления посевами к проактивному на основе прогнозирования урожайности. Для этого применяются такие технологии, как использование больших данных (Big Data), исторических архивов погоды, моделей роста культур и рыночных цен.

Модели машинного обучения прогнозируют урожайность с высокой точностью за несколько месяцев до сбора. Также ИИ предсказывает риски погодных аномалий (заморозки, засуха) и вспышки болезней сельскохозяйственных растений.

Так, для Австралии и Канады такие прогнозы критически важны для логистики и заключения форвардных контрактов. Фермеры могут планировать хранение и продажу зерна заранее, минимизируя финансовые риски. Прогнозные модели также помогают адаптироваться к изменениям климата, подбирая оптимальные гибриды семян под будущий сезон [12, с. 715].

4. Четвертое направление — использование роботизации и автономной сельскохозяйственной техники. Отметим, что роботизация агропроизводства представляет собой эволюционный переход от механизации к автономным киберфизическим системам. В точном земледелии зарубежных стран сегодня все активнее используются автономные тракторы, роботы для прополки, уборочные комбайны с системами визуаль-

ного распознавания.

Подчеркнем, что использование ИИ обеспечивает навигацию без участия человека, объезд препятствий и точное выполнение операций. Роботы-пропольщики используют компьютерное зрение, чтобы отличать культурное растение от сорняка и удалять последний механически или лазером, без химии.

Ключевыми технологическими компонентами роботизации сегодня являются высокоточная навигация, сенсорные массивы (например, LiDAR, стереокамеры, радары мм-диапазона) для построения карты поля, и алгоритмы SLAM (Simultaneous Localization and Mapping) для работы в условиях отсутствия GNSS-сигнала [4, с. 69].

Подчеркнем, что современные агроботы тяготеют к модульной конструкции и электрической тяге, что снижает уплотнение почвы и углеродный след в атмосфере. Критически важным элементом автономной сельскохозяйственной техники является функциональная безопасность, которая гарантирует аварийную остановку при возникновении нештатных ситуаций.

Так, в США компания John Deere реализовала полную автономизацию трактора 8R: система использует шесть пар стереокамер для 360-градусного обзора, а нейросеть классифицирует каждый пиксель изображения для детекции препятствий [3]. Стартап FarmWise (США) разработал робота Titan для механической прополки: компьютерное зрение идентифицирует сорняки, а манипулятор удаляет их без гербицидов. Monarch Tractor представил электрический автономный трактор с функциями сбора данных и опрыскивания по карте задач [12, с. 913].

В странах Европы акцент сегодня делается на использовании роевых технологий. Так, проект Xaver (Fendt, Германия) демонстрирует координацию группы мини-роботов для посева кукурузы: алгоритмы распределения задач обеспечивают отказоустойчивость и масштабируемость.

Британская Small Robot Company внедрила систему «робот-как-услуга»: флотилия автономных платформ осуществляет мониторинг и точечное воздействие. Во Франции Naïo Technologies производит линейку роботов (Oz и Ted) для виноградарства и овощеводства с функцией автономного междурядного рыхления [12, с. 347].

В Китае широко используются агродроны: XAG и DJI под управлением ИИ применяются для автономного облета садов, где радары формируют цифровую модель рельефа, а система дозирования адаптирует расход препарата под плотность кроны. Япония, решая демографический кризис, внедряет автономные рисопосадочные комплексы Yanmar и Kubota: техника работает по предварительно оцифрованным картам полей с субсантиметровой точностью [8, с. 59].

В Израиле компания Agrobot разрабатывает роботов для селективной уборки плодов, где манипуляторы с тактильной обратной связью обеспечивают деликатный съем без повреждения продукции.

Таким образом, роботизация трансформирует саму парадигму земледелия многих зарубежных стран: происходит переход от крупнотоннажной техники к распределенным автономным системам. При этом анализ зарубежного опыта подтверждает потенциал снижения операционных затрат на 20–40% и минимизации экологического следа [5, с. 99].

5. Пятое направление использования ИИ-систем в точном земледелии зарубежных стран — объединение всех потоков информации в единые экосистемы, создание интегрированных платформ управления данными.

Отметим, что для создания платформ используются облачные вычисления, Интернет вещей, датчики влажности почвы и микроклимата. Платформы агрегируют данные с техники, датчиков, спутников и метеостанций. ИИ выступает в роли «цифрового агронома», выдавая конкретные рекомендации пользователю через мобильное приложение [11].

Например, в Израиле, который является признанным лидером цифровизации сельского хозяйства, системы капельного орошения управляются ИИ автоматически на основе данных о влажности почвы и прогноза испарения. Главная тенденция — интероперабельность, в рамках которой техника разных брендов обменивается данными в едином цифровом пространстве [13, с. 149].

Таким образом, использование искусственного интеллекта в точном земледелии зарубежных стран постепенно трансформирует растениеводство из трудоемкой отрасли сельского хозяйства в современную высокотехнологичную индустрию. Экономический эффект от внедрения технологий ИИ в точное земледелие заключается, во-первых, в росте производительности труда; во-вторых, в экономии используемых при выращивании растений ресурсов; в-третьих, в снижении негативного воздействия на окружающую среду. Однако, внедрение ИИ-систем в точное земледелие зарубежных стран сдерживается рядом факторов:

- высокой стоимостью ИИ-технологий;

- необходимостью наличия качественного интернета в самых отдаленных сельских поселениях;

- дефицитом квалифицированных специалистов в области растениеводства с цифровыми компетенциями [1, с. 88].

Тем не менее, тренд на цифровизацию в точном земледелии зарубежных стран сегодня является необратимым, применение искусственного интеллекта в точном земледелии уже сегодня становится стандартом для эффективного и конкурентоспособного растениеводства.

Список литературы

1. Вартанова М.Л. Отечественная и зарубежная практика цифровой трансформации сельского хозяйства в обеспечении продовольственной безопасности страны // Вестник Академии Знаний. 2021. № 5(46). С. 80–92.

2. Васильев С. М., Домашенко Ю. Е., Митяева Л. А., Ляшков М. А., Матвиенко А. О., Глущенко Ю. Ю. Обзор основных методов и способов оценки нарушенных земель сельскохозяйственного назначения с использованием данных дистанционного зондирования (научный аналитический обзор). Новочеркасск, 2018. 65 с.

3. Cao Kai , Wang Ping , Kong Siyu , Zhang Chunzhen. Driving factors of agricultural artificial intelligence adoption intention: an empirical study in Shandong province based on innovation characteristics, technology commitment, and individual heterogeneity // Frontiers in Artificial Intelligence. 2026. Volume 9. [Электронный ресурс]: URL=https://www.frontiersin.org/journals/artificial-intelligence/articles/10.3389/frai.2026.1630717

4. Грачев А. Роботизация урожая: монография. М., 2024. 100 с.
5. Загазежева О. З., Край И. Ф. Проблемы и перспективы внедрения роботизированных и интеллектуальных технологий в растениеводство // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2021. № 6 (104). С. 95- 104.
6. Зубович, Д.Г., Филинский, Д.Ю. Точное земледелие. Опыт зарубежного и отечественного использования: учеб. пособие. Минск: БГАТУ, 2020. 124 с.
7. Каманина, А. Н. Современные тренды цифровой трансформации экономической деятельности сельского хозяйства: анализ отечественной и мировой практики // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 3. С. 1 – 13.
8. Ковалёв И.Л., Костомахин М.Н. Векторы развития и зарубежный опыт использования информационных технологий в агропромышленном комплексе России и Белоруссии // Главный зоотехник. 2021. № 1. С. 49–62.
9. Lamine, S., Srivastava, P.K., Kayad, A., Munoz, F. (Eds.). Remote Sensing in Precision Agriculture: Transforming Scientific Advancement into Practical Applications. — Amsterdam: Elsevier, 2023. — 384 p.
10. Мещанинова Е. Г., Степкин Ю. А. Применение данных дистанционного зондирования Земли в сельском хозяйстве // Экономика и экология территориальных образований. 2020. Т. 4. №4. С. 72–77.
11. Россельхозбанк. Центр развития финановых технологий Агротехнологические тренды. 2023 – 2030 гг. [Электронный ресурс]: https://rshbdigital.ru/content/analitika/agrotekhnologicheskie-trendy-2023-2030.pdf
12. Stafford, J.V. (Ed.). Precision Agriculture '23: Proceedings of the 14th European Conference on Precision Agriculture. Wageningen: Wageningen Academic Publishers, 2023. 1128 p.
13. Труфляк, Е.В. Точное земледелие: учеб. пособие. СПб.: Лань, 2019. 240 с.
14. В. Ф. Федоренко, В. И. Черноиванов, В. Я. Гольтяпин, И. В. Федоренко. Мировые тенденции интеллектуализации сельского хозяйства: Научный аналитический обзор. Москва : ФГБНУ "Росинформагротех", 2018. 232 с.
15. Zheng Hao , Wang Qiang. Extracting the central crop row with CCRDNet for universal in-row navigation in agriculture // Frontiers in Plant Science. 2026. Volume 17. [Электронный ресурс]: URL=https://www.frontiersin.org/journals/plant-science/articles/10.3389/fpls.2026.1744637

References

1. Vartanova M.L. Domestic and foreign practice of digital transformation of agriculture in ensuring the country's food security // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2021. № 5(46). Pp. 80–92.
2. Vasilyev S. M., Domashenko Yu. E., Mityaeva L. A., Lyashkov M. A., Matviyenko A. O., Glushchenko Yu. Y. Review of the main methods and methods for assessing disturbed agricultural lands using remote sensing data (scientific analytical review). Novocherkassk, 2018. 65 p.
3. Cao Kai , Wang Ping , Kong Siyu , Zhang Chunzhen. Driving factors of agricultural artificial intelligence adoption intention: an empirical study in Shandong province based on innovation characteristics, technology commitment, and individual heterogeneity // Frontiers in Artificial Intelligence. 2026. Volume 9. [Electronic resource]: URL=https://www.frontiersin.org/journals/artificial-intelligence/articles/10.3389/frai.2026.1630717
4. Grachev A. Roboticization of the harvest: monograph. M., 2024. 100 p.
5. Zagazezheva O. Z., Krai I. F. Problems and prospects of introduction of robotic and intelligent technologies in crop production // Izvestiya of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2021. № 6 (104). Pp. 95-104.
6. Zubovich, D.G., Filinsky, D.Yu. Precision farming. Experience of foreign and domestic use: textbook. manual. Minsk: BGA TU, 2020. 124 p.
7. Kamanina, A. N. Modern trends of digital transformation of economic activity in agriculture: analysis of domestic and global practice // Bulletin of Eurasian Science. 2023. Vol. 15. № 3. Pp. 1 – 13.
8. Kovalev I.L., Kostomakhin M.N. Vectors of Development and Foreign Experience in the Use of Information Technologies in the Agro-Industrial Complex of Russia and Belarus // Glavny Zootekhnik. 2021. № 1. Pp. 49–62.
9. Lamine, S., Srivastava, P.K., Kayad, A., Munoz, F. (Eds.). Remote Sensing in Precision Agriculture: Transforming Scientific Advancement into Practical Applications. — Amsterdam: Elsevier, 2023. — 384 p.
10. Meshchaninova E. G., Stepkin Yu. A. Application of Earth Remote Sensing Data in Agriculture // Economy and Ecology of Territorial Entities. 2020. Vol. 4. № 4. Pp. 72–77.
11. Rosselkhozbank. Center for the Development of Financial Technologies Agrotechnological Trends. 2023 – 2030. [Electronic resource]: https://rshbdigital.ru/content/analitika/agrotekhnologicheskie-trendy-2023-2030.pdf
12. Stafford, J.V. (Ed.). Precision Agriculture '23: Proceedings of the 14th European Conference on Precision Agriculture. Wageningen: Wageningen Academic Publishers, 2023. 1128 p.
13. Truflyak, E.V. Precision Farming: Textbook. St. Petersburg: Lan, 2019. 240 p.
14. V. F. Fedorenko, V. I. Chernoivanov, V. Ya. Goltyapin, and I. V. Fedorenko. Global Trends in the Intellectualization of Agriculture: A Scientific Analytical Review. Moscow: Rosinformagrotekh, 2018. 232 p.
15. Zheng Hao and Wang Qiang. Extracting the central crop row with CCRDNet for universal in-row navigation in agriculture // Frontiers in Plant Science. 2026. Volume 17. [Электронный ресурс]: URL=https://www.frontiersin.org/journals/plant-science/articles/10.3389/fpls.2026.1744637

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_471

УДК 349.6

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ, ТРАНСПОРТНОЙ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА
CONCEPTUAL INTEGRATION OF ENVIRONMENTAL, TRANSPORTATION, AND ENERGY SECURITY AMIDST THE ELECTRIFICATION OF ROAD TRANSPORT

ПАНКОВ Никита Сергеевич
аспирант кафедры земельного и экологического права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
410056, Россия, Саратовская обл., г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.
E-mail: ns.pankov@list.ru

PANKOV Nikita Sergeevich
postgraduate student of the Department of Land and Environmental Law Saratov State Law Academy
410056, Russia, Saratov Region, Saratov, Chernyshevsky N.G. Street, Building 104, Building 3.
E-mail: ns.pankov@list.ru

Краткая аннотация: *в статье исследуется соотношение экологической, транспортной и энергетической безопасности в условиях электрификации автомобильного транспорта в Российской Федерации. Обосновывается, что электрификация транспорта затрагивает элементы национальной безопасности и требует межотраслевой координации правового регулирования. Выявляются зоны пересечения и потенциальные конфликты публичных интересов, связанные с декарбонизацией, развитием зарядной инфраструктуры и обеспечением устойчивости энергосистемы. Делается вывод о необходимости концептуальной и институциональной интеграции соответствующих видов безопасности на основе комплексного и риск-ориентированного подхода.*

Abstract: *the article examines the correlation between environmental, transport, and energy security in the context of the electrification of road transport in the Russian Federation. It substantiates that transport electrification affects elements of national security and requires intersectoral coordination of legal regulation. The study identifies areas of intersection and potential conflicts of public interests related to decarbonization, the development of charging infrastructure, and the resilience of the energy system. The author concludes that conceptual and institutional integration of the relevant types of security is necessary on the basis of a comprehensive and risk-oriented approach.*

Ключевые слова: *электрификация автомобильного транспорта, экологическая безопасность, транспортная безопасность, энергетическая безопасность, национальная безопасность, декарбонизация, стратегическое планирование.*

Key words*: electrification of road transport; environmental security; transport security; energy security; national security; decarbonization; strategic planning.*

Для цитирования: *Панков Н.С. Концептуальная интеграция экологической, транспортной и энергетической безопасности в условиях электрификации автомобильного транспорта // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 471-474. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_471.*

For citation: *Pankov N.S. Conceptual integration of environmental, transport and energy security in the context of electrification of motor transport // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 471-474. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_471.*

Статья поступила в редакцию: 02.03.2026

Современный этап трансформации транспортной системы Российской Федерации обусловлен не только технологическими изменениями, связанными с электрификацией автомобильного транспорта, но и пересмотром концептуальных основ публично-правового регулирования. Электрификация транспорта затрагивает одновременно сферу экологической, транспортной и энергетической безопасности, в связи с чем представляется необходимым проведение анализа содержания соответствующих правовых категорий и выявление их целей, в том числе во взаимосвязи друг с другом.

В доктрине экологического права отмечается, что обеспечение экологической безопасности может рассматриваться в качестве важнейшей перспективной цели и задачи деятельности по восстановлению и сохранению благоприятного состояния окружающей среды, прежде всего с точки зрения ее чистоты (незагрязненности) и ресурсоемкости [1, с. 55]. Экологическая безопасность в целом рассматривается как состояние защищенности личности, общества и государства от экологических угроз, возникающих в результате хозяйственной и иной деятельности, при этом подчеркивается, что предупреждение экологического вреда и обеспечение устойчивого развития выступают базовыми ориентирами правового регулирования [2, с. 39]. Так, экологическая безопасность имеет превентивный характер и ориентирована на минимизацию негативного воздействия на окружающую среду, в том числе в рамках хозяйственной деятельности, связанной с эксплуатацией автомобильного транспорта.

Нормативное закрепление данной правовой категории содержится в статье 1 Федерального закона от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – ФЗ «Об охране окружающей среды»), где экологическая безопасность определяется как состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности [3]. Кроме того, немаловажное значение имеет нормативное закрепление принципа обеспечения снижения негативного воздействия на окружающую среду на основе использования наилучших доступных технологий в статье 3 ФЗ «Об охране окружающей среды» [3]. Исходя из нормативной характеристики экологической безопасности, в контексте электрификации транспорта она предполагает оценку полного жизненного цикла транспортных средств и их комплектующих компонентов, включая их производство и утилизацию (например, аккумуляторов).

Транспортная безопасность в соответствии с законодательно закрепленным понятием имеет иное целевое содержание. Так, в статье

1 Федерального закона от 9 февраля 2007 года № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» она определяется как состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства [4]. Действующая нормативная модель транспортной безопасности носит преимущественно охранительный характер и ставит в зависимость состояние безопасности именно конкретных действий хозяйствующих субъектов. Однако в научной литературе подчеркивается, что транспортная безопасность является элементом системы национальной безопасности и не может рассматриваться изолированно от иных ее составляющих [5, с. 63]. Кроме того, в исследованиях С.Н. Зайковой отмечается, что особенность целей транспортной безопасности заключается в защите от угроз не только путем статической сохранности, но и в обеспечении устойчивого, бесперебойного функционирования транспортной отрасли [6, с. 42]. В условиях глобальной цифровизации всех сфер жизнедеятельности и электрификации транспорта возрастает значение технологической и инфраструктурной устойчивости, что объективно расширяет содержание рассматриваемой категории.

Энергетическая безопасность, в свою очередь, характеризуется через призму устойчивого топливно-энергетического обеспечения экономики и населения. В Доктрине энергетической безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2019 года № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации», энергетическая безопасность определяется как состояние защищенности экономики и населения от угроз национальной безопасности в сфере энергетики [7]. В числе внутренних вызовов названо снижение качества минерально-сырьевой базы топливно-энергетического комплекса (истощение действующих месторождений, уменьшение размеров и снижение качества открываемых месторождений), что обеспечивает межотраслевую взаимосвязь с нормами экологического законодательства. В научных исследованиях подчеркивается, что энергетическая безопасность является ключевым элементом системы национальной безопасности, так как энергия необходима для функционирования всех сфер жизни общества (например, экологическая устойчивость требует перехода на чистые и возобновляемые источники энергии для сокращения воздействия на окружающую среду) [8, с. 39].

Внедрение электрического автомобильного транспорта приводит к перераспределению энергетической нагрузки и увеличению зависимости транспортной системы от состояния электроэнергетической инфраструктуры, в связи с чем электрификация транспорта трансформирует соотношение рассматриваемых концепций, формируя новую зону их пересечения. Таким образом, экологическая безопасность ориентирована на предотвращение вреда окружающей среде, транспортная безопасность направлена на защищенность инфраструктуры и транспортных средств, а энергетическая безопасность призвана обеспечить устойчивость энергоснабжения. Однако в условиях электрификации автомобильного транспорта указанные автономные концептуальные цели становятся взаимосвязанными и требуют взаимозависимого осмысления.

Стоит отметить, что электрификация автомобильного транспорта не ограничивается технологической модернизацией самих транспортных средств, она влечет перераспределение нормативных акцентов и формирует зону пересечения экологического, транспортного и энергетического регулирования, в рамках которой возможно возникновение как синергетических эффектов, так и конфликтов публичных интересов.

Приоритет экологической безопасности на федеральном уровне закреплен в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В числе стратегических национальных приоритетов Российской Федерации указывается реализация экологической безопасности и рационального природопользования, а среди национальных интересов выделяется охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата. Одновременно с этим, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации предусматривает решение задач, направленных на обеспечение энергетической безопасности и развитие эффективной транспортной инфраструктуры [9]. Приведенные элементы стратегического планирования подтверждают, что экологические, энергетические и транспортные компоненты рассматриваются во взаимосвязи, что создает нормативную основу для их интеграции.

Трансформация автомобильного транспорта, в том числе его электрификация, регулируется Транспортной стратегией Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р. Среди целей и задач развития транспортной системы, указывается необходимость снижения негативного воздействия транспорта на окружающую среду и декарбонизация транспортного комплекса, а среди механизмов реализации обозначено развитие экологически чистых видов транспорта, включая электрический транспорт [10]. При этом приведенные положения исходят из модернизации инфраструктуры и повышения энергоэффективности транспортной системы, что объективно связывает транспортное и энергетическое нормативно-правовое регулирование.

Кроме того, положения, закрепленные в Концепции по развитию производства и использования электрического автомобильного транспорта в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 23 августа 2021 г. № 2290-р, прямо указывают на интегративный характер рассматриваемых элементов национальной безопасности Российской Федерации. Так, Концепцией по развитию производства и использования электрического автомобильного транспорта в Российской Федерации на период до 2030 года предусмотрены формирование сети зарядной инфраструктуры, развитие производства аккумуляторных батарей и стимулирование локализации производства ключевых компонентов [11]. Таким образом, экологическая цель (снижение выбросов в транспортном секторе) реализуется через инструменты промышленной и энергетической политики, что формирует новую конфигурацию публичных интересов.

Однако, несмотря на интеграцию отраслевых концепций, может возникнуть потенциальный конфликт публичных интересов. Снижение выбросов от эксплуатации транспортных средств не приводит к обеспечению экологической безопасности, так как не устраняет экологические риски, связанные с добычей сырья для аккумуляторов и их утилизацией. В соответствии со статьей 3 ФЗ «Об охране окружающей среды» одним из принципов охраны окружающей среды является обязательность оценки воздействия на нее при принятии решений об осуществлении хозяйственной и иной деятельности [3]. Следовательно, приоритет электрификации транспорта не освобождает хозяйствующие субъекты (в том

числе, государство) от необходимости комплексной экологической оценки всей производственной цепочки транспортных средств.

Массовое развитие зарядной инфраструктуры приводит к увеличению нагрузки на энергосистему, в связи с чем требуется модернизация всего энергосетевого комплекса в целом. В соответствии со статьей 6 Федерального закона от 26 марта 2003 года № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» одними из принципов государственного регулирования в соответствующей отрасли являются обеспечение экологической безопасности и надежного функционирования электроэнергетики [12]. Повышение энергетической нагрузки, которое может быть вызвано развитием электрификации транспорта, а именно увеличением количества зарядных станций, создает дополнительный элемент потенциального конфликта публичных интересов в рассматриваемых отраслях.

Таким образом, концептуальный анализ приведенных элементов национальной безопасности (экологической, энергетической, транспортной безопасности) выявляет противоречия между экологической целью снижения выбросов, необходимостью обеспечения энергетической устойчивости и трансформацией транспортного сектора с учетом требований промышленной и технологической независимости (приоритетности развития отечественного научно-технологического потенциала). Зона пересечения нормативного регулирования указывает на необходимость концептуальной интеграции соответствующих видов безопасности, так как без координации стратегического планирования возможно возникновение ситуаций, при которых достижение экологических целей будет сопровождаться ростом энергетических рисков либо уровнем технологической зависимости. Соответственно, электрификация автомобильного транспорта должна рассматриваться не в узкоотраслевом смысле, а в качестве комплексной трансформации, затрагивающей элементы национальной безопасности Российской Федерации.

Наряду с этим, электрификация транспорта напрямую связана с климатической повесткой, отраженной в Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 года № 3052-р, и предусматривающей поэтапное снижение выбросов и декарбонизацию отдельных отраслей, включая транспортный сектор [13]. Также отмечается необходимость технологического обновления транспорта и повышения его энергоэффективности, оптимизация управления транспортными потоками, что полностью согласуется с ранее рассмотренными элементами стратегического планирования.

Международный опыт демонстрирует более жесткую нормативную модель интеграции экологической и транспортной политики в рамках «Европейского зеленого курса» (European Green Deal), целью которой является достижение климатической нейтральности к 2050 году. Данный курс получил конкретизацию в Regulation (EU) 2023/851, которым установлены новые целевые показатели по сокращению выбросов углекислого газа для легковых автомобилей и легких коммерческих транспортных средств до 100 % к 2035 году по сравнению с уровнем 2021 года, что фактически означает прекращение регистрации новых автомобилей с двигателями внутреннего сгорания после указанной даты [14]. Так, экологическая цель трансформируется в обязательное изменение структуры автомобильного рынка, а следовательно, стремится к достижению энергетического баланса.

Анализ международного опыта, национального законодательства и выявленные на их основе пересечения экологической, транспортной и энергетической безопасности в условиях электрификации автомобильного транспорта обусловливают необходимость формирования единого концептуального подхода к их координации. Разработка данного подхода позволит избавиться от фрагментарности правового регулирования, при которой каждая отрасль реализует собственные задачи без учета системных последствий. В современных исследованиях также отмечается, что представления государства о деятельности в сфере обеспечения экологической безопасности в настоящее время содержатся в нескольких стратегических документах, которые не отличаются единством подходов и формулировок [15, с. 167].

Помимо этого, в теории национальной безопасности подчеркивается, что современное понимание безопасности предполагает ее комплексный характер. Так, отмечается, что национальная безопасность представляет собой систему взаимосвязанных видов безопасности, функционирующих во взаимной обусловленности [16, с. 98]. Подобная позиция подтверждает необходимость рассмотрения экологической, энергетической и транспортной безопасности не в качестве автономных правовых режимов, а в качестве элементов единой системы обеспечения устойчивого развития государства.

В научных исследованиях в сфере государственного (публичного) управления также указывается, что стратегическое планирование должно носить межотраслевой характер. Подчеркивается, что эффективность государственного управления обеспечивается согласованностью целей стратегических документов и механизмов их реализации [17, с. 77]. В условиях электрификации транспорта подобный подход подразумевает необходимость синхронизации транспортной стратегии с прогнозами развития электроэнергетики и экологическими ограничениями.

Особое значение в рассматриваемой ситуации приобретает риск-ориентированный подход, который предполагает оценку совокупного воздействия на энергосистему (рост нагрузки, надежность сетей), окружающую среду (добыча сырья, утилизация аккумуляторов) и транспортную инфраструктуру (устойчивость функционирования, состояние защищенности) в контексте устойчивого развития. Переход к низкоуглеродной экономике требует комплексной модернизации правовых механизмов, а декарбонизация транспортного сектора должна сопровождаться институциональными изменениями в энергетике и промышленности, что подтверждает необходимость координации не только отраслевых стратегий, но и механизмов их правового обеспечения [18, с. 104].

Таким образом, представляется целесообразным институциональная интеграция экологической, транспортной и энергетической безопасности в условиях электрификации автомобильного транспорта, включающая закрепление принципа межотраслевой согласованности в стратегических документах, введение обязательной комплексной оценки совокупного воздействия при развитии зарядной инфраструктуры и модернизации энергосистем в целом, формирование единой системы индикаторов, отражающих взаимосвязь выбросов, энергетической нагрузки

и устойчивости транспортной инфраструктуры, а также координацию промышленной политики (локализация производства аккумуляторов) с экологическими требованиями и энергетическими прогнозами. Подобная институционализация данных механизмов может предупредить усиление отраслевых дисбалансов, влияющих на устойчивость системы национальной безопасности Российской Федерации в целом.

Список литературы:

1. Бринчук М.М. Экологическое право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2003. 670 с.
2. Экологическое право : учебник / под ред. С. А. Боголюбова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт ; ИД Юрайт. 2011. 482 с.
3. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. от 26 декабря 2024 г.) // СЗ РФ. 2002. № 2, ст. 133; 2024. № 53, ч. 1., ст. 8507.
4. Федеральный закон от 09 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (в ред. от 21 апреля 2025 г.) // СЗ РФ. 2007. № 7, ст. 837; 2025. № 17, ст. 2128.
5. Угроватова Е.В. Транспортная безопасность как элемент национальной безопасности / Е.В. Угроватова // Высокие интеллектуальные технологии в науке и образовании : Материалы I Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 марта 2017 года. Том 1. Санкт-Петербург: Информационный издательский учебно-научный центр "Стратегия будущего", 2017. С. 63-67.
6. Зайкова С.Н. Транспортная безопасность в структуре национальной безопасности Российской Федерации // NB: Административное право и практика администрирования. 2021. № 4. С. 37-47.
7. Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 20, ст. 2421.
8. Курушкин М. С. Современные угрозы и направления обеспечения энергетической безопасности как элемента национальной безопасности Российской Федерации / М. С. Курушкин // Вестник Екатерининского института. 2024. № 1(65). С. 38-44.
9. Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27, ч. 2., ст. 5351.
10. Распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» (в ред. от 06 ноября 2024 г.) // СЗ РФ. 2021. № 50, ч. 4., ст. 8613; 2024. № 46, ст. 6991.
11. Распоряжение Правительства РФ от 23 августа 2021 г. № 2290-р «Об утверждении Концепции по развитию производства и использования электрического автомобильного транспорта в Российской Федерации на период до 2030 года» (в ред. от 29 октября 2022 г.) // СЗ РФ. 2021. № 35, ст. 6327; 2022. № 45, ст. 7777.
12. Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (в ред. от 27 октября 2025 г.) // СЗ РФ. 2003. № 13, ст. 1177; 2025. № 44, ст. 6496.
13. Распоряжение Правительства РФ от 29 октября 2021 г. № 3052-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» // СЗ РФ. 2021. № 45, ст. 7556.
14. Regulation (EU) 2023/851 of the European Parliament and of the Council of 19 April 2023 // URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/851/oj/eng (дата обращения: 13.02.2026).
15. Сухова Е.А. Развитие правового обеспечения экологической безопасности Российской Федерации в контексте реализации целей устойчивого развития / Е.А. Сухова, Е.Н. Абанина, М.А. Алькова // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. – № 43. – С. 164-181.
16. Липинский Д.А. О понятии и признаках национальной безопасности / Д.А. Липинский, Н.В. Макарейко // Теория государства и права. 2019. № 3(15). С. 90-102.
17. Старостин С.А. О планах деятельности федеральных органов исполнительной власти как документах стратегического планирования / С. А. Старостин, А. Г. Добкин // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 41. С. 77-85.
18. Зоидов К.Х., Медков А.А. Перспективы декарбонизации мировой экономики в процессе формирования и эволюционного развития инновационно-индустриальных поясов торговых путей XXI века // Проблемы рыночной экономики. 2021. № 2. С. 91-107.

References:

1. Brinchuk M.M. Environmental Law: Textbook. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurist, 2003. 670 p.
2. Environmental Law: Textbook / ed. by S.A. Bogolyubov. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House; ID Yurait, 2011. 482 p.
3. Federal Law of January 10, 2002 No. 7-FZ “On Environmental Protection” (as amended on December 26, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 2, Art. 133; 2024. No. 53 (Part I), Art. 8507.
4. Federal Law of February 9, 2007 No. 16-FZ “On Transport Security” (as amended on April 21, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 7, Art. 837; 2025. No. 17, Art. 2128.
5. Ugrovatova E.V. Transport Security as an Element of National Security / E.V. Ugrovatova // High Intellectual Technologies in Science and Education: Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, March 22, 2017. Vol. 1. Saint Petersburg: Strategy of the Future Information Publishing Educational and Research Center, 2017. P. 63–67.
6. Zaikova S.N. Transport Security in the Structure of National Security of the Russian Federation // NB: Administrative Law and Practice of Public Administration. 2021. No. 4. P. 37–47.
7. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2019 No. 216 “On Approval of the Energy Security Doctrine of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 20, Art. 2421.
8. Kurushkin M.S. Contemporary Threats and Directions for Ensuring Energy Security as an Element of National Security of the Russian Federation / M.S. Kurushkin // Bulletin of the Catherine Institute. 2024. No. 1 (65). P. 38–44.
9. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (Part II), Art. 5351.
10. Order of the Government of the Russian Federation of November 27, 2021 No. 3363-r “On the Transport Strategy of the Russian Federation until 2030 with a Forecast up to 2035” (as amended on November 6, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 50 (Part IV), Art. 8613; 2024. No. 46, Art. 6991.
11. Order of the Government of the Russian Federation of August 23, 2021 No. 2290-r “On Approval of the Concept for the Development of Production and Use of Electric Road Transport in the Russian Federation until 2030” (as amended on October 29, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 35, Art. 6327; 2022. No. 45, Art. 7777.
12. Federal Law of March 26, 2003 No. 35-FZ “On the Electric Power Industry” (as amended on October 27, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 13, Art. 1177; 2025. No. 44, Art. 6496.
13. Order of the Government of the Russian Federation of October 29, 2021 No. 3052-r “On Approval of the Strategy for the Socio-Economic Development of the Russian Federation with Low Greenhouse Gas Emissions until 2050” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 45, Art. 7556.
14. Regulation (EU) 2023/851 of the European Parliament and of the Council of 19 April 2023 // Available at: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/851/oj/eng (accessed: 13 February 2026).
15. Sukhova E.A., Abanina E.N., Alkova M.A. Development of the Legal Framework for Environmental Security of the Russian Federation in the Context of the Implementation of the Sustainable Development Goals // Tomsk State University Journal of Law. 2022. No. 43. P. 164–181.
16. Lipinsky D.A., Makareyko N.V. On the Concept and Features of National Security // Theory of State and Law. 2019. No. 3 (15). P. 90–102.
17. Starostin S.A., Dobkin A.G. On Activity Plans of Federal Executive Authorities as Strategic Planning Documents // Tomsk State University Journal of Law. 2021. No. 41. P. 77–85.
18. Zoidov K.Kh., Medkov A.A. Prospects for Decarbonization of the Global Economy in the Process of Formation and Evolutionary Development of Innovative Industrial Belts of Trade Routes in the 21st Century // Problems of Market Economy. 2021. No. 2. P. 91–107.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_475

УДК 342.7

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
DIGITALIZATION AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF THE HUMAN RIGHTS PROTECTION MECHANISM

САБЛИН Дмитрий Александрович
кандидат педагогических наук, доцент, Оренбургский государственный университет.
460018, Россия, г. Оренбург, проспект Победы, 13 корп. 3.
E-mail: dsablinosu@mail.ru
SABLYN Dmitry Alexandrovich
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor Orenburg State University.
460018, Russia, Orenburg, Pobedy Avenue, 13 bldg. 3.
E-mail: dsablinosu@mail.ru

Краткая аннотация: *Актуальность выбранной темы заключается в том, что с развитием цифровых технологий все больше аспектов жизни переходит в онлайн-пространство, создавая новые вызовы и угрозы для прав человека. В контексте быстрого развития и распространения информационных технологий и цифровизации все больше возникает вопросов о защите конфиденциальных данных, а также личной информации граждан. В статье определены особенности защиты прав человека в современных условиях цифровизации, рассмотрены существующие нормативные правовые акты в этой сфере, предложены рекомендации по трансформации механизма защиты прав человека в условиях цифровизации.*

Abstract: *The relevance of the chosen topic lies in the fact that with the development of digital technologies, more and more aspects of life are moving online, creating new challenges and threats to human rights. In the context of the rapid development and spread of information technologies and digitalization, there are increasing concerns about the protection of sensitive data and personal information. The article identifies the specific features of human rights protection in the current digitalization environment, examines the existing legal frameworks in this area, and provides recommendations for transforming the mechanism of human rights protection in the context of digitalization.*

Ключевые слова: *права человека, защита прав человека, цифровизация, информационное пространство, кибербезопасность.*
Keywords: *human rights, human rights protection, digitalization, information space, and cybersecurity.*

Для цитирования: *Саблин Д.А. Цифровизация как фактор трансформации механизма защиты прав человека // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 475-477. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_475.*
For citation: *Sablin D.A. Digitalization as a factor in the transformation of the human rights protection mechanism // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 475-477. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_475.*

Статья поступила в редакцию: 11.03.2026

В современной доктрине прав человека особую актуальность приобретают юридические и этические аспекты взаимодействия человека и технологий. Требует глубокого научного анализа новый вид юридического положения индивида – участник виртуального пространства, в котором необходимо учитывать изменения природы и современные методы охраны традиционных прав и свобод человека, а также установить сущность, основания и границы осуществления цифровых прав, возникающих у лица в киберпространстве.

Система юридических способов защиты классических прав человека включает средства, перечисленные на рисунке 1.

Разнообразие перечисленных инструментов обеспечивает эффективную реакцию на разнообразные ситуации нарушений прав и свобод гражданина в области частного права. Тем не менее, современные угрозы, обусловленные цифровой трансформацией общества (например, кража персональных данных, финансовые махинации посредством онлайн-ресурсов), подчеркивают важность совершенствования правовых мер защиты цифровых прав личности в гражданском праве.

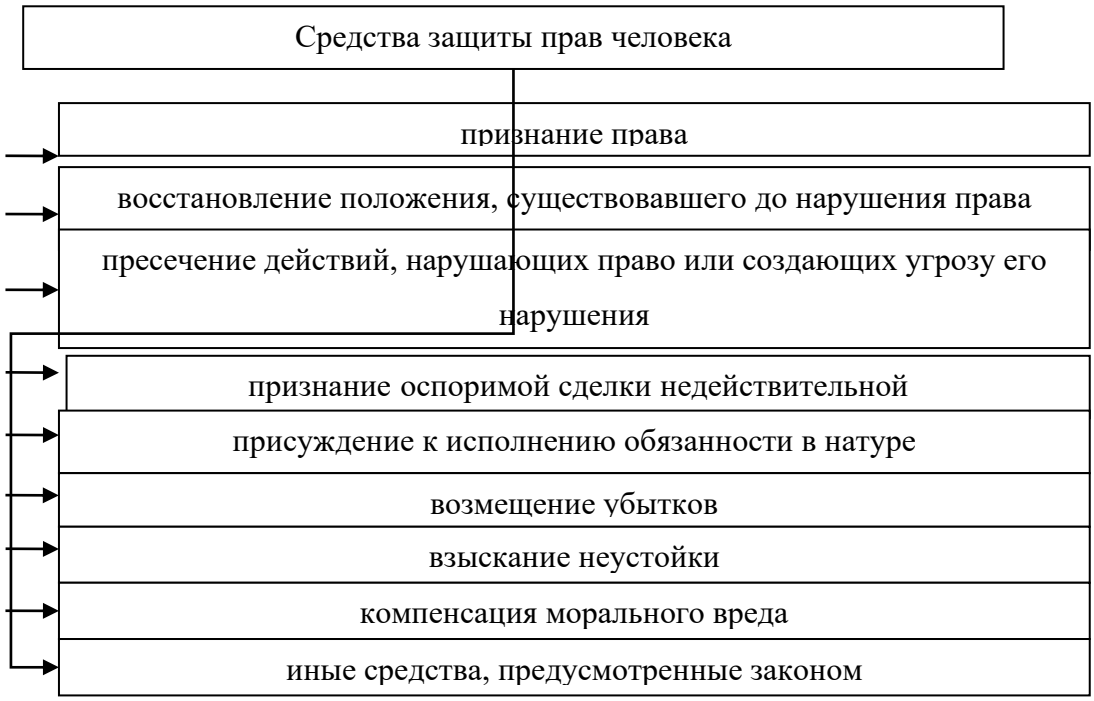

Рис. 1 – Средства защиты прав человека [1, с. 55]

В процессе цифровизации возникают такие права человека, как:

– право на личную жизнь, ведь новые технологии способны накапливать и обрабатывать большие объёмы сведений о людях, создавая угрозу конфиденциальности. Согласно ст. 23 Конституции РФ, каждому гарантируется защита своей частной жизни, включая безопасность личных данных;

– свобода высказывать своё мнение. Конституция РФ (ст. 29) закрепляет право каждого свободно выражать свои мысли и мнения, что особенно актуально в эпоху глобальных платформ общения;

– обеспечение безопасности личных данных. Закон № 152-ФЗ «О персональных данных», принятый 27 июля 2006 года, устанавливает правила обращения с персональной информацией в России. Несмотря на наличие закона, практика показывает необходимость его дальнейшего усовершенствования [2, с. 8].

Также ввиду наличия ложной или устаревшей информации, способной нарушать права граждан согласно действующему законодательству, введён термин «право на забвение». Оно даёт человеку возможность требовать удаления своих персональных данных из публичного доступа поисковых систем при соблюдении установленных условий. Такое право предусмотрено во множестве стран, включая Россию. В нашей стране оно регулируется Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 264-ФЗ, внесшим поправки в законодательство об информации и информационные технологии, а также в Гражданский процессуальный кодекс РФ. Следовательно, предоставление гражданам возможности воспользоваться правом на забвение стало значимым инструментом защиты информационных прав в условиях активно развивающейся цифровизации общества [3, с. 597].

Для полноценной реализации своих конституционных прав в цифровом пространстве гражданин должен иметь уверенность в надежной защите своих персональных данных в сети Интернет и предотвращении их незаконного использования третьими лицами.

Правовая система Российской Федерации стремительно адаптируется к новым реалиям цифрового мира. Уже были утверждены важные законы, такие как Федеральный закон «О персональных данных», который регламентирует основные нормы и процедуры обработки информации о гражданах РФ, обеспечивая соблюдение прав и свобод личности, в особенности права на приватность личной жизни при обработке персональных данных. Регулирует распространение информации в сети Интернет и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Важным шагом стало утверждение понятия «суверенного Рунета», цель которого заключается в обеспечении стабильной и безопасной работы российского сектора интернета даже в ситуациях возможного отключения от международных серверов по внешним причинам.

Наблюдается активная работа над созданием специализированных государственных структур для контроля исполнения нормативных актов в области защиты персональных данных и информационного пространства. Например, функционирует Роскомнадзор, ответственный за мониторинг соблюдения законодательства о персональных данных и в целом в информационной сфере. Кроме того, судебная практика всё чаще рассматривает судебные дела, касающиеся вопросов защиты персональных данных и привлечения виновных лиц к ответственности за совершение преступлений в киберпространстве [4, с. 281].

Хотя уже реализованы некоторые меры, проблема защиты прав человека в киберпространстве остается острой. Сегодня в сети Интернет фиксируется увеличение числа случаев кибербуллинга (интернет-травли и преследования), распространения дезинформации, различных видов киберпреступности, затрагивающих личную безопасность, честь и достоинство граждан, их имущество, общественную безопасность и правопорядок. Особенно подвержены рискам такие группы населения, как женщины, дети и представители различных меньшинств, становящиеся объектами нападок по мотивам расовой принадлежности, национальной идентификации, этнического происхождения, сексуальной ориентации либо другим критериям дискриминации. Поэтому в современных теориях прав человека возрастает значимость юридических и нравственных аспектов взаимодействия человека и технологических инноваций. Необходим тщательный научный анализ нового типа правового статуса субъекта – пользователя интернета, при котором важно осознавать изменение сущности и актуальных подходов к обеспечению и защите фундаментальных прав человека, одновременно формулируя суть, критерии и ограничения реализации новых цифровых прав, которыми обладает лицо в цифровом пространстве [5, с. 308].

На наш взгляд чтобы эффективно защищать права человека в условиях цифровизации, предлагается реализовать ряд мероприятий:

– создать и утвердить Информационный кодекс Российской Федерации, который позволит объединить и упорядочить действующие нормы информационного права, устраняя имеющиеся коллизии;

– изменить Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», уточнив процедуру блокировки веб-сайтов;

– установить обязательное судебное рассмотрение для решения вопроса о блокировке отдельных категорий материалов;

– предусмотреть поэтапные меры реагирования перед полным ограничением доступа (наложение предупреждений, временное ограничение);

– закрепить обязательство уведомлять владельцев ресурсов о предстоящей блокировке и давать возможность исправления выявленных нарушений;

– определить механизмы возмещения убытков добросовестным владельцам ресурсов, подвергшихся ошибочной блокировке;

– повысить уровень требований к обработке персональных данных, применяемых искусственным интеллектом и большими массивами данных;

– разработать отдельные положения, направленные на дополнительную защиту персональных данных детей в цифровом пространстве [6, с. 50];

– улучшить нормативную базу в области защиты персональных данных и информационной безопасности, повышая эффективность контроля и ответственность за несоблюдение соответствующих правил;

– использовать новейшие технологические достижения, такие как блокчейн и криптографические инструменты, позволяющие повысить степень защиты информации и гарантировать тайну сообщений [7, с. 83].

Исходя из приведенных аргументов, можно заключить, что процесс цифровизации для прав и свобод человека и граждан несет как преимущества, так и сложности для соблюдения прав человека в России. Одной из главных проблем становится защита персональных данных и сохранение права на частную жизнь в условиях усиливающегося наблюдения и внедрения инновационных технологий. Для разрешения существующих трудностей необходимы масштабные шаги, включающие обновление законодательной базы, расширение информированности граждан и применение прогрессивных технических решений.

Список литературы:

1 Игбаева, Г. Р. Гражданско-правовые основы обеспечения прав и свобод человека и гражданина в условиях цифровизации экономики: механизм непосредственной реализации и защиты частных прав / Г. Р. Игбаева, З. Р. Игбаева // Вестник Владимирского юридического института. – 2025. – № 4(77). – С. 53-57. – EDN JHMPPG.

2 Абрамова, А.В. Влияние цифровизации на права человека: проблемы реализации и защиты личных данных в цифровом пространстве в Российской Федерации / А.В. Абрамова // Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: проблемы реализации и защиты : Материалы Всероссийской (ежегодной) студенческой конференции, Иркутск, 21 ноября 2024 г. Иркутск: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2025. С. 7-11. – EDN RNWJWJ.

3 Хакимов, Д. А. Защита прав человека в условиях цифровизации общественных отношений / Д. А. Хакимов // VI Всероссийская ежегодная декабрьская научно-практическая студенческая конференция РосНОУ: Сборник трудов конференции, Москва, 04–20 декабря 2024 г. М.: Российский новый университет, 2025. С. 596-599. – EDN BAXFHI.

4 Хачатурова, Д. А. Права человека в условиях цифровизации: научные аспекты и современные практики / Д. А. Хачатурова, Е. Н. Приймак // Новая наука: от идеи к результату. – 2025. – № 11. – С. 277-282. – EDN JRBJCY.

5 Соколова, Е. А. Актуальные проблемы теории прав человека в условиях киберпространства / Е. А. Соколова, А. В. Тюменев // Теория государства и права. – 2025. – № 3(45). – С. 306-312. – DOI 10.47905/MATGIP_2025_3_45_306. – EDN SFOZOY.

6 Мельник, Г. Г. Особенности осуществления гарантий основных прав и свобод человека и гражданина в условиях развития информационного общества в Российской Федерации / Г. Г. Мельник // Диалог. – 2025. – № 7(37). – С. 49-52. – EDN IHDTKA.

7 Парамонова, В. Д. Влияние цифровизации на реализацию и защиту прав человека в современных условиях / В. Д. Парамонова // Байкальский студенческий юридический форум-2024. Современные проблемы правотворчества и правоприменения : Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Иркутск, 21 марта 2024 года. – Иркутск: Всероссийский государственный университет юстиции, 2024. – С. 80-84. – EDN BVMCJS.

References:

1 Igbaeva, G. R. Civil law foundations for ensuring human and civil rights and freedoms in the context of the digitalization of the economy: a mechanism for the direct implementation and protection of private rights/G. R. Igbaeva, Z. R. Igbaeva//Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2025. – № 4(77). - S. 53-57. – EDN JHMPPG.

2 Abramova, A.V. The impact of digitalization on human rights: problems of implementing and protecting personal data in the digital space in the Russian Federation/A.V. Abramova//Constitutional rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation: problems of implementation and protection: Materials of the All-Russian (annual) student conference, Irkutsk, November 21, 2024. - Irkutsk: All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2025. - S. 7-11. – EDN RNWJWJ.

3 Khakimov, D. A. Protection of human rights in the context of digitalization of public relations/D. A. Khakimov//VI All-Russian annual December scientific and practical student conference RosNOU: Collection of conference proceedings, Moscow, December 04-20, 2024. - Moscow: Russian New University, 2025. - S. 596-599. – EDN BAXFHI.

4 Khachaturova, D. A. Human rights in the context of digitalization: scientific aspects and modern practices/D. A. Khachaturova, E. N. Priymak//New science: from idea to result. – 2025. – № 11. - S. 277-282. – EDN JRBJCY.

5 Sokolova, E. A. Actual problems of the theory of human rights in cyberspace/E. A. Sokolova, A. V. Tyumenev//Theory of state and law. – 2025. – № 3(45). - S. 306-312. – DOI 10.47905/MATGIP_2025_3_45_306. – EDN SFOZOY.

6 Melnik, G. G. Features of the implementation of guarantees of fundamental human and civil rights and freedoms in the development of the information society in the Russian Federation/G. G. Melnik//Dialogue. – 2025. – № 7(37). - S. 49-52. – EDN IHDTKA.

7 Paramonova, V. D. The impact of digitalization on the implementation and protection of human rights in modern conditions/V. D. Paramonova//Baikal Student Legal Forum-2024. Modern problems of lawmaking and law enforcement: Materials of the All-Russian Student Scientific and Practical Conference, Irkutsk, March 21, 2024. - Irkutsk: All-Russian State University of Justice, 2024. - S. 80-84. – EDN BVMCJS.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_478

УДК 342

К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ
ON THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF CIVIL SERVICE IN RUSSIA

ГЕР Олег Евгеньевич,
доцент кафедры транспортного права
Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А. Новикова, кандидат юридических наук.
196210, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Пилотов, д. 38.
E-mail: oeger60@gmail.ru

КАЙНОВ Владимир Иванович,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры транспортного права
Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А. Новикова.
196210, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Пилотов, д. 38.
E-mail: oeger60@gmail.ru

GER Oleg E.,
Associate Professor of the Department of Transport Law
Saint Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov, PhD in Law.
38 Pilotov St., Saint Petersburg, Russia, 196210.
E-mail: oeger60@gmail.ru

KAINOV Vladimir Ivanovich,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Transport Law
St. Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov.
38 Pilotov St., Saint Petersburg, Russia, 196210.
E-mail: oeger60@gmail.ru

Краткая аннотация. *В статье исследуются историко-правовые аспекты становления и развития государственной службы в России. Раскрывается генезис данного правового института в различные периоды развития российской государственности.*

Abstract. *The article examines the historical and legal aspects of the formation and development of public service in Russia. The genesis of this legal institution at various periods of development of Russian statehood is revealed.*

Ключевые слова: *государство; Россия; государственная служба; субъекты государственной службы; генезис.*

Key words: *state; Russia; public service; subjects of public service; genesis.*

Для цитирования: *Гер О.Е., Кайнов В.И. К вопросу становления и развития государственной службы в России // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 478-481. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_478.*

For citation: *Ger O.E., Kainov V.I. On the formation and development of the civil service in Russia // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 478-481. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_478.*

Статья поступила в редакцию: 18.03.2026

Государственная служба в России имеет глубокие историко-правовые корни. Ее традиции уходят в глубины веков более чем на тысячу лет. Следует полагать что явление «служба» возникло в тот период, когда начала формироваться в треугольнике Владимир-Киев-Новгород государственность древней Руси. В Киевской Руси в IX - XI веках отдельные функции по руководству княжеским дворцовым хозяйством осуществляли тиуны и старосты. Причем первоначально категория людей, управляющих княжеским имуществом, была зависима. Это были не вольные слуги, а холопы (рабы). Со временем эти дворцовые управители становятся управляющими княжеского (государственного) хозяйства. Княжескую дружину, по мнению авторов статьи, нельзя причислять к государственной службе, так как князь считался в дружине «первым среди равных». В данном военном образовании присутствовали отношения, отличающиеся от отношений «службы»[1]. В последующем активно стала развиваться государственная служба в период образования Московского централизованного государства в XII - XV веках. Именно в этот период создается централизованный государственный аппарат, совершенно новые структуры власти в Московском государстве. Основной новой государственности стала система поместных отношений, когда категория служивых людей (дворян) получала за свою службу, как военную, так и гражданскую, земельный надел на прокорм. Надел давался на весь срок службы. Служат уже и слуги, получая за это содержание. К XV веку происходит сокращение феодальных привилегий и иммунитетов. Складывается иерархия придворных чинов, даваемых за службу: окольничий, дворецкий, казначей, чины думных дворян, думных дьяков. Формируется принцип местничества, связывающий возможность занятия государственных должностей с происхождением кандидата, его родовитостью. Вплоть до XII века продолжают развиваться и укрепляться все эти правоотношения.

Со времени Ивана Грозного каждое сословие, исходя из своего места в структуре общества, обязано было служить самодержавной и религиозной власти, сложившихся в Русском государстве.

В середине XVI века была сделана первая попытка юридически уравнять вотчину (феодальное землевладение) с поместным (служивым землевладением). В этих целях устанавливается единый порядок государственной (военной службы), когда в независимости от формы

[1]Атаманчук Г.В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика: монография – М.: Изд-во РАГС, 2003 – 94 с.; Кайнов В.И., Прохорова О.В. Историко-правовой анализ становления и развития института государственной службы в России, конец 17-начало 20 века // История государства и права, 2011. № 1. С.29.

землевладения обязывалось выставлять одинаковое число вооруженных людей. Развивается система приказов, как центральных органов с жестким подчинением по вертикале и строгое руководство инструкциями и предложениями по горизонтали[1]. На местах при воеводах также создаются специальные аппараты управления.

Таким образом к XVIIвеку в России была образована приказно - воеводская система управления. Для дворян, иных служивых сословий государственная служба была обязательна. Основой ее были земельные наделы, личные заслуги, родовитость. Развивается и законодательство, регламентирующее государственную службу. Сюда следует отнести Судебники 1497 и 1550 годов, Соборное Уложение 1649 года, великокняжеские, а затем царские указы.

Восшествие на престол в 1682 году молодого Петра - I ознаменовало дальнейшее развитие и укрепление новой системы государственных органов управления. Достаточно радикальные изменения государственного строя в целом способствовали оптимизации всей системы государственной службы. Для дворянства стало обязательная государственная служба-военная или гражданская. Правовой статус дворянства был существенно изменен принятием Указа о единонаследии 1714года, который закреплял наследование поместья только за старшим сыном. Остальные дети дворян вынуждены были устраиваться на военную или гражданскую службу и служить за жалование.

Но рубежным событием, придавшем службе подлинно государственное значение, стал утвержденный Петром I 24 января 1722 года «Табель о рангах[2]. Этот законодательный акт сыграл большую роль в судьбе Российской империи и заслуживает положительной оценки. Это актуальный и действенный нормативный акт, заложивший основы многих явлений и отношений в российском государственном строительстве установив три иерархические вида государственной службы: гражданская, военная и придворная.

Во второй половине XVIII века, при Екатерине – II, система государственной службы, заложенная Петром – I, продолжает совершенствоваться. Проводится губернская реформа и ряд реформ государственных органов управления. Важнейшими актами управления в данной сфере общественных отношений следует считать Манифест Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» (1762 г.) и подобный указ о дворянских вольностях самой Екатерины - II. Данные указы освобождали дворянство от обязательной государственной службы. Таким образом, после Петра– I, идет постепенное ослабление, а затем и отмена обязательной государственной службы для основного служивого сословия–дворянства.

Новое развитие получила государственная служба в первой половине XIX века. Ее развитие связано с именем выдающегося государственного деятеля России - Сперанского Михаила Михайловича. В 1808 году он подготавливает Указ о обязательном экзамене для занятия государственной должности. Устанавливается образовательный ценз, обязательное высшее университетское образование для замещения ряда должностей. И хотя этот указ под давлением бюрократии был отменен, тем не менее он вводил новые принципы государственной службы, которые позже нашли свое применение. В 1832 году принимается «Устав о службе гражданской», а в 1834 - «Правила о порядке производства в чины службы». В последующем, в 1845 году были внесены соответствующие изменения в Табель о рангах.

В течение XIX века утвердились ряд положений, характеризующих государственную службу. Сюда входил запрет родственных связей по службе; ведение определенного образа жизни, который не должен был подрывать авторитет и достоинство государственной власти; запретна определенные занятия; зависимости от чина и должности, включающее жалование, столовые и квартирные деньги; пособие и пенсию при выходе в отставку. Гарантировалась усиленная уголовная охрана от преступлений при исполнении государственным служащим своих обязанностей; устанавливался особый порядок предания суду самих государственных чиновников[3]. Государственные служащие империи имели установленную форменную одежду; на каждого государственного служащего велся обязательный послужной (формулярный) список; увольнение производилось по прошению самого государственного служащего. Таким образом, следует констатировать, что царская Россия до 1917 года имела детальное законодательство о государственной службе.

Точку в этой истории поставила революция 1917 года. Формирование большевиками, после прихода власти в октябре 1917года, новой государственности, получившей название советской, и просуществовавшей более семидесяти лет, привело к коренным изменениям как в принципах, так и в подходах построения управления страной и организации государственной службы[4]. Становление жестко централизованной системы государственной власти происходило на базе аппарата партии большевиков. Кадровый корпус государственных служащих первоначально формировался, прежде всего, из членов РКП (б).

На наш взгляд, особенностью государственной службы в советский период является то, что руководящие посты, как правило, занимали члены КПСС, рекомендованные на эти должности соответствующими партийными комитетами. Служба на благо народа и государства строились в то время по принципам секретности, закрытости, преданности компартии.

---

[1] Назаренко Н.Ю. Государственная служба Российской Федерации: учебное издание для вузов – М.: Экзамен, 2006 – 116 с.; Кайнов В.И. Историко-правовой анализ становления и развития института государственной службы в России // История государства и права. 2014. № 1. С.29; Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Судебный контроль за деятельностью органов исполнительной власти//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 5. С.150-158; Кайнов В.И. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (28-2). 2005. С.227-228; Кайнов В.И. Административная ответственность: альбом схем-учебно-наглядное пособие. М., 2007

[2] Малько А.В. Теория государства и права в вопросах и ответах: учебно-методическое пособие – М.: Юрист, 2005 – 68 с.; Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников М.П. Сущность и значение процессуальных норм, регламентирующих производство об административных правонарушениях//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7.С.104-107; Кайнов В.И., Сальников М.П., Петров П.А. Вопросы оптимизации административно-правового регулирования оказания электронных государственных услуг//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С.97-107

[3] Атаманчук Г.В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика: монография – М.: Изд-во РАГС, 2003 – 94 с.; Кайнов В.И., Капустин А.А. Некоторые методологические проблемы современного правоведения в России//Мир юридической науки.2013. № 12. С.4-13; Кайнов В.И., Капустин А.А. Международный аспект административной юстиции (системный подход) //Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 157-165

[4] Назаренко Н.Ю. Государственная служба Российской Федерации: учебное издание для вузов – М.: Экзамен, 2006 – 114 с.

Распад СССР и появление на его месте нескольких государств - самостоятельных субъектов международного права, падение союзного центра, остро поставили перед Российской Федерацией проблему обеспечения самостоятельного государственного развития, задачи становления новой Российской государственности. При этом приходилось одновременно строить новое государство, налаживать механизмы государственного управления в условиях крушения административно-командной системы и искать пути выхода из экономического и политического кризисов.

Таким образом, если проанализировать весь путь становления государственной службы от зарождения Российской государственности и до сегодняшнего дня, можно предположить, что данная государственная структура не возникла в одночасье. Образование и дальнейшие реформы государственной службы, по нашему мнению, проходили в рамках развития самого Российского государства. Как показывает история еще с древности Русь постоянно вела боевые сражения с другими государствами, защищая свою независимость. В проводимой Русскими князьями, а в последующем и царями, государственной политики в ряде случаев мы видим определенные противоречия. Все это естественным образом способствовало проведению необходимых реформ в сфере оптимизации государственной службы[1].

Таким образом, следует констатировать, что государственная служба в России имеет богатую историю своего развития и становления и обязана своим возникновением государству. С его возникновением и развитием стал развиваться и институт государственной службы, имея своим назначением реализацию задач и функций государства в разнообразных областях жизнедеятельности общества, являясь необходимым элементом государственного управления.

По мнению авторов статью, следует согласиться с мнением А. А. Гришковца о том, что государственная служба имеет достаточно важную особенность, а именно «…фактически она является едва ли не единственной среди основных административно-правовых категорий, которая объективизирована в праве, а потому может рассматриваться как в широком, т.е. философско-правовом, так и в узком, сугубо правовом смысле.»[2] Таким образом, при таком многообразии точек зрения общим является то, что приоритет отдается не деятельной, содержательной стороне, а структурно-организационной организации. На первый план выдвигается государственная служба как публично-правовой институт, ее общее предназначение.

Что касаемо нормативного толкования понятия государственной службы, то на протяжении всей истории развития государственной службы в России само понятие так и не претерпело особых изменений.

Федеральные законы, а также различные нормативные правовые акты Российской Федерации изменяются и дополняются на систематизированной основе. Это восполняет имеющиеся пробелы правового регулирования в контексте заявленной проблематики.

Государственная служба подразделяется на федеральную государственную гражданскую службу, а также на государственную гражданскую службу субъектов Российской Федерации.

На основании вышеизложенного следует сделать вывод о том, что непременным атрибутом формирования новой Российской государственности является становление и развитие института государственной гражданской службы, приоритетное место в реализации задач и функций государственной власти.

Можно усовершенствовать само понятие государственной службы Российской Федерации, сформулировав ее, в первую очередь, как вид трудовой деятельности, который заключается в практическом осуществлении государственных функций работниками государственного аппарата, которые занимаются по выборам, по назначению или по конкурсу должности в государственных учреждениях и получают от государства, соответственно, вознаграждение за свой труд.

Государственная служба, как правовой институт, присутствует во всех ветвях и на всех уровнях власти: в аппаратах органов представительной и судебной власти, в органах исполнительной власти, реализующих от имени государства специальные цели и задачи с применением военной силы и мер государственного принуждения.

В современной России формирование института государственной службы началось с принятия Указа Президента Российской Федерации от 22 декабря1993 года №2267 «Об утверждении Положения о федеральной государственной службе» (утратил силу). Спустя два года вступил в силу Федеральный закон от 31 июля 1995 года №119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» (утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 27 июля 2004 года №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»), законодательно оформивший данный правовой институт.

При всей многочисленности нормативных правовых актов, регулировавших вопросы государственной службы в 1990 -е годы, законодательство имело значительные пробелы. Подавляющее большинство источников служебного права составляли акты Президента Российской Федерации, а также Федеральный закон «Об основах государственной службы Российской Федерации». При этом закон, призванный создать стабильную правовую основу для развития и укрепления государственной службы, своей задачи не выполнил.

Таким образом, в завершении рассмотрения заявленной проблематики авторы статьи делают вывод о том, что процесс реализации принципов построения и функционирования системы государственной службы обеспечен федеральными законами о ее видах. Кроме того, указанными выше федеральными законами могут быть предусматриваться также и другие принципы построения и функционирования видов

[1] Гришковец А.А. Проблемы реформы государственной службы в Российской Федерации // Государство и право– 2001 – № 12 – С. 59; Кайнов В.И. Прокуратура Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовой аспект // История государства и права. 2007. № 9. С.4-5; Кайнов В.И., Сафаров Р.А. Административное право зарубежных стран. М., 2021

[2]Гришковец А.А. Проблемы правового регулирования и организации государственной гражданской службы в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук.:12.00.14– М., 2014– 10 с.; Кайнов В.И. Развитие отечественного законодательства об административном судопроизводстве//Мир экономики и права. 2015. №6. С.83-87; Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Институт банковской тайны в Российской Федерации: история, теория и практика: монография. СПб., 2011

государственной службы в Российской Федерации, учитывая их особенности[1]. Современные реалии развития Российской государственности являются основой последующей оптимизации государственной службы в нашей стране.

Список литературы

1. Атаманчук Г.В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика: монография – М.: Изд-во РАГС, 2003– 94 с.
2. Военное право / А. В. Кудашкин, В. К. Аулов, В. В. Бараненков [и др.]. Том II – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Центр правовых коммуникаций», 2021 – 888 с. – ISBN 978-5-6042565-2-7 – EDN WODYTL
3. Гришковец А.А. Проблемы правового регулирования и организации государственной гражданской службы в Российской Федерации: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук.:12.00.14– М., 2014– 10 с.
4. Гришковец А.А. Проблемы реформы государственной службы в Российской Федерации // Государство и право – 2001 – № 12. – С. 59
5. Кайнов В.И. Историко-правовой анализ становления и развития института государственной службы в России // История государства и права. 2014. № 1. С.29
6. Кайнов В.И. Правовые акты органов исполнительной власти Российской Федерации// В сборнике: Гостеприимный Петербург-18. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018.С.39-48
7. Кайнов В.И. Прокуратура Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовой аспект // История государства и права. 2007. № 9. С.4-5
8. Кайнов В.И. Развитие отечественного законодательства об административном судопроизводстве//Мир экономики и права. 2015. №6. С.83-87
9. Кайнов В.И. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (28-2). 2005. С.227-228
10. Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Институт банковской тайны в Российской Федерации: история, теория и практика: монография. СПб., 2011
11. Кайнов В.И., Капустин А.А. Международный аспект административной юстиции (системный подход) //Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 157-165
12. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников М.П. Сущность и значение процессуальных норм, регламентирующих производство об административных правонарушениях//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7.С.104-107
13. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Судебный контроль за деятельностью органов исполнительной власти//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 5. С.150-158
14. Кайнов В.И., Прохорова О.В. Историко-правовой анализ становления и развития института государственной службы в России, конец 17-начало 20 века // История государства и права, 2011. № 1. С.29
15. Кайнов В.И., Сальников М.П., Петров П.А. Вопросы оптимизации административно-правового регулирования оказания электронных государственных услуг//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С.97-107
16. Кайнов, В. И. Актуальные вопросы оптимизации административно-правового статуса должностного лица / В. И. Кайнов, Д. В. Попков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации – 2025 – № 4(69) – С. 60-65 – DOI 10.61260/2074-1626-2025-4-60-65 – EDN VSCNOW
17. Кайнов, В. И. Конституционное право: Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин – Белгород: ООО «Эпицентр», 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0 – EDN JAWRNO
18. Когут, В. Г. Основные тенденции развития военно-политической обстановки вокруг Союзного государства Беларуси и России в контексте ее влияния на состояние национальной безопасности в военной сфере / В. Г. Когут, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение – 2024 – № 5(322) – С. 83-88 – EDN XDNFEC
19. Когут, В. Г. Сценарий дальнейшей интеграции союзного государства / В. Г. Когут, Я. М. Погадаева, В. М. Шеншин // Юридическая наука: история и современность – 2022 – № 9 – С. 146-154 – EDN KPIMRC
20. Малько А.В. Теория государства и права в вопросах и ответах: учебно-методическое пособие– М.: Юрист, 2005 – 68, 74 с.
21. Назаренко Н.Ю. Государственная служба Российской Федерации: учебное издание для вузов – М.: Экзамен, 2006 – 114, 116 с.
22. Назарова, И. С. О международных связях субъектов Российской Федерации с иностранными государствами / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право – 2024 – № 9(237) – С. 126-130 – DOI 10.47643/1815-1329_2024_9_126 – EDN ESBFKU
23. Шеншин, В. М. Виды государственной службы в войсках национальной гвардии / В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Военное право – 2021 – № 3(67) – С. 140-14 – EDN ZXHGZQ
24. Шеншин, В. М. О некоторых вопросах организации прохождения гражданской службы федеральными государственными гражданскими служащими Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение – 2023 – № 3(308) – С. 52-58 – EDN GHMJKS

References

1. Atamanchuk G.V. The essence of public service: history, theory, law, practice: a monograph, Moscow: RAGS Publishing House, 2003– 94 p.
2. Military law / A.V. Kudashkin, V. K. Aulov, V. V. Baranenkov [et al.]. Volume II – Moscow: Limited Liability Company "Center for Legal Communications", 2021 – 888 p. – ISBN 978-5-6042565-2-7 – EDN WODYTL
3. Grishkovets A.A. Problems of legal regulation and organization of the state civil service in the Russian Federation: an abstract of the dissertation of Dr. Yurid. Sciences.:12.00.14– Moscow, 2014– 10 p.
4. Grishkovets A.A. Problems of civil service reform in the Russian Federation // State and law – 2001 – No. 12. – p. 59
5. Kainov V.I. Historical and legal analysis of the formation and development of the Institute of public administration in Russia // History of the state and law. 2014. No. 1. p.29
6. Kainov V.I. Legal acts of the executive authorities of the Russian Federation// In the collection: Hospitable Petersburg-18. Collection of materials of the International scientific and practical Conference. 2018.Pp.39-48
7. Kainov V.I. Prosecutor's office of the Russian Federation in the system of separation of powers: theoretical and legal aspect // The history of the state and law. 2007. No. 9. pp.4-5
8. Kainov V.I. Development of domestic legislation on administrative proceedings//The world of economics and law. 2015. No. 6. pp.83-87
9. Kainov V.I. Reforming the state civil service in the Russian Federation: analysis and improvement// Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 4 (28-2). 2005. pp.227-228
10. Kainov V.I., Kainova Yu.V. Institute of Bank secrecy in the Russian Federation: history, theory and practice: monograph. SPb., 2011
11. Kainov V.I., Kapustin A.A. The international aspect of administrative justice (a systematic approach) //The legal field of modern economics. 2015. No. 1. pp. 157-165
12. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov M.P. The essence and significance of procedural norms regulating proceedings on administrative offenses//Legal science: history and modernity. 2019. No. 7.P.104-107
13. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov S.P. Judicial control over the activities of executive authorities//Legal science: history and modernity. 2019. No. 5. pp.150-158
14. Kainov V.I., Prokhorova O.V. Historical and legal analysis of the formation and development of the Institute of Public Administration in Russia, late 17th-early 20th century // History of the State and Law, 2011. No. 1. pp.29
-15. Kainov V.I., Salnikov M.P., Petrov P.A. Issues of optimization of administrative and legal regulation of the provision of electronic government services//Legal science: history and modernity. 2019. No. 7. pp.97-107
16. Kainov, V. I. Actual issues of optimizing the administrative and legal status of an official / V. I. Kainov, D. V. Popkov // Law. Safety. Emergencies – 2025 – No. 4(69) – pp. 60-65 – DOI 10.61260/2074-1626-2025-4-60-65 – EDN VSCNOW
17. Kainov V.I. Constitutional Law: Textbook / V I. Kainov, I.S. Nazarova, V.M. Shenshin Belgorod: Epicenter LLC, 2026. 284 p. – ISBN 978-5-605-57024-0 – EDN JAWRNO
18. Kogut, V. G. The main trends in the development of the military-political situation around the Union State of Belarus and Russia in the context of its impact on the state of national security in the military sphere / V. G. Kogut, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review – 2024 – No. 5 (322) – pp. 83-88 – EDN XDNFEC
19. Kogut, V. G. Scenario of further integration of the Union state / V. G. Kogut, Ya. M. Pogadaeva, V. M. Shenshin // Legal Science: history and modernity – 2022 – No. 9 – pp. 146-154 – EDN KPIMRC
20. Malko A.V. Theory of the state and law in questions and answers: an educational and methodical manual, Moscow: Lawyer, 2005 - 68, 74 p.
21. Nazarenko N.Y. The State Service of the Russian Federation: an educational publication for universities, Moscow: Exam, 2006 – 114, 116 p.
22. Nazarova, I. S. On international relations of the subjects of the Russian Federation with foreign states / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Agrarian and Land Law – 2024 – No. 9(237) – pp. 126-130 – DOI 10.47643/1815-1329_2024_9_126 – EDN ESBFKU
23. Shenshin, V.M. Types of public service in the National Guard troops / V. M. Shenshin, L. A. Shenshina // Military Law – 2021 – No. 3(67) – pp. 140-14 – EDN ZXHGZQ
24. Shenshin, V. M. On some issues of the organization of civil service by federal state civil servants of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military Law Review – 2023 – No. 3(308) – pp. 52-58 – EDN GHMJKS

[1]Кайнов В.И. Правовые акты органов исполнительной власти Российской Федерации// В сборнике: Гостеприимный Петербург-18. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018.С .39-48; Кайнов В.И., Капустин А.А. Некоторые методологические проблемы современного правоведения в России//Мир юридической науки.2013. № 12. С.4-13; Кайнов В.И., Капустин А.А. Международный аспект административной юстиции (системный подход) //Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 157-165

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_482

УДК 343

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИЯХ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ON STRATEGIES FOR NATIONAL SECURITY

АНИСИМОВ Алексей Петрович,
кандидат технических наук, заместитель начальника центра командно-штабных учений Академии управления МВД России,
125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8,
e-mail: 9100090712@bk.ru,

ANISIMOV Alexey Petrovich,
Candidate of Technical Sciences, Deputy Head of the Center for Command and Staff Training
at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
125171, Russian Federation, Moscow, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8,
e-mail: 9100090712@bk.ru

Краткая аннотация: *в статье рассмотрена содержательная часть стратегий в сфере обеспечения национальной безопасности, проведено сравнительное соотнесение изданных в Российской Федерации стратегий с требованиями, предъявляемыми к ним, и на этой основе выработано новое понятие «стратегия в сфере обеспечения национальной безопасности», а также определены дополнительные требования к содержательной части таких стратегий.*

Abstract: *The article examines the content of national security strategies, compares the strategies issued in the Russian Federation with the requirements for them, and on this basis develops a new concept of «national security strategy» as well as additional requirements for the content of such strategies.*

Ключевые слова: *национальная безопасность, стратегическое планирование, документы стратегического планирования, стратегия в сфере обеспечения национальной безопасности.*

Keywords: *national security, strategic planning, strategic planning documents, national security strategy.*

Для цитирования: *Анисимов А.П. К вопросу о стратегиях в сфере обеспечения национальной безопасности // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 482-484. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_482.*

For citation: *Anisimov A.P. On the issue of national security strategies // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 482-484. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_482.*

Статья поступила в редакцию: 01.04.2026

Основным нормативным правовым актом, определяющим правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации, координации государственного и муниципального стратегического управления и бюджетной политики, полномочия органов государственной власти, является Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[1] (далее – Федеральный закон № 172-ФЗ).

Стратегическое планирование в Российской Федерации осуществляется на федеральном уровне, уровне субъектов Российской Федерации и уровне муниципальных образований[2].

Одним из полномочий органов государственной власти Российской Федерации в сфере стратегического планирования является обеспечение согласованности и сбалансированности документов стратегического планирования, разрабатываемых на федеральном уровне, включая согласованность утверждаемых ими целей и задач деятельности органов государственной власти, показателей достижения этих целей и решения этих задач[3].

Разработка документов стратегического планирования осуществляется на 3 уровнях (федеральном, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований)[4] с разделением на несколько направлений (в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования).

Одним из документов стратегического планирования федерального уровня, разрабатываемым в рамках целеполагания, являются стратегии в сфере обеспечения национальной безопасности (далее – стратегия) [3], обычно связанные с каким-либо отдельным направлением обеспечения национальной безопасности (далее – нацбезопасность).

Данное понятие в Федеральном законе № 172-ФЗ и других нормативных правовых актах не определено.

В то же время некоторые особенности стратегий обозначены в Положении о порядке разработки, экспертизы и корректировки документов стратегического планирования в сфере обеспечения нацбезопасности (далее – СОНБ), мониторинга и контроля их реализации[5] (далее – Положение Пр-1180).

Согласно Положению Пр-1180[1], под стратегией следует понимать документ стратегического планирования, который определяет си-

[1] О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 июня 2014 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25 июня 2014 г.: в ред. федер. закона Рос. Федерации от 13 июля 2024 г. № 177-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2024. - № 29, ст. 4106.
[2] Часть 2 статьи 1 Федерального закона № 172-ФЗ.
[3] Пункт 7 статьи 4 Федерального закона № 172-ФЗ.
[4] Часть 1 статьи 11 Федерального закона № 172-ФЗ.
[5] Положение о порядке разработки, экспертизы и корректировки документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, мониторинга и контроля их реализации: утв. Президентом Рос. Федерации 15 июня 2015 г. № Пр-1180.

стему мер и механизмов, направленных на достижение планируемого результата реализации государственной политики в рамках отдельного направления обеспечения нацбезопасности.

Стратегия содержит[2]:

меры и механизмы, направленные на достижение планируемого результата реализации государственной политики в рамках соответствующего направления обеспечения нацбезопасности (отвечают на вопрос «каким образом?»);

оценку текущего состояния нацбезопасности, а также основных проблем, вызовов и угроз, тенденций и возможных сценариев развития ситуации в рамках соответствующего направления обеспечения нацбезопасности (качественную либо количественную);

цели реализации государственной политики в рамках соответствующего направления обеспечения нацбезопасности (отвечают на вопрос «для чего?»);

задачи реализации государственной политики в рамках соответствующего направления обеспечения нацбезопасности (отвечают на вопрос «что делать?»);

основные направления реализации государственной политики в рамках соответствующего направления обеспечения нацбезопасности (отвечают на вопрос «в какую сторону?»);

инструменты реализации государственной политики в рамках соответствующего направления обеспечения нацбезопасности (отвечают на вопрос «с помощью чего?») [2];

механизмы оценки состояния нацбезопасности в рамках соответствующего направления ее обеспечения и контроля за эффективностью реализации стратегии (комплекс текущих и прогнозно-плановых значений индикаторов и показателей) (отвечают на вопрос «как?»);

этапы реализации стратегии (последовательность действий);

источники ресурсного обеспечения мероприятий по ее реализации (отвечают на вопрос «откуда?»);

механизмы ресурсного обеспечения мероприятий по ее реализации (отвечают на вопрос «каким образом?»);

ожидаемые результаты реализации стратегии (отвечают на вопрос «что будет?»);

порядок взаимодействия органов государственной власти в целях реализации стратегии (отвечают на вопрос «как?»);

иные положения.

С 2000 года по настоящее время в Российской Федерации было издано более 110 стратегий, из них после издания Положения Пр-1180 – 89.

В этой связи также следует отметить, что содержательная часть стратегий в настоящее время не совсем соответствует требованиям, установленным ранее.

Анализ данных документов[3] позволил выявить их следующие основные закономерности.

Так, практически во всех стратегиях нашли свое отражение цели, задачи, основные направления и инструменты реализации государственной политики в рамках соответствующего направления обеспечения нацбезопасности, а также механизмы оценки состояния национальной безопасности в рамках соответствующего направления ее обеспечения и контроля эффективности реализации стратегии (комплекс текущих и прогнозно-плановых значений индикаторов и показателей).

В то же время сведения о мерах и механизмах, направленных на достижение планируемого результата реализации государственной политики в рамках соответствующего направления обеспечения нацбезопасности, даны только в 36 (из 89) стратегиях; оценка текущего состояния национальной безопасности, а также основных проблем, вызовов и угроз, тенденций и возможных сценариев развития ситуации в рамках соответствующего направления обеспечения национальной безопасности – в 28 [1]; этапы реализации стратегии, источники и механизмы ресурсного обеспечения мероприятий по ее реализации – в 53; ожидаемые результаты реализации стратегии – в 46; задачи, функции и порядок взаимодействия органов государственной власти в целях реализации стратегии – 54; тенденции – в 38; возможные сценарии разрешения проблем в рамках соответствующего направления обеспечения нацбезопасности – в 41.

Кроме того, стратегии содержат несвойственные им основные задачи органов государственной власти по реализации основных положений стратегии – в 16 (из 89); приоритеты стратегии в рамках соответствующего направления обеспечения нацбезопасности – в 44.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что большинство стратегий требованиям Положения Пр-1180 не соответствует.

В этой связи видится необходимость определения данного понятия и его нормативного закрепления.

Учитывая проведенный анализ, с нашей точки зрения, представляется целесообразным определить указанную терминологию следующим образом:

«Стратегия в СОНБ – документ стратегического планирования, представляющий собой эффективный механизм достижения планируемого результата, включающий оценку текущего состояния нацбезопасности, а также основных проблем, вызовов и угроз, тенденций и возможных сценариев развития ситуации в рамках соответствующего направления обеспечения нацбезопасности и определяющий систему мер и механизмов, направленных на достижение планируемого результата реализации государственной политики, цели, задачи, основные направления, инструменты, этапы и ожидаемые результаты реализации государственной политики, механизмы оценки состояния нацбезопасности и

[1] Пункт 21 Положения Пр-1180.
[2] Пункт 26 Положения Пр-1180.
[3] Изданных после принятия Положения Пр-1180.

контроля за эффективностью реализации стратегии, источники и механизмы ресурсного обеспечения мероприятий стратегии, задачи и порядок взаимодействия органов государственной власти в рамках соответствующего направления обеспечения нацбезопасности».

Содержательную часть стратегий, по нашему мнению, необходимо дополнить задачами органов государственной власти по реализации основных положений стратегий.

Таким образом, стратегии должны включать в себя следующие элементы:

меры и механизмы, направленные на достижение планируемого результата реализации государственной политики в рамках соответствующего направления обеспечения нацбезопасности;

оценку текущего состояния нацбезопасности, а также основных проблем, вызовов и угроз, тенденций и возможных сценариев развития ситуации в рамках соответствующего направления обеспечения нацбезопасности;

цели, задачи, основные направления, инструменты реализации государственной политики в рамках соответствующего направления обеспечения нацбезопасности;

механизмы оценки состояния нацбезопасности в рамках соответствующего направления ее обеспечения и контроля за эффективностью реализации стратегии (комплекс текущих и прогнозно-плановых значений индикаторов и показателей);

этапы и ожидаемые результаты реализации стратегии;

источники и механизмы ресурсного обеспечения мероприятий по ее реализации;

задачи и порядок взаимодействия органов государственной власти в целях реализации стратегии;

иные положения.

Отличительными чертами стратегий в СОНБ (в отличии от подобных концепций) будет являться наличие в них:

механизмов оценки состояния нацбезопасности в рамках соответствующего направления их обеспечения и контроля за эффективностью реализации стратегии (комплекса текущих и прогнозно-плановых значений индикаторов и показателей);

инструментов реализации государственной политики в рамках соответствующего направления обеспечения нацбезопасности;

задач и порядка взаимодействия органов государственной власти по реализации основных положений стратегии;

источников и механизмов ресурсного обеспечения мероприятий по их реализации;

этапов и ожидаемых результатов реализации стратегии.

Список литературы:

1. Назаров, В. П. Развитие теоретических и методологических основ стратегического планирования в Российской Федерации в условиях новых вызовов и угроз : диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Назаров Владимир Павлович ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. - Москва, 2021. - 463 с.

2. Соловьянов, А. А. Стратегия экологической безопасности Российской Федерации до 2025 года: цели, задачи, механизмы реализации / А. А. Соловьянов // Охрана окружающей среды и природопользование. – 2016. – № 1-2. – С. 7-21.

3. Ульянов, А. Ю. Правовое обеспечение стратегического планирования / А. Ю. Ульянов. – Москва : ООО «Издательский Центр РИОР», 2024. – 141 с. – ISBN 978-5-369-02156-9. – DOI 10.29039/02156-9.

References:

1. Nazarov, V. N. P. N. Development of theoretical and methodological foundations of strategic planning in the Russian Federation in the context of new challenges and threats : dissertation for the degree of Doctor of Political Sciences / Nazarov Vladimir Pavlovich ; Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. - Moscow, 2021. - 463 p.: ill.

2. Solovyanov, A. N. A. N. Strategy of environmental safety of the Russian Federation until 2025: goals, objectives, implementation mechanisms / A. N. A. N. Solovyanov // Environmental protection and nature management. – 2016. – № 1-2. - St. 7-21.

3. Ulyanov, A. N. Yu. N. Legal support of strategic planning / A. N. Yu. N. Ulyanova. - Moscow : RIOR Publishing Center LLC, 2024. 141 p. ill. – ISBN 978-5-369-02156-9. – DOI 10.29039/02156-9.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_485

УДК 343.9

ЕДИНАЯ ПЛАТФОРМА ВЕРИФИКАЦИИ ТЕЛЕФОННЫХ ВЫЗОВОВ «АНТИФРОД» – ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ В БОРЬБЕ С ТЕЛЕФОННЫМ И ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВОМ

THE UNIFIED «ANTIFRAUD» TELEPHONE CALL VERIFICATION PLATFORM IS AN EFFECTIVE TOOL IN THE FIGHT AGAINST TELEPHONE AND INTERNET FRAUD

КОВАЛЕВ Сергей Дмитриевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры специальной техники и информационных технологий юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России.
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е.
E-mail: sdk-exce@rambler.ru

KOVALEV Sergey Dmitrievich,
Candidate of Law, Associate Professor, ,Associate Professor of the Department of Special Equipment and Information Technologies at the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
67E Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020
E-mail: sdk-exce@rambler.ru

Краткая аннотация: *Повсеместное внедрение информационно-телекоммуникационных технологий во все сферы общественной жизни спровоцировало рост цифровой, или высокотехнологичной, преступности. Статистические данные о преступности свидетельствуют, что количество преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, ежегодно увеличивается, что обусловливает актуальность избранной темы. В статье выявлены правовые, технологические и организационные вопросы, связанные с работой системы «Антифрод», требующие тщательно продуманных решений.*

Abstract: *The widespread introduction of information and telecommunication technologies into all spheres of public life has provoked an increase in digital, or high-tech, crime. Crime statistics show that the number of crimes committed using information and telecommunication technologies is increasing annually, which determines the relevance of the chosen topic. The article identifies the legal, technological and organizational issues related to the operation of the Antifraud system, which require carefully thought-out solutions.*

Ключевые слова: *Информационно-телекоммуникационные технологии, система «Антифрод»*, интернет-мошенничество, персональные данные, законодательство, *ФСИН России, операторы связи, правовые меры, организационные меры.*

Keywords: *Information and telecommunication technologies, «Antifraud» system, Internet fraud, personal data, legislation, Federal Penitentiary Service of Russia, telecom operators, legal measures, organizational measures.*

Для цитирования: *Ковалев С.Д. Единая платформа верификации телефонных вызовов «Антифрод» – эффективный инструмент в борьбе с телефонным и интернет-мошенничеством // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 485-488. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_485.*

For citation: *Kovalev S.D. The unified verification platform of telephone calls "Antifraud" is an effective tool in the fight against telephone and Internet fraud // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 485-488. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_485.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

В современном мире, где цифровые технологии проникают во все сферы жизни, проблема мошенничества, как телефонного, так и интернет-мошенничества, становится всё более острой. Телефонное мошенничество – это мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, предполагающее целенаправленное воздействие преступника на эмоционально-волевую сторону жертвы посредством использования приемов социальной инженерии [9, с.343]. Социальная инженерия — это «система способов воздействия и контроля людей, которая побуждает их совершать определенные действия, применяемая в целях получения персональных данных личности, а также иных конфиденциальных сведений для достижения преступного результата» [11, с. 245]

В настоящее время миллионы людей сталкиваются с попытками обмана, направленными на получение незаконной выгоды. В ходе заседания Совета Федерации заместитель председателя правления Сбербанка Станислав Кузнецов оценил объем средств, похищенных у россиян в результате дистанционного мошенничества в 2025 году, в диапазоне от 275 до 295 млрд рублей (Мошенники украли у россиян 275 млрд рублей за 2025 год. URL: https://www.anti-malware.ru/news/2026-01-29-121598/48865).

Необходимо отметить, что телефонное мошенничество в России – это не частный случай, а масштабная организованная преступность с международными корнями. Подавляющее большинство мошеннических звонков, поступающих россиянам, производится с помощью оборудования и программного обеспечения, создаваемого украинской компанией Global Mind Associated и связанными с ней фирмами в Китае, Гонконге и Польше. Именно Global Mind Associated создает специальное программное обеспечение, позволяющее sim-боксам обходить средства защиты от мошеннических звонков, которые внедряют операторы связи (В России раскрыли целую сеть для кражи денег: как работает бизнес телефонных мошенников. URL: https://www.mentoday.ru/technics/news/27-01-2026/v-rossii-raskryli-celuyu-set-dlya-kraji-deneg-kak-rabotaet-biznes-telefonnyh-moshennikov/).

По информации правления «Сбербанка» на Украине в различных городах – Киеве, Одессе, Днепропетровске и других, работают более 400 мошеннических call-центров, а их основной целью является Россия (На Украине против россиян работает порядка 350–400 мошеннических call-центров. URL: https://www.iz.ru/1706552/2024-06-04/na-ukraine-protiv-rossiian-rabotaet-poriadka-350-400-moshennicheskikh-koll-tcentrov).

В условиях цифровизации финансов и распространения бесконтактных платежных технологий преступные группы постоянно совер-

шенствуют свои подходы, что диктует необходимость постоянного анализа и усиления защитных механизмов [10. с. 67]. Исходя из чего можно сделать вывод, что особую актуальность приобретают комплексные решения, способные эффективно противостоять этим угрозам.

В этой связи важно, что борьба с телефонным и интернет-мошенничеством находится в зоне пристального внимания, как Президента РФ, так и правительства РФ. Задача по созданию системы противодействия массовому мошенничеству была поставлена президентским указом от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [5]. В рамках мер по их реализации была разработана «Концепция государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий», утверждённая распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 года № 4154-р [8].

Мощным инструментальным средством в рамках мер по реализации вышеназванной концепции стала Единая платформа верификации телефонных вызовов «Антифрод», начавшая работу в декабре 2022 года. Она запущена в российских сотовых сетях Главным радиочастотным центром (далее ГРЧЦ), который подчиняется Роскомнадзору. Система должна обеспечить защиту от телефонных мошенников путем выявления подменных номеров. Ее работа заключается в анализе телефонного номера и уникального кода идентификации абонентов, звонящих и отправляющих сообщения, а также составление базы подменных номеров и их блокировки.

Правовое обеспечение системы «Антифрод» включает несколько законов и постановлений, которые регулируют её функционирование. Базовым является Федеральный закон от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи» [2]. Важные поправки в вышеназванный закон были внесены Федеральным законом от 5 декабря 2017 г. № 386-ФЗ «О внесении изменений в статью 46 Федерального закона «О связи» и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» [3]. Согласно внесенным поправкам, оператор обязан прекратить оказание услуги связи и услуг по пропуску трафика на свою сеть в случаях отсутствия информации об инициировании соединения абонентом, а также в случае, если инициированное в сети связи иностранного оператора связи соединение сопровождается российской нумерацией, кроме случаев, когда соединение инициируется российским абонентом, находящимся в роуминге. Ответственность для операторов за нарушение введена Федеральным законом от 30 декабря 2021 года № 480-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [4]. В частности, КоАП РФ был дополнен статьей 13.2.1, которой введены штрафы за нарушение запрета на подмену номера и отказ от блокировки таких номеров [1].

Следует добавить, что Постановлением правительства РФ от 3 ноября 2022 года № 1978 были утверждены требования к системе блокировки звонков и SMS с подменных номеров системой «Антифрод» и правила её функционирования [6]. Постановлением правительства РФ от 3 ноября 2022 года №1979 были утверждены правила направления и получения сведений из системы «Антифрод» [7].

На основании вышеизложенного, мы поддерживаем вывод сделанный М.В. Хадеевой и Е.В. Овчинниковым о том, что российское антифрод-законодательство развивается системно и последовательно. Законодатель в настоящее время выстраивает организационные и функциональные основы антифрод-системы, вовлекает в нее все большее количество органов публичной власти [12, с. 172].

Однако внедрение Единой платформы верификации телефонных вызовов «Антифрод» сталкивается с рядом серьезных правовых вызовов, требующих детального рассмотрения и законодательного закрепления. Основная цель платформы – противодействие мошенническим звонкам, однако ее функционирование затрагивает конституционные права граждан, прежде всего, право на неприкосновенность частной жизни и тайну связи.

Платформа осуществляет сбор, хранение и обработка данных, получаемых в ходе верификации, оперирует информацией о телефонных номерах, их владельцах, а также, об истории звонков. Необходимо определить, кто будет иметь доступ к этим данным, в каких объемах и на каких законных основаниях. Отсутствие четких правил может привести к несанкционированному доступу, утечкам информации и злоупотреблениям.

Еще одним критическим аспектом является баланс между обеспечением безопасности граждан и защитой их прав. Механизмы верификации должны быть прозрачными и не подрывать доверие к системе связи. Важно исключить возможность ложных срабатываний, которые могут привести к необоснованным ограничениям в использовании телефонной связи для честных абонентов. Наконец, законодательное регулирование должно предусматривать механизмы контроля за деятельностью самой платформы «Антифрод», включая независимый аудит ее работы и ответственность за нарушения. Только при условии комплексного правового подхода, учитывающего все вышеупомянутые аспекты, Единая платформа верификации телефонных вызовов сможет эффективно выполнять свои задачи, не нарушая при этом фундаментальные права и свободы граждан.

Не вызывает сомнений, что внедрение Единой платформы верификации телефонных вызовов «Антифрод» – задача, требующая не только технологических, но и тщательно продуманных организационных решений.

«Антифрод» состоит из центрального узла, узлов верификации и узлов взаимодействия. За центральный узел и узлы взаимодействия отвечают напрямую специалисты ГРЧЦ. Узлы верификации подключаются непосредственно к операторам связи. Каналы связи между узлами системы обеспечивает Роскомнадзор. Ведомство также будет хранить и анализировать информацию о соединениях, получая её от операторов.

Создание столь масштабной системы, охватывающей всех операторов связи и миллионы абонентов, сопряжено с комплексом непростых задач, от которых напрямую зависит эффективность платформы и ее восприятие пользователями.

На начальном этапе ключевым вызовом становится формирование единого управляющего органа, который будет отвечать за разработку, внедрение и дальнейшее функционирование платформы. Необходимо четко определить его полномочия, ответственность, источники

финансирования и структуру управления. Важно, чтобы в его составе были представлены все заинтересованные стороны: государство, правоохранительные органы, операторы связи. Отсутствие консенсуса или доминирование одной из сторон может привести к созданию непрозрачной и неэффективной системы.

Далее, возникает необходимость в создании единых стандартов и протоколов взаимодействия между всеми участниками. Операторы связи используют различные технические решения и системы, и обеспечение их совместимости с платформой «Антифрод» потребует значительных инвестиций в модернизацию инфраструктуры. Процесс унификации должен быть максимально гибким, чтобы не создавать чрезмерной нагрузки на небольших операторов, но при этом гарантировать целостность и надежность всей системы.

Не менее важным организационным аспектом является обеспечение информационной безопасности и конфиденциальности данных. Создание единой базы с информацией о вызовах и абонентах потенциально открывает возможности для злоупотреблений. Необходимо разработать строгие регламенты доступа, правила хранения и обработки данных, а также механизмы контроля и аудита. Организационная структура платформы должна предусматривать выделенные подразделения, ответственные за кибербезопасность, и четкие процедуры реагирования на инциденты.

Наконец, успешное внедрение платформы «Антифрод» невозможно без эффективной системы обучения сотрудников операторов связи и других задействованных организаций. Эти организационные меры, направленные на создание прозрачной, управляемой и безопасной системы, являются фундаментом для успешной реализации проекта «Антифрод».

К системе «Антифрод» уже подключены крупные российские операторы связи, подключение бесплатное. С марта 2024 года Роскомнадзор штрафовал мобильных операторов связи, которые не подключились к «Антифроду». Штрафы для операторов за не подключение составляли от 600 000 до 1 млн рублей.

О следующем этапе развитии системы «Антифрод», говорится в паспорте федерального проекта «Информационная безопасность», который входит в национальную программу «Экономика данных», рассчитанную до 2030 года. В перспективе развития системы запланирована поддержка мессенджеров, это ожидается к 2029 году.

Кроме того, в рамках системы планируют внедрить систему учёта и анализа телефонного мошенничества (СУАТМ). Она позволит в режиме реального времени выявлять недобросовестных операторов, обеспечивающих работу кол-центров, блокировать аккаунты мошенников в мессенджерах, выявлять и разрывать звонки с подменных номеров и виртуальных sim-карт.

Единая платформа верификации телефонных вызовов «Антифрод» приобретает особую значимость в контексте деятельности Федеральной службы исполнения наказаний (далее ФСИН) России. «Антифрод» может стать мощным инструментом в руках ФСИН для выявления и предотвращения несанкционированных коммуникаций. Анализируя метаданные звонков, их паттерны и потенциальные признаки мошенничества, система способна сигнализировать о подозрительной активности, которая может быть связана с организацией преступлений как внутри исправительных учреждений, так и за их пределами. Интеграция «Антифрод» в инфраструктуру ФСИН позволит создать дополнительный барьер против использования мобильной связи в противоправных целях.

Таким образом, единая платформа верификации телефонных вызовов «Антифрод» открывает новые перспективы для повышения эффективности работы ФСИН России по предотвращению преступлений и обеспечению правопорядка, предоставляя актуальные данные для принятия своевременных и обоснованных решений.

Единая платформа верификации телефонных вызовов «Антифрод» на сегодняшний день представляет собой зрелое и высокоэффективное решение, прочно укоренившееся в структуре телекоммуникационного рынка. Ее работа определяется не только совершенством технологий, но и беспрецедентной адаптивностью к постоянно меняющемуся ландшафту киберугроз. Постоянное обновление алгоритмов, базирующееся на анализе миллиардов реальных звонков, позволяет «Антифрод» с высокой точностью идентифицировать и нейтрализовать как традиционные, так и новые, изощренные мошеннические схемы.

Будущее системы «Антифрод» видится в дальнейшем расширении функционала и интеграции с технологиями, использующими возможности искусственного интеллекта.

Таким образом, единая платформа верификации телефонных вызовов «Антифрод» является эффективным инструментом для обеспечения безопасности в эпоху цифровых коммуникаций. Ее возможности позволяют создавать надежный барьер против мошенничества, сохраняя при этом свободу и удобство использования телефонной связи.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195 – ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
2. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. N 126-ФЗ «О связи» // СПС «Консультант Плюс».
3. Федеральным законом от 5 декабря 2017 г. № 386-ФЗ «О внесении изменений в статью 46 Федерального закона «О связи» и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» // СПС «Консультант Плюс».
4. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «Консультант Плюс».
5. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «Консультант Плюс».
6. Постановлением правительства РФ от 3 ноября 2022 г. №1978 «Об утверждении требований к системе обеспечения соблюдения операторами связи требований при оказании услуг связи и услуг по пропуску трафика в сети связи общего пользования и Правил функционирования и взаимодействия системы обеспечения соблюдения операторами связи требований при оказании услуг связи и услуг по пропуску трафика в сети связи общего пользования с информационными системами и иными системами, в том числе с системами операторов связи» // СПС «Консультант Плюс».

7. Постановлением правительства РФ от 3 ноября 2022 г. №1979 «Об утверждении Правил направления в систему обеспечения соблюдения операторами связи требований при оказании услуг связи и услуг по пропуску трафика в сети связи общего пользования и получения из указанной системы сведений» // СПС «Консультант Плюс».

8. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 года №4154-р. «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» // СПС «Консультант Плюс».

9. Демидова-Петрова Е.В., Зотина Е.В. Телефонное мошенничество: современные угрозы и вызовы. Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 4. С. 341–348.

10. Дремин А.А. Современное состояние и динамика преступности мошенничества с использованием электронных средств платежа в 2025 году // Вестник магистратуры. 2025. № 6-4. С. 65–69.

11. Социальная инженерия и информационная безопасность: монография / В.П. Сиротин, М.Ю. Архипова, С.В. Куликова [и др.] – Москва: Эдитус. 2023. 264 с.

12. Хадеева М.В., Овчинников Е.К. Правовые основы функционирования антифрод-системы на финансовом рынке // Вестник университета имени О.Е Кутафина. 2025. №8. С. 164–172.

References

1. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195 – FZ dated December 30, 2001 // SPS Consultant Plus.

2. Federal Law No. 126-FZ dated July 7, 2003 "On Communications" // SPS Consultant Plus.

3. Federal Law No. 386-FZ "On Amendments to Article 46 of the Federal Law "On Communications" and Article 1 of the Federal Law "On Amendments to the Federal Law "On Communications" // SPS Consultant Plus.

4. Federal Law No. 480-FZ of December 30, 2021 "On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation" // SPS Consultant Plus.

5. Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2024 No. 309 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036" // SPS Consultant Plus.

6. Decree of the Government of the Russian Federation dated November 3, 2022 No. 1978 "On approval of the requirements for the system for ensuring compliance by telecom operators with the requirements for the Provision of communication services and Traffic Transmission Services in a Public communication network and the Rules for the Functioning and Interaction of the system for ensuring compliance by telecom operators with the requirements for the provision of communication services and traffic transmission services in a public communication network with information systems and other Systems, including with the systems of telecom operators" // SPS "Consultant Plus".

7. Decree of the Government of the Russian Federation dated November 3, 2022, No. 1979 "On approval of the Rules for sending to the system to ensure that telecom operators comply with the requirements for the provision of communication services and traffic transmission services in the public communications network and receive information from the specified system" // SPS Consultant Plus.

8. Decree of the Government of the Russian Federation No. 4154-r dated December 30, 2024. "On the approval of the Concept of the state system for countering illegal acts committed using information and communication technologies" // SPS "Consultant Plus".

9. Demidova-Petrova E.V., Zotina E.V. Telephone fraud: modern threats and challenges. All-Russian Journal of Criminology. 2024. Vol. 18, No. 4. pp. 341-348.

10. Dremin A.A. Current state and dynamics of crime of fraud using electronic means of payment in 2025 // Bulletin of the Magistracy. 2025. No. 6-4. pp. 65-69.

11. Social engineering and information security: a monograph / V.P. Sirotin, M.Y. Arkhipova, S.V. Kulikova [et al.] – Moscow: Editus. 2023. 264 p.

12. Khadeeva M.V., Ovchinnikov E.K. The legal foundations of the functioning of the anti-fraud system in the financial market // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2025. No. 8. pp. 164-172.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_489

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ НА ПРИМЕРЕ МЕКСИКАНСКИХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ БРАЗИЛИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASES OF PUBLIC CONTROL IN LATIN AMERICA, USING THE EXAMPLE OF MEXICAN THE UNITED STATES AND THE FEDERATIVE REPUBLIC OF BRAZIL: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

ГОНЧАРОВ Виталий Викторович,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе
Кубанского филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр пищевых технологий им. В. М. Горбатова» Российской академии наук.
350000, Россия, Краснодарский край, ул. Колхозная, 3,
ORCID: 0000-0003-3029-4727,
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

МАЛИНОВСКИЙ Олег Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Кубанский государственный университет».
350040, Россия, Краснодарский край, ул. Ставропольская, 149,
e-mail: niipg2020@mail.ru

ПЕТРЕНКО Елена Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и международного права
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина».
350044, Россия, Краснодарский край, ул. Калинина, 13,
e-mail: niipg2010@mail.ru

ЧЕШИН Андрей Владимирович,
кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и управления
Орского гуманитарно-технологического института (филиала)
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»,
462419, Россия, Оренбургская область, г. Орск, Мира, 15А.
e-mail: niipg2010@mail.ru

GONCHAROV Vitaly Viktorovich,
PhD in Law, Associate Professor, Deputy Director for Scientific Work
Kuban Branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution
Federal Scientific Center of Food Technologies named after V. N. M. N. Gorbatov of the Russian Academy of Sciences.
3 Kolkhoznaya str., 350000, Russia, Krasnodar Territory,
ORCID: 0000-0003-3029-4727,
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

MALINOVSKY Oleg Nikolaevich,
PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Procedure and International Law
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University".
149 Stavropol Street, Krasnodar Territory, 350040, Russia,
e-mail: niipg2020@mail.ru

PETRENKO Elena Gennadievna,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and International Law
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "I. N.D. N. Trubilin Kuban State Agrarian University".
Kalinina str., 13, Krasnodar Territory, 350044, Russia,
e-mail: niipg2010@mail.ru

CHESHIN Andrey Vladimirovich,
PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics and Management
Orsk Institute of Humanities and Technology (branch)
Federal State Budgetary Educational Institution OF Higher Education"Orenburg State University",
462419, Russia, Orenburg region, Moscow. Orsk, Mira, 15a.
e-mail: niipg2010@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье проводится сравнительно-правовой анализ института общественного контроля в Мексиканских Соединенных Штатах и Федеративной Республике Бразилия. Рассматриваются конституционные основы, этапы становления, субъектный состав и актуальные проблемы функционирования контрольных механизмов в обеих странах. Авторы приходят к выводу, что мексиканская модель, опирающаяся на институты социальной контролерской службы и Национальную систему прозрачности, демонстрирует высокую степень формальной институционализации, но сталкивается с проблемами коррупции и слабости гражданского общества на местном уровне. Бразильская модель, базирующаяся на разветвленной сети консультативных советов и укорененная в традициях партисипативного бюджетирования, отличается высокой степенью участия гражданского общества, однако страдает от фрагментации и политической поляризации. В статье предложены пути реформирования институтов общественного контроля в обеих странах.*

Abstract. *The article provides a comparative legal analysis of the institute of public control in the United Mexican States and the Federative Republic of Brazil. The constitutional foundations, stages of formation, subject composition and actual problems of functioning of control mechanisms in both*

countries are considered. The authors conclude that the Mexican model, based on the institutions of the social control service and the national transparency system, demonstrates a high degree of formal institutionalization, but faces problems of corruption and weakness of civil society at the local level. The Brazilian model, based on an extensive network of advisory councils and rooted in the tradition of participatory budgeting, is characterized by a high degree of civil society participation, but suffers from fragmentation and political polarization. The article suggests ways to reform public control institutions in both countries.

Ключевые слова: *общественный контроль; Латинская Америка; Мексика; Бразилия; объекты; субъекты; принципы; гражданское общество; сравнительно-правовой анализ; конституционно-правовые основы.*

Keywords: *public control; Latin America; Mexico; Brazil; objects; subjects; principles; civil society; comparative legal analysis; constitutional and legal foundations.*

Для цитирования: *Гончаров В.В., Малиновский О.Н., Петренко Е.Г., Чешин А.В. Конституционно-правовые основы общественного контроля в Латинской Америке на примере Мексиканских Соединенных Штатов и Федеративной Республики Бразилия: сравнительно-правовой анализ// Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 489-494. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_489.*

For citation: *Goncharov V.V., Malinovsky O.N., Petrenko E.G., Cheshin A.V. Constitutional and legal foundations of public control in Latin America, using the example of the United Mexican States and the Federative Republic of Brazil: a comparative legal analysis // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 489-494. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_489.*

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Введение.

Актуальность темы обусловлена фундаментальной ролью институтов общественного контроля в обеспечении прозрачности государственного управления, противодействии коррупции и реализации принципа народного суверенитета. Особый научный интерес представляет сравнительный анализ Мексиканских Соединенных Штатов и Федеративной Республики Бразилия — двух крупнейших государств Латинской Америки, которые на протяжении последних десятилетий выступают в качестве «естественных лабораторий» демократических инноваций и институтов гражданского участия [1]. Обе страны прошли сложный путь демократического транзита (Мексика — после 70-летнего доминирования Институционно-революционной партии, Бразилия — после военной диктатуры 1964-1985 годов) и создали уникальные, но существенно различающиеся модели общественного контроля. Актуальность усиливается тем, что в 2024-2025 годах в обеих странах произошли значимые политические события (избрание Клаудии Шейнбаум первой женщиной - Президентом Мексики, продолжение реформ администрации Лулы да Силвы в Бразилии), которые могут повлиять на дальнейшее развитие контрольных механизмов.

Научная литература, посвященная проблематике общественного контроля в обеих странах, может быть разделена на несколько концептуальных групп.

Первая группа исследователей (Е. Исунза Вера, А. Гурза Лаваль, Дж. Байокки, Л. Авритцер) представлена наиболее фундаментальными работами по сравнительному анализу режимов социального контроля в двух странах. В частности, Е. Исунза Вера и А. Гурза Лаваль в своей монографии «Демократизация государства: режимы социальной подотчетности и социального контроля в Мексике и Бразилии» вводят новаторское понятие «режимов социального контроля» как конфигураций отношений между акторами, организационными структурами, нормами и ресурсами, направленных на осуществление социального контроля над государственными функциями. Авторы показывают, что в Бразилии доминируют консультативные советы по публичным политикам (policy management councils), тогда как в Мексике преобладают комитеты социальной контролерской службы (committees of the contraloría social). [1] В свою очередь, Л. Авритцер анализирует бразильскую модель партисипативного бюджетирования, показывая, как она трансформировала отношения между государством и гражданским обществом. [2] Дж. Байокки исследует эволюцию консультативных советов в Бразилии, отмечая их высокую степень институционализации. [3, с. 312-329]

Вторая группа авторов (С. А. Авакьян, В. Н. Сергеев, Е. А. Дмитриева) представляет российскую компаративистику, исследующую модели общественного контроля в странах Латинской Америки. Так, С. А. Авакьян анализирует конституционные основы общественного контроля в Бразилии, показывая, что Конституция 1988 года закрепила широкий спектр механизмов участия. [4, с. 23-41] В свою очередь, В. Н. Сергеев проводит сравнительный анализ мексиканской и бразильской моделей, выделяя их общие черты и различия. [5, с. 78-96] Е. А. Дмитриева в своей работе, посвященной институтам прозрачности в странах БРИКС, анализирует бразильский Закон о доступе граждан к информации (Lei de Acesso à Informação, 2011). [6, с. 45-63]

Третья группа ученых (в частности, С. Лопес-Альон, М. Мерино, Г. М. Сейудо) исследует мексиканскую модель прозрачности и контроля. Так, С. Лопес-Альон анализирует эволюцию Национальной системы прозрачности, созданной в результате конституционной реформы 2014 года. [7, с. 123-156] В свою очередь, М. Мерино исследует институт Федерального института доступа к информации (IFAI), показывая его роль в развитии культуры прозрачности в Мексике. [8, с. 89-114] Н. М. Сейудо исследует проблемы реализации контролерской службы на муниципальном уровне, отмечая значительный разрыв между столичным и провинциальным уровнями. [9, с. 345-372]

Четвертая группа авторов (например, Р. Р. С. Пирес, Л. Татагиба, Л. Х. Х. Люхманн) изучает бразильские консультативные советы как институты социального контроля. Так, Р. Р. С. Пирес анализирует роль национальных консультативных советов в формировании публичных политик, показывая их высокий потенциал, но также и проблемы политизации. [10, с. 345-372] Л. Татагиба исследует кризис институтов участия в Бразилии в период правления Болсонару, показывая, как политическая поляризация привела к ослаблению контрольных механизмов. [11, с. 45-78] В свою очередь, Л. Х. Х. Люхманн анализирует гендерное и расовое представительство в консультативных советах, отмечая прогресс, но и сохраняющиеся проблемы. [12, с. 89-124]

Пятая группа ученых (в частности, Дж. Фокс, Дж. М. Акерман, Э. Перуццотти) представляет работы, посвященные теоретическому осмыслению феномена «социальной подотчетности» в латиноамериканском контексте. Так, Дж. Фокс вводит важное различие между «вертикальной» и «горизонтальной» подотчетностью, [13, с. 104-121] показывая, как гражданское общество может выступать в роли контролера. Дж. М.

Акерман анализирует мексиканский опыт использования механизмов «народной инициативы» и «отзыва мандата». [14, с. 67-98] Э. Перуццотти обобщает латиноамериканский опыт, выделяя ключевые факторы эффективности общественного контроля. [15, с. 89-115]

Таким образом, анализ научной литературы по теме исследования позволяет констатировать: а) наличие фундаментальных различий между мексиканской и бразильской моделями общественного контроля; б) высокую степень разработанности темы в зарубежной литературе при недостаточном освещении в российской; в) необходимость учета последних политических событий (2024-2025 годов) при сравнительном анализе. Наша статья призвана систематизировать эти различия и предложить пути совершенствования.

Цель исследования — выявление общих и отличительных черт конституционно-правового регулирования общественного контроля в Мексиканских Соединенных Штатах и Федеративной Республике Бразилия, а также разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию данного института в каждой из стран. Задачи исследования: а) провести анализ конституционно-правовых основ общественного контроля в Мексике и Бразилии; б) изучить генезис и этапы развития института общественного контроля в данных странах; в) исследовать состав его субъектов и объектов в Мексике и Бразилии; г) выявить основные проблемы, препятствующие функционированию и развитию института общественного контроля в данных странах; д) разработать и обосновать пути разрешения вышеназванных проблем.

Методологическую основу исследования составляет диалектический метод научного познания, предполагающий рассмотрение правовых явлений в их развитии, взаимосвязи и противоречивости. В работе использованы следующие частно-научные методы: формально-юридический (при анализе текстов конституций и законов Мексики и Бразилии); сравнительно-правовой (при сопоставлении мексиканской и бразильской моделей между собой); историко-правовой (при изучении генезиса института, выделении этапов его эволюции); системно-структурный (при анализе субъектного состава и иерархии контрольных органов); институциональный (при изучении роли общественного контроля в политической системе); метод правового моделирования (при разработке предложений по совершенствованию законодательства); а также статистический метод (при анализе количественных показателей участия населения в контрольных мероприятиях).

Научная гипотеза исследования заключается в предположении о том, что в Мексике и Бразилии сформировались две различные модели общественного контроля, отражающие разные стратегии демократизации государства. Мексиканская модель является «контрольной сверху» — она была инициирована государством как инструмент борьбы с коррупцией и опирается на формализованные процедуры социальной контролерской службы. Бразильская модель является «контрольной снизу» — она выросла из общественных движений и социальных низов и опирается на разветвленную сеть консультативных советов с реальными полномочиями. При этом обе модели демонстрируют высокую эффективность в формальном институциональном плане, но сталкиваются с проблемами реализации на местном уровне, политической поляризацией и недостаточной инклюзивностью.

Основной текст.

Конституционно-правовое закрепление общественного контроля в Мексиканских Соединенных Штатах и Федеративной Республике Бразилия отражает разные исторические траектории и подходы к демократизации государства.

Конституция Мексики была принята в 1917 году и является одной из старейших действующих конституций в мире. Однако ключевые механизмы общественного контроля были закреплены лишь в ходе демократических реформ конца XX - начала XXI века. Важнейшим событием стала конституционная реформа 2014 года в сфере прозрачности, которая создала Национальную систему прозрачности (Sistema Nacional de Transparencia) и Национальный институт прозрачности, доступа к информации и защиты персональных данных (INAI). Статья 6 Конституции была существенно расширена и теперь закрепляет право каждого человека на доступ к информации без необходимости обоснования своего запроса. Ключевым институтом общественного контроля в Мексике является Contraloría Social (Социальная контролерская служба), созданная в рамках Федерального закона о прозрачности и доступе к публичной информации. Этот институт позволяет гражданам и их организациям осуществлять мониторинг государственных программ, использования бюджетных средств и качества публичных услуг. Как отмечает ряд исследователей, мексиканская модель является «государственно-центричной» — инициатива по созданию контрольных механизмов исходит от государства, а не от гражданского общества. [1] Важным элементом является также Национальная система борьбы с коррупцией (Sistema Nacional Anticorrupción), созданная в 2015 году, которая включает специализированную прокуратуру, судебную палату и Комитет гражданского участия. Этот комитет состоит из пяти граждан, отобранных через публичный конкурс, и обладает полномочиями по координации антикоррупционной политики.

Конституция Бразилии 1988 года, известная как «Конституция-гражданка», является одной из наиболее прогрессивных в мире с точки зрения закрепления механизмов участия и общественного контроля. Статья 1 Конституции провозглашает, что «вся власть исходит от народа, который осуществляет ее через избранных представителей или непосредственно». Статья 14 закрепляет механизмы прямой демократии (плебисцит, референдум, народная инициатива). Ключевым отличием бразильской модели является конституционное закрепление консультативных советов по публичной политике (conselhos gestores de políticas públicas). Статья 204 Конституции предусматривает участие общества в управлении системой социальной защиты через советы на всех уровнях федерации. Как отмечают исследователи, к настоящему времени в Бразилии действуют тысячи таких советов — от национальных (по здравоохранению, образованию, социальной помощи) до муниципальных. [3, с. 312-329; 4, с. 23-41] Важнейшим институтом является также Закон о доступе к информации (Lei de Acesso à Informação, Закон № 12.527 от 2011 года), который создал механизмы запроса информации и обязательные сроки ответа. Закон обязывает все государственные органы публиковать информацию в открытом доступе и создал систему обжалования отказов. Уникальной чертой бразильской модели является партисипативное бюджетирование, зародившееся в Порту-Алегри в 1989 году и распространенное на сотни муниципалитетов. Этот механизм позволяет гражданам непосредственно участвовать в распределении бюджетных средств, что является формой прямого общественного контроля.

Сравнительный анализ конституционных основ двух стран показывает, что мексиканская модель ориентирована на контроль «сверху вниз» (государство создает механизмы для контроля граждан), тогда как бразильская модель ориентирована на контроль «снизу вверх» (гражданское общество встроено в процесс принятия решений).

Мексиканская модель общественного контроля (или модель «прозрачности органов публичной власти и участия гражданского общества в контроле за ними» в общепринятой в данной стране терминологии) прошла в своем развитии три основных этапа. Первый этап (2000-2014 гг.) — период после демократического транзита (победа Висенте Фокса на президентских выборах 2000 года). В 2002 году был принят Закон о прозрачности и доступе к публичной информации, создавший Федеральный институт доступа к информации (IFAI). Это был первый закон такого рода в Латинской Америке. Второй этап (2014-2018 гг.) — период конституционной реформы 2014 года, создавшей Национальную систему прозрачности и Национальную систему борьбы с коррупцией. IFAI был преобразован в INAI с расширенными полномочиями. Третий этап (2018 г. - настоящее время) — период правления президента Андреса Мануэля Лопеса Обрадора (2018-2024) и избрания Клаудии Шейнбаум (2024-2030). Этот период характеризуется попытками реформирования контрольных институтов, включая спорную реформу INAI, вызвавшую критику со стороны гражданского общества.

Бразильская модель демонстрирует иную, более «низовую» эволюцию. Первый этап (1985-1988 гг.) — период после окончания военной диктатуры, когда общественные движения активно участвовали в разработке новой Конституции. Именно в этот период были заложены основы консультативных советов. Второй этап (1988-2003 гг.) — период имплементации конституционных норм, создание сети консультативных советов на всех уровнях. Партисипативное бюджетирование в Порту-Алегри становится международной моделью.

Третий этап (2003-2016 гг.) — период правления Партии трудящихся (Лула да Силва, Дилма Руссефф), когда институты участия и контроля получили беспрецедентную государственную поддержку. Были созданы национальные консультативные советы по всем ключевым направлениям публичной политики. Четвертый этап (2016-2022 гг.) — период политического кризиса, импичмента Дилмы Руссефф и правления Жаира Болсонару, когда институты общественного контроля подверглись атакам и ослаблению. Многие консультативные советы были расформированы или потеряли финансирование. Пятый этап (2023 г. - настоящее время) — период возвращения Лулы да Силвы к власти, характеризующийся восстановлением и укреплением институтов общественного контроля, а также поиском новых форм участия в цифровую эпоху.

Субъектный состав общественного контроля в Мексике и Бразилии имеет фундаментальные различия. К субъектам общественного контроля в Мексике относятся, в частности: а) Национальный институт прозрачности, доступа к информации и защиты персональных данных (INAI) — независимый конституционный орган; б) Комитет гражданского участия Национальной системы борьбы с коррупцией — орган из пяти граждан; в) комитеты социальной контролерской службы, которые создаются для мониторинга конкретных государственных программ; г) неправительственные организации (например, Fundar, Centro de Investigación y Docencia Económicas - CIDE); д) граждане — через механизмы запросов информации (более 300 000 запросов ежегодно). Субъектный состав в Бразилии значительно разнообразнее и включает, например: а) консультативные советы по публичной политике — от национального до муниципального уровня; б) партисипативное бюджетирование — механизмы участия граждан в распределении бюджетных средств; в) Управление Генерального контролера (Controladoria-Geral da União - CGU) — федеральный орган, координирующий контроль; г) неправительственные организации (например, Transparência Brasil, Instituto de Estudos Socioeconômicos - INESC); д) граждан — через механизмы запросов информации (Закон № 12.527/2011); е) национальные конференции по публичной политике — периодические собрания граждан для обсуждения приоритетов.

Объектами общественного контроля в обеих странах являются, в частности: а) органы исполнительной власти (президент, министерства, штаты/департаменты, муниципалитеты); б) органы законодательной власти; в) судебная система; г) государственные предприятия; д) государственные закупки и бюджетные расходы; е) качество публичных услуг (образование, здравоохранение, инфраструктура). В Бразилии объектами контроля являются также деятельность консультативных советов (контроль за контролерами) и процессы партисипативного бюджетирования.

Какие же имеются проблемы функционирования и развития института общественного контроля?

К подобным проблемам в Мексике можно отнести, например:

1) Разрыв между формальной институционализацией и реальной эффективностью. Несмотря на развитую правовую базу, на местном уровне контрольные механизмы работают слабо. Исследования показывают, что большинство комитетов социальной контролерской службы неактивны или созданы лишь формально.

2) Коррупцию и насилие в отношении контролеров. Мексика остается одной из наиболее опасных стран для правозащитников и активистов. Члены комитетов социального контроля, расследующие коррупцию или связи государственных служащих с организованной преступностью, подвергаются угрозам и нападениям.

3) Политическое давление на контрольные органы. В 2024-2025 годах президент Лопес Обрадор и его преемница Клаудия Шейнбаум предприняли попытки реформирования INAI, что было воспринято гражданским обществом как атака на независимость контрольных институтов.

4) Слабость гражданского общества на местном уровне. В отличие от столичного региона, в провинции уровень организации гражданского общества низок, что препятствует эффективному общественному контролю.

5) Низкую информированность населения. Несмотря на высокое количество запросов информации (более 300 000 в год), большинство мексиканцев не знают о существовании контрольных механизмов или не понимают, как ими пользоваться.

К подобным проблемам в Мексике можно отнести, в частности:

1) Политическую поляризацию и ослабление институтов гражданского общества. Период правления Болсонару (2019-2022) привел к демонтажу многих институтов участия: были расформированы ключевые консультативные советы, сокращено финансирование контрольных органов. Хотя при Луле да Силве эти институты восстанавливаются, процесс идет медленно.

2) Фрагментацию и дублирование функций субъектов общественного контроля. В Бразилии действует множество консультативных советов (более 30 только на федеральном уровне), что приводит к дублированию функций, конкуренции за ресурсы и снижению эффективности.

3) Неравенство представительства в советах. Несмотря на формальные квоты для представителей гражданского общества, в советах доминируют профессиональные активисты и представители организованных интересов, что ограничивает инклюзивность.

4) Бюрократизацию и профессионализацию данных структур гражданского общества. Со временем консультативные советы стали бюрократизированными структурами, оторванными от низовых движений. Это привело к кризису легитимности и снижению участия.

5) Отсутствие механизмов принуждения к исполнению решений советов. Рекомендации консультативных советов часто носят консультативный характер, и государственные органы не обязаны их исполнять. Это снижает эффективность контроля.

6) Цифровое неравенство. Переход к цифровым платформам участия в период пандемии COVID-19 исключил из процесса контроля значительную часть населения, не имеющую доступа к интернету.

Каковы же пути разрешения выявленных проблем?

Представляется, что для разрешения проблем развития системы общественного контроля в Мексике следует предпринять ряд шагов.

Во-первых, необходимо усиление защиты членов комитетов социального контроля, включая создание специальной программы защиты (по образцу существующей для журналистов) и механизмов экстренного реагирования.

Во-вторых, требуется укрепление независимости INAI и других контрольных органов от исполнительной власти, включая конституционные гарантии от политического вмешательства.

В-третьих, необходимо развитие потенциала гражданского общества на местном уровне через обучение и финансирование. Опыт Фонда «Национальный фонд поддержки НПО» может быть масштабирован.

В-четвертых, требуется упрощение процедур создания комитетов социального контроля и снижение бюрократических барьеров. Цифровые платформы для регистрации и отчетности могут повысить эффективность.

В-пятых, необходимо развитие правового просвещения населения через систему образования и публичные кампании, включая использование социальных медиа для охвата молодежи.

Полагаем, что для разрешения проблем развития системы общественного контроля в Бразилии следует предпринять следующие шаги.

Во-первых, необходимо укрепление институтов общественного контроля на конституционном уровне, включая гарантии от их демонтажа при смене правительства. Опыт Мексики (конституционный статус INAI) также может быть использован.

Во-вторых, требуется консолидация и оптимизация сети консультативных советов, включая устранение дублирования функций и создание единой координационной структуры (Национального совета социального контроля).

В-третьих, необходимо расширение полномочий советов, включая наделение их правом принимать обязательные к исполнению решения и проводить независимые аудиты. Бразильский опыт консультативных советов в сфере здравоохранения также может служить моделью.

В-четвертых, требуется усиление инклюзивности и представительства в советах, включая квоты для уязвимых групп (коренные народы, афробразильцы, женщины, молодежь) и механизмы ротации.

В-пятых, необходимо развитие гибридных (онлайн/офлайн) форматов участия, обеспечивающих доступ для всех слоев населения, включая тех, кто не имеет доступа к интернету.

В-шестых, требуется усиление судебной защиты прав контролеров и создание специализированных палат в судебной системе для рассмотрения жалоб на отказ в доступе к информации или игнорирование рекомендаций советов.

Заключение.

Проведенный сравнительно-правовой анализ конституционно-правовых основ общественного контроля в Мексиканских Соединенных Штатах и Федеративной Республике Бразилия позволяет сформулировать следующие выводы.

Конституционно-правовые основы общественного контроля в двух странах отражают разные стратегии демократизации государства. Мексиканская модель является «государственно-центричной»: она была инициирована государством как инструмент борьбы с коррупцией и опирается на формализованные процедуры Социальной контролерской службы и Национальную систему прозрачности. Бразильская модель является «общественно-центричной»: она выросла из общественных движений и опирается на разветвленную сеть консультативных советов по публичной политике и партисипативное бюджетирование.

Генезис института в двух странах демонстрирует разные траектории: в Мексике — постепенное развитие законодательства о прозрачности (2002-2014) с последующими попытками реформирования при Лопесе Обрадоре и Шейнбаум; в Бразилии — создание разветвленной сети советов в 1990-2000-е годы, их ослабление в период Болсонару (2019-2022) и восстановление после возвращения Лулы да Силвы (2023-настоящее время).

Субъектный состав общественного контроля в Мексике включает независимые конституционные органы (INAI, Комитет гражданского участия) и комитеты социальной контролерской службы; в Бразилии — консультативные советы на всех уровнях, партисипативное бюджетирова-

ние и Управление Генерального контролера.

Основными проблемами в Мексике являются разрыв между формальной институционализацией и реальной эффективностью, коррупция и насилие в отношении контролеров, политическое давление на контрольные органы, слабость гражданского общества на местном уровне и низкая информированность населения. В Бразилии — политическая поляризация и ослабление институтов в период Болсонару, фрагментация и дублирование функций, неравенство представительства в советах, бюрократизация, отсутствие механизмов принуждения и цифровое неравенство.

Предложенные пути разрешения проблем включают для Мексики усиление защиты контролеров, укрепление независимости INAI, развитие местного гражданского общества, упрощение процедур и правовое просвещение; для Бразилии — конституционные гарантии от демонтажа институтов, консолидацию сети советов, расширение их полномочий, усиление инклюзивности, развитие гибридных форматов участия и усиление судебной защиты.

Таким образом, выдвинутая в начале исследования научная гипотеза подтвердилась: в Мексике и Бразилии сформировались две различные модели общественного контроля, отражающие разные стратегии демократизации государства. Опыт обеих стран показывает, что эффективность общественного контроля зависит не только от формального конституционного закрепления, но и от устойчивости политических институтов, независимости судебной системы, уровня организации гражданского общества и защиты прав контролеров. При этом бразильская модель демонстрирует более высокую степень укорененности в гражданском обществе, тогда как мексиканская — более высокую степень формальной институционализации. Обе модели могут быть взаимно полезны для реформирования: Бразилия может заимствовать мексиканский опыт конституционной защиты контрольных органов, а Мексика — бразильский опыт консультативных советов и партисипативного бюджетирования.

Список литературы

1. Isunza Vera E., Gurza Lavalle A. Democratizing the State: Social Accountability and Social Control Regimes in Mexico and Brazil. Berlin, Boston: De Gruyter, 2025. 168 p.
2. Avritzer L. Participatory Budgeting in Brazil: Contestation, Cooperation, and Accountability. University Park: Penn State University Press, 2020. 216 p.
3. Baiocchi G. The Politics of Participation: From Porto Alegre to the World // Social Movement Studies. 2021. Vol. 20. № 3. P. 312-329.
4. Авакьян С. А. Конституционные основы общественного контроля в Бразилии // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2021. № 5. С. 23-41.
5. Сергеев В. Н. Модели общественного контроля в странах Латинской Америки: сравнительный анализ Мексики и Бразилии // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 4. С. 78-96.
6. Дмитриева Е. А. Институты прозрачности в странах БРИКС: опыт Бразилии и России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. № 2. С. 45-63.
7. López-Ayllón S. La evolución del Sistema Nacional de Transparencia en México (2014-2022) // Cuestiones Constitucionales. 2022. № 47. P. 123-156.
8. Merino M. El IFAI y la construcción de la cultura de la transparencia en México // Revista de Administración Pública. 2023. № 112. P. 89-114.
9. Cejudo G. M. Los comités de contraloría social en México: entre la formalidad y la efectividad // Gestión y Política Pública. 2024. Vol. 33. № 1. P. 45-78.
10. Pires R. R. C. Conselhos nacionais de políticas públicas: efetividade e controle social // Sociedade e Estado. 2021. Vol. 36. № 2. P. 345-372.
11. Tatagiba L. Conselhos gestores e crise da participação no Brasil (2016-2022) // Revista Brasileira de Ciência Política. 2022. № 38. P. 45-78.
12. Lüchmann L. H. H. Representação política nos conselhos gestores: gênero, raça e classe // Lua Nova. 2023. № 118. P. 89-124.
13. Fox J. Social Accountability: What Does It Mean for the Global South? // World Development. 2020. Vol. 127. P. 104-121.
14. Ackerman J. M. Revocación de mandato y democracia directa en México // Revista de Derecho Electoral. 2021. № 32. P. 67-98.
15. Peruzzotti E., Smulovitz C. Social Accountability: Citizen Oversight and the Enforcement of Public Ethics // Latin American Politics and Society. 2022. Vol. 64. № 4. P. 89-115.

References

1. Isunza Vera E., Gurza Lavalle A. Democratizing the State: Social Accountability and Social Control Regimes in Mexico and Brazil. Berlin, Boston: De Gruyter, 2025. 168 p.
2. Avritzer L. Participatory Budgeting in Brazil: Contestation, Cooperation, and Accountability. University Park: Penn State University Press, 2020. 216 p.
3. Baiocchi G. The Politics of Participation: From Porto Alegre to the World // Social Movement Studies. 2021. Vol. 20. № 3. P. 312-329.
4. S. Avakyana, A. N. Constitutional foundations of public control in Brazil // Bulletin of the Moscow University. Episode 11: The Law. 2021. No. 5. St. 23-41.
5. V. Sergeeva, N. Models of public control in Latin American countries: a comparative analysis of Mexico and Brazil // Comparative Constitutional Review. 2023. No. 4. St. 78-96.
6. E. Dmitrieva, A. N. Transparency institutions in the BRICS countries: the experience of Brazil and Russia // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2024. No. 2. St. 45-63.
7. López-Ayllón S. La evolución del Sistema Nacional de Transparencia en México (2014-2022) // Cuestiones Constitucionales. 2022. № 47. P. 123-156.
8. Merino M. El IFAI y la construcción de la cultura de la transparencia en México // Revista de Administración Pública. 2023. № 112. P. 89-114.
9. Cejudo G. M. Los comités de contraloría social en México: entre la formalidad y la efectividad // Gestión y Política Pública. 2024. Vol. 33. № 1. P. 45-78.
10. Pires R. R. C. Conselhos nacionais de políticas públicas: efetividade e controle social // Sociedade e Estado. 2021. Vol. 36. № 2. P. 345-372.
11. Tatagiba L. Conselhos gestores e crise da participação no Brasil (2016-2022) // Revista Brasileira de Ciência Política. 2022. № 38. P. 45-78.
12. Lüchmann L. H. H. Representação política nos conselhos gestores: gênero, raça e classe // Lua Nova. 2023. № 118. P. 89-124.
13. Fox J. Social Accountability: What Does It Mean for the Global South? // World Development. 2020. Vol. 127. P. 104-121.
14. Ackerman J. M. Revocación de mandato y democracia directa en México // Revista de Derecho Electoral. 2021. № 32. P. 67-98.
15. Peruzzotti E., Smulovitz C. Social Accountability: Citizen Oversight and the Enforcement of Public Ethics // Latin American Politics and Society. 2022. Vol. 64. № 4. P. 89-115.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_4_495

УДК: 341

БАЛАНС ЭКОЛОГИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДОВ: ОТ ЗАПРЕТА К ОГРАНИЧЕНИЮ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
BALANCING ENVIRONMENTAL AND ECONOMIC INTERESTS IN INTERNATIONAL COURT PRACTICE: FROM PROHIBITION TO RESTRICTION OF ECONOMIC ACTIVITIES

АЛИЕВ Натиг Маариф оглы
аспирант, Самарский государственный экономический университет.
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.
E-mail: natig.aliev2012@yandex.ru

ALIEV Natig Maarif oglu
graduate student, Samara state University of Economics.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: natig.aliev2012@yandex.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена анализу эволюции подходов международного права к поиску баланса между экологическими императивами и экономическими интересами государств. Центральное место в исследовании занимает практика международных судов, демонстрирующая переход от антропоцентрической парадигмы к интегративному подходу, ярко выраженному в историческом консультативном заключении Международного Суда ООН от июля 2025 года. Автор исследует ключевые проблемы современного международного экологического права, такие как его фрагментация, отсутствие универсального кодифицированного акта, необязательный характер консультативных заключений и недоверие государств к существующим судебным механизмам.*

Abstract. *The article analyzes the evolution of international law's approaches to finding a balance between environmental imperatives and the economic interests of states. The study focuses on the practice of international courts, which demonstrates a shift from an anthropocentric paradigm to an integrative approach, as exemplified by the historic advisory opinion of the International Court of Justice in July 2025. The author explores the key challenges of contemporary international environmental law, such as its fragmentation, the lack of a universal codified act, the non-binding nature of advisory opinions, and the mistrust of states towards existing judicial mechanisms.*

Ключевые слова: *международное экологическое право, баланс экологических и экономических интересов, международный суд, консультативное заключение, изменение климата.*

Key words: *international environmental law, balance of environmental and economic interests, international court, advisory opinion, climate change.*

Для цитирования: *Алиев Н.М. оглы. Баланс экологических и экономических интересов в практике международных судов: от запрета к ограничению хозяйственной деятельности // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 495-498. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_495.*

For citation: *Aliev N.M. oglu. The balance of environmental and economic interests in the practice of international courts: from prohibition to restriction of economic activity // Agrarian and land law. 2026. No. 4. pp. 495-498. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_4_495.*

Статья поступила в редакцию: 26.02.2026

Современное международное право находится в процессе постоянного поиска равновесия между экологическими императивами и экономическими интересами государств. Эволюция от полного запрета экологически опасных видов деятельности к их рациональному ограничению отражает сложный компромисс между необходимостью экономического развития и обязанностью сохранять окружающую среду для нынешних и будущих поколений. Особую актуальность эта проблема приобрела в контексте глобального изменения климата, что нашло отражение в недавнем историческом консультативном заключении Международного Суда ООН от июля 2025 года, подтвердившем обязанность государств защищать климатическую систему. В данной статье анализируется практика международных судов в данной сфере, исследуется нормативно-правовая база, выявляются проблемы и предлагаются пути совершенствования правового регулирования.

В доктрине международного экологического права сформировались различные подходы к решению проблемы соотношения экологических и экономических интересов.

Российский исследователь А.М. Солнцев обоснованно утверждает, что экологическое право представляет собой специфическую отрасль права, требующую от судей специальных знаний в области национального, экологического и международного права. Он выступает за создание специализированного международного экологического суда, который рассматривал бы споры не только на уровне государств, но и затрагивал интересы неправительственных организаций и физических лиц. Такой подход предполагает, что баланс интересов должен достигаться с учетом всех заинтересованных сторон, включая гражданское общество.

Н.Ш. Гаджиалиева, И.М. Аллахвердиев и Р.С. Баталов обращают внимание на проблему фрагментации международного экологического права, обусловленную отсутствием кодифицированного международного правового акта в сфере экологических отношений [2]. Эта фрагментация приводит к противоречиям в судебной практике, когда разные международные суды по-разному интерпретируют соотношение экологических и экономических интересов. Ученые также отмечают отсутствие общей международной организации, координирующей решение экологических вопросов, что усугубляет проблему несогласованности.

А.А. Бросалина анализирует роль международных судов в развитии международного права, отмечая, что хотя они формально не обладают правотворческими функциями, их решения фактически влияют на формирование обычных норм международного права и создают основу для последующей кодификации. Особое значение имеет ее вывод о том, что «участие международных судов в развитии международного права ни в коем случае нельзя приравнивать к правотворчеству законодателей» [3], поскольку решения Суда обязательны только для сторон в споре и только по данному делу в соответствии со статьей 59 Статута Международного Суда. Однако на практике международные суды часто ссылаются на предыдущие решения, создавая тем самым устойчивую линию прецедентов.

В контексте баланса интересов представляет ценность А.В. Касаткина, который изучал нормативно-правовые основы политики ЕС в области экологии [4]. Он отмечает, что европейское законодательство сочетает жесткие экологические стандарты с механизмами поддержки экономики в период перехода к «зеленым» технологиям, что представляет собой успешный опыт сбалансированного подхода.

Учредительные документы международных организаций Устав ООН [1], хотя и не содержит прямых упоминаний об охране окружающей среды, создает институциональную основу для разработки экологических стандартов. Статья 33 Устава призывает к мирному разрешению споров, включая арбитраж и судебное разбирательство, что создает правовую основу для обращения в международные суды по экологическим спорам. Генеральная Ассамблея ООН, согласно статье 13 Устава, поощряет прогрессивное развитие международного права и его кодификацию, что непосредственно относится к сфере экологического права.

Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН) и Парижское соглашение представляют собой фундаментальные элементы современного международно-правового режима реагирования на глобальное изменение климата. РКИК ООН, принятая в 1992 году, заложила институциональную основу для международного сотрудничества, установив общий принцип «общей, но дифференцированной ответственности». Это означало признание того, что развитые страны, исторически ответственные за большую часть антропогенных выбросов, должны взять на себя лидирующую роль в борьбе с изменением климата.

Парижское соглашение 2015 года стало логическим развитием и конкретизацией рамочных положений Конвенции. В отличие от Киотского протокола, устанавливавшего юридически обязательные квоты лишь для развитых стран, Парижское соглашение ввело универсальный механизм для всех государств-участников, основанный на так называемых «национально определяемых вкладах» (NDCs). Каждое государство самостоятельно разрабатывает, публикует и обновляет свои планы по сокращению выбросов парниковых газов, при этом соглашение устанавливает амбициозную глобальную цель — удержать рост средней температуры на планете в пределах 1,5 градуса Цельсия по сравнению с доиндустриальным уровнем, и, во всяком случае, значительно ниже 2 градусов. Важно подчеркнуть, что Парижское соглашение не просто фиксирует цели, но и создает механизм их достижения: оно обязывает стороны разрабатывать долгосрочные стратегии низкоуглеродного развития, внедрять системы национальной инвентаризации выбросов и регулярно отчитываться о прогрессе. Эти отчеты проходят через процедуру технического экспертного анализа и многостороннего рассмотрения, что обеспечивает прозрачность и позволяет отслеживать выполнение обязательств.

Кроме того, критически важным компонентом является адаптация к неизбежным последствиям изменения климата. Соглашение признает, что даже при успешном сокращении выбросов, многие страны уже столкнутся с повышением уровня моря, засухами и экстремальными погодными явлениями. В связи с этим закреплены обязательства по сотрудничеству в области передачи экологически чистых технологий развивающимся странам и, что особенно важно, по мобилизации финансовых ресурсов. Развитые страны подтвердили цель ежегодно привлекать 100 миллиардов долларов для поддержки климатических действий в развивающихся странах, сочетая государственное и частное финансирование. Таким образом, РКИК ООН и Парижское соглашение формируют гибкий, но институционально подкрепленный механизм, сочетающий национальный суверенитет в выборе путей декарбонизации с жесткой отчетностью и коллективным контролем за достижением глобальной климатической цели.

Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий, принятая под эгидой Европейской экономической комиссии ООН в 1992 году, имеет важное значение для разрешения споров о трансграничном загрязнении, возникающих в результате техногенных катастроф. Этот документ устанавливает превентивный подход, обязывая государства-участники идентифицировать опасные виды деятельности, проводить оценку рисков и разрабатывать меры по предотвращению аварий. В случае возникновения аварии Конвенция предписывает незамедлительно уведомлять потенциально пострадавшие государства и оказывать взаимную помощь в ликвидации последствий, включая совместные действия по минимизации ущерба здоровью населения и окружающей среде.

Однако, как справедливо отмечается в специализированной литературе и экспертных комментариях, эффективность этого инструмента напрямую зависит от универсальности его применения. Проблема фрагментации правового регулирования проявляется здесь наиболее остро: далеко не все государства являются участниками данной Конвенции, что создает серьезные правовые пробелы и лакуны в системе международной экологической безопасности. Например, в случае трансграничного загрязнения на российско-китайской границе в результате аварии на промышленном объекте, Россия не может требовать возмещения ущерба или применения согласованных процедур на основе этой Конвенции, поскольку Китайская Народная Республика не является ее участницей. Данная ситуация наглядно иллюстрирует проблему: экологические угрозы не признают государственных границ, а правовые механизмы реагирования на них часто остаются фрагментированными и ограниченными кругом участников. В отсутствие универсального договора пострадавшее государство вынуждено полагаться либо на общие принципы международного права (например, принцип добрососедства и обязанность не наносить трансграничный ущерб), что затрудняет доказывание и взыскание компенсации, либо на двусторонние соглашения, которые могут не содержать детальных процедур реагирования на промышленные аварии. Таким образом, Конвенция, будучи передовым инструментом, остается региональной по своему охвату, что снижает ее глобальную эффективность.

Конвенция по морскому праву (ЮНКЛОС) 1982 года, часто называемая «конституцией для океанов», устанавливает всеобъемлющий правовой режим охраны морской среды, охватывающий все географические зоны Мирового океана — от внутренних вод до открытого моря и глубоководного морского дна (Района). Часть XII Конвенции специально посвящена защите и сохранению морской среды. Она возлагает на государства фундаментальную обязанность принимать все необходимые меры для предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения морской среды из любых источников. Это включает загрязнение с судов (регулируемое также через Международную морскую организацию), захоронение отходов, загрязнение из наземных источников (которое, по оценкам, составляет до 80% всего загрязнения океана) и деятельность на морском дне.

Важно отметить, что Конвенция не просто провозглашает цели, но и создает действенный механизм разрешения споров. Государства могут выбирать между несколькими процедурами, одной из ключевых среди которых является Международный трибунал по морскому праву (МТМП), базирующийся в Гамбурге. Трибунал активно использует положения ЮНКЛОС для разрешения сложных споров, находя тонкий баланс между суверенными экономическими интересами государств в использовании морских ресурсов (будь то рыболовство, добыча полезных ископаемых или прокладка подводных кабелей) и императивными экологическими требованиями.

Показательным в этом отношении является консультативное заключение МТМП от 2011 года относительно ответственности государств за деятельность в Районе. Трибунал разъяснил, что государства не только несут прямые обязательства по защите морской среды, но и обязаны обеспечивать, чтобы частные подрядчики, ведущие глубоководную добычу, соблюдали экологические стандарты, причем ответственность государства наступает даже в том случае, если оно выполнило все свои внутренние процедурные требования, но не проконтролировало фактическое соблюдение контрактором природоохранных норм. Кроме того, в спорах о незаконном рыболовстве (например, дела о быстрой выдаче судов) Трибунал последовательно подчеркивает, что сохранение живых ресурсов и устойчивое управление рыбными запасами являются не просто рекомендациями, а юридическими обязательствами, которые могут ограничивать экономическую свободу судовладельцев и государств флага. Тем самым МТМП формирует прецедентную практику, в рамках которой экономическая выгода от эксплуатации морских ресурсов не может быть единственным критерием, а должна неизменно соизмеряться с долгосрочной задачей сохранения морских экосистем для будущих поколений.

Хотя статья 38 Статута Международного Суда ООН относит судебные решения к вспомогательным источникам международного права, на практике они играют значительную роль в формировании экологических стандартов. Консультативное заключение Международного Суда ООН от июля 2025 года стало поворотным моментом в правовом регулировании климатических обязательств государств. Суд подтвердил, что государства обязаны по международному праву защищать климатическую систему от последствий выбросов парниковых газов, а непринятие надлежащих мер по защите климатической системы, включая производство и потребление ископаемого топлива, выдачу лицензий на разведку ископаемого топлива или предоставление субсидий на ископаемое топливо, может представлять собой международно-противоправное деяние.

Эволюция подходов в практике международных судов по экологическим спорам демонстрирует последовательное движение от антропоцентрической парадигмы, где доминировал приоритет экономических интересов, как в деле о рыбных промыслах между Великобританией и Исландией, через переходный период в 1990-2000-е годы, отмеченный делом «Габчиково-Надьмаро», где экологические факторы начали учитываться наряду с экономическими, к экоцентрическому подходу 2010-х годов в делах о целлюлозных заводах и китобойном промысле, где экологические интересы получили приоритет при учете экономических последствий. Современный интегративный подход, воплощенный в консультативном заключении МС ООН 2025 года, характеризуется сбалансированным учетом интересов нынешних и будущих поколений.

Яркой иллюстрацией этой проблемы является ситуация с трансграничным загрязнением между Россией и Китаем. Как отмечается в исследованиях, Российская Федерация не может требовать возмещения ущерба через международные судебные инстанции, поскольку Китай не является участником Конвенции ООН о трансграничном воздействии промышленных аварий, а двустороннее соглашение между странами не предусматривает возможности передачи спора на разрешение какому-либо международному суду. Несмотря на наличие Декларации 2006 года о важности совместных усилий по защите окружающей среды и Соглашения 2008 года о рациональном использовании и охране трансграничных вод, стороны не установили механизм разрешения споров о возмещении вреда.

Консультативные заключения Международного Суда ООН, включая историческое заключение от июля 2025 года по климатическим обязательствам, не носят обязательного характера. Хотя они обладают большим авторитетом и могут стать основой для судебных исков, переговоров и пересмотра государственной политики, механизм принуждения к их исполнению отсутствует. Это создает ситуацию, когда государства могут игнорировать решения международных судов без значительных правовых последствий.

Опыт Камеры по разрешению международных экологических споров при Международном Суде ООН показал ее невостребованность: с 1993 по 2006 год ни одно государство не обратилось за помощью для разрешения межгосударственных экологических споров. Это свидетельствует о недоверии государств к существующим механизмам разрешения экологических споров и их предпочтении дипломатических переговоров судебным процедурам.

Для решения выявленных проблем предлагается комплекс мер. Перспективным направлением является разработка и принятие Комплексной международной экологической конвенции под эгидой ООН. Такой документ должен кодифицировать основные принципы международного экологического права, включая принцип «загрязнитель платит», принцип предосторожности, принцип устойчивого развития и принцип межпоколенческой справедливости. Конвенции следует установить четкую иерархию экологических и экономических интересов с учетом дифференцированной ответственности государств, создать механизм обязательного разрешения споров для всех участников, а также ввести дифферен-

цированные стандарты для стран с разным уровнем экономического развития, предусмотрев специальные переходные периоды и механизмы финансовой и технологической поддержки для развивающихся стран.

Практика международных судов демонстрирует постепенную эволюцию от полного запрета экологически опасной деятельности к ее взвешенному ограничению, основанному на комплексном учете экологических и экономических факторов. Историческое консультативное заключение Международного Суда ООН от июля 2025 года стало важным шагом в этом направлении, подтвердив обязательства государств по защите климата и установив правовые последствия их нарушения.

Список литературы

1. Устав Организации Объединенных Наций. – Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1945. – 54 с.
2. Гаджиалиева Н. Ш., Аллахвердиев И. М., Баталов Р. С. Влияние экологического законодательства на защиту прав на землю и разрешение земельных споров // Human Progress. – 2025. – № 5. – С. 34-47.
3. Бросалина А. А. Баланс публичных и частных интересов в осуществлении экологической функции государства и обеспечении экологической безопасности: теоретико-правовые аспекты // Актуальные проблемы государства и права. – 2024. – № 2. – С. 98-103.
4. Касаткин А. В. Освоение Северного морского пути: соотношение экологических и экономических интересов государства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2025. – № 1. – С. 100-115. – С. 15-19.

References

1. Charter of the United Nations. – New York: United Nations, 1945. – 54 p.
2. Gadzhialieva N. Sh., Allahverdiev I. M., and Batalov R. S. The Impact of Environmental Legislation on the Protection of Land Rights and the Resolution of Land Disputes // Human Progress. – 2025. – No. 5. – Pp. 34-47.
3. Brosalina A. A. The Balance of Public and Private Interests in the Implementation of the State's Environmental Function and Ensuring Environmental Security: Theoretical and Legal Aspects // Current Issues in State and Law. – 2024. – No. 2. – Pp. 98-103.
4. Kasatkin A. V. Development of the Northern Sea Route: Correlation of Environmental and Economic Interests of the State // Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law". – 2025. – No. 1. – Pp. 100-115. – Pp. 15-19.

Требования к оформлению научных статей, материалов, направленных в редакцию журнала «Аграрное и земельное право»

Статья должна содержать название; фамилию, полные имя и отчество автора, его учёную степень, учёное звание, место работы, должность, место учёбы, контактную информацию, почтовый адрес. Все должно быть с переводом на английский язык. **Обязательно указываете шифр научной специальности.**

Все материалы должны предоставляться в редакцию в электронном виде: через 1,5 компьютерных интервала, 14 шрифтом (*Times New Roman*), ссылки в квадратных скобках, например, [1], либо [1, с. 56], в формате *Microsoft Word* по электронной почте **prigos@mail.ru.**

Объём материала не должен превышать 25000 знаков (с пробелами), страницы должны быть обязательно пронумерованы.

При оформлении ссылок на материалы, полученные из Интернета, обязательно указывать полный адрес материала в Интернете и дату рецепции материала.

Все аббревиатуры и сокращения, кроме общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте. Используемые в тексте нормативные правовые акты должны обязательно содержать дату, номер принятия и полное официальное наименование, а также источник публикации. Обязательно указание источника, номера страниц приводимых цитат, фактических и цифровых данных.

Текст статьи (цитаты, цифры, сноски) должен быть вычитан, сверен и подписан автором.

В конце статьи приводится список литературы, использованный при её написании. Каждый источник должен содержать страницы, на которые Вы ссылаетесь, либо указываете общее количество страниц в источнике.

Журнал принимает к публикации материалы, уровень которых соответствует предъявляемым требованиям.

Статьи авторов, не сообщивших контактную информацию, редакция журнала не принимает к рассмотрению.

Статьи, представленные на рассмотрение, должны иметь:

1. Индекс УДК, соответствующий теме статьи (ставится сверху слева);
2. Шифр научной специальности;
3. Краткую аннотацию и ключевые слова или словосочетания на русском и английском языках;
4. В статье необходимо сформулировать рассмотренную проблему, отразить объект исследования, новизну результатов исследования и область их применения. Статья должна заканчиваться выводом;
5. Список литературы должен быть на русском и английском языках.

Справки по вопросам публикации статей и других материалов по электронной почте prigos@mail.ru

Порядок рецензирования рукописей:

1. Статья, предоставляемая в научный журнал, должна соответствовать профилю журнала.
2. Рукописи рассматриваются редакционным советом, оставляющим за собой право сокращения и исправления присланных статей. Решение о публикации принимается на основании экспертных оценок внешних рецензентов, редакционной коллегии с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.
3. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом. После доработки статья повторно рецензируется, и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 1 (одну) неделю после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.
4. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо отослана автору на доработку, либо принята к публикации. О результатах автор уведомляется письменно.
5. Редсовет журнала предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии. **Рецензии хранятся в Издательстве и в редакции 5 лет.**
6. Редсовет журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и не возвращаются обратно автору.
7. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов.
8. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Триада-С»
141080, Россия, Московская обл., г. Королев, Калининградский проезд, д. 1. Тел. (495) 287-41-30
Дата выхода в свет 27.07.2026.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 31,25 п.л. Формат 60x90/8. Тираж 34 экз. «Свободная цена».